

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 5

Мир в XIX веке:
на пути
к индустриальной
цивилизации

НАУКА

Annotation

Том посвящен ключевым проблемам «долгого XIX века» (от Великой французской революции до Первой мировой войны), осмысленным с позиций новейших достижений исторической науки, — промышленной революции, урбанизации, а также научно-техническому прогрессу и экономическому росту, становлению современных политических институтов гражданства, конституционализма и парламентаризма, идеологиям либерализма, консерватизма, социализма, национализма, колониальному переделу мира и невиданному в истории господству Европы. Издание включает в себя вводный теоретический раздел, обобщающий историю столетия во всем мире и делающий акцент на возросшую интенсивность макропроцессов в рассматриваемый период, а также главы, в которых описана история отдельных стран — империй и национальных государств. Для историков и широкого круга читателей.

-
- [Введение](#)
- [Становление индустриального общества: тенденции глобализации](#)
 - [Промышленная революция в XIX веке](#)
 - [Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции](#)
 - [Социальные процессы](#)
 - [Языки культуры XIX века](#)
 - [Образование и наука](#)
 - [Медицина XIX века](#)
 - [Религия и церковь](#)
 - [Политика и общество](#)
- [Мир-система XIX века: империи и нации](#)
 - - [Империя и нация в «долгом XIX веке»](#)
 - [Европа и мир: тернистый путь к глобальной системе государств](#)
 - [Pax Britannica: Великобритания](#)
 - [Pax Britannica: доминионы](#)
 - [Pax Britannica: Индия](#)
 - [Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии](#)

- [Закат испанской империи](#)
- [Португалия: угасание великой империи](#)
- [Нидерланды: маленькая европейская страна — большая колониальная держава](#)
- [Бельгия: королевство и империя](#)
- [Юго-Восточная Азия: от традиционного к колониальному обществу](#)
- [Африка южнее Сахары: локальные цивилизации и колониальный раздел](#)
- [Переходный век монархий Запада и Востока: от старого порядка к модерну](#)
 - [Русский XIX век](#)
 - [Габсбургская монархия в XIX веке: от абсолютистской империи к конституционному государству](#)
 - [Османская империя в XIX веке: долгие поиски обновления](#)
 - [Арабский мир](#)
 - [Иран под властью династии Каджаров](#)
 - [Китай и мир: противоречивые процессы модернизации](#)
- [Национальная идея, становление и развитие национальных государств](#)
 - [Япония на пути в «клуб великих держав»](#)
 - [Германия: воплощение национальной мечты](#)
 - [Италия в XIX веке: Рисорджименто](#)
 - [Северная Европа на пути к благоденствию](#)
 - [Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе](#)
- [Новые судьбы Нового Света](#)
 - [Западное полушарие: преемственность и перемены](#)
 - [США: на пути к могуществу](#)
 - [Латинская Америка: век независимости](#)
- [Межгосударственные и международные отношения в XIX — начале XX века](#)
 - [Наполеоновские войны и Венская система международных отношений](#)
 - [Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века](#)
 - [Мировая политика последней трети XIX — начала XX века](#)
- [Заключение](#)
- [Приложения](#)

- [Хронологическая таблица](#)
- [Избранная литература](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик РАН А. О. ЧУБАРЬЯН (главный редактор)

член-корреспондент РАН В. И. ВАСИЛЬЕВ (заместитель главного редактора)

член-корреспондент РАН П.Ю. УВАРОВ (заместитель главного редактора)

доктор исторических наук М.А. ЛИПКИН (ответственный секретарь)

член-корреспондент РАН Х.А. АМИРХАНОВ

академик РАН Б.В. АНАНЬИЧ
академик РАН А.И. ГРИГОРЬЕВ
академик РАН А.Б. ДАВИДСОН
академик РАН А.П. ДЕРЕВЯНКО
академик РАН С.П. КАРПОВ
академик РАН А.А. КОКОШИН
академик РАН В.С. МЯСНИКОВ
член-корреспондент РАН В.В. НАУМКИН
академик РАН А.Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор исторических наук К.В. НИКИФОРОВ
академик РАН Ю.С. ПИВОВАРОВ
член-корреспондент РАН Е.И. ПИВОВАР
член-корреспондент РАН А.П. РЕПИНА
академик РАН В.А. ТИШКОВ
академик РАН А.В. ТОРКУНОВ
академик РАН И.Х. УРИЛОВ

Ответственный редактор тома доктор исторических наук В.С.
МИРЗЕХАНОВ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 14-01-16-072*

Редакционная коллегия:

С.Б. Вольфсон (ответственный секретарь), А.А. Исэров, Е.В. Котова,
А.Г. Матвеева, А.С. Намазова, В.С. Мирзеханов (ответственный редактор),
О.В. Окунева, В.В. Рогинский, Г.А. Шатохина-Мордвинцева

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.А. Вишленкова,
доктор исторических наук П.П. Черкасов

Введение

XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени

Говоря о XIX веке, мы сразу задумываемся о содержании этого понятия: был ли XIX век лишь изобретением историков, либо это модель исторического времени — элемент самосознания человечества? Как «конструировался» XIX век, с чем его ассоциировали современники и потомки, справедливо ли называть его, как когда-то, «веком капитала»? Быть может, уместнее определения «век ускорения», «век прогресса», «век научного разума»? Или он был в первую очередь «веком революций», «веком социальных конфликтов», «веком избавления от рабства»?

Эпохи отличаются одна от другой во времени, как страны в пространстве, и когда говорится о XIX в., мы представляем себе, каждый по-своему, какое-то цельное, яркое, динамичное, сравнительно благополучное время, резко отличающееся от того, что было до, и от того, что настало после. Не подлежит сомнению, что у XIX в. была своя уникальность, позволяющая отличать его от других столетий. Временной континуум XIX в. осознается как эпоха вхождения в современность. Понятие «XIX век» связывается с опытом ускорения времени и ассоциируется с модерностью/современностью как антиномией вечности. При этом название этого века, его нумерация, берет начало в христианской системе исчисления времени, и данное обстоятельство не раз побуждало историков задаваться вопросом, был ли девятнадцатый век у мусульманских народов, у китайцев, у индусов и многих других, живших за пределами западного мира. И если признать такую идею, то не будет ли тогда более правильным говорить об этом столетии, как исключительно «веке Европы», «веке Запада», «веке подъема германского духа», «веке британского могущества»? Однако сегодня существует все больше свидетельств того, что не только Европа, но и остальной мир всегда пребывали в пространстве исторического процесса, следовательно, не вполне верно говорить, что «пробуждение Азии» началось только в XX в. Благодаря всё новым источникам исследователи с некоторым удивлением продолжают «открывать» наличие истории, а значит и XIX в. повсюду, даже там, где не было письменности — в царстве «печальных тропиков» и на заброшенных островах Тихого океана.

Если признать, что история — не только удел великих персонажей, но и вся та почти неподвижная повседневность материальной жизни, которая традиционно скрывалась от глаз летописцев и архивариусов, то у всякого века, в том числе девятнадцатого, должно присутствовать и данное измерение. При таком понимании истории XIX век — еще и «век пара и электричества», «век телеграфа и железных дорог», «век скоростных сообщений», «век фотографии». Но, кроме того, это «век стали и чугуна», «век химических удобрений и травосеяния», «век новых продуктов питания и новых лекарств», если иметь в виду хинин, благодаря которому европейцам удалось совладать с малярией и начать экспансию в жаркие страны.

Наше современное понимание XIX столетия является многомерным, при этом мы не ощущаем этот век как иной/прошедший, не воспринимаем его как отчужденное прошлое. XIX век кажется близким, понятным и данным нам почти что в ощущениях. Мы пытаемся схватить его суть, имея в виду огромное множество черт этого времени, столь значимых и для тех, кто в нем жил, и для тех, кто пришел в него потом. Уникальная природа века проистекает из его невиданного разнообразия и, конечно же, из что наша связь с этим веком все еще сохраняется. Мы связаны с ним благодаря бесчисленным родословным ныне живущих людей, благодаря нашему языку, нашим обычаям и нашей вере, а также нашей памяти, которая все еще продолжает цепляться за этот век с помощью семейных фотоальбомов, тех песен, что пели наши прапрадеды, и тех заветов, что они читали. Но время идет, безжалостно ослабляя эту тонкую связь. Поэтому каждый взгляд в это недавнее прошлое позволяет удерживать его перед собой как некий целостный образ, как символ, без которого наше понимание собственного настоящего и самих себя будет неполным.

История «глобального XIX века» требует прояснить исследовательские отношения с «веком» как аналитической категорией. Когда начался и когда закончился XIX век? Если отвечать на этот вопрос, не привязываясь к календарным датам, возможно, придется взять более значимые исторические ориентиры.

В глобальной перспективе еще труднее, чем только для России или Европы, установить содержательное, а не только формально-календарное начало XIX в., в ходе которого формировались и обретали нормативную силу несущие элементы и практики модерна в мире. Если даже в определении различных эпох европейской истории не существует единого мнения, то задача создания периодизации мировой истории представляется еще более сложной. Политические даты вряд ли могут здесь помочь. До

XX в. ни один год не стоит рассматривать как эпохальный для всего человечества. Можно представить Французскую революцию ретроспективно как событие универсального воздействия на последующую историю, но с точки зрения воздействия на жизнь неевропейских обществ она не была переломным событием. Политическое начало XIX в., следовательно, невозможно фиксировать хронологически. С некоторого исторического расстояния момент, когда начинается XIX в., видится несколько рассредоточенным во времени. В какой-то мере то же самое можно сказать и о его финале. Картина усложняется, если добавить еще одну переменную. Крайне сложно вписать периодизацию, взятую из политической истории, в хитросплетение периодизаций других полей прошлого, связанных с политикой, — религии, искусства, идей, общества, экономики.

В 1800 г. единый календарный порядок еще не имеет обязывающего характера, системы организации времени в мире весьма разнообразны. На фоне такой «подвижности» календарных порядков власть чисел уже не очевидна, а календарные границы исторического времени оказываются, скорее, спорным моментом, чем единственной правомерной точкой отсчета.

XIX век, как и любой другой, представляется структурой, состоящей из напластований множества разновременных процессов. Там есть идеологические, политические и культурные слои, которые проходят через все столетие, соединяя его с XVIII в. и выводя прямо в XX в. Но попадают и другие, прерванные, наложившиеся друг на друга, «переплетенные» между собой (Р. Козеллек). Для того чтобы охватить все эти разнообразные слои, необходимы самые гибкие эвристические инструменты: это в равной степени относится и к вопросу периодизации, и к жестким цезурам между эпохами, основанным на произвольных, неочевидных обстоятельствах, событиях и ориентирах.

В историографической традиции последних десятилетий XIX столетие предстает в удлинненной и укороченной версиях, «долгим» и «кратким», «длинным» и «коротким» (начиная с 1776, 1789, 1815 и даже 1848 гг. и заканчивая, как правило, но не всегда, 1914 г.). Так, Ю. Остерхаммель в монументальном труде «Преображение мира. История XIX века» заканчивает век 1918 г.

При этом XIX в. не получил особого обозначения, подобно своему предшественнику, вошедшему в историю как «век Просвещения». Мы имеем дело с безымянным, фрагментированным веком, неким затянувшимся переходным периодом между предшествующим и последующим столетиями, которые, как считается, имеют более

отчетливые контуры. Э. Хобсбаум, который написал одну из лучших обзорных историй Европы со времен Французской революции, не дает этому столетию — в его интерпретации «длинному» — какого-либо всеобъемлющего названия, но разделяет на три эпохи: эпоху революции (1789–1848), эпоху капитала (1848–1875) и эпоху империи (1875–1914). В случае XIX в. малосодержательность крайних дат подчеркивает формальность их выделения. Ни календарное начало, ни календарное окончание века не совпадают с глубокими историческими цезурами. XIX век выступает предысторией современности. Трансформации, которые начались в XIX в. и были для него характерны, за редкими исключениями, радикально прервались в 1914 г. Поэтому XIX век со всеми указанными оговорками вполне может считаться «долгим веком». И в этом смысле он чем-то повторяет восемнадцатый, который тоже остался в исторической памяти как век, длившийся дольше отмеренного ему календарем. Концепция «долгого XIX века» имеет свои плюсы и минусы. Исходя из контекста глобальной истории, внешние границы динамического поля «долгого XIX века» могут быть определены 1789 и 1914 годами. Великая Французская революция и Первая мировая война представляют собой главные вехи для контекстуализации имперской и национальной перспективы в европейской и глобальной истории XIX в. Эта историческая эпоха отмечена утверждением капиталистических отношений и стандартов классического модерна. «Долгий XIX век» олицетворяет буржуазное общество, национальную государственность, имперские системы, индустриальные производственные отношения, техническую и интеллектуальную рационализацию, инновационное и прогрессистское мышление.

Представление о «долгом веке» подразумевает периодизацию исторического времени вне календарных границ одного столетия. Такая концепция подчеркивает эпохальный характер некоего отрезка времени, зафиксированного только формальным образом. Она изначально отличается критическим характером, ее применение связано с проверкой устоявшихся категорий и принципов обобщения больших хронологических единиц прошлого. В этом контексте сама идея «долгого XIX века» предполагает акцент на динамичности, разнонаправленности и — отчасти — на парадоксальности процессов развития, характерных для данного периода. Необходимым условием наблюдения становится всемирная перспектива, побуждающая к глобальному взгляду на феномены, события и действующих лиц.

Предложенные выше хронологические и событийные отметки на

шкале «долгого XIX века» касаются в первую очередь таких областей, как политика, идеология, международные и межгосударственные отношения. Проверить и продлить этот аргументативный ряд следует по отношению к экономике, институтам власти и социальному устройству в целом; помимо этого, необходимо обратить особое внимание на повседневные практики, чтобы более широко охватить социальные формации этого времени.

Концепт «долгого XIX века» предполагает не столько когерентность эпохи, сколько внимание к динамике развития: речь идет о поиске «непрерывностей» в истории «переходов и трансформаций». В этой связи следует выделить следующие моменты.

Сама идея расширенного XIX столетия подразумевает «множественность модерностей». «Долгий XIX век» охватывает как «прогрессивные», так и «консервативные» сценарии, которые разрабатывались и успешно реализовались в различных формах на всех континентах. Понятие «долгий XIX век» облегчает поиск системы координат для маркировки динамического поля возникновения «современности». Это дает возможность уточнить характеристику исторических феноменов — их дублирование, асинхронность одновременного или гетерогенность вместо гомогенных, задающих ценность описаний.

Около 1800 г. современниками были предварительно сформулированы основные способы восприятия и картины мира модерна. Центральными идеями временной модели и в XIX в. остаются цивилизация, просвещение и прогресс. XVIII век вырастает в девятнадцатый и создает определенный баланс ожиданий. Век Просвещения предстает здесь как своего рода лаборатория модерна. Проектировались и обсуждались модели нового, которые в следующем веке осмыслены как «современность». Сравнение темпоральных моделей взаимосвязанных веков обнаруживает кардинальное отличие в понимании ритма времени. В «политическом времени» XVIII в., призванном поддерживать стабильность Ancien Regime, было невозможно «спешить», «отставать» или «опаздывать». Для следующего столетия характерна динамическая модель: хребтом века становится прогресс вместо статической модели Просвещения, в XIX в. всё приходит в движение, и желающим не отстать от прогресса предлагается «вскакивать на подножку»; парадигма «догнать» и «перегнать» вызывает фрустрацию от недостижимости этой цели.

Не следует, однако, слишком наивно пускаться в поиски переломных эпох и исторических сдвигов. То, что всемирная история еще в меньшей степени, чем истории наций или континентов, поддается «нарезке» на

выверенные с точностью до года временные сегменты — факт более чем очевидный. Границы эпох различаются не с помощью глубокого понимания их объективного «смысла» — они проявляются во взаимоналожении многочисленных более тонких сеток времени. Поэтому наряду с грубыми делениями на эпохи не меньший интерес представляют тонкие периодизации (Ю. Остерхаммель). Их необходимо создавать для каждой пространственной единицы, для каждого человеческого общества и для каждой сферы бытия — от истории окружающей среды до истории искусства. Такие хронологии нужны как для ориентации непрофессионального исторического сознания, так и в качестве аналитических инструментов историков.

Ф. Бродель в созданной им теории исторических времен подчеркивал, что восприятие временных категорий и оценка быстроты или медленности того или иного процесса зависят от подходов и исследовательских задач историка. В модусе «событийной истории» возможно описание сражения по минутам и часам, а изменения в истории климата реально проследить только в масштабах столетий, тысячелетий.

Следует учитывать, что в фокусе всемирной истории часто находятся необычайно долговременные цепи взаимосвязей. Индустриализация, например, может датироваться для отдельно взятых европейских стран несколькими десятилетиями. Напротив, как глобальный процесс она продолжается и по сегодняшний день. Однако нарратив всемирной истории наряду с такого рода широкими временными отрезками подразумевает в ряде случаев и скрупулезный отсчет — по годам, месяцам, дням, часам и даже минутам. Надлежит использовать временные параметры эпох, отдавая себе отчет в скорости и направлении изменений. Исторические процессы разыгрывались не только внутри различных временных рамок. Их нельзя просто разделить на короткие, средние и длительные. Они различаются также в зависимости от того, как протекают: последовательно или прерывисто, совокупно или разрозненно, обратимо или необратимо, с постоянным или меняющимся темпом. Можно выделить повторяющиеся процессы и имеющие неповторимый характер. «Особенно интересны те трансформационные процессы, — отмечает Ю. Остерхаммель, — которые рождают последствия в пространстве между несколькими категориальными полями, различаемыми историками: воздействия окружающей среды на социальные структуры или воздействия специфики менталитета на экономическое поведение».

Таким образом, необходимо признать, что календарное течение времени и исторический взгляд на время могут не совпадать. Поэтому

вопрос о начале и конце XIX в., даже при самых первых попытках дать на него ответ, предполагает отступление от простой хронологии и решается множеством различных способов. Всякий исторический взгляд на временные пределы этого столетия будет всего лишь результатом очередного более или менее широкого консенсуса по этому вопросу.

Характеризуя XIX в., Ф. Бродель отмечал: «Это был грустный, полный драматических событий и гениальный век. Грустный, если думать об уродливости повседневной жизни в нем; драматический, если помнить о череде потрясавших его восстаний и войн; гениальный, если иметь в виду научно-технический и даже социальный (хотя и в меньшей степени) прогресс, ознаменовавший данное столетие».

Такой прогресс (при всей его неравномерности в различных сферах) неразрывно связан с индустриализацией. Она, в свою очередь, также не происходила одномоментно: наряду с современными везде оставались традиционные секторы экономики. В XIX в. благодаря динамичным сдвигам в экономике, росту участия населения в политических процессах традиционные жизненные уклады подвергались пересмотру. В то же время эти перемены совершались на локальном, региональном и глобальном уровнях с весьма разной скоростью. Даже в Европе большие территории долгое время оставались лишь в минимальной степени или вовсе не затронуты такими процессами.

Именно поэтому уже в названии данного тома «Всемирной истории», который читатель держит в руках, — «Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации» — мы постарались отразить идею длительности и асинхронности индустриальных и социальных преобразований в разных частях света.

В XIX в. на смену аграрной цивилизации пришла индустриальная (сами термины «индустриальный» и «индустриальное общество» впервые были сформулированы французским мыслителем А. де Сен-Симоном, а затем получили широкое распространение благодаря работам Ж.-А. Бланки, О. Конта и Г. Спенсера), до предела обострившая политические конфликты и социальные противоречия. Мы будем говорить об «индустриальном обществе» и об «индустриальной цивилизации» как о понятиях, описывающих разные аспекты одной и той же экономической реальности. Кроме того, термин «индустриальная цивилизация» наиболее точно отражает видение мира XIX в. современниками.

Переход аграрного общества к индустриальному повлек за собой глобальные экономические, технологические, демографические,

социальные и культурные перемены (см.: «Промышленная революция XIX века», «Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции», «Языки культуры XIX века»).

Капитализм стал основным укладом экономики и преобразил образ жизни во всем мире. Промышленная революция изменила мировую экономику, появилось глобальное разделение труда. Она подорвала основы доиндустриальной экономики, которая держалась на экономической мощи аристократии, владевшей землей — главной ценностью аграрного общества. С победой промышленной революции окончательно утвердились рыночная экономика и капитализм. Индустриальная революция закрепила и упрочила торговое и военное превосходство Европы над остальным миром.

Индустриализация и промышленная революция породили новые вызовы, на которые многие страны ответили масштабными реформами, обернувшимися переменами во всех сферах общественной жизни. Ликвидация крепостничества в России, Гражданская война и отмена рабства в США, революция Мэйдзи в Японии, создание первого британского доминиона в Канаде, Рисорджименто (образование единого итальянского государства), объединение Германии — все эти события изменили картину мира и соотношение сил в нем.

XIX век продолжил борьбу со Старым порядком, начатую Французской революцией. По словам французского философа и историка А. де Токвиля, эта революция не имела территории: она породила цепную реакцию революций первой половины XIX в. далеко за пределами самой Франции и даже Европы. К середине столетия в мире появляется новый политический и идеологический ландшафт, в рамках которого сосуществовали и боролись друг с другом либерально-демократические, консервативные, социалистические, анархистские течения и общественно-политические образования.

Революции 1848–1849 гг. завершили демонтаж институтов Старого порядка в передовых странах Европы, и с середины столетия начинается «буржуазная эпоха». Однако революции XIX в. не всегда оказывались теми «локомотивами истории», о которых говорил К. Маркс. Известны примеры и консервативных, антимодернистских движений, отбрасывавших страны в прошлое.

После «бурного» 1848 г. в странах Европы и Америки утверждаются принципы правового государства, верховенства закона, политических свобод и свободы предпринимательства. Во второй половине века меняется тон и смысл политических баталий, революционные волны пошли на спад,

им на смену пришли легальные формы борьбы за социальные реформы и политическую либерализацию.

Разрушение Старого порядка продолжилось путем реформ, которые позволяли избежать насилия при решении экономических и социальных проблем. Выбор инструмента модернизации общества — революции или реформы — зависел не только от соотношения традиционного и современного укладов. Он определялся и готовностью элит к компромиссам, и степенью радикализации социальных низов, и, конечно, способностью государственных институтов адекватно реагировать на вызовы эпохи (см.: «Политика и общество»).

XIX век по праву считается «золотым веком» мировой культуры. Радикально изменились культурные стандарты и культурные практики. Развитие системы образования резко увеличило количество грамотных людей, благодаря успехам промышленной революции вырос жизненный уровень населения. Сокращение продолжительности рабочего дня привело к тому, что у многих людей, прежде всего горожан, появился досуг. Именно в городах сложились условия для того, чтобы масса людей, а не только образованная элита, приобщалась к культурной жизни. Появилось новое историческое явление — массовая культура. Большинство образованных горожан стали читателями, посетителями выставок, зрителями в театрах. В середине XIX в. Британский музей, где собраны сокровища мирового искусства, по выходным дням посещали более 30 тыс. человек.

В аграрной цивилизации мировоззрение людей, их вкусы и потребности во многом определялись традицией. В индустриальном обществе важную роль в формировании общественного сознания стали играть средства массовой информации. Тиражи газет и журналов многократно выросли, любое событие культурной жизни приобретало, таким образом, общественную значимость. С появлением массовой культуры писатели, художники, артисты, журналисты стали более независимы от вкусов и покровительства представителей элиты. Они стали частью быстро растущего среднего класса.

XIX век изменил отношение к человеческой личности, к индивиду. Вместо подданных, делившихся на сословия с разными правами и обязанностями, появились граждане, равноправные политически (через развитие системы всеобщего избирательного права) и юридически. Однако имущественное неравенство по-прежнему существовало, более того, углублялось по мере развития капитализма (см.: «Социальные процессы»).

Пятый том построен в двойной перспективе. С одной стороны, обобщенная картина мира дается через описание экономического развития,

демографических изменений, социальных процессов, образования и культуры, политики и общества. С другой, все эти явления имеют локальную «привязку» и представлены через историю отдельных государств и регионов: империй, национальных государств, колоний и зависимых стран. Мы попытались ответить на один из фундаментальных вопросов всемирной истории: почему Великобритания в XIX в. получила такую власть над миром и стала определять стандарты и тенденции развития Старого и Нового Света? Британский мир представлен в трех измерениях: метрополия — доминионы — колонии (см.: «Pax Britannica: Великобритания», «Pax Britannica: Доминионы», «Pax Britannica: Индия»).

Другим значимым субъектом мировой истории XIX столетия была Россия, для которой этот век стал временем надежд и разочарований. Следы этой эпохи в судьбах Российской империи грандиозны, многогранны и противоречивы. Россия была на редкость разноликой, познала и триумфы, и унижения. История «русского XIX века» — сложный и динамичный процесс, в котором высокие культурные достижения соседствовали с отсталостью, самобытность национального гения — с рутиной и архаикой. Эта противоречивость обусловлена расположением России на пересечении двух культурных миров: Запада и Востока (см.: «Русский XIX век»).

Тем не менее при всех трудностях и потрясениях общая тенденция развития России на протяжении века неизменно оставалась восходящей: от самодержавного произвола к началам законности, свободы и демократии. При этом России удалось ответить на многие вызовы модернизации, провести комплекс реформ и стать одной из ведущих держав мира.

Особое место в томе занимает история межгосударственных и международных отношений. Предпринятая после окончания Наполеоновских войн попытка создания континентальной системы безопасности (Священный союз) привнесла равновесие и баланс сил ведущих государств Европы. Священный союз был попыткой европейских монархов построить такой мировой порядок, который исключал саму возможность возникновения масштабных войн. На многие годы на континенте воцарился мир и конфликты между странами стали решаться путем соглашений и переговоров. Ключевую роль в оформлении и поддержании этой системы безопасности и равновесия играла Россия (подробнее см.: «Наполеоновские войны и Венская система международных отношений», «Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века»). В конце XIX в., с утверждением принципов «реальной политики» и ростом милитаризма,

военная сила вновь становится главным фактором мировой политики.

Историк анализирует источники для понимания ментальности периода, общества, культуры, человека. История — это, по определению, повествование об ушедших, или, как сказал М. Хайдеггер, «об однажды живших». История — это не только драматический конфликт идей, социальных движений, но и поиск смысла. Просто «объективное» (квантитативное или фактологическое) описание того, что случилось в определенные времена, эпохи, не работает. При обращении к историческому анализу событий и процессов XIX в. важно найти баланс между явлениями и тенденциями, между детерминизмом «исторических закономерностей» и прерывистостью, между случайностью и контингентностью истории.

Историк не столько представляет аргумент, факт, сколько предлагает презентацию морального или этического значения событий и явлений. Историописание — это вид дискурса о прошлом или об отношениях между прошлым и настоящим. Главное — не рассуждать юридическими категориями. Правовой подход, четко разделяющий хорошее и плохое, жертв и палачей, приводит к уменьшению интерпретационных смыслов истории. В изучении прошлого, в попытках социализировать историческую память не должно быть места «ошибкам памяти», способным перестроить прошлое, чтобы удовлетворить нужды настоящего.

В историописании XIX в. исключительную роль сыграл пафос «канонизации» нации и национального государства. Нация была возведена на пьедестал, национальные нарративы задавали рамки исторического повествования и в XIX, и в XX вв. Идея нации, ее культурная и территориальная составляющие стали предметом анализа в культовых работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, М. Гроха и Э. Хобсбаума. Несмотря на аргументированную критику категории нации-государства социальными историками, нация возвращается как *perpetuum mobile*, как заранее заданный пункт назначения истории. Но этого недостаточно для изображения всей сложности процессов.

Исторические рефлексии о XIX в. как эпохе «первой современности», окрашенные в национальные тона, часто не учитывают более общие имперские, региональные и межнациональные идентичности, рассматривая их лишь как тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. Такой подход связывает модерную государственность XIX в. только с нациями-государствами. Не учитываются глубинные взаимосвязи национального и имперского

проектов, противопоставляются нация-государство и империя как две совершенно разные, несовместимые формы политической организации (подробнее см. «Империя и нация в “долгом XIX веке”»).

XIX в. был веком империй и национализма, а не только веком наций-государств. Поэтому при определении XIX в. современной исторической наукой должны приниматься в расчет не только национальные векторы, но и многообразие имперских практик.

Начиная с классического труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи», история империй писалась ретроспективно как история неуклонного шествия к распаду. На взгляд историков нового и особенно новейшего времени, империя представлялась нелегитимным, следовательно, нежизнеспособным социальным и политическим явлением; доминировал сценарий упадка и распада, телеология неизбежного падения и краха империй.

Для того чтобы концепция XIX в. «работала», в имперской и национальной историографиях использовались различные параметры: территориальности и языкового единства, имперского права и вероисповедания, лояльности по отношению к империи и соучастия в идее нации. XIX век был ключевым в оценке исторической роли и достижений империй или — назовем их так — «составных государств» (А. Каппелер). Если для одних историков, приверженцев национальных нарративов, XIX столетие было решающей эпохой на пути предначертанного заката империи и различных национальных возрождений, то другие, сторонники имперского подхода, видели в той же эпохе прогрессивную правовую интеграцию, охраняемые конституцией личные права и невиданный культурный расцвет. Эти «другие» работают как будто в других «имперских» временных слоях, если использовать здесь терминологию Р. Козеллека. Подводить итоги конкуренции двух интерпретаций истории XIX в. вряд ли продуктивно. Новые научные данные об эпохе показывают, как минимум, столько же слоев непрерывности в развитии империй, сколько было траекторий неизбежного упадка. Эти новые находки требуют иной, комплексной теории, для того чтобы придать смысл XIX в., воспринимаемому отныне не в качестве прелюдии к распаду империй. Здесь уместнее было бы соотносить различные линии развития, нежели выделять одну из них (политическую, экономическую, культурную) или делать общие выводы, основываясь на анализе только своего исследовательского поля. В таком разрезе глобальный взгляд, глобальный подход к истории «долгого XIX века» видится наиболее продуктивным.

Поскольку концепция тома базируется на категориях глобальной

истории, надлежит уточнить некоторые теоретические послы. Современные исследователи все чаще обращаются к истории культурных трансферов, а также транснациональной или взаимосвязанной истории. Термин *transnational history* указывает на основополагающую интенцию сторонников соответствующего подхода — преодоление рамок, заданных национальными нарративами. В историографии есть более удачные понятия «*histoire croisee*», «*entangled histories*», что можно перевести как переплетающиеся, взаимосвязанные истории. Ведь речь идет о процессах и влияниях, которые преодолевают границы не только формирующихся национальных сообществ, но также империй и других не национальных по своей природе обществ и политических образований. Таким образом, сочетание имперского подхода и национальной истории позволяет обратить внимание на явления и процессы, возникающие на границах разных обществ. Это истории потоков, движения, мобильности, сетевых связей, составляющих основу взаимосвязанной, всеобщей, глобальной истории. Ее подходы не исключают, а переосмысливают нацию и империю как историографические категории. Исследования последних лет показали, как тесно связаны истории наций и истории империй, ученые преодолели давнюю традицию, которая подчеркивала бинарную оппозицию и различия между колониальными и континентальными империями, уделив внимание их взаимосвязанным историям, и позволили увидеть имперскую историю, культуру как живую и продуктивную смесь европейских и неевропейских элементов.

В рамках глобального подхода заново получает признание, казалось бы, лежащий на поверхности факт — неразделимость метрополий и колоний, имперских практик на местах и ситуаций внутри самих европейских государств и между ними. Как справедливо отмечает Ф. Купер, европейские колонии никогда не были «пустыми местами», а европейские государства — «самодостаточными образованиями», «Европа была создана ее имперскими проектами, подобно тому, как колониальные столкновения определялись конфликтами внутри самой Европы». Имперский проект, реализовывавшийся в других мирах, и национальный проект в Европе шли параллельно, дополняя друг друга.

В Европе XIX столетия, великом историческом переплетении универсализма и национализма, империй и национальных государств перевес, казалось, склоняется на сторону последних. После краха наполеоновской системы континент раскалывается, национальные государства множатся и усиливаются, тогда как внутреннее напряжение в континентальных империях (Австро-Венгерской, Османской, Российской)

постоянно нарастает. Однако в конце XIX в. на авансцену истории выходят новые формы политического универсализма — колониальные империи, которые создаются в большинстве своем национальными государствами. Универсализм торжествует, но уже не на европейском, а на более высоком уровне, в масштабах всей планеты.

Если в первой половине XIX столетия колониальная экспансия еще встречала сопротивление и в обществе, и в политических кругах, то к последней трети века большинство европейцев гордились своими колониальными империями. Имперская идея и колониальная культура стали важнейшими составляющими массовой культуры. Если прежде колонии рассматривались преимущественно как сфера деятельности военных или место принудительной изоляции антисоциальных элементов, то теперь для населения метрополий они представляются своеобразным «полигоном прогресса», где проходят апробирование новые социальные, политические и экономические технологии. И даже церковь, сталкиваясь со все большей секуляризацией европейских обществ, обращает взор на колонии — в поисках новых прихожан, еще не испорченных пагубным влиянием атеизма.

За несколько десятилетий ряд наций-государств переживают впечатляющее превращение в империи, а часть из них — в великие мировые державы. Это преобразование стало результатом глубокой социально-психологической трансформации обществ. Можно сказать, что в последней трети XIX в. западная цивилизация расширяет не только свои пространственные границы, она меняет свою сущность, осознавая себя как доминирующую культуру.

Чтобы реконструировать глобальную историю XIX в., важно постоянно ставить под сомнение сегодняшние самоочевидности, не исключая самых привычных понятий. Возьмем, к примеру, категорию «Запад». Как христианское «сообщество ценностей», противопоставлявшееся мусульманскому Востоку, эта категория появилась не ранее 1890-х годов. Известно, что оппозиция Запад-Восток восходит к античным космологиям и пространственному мышлению. Однако категория «Запад» возникла в результате расширения трансатлантической модели цивилизации. Когда сегодня говорят о Западе, то предполагают культурное и мирополитическое равенство европейцев и североамериканцев. Но эта симметрия вовсе не казалась очевидной европейцам рубежа XIX–XX вв. С самого начала идея «Запада» была еще менее связана с территорией, чем идея «Востока». Должны ли были переселенческие колонии на других континентах (Канада, Австралия,

Новая Зеландия) принадлежать к Западу? Как можно отказать в этом статусе латиноамериканским странам с высокой долей населения, происходящего из Европы (например, Аргентине или Уругваю)?

В «долгом XIX веке» о «цивилизованном мире» говорили гораздо чаще, чем о «Западе». Это было в высшей мере гибкое и практически не привязанное к месту самоописание. Его убедительность зависела от того, могли ли те, кто считал себя «цивилизованными», внушить это другим. Вместе с тем, начиная с середины XIX в., элиты всего мира старались удовлетворить притязания цивилизованной Европы. В Японии признание страны частью «цивилизованного мира» даже стало целью национальной политики. Европеизация и модернизация означали, таким образом, не только выборочное восприятие элементов европейской и североамериканской культур, но и гораздо более серьезные претензии.

«Цивилизованный мир» по сути не поддавался пространственному изображению и нанесению на карты. «Цивилизованный мир» и его приблизительный синоним — «Запад» — были не столько категориями пространства, сколько ориентирами в международной иерархии.

Концепция особой культурной миссии Запада, которая восходит как к христианству с его универсализмом и призывом к обращению всех народов в истинную веру, так и к Французской революции с ее интенцией распространять среди всех народов идеалы свободы, замещивается в XIX в. на теории расы и, соответственно, расового превосходства. Миссия цивилизованных наций состоит в том, чтобы нести отсталым расам и народам лучшие достижения и своего прошлого, и своего настоящего (успехи науки и техники, законность, идеалы просвещения, демократические институты).

Колониальная экспансия и связанный с ней опыт познания остального мира приобрели в XIX — начале XX в. столь масштабный характер, что впервые в своей истории имперские нации увидели себя в зеркале других народов и цивилизаций. Это не могло не сказаться на процессе их самоидентификации и на обосновании идеи цивилизованности, культурности и превосходства. Открытие «новых» миров и «неизвестных» народов позволило жителям метрополий социализировать новое восприятие тех, кто жил за пределами Старого Света. Устанавливая иерархию колонизованных «рас» и, как следствие, ценность их человеческого капитала, теоретический и бытовой расизм способствовал осознанию европейскими народами своей принадлежности к единой нации и формированию их культурной идентичности.

Безусловно, анализ феномена колониализма не может считаться

полным, пока не учтен расовый аспект. Расовую проблему нельзя считать исключительно западной, но и не стоит забывать, что именно европейцы сделали расовый вопрос инструментом политики. Если стержнем расовой концепции, предложенной англичанами, была убежденность в британском превосходстве, то тактикой и политикой расовой доктрины французских колонизаторов стала так называемая гуманистическая цель, помощь отстающим в развитии расам, просвещение темного мира, его приобщение к цивилизации. От В. Гюго до Э. Псишари, от Д.С. Милля до Р. Киплинга развивается идея гуманистической колонизации, основанной на превосходстве европейских наций. В. Гюго по поводу завоевания Алжира написал: «Именно цивилизация идет на варварство. Именно просвещенный народ собирается найти людей в ночи. Мы — греки мира, нам предназначено освещать мир». Поработить, чтобы цивилизовать — такова ключевая идея расовой войны.

В начале XIX в. термин «раса» не относился еще к группам и этносам, жившим за пределами Европы, но только к тем, кто стоял у истоков ее истории (франки, германцы, норманны). Раса отсылала к признакам культуры, различающим цивилизации. В середине XIX в. возникает школа историографии, которая переписывает историю Европы начиная как раз с подобных культурных отличий. О. Тьерри закладывает начало этой школы книгой «История завоевания Англии норманнами». Историю эту он видит как сражение между двумя расами — норманнами и англосаксами. Такая концепция истории привлекает многих европейских интеллектуалов. Термин «раса», который в равной степени применяется к франкам и галлам, к германцам и саксам, позволяет теоретикам, рассматривающим историю как расовую конкуренцию, выработать историко-политическую теорию, которая претендует на истинность и неоспоримость и в основу которой заложен тезис о соотношении сил рас. Из подобного понятия «расы», как очевидное, вытекает идея иерархии рас. Высшая раса — та, что покоряет и навязывает свою культуру другим, оказавшимся на обочине развития и прогресса. Европейская раса, несмотря на ее разнородность, цельна, когда речь идет о сравнении с расами, живущими в Африке, в Азии или в Южной Америке. Колонизация и расовый дискурс формируют единство Севера против Юга.

Столетия рабства породили целый набор терминов, клише и идеологически окрашенных риторических конструкций, чтобы оправдать похищение и депортацию миллионов африканцев. Этот дискурс закрепился, усложнился, а потом стал составной частью колониальной идеи. Научной основой новых расовых теорий становится физическая

антропология. Понятие «раса» становится одним из ключевых в западной идеологии модерности и империализма. Оно позволяло легитимизировать новые социальные стратификации внутри колониальных обществ и отстранять от управления население имперской периферии. Расоизация социальных представлений происходила начиная с XIX в. почти повсеместно в империях и национальных государствах, даже там, где не было «цветного» населения. Ссылки на расовую иерархию стали средствами выражения нового национализма; они структурировали опыт социальных групп, проходящих через кризис индустриализации, урбанизации, в процессе разрушения традиционных обществ.

Исследуя причины колониальной экспансии европейских держав в Новое время, историки справедливо обратили внимание на то, что имперские проекты не всегда были экономически обусловлены, а вызывались именно националистическими, политическими интересами. Речь идет об определяющих ценностях и, в особенности, о процессе появления самоидентификации и осознания национального пространства.

Империя участвует в построении национального самосознания, колониальная экспансия становится инструментом национальной политики. Колониальный опыт и расцвет колониальной культуры повлек за собой усиление коллективного чувства принадлежности жителей метрополии к одной нации. Подчеркнем важность данного фактора, так как создание европейских «воображаемых сообществ», по Б. Андерсону, происходит на основе четких представлений о пространстве и коллективных ценностях, поделенных на большое «Мы» и «Они». К этим ценностям жителей метрополии добавятся ценности, присущие колониальным народам. В первом случае подразумеваются «позитивные» ценности европейских наций (прогресс, разум, политическое управление, гражданский мир), во втором случае — явления со знаком минус, якобы свойственные неевропейским народам и обществам (застой, упадок, мракобесие, насилие).

Таким образом, становление империй привело к укреплению национального за счет колониального и к их активному сближению. Но у этого союза есть свое ограничение: нужно сохранять четкое различие между колонизированными народами и жителями метрополии. И почти нет сомнения в том, что подобная цезура, постоянно поддерживаемая на протяжении всего колониального периода, является организующей. Колониальная идея — не просто пропагандистское высказывание, своеобразный государственный канон, отношение к власти, а культура, которая крепко укоренилась в европейских обществах и проникла во все их

уровни. Будучи одновременно вездесущей и неуловимой, эта полиморфная по своей сути культура формировала менталитет и коллективное сознание жителей метрополий и имперских центров.

Колонизация, ключевой феномен коммуникативных практик европейских и неевропейских обществ, стала важнейшим инструментом глобализации XIX в. Колонизация всегда состоит из двух компонентов: культурного и политического. Когда речь идет о процессе колонизации, подразумевается, что культурная гегемония и политическое доминирование работают вместе, в некоем союзе, соотношении или противостоянии. Новации или элементы современности попадают в жизненный мир традиционного общества и принуждают его к ассимиляции (Ю. Хабермас). Согласно классическим определениям, колонизация (и колониализм как ее идеологическая система) означает процесс доминирования, в котором переселенцы мигрируют из колонизирующей группы на территорию периферии. Империализм — более широкая форма доминирования, которая не нуждается в подобном переселении (Д. Гобсон). Теоретические определения колонизации не уточняют, должна ли миграция населения происходить внутри имперских или национальных границ или выходить за их пределы и обязательно ли само существование этих пределов. В интуитивном понимании и в практическом смысле колонизация означает процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах имперских границ, реальных или воображаемых. Колонизация есть осуществление власти, структурированное различиями: географическими, лингвистическими, культурными и т. д.

Колонизаторы и колонизованные в каждой исторической ситуации своими целями, действиями и бездействием взаимно обуславливали характер и динамику соответствующих процессов, заново воспринимали и идентифицировали себя и «другого», выстраивая социальные границы, выделяя культурные различия. Таким образом, непрерывно реализовывалась практика дифференциации, включения и исключения, постоянно шел процесс конструирования и наполнения смыслом данных категорий, не существующих изолированно друг от друга и постигаемых только совместно.

Конечно, колонизация обозначала прежде всего господство, а иногда и уничтожение народов или культур, объявленных низшими, но она же была у истоков установления связей, взаимозависимости, солидарности, ответственности. При этом неевропейские народы имеют свою аутентичную историю. Их не следует изучать через призму истории

завоевателей, военных, миссионеров или колонизаторов. Важно перестать представлять истории этих народов как вечно и пассивно подчиненные внешним инициативам. В томе мы попытались представить историю Азии, Африки, Америки и Австралии не в качестве коллекции гетерогенных опытов, отражающих разнообразие неевропейских стран, а в качестве значительной части истории единого мира, где все люди, каково бы ни было их происхождение, играли одинаковую роль.

Методологической основой анализа феномена колониализма для нас стала концепция Э. Саида. Начиная с его фундаментального исследования «Ориентализм» (1978), изучение колониализма, империализма, проблем взаимодействия Востока и Запада вышло в мировой историографии на качественно новый уровень. Были поколеблены европоцентристские концепции прогрессивно-линейного всемирно-исторического процесса. Возникла так называемая «теория колониального дискурса», деконструкции подверглись прежние гегемонистские представления Запада о Востоке и других неевропейских обществах.

Работы Саида положили начало серии новаторских исследований, в которых были сформулированы концепции «инвенции традиций» Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, «гибридности» и «мимикрии» Х. Бхабхи, «полуориентализма» Л. Вульфа. Нельзя не упомянуть и научную деятельность так называемой Группы исследований субалтерна, породившей целое направление в индийской историографии.

Сам термин «ориентализм» достаточно полисемантичен. Саид выделяет три его значения. Первое — научное (доктрины о Востоке и Восточном, академические знания о Востоке).

Второе — более общее — значение ориентализма заключается в его понимании как стиля мышления, основанного на «онтологическом и эпистемологическом отличии, сделанном между “Востоком” и (в большей степени) “Западом”».

Наконец, в третьем значении ориентализм предстает как «корпоративный институт», как западный стиль доминирования и осуществления власти над Востоком. В данном понимании ориентализм формируется на рубеже XVIII–XIX вв.

Основной акцент Саид сделал на изучении ориентализма как системы европейских представлений о Востоке. Но главная заслуга исследователя состоит в том, что он фокусировал внимание на взаимосвязи производства знания и имперской экспансии. Он вывел на первый план проблему роли знаний и науки в имперских проектах ориентализма (как системы

репрезентаций «Других») и империализма (как практики порабощения этих «Других»).

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Е.А. Баратынский. «Последний поэт»

Определение XIX в. как железного — не пустая метафора. В ней выражена существенная особенность этой поры расцвета индустриальной цивилизации — расцвета, в котором, по мере приближения к концу столетия, все явственнее проступали черты «Заката Европы» (О. Шпенглер), кризиса всей культуры модерна.

Железо — символ прочности, устойчивости, блеска и одновременно тяжести, жесткости и возникающей то тут, то там разъедающей ржавчины.

В XIX в. произошел мощный промышленный переворот на основе железной паровой машины, ставшей универсальным двигателем в производстве и на транспорте. Железный транспорт — паровозы, пароходы — обеспечивал динамичность прогресса, надежность, прочность связей между мировым центром и периферией.

Качества, присущие железу, стали проявляться и в общественной жизни. Сформировались большие национальные и имперские государства с жесткими системами управления (бюрократией, судом, полицией), сильной центральной властью, большими армиями, требовавшими железной воинской дисциплины и современного оружия. Жесткость и негибкость железа обнаружились в отношениях между странами и внутри стран, между государствами и людьми. Немецкого канцлера О. фон Бисмарка называли «железным». Рядовой, обычный человек в государстве все более ощущал себя винтиком большого сложного механизма.

XIX век высоко ценил свободу, активность, инициативность, деловитость. Человек получал все больше свободы, все больше возможностей для самовыражения. При этом одним из ярких призывов

эпохи был девиз «Закон и порядок». Расцвет индивидуализма, жажда самоутверждения, даже наживы, имели четкий предел — интерес целого: государства, промышленной или научной корпорации, того или иного социального слоя. На смену страстям XVII, сантиментам XVIII вв. пришел меркантилизм частной жизни. Богатство, деньги уже откровенно становятся выше чувств, переживаний, духовных ценностей. Во всем стал доминировать трезвый расчет. Жестокая железная хватка стала цениться как условие устойчивости жизни, торжества в ней разума.

XIX век выступает с «апологией среднего сословия» (М. Оссовская). Средний класс тяготеет к консервативной разумности, рациональности, бережливости, трезвости, устойчивости. Машинное производство и механизация жизни помогают обеспечить все это, воздействуя на человека и меняя его ценностный мир.

К железной устойчивости в XIX в. поначалу устремлено практически все: и техника и наука. Создаются более сложные механизмы, технические системы и сооружения. В науке на эмпирических данных производится обоснование общественных и жизненных систем: экономической (А. Смит, К. Маркс, Ф. Энгельс), биологической (Ч. Дарвин, О. Конт, И.М. Сеченов). Технические и научные инновации ставят своей целью завершенность, эффективность и практичность. К полноте знания, к его определенности стремилась в своих размышлениях о мире и философия XIX в. Г.-Ф. Гегель, В.С. Соловьев, Г. Спенсер, Ф.В. Шеллинг так или иначе утверждали ценность свободы человека, свободы, сочетающейся с «порядком ради прогресса» (О. Конт). XIX столетие в своем либеральном идеализме было искренне убеждено, что находится на прямом и верном пути к «лучшему из миров» (С. Цвейг). Строительство этого нового мира — индустриального и прогрессивного, гуманного и демократического, культурного и цивилизованного, современного и легитимного — стало главной траекторией развития «долгого XIX века».

Становление индустриального общества: тенденции глобализации

Промышленная революция в XIX веке

Технический переворот, охвативший в последней трети XVIII в. основные отрасли британской промышленности — текстильную (главным образом хлопчатобумажную) и металлургическую, положил начало промышленной революции (или перевороту) в Европе и за ее пределами. Она привела к глубоким переменам в технике и технологии промышленного производства, средствах транспорта и связи, основанным на применении машин. Эти перемены повлекли за собой важные экономические и социальные последствия — возникновение новых форм организации промышленного производства, торговли и кредита, новой структуры общества.

Промышленная революция составила эпоху в истории многих стран и народов, прежде всего Европы и Америки. Она растянулась на долгие десятилетия, в течение которых машины, новые технологии и энергия пара теснили ручной труд в промышленности и на транспорте. Но что интересно: каковы бы ни были в той или иной стране успехи машинного производства, ручной сектор обычно сдавал свои позиции медленно, демонстрируя завидную живучесть. Поэтому отсутствуют абсолютно точные и пригодные на все случаи жизни критерии завершения промышленной революции. Принято считать, что она вступает в финальную фазу, когда в основных отраслях промышленности доля продукции, производимой при помощи машин и индустриальных технологий, преодолевает рубеж в 50 %.

Исследователи склоняются к выводу, что в Великобритании, стране-первопроходце, этот рубеж был достигнут во второй четверти XIX в. В других государствах Западной Европы, значительно задержавшихся на старте, промышленная революция заканчивается четвертью столетия позже. В странах Восточной Европы и Северной Америки, с еще большим опозданием приступивших к осуществлению промышленной революции, она вступает в свою завершающую фазу лишь в последней четверти XIX в.

Что касается остального мира, то там промышленная революция в полной мере вообще не развернулась. К концу столетия в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки возникло небольшое количество механизированных предприятий, получил развитие паровой транспорт, но главным образом за счет средств колонизаторов и иностранных инвесторов, стремившихся овладеть местным рынком.

Крайняя неравномерность протекания промышленной революции, огромный разброс в сроках ее начала и завершения в отдельных странах свидетельствуют о том, что такого масштаба события не происходят по прихоти одного человека или группы людей, даже если те располагают значительными капиталами или облечены государственной властью. Для успешного развертывания промышленной революции требовались особые исторические предпосылки и условия, которые раньше всего возникли в Великобритании, а со временем сложились и в ряде других государств Европы и Северной Америки, однако отсутствовали на протяжении всего рассматриваемого времени в остальных странах мира.

Опыт государств, не только осуществивших на протяжении XIX в. промышленную революцию, но и добившихся в развитии машинной индустрии особенно заметных успехов, свидетельствует о важности для нее социально-политических предпосылок. Не случайно, что первой пережила промышленную революцию Великобритания, где раньше всего восторжествовали принципы гражданского равенства, свободы экономической деятельности, неприкосновенности личности и собственности, сложился свободный от искусственных (административных, сословных и пр.) ограничений рынок товаров, капиталов, рабочей силы и услуг.

В других странах Западной Европы и Америки социально-политическую почву для промышленной революции подготовили политические революции, освободительные войны и реформы конца XVIII — первой половины XIX в. Они способствовали тому, что в этих странах возникли более благоприятные, чем раньше, условия для проявления экономической инициативы и предприимчивости. Неизмеримо шире стал объем индивидуальных прав, которыми пользовались жители этих стран. Вместе с тем благодаря отмене цехового строя ремесла и торговли, упразднению внутренних таможенных границ и другим аналогичным мерам были устранены административные препоны развитию свободного рынка капиталов, рабочей силы, товаров и услуг (экономические барьеры, связанные с рутинным характером средств транспорта и массовых коммуникаций, с неразвитостью рыночной инфраструктуры, еще некоторое время сохранялись). Пример государств Западной Европы и Северной Америки, где именно в первой четверти XIX в. развернулась промышленная революция, доказывает, что речь идет не о случайном совпадении двух разнородных явлений из смежных областей политики и экономики, но о глубокой причинно-следственной связи между ними, об определенной исторической закономерности.

Очевидно также, что для успеха промышленной революции необходимы благоприятные экономические условия, при которых не только оправдано, но и выгодно применение дорогостоящих машин и новых технологий. В этой связи исследователи не раз обращали внимание на зависимость промышленной революции от прямой доступности — возможности приобрести на месте и по приемлемой цене — основных видов промышленного сырья и топлива. Не вызывает сомнения, что раннему и быстрому подъему крупной индустрии в Великобритании способствовало то, что в этой стране имелись разведанные месторождения каменного угля и железной руды, добыча которых не требовала ни особо больших затрат, ни технических ухищрений. Известно, однако, что в соседних с Великобританией странах технический переворот начался задолго до того, как там приступили к промышленной разработке крупных месторождений каменного угля и железной руды. Вплоть до середины XIX в. машинная индустрия континентальной Европы работала главным образом на металлургическом сырье и топливе, привозимом из Великобритании.

Островной характер британского государства способствовал ограничению масштабов военных, непроизводительных расходов и разрушений на территории королевства, а также благоприятствовал большей открытости миру, развитию внешних связей и морских, т. е. наиболее эффективных, коммуникаций, которыми Англия прочно овладела в результате ряда войн XVI–XVIII вв.

Отмечая исторические, географические и иные особенности Великобритании, способствовавшие тому, что она стала «колыбелью промышленной революции», не следует забывать о соответствующей «помощи» континентальных держав — о немалом трансфере капиталов, технологий, квалифицированных специалистов и предпринимателей из Голландии, Франции, Германии и Италии, многие из которых у себя на родине преследовались по религиозным и политическим мотивам (например, гугеноты). По оценке американского исследователя Е. Хагена, в Великобритании в 1760–1830 гг. на долю религиозных меньшинств и диссидентов, составляющих 7 % населения королевства, приходился 41 % ведущих предпринимателей и инноваторов.

Среди иммигрантов и британских диссидентов было немало талантливых умельцев, внесших существенную лепту в национальный фонд изобретений, общее число которых после принятия патентного права в 1624 г. значительно выросло (в среднем за десятилетие) и составляло: во времена правления Вильгельма и Марии (1689–1702) — 80, королевы Анны

(1702–1714) — 70, Георга I (1714–1727) — 76, Георга II (1727–1760) — 255, Георга III (1760–1820) — 801, Георга IV (1820–1830) — 1355.

Патентное и авторское право

Говоря о масштабах и темпах технического развития общества в XIX в., следует отметить, что эпоха, получившая в истории название «научно-технической революции и промышленного переворота», не имела четко разработанного международного свода законов об авторском и патентном праве. В условиях большого числа научных открытий и технических изобретений, когда сходные новаторские идеи часто возникали у совершенно разных авторов почти одновременно, необходимы были строгие и подробные правила, регламентирующие подобные ситуации и защищающие авторов от необходимости тратить годы и силы на доказательства своих прав. В отдельных странах существовали патентные законы, принятые еще в Средние века или раннее Новое время. В первой половине XIX в. в большинстве развитых стран Запада были введены свои внутренние кодексы патентного и авторского права, но и они были недостаточно приспособлены к уровню развития науки последней трети века и к интенсивному международному научному обмену.

В 1873 г. во время Всемирной выставки в Вене американские участники, обладавшие уже патентами на наиболее значительные изобретения, обеспокоились отсутствием надлежащей защиты патентных прав иностранцев. Австрийским правительством был издан специальный закон о временной защите изобретений, размещенных на выставке. В период работы выставки был созван и первый Международный патентный конгресс, обсудивший создание единообразного для всех стран патентного законодательства. Однако дальше общих резолюций о защите прав изобретателей дело не пошло.

Следующий Международный патентный конгресс состоялся во время Всемирной выставки в Париже в 1878 г. Снова встал вопрос о защите выставленных экспонатов — ни один из них нельзя было зарисовать или каким-либо образом скопировать без согласия того, кто его выставял, обсуждались и способы борьбы

с нечестными участниками выставки, размещавшими на своих стендах фальшивые дипломы, а также положение, регулирующее защиту авторских прав в промышленности. На конгрессе писателей, проходившем в рамках этой же выставки, был поднят вопрос о международных законах защиты авторских прав писателей. Эта тема возникла в связи с неразберихой с переводами произведений на другие языки, публикацией авторами своих произведений в другой стране и т. п.

Учитывая опыт предыдущего конгресса в Вене, участники второго Международного патентного конгресса говорили уже не о создании единого патентного законодательства, а о выработке руководящих принципов, которые должны были быть положены в основу патентных законов различных стран. Однако и на этот раз не удалось выработать единых норм. Было принято решение о подготовке Международной конвенции об охране прав на изобретения.

20 марта 1883 г. в Париже было заключено первое Международное соглашение в области охраны прав на промышленную собственность — Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Текст Парижской конвенции, неоднократно переработанный, действовал до 1979 г.

Что касается авторского права, то в 1886 г. после трех дипломатических конференций в Берне было выработано международное соглашение, получившее название Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. В конце 1887 г. после подписания конвенции десятью странами-участницами она вступила в силу. 15 апреля 1896 г. в Париже состоялась первая конференция по изменению положений Конвенции 1886 г., в ее текст были внесены существенные уточнения и поправки. К тому времени число участников конвенции увеличилось до четырнадцати. В 1908 г. и затем неоднократно на протяжении XX в. в текст конвенции вносились новые статьи и уточнялись формулировки. Последний раз конвенция пересматривалась на Стокгольмской конференции в 1967 г.

Помимо указанных факторов, действовавших в основном «на стороне предложения», промышленный переворот в Англии был обусловлен также ростом внутреннего и внешнего спроса (увеличением продуктивности

сельского хозяйства, повышением уровня урбанизации, укреплением внешнеэкономических позиций королевства), а также усилением дефицита и удорожанием традиционных источников энергии и сырья (лес), относительно более высоким, чем в целом на континенте, уровнем зарплаты, стимулировавшим замещение труда капиталом.

Скорее всего, правы те исследователи, которые, рассматривая вопрос об экономических предпосылках промышленной революции, придают первостепенное значение конъюнктуре рынка, конкретному соотношению между предложением капитала, сырья, топлива, рабочих рук и спросом на эти ресурсы в той или иной стране. Важно в конечном счете то, что предприниматели, инвестировавшие крупные капиталы в создание механизированных предприятий, были уверены, что смогут не только возместить все издержки, но и получать прибыль, способную заинтересовать их в расширении и диверсификации производства, в дальнейшем техническом прогрессе. В особенности большое значение имели такие объективные предпосылки промышленной революции, как аграрная революция и ускорение демографического роста (см. «Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции»).

Теоретически обеспечить благоприятные экономические условия для возникновения и развития крупной индустрии могла бы мировая торговля. В ней на протяжении предшествующего времени, в XVI–XVIII вв., обращались крупные капиталы, которые частично вкладывались в промышленность, в основном в отрасли, связанные с мореплаванием, — судостроение, полотняное, кузнечное производство. Но мировая торговля занималась главным образом ввозом в Европу дорогостоящих потребительских товаров из колоний и других заморских стран — предметов роскоши и продуктов тропического земледелия. Промышленным сырьем и топливом она не интересовалась по причине их относительной дешевизны и громоздкости. Исключение составлял лишь легкий, но очень дорогой и поэтому выгодный для перевозки на дальние расстояния хлопок. Что касается капиталов, нажитых благодаря мировой торговле, то предпочтительным способом их применения было не промышленное инвестирование, а приобретение крупной недвижимости, в том числе дворянских поместий и дворцов. При этом покупка недвижимости рассматривалась воротилами мировой торговли как средство не столько выгодного вложения капиталов, сколько повышения своего социального статуса.

Но даже при всем желании помочь машинной индустрии возможности мировой торговли были ограничены отсутствием для этого технических

возможностей. Имевшиеся к началу XIX в. средства транспорта просто не справились бы с перевозкой на дальние расстояния в промышленных объемах таких грузов, как железная руда и каменный уголь. Поэтому вплоть до появления крупнотоннажных паровых судов и железных дорог машинная индустрия должна была искать возможности удовлетворения своих потребностей в топливе, сырье, рабочей силе и т. д. на месте — в той стране или местности, где она развивалась.

В силу этой необходимости исключительно важную роль в создании экономических предпосылок для промышленной революции сыграло развитие сельского хозяйства. Глубокая зависимость промышленности от сельского хозяйства наглядно проявлялась в том, что наряду с продовольствием, а следовательно, продуктами питания для рабочих машинной индустрии оно поставляло для промышленности разнообразное сырье, особенно текстильное — лен, шерсть и др. Наконец, следует принять во внимание, что именно на доходы от сельского хозяйства жило и громадное большинство населения — потенциальных покупателей промышленных изделий. Это значит, что емкость потребительского рынка тоже напрямую зависела от уровня развития и доходности сельского хозяйства.

Исследователи сходятся во мнении, что почву для подъема машинной индустрии в Великобритании во многом подготовила аграрная революция — совокупность экономических и социальных перемен в британской деревне, которые обусловили повышение продуктивности, доходности и товарности сельского хозяйства. В Великобритании к началу XIX в. в основном завершились огораживания, в результате которых отношения в британской деревне, ранее сложные и запутанные, между лендлордами и различными юридическими категориями крестьян приобрели простой и ясный характер. Крупные собственники-лендлорды сдавали землю в аренду фермерам, которые вели на ней предпринимательское хозяйство с использованием труда наемных работников-батраков.

Развитие фермерства — едва ли не главное социальное достижение аграрной революции в Великобритании. Ведь у фермера по сравнению с традиционным крестьянином принципиально иная мотивация хозяйственной деятельности. Крестьянин выращивает урожай для собственного пропитания, лишь небольшую его часть он продает на рынке. Для него важно прокормить семью до следующего урожая, не считаясь с затратами времени и труда. Фермер, наоборот, выращивает урожай в основном для продажи. Для него главное, чтобы доход превышал издержки производства, иначе он не сможет вносить арендную плату. Поэтому

фермер стремится снизить издержки и поднять доходность своего хозяйства. С этой целью он специализируется на самых выгодных видах продукции, использует улучшенный инвентарь.

Благодаря распространению фермерства британское сельское хозяйство перешло к более продуктивным методам земледелия, в частности к многопольному севообороту вместо двуполья и трехполья, которые еще в начале XIX в. были широко распространены в континентальной Европе, не говоря о более архаичных системах земледелия, встречавшихся в других частях света. Новая система земледелия позволила более эффективно использовать землю и содержать благодаря изобилию кормов больше домашнего скота — как тяглового, так и мясомолочного. В свою очередь, увеличение поголовья тяглового скота обеспечило лучшую обработку почвы, применение усовершенствованного инвентаря (например, плуга вместо сохи). Развитие мясомолочного животноводства привело к росту производства соответствующих продуктов питания. В итоге значительно улучшилось предложение потребительских продуктов для городского населения, а сырья — для промышленности.

Аграрная революция способствовала повышению доходности британского сельского хозяйства, что привело к последствиям двоякого рода. С одной стороны, сельские жители обеспечили заметное расширение спроса на рынке промышленных товаров — орудий труда, инвентаря, потребительских изделий. С другой стороны, высокая доходность сельского хозяйства способствовала накоплению в деревне капиталов, которые активно инвестировались в промышленные и торговые предприятия. В основном это были мелкие и средние капиталы, но нельзя недооценивать ни значения, ни совокупного размера этих сельских по происхождению капиталов, особенно на старте и на ранних этапах промышленной революции.

Более сложным представляется вопрос о роли сельского хозяйства в судьбе промышленной революции за пределами Британских островов. Континентальные страны Европы, а также Америка, не говоря уже о других частях света, в Новое время шли своеобразными путями аграрного развития, которые многими существенными чертами отличались от британского. Прежде всего нужно отметить, что в XVIII–XIX вв. они не пережили ничего похожего на аграрную революцию, во всяком случае в ее британском варианте.

На аграрное развитие западноевропейских стран в XIX в. большое влияние оказала Французская революция конца XVIII в.: как в самой Франции, так и в соседних с ней государствах рухнул сеньориальный

строй. На всех территориях Европы, занятых революционными армиями, были безвозмездно отменены сеньориальные права и крестьянские повинности. Крестьяне, раньше считавшиеся держателями своих участков земли, стали их полноправными собственниками. Но большинство мелких крестьянских хозяйств отличались низкой производительностью труда и слабой товарностью производства. Поэтому сельское хозяйство западноевропейских стран долго оставалось маловосприимчивым к новым методам хозяйствования, примером которых служила Великобритания.

Что касается азиатских стран, даже тех, которые попали в колониальную зависимость, то в начале XIX в. там сохранялись традиционные системы землевладения и сельскохозяйственной деятельности.

Ремесленное и мануфактурное производство за пределами Великобритании в начале XIX в. еще явно не исчерпало резервов своего развития. Неэластичный спрос на промышленные изделия не побуждал предпринимателей к рискованным инвестициям в машины и индустриальные технологии. Между тем конкуренция со стороны гораздо более дешевых и с каждым годом все более добротных и привлекательных изделий британской машинной индустрии заставляла их задуматься о будущем. Европейские предприниматели, все яснее осознававшие необходимость борьбы с британскими конкурентами их же методами, были вынуждены обратиться за поддержкой к государственной власти.

В континентальных странах Европы и в Америке промышленная революция в гораздо большей мере, чем в Великобритании, нуждалась в поддержке со стороны государственной власти. Рано или поздно она эту поддержку получила. Основным инструментом поддержки промышленной революции была политика таможенного протекционизма. Такую политику правительства многих европейских государств проводили и раньше, в XVII–XVIII вв., в соответствии с господствовавшей тогда теорией меркантилизма, или активного (т. е. положительного) торгового баланса. Но раньше она преследовала единственную цель — накопление золота в государстве. Теперь же протекционистская политика рассматривалась как способ стимулирования — «насаждения» — крупной машинной индустрии у себя дома. Защищая внутренний рынок от иностранных, прежде всего британских, товаров, правительства европейских стран стремились обеспечить наиболее благоприятные — «тепличные» — условия для подъема собственного машинного производства.

В первой половине XIX в. Европу сотрясали самые настоящие «таможенные войны». Еще континентальная блокада, объявленная против

Великобритании императором французов Наполеоном в 1806 г. формально как чисто военная мера, на практике действовала как система жесткого протекционизма. Несмотря на крушение Наполеона, вскоре после окончания наполеоновских войн большинство европейских государств, включая и саму Францию, восстановили высокие таможенные пошлины на британские промышленные товары. В ответ на их действия Великобритания повысила пошлины на импорт сельскохозяйственной продукции (так называемые «хлебные законы»). Европейские государства пошли на некоторое смягчение таможенного протекционизма, а затем по согласованию с Великобританией — и на его полную отмену лишь после того, как промышленная революция в большинстве стран Западной Европы вступила в завершающую фазу. Начиная с 60-х годов XIX в., отношения между европейскими странами строились на основе принципа свободы торговли.

Технический прогресс

Несмотря на многочисленные трудности, странам, позже вступившим на путь промышленной революции, было легче по крайней мере в том отношении, что они могли опереться на опыт Великобритании. Оттуда их предприимчивые дельцы вывозили, нередко контрабандой, образцы новых машин, выписывали рабочих-механиков, умевших с ними обращаться. Широкое заимствование технических достижений Великобритании было еще одной отличительной особенностью промышленной революции в странах континентальной Европы и Америки. Лишь по мере распространения новых «чудо-машин» стал сокращаться и разрыв между ними и Великобританией в уровне технической компетентности и смекалки специалистов производства. Тем не менее вплоть до середины XIX в. превосходство Великобритании в этой области было неоспоримым.

После того как в конце XVIII в. был изобретен высокопроизводительный ткацкий станок, работавший от парового двигателя, резко увеличился спрос на различные виды сырья, оборудования и топлива. Это обусловило технический переворот в смежных с хлопчаткачеством отраслях промышленности. В 20-е годы XIX в. британский механик Ричард Робертс изобрел автоматическую прядильную машину. Одновременно в США получила распространение хлопкоочистительная машина, позволившая увеличить производство хлопка-сырца. Появились и первые образцы ситцепечатных машин.

Механизация хлопчатобумажной промышленности подтолкнула к технической реконструкции другие отрасли текстильного производства. В 1810 г. французский изобретатель Филипп Жирар выиграл объявленный Наполеоном конкурс на создание льнопрядильной машины. Изобретением Жирара заинтересовалось русское правительство, при содействии которого изобретатель устроил в Царстве Польском, близ Варшавы, полотняное и хлопкоткацкое предприятие, вокруг которого возник современный польский город Жирардув. В 1801 г. лионский ремесленник Жозеф Жаккар изобрел шелкоткацкий станок, получивший широкое распространение во Франции и других странах мира. В середине XIX в. патент на изобретение швейной машины был выдан американцу Айзеку Зингеру. Он создал предприятие по производству швейных машин, высокое качество которых снискало ему всемирную известность. Впоследствии появились вязальные, кружевные и другие машины.

Применение все более производительных машин увеличило потребности промышленности в энергии. Это потребовало создания мощного и надежного двигателя, приспособленного к нуждам производства. Паровая машина Уатта, построенная еще в конце XVIII в., развивала мощность всего лишь в несколько лошадиных сил. В начале XIX в. ее усовершенствовал другой британский инженер — Ричард Тревитик, благодаря чему к середине XIX в. были построены паровые двигатели мощностью в несколько сотен лошадиных сил.

Паровой двигатель обладал многими достоинствами, но был недешев, а кроме того, нуждался в покупном топливе. Поэтому в странах, хорошо обеспеченных гидроэнергией — полноводными равнинными реками, как в США и России, или горными потоками, как в Швейцарии и Австрии, — до середины XIX в. водяной двигатель был распространен шире, чем паровой.

Увеличение количества вводимых в строй все более совершенных, производительных и мощных рабочих и паровых машин обусловило повышенный спрос на металл, стимулировавший развитие металлургии. А во второй четверти XIX в. основным потребителем металла стал паровой транспорт. Начало технической революции на транспорте положили попытки использовать паровую машину как вспомогательный двигатель на речных судах при движении вверх по течению. В 1807 г. в коммерческий рейс из Нью-Йорка в Олбани вверх по течению р. Гудзон вышел пароход «Клермонт», построенный Робертом Фултоном. В 1812 г. пароход «Комета» отправился в плавание по р. Клайд в Шотландии. В дальнейшем паровые двигатели начали устанавливать и на морские суда. Первым морским паровым судном была «Елизавета», построенная в России в 1815 г. и

обеспечивавшая связь между Петербургом и Кронштадтом.

Первые паровые суда оснащались гребными колесами, которые были размещены либо в кормовой части, либо по бортам. Во второй четверти XIX в. был изобретен и доведен до требуемого совершенства гребной винт. Это новшество наряду с появлением мощных паровых машин привело к бурному расцвету парового судоходства на морях и внутренних водных путях. Правда, паровые суда уступали парусным в быстроходности. Знаменитые чайные клиперы развивали скорость до 18 узлов (1 узел равняется 1 морской миле в час). Долгое время паровые суда не могли составить конкуренцию парусным и по объему принимаемых на борт грузов. В первой половине XIX в. встречались парусные суда водоизмещением свыше тысячи тонн и соответствующей грузоподъемности. Уступали паровые суда парусным и в себестоимости перевозок — ведь ветер в отличие от топлива для парового котла ничего не стоит! Но все изменилось во второй четверти XIX в., когда корпус судов стали делать целиком из металла. Это сразу позволило увеличить грузоподъемность паровых судов в несколько раз. А в конце столетия не редкостью стали суда грузоподъемностью в несколько тысяч и даже десятков тысяч тонн, что привело к снижению себестоимости перевозимых грузов. Благодаря наличию мощного двигателя паровые суда почти сравнялись с парусными в средней скорости морских перевозок.

Еще больше повлияла на промышленное развитие и без преувеличения изменила весь уклад жизни людей «железнодорожная революция». Еще в начале XIX в. правительства многих стран продолжали развивать традиционные сухопутные средства транспорта. С 1818 по 1829 г. в Великобритании были проложены новые шоссейные дороги протяженностью свыше 1 тыс. миль. Во Франции система мощных шоссе, лучами расходящихся из Парижа, была дополнена густой сетью местных благоустроенных дорог. Регулярное сообщение между столицей и провинциальными центрами обслуживалось почтово-пассажирскими конторами.

Революция в средствах сухопутного транспорта началась с попыток заменить конную тягу механической на рельсовых путях, которые использовались на рудниках и шахтах для перемещения в вагонетках горной породы. В 1814 г. для этих целей построил свой первый паровоз британский изобретатель Джордж Стефенсон. В 1825 г. под его руководством в Юго-Западной Англии была сооружена железная дорога длиной свыше 56 км, предназначенная для перевозки угля. Составы из вагонеток перемещались по ней как паровозами, так и лошадьми. В 1830 г.,

также под руководством Стефенсона, была построена железная дорога от Манчестера до Ливерпуля длиной 50 км, для которой Роберт Стефенсон, сын изобретателя, сконструировал знаменитый паровоз «Ракета». Это событие ознаменовало начало железнодорожной революции в Европе, за четверть столетия изменившей ее облик. В 1832 г. строится первая железная дорога во Франции, в 1835 г. — в Бельгии, в 1837 г. — в России и т. д. В 1829 г. в первый пробный рейс отправился железнодорожный локомотив и в США.

Сначала в области железнодорожного строительства лидировала Великобритания. В 1840 г. протяженность ее железных дорог достигла 2,4 тыс. км (в то же время во Франции — 410 км, в Германии — 469 км, в Бельгии — 334 км, а в других странах и того меньше). Это объяснялось тем, что именно в Великобритании, где промышленная революция началась раньше, чем в других странах, внутренний транспорт стал уже во второй четверти XIX в. «узким местом» экономики. В этой стране первая железная дорога соединила между собой быстрорастущие центры тяжелой промышленности.

«Младшие из нашего поколения, выросшие в эпоху железных дорог и океанских пароходов, едва ли даже могут себе отчетливо представить, до какой степени глубоки и велики перемены, которые пришлось видеть и пережить нам, пожилым людям современного поколения. Когда я был уже юношей, телега для бедных, дилижанс для людей среднего класса и почтовая карета для богатых были обычными средствами сообщения: в то время существовали только две коротенькие железнодорожные линии: Стоктон-Дарлингтонская, открытая в 1825 г., и Ливерпуль-Манчестерская, открытая в 1830 г. Желтая почтовая карета, у которой не было даже места для сидения кучера, а вместо этого одетый жокеем погонщик сидел верхом на одной из парных лошадей — такая карета была обычным зрелищем на всех больших дорогах Англии. Я помню, как сотнями катились по большим дорогам запряженные четверкой лошадей почтовые кареты и дилижансы с кондукторами, вооруженными трубами и рогами, в которые трубили всякий раз, когда им приходилось проезжать город или деревню, внося этим оживление и своеобразную прелесть в тогдашнюю деревенскую жизнь. Ныне эти картины почти позабыты.

Когда я в первый раз поехал в Лондон в 1835 г., тогда еще не

было никаких железных дорог, исключая вышеупомянутые линии, и даже никто не помышлял о соединении Лондона с большими городами севера и запада страны...

Несколько лет спустя (1837–1838)... начали проводить железнодорожную линию от Лондона до Бирмингама... Когда окончили постройку участка до Ватфорда, я поехал по нему в Лондон. Третий класс был тогда представлен теперешней товарной платформой, где не было ни крыши, ни сидений... Пойдет ли дождь, подует ли холодный ветер — пассажиры садятся на пол и спасаются, кто как может. Вагоны второго класса были тогда много хуже самых скверных из устарелых вагонов третьего класса последнего времени (1900 г. — Ред.): они были закрытые, но страшно низкие, почти совсем темные, с голыми деревянными скамьями. Наконец, первый класс представлял собой точное подобие трех сомкнутых вместе дилижансов. Открытые пассажирские платформы были причиной многих несчастий, и понадобилось немало смертных случаев, чтобы ввели, наконец, кое-какие улучшения. Да и тут как будто боялись сделать платформы чересчур комфортабельными: крышу поставили, сиденья устроили, борты повыше подняли, а до самой крыши все-таки не довели. Одним словом, «усовершенствованный» третий класс стал немногим хуже современных вагонов для перевозки скота. Наконец, много лет спустя... пассажиров третьего класса стали возить во второклассных вагонах старого типа; и только в сравнительно недавнее время большие железнодорожные компании поняли простую истину, что пассажиры третьего класса составляют огромное большинство населения и что третий класс доходнее первого и второго, вместе взятых, и следовательно, пассажиров третьего класса следует обставить по крайней мере тем же комфортом... каким пользуются более состоятельные путешественники» (Уоллес А.Р. Чудесный век. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатого столетия / Пер. Л. Лакиера. СПб., 1900).

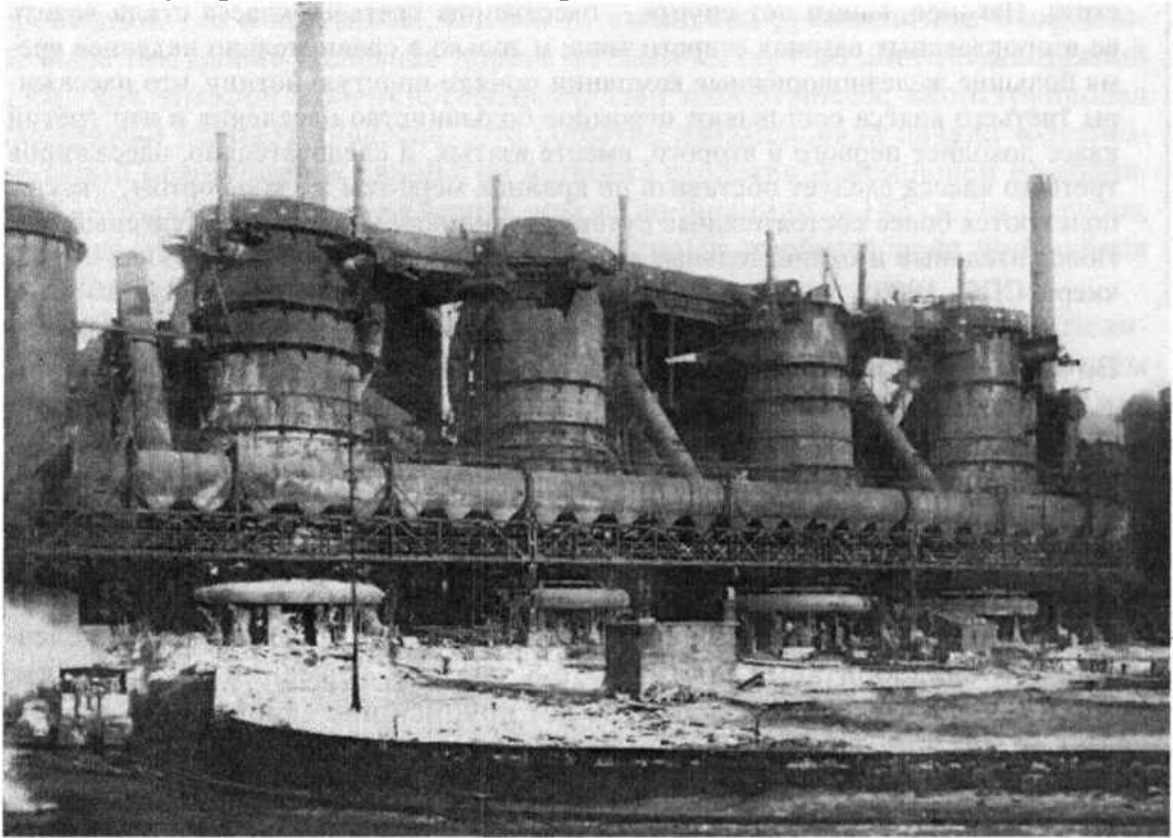
Во Франции потребность в коренной реконструкции транспортной системы ощущалась в то время не столь остро. Символично, что во Франции первая железная дорога Париж — Сен-Жермен-ан-Лэ соединила столицу и предместье, известное древним королевским замком, а не

промышленными предприятиями. Нечто подобное повторилось и в России, где первая железная дорога была проложена из Санкт-Петербурга в Царское Село. Однако уже спустя 20 лет отставание других стран от Великобритании в развитии железнодорожного транспорта сократилось. В 1860 г. протяженность железных дорог Великобритании достигла 16,8 тыс. км, Германии — 11 тыс. км, Франции — 9,1 тыс. км. Спустя еще 20 лет крупнейшие европейские страны сравнивались с Великобританией если не по плотности железнодорожной сети, то во всяком случае по общей протяженности железных дорог. В 1880 г. она составляла в Великобритании 28,8 тыс. км, Германии — 33,8 тыс. км, Франции — 23 тыс. км, России — 22,8 тыс. км, Австро-Венгрии — 18,5 тыс. км.

Строительство паровых цельнометаллических судов, а затем — и в еще большей мере — железнодорожное строительство подхлестнули спрос на металл. Это потребовало коренной реконструкции металлургии. В начале XIX в. широкое распространение сначала в Великобритании, а затем и в других странах получил метод изготовления чугуна и железа, изобретенный еще в 1784 г. британским инженером Генри Кортон — пудлингование. «Узким местом» металлургии стало производство стали. Его удалось «расширить» благодаря новым изобретениям. В середине 50-х годов британский предприниматель Генри Бессемер предложил метод передела чугуна, названный бессемеровским. Спустя десять лет французский инженер Пьер Мартен изобрел способ получения литой стали в специальной (мартеновской) печи, в которой можно было переделывать на сталь не только чугун, но и железный лом.

К середине XIX в. машины серьезно потеснили ручной труд в прядильной, ткацкой промышленности, но в производстве самих этих удивительных машин продолжал господствовать ручной труд. Машиностроение не являлось даже самостоятельной отраслью. Так, механические прялки и ткацкие станки изготавливали непосредственно на текстильных фабриках, а паровые машины — на металлургических предприятиях. По мере того как увеличивался спрос на машины, а сами они становились все более сложными в изготовлении, началась механизация и машиностроительного производства. Большое значение имело создание высокоточных металлообрабатывающих станков — фрезерных, токарных, строгальных, сверлильных и пр. В 1839 г. британский инженер Джеймс Несмит изобрел паровой молот. Эти новшества позволили не только улучшить качество изделий, в создании которых они применялись, в том числе и разнообразного оборудования для фабрик и заводов. Прежде всего они послужили предпосылкой перехода от

штучного изготовления машин к их производству большими партиями, причем с одинаковыми, заранее заданными техническими характеристиками, а также к изготовлению унифицированных (т. е. взаимозаменяемых) деталей к ним. Окончательно машиностроение перешло к индустриальным методам производства лишь в конце XIX в.

Металлургический завод Эклама в Мидлсбро

Широкое распространение машин и индустриальных технологий привело к изменению географии промышленного производства. Раньше ремесленные мастерские устраивались как можно ближе к потенциальному заказчику-потребителю их изделий, а мануфактуры стремились обосноваться в местностях с большим количеством дешевой рабочей силы. Теперь же предприятия крупной индустрии стали концентрироваться в районах добычи каменного угля — в Северо-Западной Англии, Южной Шотландии и Уэльсе в Великобритании; Рурском бассейне и Силезии в Германии; северо-восточных департаментах Франции и т. д.

Перемены в технике обусловили появление новых форм производства, торговли и кредита. В промышленности на смену ремесленной мастерской и мануфактуре пришел новый тип предприятия — завод. Его отличительными признаками являются применение машин и высокопроизводительных технологий, большие объемы выпуска

продукции, высокий уровень затрат капитала. Именно поэтому заводскую промышленность в отличие от ремесла и мануфактуры называют крупной машинной индустрией.

Механизированные предприятия остро нуждались в финансовых средствах для закупки дорогостоящей техники. А большинство «пионеров» промышленной революции были по происхождению торговцами, ремесленниками и фермерами среднего достатка. По богатству, общественному положению, семейным связям они не шли ни в какое сравнение с воротилами мировой торговли. Поэтому первые заводы, возникшие в начале промышленной революции, как правило, не отличались большими размерами. В 1832 г. на металлургическом предприятии Альфреда Круппа, впоследствии одного из богатейших заводчиков Германии, было занято всего лишь 8 рабочих. По завершении промышленной революции счет работников пошел уже на сотни человек. На рубеже столетий не редкостью были заводы, на которых трудились по нескольку тысяч рабочих. Первоначально концентрация рабочей силы на предприятиях Великобритании была в целом выше, чем в странах, где промышленная революция началась позже. Но в дальнейшем страны второй волны модернизации, например Германия или Россия, отличались большей концентрацией рабочей силы, чем страны первой волны, Великобритания или Франция. Самым крупным предприятием Европы начала XX в. считался Путиловский завод в Санкт-Петербурге, на котором было занято 12 тыс. человек.

Для владельцев промышленных предприятий механизация была сопряжена с большими финансовыми трудностями. Чтобы привлечь дополнительные средства, многие предприниматели искали себе компаньонов — людей, готовых вложить личные сбережения в развитие производства в обмен на соответствующую своему вкладу долю прибыли. Если у хозяина завода появлялись такие компаньоны, то его индивидуальное предприятие превращалось в товарищество (общество) на паях, или акционерную компанию. Разумеется, людей, желающих рискнуть всем своим имуществом, было немного. Это серьезно мешало развитию производства, расширению предприятий. Чтобы преодолеть это препятствие, была изобретена особая форма акционерной компании — товарищество с ограниченной ответственностью членов. Материальный риск каждого из акционеров был ограничен лишь размером его пая (доли). Если предприятие несло убытки или окончательно разорялось, акционеры частично или полностью теряли свой пай, однако остальное имущество — как личное, так и вклады в банках, акции других предприятий —

оставалось в неприкосновенности.

Таким образом, чем больше предприятий принимали форму общества с ограниченной ответственностью членов, тем более активно вели себя вкладчики. Они охотно покупали акции предприятий, причем не одного, а сразу нескольких, рассчитывая, что если одно из них разорится, то убытки покроет прибыль от деятельности других. Число акционерных компаний непрерывно росло по мере упрощения порядка их регистрации. Например, во Франции в 1855 г. было создано 155 акционерных компаний, а спустя полвека ежегодно их регистрировалось не менее тысячи. Особенно привлекательны для вкладчиков были акции товариществ (обществ) открытого типа, потому что они свободно продавались и покупались на фондовой бирже. Благодаря тому, что многие крупные предприятия со временем приняли форму акционерных компаний и разрешили продажу своих акций на рынке, значительно возросла роль фондовых бирж. Уже во второй половине XIX в. они стали своеобразным барометром состояния экономики.

Управлять предприятием, у которого много совладельцев, непросто. В XIX в. ни одну страну не миновали скандалы, связанные с ошибками управления и, как следствие, банкротством акционерных компаний. Отсюда нежелание многих хозяев предприятий чрезмерно увеличивать число акционеров. Они предпочитали брать деньги в долг и потом платить по нему большие проценты, чем допускать к управлению своими предприятиями чужих людей. Первоначально возможности получения промышленного кредита были ограничены. Центральные банки, вроде старейшего в мире Английского (1694) или созданного Наполеоном Банка Франции, заботились главным образом о государственных финансах. Частные банки, принадлежавшие старым банкирским династиям (например, Ротшильдам), предоставляли займы монархам, правительствам, крупным негодантам и судовладельцам, участвовавшим в мировой торговле. И те, и другие не проявляли интереса к промышленности. В обеспечение кредита банкиры обычно требовали в залог землю или другую недвижимость (дорогие городские дома или родовые замки). У большинства промышленников не было ни того, ни другого.

Но уже в середине XIX в. возникли новые и по происхождению, и по характеру деятельности банки. Как и крупные промышленные предприятия, они принимали форму акционерных компаний. Главным направлением их деятельности стало предоставление кредитов промышленным и торговым предприятиям. Банковские системы в разных странах имели свою специфику. В Великобритании банки традиционно

отличались большой осторожностью и щепетильностью, строго придерживаясь своего профиля деятельности. Это обеспечило им во всем мире репутацию солидных и надежных учреждений. Они активно занимались предоставлением кратковременных коммерческих и долгосрочных инвестиционных кредитов. Более «всеядными», по сравнению с британскими, были банки в Германии. Нередко они использовали хранившиеся на их счетах сбережения граждан для инвестиций в промышленность. Напротив, во Франции банки предпочитали работать с государственными ценными бумагами. Под гарантии правительства они охотно размещали среди своих вкладчиков облигации государственных займов России, Австро-Венгрии и других стран.

Страны Западной Европы в целом не испытывали в конце XIX — начале XX в. нехватки капиталов и кредита и даже превратились в крупнейших в мире экспортеров капитала. Напротив, страны Восточной и Южной Европы, включая Россию, а также Северной и Южной Америки, не говоря уже о странах азиатского Востока, остро нуждались в капиталах и поэтому активно прибегали к внешним заимствованиям и иностранным инвестициям. Их банковские системы переживали период становления и отличались относительной хрупкостью.

Благодаря подъему крупного машинного производства получила дальнейшее развитие оптовая торговля. Как и раньше, она была сосредоточена на товарных биржах, где был выставлен не сам товар, а его образцы. Но если в XVI–XVIII вв. предметами биржевой торговли были главным образом колониальные товары (пряности, чай, кофе и пр.), то теперь она охватывала разнообразное промышленное сырье и товары. Наряду с сельскохозяйственными биржами (например, хлебными) возникли биржи металлов, строительных материалов, текстильного сырья (хлопка, пряжи) и т. д. В середине XIX в. возникла и такая своеобразная форма ознакомления широкой общественности с новинками техники и достижениями производства, как всемирные выставки. Первая из них состоялась в 1851 г. в Лондоне.

Но особенно большие перемены произошли в розничной торговле. Раньше ею занимались исключительно мелкие дельцы. Они выносили свой товар на городские или сельские рынки, торговали в небольших помещениях (лавках). Особенности мелкой розничной торговли были ее высокая специализация и отсутствие единых цен. Машинная индустрия, буквально наводнившая рынок относительно дешевыми изделиями, создала предпосылки для перехода к новым формам розничной торговли. В

крупных городах стали возникать большие магазины, отказавшиеся от узкой специализации и торговавшие разнообразными потребительскими товарами (поэтому их стали называть универсальными) по фиксированным ценам. Они стремились привлечь покупателя заботой о его удобстве, красочным оформлением витрин, броской рекламой.

Технический переворот в промышленности и на транспорте первоначально не затронул сельскохозяйственное производство. В первой половине XIX в. существенных перемен в агротехнике не произошло. Лишь получил распространение усовершенствованный инвентарь — сначала в Великобритании, а затем и в других странах. Британские фермеры первыми также стали вносить в почву химические удобрения наряду с органическими. Но уже во второй половине XIX в. в Великобритании были изобретены некоторые сельскохозяйственные машины, сначала приводимые в движение мускульной силой человека или животных, а в дальнейшем и снабженные силовой установкой. Первой из сельскохозяйственных машин, нашедших широкое применение в сельском хозяйстве, стала механическая молотилка. Она позволила высвободить большое количество рабочих рук на одной из самых трудоемких операций. Наряду с молотилкой начали применяться и другие виды сельскохозяйственной техники, включая паровой трактор. Однако широкое распространение трактор получил лишь в начале XX в., когда на него установили двигатель внутреннего сгорания. По примеру Великобритании новые методы ведения хозяйства, усовершенствованный инвентарь и первые сельскохозяйственные машины постепенно стали распространяться и в других странах. Однако этот процесс протекал медленно. Поэтому даже в конце XIX в. сельское хозяйство в большинстве стран Европы и Америки, не говоря уже о странах Азии, по-прежнему заметно отставало от промышленности и транспорта по технической оснащенности.

Распространение новых форм экономической деятельности постепенно привело к значительным общественным переменам в странах Европы и Америки, способствовало рождению индустриального общества. Его отличительной чертой является высокая доля в составе населения классов и социальных групп, положение и облик, даже само существование которых были обусловлены подъемом крупной машинной индустрии.

Позитивные перемены в экономике и обществе, к которым привела промышленная революция, имели и свою оборотную сторону. Не выдерживая конкуренции крупной индустрии, новых форм кредита и торговли, приходили в упадок ремесло, мануфактура и лавочная торговля. От этого страдали миллионы людей, лишившиеся привычного дохода или

заработка.

Напряженное положение на рынке труда объяснялось не только экономическими, но и демографическими факторами. Начиная с XVIII в. в большинстве стран Европы и Америки наметилось ускорение роста численности населения. Именно в XIX в. его темп достиг наивысших показателей за всю историю.

Промышленная революция придала долговременное ускорение развитию как самой промышленности, так и экономики в целом. Главной движущей силой экономического роста стала крупная машинная индустрия, которая наращивала производство чрезвычайно быстро.

На завершающем этапе промышленной революции существенно изменился характер экономических отношений между странами Европы и Северной Америки, с одной стороны, и азиатским Востоком, с другой. Во-первых, Запад впервые в истории добился явного экономического преобладания над Востоком. Раньше по основным экономическим показателям — объему ремесленного и сельскохозяйственного производства — Запад уступал Востоку. Страны Востока были лучше обеспечены разнообразными природными ресурсами (плодородными почвами, полезными ископаемыми, ценными видами растений и животных), а главное — рабочими руками. В условиях господства ручного труда это давало странам Востока экономические преимущества по сравнению с Западом. Промышленная революция, охватившая основные страны Европы и Северной Америки, в основном обошла стороной Азию, Африку и Латинскую Америку. По отношению к промышленно развитым странам Запада страны Востока и Юга превратились в своего рода периферию. Они поставляли продукты питания, дешевое сырье и рабочую силу, а взамен получали значительно более дорогие продукты переработки — готовые изделия промышленности.

Вместе с тем собственные экономические потребности заставили Запад выступить с инициативой глубоких по характеру и последствиям экономических и социальных реформ в колониальных и зависимых странах. В прежние времена европейские колонизаторы, озабоченные почти исключительно торговыми интересами, старались не вмешиваться в общественные отношения, существовавшие у колониальных народов. Но постепенно промышленные интересы возобладали над торговыми. Крупная индустрия метрополии нуждалась в сырье и топливе, в сбыте готовой продукции в больших объемах. Однако удовлетворить ее потребности сельское хозяйство, ремесло, торговля колоний и зависимых стран оказались не готовы. Мешали старые общественные отношения,

унаследованные от доколониального прошлого.

Реформы, которые осуществляли колонизаторы, преследовали цель укрепить и развить в зависимых от них странах рыночные отношения, сделать их экономику более отзывчивой на колебания спроса и предложения на мировом рынке. В сельском хозяйстве на смену условному землевладению и крестьянскому держанию пришла частная собственность, арендные отношения и т. д. В ремесле и торговле были учреждены свобода предпринимательской деятельности и найма рабочей силы, упразднены привилегии и монополии, таможенные границы и другие препятствия свободному перемещению товаров, капиталов, рабочей силы.

Эти реформы не всегда отвечали текущим нуждам и запросам местного населения. Они подрывали традиционные основы благосостояния миллионов семей. Поэтому первоначально они привели к росту нищеты и бедствий народов колониальных и зависимых стран, но впоследствии принесли пользу колониальным народам. Они по существу вывели экономику стран Востока из застоя, в котором она находилась еще с доколониальных времен. Благодаря этим реформам сложились предпосылки для зарождения в странах Азии, Африки и Латинской Америки крупной индустрии и сопутствующих ей форм торговли, кредита, образования, быта, культуры.

В Индии, в экономике которой активно действовали британские торговые и промышленные компании, а также банки, контролировавшие ее внутреннюю и внешнюю торговлю, в середине XIX в. явственно сложились контуры современной рыночной экономики, хотя и обремененной многими противоречиями. В некоторых отраслях индийской промышленности, например в производстве сахара, еще в первой половине XIX в. появились мануфактуры, принадлежавшие индийцам. В 1854 г. возникли и первые предприятия крупной машинной индустрии — джутовый завод в Калькутте и хлопчатобумажный завод в Бомбее. В конце XIX в. не менее трети всего акционерного капитала страны принадлежало индийцам. В Китае в конце XIX в. осязаемые успехи принесла политика «самоусиления», которую проводило правительство этой страны, озабоченное опасностью ее колониального раздела и порабощения. В промышленное производство привлекались частные капиталы, как иностранные, так и китайские. В 1880-е годы механизированные предприятия, преимущественно текстильные, исчислялись десятками, а в 1890-е — уже сотнями. Возникли новые центры промышленного производства — города Тяньцзинь, Шанхай, Ухань и др. Впечатляющих успехов в преодолении экономической отсталости, в развитии современных форм промышленного производства,

торговли, кредита, средств транспорта добилась в конце XIX в. Япония в результате реформ Мэйдзи.

В Европе и Северной Америке высокие темпы развития производства, сохранявшиеся после завершения промышленной революции, привели к дальнейшим структурным переменам в экономике и обществе. Этот процесс также занял много времени, охватив вторую половину XIX в. и начало следующего столетия. В научной литературе его содержание определяют выразительным понятием — индустриализация.

В результате индустриализации коренным образом стала меняться отраслевая структура мировой экономики. До промышленной революции самой важной отраслью экономики по всем параметрам — стоимости продукции, количеству занятых рабочих рук и т. д. — было сельское хозяйство. Промышленная революция привела к тому, что соотношение между сельским хозяйством и промышленностью заметно изменилось в пользу последней. Но сельское хозяйство по многим показателям все еще играло главную роль. Лишь в результате индустриализации промышленность окончательно добивается перевеса над сельским хозяйством. Страны, где крупная индустрия по основным параметрам развития (стоимости продукции, доходу и т. п.) превосходит все остальные отрасли экономики, стали называться индустриальными. В конце XIX в. в их число вошли кроме Великобритании Франция, Бельгия, Германия, США и некоторые другие.

В самой промышленности традиционно главными отраслями были те, которые непосредственно удовлетворяли потребности людей в одежде, обуви, продуктах питания, удобном жилище. Они поставляли на рынок изделия, готовые к употреблению. Поэтому их в совокупности называют обрабатывающей промышленностью. Эти отрасли сохранили ведущую роль и во время промышленной революции, которая ознаменовалась подъемом текстильного производства. На текстильную, главным образом хлопчатобумажную, промышленность приходилась львиная доля оборота, дохода и рабочих мест. Именно успехи в развитии этой отрасли обеспечили Великобритании в середине столетия статус «мастерской мира»: в 1850 г. она потребляла хлопка-сырца больше, чем все другие европейские страны, вместе взятые, — 267 тыс. т. Потребление Францией хлопка-сырца за тот же год составило 59 тыс. т, германскими государствами — 26 тыс. т, другими странами — еще меньше. Потребление хлопка-сырца в Великобритании достигло максимума незадолго до Первой мировой войны — свыше 700 тыс. т. Между тем во Франции в 1910 г. потребление хлопка увеличилось до 158 тыс. т, в Германии — до 383 тыс. т. Одним из крупнейших

производителей хлопчатобумажных тканей стала Россия, увеличившая в 1850–1910 гг. потребление хлопка-сырца с 20 тыс. т до 362 тыс. т. Лидирующие позиции хлопчатобумажная промышленность сохраняла вплоть до начала XX в.

Однако дальнейший прогресс обрабатывающей промышленности был невозможен без подъема тех отраслей производства, которые поставляют для нее сырье, топливо, конструкционные материалы, оборудование, — металлургии, энергетики, машиностроения и т. д. Эти отрасли обычно называют базовыми — они служат фундаментом всей промышленности. Одной из отличительных особенностей индустриализации, по сравнению с промышленной революцией, был подъем преимущественно базовых отраслей. Начиная с середины XIX в. на роль ведущей отрасли европейской индустрии постепенно выдвигается металлургия. Этому способствуют как возросший спрос на металл, который идет на изготовление паровых машин, другого промышленного оборудования, рельсов и подвижного состава железных дорог, так и готовность металлургической промышленности, осуществившей техническую реконструкцию, предложить потребителям широкую гамму других изделий из чугуна, железа и стали. В 1830–1850 гг. производство чугуна в Великобритании увеличивается почти в 6 раз — с 400 тыс. т до 2,3 млн т. Более чем в 3 раза оно возрастает в течение следующих тридцати лет, достигая максимального уровня свыше 10 млн т в 1910 г. Во второй половине XIX в. резко поднимается производство чугуна во Франции (с 400 тыс. т в 1850 г. до 1,7 млн т в 1880 г. и 4 млн т в 1910 г.) и Германии (с 200 тыс. т до 2,7 млн т и 14,8 млн т соответственно). В России подъем металлургической промышленности происходит на рубеже XIX–XX вв. В 1880–1910 гг. в стране увеличивается выплавка чугуна с 400 тыс. до 3 млн т.

Металлургия заняла положение ведущей отрасли промышленности. Если раньше об уровне индустриального развития страны судили по количеству переработанного хлопка-сырца, то теперь — по объему производства чугуна и стали. Благодаря подъему металлургической промышленности быстрым темпом начиная с середины XIX в. растет добыча каменного угля, который служил топливом для паровых машин и железнодорожных локомотивов, а также незаменимым сырьем для металлургической промышленности. Возросло потребление угля и для бытовых нужд населения, в особенности крупных городов. На протяжении всего XIX в. крупнейшим европейским производителем и экспортером каменного угля являлась Великобритания. В 1820–1824 гг. его ежегодная добыча здесь составляла в среднем 18 млн т, тогда как во Франции и

германских государствах — всего лишь около 1 млн т. Максимального значения добыча этого минерала достигла в Великобритании накануне Первой мировой войны — в среднем 274 млн т в год. Но к этому времени ей на пятки уже наступала Германия, добывавшая в среднем 247 млн т в год. Франция заметно отстала от обеих держав со своими 40 млн т ежегодной добычи каменного угля. Зато в число крупных угледобывающих держав вошла Россия. За 30 лет, с 1880–1884 по 1910–1914 гг., она увеличила ежегодное производство данного топлива в среднем с 4 млн до 27 млн т.

Одним из самых важных социальных последствий индустриализации было то, что она впервые привела к значительному перераспределению населения между городом и деревней. Промышленная революция подняла значение городов как центров производственной деятельности. В отличие от мануфактур, распространенных в сельской местности, предприятия крупной индустрии размещались именно в городах. Городская среда привлекала заводчиков по многим причинам. Они усматривали для себя выгоду в том, что города находились на пересечении важных транспортных магистралей. В городе легче было подыскать постройки, пригодные для производственных и складских помещений, а также всегда можно было нанять нужное количество рабочих. Наконец, важно было и то, что горожане в то время являлись основными потребителями промышленной продукции. Впрочем, металлургические заводы строились, как правило, на «голом месте» — вблизи угольных шахт или рудников. А текстильные предприятия нередко возникали в селах, население которых издавна занималось прядением или ткачеством. Но эти исключения лишь подтверждают общее правило: города не только притягивали к себе крупную индустрию, но и она сама формировала вокруг себя городскую среду. Заводы, где бы они ни возникали, обрастали рабочими поселками, которые либо становились предместьями старых городов, либо на их месте вырастали новые города.

К 1901 г. в Великобритании насчитывалось 74 города с населением свыше 50 тыс. человек, а Лондон (который называли «метрополисом») увеличил количество жителей с 2,3 млн в 1851 г. до 4,5 млн в 1911 г. (если считать вместе с пригородами, то до 7,3 млн человек). При этом самый быстрый рост был отмечен не в прежних центрах промышленной революции, вроде Ливерпуля и Манчестера, а в небольших городках, расположенных вокруг одного индустриального центра.

Некоторые города выросли за полстолетия буквально из ничего, например, Мидлсбро, город угля и стали с населением 120 тыс. человек.

Главной особенностью растущих городов являлись железные дороги, благодаря которым впервые возникла единая национальная экономика. Они изменили внешний облик городов, пространство в центре заняли вокзалы и сортировочные станции; железные дороги обеспечили недорогой проезд из предместий и позволили состоятельным людям жить за городом. Вместе с тем они покрыли все вокруг ужасной копотью. Отличительной особенностью викторианских городов были грязь и шум: грязь — от поездов, фабричных труб, домашних печей и лошадей; шум — от повозок и экипажей, громяющих по булыжным мостовым. Когда в начале XX в. автомобили постепенно стали заменять лошадей, все сразу заметили, насколько тише и чище стало в центрах городов. Но шум, грязь и плохое жилье — привычное дело в то время, поэтому настойчивые требования улучшить условия городской жизни возникли далеко не сразу. Для большинства современников производство оправдывало все.

Такой взгляд нашел полное отражение в книге леди Белл (Флоранс Эвелин Белл, 1851–1930) — писательницы, драматурга и социолога. Супруга крупного промышленника в угольной, сталеплавильной и железнодорожной отраслях, леди Белл всю жизнь прожила в индустриальном городке Мидлсбро, где находились заводы ее мужа. Наиболее известным произведением леди Белл является книга «На заводе» (1907). Это классическое исследование об образцовом промышленном городе Мидлсбро, в котором собраны многолетние наблюдения за жизнью города и населявших его рабочих, трудившихся главным образом на металлургических предприятиях.

Вот как описывает город леди Белл: «Отсутствие романтического прошлого и великих традиций не помешало Мидлсбро, стремительно выросшему до гигантских размеров, приобрести достоинство иного рода — способность высоко вознестись, не опираясь на историческую основу, без помощи пьедестала Времени... И хотя в нем не найдешь прелести и обаяния старины, зато промышленные города обладают своеобразной привлекательностью и красотой... Высокие трубы, огромные, неуклюжие сушильные печи и домны кажутся в

дымной зимней полутьме башнями и горными вершинами... На этот железоделательный город нужно любоваться ночью и в сумерки, днем он окутан дымом, ночью — освещен столбами пламени».

Подъем крупной индустрии оживил экономику городов, куда со всей ближней и дальней округи стали стекаться люди в поисках работы. Городское население начало расти опережающим темпом по сравнению с населением страны. Это положило начало урбанизации, как ученые-демографы определяют процесс миграции населения из сельской местности в города, особенно крупные, и связанные с этим перемены в его образе жизни (см. «Социальные процессы»).

В 70-е годы XIX в. экономику европейских стран потряс затяжной экономический кризис. Современники называли его «великой депрессией» (впоследствии это название перейдет к еще более разрушительному кризису начала 30-х годов XX в.). Толчком к нему послужило падение цен на сельскохозяйственную продукцию, обусловленное ввозом дешевого зерна и мороженого мяса из Америки, Австралии и Южной Африки. С падением цен снизилась доходность крестьянских и фермерских хозяйств в Европе, что, в свою очередь, привело к снижению спроса на промышленные товары.

Экономический кризис подтолкнул промышленников, оказавшихся в затруднительном положении, к соглашениям с партнерами и конкурентами о проведении согласованной ценовой политики, регулировании производства и разделе рынков сбыта вплоть до организационного слияния и создания единого управления своими предприятиями. Во Франции такие объединения назывались синдикатами, в Германии — картелями и концернами, в США — трестами. Современники называли их монополиями, намекая на привилегированные торговые компании XVII–XVIII вв. В наше время ученые определяют их как олигополии, поскольку рынок обычно захватывали не одно, а 2–4 крупнейших объединения. В конце XIX в. подобные объединения можно было сосчитать по пальцам. Но в начале XX в. их число возросло, а сами они приобрели большой политический вес.

Уровень монополизации в разных странах был различен. Как правило, он был выше в странах второй волны модернизации, вроде Германии и России, где новейшие формы организации промышленного производства порой резко контрастировали с наследием минувших времен. Заметно меньше было влияние монополий, или олигополий, в таких странах

первичного капитализма, как Великобритания и Франция. Здесь предприниматели старались придерживаться вековых традиций и не терять контроль над «семейными» предприятиями. Низкой была степень монополизации промышленности во Франции, где крупных предприятий в каждой отрасли вообще было немного и преобладали мелкие и средние заведения.

В XIX в. многие научные достижения и открытия непосредственно находили применение в быту, промышленном производстве, средствах транспорта и связи. Наглядным тому свидетельством являлись открытия в области изучения электричества и магнитного поля. Опыты по созданию электрического телеграфа привели к изобретению в 1844 г. аппарата Морзе, названного так по имени его создателя — американца С. Морзе. Во второй половине XIX в. все страны и континенты мира были соединены между собой электрическими кабелями для передачи телеграфных сообщений. В 1876 г. сразу два изобретателя — американцы И. Грей и А. Белл — одновременно сообщили о создании каждым из них в отдельности аппарата голосовой связи — телефона. В самом конце XIX в. благодаря изобретениям А.С. Попова, итальянца Г. Маркони и американца Н. Тесла появились аппараты беспроводной электрической связи — радио. Изобретение электрического освещения коренным образом изменило представления людей о благоустройстве городов, комфорте жилищ, условиях труда и пр. Получила развитие электроэнергетика — отрасль промышленности, производящая электрическую энергию. Ее львиная доля первоначально расходовалась на освещение жилищ и городских улиц, но в дальнейшем, благодаря изобретению электродвигателя, крупными потребителями электроэнергии стали и промышленные предприятия. Развитие электроэнергетики позволило решить в конце XIX в. одну из острейших проблем урбанизации — городского транспорта. В 1880-е годы впервые на улицы крупнейших городов Европы и Америки вышел электротранспорт — трамваи. Одновременно возник и современный метрополитен. К концу века подземные электропоезда, кроме Лондона, пошли также в Нью-Йорке, Чикаго, Будапеште, Вене и Париже.

Достижения физических и химических наук, а также металлургии, машиностроения, электротехники и других отраслей промышленности подготовили в конце XIX в. новую революцию в средствах сухопутного транспорта, вполне сопоставимую с появлением железных дорог. В середине 1880-х годов немецкие конструкторы Г. Даймлер и К.Ф. Бенц изобрели двигатель внутреннего сгорания, работающий на бензине. Другой немецкий изобретатель Р. Дизель в 1890-е годы создал двигатель,

работающий на более дешевой топливе — солярке. Эти изобретения дали толчок развитию автомобильного транспорта и автомобильной промышленности. Вместе с тем они послужили решающей предпосылкой возникновения принципиально нового вида транспорта, о котором люди до сих пор могли только мечтать, — воздухоплавания.

Эти изобретения и открытия легли в основу новой технической революции, развернувшейся на рубеже XIX–XX вв. Она оказала столь глубокое влияние на экономику и общество, что ее нередко называют второй промышленной революцией.

Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции

Промышленный переворот при всей неоднозначности его оценок в историографии явился по существу крупнейшим событием Нового времени; он вызвал кардинальные изменения мировых производительных сил, привел к становлению индустриальной экономики в Европе, Северной Америке, Японии и обусловил начало небезболезненной, противоречивой трансформации традиционных социально-экономических систем стран Востока и Юга.

Индустриальный «вызов» Великобритании, стремительное проникновение ее текстильных и других готовых изделий на рынки зарубежных государств, а также общее расширение платежеспособного спроса в континентальных странах Европы и США, связанное с демографическим бумом XIX в. и ростом производительности аграрного сектора, способствовали сравнительно быстрому проникновению промышленной революции в ряд стран Старого и Нового Света. Имитация и творческая адаптация британских технологических достижений были во многом облегчены в силу близости культурных традиций и уровней экономического развития.

Для стран второго эшелона модернизации (Германия, Италия, Россия, Япония), вставших на путь индустриализации в XIX в., была характерна в целом более значительная роль государства в активизации процесса догоняющего развития, в том числе в обеспечении ускоренного накопления финансового капитала, в строительстве инфраструктуры и сети коммуникаций, в стимулировании (и субсидировании) развития средств производства, а также в формировании человеческого капитала — в создании национальных систем образования и подготовки кадров. Широко применяя передовые технологии и управленческий опыт, французские, американские, немецкие, итальянские, российские и японские чиновники и предприниматели стремились не разрушить, а сохранить национальную культуру, используя имевшийся богатый потенциал национальных традиций. Думается, во многом благодаря этому страны Запада, Россия и Япония сумели аккумулировать немалые человеческие, материальные и финансовые ресурсы для осуществления широкомасштабной индустриализации и экономической экспансии.

Промышленный переворот в странах Европы, Северной Америки и в

Японии привел к значительному — в 5–6 раз ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпохи Возрождения и Просвещения: примерно с 0,3–0,4 % в год в XVI–XVIII вв. до 1,8–2,2 % в XIX — начале XX в. Несмотря на существенное повышение динамики численности населения, многократно возросли и темпы роста подушевого ВВП (см. табл. 1).

Отличительной особенностью перехода к индустриальной экономике стало также значительное уменьшение нестабильности процесса воспроизводства, свойственной большинству доиндустриальных обществ, которые весьма сильно зависели от природно-климатических и иных внешних факторов.

Таблица 1

Динамика среднедушевого ВВП в период промышленного переворота, доллары США 1980 года ^[1]

Страна	Год	1800	1870	1913
Великобритания	1000–1060	2140–2230	3080–3160	
Франция	730–770	1200–1260	2100–2160	
Германия	770–810	1100–1180	2210–2290	
Италия	650–690	860–910	1500–1540	
США	670–710	1640–1690	3420–3490	
Япония	400–440	430–450	760–800	

Опыт государств Запада свидетельствует о том, что их индустриальный рост был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем принято считать. Он был в немалой мере взаимосвязан с развитием сельского хозяйства и инфраструктурных отраслей. В странах Европы и в Японии на этапе их промышленного рывка существовала достаточно тесная корреляция между динамикой сельскохозяйственного и промышленного производства.

Подъем сельского хозяйства и его интенсификация (сначала на полутрадиционной, а затем на более или менее современной основе) способствовали не только росту численности населения, но и повышению его жизненного уровня, относительному снижению издержек производства в несельскохозяйственных отраслях экономики, расширению емкости внутреннего рынка и в конечном счете обусловили перерастание протоиндустриального развития в индустриализацию.

Важнейшей предпосылкой, фактором и составной частью промышленного переворота была, как известно, революция в средствах

коммуникаций, вызвавшая резкое удешевление перевозок при росте их скорости, надежности и качества. Это уменьшало предпринимательские риски, усиливало внутривладельческую интеграцию экономик и международное разделение труда, стимулировало интенсификацию потоков готовых продуктов, сырья, труда и капитала.

В период промышленного переворота производство в новых отраслях увеличивалось сравнительно высокими темпами, и на этой основе сложился миф о феноменальном росте индустриального сектора в XIX столетии. В самом деле, если в 1730–1760 гг. среднегодовые индикаторы прироста продукции в черной металлургии и хлопковой промышленности Великобритании составляли 0,3–0,6 % и 1,4–1,8 % соответственно, то в 1760–1830 гг. они достигли уже 4–5% и 6–8%. Это привело к значительному удешевлению некоторых товаров, в частности, цены на хлопчатобумажные ткани в 1790–1850 гг. понизились более чем в 60 раз.

Возможно, ввиду своей относительной доступности эти и подобные им показатели по современному (в противоположность традиционному) сектору индустрии широко использовались различными исследователями при конструировании индексов промышленного производства. Однако они в целом оказывались, как правило, завышенными, ибо, во-первых, нередко базировались на данных о потреблении сырья, материалов и энергии, а также валовых показателях. В то же время промежуточные затраты, как известно, на начальной стадии индустриализации росли обычно опережающими темпами по сравнению с выпуском конечной продукции. Во-вторых, расчеты в целом не в полной мере учитывали размеры производства в традиционных отраслях промышленности (пищевой, шерстяной, льняной, шелковой, кожевенной и др.), в ремесленных предприятиях и в нерыночном секторе экономики. Между тем, вопреки некоторым распространенным суждениям, роль традиционного сектора в индустриальных странах XIX в. на этапе промышленного переворота была весьма внушительна. В 1860 г. в этих странах 69–77 % всех занятых в обрабатывающей промышленности приходилось на предприятия, использовавшие не машинные, а инструментальные, т. е. традиционные, технологии. И этот показатель едва ли оказался ниже 50 % в 1913 г. В целом по западноевропейским странам и США в 1750–1913 гг. производство современных видов энергии (уголь, нефть, электроэнергия) возросло почти в 190 раз (т. е. в среднем ежегодно на 3,2–3,3 %). Однако доля традиционных источников (дрова, торф, кизяк, сила ветра, воды, мускульная сила людей и животных) в общем объеме используемых энергоресурсов составляла в 1880 г. — 46–47 % и в 1913 г. — 41–43 %.

Около 1890 г. уголь и нефть обогнали традиционные источники в мировом энергопотреблении — даже если большинство населения мира непосредственно еще не использовало новые источники энергии. К концу XIX в. «ископаемое топливо» одержало верх во всемирном масштабе.

По оценкам П. Бэрока, доля современного сектора в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности Западной Европы и США стремительно возрастала — с 2–4% в 1800 г. до 12–17 % в 1830 г. и 29–36 % в 1860 г. (без Великобритании — 1–3%, 6–10 % и 18–24 %). Однако даже в 1880 г. она была ниже половины (без Великобритании — 30–38 %) и лишь к 1913 г. достигла 55–65 %.

Некоторые исследователи, касаясь проблем индустриализации, чрезмерно драматизируют характер взаимоотношений между стремительно «наступающим» современным сектором и буквально «деградирующим» традиционным сектором экономики. Разумеется, было бы неправильно недооценивать достаточно высокую степень конфликтности этих взаимодействий и связанной с ним социально-экономической напряженности в индустриализирующихся обществах. Однако реальная картина была более сложной, ибо на самом деле существовал синтез, взаимодействие традиционного и современного секторов. Развитие крупной промышленности не только разрушало, вытесняло прежние формы хозяйства в некоторых отраслях и производствах, но и стимулировало их возникновение и функционирование на традиционной и полутрадиционной основе в ряде других сегментов экономики (механизация ткачества обусловила быстрый рост «полутрадиционной» швейной промышленности, а создание современных сахарных заводов вызвало подъем кондитерского производства, полуремесленного-полумануфактурного по своему характеру, не говоря уже о развитии сопряженных с современной индустрией отраслей, использующих ручной труд в строительстве и сфере услуг).

Некоторые страны, сравнительно поздно вступившие на путь индустриализации (Япония) и стремившиеся быстро «наверстать упущенное время», старались максимально повысить отдачу от традиционного сектора, рационально использовали значительный дуализм, существовавший в их хозяйственных системах. Только к концу периода Мэйдзи (1910 г.) современная промышленность по общему объему продукции превзошла показатели производства кустарных промыслов.

На этапе первичной индустриализации японцы весьма часто закупали за границей поддержанное оборудование и использовали его за счет круглосуточной работы (с привлечением дешевой, в том числе женской и

детской, рабочей силы) до полного физического износа. Вплоть до 1912 г. половина всех выпускавшихся в Японии капитальных товаров производилась традиционными методами. При этом железо часто заменялось деревом, а динамика трудозатрат в ряде отраслей и производств была сопоставима с темпами роста основного капитала. Эти особенности японской (да только ли японской?) модели ранней индустриализации, как нам представляется, не вполне согласуются с «модернистской» парадигмой промышленного переворота, описанной в фундаментальных трудах Ф. Дин, У. Коля и Д. Ландеса и ставшей весьма популярной среди многих историков и экономистов.

Таким образом, быстрое развитие отдельных «очагов» хозяйства с новейшей технологией (в частности, в промышленности и на транспорте) имело вплоть до последней трети XIX в. (а в Японии и Италии — до начала Первой мировой войны) в целом ограниченное — в территориальном и отраслевом плане — воздействие на общеэкономический рост. По расчетам американского экономиста Д. Макклоски, в Великобритании (1780–1860) современный сектор, имевший темпы роста производительности труда втрое большие, чем традиционный сектор (соответственно 1,8 % и 0,6 % в год), производил в среднем на протяжении отмеченного периода лишь 20 % ее национального дохода.

В целом общие темпы роста индустриального сектора возросли с 0,7–0,8 % в год в XVIII в. (данные по Западной Европе) до 2,7–2,9 % по индустриальным странам в 1800–1913 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля ведущих держав в мировом производстве, % ^[2]

Страна	Год	1800	1860	1880	1900	1913
Европа в целом		28,1	53,2	61,3	62,0	
Россия		5,6	7,0	7,6	8,8	5,0
Англия		4,3	19,9	22,9	18,5	14,0
Франция		4,2	7,9	7,8	6,8	6,4
Германия		3,5	4,9	8,5	13,2	15,7
США		0,8	7,2	14,7	23,6	35,8
Япония		3,5	2,6	2,4	2,4	1,0

Таблица 3

Сдвиги в отраслевых структурах производства и занятости ныне развитых государств в доиндустриальную эпоху и в период промышленного переворота, % ^[3]

Период	Сектор ^[4]	Темп	Доли секторов в ВВП		Доли секторов в занятости	
(годы)		прироста производства	прироста занятости		начало периода	конец периода
			Страны Запада			
1500- 1800	I	0,3–0,4	49,0	43,0	0,1–0,2	78,0 62,0
			Страны Запада			
1800- 1913	I	1,3	48,0	20,0	0,5	62,0 34,0
			Страны Запада и Япония			
1800- 1913	I	1,3	48,0	21,0	0,4–0,5	66,0 39,5

Каковы же были важнейшие источники индустриального роста? В странах Запада и в Японии в период их промышленного рывка за счет увеличения затрат основных производственных ресурсов и повышения эффективности было в среднем получено соответственно около $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{4}$ прироста продукции в промышленности и строительстве. С учетом сокращения длительности рабочего времени индикатор вклада совокупной производительности достигал в среднем 28–32 %, в том числе в Великобритании и США — 14–17 %, во Франции и Германии — соответственно около 27–29 % и 36–38 %, в Италии и Японии (позже других вступивших на путь индустриализации и осуществлявших ее форсированными методами) — примерно 42–44 %. Таким образом, индустриальный сектор развивался, в отличие от аграрного, преимущественно экстенсивным способом, получая при этом от него немалую долю производственных ресурсов.

Промышленный переворот, вызвавший существенную интенсификацию структурных изменений в индустриальных странах, думается, все же не вполне оправдывает свое название. Дело в том, что ускорение общих темпов их экономического роста (примерно с 0,3–0,5 % в год в 1500–1800 гг. до 1,8–2,2 % в 1800–1913 гг.) было обусловлено увеличением вклада аграрных отраслей на 16–18 %, промышленности и строительства — на 38–40 %, а сферы услуг — на 43–45 % (см. табл. 3). Примерно такими же пропорциями (16–19 %: 39–42 %: 41–43 %) определялось участие отмеченных секторов в повышении общей динамики занятости населения. Иными словами, важнейшую роль в эпоху промышленной революции играла не только индустриализация, но и быстрое развитие торговли и сферы обслуживания, культуры и просвещения, а также различных средств и систем коммуникаций.

На протяжении многих десятилетий XIX столетия индустриальные страны проводили политику достаточно жесткого, хотя и выборочного, рационального протекционизма, нацеленного на всемерное укрепление внутренних и внешних позиций национальной промышленности и других секторов экономики. Эта политика, сопровождавшаяся не только импортзамещением, но и разнообразными институциональными реформами, ничуть не мешала государствам, идущим по пути индустриализации, активизировать развитие отраслей, ориентированных на экспорт.

В результате, если в XVIII в. в среднем по Западной Европе темпы роста физического объема экспорта не превышали 0,7–1,1 % в год, то в 1800–1913 гг. в целом по индустриальным государствам они достигли 3,3–3,5 %. В итоге значительно увеличилась доля этих стран в мировой торговле — с 40–45 % в середине XVIII в. до 63–68 % в начале XX в.

В целом в период промышленного рывка за счет роста экспорта в Великобритании, Франции, Германии и Японии было получено не более 25–30 % увеличения их ВВП, в США — 7–8%, а в Италии — 5–7%. Если сопоставить соответствующие данные XVIII в. и последующего столетия, можно обнаружить, что ускорение экономического роста этих стран было лишь отчасти связано с увеличением внешнего спроса. Иными словами, ускорение экономической динамики на этапе промышленного переворота было преимущественно вызвано развитием внутреннего рынка. Однако для малых европейских государств роль внешнего фактора была более весомой.

Одним из поразительных экономических параметров изучаемого периода является уровень интеграции, достигнутый мировой экономикой на рубеже XIX–XX вв. Интеграция рынков и невысокие торговые барьеры

играли существенную роль в усилении международной конкуренции. Снижение транспортных издержек и прогресс в области холодильных установок позволили привозить в Европу товары со всего света. Другой очевидный элемент — влияние открытости рынков капитала на финансовую интеграцию. Также необходимо отметить процесс международной конвергенции ставок реальной заработной платы и процентных ставок.

Период с 1870 по 1914 г. является вершиной глобализационных процессов XIX в., которые начались сразу же после эпохи Наполеоновских войн. Глобализация XIX в. включала в себя возрастание потоков товаров, людей, капитала и идей как внутри материков, так и между ними. Это иллюстрируется ростом объемов этих международных потоков (см. табл. 4).

Европейская международная торговля в ценах того времени возрастала в 1870–1913 гг. со скоростью 4,1 % в год по сравнению с 16,1 % в год в 1830–1870 гг. Международная торговля расширялась по многим причинам. Стабильно снижалась стоимость международных товарных перевозок благодаря техническому прогрессу и новым коммуникациям (открытию Суэцкого канала в 1869 г.). Развитие железных дорог привело к снижению внутренних транспортных издержек. Помимо этого развитию торговли способствовал мир между великими державами в период с 1871 по 1913 г. Распространение золотого стандарта гасило колебания обменных курсов и снижало неуверенность в торговых операциях.

Таблица 4

Европейская торговля в 1870–1913 годах [\[5\]](#)

Страна	1870 год, млн долл, в ценах 1990 г.	Рост в 1870– 1913 годах, %	Страна	1870 год, млн долл, в ценах 1990 г.	Рост в 1870– 1913 годах, %
Австрия	467	+333	Испания	850	+335
Бельгия	1237	+492	Швеция	713	+274
Дания	314	+376	Швейцария	1107	+418
Финляндия	310	+415	Великобритания	12237	+222

Франция	3512	+222	Средневзвешенный	+294
Германия	6761	+465	прирост по Европе	
Италия	1788	+ 158	Средневзвешенный	+379
Нидерланды	1727	+ 151	прирост, остальной	
Норвегия	223	+283	мир	

Снижение транспортных издержек влекло за собой возрастание потенциала к интеграции рынков, но политики всегда имели возможность затормозить этот процесс или даже обратить его вспять путем протекционистских мер. Так, с 1870-х годов страны континентальной Европы начали создавать барьеры в сфере торговли зерном и другими товарами. Что касается структуры торговли, то Европа в целом была экспортером промышленных товаров и импортером сырья, хотя отдельные регионы в этом отношении отличались друг от друга. Крайний случай представляла Великобритания, чрезвычайно зависимая от ввоза сырья и продовольствия, за которые она расплачивалась экспортом промышленных товаров и услуг. Остальные страны Северо-Западной Европы имели аналогичную, но не столь резко выраженную специализацию. Восточная и Южная Европа, несмотря на индустриализацию, оставалась нетто-экспортером сырья и нетто-импортером промышленного оборудования.

В отечественной и зарубежной литературе встречаются суждения о якобы существенном вкладе колониальных и зависимых стран (как импортеров готовой продукции) в индустриализацию метрополий. Это, думается, явное преувеличение. Судя по имеющимся оценкам, в XIX в. не более 6-14 % всей продукции обрабатывающей промышленности стран Запада и Японии (составлявшей 2–3% их ВВП) реализовывалось в периферийных странах. Таким образом, рынки стран Востока и Юга служили важным, но дополнительным источником увеличения экспорта для европейских государств, США и Японии и вряд ли могли коренным образом повлиять на ход их индустриализации.

Промышленный переворот в индустриальных государствах сопровождался насыщением их экономики капиталом. Норма валовых капиталовложений возросла на этапе перехода от доиндустриальной экономики к индустриальной примерно вдвое — с 5–7% ВВП в XVI–XVIII вв. (в среднем по Западной Европе) до 12–14 % в целом по странам Запада и Японии в 1800–1913 гг. Судя по данным о норме собственно производственных инвестиций (в Великобритании в период промышленного рывка 6–7% ВВП, во Франции — 10–11 %, в Германии — 10,5-11,5 %, в Италии — 11,5-12,5 %, в Японии — 14,5 %, в США — 15–

16 %), страны, позднее приступавшие к индустриализации, вынуждены были мобилизовывать для преодоления своей относительной отсталости более высокую долю национального продукта.

Великобритания оставалась в целом чистым экспортером капитала, примерно с середины XIX в. доля чистых инвестиций в ВВП Великобритании стала постепенно сокращаться, опустившись в 1891–1913 гг. до уровня 3,5 %. Став крупнейшим кредитором и экспортером капитала, «мастерская мира» обескровливала свою внутреннюю экономику: в конце XIX — начале XX в. общая норма капиталовложений в этой стране (около 9 %) была намного меньше, чем у других промышленно развитых держав (в США и Германии — 22–23 % их ВВП).

Франция в период ее промышленного рывка была также чистым экспортером капитала, его вывоз был эквивалентен в 1820–1869 гг. примерно 18–20 % национальных чистых сбережений, в 1870–1890 гг. — 11–13 % и в 1891–1913 гг. — 33–35 %. В ходе революционных и Наполеоновских войн часть ресурсов, экспроприированных у других европейских государств, была, по-видимому, аккумулирована и материализована в производственных фондах, создавших основу для последующей индустриализации.

Германия, много потерявшая в ходе Наполеоновских войн, впоследствии оказалась вынужденной привлекать иностранный капитал, главным образом в период, предшествовавший ее промышленному рывку (до середины XIX в.). Существенной финансово-экономической «подпиткой» германской индустриализации были контрибуция и территориальные приобретения, полученные в результате франко-прусской войны. Но в целом Германия начиная со второй половины XIX в. была чистым экспортером капитала, вывоз которого достигал в среднем 11–15 % ее чистых национальных сбережений.

В отличие от перечисленных государств страны поздней индустриализации — Италия, Россия и Япония, а также США — оказались на этапе промышленного рывка в положении чистых импортеров капитала. Его размеры достигали в Италии в 1861–1894 гг. 15–20 % чистых внутренних капиталовложений. В Японии доля внешних финансовых ресурсов на начальном этапе модернизации в 1869–1884 гг. — около 50 % — была значительно выше, чем на этапе форсированной индустриализации.

США в 1815–1914 гг. активно привлекали иностранный капитал. По некоторым оценкам, его общий объем возрос в 1820–1914 гг. более чем в 80 раз и достиг к началу Первой мировой войны 7,1 млрд долл. Это

государство было тогда крупнейшим должником в мире. Но ввиду значительных масштабов национальной экономики размеры обязательств США другим странам были эквивалентны примерно 20 % их ВВП. Что касается доли чистого притока иностранного капитала в финансировании начальных инвестиций, то этот индикатор не превышал в целом 12–14 % в 1800–1840 гг. и 7–9% в 1840–1890 гг. Таким образом, роль внешнего финансирования экономического роста в странах Запада и в Японии в период их промышленного рывка была в целом относительно невелика.

Таблица 5

Направления английских, французских и немецких зарубежных инвестиций в 1870–1913 годах, % [\[6\]](#)

Страна	Англия	Франция	Германия
<i>Европа</i>			
Россия	3,4	25,1	7,7
Османская империя	1,0	7,3	7,7
Австро-Венгрия	1,0	4,9	12,8
Испания и Португалия	0,8	8,7	7,2
Италия	1,0	2,9	17,9
Другие страны	2,5	12,2	
Итого	9,7	61,1	53,3
<i>США</i>			
<i>и британские доминионы</i>			
США	20,5	4,4	15,7
Канада	10,1		
Австралия	8,3		
Новая Зеландия	2,1		
Итого	41,0	4,4	15,7
<i>Латинская Америка</i>			
Аргентина	8,6		
Бразилия	4,2		
Мексика	2,0		
Чили	1,5		
Уругвай	0,8		
Куба	0,6		

Итого	17,7	13,3	16,2
Африка	9,1	7,3	8,5
Азия			
Индия	7,8	4,9	4,3
Япония	1,9		
Китай	1,8		
Итого	11,5	4,9	4,3
Остальные страны	1,0	9	2
Всего	100,0	100,0	100,0
Колонии ^[7]	16,9	8,9	2,6

Весьма значительной была в изучаемый период интеграция международного рынка капитала. Европа была банкиром всего мира. Те регионы, которые имели хороший доступ к европейскому капиталу и обширным ресурсам (США, Канада, Аргентина, Австралия), были в 1870–1913 гг. наиболее процветающими. Менее значительные, но все же важные потоки капитала устремлялись в экономики Южной, Восточной и Центральной Европы (см. табл. 5).

Интеграция капитала не была непрерывным процессом, иногда происходили «отливы», становившиеся для стран-реципиентов серьезными проблемами. Первая волна финансовой интеграции в целом завершилась к 1890 г. Интеграцию рынка капитала в конце XIX в. объясняют в основном отсутствием военных конфликтов между главными странами-кредиторами в период между франко-прусской и Первой мировой войнами. Марксистская концепция, согласно которой экспорт капитала обусловлен империалистической стадией развития капитализма, не находит подтверждения. Таблица 5 показывает, что в колонии шла не самая большая часть капитала, по сути империализм не имел определяющего значения для процесса интеграции финансовых рынков.

Касаясь внутренних особенностей накопления, отметим, что, в отличие от Великобритании, Франции и США, характеризовавшихся сравнительно небольшим прямым участием государства в производственном процессе, в странах более поздней модернизации (Германия, Италия, Россия, Япония), вынужденных форсировать свое развитие в условиях нового более капиталоемкого витка промышленной революции, доля государственных инвестиций в отдельные периоды достигала 15–25 % всех капиталовложений.

В немалой мере рост нормы и массы инвестиций и замещение труда

капиталом стимулировались во всех изучаемых странах относительным снижением цен инвестиционных товаров по сравнению с уровнем оплаты труда. С конца XVIII по начало XX в. соответствующий показатель уменьшился в Великобритании в 1,8–2,2 раза, во Франции — в 3,2–3,4, в Германии — в 2,7–2,8, в США — в 2,3–2,4 раза. Поэтому, несмотря на увеличение разрыва между богатыми и бедными, с середины XIX в. уровень жизни значительной части населения индустриальных стран стал повышаться.

Экономический рост стран Запада и Японии в период их индустриализации был связан не только с увеличением абсолютных и относительных масштабов физического капитала, но и с наращиванием человеческого капитала. Речь идет как о совершенствовании менеджмента в связи со становлением крупного производства, так и о росте качества рабочей силы, ее дисциплинированности и подготовленности.

Исследования показывают, что качество собственно человеческого капитала, в том числе мотивация труда и его продуктивность, стало возрастать после промышленной революции, когда продолжительность рабочего времени начала постепенно сокращаться, а уровень жизни пролетариата — повышаться. Об этом можно судить не только по динамике реальной зарплаты, которая стала расти, но и по изменению структуры потребления. Доля продовольствия в общих потребительских расходах основной массы населения, достигавшая, по имеющимся оценкам, в Западной Европе в XV–XVIII вв. 70–80 %, понизилась во Франции до 62–63 % в 1880 г., в Германии — 51–53 % в 1910–1913 гг., в Италии — 69–70 % в 1861–1880 гг., в Японии — 65–67 % в 1880 г., в Великобритании — 47–49 % в 1880–1890 гг. и в США — до 39–40 % в 1870–1880 гг.

Произошли также позитивные сдвиги в структуре продовольственных расходов, в частности, уменьшился удельный вес зерновых (например, во Франции с 45–50 % в 1840-е годы до 24–28 % в 1913 г.). Эти изменения оказывали немаловажное влияние на экономический рост. Так; по оценке Р. Фогеля, в период индустриализации ныне развитых государств 20–30 % прироста их подушевого ВВП было связано с улучшением питания и здоровья населения.

Примерно с середины XIX в. стали заметно расти расходы на обучение, просвещение и науку, а также здравоохранение. Доля только государственных расходов на нужды образования выросла в 1820–1830/1910–1913 гг. в Великобритании и Франции с 0,2–0,3 % их ВВП до 1,3–1,5 % и 1,6–1,7 % соответственно; в Германии с 0,8–1,0 % в 1860-е годы до 2,1–2,3 % в 1910–1913 гг.; в США с 0,3 % в 1840 г. до 1,4–1,6 % в 1910 г.,

а в Японии с 1,2–1,4 % ВВП в 1880-е годы до 2,0–2,4 % в 1910 г. Общие затраты на здравоохранение, просвещение и науку в 1910–1913 гг. были эквивалентны в Италии 2,0–2,3 % ВВП, во Франции и Великобритании — 2,2–2,5 %, в США — 2,5–2,7 %, в Японии — 2,8–3,2 % и в Германии — 3,1–3,4 % ВВП.

Возросшие инвестиции в человеческий капитал привели к зримым результатам. Так, показатель средней продолжительности жизни, составлявший в начале XIX в. в Италии, Германии и Франции 30–32 года, а Великобритании, США и Японии 35–36 лет, спустя столетие достиг в среднем по группе изучаемых стран 48–52 лет. Доля населения, охваченного теми или иными видами образования, значительно выросла: с 9–11 % в 1830–1840 гг. до 15–17 % в 1913 г. Однако как исходные, так и итоговые уровни существенно варьировали: в Италии отмеченный индикатор увеличился примерно с 3 до 11 %, во Франции — с 7 до 14 %, в Великобритании — с 9 до 15 %, в Японии — с 4 до 16 %, в Германии — с 17 до 19 %, в США — с 15 до 22 %.

В отличие от других стран в Германии, США и Японии более быстрыми темпами развивалось среднее специальное и высшее техническое образование. К 1913 г. число учащихся в средней и высшей школе в расчете на тысячу жителей составляло в Италии соответственно 6,9 и 0,8, во Франции — 4,1 и 1,0, в Великобритании — 4,6 и 1,2, в Японии — 10,7 и 0,9, в Германии — 16,4 и 1,3, в США — 11,6 и 3,9. На рубеже веков наиболее высокие темпы роста эффективности национальной системы образования были в Японии.

За XIX и начало XX в. индустриальные страны добились впечатляющих успехов в ликвидации неграмотности. На заре промышленной революции доля грамотных среди взрослого населения превышала половину только в Германии (63–67 %), Великобритании (53–57 %) и США (56–60 %). К началу Первой мировой войны в этих государствах, а также во Франции она составила уже примерно 90 %. В Японии и Италии эти показатели оказались ниже (соответственно 68–72 % и 58–62 %), правда, их стартовый уровень также заметно отставал от других стран. В силу интенсификации образования, развития средней и высшей школы, а также профессиональной подготовки рост среднего числа лет обучения работников был более значительным, чем увеличение доли грамотных: в 1800–1913 гг. оно повысилось в Италии с 1,1 до 4,8 года, в Японии — с 1,2 до 5,4, во Франции — с 1,6 до 7, в Великобритании — с 2 до 8,1, в США — с 2,1 до 8,3 и в Германии — с 2,4 до 8,4 года. Заметим, однако, что существовала немалая дифференциация в качестве полученного

образования.

Таким образом, в эпоху индустриализации в странах Европы, Северной Америки и в Японии произошли кардинальные сдвиги в структурах производства и национального богатства: за период немногим более 100 лет их совокупный продукт вырос почти в 10 раз, в том числе на душу населения — в 3,3–3,7 раза. Это означает, что по сравнению с первыми восемью столетиями второго тысячелетия средний темп изменения подушевого дохода увеличился на порядок (в 9–11 раз).

Возникла и сформировалась индустриальная цивилизация. Прогресс был достигнут как на основе расширения и углубления внутренних конкурентных рынков, так и в результате интенсификации внешних взаимосвязей стран, создания мирового капиталистического хозяйства. Вклад фактора эксплуатации колоний и зависимых стран в осуществление индустриализации метрополий был существенно меньше, чем считают некоторые леворадикальные ученые.

Сравнительно быстрая трансформация индустриальных стран — и в этом, видимо, парадокс и парадигма их развития — определялась не только масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и традиционных факторов роста, роль которых в становлении индустриальной цивилизации и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной.

Отмечая глубину произошедших сдвигов, не стоит чрезмерно преувеличивать их реальные масштабы. Формирование механизма экономического роста было отнюдь не безболезненным процессом. Во многих странах первые два поколения людей, живших в условиях промышленного переворота, заплатили немалую социальную и экологическую цену.

В ходе индустриализации стран Европы, Северной Америки и Японии возросла неравномерность их экономического развития, обострились противоречия между прежними и будущими лидерами мирового капиталистического хозяйства. Бывшая «мастерская мира», не сумевшая в должной мере адаптироваться ко второму витку промышленной революции (конец XIX — начало XX в.), т. е. обновить технологические и институциональные структуры, в некоторой степени обессиленная экспортом финансового и человеческого капитала, сдавала свои позиции (многое из сказанного справедливо также и для Франции).

США, Германия и Япония, в гораздо меньшей степени придерживавшиеся рикардианских принципов «естественных преимуществ», постепенно преодолели сырьевую полупериферийную

специализацию своих экономик благодаря последовательной реализации национальных стратегий развития, эффективным институциональным реформам, форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства и коммуникаций, а также в образование, науку и культуру.

Экономический рост индустриальных стран, при всей его конфликтности, был в целом относительно сбалансирован и имел широкую основу. Он происходил не за счет ограбления и подрыва сельского хозяйства (как это не раз случалось при попытках быстрой модернизации в XX столетии), а на базе его всемерной интенсификации, при подтягивании полутрадиционных и традиционных сегментов экономики, а также приоритетном развитии инфраструктурных отраслей. Привлечение зарубежных технологий и капиталов сочеталось с активным использованием внутренних ресурсов во многом благодаря компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов созидательной конкуренции. Наибольших успехов в XIX–XX вв. добились те страны, которые наряду с интенсификацией материального накопления обеспечили приоритетное развитие человеческого капитала.

Особенности экономической эволюции колониальных и зависимых стран

Европейская экспансия и колонизация оказали весьма противоречивое воздействие на социально-экономические структуры афро-азиатских и латиноамериканских обществ. Столкнувшись в ходе развертывания своей экспансии с менее динамичными и менее технологически развитыми цивилизациями, европейцы не преминули воспользоваться своим преимуществом в навигационных средствах и огнестрельном оружии для установления господства и навязывания неравноправных договоров. Вначале были созданы торгово-военные форпосты, а впоследствии — огромные колониальные империи.

Межцивилизационный «контакт» привел к большим человеческим жертвам как в Новом Свете, так и в некоторых регионах Азии и Африки. Насилие, непосильный труд, а главное, инфекционные заболевания, к которым у индейцев не было иммунитета, вызвали значительное сокращение численности населения в Латинской Америке. Заселение Америки чернокожими невольниками обернулось немалыми потерями для

тропической Африки.

Начало европейской колонизации сопровождалось откровенным грабежом, прямой и косвенной эксплуатацией природных ресурсов и коренного населения. Наплыв из метрополий дешевых фабричных товаров во многом разрушил местное, прежде всего городское, ремесло, включая производство предметов роскоши. Таким образом, в первой половине XIX в. в целом доминировали негативные, разрушительные тенденции.

Попытки самостоятельной модернизации в ряде стран Латинской Америки, получивших независимость в 1820-е годы (Бразилия, Мексика, Парагвай), а также в Египте эпохи правления Мухаммеда Али (1820–1830), во многом навеянные опытом индустриализации западноевропейских государств, оказались в конечном счете неудачными.

Модернизация колоний и зависимых стран, включавшая создание передовых промышленных предприятий и плантационных хозяйств, строительство портов, каналов, повышение нормы капиталовложений, наталкивалась на многочисленные трудности внутреннего характера и происходила во многом на старой институциональной основе. Речь идет о широком использовании принудительного, в том числе рабского труда, неразвитости (особенно в Бразилии и Мексике) транспортной инфраструктуры, а также о колоссальном неравенстве в распределении земельных ресурсов, сохранении сравнительно низкого уровня трудовой этики и пренебрежительного отношения к производительной деятельности как таковой. В силу указанных причин во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки получили распространение такие процессы, как дезиндустриализация и дезурбанизация.

Первые две трети XIX в. в колониях и зависимых странах были отмечены крайней нестабильностью, связанной в Латинской Америке с борьбой за национальную независимость, гражданскими войнами, военными переворотами, народными восстаниями против голландских колонизаторов на Яве 1825–1830 и 1840 гг., восстанием сипаев в Индии 1857–1859 гг., крестьянской войной тайпинов в Китае в 1850–1864 гг. Многочисленные выступления народных масс в колониальных и зависимых странах свидетельствовали о глубоком экономическом и социально-политическом кризисе.

В Мексике, по данным К.У. Рейнольдса, подушевой ВВП в 1800–1860 гг. понизился на 35–40 %, а затем, в 1860–1877 гг. вырос на 25–30 %. В Бразилии, по оценкам У. Макгрови, национальный продукт в расчете на душу населения сократился в 1800–1850 гг. примерно на 13–15 %. Расчеты по Китаю за 1800–1870 гг., основанные на оценках подушевого

производства зерновых и железа, весьма приблизительны. В целом они показывают снижение подушевого национального продукта примерно на 20 %, что отражает масштабы экономического кризиса XIX в. и негативные последствия длительной опустошительной крестьянской войны 1850-1860-х годов. Согласно подсчетам по Индии, базирующимся на данных А. Десаи, К. Мукерджи, А. Мэддисона, Р. Голдсмита и Ш. Мусави, отмеченный индикатор также уменьшался. В итоге к началу 1870-х годов он был на 20 % меньше, чем в середине XVIII в.

В Индонезии, судя по оценкам А. Мэддисона, чистый внутренний продукт в расчете на душу населения в 1700–1830 гг. не возрастал, в дальнейшем он несколько повысился и в 1840–1870 гг. зафиксировался на уровне, в среднем на 5-10 % превышавшем показатель предыдущих 100–130 лет.

Итак, при всем разнообразии путей экономической эволюции отмеченных стран вплоть до середины XIX в. в них преобладали негативные тенденции. Примерно в последней трети — четверти XIX в. в Азии, Африке и Латинской Америке сложились более благоприятные условия для начала или возобновления экономического роста. Существенное удешевление транспортных расходов, в том числе морских перевозок, сделало возможным и весьма выгодным широкое освоение природных и трудовых ресурсов, а также потребительских рынков колониальных и зависимых стран.

В конце XIX — начале XX в. колониальная экспансия европейских держав, Японии и США достигла апогея. Периферия оказалась поделенной между метрополиями, имевшими обширные территориальные владения и зоны влияния. В этот период во многих колониях и зависимых странах произошла определенная стабилизация общественной жизни. В целом уменьшилось число внутренних войн и восстаний. Совершенствовалась работа административного аппарата.

Одна из отличительных черт развития этих стран во второй половине XIX в. — активное инфраструктурное строительство, создание и расширение портов, проведение ирригационных работ. В данный период велось интенсивное строительство каналов, линий железнодорожных коммуникаций. К началу Первой мировой войны общая длина железных дорог достигла в Индии 55,8 тыс. км, в Китае — 9,9, в Индонезии — 2,9, в Египте — 4,3, в Турции (в азиатской части) — 3,5, в Бразилии — 24,9, в Мексике — 25,5, в Аргентине — 33,2 тыс. км (для сравнения: в Италии — 16,9 тыс., в Великобритании — 37,7, во Франции — 51,2, в Германии — 63,7, в США — 410,9, в Японии — 10,6 тыс. км). В пересчете на 1 тыс. кв.

км (общей территории) отставание от развитых государств было весьма значительным (в среднем 1:10).

По данным Ч. Иссави и А. Мэддисона, в 1870–1914 гг. общий объем иностранного капитала, инвестированный в страны Азии, Африки и Латинской Америки, вырос в 5,3–5,5 раза, достигнув примерно трети их совокупного ВВП. При этом в расчете на душу населения величина иностранного капитала, инвестированного в крупных азиатских государствах (в Китае 3,5–4,0 долл. США, в Индии 6,7–7,3, в Индонезии 12–13 долл.), была меньше, чем в странах Ближнего Востока (в Турции 61–62 долл., в Египте 83–84 долл.), и намного меньше, чем в Латинской Америке (в Бразилии 81–83 долл., в Мексике 113–115 долл.). В Аргентине этот показатель (409–411 долл.) в целом не уступал данным по британским доминионам: Южная Африка (346–347 долл.), Австралия (373–374 долл.) и Канада (490–491 долл.). Превалирующая доля (65–75 %) этих средств была вложена в инфраструктуру и добывающую промышленность.

В ряде стран Латинской Америки и Ближнего Востока за счет притока иностранных инвестиций финансировалась немалая часть внутренних капиталовложений: этот показатель в Мексике в эпоху правления П. Диаса (1877–1911) достигал 67 %, в Турции и Египте в 1907–1913 гг. — 50–60 %. Близкие к отмеченным индикаторы были характерны для французских колоний в Северной Африке, а также для Кореи и Тайваня, принадлежавших Японии. Однако в Индии и Китае превалировали другие тенденции: примерно 85 % всех капиталовложений шли из внутренних источников.

Наряду с отмеченными факторами важными компонентами улучшения хозяйственной конъюнктуры в колониальных и зависимых странах стало заметное увеличение их экспортного потенциала. В последней четверти XIX — начале XX в. для стран — поставщиков сельскохозяйственного и минерального сырья сложилась весьма благоприятная конъюнктура. В этот период за счет увеличения экспорта была получена в целом одна шестая прироста валового продукта колониальных и зависимых стран. Темпы роста экспортных сегментов значительно превосходили соответствующие показатели традиционных секторов экономики. В результате увеличилась доля современного сектора в экономике этих стран с 1–3% в 1880 г. до 10–19 % — в 1913 г.

В целом, несмотря на существенное повышение в периферийных странах темпов роста численности населения, связанное прежде всего с усилением контроля за распространением эпидемий и некоторым увеличением экстренной помощи голодающим, возросли также темпы

роста подушевого ВВП. Согласно различным оценкам в Бразилии среднегодовой темп роста национального продукта в расчете на душу населения мог достигать в 1850–1900 гг. 0–1,5 %.

В Мексике в эпоху П. Диаса происходил довольно быстрый экономический рост, опиравшийся на интенсивное развитие инфраструктуры, экспортных анклавов в добывающей промышленности и сельском хозяйстве. Оценки масштабов этого роста неоднозначны. По данным М. Рамиреса, подушевой национальный продукт повысился на 34–38 %, а по оценкам К. Рейнольдса — на 60–65 %.

По данным А. Хестона и Р. Голдсмита, внесшим поправки и уточнения в расчеты М. Мукерджи, С. Сивасубрамоньяна и А. Мэдисона, среднегодовой показатель прироста чистого внутреннего продукта Индии на душу населения в 1870–1913 гг. составлял 0,5–0,6 % в год. Подушевой ВВП Китая, несмотря на все перипетии социально-политической жизни страны, составлял в 1890–1913 гг. 0,1–0,2 %.

В странах Юго-Восточной Азии также отмечалось ускорение темпов подушевого экономического роста: в Индонезии 0,2–0,3 % в год в 1880–1900 гг., в Таиланде с 0,1–0,2 % в 1870–1900 гг. до 0,9–1,1 % в 1900–1913 гг.

Экономическая модернизация ближневосточной периферии также сопровождалась ускорением темпов подушевого экономического роста. В Османской империи, по данным О. Окьяра и Ч. Иссави, этот показатель в 1889–1911 гг. достигал примерно 0,9–1,0 % в год, в Египте в 1885–1911 гг. — около 0,8–1,0 % в год, в Алжире среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП составляли 0,2–0,3 % в 1880–1910 гг.

Обобщая данные по 14 странам, в которых в 1913 г. проживало 80 % населения Азии, Африки и Латинской Америки, отметим, что средневзвешенный показатель подушевого экономического роста в этой группе государств на рубеже XIX–XX вв. составлял примерно 0,55–0,65 % в год.

Оценивая тенденции, особенности и факторы экономической эволюции стран Востока и Юга в конце XIX — первой половине XX в., нельзя не учитывать различные негативные обстоятельства, острые коллизии и противоречия. В целом в начале XX в., согласно оценкам В.Г. Растянникова и Г.К. Широкова, изъятия прибыли из колониальных и зависимых стран (без Китая и Индии) были эквивалентны 2,1–2,3 % их совокупного ВВП. В Китае и Индии этот показатель был несколько меньше (примерно 1 % их национального дохода).

Экономический рост колоний и зависимых стран был в целом весьма нестабильным. Неравномерность темпов прироста ВВП варьировалась в

достаточно широком диапазоне. Он был более чем в 1,5 раза выше, чем в метрополиях на этапе их промышленного рывка.

Экономический прогресс стран Востока и Юга сдерживался значительным отставанием в развитии человеческого фактора, обусловленным сохранением архаичных институтов, слабо трансформированных колониальными властями и компрадорскими режимами формально независимых государств. На нужды социальной инфраструктуры в колониях и зависимых странах выделялись ограниченные средства. Данные по Индии, Египту и Бразилии за начало XX в. показывают, что государственные расходы на просвещение и образование составляли не более 0,4–0,6 % их ВВП. Согласно данным по Индии и Бразилии, их инвестиции в человеческий капитал (здесь образование и здравоохранение) были в 3–9 раз меньше, чем в странах Запада и Японии.

Состояние физического здоровья населения — важная характеристика развития человеческого фактора — может быть оценено при помощи ряда индикаторов, в том числе таких, как младенческая смертность и средняя продолжительность жизни. Судя по имеющимся данным, первый из них к концу XIX — началу XX в. понизился, но оставался весьма значительным. Средняя продолжительность жизни повышалась, но крайне медленно — примерно с 26–28 лет в 1870-е годы до 29–30 лет в начале XX в.

Не лучше обстояло дело с показателем грамотности населения, который, несмотря на некоторый прогресс, оставался весьма низким: в среднем по этим странам он достиг 14–15 % в 1900 г. В конце XIX — начале XX в. уровень грамотности составлял в Индии и Египте всего 6–7%, в Мексике 15–20 %, в Бразилии 20–25 %. Существенное отставание в развитии человеческого фактора, экономической и социальной инфраструктуры, превалирование традиционных институтов и укладов, весьма слабо затронутых ограниченными реформами, проводившимися колониальными властями и местными элитами, оказывали тормозящее воздействие на динамику эффективности производства.

Динамика совокупной производительности была далеко не одинаковой в разных группах колониальных и зависимых стран. В ряде латиноамериканских государств (Бразилия, Мексика), завоевавших политическую независимость еще в первые десятилетия XIX в. и имевших относительно длительный «стаж» предмодернизационного развития, а также в некоторых колониях с существенным «вкраплением» современного сектора (Тунис и Марокко, Тайвань и Корея) динамика совокупной

производительности была сравнительно высокой — соответственно 0,8–1,2 %, 0,6–1,0 % и 1,3–1,5 % в год.

Вместе с тем большинство колоний и зависимых стран, в которых преобладали традиционные и полутрадиционные уклады, развивались менее динамично, темпы увеличения эффективности производства в них в среднем едва ли превышали 0,2–0,4 % в год.

Таким образом, экономический рост колониальных и зависимых стран был крайне нестабильным, диспропорциональным; несмотря на интенсивную эксплуатацию их природных и трудовых ресурсов, он имел (за редким исключением) преимущественно экстенсивный характер, поскольку модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела в XIX в. к сколько-нибудь значительному, качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

Покорение и освоение европейскими колонизаторами многих стран Востока и Юга нанесли в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам, сопровождались немалыми жертвами и потерями для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало в конечном счете значительный импульс экономическому и социальному развитию стран Азии, Африки и Латинской Америки.

После периода упадка и стагнации, продолжавшегося до последней трети XIX в., в колониальных и зависимых странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. Несмотря на некоторое повышение индекса развития периферийных стран после 1870 г., разрыв по подушевому ВВП между ними и странами Запада возрос, составив 1:3 в 1870 г. и 1:4,7 в 1913 г.

Нараставшее отставание колоний и зависимых стран объективно усиливало конфликтность мирового развития. Требовались более глубокие реформы и действенные методы модернизации стран Востока и Юга, их превращение из объектов в субъекты мировой экономики и политики.

Особого внимания заслуживает вопрос о предопределенности так называемого «Великого расхождения» между Европой и остальным миром. Наиболее распространена точка зрения о наличии прежде всего на Северо-Западе Европы наилучших, а в ряде случаев уникальных социальных институтов и экономических условий, сформировавшихся еще до экономического взлета Европы в XIX в.

Представители новой волны востоковедов (К. Померанц, Б. Вонг, П. Партасарати) считают эту схему дискуссионной, обращая внимание на данные XVIII в., показывающие, в частности, что развитые районы Индии

и Китая не уступали по уровню жизни Северо-Западу Европы. Ими же выдвигается ряд альтернативных гипотез, иначе трактующих проблему «восхода Запада и заката Востока», опирающихся на анализ ресурсной и факторной обеспеченности, влияния колониационного процесса, а также зависимости от предшествующего развития того или иного региона. Данный ревизионистский подход разделяется далеко не всеми. Так, Б. Гупта и Д. Ма указывают, что если измерять уровень жизни в реальной заработной плате, то наиболее развитые области Китая, Японии и Индии будут ближе не к Северо-Западу Европы, а, скорее, к отстающим Югу и Центру.

Наиболее интересным аспектом данного вопроса является вопрос о колониальном влиянии на «Великое расхождение». Так, для Индии можно сказать, что Англия использовала ее ресурсы в своих интересах, но в то же время имелся ряд позитивных моментов: внедрение новой системы землепользования, опирающейся на принцип индивидуальных прав собственности, доступ к более развитому рынку капитала метрополии, получение «специализации», основанной на установлении связей с глобальным рынком, а также постройка железных дорог и систем ирригации. Приверженцы теории зависимого развития рассматривают отношения между метрополией и колонией как эксплуататорские, а в специализации на основе торговли видят причину углубления разрыва между Европой и Азией. Однако фактический материал, представленный многочисленными исследователями, позволяет сделать вывод, что причины этого разрыва не относятся к колониальному периоду.

Ситуация с Китаем носит несколько иной характер. На Китай западный империализм воздействовал менее масштабно и не так долго, как на Индию. Это имело двоякие последствия: с одной стороны, повышение конкуренции сильно осложняло жизнь местному бизнесу, с другой — привнесло новые технологии и зарубежные инвестиции. Западное влияние стало причиной возникновения интеллектуальных стимулов к долгосрочным экономическим изменениям в Китае.

Таким образом, ревизионистская позиция по проблеме «Великого расхождения» не может считаться абсолютно корректной, скорее правы оказываются сторонники традиционного подхода. Фактические данные свидетельствуют о том, что разрыв в уровне жизни между Азией и Северо-Западом Европы существовал уже в начале Нового времени. По мере развертывания промышленной революции этот разрыв все более увеличивался.

Демографические процессы в XIX веке

С точки зрения демографического развития в «долгом XIX веке» стоит отметить две глобальные взаимосвязанные тенденции: во-первых, сложный многоэтапный процесс снижения уровня рождаемости и роста средней продолжительности жизни, известный в науке как «демографический переход», во-вторых, рост географической мобильности населения, который нашел свое отражение как в усилении урбанизации, так и в росте трансконтинентальных миграций.

Описывая демографические изменения XIX в., необходимо учитывать, что многие статистические данные того времени не отличаются высокой степенью достоверности. В европейских странах, США и Японии индустриальный рост привел к повышению качества государственных институтов (и как следствие — статистического учета). В Китае же, напротив, данным по численности населения конца XIX в. едва ли можно доверять в большей степени, чем аналогичным цифрам середины XVIII столетия.

Одним из фундаментальных изменений XIX столетия, вызванных аграрной и промышленной революциями, стало изменение модели воспроизводства населения. На протяжении многих веков население Земли росло довольно медленными темпами, отсутствие контроля за уровнем рождаемости компенсировалось высоким уровнем смертности. Таким образом, демографическая ситуация находилась в относительном равновесии, которое вслед за итальянским исследователем М. Ливи-Баччи можно назвать «демографически затратным». «Долгий XIX век» оказался переломным. В период с 1800 по 1900 г. смертность в европейских странах в среднем сократилась вдвое, тогда как рождаемость в большинстве из них оставалась на весьма высоком уровне. Лишь начиная с 1870-х годов уровень рождаемости в некоторых европейских странах начинает приходить в соответствие с ожидаемой увеличившейся продолжительностью жизни. В демографии эта комплексная трансформация называется «демографический переход».

Демографический переход

Первые попытки создать единую концепцию демографической истории XVIII–XIX вв. стали предприниматься

еще в 1890-х годах. На рубеже веков исследователи пытались объяснить различия в уровнях смертности и рождаемости в различных странах Европы разницей в климатических условиях, географическом положении, социальными, религиозными, а подчас и расовыми причинами. Однако ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Ситуация стала меняться в конце 1920-х — начале 1930-х годов благодаря усилиям американского демографа Уоррена Томпсона (1887–1973), который обратил внимание на общие тенденции в изменениях показателей естественного прироста населения в разных странах за предыдущие двести лет. Его работы, а также исследования К. Дэвиса (1908–1997), Д. Кирка (1913–2000), А. Ландри (1874–1956) и Ф. Нотенштейна (1902–1983) позволили создать обобщающую универсальную теорию демографического развития индустриальных обществ — теорию демографического перехода (термин Ф. Нотенштейна).

Она предусматривает четыре основных этапа. Для первого этапа характерно отсутствие существенного роста населения при стабильно высоких цифрах смертности и рождаемости. Согласно теории, на этом этапе находятся в основном доиндустриальные общества.

На втором этапе происходит резкое падение уровня смертности, что приводит к демографическому буму. Это обусловлено ростом производительности сельского хозяйства в результате аграрной революции, подъемом промышленного производства и заметным снижением смертности, особенно среди детей младше 10 лет, во многом благодаря распространению знаний о гигиене, улучшению санитарного контроля, созданию общедоступной системы медицинского обслуживания и успехам в борьбе с такими опасными заболеваниями, как чума, оспа и холера.

Большинство стран Западной Европы оказались на этой стадии демографического перехода в середине — конце XIX в. С 1870 по 1913 г. средняя продолжительность жизни и среди мужчин, и среди женщин в Англии, Германии, Бельгии, Дании, Швеции выросла более чем на 10 лет, а в Италии, Нидерландах и Франции — почти на 20 лет.

На третьем этапе демографического перехода рост населения начинает сдерживаться падением рождаемости, смертность при

этом продолжает снижаться еще более высокими темпами. В результате численность населения продолжает расти, но заметно медленнее, чем ранее. Это приводит к постепенному старению населения. Исследователи выделили множество причин падения рождаемости на данном этапе: рост производительности в сельском хозяйстве значительно снижает спрос на дополнительные рабочие руки, меняющиеся представления о семье, детстве и положении женщины в обществе также способствуют снижению рождаемости, наконец, важнейшим фактором является улучшение качества и распространения контрацептивных средств и знаний о них.

На четвертом этапе демографического перехода численность населения стабилизируется, естественный прирост прекращается или становится весьма незначительным, а показатели рождаемости и смертности остаются низкими. К середине — концу XX в. на этой стадии оказались большинство стран Европы, США, Канада, Аргентина, Бразилия, Россия и др.

Таким образом, демографический переход — это переход от традиционного «затратного» к современному — «эффективному» способу воспроизводства населения, главными признаками которого являются низкая рождаемость и большая продолжительность жизни.

Длительность демографического перехода варьировалась в различных странах. В Англии смертность стала постепенно снижаться уже в 1740-е годы, а весь процесс занял около 200 лет, в Швеции и Дании она снизилась во второй половине XVIII в., и это длилось около 160 лет, в Нидерландах — в 1850-е годы, но новое равновесие было достигнуто уже через 90 лет. В большинстве стран второй волны индустриализации — Германии, Италии, Японии, Аргентине и др. — показатели смертности стали неуклонно падать в 1870-е годы. Чем меньше времени занимали демографические изменения, тем сложнее проследить этапы демографического перехода, описанные в теоретической модели. Пожалуй, единственной страной, чья статистика позволяет с уверенностью определить хронологические рамки той или иной стадии, является Великобритания, что неудивительно, ведь именно на материалах английской демографической истории и разрабатывалась изначально концепция демографического перехода. При этом подавляющее большинство исследований подтверждают, что в последней трети XIX столетия в индустриальных странах Европы, Америки и Азии происходит

смена тенденций демографического развития, определяемая ростом ожидаемой продолжительности жизни, снижением смертности и постепенным снижением рождаемости.

Как правило, тенденции к падению уровня рождаемости проявлялись не ранее, чем через 20 лет после начала демографической трансформации, с начала века и до 1870 г. В странах Западной Европы уровень рождаемости стабильно находился на отметке приблизительно 30–37 детей на тысячу человек в год, или, другими словами, одна женщина за свою жизнь в среднем рожала около 5–6 детей. В пиренейских странах, на Балканах и в Восточной Европе этот показатель был еще выше. В России, Бразилии и Аргентине, благодаря стремительному росту населения в сельских районах, в 1870 г. на тысячу человек приходилось более 45 новорожденных. Лишь во Франции и США демографическая ситуация сильно отличалась от общей тенденции, там уровень рождаемости стал снижаться уже на рубеже XVIII–XIX вв. (см. табл. 6).

Таблица 6

Среднее число детей на одну женщину в некоторых европейских странах ^[8]

Страна	1800 г.	1850 г.	1870 г.	1900 г.	1910 г.
Швеция	4,27	4,27	4,49	3,91	3,31
Англия	5,55	4,95	4,94	3,40	2,84
Нидерланды -		4,6	5,23	4,48	3,32
Германия -		-	5,29	4,77	3,52
Швейцария -		-	4,03	3,32	3,01
Франция	-	3,38	3,42	2,79	2,25
Италия	-	-	4,88	4,43	4,28

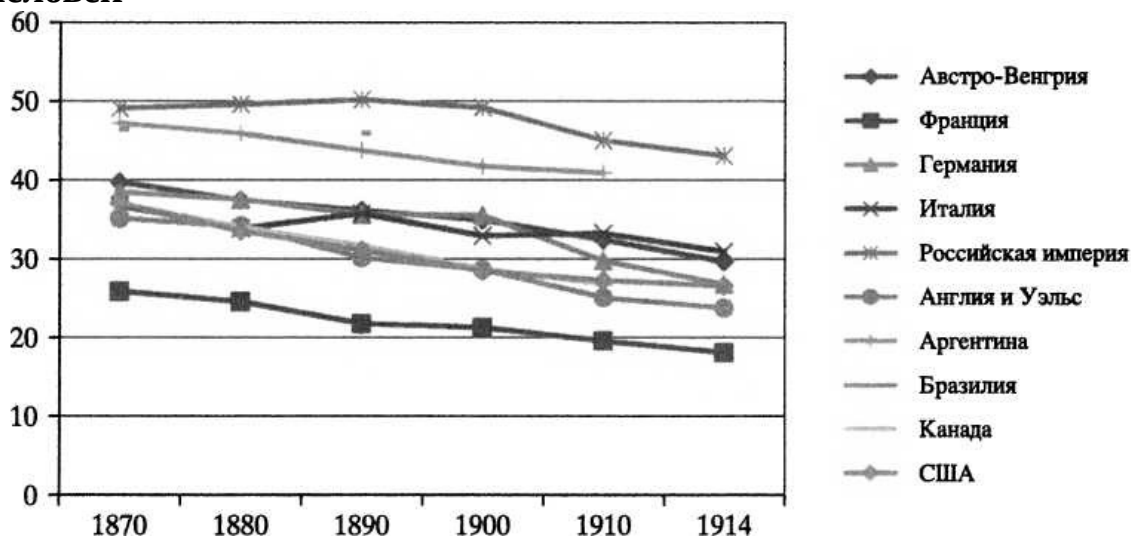
Эта особенность стала причиной множества дискуссий, и ее причины до сих пор до конца не выяснены. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что во Франции значительно раньше, чем в остальной Европе, начинают практиковать добровольный контроль над рождаемостью, в некоторых французских городах, например в Руане, это явление наблюдается уже в начале XVIII столетия.

В конце XIX в. в индустриальных странах меняется зависимость между благосостоянием и уровнем рождаемости. Если до 1870 г., как правило, показатели уровня ВВП на душу населения и среднего количества детей в семье были прямо пропорциональны, то на рубеже веков показатели рождаемости быстрее всего снижаются в наиболее развитых,

богатых странах (см. график 1). Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о происхождении этого парадокса. Долгое время исследователи полагали, что сокращение рождаемости в индустриальных обществах было связано в первую очередь с удорожанием стоимости содержания ребенка, однако, как показал американский экономист Г. Беккер, товары и услуги, необходимые, чтобы вырастить ребенка, росли в цене медленнее, чем рост реальной заработной платы. Беккер предположил, что изменение рождаемости в богатых обществах было вызвано стремлением родителей обеспечить более высокий уровень жизни своим детям, что в условиях индустриального общества означало необходимость качественного длительного обучения. Это изменение родительских предпочтений было вызвано не только повышением уровня жизни, но и складыванием в европейских обществах новых представлений о семейной жизни, детстве и образовании, навеянных работами И. Песталоцци, М. Монтессорри и др.

График 1

Уровень рождаемости в 1870–1914 годах, кол-во новорожденных на тыс. человек ^[9]

В абсолютных цифрах с 1800 по 1913 г. население Европы увеличилось приблизительно в 2,5 раза — с 188 до 458 млн человек, а доля европейцев (включая жителей Российской империи) в составе населения земного шара возросла приблизительно с 20 % до 26 %. Однако демографический рост отдельных частей Европы был далеко не равномерным. Его темп был выше в таких странах, как Россия и Великобритания. В России в 1800–1913 гг. численность населения увеличилась приблизительно с 35–40 млн до 163 млн человек, т. е. в четыре раза. Даже если сделать поправку на расширение территории России, все равно темп роста остается впечатляющим. Но и в Великобритании за тот

же период население увеличилось в схожей пропорции — с 10,5 млн до 41,5 млн. Несколько замедленным выглядит демографический рост в Германии. В 1800–1913 гг. население этой страны увеличилось с 24 млн до 67,3 млн человек, т. е. почти в три раза. Среди крупных стран Европы самый низкий темп демографического роста отличал Францию и Испанию. Население Франции в 1800–1913 гг. выросло всего лишь наполовину — с 27 млн до 38,5 млн человек, а население Испании в 1797–1910 гг. — менее чем в два раза: с 10,5 млн до 20 млн человек.

В Российской империи вышеуказанные изменения произошли заметно позже, чем в большинстве стран Европы. К началу Первой мировой войны она оставалась единственной страной в Европе, где средняя ожидаемая продолжительность жизни не достигала 40 лет, составляя для мужчин 32,4 года, а для женщин — 34,5. При этом вариативность регионального развития была довольно высокой, например, в Финляндии эти же показатели значительно превышали аналогичные по всей империи и находились на среднем европейском уровне. Под влиянием аграрной революции, начавшейся в России около 1860–1870 гг., доля людей, занятых в сельском хозяйстве, к концу века снизилась до 60 %, но все равно оставалась одной из самых высоких в Европе.

Из азиатских стран демографический переход в XIX в. наблюдался только в Японии. В остальных странах динамика роста продолжительности жизни и численности населения значительно уступала показателям Европы и Северной Америки. На протяжении всего столетия Азия оставалась самым населенным континентом в мире, в начале века на ее долю приходилось более 66 % всего мирового населения, а к 1900 г. там проживало около 55 % всего населения Земли (см. табл. 7).

Таблица 7

Население Земли по континентам и странам, % [\[10\]](#)

Год	Азия	Европа	Россия	Африка	Америка	Океания	Весь мир
1800	66,2	15,1	5,0	11,0	2,5	0,2	100
1900	55,3	18,0	7,8	8,4	10,1	0,4	100

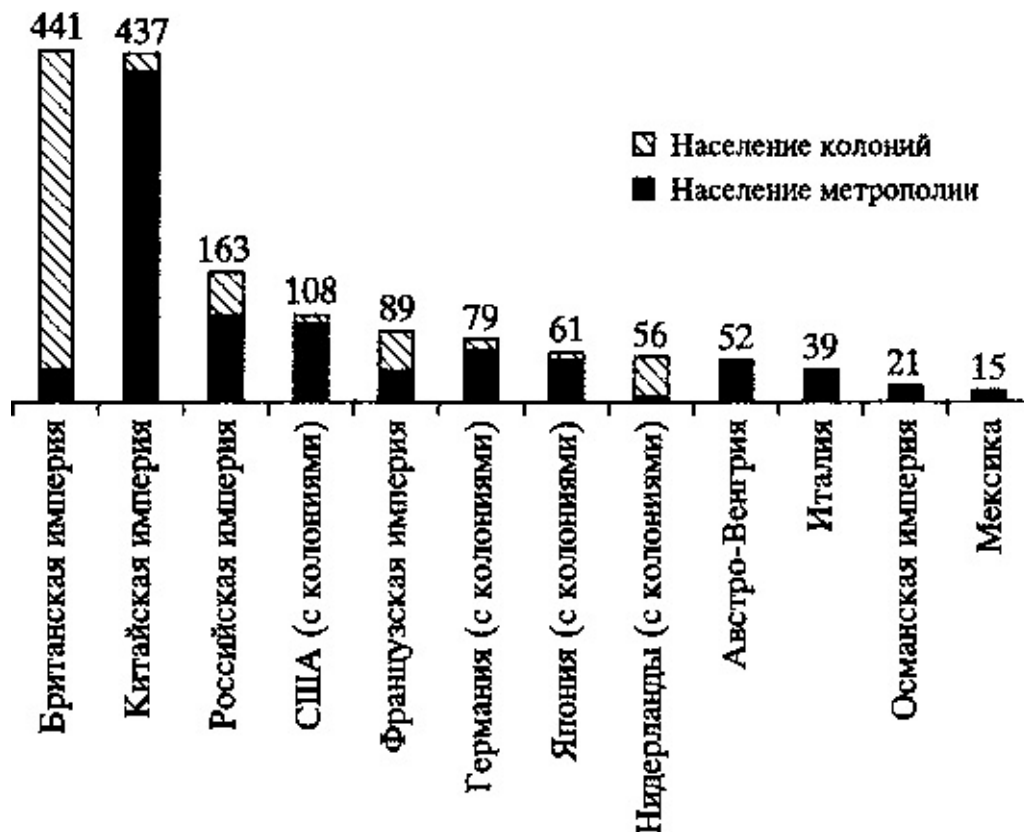
Всего же более 90 % всего населения мира к 1914 г. были гражданами каких-либо империй. Колониальные захваты XIX в. привели к тому, что крупнейшим государством-не империей в 1914 г. оказалась Мексика с ее 15-миллионным населением. Соединенные Штаты Америки тоже нельзя назвать империей в полном смысле этого слова, однако в результате войны с Испанией 1898 г. они приобрели одну из наиболее густонаселенных колоний в мире — Филиппины (приблизительно 8,5 млн человек). Подчас

колонии в разы превосходили метрополию по численности населения, самый разительный пример — Нидерланды, где проживали около 6 млн 200 тыс. человек, что составляло лишь 11 % от населения голландской Ост-Индии (см. график 2).

Очевидно, что не все перечисленные ниже державы по состоянию на конец столетия входили в число мировых держав. Так, вторая по численности страна мира в конце «долгого XIX века» — Китай — была разделена на зоны влияния, численность населения некоторых из них достигала почти 200 млн человек.

График 2

Самые большие страны мира по населению в 1913 году, млн человек ^[11]

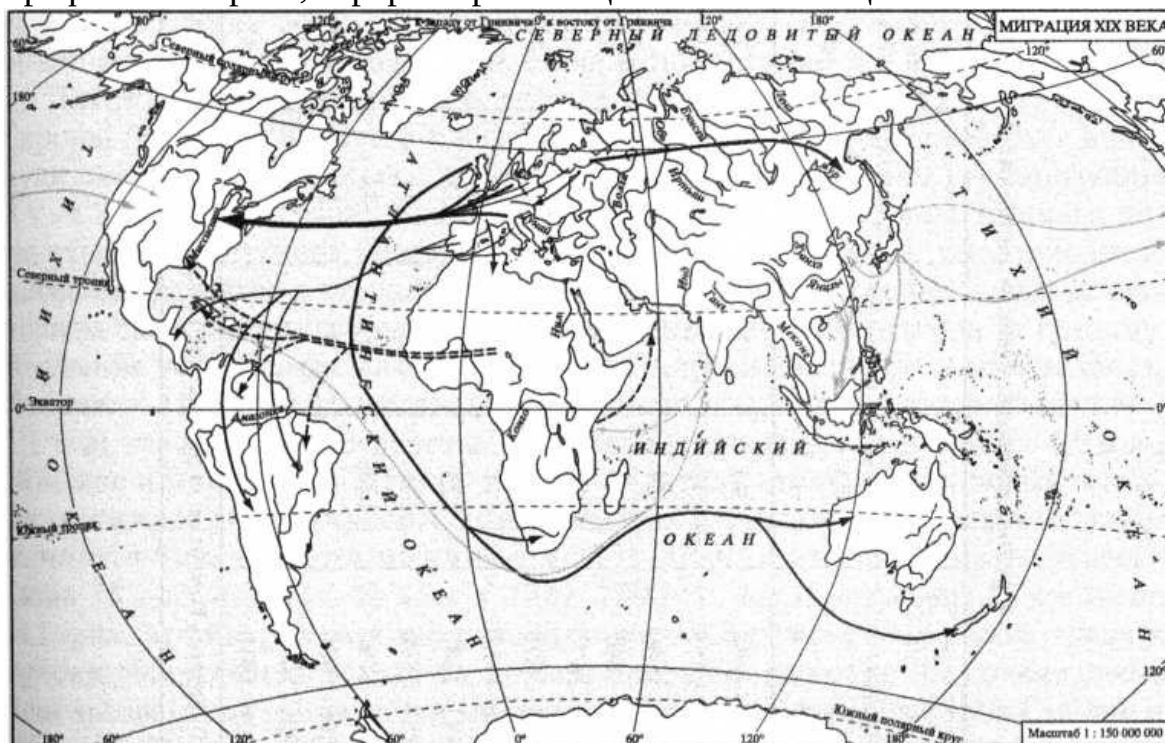

В «долгом XIX веке» в Европе снижается роль ряда факторов, влияющих на сокращение населения. Самым известным демографическим шоком стал «великий голод», разразившийся в Ирландии в 1846–1852 гг., в результате которого население острова сократилось во второй половине столетия почти в два раза, а эмиграция за 10 лет превысила 1,8 млн человек. Самой страшной демографической трагедией XIX в. стала гражданская война тайпинов в Китае, унесшая жизни, по самым скромным оценкам, 20 млн человек (некоторые исследователи пишут о

приблизительно 60 млн погибших). Влияние колониализма на демографические процессы изучено недостаточно хорошо, можно только с уверенностью утверждать, что некоторые колониальные захваты сопровождались довольно большими жертвами — на Яве погибли приблизительно 200 тыс. человек, процессы колонизации на западе США, в Австралии, в Бельгийском Конго, где установился, пожалуй, наиболее жестокий колониальный режим в XIX в., уменьшили коренное население этих территорий в разы.

Миграции. Великая европейская экспансия

Второй важнейшей отличительной особенностью демографической истории «долгого XIX века» стал невиданный ранее рост географической мобильности, выразившийся в процессе урбанизации (подробнее см. «Социальные процессы») и в значительном увеличении миграционной активности населения всех стран, вставших на путь индустриализации, но в первую очередь европейцев. На то было три основные причины: демографический рост, аграрная революция и глобализация.

Миграции в XIX в.

© «Большая Российская энциклопедия»

Таблица 8

Среднее ежегодное число эмигрантов из Европы на другие континенты в 1846–1910 годах, тыс. человек [\[12\]](#)

Период	Великобритания и Ирландия	Германия	Скандинавские страны	Франция, Швейцария, Бельгия, Нидерланды	Австрийская империя (без итальянских и балканских владений)
1846– 1850	199	36	4	14	2
1851– 1855	232	75	7	18	4
1856– 1860	124	49	5	7	2
1861– 1865	144	44	10	6	2
1866– 1870	171	83	39	15	6
1871– 1875	194	79	22	15	11
1876– 1880	115	46	23	9	12
1881– 1885	228	172	58	23	35
1886– 1890	215	97	61	35	53
1890– 1895	128	81	48	17	68
1896– 1900	81	25	22	10	77
1901– 1905	156	28	54	15	203
1906– 1910	235	26	44	18	265

Резкий рост численности населения, особенно в сельской местности, в условиях аграрной революции привел к появлению большого числа низкооплачиваемых работников и безработных. Производительность труда в сельском хозяйстве в первой половине XIX в. возрастала ежегодно на 0,6 %, а в период с 1850 по 1910 г. — более чем на 1 %. Если в начале века три четверти всего населения Европы были заняты в аграрном секторе, то уже к 1850 г. — лишь 50 %, а во второй половине столетия общее число работников сельского хозяйства начинает неуклонно уменьшаться. Площадь сельскохозяйственных земель в Европе, за исключением России, с 1860 по 1910 г. увеличилась лишь на 7 млн га (для сравнения: в США за тот же период она увеличилась на 100 млн га).

В то же время растущая промышленность все сильнее нуждалась в рабочих руках, а ускорение интеграционных процессов в мировой экономике, вызванное, в частности, улучшением транспортных коммуникаций, позволяло не ограничивать поиск работы и места для жизни границами одного государства или даже одного континента. В целом демографический рост способствовал промышленному развитию европейских стран. Он вел к удешевлению рабочей силы и, следовательно, к сокращению издержек производства, что отвечало интересам промышленников: конкуренция наемных работников за рабочие места давала им возможность удерживать заработную плату на минимальном уровне. Вместе с тем демографический рост усиливал напряжение на рынке труда европейских стран.

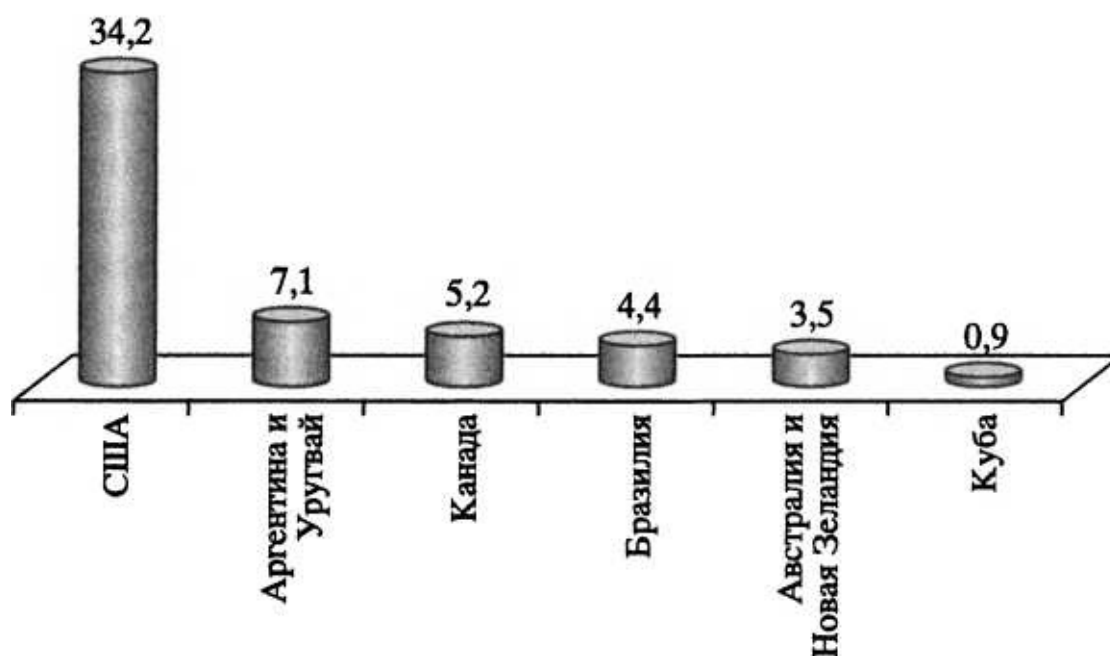
Быстрое развитие транспортных коммуникаций сделало поездки на большие расстояния значительно доступней. Если в 1800 г. путешествие из Англии в Америку занимало около шести недель, то к 1905 г. то же самое расстояние корабли преодолевали менее, чем за две недели, а дешевый билет на пароход можно было приобрести за 12 долл. Дополнительным важным условием бурного роста эмиграции было довольно либеральное иммиграционное законодательство в странах Европы и Америки.

Такое сочетание факторов привело к колоссальному росту эмиграции из Европы (см. табл. 8). Всего с начала XIX в. и до 1918 г. Старый Свет покинули около 50 млн человек. Это в несколько раз больше, чем вся эмиграция XV–XVIII вв. Эмиграция в сложившихся условиях играла роль клапана, позволявшего выпустить лишний пар. Уже в середине XIX в. она приобрела массовый характер в странах Западной Европы, где население пользовалось правом свободного выбора места жительства вплоть до отъезда за границу. В течение 90 лет после 1840 г. Британские острова покинули 18 млн человек, Италию — 11,1 млн, Испанию и Португалию —

6,5 млн, Австро-Венгрию — 5,2 млн, германские государства, а затем объединенную Германию—4,9 млн, Швецию и Норвегию — 2,1 млн человек. Однако в странах с авторитарными режимами эффективность эмиграции как регулятора социальной напряженности была существенно ниже. В 1851–1860 гг. из России выехали всего лишь 58 тыс. человек. И хотя к 1881–1890 гг. число эмигрантов достигло 911 тыс., это было поистине каплей в море. Положение на рынке труда в России осложнялось тем, что в первой половине «долгого XIX века» слабо использовались возможности внутренней колонизации просторов Сибири и Дальнего Востока. До реформ 1860-1870-х годов поток переселенцев был крайне незначителен и составлял не более нескольких тысяч человек в год. Отмена крепостного права, поощрение правительством переселенческого движения в восточные районы страны и, конечно же, строительство Транссибирской магистрали позволили разительно увеличить число внутренних мигрантов. В период с 1850 по 1891 г. в азиатскую часть России переехали всего 1,7 млн человек, а с 1891 по 1911 г. — 3,6 млн.

График 3

Основные направления европейской эмиграции в 1840–1932 годах,
млн человек [\[13\]](#)

Основной поток европейской эмиграции направлялся за океан — в Америку, в первую очередь в США, которые вплоть до начала XX в. принимали иммигрантов из европейских стран без ограничений, а также на юг Африки, в Австралию и Новую Зеландию (подробнее см. «Рак Britannica: Доминионы», «Африка южнее Сахары: локальные цивилизации

и колониальный раздел», «Западное полушарие: преемственность и перемены» и «США: на пути к могуществу»).

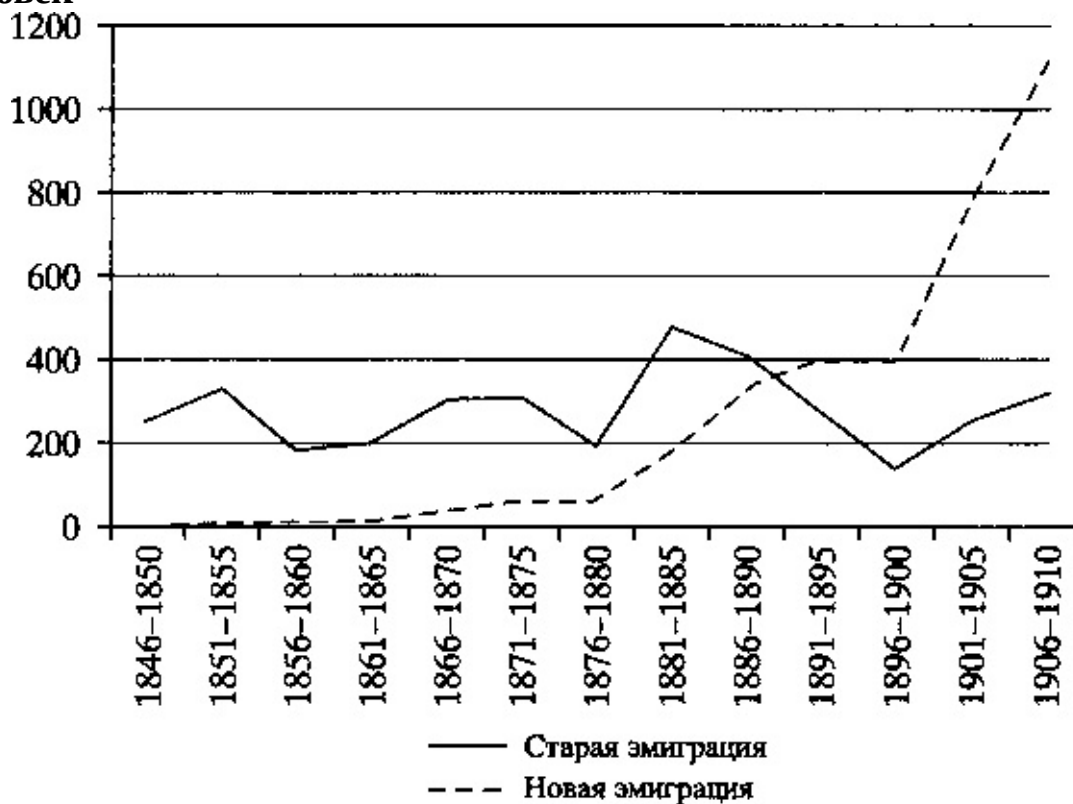
Наивысшего пика европейская эмиграция достигла в 1900–1915 гг. В этот период каждый год от одного до полутора миллионов человек отправлялись за океан, что в значительной мере снижало напряженность, вызываемую перенаселенностью. Этот мощный эмиграционный поток был остановлен лишь Первой мировой войной и последовавшим за ней ужесточением иммиграционного законодательства США. Поток переселенцев в США приблизительно в два раза превышал количество эмигрантов в другие страны Америки (см. график 3).

В последнюю четверть XIX в. происходит серьезное изменение этнического состава эмиграции в Новый Свет: с 1820-х до середины 1880-х годов основу переселенцев составляли выходцы из стран Северо-Западной Европы: с Британских островов, из германских и скандинавских государств — так называемая «старая эмиграция», однако в последней трети «долгого XIX века» их начинают численно превосходить эмигранты из стран Средиземноморья, (в первую очередь Италии), Балканского полуострова и Восточной Европы, которые составили основу «новой эмиграции» (см. график 4).

Вопрос о характере влияния великой европейской эмиграции на благосостояние обществ Старого и Нового Света до сих пор остается открытым. С одной стороны, уменьшая конкуренцию на европейских рынках труда, она, безусловно, способствовала повышению материального достатка оставшихся рабочих. По другую сторону Атлантики массовый наплыв иммигрантов мог привести к снижению заработной платы неквалифицированных рабочих в США, Аргентине, Уругвае и других странах, которое, однако, было нивелировано общим повышением уровня жизни, вызванным быстрым экономическим ростом. Несмотря на это, общественное мнение США, Канады и Аргентины часто связывало любые экономические неурядицы с растущей иммиграцией. Приток переселенцев из регионов, разительно отличавшихся культурой и укладом жизни (Южной и Восточной Европы и Юго-Восточной Азии), привел к усилению антииммиграционных настроений. Это послужило основными причинами для постепенного ужесточения иммиграционного законодательства. В 1888 г. Соединенные Штаты запретили въезд иммигрантов из Китая до 1918 г. (впоследствии был продлен до второй половины XX в.). В дальнейшем иммиграционное законодательство главных принимающих стран лишь ужесточалось, что привело к концу эпохи массовой беспрепятственной миграции.

График 4

Старая и новая эмиграция в Америку в 1846–1910 годах, тыс. человек ^[14]

Наплыв иммигрантов помогал хозяйственному освоению, а в перспективе — и экономическому подъему стран Америки, Австралии и Океании, Южной Африки. Со временем некоторые из них, прежде всего США, Аргентина и Канада, преодолели зависимость от Европы и превратились в ее грозных конкурентов как на мировом, так и на ее собственном внутреннем рынке. Самый затяжной экономический кризис XIX в. — «великая депрессия» 80-х годов — был связан с экспансией на европейские рынки дешевой сельскохозяйственной продукции, привозимой из-за океана. Европейская эмиграция сыграла также важную роль в феноменально быстром росте населения стран Нового Света, хотя не везде ее влияние было одинаково сильно. Так, в Канаде иммиграция не стала слишком важным фактором демографического роста, поскольку значительная часть переселенцев довольно быстро перебиралась в более динамично развивающиеся США. В самих Соединенных Штатах большой поток переселенцев из Европы стал главной причиной изменения соотношения между белым и черным населением: в 1790 г. оно составляло приблизительно 4:1, а в начале XX в. — 9:1. Согласно переписи 1930 г.,

треть населения США представляли иммигранты первого или второго поколений. Но даже этот показатель меркнет по сравнению с демографической ситуацией в Аргентине, где он в 1914 г. составил приблизительно 58 %! При этом наибольший наплыв иммигрантов шел не из Испании, как можно было бы предположить, а из Италии. Выходцы с Апеннинского полуострова в 1910-е годы составляли почти 50 % от всего иммигрантского населения Аргентины. Буэнос-Айрес, третий по величине испаноязычный город в мире в 1914 г., наполовину был заселен переселенцами из Европы. Экономическое развитие Аргентины было необычайно бурным. В отличие от США она не могла похвастать огромным внутренним рынком, поэтому сельское хозяйство и промышленность были чрезвычайно сильно интегрированы в мировой рынок. Аргентине понадобилось всего несколько лет, чтобы из обыкновенного импортера зерна превратиться после 1875 г. в одного из крупнейших в мире экспортеров.

В целом эмиграция сыграла в экономическом развитии Европы также положительную роль. Она была важным рыночным регулятором цены рабочей силы. Чрезмерное ее удешевление не только провоцировало социальные конфликты, но и ослабляло стимулы к техническому прогрессу. Кроме того, эмиграция способствовала расширению рынков сбыта продукции европейской промышленности. До тех пор, пока крупная индустрия в развивающихся странах Америки, Азии, Южной Африки и Австралии не встала на ноги, именно Европа снабжала их как потребительскими изделиями, так и промышленным, транспортным и другим оборудованием.

Часть миграционных процессов XIX столетия была вызвана в большей степени политическими причинами. К примеру, долгое время одним из главных ресурсов заселения Сибири была каторга. С поражения восстания декабристов в этом регионе стали появляться и политические ссыльные, их число увеличивалось за счет участников польских восстаний, представителей радикальных социалистических движений и др. По переписи 1898 г. в Сибири проживали более 400 тыс. ссыльных и членов их семей. Французское государство в качестве мест каторги использовало Новую Каледонию и Французскую Гвиану, где некоторое время содержался Адольф Дрейфус. Самые известные, благодаря художественной литературе, ссыльные колонии в мире находились в Австралии, куда британские суды отправляли заключенных вплоть до 1868 г.; с 1815 г. более 142 тыс. человек были перевезены туда на кораблях, среди них — множество членов ирландского национально-освободительного движения.

Помимо миграций, вызванных экономическими или политическими причинами, необходимо упомянуть и те, что проходили под знаком религиозной или национальной нетерпимости. В результате освободительной войны в Греции в 1820-х годах более 150 тыс. этнических турок были вынуждены покинуть обжитые земли. Вместе с тем резня христианского населения в 1822 г. на о. Хиос вынудила членов греческой общины покинуть свои дома. Многострадальный Балканский полуостров пережил еще не одну вынужденную миграцию, по окончании русско-турецкой войны 1878–1879 гг. около полумиллиона турок были выселены с территорий новообразованных государств. Не менее сложная ситуация сложилась в Османской империи после прихода к власти младотурецкого правительства, а Балканские войны 1912–1913 гг. еще больше ухудшили ситуацию.

В ходе Крымской войны более 20 тыс. крымских татар бежали в основном в Османскую империю, а число людей, покинувших пределы Российской империи в результате длительной Кавказской войны, с трудом поддается оценке; в разных исследованиях фигурируют цифры от 400 тыс. до одного миллиона. Особо стоит отметить массовую еврейскую эмиграцию, вызванную как экономическими причинами, так и растущим антисемитизмом. В Российской империи она началась после волны погромов, прокатившихся после убийства Александра II в 1881 г. и продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Всего территорию России за последнюю треть XIX в. покинуло около четверти еврейского населения страны.

Миграционные потоки из Африки были прежде всего связаны с постепенно снижающейся в XIX в. работорговлей (подробнее см. «Социальные процессы»). В Юго-Восточной Азии трансконтинентальные миграционные процессы XIX в. проходили несколько менее активно, чем в Европе. В первую очередь переселенцы из этого региона занимали рабочие места в сельском хозяйстве, появлявшиеся в результате постепенной отмены рабства в мире, также они были активно заняты в торговле. Выходцы из Индии мигрировали в Восточную и Южную Африку в XIX в. и к концу столетия стали основной этнической группой на о. Маврикий. Индийские иммигрантские общины также появились на восточном побережье Южной Америки, в странах Карибского бассейна, на островах Фиджи. С 1831 по 1920 г. Индию покинули более 1,3 млн законтрактованных рабочих, во второй половине XIX в. из Индии в среднем уезжали по 15–16 тыс. человек в год.

Китайская эмиграция распространилась на территориях Юго-

Восточной Азии, Южной Африки, западного побережья Латинской Америки и США. Масштабы китайской эмиграции оценить довольно трудно, так как значительная часть переселенцев впоследствии возвращалась обратно домой. Нужно отметить, что возвратные миграции были свойственны в разной степени всем основным переселенческим потокам: в наименьшей степени — еврейской эмиграции из Российской империи, итальянской и ирландской эмиграции в США, в наибольшей — китайской и индийской эмиграции. Между 1846 и 1940 гг. количество эмигрантов из Индии в Южной, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке составило 29 млн человек, однако лишь 5 из них не вернулась на родину. Число переселенцев из Китая за тот же период равнялось 19 млн человек, а процент возвратной миграции среди них был еще выше.

Социальные процессы

В социальной области «долгий XIX век» прошел под знаком двух процессов: во-первых, порожденной промышленной революцией урбанизации, которая охватила к концу столетия, хотя с разной глубиной и скоростью, все континенты; во-вторых, демократизации социальных структур, запущенной Великой французской революцией. Значение наследственной иерархии падало как в области социально-политической, так и социально-экономической; на смену подданным, делившимся на сословия с разными правами и обязанностями, каждое из которых, по мысли философов и юристов, должно было выполнять свою функцию в возведении величественного государственного здания, приходили граждане. Будучи равноправными юридически и политически (хотя путь к обретению всеобщего избирательного права оказался долгим), они имели разный доступ к общественным благам. К 1914 г. на смену пережившим расцвет в конце XVIII — первой половине XIX в. разнообразным формам принудительного труда (рабство, крепостничество) почти повсеместно пришел труд свободный, т. е. основанный на вольном найме, что, впрочем, далеко не обязательно обеспечивало более высокий уровень жизни работников. Проистекавшее из социально-экономических критериев (в первую очередь имеется в виду место в производственных отношениях) классовое деление признавали и государства (в статистическом учете), а главное — сами представители этих классов, с разной скоростью обретавшие классовое сознание. Само понятие «класс» было впервые использовано в его современном значении во французском языке в 1805 г.

Из сказанного выше существует два важнейших исключения. Во-первых, это Китай, где вхождение в круг правящей бюрократии — шэньши — вплоть до 1905 г. зависело исключительно от сдачи экзаменов, основанных на знании конфуцианского наследия (система была разработана еще к 650 г. н. э.): в 1850 г. на 350 млн населения приходилось 850 тыс. шэньши. Во-вторых, это Индия, где традиционное кастовое деление даже укрепилось под британской властью в первой половине XIX в.

Если в Средневековье и раннее Новое время города служили средоточием торговли, ремесла, власти, то с промышленной революцией многие города становятся также индустриальными центрами, привлекая массы крестьян из перенаселенной «мировой деревни». В 1800 г. около

5,1 % населения (50 из 978 млн человек) проживало в городах с населением свыше 10 тыс. человек — 3–4% в Китае, 12 % в Японии и на Ближнем Востоке, 8–9% в Европе, 6 % в Индии, от 3 до 7 % в Новом Свете. Наиболее урбанизированным регионом мира были Великобритания (Англия и Уэльс — 22,3 %, Шотландия — 23,9 %) и та издавна экономически развитая часть Западной Европы, что примерно совпадает с землями, доставшимися внуку Карла Великого Лотарю по Верденскому договору 843 г.: Нидерланды (по разным оценкам, от 28,6 до 37 %); Фландрия (16,6 %); некоторые области Франции (на 1806 г., Эльзас: Нижний Рейн — 29,6 % и Верхний Рейн — 22,9 %; Прованс: Буш-дю-Рон благодаря Марселю — 67,8 %, Воклюз — 47,4 %, Вар — 39,5 %, тогда как в целом доля жителей французских городов с населением выше 5 тыс. человек составляла в 1800 г. 12,2 %); Италия, впрочем, не только Северная (14,2 %), но и Южная (благодаря Неаполю — 21 %). За пределами этих территорий степень урбанизации была высока в европейских владениях Османской империи (благодаря Стамбулу 12,8 %) и Испании (14,7 %).

В 1800 г. в число крупнейших городов мира входили Пекин (1,1 млн жителей), Лондон (около 950 тыс.), Кантон (Гуанчжоу, 800 тыс.), Стамбул (570 тыс.), Париж (550 тыс.), Ханчжоу (387–500 тыс.), Эдо (Токио, 492–685 тыс.), Неаполь (430 тыс.), Сучжоу (392 тыс.) и Осака (380 тыс.). Среди европейских крупных городов были Москва и Лиссабон (около 238 тыс.), Вена (231 тыс.), Санкт-Петербург и Амстердам (около 220 тыс.). В целом картина не сильно отличалась от позднесредневековой. Коренные перемены начались уже в середине столетия.

К 1870 г. число европейских городов с населением свыше 10 тыс. человек возросло с 585 до 1299, а доля жителей этих городов составляла 15,2 %. К 1900 г. в городах проживали уже 25–30 % европейцев, в мире — 13–15 % (нижний и верхний показатели — города с населением свыше 10 и 5 тыс. жителей соответственно). В 1914 г. 43 % населения Англии и Уэльса проживало в городах с населением свыше 10 тыс. жителей, в целом же доля жителей городов с населением свыше 5 тыс. человек в 1880 г. в Великобритании составляла 56,2 %, впервые в мире превысив половину. Вторым таким государством стала Бельгия (52,3 % в 1900 г.), третьим — Нидерланды (50,5 % в 1910 г.). Если в 1850 г. в США было шесть городов с населением свыше 100 тыс. жителей (5 % населения страны), то в 1900 г. таких городов было 38 и в них проживали уже 18,8 % американцев. Рост мегаполисов питала не только иммиграция — в 1865–1920 гг. в город из деревни переехали 11 млн американцев. В США городское население превысит сельское по переписи 1920 г., во Франции — в 1931 г. Во всем

мире это произошло в конце 2008 г., в Китае — в конце 2011 г.

В 1850 г. в Европе только Лондон и Париж насчитывали более 1 млн человек, а в 1913 г. таких городов было уже 13 — список дополнили Берлин, Санкт-Петербург, Вена, Москва, Манчестер, Бирмингем, Глазго, Стамбул, Гамбург, Будапешт и Ливерпуль. К 1900 г. список городов-миллионников изменился, отразив рост места Европы и нового гиганта — США — в мире: Лондон (6,480 млн), Нью-Йорк (3,437 млн), Париж (3,33 млн), Берлин (2,707 млн), Чикаго (1,717 млн), Вена (1,698 млн), Токио (1,497 млн), Санкт-Петербург (1,439 млн), Манчестер (1,435 млн), Филадельфия (1,418 млн).

Общемировая тенденция роста городов укреплялась постепенно, и до начала промышленного переворота деурбанизация не была редкостью. Так, в России в 1797–1856 гг. городское население увеличилось на 48 %, доля городского православного населения с 1740-х по 1860-е годы снизилась с 11 до 7 %: естественный прирост на селе был выше, крепостное право сдерживало миграцию в города, которым еще не были нужны рабочие руки. В 1790-е годы только 5 % городов России были промышленными по основной хозяйственной функции. В 1850-е годы лишь 22 % городов оставались аграрными, торговыми стали 10 %, промышленными-43 %. В 1857–1910 гг. городское население выросло на 210 %, а к 1914 г. уровень урбанизации составил 15,3 %.

В Японии доля городского населения на время сократилась после революции Мэйдзи, когда от самураев перестали требовать жить в городах — старых политических центрах княжеств. Так, к 1875 г. из более чем миллионного населения в Токио оставалось 860 тыс. человек. Деурбанизация Балкан была связана с независимостью от Османской империи и упадком традиционно мусульманских городских ремесел. За столетие доля городского населения не выросла в Индии.

В начале XIX столетия трудно было различить «богатые» и «бедные» страны, а к началу Первой мировой войны такое различие уже было очевидно. Урбанизация также проходила неравномерно, затронув прежде всего Европу и Северную Америку. В конечном итоге урбанизация и промышленный переворот привели к росту уровня жизни большинства населения промышленно развитых стран. Современные исследователи говорят о «парадоксе раннего роста»: индустриальное экономическое развитие (с 1820-х годов) лишь через несколько десятилетий привело к росту реальной заработной платы как промышленных, так и сельскохозяйственных рабочих, а первоначально уровень жизни пролетариев падал — плоды доставались промышленникам и купцам.

Неравенство росло именно в наиболее развитых регионах Северо-Запада Европы, особенно в английских городах, что так ярко показано в романах Чарльза Диккенса, в исследовании молодого Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844–1845).

Быстрый рост численности населения крупных европейских городов, традиционно уступавших в гигиеническом отношении городам исламского мира, сопровождался антисанитарией и ростом смертности. Развитие промышленности вело к ухудшению окружающей среды. В 1800 г. в Темзе ловили лосося, а в июне 1858 г. английский парламент вынужден был приостановить заседания из-за шедших с реки запахов. В 1866 г., несмотря на уже проложенные 1300 миль канализации, Лондон пережил последнюю эпидемию холеры. Закон о здравоохранении — первый шаг на пути борьбы с антисанитарией и инфекциями (в то время в мире уже начинали понимать роль микроорганизмов) — был принят в Великобритании только в 1875 г. В 1840-е годы 20 % (40 тыс. человек) жителей одного из мировых текстильных центров — Ливерпуля обитали в подвалах, в 1880 г. в таких же условиях жили менее 10 % (более 100 тыс.) берлинцев. По сравнению с Великобританией положение простого народа оказалось лучше во Франции, где по итогам Французской революции крестьянам досталась земля (соответственно, в условиях сравнительно невысокой рождаемости аграрное перенаселение не выталкивало их в город), промышленная революция развивалась с запозданием, города росли не столь быстро.

Положение в крупных городах начало меняться с середины XIX столетия. Начинается строительство водопровода, а потом и канализации, мостятся улицы, налаживается общественный транспорт, для освещения используется электричество. В Берлине строить водопровод начинают в 1853 г., а к 1873 г. им было оснащено уже около половины зданий. В целом в Германии в это время водопровод был в 15 % городов с населением больше 25 тыс. жителей. В Лондоне около половины зданий были подключены к водопроводу в 1890-е годы. В Москве передовой для своего времени Мытищинский водопровод был выстроен еще в 1779–1804 гг. и неоднократно реконструировался в XIX в. Первый водопровод в Шанхае открылся в 1883 г., несмотря на протесты водоносов.

На смену конкам (изобретены в США в 1832 г., активно использовались с 1860-х до 1910-х годов) с 1880-х годов приходят трамваи. В 1863 г. в Лондоне открывается первый в мире метрополитен, затем он появляется в Бостоне (1895), Будапеште и Глазго (1896), Париже (1900), Нью-Йорке (1904), наконец, в Буэнос-Айресе (1913), чье население стремительно выросло с 93 тыс. человек в 1855 г. до почти 1,583 млн в

1914 г. Своего рода визитными карточками городов становятся огромные и богато украшенные железнодорожные вокзалы. Инфраструктура нового динамичного транспорта уравнивала путешественников: вагоны были разных классов, но садились-то в них пассажиры с одного перрона. Развитие общественного транспорта породило загородные дачи, а затем и уютные спальные пригороды, откуда жители ежедневно ездили на работу.

Крупные города включают в себя соседние поселения, растут плотность и этажность застройки. Так, в Берлине, чье население увеличилось с 1861 до 1890 г. с более чем 545 тыс. до 1,579 млн человек, число обитателей на один дом выросло в эти годы с 48 до 73 человек.

Если идеальные города Возрождения оставались в рисунках, подробно разработанный проект г. Шо (1773) Клода-Николя Леду (1706–1806) также существовал только на бумаге, то в XIX столетии в целом ряде городов — от Бостона до Каира при хедиве Исмаиле (1863–1879) — предпринимаются, наряду со строительством промышленных кварталов, серьезные попытки радикально рационально изменить городскую ткань. Повсеместно на месте средневековых городских стен разбивают сады и бульвары. Наиболее знаменита перестройка Парижа бароном Жоржем Эженом Османом, управлявшим городом в 1853–1870 гг. Барон Осман снес 18 тыс. домов (60 % от их общего числа), перекроил уличную сеть и создал эффектный новый Париж, так хорошо знакомый нам по полотнам импрессионистов. С середины 1880-х годов в Чикаго, а затем Нью-Йорке возводят первые в мире небоскребы, ставшие символом устремленного в будущее молодого государства — Соединенных Штатов Америки. Соответственно времени меняется облик и ритм жизни таких городов, как Париж, Лондон, Санкт-Петербург, Вена, Прага, затем Берлин, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес.

Муниципалитеты крупных городов, исполненные веры в прогресс, не жалели денег на строительство публичных библиотек, музеев, оперных и драматических театров. Разбиваются для публики сады и парки, где горожане проводят досуг, — можно вспомнить московские Воробьевы горы, берлинский Тиргартен, парижский Булонский и Венсенский лес, лондонский Гайд-парк, нью-йоркские Центральный парк и Кони-Айленд.

Предприниматели строили гранд-отели и огромные универсальные магазины с твердыми ценниками — навыки торговаться с продавцом постепенно уходили в прошлое. На рубеже XIX–XX вв. открываются новые здания парижских «Galeries Lafayette», лондонского «Harrod's», берлинского «Kaufhaus des Westens», нью-йоркского «Macy's», московских Верхних торговых рядов (ныне ГУМ) и магазина Мюра и Мерилиза (ныне

ЦУМ), петербургского Пассажа на Невском проспекте. Символом динамичной современности стали газеты, под издательства которых отводятся огромные представительные здания, прославившие эти издания не меньше, чем их знаменитые репортеры, такие, как москвич Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935) и немецкоязычный пражанин Эгон Эрвин Киш (1885–1948).

Соразмерная человеку застройка XIX столетия привлекает наших современников больше, чем застройка века XX, даже задуманная с самыми лучшими целями, — вот чем, скажем, барон Осман отличается от градостроителей-вандалов второй половины XX — начала XXI в. И в наши дни именно инженерно безупречные доходные дома XIX — начала XX в., пусть не всегда, в сравнении с аристократическими палладианскими усадьбами, являющимися архитектурными шедеврами, не находят себе равных с точки зрения удобства для обитателей.

Впрочем, не все ценили новое жилье: композитор Сергей Иванович Танеев, переезжая в 1891 г. в московский особняк на Сивцевом Вражке, выбрал, по словам современника, «возможно более старомодную берлогу и по возможности без всяких культурных удобств, вроде водопровода, канализации, а тем более отопления (электричества тогда еще не было)... “Я терпеть не могу зависеть от чего-то мне неизвестного, — мотивировал он свой перманентный отказ от благ цивилизации, — а вдруг водопровод испортится? То ли дело водовоз — я ему дам на чай, и он мне всегда привезет воды”».

Помимо промышленных городов возникают города — узловые железнодорожные пункты; к концу столетия расширилось число городов-курортов, в основном приморских. Особый мир представляли собой шахтерские города центральных графств Англии, Рура, Лотарингии, Силезии, Моравской Остравы, Донецкого бассейна, Аппалачских гор.

В ряде городов к началу XIX в. уже существовала культура городских низов — достаточно вспомнить неаполитанских лаццарони, парижских санкюлотов, лондонских кокни, но в основном новые мегаполисы заселяли вчерашние крестьяне, подобные чеховскому Ваньке Жукову. Приезжавшие на заработки крестьяне не всегда брали с собой семьи: так, в 1902 г. 56,1 % населения Москвы (более 1,092 млн человек) составляли мужчины. Новым горожанам, привыкшим дома работать на земле самостоятельно, было тяжело приучаться к регламентированному фабричному труду на хозяина в строго определенные рабочие часы. С нарушениями дисциплины жестоко боролись системой штрафов. Основной прием пищи передвигался с полудня на вечер (в том числе поэтому английское и французское dinner,

когда-то означавшее «обед», стало «ужином»).

В России в 1910 г. в среднем по величине городе проживали 25 тыс. человек, примерно по 9-10 человек в доме, было 12 церквей, 13 учебных и одно благотворительное заведение, 35–36 трактиров и 18–19 питейных заведений. Улицы 87 % городов вечером освещались, в каждом пятом городе имелся водопровод, каждом двадцатом — канализация. В 60 % городов были типографии, в 26,7 % был проведен телефон. В каждом втором городе существовала публичная библиотека, в каждом третьем — театр. В эмиграции уроженец Елизаветграда (ныне Кировограда) Херсонской губернии, писатель Дон-Аминадо (1888–1957) с ностальгией вспоминал: «Есть блаженное слово — провинция, есть чудесное слово — уезд... в Царствие небесное будут допущены только те, кто не стыдился невольню набежавших слез, когда под окном играла шарманка, а в лиловом бреду изнемогала сирень, а любимейший автор — его читали запоем — был не Жан-Поль Сартр, а Всеволод Гаршин».

Деревня пришла в город, но и город пришел в деревню: в России на смену «аграрному» городу приходит «промышленная» деревня. Еще во второй половине XVIII в. в нечерноземной средней полосе в близких к торговым путям малоземельных деревнях начинают развиваться кустарные промыслы, затем строятся мануфактуры, вокруг которых возникают рабочие поселки. В 1897 г. в промышленных губерниях вокруг Москвы (Центральный промышленный район) таких фабричных поселений насчитывалось уже 650. В 1813–1814 гг. 54 % рабочих жили в городах, а 46 % — в уездах, то и в 1868 г., и в 1902 г. в городах проживали только 39 % рабочих. В 1797 г. местный крепостной крестьянин-старообрядец Савва Васильевич Морозов (1770–1862) основал в Зуеве первую ткацкую фабрику. В 1859 г. в соседнем Орехове жили 77 человек, в 1897 г. — 7219, а в 1914 г. — 21 593 человека. Всего вокруг орехово-зுவских фабрик в 1897 г. жили более 43 тыс. человек, в 1914 г. — почти 82 тыс. В 1886 г. журналист писал: «...ни Никольское, ни Зуево, ни Орехово ровно ничем не походят на то, что обыкновенно подразумевается под селом. Поселения почти слились и образовали город с таким населением, числу которого позавидовал бы не один губернский городишко. Внешним своим характером этот город напоминает Москву. Те же двухэтажные каменные небольшие дома, то же множество дешевых трактиров... те же мелочные лавки... те же церкви и, наконец, те же многоэтажные и длинные, как крепостная стена, фабричные корпуса». Орехово-Зуево стало родиной русского футбола — игру привезли нанятые в Ланкашире управляющие Гарри и Клемент Чарноки. Другой пример подобного поселения —

получивший все же в 1871 г. городской статус «русский Манчестер» Иваново-Вознесенск — во время революции 1905 г. родина первого совета рабочих депутатов.

В целом становление индустриальной экономики в XIX в. (подробнее см. «Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции») изменило степень урбанизации — сначала в Европе, а затем и во всем мире. Если в 1800 г. доля жителей городов с населением свыше 5 тыс. человек в Европе лишь незначительно превышала среднемировое значение, то к 1900 г. образовался уже двукратный разрыв. Примерно равными были показатели Европы и Америки, в то время как в Азии и Африке они оказались в 3–6 раз меньше (см. табл.)

Уровень урбанизации в 1800–1900 годах, % [\[15\]](#)

Часть света		Год	Часть света		Год	1800	1900
Европа	12	30	Азия	9	9		
Америка	12	29	Весь мир	9	16		
Африка		4	5				

Как обозначить тех, кто управлял новой экономикой и получал от нее наибольшую выгоду? Первоначальное название городского сословия — буржуазия — получило в XIX столетии новый смысл: «класс капиталистов, хозяев промышленных и коммерческих предприятий, в противоположность классу наемных рабочих, пролетариату» (определение словаря Брокгауза и Ефрона). Итак, в одну рубрику попадают и богатейшие семьи промышленников и финансистов (к примеру, Ротшильды, Круппы, Эндрю Карнеги, Генри Форд), и владельцы небольших лавок и мастерских, в которых помимо семьи хозяев работали еще несколько человек. Во Франции, Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, США именно буржуазия, а не дворянство, о судьбах которого речь пойдет ниже, приобрела в обществе символическую власть, говоря словами Пьера Бурдье (1930–2002).

Жизнь части мелкой буржуазии — ремесленников — изменилась, особенно в германских государствах, где к началу XIX в. еще сохранялись унаследованные из средневековья цехи с мастерами и подмастерьями. Удар по цехам нанесло наполеоновское вторжение и Кодекс Наполеона. Окончательно в единой Германии отмена цехов была оформлена в 1869 г. В империи Габсбургов это произошло в 1859 г. 17–18 сентября 1899 г. в Антверпене при поддержке бельгийского кабинета министров был даже проведен первый и, правда, единственный Международный конгресс мелкой буржуазии, где, впрочем, кроме бельгийцев присутствовало лишь небольшое число французов и немцев.

С развертыванием промышленного производства по-настоящему разбогатеть удалось тем, кто уловил новую потребность в массовом выпуске стандартных товаров, доступных и необходимых. К концу столетия никто в мире не мог сравниться по объему состояния с американскими миллионерами (кстати, слово «миллионер» появилось в США уже около 1840 г.), которые в то время уже начали собирать выдающиеся коллекции европейского искусства. В 1899 г. американский социолог Торстейн Веблен (1857–1929) ярко сформулировал правила показного потребления «новых богатых» в «Теории праздного класса».

Видимо, представителей буржуазии объединяла вера в репутацию, респектабельность и социальную мобильность — те черты, что так превосходно изображены в «Будденброках» (1896–1900) Томаса Манна, «Ругон-Маккарах» (1871–1893) Эмиля Золя, «Саге о Форсайтах» (1906–1933) Джона Голсуорси, даже — несмотря на силу русской антибуржуазности — в романах забытого П.Д. Боборыкина и вошедшего в отечественный литературный канон Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Происхождение крупной буржуазии XIX в. изучено еще не так хорошо, как происхождение торгово-ремесленной верхушки эпохи генезиса европейского капитализма XVI–XVII вв. Здесь нельзя забывать о новой востребованности этнических групп, традиционно занимавшихся торговлей, — евреев (в первую очередь в Европе и Америке), греков, армян и арабов-христиан в Причерноморье, Закавказье и Леванте, парсов в Индии, китайцев диаспоры (хуацяо) в Восточной Азии. В разные десятилетия и в разных обществах различался уровень вертикальной социальной мобильности. Так, в Российской империи, где сословное деление формально сохранялось вплоть до революции 1917 г., во второй половине XIX в. эта мобильность была весьма высока — достаточно вспомнить крестьянские корни богатейших дореволюционных семей. В США представление о равенстве времен «джексоновской демократии» 1830-1840-х годов не выдержало проверки историками: с ростом капиталистической экономики имущественное расслоение либо не сокращалось, либо увеличивалось, а пробиться наверх, особенно в городах со сложившейся социальной структурой (Бостон, Филадельфия, Нью-Йорк, Бруклин, Балтимор), было почти невозможно: среди городских верхов лишь около 2 % происходили из бедных семей, около 6 % — из семей среднего состояния. Подлинной «страной возможностей» Соединенные Штаты стали уже после Гражданской войны, в эпоху, известную как «позолоченный век».

Садовники замка Вентворт. 1897 г.

Все большее место в обществе занимали хорошо оплачиваемые образованные профессионалы — чиновники и клерки крупных предприятий, учителя и университетские преподаватели, инженеры, врачи, юристы (кстати, именно в то время в обиход вошло определение «лица свободных профессий») — те, кого за неимением лучшего термина принято, следуя англосаксонской традиции, называть средним классом, хотя доходы его представителей явно превышали как средний, так и медианный уровень. Высшее образование обеспечивало по-настоящему зажиточный образ жизни: обширные особняки и квартиры, прислугу, путешествия.

Впрочем, при избытке рабочих рук прислуга не была редкостью и в не самых обеспеченных семьях. В 1882 г. в Москве 39 % хозяйств содержали прислугу, в Берлине — 20 %. В переписи по Англии и Уэльсу 1911 г. работа в качестве домашней прислуги была наиболее распространенным видом занятости (почти 2,122 млн человек, в том числе почти 119 тыс. легендарных английских садовников). Для сравнения, на текстильных фабриках трудились более 1,126 млн человек, на шахтах — более 1,007 млн, в строительстве были заняты более 946 тыс., а общая численность населения достигала чуть более 36 млн человек.

Демократический импульс Великой французской и других революций по обе стороны Атлантики в совокупности с промышленным переворотом, казалось бы, бросавшим вызов землевладению как основе хозяйства, и наряду с переменами в военном деле (ростом численности армий и ослаблением роли кавалерии) должны были уничтожить фундамент власти старого господствующего класса — дворянства. Тем не менее, за исключением Франции и молодых американских государств, дворянство повсюду сохранило ту или иную степень своего влияния вплоть до катастрофы Первой мировой войны, обычно найдя умелый ответ на вызовы времени, в том числе ликвидацию юридических привилегий знати. Впрочем, если в России патримониальные права дворянства исчезли в 1861 г. с отменой крепостничества, в Пруссии держатель «рыцарских прав» (Rittergut) сохранял неограниченную судебную и полицейскую власть в своем поместье вплоть до 1872 г. и дисциплинарную власть (Gesindeordnung) над неженатыми работниками вплоть до 1918 г. Доля знати в разных обществах обычно составляла менее или чуть более одного процента. Исключение составляли испанские, польские, венгерские, грузинские дворяне, а также японские самураи, которых насчитывалось от 5 до 10 % населения.

Власть знати основывалась как на традиции и опыте управления, так и на земельных правах. В первой половине XIX в. крупное землевладение сохраняло устойчивость не только в Великобритании, где на его защите твердо стояло майоратное наследование, но и в России, где нераздельные имения были редкостью. Более того, вплоть до середины столетия в колыбели индустриальной революции — Англии — ни один промышленник еще не обладал средствами, чтобы, к примеру, приобрести поместье, которое поставило бы его в ряд с 15–20 наиболее богатыми из титулованных пэров. Так же и в США вплоть до Гражданской войны плантаторы-южане были богаче промышленников Севера. Плантаторы, любившие подражать быту аристократии Старого Света, создали действенную систему эксплуатации рабов, которая приносила огромные прибыли, и внимательно следили за малейшими колебаниями цен на Ливерпульской хлопковой бирже.

В 1873 г. в Соединенном Королевстве насчитывалось более 1 млн землевладельцев, однако 4/5 земель принадлежали всего семи тысячам человек, четверть всех земель — 363 собственникам (более 10 тыс. акров, или 4,05 тыс. га). 90 % земли обрабатывали арендаторы. Если в Российской империи помещичье землевладение практически отсутствовало на Русском Севере, в Вятке и Сибири, то в Великобритании крупное землевладение

было равномерно распределено по всей стране. В 1820-1840-е годы перед отменой «хлебных законов» в Соединенном Королевстве и в Германии в эпоху аграрного кризиса 1873–1896 гг. дворяне-землевладельцы стали основной силой, отстаивавшей протекционистский курс.

Вызванный началом поставок зерновых из России и Нового Света аграрный кризис означал снижение цен на сельскохозяйственную продукцию, но цена труда не падала. В Великобритании это вызвало крах арендной системы. Удача сопутствовала лишь тем собственникам, чьи земли оказались на территории угольных месторождений. Тем не менее британская знать, как и аристократы России и Австро-Венгрии, умело вкладывала средства в промышленность, а также на протяжении всего XIX столетия сохраняла контроль над значительной частью приносившей огромные доходы недвижимости Лондона и других крупных городов. В 1883 г. 9 из 17 пэров с доходом более 100 тыс. ф. ст. в год получали основную часть прибыли от городской собственности. В России, где только в 1801 г. не дворяне получили право покупать незаселенные земли, в 1813 г. дворянам принадлежало 64 % шахт, 78 % суконных и 60 % бумагоделательных фабрик, 66 % стекольных заводов. Нельзя забывать и о дворянской монополии на винокурение.

В 1858 г., незадолго до отмены крепостного права, из 888,8 тыс. российских (без Польши и Финляндии) дворян (из них 276,8 тыс. — личные) 1382 владели более чем тысячей крепостных крестьян (127 — более чем тремя тысячами). 1,4 % крупных помещиков владели 15,9 % крепостных, а 41,6 % мелкопоместных дворян — 3,2 %. Богатейшим русским землевладельцем был сын Прасковьи Жемчуговой и отец выдающегося историка и коллекционера Дмитрия Николаевича Шереметева (1844–1918), владелец петербургского Фонтанного дома и подмосковных Кускова и Останкина Сергей Дмитриевич Шереметев (1803–1871), которому принадлежали 146 853 крепостных. Только Шереметевы, Демидовы, Юсуповы могли сравниться по богатству с 15–20 богатейшими английскими аристократами.

В 1859 г., по расчетам чиновников российского Министерства финансов, дворянство и купечество обеспечивали поступление в казну 17 % доходов (главным образом за счет косвенных налогов), остальные сословия — 76 %, 7 % приносило государственное имущество. В 1887 г., по расчету экономиста Н.П. Яснопольского (1846–1920), эти показатели составили 37,9 %, 55,1 % и 7,0 % с учетом потери привилегированным сословием налоговых льгот. В Великобритании это соотношение равнялось 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41.

В 1897 г. дворянское сословие в России насчитывало 1372,7 млн человек (487,0 тыс. имели личное дворянство). В 1900 г. 87 семейств владели более чем 50 тыс. десятин, причем 25 из них в 1800 г. не принадлежали к высшему дворянству. В Англии в списке 67 богатейших землевладельцев появилось только одно такое новое имя. В 1905 г. в губерниях Центрального промышленного района только 13,7 % земли принадлежало дворянам. После отмены крепостного права у дворян осталось 87,2 млн десятин земли, а к 1914 г. — 41,1 млн десятин. В 1914 г. 78 % зерна на рынок поставляли крестьяне, хотя в руках крупных землевладельцев оставались заготовки леса, производство сахара (здесь выдвинулись выходцы из сумских казаков и крестьян Терещенки и Харитоненки, евреи Бродские), животноводство. Многие дворяне преуспели в частном предпринимательстве и на службе в крупных компаниях, как, например, Николай Егорович Врангель (1847–1923), отец братьев Петра, «черного барона», последнего руководителя Белого движения, и Николая, выдающегося искусствоведа.

Все же в начале XX столетия уже ни один представитель старой знати Российской империи не мог соперничать с выходцами из крестьян-старообрядцев Московской и Калужской губерний Морозовыми и Рябушинскими, сыном разбогатевшего в Сибири костромского мещанина Николаем Александровичем Второвым, евреями Поляковыми. Москвичи-старожилы видели, как меняются владельцы едва ли не всех усадеб «дворянского гнезда» — Пречистенки; например, владение последовательно Архаровых, Нарышкиных, Гагариных было куплено в 1865 г. серпуховским текстильным магнатом Иваном Николаевичем Коншиным (1828–1898, по ст. ст. 1899) на имя своей супруги Александры Ивановны (1833–1914), роскошно перестроившей здание в 1910 г. (ныне Дом ученых Российской академии наук).

Германская владетельная знать в целом выгодно вложила выплаченные ей в 1830-1840-е годы компенсации за потерю земель в ходе медиатизации^[16] 1803–1806 гг., а германские помещики умело использовали средства от крестьянских выкупов 1820-1860-х годов, однако буржуазия все же потеснила дворянство на денежном Олимпе. В 1912 г. среди 64 прусских миллионеров было 40 дворян (из них — 12 титулованных) и 24 представителя буржуазии. Примечательно, впрочем, что все 28 нетитулованных держателей дворянства получили этот статус только в XIX в., причем 13 из них были евреями (пример терпимости германской власти), а вот среди 24 не дворян не было ни одного еврея.

Даже потеряв существенную долю экономической власти, дворяне с

трудом уступали власть политическую. В Японии, где, как и в Китае, не было огромных личных состояний, успех революции Мэйдзи был обусловлен верностью основной части самураев микадо (императору) и компромиссом, достигнутым внутри правящего слоя после короткой гражданской войны 1868–1869 гг. и восстания 1877 г. В объединенной Германии католическая знать играла важную роль в оппозиционной Партии центра, а прусские юнкеры (мелкие и средние помещики-лютеране) считались идеологической основой нового государства. Из бранденбургских юнкеров вышел и сам Отто фон Бисмарк. Состав последнего кабинета лорда Солсбери (1895–1902) даже современникам казался поразительным примером сохранения Старого порядка в Британской империи.

Массовый рабочий класс зародился в первой индустриальной стране мира — Великобритании и оттуда с расширением нового хозяйственного уклада распространился по миру вплоть до Осаки — текстильной и судостроительной столицы Восточной Азии, составив относительное большинство занятых лишь в нескольких промышленно развитых странах Северо-Западной Европы. Упомянутое выше падение жизненного уровня трудящихся в странах, переживавших в первой половине XIX в. начальную стадию промышленного переворота, породило классовое рабочее сознание и рабочее движение.

Первым рабочим движением Нового времени стали луддиты на мануфактурах Средней (Мидлендс) и Северной Англии. В эпоху вызванного Наполеоновскими войнами и континентальной блокадой экономического кризиса ткачи начали собираться вместе, обсуждать сложившееся положение, в некоторых случаях даже они уничтожали прялки и чулочновязальные машины, лишавшие их работы. Пик движения пришелся на 1811–1813 гг. Если по закону 1788 г. выведение из строя текстильного оборудования каралось 7-14 годами каторги, то 20 марта 1812 г. парламент Соединенного Королевства принял временный акт, согласно которому за это преступление полагалась смертная казнь. В разгар движения в промышленных районах Англии было сосредоточено 12 тыс. солдат — больше, чем в то время воевало с Наполеоном на Иберийском полуострове. Около 30 луддитов были повешены.

Социалист и промышленник из Уэльса Роберт Оуэн (1771–1858) в 1810 г. не только выдвинул лозунг 10-часового рабочего дня, но и реализовал его на своей фабрике в Нью-Ланарке близ Глазго. В 1817 г. Оуэн поставил новую цель, тогда казавшуюся утопией, — восьмичасовой

рабочий день: «Восемь часов труда, восемь часов отдыха, восемь часов сна».

16 августа 1819 г. на манчестерской площади Св. Петра собрались 60–70 тыс. горожан с требованиями избирательной реформы и отмены протекционистских «хлебных законов». Городские власти разогнали митинг с помощью кавалерии, погибли 15 человек. Эти события вошли в историю Англии как «Петерлоо».

В конце 1831 г. второй по величине город Франции Лион две недели был охвачен движением рабочих шелкоткацких мануфактур, выступивших за повышение расценок на свой труд и против нового налога. Восстание было кроваво подавлено войсками, но налог был отменен. 14 февраля 1834 г. лионские ткачи объявили всеобщую стачку с требованием повышения заработной платы. 9 апреля в накаленной обстановке суда над рядом участников забастовки началось вооруженное восстание, жестоко подавленное к 15 апреля.

В 1838 г. в промышленных районах Великобритании начинается движение чартистов, выступавших за всеобщее активное избирательное право для мужчин. К июню 1839 г. петицию чартистов подписали 1,3 млн человек. К маю 1842 г. новая петиция собрала уже 3,5 млн подписей. После отказа парламента принять ее по всей Великобритании началась всеобщая стачка с требованием 10-часового рабочего дня. Третья петиция была представлена в Вестминстер уже в обстановке европейских революций 1848 г. В районы, где чартисты были наиболее деятельны, в 1839 и 1842 гг. было послано свыше 10 тыс. британских солдат, а в 1848 г. для возможной борьбы с движением по всей стране было привлечено 170 тыс. добровольцев (так называемых специальных констеблей).

В 1830 г. манчестерский прядильщик Джон Догерти (1898–1854) создает Национальную ассоциацию защиты труда, распавшуюся уже в 1832 г.; в 1841 г. была основана Ассоциация горняков, организовавшая в 1844 г. неудачную забастовку. Из неудач были извлечены уроки, и в 1868 г. в Манчестере создается существующий по сей день Конгресс тред-юнионов — объединение различных профессиональных союзов. В 1871–1875 г. их деятельность была, наконец, окончательно легализована парламентом. К тому времени в цели профсоюзов входили борьба за восьмичасовой рабочий день, коллективный договор с работодателем, право на забастовку.

Первым крупным объединением рабочих США стал Орден рыцарей труда (с 1869 г., открытое членство с 1878 г.), объединявший в 1886 г. 703 тыс. членов, в том числе 60 тыс. негров, но затем быстро потерявший

влияние. В 1886 г. создается Американская федерация труда (АФТ), во главе которой стал еврей-эмигрант из Лондона, рабочий-сигарщик Сэмюель Гомперс (1850–1924), позднее герой разоблачительного стихотворения В.В. Маяковского. Хотя до середины 1890-х годов Гомперс еще разделял идеи уничтожения капиталистической системы наемного труда, затем он открыто размежевался с социалистами и предложил лозунг «чистого и простого» профсоюзного движения, которое должно ограничиваться борьбой за социально-экономические права рабочих и не выдвигать политических требований. Суды, впрочем, твердо стояли на защите корпораций, так что зачастую забастовки жестоко разгонялись полицией, а подчас и федеральными войсками. Предприниматели использовали против бастующих наемных сыщиков-провокаторов и охранников. В июне 1905 г. в противовес АФТ была основана сравнительно небольшая, но чрезвычайно активная леворадикальная организация под названием «Индустриальные рабочие мира» (IWW, wobblies). К этому времени доля членов профсоюзов выросла примерно до 10 % городской рабочей силы.

В 1864–1876 гг. действовало Международное товарищество рабочих (Первый интернационал), обе крупнейшие фракции которого, бакунинская и марксова, ставили открыто революционные цели. В 1863 г. в Германии Фердинанд Лассаль (1825–1864) создает Всеобщий германский союз рабочих. В 1869 г. была основана Социал-демократическая рабочая партия Германии. В 1875 г. организации объединяются в единую партию, которая после отмены в 1890 г. бисмарковских «законов против социалистов» получает свое современное название Социал-демократической партии Германии (СДПГ). В 1912 г. СДПГ сформировала крупнейшую фракцию в рейхстаге. С 1889 г. действовало международное объединение рабочих партий — II Интернационал. 1 марта 1898 г. в Минске была учреждена Российская социал-демократическая рабочая партия, поначалу невлиятельное объединение марксистов, которому впоследствии суждено было определить судьбу страны. В 1900 г. в Лондоне создается лейбористская партия (партия труда) — первоначально политическое крыло профсоюзного движения. На состоявшихся в том же году парламентских выборах лейбористы получили два места в парламенте, в 1906 г. — 29, в 1910 г. — 42, а в 1924 г. впервые сформировали правительство, с тех пор став одной из двух ключевых британских партий.

1 мая 1886 г. в США началась всеобщая стачка за восьмичасовой рабочий день — по всей стране бастовало, по разным оценкам, от 300 до 500 тыс. человек; 3–4 мая в ходе забастовки в Чикаго пролилась кровь. С

1890 г. в память о чикагской трагедии 1 мая по решению II Интернационала стал отмечаться как Международный день солидарности рабочих. Когда после экономического спада 1893 г. были снижены заработки на заводе спальных вагонов Джорджа Пульмана (1831–1897) в Чикаго, а цены на аренду жилья в построенных предпринимателем домах для рабочих не изменились, не входивший в АФТ профсоюз рабочих-железнодорожников объявил о всеобщей стачке, которая началась летом 1894 г. Уже через неделю бастующие в Чикаго были жестоко разогнаны. В тюрьме организатор стачки, в прошлом кочегар Юджин Дебс (1855–1926) впервые изучил труды Карла Маркса и в 1898 г. стал одним из основателей Социал-демократической (с 1901 г. — Социалистической) партии Америки. В США, впрочем, социалистические идеи не получили широкого распространения. И коренные американцы, и иммигранты разделяли глубоко укорененную веру в возможность самому стать хозяином своего дела, прийти к процветанию, может быть, даже такому, какого добился бедный шотландский эмигрант, Эндрю Карнеги (1835–1919), ставший сталелитейным магнатом.

К началу XX в. после смерти Карла Маркса и Фридриха Энгельса в мировом социалистическом и рабочем движении наметилось два ключевых пути: революционный и реформистский (ревизионистский). У истоков реформизма стоял Эдуард Бернштейн (1850–1932), признавший в январе 1898 г., что «конечная цель социализма» для него «ничто», но вот движение к ней-«все». В июне 1899 г. француз Александр Мильеран (1859–1943) стал первым социалистом, согласившимся войти в «буржуазное» правительство (вплоть до 1902 г. он занимал посты министра торговли, промышленности, почт и телеграфов). «Казус Мильерана» едва не расколол европейских социалистов. Бернштейн и его сторонники, в частности русские «легальные марксисты», такие, как П.Б. Струве (1870–1944) и М.И. Туган-Барановский (1865–1919), пророчески увидели в современной им жизни возможность мирной эволюции капитализма, его грядущую «социализацию».

Действительно, с 1860-х годов жизнь трудящихся становится лучше, причем не только в наиболее экономически сильных странах. Относительно Великобритании это признал в 1892 г. сам Фридрих Энгельс в предисловии к переизданию книги Карла Маркса «Положение рабочего класса в Англии». В Соединенных Штатах, ставших в середине 1890-х годов мировым индустриальным лидером, с 1865 по 1900 г. средняя реальная заработная плата в промышленности выросла на 40–50 %, хотя условия жизни рабочих, особенно иммигрантов, оставаясь в целом лучше, чем в европейских странах, часто были неудовлетворительными; серьезной

была угроза безработицы, которая в 1900–1914 гг. в городах в среднем превышала 10 %. В России в 1861–1913 гг. национальный доход на душу населения увеличился в 1,63 раза, реальная заработная плата рабочих — в 1,4 раза.

Уже с 1840 г. плотники новозеландского Веллингтона, в условиях дефицита рабочей силы, добиваются восьмичасового рабочего дня, в 1858 г. этой цели достигают австралийские строители. В самой метрополии в 1878 г. был окончательно введен 10-часовой рабочий день для женщин и запрещен труд детей до 10 лет. В Пруссии труд до 12 лет был запрещен еще в 1853 г., в объединенной Германии в 1878 г. женщинам запретили работать в шахтах и предоставили 3 недели отпуска после рождения ребенка. В 1891 г. отпуск был продлен до 6 недель, а женский труд был ограничен 11 часами. Во Франции в 1892 г. для женщин был введен 11-часовой рабочий день, а в 1900 г. под влиянием Мильерана эта норма была распространена и на мужчин. В России указ от 1 июня 1882 г. (действовал с 1 мая 1884 г.) запрещал труд детей до 12 лет, а для подростков до 15 лет вводил восьмичасовой рабочий день и запрещал работу по ночам и выходным дням. С 1 октября 1885 г. «в виде опыта» в ряде отраслей запрещался ночной труд несовершеннолетних и женщин на фабриках, заводах и мануфактурах. 2 июня 1897 г., после долгих обсуждений, рабочий день на фабриках и заводах был ограничен 11,5 часа, а ночью, в субботу и перед праздниками — 10 часами. В США к 1900 г. обычным стал 10-часовой рабочий день. С мая 1902 г. на шахтах Пенсильвании бастовали около 140 тыс. шахтеров, грозя оставить без угля восток страны. В октябре президент Теодор Рузвельт (1901–1909) впервые собрал в Белом доме за одним столом предпринимателей и профсоюзных активистов. В середине марта 1903 г. было принято арбитражное решение: заработок шахтеров был увеличен на 10 %, для них был введен 8-9-часовой рабочий день.

Не только в буржуазных, но и отчасти в рабочих семьях (особенно в Соединенном Королевстве и его доминионах, а также в США) был распространен идеал матери, отдающей все силы воспитанию детей. По одной, возможно, несколько заниженной оценке, в 1901 г. работали только 10 % замужних британок, но (здесь как раз оценка завышена) вплоть до 40 % замужних француженок. В Вене в 1880-1910-е годы примерно 40 % жен рабочих трудились полный рабочий день (однако надо помнить про частые перерывы в работе, связанные с беременностями) и только около 20 % не работали вообще. Исследование венских рабочих семей 1912–1914 гг. показывает, что вклад замужних работниц в семейный бюджет

составлял лишь чуть более 10 %, детей-подростков — 19,8 %.

В 1889 г. в Германии впервые в мире были введены пенсии по старости. Затем подобные законы принимаются в Исландии (1890), Дании (1891), Новой Зеландии (1898), Австралии, Великобритании (1908). В США социальное обеспечение ограничивалось заботой о ветеранах-северянах Гражданской войны.

Несмотря на урбанизацию и индустриализацию, сельское хозяйство и к началу XX в. оставалось важнейшей отраслью хозяйства. В 1900 г. только в Великобритании, Германии, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии число занятых в промышленности превосходило число сельскохозяйственных работников. К примеру, в США в 1880 г. число занятых в сельском хозяйстве более чем вдвое превышало число рабочих. В то время сельскохозяйственный характер экономики еще не означал ее отсталости: в начале XX в. в списке самых богатых стран мира в расчете на душу населения рядом с индустриальной Великобританией стоят аграрные страны — переселенческие колонии: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Аргентина, Уругвай. Новым промышленным центрам нужно было продовольствие, и под влиянием транспортной революции первой половины XIX в. даже самые далекие области подключаются к мировому рынку, натуральная природа хозяйства ослабевает или исчезает, растет аграрная специализация. Рынок вел к имущественному расслоению крестьянства, которое, к примеру, в России все с большим трудом сдерживала крестьянская община. На это, в частности, обратил внимание В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (1899).

Становление региональных и мирового аграрного рынков снизило, но не уничтожило угрозу голода, тем более, что рост урожайности (интенсификация) сельского хозяйства затронул лишь немногие страны, а аграрное перенаселение все острее чувствовалось по всему миру. Оценить потери от голода зачастую нелегко, так как основной рост смертности был итогом не собственно голода, а инфекционных болезней, особенно тифа, к которым оказывался восприимчив ослабевший от недоедания организм. В Британской Индии голодом были затронута Агра(1837–1838), Бенгалия в 1869–1870 гг. и 1874 г., Декан и южные области — в 1876–1878 гг. (тогда умерли ок. 5,25 млн человек), а также центр страны — в 1896–1897 гг. и 1900–1902 гг. Северный Китай пережил особенно тяжелый голод в 1876–1879 гг. (число жертв составило от 9 до 13 млн человек при общем населении северных провинций в 108 млн) и в 1896–1897 гг. В 1887–1889 гг. голод был вызван наводнением Хуанхэ. В ходе страшного голода

из-за засухи в Персии 1869–1872 гг. умерли не менее полутора миллиона человек. Голод в Ирландии 1845–1849 гг. был вызван болезнью картофеля — основной культуры, которую возделывали крестьяне-католики на своих крошечных наделах. Британское правительство не оказало практически никакой помощи голодающим ирландцам, более того, в самый разгар трагедии крупные землевладельцы (англичане-протестанты) не останавливали вывоз зерна, говядины и других продуктов с «зеленого острова». От голода умерли около 1 млн из 8,5 млн жителей Ирландии, началась массовая эмиграция в США. Дождливое холодное лето вызвало неурожай в Финляндии и Северной Швеции, что привело к голоду и сверхсмертности 1866–1868 гг. Близким к голоду в Финляндии был вызванный бесснежной зимой и засухой голод в Черноземье и Среднем Поволжье России 1891–1892 гг., когда основной причиной смерти стала эпидемия тифа. События в Финляндии и России послужили толчком к созданию государственной системы предотвращения голода, так что впоследствии неурожай не вел к трагическим последствиям.

После пугачевского бунта 1773–1775 гг. и вплоть до движения ихэтуаней («боксеров») в Китае 1899–1901 гг. и Мексиканской революции 1910–1917 гг. мир не знал мощных крестьянских восстаний. Карл Маркс, не любивший деревню, подобно многим революционерам конца XVIII — первой половины XX в., в работе «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852) разочарованно отмечал, что между французскими крестьянами «существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие» (другое марксово определение из «Нищеты философии» (1847) — «класс в себе», а не «класс для себя»).

Действительно, масштабная самоорганизация крестьянства затруднена самой природой сельского труда. Тем не менее крестьяне не оставались пассивными: так, в США в 1867 г. была основана первая мощная фермерская организация — Грейндж, стремительно выросшая в западных и южных штатах во время кризиса 1873–1875 гг. и насчитывавшая к 1875 г. 750–800 тыс. членов. В том же году Грейндж распался и был восстановлен уже в 1880-е годы как организация зажиточных фермеров Северо-Востока. Грейнджу удалось добиться принятия во многих штатах особых «грейнджерских» законов против дискриминации мелкого аграрного производителя тарифами железнодорожных перевозок. В 1872 г. был создан первый крупный английский профсоюз сельскохозяйственных

рабочих.

Великобритания стала родиной кооперативного движения, которое, часто при поддержке государства, активно развивалось в Германии, Скандинавии, а затем стремительными темпами в России, где к 1917 г. было до 55 тыс. кооперативов (80 % — крестьянские), в том числе 11,5 тыс. сельскохозяйственных артелей с 14 млн пайщиков. Кооператив предлагал разрозненным крестьянам-производителям демократический путь объединения усилий.

Во второй половине XVIII в. в Великобритании, Нидерландах, Фландрии и Валлонии появляются сельскохозяйственные новшества (некоторые исследователи даже говорят об «аграрной революции»): четырехпольный севооборот (например, норфолкский: пшеница, турнепс, ячмень, клевер), железный плуг. Средняя урожайность пшеницы в Великобритании в 1800–1849 гг. была выше, чем в 1700–1749 гг., на 68 %, ржи — на 32 %, ячменя — на 72 %, овса — в 2,3 раза. В 1830-е годы в США появился стальной плуг. На первой всемирной выставке в Лондоне 1851 г. демонстрировалась сеялка Сайреса Мак-Кормика (1809–1884) и дренажный плуг Джона Фоулера (1826–1864). Отцом современной агрохимии стал профессор Гиссенского и Мюнхенского университетов Юстус Либих (1803–1873). В годы Гражданской войны в США 1861–1865 гг. были сделаны первые шаги на пути механизации сельского хозяйства — в жизнь вошли сеялки, косилки, жатки, молотилки. Во второй половине столетия на новых началах умело перестраивалось сельское хозяйство Германии. В целом же по крайней мере вплоть до середины XIX в. почти во всем мире еще царило аграрное «долгое средневековье».

«Бабье лето» принудительного труда (определение английского историка К. Бэйли) в XIX столетии сменилось его почти повсеместным запретом, причем именно из политических (и в конечном итоге гуманистических) соображений, поскольку и рабовладельческие плантации Нового Света, и русские крепостные поместья до конца своего существования продолжали оставаться экономически выгодными. Несмотря на существование приписанных к заводам русских крепостных на Урале, на отработку повинности — миты андскими индейцами в шахтах, принудительный труд был в первую очередь сельским. В 1701–1800 гг. из Африки в Северную и Южную Америку было перевезено 6,133 млн рабов, в 1801–1900 гг., несмотря на запрет работорговли Соединенными Штатами и Британской империей в 1807 г., — 3,3 млн рабов. В 1833 г. рабство отменяется в Британской империи (в Индии — с 1848 г.). Франция, несмотря на идеалы Кодекса Наполеона, отменяет рабство в колониях

только в 1848 г. (в обеих империях рабовладельцам, в отличие от США и Бразилии, были выплачены компенсации), Нидерланды — в 1863 г. (реально — к 1873 г.). Бразилия покончила с рабством в 1888 г., Испания на Кубе — в 1886 г. Несмотря на постепенную отмену работорговли во время реформ танзимата, рабство, пусть и в ограниченном виде, сохранялось в Османской империи вплоть до младотурецкой революции, в первую очередь в арабских вилайетах. В княжествах Молдавии и Валахии (с 1866 г. — Румынии) рабы-цыгане (около 7 % населения) стали свободными в 1855 г. и 1856 г. В Иране рабство отменили только в 1928 г. В Индии, Китае, Японии принудительный труд не играл существенной роли, в Корее рабство было отменено в 1894 г., в Сиаме — на протяжении 1873–1908 гг.

В Британской империи (и не только) оставался широко распространен найм так называемых «законтрактованных рабочих» (*indentured servants*): бедняков вербовали на заработки в заморских владениях, оплачивая им проезд, который те должны были отработать. С 1830-х годов до 1912 г. более 4 млн индийцев, сингалцев, малайцев, китайцев и японцев были перевезены в основном для труда на плантациях стран Карибского бассейна, Южной Африки, Индийского океана и Полинезии. Из индийской диаспоры Кариб вышел нобелевский лауреат по литературе 2001 г., уроженец Тринидада В.С. Найпол.

Вплоть до революции 1910–1917 гг. важнейшим источником труда в мексиканских латифундиях были пеоны, чья зависимость от помещика-асьендадо была связана с унаследованным долгом.

Отмена крепостного права, распространенного в Европе к востоку от Эльбы, началась в Габсбургской империи с отмены личной зависимости указами Иосифа II 1781 г. и 1785 г. (*Leibeigenschaft*), но шла противоречиво, сложно и с многочисленными отступлениями. Окончательно крепостное право в Трансильвании, Закарпатье, Галиции и Буковине было отменено в революционном 1848 г. В Пруссии отмена крепостного права началась под воздействием наполеоновских войн в 1807–1810 гг., а в целом в германских государствах основные этапы реформ были завершены к 1830-м годам. Тяжелые условия освобождения крестьян вызвали массовую эмиграцию крестьян в США, в первую очередь из Баварии, Вюртемберга, Мекленбурга. В Российской империи крестьяне получили свободу без земли в прибалтийских (остзейских) губерниях в 1816–1819 гг., а в остальных губерниях, за исключением сложно устроенного Кавказа и Бессарабии, где зависимые крестьяне, впрочем, составляли лишь 1,7 % сельского населения, — в 1861 г., с землей, за которую сверх «дарового надела» нужно было выплатить выкуп, окончательно отмененный в 1906 г.

В Румынии крепостная зависимость отменена в 1864 г.

Отсутствие крепостной зависимости необязательно означало триумф мелкой собственности. С 1861 по 1895 г. доля крупного землевладения в Германии сократилась ненамного, составив 44,2 % в Пруссии, 38,4 % в Бранденбурге, 28,2 % в Саксонии; поместья не дробились на наделы, а обрабатывались наемными сельскохозяйственными рабочими. В Южной Америке больше распространилась аренда. Самой тяжелой ее формой оставалась издольщина, работа за часть урожая (она была также распространена на юге Италии и на юге США после Гражданской войны). Мечта рабов о «сорока акрах и муле», которые якобы получают каждый освобожденный, не сбылась. В 1900 г. в Миссисипи издольщиками были 85 % чернокожих крестьян и 36 % белых. Схожим образом после объединения Италии несправедливость земельных отношений не исчезла: она выталкивала южан на север страны и в Новый Свет.

Общинная собственность на землю сохранялась к середине столетия в некоторых районах Германии, Голландии и Бельгии, а в Испании и отчасти Португалии, отдельных кантонах Швейцарии, итальянских Марке и Умбрии существовали даже островки передельной общины. С индейской общиной с переменным успехом боролись в Новом Свете. В Мексике к концу долгого правления Порфирио Диаса (1876–1911) ее почти уничтожили, а вот, к примеру, в Боливии в 1900 г. в общинах жили 32 % крестьян.

Наиболее интересна история русской передельной общины, которую вестфальский барон Август Гакстгаузен (1792–1866) в своем исследовании 1847 г. счел спасением от революции: «В русской общине есть органическая связь, в ней лежит столь крепкая общественная сила, что в этой стране нет и не может образоваться пролетариата, пока существует община. Последнюю поэтому следует хранить от разрушения, устраняя лишь те неудобства, которые вызываются ею в технике земледелия». Славянофилы видели в общине основу справедливого народного самоуправления, А.И. Герцен, разочарованный европейскими революциями 1848–1849 гг., а потом и народники усматривали в ней зерно социализма. Парадоксальным образом власть, как и оппозиция, поддерживала этот институт: после киселевской реформы государственных крестьян (1837–1841) и отмены крепостного права в 1861 г. община (сельское общество) стала основой крестьянского административно-хозяйственного самоуправления, а попытки ее ослабить и даже разрушить будут предприняты уже в 1900-е годы, в первую очередь (но не исключительно) премьер-министром П.А. Столыпиным.

Свободный мелкий собственник был главным сельскохозяйственным производителем во Франции, Скандинавии, британских переселенческих колониях и Соединенных Штатах Америки, Китае, играл важную роль в Германии. Самым радикальным демократическим решением аграрного вопроса стал североамериканский акт о гомстедах (1862), согласно которому любой человек мог бесплатно получить в собственность 160 акров обрабатываемой им свободной земли (64,8 га). Всего за несколько десятилетий огромные просторы, где до этого столетиями жили разрозненные небольшие группы индейцев-охотников, были заселены и распаханы. Развитию земледелия способствовали стальная плуг и механизированная техника, скотоводства — применение колючей проволоки для огораживания пастбищ (с 1870-х годов). Возможность легко получить большой надел в собственность привлекала и эмигрантов, особенно из Германии и Скандинавии, — сбывалась вековая мечта европейского крестьянства о земле. Всего за время действия закона в 1862–1934 гг. государство выдало права собственности на 1,6 млн гомстедов. Вплоть до 1890-х годов, пока оставались незанятые государственные земли, возможность стать самостоятельным фермером-гомстедером играла, как писал в 1893 г. историк Фредерик Джексон Тернер (1861–1932), роль «предохранительного клапана», снимая социальное напряжение. При этом фермеры, не покидая своих хозяйств, могли приобщиться к городскому, «модному» образу жизни, заказывая товары по каталогу.

Помимо Нового Света и британских доминионов пахотные площади расширялись в России, Юго-Восточной Азии. В 1860–1910 гг. общий объем пашни в мире вырос в 1,7 раза. В 1870–1900 г. в США площадь обрабатываемых земель увеличилась благодаря гомстедам в 2,2 раза, поголовье скота — вдвое, производство пшеницы — в 3,5 раза. В 1900 г. 60 % американского экспорта составляли продукты сельского хозяйства, в первую очередь пшеница. Удивительный пример: с 1880-х годов крестьяне старообрядцы и без того огромной Енисейской губернии (ныне Красноярский край) деятельно осваивали принадлежавшие Цинской империи земли Урянхая (Туву). В 1870–1913 гг. сельскохозяйственный импорт в Западную Европу вырос в 3,5 раза, объем сельскохозяйственного производства России в 2,5 раза (2,24 % ежегодного роста — европейский рекорд). В 1886–1913 гг. количество зерна, которое российские крестьяне оставляли для собственного потребления, увеличилось на 34 %, реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих выросла в 3,8 раза. Популярные в русской публицистике начала XX в. утверждения о «голодном экспорте» не выдержали проверки современными

исследователями.

Яркий пример интенсификации сельского хозяйства представляет Германия: урожай зерновых в Германии вырос в 1845–1914 гг. в 3,7 раза (во Франции за эти годы — в 1,2 раза). Во второй половине XIX столетия в объединенной Германии, несмотря на рост сельского населения, умножилось число середняков, немного сократилось количество grossбауэров (кулаков), а количество малоземельных собственников выросло за счет огородов, которые покупали промышленные рабочие для разведения овощей. Государство помогало селу государственным финансированием ипотеки. В трудные для сельского хозяйства 1880-е годы немецкие социал-демократы критиковали кабинет Бисмарка за протекционизм и доказывали бедственное положение трудящихся. На самом деле максимальное снижение потребления хлеба в первой половине 1880-х годов составило 8 %, но, главное, с первой половины 1850-х годов до конца столетия среднестатистическое потребление мяса в Германии выросло с 21,1 до 44,6 кг в год, молока — с 270,3 до 345,8 л, сахара — в пять раз.

К началу Первой мировой войны мир, включая даже его наиболее экономически развитые районы, вошел в новую эпоху по-настоящему многоукладным, сложно сочетая Старый порядок и современность. Могли ли общества без потрясений двигаться к большему социальному равенству, несмотря на нараставшую капиталистическую конкуренцию, или революции на периферии мировой капиталистической системы или в ее сердце были неизбежны? Синьхайская революция (1911) и Первая мировая война (1914–1918) и порожденная ею революционная стихия приведут к радикальному упрощению социальной структуры в большинстве стран, а подчас — и к большей справедливости в распределении общественных благ. Но в значительной степени именно уничтожение наследия Старого порядка, насильственный слом его структур вызовут трагедии и катастрофы десятилетий после 1914 г.

Языки культуры XIX века

Мировая культура, если отвлечься от неизбежных различий — цивилизационных, этнокультурных, конфессиональных, лингвистических — и рассматривать ее в целом как исторически детерминированное поле ценностно-смысловых отношений и соответствующих практик, развивается, обращаясь одновременно к разным языкам. Эти языки понимаются в широком смысле как знаковые системы, функционирующие в определенных сферах деятельности. Так, например, философия, религия, наука, техника, литература и искусство, образование и просвещение, повседневность пользуются отличными друг от друга языками культуры, которые тем не менее вступают между собой в содержательный диалог. При этом наблюдаются то интегративные, то дифференцирующие тенденции, поддерживающие единство и многообразие культуры в каждую историческую эпоху.

Интегративная идея прогресса человечества, неразрывно связанного с поступательным развитием естественных и гуманитарных наук, а также философии, т. е. с научным прогрессом, стала исходной установкой культуры XIX в.

Многие деятели европейской, русской, американской и восточных культур остались верны идеям и идеалам Просвещения как гуманистическим, научно обоснованным,двигающим культуру по пути прогресса и затрагивающим интересы всего человечества и каждой нации в отдельности. Эти идеи и идеалы легли в основание глобальных культурных процессов XIX в.

Мировой культурой стала считаться сфера человеческого разума, своего рода ценностно-смысловой континуум, последовательно складывающийся в результате духовных усилий человечества и составляющих его народов в различных видах специализированной деятельности, — независимо от того, какой вклад внесла в эту сферу та или иная национальная культура, тот или иной отдельный деятель культуры, — общее достояние человечества на всем протяжении его истории.

Неотъемлемой частью мировой культуры стала философия XIX в., и прежде всего — немецкая классическая философия, приучившая европейцев, а вслед за ними и все остальные народы к размышлению о всеобщих законах бытия и мышления. Неотрывно от философии развивалась и общественно-политическая и историческая мысль,

становившаяся все в большей мере секуляризованной.

Другой важнейшей частью мировой культуры стала *наука*, открывшая в XIX в. множество объективных и всеобщих закономерностей в мире природы, общества и человека и нашедшая им применение на практике (в технике, промышленности, медицине, сельском хозяйстве, экономике).

Третьей составной частью мировой культуры стала *литература* — романтическая, реалистическая и постепенно формирующаяся модернистская, в тесной связи с которой развивались *изобразительное искусство* и *музыка*. Литература и искусство, многое почерпнув из философии, общественной мысли и науки, все в большей мере приходили к углубленному анализу действительности и мира человека, к емким социальным, историческим и психологическим обобщениям, к проницательным и масштабным прогнозам в отношении как отдельных стран и культур, а вместе с тем и всего мира, так и самой человеческой природы, — тем самым становясь общечеловеческим феноменом.

Наконец, в связи с широким распространением грамотности, образования и народного просвещения в мире наблюдалась широкомасштабная демократизация культуры. Это привело не только к частичному приобщению масс населения к вершинным достижениям национальной и мировой культуры в передовых индустриальных странах, но и к возникновению первых успешных образцов массовой и популярной культур.

XIX век отмечен глобальной культурной экспансией европейских стран. В рамках представлений о мировой культуре как сложносоставном целом выстроилась иерархия культур, определяемая заранее выработанными критериями культурного прогресса. Высшую ступень в этой иерархии занимали развитые культуры метрополий. Низшую ступень в культурной иерархии занимали неевропейские культуры народов Африки, Азии, Америки и Океании, которые, как представлялось, в принципе не способны к прогрессу и развитию вообще в силу своей изначальной традиционности и пассивности.

Культурная экспансия европейских стран вызывала неприятие в других частях мира. При этом образованный класс разделялся на сторонников европейского пути, как универсального для всех народов, и противников европейских влияний, отстаивавших национально-культурную самобытность своей страны.

Споры западников и почвенников, меняя свои формы и стиль, имели длительную историю, растянувшись на весь XIX век и выйдя далеко за его пределы.

По существу это была дискуссия между глобалистами того времени (западниками), считавшими, что европеизация периферийных культур открывает им дорогу в мировую культуру, и антиглобалистами (почвенниками), полагавшими европеизацию традиционных культур гибельным путем, чреватой утратой ими своей культурной самобытности.

Глобализм западников проявлялся в том, что они, как истые наследники эпохи Просвещения, представляли историю мировой культуры как своего рода «эстафету» догоняющих друг друга культур. Антиглобализм почвенников заключался в их романтическом представлении о суверенной жизни народов как коллективных личностей, которые, развиваясь автономно, параллельно друг другу, представляют ценность для мировой культуры как уникальные в своей самобытности исторические образования, взаимно дополняющие вклад друг друга во всемирное культурное целое, многосоставное по своей сути. Всякое инокультурное влияние рассматривалось ими как подавление самобытности, как насильственная унификация локальных культур.

Возникновение глобализма и антиглобализма как противоборствующих тенденций культурно-исторического развития свидетельствовало о внутренней противоречивости культурных процессов, развивавшихся в мире.

XIX век языком философии

Основание для философии XIX в. заложила немецкая классическая философия, ставшая для нескольких поколений образованных людей настоящей школой мышления. Однако помимо этого философия являлась описанием европейской и в ее лице мировой культуры на языке всеобщих понятий и представлений, и в этом смысле она была не только способом обобщения всех предшествующих знаний, но и квинтэссенцией европеизма и глобализма своего времени. Принципиальный универсализм нового философского знания неизмеримо поднимал его над конкретными науками — естественными и гуманитарными, при этом не порывая связей с конкретно-научными исследованиями как своей эмпирической базой.

Не случайно в названиях важнейших трудов классиков немецкой философии присутствует слово «наука». Это свидетельствовало о том, что наука в глазах философов обладала непререкаемым авторитетом и общекультурным статусом, так что представление философии в качестве науки и включение ее в научный контекст способствовали повышению ее

значения как феномена культуры.

Главными оппонентами и конкурентами философии в XIX в. поначалу стали религия и религиозное знание (теология). Как и религия, философия апеллировала к всеобщему и вечному, несла в себе мировоззрение, способное охватить мир целиком, использовала аргументацию из любых иных культурных областей и была обращена к человеку и его духовному миру; как и теология, философия полагала себя наукой особого рода (т. е. не только наукой), называла себя «наукой наук» (т. е. полагала себя высшим знанием и знанием трансцендентальным), претендовала на универсализм в познании и объяснении мира в целом и любых его конкретных проявлений. Именно философия была призвана аккумулировать в себе сумму знаний и представлений о мире.

Однако философия XIX в. видела себя в архитектонике культурных явлений безусловно выше религии, выше конкретных наук, выше природы, истории, права, искусства, поскольку все эти явления, включая самое себя, она рассматривала как предмет своей рефлексии. Философия тем самым поставила себя во главе европейской и мировой культуры, на вершине иерархии культурных феноменов, теоретически подчиненных ей. Вовлекая в поле своего умозрения бесконечное многообразие разнородных предметов, каждый из классиков философии создавал сложную, многомерную систему собственного философского знания, требовавшую от мыслителя своеобразной логики и соответствующего языка изложения оригинальных и новаторских идей.

Язык философского знания, как и сама философия, претендовал на беспредельную универсальность: на этом языке можно было говорить обо всем без каких-либо ограничений и условий, в едином контексте общечеловеческого разума. Этот сложный и богатый философский язык был предназначен, конечно, не широким массам и не праздным филистерам, а профессиональным мыслителям, способным и стремящимся охватить мир как целое и сделать его предметом философского анализа. Но в то же время это был язык общего философствования, не делающий различий для представителей разных классов и сословий, любых национальностей и вероисповеданий, независимо от их социального и материального положения, — язык, потенциально открытый для каждого. Лишь в редких случаях немецкая классическая философия превращалась в инструмент национального самосознания или самоутверждения, и тогда она становилась «немецкой идеологией» (по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса).

Именно поэтому европейская философия XIX в. по большей части

рассматривала себя как важнейшую часть не только какой-то конкретной национальной культуры (немецкой, французской, английской или русской), но и мировой культуры в целом, как достижение и достояние всего человечества, как совесть культуры, как ключ к божественной Истине.

Основы немецкой классической философии заложил еще в XVIII в. И. Кант (1724–1804), его изыскания продолжили И.Г. Фихте (1762–1814) и Ф.В.Й. Шеллинг (1775–1854). Все предшествующие искания немецкой классической философии суммировал и обобщил Г.В.Ф. Гегель (1770–1831). Его философская система претендовала на полное и системное описание мира во всей его противоречивости. Гегель при этом выражал общее мировоззрение интеллектуальной элиты начала XIX в. Он утверждал, что история общества есть прогресс, и не просто прогресс, а прогресс в сознании свободы. Гегелевская философия быстро стала подвергаться нападкам с самых разных сторон, к тому же ее исходно разъедали противоречия. Ученики и последователи Гегеля истолковывали ее в разных смыслах: и в христианском, и нехристианском.

Наряду с философией Гегеля были еще попытки достичь полноты философского осмысления мира: и у Шеллинга, и в философии позитивизма О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, стремившихся к строго научному и практическому познанию бытия, и, наконец, в марксистском истолковании мира и закономерностей его развития, претендовавшем не столько на научность описания и объяснения, сколько на преобразование жизни с помощью научного, философско-экономического ее изучения.

Развивая идеи Гегеля, немецкие мыслители постепенно пришли к отрицанию разумности как принципа человеческого бытия и действия. Уже у Макса Штирнера (1806–1856) речь шла о примате воли над интеллектом, над разумом. В ту же сторону эволюционировала философия Шеллинга, с ее сдвигом к иррационализму во взглядах на познание, на человека, на искусство. То же самое уверенно и очевидно выразил А. Шопенгауэр, который, исходя из примата воли, утверждал необъяснимость свободы, ее фактическую неразумность, немотивированность действий, поведения человека. Яснее всего эта идея прозвучала у Штирнера, открыто заявившего, что кажущиеся разумными основания человеческой морали обманчивы, иллюзорны, что конкретный реальный человек по природе своей аморален.

Однако развитие неклассической философии шло в рамках классической парадигмы. Ученик Гегеля **Л.А. фон Фейербах** (1804–1872) построил свою систему антропологического материализма на критике гегелевского идеализма (1839). «Философия Гегеля, — писал немецкий

философ, — есть вывернутый наизнанку теологический материализм; она вынесла сущность Я за пределы Я, отмежевала от Я, превратила эту сущность в предмет в виде субстанции, в виде Бога...», тем самым обожествив Я («Основные положения философии будущего», 1843). Предлагая новую философскую систему, противоположную гегелевской, Фейербах ставил в центр ее не отвлеченный разум, а телесного человека, с его интересами и потребностями, и теперь, будучи философией человека и для человека, она должна будет добывать истину не для себя самой, а для людей, тем самым вытесняя собой религию.

«Место веры теперь заняло неверие, место Библии — разум, место религии и церкви — политика, место неба — земля, место молитвы — работа, место ада — материальная нужда, место Христа — человек» («Необходимость реформы философии»). Задачей своей главной книги «Сущность христианства» (1841) Фейербах считал «сведение религии к антропологии». Фейербах убедительно доказывал: «То, что человек думает о Боге, — это осознание человеком самого себя». Бог — это зеркало человека. Религия — отношение человека к своей сущности. Философия Фейербаха повлияла на К. Маркса, а Ф. Энгельс посчитал Фейербаха «концом немецкой классической философии».

Настоящим концом немецкой классической философии стало учение **К. Маркса** (1818–1883), который, опираясь на философию Гегеля и Фейербаха, придал гегелевской диалектике материалистический смысл («исторический материализм»). В ранней работе «К критике гегелевской “Философии права”. Введение» (1844) К. Маркс сформулировал важный тезис своей будущей философии: «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой». В этой же работе прозвучала и другая знаменитая фраза основоположника марксизма: «Религия — опиум народа». Уже по этим двум фразам можно судить, в какую сторону после Гегеля трансформируется философия: она понимается Марксом как идеология (революционная по своей политической направленности). Хотя она является и превращенной формой общественного сознания (т. е. не вполне объективно отображает действительность, но в интересах определенных классов и партий), с ее помощью можно и нужно воздействовать на сознание и поведение масс. Критика же религии призвана освободить человека от иллюзий.

Уже в ранних своих произведениях («Тезисы о Фейербахе», «Немецкая идеология», 1845–1846) К. Маркс отстаивал свое новое понимание смысла философии, — отныне философия должна не объяснять мир, а изменить его. Это значит, что в центре философии Маркса не познание, а управление,

не понятие бытия, а само социальное бытие. Человек Маркса интересует не как мыслящее существо, а как производительная сила, как способность к труду. Соответственно любые формы человеческой деятельности (семью, религию, науку, искусство и т. п.) Маркс рассматривает как формы производства. Философия и наука — это инструменты, позволяющие человеку властвовать над природой и историей, управляя обществом и общественным производством. «Всеобщий труд», этот выведенный с помощью политэкономии закон, подчиняет своему действию не только общество в целом, но и жизнь, и сознание каждого отдельного индивида. Обоснованию этого закона посвящен главный труд К. Маркса — «Капитал» (1867), раскрывающий диалектику капиталистического производства в XIX в.

Интерпретировав гегелевский закон единства и борьбы противоположностей как классовую борьбу, поставив на место Абсолюта пролетариат, вооруженный целью завоевания власти (установления диктатуры пролетариата), К. Маркс вошел в историю культуры XIX в. как идеолог революции, провозгласив в «Капитале», что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым».

Уже на примере Маркса можно проследить новую, неклассическую тенденцию — сближение философии с конкретными науками (в данном случае — с политэкономией). Основателями «позитивной» философии (или позитивизма), занимающейся систематизацией фактов и организацией приносящих пользу знаний, ориентирующейся на естествознание как на образец науки, стали француз **О. Конт** (1798–1857), создавший «Курс позитивной философии» (1830–1842), и англичанин **Г. Спенсер** (1820–1903). Возникновение позитивизма показало, что основным соперником философии стала уже не религия, а эмпирическая наука, и противостояние идеализма и материализма в философии теряет свою актуальность.

О. Конт начал с того, что объявил всю философию до Гегеля ненаучной и бесполезной: исследование трансцендентных иллюзий, праздное созерцание абстракций, культивирование сомнений и нерешительности, игры с отрицанием и уничтожением — все это должно быть отвергнуто. Метафизику он называл «болезненной разновидностью теологии». В Гегеле он ценил систематизацию знаний, а диалектику считал схоластикой.

Единственная цель настоящей науки, утверждал О. Конт, «постоянно утверждать и укреплять интеллектуальный порядок, который... является необходимой основой всякого истинного порядка». Систематизации мысли

должно служить и создание международной системы всеобщего образования, и выработка «твердых принципов суждения и поведения», и установление на всем Западе новой моральной власти, способствующей распространению организации и определенности. Условиями любой цивилизации являются порядок и прогресс, связанные с ростом интеллектуальной культуры. Теорию порядка призвана вырабатывать «социальная статика», рассматривающая «законы сосуществования»; теорию прогресса — «социальная динамика», изучающая «законы последовательности», управление преемственностью. Таким образом, О. Конт стал одним из основателей социологии.

Позитивность философии (как и других наук) связана в его представлении с реальностью и достоверностью, точностью и полезностью, относительностью и критичностью (по отношению к абсолютному). Основное назначение позитивной философии состоит в том, чтобы организовывать и предвидеть. В конечном счете контовский позитивизм предполагает усовершенствовать человечество в целом в соответствии со своими принципами, подчиняя эгоизм — альтруизму, личность — обществу, общество — прогрессу.

Г. Спенсер придерживался другой версии позитивизма, который называют «эволюционистским» (Спенсер ввел понятие «эволюция» еще в 1857 г., за 2 года до Ч. Дарвина). Описывая эволюцию Вселенной, Спенсер утверждал, что, развиваясь непрерывно и прогрессивно, мир меняется к лучшему. Определяя эволюцию в общем виде, философ отмечал переход материи от менее связанной формы — к более связанной, от гомогенного состояния — к гетерогенному, от неопределенности — к определенности. Занимаясь многими эмпирическими науками — биологией, антропологией, социологией, психологией, общей теорией эволюции, Г. Спенсер видел задачу философии в консолидации широких обобщений частных наук. В отличие от Конта, Спенсер считал, что общество существует для индивида и развитие общества зависит от реализации личности. Касаясь взаимоотношений между наукой и религией, Спенсер полагал, что они коррелируют друг с другом как «два полюса мысли — позитивный и негативный».

В XIX в. позитивизм получил широкое развитие, претендуя на то, чтобы стать общей методологией науки. Среди известных представителей позитивизма — англичане И. Бентам, Дж. Ст. Милль, Т.Р. Мальтус; итальянец Ч. Ломброзо; немцы Я. Молешотт и Э. Геккель, основоположники эмпириокритицизма Р. Авенариус и Э. Мах.

Великим завершением европейской философии XIX в. стало

творчество **Ф.В. Ницше** (1844–1900), вошедшего в историю как ниспровергатель традиционных ценностей, радикальный критик прошлого, безоглядный бунтарь и блестящий провокатор. Его трагическая судьба, прижизненная слава и противоречивая интерпретация его наследия в конце XIX и в XX в. дополнили его репутацию «завершителя» эпохи. Своим творчеством Ницше связал в единый неразрешимый узел все противоречия европейской культуры XIX в. в философском освещении.

Ф. Ницше ненавистен позитивизм, потому что «факт глуп и туп, он скорее телок, чем Бог». Для него неприемлем идеализм и историцизм, поскольку «прогресс — всего лишь новомодная идея, к тому же ложная». В век естествознания и точных наук он провозглашает беспочвенность притязаний наук на обладание истиной. Сторонникам и противникам религии он заявляет: «Бог умер!» — и этим обескураживает и тех и других тем, что Бог, оказывается, был, но смертен. Сверхъестественным надеждам веры он противопоставляет идею «сверхчеловека», способного стать над толпой и превзойти во всем обычных смертных благодаря своей «воле к власти». Наступающему в искусстве декадентству Ницше противопоставляет душевное здоровье своей «философии жизни», снова, вслед за Протагором, сделавшей земного человека «мерой всех вещей», но которая в сущности явилась усовершенствованным обоснованием все того же декаданса и модернизма. Таково соперничество «аполлонического» (созерцательно-упорядочивающего) и «дионисийского» (стихийно-оргастического) начал в культуре и жизни («Рождение трагедии из духа музыки», 1872). Недаром Ницше был кумиром всех будущих модернистов и постмодернистов.

Неклассической философии Ницше, чуждой как возвышенной философской классике, так и приземленному, практичному позитивизму, наиболее близка постромантическая традиция, и прежде всего — А. Шопенгауэр, затем — Р. Вагнер, творческая дружба с которым была так же важна для него, как и разрыв с ним, а где-то в подтексте его «антихристианства» — богоборец Л. Фейербах. По стилю и языку своего философствования Ницше скорее художник и отчасти публицист, нежели ученый. Он мыслит парадоксами и символами, импровизирует и фантазирует, эпатирует и дразнит читателя, поворачивает мысль в самое непредсказуемое и даже абсурдное русло. Все привычные философские категории отменены: вместо прогресса — «вечное возвращение»; вместо: «Ты должен!» — «Я хочу!»; вместо «песка небесных истин» — «новый смысл земли»; вместо моральных заповедей — «По ту сторону добра и зла» (1886); вместо Евангелия — «Так говорил Заратустра» (1885) и вместо

Христа — «Антихрист» (1888). Даже названия произведений Ф. Ницше полемичны: «Несвоевременные размышления» (1873–1876), «Человеческое, слишком человеческое» (1878), «Веселая наука» (1882), «Генеалогия морали» (1887) и т. д.

Философия Ницше трагична. В ней слышится разочарование мыслителя конца XIX в. в истории и прогрессе, в религии и морали, в науке и искусстве, в европейской философии. Крушение абсолютных ценностей, исчезновение онтологических начал мироздания, утрата порядка и смысла, торжество случая и хаоса — такой видится Ницше картина мира. Последняя надежда в таком мире на человека / Сверхчеловека.

XIX век языком музыки

Из всех языков культуры язык музыки наиболее сложен для интерпретации, и в этом смысле он может быть сопоставлен с языком философии. Музыкальные образы очень абстрактны и непередаваемы непосредственно ни в словесную, ни в визуальную форму. Музыкальный язык в гораздо меньшей степени, чем литература и изобразительное искусство, может быть детерминирован социально-историческими или политическими обстоятельствами, однако опосредованно музыка отражает и выражает ход истории. Это связано, прежде всего, с передачей эмоциональных переживаний, общественного напряжения или спада, индивидуального психологического состояния. Зато передача национального колорита в музыке не только возможна, но и широко распространена. Особенно плодотворно развивалась в этом направлении музыка XIX в., открывшая для себя музыкальный фольклор разных народов и начавшая его использовать мелодически и композиционно. Национальные интонации усваивались профессиональными композиторами либо прямо, через фольклорные цитаты, либо косвенно — через фольклорные аллюзии.

XIX век был ознаменован серьезными сдвигами во взаимоотношениях музыкантов с аудиторией. В предшествующее время создатели музыки выполняли заказы своих покровителей из аристократических или придворных кругов, а также для церкви. Даже великие представители венской классики — И. Гайдн и В.А. Моцарт, во многом подготовившие музыкальную культуру XIX в., работали на заказ.

Коренным образом это положение изменилось в условиях Французской революции. Музыка выплеснулась на улицы и площади, стала

неотъемлемой частью всех общественных мероприятий — массовых празднеств и траурных ритуалов, выражая революционный энтузиазм масс или, напротив, его стимулируя. В это время были особенно востребованы гимны и триумфальные песнопения, марши — воинственные и траурные, песни и их обработки.

Революционизировалась и французская опера, обновившая свой репертуар и начавшая принимать массового зрителя. Важную роль в изменении французской оперы сыграл **Андрэ Э.М. Гретри** (1742–1813), написавший около 60 опер, в том числе в период 1790–1794 гг. ряд опер на революционные сюжеты («Вильгельм Телль», «Петр Великий», «Тиран Дионисий», «Праздник разума», «Жозеф Бара» и др.), пользовавшиеся у современников большим успехом. Близкий друг Вольтера и энциклопедистов, Гретри обладал широким кругозором и разделял прогрессивные идеи своего времени. Он выступал за модернизацию музыкально-драматического театра, предвещая конец оперы концертного типа, характерной для XVIII в., и направляя ее на путь драматургически развитого действия (получившего дальнейшее развитие у Бетховена, Гуно, Верди, Вагнера и русских композиторов). Гретри первым сознательно начал применять принцип лейтмотива (мелодии, сопровождающей какое-либо действующее лицо), во многом предвосхитив оперную реформу Р. Вагнера.

Большие заслуги в создании музыки революции принадлежат Ф.Ж. Госсеку, Б. Саррету, Ш. Кателю, Э.Н. Мегюлю, автору «Марсельезы» К.Ж. Руже де Лиллю и др. Они искали и находили новые жанры, новый мелодический стиль, инструментальные эффекты, наиболее подходящие к массовым музыкально-драматическим действиям, активно развивали хоровую культуру, символизировавшую коллективизм и революционную сплоченность. Ритмы и интонации массовых жанров, мелодическая экзальтация, передающая атмосферу революционного подъема, усиленная инструментовка, рассчитанная на звучание в открытых пространствах, при большом стечении народа (например, использование тромбонов и изобретение тубы) — все это оказалось уместным и в XIX в. Традиции музыки Французской революции оказали сильное влияние на творчество Л. ван Бетховена и романтиков — Г. Берлиоза, Р. Шумана, Ф. Листа, молодого Р. Вагнера, на французскую оперу первой половины XIX в. Музыка XIX в. стала ориентироваться на массовое исполнение и широкую слушательскую аудиторию, и эта сознательная установка изменила сам тип музыкального творчества и исполнительства.

Творчество **Людвига ван Бетховена** (1770–1827) подвело итог эпохе

венской классики, опираясь на достижения Гайдна и Моцарта; он усвоил уроки французской оперы (А.Э.М. Гретри, Э.Н. Мегюль, Л. Керубини), итальянской школы (А. Сальери, М. Клементи), северо-германской музыки (К.Ф.Э. Бах). Синтез разных музыкальных традиций в яркой творческой индивидуальности, сила воли, проявившаяся в трудных жизненных испытаниях (постепенная потеря композитором слуха), неукротимый гражданский темперамент борца — все это соединилось в личности гениального реформатора европейской музыки.

Несмотря на скромный состав своего симфонического оркестра и отсутствие экстраординарных эффектов, Бетховен выступил симфоническим новатором и в области ритмики, гармонии и контрапункта, и в сфере инструментовки. Его мелодии отличались яркостью, музыкальная форма его композиций — четкостью и структурной ясностью.

Й.-К. Штилер. Людвиг ван Бетховен в период работы над Торжественной мессой. 1820 г. Бетховен-хаус, Бонн

В отличие от своих учителей и предшественников (В.А. Моцарт написал 41 симфонию, а И. Гайдн — 118) Бетховен работал медленно, по несколько лет обдумывая начатое произведение, и стал автором лишь 9 симфоний. На поклонников и последователей Бетховена это произвело такое потрясающее впечатление, что цифра 9 стала казаться роковой для каждого последующего симфониста (авторами девяти симфоний умерли Ф. Шуберт, А. Дворжак, А. Брукнер, Г. Малер; Малер до такой степени боялся номера 9, что первоначально задуманную как Девятую симфонию «Песнь о Земле» оставил без номера). Однако результатом такой вдумчивой, подчас кропотливой работы над каждым симфоническим произведением стало то, что многие произведения Бетховена, благодаря емкости и значительности идейного содержания, стали явлением не только национального, но и европейского, и мирового масштаба.

Многие произведения Бетховена воспринимались современниками как отклик на совершающиеся исторические события. Третья симфония Бетховена, получившая название «Героическая», была первоначально посвящена Наполеону, который представлялся Бетховену символом идей Французской революции — свободы, равенства, справедливости. Однако, когда Бетховен узнал о коронации Наполеона в качестве императора Франции, он гневно вырвал из партитуры страницу с посвящением, и симфония осталась посвященной безымянному борцу за свободу и независимость. Идеи героической борьбы продолжила не менее знаменитая Пятая симфония, с ее впечатляющим мотивом неумолимой судьбы, которая все время стучится в жизнь героя, но не может его сломить. Главный принцип большинства симфоний Бетховена — оптимистическая формула: «от мрака к свету», которой он оставался верен во все периоды своего творчества.

Вершиной симфонического творчества Бетховена стала колоссальная по своему масштабу Девятая симфония для оркестра, хора и солистов. Введение человеческого голоса (как высшего инструмента, созданного природой) в ткань симфонии было смелой идеей композитора, опередившего свое время. Впоследствии только Г. Берлиоз, а затем Г. Малер (в конце XIX в.) решились соединить ораториальный и собственно симфонический жанры в одно целое. Правда, Р. Вагнер, встретившийся в Вене с Бетховеном незадолго до премьеры Девятой симфонии (которая состоялась 7 мая 1824 г.), считал, что созданная им (Вагнером) симфонизированная опера — это выполнение завета Бетховена ввести человеческий голос в симфонический оркестр в качестве главного мелодического компонента. Этот факт особенно интересен, если учесть,

что единственная опера Бетховена «Фиделио», пронизанная сквозным музыкальным развитием (и в этом отношении предвосхитившая будущие оперы Вагнера), не имела успеха.

Бетховен долго выбирал текст для финального хора и остановился на оде Ф. Шиллера «К радости» с призывом, обращенным к человечеству: «Обнимитесь, миллионы!» В этом тексте, положенном на воодушевленную мелодию, выразился величественный гуманизм и антимилитаризм композитора, одновременно апеллирующий к идеалам Просвещения, идеям революции и представляющий идеалистический порыв романтизма. Хор в Девятой симфонии символизирует объединившееся человечество, свободный союз европейских народов, торжество вечного мира. По глубине и масштабу своих философских устремлений и обобщений, по степени универсализма образов и идей симфонии Бетховена поднялись на высоту философских обобщений Гёте и Гегеля.

Таким образом, симфония, во многом усилиями Бетховена, стала одним из главных музыкальных жанров XIX в., общепризнанным завоеванием европейской художественной культуры. Творческое наследие Бетховена включает симфонические увертюры, 5 концертов для фортепиано и один для скрипки с оркестром, 16 струнных квартетов и 32 фортепьянные сонаты, в том числе такие известные, как «Патетическая», так называемая «Лунная», «Аппассионата» и др. Объединяющим началом музыки Бетховена выступала общая сонатная форма, лежащая в основании и европейской симфонии. Бетховен поднял ее значение до уровня симфонии в сольном исполнении.

В последний период своего творчества Бетховен стал родоначальником нового направления в музыкальном искусстве — романтизма. В романтических исканиях музыкантов проявилось разочарование в просветительских идеях прогресса и гуманизма, отчуждение от окружающей социальной действительности, наполненной насилием и жестокостью, с одной стороны, и пошлостью и лицемерием — с другой. Романтики противопоставили агрессивной действительности, равнодушной и темной толпе одинокого героя, творческую индивидуальность, способную уйти в мир своих фантазий и грез, в отдаленные исторические эпохи, идеализированные и эстетизированные, раствориться в природе и связанных с нею поэтичных переживаниях. Романтическое движение в Германии приняло характер мечтательного идеализма.

Философы и поэты романтизма с самого начала своих идейных исканий придавали музыке как виду искусства и форме творчества особое значение, близкое к откровению. Новалис провозгласил музыку лучшим

средством исцеления от всех страданий жизни. Музыканты-романтики стремились соединить музыку с другими искусствами — поэзией, прозой, театром. Особенно успешно взаимодействовала музыка романтиков с литературой, а некоторые из романтиков обладали двойным даром — поэта и музыканта (Э.Т.А. Гофман, Р. Вагнер, Ф. Ницше).

Один из первых таких романтиков-универсалов — **Эрнст Теодор Амадей Гофман** (1776–1822), задавший тон европейскому романтизму своими «Сказками», раскрывшими необузданную художественную фантазию автора (он был также художником и театральным деятелем), оказал влияние на несколько поколений музыкантов совсем не своими музыкальными произведениями (опера «Ундина», ряд симфонических и камерных произведений) и не музыкальной критикой (он был ярким и плодовитым музыкальным критиком), а своими музыкальными новеллами. Так, Р. Шуман дал музыкальную интерпретацию его «Крейслериане», Р. Вагнер почерпнул у Гофмана поэтические мотивы своих опер «Тангейзер» и «Нюрнбергские мейстерзингеры», Ж. Оффенбах написал по мотивам его произведений оперу «Сказки Гофмана», П.И. Чайковский почерпнул у Гофмана сюжет своего позднего балета «Щелкунчик». Влияние Гофмана-романтика на европейскую музыку растянулось на целый век.

Кроме такого опосредованного взаимодействия музыки с литературой у романтиков наметились два основных пути: создание литературно-музыкальных произведений, в которых словесный текст, положенный на музыку, проникался музыкальностью, в результате чего рождался синтетический эффект, и создание литературной программы музыкального произведения, благодаря которой музыкальный текст, положенный на литературные сюжеты и мотивы, проникался литературностью, в результате чего также возникал эффект синтеза искусств. К первому пути относились такие литературномузыкальные жанры, как романсы, оратории, оперы (особенно на литературные сюжеты). Ко второму — произведения программной музыки (их тематика, система образов и сюжет заданы литературными произведениями, текст которых не привлекается композитором иначе, как внешняя программа своего сочинения). По существу у истоков обоих путей стоял Бетховен: в первом случае, например, это его песни на слова И.В. Гёте (Песнь Миньоны, Песня о блохе), на слова Ф. Шиллера (финальный хор из Девятой симфонии), во втором — симфонические увертюры (к драме Гёте «Эгмонт» и др.).

Огромен вклад **Франца Шуберта** (1797–1828) в музыкально-литературный альянс немецкого романтизма. За свою короткую жизнь он создал 9 симфоний, 15 струнных квартетов, 2 квинтета, 15 фортепьянных

сонат и множество других произведений различных жанров, а также около 600 песен на слова немецких поэтов, включая Шиллера, Гёте и Гейне. Это именно песни, а не арии или романсы, распространенные в Европе в начале XIX в. Шуберт — блестящий мелодист — находит почти идеальное соотношение между музыкой и поэтическим текстом. Мелодии шубертовских песен близки народным, воспроизводят ритмику популярных танцев.

Тематика шубертовских песен разнообразна: здесь и мотивы социальной обездоленности, поиска жизненного пути странствующим подмастерьем, и встречи с простыми людьми, и поэтизация природы, и образы народнопоэтической фантазии, и глубокие душевные переживания героя-романтика. Песни Шуберта вскоре после его смерти получили массовое распространение. Песенное творчество Шуберта оказало влияние и на остальные его произведения: он насытил свои симфонии песенным началом, мелодикой своих романсов. В дальнейшем эта тенденция получила дальнейшее развитие в симфонических произведениях и романсах Р. Шумана, Ф. Мендельсона, И. Брамса, А. Дворжака и Г. Малера.

Другим важным достижением Шуберта стало создание фортепьянных поэтических миниатюр без названий («Экспромты», «Музыкальные моменты»), которые давали слушателю музыкальные «впечатления», мимолетные звуковые зарисовки, возникшие как спонтанные импровизации. Эта жанровая новация была очень во вкусе музыкального романтизма, что получило дальнейшее развитие у многих романтиков («Каприсы» Н. Паганини, ноктюрны, вальсы, мазурки, прелюды и этюды Ф. Шопена, «Песни без слов» Ф. Мендельсона, множество опусов Ф. Листа, И. Брамса, Э. Грига и др.). В целом сольная импровизация, демонстрирующая сложность замысла и виртуозность исполнения, для романтизма означала торжество индивидуального гения, символическую неповторимость творческого порыва (феноменальное скрипичное мастерство Н. Паганини, блестящий пианизм Ф. Шопена, Ф. Листа, А.Г. Рубинштейна и др.).

Выдающимися творцами программной музыки были французский композитор **Гектор Берлиоз** (1803–1869), немецкий композитор и музыкальный критик **Роберт Шуман** (1810–1856) и венгерский виртуоз **Ференц Лист** (1811–1886). Их музыка обрела европейскую и мировую известность.

Родоначальником музыкальной программности является Г. Берлиоз, которого М.И. Глинка назвал «единственным достойным преемником Бетховена». Уже в первых его оркестровых увертюрах — «Закон франков»

(1826) и «Уэверли» (1827) по В. Скотту была очевидна тяга композитора к музыкальному воплощению литературных образов. В 1829 г. им была написана «Фантастическая симфония» — первая программная симфония в истории мировой музыки. Все последующие произведения Берлиоза были также программными: «Лелио», «Римский карнавал», симфония «Гарольд в Италии» (1834), симфония с хорами «Ромео и Джульетта» (1839), «Траурно-триумфальная симфония» для двойного оркестра и хора (1840), оратория «Гибель Фауста» по Гёте (1845) и др. «Свобода сердца, ума, души, всего, — писал о своем творчестве сам Г. Берлиоз, замечательный музыкальный писатель. — Свобода истинная, абсолютная, неизмеримая». Музыка стала для Г. Берлиоза языком художественной и общественной свободы.

Р. Шуман проявил неистощимую фантазию при сочинении своих фортепьянных поэм и песенных циклов — «Карнавал», «Крейслериана», «Любовь поэта» и др. Все они обладали довольно причудливой программой, реализованной необычными музыкальными средствами. Музыка к «Манфреду» и сцены из «Фауста», светские оратории «Рай и Пери» и «Паломничество Розы», как и все 4 симфонии Шумана в той или иной степени программны.

Ф. Лист особенно много сделал в жанре одночастных симфонических поэм. Наиболее известны «Тассо» (1849), «Орфей» (1854), «Прелюды» (1854), а также «Гамлет» и «Прометей». Его перу также принадлежат две программные симфонии — «Фауст-симфония» и «Данте». Яркой картинности листовских поэм способствовали его колористический талант, эффектная ритмика, ладово-гармоническое новаторство и блестящее владение оркестром. Немалую роль в творчестве Листа сыграла и его гениальная способность к импровизациям, которой он славился как пианист-виртуоз.

Важнейшим направлением развития европейской музыкальной культуры стала опера как жанр музыкального театра. В отличие от симфонии, всегда тяготевшей к некоторой элитарности, опера, напротив, была рассчитана исключительно на массовое восприятие. Поэтому авторы опер добивались таких музыкальных эффектов, которые бы способствовали росту популярности их музыки. К тому же вокальные эпизоды опер (арии, дуэты, хоры и т. п.) могли запоминаться и исполняться публикой, не видя спектакля, на досуге, что часто и происходило в XVIII и в начале XIX в.

В Европе начала XIX в. господствовала итальянская опера, глубоко укорененная, вместе с массовым пением, в национальной традиции итальянской культуры. В русской культуре также ощущалось сильное

влияние итальянской оперы, оказавшей серьезное воздействие на творчество М.И. Глинки, создателя первой национальной русской оперы «Жизнь за царя». Но особенно сильной была власть итальянской оперы во Франции.

Популярность итальянской комической оперы связана с именем **Джоакино Антонио Россини** (1792–1868), которого называли «музыкальным диктатором Европы». Мировую известность ему принесла десятая его опера — «Танкред» (1813), а всего им было написано 39 опер. Свой шедевр — «Севильского цирюльника» по Бомарше он написал в 1816 г. за несколько недель. В 1823 г. знаменитый маэстро стал директором итальянской оперы в Париже. Здесь в 1829 г. он представил свою последнюю оперу «Вильгельм Телль», которая имела оглушительный успех.

Слава Россини как оперного композитора была связана, прежде всего, с красивыми мелодиями и виртуозными вокальными партиями, удобными для голоса и эффектными для слушателей. Блестящая, искрящаяся грацией музыка Россини обычно была слабо связана с текстом, который сам композитор считал лишь «необходимым злом». В драматургическом отношении все оперы Россини сводились к веренице концертных номеров, условно связанных сухими речитативами. «Диктатура» Россини проявлялась в том, что в его операх и операх его преемников исполнитель доминировал над содержанием, а артист господствовал над оперой.

Эта тенденция еще более усилилась у замечательных мелодистов, наследовавших Россини, — **Винченцо Беллини** (1801–1835), автора опер «Сомнамбула» (1831), «Норма» (1831) и «Пуритане» (1835), и **Гаэтано Доницетти** (1797–1848), самыми известными операми (из 70) которого были «Любовный напиток» (1832), «Лючия ди Ламмермур» (1835), «Дочь полка» и «Фаворитка» (обе 1840) и «Дон Паскуале» (1843). Оба автора представляли итальянскую школу бельканто.

Свое высшее развитие итальянская драматическая опера получила в творчестве **Джузеппе Верди** (1813–1901). В отличие от Россини Верди не придерживался взглядов на оперу как на арену певческой виртуозности и вкладывал в романтическую оперу серьезное гражданское и социально-психологическое содержание. Ранние оперы Верди («Набукко», 1842; «Ломбардцы», 1843; «Эрнани», 1844; «Атилла», 1846), наполненные гражданским пафосом и потрясающими хорами, истолковывались зрителями как призыв к национальному освобождению и объединению Италии. В 1850-е годы Верди обратился к жанру социально-психологической драмы и на этом пути достиг самого большого

сценического успеха («Риголетто», 1851; «Трубадур», 1853; «Травиата», 1853, не сходившие со сцены в течение всего XIX и XX в.).

В дальнейшем в творчестве Верди усиливаются социально-политические мотивы. Так, он предложил итальянскому правительству написать реквием на смерть известного литератора Дж. Мадзини. Драматургия его опер становится еще более напряженной и мотивированной («Бал-маскарад», 1859; «Сила судьбы», 1862; «Дон Карлос», 1867). Романтизм, сказывавшийся в наивности оперных сюжетов, схематизме конфликтов и идеальности героев, все в большей степени вытесняется реализмом, содержание наполнялось глубокой и сложной социальной и психологической мотивацией. Музыкальная экспрессия находит свое выражение в усложнении мелодий, гармонии, оркестровой ткани. Верди как классик оперного жанра обретает общеевропейскую и мировую славу.

Вершиной, а в чем-то и поворотным пунктом в развитии европейской музыки XIX в. стало творчество **Рихарда Вагнера** (1813–1883), ознаменованное грандиозной оперной реформой, фактически соединившей и связавшей две главные линии развития европейской музыки — симфоническую и оперную. Впервые опера перестала быть композицией из серии вставных номеров (арий, речитативов, дуэтов, ансамблей, хоров и т. п.), слабо связанных между собой, и превратилось в музыкальную драму, пронизанную сквозным действием, напряженной драматургией и, главное, непрерывным симфоническим развитием. Этому способствовала вновь изобретенная Вагнером «бесконечная мелодия», задающая музыкальному произведению импульс неограниченного развития.

Разработанная Вагнером система лейтмотивов (своего рода музыкальных символов), характеризующих действующих лиц и ключевые зрительные образы произведения (например, «Грааль», «золото Рейна», «меч Зигфрида», «полет валькирий», «гибель богов» и т. п.), фактически означала приоритет симфонического начала над вокальным. Сами вокальные партии в форме речитативов (очень трудные для исполнителя), постепенно вытеснившие традиционные арии, звучали как голосовые инструменты огромного симфонического оркестра, разросшегося у Вагнера до гигантских (по сравнению с временами Бетховена он увеличился чуть ли не в 3 раза) размеров. Виртуозно владея инструментовкой, Вагнер стал реформатором симфонического оркестра, усилив группу деревянных и особенно медных духовых инструментов, что придало оркестру титаническую мощь, особенно в кульминационных моментах драматического действия.

Замечательный поэт и драматург (композитор являлся автором либретто всех своих опер), Р. Вагнер был увлеченным теоретиком музыки и философом искусства (ему принадлежит 10 томов литературно-философских и публицистических работ). Воодушевленный идеями революции 1848 г., он написал трактаты «Искусство будущего» (1849), «Искусство и революция» (1849), «Опера и драма» (1851), где рассматривал искусство в контексте культуры, социальной политики, в ключе утопического социализма.

Искусством будущего Вагнер называет музыкальную драму, в которую должна превратиться (а в творчестве самого Вагнера уже превращается) опера. В новой опере, по мысли Вагнера, осуществляется идеальный синтез искусств: литературы, дающей сюжет драмы и текст вокальных партий, а также и идеологию спектакля; музыки, обеспечивающей непрерывное художественное развитие музыкальной драмы, и театра как совокупности (актеров, декораций, костюмов, режиссерских решений), выполняющего синтезирующую функцию и завершающего создание целостного художественного произведения (Gesamtkunstwerk).

Реформирование оперы в целях превращения ее в музыкальную драму рассматривалось Вагнером как мировая тенденция и в то же время как достижение немецкой культуры, в каком-то смысле — знак ее духовного превосходства над другими европейскими культурами (в частности, над итальянской и французской оперой, длительное время господствовавшей в Европе). Недаром литературно-сюжетная основа большинства опер Вагнера связана с мотивами именно немецкой литературы и германской мифологии и служит выражением национального духа Германии. Из 13 опер Р. Вагнера лишь одна — «Риенци» (1837–1841) посвящена республиканскому Риму; две ранние — «Феи» и «Запрет любви» (1833 и 1834) написаны по мотивам произведений Э.Т.А. Гофмана; «Летучий Голландец» (1842) — на сюжет Г. Гейне, «Тангейзер» (1845) — по мотивам Гофмана и Гейне; «Лоэнгрин» (1848) — по мотивам средневековых немецких легенд. На этом романтический период творчества Вагнера заканчивается, и он приступает к радикальному обновлению оперы.

В творчестве Р. Вагнера европейская музыкальная культура развивается от романтизма к символизму и модернизму. Поворотным пунктом становится созданная в кризисный для композитора период опера «Тристан и Изольда» (1859). Полная глубокого и безысходного трагизма, опера демонстрирует вечно неразрешимый узел любви и долга, страсти и смерти. Приведя в действие всю свою оперно-симфоническую технику («бесконечная мелодия», сплетение лейтмотивов и лейтгармоний,

изысканная игра тембров, сложные тональные модуляции, включение вокальных партий в оркестровую ткань и т. п.), Вагнер впервые размыкает представление о тональности, используя на протяжении всей оперы так называемый «Тристан-аккорд», своеобразные качества которого передают любовное томление и устремленность навстречу неизбежной гибели.

Упоение страданием, эстетизация трагедии, нравственно-философский пессимизм становятся у Вагнера, под влиянием философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, основой дальнейшего творчества — величественной тетралогии «Кольцо Нибелунгов» по мотивам северо-германской мифологии («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов», 1848–1874) и последней оперы «Парсифаль» (1882). Несколько особняком в этом ряду стоит музыкальная комедия «Нюрнбергские мейстерзингеры» (1868), где Вагнер, идеализируя народный быт и житейскую мудрость средневековых цеховых ремесленников, прославляет (с привкусом национализма) немецкую музыкальную культуру, берущую начало в творчестве народных «мастеров пения».

Творчество Вагнера и его оперная реформа направили европейскую музыкальную культуру в русло модернистских течений. В области симфонизма прямыми наследниками Вагнера являлись **Антон Брукнер** (1824–1896), **Густав Малер** (1860–1911) и **Рихард Штраус** (1864–1949), ставшие признанными вождями музыкального экспрессионизма на рубеже XIX–XX вв.

Г. Малер, один из величайших симфонистов XIX в., собрав воедино достижения разных школ — Г. Берлиоза, Ф. Листа, А. Брукнера, И. Брамса, П.И. Чайковского, создал свой тип грандиозной по масштабам трагической симфонии. Опираясь на мощь поствагнеровского оркестра, во всеоружии композиторской и дирижерской техники, Малер смело нарушал все классические правила европейского симфонизма: увеличивал число частей, вводил хор и солистов, изменял тональный план симфонии, соединял героическое и ироническое, патетическое и пошлое, экзальтацию и тихую грусть, фольклорные мотивы и псевдоцитаты из классики, передавая тем самым трагедию гениальной индивидуальности, изнемогающей в противоречиях с собой и в столкновениях с окружающим миром.

Р. Штраус, прославившийся в XX в. своими операми, в XIX в. создал целый ряд программных симфонических поэм на различные литературные и философские темы — «Макбет» (1887), «Дон Жуан» (1888), «Смерть и просветление» (1889), «Тиль Уленшпигель» (1894), «Так говорил Заратустра» (1896), «Дон Кихот» (1897), «Жизнь героя» (1898). В это время он написал и первую свою оперу «Гунтрам» (1894) в стиле позднего

Вагнера. Блестящее владение оркестром дополнялось у Р. Штрауса использованием новейших средств композиции, включая последовательное применение принципа политональности (т. е. одновременного сочетания нескольких тональностей). Яркие и лаконичные мелодические характеристики литературных образов сочетаются у Р. Штрауса с декоративностью оркестровых тембров, терпкостью гармоний, пафосом борьбы, выражением сильных страстей.

В самом конце XIX в. заявил о себе, поначалу как последователь Вагнера, Малера и Штрауса, а впоследствии прославившийся как создатель нового музыкального языка, теоретик атональности и основатель додекафонии **Арнольд Шёнберг** (1874–1951). Его струнный секстет «Просветленная ночь» передает всю гамму переживаний между отчаянием и умиротворением и еще несет следы влияния вагнеровского «Тристана», ранних малеровских симфоний и творчества П.И. Чайковского.

По пути экспрессионизма пошла и итальянская опера. Уже Дж. Верди, представлявшийся многим главным оппонентом Вагнера в оперном творчестве, в свой поздний период испытал косвенное влияние Вагнера («Аида», 1871; «Отелло», 1887; «Фальстаф», 1892), выразившееся в усилении реалистического содержания, симфонизации оперы, введении лейтмотивов, усложнении вокальных партий, гармонии и инструментовки. Эти тенденции получили развитие в оперном творчестве **Джакомо Пуччини** (1858–1925), который стал известным в XIX в. благодаря операм «Манон Леско» (1893), «Богема» (1896) и «Тоска» (1900). К данному направлению, получившему название «веризма» (итальянская версия музыкального экспрессионизма), принадлежали также Р. Леонкавалло («Паяцы», 1892) и П. Масканьи («Сельская честь», 1889).

Наконец, на периферии листовского и вагнеровского влияния, в чем-то отталкиваясь от их исканий, а в чем-то, напротив, притягиваясь к ним, в европейской музыке стал развиваться музыкальный импрессионизм, другая утонченная разновидность модернизма в музыке. Его представители — француз Клод Дебюсси (1862–1918) и финн Ян Сибелиус (1865–1957) тяготели к размытым звучностям, зыбким образам, изысканной звукописи; при передаче мимолетных впечатлений и неуловимых состояний природы они впервые использовали эффекты сонористики и колористической гармонии.

В XIX в. в европейской культуре сложилось необычное явление: в ряде развитых, прошедших эпоху Просвещения стран литература среди других явлений культуры выдвинулась на первый план и стала доминировать во всей национальной культуре. Позднее это явление получило название «литературоцентризм» (в том смысле, что центральное место в культуре стало принадлежать литературе и она начинает влиять на развитие смежных явлений культуры). Среди европейских культур явно литературоцентричными стали английская, французская, немецкая; вскоре к ним присоединилась и русская культура. Другим оказался культурно-исторический путь иных европейских стран: в Италии и Австрии в XIX в. доминировали музыка и музыкальный театр (причем в Италии — преимущественно опера); в Испании — живопись и театр; во многих странах подобная специфика вообще еще не определилась.

Формирование литературоцентризма в европейской культуре было обусловлено рядом причин, связанных с особенностями литературы как языка культуры.

— Во-первых, распространение грамотности среди значительной части населения названных стран сделало чтение и перечитывание художественных текстов самым распространенным видом досуга.

— Во-вторых, успехи типографского производства сделали тиражирование идей и образов простым и эффективным, а книги — сравнительно дешевым и емким способом хранения и передачи разнообразной информации, имеющей общественный интерес.

— В-третьих, вербальный характер литературных текстов позволял литературе, обращаясь к своим читателям на национальном общераспространенном языке, стать наиболее демократичной формой культуры по сравнению с более элитарными философией и наукой, требующими специальных знаний и навыков, и другими видами искусства — театром, музыкой, изобразительным искусством, нуждающимися в особых условиях приобщения публики к процессу или результату художественного творчества (сцена, концертный и выставочный залы).

— В-четвертых, в силу универсальности и доступности языка культуры, используемого литературой, литература оказалась способной интегрировать в себе иные формы культуры, переводимые на литературный язык — философию, религию, общественно-политическую мысль, публицистику, естественно-научные и социальные идеи, а в форме нарратива и другие виды искусства — театр, музыку, живопись.

Это позволяло литературе говорить со своим читателем от имени всей культуры и брать на себя смежные функции, т. е. не только описывать те

или иные явления, но и анализировать их, философски обобщать, проповедовать нравственные и религиозные истины, просвещать и воспитывать читателя, информировать его об актуальных событиях в мире и интересных фактах, заслуживающих художественного воплощения. Помимо возвышения самой литературы как феномена культуры, литературоцентризм способствовал интеграции и сплочению вокруг литературы всей культуры XIX в. — как национальной, так и общеевропейской. Это выразилось в том, что историко-литературный процесс в разных странах развивался в целом практически идентично (в одних и тех же художественных формах и жанрах, одними и теми же средствами поэтики, воплощая одни и те же темы и идеи) и почти одновременно в разных странах. Этому способствовала повысившаяся культура и оперативность перевода с иностранного на национальный язык.

При этом, конечно, сохранялась страновая специфика литератур, но, по сравнению с эпохой Просвещения, она проявлялась в ослабленном виде. На первый план в XIX в. выступали общие черты литературных направлений — романтизма, реализма и модернизма, хорошо коррелирующие между собой в разных странах. Так, к примеру, Ф. Шиллер и И.В. Гёте, Дж. Г. Байрон и В. Скотт, Э.Т.А. Гофман и Г. Гейне, В. Гюго и А. Дюма — представители немецкого, английского и французского романтизма, были кумирами и властителями умов своих читателей сразу в разных странах Европы, а их произведения легко пересекали национальные границы, независимо от происходивших в это время исторических событий и социально-политической обстановки на континенте. Это говорит о том, что литературоцентризм был мощным фактором европейской культурной интеграции и глобализации.

Общим феноменом европейской культуры с начала XIX в. на многие десятилетия стал *романтизм*, который возник как противоречивая реакция на эпоху Просвещения и Французскую революцию. Характерно, что среди романтиков были принципиальные противники революции (Ж. де Сталь, Ф.Р. де Шатобриан, Ф. Шиллер и др.) и столь же принципиальные сторонники (П.Ж. Беранже, Дж. Г. Байрон, В. Гюго, Г. Гейне, Ж. Санд и др.). Это дало впоследствии основание делить романтиков на реакционных (идеализирующих прошлое) и прогрессивных (устремленных в будущее). При всей условности и жесткости подобной схемы она отражает широкий разброс идейных и политических исканий романтизма в XIX в.

Не случайно в течение всего века в романтической (и не только) литературе поэтизируется и героизируется фигура Наполеона как романтического героя: с одной стороны, он — порождение революции,

гениальный полководец, ставший императором, едва не состоявшийся объединитель Европы, непонятый реформатор; с другой — душитель революции, свергнутый деспот, узурпатор, военный авантюрист; а в целом — титаническая фигура, осмеянная и ненавидимая завистниками и оппонентами, противоречивая сильная личность, неповторимая индивидуальность. Сам Наполеон симпатизировал романтизму: в 1808 г. он встретился с Гёте, чтобы побеседовать о своем любимом романе «Страдания юного Вертера».

Слово «романтический» (romantic) применительно к литературе впервые появилось в Англии около середины XVII в. для обозначения чего-то «нереального», фантастического, экстравагантного и этимологически связано с названием жанра «роман», поскольку отсылало к рыцарским романам. Примерно со второй половины XVIII в. это же английское слово стало использоваться применительно к поэзии, описывающей возвышенные, восторженные и интимные чувства. Однако подлинный смысл термин «романтизм» получил лишь тогда, когда он стал использоваться для обозначения особого направления в литературе и искусстве и обрел свой эстетический и философский смысл. Главным в интерпретации романтизма как литературного направления были противопоставление и предпочтение идеала (эстетического, нравственного, философского, политического) реальности, которая в любом случае уступает идеалу.

Другой важный аспект романтической литературы состоит в том, что она, исторически подготовленная предшествующими направлениями европейской литературы — классицизмом и сентиментализмом, утверждала приоритет личности перед обществом, героя — перед толпой, гения — перед сборищем обывателей. Выдвижение на первый план яркой индивидуальности, наделенной богатым внутренним миром, остающейся непонятой и недооцененной окружающими, находящейся в неразрешимом конфликте с ординарной и пошлой действительностью, принципиально для романтиков.

В этом отношении особенно показателен роман немецкого романтика **Эрнста Теодора Амадея Гофмана** (1776–1822) «Житейские воззрения кота Мурра» (1819–1821), в котором сопоставляются и переплетаются между собой автобиография кота Мурра и его хозяина — капельмейстера Крейсlera, за которыми стоят два противоположных воззрения на искусство и жизнь. Все идейные, творческие и любовные метания талантливого музыканта, с точки зрения кота, нелепы, непрактичны, бессмысленны и смешны.

У истоков европейского литературного романтизма стоят: во Франции — Ж.-Ж. Руссо, с его автобиографическим романом «Исповедь» (изд. 1782–1789); в Англии — творчество поэтов «озёрной школы» («лейкистов») — С.Т. Кольриджа и У. Вордсворта (рубеж XVIII–XIX вв.); в Германии — идейно-литературное течение «Буря и натиск», выдвинувшее основателей немецкого романтизма — **Иоганна Вольфганга Гёте** (1749–1832) и **Иоганна Кристофа Фридриха Шиллера** (1759–1805). Среди других немецких романтиков стоит назвать Л. Тика, Новалиса, К. Брентано и **Генриха Гейне** (1797–1856).

Ф. Шиллер вошел в историю европейской литературы как автор романтических трагедий «Разбойники» (1781), «Коварство и любовь» (1784) и «Вильгельм Телль» (1804), надолго определивших проблематику поэзии, драматургии и прозы XIX в. Его баллады на исторические и мифологические темы стали классикой романтизма, а ода «К радости» (1785), призывавшая к объединению человечества, — фактическим гимном Европы уже в XIX в. Знаменитый после Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева тезис «Красота спасет мир» восходит к эстетическим идеям Ф. Шиллера.

И.В. Гёте стал классиком европейского романтизма прежде всего как автор романа «Страдания юного Вертера» (1774, 1824), в котором любовный и дружеский треугольник разрешался самоубийством главного героя. Но Гёте быстро вышел за рамки романтизма. Написанный им роман воспитания — «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и его продолжение — роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821, 1829) заложили основы немецкого реалистического романа. Поэзия Гёте — его песни, гимны, баллады, сонеты, его «Западно-восточный диван» (1819) — стилизация арабо-персидской поэзии, символизировавшая единство мировой литературы (этот термин ввел в научный обиход именно Гёте), свидетельствуют о необычайной широте его творчества. Наконец, трагедия «Фауст» (1806–1831), также выходящая за рамки романтизма, дала европейской культуре образ Фауста, ставший, по убеждению О. Шпенглера, воплощением личности европейца («фаустовская душа», «фаустовский человек» и т. п.).

Огромное влияние на европейскую литературу в целом оказали классики английского романтизма — **Вальтер Скотт** (1771–1832) и **Джордж Гордон Байрон** (1788–1824). Первый стал основателем романтического исторического романа («Уэверли», 1813; «Пуритане», 1816; «Роб Рой», 1818; «Айвенго», 1820; «Квентин Дорвард», 1823), второй прославился не только как поэт, автор многочисленных стихотворений,

поэм и трагедий, но и как родоначальник «байронизма» — особого индивидуалистического настроения разочарованности и протеста, ставшего европейской модой в первой половине XIX в. Среди других классиков английского романтизма известны поэты Дж. Ките, П.Б. Шелли и М. Шелли (автор знаменитого «Франкенштейна»).

В основе литературного романтизма находится исключительный герой. Его окружают столь же исключительные обстоятельства, которым он противостоит. Это основная романтическая коллизия, неизменно воссоздаваемая во всех произведениях литературного романтизма крупной формы (романы, поэмы, драмы) в качестве сюжетного, идейного и психологического конфликта, выражающего разлад между мечтой и действительностью. Стремясь разрешить этот конфликт, романтический герой совершает исключительные действия, с помощью которых он либо побеждает те исключительные обстоятельства, в которых он действует, либо гибнет под тяжестью непреодолимых, непосильных испытаний. Эта триада исключительного (характер — обстоятельства — действия), в которой центральное положение занимает характер, является основой романтической поэтики исключительности.

Интерес к исключительному в человеке у романтиков объясняется тем, что исключительные качества характера и поведения — это лучшие достижения человечества и отличительные черты индивидуальности. Таковы Айвенго и Квентин Дорвард (из одноименных романов В. Скотта), Жан Вальжан (В. Гюго «Отверженные»), актриса Консуэло — героиня романов Ж. Санд «Консуэло» (1842–1843) и «Графиня Рудольштадт» (1842–1844) и др. Это и означало, по словам Ж. Санд, «воплощать идеальный мир в мире реальном».

В иных случаях исключительный герой представляет собой как бы «исключение» из человечества; это и благородный шиллеровский разбойник Карл Моор, и байроновские герои протеста — Чайльд Гарольд, Манфред, Каин, Конрад («Корсар»), Лара (из одноименной поэмы), и уродливый горбун с нежной душой Квазимодо (из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», 1831). Большинство героинь Ж. Санд (Индиана, Лелия, Консуэло — из одноименных романов) с их стремлением к женской эмансипации — наглядная иллюстрация феминистских идеалов писательницы. Отрицательные романтические герои демонстрируют наихудшие черты человека и предстают как абсолютные злодеи.

Особенно колоритны исключительные герои в лучших романах **Александра Дюма** (1802–1870). Например, в его трилогии о «трех мушкетерах» (1844): Атос — это исключительное благородство, Портос —

исключительная сила, Арамис — исключительная хитрость, д'Артаньян — исключительный ум, а все четверо вместе — непобедимый коллективный супергерой; соответственно им противостоят: миледи — исключительное коварство, Ришелье — «злой гений», Мордаунт — фанатик мести, ослепленный роком, и т. д.

В романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо» (1845–1846) главный герой Эдмон Дантес, выдержавший исключительные испытания, обреченный на гибель в подвалах замка Иф, в 33 года, подобно Христу, во время фантастического побега из тюрьмы, сравнимого с гибелью, переживает воскресение и становится сверхчеловеком (задолго до идей Ницше), способным награждать друзей и карать врагов, вершить страшный суд, распоряжаться жизнью и смертью окружающих. Его враги, отомстить которым стремится граф Монте-Кристо (его имя означает «гора Христова», т. е. Голгофа), представляют в негативном свете саму жизнь Франции времен Реставрации: бесчестный офицер Морсер, авантюрист-банкир Данглар, преступник-прокурор Вильфор и обыватель, ставший бандитом, Кадрусс — все они тоже, по-своему, исключительны, но тем и характерны.

При этом сама исключительность обстоятельств в романтизме обеспечивается либо чистой фантастикой (сказки Э.А.Т. Гофмана и В. Гауфа; трагедия «Фауст» И.В. Гёте), либо условностями исторической обстановки (романы В. Скотта, А. де Виньи, А. Дюма, романы и драмы В. Гюго, драмы Ф. Шиллера и И.В. Гёте), либо авантюрно-приключенческим сюжетом (у тех же В. Скотта, А. Дюма и В. Гюго, роман в стихах Дж. Г. Байрона «Дон Жуан»), либо восточной экзотикой (поэмы Дж. Г. Байрона, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, стихи А. де Ламартина, В. Гюго и др.), либо иронией (Г. Гейне). Таким образом, среди художественных открытий европейского романтизма значатся историзм, психологизм, занимательность сюжетно-жанровых исканий, новые формы условности, устремленность к идеалу, осознанный интерес к неевропейским культурам (Востоку) в целях обогащения культуры Европы.

Романтическая поэтика производила двойственное впечатление: с одной стороны, она привлекала необычностью тематики, экзальтированностью, острыми поворотами сюжета, яркостью характеров и поступков, сильными страстями, налетом мистической тайны, с другой — фантастика, вымысел, перенесенные в сферу обыденности, создавали ощущение неправдоподобности, надуманности, искусственности, чрезмерный пафос начинал утомлять, гиперболизированные художественные средства повторялись и становились общераспространенными штампами, стереотипами; события и поступки

персонажей отличались схематичностью и условностью. Многие европейские писатели, начиная свой творческий путь романтиками (Стендаль, О. де Бальзак, Г. Флобер, Г. Гейне, Ш. и Э. Бронте, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь), разочаровывались в своем методе и искали новых путей в реализме, при этом нередко вытесняя романтизм с помощью иронии («Повести Белкина», «Граф Нулин», «Домик в Коломне» А.С. Пушкина; «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова).

Долгое время считалось, что романтизм сразу уступил свою магистральную роль в европейской и мировой культуре реализму. Однако сегодня очевидно, что это серьезное упрощение. Например, **Виктор Гюго** (1802–1885), писатель, прославившийся своей поэзией, драматургией и прозой, в 1874 г. завершил свой последний роман «Девяносто третий год», в котором остался верен принципам романтизма. Но в другом своем, самом знаменитом, романе «Отверженные» (1862) писатель в значительной степени совместил романтические и реалистические приемы творчества. Смешанные черты романтизма и реализма характеризуют произведения **Альфреда де Мюссе** (1810–1857) — роман «Исповедь сына века» (1836), **Проспера Мериме** (1803–1870) — повести «Коломба» (1840), «Кармен» (1845); поздние романы **Жорж Санд** (настоящее имя Аврора Дюпен-Дюдеван, 1804–1876) — «Мон-Ревеш», 1852; «Она и он», 1859; «Маркиз де Вильмер», 1860; «Исповедь молодой девушки», 1865).

Иными словами, романтизм в той или иной мере властвовал над умами и сердцами европейцев на протяжении почти всего XIX в., идя рука об руку с реализмом, своим главным конкурентом и оппонентом, а в чем-то и союзником.

На самом деле противоположность романтизма и реализма несколько преувеличена в результате взаимной полемики двух направлений, акцентировавших свое различие. Структуры реализма и романтизма в литературе очень похожи: одна и та же триада взаимосвязанных компонентов (герой — обстоятельства — действия) с той лишь разницей, что, в отличие от романтизма, где эта триада выражает исключительное, в реализме она выражает типическое (т. е. обобщение постоянно повторяющегося). Типичный характер действует в типичных обстоятельствах и совершает типичные (для данного характера и данных обстоятельств) действия; тем самым выявляются закономерности социальной реальности, отображенной в литературе.

Специфика типического образа заключается в том, что в реализме на первый план художественного исследования действительности выдвигается зависимость типических характеров от типических обстоятельств и

детерминированность типических действий как характерами, так и обстоятельствами. По-другому эта закономерность формулировалась как роль социальной среды, которая поглощает и подчиняет себе персонажа, а нередко изменяет его характер.

Оноре де Бальзак (1799–1850), создавший грандиозный цикл «Человеческая комедия» (1829–1848), включающий около ста произведений, в которых разворачивалась панорама французского общества 1820-1830-х годов, сравнивал себя с «секретарем» общества, составляющим «опись» его пороков и добродетелей, называл себя «доктором социальных наук» и стремился изучить «общую основу этих социальных явлений», понять «социальный двигатель» общества. Самые известные романы цикла — «Шагреневая кожа» (1831), «Евгения Гранде» (1833); «Отец Горио» (1834–1835), «Гобсек» (1835, 1842), «Утраченные иллюзии» (1837–1843), «Блеск и нищета куртизанок» (1838–1847) и др.

«Человеческая комедия» Бальзака (сниженная аллюзия с «Божественной комедией» Данте) — единое произведение. Многие его персонажи переходят из романа в роман (Эжен де Растиньяк, Вотрен, Люсьен дю Рюбампре, доктор Бьяншон, адвокат Дервиль и др.). Весь цикл делится на серии («Этюды о нравах», «Философские этюды», «Аналитические этюды»), серии этюдов — на «сцены» (частной, провинциальной, парижской, военной, политической и деревенской жизни). Таким образом складывается разветвленная систематика типических социальных явлений.

Глубокое раскрытие роли социальной среды в формировании своих персонажей демонстрирует творчество француза **Стендаля** (настоящее имя — Анри Бейль, 1783–1842) — «Красное и черное, хроника XIX века» (1830–1831), «Пармская обитель» (1839) и классиков английского реализма **Чарльза Диккенса** (1812–1870) — «Приключения Оливера Твиста» (1838), «Домби и сын» (1848), «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1850), «Большие надежды» (1860) и **Уильяма Мейкписа Теккерея** (1811–1863) — «Ярмарка тщеславия» (1847–1848).

В реалистической литературе доминируют обстоятельства, которые «заставляют» героев действовать так, а не иначе. В результате реалистический персонаж несвободен от условий своей жизни, но зато свободен от произвола автора, который не может «принудить» своего героя совершить какое-то действие вопреки «правде жизни». Человек трактуется как порождение общества, а не наоборот. Многие писатели-реалисты свидетельствовали о «непредсказуемости» поведения своих персонажей: А.С. Пушкин — о Татьяне Лариной («Евгений Онегин»), Г. Флобер — об

Эмме («Госпожа Бовари»), Л.Н. Толстой — об Анне («Анна Каренина») и т. д. Это означало, что сама действительность диктует писателям сюжеты и логику развития характеров. Кроме того, требования реализма помогали писателям преодолевать свои политические предубеждения: так, легитимизм Бальзака не помешал ему критически воссоздать стагнацию позднего монархизма во Франции.

Главные достижения европейского реализма связаны с глубоким анализом социальной действительности, по своей проницательности сопоставимым с научным подходом к осмыслению реальности. (Не случайно К. Маркс называл Бальзака «доктором социальных наук».) Это было связано с влиянием философии *позитивизма* (О. Конт) на художественное творчество (апология фактов, аргументация социального детерминизма, объективизм и конкретность описаний и т. п.). Художественная типизация характеров и обстоятельств приводила писателей-реалистов к типологизации социальных явлений (галереи литературных типов, классификации жизненных ситуаций, к выявлению социально-исторических закономерностей, проступающих в литературных сюжетах, и т. п.), к углублению историзма и психологизма. Особенно заметны «научнообразные» тенденции реализма в творчестве О. де Бальзака, Г. Флобера, Ч. Диккенса, У. Теккерея, а из русских писателей — у А.И. Герцена, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Вершиной в развитии русской реалистической литературы стали романы **Федора Михайловича Достоевского** (1821–1881) и **Льва Николаевича Толстого** (1828–1910), почти сразу же перешагнувшие национальные рамки. Социальная острота, глубокий психологизм, самобытная философия наряду с впечатляющей типизацией персонажей и их обстоятельств сделали художественные миры Ф.М. Достоевского (романы «Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1868; «Бесы», 1871–1872; «Братья Карамазовы», 1879–1880) и Л.Н. Толстого («Детство, отрочество и юность», 1852–1857; «Война и мир», 1863–1869; «Анна Каренина», 1873–1877; «Воскресение», 1889–1899) феноменами общеевропейской и мировой литературы.

Вместе с тем в реализме как творческом методе литературы постепенно наметились противоречия, которые привели к кризису этого направления. С одной стороны, реалистическая литература тяготела к конкретности в изображении социальных, психологических и бытовых деталей, преимущественной описательности и максимальной объективности автора, преодолевающего свою тенденциозность. С другой — реализм стремился к обобщениям социального опыта, тяготеющим к

лаконичным, почти понятийным формулировкам: «Красное и черное» (название романа Стендаля), «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок» (романы О. де Бальзака), «Холодный дом», «Тяжелые времена» (романы Ч. Диккенса), «Воспитание чувств» (два романа Г. Флобера), «Отцы и дети» (роман И.С. Тургенева), «Война и мир» (роман Л.Н. Толстого), «Преступление и наказание» (роман Ф.М. Достоевского) и т. д.

В подобных концептуальных обобщениях реализм не только углублял свою философскую проблематику, но и предвосхищал символизм, воссоздающий очень абстрактные и многозначные образы-понятия (концепты), не исчерпываемые социальной типизацией или идеализацией. Напротив, те тенденции реализма, которые связаны с социально-бытовой и психофизиологической конкретикой, детализацией, усиливали «очерковость» литературы, сближая ее с журналистикой, и исподволь подготавливали *натурализм*, — другую, по сравнению с символизмом, крайность раннего модернизма. По существу и в том и в другом случае реализм граничил и взаимодействовал с модернизмом. Подобные метаморфозы реализма, происходившие во второй половине XIX в., сопровождались размытием границ между реализмом и романтизмом, между типическим и исключительным, когда «исключительное» рассматривалось как своего рода разновидность типического, как социальная или психологическая патология.

Особенно интересно эту «модернизацию» метода (свидетельствующую о кризисе реализма) наблюдать во французской литературе середины — второй половины XIX в. **Шарль Бодлер** (1821–1867), **Гюстав Флобер** (1821–1880), **Эмиль Золя** (1840–1902) и **Ги де Мопассан** (1850–1893) — ведущие фигуры переломного периода в развитии не только французской, но и европейской литературы.

Имя Ш. Бодлера, начинавшего как романтик, было связано с феноменом взаимопроникновения и синтеза символизма и натурализма, ярче всего проявившемся в стихотворном сборнике «Цветы зла» (1857). Это явление, вызвавшее настоящую эстетическую революцию в европейской культуре середины — второй половины XIX в., получило название *декаданса* (от фр. *decadence* — упадок). Впоследствии явления декаданса и декадентства подвергались идеологической критике как упадок эстетики и разложение самого искусства. Успех сборника «Цветы зла» во многом был связан со скандалом, а выход книги в свет сопровождался судебным процессом; сам Бодлер и его последователи (символисты С. Малларме, А. Рембо, П. Верлен) получили прозвище «проклятые поэты» (П. Верлен) за

бунт против общепринятых норм и ценностей.

Между тем в результате эстетизации и поэтизации распада, болезни, смерти, зла и насилия, в результате появления «эстетики безобразного» и размывания граней между добром и злом, красотой и уродством, возвышенным и низменным и т. п. — границы предмета искусства и самого искусства беспредельно расширились за счет тех явлений, что считались еще недавно «недозволительными» в искусстве, эпатазирующими и ужасающими («Падалъ», «Пляска смерти», «Гимн красоте», «Неотвратимое», «Бочка ненависти» и пр.). Кроме того, обращение Бодлера к явлениям «странной красоты» позволило поэту передать мрачные, пессимистические настроения и предчувствия («Жажда небытия», «Алхимия страдания», «Полночные терзания», «Больная муза»), выражавшие атмосферу эпохи.

Г. Флобер, зарекомендовавший себя как реалист, который развил заветы Стендаля и Бальзака, был замечательно тонким стилистом, добивавшимся в своей прозе художественного совершенства как самоцели. В своих романах «Госпожа Бовари» (1857), «Саламбо» (1862), «Воспитание чувств» (1867) он демонстрирует зыбкость границ добра и зла, прекрасного и безобразного, измельчание человеческих чувств и стремлений, мыслей и поступков в эпоху Луи Бонапарта. На первый план повествования у Г. Флобера выходят детали, приобретающие символическое значение, в результате чего реализм проникается эстетизмом и символизмом.

Э. Золя, считающийся классиком натурализма, увлекавшийся позитивизмом и естествознанием (теориями И. Тэна, Ч. Дарвина, К. Бернара, Ш. Летурно и др.), осуществил в своих многочисленных романах, разделенных на серии («Ругон-Маккары», 1871–1893; «Три города», 1894–1898; «Четвероевангелие», 1859–1903), своеобразный синтез натурализма и реализма. Опираясь на теорию И. Тэна о трех факторах — «раса», «среда», «момент», рассматривая человека как биосоциальное существо, Золя считал, что осуществляет «клинический анализ» личности, семьи и общества объективно и беспристрастно как ученый-экспериментатор, естествоиспытатель.

Многотомная эпопея «Ругон-Маккары» посвящена истории нескольких поколений многочисленного семейства во времена Второй империи; в ней представлены все социальные слои Франции того периода, все сферы общественной и частной жизни, все идейные и нравственные настроения эпохи. Однако конкретный, нередко опускающийся до физиологических подробностей анализ жизни не исключает появления у Золя символических обобщений. Среди заглавий его романов — «Чрево

Парижа» (1873), «Западня» (1877), «Дамское счастье» (1883), «Радость жизни» (1884), «Творчество» (1886), «Земля» (1887), «Человек-зверь» (1890), «Деньги» (1891), «Разгром» (1892) — формулы, типизирующие реальность, выявляющие ее смысловые узлы.

Еще более сложный симбиоз художественных тенденций представляет собой творчество Г. Мопассана, испытавшего плодотворное влияние Флобера, Золя, И.С. Тургенева. В своих шести романах (самые известные — «Жизнь», 1883; «Милый друг», 1885; «Монт-Ориоль», 1887) и множестве изысканных новелл Мопассан обогащает свой социальный и психологический реализм броскими приемами натурализма и символизма, демонстрируя органичный синтез реализма и модернизма.

Конец европейской и мировой литературы XIX в. (*fin de siècle*) был ознаменован повсеместным распространением символизма и декадентства. Творчество французских символистов — Ш. Бодлера, С. Малларме, А. Рембо, П. Верлена и других было подхвачено бельгийцами Э. Верхарном и М. Метерлинком, англичанами О. Уайльдсом и У.Б. Йейтсом, немцами Г. Гауптманом и С. Георге, норвежцем Г. Ибсеном, австрийцами Г. фон Гофмансталем и Р.М. Рильке, итальянцем Г. д'Аннунцио, русскими А.П. Чеховым, М. Горьким, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, Ф.К. Сологубом, Вяч. И. Ивановым и др. Национальные различия казались несущественными по сравнению с общими устремлениями и ожиданиями.

Символисты поначалу считали себя романтиками (или неоромантиками) и опирались на романтическую эстетику и поэтику. Однако вскоре они осознали собственную оригинальность и новаторство. Совместными усилиями представителей разных национальных литератур был выработан универсальный язык культуры, обобщенный и многозначный одновременно. С помощью символических образов-понятий оказалось возможно говорить о философских и религиозных, политических и нравственных, социальных и психологических, исторических и современных проблемах в рамках одного многомерного текста, интерпретируя его по-разному. А символическая реальность мира, создаваемого литературой и искусством, представлялась символистам реальнейшей, по сравнению с социальной действительностью, — ее внешней оболочкой. С помощью символического языка, полагали представители этого направления, реальность можно познать глубже, чем другими средствами, а в дальнейшем — и пересоздать ее с помощью искусства.

Язык изобразительного искусства (основу которого в XIX в. представляла живопись) определяется различными формами визуальности. С одной стороны, визуальность (зрительная образность) характеризуется непосредственностью, доступностью и как бы само собой разумеющейся очевидностью, что делает изобразительное искусство по своему языку феноменом более демократичным, нежели философия, наука и музыка, требующие специальных знаний, и ставит его в один ряд с литературой. Не случайно изобразительное искусство, особенно в XIX в., часто берет на себя функцию визуальной иллюстрации какого-либо околослитературного (мифологического, библейского, исторического) или собственно литературно-поэтического сюжета. И напротив, произведения изобразительного искусства XIX в. нередко можно описать словами и подобные описания становятся аналогами литературного текста.

Все это непосредственно относится к предметной стороне изобразительного искусства, которая воплощена в изобразительности и проявляется в той или иной степени адекватности (тождественности) объекта изображения и самого изображения (визуального текста). Однако для изобразительного искусства также характерна «внутренняя сторона» изображения — выразительность. Это означает, что произведение искусства не только изображает определенный объект, но и выражает определенное отношение к этому объекту автора произведения — художника. Такое отношение носит ценностно-смысловой характер и всегда в той или иной степени субъективно и тенденциозно. При этом средства изобразительности и выразительности (подчас в рамках одного и того же произведения) могут не совпадать и даже противоречить друг другу.

На протяжении всего XIX в. тенденция, связанная с усилением выразительности и ее противопоставлением изобразительности, усиливалась. Это было связано с несколькими принципиальными факторами: 1) возросла роль личности в искусстве (в том числе изобразительном), что было вызвано в первую очередь романтическими веяниями; 2) утратили свою универсальность и актуальность каноны классицизма, постепенно выродившегося в набор бессодержательных академических схем, интерес к которым у художников и зрителей стал неуклонно падать; 3) изобразительное искусство стало все более и более публичным.

Последнее объясняется тем, что светское искусство, долгое время бывшее заложником респектабельных салонов и дворцовых интерьеров, начало функционировать в выставочном пространстве. Первая публичная выставка была введена в практику в Англии У. Хогартом (1760), и к началу XIX в. художественные выставки в Европе стали обычным явлением, а газетно-журнальные обзоры выставок стали общепринятым средством информирования общественности о ходе художественной жизни в стране и за ее рубежом. Именно публичные выставки впредь являлись источником всех важнейших открытий в области изобразительного искусства (восходящих имен, ключевых произведений, новых направлений).

В XIX в. европейское изобразительное искусство вступает под знаком *классицизма*. Яркий взлет европейского классицизма был окрылен пафосом новой выразительности, наполнившей традиционные визуальные образы. Первым здесь должен быть назван француз **Жак-Луи Давид** (1748–1825), отдавший свой талант гражданскому служению — сначала Французской революции, а затем — Империи Наполеона Бонапарта. В творчестве Ж.Л. Давида античные образы, заимствованные из эпохи Римской республики, уже накануне революционных событий выражали демократические идеалы («Клятва Горациев», 1784–1785). С начала революции Давид занимался национализацией произведений искусства, превращением Лувра в музей, оформлением массовых празднеств. Он был членом Конвента с 1792 г., а в конце 1793 — начале 1794 г. даже его секретарем и председателем. По заказу Конвента им была написана картина «Смерть Марата» (1793), ставшая на многие десятилетия образцом исторического жанра.

И в дальнейшем живопись Давида сохраняла политическую тенденциозность, соответствуя ходу исторических событий. Во время Директории он создал «Сабинянок» (1795–1799), на возвышение Наполеона он ответил полотном «Леонид при Фермопилах» (1800–1814), где в образе спартанского героя аллегорически изображен первый консул, ставший в 1804 г. императором. Став личным живописцем Наполеона, Давид по его заказу написал помпезные картины «Коронация», «Наполеон на Сен-Бернарском перевале», полные имперского пафоса и театральной патетики, чем заложил основы стиля ампир (обновленной версии классицизма начала XIX в.).

Ученик Давида **Жан Огюст Доменик Энгр** (1780–1867), выступивший со своими работами в первое десятилетие XIX в., в отличие от своего учителя, был далек от публицистичности и современности, рассматривая идеалы античности как вечный эталон искусства («Фетида, умоляющая Юпитера», 1811; «Источник», 1856) и трактуя их

аллегорически. Зато в своих многочисленных портретах Энгр во многом предвосхитил романтиков, наполняя изображения напряжением, взволнованностью, экзотическими мотивами (восточным колоритом), тонко передавая игру светотени, используя изысканный колорит. В XIX в. Энгр во всеоружии живописного мастерства стал воплощением академизма, с которым бурно полемизировали сначала романтики, а затем и реалисты.

Яркий и редкий пример перехода художника с позиций классицизма к романтизму демонстрирует творчество испанца **Франсиско Гойя** (1746–1828). Начав с вполне классицистской картины о Ганнибале и академических портретов испанской королевской семьи (Гойя был придворным художником Карла IV), он находит множество путей для выхода за границы классицизма: это и ренессансная по настроению шпалера «Игры в жмурки» (1791), и мрачные, граничащие с натурализмом картины «Трибунал инквизиции» и «Дом сумасшедших», и серия индивидуальных портретов, наполненных разнообразной духовной жизнью. В групповом портрете королевской семьи (1800) Ф. Гойя достигает вершины мастерства в противопоставлении изобразительного и выразительного начал: при полном сходстве с портретируемой натурой художник добивается подспудного выражения своей нелицеприятной оценки персонажей картины. В знаменитых «Махе обнаженной» и «Махе одетой» (1802) Гойя сознательно нарушает все каноны академической живописи, смело передавая чувственное начало. А в поздних работах, написанных во Франции («Бордоская молочница» и «Девушка с кувшином»), Гойя предвосхищает реализм.

Особую страницу творчества Гойя представляют его четыре серии офортов («Каприччос», 1793–1797; «Ужасы войны», 1808–1820; «Тауромахия» и «Необычайности», 1820). В этих графических листах, причудливо совмещающих натурализм и гротеск, романтический порыв и жуткую фантазмагорию, художник предлагает зрителю свое трагическое видение окружающего мира, полного зла, насилия, лицемерия, безобразия и населенного отвратительными чудовищами. Один из листов «Каприччос» имеет пронзительное название, объясняющее смысл художественной фантастики Гойя: «Сон Разума рождает чудовищ». Так художник расставался со своими просветительскими иллюзиями.

По-другому происходит становление романтизма в Великобритании. Классики английского романтизма **Джон Констебл** (1776–1837) и **Джозеф Мэллорд Уильям Тернер** (1775–1851) посвятили свое творчество пейзажу — жанру, который в классицизме ценился менее всего. Оба художника, независимо друг от друга, передавали в пейзаже не картины природы, а

свои впечатления от них. Констебл говорил, что живопись — всего лишь другое название для чувства; Тернера больше занимало переживание пейзажа, а не сам пейзаж. Обоих в живописи интересовала игра света и цвета, что открывало огромные возможности для самовыражения художников. В этом английские пейзажисты предвосхитили импрессионистов. Например, Констебл любил писать одно и то же место в разных ракурсах и при разном освещении («Собор в Солсбери»).

Делая предметом своих картин самые непритязательные сюжеты («Постройка лодки», 1815; «Белая лошадь», 1819; «Телега сена», 1821; «Прыгающая лошадь», 1825), Дж. Констебл придавал этим сюжетам почти символическую значительность: так, постройка лодки ассоциировалась со строительством ковчега Ноем перед Всемирным потопом; телега с сеном воспринималась как символ Англии, а прыгающая лошадь передавала порыв, преодоление препятствий, полет.

Еще многозначительнее живопись У. Тернера (что отчасти передают исключительно длинные названия его произведений): «Снежная буря: Ганнибал и его армия переходят через Альпы» (1812); «Работоторговцы выбрасывают за борт умерших и умирающих невольников. Надвигается шторм» (1840); «Тень и мгла: вечер перед Всемирным потопом» (1843); «Свет и цвет (теория Гёте): утро после Всемирного потопа — Моисей пишет Книгу Бытия» (1843) и т. п. Несмотря на то что поход Ганнибала — аллюзия на Наполеона и его вторжение в Россию, Тернера больше занимает изображение снежной бури. Картина о работоторговцах — это осуждение североамериканского рабства и надежда на его отмену (проясняющееся небо); но и здесь самое важное — изображение грозы на море (символизирующей отношение общественного мнения Англии к рабовладению). Гроза, буря, ветер, взволнованное море — излюбленный романтиками фон пейзажа, предпочитаемый и Тернером.

На поздней картине Тернера «Дождь, пар и скорость» (1844) изображен паровоз, несущийся вдоль Темзы, а перед паровозом бежит заяц. Согласно одному толкованию картины, природа всегда остается впереди цивилизации; согласно другому — гибель природы под натиском цивилизации неизбежна. Возможно, сам Тернер не имел окончательного ответа на эти вопросы. Важнее другое: у английских романтиков изображение постоянно служит средством выразительности, а выразительность наполняет изображение множеством тонких и глубоких смыслов.

Выдающимися немецкими романтиками являются **Филипп Отто Рунге** (1777–1810) и **Каспар Давид Фридрих** (1774–1840). Первый

известен как новатор-портретист, наполнивший свои острохарактерные портреты глубоким проникновением во внутренний мир личности, эмоциональностью и одухотворенностью: «Мы втроем» (1805, не сохранилась), «Портрет родителей» (1806), автопортреты (1805, 1806). Нередко Рунге дает портрет на фоне пейзажа, в котором он предвосхищает пленэрную живопись XIX в. («Дети семьи Хюльзенбек», 1805–1806). Не чужд Рунге и аллегорических композиций («Утро», 1808).

К.Д. Фридрих направил свой талант на создание жанра романтического пейзажа. Картины немецкой природы проникнуты меланхолическим настроением художника, созерцательностью, высокой одухотворенностью. Выбирая типично романтические состояния природы (восход, закат, лунная ночь и т. п.), художник сочетает ощущение причастности к вечности с грустью о хрупкости и недолговечности человеческого существования («Двое, созерцающие луну», 1819–1820; «Женщина у окна», около 1818; «Монастырское кладбище», 1819; «Странник над морем тумана», 1817–1818; «Восход луны над морем», 1821).

Романтическая живопись во Франции складывалась в оппозиции классицистической школе Давида. Школа классицизма ассоциировалась у романтиков со статичностью, композиционной и колористической выверенностью, тематической шаблонностью, холодной рассудочностью. В свою очередь, академики были возмущены экспрессивностью рисунка, яркостью и контрастностью колорита, хаотичностью композиции романтиков, чрезмерной динамичностью изображаемого ими действия, нарочитым отталкиванием от повседневности. Например, Энгр в неустанной борьбе с романтиками утверждал, что их картины написаны «бешеной метлой».

Главными представителями французского романтизма были **Теодор Жерико** (1791–1824) и **Эжен Делакруа** (1798–1863). Их работы далеки от камерности их английских и немецких современников: обращение к героическим образам, тяготение к монументальности, гражданский пафос — все говорит о том, что революционные традиции Ж.Л. Давида не прошли для французских романтиков бесследно, но приобрели характерные для романтиков повышенную эмоциональность, динамизм, буйство красок, контрасты светотени, грандиозность масштабов и аллегоричность.

Т. Жерико заявил о себе в 1812 г. полотном «Офицер конных егерей императорской гвардии, идущий в атаку». На вздыбленном коне, с саблей наголо, повернувшись корпусом к зрителю, офицер, призывающий солдат

за собой, предстает как символ романтики наполеоновской эпохи. Следующая его большая картина — «Раненый кирасир, покидающий поле боя» (1814), на которой изображен воин, с трудом спускающийся со склона, едва удерживая коня, символизирует уже разгром наполеоновской армии в России и разочарование в завоевательной политике Наполеона Бонапарта. В более поздних работах Жерико обращается к экстремальным сюжетам — жертвам кораблекрушения, скачкам, охоте на львов, восточной экзотике; иллюстрирует произведения Байрона и Шелли, пишет портрет юного Делакура, которому покровительствует. Последние произведения Жерико, написанные им после возвращения из Англии в 1822 г., — это портреты сумасшедших, которых он наблюдал в психиатрической клинике. Кроме чисто романтической апологии безумия, которое сродни творчеству, в них проступают черты будущего реализма.

Подлинным вождем романтизма в живописи стал Э. Делакура. Первые его работы — «Ладья Данте» (1822) и «Хиосская резня» (1824) были написаны во многом под влиянием Жерико. Первое из этих двух полотен показывает автора «Божественной комедии» в сопровождении Вергилия, плывущих на барке по одному из кругов ада, в то время как грешники судорожно хватаются за ее борта. Все фигуры, изображенные на картине, полны напряжения, ужаса. Зловещее зарево освещает это мрачное место. Не меньшим трагизмом отличается вторая картина, на фоне сумрачного пейзажа изображающая резню, организованную турками в греческом Хиосе. Юные и старики — умирающие и безумные — бессильны перед лицом неотвратимого и жестокого насилия. И природа безучастно взирает на бесчеловечную историю.

В 1827 г. Делакура выставляет новое большое полотно, навеянное трагедией Байрона по библейским мотивам «Смерть Сарданапала». Картина, отличающаяся исключительным драматизмом и экспрессией, выраженной прежде всего цветом, была не понята французским обществом и «освистана» в прессе. Следующим крупным достижением художника стала его знаменитая картина «Свобода на баррикадах» (другие названия: «Свобода, ведущая народ», «Марсельеза» и «28 июля 1830 года»), посвященная революции 1830 г. Полуобнаженная и босая женщина во фригийском колпаке, с трехцветным знаменем идет по трупам павших, в пороховом дыму и ведет за собой пеструю толпу. Картина стала до самого конца XIX в. символом свободы и революционной борьбы.

Богатое наследие Делакура включает картины, связанные с литературными сюжетами Байрона, Шекспира, Гёте; написанные по мотивам его путешествий в Англию, Алжир и Марокко; портреты

романтиков-музыкантов — Паганини (1831), Шопена (1838), натюрморты, пейзажи. Некоторые из поздних работ Делакруа предваряют искания импрессионистов, которых он и поддержал в начале 1860-х годов, — единственный из известных художников.

В середине XIX в. в Европе, и прежде всего во Франции, стало складываться новое художественное направление — *реализм*, развернувший эстетическую полемику с романтизмом. Он апеллировал к философии позитивизма и точным наукам, призывал художников объясняться со зрителями на ясном и четком языке (а не зыбком и смутном, как романтики) и эстетизировать саму реальность, а не возвышенные представления о ней.

Нужно подчеркнуть, что переход от романтизма к реализму в изобразительном искусстве был обусловлен вовсе не победой изобразительности над выразительностью, предметности над авторским началом, как это часто представляется, и не может быть объяснен преобладанием правдивости и «жизнеподобия» в реалистическом искусстве. Конечно, историческая конкретность изображения, верность натуре, точность деталей, соответствие персонажей и их поведения социальным обстоятельствам и бытовой обстановке очень важны для художественного реализма. Но и выразительность авторского начала играет в реализме немалую роль. Более того, реализм открывает новые возможности для выразительности, подчиняющей себе изображение: это пафос критического отношения к окружающей реальности, глубокий социальный и психологический анализ, демократичность, открытая нравственная и политическая тенденциозность, опирающаяся на визуальный ряд.

Несмотря на то что черты реализма (особенно в пейзаже и портрете) можно заметить и в произведениях классицизма и романтизма, реализм как самостоятельное направление в изобразительном искусстве складывался в жесткой полемике и с академизмом, и с романтизмом. Ярким эпизодом в становлении реализма стала так называемая «барбизонская школа», получившая свое название от названия маленькой ничем не примечательной деревни Барбизон на окраине королевской резиденции Фонтенбло, где участники школы писали свои этюды с натуры.

Начало школе положил **Пьер Этьен Теодор Руссо** (1812–1867), выставивший в Салоне 1833 г. «Вид в окрестностях Гранвиля», удививший зрителей и критиков своей непритязательностью. Но настоящий скандал вызвала его картина «Спуск коров с высокогорных пастбищ Юры» (1835), отвергнутая организаторами выставки. На ней было изображено стадо

коров, бредущих среди осенних деревьев, — тема, совершенно невообразимая с точки зрения академизма. Прошло немало времени, прежде чем Т. Руссо за картину «Выход из леса Фонтенбло со стороны Броль. Заходящее солнце» (1848–1850) на Всемирной выставке 1855 г. получил золотую медаль и признание. На картине были снова изображены коровы, выходящие из темного леса на освещенное пространство.

Традицию, начатую Т. Руссо, продолжили художники-пейзажисты **Жюль Дюпре** (1811–1889) и **Шарль Франсуа Добиньи** (1817–1878). Ж. Дюпре прославился полотном «Большой дуб» (1844–1855), на котором было изображено стадо коров, пасущихся под огромным дубом, и «Пейзажем с коровами» (1850). Ш.Ф. Добиньи получил известность пейзажами «Запруда в долине Оптево» (1855) и «Берега реки Уазы» (несколько вариантов, 1850-е годы). Изображение обыкновенной природы, лишенной драматических эффектов и скрытого аллегорического и символического значения, стало творческим манифестом школы, поднявшей значение пейзажа и воссозданной в нем природы на недостижимую высоту. Вместе с тем пейзажи барбизонской школы отразили напряженные искания художников в области передачи освещения, воздуха, воды и выразили восхищение красотой деревенской повседневности.

К барбизонской школе были близки **Камилл Коро** (1796–1875) и **Жан Франсуа Милле** (1814–1875). Последний одно время непосредственно работал в Барбизоне, был дружен с Т. Руссо и другими барбизонцами. В его творчестве пейзаж присутствует, но уходит на второй план. Главным для Ж.Ф. Милле становится человек труда, главной темой — крестьянская. Его небольшие по размеру картины совмещают черты портрета и жанровой зарисовки. На них художник воссоздает трудовой процесс сельского жителя, тесно связанного с землей: «Веятель» (1848), «Сеятель» (1850), «Собирательницы колосьев» (1857). В своих более поздних работах Милле поднимается до общечеловеческого смысла одухотворенного природой труда («Анжелюс», 1858–1859; «Человек с мотыгой», 1863).

К. Коро, как и барбизонцы, не сразу добился известности, преодолевая упорное сопротивление академистов и выставляясь в Салонах с 1830-х годов. Его зрелые пейзажи, проникнутые изысканным колоритом, носили интимный характер и создавались как картины «настроения» («Воз сена», 1860-е годы; «Колокольня в Аржантее», 1858–1860; «Порыв ветра», середина 1860-х и др.). Поселившись в своем «Барбизоне» — небольшом городке под Парижем Билль д'Авре, Коро создает в полотнах собственный неповторимый мир. Его ранние пейзажи часто населены нимфами и другими мифологическими и историческими персонажами, но зрителю

понятно, что это условная, чуть ироничная игра с мотивами классицизма («Гомер и пастухи», 1845).

К. Кору в пейзажах предпочитает переходные состояния природы — рассвет, сумерки, просветление после дождя, косые лучи заходящего солнца и т. п. Соответствует этому и тонкая палитра художника, насыщенная серебристо-жемчужными и перламутрово-лазурными полутонами. В поздних работах К. Кору искусно передает изменчивость настроений («Замок Пьерфон», 1860-е годы; «Пруд в Билль д'Авре», 1870-е годы; «Мост в Манте», 1868–1870; «Облака над Па-де-Кале», 1870; «Башня в Дуэ», 1871). Среди французских реалистов Кору ближе всего подошел к исканиям и технике импрессионизма. Как портретист Кору стал известен лишь посмертно.

Из всех европейских реалистов только двое художников заслуживали называться *критическими реалистами* (так в советское время обычно характеризовали весь реализм XIX в.) — **Жан Дезире Гюстав Курбе** (1819–1877) и **Оноре Домье** (1808–1879).

Г. Курбе заявил о себе картинами социального и психологического содержания («Раненый», 1844; «Влюбленные в деревне», 1845; «Каменотесы», 1849–1850), где главное в содержании — выражение сочувствия к тяжелой доле простого человека. Жанровые картины, воссоздающие быт родного города Орнана, шокировали публику нескрываемым осуждением нравов буржуазного общества («Похороны в Орнана», 1849). Критики увидели в этих грандиозных полотнах, переполненных изображением реальных людей, клевету на французскую провинцию, «прославление безобразного». Работы Курбе перестали принимать на выставки, и он в качестве ответа организовал собственную выставку, размещенную в бараке под вывеской «Павильон реализма» (1855).

В каталоге своих работ к этой выставке Курбе изложил собственное творческое кредо: «передать нравы, идеи, облик моей эпохи, согласно моей собственной оценке», «создавать живое искусство», воспроизводить облик современности. В картинах «Встреча» (1854) и «Ателье» (1855) Курбе представляет «реальную аллегорию» его художественной жизни, сочетающую самолюбование и самоиронию непризнанного художника. Яркая выраженная тенденциозность искусства Г. Курбе привела его сначала в лагерь революции 1848 г., а затем в дни Парижской коммуны — сначала на должность комиссара по делам искусства, а затем в тюрьму. Однако итоги творчества Курбе, с современной точки зрения, определяет не его социально-политическая тенденциозность, а мастерство в передаче объема,

пространства, освещения, в использовании цвета, особенно полутонов. Реализм Курбе, граничащий с натурализмом, открыл прямую дорогу модернизму.

Известность О. Домье принесли карикатуры и сатирические зарисовки. Его графику отличает умение представить частное событие как историческую тенденцию, случайность как закономерность. Знаменитые серии «Парижские впечатления», «Парижские типы», «Супружеские нравы» (1838–1843) представляют галереи социальных типов; «Прекрасные дни жизни», «Синие чулки», «Представители правосудия» (1840-е годы) обличают фальшь и лицемерие буржуазного общества. Карикатуры Домье, при всем их гротескном сходстве с натурой, лишь в конечном счете можно отнести к реализму. Во время Второй империи Домье оставляет на время сатиру и создает социальные полотна, на которых воспроизведен мир простых людей, часто в экстремальных ситуациях («Восстание», 1848; «Семья на баррикаде», 1848–1849; «Прачка», 1861; «Вагон III класса», 1862). Колорит картин суров, живопись монументальна, несмотря на небольшой размер полотен и фрагментарность композиции. В период Парижской коммуны Домье становится ее членом, что обусловлено его политической активностью как графика. Живопись Домье во многом предваряет импрессионизм.

Таким образом, реалистическое искусство Европы, несмотря на свои значительные достижения в освоении новой тематики и проблематики, преимущественно социального характера, связанной с современностью, эстетизацию повседневности и обыденной реальности, критический пафос и демократизм (что было особенно заметно в творчестве русских передвижников — В.Г. Перова, И.Н. Крамского, И.Е. Репина), все же было отнюдь не вершиной в развитии изобразительного искусства, а переходным этапом к подлинным художественным вершинам XIX в., связанным со становлением импрессионизма и символизма — ранних форм *модернизма*.

Очень интересным, хотя далеко не сразу понятым движением от реализма к модернизму стало так называемое «братство прерафаэлитов» — объединение молодых английских художников, возникшее в 1848 г. Признанным лидером движения был **Данте Габриэль Россетти** (1828–1882). Видными представителями «братства» были также **Джон Эверетт Милле** (Миллес, 1829–1896) и **Уильям Хольмен Хант** (1827–1910). В творчестве этих художников противоречиво соединились реализм и натурализм с мистическим символизмом. Картины прерафаэлитов отличались ярким колоритом, множеством тщательно выписанных деталей (историческую достоверность которых художники выверяли нередко по

научным трудам), некоторой статичностью и отсутствием перспективы, обилием символов, восходящих к средневековым и ренессансным сюжетам. Главным же отличительным свойством прерафаэлитов было их стремление вернуться к дорафаэлевским традициям в искусстве (отсюда их самоназвание — «прерафаэлиты») и сознательное подражание художникам Треченто и Кватроченто, т. е. преобладание демонстративной стилизации старинного искусства. Это проявилось уже в первых работах прерафаэлитов — «Изабелла» Милле (1848–1849), по мотивам новеллы Дж. Боккаччо, и «Детство Марии» (1848–1849) Россетти, на библейский сюжет. Прерафаэлиты своим творчеством предвосхитили символизм и, как это стало понятно лишь к концу XX в., постмодернизм.

Начало французскому *импрессионизму* положили работы, в которых также обыгрывались принципы и приемы старинного искусства (Джорджоне, Тициан). Так, в 1863 г. вокруг картины **Эдуарда Мане** (1832–1883) «Завтрак на траве» разразился скандал; на полотне были изображены на живописном природном фоне двое респектабельно одетых молодых мужчин и две обнаженные женщины, организовавшие пикник (аллюзия на «Сельский концерт» Джорджоне). Другой пример скандального произведения искусства Э. Мане — «Олимпия» (1865) — парафраз джорджоновской и тициановской «Венер», перенесенный в XIX в. Художники, не допущенные к участию в академических выставках, образовали свой «Салон отверженных». В 1867 г. группа художников, объединившихся вокруг Э. Мане (К. Писсарро, К. Моне, О. Ренуар, Э. Дега и др.), устроили собственную выставку. После пейзажа Клода Моне (1840–1926) «Впечатление. Восходящее солнце» (1872) группа художников, по инициативе критика Леруа Луи, получила название «импрессионисты» (от фр. *impression* — впечатление).

Увлеченные воссозданием световых эффектов, передачей воздуха, неуловимых движений, оттенков мимики лица и тому подобных «впечатлений», импрессионисты по существу доказали приоритет выразительности над изображением. Перенеся центр внимания во внутренний мир художника, сферу его переживаний и субъективных оценок, субъективного видения мира, импрессионисты заменили объект своей живописи предметом (субъективным освоением объекта искусства художником). Утратив свою «предметность» и материальность, окружающая реальность воспринималась зрителем исключительно через призму искусства.

Отсюда стремление написать один и тот же объект в разное время дня, при различном освещении (знаменитые «Стога» и «Руанский собор» К.

Моне). Картины импрессионистов (пейзажи, портреты, жанровые сценки и др.) фактически утратили свой статус картин и жанровую специфику, превратившись в этюды, с их незавершенностью, эскизностью, порывистостью, передающими мгновенные впечатления от увиденного. В каком-то смысле импрессионизм можно было бы назвать «реализмом в высшем смысле», однако за искусством импрессионистов не стоит типизация, нет попыток обобщения окружающей реальности, поскольку для этих художников было более важным показать неповторимость мгновения, текучесть бытия.

Искания импрессионистов были продолжены в разных направлениях их преемниками — так называемыми *постимпрессионистами* — **Полем Сезанном** (1839–1906), **Винсентом Ван Гогом** (1853–1890), **Полем Гогеном** (1848–1903). В их изображении реальность вновь приобрела материальные черты, объем, экспрессивность, драматизм, напряженность. Искусство постимпрессионистов во многом предвосхитило экспрессионизм XX в., еще одно течение модернизма — искусства, ставившего свое формальное новаторство выше отображаемой реальности.

Языки русской культуры

Русская культура XIX в. несла на себе следы петровского переворота, резко противопоставившего два культурных типа: дворянский и народный. Первый был связан с европейским влиянием, второй хранил черты национальной старины. На протяжении XVIII в. разрыв между дворянской и народной культурой постоянно увеличивался. В XIX в. ситуация начала меняться. Русские дворяне первыми осознали трагедию культурного раскола, порожденного петровскими реформами. «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!» — писал А.С. Грибоедов в июне 1826 г. Однако одного осознания и призывов вернуться к национальным истокам было мало. Потребовались большие сдвиги в социальной сфере, для того чтобы размеры пропасти, разделяющей два культурных мира, начали уменьшаться. Преодоление разрыва, которое так и не завершилось вплоть до 1917 г., осуществлялось за счет появления между дворянством и крестьянством промежуточных культурных типов. Большую роль здесь сыграли разночинцы — люди, с одной стороны связанные с народным бытом, а с другой — быстро усваивающие свойственные дворянству европейские культурные навыки. Но в целом русская культура почти на всем протяжении XIX в. существовала между

двумя полюсами: дворянским и крестьянским. Для этого периода характерно также ярко выраженное деление на светскую и религиозную культуру.

Специфически дворянским видом культурной деятельности была литература. Однако только к 1830-м годам можно говорить о сформировавшемся типе профессионального литератора-дворянина. В XVIII — начале XIX в. русские писатели, даже самые известные, как правило, находились на государственной службе и занимались литературой для собственного удовольствия. Получать деньги за свои произведения считалось неприличным. Карамзин в этом отношении был скорее исключением, чем правилом. И даже Пушкину приходилось обосновывать свое право жить литературным трудом.

Литература вообще играла исключительную роль в русской культуре XIX в. Именно в этой области русская культура вышла на мировой уровень. О Достоевском, Толстом, Тургеневе и Чехове говорят не только как о русских, но и как о мировых авторах. При этом русская литература в своих вершинных проявлениях вплоть до Чехова оставалась дворянской. Несмотря на активный приток в литературу разночинцев, начавшийся примерно в середине века, они так и не создали подлинно великих художественных произведений. Их успехи в основном ограничивались областью литературной критики.

Почему именно литература, а не живопись, архитектура или театр, в России стала специфически дворянским видом культурной деятельности? Это было связано в первую очередь с традиционно высоким представлением о Слове, восходящем к Библии, где Слово предстает как первичное и всеорганизующее начало. Кроме того, слово не материально, и овладение им не требует специфических профессиональных навыков, в отличие от других видов искусств. В этом отношении писатель обладает большей свободой, и одновременно восприятие его произведения требует меньшей подготовки, чем восприятие живописного или музыкального текста. Соответственно и воздействие его на аудиторию более сильное, чем воздействие других искусств. И если живопись, архитектура, музыка требуют специальной подготовки, то литература в первую очередь требует общего хорошего образования и зрелого мировоззрения. Разумеется, эти качества ни в коей мере не мешают творить живописцу или музыканту, но у писателя именно они являются главным мерилем глубины его произведений. И в этом отношении дворяне имели больше возможностей для получения хорошего образования, чем представители других сословий.

Писатель в России выступал и как пророк, и как социальный диагност.

Первая ипостась больше характерна для поэзии, вторая — для прозы. Русская литература в XIX в. двигалась от романтического двоемирия, противопоставляющего здешний мир, как корыстный и злой, миру потустороннему, где царят истина, добро и красота, к художественному исследованию общества. Если поэтическое творение легко могло переносить читателя в иной мир и помогало ему почувствовать суету и ограниченность окружающей действительности, то для постановки социальных вопросов требовалась большая форма. Русский классический роман с многолинейным сюжетом и широким охватом действительности сложился лишь во второй половине XIX в. в творчестве Тургенева и Гончарова, но особенно в творчестве Толстого и Достоевского. Одной из важнейших проблем русского романа является взаимоотношение человека и социальной среды. В 1840-е годы в творчестве писателей-разночинцев появилась и получила широкое распространение идея социального детерминизма психологии и поступков человека. Все беды и неудачи списывались на счет уродующего воздействия среды на человека («среда заела»). Долгое время это считалось основным критерием реализма как вида искусства. Однако в творчестве наиболее выдающихся русских реалистов, от Пушкина до Чехова, проводится мысль об ответственности человека не только за собственные поступки, но и за то, что происходит вокруг. Любимые герои этих авторов: Петр Гринев, Базаров, Пьер Безухов, Константин Лёвин, Аркадий Долгорукий и другие — часто действуют вопреки обстоятельствам и занимаются самовоспитанием. Они формируют среду, а не среда их. Герои же, которые растворены в окружающей их среде, изображаются, как правило, отстраненно или негативно.

Говорить о том, что реализм в литературной эволюции сменяет романтизм, можно лишь на незначительном временном отрезке. Если расширить хронологические рамки, то мы увидим, что на смену реализму опять приходит романтизм с его фантастикой и удвоением реальности. При этом романтический метод наиболее ярко появляется в творчестве как раз тех писателей, которых обычно относят к реализму. Романтизм вовсе не противоречит социальной проблематике, как это можно видеть на примере «Кому на Руси жить хорошо?» Некрасова или сказок Салтыкова-Щедрина. Фантастические произведения писали и Тургенев, и Островский.

Литература в силу ее доминирующего положения в культуре во многом предопределяла развитие других видов искусств, и прежде всего музыки и живописи. Музыка, так же как и литература, в России создавалась главным образом композиторами-дворянами. Обучение игре на музыкальных инструментах являлось частью дворянского воспитания вообще, а

музыкальные вечера и концерты стали неотъемлемой частью дворянского быта. Музыкальная жизнь часто сопровождала литературную. Композиторы писали романсы на слова поэтов, на литературные либретто создавались оперы. Правда, в отличие от крупных писателей, которые в XIX в. в большинстве случаев были профессионалами, русские композиторы вынуждены были служить. А.С. Даргомыжский и М.П. Мусоргский были чиновниками, Н.А. Римский-Корсаков — военным моряком, А.П. Бородин — химиком, Ц.А. Кюи — профессором фортификации, инженером-генералом.

В русской музыке XIX в., может быть, в большей степени, чем в литературе, проявился процесс национализации русской культуры. Подобно Пушкину в литературе, пролагателем путей в русской музыке стал **М.И. Глинка**. Развитие национальной музыки он видел на пересечении европейских традиций (венской классической школы) и русских народных ритмов и голосоведения. Как и для Пушкина, для Глинки свойственно стремление к гармоничной ясности, которая в музыке проявляется еще больше, чем в литературе. Как и Пушкин, Глинка своим творчеством опередил свое время. При его жизни современники с восторгом встретили его первую оперу «Жизнь за царя», но уже следующая опера «Руслан и Людмила» вызвала критические отзывы.

Если в Глинке принято видеть музыкальный аналог Пушкина, то «музыкальным Гоголем» считается его младший современник **А.С. Даргомыжский**, автор сатирических романсов «Титулярный советник» и «Червяк». Известность Даргомыжскому принесла опера «Русалка», написанная в подчеркнуто бытовой, прозаической манере, сильно отличающейся от классической оперы и поэтому недооцененная современниками. Традиции Глинки и Даргомыжского были продолжены композиторами «Могучей кучки» **М.А. Балакиревым, М.П. Мусоргским, А.П. Бородиным, Н.А. Римским-Корсаковым и Ц.А. Кюи**. Сами себя они называли «Новая русская музыкальная школа». Этот кружок просуществовал сравнительно недолго — около десяти лет. Однако его деятельность и значение не ограничиваются лишь годами формального сотрудничества. Фоном для возникновения этого кружка стала бурная эпоха реформ и связанное с ними общекультурное стремление понять русский народ во всех его проявлениях. «Могучая кучка» много сделала для обработки музыкального фольклора и церковного пения. Результатом освоения этого наследия стали оперы «Царская невеста», «Снегурочка» Римского-Корсакова; «Хованщина», «Борис Годунов» Мусоргского; «Князь Игорь» Бородина.

Параллельно с деятельностью «Могучей кучки» **А.Г. Рубинштейн** основал в России профессиональное музыкальное образование. Поиски народности, увлечение самодеятельностью, предпочтение музыкального вдохновения профессионализму — все эти характерные для «кучкистов» устремления А. Рубинштейну были чужды. Он считал музыку по самой ее природе космополитичным искусством, и профессиональные знания в этой сфере предпочитал народной самобытности. В народности он видел тупик, из которого не может быть выхода в большое музыкальное искусство, принадлежащее в равной степени всем народам. Поэтому помимо собственного оригинального творчества Рубинштейн много внимания уделял подготовке профессиональных музыкантов. В 1859 г. он при содействии великой княгини Елены Павловны учредил в Петербурге Русское музыкальное общество, при котором через год были открыты музыкальные классы, преобразованные в 1862 г. в консерваторию. Среди первых выпускников этой консерватории был ученик Рубинштейна Чайковский.

С **П.И. Чайковским** русское музыкальное искусство вышло на мировой уровень, и сам он считается одним из величайших мировых композиторов. При этом его произведения глубоко национальны в подлинном смысле этого слова. Чайковский, с детства хорошо знавший и ценивший народную музыку, не копировал ее в своем творчестве, а, преобразовывая силой своего таланта, открывал ее для понимания других народов. Чайковский музыкальными средствами выражал нравственные коллизии своей эпохи и вместе с тем общечеловеческие и вневременные проблемы. Его песенные мелодии пронизаны грустью по уходящей дворянской культуре, символом которой для него была пушкинская эпоха. Не случайно лучшие свои оперы он написал на пушкинские произведения. В текстах Пушкина «Евгений Онегин» или «Пиковая дама» композитор видел не только основу для либретто. Он значительно сдвинул их содержательную структуру, придав «Евгению Онегину» большой лиризм, усилив роль Ленского и драматизировав характер главного героя. Полностью была удалена сатирическая линия пушкинского романа. В «Пиковой даме» усилен трагический момент. В симфоническом творчестве Чайковского, продолжающем исповедальную и философско-драматическую линию великих симфоний Моцарта, заметна и глубинная связь с романным творчеством Толстого и Достоевского. Особенно это заметно в Четвертой (1877), Пятой (1888) и Шестой (1893) симфониях.

Музыкальный язык Чайковского способен передавать как глобальные философские идеи, так и мельчайшие движения души. Его романсы

проникнуты тонким лиризмом, включающим в себя светлый мир любовного чувства, оттеняемого романтической меланхолией. В его балетах с фантастическо-сказочными сюжетами — «Лебединое озеро» (1876), «Спящая красавица» (1889), «Щелкунчик» (1892), — как и в операх, сильно симфоническое начало.

Творчество Чайковского при всем его многообразии целостно, и эта целостность проявляется, прежде всего, в его универсализме. Его музыка наряду с глобальными вопросами жизни и смерти, природы и культуры обращена и к повседневной жизни человека, его детским впечатлениям, любовным переживаниям, бытовым деталям.

Русская живопись в не меньшей степени, чем музыка, была связана с литературой. Однако в отличие от литературы и музыки она не оказала заметного влияния на мировую культуру. Развитие русской живописи XIX в. проходило между двумя противоположными полюсами: академической традицией с ее установкой на подражание древним мастерам и овладением прежде всего техникой рисунка, с одной стороны, и обличительно-реалистическим изображением социальных явлений — с другой. Если в первом случае искусство было слишком отдалено от жизни, то во втором — слишком слито с ней. Но и в том и другом случае художник находился под диктатом внешних критериев, которым он старался соответствовать.

Вершиной русского академизма стало творчество **К.И. Брюллова**. В 1834 г. в Петербурге на всеобщее обозрение была выставлена его картина «Последний день Помпеи». Перед этим картина выставлялась в Италии, где она произвела сильный, хотя и кратковременный эффект, затем в Лувре, где не имела успеха. Во французской живописи в это время господствовал романтизм, порвавший с академической правильностью, и картина Брюллова произвела на французов впечатление хотя и не лишнего таланта, но все-таки эпигонского произведения. Художественные вкусы петербургской публики в то время еще не устоялись, и как всегда бывает в таких случаях, внешние эффекты производят более сильное впечатление, чем внутреннее содержание. Брюллов поражал зрителей прежде всего безупречной внешней отделкой своих произведений: четкой линией рисунка, игрой красок, стройной композицией. Он в совершенстве владел освоенным им в Италии художественным языком, но нового языка в искусстве не создал. Написанные им портреты отличались воздушной филигранностью, тонким рисунком, но были лишены психологизма.

Менее эффектным, но не менее талантливым было творчество другого

русского академика — **Ф.А. Бруни**. У наиболее известного и масштабного его полотна «Медный змий», написанного по мотивам библейской легенды, была примерна такая же судьба, как и у «Последнего дня Помеи». Оно с успехом экспонировалось в Риме, затем было привезено в Петербург, где с восторгом, хотя и не столь бурным, как картина Брюллова, было встречено столичной публикой. Здесь те же, что и в «Последнем дне», безупречные, но более сдержанные приемы. Брюллов и Бруни не прокладывали новых путей, а завершали традицию русского академизма, поэтому их последователи, среди которых встречались и подлинные таланты, как, например, К.Д. Флавицкий, автор знаменитой «Княжны Таракановой», были всего лишь эпигонами академизма.

Яркое исключение представляет собой творчество **А.А. Иванова**. В своем главном произведении — «Явление Христа народу» — он сумел передать глубоко философскую мысль о прекрасном человеке как некой норме, способной преобразить мир. Его творческий метод, хотя и укладывается в рамки академизма, во многом был ему противоположен. Если традиционные художники, изображая людей, придавали им вид античных статуй, то кисть Иванова, наоборот, очеловечивала античные модели. Его Христос изображен как простой человек, в котором с максимальной полнотой раскрылись прекрасные возможности человеческой природы.

Академизм был господствующим, но не единственным течением в русской живописи начала XIX в. Своеобразным и неожиданным противовесом ему стало творчество **А.Г. Венецианова**, вышедшего за пределы художественной студии и обратившегося непосредственно к природе. В 1819 г. Венецианов вместе с семьей покинул Петербург, где служил чиновником, и уехал в деревню. Там он стал писать русских крестьян именно такими, какими они представлялись его взору, без опоры на образцы, и даже порой пренебрегая художественной техникой. Если говорить о портретной стороне его картин, то она условна, лица его персонажей идеализированы, мало похожи на живых людей. Но зато в его картинах много света и воздуха, они дышат естественностью и свободой. Венецианов изображал русский народ как эстетический объект, отличающийся простотой и противостоящий стереотипам академической живописи. Борясь с академизмом, Венецианов создал свою школу живописи, куда брал художников, как правило, из народа и старался развить в них заложенные природой способности. Многие ученики Венецианова перешли в академизм, отказавшись от эстетических принципов своего учителя. Собственно говоря, Венецианов стоял на

распутье. Его условные, идеализированные крестьяне вполне могли соответствовать академическому вкусу. Но в то же время от Венецианова шла и другая линия, открывающая путь жанровой живописи, основоположником которой стал **П.А. Федотов**.

В 1850-е годы во всех сферах русской культуры, а в живописи нагляднее всего, происходит поворот в сторону того, что обычно называют «правдой жизни». Академическая живопись следовала образцам, талант художника определялся мерой точности его рисунка и яркостью цветовой гаммы. Все знали, как надо писать, но умели это делать по-разному. Заслуга Иванова заключалась в том, что он смог средствами сухого академического языка передать новое философское содержание. Он и Федотов дали изобразительные аналоги двум сторонам гоголевского творчества. Иванов близок к гоголевскому утопизму, Федотов — к гоголевской сатире.

Общественный подъем 1860-х годов выдвинул на первый план важные социальные вопросы. Изобразительное искусство вслед за литературой вторглось в эту сферу. Одним из первопроходцев здесь был **В.Г. Перов**, автор едко сатирических полотен «Крестный ход на Пасху», «Чаепитие в Мытищах» и др. Перов, подобно Некрасову в литературе, становится живописцем народных страданий: «Проводы покойника», «Тройка», «Утопленница». Однако многогранное творчество Перова не ограничивается сатирой или сочувствием народу. Подлинной философской глубины оно достигает в портретах. Наиболее известным является портрет Ф.М. Достоевского, адекватно передающий всю сложность личности гениального мыслителя и его нравственных исканий.

Вслед за Перовым русские живописцы стали писать Россию. Отвергнув бесстрастную академическую манеру, они придали своему творчеству жгучий социальный смысл. В 1860-е годы сложилось целое направление в русской живописи, которое по аналогии с литературой стали называть критическим реализмом. Все началось в 1863 г., когда тринадцать художников, учеников академии (среди них И.Н. Крамской, А.И. Корзухин, К.Е. Маковский, А.И. Морозов, Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, К.В. Лемох и др.) отказались писать картины на заданную академией тему из скандинавской мифологии. Они создали артель, которая вскоре стала организовывать передвижные выставки. Благодаря деятельности передвижников не только столичные города, но и русская провинция смогла познакомиться с современным русским искусством. Передвижники пользовались большим успехом. Русский зритель узнавал в их картинах свою страну и самого себя. Пейзаж, жанровая живопись, портрет становятся самыми популярными видами изобразительного искусства. Это

разнообразие объединяется не только общей, национальной тематикой, но единством философской концепции. Русский пейзаж с его сдержанными красками, грустной красотой и просторами создает пространство, определяющее особые социальные отношения, которые в свою очередь составляют главную проблематику жанровой живописи. В ней нашли самое широкое отражение различные стороны национального быта. И, наконец, портрет, особенно у таких мастеров, как В.Г. Перов, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, В.А. Серов, показывает русский характер, сформировавшийся под воздействием социальной среды.

Своей вершины реалистическое творчество передвижников достигло в творчестве **И.Е. Репина**. Его искусство обладает огромной силой обобщения. Оно синтетично по своей природе. В его шедевре «Крестный ход в Курской губернии» мы видим соединение «жанра», показывающего официозно-бытовой характер религиозного действия, портрета (очень точно выписаны лица не только главных, но и второстепенных персонажей) и пейзажа, обволакивающего движущуюся процессию атмосферой знойного полдня. Искусство Репина, быть может, в большей степени, чем искусство других передвижников, тяготеет к литературности. И в этом отношении его картины ближе всего стоят к русскому социальному роману. Так, картина «Не ждали» провоцирует зрителя на создание целой истории о неожиданном возвращении политического ссыльного домой, где его поразному встречают домашние. Можно догадываться, как он попал в ссылку, какие были его отношения с близкими людьми до нее, какие будут теперь, и т. д.

В творчестве Репина сближение искусства и жизни достигло той предельной черты, за которой искусство и жизнь сливаются и искусство перестает быть искусством. Поэтому дальнейшая эволюция требовала резкого размежевания искусства и жизни. Новое поколение художников, появившееся в 1890-е годы, заявило о себе демонстративным разрывом с реализмом передвижников. Идейным вдохновителем нового направления стал **А.Н. Бенуа**, создавший в конце 1898 г. художественное объединение «Мир искусства», в которое вошли молодые художники Л.Н. Бакст, Н.К. Рерих, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов и др. Своих предшественников они стали упрекать в отсутствии художественности и сильной идеологизированности их творчества. Сами же они делали упор не на содержание, а на художественно-выразительные средства. В идейном плане они выступали против социальности искусства и считали, что художник должен отражать глубинные смыслы, недоступные рационалистическому мышлению. Поэтому подлинное искусство может

быть только символичным и импрессионистичным.

Отказ от реализма в конце XIX в., как мы видели, характерен для всех видов русского искусства, от литературы до живописи. Вызван этот отказ был не слабостью реалистических произведений, как казалось их ниспровергателям; наоборот, великие русские реалисты, особенно в литературе, достигли в своем творчестве предельных высот. Для дальнейшего движения следовало сменить путь.

Русская религиозная культура в XIX в. была по преимуществу православной. До 1869 г. православное духовенство составляло отдельное сословие, внутри которого духовный сан передавался по наследству. Духовным лицам полагалось жениться только на девушках из семей священников, в противном случае они не могли получить должность священника. Долгое время действовало положение, фактически препятствующее дворянам переходить в духовенство. Что касается представителей податных сословий, то им это разрешалось лишь в крайних случаях, если при какой-нибудь епархии не хватало священников. Только в ходе Великих реформ, когда любой подданный по желанию мог выбрать для себя духовную карьеру, а дети священников перестали автоматически считаться принадлежащими духовному званию, духовенство фактически перестало быть сословием. Тем не менее православное духовенство оставалось особым культурным миром. Духовная среда в XIX в. дала немало выдающихся деятелей русской культуры. Одним из них был митрополит **Филарет (Дроздов)**. Он окончил Троицкую духовную семинарию при Троице-Сергиевой лавре, где получил солидную богословско-филологическую подготовку. Знание древних языков у Филарета сочеталось с легкостью стиля и ясностью мышления. По свидетельству Герцена, Филарет «владел мастерски русским языком, удачно вводя в него церковнославянский». Он был великолепным проповедником и лектором. В течение семи лет Филарет был ректором Петербургской духовной академии, где преподавал богословие. С Филаретом связана история первого перевода Библии на русский язык. Идея эта возникла в период его сотрудничества с Библейским обществом, специально занимающимся переводом Священного писания на языки народов России. Перевод этот имел долгую историю. При Александре I Филарет успел издать Новый Завет и приступил к работе над переводом Ветхого Завета. Однако в 1824 г. религиозная политика Александра I круто изменилась, и работа над переводом Библии была прервана на долгие годы. Только в правление Александра II Филарет смог довести эту работу до конца.

Наиболее чистым выражением русской религиозной культуры было старчество. В XIX в. оно считалось новым и в то же время национальным явлением. Зародившись в глубокой древности на православном Востоке, оно, возможно, еще в домонгольский период пришло на Русь. Однако во время татарского ига, вследствие утраты контактов с Константинополем, старчество исчезло из русских монастырей и заново стало появляться в России на рубеже XVIII–XIX вв. Суть его заключается в идее духовного наставничества и душевного исцеления. По словам Достоевского, «старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю». Цель такого «растворения» в духовном наставнике заключается в полной победе над собой, над своими страстями, обретении подлинной духовной свободы. Старцами считались наиболее авторитетные монахи. В них сочетались строгость к себе, любовь к каждому отдельному человеку и хорошее знание человеческой психологии. Таких людей не могло быть много, поэтому к старцам постоянно приходили толпы людей, нуждающихся в духовной помощи. Тысячи людей за тысячи верст шли в монастыри, где подвизались старцы, чтобы вручить им свою душу. Беспредельная власть, которую старцы получали над своими духовными чадами, не могла не вызвать подозрительного отношения к ним со стороны православного духовенства, имеющего часто лишь формальные отношения со своей паствой. Одним из первых и наиболее известных русских старцев был **Серафим Саровский**. В молодые годы он принял монашество в Саровском монастыре, но долгое время жил в лесной глуши в полном одиночестве и аскезе. О нем стали складываться легенды, его хотели видеть. И, возможно, стремление быть полезным людям заставило Серафима прервать свое уединение и начать принимать посетителей. Перед людьми Серафим предстал не как мрачный аскет, а как мудрый, все понимающий собеседник, врачующий души и тела.

Во второй половине XIX в. центром старчества стал Свято-Введенский монастырь Оптиная пустынь. В нем Достоевский, ища успокоение после смерти сына, встретил будущего прототипа своего старца Зосимы преподобного Амвросия Оптинского. Как и все старцы, Амвросий отличался добротой и глубоким знанием человеческой души. Кроме Достоевского, с Амвросием беседовали Толстой, Владимир Соловьев, Константин Леонтьев и др.

XIX в. стал для России временем небывалого культурного подъема, расцвета творческих поисков во всех сферах культуры. Освоение национального наследия, наряду с включенностью в общемировые художественные процессы, приносило поистине выдающиеся плоды. XIX в. по праву называют «золотым веком» русской культуры. Вершинные

достижения российской словесности оказали серьезное влияние на мировую культуру, которую сегодня невозможно представить без имен Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Русская художественная культура на протяжении всего века развивалась в тесной связи с процессами, протекавшими в европейской культуре. Общность стилевых поисков привела на рубеже веков к появлению стиля модерн, вклад в развитие которого русских художников и архитекторов был весьма велик. Рубеж XIX и XX вв. ознаменовался новым подъемом русской культуры. В этот период во всех ее областях утверждаются новые принципы. «Серебряный век» — это было время поэтов-символистов, религиозных философов, музыки С.В. Рахманинова и А.Н. Скрябина, Московского художественного театра, расцвета русского балета. Создание в 1898 г. В.И. Немировичем-Данченко и К.С. Станиславским Московского Художественного театра, в котором сочетались лучшие традиции русского театра XIX в. и поиски нового, стало подлинной революцией в театральном искусстве. Идеи основателей МХТ до сих пор сохраняют свою значимость для театральных школ всего мира. Можно сказать, что русская театральная традиция оказала решающее влияние на развитие мирового театрального искусства. Таким же важным явлением стал для мировой культуры и русский авангард начала XX в., во многом определивший дальнейшие пути развития искусства. Выдающиеся достижения русской культуры являются неотъемлемой составной частью художественного наследия всего человечества.

* * *

Установка на символичность, декоративность и общий эстетизм, стремление к авторскому созданию прекрасного, красоты волшебной, неземной, пронизали мировую культуру, искусство последней трети «долгого XIX века». Особенно ярко это сказалось в развитии последнего по времени великого художественного стиля — «модерн», который под разными названиями стал доминировать в Европе и мире. Этот художественный стиль вобрал в себя и романтические, и импрессионистские, и символистские тенденции. Но для него стала свойственной особая ориентация на массовость, на прикладной характер творчества, стремление к художественному воздействию на все сферы жизни. С одной стороны, это шло от осознания художниками грубой индустриализации жизни, отсюда порождались, порой преувеличенные,

эстетизм, декоративизм. С другой стороны, поскольку художники задались целью преобразовать средствами искусства всю окружающую среду, в том числе повседневную и промышленную, они развивали рациональное конструктивное начало, пытаясь соединять функциональность с красотой, которая для них обрела едва ли не религиозный смысл. Врубель так и говорил: красота — вот наша религия. Эту красоту они пытались увидеть и в реальном мире, мире живой природы (растения, животные, насекомые), и во всем таинственном, запредельном, мистическом, неявном: в движении стихий, вихрях линий, хороводах форм. Искусство при этом понималось как самая лучшая, совершенная жизнь, а художник — как творец и пророк такой жизни. Задачей людей искусства становилось художественное преобразование обыденной жизни. В мире множились художественные магазины, салоны. Сыпались заказы на новые архитектурные решения в строительстве банков, различных, порой грандиозных, сооружений (Эйфелева башня), частных домов. Причем архитекторы проектировали не только сами здания, но и интерьеры со всей обстановкой, привлекая к работе художников и декораторов. В стиле «модерн» стало делаться все: мебель, одежда, настольные лампы, ширмы и пр. Этот стиль широко вошел в книжную и журнальную графику, рекламу. Художественные произведения в стиле «модерн» были иногда чересчур усложненными, но всегда изящными, волнующими воображение, как бы дразнящими вкус. Художники мастерски использовали мифологические, поэтические и сказочные образы (кентавры, сфинксы, русалки), символические изображения цветов, и простых (подсолнухи), и экзотичных (орхидеи, лилии), а также животных, птиц, насекомых (особенно змей, лебедей, павлинов, бабочек, стрекоз). Все это было искусно связано в композиционных решениях, изысканно, извилисто, подвижно, ярко, театрально эффектно, искусственно и прекрасно. Этот художественный стиль, в целом ушедший, до сих пор продолжает оказывать плодотворное воздействие на промышленный и бытовой дизайн, архитектуру и моду.

Обе линии, реализм и романтизм, классицизм и модерн, в XIX в. совмещались и перекрещивались. И обе, вместе и порознь, доходя до крайностей, достигая вершин художественности, предвещали начало великого перелома не только в художественной, но и в целом в европейской и мировой культуре, перелома, который начал ощущаться в конце века XIX и стал реальностью для всего XX века.

Образование и наука

XIX век — век модернизации Запада, повлиявшего на изменение социального устройства и путей интеллектуального развития всего мира. Именно в сфере образования скачкообразные проявления модернизации постоянно сталкивались с инертными структурами и установками. В эпоху Нового времени в целом и в частности в XIX в. государство наряду с традиционными конфессиональными, а также общественными или частными инициативами становится ведущим агентом развития науки и образования. При этом власть последовательно поддерживала те образовательные сообщества и академические структуры, которые были проводниками социальной стабильности и гарантами соблюдения интересов государства, что довольно ярко проявилось во Франции, а затем и в Германии. Процесс профессионализации и «огосударствления» науки в европейских странах привел к становлению интернационального научного сообщества, ориентированного на реализацию и распространение ценностей знания.

Идеалы и принципы Просвещения, сформулированные великими мыслителями в XVIII столетии и понимаемые как постулаты универсального и вечного Разума, в XIX в. превратились в действенные факторы общественного прогресса — и в смысле повсеместного расширения образования, и в плане специализации и углубления научного поиска, наряду с популяризацией достижений науки и началом их проникновения в разные сферы хозяйства и социальной жизни.

Универсалистские модели развития знания, господствовавшие в «долгом XIX веке», не были простой реализацией философских принципов всеобщности разума, но отражали гегемонию, экономическое и военнотехническое превосходство западного мира над периферийными сообществами и цивилизациями. Однако и сам западный мир, с точки зрения развития науки и образования, не был в ту эпоху един — в разное время несколько национальных типов интеллектуального и академического развития получали наибольшее распространение и в Европе, и во всем мире. Большинство современных исследователей выделяют три такие ведущие национальные модели:

— французскую, основанную на государственном централизме и преимущественном сосредоточении интеллектуальных ресурсов в ряде специализированных институций, часто технического или военного

характера (именно эта система была особенно привлекательной для современников, начиная с эпохи Наполеона и примерно до 1840-х годов);

— немецкую, ориентированную на относительно свободный выбор и развитие приоритетных исследовательских областей и учености, при сохранении важности общегуманитарной классической культуры и роли государства как ключевого гаранта интеллектуальной автономии и социальной эволюции (ее расцвет традиционно относят к последним десятилетиям XIX в. и началу XX столетия);

— отдельной и весьма значимой предстает британская модель образовательной и научной системы, где степень автономии от государства традиционно была наибольшей; здесь важным оставалось поддержание традиций и локальной специфики, местных начинаний и инициатив, а ведущим принципом высшего образования было воспитание социальной элиты. Именно эта модель воспроизводилась в заморских территориях Великобритании и нередко в других государствах за пределами европейской ойкумены.

Отличительные черты данных моделей могли смешиваться при перенесении на иную национальную почву, при этом такой импорт мог осуществляться не только через границу разных стран и культур, но и в пределах одного большого государства или культурного ареала (например, заимствование многих черт прусской системы в Баварии или австрийских землях). Общим для всех стран на протяжении XIX в. было расширение контингента учащихся всех ступеней образования, хотя этот прирост не был повсеместным, знал «попятные» движения, мог замедляться в тех или иных регионах порой на десятилетия.

Процесс усиления социальной дифференциации в образовании особенно ярко проявлялся в средней школе — не только в смысле затрудненного доступа в школы повышенного типа для выходцев из низов, но и с продолжением этой политики и на следующих ступенях образования — когда выпускники разных типов школ могли претендовать только на поступление в определенные категории высших учебных заведений (например, доступ в университет только после окончания классической гимназии с преподаванием древних языков). Университеты в разных странах нередко могли быть формально всесловными (и обеспечивать определенную социальную мобильность, как это было, например в Германии или Франции в первой половине XIX в.), но тогда роль «фильтра» выполняли весьма высокие требования к знаниям потенциальных абитуриентов.

В большинстве стран Европы и остального мира в XIX столетии

оставалось значимым влияние конфессионального фактора. Церкви контролировали духовную жизнь локальных сообществ (в рамках традиционных культурных паттернов) и особенно сферу начального образования. Кроме того, наряду со светским обучением продолжала существовать и многоступенчатая система религиозного образования (включая теологические факультеты университетов и специализированные заведения вроде медресе, семинарий, еврейских религиозных школ и так далее). Их выпускники вовсе не обязательно становились священниками или богословами, но пополняли класс образованных людей традиционного типа (в том числе становились преподавателями в учебных учреждениях разного профиля). При этом ценностное содержание образования в Европе и Северной Америке благодаря развитию педагогической мысли уже не было исключительно религиозно ориентированным, но в целом развивалось еще в пределах интеллектуального горизонта христианской культуры. Ставка на светский характер образования — в противовес традиционному влиянию духовенства — к концу XIX столетия была характерна только для некоторых стран и интеллектуальных групп (политика французских радикалов в Третьей республике в школьном вопросе и отделение церкви от государства в 1905 г., свободомыслие российской интеллигенции); в то же время заложенные в XIX в. идеи секуляризации образования и научной сферы определяли характер развития светского образования на протяжении уже следующего, XX столетия.

Женское образование также было растущим и важным сегментом воспроизводства общества и его культурной сферы. В XIX в. из преимущественно домашнего, частного или узкокорпоративного (вроде воспитания дочерей лиц «благородных сословий») оно становится частью процесса женской эмансипации и полем действия разнообразной общественной инициативы. Развитие женского гимназического образования в Пруссии начинается только с 1820-х годов. К 1830 г. там уже насчитывалось 340 женских гимназий, которые по своей форме во многом напоминали женские пансионы: помимо сокращенного курса наук и языка в них преподавали игру на фортепьяно, вышивание и ведение домашнего хозяйства. Борьба за полноценное женское образование станет важной целью феминистского движения в Европе.

С середины XIX в. женщины в Европе и Америке проникают в сферу высшего образования, в первую очередь медицинского, — достаточно упомянуть Марию Дюроше из Рио-де-Жанейро, первую женщину-врача в Южной Америке и Элизабет Блэкуэлл — в США; в пореформенной России в крупных университетских городах создаются частные высшие женские

курсы, которые становятся своего рода спутниками императорских университетов. Официально женщины будут допущены к университетскому образованию в Баварии в 1886 г., а в Пруссии только в 1908 г. Но уже в середине XIX в. Мария фон Коломб добилась для себя права посещать университетские лекции по медицинским дисциплинам. Во многих странах продолжает практиковаться раздельное обучение, хотя именно в XIX в. все шире распространяется практика совместного обучения юношей и девушек (так, в 1900 г. в США более двух третей колледжей были уже совместными); женщины начинают преподавать в средних школах и гимназиях (например, в России с 1906–1911 гг.). Но мир элитарного среднего и высшего образования и особенно сфера науки остаются еще областями преимущественно мужскими. Фигуры женщин-ученых и в начале XX в. остаются заметными исключениями, но никак не правилом.

Обязательное начальное образование, которое в XVIII в. было провозглашено просвещенными европейскими монархами (Фридрихом Великим в Пруссии и Марией-Терезией в Австрии), к концу XIX столетия становится нормой для передовых стран Запада. Но еще в 1850 г. в России доля населения, не владеющего грамотой, составляла 90 %, а в Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии) — 50 %, среди мужского населения Великобритании — 33 %, тогда как в Пруссии неграмотных было не более 20 %. Существовало и сопротивление всеобщему обучению со стороны родителей, заинтересованных в детях для помощи в работе, со стороны предпринимателей, использовавших детский труд. Но власти обычно пресекали такие попытки вплоть до предупредительного ареста родителей, который, например, практиковался в Австрии.

Хотя в большинстве случаев проводниками указанной политики были прогрессисты (как в 1880-е годы при Третьей республике во Франции), поборниками политики массовизации образования порой оказывались и консерваторы. Так, при российских министрах просвещения А.Н. Шварце и Л.А. Кассо (1908–1914), заслуживших у современников и потомков репутацию реакционеров, бурно рос именно сектор начальной школы (в противовес высшей, которая виделась чиновниками недостаточно лояльной трону), и активно лоббировался законопроект о постепенном введении всеобщего бесплатного обучения в Российской империи — реализовывать его по сути будут уже при большевиках и нарком просвещения А.В. Луначарском после Гражданской войны.

Обучение самих педагогов стало настоящим «полем боя» консерваторов и сторонников модернизации. Учителя получали подготовку

в специальных заведениях, но только в 1830-1840-е годы эти институции педагогического профиля обретают признанный статус, что привело и к повышению престижа учительской профессии. Карьера гимназического преподавателя во многих европейских странах стала восприниматься как вполне подобающая для выходца из среднего класса (особенно нижних его страт). Вместе с тем экономическое положение учителей в деревнях долго еще оставалось весьма неблагоприятным: городские и сельские общины выплачивали преподавателям начальных училищ довольно скудное жалованье, что делало практически невозможным их существование без помощи богатых покровителей или без каких-либо побочных доходов.

Важным шагом в развитии системы начального образования стало введение стандартизированной профессиональной подготовки учителей. Это был первый шаг общественного признания профессии учителя. Опытные преподаватели составляли учебники, неизменно росло число журналов в сфере образования, во многих странах организовывались учительские союзы и организации в поддержку образования. В частности, в Великобритании ширилось и распространялось в другие европейские государства движение за образование взрослых (как правило, это были различные курсы для рабочих, воскресные школы, школы при фабриках, создаваемые на деньги предпринимателей и филантропов). Подобные начинания нередко поддерживались и церковными общинами, но также были связаны и с популяризацией современного научного знания.

Знание грамоты и начал арифметики постепенно превращается в фактор элементарной общественной жизни, предметом же подлинных и напряженных идеологических — а не только педагогических или дидактико-технологических — споров становится содержание и характер среднего образования, потому что именно здесь закладываются основы социального неравенства и взаимного позиционирования различных классов и групп современного общества. Разрыв между начальной и средней школой также выступает как индикатор социальной селекции «низов» и «полноправных» граждан. Высшее образование, как и мир научных карьер, остается уделом элиты (туда может, благодаря явным способностям, попасть и простолюдин) — но именно этот привилегированный статус и задает возможность относительной автономии академической сферы от перипетий политического или экономического плана.

Эволюция среднего образования в XIX в. будет рассматриваться преимущественно с позиций социальной истории, история высшей школы — с точки зрения социокультурной эволюции институтов, а для обзора развития науки наиболее предпочтительным представляется ракурс

интеллектуальной истории или истории идей.

Как известно, древние языки и изучение античного наследия еще со Средних веков считались фундаментом университетского образования, и эта программа обучения была унаследована средней школой, находившейся в начале XIX в. в стадии формирования. На тот момент альтернативы ей не существовало, но и получение среднего и высшего образования еще не стало надежным путем к продвижению вверх по социальной лестнице. «Образованное сословие» — будь то государственные служащие или лица «свободных профессий», занимавшиеся частной практикой, — было пока численно невелико и во многом сохраняло традиционные практики пополнения своих рядов: родственные связи и расположение патрона значили больше, чем экзамены, дипломы и формальное признание коллег по профессии (в виде лицензий на право занятия практикой, выдававшиеся профессиональными ассоциациями).

В этих условиях лишь немногие из молодых людей, поступивших в среднюю школу, стремились непременно ее закончить — большинство воспитанников желало лишь получить образование, несколько выходящее за пределы курса элементарной грамотности (чтение, письмо, четыре действия арифметики). Как показал Д. Мюллер на материалах прусских гимназий, в первой половине XIX в. поступавшие в эти учебные заведения мальчики были выходцами из достаточно широких слоев населения и большинство из них не было настроено продолжать учебу в университете. Как правило, они покидали гимназию, так и не пройдя полного учебного курса, чтобы затем сменить отца на поприще ремесла или мелкой торговли. Те же, кто все-таки заканчивали полный курс гимназии и поступали в университет, по своему происхождению не образовывали монолитной социальной группы, а принадлежали к самым разным кругам общества. Однако на протяжении середины и второй половины XIX — начала XX в. происходит процесс *систематизации* средней школы. На месте простой совокупности самых разных школ с разнообразными программами, которые достаточно слабо или вообще никак не соотносились между собой, постепенно возникает упорядоченная иерархическая система учебных заведений: появились четко определенные типы школ, каждый — со своей особой программой, своим местом в этой системе, своим типом диплома, дававшим выпускнику четко оговоренные права. Соответственно, возникла достаточно выраженная связь между окончанием учебного заведения конкретного типа и шансами выпускника занять определенное место в социально-профессиональной иерархии. Постепенно происходило размежевание учебных заведений по социальному признаку — разные

типы школ отличались друг от друга принадлежностью учащихся и их родителей к тому или иному слою общества. Иными словами, средняя школа (вместе с высшей) превратилась в механизм воспроизводства социальных групп, а также служила обоснованию и оправданию социально-культурной иерархии.

В Франции во второй половине 1790-х годов в каждом департаменте была создана сеть государственных светских школ, получивших название центральных (*écoles centrales*). В противовес иезуитским коллегам Старого порядка акцент в преподавании в таких школах ставился на новые языки, математику и естественные науки. Центральные школы были упразднены Наполеоном в 1802 г., однако их учреждение оказало влияние на дальнейшее становление естественнонаучного преподавания в средней школе. На их месте была создана система местных муниципальных средних школ (*écoles secondaires*), впоследствии получивших название коллежей (*collèges*) и государственных лицеев (*lycées*), куда учащиеся зачислялись на основе конкурсного отбора. Все эти школы подчинялись государственному контролю и соответствовали единым требованиям, устанавливаемым правительством.

В 1830-е годы во Франции расширяется сектор начального образования, в том числе и за счет школ с расширенной программой преподавания, приближенной к курсу средней школы. Так, по закону об образовании 1833 г. («закон Гизо») всем городам, население которых превышало 6 тыс. человек, было вменено в обязанность открыть и содержать на средства муниципалитета королевский коллеж и высшую начальную школу (*école primaire supérieure*). Последний тип учебного заведения давал образование прикладного характера, его программа основывалась на изучении математики, естественных наук и технических предметов. Предполагалось, что высшие начальные школы готовили учеников для последующей торгово-промышленной деятельности.

При Второй империи (1852–1870) французская средняя школа отличалась очень высокой, по сравнению с другими европейскими государствами, степенью централизации, унаследованной со времен наполеоновских реформ. Основу программы лицеев и коллежей составляло изучение языка и литературы — как латыни и греческого, так и французского языка и французской литературы эпохи классицизма. Именно эти черты французской средней школы нашли отражение в известном замечании философа и литературного критика Ипполита Тэна: при Второй империи министр просвещения будто бы мог, взглянув на часы, совершенно точно сказать, какую главу Вергилия в эту минуту читают

лицейсты по всей Франции.

Программы средней школы были серьезно пересмотрены в первой половине 1860-х годов, когда пост министра просвещения занял Виктор Дюрюи. Был восстановлен курс философии в старших классах лицеев и коллежей, введено преподавание новейшей истории Франции (т. е. истории страны после 1815 г.). Наконец, в 1902 г. была проведена еще одна реформа; установленные ею принципы системы среднего образования во Франции просуществовали с небольшими изменениями до конца Второй мировой войны. Обучение в средней школе было разбито на два относительно самостоятельных цикла. В младшем из них, состоявшем из первых четырех лет обучения, сохранялось деление на два основных потока — классический и «современный». В старших трех классах предлагалось четыре разных типа программы. После окончания младших классов коллежа или лицея выпускники «современного» потока могли поступать лишь на отделение новых языков и естественных наук, а выпускники классического потока могли выбирать между тремя разными вариантами — с двумя древними языками, с латинским языком и естественными науками, с латинским языком и современными языками. По окончании полного курса средней школы выпускники сдавали экзамен на степень бакалавра математики или бакалавра философии, что давало им право поступать в высшие специальные школы или в университеты. Таким образом, все четыре потока старшего цикла наделяли выпускников равными правами.

Характерный для высшего слоя государственных служащих и лиц «свободных профессий» тип культуры, отразившийся в программе французских коллежей и лицеев XIX в., был основан на изучении античного наследия, однако акценты были расставлены иначе, чем в прусской гимназии того же периода. Здесь не было характерного для германской культуры противопоставления внешнего и внутреннего, духовного и материального. Целью классического образования было усвоение «общей культуры» (*culture générale*). В отличие от немецкого *Bildung*, подробнее о котором будет сказано ниже, это понятие предполагало «культивацию» не только души, но и рациональных способностей, манер, материальных условий жизни. Приоритет отдавался логической последовательности изложения, точности формулировок, изысканности стиля — скорее, формальной и эстетической, нежели идейной, содержательной стороне чтения классических текстов.

Эта система ценностей отражала и в то же самое время активно формировала самоощущение и взгляд на мир крупной и средней

буржуазии, чья культура со времен Второй империи стала восприниматься как универсальная норма. На рубеже XIX–XX вв., однако, идеология классического образования подверглась резкой критике со стороны сторонников «современной» школы. Последние настаивали на том, что традиционная программа сводилась к выработке чисто формальных навыков и познаний, игнорируя «положительное» — основанное на фактах — знание (*connaissances positives*) о природе и обществе. Показательно, что большинство защитников последнего подхода были преподавателями коллежей, выпускниками и преподавателями Высшей нормальной школы (*Ecole Normale Supérieure* — ведущего учебного заведения для подготовки учителей средней школы во Франции), а также профессорами естественных и гуманитарных наук, в то время как их противники были связаны с Французской академией и факультетами медицины и права. Такая конфигурация сил соответствовала отчетливому делению французского общества по вертикали — специализированные высшие школы (*grandes écoles*) и факультеты права и медицины были традиционно связаны с крупной буржуазией, в то время как Высшая нормальная школа, преподавательский корпус, особенно в провинции, и пользовавшиеся гораздо меньшим престижем факультеты искусств и наук университетов пополнялись за счет гораздо более демократичных слоев общества.

В германских землях к исходу XVIII в. существовало множество различных школ, в которых преподавался латинский язык. Эти учебные заведения носили разные названия — гимназия (*Gymnasium*), «педагогикум» (*Paedagogikum*), лицей (*Lyceum*), «коллегия» (*Collegium*), соборная школа (*Domschule*). К началу XIX в. относится ряд комплексных мер — создание Министерства культуры и местных училищных советов, учреждение «народной школы» (*Volksschule*), основание Берлинского университета (1810) и реформа гимназий (1812). В результате реформы 1812 г. эти школы были по возможности приведены к единому образцу, предполагавшему девятилетний курс обучения и выпускные экзамены на аттестат зрелости (*Abitur*). В 1834 г. гимназический аттестат зрелости становится непременным условием поступления в прусские университеты. В 1837 г. было принято новое положение о гимназиях, регулировавшее условия приема учащихся, содержание программы, распределение часов по учебным предметам. На изучение латинского и греческого языков отводилось при этом 46 % времени, физика и естествознание занимали 32 %, математика 17 % и иностранный (французский) язык 4 %.

В конце 1870-х годов эти учреждения были переименованы в «высшие реальные училища» (*Oberrealschulen*) и приравнены к средней школе, курс

обучения в них продлен до 9 лет, но древние языки здесь по-прежнему не преподавались. Выпускники таких реальных училищ могли поступать в высшие технические училища (возникшие на основе Промышленной академии), но не в университеты.

Реформа 1882 г. закрепила существование в Пруссии трех типов мужской средней школы: (1) гимназии (Gymnasien) и прогимназии (Progymnasien) с преподаванием двух древних языков; (2) реальные гимназии (Realgymnasien) и реальные прогимназии (Realprogymnasien) с преподаванием латинского языка; (3) реальные школы (Realschulen) и высшие реальные школы (Oberrealschulen), где древние языки не изучались вовсе. В отличие от нормативных актов предшествующего периода положение 1882 г. относилось не к отдельным учебным заведениям страны, а ко всем средним школам. Программа гимназии и прогимназии полностью была подчинена требованиям экзамена на аттестат зрелости. До самого конца XIX в. только выпускники гимназий имели право поступать в университет на все его факультеты, выпускники реальных гимназий допускались только для изучения новых иностранных языков, выпускники высших реальных училищ вообще в университет не принимались.

В 1900 г. было признано формальное равенство всех трех типов; прусской средней школы. По окончании девятилетнего курса все выпускники допускались к сдаче экзамена на аттестат зрелости, недостающие языки (греческий для выпускников реальной гимназии, латинский и греческий для выпускников высшего реального училища) можно было сдать отдельно при поступлении в университет.

Почему именно немецкая школа к 1870-м годам стала важным примером для педагогов и администраторов самых разных стран? Для ответа на этот вопрос нужно хотя бы очень кратко описать ее ценностные истоки и социокультурную «привязку». Еще на рубеже XVIII–XIX вв., в условиях острого кризиса, вызванного Наполеоновскими войнами в Европе, на смену утилитарной педагогике университета Галле приходит новая идеология неогуманизма, связанная в первую очередь с именами В. Гумбольдта и Ф. Шиллера. Основопологающим для этой идеологии было понятие Bildung («образование», «воспитание»), понимавшееся как развитие духовной культуры личности, которое могло быть достигнуто лишь за счет внимательного чтения античных авторов на языке оригинала и размышления над классическими текстами. В ходе этого почти мистического процесса читатель учился понимать и «проживать» образцовые тексты, воспроизводя внутренний мир их авторов и тем самым достигая тайной гармонии души. Идеология неогуманизма стала

отражением мировоззрения «ученого сословия», искавшего в этот момент внутреннего самоопределения, которое позволило бы этим людям одновременно отстаивать свою относительную самостоятельность от монаршей воли и в то же самое время противопоставить себя аристократии и ее идеалам в области образования.

Эта идеология была положена в основу программы классической гимназии. Особенностью учебного заведения такого типа в Пруссии (и в целом в германских землях) была его относительная доступность для средних и низших городских слоев на протяжении большей части XIX в. В то же время большинство учащихся прусских гимназий как по своему социальному происхождению, так и по характеру последующих занятий редко принадлежали к торгово-предпринимательским и промышленным кругам. Эта черта стала особенно хорошо заметна к концу столетия: формирующиеся промышленные и предпринимательские круги, даже их наиболее состоятельная верхушка, тяготели к менее престижному реальному сектору образования, в то время как среди учащихся гимназий доминировали дети государственных служащих, преподавателей и лиц «свободных профессий», обладавших значительно меньшими состояниями.

Идеология классической гимназии одновременно отражала и активно воспроизводила самосознание «образованного сословия» Германии — характерное для него противопоставление «чистого» и прикладного, утилитарного знания, не ведущего к духовному совершенствованию личности, а потому не составляющего истинного образования. Это мировоззрение отстаивало приоритет внутреннего развития личности перед развитием материальных условий быта. В последние десятилетия XIX в., когда в образовательной системе явно наметился «кризис перепроизводства», значительно вырос сектор среднего и высшего технического образования, идеология классического образования стала приобретать все более консервативный, оборонительный характер. С ее помощью «образованное сословие» отстаивало свое особое положение, стремилось не допустить притока выходцев из других социальных слоев в среднее и высшее образование (в частности, за счет недопущения выпускников реальных школ и гимназий в университеты).

В Великобритании самой заметной особенностью образования являлась низкая степень централизации управления средней школой и в целом малое вмешательство государства в эту сферу. На протяжении большей части XIX в. в Англии функционировало множество самых разных школ со своими программами и правилами приема, слабо связанными между собой. Учебные заведения содержались за счет

собственных средств, пожалований частных лиц, добровольных обществ и ассоциаций, а также денег, выделявшихся городскими муниципалитетами.

Вплоть до последних десятилетий XIX в. программа немногочисленных и наиболее престижных «публичных школ» основывалась на изучении латинского и греческого языков. Кроме того, в ходе реформ 1830-1840-х годов в учебный план были введены спортивные игры, которым с тех пор в английских школах придавалось очень большое значение, — считалось, что они вырабатывают твердость характера, воспитывают командный дух и чувство здоровой конкуренции, внушают понятие «честной игры».

В Великобритании «публичные школы» и следовавшие их примеру грамматические школы воспроизводили традиционный тип воспитания провинциального сельского дворянства (джентри) и аристократии, который в викторианскую эпоху был усвоен значительной частью среднего класса, особенно той, что была связана преимущественно с торговлей и финансами и проживала в столице и ближайших к ней графствах юга Англии. В то же время на севере страны и отчасти в центральных графствах, в крупных промышленных центрах (Бирмингем, Манчестер, Лидс, Ливерпуль) в первой половине — середине XIX в. активно развивался совершенно иной тип культуры и образования, основанный на принципе полезного, прикладного знания. Однако промышленной буржуазии севера так и не удалось добиться доминирующего положения ни в политической, ни в культурной жизни страны. Ближе к концу столетия, по мере роста финансового сектора, сферы услуг и системы государственной службы, расширялась и система образования, однако в ней, как и в странах континентальной Европы, привилегированные позиции занимало небольшое число школ традиционного типа, тесно связанных с двумя старейшими университетами страны (Оксфордом и Кембриджем), высшими эшелонами государственной службы и политической элитой страны.

Постепенно к середине столетия более профессиональным становится отбор кандидатов на должности в государственном аппарате, формируются профессиональные ассоциации гражданских инженеров (1818), архитекторов (1837), инженеров-механиков (1847), которые вводят свои требования к желающим работать в соответствующих областях. В 1853 г. были введены конкурсные экзамены для претендентов на должности в аппарате колониального управления в Индии. В том же году парламентская комиссия рекомендовала введение аналогичных экзаменов при поступлении на правительственную службу в самом Соединенном

Королевстве.

В 1899 г. на национальном уровне был впервые создан единый орган государственного управления образованием — Совет по образованию (Board of Education), сохранивший при этом независимость средней школы.

Наконец, в 1902 г. вступил в силу новый закон об образовании, четко отделивший начальную от средней школы и заложивший основы государственного управления средним образованием. Впервые создавались государственные грамматические школы. Правительство также выделяло государственное финансирование, распределявшееся между школами через созданные на основе того же закона местные органы управления образованием (Local Education Authorities). Одновременно средние школы были поделены на «грамматические» и «современные», где древние языки не преподавались. Только школы, соответствующие тому или другому типу программы, могли рассчитывать на получение правительственных субсидий — таким образом, закон 1902 г., в отличие от неудачной попытки реформ конца 1860-х годов (предложенных парламентской комиссией Таунтона), содержал в себе эффективный механизм, обеспечивший его проведение в жизнь в последующие годы.

В Российской империи вслед за созданием самого Министерства народного просвещения (1802), как известно, на свет появились первые документы, определившие основания средней и высшей школы, — университетский и гимназический уставы (1804). Этими нормативными актами была установлена преемственность между высшей, средней и низшей школой: по крайней мере в теории учащийся мог начать свое обучение в приходском училище, закончив его, перейти в уездное, пройти там двухгодичный курс, поступить в гимназию с четырехлетней программой обучения, пройти ее и, наконец, поступить в университет. Были созданы шесть учебных округов; в каждом должен был располагаться университет и примыкавшие к нему средние учебные заведения, при этом окружные училища были зависимы от университетов, а последние — от Комиссии об училищах Министерства народного просвещения.

Обучение в приходских школах было рассчитано на один год, в уездных училищах — на два года. В гимназиях обучались четыре года. В программу включались латынь и живые западные языки, география, история, статистика, логика, поэзия, русская словесность, естественно-исторические дисциплины (минералогия, ботаника, зоология), рисование. Роль пансионного воспитания будет несколько ослаблена после учреждения лицеев — государственных закрытых учебных заведений для дворян. В создании Царскосельского лицея (1811) особую роль сыграл

выдающийся администратор и реформатор М.М. Сперанский. Лицейское образование приравнивалось к университетскому и готовило к государственной службе.

Создание же действующей сети начальных приходских училищ затянулось вплоть до последних десятилетий XIX в. В первые годы правления Николая I начался новый этап образовательных реформ, носивших, как принято считать, консервативный характер. Новый гимназический устав (1828) строился на положении о том, что образовательная система не должна способствовать продвижению простолюдинов в высшие круги общества. Поэтому для каждого из основных сословий создавался свой особый тип школы. Уездные училища потеряли связь с гимназией и соответственно с университетом — теперь они были ориентированы на мещанское и купеческое сословия: они давали достаточно ограниченное образование предположительно прикладного характера, не подразумевавшее возможности его продолжения. Гимназия же, напротив, была дополнена младшими классами, за счет чего курс обучения растянулся на семь лет. Поступать в нее теперь следовало, минуя уездное училище, что требовало предварительной домашней подготовки.

В последние годы правления Николая I, после ухода с министерского поста С.С. Уварова и революций 1848 г., восторжествовал крайне утилитарный подход к среднему образованию: средняя школа теперь ориентировалась не столько на подготовку к университету, сколько на производство будущих чиновников. При этом в наибольшей степени пострадало именно изучение древних языков, поскольку в глазах консервативных кругов именно они, а также философия из университетского курса преподавания связывались с радикальными настроениями в среде молодежи.

Гимназическим уставом 1864 г. был в полной мере восстановлен тот принцип, который был заложен еще при основании российских гимназий в начале XIX в.: среднее образование снова становилось доступным для всех сословий империи. Уже во время подготовки устава 1864 г. разгорелась известная полемика о содержании гимназической программы, которая привлекла значительное внимание образованного общества. Основопологающими документами, определившими новый подход Министерства народного просвещения в этой области, стали устав гимназий и прогимназий 1871 г. и устав реальных училищ 1872 г. Данными документами была проведена четкая грань между классическим и реальным секторами среднего образования.

Реальные училища (в отличие от гимназий), по замыслу Министерства

народного просвещения, должны были готовить молодых людей к практической деятельности, соответствуя потребностям той местности, в которой были расположены. Предполагалось, что достижению этой цели будут способствовать специализированные отделения. Срок обучения в таких школах был короче, чем в гимназии, — всего шесть или семь лет (последний седьмой год — в дополнительном техническом классе). В пятом и шестом классах реального училища допускалось открытие, наряду с общим отделением, особого «коммерческого», в котором молодых людей должны были обучать счетоводству, ведению деловой корреспонденции на иностранных языках, коммерческой географии и т. п. В последнем, седьмом, классе могли быть открыты различные «технические» отделения (как правило, это было «механико-техническое» или «химико-техническое» отделение, но в принципе возможно было создавать и другие, в зависимости от «местных потребностей»). Изучение древних языков в реальных училищах не предусматривалось вовсе. После окончания седьмого класса выпускники реального училища могли по результатам конкурсных испытаний поступать в высшие технические учебные заведения, однако в праве поступления в университет им было отказано.

Следует напомнить, что большую роль в становлении образовательных систем в Европе XIX в. сыграло развитие транспорта и в первую очередь железных дорог. Железнодорожное строительство, безусловно, способствовало реформам «публичных школ» в Англии в середине XIX в. — именно оно, в сочетании с развитием условий не только для учебы, но и для постоянного проживания мальчиков, позволило этим учебным заведениям (большинство из которых находилось за пределами столицы и крупных городов) переориентироваться с сугубо местного на общенациональный рынок и привлечь в качестве учеников детей из высших слоев общества. Именно географические факторы и коммуникативные процессы в развитии образования и академической сферы особенно пристально изучаются в последние десятилетия историками — не только в масштабе глобальном или межконтинентальном, но и на уровне регионов и локальных сообществ.

Обзор региональных особенностей распространения российского среднего образования позволяет сделать следующее заключение: среднее образование в европейской части империи запаздывало в своем развитии именно в тех областях, где оно было нужнее всего для успешного национально-государственного строительства, — на западных окраинах и в восточной части европейской территории. В западных губерниях правительственная политика была четко направлена на торможение

развития среднего образования, поскольку правительство видело очевидную угрозу в проникновении в среднюю и особенно высшую школу большого числа польских шляхтичей.

Южные губернии, напротив, представляли собой быстро развивающийся регион, где разрыв между сельской и городской средой был не столь явно выражен. Дворянство и чиновничество здесь имело самые большие преимущества в сравнении с остальным населением. Однако разрыв между привилегированным сословием и остальной массой населения на юге неуклонно сокращался. Полоса черноземных губерний, протянувшаяся от Орла и Курска на восток к Волге, несмотря на развитие сети мужских средних учебных заведений Министерства народного просвещения в этом регионе, оказывалась — с точки зрения доступности образования для непривилегированных слоев — зоной, отстающей в своем развитии как от севера, так и от юга России.

К середине 1880-х годов в Российской империи высшие администраторы все еще оперировали сословными и конфессиональными категориями — это были единственные существовавшие в их языке понятия для определения и классификации различных групп и слоев населения. Однако такие понятия все менее подходили для описания быстро меняющейся общественной жизни, и история подготовки печально известного «циркуляра о кухаркиных детях» 1887 г. (об ограничении доступа в классические гимназии детям из низших слоев общества) наглядно иллюстрирует именно эту проблему.

Руководство Министерства народного просвещения так и не пришло к пониманию необходимости развития реального сектора образования. Оно не принимало никаких действенных мер для того, чтобы развивать и поддерживать отличные от классического типы среднего образования, которые потенциально могли бы принять на себя приток низших социальных слоев в этот сектор образования и таким образом способствовать превращению классической гимназии в действительно элитарную школу.

Техническое профессиональное образование в 1880-е годы находилось еще в зачаточном состоянии. Вообще в конце этого десятилетия реальное образование в Европе (но не в Америке!) претерпевало характерный «сдвиг в сторону общего характера», описанный Ф. Рингером применительно к Германии и Франции. Иными словами, программа реального училища стала более академичной, специализированные профессиональные отделения были упразднены.

Тем не менее становление такой сегментированной системы среднего

образования не обходится без кризисов «перепроизводства» молодых людей, чьи претензии на высокое социальное положение, обусловленные полученным дипломом, не получают реализации. В такие периоды по инициативе тех кругов, которые теснее всего связаны с элитарным сектором среднего образования и чьи интересы оказываются более всего под угрозой, правительства пытаются ввести ограничительные меры: законодательно закрепить различия между разными типами учебных заведений и правами их выпускников или даже ограничить возможности поступления в учебные заведения элитарного типа для низших социальных слоев и некоторых этноконфессиональных групп. Показательно, что время наступления такого кризиса в странах Центральной Европы пришлось на 1880-е годы, т. е. совпало с аналогичными явлениями в Российской империи.

Классическая гимназия и прогимназия остаются наиболее распространенным типом мужского среднего образования вплоть до начала Первой мировой войны и революции 1917 г. Таким образом, система мужских средних учебных заведений Министерства народного просвещения в том виде, в котором она сложилась в 1870-1880-е годы, благоприятствовала возрастанию вертикальной социальной мобильности в обществе, отнюдь не способствуя консолидации отдельных элитарных социальных групп на основе общности полученного образования. Английские «публичные» школы отвечали потребностям правящей элиты страны. На континенте же школьная система, по мысли российских дворянских публицистов конца XIX столетия, соответствовала запросам среднего класса, доминировавшего в политической жизни западноевропейских стран в составе организованной бюрократии. Классическая гимназия в Российской империи рубежа веков по характеру и целям обучения ориентировалась, скорее, на эти социальные слои, чем на интересы дворянских кругов.

И начальное, и среднее образование в Российской империи оставалось многоведомственным и включало ряд специальных (военных, лесных, железнодорожных, благотворительных и прочих) заведений. В XIX в. предпринимались определенные шаги по интеграции детей из семей неправославных конфессий в российское образовательное пространство (катехизисные школы, школы кантонистов для еврейских детей, система обучения на родном языке для нерусских народов Поволжья Н. Ильминского), но эти усилия наталкивались на многие административные и политические ограничения. Вплоть до 1914 г., несмотря на требования снизу и призывы педагогической общественности, так и не были созданы

даже элементарные школы для обучения на украинском языке, а в Царстве Польском, в отличие от либеральных порядков Австро-Венгрии, в противовес монопольному положению русского языка в системе народного образования, создавалась система тайных польских школ и даже «летучий университет» в Варшаве.

В Северной Америке, как и в Англии, заметным было участие местных властей в делах образования с меньшим акцентом на значимость элитарного сектора, особенно в средней школе. Этот сектор был представлен прежде всего колледжами, связанными с частными университетами как своего рода социальными клубами для джентльменов (и со специальными подготовительными классами при этих колледжах). Итоги Гражданской войны и давление избирателей и налогоплательщиков снизу, подкрепленное отсутствовавшим в большинстве стран Европы всеобщим избирательным правом, предопределили не только расширение внимания к элементарной школе, но и обусловили переход к финансированию штатами также восьмиклассных «общих школ»; пионером тут был Мичиган начиная с середины 1870-х годов. Американским школам в 1890-1910-х годах предстояла важнейшая задача социализировать почти два десятка миллионов европейских эмигрантов (и их детей), большинство которых не говорили по-английски. Проблемой оставалось и обучение чернокожего населения бедного Юга; если на Севере к 1910 г. уже 90 % детей между 8 и 14 годами были охвачены системой обучения, то среди белых южан таких детей было около 70 %, а чернокожих — чуть более половины. Многолетний ректор Гарварда химик Чарльз Уильям Элиот в 1893 г. на заседании Национальной ассоциации образования призывал ориентировать школы на единый учебный план с упором на естественнонаучные предметы и иностранные языки, а не классические дисциплины. Однако он же полтора десятка лет спустя, на закате карьеры, признавал необходимость группировки детей (и деления типов школ) по родам занятий, предназначенных в будущем для выпускников. Это существенно подрывало принцип единства обучения и ставило американскую школу перед дилеммами сегментации, уже описанными выше на европейском примере. Принятый в 1917 г. федеральный закон Смита-Хьюза обеспечивал государственное финансирование начальной и средней школы, однако прямо отвергал идею единого учебного плана. По мнению современной исследовательницы П. Грэм, профессиональное образование в Америке начала XX в., скорее, обеспечивало общее знакомство с основными трудовыми навыками и техническими устройствами и лишь формально совпадало по

направленности с идеями «трудовой школы»

Г. Кершенштейнера и европейских реформаторов педагогики; в реальности оно блокировало возможность изменения образовательной траектории для выпускников таких заведений. В целом же на протяжении XIX в. содержание программы средних школ, особенно наиболее престижных, почти не было связано с потребностями промышленного производства и индустриальных технологий.

Большую роль в подъеме уровня европейского и американского образования играла прогрессивная педагогика, наследующая традиции Просвещения (от гуманитарных принципов И.Г. Песталоцци до идей «свободного воспитания» М. Монтессори). Следует отметить также неизменный интерес университетских преподавателей и администраторов к делу подготовки школьных учителей. Ведь кроме пополнения кадров в традиционных свободных профессиях (медиков и правоведов) собственно подготовка преподавателей для средних школ повышенного типа — колледжей, классических гимназий, лицеев и т. д. — становится важной социальной задачей университетского образования. В Российской империи в конце 1810-х годов будущий министр просвещения С.С. Уваров именно при реформировании Главного педагогического института в Петербурге настаивал на освоении новейших и прогрессивных европейских стандартов подготовки преподавателей, а в США на рубеже 1880-1890-х годов Николас Мюррей Батлер, будущий многолетний президент Колумбийского университета в Нью-Йорке, организовал при этом престижном учебном заведении Учительский колледж, где будущим преподавателям читали лекции ведущие специалисты и методисты в разных областях знания; Батлер был также основателем и многолетним редактором журнала «Педагогическое обозрение» («Educational Review»). С этими инициативами связано и появление книги известного американского мыслителя Джона Дьюи «Образование и демократия» (1916), суммирующей многие достижения педагогической мысли XIX столетия. В ней принцип преемственности разных уровней образования, от начального до высшего, органически увязывается с развитием науки и социальным прогрессом.

В ходе обсуждения реформы среднего образования в разных странах и поборники, и противники перемен охотно ссылались на опыт ведущих европейских государств. При этом наблюдения социального плана порой причудливо смешивались с соображениями в духе ориентализма, описанного много позднее Э. Саидом.

«У нас есть гимназии, у нас есть университеты и академии, но в сущности не учатся ли наши дети в тех самых школах, которые в Европе не считаются годными для целей высшего образования, — в тех школах, где сообщается полировка людям, не предназначенным себя для высших умственных сфер, купеческим приказчикам и аптекарским гезеллям [от нем. Geselle, «подмастерье»]? Считая себя на европейской почве и в обладании способами европейского образования, не воспитываем ли мы своих детей в тех школах, которые хотя и европейскою цивилизацией устраиваются, но устраиваются ею для варваров, ищущих только наружного лоска цивилизации? Не окажется ли, что та мнимая европейская школа, где мы воспитываем цвет своего юношества, принадлежит в сущности к одной категории со школой турецкою или японскою, где чуждым Европе детям сообщают некоторые полезные результаты ее цивилизации, но не сообщают той силы, которую эти результаты добыты?» (М. Катков).

При этом копирование, например, французской централизованной системы (часто без ее эгалитарного духа) или немецкого неогуманизма было вполне распространенным средством продвижения просвещения и в самих европейских странах, начиная с наполеоновских времен, — от Скандинавских стран до Италии и Португалии. В Испании второй половины XIX в., несмотря на Славную революцию 1868 г. и декларацию об отделении церкви от школы, католические круги по-прежнему контролировали систему образования. Отличительной особенностью системы образования в Австро-Венгрии была ориентация на немецкий образец (права доступа в университеты с 1820-х годов давал документ под названием Matura, государственный аттестат о среднем образовании — аналог немецкого Abitur), но с все большим учетом полиэтничности населения империи. С 1848 г., несмотря на последующее поражение революции, закрепляется право образования на родном языке в начальной и средней школе; пионерами здесь выступают деятели чешского национального движения.

Образование за пределами Европы имело свои особенности. В странах Латинской Америки низким оставался уровень грамотности сельского населения, а в городах существовала система элитных учебных заведений, ориентированных на чиновничество и предпринимательские круги. В Османской империи начальные школы с полным государственным

финансированием были учреждены в 1840-х годах; в их светский компонент входили знания по математике, географии и истории. В 1868 г. был основан элитарный Султанский лицей в Галатасарае (Стамбул), позднее к нему добавились несколько высших профессиональных училищ в области финансов, путей сообщения и горного дела. «Органический закон о всеобщем образовании» (1869) регулировал систему начального и среднего образования (его высшим типом были лицеи) и несколько ограничивал надзор государства над частными учебными заведениями. Во второй половине XIX в. активно развивались основанные иностранцами престижные учебные заведения (например, созданный американцами в 1860-е годы Роберт-колледж в Стамбуле), ко временам младотурок более половины учащихся там составляли мусульмане. Несмотря на наличие в Турции накануне Первой мировой войны 35 тыс. учебных заведений разного типа, число грамотных людей составляло всего около 5 % населения.

С начала 1810-х годов в Индии стали открываться учебные заведения европейского типа (с преподаванием на английском языке), доступные для обеспеченных местных жителей. В 1854 г. по итогам парламентских слушаний был принят закон о принципах развития образования на этой территории, названный по имени президента Контрольного совета Ост-Индской компании Чарльза Вуда. В предварительных дебатах при подготовке этого документа принимали участие самые разные представители британского общества, включая известного либерального историка Т. Маколея (который настаивал на внедрении сугубо британской программы обучения, очищенной от местных реалий и «предрасудков»). Программа Вуда предусматривала создание органов управления делами просвещения в каждой из провинций, трехступенчатую систему образования (от элементарных школ до университетов), а также регулировала вопросы финансирования частных колледжей и средних школ. В школах повышенного типа преподавание велось на английском языке, а начальное образование было доступно и на индийских языках.

В Японии в конце эпохи Токугава (первая половина XIX в.) уровень просвещения был весьма высок. Примерно половина мужчин и 15 % женщин получали систематическое образование, которое было доступно представителям всех сословий. Существовали школы для самураев, для купцов и для простого народа. Довольно широко была распространена грамотность среди крестьян, о чем свидетельствуют дневники и переписанные от руки книги, содержащие сведения по ведению сельского хозяйства.

Содержание образования было традиционным и сводилось к изучению классических конфуцианских книг и основ математики. Моральное воспитание также играло существенную роль. В последние годы сёгуната стало ясно, что такое образование не соответствует требованиям времени. В 1862 г. Япония приняла участие в международной выставке в Лондоне, а в 1867 — в Париже. В результате этих контактов правительство осознало необходимость обучения иностранным языкам. Кроме того, стали разрабатываться различные программы приобщения японцев к европейской культуре. С 1862 г. молодежь и государственных чиновников стали отправлять на обучение за границу, а в Японию приглашать иностранных преподавателей и выписывать необходимую литературу. Появившиеся в Японии школы западного типа были организованы миссионерами и их последователями.

Согласно правилам, срок обучения за границей определялся в пять лет, стажерам выплачивалась ежегодная стипендия в размере 600–700 долл, за счет пославшего княжества. После их упразднения расходы взяло на себя центральное правительство. Больше всего японских студентов обучалось в Лондоне, немало их было и в США. Уровень подготовки вернувшихся после стажировки студентов был низким, так как людей, пригодных для обучения за границей, в Японии тогда было мало, поэтому в 1875 г. для них был введен квалификационный экзамен.

Правительство Мэйдзи продолжало проводить курс, направленный на интенсификацию обучения иностранным языкам, и приглашать иностранных преподавателей для средних школ и университетов. Христианские миссионеры приобщали японцев к западным ценностям, ими же была открыта первая в Японии женская школа. Но подлинное приобщение к западным ценностям было невозможно без крупномасштабных реформ системы образования. Наибольшее влияние на идейную подготовку либеральных реформ в сфере образования оказал Фукудзава Юкити, который считал, что образование должно находиться вне сферы ведения государственных структур, а просто содействовать воспитанию личности. В конце 1870 г. была создана комиссия для подготовки реформы. За образец брались две системы — французская, которую поддерживал Фукудзава Юкити, и американская, за которую ратовал деятель мэйдзинского просвещения Мори Аринори. Для контроля над развитием образования в 1870 г. было создано ведомство просвещения, призванное организовывать учебный процесс и контролировать его содержание. В 1872 г. принимается закон об образовании, согласно которому представители всех сословий, а также мужчины и женщины

имели равные возможности для получения образования. В систему образования входили начальные, средние, высшие и технические школы. В основу преподавания был положен государственный подход, согласно которому каждый человек, получая образование, одновременно умножал и общественное достояние. По форме это была французская централизованная система образования, однако финансовая поддержка со стороны государства была незначительной: за обучение платили главным образом сами учащиеся. Школьные программы копировали европейские, многие учебные пособия представляли собой простой перевод на японский язык, число иностранных преподавателей достигало 5 тыс. человек.

С 1886 г. в Японии установлено обязательное 4-летнее начальное образование. Мальчики и девочки в начальной школе обучались вместе. Создавались наряду с государственными частные школы. Несмотря на нехватку школьных учебников и квалифицированных учителей, плохие школьные здания и отсутствие наглядных пособий, успехи Японии в области образования были настолько велики, что на международной выставке в Париже в 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. К концу XIX в. начальное школьное образование в Японии получали до 90 % мальчиков и 80 % девочек. С 1900 г. оно стало бесплатным, и Япония по охвату детей начальным образованием сравнялось с Англией, где оно было предметом пристальной заботы правительства начиная с 1860-х годов.

В течение всего XIX в. от 80 до 90 % населения Китая не умело читать и писать. Массовая неграмотность шла рука об руку с господством традиционной «устной» культуры, не способствовавшей широкому распространению знаний современного типа. В Китае до середины XIX в. в образовании монопольное право занимал трудный для восприятия литературный язык вэньянь, восхвалялась китайская мудрость и господствовали методы средневекового образования, направленные на изучение древних классических текстов и канонов. Еще в 1880-е годы китайский высокопоставленный чиновник Чжэн Гуань-инь выдвинул лозунг «Китайская наука — основа, западная наука — практическая польза».

Реформы в сфере образования начались в Китае после поражения в «опиумных» войнах в рамках политики «самоусиления». В 1862 г. в Пекине при Ведомстве внешних сношений была создана первая правительственная школа для изучения иностранных языков — «Тун вэнь гуань». На следующий год подобные школы были организованы в Шанхае и Гуанчжоу. С 1862 по 1892 г. в различных городах Китая было организовано 17

различных учебных заведений для изучения иностранных языков, навигации, инженерного дела, телеграфной связи, медицины и военного дела. В 1895 г. в Тяньцзине была учреждена «Китайско-европейская школа» с двумя отделениями — подготовительным и специальным. Первые четыре года в ней обучали иностранным языкам, а следующие четыре — специальным предметам. В Шанхае был создан знаменитый Наньянский колледж, имевший три отделения — низшее, среднее и высшее. Уровень подготовки там был довольно низким, поскольку в эти учебные заведения поступали люди со знанием древних классических текстов, средневековых канонов и отсутствием навыков самостоятельного мышления, поэтому они весьма выборочно усваивали современные знания в области точных и гуманитарных наук.

Возвращаясь к итогам развития европейского образования в рассматриваемый период, нужно отметить, что в каждой из стран этого континента во второй половине XIX в. сложились образовательные системы, соответствовавшие социальной структуре их обществ и активно способствовавшие ее воспроизводству. Борьба классического и «современного» (реального) направлений в средней школе, составлявшая основное содержание истории средней школы этого периода, была продиктована не только теми потребностями промышленной революции и развитием техники в этот период, которые действительно привели к появлению нового типа профессиональной школы. Сохраняющееся первенство классического образования перед другими типами программ объяснялось не победой консервативных начал или слабостью экономического развития страны, а постепенным превращением образовательной системы в механизм социального воспроизводства — явлением, новым для XIX в.

«Современное» или «реальное» образование характеризовалось не столько бóльшим акцентом на изучении естествознания (как это часто декларировалось в XIX в.), а именно отсутствием в программе преподавания древних языков, что и составляло основное различие между самыми разными учебными заведениями и элитарным сегментом среднего образования — классической школой. Появление альтернативного классическому типу образования вначале действительно могло быть продиктовано развитием экономики, формированием торгово-предпринимательских кругов со своей особой культурой и запросами в области просвещения. Однако дальнейшая эволюция таких школ определялась их положением в общей системе средних учебных заведений. С течением времени такие новые типы школ, программа которых

первоначально носила сугубо «практический», профессионально-технический характер, приобретали более академический вид, их учебный план становился более амбициозным, срок обучения удлинялся, вводились новые предметы, направленные на приобщение учащихся к «общей культуре». Городские школы, относимые исходно к высшим начальным училищам, превращались в средние учебные заведения и т. п. Этот процесс стал ответом на возрастающую *сегментацию* среднего образования (Ф. Рингер) — дифференциацию системы средней школы на четко определенные типы учебных заведений, отличавшиеся не только программой преподавания, но и социальным происхождением воспитанников и траекторией их последующей карьеры. Родители учеников и сами преподаватели этих менее престижных школ стремились к тому, чтобы их учебное заведение как можно более соответствовало наиболее привилегированному, классическому типу. Под их давлением и происходило изменение программ — их сдвиг в сторону более престижного, общего (а не прикладного, технического) образования.

На уровне университетского образования бурные перемены европейской истории конца XVIII в. были менее всего заметны поначалу в Великобритании. Оксфорд и Кембридж в первой половине XIX в. продолжали существовать по сути как средневековые университеты, находившиеся под управлением церкви, что подчеркивалось и их полумонашеским устройством (*college-system*) и отсутствием принципиального признания свободы научного поиска. В 1820-е годы в них учились около тысячи студентов, примерно столько же, сколько и полтора века назад. Эти элитарные заведения (к ним можно добавить и Тринити-Колледж в Дублине) отставали и в научном плане, и по количеству студентов от четырех шотландских университетов в Абердине, Глазго, Эдинбурге, а также от Университета Сент-Эндрюс. В начале 1830-х годов был основан Университет Лондона, но подлинные перемены в высшем образовании произошли с 1870-х годов, с основанием новых, так называемых краснокирпичных университетов в крупных промышленных центрах и переориентацией Оксфорда и Кембриджа с традиционного церковного влияния на расширение круга собственно научных исследований. Важную роль в этом сыграли «реформаторы изнутри», вроде историка Генри Вогана и филолога Марка Паттисона (ректора одного из колледжей Оксфорда, биографа И. де Казобона и Ж.Ж. Скалигера), а также деятельность парламентской комиссии Кливленда (1873) и пересмотр статуса двух главных университетов страны (1877). Но все же идеалом

высшей школы остались подчеркнутые еще кардиналом Чарльзом Ньюманом в книге «Идея университета» (первое издание 1852 г., «хрестоматийное» — 1873 г.) задачи морального воспитания, универсализма и распространения, а не приумножения знания — в противовес как принципам Гумбольдта, так и запросам сторонников узкоутилитарного «специального» образования. Система требований к выпускникам университетов постепенно унифицировалась (как и различия в устройстве шотландских и английских высших школ) наподобие французского *concours* (выпускного испытания), и начало XX в. стало периодом постепенного количественного роста студенческого контингента и создания новых университетских кафедр (по точным наукам и изредка — по техническим или прикладным специальностям в университетах Северной Англии). В конце XIX в. в Лондоне открывается целый ряд престижных специальных школ в области технической или коммерческой подготовки (Королевская Горная школа, Королевский Колледж науки, Центральный Технический Колледж и Высшая школа экономики) (см. табл.).

Таблица

Число университетов в различных частях света (приблизительно)

[\[17\]](#)

Регион	Год	Регион	Год	1875	1913	1875	1913
Северная Америка	360	500	Азия	5	20		
Южная Америка	30	40	Африка	0	5		
Европа	110	150	Австралия	2	5		

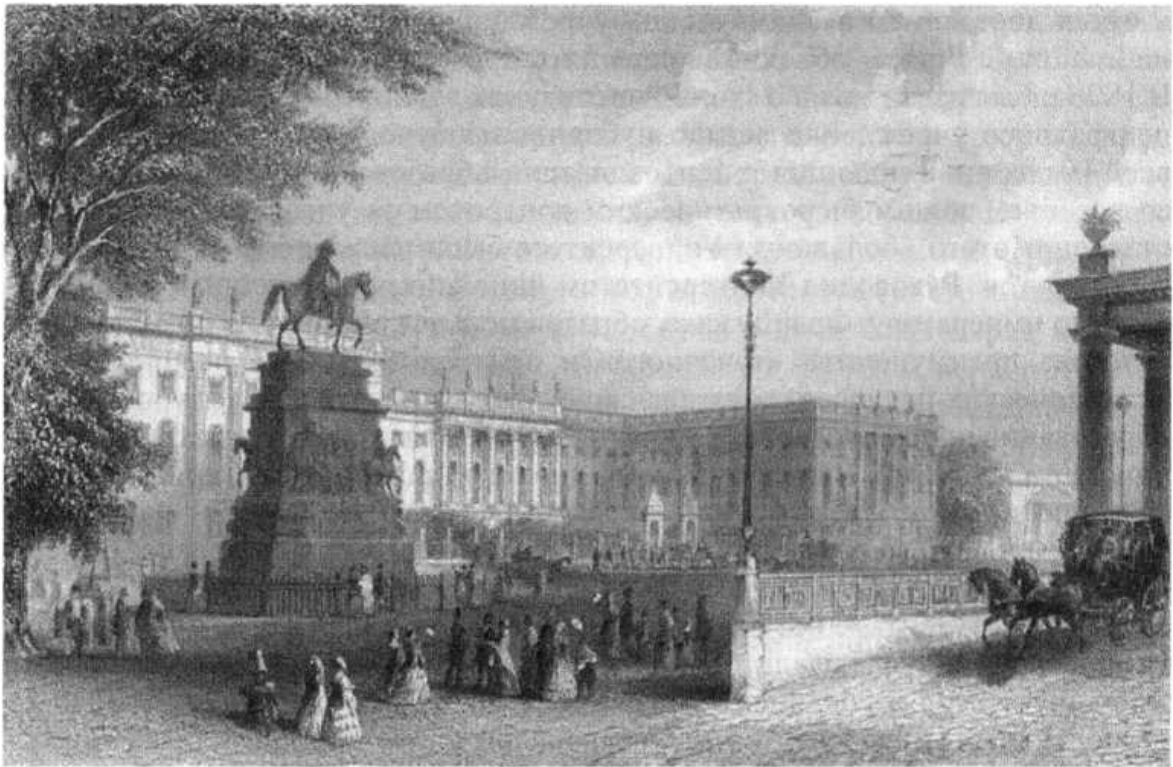
Во Франции еще в ходе революции вместо университетов (они были распущены) упор был сделан на профессиональные школы (три медицинские, двенадцать правовых) и академические факультеты наук и искусств, рассредоточенные по департаментам Франции; их дополняла милитаризованная и прекрасно оснащенная Политехническая школа, Высшая нормальная школа (для подготовки педагогов) и другие заведения. Продолжал существовать и альтернативный прежней Сорбонне Коллеж де Франс, объединявший самых признанных ученых страны, читавших лекции для парижской публики. После 1806 г. исследования были исключены из университетского учебного плана и стали достоянием академических учреждений (созданного при Наполеоне Institut de France, объединившего пять прежних королевских академий). В 1806 г. был издан закон о схожей институции — Университете Франции. Это центральное учреждение ведало публичным обучением и воспитанием во всей

Империи. Тенденция к централизации образования соединилась здесь со всеобъемлющим бюрократическим контролем за учебой: региональные отделения этого «большого» Университета были поставлены во главе учебных округов. Руководил Университетом чиновник, подчиненный непосредственно императору. Французская образовательная система на практике реализовала преимущества «точечного» и централизованного распределения академических ресурсов, доказала свою эффективность и без глубоких преобразований просуществовала до конца XIX в. Важным образовательным начинанием министра Виктора Дюрюи, личного протеже Наполеона III, было создание в 1868 г. Практической школы высших исследований — важнейшего центра научного развития и академической подготовки в стране, с тремя первыми естественнонаучными секциями (из пяти). Туда свободно могли записаться студенты — без всяких дипломов, лишь с испытательным сроком. Именно в этой школе реализовывался гумбольдтовский принцип свободного избрания курсов и соединения обучения с научными занятиями. Заново 16 региональных университетов, включая и парижскую Сорбонну, были воссозданы в 1896 г. Университетская среда была местом размежевания прогрессистов и консерваторов, отношения между которыми заметно обострились в связи с «делом Дрейфуса». После заметного сокращения доли классических языков в высшем образовании в начале XX в. сторонников «новой Сорбонны» (вроде Э. Дюркгейма) критиковали справа за отход от норм и риторических установок высокой, «настоящей» французской культуры.

Важнейшим инновационным прорывом, определившим вектор развития как науки, так и образования Европы, стало создание в 1810 г. университета в Берлине. Прусская модель классического университета, связанная с именем Вильгельма Гумбольдта, вскоре получила широкое распространение в других германских государствах: этот процесс часто называют немецкой университетской революцией, которая во второй половине XIX в. привела университеты Германии к лидирующим позициям в сфере высшего образования.

В 1808 г. Гумбольдт вернулся на родину из Рима и в следующем году стал директором секции культуры и образования в Министерстве внутренних дел Пруссии. Находясь на этом посту, он проделал всю необходимую работу для открытия Берлинского университета осенью 1810 г. При этом речь шла не только об определении контура будущего образовательного учреждения, но и об урегулировании финансовых условий его

существования. В тайном государственном архиве Пруссии хранится официальный проект Гумбольдта, направленный барону Альтенштейну, где он оценил общую стоимость учреждения университета в 15 тыс. имперских талеров. Приблизительно в 1809–1810 гг. был написан его знаменитый меморандум «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». Время пребывания Гумбольдта в должности директора секции культуры и образования длилось всего 13 месяцев, но оно стало важнейшим периодом в истории немецкого образования. В последние несколько лет в России был опубликован ряд работ, в которых анализируются разные аспекты деятельности великого реформатора и ученого и формы адаптации его идей в других странах.

А. Карсе. Берлинский университет, ок. 1840 г. Гравюра

Философская основа образовательной концепции Гумбольдта была во многом результатом деятельности немецких мыслителей начала XIX в. Так, И.Г. Фихте видел основу возрождения могущества Германии в ее духовной мощи, а Ф. Шлейермахер, разочаровавшись во всех формах рационализма, призывал перенести внимание с внешней стороны жизни на внутреннюю, мечтал о возрождении органической целостности духовного бытия. В

1808 г. он написал брошюру «Размышление об университете в немецком смысле», где высказал общие идеи о школах, университетах, академиях и представил свое видение нового немецкого университета. Агитировал в пользу интеллектуальной свободы и университетских преобразований и Гегель

В 1807 г. Фихте предложил план реформы университетов: «В университетах не должно быть профессионального образования, а должно быть предложено образование посредством философии, которая обеспечивала бы понимание взаимоотношений в пределах всего научного знания. Философии следовало быть свободным вопрошанием и критикой по отношению ко всем остальным формам знания». Философ также предлагал предоставить возможность получения образования малоимущим слоям путем создания системы публичных школ, куда принимали бы представителей всех групп населения, а в университете нуждающиеся студенты могли бы получать поддержку со стороны государства. Выстраивая свои приоритеты вокруг системы образовательного лидерства, Германия стала бы своеобразным воплощением государства Платона. Высокий образовательный статус давал бы его обладателю право занятия ключевых должностей в государстве, что вело бы к вытеснению старой наследственной аристократии и формированию внесословного общества.

Фундаментальные принципы нового университета были изложены в уже упоминавшемся меморандуме Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». Краеугольным камнем гумбольдтовского университета стали принципы академической свободы и единства исследования и преподавания. Такой университет был свободен как от влияния церкви, так и от государственной опеки в сфере науки и преподавания и организован как привилегированная корпорация на основе самоуправления. Студент в рамках обучения должен был не столько овладеть готовым знанием, сколько развивать самостоятельность мышления, заниматься разысканием и усвоением истины и быть дополнительной «инстанцией» для проверки тезисов преподавателя-исследователя. Именно поэтому в реформированном университете закрепилась новая форма обучения — семинарские занятия (в практику подготовки историков их ввел Л. фон Ранке).

Гумбольдтовская модель университета зиждется на единстве исследования и преподавания, поскольку лишь исследовательская практика позволяет по-настоящему овладеть наукой, а сам университет является в первую очередь исследовательским центром. Профессора обязаны были проводить самостоятельные научные исследования, вынося их результаты

на суд международной академической общественности. Именно это станет главной особенностью «немецкого университета», и там отныне будут процветать академические дисциплины. Философский факультет в ходе реформ полностью сравнялся по статусу и оплате профессуры с другими университетскими факультетами, он перестал быть подготовительной ступенью для обучения и мог присваивать высшие университетские степени.

Финансовой поддержкой роль государства в университетском сообществе, по мнению Гумбольдта, не исчерпывается: его прерогатива — назначение университетских преподавателей. Он опасался, что без вмешательства государства в формирование профессорского корпуса свободе грозит опасность из недр самого университета, поскольку господствующие исследовательские школы «имеют тенденцию задушить развитие других». Университет и академия — это части единого научного здания, но, полагал Гумбольдт, «ход науки, очевидно, быстрее и живее в университете, где большая масса лиц, а именно сильных, бодрых и молодых лиц, постоянно продумывает ее». Публичный диспут и защита диссертации делали соискателя полноправным профессионалом в академической среде.

В Германии утверждение модели университета, ориентированного на исследовательские идеалы, совпало с развитием индустриализации и ростом социальных противоречий. На фоне растущего числа студентов, кафедр и университетов гумбольдтовские идеи, ориентированные на малые масштабы и элитарные меритократические принципы, все больше оказывались мифом. Этот миф в новую, постромантическую эпоху специализации и профессионализации горячо поддерживали гуманитарии и философы (Э. Шпрангер и Ф. Паульсен), особенно в связи с празднованием столетия Берлинского университета в 1910 г. Ставка на государство как главный и единственный гарант поддержания и сохранения духовных ценностей стал после 1890 г. основой формирования так называемой мандаринской идеологии профессоров (термин М. Вебера, отсылающий к китайскому чиновничеству («мандаринам») и закреплённый пионерскими исследованиями Ф. Рингера в 1960-е годы). Результатом этого стал рост шовинистических и консервативных настроений в академической среде, о чем свидетельствовало и поведение видных деятелей немецкой науки в связи с кризисами 1914 и 1933 гг.

В 1919 г. в лекции «Наука как призвание и профессия» Макс Вебер отмечал внутреннюю и внешнюю проблематичность положения немецкого университета в минувшие десятилетия, ибо, по его мнению, в

исследованиях на первый план выходит специализация и ограничение универсального идеала времен Канта и Гёте. Высшая школа на американский манер становится фабрикой дипломов, а наука из аскетичного искания истины превращается в Grossbetrieb — большое и рационально организованное предприятие. Еще ранее у Вебера последовательное неприятие вызывала авторитарная политика опытного и влиятельного прусского министра Фридриха Альтхоффа, много лет ведавшего делами образования и назначениями на кафедры в прусских университетах. Альтхофф казался Веберу воплощением этого духа рационалистического самоотчуждения новейшей науки как социального института.

При этом Альтхофф, в соответствии с веяниями времени, понимал необходимость развития в Германии сети высших технических школ. Оставаясь поначалу в традиционных академических рамках, эти учреждения должны были наряду с проведением исследований развивать и преподавать технологическое знание. Их истоки восходят к эпохе просвещенного абсолютизма, когда уже существовали высшие специальные школы (кстати, именно во Фрейбергской горной академии заканчивал свое образование знаменитый биолог и путешественник Александр Гумбольдт). Образцом для технических школ была основанная в 1794 г. парижская «Ecole Polytechnique». Очень привлекательную во всех отношениях модель представлял собой политехнический университет в Вене, открытый в 1815 г. Его успех в сфере образования удивителен, поскольку монархия Габсбургов в то время всячески противилась какой-либо модернизации. Тем не менее все возникшие в Германском союзе после 1825 г. технические школы ориентировались именно на этот образец. Залогом успеха технических школ стало сочетание науки и практического образования; эти школы обычно имели в своем распоряжении собственные цеха и лаборатории.

В 1825 г. возникла баденская политехническая школа в Карлсруэ (сейчас — Технический университет в Карлсруэ, одно из лучших учебных заведений современной Германии). В рамках этой политехнической школы существовали подготовительное отделение и факультеты — строительное училище, лесное училище, ремесленное училище, торговая школа. «Специальные школы» вскоре возникли в Берлине (прообраз современного технического университета), в Мюнхене, Дрездене, Штутгарте. Эти учреждения, созданные для преодоления технико-экономической отсталости Германии, уже спустя 50 лет после своего возникновения успешно поддерживали конкурентную борьбу немецкой индустрии на

мировом рынке. Уже к началу XX в. технические школы в Германии уравниваются с университетом по своему статусу (особенно в деле присвоения академических степеней). Количественный рост этого сектора высшего образования заметно опережает прибавление членов университетского сообщества.

В России с вступлением на престол Александра I (1801) началась разработка проектов реформ в сфере образования. Новосозданному Министерству народного просвещения подчинялись Главное Правление Училищ, Академия наук, университеты и другие заведения образовательного профиля. Была намечена система учебных округов, а на университеты возложена функция управления низшими училищами. В 1802 г. было принято принципиальное решение об основании новых университетов. Члены Комиссии об училищах Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус предложили закрепить университеты за Москвой, Дерптом, Харьковом и Казанью, расходясь по двум последним кандидатурам университетских городов: Фус предлагал Вильну и Петербург, а Озерецковский — Воронеж и Великий Устюг, с тем, чтобы в столице университета не было. В.Н. Каразин выступил инициатором создания Харьковского университета, представив его как проект, уже поддержанный местным дворянством.

Принципы университетской реформы 1802–1804 гг. в целом носили противоречивый характер, поскольку объединяли в себе элементы французской системы управления училищами с правом инспектирования, назначения директоров, учителей средних и начальных школ и традиционные привилегии немецких ученых корпораций. Новое разделение университетов на факультеты и подготовка юношества в стенах университетов к государственной службе также были следствием французского влияния эпохи Революции и Наполеона. В университетском уставе 1804 г. нашли выражение корпоративные права ученых (принцип коллегиальности в формировании и управлении корпорацией, широкая университетская юрисдикция). В России к концу первого десятилетия XIX в. существовало уже шесть университетов (Московский, Дерптский, Виленский, Харьковский, Казанский, Петербургский).

Проникновение в российские университеты принципов неогуманизма связано с деятельностью С.С. Уварова, который занимал пост министра просвещения с 1833 по 1849 г. Уваров не отрицал, что университет обязан готовить студентов к государственной службе, но деятельность его должна была увязываться и с развитием научных и познавательных интересов общества, что было созвучно позициям В. Гумбольдта и Ф. Шлейермахера. Новый университетский Устав 1835 г. освободил университеты от

управления учебным округом, как пережиток корпоративного строя исчез университетский суд, были повышены научные требования к профессорам, занимавшим кафедры: им было предписано обязательно иметь степень доктора.

Европейские революции 1848–1849 гг. были негативно восприняты российской властью, что привело к отторжению ею принципов «классического» университета — даже в очень умеренной, уваровской версии. Вскоре после отмены крепостного права принимается новый университетский Устав (1863). К тому времени вместо Виленского университета был открыт университет Святого Владимира в Киеве, к которому затем добавился Варшавский и Новороссийский в Одессе. Автономия университетов была расширена, управление ими передавалось советам профессоров, которые, в свою очередь, должны были выбирать ректоров и новых преподавателей. Министр просвещения имел формальное право утверждать или отменять решения советов, но фактически этим не пользовался. Полномочия университетских инспекторов и попечителей учебных округов также были ограничены.

С 1866 по 1880 г. министром просвещения являлся Д.А. Толстой, который одновременно был главой Святейшего Синода. Он урезал автономию университетов, стремился установить над ними жесткий контроль. После убийства Александра II репрессии против студентов и университетских преподавателей получили новый импульс. Устав 1884 г., действовавший до февраля 1917 г., упразднил автономию университетов, вдвое повысил плату за обучение в средних и высших учебных заведениях, что затруднило доступ к образованию для выходцев из неимущих классов. Борьба за незыблемость государственного строя в России конца XIX в. по сути не оставляла пространства для реализации идеалов политической и университетской свободы. Одновременно с принятием ограничительного циркуляра о «кухаркиных детях» в 1887 г. была введена и печально известная процентная норма для доступа евреев в высшие учебные заведения империи (в первой половине XX в. она будет действовать и в Венгрии при Хорти и в некоторых американских университетах).

В отличие от немецкого студенчества, все более проникавшегося шовинистическим и антилиберальным духом, российское студенчество вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. оставалось верным заветам радикальной интеллигенции 1860-х годов (тогда университеты практически не работали полтора года из-за забастовок). Определенные перемены наступили лишь после 1907 г., когда стал активно расширяться сектор негосударственной высшей школы, а университетские советы де-

факто и согласно «Временным правилам» 1905 г. снова вернули себе изрядную часть полномочий (хотя в 1911 г. острый конфликт с Министерством народного просвещения привел к коллективному уходу из Московского университета более четверти преподавателей). На окраинах империи Александровский университет в Гельсингфорсе пользовался весьма широкой автономией (преобладающим языком обучения и академической работы там был немецкий), а русифицированный университет в Варшаве, несмотря на льготы для поступления, предоставленные выходцам из центральной России, так и не стал действенным элементом русификации после восстания 1863 г. и с начала XX в. по сути бойкотировался местным польским обществом, предпочитавшим университеты Львова или Кракова в австрийской части разделенной Польши. Менее болезненной для научного развития оказалась русификация в 1880-1890-х годах Дерптского (Юрьевского) университета, традиционно связанного с Германией и местным остзейским дворянством.

Как и в Российской империи, во многих государствах Европы реформаторы заимствовали ряд структурных особенностей построения системы высшего образования у соседних стран, с которыми давно поддерживались культурные и академические связи (и политическая вражда не всегда выступала тут препятствием, а скорее, подстегивала конкурентные отношения). Так, очевидно влияние французской централизации на развитие испанских университетов после 1810-х годов. Там были закрыты некоторые старые университеты, а оставшиеся десять стали центрами соответствующих учебных округов. С 1836 г. только университеты Мадрида (который получил звание «Центрального Университета») и Барселоны располагали набором всех факультетов и могли присваивать ученые степени. К концу XIX в. в Испании система высшего образования (к которой добавились и технические школы) пребывает в упадке, связанном, в том числе, и с низким материальным содержанием профессоров — многим из них приходилось совмещать свои ученые занятия с заработком в иных местах. В Италии университеты в XIX в. также являлись центрами учебных округов, но были весьма неравномерно распределенными географически (чему способствовало и долгое существование отдельных государств в Италии до объединения). Наряду с крупными университетами в Неаполе, Болонье, Риме продолжали действовать и немногочисленные заведения с несколькими сотнями учащихся, главными карьерными путями которых были право и медицина. Итальянские ученые в университетах второй половины века ориентировались на немецкую модель поощрения исследований (а не

только преподавания уже готового знания) и систему заграничных академических стажировок, но при этом управление университетами было тесно связано с местными сообществами и муниципалитетами, как в Великобритании.

Австро-Венгрия по территории уступала только Российской империи, но в отличие от нее в дуалистической монархии значительное внимание уделялось интеллектуальному развитию отдельных регионов, а университеты после 1848 г. выступали как школы подготовки различных национальных элит. Наличие общих стандартов обучения, широкие карьерные возможности обустройства в разных частях протяженной империи, в том числе и на государственной службе, в определенной степени работали на интеграцию под началом Габсбургов разных групп внутри среднего класса, независимо от их национальной принадлежности. Возвышение Венского университета и Академии наук, включая строительство новых зданий, связывают с деятельностью достаточно консервативного министра просвещения графа Лео фон Тун-Гогенштейна в 1850-е годы. В 1873 г. был принят новый устав университетов, который сокращал влияние католической церкви (деканами и ректорами могли становятся не католики), еще раньше было ограничено традиционное влияние медицинских корпораций Вены и Праги на ход внутриуниверситетских дел. Ситуация с национализацией академического пространства вовсе не была безоблачной: об этом свидетельствуют и разделение Карлова университета в Праге на чешское и немецкое отделение в 1882 г., и постоянные столкновения польских и украинских студентов в университете Львова в начале XX в., и неуклонная «австризация» Венского университета, который терял былую притягательность общеимперского образовательного центра. Открытие новых университетских центров, наряду с Будапештским университетом, в Венгерском королевстве — в Коложваре (1872), Загребе (1874) и Братиславе (1912) — особенно усилило подготовку юристов (около половины студентов); противовесом им не мог быть созданный для усиления немецкого влияния в Буковине Черновицкий университет императора Франца-Иосифа (1875).

В Турции будущий технический университет был создан благодаря слиянию школ морских и гражданских инженеров, а роль университета играл «Дом обучения», созданный в 1863 г. (после семнадцатилетней подготовки). Он был заново открыт уже как университетский колледж в 1900 г. с департаментами исламской теологии, философии, математики, науки и филологии (при правительстве младотурок, в 1912 г., туда были

приглашены преподавать 20 профессоров из Германии).

Развитие высшего образования в Канаде ориентировалось на пример шотландских университетов (Университет Эдинбурга как базовая модель для Колледжа Макгилла и университета Монреаля); со второй половины XIX в. лидером становится созданный в 1853 г. Университет Торонто. Во французском Квебеке значительную роль в эволюции образования играет Университет Лавалья, основанный еще в 1663 г.; в Монреале в числе специализированных высших учебных заведений появляется и своя Политехническая школа.

Воспроизводство британской модели в США дополнялось активным развитием колледжей свободных наук и большим, по сравнению с Оксфордом и Кембриджем, религиозным плюрализмом. Университеты штатов и колледжи были сосредоточены на обучении и социализации студентов, а главной присваиваемой степенью долго оставалась степень доктора теологии. Развитие научных исследований и академической составляющей образования поддерживается в ряде элитных университетов, вроде Университета Джонса Хопкинса в Балтиморе (1876) или Университете Кларка в Массачусетсе (1887). Именно там и в Университете Чикаго, основанном лишь в 1892 г., формируется специфическая черта рождающейся американской модели — систематический и удлиненный курс постдипломной подготовки для написания полноценных академических диссертаций (PhD). Очень быстро на эту систему переориентировался и Гарвардский университет, президентом которого был химик Чарльз Элиот, много времени проводивший в Германии. Американский путь развития подразумевал и наличие множества департаментов, где были распространены партнерские отношения равных, вместо немецких громоздких факультетов с иерархическим господством ординарных профессоров (с 1915 г. в США фактически внедряются и профсоюзная система защиты прав академических работников, и начатки современной системы пожизненного найма — *tenure*). Немалую роль в развитии американских университетов занимает фигура президента (который, наподобие прусского министра просвещения, руководит подбором и приглашением новых кадров, в том числе из перспективных и молодых европейских ученых) и участие попечительского совета. Немецкий стиль подготовки и европейские стажировки постепенно вытесняют в североамериканских университетах прежние патриархальные отношения по британскому образцу.

Высшее образование в Латинской Америке на протяжении XIX в. было представлено институциями Старого порядка, связанными с португальским

или испанским наследием; в особенности это касается 25 университетов (8 из них располагались в Мексике). Камералистские идеи относительно назначения университетского знания постепенно заменялись новыми нейтралистскими принципами национально-государственной мобилизации интеллекта во французском духе. Рост противоречий внутри университетского сообщества приводит уже в 1910-е годы к активизации реформистских движений и переходу к массовым действиям (например, среди медиков в Аргентине).

Активная колониционная политика великих держав дополнялась развитием изучения Востока, Африки и заморских территорий, а также бумом сравнительных исследований в филологии, истории и религиоведении в Европе и Америке. Этнография и антропология выступают как дисциплины, содействующие политическому и культурному освоению новых территорий. Знатоки восточных языков и традиций нередко выступали и как просветители и искренние сторонники развития интеллектуальных сил в изучаемых ими странах и местностях (например, многолетний секретарь Императорской, а затем и Академии наук СССР индолог С.Ф. Ольденбург). В Индии университеты были открыты в Мадрасе, Бомбее и Калькутте в 1857 г. еще согласно закону Вуда. Там учились дети местной элиты (как индусы, так и мусульмане), преподавались как санскрит, так и арабский язык и глубоко изучалась местная литература и культурные традиции.

Японское государство поддерживало западную систему образования, поскольку рассматривало ее как фактор модернизации и утверждения новой идеологии в виде формулы «японский дух — западная техника». В высшей школе обучение зачастую велось на иностранных языках, например, юридические дисциплины читались по-немецки, а римское право — по-французски. В 1877 г. из 39 профессоров созданного тогда же (на основе школы иностранных языков и медицинской школы) Токийского университета 27 были иностранцами, ректором стал глава языковой школы Хироюки Като. Университет был разделен на факультеты права, естественных наук, литературы и медицины; обучение длилось четыре года на подготовительном цикле и столько же на основном (на медицинском факультете, соответственно, пять и пять лет). С 1886 г. за Токийским университетом был закреплен статус главного образовательного заведения страны (включая и присвоение ученых степеней). Финансовые проблемы не позволили в полной мере реализовать крупномасштабные замыслы реформы образования, поэтому вместо запланированных восьми к началу XX в. в Японии существовало только два университета — в Токио и Киото

(с 1897 г.). В отличие от европейских или американских университетов японские университеты были изначально ориентированы на решение прикладных задач (подготовка чиновников, инженеров и др.).

Перед Китаем встала задача создания системы образования по западным образцам с массовым начальным обучением и ликвидацией неграмотности. В 1898 г. была предпринята первая попытка модернизировать систему образования: были опубликованы указы об отправке молодых людей на учебу за границу и организации начальных и средних школ. Предполагалось утвердить равное право на образование и ввести систему профессионального обучения. В ходе этих реформ в 1898 г. был учрежден Пекинский университет и средняя школа нового типа.

Уже с начала XX в. стала вводиться новая система образования по западному образцу: она состояла из пяти ступеней. Первая ступень — пятилетняя начальная школа, вторая — высшая начальная школа и профессионально-технические училища, третья — пятилетняя средняя школа, четвертая ступень — университеты и высшие специальные колледжи со сроком обучения от трех до пяти лет, пятая — колледжи, чтобы совершенствовать знания тех, кто уже окончил университет. Система была довольно запутанной, поскольку являла собой синтез традиционного и современного начал. В новой системе три четверти учебного времени отводилось преподаванию доконфуцианской и конфуцианской классики и традиционной этики, отсутствовало женское образование. Главной целью образовательной реформы было воспитание верности престолу и почитание Конфуция. Вопросы развития начального, женского образования, преподавания естественных и точных наук будут решаться уже в XX в. Проникновение в образование христианских начал также происходило в полной мере уже в первые десятилетия XX в., когда после подавления восстания ихэтуаней выросло число католических и протестантских миссионеров. Миссионеры создадут колледжи, средние и начальные школы, где китайцы могли получить европейское образование. Взаимодействие традиционных и западных начал осталось сутью развития образования в Китае начала XX в.

Эволюция международной «ученой республики», помимо контактов, переписки и многоязычной публикационной активности признанных специалистов, опирается на мощный фундамент заграничной послеуниверситетской подготовки (включая обучение американцев и канадцев в Германии и Франции) и обучения студентов за границей. Особенно важную роль для европейцев к концу XIX в. стали играть университеты в Бельгии и полиэтничной Швейцарии (в Женеве, Лозанне,

Базеле, Фрибурге и Берне), где иностранцы составляли большую половину учащихся. Особенно широко среди них в Швейцарии были представлены группы, дискриминируемые в Российской империи, — женщины, евреи и поляки. К концу XIX в. внутри прежде сплоченного академического сословия стали нарастать противоречия между старшими «полными» (ординарными) профессорами и растущим корпусом младших преподавателей, которые нередко оказывались вовлеченными в политические движения (левые в России или правые в Германии).

Начало XIX в. стало временем заметных сдвигов в понимании природы и специфики общественного развития — это было связано в первую очередь с переменами общемировоззренческого и философского характера. Начатое Французской революцией переустройство прежнего европейского порядка затронуло не только общественно-политическую или образовательную сферу. М. Фуко в известной книге «Слова и вещи» указывал на начало с 1800-х годов нового этапа в осмыслении ключевых явлений жизни, языка и хозяйства, когда исторические установки и привели к рождению «человека» как предмета гуманитарных наук и стали важнейшей вехой в становлении современных биологии, лингвистики и политэкономии. Специализация научного поиска, растущее раздробление «естественной истории» по отдельным сферам изучения и появление (сначала в английских университетах) помимо традиционного деления на факультеты специальных департаментов, отвечающих за ту или иную область знания, — все это привело к закреплению нового дисциплинарного устройства науки и оформлению привычного нам «ландшафта» академических и университетских дисциплин. По мнению ряда авторитетных ученых, мир знаний о природе и человеке переживает в начале XIX в. вторую научную революцию, сопоставимую по значимости и последствиям с поворотной эпохой Галилея и Ньютона.

Романтические идеи в Германии, а затем во Франции, Англии и других странах Старого и Нового Света существенно отличались от рационалистических и механистических постулатов «классического века» (хотя некоторые концептуальные построения и выступали в качестве связующих звеньев двух этих доктрин, например, философия искусства Канта или принципы шотландского Просвещения). Открытие спонтанного, нередко иррационального и противоречивого развития природного и человеческого мира, обращение к ранее пренебрегаемому Средневековью, указание на разнообразие традиций и устоев жизни локальных общностей, не укладывающихся в просветительские каноны и рационалистические

схемы, — все это не только встречало отклик в среде консерваторов, но влияло также и на позиции многих ученых, включая естествоиспытателей. Романтизм не был противоположностью науке как таковой (хотя и нередко, особенно с середины XIX столетия влиял на антисциентистские настроения) — можно указать целые направления, вроде геологии, биологии или изучения электричества, которые в своем концептуальном развитии тесно связаны с миром романтических идей. Широко известен факт влияния Ф. Шеллинга на идеи датчанина Х.К. Эрстеда или связь романтического творчества С. Кольриджа с развитием психологии бессознательного, «точной» эстетики и химических открытий Х. Дэви. Не только механика П.-С. Лапласа, но и идеи превращения элементов (в которых еще много от алхимических представлений), натурализм и антиньютоновское видение природы у Гёте вдохновляют поколения ученых 1820-1840-х годов. Особенно важным тут стало проникновение в природу электромагнитных явлений и формулировка Дж. К. Максвеллом теории поля (как формы материального мира, совершенно не предусмотренной ньютоновской физикой). Эти открытия стали результатом интернационального научного взаимодействия, ведущими «агентами» которого были ученые разных европейских стран — итальянец А. Вольта, француз А.-М. Ампер, немец Г.С. Ом, англичане М. Фарадей и Дж. К. Максвелл. Все это существенно усложняло и во многом перечеркивало прежнюю картину миру, созданную усилиями ученых эпохи Просвещения.

На место прежнего механицизма и детерминизма приходят сознание важности органицистских идей, взаимосвязанности разных частей изучаемого целого; к этому добавляется интерес к теории вероятности и новое понимание характера закономерности. Такие телеологические установки и идея внутреннего становления отвечали и ряду положений католической доктрины, что позволяло включать научные идеи первой половины XIX в. в орбиту христианского мировоззрения. Здесь стоит отметить важную для Центральной Европы и России деятельность австрийских ученых — педагога И.Ф. Гербарта, логика и философа Ф. Brentano, а также наследие немцев А. Гумбольдта, А. Тренделенбурга и Р.Г. Лотце, вдохновляющихся идеями космического мироустройства и связывающих новое естествознание с прежним европейским наследием и категориями аристотелевской или схоластической логики, а также учением о нравственности.

В 1840-е годы на смену романтизму в Европе постепенно приходит новое мировоззрение, для которого характерно внимание к точным методам и примат фактической достоверности, стандарт которого уже не задавался

идеалистической философией Гегеля. Утверждение позитивизма связывается с деятельностью Огюста Конта и его школы, которая реализовывалась вне стен традиционных высших учебных заведений и академий. Помимо известного закона трех состояний (уходящего периода господства метафизики, эпохи философии и наступающего века науки) Конт также предложил популярную идею классификации всех наук — от математики до социологии. Тем самым он продолжил усилия по классификации знания и дисциплин, предпринятые ранее А. Ампером и работавшим в Чехии философом Б. Больцано. К этому поиску научного мировоззрения, отличного от прежних философских постулатов, примыкали сочинения по историографии точного знания У. Уэвеля. Изобретатель самого понятия «scientist» как обозначения новой академической профессии (1831), Уэвель был автором очень важного для викторианской эпохи трехтомного труда «История индуктивных наук» (1837). Вторя О. Конту, биолог Р. Вирхов убежденно характеризовал переживаемое им время как переход от века философии к веку естествознания.

Примером соединения либеральных политических убеждений (с опорой на оригинальные политэкономические идеи) и поиска новой логики естественнонаучного мировоззрения была деятельность оппонента Уэвеля британца Дж. Ст. Милля. Труды геологов (Ч. Лайеля как автора фундаментальных «Основ геологии»), а также зоологов и палеонтологов (французов Ж.Л. Кювье и Ж. Сент-Илера и работавшего в России К.М. Бэра) в первой половине XIX в. подготовили почву для формулирования законов и факторов эволюции и естественного отбора Чарльзом Дарвином в конце 1850-х годов. Усилиями Т. Гекели в Англии и особенно Э. Геккеля в Германии учение Дарвина было обращено к далекому доисторическому прошлому Земли и позволило сформулировать научные представления о родословном древе органического мира с древнейших времен до современности, совершенно оставив в стороне библейскую историю сотворения мира.

«Новый вид любопытства к природе, с которым мы здесь сталкиваемся, в корне отличается от любознательности Линнея или от пытливости Ламарка... Дарвин никогда не выписывает весь длинный “полицейский” паспорт животного или растения со всеми его приметами. Он пользуется природой, как великой организованной картотекой. Классификация поставлена им на место, она перестала быть самоцелью. В результате —

изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения.

Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина был в некоторой своей части и литературным. Читатель испытывал жесточайшую реакцию против поучительного, сентиментального, кисло-сладкого жанра, которым обкормили его предшественники Диккенса. Этот читатель всему на свете предпочитал характерное — картины природы, социальные контрасты... Быть может, больше всего подкупало читателя то, что Дарвин не высказывал никакого литературного телеологического восторга перед законами и тенденциями, которые с ясностью утверждал» (Мандельштам О. О литературном стиле Дарвина).

Внимание к социальной стороне новых учений о развитии жизни было весьма закономерным. На эволюционные идеи Дарвина опирался Г. Спенсер, который предложил органицистскую трактовку развития общества (правда, отказавшись от идеи отбора как инструмента развития). Именно Спенсер заложил подлинные основы развития социологии, только намеченной в умозрительных построениях Конта. Новый взгляд на поступательное движение истории человечества предложил в 1860-е годы Т. Бокль, опираясь на позитивистские постулаты точного анализа. Но установка на бóльшую научность знания о человеке реализовывалась в гуманитарных дисциплинах и ранее: переформатирование прежнего комплекса «моральных и политических наук» во Франции было начато еще Ф. Гизо, А. де Токвилем (с его интересом к движущим социальным силам политики) и продолжено И. Тэном и Э. Ренаном, благодаря вниманию к компаративному анализу и отказу от риторических презумпций французской традиционной гуманитарной культуры. К этим новациям примыкала и разработка бельгийским астрономом и статистиком А. Кетле количественных законов «социальной физики» и характеристик поведения «среднего человека» (на основе данных рождаемости, брачности, криминальной статистики и т. д.). Л. фон Ранке, И.Г. Дройзен, Я. Буркхардт и К. Маркс, исходя из совершенно разных мировоззренческих оснований, движутся к цели «возведения истории в ранг науки». Г.Т. Фехнер, а позднее В. Вундт заложили основы научной психологии, базирующейся на физиологической трактовке возможностей человеческого мозга. Вместе с тем иррационализм Шопенгауэра и философия жизни Ницше уже обозначили пределы и кризисные моменты рационального миропонимания,

легитимированного наследием немецкой классической философией и «Наукой логики» Гегеля. Указание на различие «гуманитарного» понимания и «естественнонаучного» объяснения у В. Дильтея и проработка логики наук о природе и наук о духе в Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) высветили проблематичность сведения этих двух крупнейших подразделов знания в рамках единой и общей логики и метода.

Но конец XIX в. справедливо характеризуется как время наивысшего господства в Европе «научного мировоззрения» на природоведческой основе. Успехи физики, астрономии (предсказанное математиком и астрономом У. Леверье в 1845–1846 гг. в теории и подтвержденное затем на практике существование планеты Нептун) и химии (открытие Д.И. Менделеевым Периодического закона в 1869 г.) позволили мечтать об окончательном обретении полноты и системности естественнонаучного мировоззрения. Манифестом этого умонастроения можно считать публичные речи и сочинения физика и биолога Г. фон Гельмгольца, широко распространяемые и в других странах; в Германии росло число сторонников антирелигиозного «монистического» движения Э. Геккеля. Вместе с тем уже в работах о неразрешимых пока естествознанием «мировых загадках» физиолог Э. Дюбуа-Раймон писал о проблематичности окончательного синтеза для завершения детерминистской картины мира; схожим образом Д. Гильберт в 1900 г. на Втором международном математическом конгрессе сформулировал список из двух десятков проблем, во многом предвосхитив направление научного поиска для своей дисциплины. В биологии переоткрытие наблюдений Г.И. Менделя и развитие генетики, успехи клеточной теории и эмбриологии задали ориентиры для поиска синтетической теории эволюции (на основе дарвиновских принципов) и популяционной генетики уже в первые десятилетия XX в. В развитии математики особенно перспективными в XIX в. оказались открытие матричного исчисления, неклассической геометрии Н.И. Лобачевского или генерализации прежних базовых представлений, — таковыми были Эрлагенская программа в геометрии Ф. Клейна, теория множеств Г. Кантора и ее приложение к теории чисел у Ю. Дедекинда (1870-е годы). Итогом развития научного мировоззрения на протяжении XIX в. стал переход от механицистского детерминизма к анализу вероятностных процессов (кризис прежнего научного мировоззрения за пределами академических сообществ сказался и на популярности виталистских или холистских концепций, а также расовых теорий, особенно среди консервативно ориентированных интеллектуалов).

Открытие М. Планком кванта действия в 1900 г. и формулирование А.

Эйнштейновым постулатов теории относительности стали началом становления неклассического естествознания, и не случайно именно физика как наука об общих законах природы (как определял ее Максвелл) стала главным плацдармом для пересмотра оснований прежней картины мира. Планетарная модель атома, предложенная Э. Резерфордом, и развитие учения о радиоактивности позволили по-новому истолковать развитие микромира и субатомного устройства материи (техническое и военное использование этих законов станет возможным уже с 1940-х годов). Кризис прежних оснований науки (например, постепенный отказ от общепринятой ранее теории эфира) оказался одним из проявлений общего социально-культурного кризиса традиционного устройства. Новейшие открытия в науке осмысливались параллельно с развитием модернистских и — уже с 1910-х годов — авангардных течений в культуре, философии и искусстве. Так, теория относительности стала предметом рассмотрения неокантианской философии Э. Кассирера («Познание и действительность», 1910) и — опосредованно — австрийской философии науки у последователей Э. Маха, споры вокруг теории множеств в математике оказались точкой отсчета для размышлений Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда в 1910-1920-е годы, биологические открытия дали импульс для наиболее утонченной формулировки витализма у А. Бергсона («Творческая эволюция»). Критическое переосмысление релятивистских тенденций в модернизме оказало формирующее воздействие на творчество Г. Зиммеля 1910-х годов (с его интересом к женскому вопросу, духовной жизни современных городов), на трактовку феноменологии как универсальной теоретико-философской программы у Э. Гуссерля или на возвращение к гегельянскому идеализму у Б. Кроче. В социальных науках парадоксы социальной модернизации ярче всего отразились на творчестве Э. Дюркгейма, на его понимании механической и органической солидарности и на исканиях М. Вебера, который всегда скептически относился к перспективам бегства из «железной клетки рациональности». Социология и психология были новыми науками в университетском расписании и на академических кафедрах (и оппозиционными по отношению к традиционно престижным филологии или истории); их признание пришлось на эпоху после Первой мировой войны. В области юридической науки поиски общих социологических или психологических теорий права в начале XX в. (у Г. Еллинека, Л. Петражицкого, а затем Х. Кельзена) несколько потеснили прежний интерес к историческим сравнительно-правовым исследованиям. В области экономики наступление математического мировоззрения (у Ст. Джевонса, теории равновесия В.

Парето или Л. Вальраса, влияние австрийской школы К. Менгера) накануне Первой мировой войны сказалось на постепенном ослаблении международного интереса к разработкам немецкой «исторической школы» Г. Шмоллера и его последователей. Начиная с египетских экспедиций Наполеона, задачи колониального мироустройства влияли и на развитие европейской и американской антропологии, в том числе на первые попытки сформулировать особенности «первобытного мышления» (Л. Леви-Брюль) и одновременно включить его в эволюционную картину умственного развития и лестницу цивилизационных иерархий.

В XIX в. высшие учебные заведения и университеты вернули себе статус главных институциональных центров научного развития. Вначале французская система «высших школ» оказалась наиболее благоприятна для развития таких дисциплин, как механика и математика (но биолог Ж. Кювье также занимал важный пост во французской системе управления образованием). Французская и российская система «патронажа» региональным университетом близлежащего учебного округа также содействовала ускоренной мобилизации интеллектуальных сил. Во второй половине XIX в. важнейшим приоритетом немецкого университета стало устройство специального семинара по той или иной дисциплине, где ученики и ассистенты под руководством профессора и реализовывали по сути гумбольдтовский принцип соединения обучения с продвижением науки. Если первоначально предметом семинаров была кропотливая текстологическая работа над классическими отрывками древних авторов, то уже с конца 1820-х годов, с химических занятий Ю. Либиха в Гиссене, семинары становятся важной частью изучения наук о природе, главным очагом формирования той специфической профессиональной культуры ученого и ее трансляции, которую уже в 1950-е годы науковед М. Полани назовет «личностным знанием». Семинар воспитывал и определенный этос науки, упорство и упражнение в точности измерений: это социально-академическое изобретение оказалось универсальным и уживалось с совершенно разными национальными моделями образовательного развития — и с английскими аристократическими элитными школами, и с российскими студенческими кружками, и с миссионерскими учебными заведениями в Азии и Африке.

Наряду с университетами, которые на периферии западного мира оставались все-таки в первую очередь обучающими, а не научными институтами, важнейшим местом развития науки оставались академии. В России и Австро-Венгрии это были Императорские академии наук, в

других странах несколько академий продолжали работать по региональному (в Баварии, Рейн-Вестфалии, Шотландии и т. д.) или дисциплинарному принципу. При них создавались разнообразные лаборатории, музеи, комиссии, центры организации экспедиций, они оказывались важными механизмами содействия развитию науки и вознаграждения ученых (раздачи премий и организации конкурсов), центрами книгоиздания и публикации научной периодики (наряду с университетскими «Известиями»). Как и в эпоху Просвещения, продвижению науки существенно способствуют разнообразные национальные и региональные ассоциации и научные общества, в XIX в. к ним добавляются международные конгрессы. Профессионализация и специализация знания подразумевает создание множества моно- и междисциплинарных научных обществ и ассоциаций, вроде Немецкого общества естествоиспытателей, созданного по инициативе Л. Окена в 1822 г. Самой известной можно считать основанную в 1831 г. Британскую ассоциацию содействия прогрессу науки, с ее многочисленными публичными собраниями в разных городах Великобритании (особая роль принадлежит ей в деле популяризации дарвинизма). Вторая половина XIX в. была также временем роста популяризации науки в самых разных жанрах, в том числе и использования ее в хозяйственном, агрономическом или техническом развитии. Широко переводились на все европейские языки «Популярная астрономия» (1880) француза К. Фламариона или «Иллюстрированная жизнь животных» (1860-е годы) немца А. Брэма. Важная роль в развитии науки по-прежнему принадлежала филантропии — в Европе, Великобритании и в Северной Америке (создание фонда Карнеги и его исследовательских подразделений в 1902 г. или института Нобелевских премий, сразу же ставших барометром интернационального признания ученых в ключевых областях естествознания).

В начале XX в., с началом массового высшего образования, складываются ключевые формы дальнейшего организационного продвижения науки — или через систему специализированных научно-исследовательских институтов с государственной поддержкой, как Общество кайзера Вильгельма (открыто в 1911 г.), или через сеть «исследовательских университетов» (с удлинённым и профессионально выстроенным циклом постдипломной подготовки — фабрики PhD), как в США, где ведущая роль принадлежит малому числу элитарных университетов вроде Гарварда или Йеля. Городские университеты, встроенные в культуру развивающихся мегаполисов (Берлина, Чикаго или Лондона), теснят традиционные кампусные университеты и присущий им

стиль передачи знаний. Доминирующей становится ориентация на Grossforschung, социально организованную и рационально упорядоченную науку большого масштаба, где участие государства дополняют финансы крупных частных корпораций, особенно в Северной Америке и Германии (в дореволюционной России в ряду таких институций можно назвать Народный Университет им. А.Л. Шанявского или Леденцовское общество в Москве).

Кризис перепроизводства выпускников высших учебных заведений (которых не может «переварить» общество), или рост «академического пролетариата», о котором так много спорили в печати рубежа XIX–XX вв., действительно имел место в ряде отраслей или традиционных профессий, как показывают исследования Х. Титце или М. Шмайзера на немецком материале. Но в целом урбанизация, развитие промышленности, превращение науки в массовую профессию и востребованность ученых на рынке труда в 1910-е и последующие годы компенсировали эти диспропорциональные явления.

Первая мировая война означала и крах прежних моделей академического интернационализма (распад организованного в 1899 г. Международного союза академий, устранение Германии с ведущих европейских и глобальных позиций в этой отрасли и постепенный выход Соединенных Штатов на авансцену мировой науки). Повышение статуса технического и прикладного знания, неуклонное сужение сферы обращения классических языков (как основы прежнего универсального образования) и становление новых научных языков, особенно славянских, а также растущее участие в академическом развитии исключенных ранее групп (женщины, иноверцы, социальные низы, представители «заморских стран» и колоний) — эти мощные тенденции растущей социализации знания, активно развернувшиеся уже в XX столетии, стали рамочными условиями и для образовательного, и для «чисто» научного развития еще в XIX в.

Медицина XIX века

XIX век — время стремительной мировой экспансии западной медицины, основными центрами развития которой в этот период становятся университетские и медицинские центры Франции, Германии, Австрии, Англии, США и России. Экспансия осуществлялась как за счет геополитического влияния названных стран, так и благодаря прорывным достижениям в области диагностики, лечения и профилактики болезней, обеспечившим западной медицине колоссальные конкурентные преимущества по сравнению с традиционными системами китайской, индо-тибетской и греко-арабской медицины.

Эти достижения стали результатом трех научных революций в медицине стран Запада, радикально изменивших все традиционные представления о человеческом организме, механизмах его функционирования, природе и сущности болезней и тем самым открывших пути для разработки и внедрения эффективных средств охраны и восстановления здоровья в случаях его утраты. На XIX в. пришлось две из трех упомянутых научных революций — вторая и третья. При этом вторая научная революция в течение XIX столетия полностью завершилась, а третья только началась, определив лишь магистральные направления дальнейшего развития западной медицины вплоть до второй половины XX столетия.

Важнейшим достижением второй научной революции в медицине стал радикальный пересмотр традиционного подхода к предупреждению болезней и охране здоровья, основанного на представлениях о том, что любые профилактические рекомендации могли быть адресованы только конкретному человеку и должны были непременно учитывать всю совокупность его индивидуальных особенностей (темперамент, возраст, пол и др.).

Сомнения в достаточной обоснованности такого подхода впервые появились еще в конце XVII — первой половине XVIII в. Австрийский врач И.П. Франк в своей всемирно знаменитой девятитомной «Системе совершенной медицинской полиции» в 1779 г. со всей определенностью заявил, что профилактика болезней может осуществляться в массах населения, а ее основными средствами должны стать не индивидуальные врачебные предписания отдельным лицам, а решительные меры государственной власти по устранению или ослаблению негативных

влияний природной и социальной среды обитания людей.

Однако представить бесспорные доказательства существования прямого негативного влияния природно-климатических и социальных факторов на состояние здоровья значительных масс населения, а главное точно установить эти факторы удалось лишь в первой половине XIX в., благодаря усилиям высших органов государственной власти Англии, Франции, Пруссии, России, США, организовавших в масштабах своих стран непрерывный повсеместный сбор необходимых для этого данных.

В ряду основных природно-климатических факторов изучались свойства воздуха, воды, почвы, атмосферной пыли, пищевых продуктов; особенности природной топографии и климата. Из числа социальных факторов главное внимание было уделено особенностям проживания и расселения, водоснабжения и питания, порядку удаления нечистот и отходов жизнедеятельности человека и промышленных предприятий, вредности для здоровья тех или иных профессий, существующим обычаям и традициям. Состояние здоровья масс и отдельных групп населения оценивалось на основании данных о рождаемости, смертности, заболеваемости, параметрах физического здоровья, средней продолжительности жизни.

Для анализа полученных данных и выявления корреляций между ними были использованы статистические методы исследования. Наибольший вклад в разработку и внедрение методов медицинской статистики внесли ученые Англии и Франции, и в первую очередь английский врач и статистик У. Фарр.

Статистическая обработка достаточного объема достоверных данных позволила уже в 40-е годы XIX в. превратить гипотезу врачей XVIII столетия в достоверный научный факт — основные показатели здоровья в определенных массах и группах населения (например, у жителей одного города или провинции) отличаются известным постоянством и находятся в прямой причинно-следственной связи с воздействующими на данную группу населения природно-климатическими и социальными факторами окружающей среды.

Одновременно были выявлены и основные факторы, оказывающие, максимально негативное влияние. В их числе оказались плохое благоустройство населенных пунктов, скученность и антисанитарные условия проживания, «испорченный воздух городов», грубые ошибки в планировке городов, домов, выборе строительных материалов и систем отопления, недостаточное питание и водоснабжение, проституция, алкоголизм, отсутствие у населения личной чистоплотности и

элементарных представлений о возможной опасности для здоровья со стороны различных факторов окружающей среды, существование множества крайне опасных для здоровья обычаев и привычек, несоответствующая климатическим условиям одежда и т. п.

Полученные результаты сыграли определяющую роль, во-первых, в окончательном выделении гигиены в самостоятельную научно-практическую дисциплину^[18], а во-вторых — в развертывании в большинстве европейских стран систематической целенаправленной работы по исправлению описанного положения дел посредством разработки специального врачебно-санитарного законодательства, широкого внедрения мер личной (индивидуальной) и общественной профилактики. Отдельно отметим, что все эти меры удалось

1

осуществить только благодаря активному участию государств, но перечень и характер конкретных мероприятий определялись главным образом врачами.

В сфере санитарного законодательства были подготовлены и введены в действие законы против фальсификации съестных припасов и торговли испорченными, вредными для здоровья продуктами; об охране чистоты воздуха и источников водоснабжения, об обороте ядовитых веществ, о благоустройстве городов, о санитарном надзоре за проститутками и публичными домами. Разработана строгая регламентация строительного дела в целом и принципов строительства школ, больниц, богаделен, церквей, монастырей, тюрем, театров и других общественных зданий. Введены законы для фабрик, заводов и других промышленных учреждений как в отношении охраны здоровья рабочих, так и в отношении предупреждения загрязнения воздуха, почвы, рек и других водоемов. Особое внимание было уделено законам, на которых основывались мероприятия против распространения эпидемических и заразных болезней (оспопрививание, изоляция больных, эвакуация здоровых, карантинное законодательство).

Внедрение мер личной гигиены состояло в пропаганде среди населения элементарных медицинских знаний и практических гигиенических рекомендаций в отношении правильного питания, поведения, личной жизни, ухода за детьми, опрятности и содержания в чистоте собственного тела и жилища, пребывания «в чистом и свободном воздухе и умеренной теплоте». Началось массовое производство мыла, зубного порошка, презервативов; получили широкое распространение носовые платки, ночные рубашки, столовые приборы; стали открываться

общественные бани. Отдельное внимание уделялось разъяснению смертельной опасности тесных физических (в том числе и сексуальных) контактов с незнакомыми людьми.

В сфере общественной профилактики основные усилия органов государственной власти были сосредоточены на санитарной очистке и благоустройстве городов. Началась активная борьба с обычаем выливать на улицы нечистоты; возникновением стихийных рынков и скотобоен, организацией свалок и опасных для здоровья населения производств в городской черте. Развернулась работа по профилактике чудовищного по своим масштабам дорожного травматизма посредством расширения и освещения улиц, строительства тротуаров и каменных мостовых. Для «очистки» воздуха в густонаселенных кварталах сносились дома, вместо которых разбивались сады и парки. Были разработаны, спроектированы и созданы централизованные водопроводы, системы дождевой и сплавной канализации.

Опыт практической реализации перечисленных выше мер уже в начале второй половины XIX столетия показал, что наибольшее позитивное влияние на состояние здоровья населения оказали общественно-гигиенические мероприятия. Они смогли существенно улучшить санитарные условия жизни значительных масс населения независимо от уровня понимания населением задач гигиены, многочисленных злоупотреблений должностных лиц и прямых нарушений санитарного законодательства. Так, например, организация сплавной канализации сделала попросту невозможными преступления, связанные с санитарным контролем чистоты дворов, выгребных ям и вывозом нечистот, заменив его техническим контролем работы канализационной системы.

В XIX в. организация сплавной канализации с обязательным присоединением к ней частных и общественных зданий оказалась самым эффективным профилактическим мероприятием. Первые общегородские системы канализационных сооружений были созданы в Лондоне (1850), Париже (1857), Мюнхене (1859), Цюрихе (1860), Одессе (1862), Берлине (1876), Бостоне, Бруклине, Чикаго (60 — 80-е годы XIX в.) и буквально через несколько лет обеспечили снижение общей смертности населения этих городов в полтора раза, а смертности от желудочно-кишечных эпидемических заболеваний — от двух до пяти раз.

Однако наряду с первыми победами уже в начале второй половины XIX в. возникли и новые неразрешимые проблемы. Выявлялось все большее количество негативно действующих факторов, полностью устранить которые не представлялось возможным в принципе. Так,

например, было достоверно установлено, что воздух помещений, в которых одновременно находилось множество людей, «портился» и становился опасным для здоровья, но о закрытии из-за этого школ или театров не могло быть и речи. Попытки найти решение подобных проблем, число которых стремительно росло, привели врачей к осознанию необходимости как более детального изучения самих факторов среды обитания, так и раскрытия механизмов их негативного влияния на здоровье людей, что в свою очередь привело к широкому внедрению в сферу гигиенических исследований экспериментальных методов.

Основоположником этого важнейшего направления развития гигиены, определившим постепенное превращение гигиены из описательной в экспериментальную естественную науку, стал немецкий врач М. фон Петтенкофер. Разработав методику проведения экспериментально-гигиенических исследований (1858), он смог добиться значительных успехов в изучении интимных механизмов негативного влияния «испорченного» воздуха (1858), «загрязненной» воды, неочищенной от отходов почвы (1864, 1873), которые определили еще один важнейший переворот во врачебном мышлении. Исследования М. фон Петтенкофера и его учеников показали, что все многообразие существующих природно-климатических и социальных факторов среды обитания, негативно влияющих на здоровье, в конечном счете сводится к воздействию на человеческий организм определенных физических и химических агентов.

Этот переворот, совпавший по времени с пересмотром представлений о болезни и успешным преодолением кризиса в изучении фундаментальных основ жизнедеятельности, довершил процесс формирования картины исследуемой реальности в медицине (системы медицинских представлений) периода второй научной революции. За организмом человека окончательно закрепилось представление как о клеточном государстве, жизнедеятельность которого (как нормальная, так и патологическая) обеспечивается исключительно физико-химическими процессами взаимодействия с окружающей средой, протекающими в полном соответствии с всеобщими законами физики и химии. Нормальная жизнедеятельность обеспечивается и регулируется процессами обмена веществ и энергии, а патологическая — возникает в случаях появления в окружающей среде разрушительных для организма физико-химических влияний и состоит в развитии цепи последовательных структурно-функциональных изменений клеток, тканей, органов.

Основным завоеванием второй научной революции в медицине, хронологические рамки которой охватывают период с конца XVIII в. до

середины 70-х годов XIX в., стало возникновение первой всецело естественно-научной системы медицинских представлений о жизни, смерти, болезни, а вместе с этим и принципиально новых подходов к диагностике, лечению и профилактике заболеваний человека.

Процесс формирования этой системы представлений начался одновременно с признанием научным сообществом сенсационных открытий и опровержений, сделанных французским ученым А. Лавуазье. Во-первых, А. Лавуазье окончательно опроверг каноническую концепцию четырех элементов-стихий, из которых якобы состояли все известные в природе тела. Он представил экспериментальные доказательства того, что вода, воздух, огонь и земля не могут считаться первоэлементами. Наибольшее впечатление на научное сообщество произвели его опыты по приготовлению воды путем сжигания водорода в кислороде. Во-вторых, А. Лавуазье доказал ошибочность традиционных виталистических представлений, согласно которым все жизненные явления в организме человека управляются особой нематериальной сверхъестественной силой.

А. Лавуазье писал: «Животная машина управляется тремя главными регуляторами: дыханием, которое заключается в медленном сгорании в легком или других местах тела некоторой части углерода и водорода крови и развивает теплоту, абсолютно необходимую для поддержания температуры тела; испариной, которая, способствуя выделению тепла в окружающую среду... препятствует повышению его температуры за пределы, положенные природой; пищеварением, которое, снабжая кровь водой, углеродом и водородом, возвращает машине то, что она теряет при дыхании и транспирации, и выбрасывает затем наружу посредством выделений те вещества, которые нам вредны или излишни».

Практическая реализация намеченной А. Лавуазье исследовательской программы уже к началу 30-х годов XIX в. позволила установить, что «организованная субстанция» живых организмов состоит главным образом из трех групп органических веществ — белков, жиров и углеводов. На основе сопоставлений элементарного состава этих веществ с результатами химического анализа выделений человеческого организма было показано, что именно они «медленно сгорают» под влиянием кислорода воздуха, а в процессе «сгорания» превращаются в более простые вещества (мочевину, мочевую кислоту, воду, углекислый газ и др.), удаляющиеся из тела с

мочой, калом, потом и выдыхаемым воздухом (А. Фуркруа, Дж. Дальтон, Л. Гей-Люссак, Й. Берцелиус, Г. Мульдер, Т.Е. Ловиц, М. Шеврель, Ф. Веллер, Ю. Либих).

В первой половине 40-х годов XIX в. удалось раскрыть подлинное физиологическое предназначение этих процессов. Немецкие врачи Р. Майер и Г. Гельмгольц доказали, что в процессе распада сложных органических соединений под влиянием кислорода выделяется особая «сила», получившая название энергии; что энергия служит «универсальным источником» для всех без исключения «внутренних и внешних работ организма», а «животная теплота» представляет собой лишь одну из форм энергии.

Первоначальным источником энергии было признано солнечное излучение, под влиянием которого в зеленых растениях происходят процессы разложения углекислого газа на углерод и кислород с одновременным образованием углеводов, жиров и белковых тел растений. «Мы все дети солнца, — писал Г. Гельмгольц, — ибо живой организм — это система, в которой нет ничего, кроме преобразований различных видов энергии».

Названные открытия окончательно разрушили прежний взгляд на человеческое тело как «мертвую массу, в которую входит дух... приводящий все в деятельность». Представления об определяющей роли «животворящего духа» навсегда ушли в прошлое. Появилась убежденность, что в скором времени удастся свести все проявления жизнедеятельности человеческого организма к законам физики и химии.

Однако воодушевление, охватившее естествоиспытателей, продлилось не долго. Уже на рубеже 40-50-х годов XIX в. возникло серьезное разочарование в избранном пути. Чем больше накапливалось сведений о единстве химического состава живой природы и универсальности энергетического источника жизни, тем непонятнее становились многообразие биологических объектов, механизмы роста, структурообразования и развития организма.

Преодолеть возникший кризис и сделать следующий шаг на пути формирования новой модели человеческого микрокосма удалось в результате еще одного важнейшего научного прорыва XIX в., которым стало создание клеточной теории.

Клетка была впервые описана в XVII в. (Р. Гук, 1665; А. Левенгук, 1674; М. Мальпиги, 1675; Н. Грю, 1682). Однако исследователи XVII столетия не оценили важности совершенного ими открытия. Они считали, что клетки представляют собой пустоты в непрерывной массе живого

вещества. Только в начале XIX в. в связи с совершенствованием микроскопической техники стало ясно, что клетки — не пустоты, а «индивидуумы» — своеобразные камеры, имеющие собственную оболочку (Мольденгауэр, 1812), ядро (Я. Пуркинье, 1825; Р. Броун, 1831) и протоплазму — полужидкую вязкую субстанцию, заполняющую внутриклеточное пространство (Ф. Дюжарден, Г. фон Моль, 1835). Было также установлено, что все части растений и животных состоят из клеток или их производных, что в свою очередь позволило М. Шлейдену (1838) и Т. Шванну (1839) сформулировать первый вариант клеточной теории строения растений и животных. Однако даже после этого клетки продолжали считаться примитивно организованными образованиями — пузырьками, заполненными жидким белком; своеобразными кирпичиками, образующими лишь внешнюю форму организмов. Считалось, что клетки всякий раз возникали заново, выпадая из крови, подобно тому, как происходит «выпадение кристаллов из маточного раствора».

Опровергнуть эту ошибочную точку зрения удалось лишь в конце 40-50-х годов XIX в. усилиями группы немецких цитологов и врачей: К. Зибольдта, Т. Бишоффа, А. Келликера, Р. Ремака, Р. Вирхова. Выполненные ими исследования позволили Р. Вирхову в 1858 г. дополнить клеточную теорию двумя важнейшими положениями. Первое: клетки являются «элементарными организмами», вне которых не существует ни нормальной, ни патологической жизненной деятельности. «Клеточка, — указывал Р. Вирхов, — есть последний морфологический элемент всех живых тел, и мы не имеем права искать настоящей жизнедеятельности вне ее». Второе: клетки могут образовываться только из других клеток путем их деления («каждая клетка из клетки»), что обеспечивает непрерывный последовательный рост и развитие живых многоклеточных организмов.

Таким образом, к концу второй научной революции всеобщее признание получил взгляд на организм человека как соединение элементарных живых существ (клеток) — «клеточное государство», жизнедеятельность которого обеспечивается энергией, образующейся в результате разрушения в теле сложных органических веществ (белков, жиров, углеводов) под влиянием окислительной способности вдыхаемого кислорода.

По мере формирования этой системы взглядов существенно изменились и представления об устройстве и предназначении отдельных систем органов. Основным предназначением системы органов дыхания было признано обеспечение циркуляции воздуха и газообмена между поступающим в легкие воздухом и кровью. Суть газообмена состояла в

насыщении крови кислородом и удалении излишков углекислого газа. Под пищеварением стали понимать не механическую и термическую обработку пищи в желудке, а начинающийся уже во рту и завершающийся в кишечнике химический процесс расщепления крупных молекул белков, жиров и углеводов пищи на более мелкие, способные легко всасываться и поступать в кровяное русло (Э. Лейке, Т. Шванн, К. Бернар, Г. Бушарда, К. Сандра, Л. Корвизар, Ф. Фрерикс, Э. Горуп-Безанец). Основным предназначением мочевыделительной системы было признано выведение из крови не только излишков воды, но в первую очередь азотсодержащих продуктов распада белков (А. Фуркруа, Ю. Либих).

Сердечно-сосудистая система обеспечивала постоянное движение крови, благодаря которому последняя получала возможность насыщаться кислородом и органическими веществами, а также освобождаться от углекислоты (в легких) и продуктов распада белковых веществ (в почках). Сама кровь окончательно перестала рассматриваться как продукт переработки питательного сока. Было установлено, что она представляет собой сложный раствор, содержащий, во-первых, газы, органические и неорганические вещества, а во-вторых, собственные клетки и белки (Г. Андраль, А. Беккерель, Р. Вирхов, Э. Гоппе-Зейлер, К. Людвиг, И.М. Сеченов). Одним из важнейших предназначений собственных белков крови было признано поддержание целостности сосудистой системы за счет механизма тромбообразования (Р. Вирхов, А.А. Шмидт).

Значительные успехи были достигнуты и в изучении нервной системы, которая была признана основным фактором обеспечения единства человеческого организма. Благодаря сенсационным открытиям Ч. Белла (1811) и Ф. Мажанди (1822), обнаружившим функциональную специфичность нервных волокон (чувствительные и двигательные нервы), удалось получить прямые доказательства справедливости декартовской гипотезы о рефлексе как универсальном принципе функционирования нервной системы, обеспечивающем целесообразные ответные реакции организма на любые раздражения (М. Холл, 1832; И. Мюллер, 1833). Было показано, что разнообразие, комплексность и пластичность ответных реакций определяются не влиянием души, а сложнейшей комбинаторикой возможных переходов нервного возбуждения между множеством нервных клеток, «суммацией возбуждений» и центральным торможением (И.М. Сеченов, 1863).

Сложились представления о существовании в центральной нервной системе проводящих путей (белое вещество) и центров переключения нервного возбуждения с одних волокон на другие, представляющих собой

места скопления тел нервных клеток (серое вещество). Доказано, что нервные волокна представляют собой отростки нервных клеток (Р. Ремак, 1839). Установлена электрическая природа нервного возбуждения (Э. Дюбуа-Реймон, 1849), показан прерывистый импульсный характер «нервного электрического тока» (Л. Германн, 1867; Ю. Бернштейн, 1871) и измерена его скорость (Г. Гельмгольц, 1850). Раскрыты механизмы нервно-мышечных взаимодействий (К. Маттеуччи, Г. Гельмгольц, Ю. Либих, А. Фик, К. Фойт, Эрнст Вебер и др.). Заложены основы теории зрения и слуха (И. Мюллер, Г. Гельмгольц).

Наконец, в 50-70-е годы XIX в. были получены доказательства существования прямого влияния нервной системы на обмен веществ, тонус сосудов, силу и частоту сердечных сокращений, секреторную активность желез, деятельность желудочно-кишечного тракта, дыхательные движения, половые функции (А.-В. Фолькман, Эрнст Вебер, Эдуард Вебер, К. Бернар, К. Людвиг, Р. Вирхов, Р. Гейденгайн, Ф. Бецольд, И.Ф. Цион, Э. Пфлюгер, И. Чермак, К. Экхард, Ф. Керер, У. Герценштейн).

Пересмотр представлений о смерти и болезни также начался в первые годы XIX в. и был связан с исследованиями французского врача и естествоиспытателя М. Биша. В 1800 г. вышли в свет его знаменитые «Физиологические исследования о жизни и смерти». Они перевернули все прежние представления о смерти, считавшейся одномоментным актом отделения души от тела, прекращавшим жизнь и уничтожавшим вместе с нею и болезнь.

М. Биша на основании многочисленных наблюдений над телами гильотинированных убедительно доказал, что смерть это не одномоментный акт, а растянутый во времени процесс, причем процесс столь же естественный, как и жизнь, только направленный не на созидание, а на разрушение. Он установил, что процесс умирания «запускается» тремя возможными причинами — прекращением деятельности или сердца, или легких, или головного мозга — и приводит к возникновению серии последовательных и взаимосвязанных «частных смертей» в других органах и частях тела. Первыми разрушаются и прекращают функционировать структуры тела, «получающие наиболее активное питание» (центральная нервная система, слизистые оболочки), затем наступает очередь внутренних органов и, наконец, «смерть останавливает упорствующие потоки жизни» в сухожилиях и костях.

Этими открытиями М. Биша не просто развеял мрак смерти, который человечество щедро наполнило множеством мифологизированных страхов. Он вооружил врачей исследовательским методом, сыгравшим решающую

роль в радикальном пересмотре традиционных представлений о болезни.

Исследования М. Биша в области изучения механизмов наступления смерти сделали очевидным, что, во-первых, если провести вскрытие в течение нескольких часов после смерти пациента, то посмертные изменения еще не успеют развиться в такой мере, чтобы исказить картину морфологических повреждений, случившихся при жизни. Во-вторых, после того как М. Биша детально описал подавляющее большинство происходящих в теле посмертных изменений, у врачей появилась возможность точно определять, какие морфологические повреждения, обнаруживаемые на вскрытии, произошли вследствие болезни, а какие — уже после смерти. Наконец, в-третьих, «Физиологические исследования о жизни и смерти» наглядно показали, что в случаях наступления смерти от случайных, не связанных с болезнью причин, обнаруживаемая на вскрытии картина морфологических повреждений отражает не терминальную стадию болезни, а какой-либо из предшествующих ей этапов.

По мере пересмотра представлений об отдельных заболеваниях накапливались данные, свидетельствующие о том, что болезнь это «не бесчинствующее в теле бытие», а совокупность структурно-функциональных изменений самого организма. Первым об этом заявил Ф. Бруссе в 1816 г.: «Нет болезней в чистом виде, есть только крик болящих воспаленных органов... Рассуждать о вымышленных существах как о вредных силах, действующих на органы и оные изменяющих, производя в них то или иное расстройство, значит принимать действия за причины...»

Однако доказать это важнейшее для медицины положение и убедить врачебное сообщество в том, что ни при болезни, ни при излечении не возникает «сила, до того не существовавшая...»; что «то же вещество, которое является носителем жизни, есть и носитель болезни»; что законы физики и химии не отменяются болезнью, а «лишь проявляются иным образом, чем это происходит в жизни здоровой», удалось лишь в 50-е годы XIX в. благодаря усилиям Р. Вирхова.

Под влиянием его работ уже в конце 50 — начале 60-х годов XIX в. произошел полный и окончательный отказ от традиционных представлений о болезни как независимой природной сущности. Для подавляющего большинства врачей болезнь стала одной из форм жизни организма, состоящей в развитии под влиянием внешних факторов цепи последовательных взаимосвязанных структурно-функциональных изменений клеток (патологический процесс), в основе которых лежали те же физиологические закономерности, что и в здоровом организме.

Постепенное изменение представлений о болезни в целом и отдельных

заболеваниях в частности определило кардинальный пересмотр подходов к их диагностике. Поскольку отныне объектом диагностического исследования становились не абстрактные недоступные ощущения живые существа, а собственно больной, его организм, возникла потребность в принципиально новых приемах и методах, позволявших выявлять происходившие в организме изменения.

Первыми были разработаны и внедрены диагностические приемы, которые могли выявлять структурные изменения внутренних органов и частей тела, так называемые физические и инструментальные методы диагностики. Начало широкого внедрения физических методов диагностики относится к первому десятилетию XIX в. и связано с именем французского врача Ж. Корвизара, возродившего практически полностью забытые со времен Гиппократов методы пальпации и непосредственной аускультации (выслушивания) органов грудной клетки. В 1808 г. он также возродил и усовершенствовал метод перкуссии^[19], впервые открытый Л. Ауэнбруггером в 1761 г., но полностью отвергнутый современниками. В 1816–1819 гг. последовали выдающиеся работы ученика Ж. Корвизара Р. Лаэннека, определившие возникновение нового и чрезвычайно эффективного метода физической диагностики — опосредованной аускультации. Обнаружив феномен усиления «звуков сердца» при выслушивании его через полую трубку (стетоскоп), Р. Лаэннек на основании нескольких тысяч наблюдений выявил и детально охарактеризовал множество звуковых явлений в органах грудной полости, а затем на огромном клинко-анатомическом материале установил связь каждого обнаруженного им «патологического звука» с морфологическими изменениями в легких и сердце. Использование метода опосредованной аускультации в сочетании с перкуссией позволили уже в 30-40-е годы XIX в. обеспечить подлинный прорыв в диагностике заболеваний легких и сердца (Р. Лаэннек, Ж. Буйо, Й. Шкода).

Разработка методов инструментальной диагностики началась практически одновременно с возникновением методов физической диагностики. Первый прибор «для осмотра различных каналов и полостей человеческого тела» был изобретен Ф. Боццини (1805–1807). Далее были предложены «зеркало для маточных исследований» (Рекамье, 1818), «уретро-пузырное зеркало» (П. Сегалас, 1825) и гортанное зеркало (Б. Бабингтон, 1829). Однако эти приборы оказались далеки от совершенства и не получили распространения. Признание эндоскопии относится к 50-60-м годам XIX в. и связано с изобретением В. Крамером «ушной воронки» (1849); Г. Гельмгольцем — офтальмоскопа (1851); Л. Тюрком и И.

Чермаком — ларингоскопа и Дезормо — первого эндоскопа, обеспечивавшего достаточно яркое освещение мочеиспускательного канала и мочевого пузыря (1855). Изобретение эндоскопической техники обеспечило бурный прогресс в изучении заболеваний пищевода, желудка, мочевого пузыря и мочевыводящих путей, женских половых органов, органов слуха и зрения и во многом способствовало выделению офтальмологии, оториноларингологии, гинекологии и урологии в самостоятельные клинические дисциплины.

В 40-70-е годы XIX в. к физическим и инструментальным методам диагностики добавились методы, позволявшие выявлять не только структурные, но и функциональные изменения. Появление первой функционально-диагностической методики датируется 1844 г. и связано с именем английского врача Дж. Гетчинсона, который изобрел спирометр — аппарат, позволявший выявлять нарушения объемных и скоростных показателей внешнего дыхания. В 1854 г. К. фон Фирордтом был изобретен первый сфигмограф — прибор, позволявший осуществлять диагностику нарушений ритма сердца и изменений артериального давления. В 60-е — первой половине 70-х годов XIX в. функциональная диагностика пополнилась методиками термометрии и построения температурных кривых (Л. Траубе, Вундерлих), зондирования желудка и двенадцатиперстной кишки (А. Куссмауль, В. фон Лейбе, 1871–1872). Усилиями В. Эрба, А. Моссо, О. Розенбаха получили широкое распространение тестовые исследования, направленные на выявление нарушений отдельных функций нервной системы, получившие название «рефлексов» (сухожильные, кожные и др.). Одновременно с этим неотъемлемым компонентом врачебной работы в ведущих европейских клиниках и госпиталях становится и лабораторная диагностика: в клинических лабораториях выполнялись «общий анализ крови», «анализ мочи и мочевого осадка»; проводились исследования рвотных масс, желудочного сока, мокроты.

Внедрение во врачебную практику методов функциональной и лабораторной диагностики обеспечило дальнейший прогресс диагностики. Во-первых, с их помощью удалось обнаружить и описать новые заболевания и клинически значимые симптомы, такие, например, как гипертония и гипотония, лейкоцитоз, гастрит с повышенной и пониженной кислотностью и др. Во-вторых, благодаря этим методам диагностическое исследование обрело новое качество. В распоряжении врачей появилась возможность получать объективные данные не только о факте поражения того или иного органа, но и о степени утраты им «функциональной

способности», что в свою очередь открыло возможности для научно обоснованного прогноза развития заболевания, определения характера терапии и границ ее допустимости.

Революционный переворот в представлениях о болезни и бурный прогресс диагностики показали, что множество рвотных, слабительных, потогонных, мочегонных препаратов и обильные кровопускания, использовавшиеся для «изгнания» из организма чужеродных существ и служившие основными лечебными средствами «старой медицины», непригодны для целей излечения от большинства болезней. Поначалу это вызвало у врачей глубокое разочарование, достигшее масштабов терапевтического нигилизма. «Мы можем распознать, описать и понять болезнь, — прямо указывал один из крупнейших клиницистов 30-40-х годов XIX в. Й. Шкода, — но мы не должны даже мечтать о возможности повлиять на нее какими-либо средствами». Однако в дальнейшем именно ясное осознание необходимости отказа от терапевтических подходов и «лекарственных сокровищ» древности сыграло решающую роль в развертывании крупномасштабной реформы лечебного дела. Эта реформа началась в 40-60-е годы XIX в. и привела к появлению в арсенале врачей первых лекарственных препаратов, представлявших собой чистые химические вещества с известными фармакологическими свойствами, научно обоснованными дозировками и показаниями к применению.

Такое достижение стало результатом совместных усилий сначала химиков, выделивших из растительного сырья алкалоиды и разработавших методы получения синтетических соединений, обладающих физиологической активностью, а затем врачей, взявших на вооружение экспериментальный метод изучения фармакологических свойств этих веществ (Р. Бухгейм, О. Шмидеберг). Из числа созданных и внедренных в практику в период второй научной революции в медицине новых лекарственных препаратов наибольшее значение имели — морфий, хинин, кодеин, атропин, дигиталин, йод, йодоформ, хлоралгидрат, амилнитрит и нитроглицерин.

Особого упоминания заслуживает открытие (У. Мортон, 1846; Дж. Симпсон, 1847), всестороннее экспериментальное изучение (М.-Ж.-П. Флуранс, Дж. Сноу, Н.И. Пирогов) и внедрение во врачебную практику (Р. Листон, И. Диффенбах, Ф.И. Иноземцев, Н.И. Пирогов, Ж.-Ф. Мальген, Дж. Симпсон) общего ингаляционного наркоза на основе использования эфира и хлороформа. Широкое внедрение общего обезболивания оказало существенное влияние на развитие хирургии, позволив, во-первых, существенно уменьшить число смертных случаев от развития болевого

шока, а во-вторых, увеличить время проведения оперативных вмешательств, что в свою очередь способствовало повышению качества их выполнения.

В середине 70-х годов XIX в. возникли и получили признание качественно новые взгляды на фундаментальные основы жизнедеятельности человеческого организма в здоровом и больном состоянии, ознаменовавшие собой начало третьей научной революции в западной медицине.

Первым потрясением стали результаты экспериментальных исследований немецкого физиолога Э. Пфлюгера, выполненных им в 1872–1875 гг. и неопровержимо доказавших ошибочность сразу двух ключевых положений прежней системы представлений.

Во-первых, прижизненное разрушение органических веществ (углеводов, жиров, белков), обеспечивающее организму необходимую для жизни энергию, происходит не в результате прямого воздействия кислорода на эти вещества, т. е. не является прямым окислением или «медленным горением» (лягушки, помещенные Э. Пфлюгером в атмосферу чистого азота, могли существовать около 20 часов и выделяли при этом значительное количество углекислого газа). Во-вторых, местом протекания этих процессов является не кровь, а клетки, и разрушению подвергаются не поступающие в кровь органические вещества пищи, а собственное «живое вещество» клеток (лягушки, сосудистая система которых была тщательно промыта от крови и наполнена физиологическим раствором («солевые лягушки»), долгое время продолжали выделять нормальное количество углекислого газа).

Экспериментальные исследования Э. Пфлюгера заставили полностью переосмыслить весь накопленный к тому времени фактический материал, касавшийся изучения проблем жизнедеятельности. Ключевую роль в решении этой задачи сыграл крупнейший физиолог XIX столетия К. Бернар. В серии публикаций 1875–1878 гг. он высказал и обосновал принципиально новый взгляд на фундаментальные основы жизнедеятельности — «жизнь есть результат столкновения между внешним миром и организмом», состоящий из двух разнонаправленных процессов — разрушения (распада органических веществ клетки) и созидания (органического синтеза), протекающих в строго определенных физико-химических условиях.

К. Бернар полагал, что процесс распада органических веществ, обеспечивающий выделение энергии, протекает в протоплазме клеток и вызывается особыми белками самого организма — ферментами.

«Органическое созидание» состоит в восстановлении «разрушенных во время активной жизнедеятельности элементов тела» и, согласно высказанной им гипотезе, является результатом физиологической активности клеточных ядер, в которых синтезируются органические вещества, поступающие затем в протоплазму клетки для того, чтобы «вновь оказаться разрушенными».

Оба процесса были признаны им универсальными для всех форм живых существ, а возможность их осуществления поставлена в прямую зависимость от физико-химических условий среды, в которой находятся клетки. Применительно к организму человека роль такой среды К. Бернар отвел крови, лимфе и межтканевой жидкости, назвав их внутренней средой организма, а сохранение оптимальных для клеток физико-химических показателей этой среды — важнейшим условием «свободной жизни» и основной задачей всех без исключения систем органов.

Подобно А. Лавуазье, Э. Пфлюгер и К. Бернар обозначили программу научных исследований в области изучения фундаментальных основ жизнедеятельности на много лет вперед. Практическая реализация этой программы привела к множеству судьбоносных открытий, часть из которых была совершена уже в последней четверти XIX столетия.

Ряд крупных научных прорывов был совершен и в области изучения механизмов регуляции и поддержания постоянства физико-химических показателей внутренней среды организма.

Во-первых, в 1893–1898 гг. английский физиолог Дж. Ленгли открыл и детально описал принцип устройства и механизмы функционирования так называемой автономной (вегетативной) нервной системы. Дж. Ленгли выделил в ее составе два отдела (симпатический и парасимпатический), доказал их функциональный антагонизм и возможность самостоятельно осуществлять процессы регуляции физиологической активности подавляющего большинства внутренних органов и систем.

Во-вторых, экспериментальные исследования Н.И. Лунина (1881), Т. Кохера (1883), Д. Муррея (1891); Э. Шеффера (1894), Й. фон Меринга (1889), Ш. Броун-Секара (1889); И.П. Павлова (1897) показали существование принципиальной возможности не только нервной, но и гуморальной регуляции деятельности внутренних органов и показателей внутренней среды. На основании этих исследований была высказана гипотеза о существовании особых химических веществ, обладающих выраженной физиологической активностью, полностью подтвердившаяся уже в начале XX в. после открытия гормонов и витаминов.

Чрезвычайную эффективность механизмов нейрогуморальной

регуляции наглядно продемонстрировали экспериментальные исследования физиологии пищеварительной системы, выполненные научной группой под руководством русского физиолога И.П. Павлова. И.П. Павлов и его сотрудники установили основные закономерности функционирования главных пищеварительных желёз (слюнных, желудочных, дуоденальных, поджелудочной железы, печени), раскрыли механизмы их регуляции и впервые сформировали целостное представление о деятельности пищеварительного тракта как единой физиологической системе (1897).

Наконец, в-третьих, были обнаружены физиологические механизмы, обеспечивающие сохранение постоянства внутренней среды в условиях непосредственного воздействия на нее внешних «враждебных агентов», определившие впоследствии открытие еще одной системы органов человеческого организма — иммунной.

Этот важнейший научный прорыв стал итогом сразу нескольких выдающихся открытий, первое из которых было совершено еще на рубеже 50-60-х годов XIX в., но в условиях господства прежней системы представлений не получило признания среди врачей. Автором открытия стал французский естествоиспытатель Л. Пастер, представивший экспериментальные доказательства того, что брожение и гниение вызываются не кислородом воздуха или другими гниющими телами, как полагали химики и врачи, а являются прямым следствием жизнедеятельности мириадом микроорганизмов, чрезвычайно широко распространенных в природе.

Созданная Л. Пастером биологическая теория брожения и гниения встретила настолько резкие возражения со стороны ведущих врачей и естествоиспытателей Европы, что принять доводы Л. Пастера осмелились буквально единицы. Одним из них стал английский хирург Дж. Листер, который столь остро переживал факт гибели большинства прооперированных пациентов от гнойно-септических осложнений операционных ран, что был даже готов оставить врачебную профессию.

Опираясь на исследования Л. Пастера, Дж. Листер предпринял попытку разработки и внедрения принципиально нового метода лечения ран, ориентированного на исключение контакта микроорганизмов с биологическими жидкостями и тканями организма. Из трех использовавшихся Л. Пастером способов решения этой задачи — фильтрация воздуха, нагревание органических растворов и применение химических реагентов — Дж. Листер остановился на последнем. Основным «антимикробным» химическим реагентом Дж. Листер избрал карболовую кислоту (фенол) и поставил задачу так «окружить рану

карболовой кислотой», чтобы уже попавшие в нее «зародыши» были уничтожены, а «новые», находящиеся в воздухе, не имели возможности попасть в нее. Эффект от применения нового метода оказался поразительным: количество гнойно-септических осложнений сократилось на порядок.

Первые публикации Дж. Листера (1865,1867), содержавшие обоснование нового метода лечения и полученные им результаты, были встречены большинством коллег откровенно враждебно. Однако после того как в первой половине 70-х годов XIX в. ряд ведущих хирургов (Р. Фолькман, К. Тирш, Э. Бергман, Ж. Пеан), следуя методике Листера, свели в своих клиниках гнойно-септические осложнения операционных ран практически к нулю, новый метод, названный «листеризмом», завоевал всеобщее признание.

Успех листеризма заставил врачебное сообщество обратить самое пристальное внимание на мир микроорганизмов, который в одночасье превратился в один из важнейших факторов влияния на здоровье человека. Возникло обоснованное предположение, что не только гниение ран, но и многие эпидемические болезни (считавшиеся «болезнями гниения») могут быть следствием воздействия микробов.

В 1876–1882 гг. главным образом усилиями немецкого врача Р. Коха, считающегося наряду с Л. Пастером основоположником бактериологии, был разработан точный метод выявления и идентификации «специфических живых возбудителей», позволивший уже в последней четверти XIX в. установить инфекционную природу целого ряда болезней человека и животных. В частности, было неопровержимо доказано, что микроорганизмы являются причиной возникновения проказы (Г. Хансен, 1874), сибирской язвы (Р. Кох, 1876), рожи (Р. Кох, 1878; Ф. Леффлер, 1881; Л. Пастер и Л. Тюилье, 1882), гонореи (А. Нейссер, 1879), куриной холеры (Л. Пастер, 1880), брюшного тифа (К. Эберт, 1881), туберкулеза (Р. Кох, 1882), азиатской холеры (Р. Кох, 1883), сапа (Ф. Леффлер, В. Шутц, 1882), дифтерии (Т. Клебс, Ф. Леффлер, 1883), столбняка (Н.Д. Монастырский, 1883, А. Николайер, 1884; Китасато, 1890), мягкого шанкра (О.В. Петтерсен, 1887) и др.

Было также показано, что наиболее частой причиной возникновения воспаления легких, сепсиса (гноекровия), гнойных абсцессов, остеомиелита является стафилококк (Л. Пастер, Р. Кох). Кроме бактерий, в качестве возможных возбудителей болезней человека были признаны также грибы, простейшие (амебная дизентерия — Ф.А. Леш, 1875; малярийный плазмодий — А. Лаверан, 1880) и вирусы (Леффлер, 1898), впервые

открытые в 1892 г. российским исследователем Д.И. Ивановским.

Чем больше обнаруживали специфических возбудителей смертельно опасных заболеваний человека, тем очевиднее становился вопрос о том, что «организм человека и животных обладает какой-то способностью бороться с ними, так как иначе весь род человеческий давно должен был бы вымереть» (И.И. Мечников, 1883).

Попытки дать строгое естественнонаучное объяснение этой «способности», получившей название невосприимчивости или иммунитета, привели к накоплению множества фактов, позволивших уже в 80-90-х годах разработать сразу четыре теории иммунитета. Две из них — теория «истощения» Л. Пастера (1883) и теория «прибавочной субстанции» О. Шово (1888) почти сразу же оказались полностью опровергнутыми, а две другие — клеточная и гуморальная, напротив, завоевали множество сторонников.

В основе клеточной теории, впервые высказанной российским ученым И.И. Мечниковым в 1883 г., лежало совершенное им же годом ранее открытие особых клеток (фагоцитов), обладающих свойствами обнаруживать проникающие в организм чужеродные «агенты внешней среды», захватывать их, а затем переваривать в своей протоплазме. Фундаментом гуморальной теории послужили работы Ф. Леффлера и Э. Ру, 1887; Э. Беринга, 1890; Г. Бухнера, 1889; П. Эрлиха, 1891; В.И. Исаева и Р. Пфейффера, 1894; Л. Дейча, 1899; Ж. Борде, убедительно доказавшие существование в крови невосприимчивых организмов особых белков (антител и комплемента), способных вступать в физико-химическое взаимодействие с микробами и продуктами их жизнедеятельности (антигенами) и уничтожать (склеивать, осаждать) их.

На протяжении последней четверти XIX в. создатели и сторонники обеих теорий вели непримиримую борьбу друг с другом. Однако уже в начале XX в. было показано, что клеточные и гуморальные реакции иммунитета не исключают, а дополняют друг друга, являясь важнейшими механизмами функционирования иммунной системы, обеспечивающей защиту внутренней среды организма от неблагоприятных влияний различных факторов окружающей среды.

Практически одновременно с возникновением учения об иммунитете развернулись и процессы пересмотра представлений о болезни. Ключевую роль в этом сыграло опровержение И.И. Мечниковым существовавших взглядов на воспаление как прямое последствие воздействия болезнетворного агента на клетки и ткани организма, запускающего цепь структурно-функциональных изменений в этих клетках и тканях. В 1892 г.

он представил неопровержимые фактические доказательства того, что увеличение питания и размножения клеток (теория Р. Вирхова), а также повышение проницаемости сосудистой стенки (теория Ю. Конгейма) не являются первичными звеньями развития воспалительной реакции. Многочисленные экспериментальные и сравнительно-анатомические исследования И.И. Мечникова позволили установить, что «существенный и первичный элемент типичного воспаления состоит в активной реакции фагоцитов против вредных деятелей» и, таким образом, воспаление следует считать ответной защитной реакцией самого организма на воздействие болезнетворных агентов.

Поскольку на тот момент воспаление считалось самым распространенным «болезненным процессом», встречающимся при подавляющем большинстве известных заболеваний, то изменение взглядов на сущность воспаления автоматически повлекло за собой и возникновение новых представлений о болезни. Начиная со второй половины 90-х годов XIX в., болезнь начала рассматриваться большинством врачей не просто как цепь последовательных структурно-функциональных изменений в клетках и тканях организма, а, прежде всего, как целесообразная защитная реакция организма «по отношению к болезнетворному агенту». Такой взгляд на болезнь полностью объяснял, почему в основе патологических процессов лежат сугубо физиологические механизмы, и возрождал высказанный еще Гиппократом тезис о том, что лечит Природа, а главная задача врача должна состоять в оказании ей максимально возможной посильной помощи.

* * *

Вся совокупность перечисленных выше открытий, совершенных в медицине в последней четверти XIX в., имела два важнейших последствия. Во-первых, эти открытия заложили основы формирования принципиально новой системы представлений о фундаментальных основах жизнедеятельности — нового типа научной рациональности, характеризующего третью научную революцию в медицине. Стало полностью очевидным, что организм человека это не просто совокупность множества клеток («клеточное государство»), а сложнейшая саморегулирующаяся биологическая система, обладающая относительно высокой устойчивостью к внешним возмущениям благодаря наличию множества защитно-приспособительных механизмов сохранения своей

специфичности в изменяющихся условиях окружающей среды.

Во-вторых, открытия последней четверти XIX в. позволили добиться сразу нескольких крупных прорывов в диагностике, лечении и профилактике.

Так, широкое внедрение разработанного Дж. Листером противомикробного метода лечения ран обеспечило колоссальный прогресс лечебного дела. Поскольку операционные раны перестали представлять смертельную угрозу, чрезвычайно расширилась область применения хирургического метода лечения. В последней четверти XIX в., главным образом усилиями Т. Бильрота и Т. Кохера, возникла и получила стремительное развитие полостная хирургия. Были разработаны и успешно внедрены десятки новых гинекологических, урологических, акушерских, ортопедических, нейрохирургических операций; операций на пищеводе, желудке, кишечнике, гортани, щитовидной железе, легких, создавших необходимые условия для выздоровления тысячам пациентов с прежде неизлечимыми болезнями. В 90-е годы XIX в. оперативные вмешательства становятся основным методом оказания медицинской помощи при таких заболеваниях, как аппендицит, желчнокаменная болезнь, традиционно лечившихся исключительно терапевтами.

Флоренс Найтингейл

Имя англичанки Флоренс Найтингейл (1820–1910) заслуживает не меньшей славы, чем имена самых великих полководцев. Их победы стоили многих человеческих жизней, а ее скромная деятельность спасла от смерти десятки тысяч и потенциально — сотни тысяч людей. Большую часть своей жизни Ф. Найтингейл посвятила борьбе за реформу системы медицинского обслуживания в английской армии и превращению службы медицинских сестер в серьезную уважаемую профессию. Ею был разработан свой метод ухода за больными в госпиталях и больничных стационарах, который при абсолютной простоте и дешевизне давал удивительный положительный эффект. Найтингейл считала, что следует строго соблюдать чистоту в палатах, регулярно проветривать помещения, наладить режим питания, полностью изолировать заразных больных, исключив на определенный период их контакты с незаразными пациентами и здоровыми людьми. Необходимо было также подробно

расспрашивать больных об их самочувствии и записывать все их жалобы. Сегодня кажется невероятным, что эти элементарные вещи не знала медицинская практика самой передовой и развитой страны мира середины XIX в. Все это Ф. Найтингейл, в начале 1850-х годов управляющая небольшой частной больницей в Лондоне, использовала в своей деятельности в период Крымской войны: она ухаживала за ранеными английскими солдатами в турецком Скутари, затем в Крыму. Благодаря жесткой борьбе всеми средствами с антисанитарией в госпиталях и пристальному вниманию к состоянию каждого раненого смертность в госпиталях сократилась в десятки раз.

По завершении войны целью Ф. Найтингейл стало создание сети школ для подготовки профессиональных медицинских сестер и сиделок и распространение своей методики ухода за больными по всей Британии. В 1860 г. она открыла в Лондоне при госпитале св. Фомы первое в мире училище по подготовке медицинских сестер.

Ф. Найтингейл, обладавшая к тому же и прекрасными математическими способностями, первой в мире стала собирать статистику ранений, смертей в бою, гибели в госпиталях, в том числе от ран и от болезней. При этом она использовала более наглядный новаторский способ графической подачи информации. Статистические данные, снабженные таблицами и диаграммами (именно Найтингейл придумала полярные диаграммы, на которых изображаемые статистические величины пропорциональны площадям секторов в круге), были в 1858 г. опубликованы в ее книге «Заметки по вопросам, касающимся охраны здоровья, эффективных мер и управления госпиталями в английской армии». Она сумела обратить на эти подсчеты внимание королевы Виктории и принца Альберта, а также премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона. В результате была учреждена Королевская военно-медицинская комиссия, по итогам работы которой в Великобритании в конце 1850-х годов была проведена реорганизация системы сбора медицинских статистических данных, разработан военно-санитарный кодекс и открыто военно-медицинское училище. В начале 1860-х годов на основе данных Ф. Найтингейл о состоянии санитарных условий, заболеваемости и смертности английских солдат в Индии была проведена санитарная реформа.

И уже в 1873 г. статистические исследования Ф. Найтингейл, считавшей необходимым ввести обучение статистике в программу высших учебных заведений, констатировали сокращение смертности среди английских солдат в Индии с 69 до 18 человек на тысячу.

В 1883 г. Ф. Найтингейл была награждена Королевским Красным крестом, а в 1907 г. — стала первой женщиной Британии, получившей орден «За заслуги». В 1912 г. Лига Международного Красного Креста и Красного полумесяца учредила медаль имени Флоренс Найтингейл. Это самая высшая награда для сестер милосердия во всем мире.

Флоренс Найтингейл. Ок. 1860 г.

После обнаружения способности карболовой кислоты (фенола) оказывать не только противомикробное, но и жаропонижающее действие, путем химических модификаций молекулы фенола были получены и внедрены в практику первые эффективные жаропонижающие лекарственные средства для внутреннего применения — амидопирин

(1881), антипирин (1883), фенацетин (1887), парацетамол (1887) и аспирин (1893).

Возникновение представлений о чрезвычайной важности постоянства физико-химических показателей внутренней среды привело к созданию английским врачом С. Рингером в 1880 г. особого раствора, содержащего различные неорганические соли в пропорциях, аналогичных пропорциям крови. Этот раствор, получивший название сложного физиологического раствора, сразу же завоевал широчайшую популярность как единственное на тот момент эффективное средство спасения жизни пациентов при обезвоживании (длительная рвота, диарея), острых кровопотерях, ожогах и обморожениях.

Обнаружение возбудителей целого ряда заболеваний и раскрытие механизмов иммунитета создали необходимые условия для разработки и внедрения средств и методов специальной диагностики, лечения и профилактики.

В сфере диагностики был разработан метод распознавания заболеваний человека и животных, основанный на способности антител сыворотки крови специфически реагировать с соответствующими антигенами (серодиагностика). В конце XIX в. получили признание серологические методы лабораторной диагностики сыпного тифа (Ж. Видадь, 1896) и бруцеллеза (А. Райт, Д. Семпл, 1897).

В области лечения и профилактики возникли и получили широкое распространение методы создания активного (вакцинация) и пассивного (серотерапия, серопротектика) иммунитета против инфекционных болезней.

Вакцинация была впервые предложена еще в конце XVIII столетия Э. Дженнером для профилактики заболевания натуральной оспы путем прививания безопасной для человека коровьей оспы. Однако возможности этого метода ограничивались лишь одним заболеванием, поскольку сам метод был основан на случайности, заключающейся в существовании в природе двух родственных болезней разной силы — натуральной и коровьей оспы. Разработка научных основ вакцинации и получение вакцин против других инфекционных болезней стали возможными лишь благодаря работам Л. Пастера, предложившего в начале 80-х годов XIX в. методику целенаправленного ослабления болезнетворности возбудителей. В 1881 г. ему удалось получить вакцину против сибирской язвы, а в 1885 г. — вакцину против бешенства.

Серотерапия и серопротектика обязаны своему появлению Э. Берингу, получившему в начале 90-х годов путем иммунизации животных

антитоксические сыворотки, содержащие антитела, способные уничтожать соответствующие микроорганизмы и токсины. В 1890 г. им (совместно с С. Китасато) была получена противостолбнячная сыворотка, а в 1892 г. — сыворотка для лечения токсической формы дифтерии, спасшие уже в конце XIX в. тысячи жизней.

Существенного прогресса удалось добиться и в сфере общественной профилактики. Внедрение бактериологических методов в практику гигиенических исследований привело к появлению строгих критериев оценки качества дезинфицирующих средств и дезинфекционных мероприятий, что в свою очередь позволило превратить дезинфекцию из номинального в реально действенный инструмент предупреждения инфекционных заболеваний.

В недрах гигиены сложилось особое направление научных исследований, связанное с выявлением механизмов заражения и путей передачи возбудителей инфекционных болезней — эпидемиология. Р. Кох представил бесспорные доказательства водного пути передачи холеры, брюшного тифа и ряда других кишечных инфекций. Шотландский врач и паразитолог Р. Росс обнаружил переносчика возбудителя малярии — малярийного комара (1897). Американские исследователи У. Рид, А. Аграмонт, Дж. Кэрролл и Дж. Лазеар установили комара — переносчика возбудителя желтой лихорадки (1900). Эти открытия позволили разработать и внедрить по-настоящему эффективные методы профилактики указанных заболеваний — очистку воды (холера, брюшной тиф) и уничтожение личинок комаров (малярия, желтая лихорадка).

За исследования, выполненные в последней четверти XIX в., Нобелевской премии были удостоены Э. Беринг за работы по серотерапии (1901), Р. Росс за работы по малярии (1902), Э. Фишер за эксперименты по синтезу веществ (1902), И.П. Павлов за труды по физиологии кровообращения и пищеварения (1904), Р. Кох за открытия, касающиеся лечения туберкулеза (1905), А. Лаверан за исследование роли простейших в заболеваниях человека (1907), И.И. Мечников и П. Эрлих за труды по иммунитету (1908), Т. Кохер за работы в области физиологии, патологии и хирургии щитовидной железы (1909).

Перечисленные успехи, прежде всего в области лечения и профилактики, настолько увеличили конкурентное преимущество западной медицины, что в ряде государств (Китай, Япония, Корея и др.) традиционные медицинские системы были поставлены вне закона, исповедовавшие традиционные представления врачи объявлены шарлатанами, а западная медицина на рубеже XIX-XX вв. окончательно

завоевала глобальное мировое господство.

Религия и церковь

В мире религий в XIX в. произошли важные изменения, которые позволяют считать это столетие одной из самых динамичных и судьбоносных эпох конфессиональной истории: она продемонстрировала, что сфера религии, несмотря на присущий ей консерватизм и традиционность, способна откликаться на ускоряющиеся изменения в обществе и порождать новые социальные эффекты.

Наиболее значимая область взаимодействия религиозного и светского начал — определение ценностных ориентиров (аксиологическая сфера). На протяжении тысячелетий религия задавала вертикаль сверхценностей для общества и индивида, обеспечивая стабильность социума и психологическую устойчивость личности. В XIX в. происходят крупные культурные и цивилизационные сдвиги и берут начало многие мощные современные процессы, меняющие не только конфессиональную «расстановку сил», но и политическую карту мира.

Значимые перемены коснулись как взаимоотношений между конфессиями или между церковными и государственно-общественными институтами, так и внутриконфессиональной жизни.

Несмотря на цивилизационные различия и географическую разобщенность носителей различных вероисповеданий, можно отчетливо выявить общие тенденции, проявившиеся в самых разных религиозных ареалах. В частности, меняется соотношение между светской и религиозной культурой. Трансформируется и роль религии в политической и государственной практике, причем, вопреки расхожей точки зрения, речь идет не просто о линейном снижении влияния и общественного веса религии. Продолжают жить и даже получают новую идейную подпитку старые теократические утопии; в то же время на стыке веры и новых социальных явлений рождаются такие феномены, как христианский социализм, панисламизм, религиозный сионизм.

Другими общими тенденциями становятся глобализация религиозной жизни человечества (связанная, среди прочего, и с возросшим обменом информацией в масштабах всей планеты) и движение в течение всего столетия в сторону межконфессионального диалога и экуменизма. Сложные процессы внутренней консолидации идут во многих нехристианских конфессиях. Ради сохранения собственной религиозно-культурной идентичности здесь даже пытаются порой взять на вооружение

опыт Запада, творчески его переосмыслив. В духовных ареалах восточных религий происходит выстраивание структур, аналогичных догматическим и каноническим системам христианских Церквей.

Богословие и церковная идеология активно откликаются на новые социально-экономические и политические реалии, ищут новые формы проповеди и влияния на государственно-общественные дела. Традиция перестает быть безусловным приоритетом, а в религиозном дискурсе нарастает тенденция к рационализации (в сфере богословия, обрядности, канонического управления, церковного искусства и даже мистической практики).

Начинается плодотворный с точки зрения истории и перспектив человеческой мысли диалог между религией и наукой; конфессии творчески осваивают достижения эмпирических исследований и стремятся использовать их для доказательства истинности основных своих догматов. Данный процесс, начавшийся на Западе преимущественно в протестантской и отчасти в католической среде, очень скоро начал распространяться на Восток, охватывая мусульманский и буддийский мир. Другим аспектом отмеченного явления стало появление науки о религии, научного религиоведения — сначала в форме историко-религиозных исследований, а затем как комплексной гуманитарной дисциплины.

Зыбкое равновесие религиозного и светского начал, сложившееся в западной культуре со времен позднего Средневековья и Ренессанса, не выдержало испытаний XIX столетия. Эпоха Французской революции и наполеоновских войн открыла качественно новый этап эмансипации общественной жизни, права, литературы, искусства и повседневности. Прежняя модель отношений светского и духовного стала ассоциироваться со Старым порядком, бесперспективность возврата к которому была очевидна не только для деятелей либерального толка, но и для многих консерваторов и даже «реакционных романтиков». Применительно к западному миру снижение роли религии в различных сферах жизни общества (культурной, образовательной, правовой, в бытовой повседневности) обозначается термином «секуляризация». При этом в отдельных регионах в первой половине XIX в. могли сохраняться пережитки средневековых практик (так, последние аутодафе состоялись в Мехико в 1815 г., в испанской Валенсии — в 1826 г.).

В XIX в. постепенно происходит переход от традиционно «охранительной» миссии религии к диалогу с современностью (он наиболее четко прослеживается на примере протестантских церквей, менее выражен этот переход в католицизме и православии). Религиозное наследие

в новых условиях все чаще начинает осмысливаться как идеологическое, наступательное оружие. Системы социально-политических воззрений рождаются подчас на теологической основе или включают в себя религиозные компоненты. В качестве примеров назовем христианско-социалистические учения порвавшего с католической церковью аббата Фелисите-Робера де Ламенне (1782–1854) и англиканского каноника Ч. Кингсли (1819–1875), религиозную составляющую политической философии «отцов консерватизма» Жозефа де Местра (1753–1821), Луи де Бональда (1754–1840). Велика роль религиозного фактора в появлении «национализмов» (например, ирландского), в борьбе против колонизаторов и национального порабощения (махдистское движение и «государство Махди» в Судане в 1881–1898 гг.; восстание тайпинов под знаменем «китаизированного» христианства и тайпинское Небесное царство в 1850–1864 гг.). Религия по-прежнему могла использоваться как предлог во внешней политике великих держав — здесь ярким примером служит Крымская война (1853–1856), формальным поводом к которой стал спор из-за хранения ключей от базилики Рождества Христова в Вифлееме.

Ранее в отечественной историографии считалось, что религиозные лозунги в национальной и социальной борьбе не отражали глубинной сущности движений. Сегодня многие исследователи склонны рассматривать религиозную составляющую как самостоятельный и важный фактор массовых форм социальной активности. Особого внимания заслуживает и такой аспект проблемы, как влияние религиозных идей на формирование идеологии и практики европейского империализма.

В конфессиональном мире в рассматриваемую нами эпоху усилились разновекторные процессы. С одной стороны, в рамках практически каждого из крупных религиозных миров возникали свои «ереси» и «расколы», обусловленные и духовными поисками, и внешними (политическими, социальными, экономическими) причинами. Происходило, как, впрочем, и всегда в конфессиональной истории, размежевание богословских школ, церквей, религиозных групп. В то же время на протяжении всего столетия нарастало стремление к объединению, согласованию и «уподоблению» различных конфессий и даже нахождение неких общерелигиозных постулатов, способных выступать «точками опоры» в современном мире для верующих разных традиций. Наиболее ярким выражением данной тенденции стал Всемирный парламент религий, работавший в сентябре 1893 г. в Чикаго. Примечательно, что форум открылся в ходе Всемирной выставки — это лишний раз свидетельствует о связи процессов глобализации (в ее ранней стадии формирования мирового

рынка) и религиозно-культурной интеграции.

Хотя институционально оформленный экуменизм является феноменом XX в., можно с уверенностью заключить, что на протяжении всего предшествующего столетия шло нарастание экуменических тенденций как внутри христианского мира, так и в контексте межрелигиозного диалога. Стремление к взаимопониманию и сближению различных духовных традиций находилось в полном соответствии с основным гуманитарным посылом эпохи — поиском «вселенского», универсального.

При этом идейная мотивация экуменических деклараций предельно широка: от прогрессистско-либеральной до жестко традиционалистской. Идеи, близкие к экуменическим, могли высказывать не только философы демократической и даже радикальной, революционной ориентации, но и крайне консервативные романтики (Жозеф де Местр) и «охранители» (К.Н. Леонтьев). Первые подчеркивали освобождающий, раскрепощающий пафос «христианства как такового», вне церковных различий; вторые мечтали о сотрудничестве всех живых религиозных сил в борьбе против либерального «духа времени». Вполне допустимо, таким образом, говорить об «экуменизме слева» и «экуменизме справа» — хотя существовали и проекты, не вписывающиеся в эту типологию (например, идея русского философа В.С. Соловьева (1854–1900) об эсхатологически ориентированном единении всех христиан под духовным водительством Римского Папы и светским покровительством российского императора).

Универсальность и неоднозначность экуменических тенденций состоит в том, что они проявляются на церковном и на «внецерковном» или даже «антицерковном» уровне. Параллельно с развитием канонически выдержанного диалога симпатизирующих друг другу Церквей (например, контактов православных со старокатоликами, англиканами) происходит создание филантропических, просветительских, мистико-философских объединений, порой весьма критически настроенных по отношению к традиционным сообществам (созданное под влиянием идей Е.Н. Блавацкой (1831–1891) Теософское общество, Нью-Йорк, 1875).

В нехристианском мире борьба за выявление общих для той или иной религии ценностей и вероучительных положений означала консолидацию представителей этой религии перед лицом вызовов эпохи — прежде всего, активной идейно-духовной экспансии Запада, воспринимаемой в контексте его империалистической и колониальной политики. На повестку дня ставится вопрос о консолидации конфессий, не имевших прежде четкой системы догматов и организационных структур, об утверждении канона священных писаний и т. п. Эти объединительные процессы порой носят

реформаторский характер (создание индуистских объединений Брахмо-самадж, 1828; Арья-самадж, 1875) или же «вписываются» в традиционную деятельность духовенства (V Всебуддийский — тхеравадинский — собор в Мандалае в 1871 г.; движение за сближение школ шариатского права — мазхабов — в исламе), а порой и иницируются государством (появление «государственного синтоизма» в Японии).

Характерной чертой XIX в. является утверждение безусловного авторитета науки в западных и во многих незападных обществах. Усиление ценностной роли *разума* не могло не затронуть и религиозную сферу. К разуму, к логике, к научному мышлению, к просвещенной мысли апеллируют как критики, так и апологеты веры. Рациональная тенденция становится господствующей в протестантской теологии — лидирующем направлении христианской исследовательской мысли. Одним из следствий этого становятся такие проекты, как «библейская критика» и «поиски исторического Иисуса».

Богословская мысль активно осваивает достижения позитивистской науки. Если в Средневековье и раннее Новое время от провозглашаемых наукой принципов «отшатывались», а порой и агрессивно их отвергали, то в XIX в. стремились осмыслить результаты научных изысканий, согласовать их с истинами веры, вписать в общую религиозную картину мира (для чего требуется трансформация и расширение рамок последней). Даже «оборонительные» интеллектуальные стратегии (некоторые варианты креационизма) начинают активно использовать научную терминологию, категориальный аппарат.

Примером творчески продуктивного столкновения научного и религиозного мышления являются споры, развернувшиеся в XIX в. вокруг интерпретации данных о развитии биосферы. С представлением о неизменности животного мира земли было окончательно покончено благодаря открытиям французского естествоиспытателя, протестанта по вероисповеданию Жоржа Кювье (1769–1832) — основателя палеонтологии. Он доказывал, что ископаемые останки животных и растений — свидетельства древних геологических периодов, каждый из которых имел свою флору и фауну и заканчивался катастрофой планетарного масштаба, после которой новый органический мир возникал благодаря новому Божественному творческому акту. Переворот в биологии связан с именем британского натуралиста Чарльза Дарвина (1809–1882). Представленная им в 1858 г. теория происхождения видов путем естественного отбора была воспринята антиклерикально и либерально настроенной общественностью как атеистическая, не допускающая существования разумного Творца.

Между тем труд Дарвина «Происхождение видов» завершается пассажем, выдержанным в духе деизма (Творец первоначально вдохнул жизнь в одну или ограниченное число форм, а из этого развилось и продолжает развиваться изумительное многообразие живой природы); в конце жизни ученый перешел на агностические позиции. Немало христиан увидели в эволюционной теории не атеистический манифест, а подтверждение божественных мудрости и всемогущества. В XX в. о том, что теория эволюции не противоречит христианскому мировоззрению, размышляли и писали такие естествоиспытатели, как Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), Франсиско Айала (род. в 1934 г.) и др. Известный генетик, один из разработчиков синтетической теории эволюции Ф.Г. Добжанский (1900–1975) назвал эволюцию «методом творения».

Научное религиоведение

Важным фактором отношений науки и религии становится оформление религиоведения как самостоятельной сферы гуманитарного познания, как системы научных стратегий. В XIX в. формируются история религии (Макс Мюллер и др.), социология религии (Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер), психология религии (Уильям Джеймс и др.). Впервые необходимым условием эффективного исследования признается комплексное, сопоставительное изучение религиозных феноменов («Кто знает одну религию — не знает ни одной», — утверждал Макс Мюллер). Этнологические и антропологические практики, отделяясь от традиционной миссионерской или чисто описательной этнографии, создают основу культурно-антропологического подхода в исследовании религии. Активно продвигается вперед текстология, научная герменевтика священных текстов.

Становление научного религиоведения проходило в русле теологической традиции (преимущественно протестантской), а первые религиоведческие центры возникали при теологических факультетах и семинариях. Так, Тюбингенская школа (признанным главой ее был Фердинанд Кристиан Баур, 1792–1860), впервые начавшая активно проводить историко-критическое исследование Библии, сформировалась в стенах евангелически-лютеранской семинарии при Тюбингенском

университете. С системой и интеллектуальным стилем протестантского богословия связаны и последующие этапы развития научной библеистики и новозаветной критики: «поиск исторического Иисуса», «открытый» книгой Давида Штрауса (1808–1874) «Жизнь Иисуса, критически исследованная» (1835); деятельность «Школы истории религий», возникшей в Геттингене на рубеже 1880-1890-х годов.

В рассматриваемый период продолжали изменяться границы религиозных ареалов (как результат миссионерской деятельности, политической экспансии, социально-экономических и демографических трансформаций). Католические и протестантские миссионеры активно работали среди последователей традиционных политеистических верований в Северной и Латинской Америке, в Африке южнее Сахары, в Австралии и Океании. Менее активно, в силу политических препятствий и «конкуренции» со стороны развитых местных религий, христианская проповедь распространялась в Индии, Китае и Японии. Российская православная церковь — единственная из православных церквей, проводившая миссионерскую деятельность, — сумела достичь больших успехов среди аборигенов Северной Азии (особенно в Западной Сибири, на Алтае, в Хакасии, в Якутии), а также на Аляске и близких к ней островах. В конце века начали развиваться русские православные миссии в Японии и среди ассирийцев-несториан в районе Урмии (Северо-Западный Иран).

«Просвещенный век», к сожалению, не исключил «религиозный геноцид» как фактор геополитической борьбы. Гонениям, вплоть до тотального истребления, подвергались группы христиан в Японии (до 1873 г.) и Китае (в ходе движения ихэтуаней 1898–1901 гг.), буддисты в Кульджинском крае, Джунгарии и Семиречье (в ходе антикитайского восстания местных мусульман — дунган и уйгуров — в 1863–1864 гг.), последователи армяно-григорианской и православной церквей на Балканах и в Сирии («дамасская резня» 1860 г.). Во многих странах малые этноконфессиональные группы («кафиры» Нуристана, «гебры» в Иране и др.) могли рассчитывать лишь на зыбкую перспективу покровительства со стороны зарубежных держав.

Православный мир вступил в XIX в. разделенным геополитически. Лишь одна из православных стран, Россия, была полностью суверенным субъектом международной политики. На православном Востоке национальные церкви находились под гнетом иноверной мусульманской власти. При этом парадоксальным образом российская православная

церковь, считавшаяся по закону «господствующей», после Петра I была лишена внутренней свободы и самостоятельности и поставлена в зависимое положение по отношению к государству. Управлял ею неканонический духовно-светский орган — Святейший Правительствующий Синод, подчиненный императору, воля которого транслировалась через особого чиновника — обер-прокурора.

В Османской империи православные были стеснены в гражданских правах, но во внутренние дела церкви, в вопросы веры и канонического устройства турецкая власть предпочитала, за редким исключением, не вмешиваться. Константинопольский патриарх именовался «этнархом» или «миллет-баши» (дословно — «главой нации», поскольку в османской политической философии подданные одной веры составляли одну гражданскую нацию). Это обеспечивало патриарху немалые властные prerogatives, но и делало фактически заложником лояльности своих единоверцев: так, патриарх Григорий V в 1821 г., в первый день Пасхи, был обвинен в содействии восставшим грекам и после истязаний повешен. Основопологающие для реформ танзимата Гюльханейский хатт-и шериф (1839) и хатт-и хумаюн (1856) утвердили равенство подданных султана всех конфессий, однако на практике законы постоянно нарушались, и любое обострение политического положения могло привести к антихристианским погромам.

В XIX в. многие поместные православные церкви обрели каноническую самостоятельность, что было связано со становлением новых государств и с национально-культурным возрождением в балканских и ближневосточных странах. Формирование современного православного мира как «конфедеративного» единства Церквей проходило в непростых политических, экономических, социально-психологических условиях и порой даже было болезненным (так называемая «греко-болгарская распря» в 1870-х годах, возникшая из-за нежелания Константинопольского патриархата признать церковную независимость Болгарии). Тем не менее можно констатировать, что к концу столетия были заложены основы православной «Плиромы» («Полноты») — вселенского содружества автокефальных (т. е. «самовозглавляемых») Церквей, определены многие базовые принципы взаимоотношений братских Церквей и экуменического диалога.

В поиске ответов на вызовы времени началось возрождение православной мысли. Вели с последней четверти XVIII в. были оживлены традиции мистико-аскетической практики («умного делания») и старчества (их центрами стали, в частности, Нямецкий монастырь в Румынии,

Саровская и Оптиная пустыни в России), то к концу столетия сформировалась вполне самобытная светская линия русского православного философствования. Важным стимулом развития православного богословия, церковной публицистики, историко-церковной науки стал перевод Библии со славянского (церковно-славянского) на русский язык (окончательно завершён в 1876 г.). Большую роль в возрождении духовного просвещения в Константинопольской церкви сыграло открытие богословского училища на острове Халки в 1844 г. Огромное значение для всего православного мира имела духовная деятельность «монашеской республики» — обителей Святой Горы Афон (кстати, греческий п-ов Халкидики, к которому прилегает Афон, вплоть до 1912 г. оставался территорией Османской империи).

История русской церкви в XIX столетии во многом определялась политикой правительства и потому неотделима от перипетий государственного курса. Либерально-мистическая линия обер-прокурора А.Н. Голицына (1803–1816) в эпоху Александра I, консервативная политика обер-прокурора Н.А. Протасова (1836–1855) при Николае I, попытка «подморозить Россию» с использованием ресурсов церкви, предпринятая обер-прокурором К.П. Победоносцевым (1880–1905), — идейные истоки всех этих стратегий по отношению к церкви были внешними. Однако среди российских высших иерархов в тот период мы встречаем также немало сильных и самостоятельных деятелей: митрополит Платон (Левшин, 1737–1812) — автор первого научно-критического исследования по истории русской церкви, сыгравший ключевую роль в учреждении в 1800 г. единоверия (своеобразной формы присоединения старообрядцев к господствующей церкви — разрешалось сохранение старого обряда, но нужно было признать власть Синода); святитель Филарет (Дроздов, 1782/1783–1867) — плодовитый церковный писатель и администратор, автор Манифеста об освобождении крестьян (1861), благословивший работу над русским переводом Библии; святитель Иннокентий (Вениаминов, 1797–1879) — выдающийся миссионер, проповедовавший в Якутии, на побережье Охотского моря, на Камчатке, Аляске, Алеутских островах.

Хотя после польского восстания 1830–1831 гг. отношение официального Петербурга к униатской церкви ухудшилось, никто поначалу не помышлял о прекращении ее деятельности. Воссоединение униатов с православием стало личным успехом униатского епископа Литовского (1833–1839), уроженца Киевской губернии Иосифа Семашко (1798/1799–1868), искренне верившего в единство восточного славянства под эгидой

Великороссии и умело уловившего настроения имперской власти, и двух его сторонников-епископов. В 1839 г. Полоцкий собор принял решение о воссоединении униатов Российской империи с православием, а под соответствующим обращением к императору подписались 1305, а затем еще 302 представителя черного и белого духовенства. Число присоединившихся к православию жителей западнорусских земель превысило 1,6 млн человек. Тем не менее еще осенью 1838 г. с протестом против уничтожения униатства выступили 111 священников. Соппротивление оказалось заметным, так что вторая часть словесной формулы, выбитой на памятной медали: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», верна не полностью. Примеры принуждения показал А.И. Герцен в статье «Секущее православие» (1858). В Царстве Польском, на Холмщине, униатская церковь была ликвидирована в 1875 г., после чего униаты сохранились только в австро-венгерской Галиции. В 1905–1909 гг. после указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 233 тыс. человек перешли из православия в католичество — это и были почти исключительно греко-католики.

К началу XIX в. *католицизм* и его важнейший институт — папство — подошли в ослабленном состоянии. Несмотря на сохранявшееся экономическое могущество Римской церкви, пышность богослужений и миссионерские успехи, авторитет Святого престола снижался, а католическое богословие переживало упадок. На протяжении всего столетия усилия высшего руководства католической церкви были направлены на отстаивание светских прерогатив и особых духовных полномочий папской власти, на борьбу с «заблуждениями современности» (политический либерализм и церковный модернизм, законодательно закрепленные принципы светскости, свободы совести и отделения церкви от государства). Рост национальных государств и национальных идеологий часто оборачивался против католицизма, чей универсализм и верность Папе Римскому (вплоть до 1870 г. — светскому правителю со своими внешнеполитическими интересами) воспринимались как угроза сплочению общества вокруг единой национальной светской власти.

В то же время, помимо простого отвержения новых ценностей, католическая мысль к концу XIX в. пытается восстановить свое влияние в обществе путем освоения новых интеллектуальных и социальных стратегий. Важными аспектами этой обновленной идейно-богословской парадигмы, окончательно оформившейся в XX в., в эпоху Второго Ватиканского собора, становятся утверждение верности папе при допустимости культурного и культового многообразия внутри Церкви,

акцент на социальный характер христианского учения, открытость к диалогу с научным миром и использование данных светской науки, в том числе при изучении Библии.

Ослабление политического влияния папства к началу XIX столетия было связано в числе прочего с роспуском под давлением католических монархов ордена иезуитов — того самого «Общества Иисуса», которое оказало Риму столько услуг (1773). Примечательно, что структуры иезуитов продолжали действовать на территории не католических государств — Пруссии и России (так, в 1801 г. папа Пий VII (1800–1823) официально признал существование ордена в Российской империи). Под руководством избранного в 1805 г. нового главы ордена в России Фаддея Бжозовского (1749–1820) иезуиты расширили свою деятельность: были основаны новые миссии, а иезуитский коллегиум в Полоцке был преобразован в академию с правами университета. Однако активная работа иезуитов по обращению в католицизм привела к тому, что в 1815 г. они были высланы из Петербурга, а в 1820 г. их деятельность в России была прекращена.

На XIX в. приходится «Эпоха Пиев» (1775–1958), названная так потому, что семь из одиннадцати правивших в данный период римских первосвященников носили имя Пий. В первой половине XIX в. идейной основой католической проповеди и публицистики оставалось ультрамонтантство (идеи жесткого подчинения национальных католических церквей Папе Римскому, а также положение о превосходстве светской власти пап над светскими государями). Наиболее ярко эти тезисы были представлены в сочинении савойского политического мыслителя Жозефа де Местра «О папе» (1819). Папская власть представляла единственной Божественной властью на земле, неограниченной по самой своей природе и простиравшейся как в духовной, так и в светской сферах; папа признавался единственным хранителем и непогрешимым истолкователем предания Церкви; лишь пребывающие в духовном общении с папой могут надеяться на спасение.

Противоположной ультрамонтантству являлась идея построения национальной католической церкви (в последней трети XVIII в. в этом русле была выдержана политика австрийского императора Иосифа II (1780–1790) и государей некоторых католических немецких княжеств). В первой половине XIX в. было предпринято несколько слабых неудачных попыток основания церковных сообществ, независимых от папы (так называемая «французская католическая церковь» аббата Франсуа Шателя (1795–1857) в 1830-е годы, «немецко-католическое движение» во главе с

Иоханнесом фон Ронге (1813–1887) в 1840-е годы).

Тяжелейшим испытанием для папства стало время Французской революции — не только антицерковной, но и антирелигиозной. В 1790 г. было принято «Гражданское устройство духовенства», согласно которому вводились выборность епископов (причем избиратели необязательно должны были быть прихожанами и даже католиками) и присяга на верность государству. С осени 1793 г. в стране вводится едва ли не атеистический культ Разума; церкви, в том числе древние соборы оскверняются и переделываются в Храмы Разума. С казнью радикальных якобинцев в марте 1794 г. культ Разума был запрещен, а место его занял задуманный Робеспьером культ Верховного Существа: 7 мая Национальный конвент принял декларацию, согласно которой «французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души», а «достойное поклонение Верховному Существо» заключается в «исполнении человеческих обязанностей».

В стремительно менявшихся обстоятельствах Римская курия выступала с консервативных позиций, но зачастую медлила с решительными действиями. Лишь 29 марта 1790 г. папа Пий VI (1775–1799) собрал кардиналов, чтобы обсудить положение во Франции, — впрочем, никакого решения принято так и не было. В 1791 г. папа осудил содержание революционных декретов. В условиях прямого вмешательства Франции в итальянские дела с 1796 г. папство не сумело ему противостоять. В феврале 1798 г. французские войска заняли Рим; толпа римлян объявила отмену папской власти и учреждение республики. Богатства папского двора были разграблены; Пий VI был вывезен как пленник во Францию, где в 1799 г. умер. Его преемник Пий VII был избран на папский престол в Венеции, под защитой австрийских штыков. Вскоре он въехал в Рим, занятый неаполитанскими войсками. Уже в 1801 г. новый папа подписал конкордат с Наполеоном, послуживший образцом для многочисленных договоров Святого престола с различными государствами.

Наполеон свернул гонения на религию, проводившиеся якобинцами и другими революционными радикалами, однако не вернулся к модели взаимоотношений церкви и государства, характерной для абсолютизма. «Первый консул», ставший «императором французов», закладывал основы секуляризма, светскости в государственной политике и законодательстве. Примечательно, что в 1804 г. во время ритуала коронации он сам возложил корону на себя и свою супругу Жозефину (папа Пий VII, присутствовавший на церемонии, лишь дал императору свое благословение). Папское государство Наполеон считал своим леном и постоянно вмешивался в его

дела. После 1801 г. он также поощрял секуляризацию церковных княжеств в германских землях.

В 1809 г. французы, ранее вновь занявшие Рим, вывезли папу во Францию. Пий VII пытался робко протестовать, однако вынужден был дать согласие на то, что Франция станет местом пребывания римских первосвященников навсегда (так повторился исторический эпизод «авиньонского пленения»), В 1811 г. Наполеон, узурпировав право папы на светскую власть в Папской области, провозгласил римским королем своего новорожденного сына (Наполеона II). После поражения в России Наполеон стал вновь искать пути к сближению и взаимопониманию с папой.

В 1814 г., после падения власти «императора французов», Пий VII начал политику реставрации. Буллой «*Sollicitudo omnium ecclesiarum*» он восстановил орден иезуитов во всех правах и привилегиях. В 1815 г. Венский конгресс вновь признал за папой права светского государя. В правление Льва XII (1823–1829) по папской энциклике «*Quo Graviores*» (13 марта 1826 г.) осуждались революционные тайные общества и масонские ложи как антихристианские организации. Не менее активным и бескомпромиссным защитником Старого порядка и католической реставрации был Григорий XVI (1831–1846), обличавший нарождавшееся либеральное направление в католическом богословии и осудивший католиков — участников польского восстания 1830–1831 гг. как революционеров, выступивших против законного монарха.

С 1820-х годов обозначается линия конфронтации между Римской курией и набиравшим силу движением за объединение Италии. Власть самого папы как суверена все в большей степени опиралась на австрийские и французские штыки. Пий IX (1846–1878) начал свой понтификат с реформирования всей административной структуры Папской области (согласно «апостольской конституции» 1848 г. радикально увеличивалось влияние мирян на управление теократическим государством). В энергичном, молодом папе многие умеренные деятели Рисорджименто видели лидера, способного сплотить итальянскую нацию. Но развитие ситуации пошло по другому пути: Италия объединялась как светское государство. Мощным ударом по политической силе папы стал разрыв в 1859 г. союза главных его сторонников — Франции и Габсбургской империи.

В богословской сфере Пий IX решился на новшества, впрочем находившиеся в русле ультрамонтанской идеологии. Так, одной своей волей, без соборного обсуждения, он ввел новый догмат о непорочном зачатии Пресвятой Девы, что, по мнению некоторых историков церкви,

ознаменовало новое понимание сущности догмата и дало высшей церковной власти право устанавливать новые положения вероучения, обязательные для церкви.

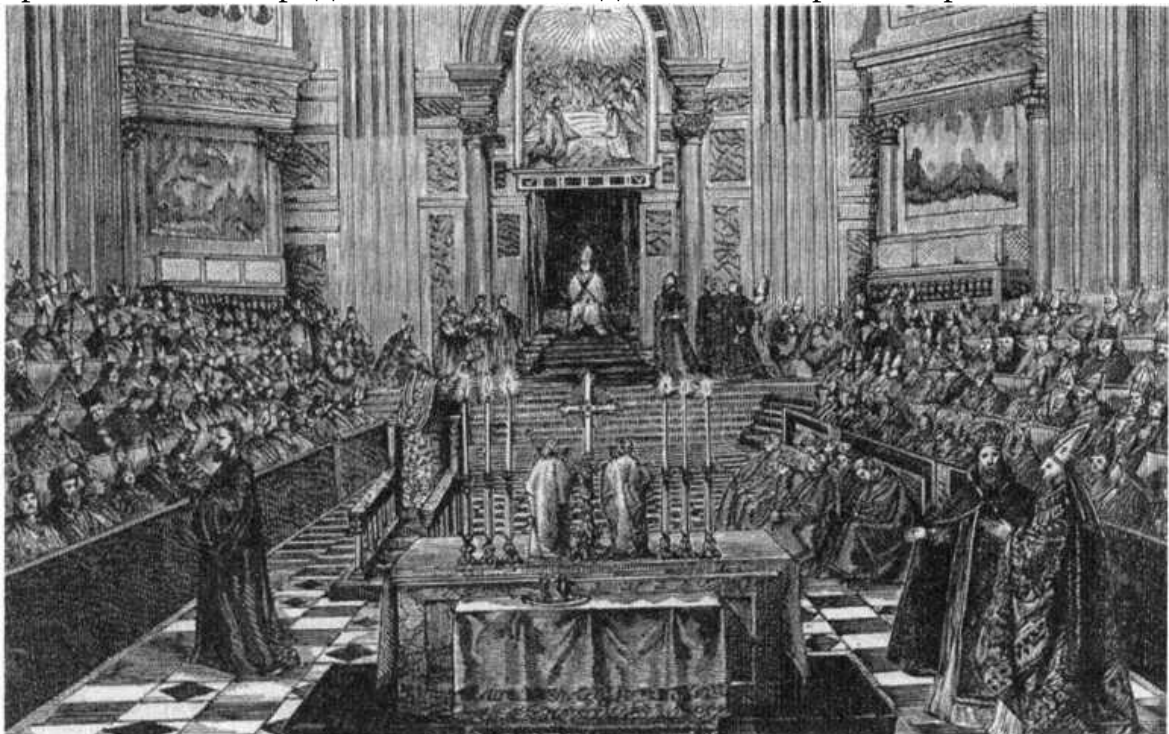
Последним гарантом светского суверенитета папы оставался Наполеон III, однако после поражения Франции во франко-прусской войне Папская область была присоединена к Итальянскому королевству (1870), а в 1871 г. Рим был провозглашен его столицей (вместо Флоренции). Пий IX, сознавая невозможность вооруженного сопротивления, отдал Рим практически без боя, однако издал энциклику, в которой отлучил от церкви итальянского короля Виктора Эммануила II. Король, упразднив светскую власть папы, относился к нему с подчеркнутым уважением, как к главе католического мира: личность папы была объявлена священной и неприкосновенной; в распоряжение римского первосвященника был передан квартал — «город Льва» (Ватикан); римская курия стала получать на свое содержание немалую сумму денег от государства. Но Пий IX все равно считал нелегитимным свое отречение от светской власти и объявил себя «пленником Ватикана».

Среди этих радикальных политических сдвигов открылся и начал свою работу I Ватиканский собор (1869–1870; согласно католической традиции — XX Вселенский), вошедший в историю как настоящий триумф ультрамонтанства. 18 июля 1870 г. на соборе был принят декрет о так называемой «папской безошибочности» (лат. *Infallibilitas*, в русскоязычной традиции часто обозначаемой как «непогрешимость»). Согласно утвержденной на соборе догматической конституции «*Pastor aeternus*», «римский папа, когда говорит *ex cathedra*, т. е. при отправлении своих обязанностей пастыря и учителя всех христиан, и, на основании свыше дарованной ему апостольской власти, определяет учение, касающееся веры или нравственности и обязательное для всей церкви, то обладает, в силу обещанной ему в лице св. Петра Божественной помощи, безошибочностью, которую Божественный Искупитель даровал своей церкви. Вследствие этого постановления Римского Папы по собственной присущей им силе и независимо от одобрения церкви не подлежат никаким изменениям».

Хотя во время финального голосования за новый догмат было подано 533 голоса против двух, во время предварительного обсуждения на соборе проявилась оппозиция учению о безошибочности суждений папы *ex cathedra*. Решения I Ватиканского собора спровоцировали раскол в католическом мире и появление старокатолического движения, оформившегося в отдельное христианское исповедание. Протест против «ватиканского догмата» логически привел некоторых богословов

(преимущественно в германоязычных странах, а также в чешских и польских землях) к необходимости очищения церкви от «папизма» и всех связанных с ним канонических и догматических искажений евангельского учения. В 1871 г. старокатолики окончательно размежевались с Римом, а вскоре после этого обрели самостоятельную иерархию. 24 сентября 1889 г. была заключена так называемая Утрехтская уния: старокатолические епископы подписали конвенцию, отражавшую разделяемые ими принципы веры.

Поиск «старого», «неповрежденного» католичества — веры времен Вселенских соборов — способствовал тому, что старокатолики стали искать пути сближения с христианским Востоком. Первые консультации с православными относятся к началу 1870-х годов. На конгрессе в Люцерне в 1892 г. было принято решение о начале официальных контактов старокатолических епископов с церквями Востока — в частности, с русской церковью. Указом Святейшего Синода от 15 декабря 1892 г. была создана специальная комиссия под председательством архиепископа Финляндского Антония Вадковского (1846–1912); в ее задачи входило выяснение условий и требований, которые могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами. Активный диалог православных со старокатоликами продолжался вплоть до начала Первой мировой войны.

К. Бенцингер. Первый Ватиканский собор. Гравюра. 1869 г.

Сложными были отношения папского престола не только с молодым

Итальянским королевством, но и с молодым Германским рейхом. Отто Бисмарк активно стремился ослабить влияние католической церкви. В союзе с национал-либералами «железный канцлер» в 1872 г. добился изгнания из страны иезуитов и начал проводить политику, известную как «Kulturkampf» (нем. «культурная борьба»). Католическая церковь ставилась в подчиненное положение к государству: законодательно устанавливался контроль государства над школами, назначениями на церковные должности, отношениями между духовенством и паствой, управлением церковным имуществом. С начала 1880-х годов «культурная борьба» постепенно начала сворачиваться, поскольку государственная власть была заинтересована в компромиссе с католической партией Центра. После того как Германская империя достигла компромисса с Ватиканом, Бисмарк даже получил папский орден Христа.

Подобная борьба с влиянием католической церкви велась в Швейцарии в конце 1840-х — 1870-е годы, а также в Мексике, где она сопровождалась масштабной секуляризацией обширных церковных владений, в конце 1850-х — первой половине 1870-х годов.

В англиканской церкви, которая с самого своего основания не порывала — в своей «высокой» ипостаси — целиком с католицизмом, в XIX в. возникло мощное течение за сближение с церквями апостольской преемственности — католической и православной; говорили о трех ветвях — католической, православной и англиканской — единой церкви. С 1833 г. такие взгляды развивало так называемое оксфордское или «трактарианское» движение, позднее их, в частности, поддерживали многие художники-прерафаэлиты. Наиболее ярким деятелем движения был выдающийся писатель и богослов Джон Генри Ньюман (1801–1890), который перешел в католичество, а с 1879 г. стал кардиналом-дьяконом, с 1890 г. — кардиналом-протодьяконом. В немалой степени под влиянием его творчества сформировалась британская школа апологетики, среди представителей которой наиболее знаменит писатель Гилберт Кийт Честертон (1874–1936). В диалоге с российской православной церковью с 1860-х годов обсуждался даже вопрос о молитвенном общении.

Понтификат Льва XIII (1878–1903) ознаменовался поиском новой политической стратегии папства в условиях бурного роста капитализма. Лев XIII был активным администратором и плодовитым богословом. Самым известным документом, вышедшим из-под его пера, стала энциклика «*Regum novarum*» от 15 мая 1891 г., провозглашавшая курс на социальную модернизацию католицизма. В ней утверждалась необходимость классового сотрудничества и взаимного уважения

работодателя и работника в духе «христианской философии», определялись взаимные нравственные обязательства вовлеченных в экономические отношения сторон. Признавалось, что «классы в равной степени нуждаются друг в друге: капиталисты не могут существовать без рабочих, но и рабочие не могут без капиталистов». Энциклика придала новое, социально окрашенное направление богословскому поиску в католицизме и способствовала развитию таких идейных течений, как христианская демократия и христианский социализм.

В католической теологии вторая половина столетия ознаменовалась появлением модернистских тенденций. Модернизм был обширным движением, представители которого стремились соединить веру с современным культурным сознанием. Они выступали за применение историко-критического метода к Библии, против господствующей схоластики, за освоение новейших философских подходов.

Папство было настроено к модернистам непримиримо. 8 декабря 1864 г. Пий IX издал «*Syllabus Errorum*» — «Список важнейших заблуждений нашего времени». В их число вошли пантеизм и рационализм, социализм и индифферентизм, критическая и агностическая философии, а также социализм, коммунизм, тайные общества, библейские общества (они ставят целью перевод и распространение Священного Писания), принципы свободы совести и отделения церкви от государства. Подобный антилиберальный пафос вызвал резкое неприятие не только в протестантских странах, но и в союзной Риму Франции, где правительство пыталось запретить распространение папского документа.

В конце XIX столетия оплотом историко-критического изучения Библии стал Католический институт в Париже, где преподавал Альфред Луази (1857–1940). Папская булла «*Providentissimus Deus*» (1893) признавала ценность научного рассмотрения Библии, но не ее историческую критику. Луази был уволен из института и в 1902 г. выступил с книгой «Евангелие и церковь», где, защищая церковь и ее догматы, пытался показать, что их невозможно вывести из Евангелия. В 1908 г. Луази был отлучен от церкви.

В поисках цельной и непротиворечивой основы своей теологии католическая церковь обращается к наследию Фомы Аквинского, т. е. по сути к христианскому прочтению философии Аристотеля. Неотомизм, признающий ценность человеческого разума, объективное существование материального и духовного мира, развитие Вселенной по определенным законам (Бог воспринимается как первопричина этого развития), стал официальной доктриной Церкви в энциклике Льва XIII «*Aeterni Patris*»

(1879).

Протестантизм в XIX в. переживал время активного умножения течений, направлений и обществ. Для них были характерны в той или иной степени эсхатологические настроения, широкий поиск новых сторонников. Массовые религиозные движения под лозунгами духовного обновления и очищения общества, достижения личного спасения через веру наиболее часто охватывали в XIX столетии США, испытавшие в первой половине столетия так называемое «Второе великое пробуждение». Среди наиболее активных и крупных новых протестантских движений следует отметить адвентистов седьмого дня (начало их деятельности — 1840-1860-е годы); «Армию спасения» (1860-е годы). К числу «парахристианских» организаций относят «Христианскую науку» (1879), свидетелей Иеговы (1870-1880-е годы), мормонов или святых последних дней (1830).

Протестантская теология также переживает в XIX в. бурное развитие. В ее рамках одно за другим возникают такие течения, как евангеликанизм (в широком смысле — преданность Евангелию Иисуса Христа, принятие Библии как непогрешимого Откровения), либеральная теология (рационально-моралистическое и историко-критическое прочтение христианства), фундаментализм (буквальное принятие и истолкование положений веры).

Говоря об *исламе* в XIX в., следует прежде всего отметить, что значительная часть исламского мира была политически и идейно консолидирована вокруг халифата. Османский султан признавался мусульманами-суннитами в качестве халифа — абсолютного духовного и светского повелителя правоверных, преемника пророка Мухаммеда. Однако военно-политические поражения и экономический упадок Османской империи не способствовали упрочению авторитета теократической власти. К концу XIX в. в исламе наметились две тенденции — консервативная и модернистская. Консерваторы (фундаменталисты) призывали вернуть ислам к его исходному основанию, вернуться к буквальному пониманию священных текстов и завещанной пророком теократической власти. Модернисты стремились приблизить отдельные положения ислама к реалиям современного им мира. Однако в практике реальной идейно-политической борьбы эти две тенденции причудливо переплетались.

Попыткой вдохнуть новую жизнь в идеологию халифата и одновременно одним из первых опытов политического ислама стало выдвижение в начале 1870-х годов доктрины панисламизма. В основе данной идеологии лежат представления о вненациональном и внеклассовом

единстве мусульман, обусловленном их равенством перед лицом Аллаха. Халиф рассматривался как руководитель мусульман всего мира, одинаково близкий любому эмиру и нищему. Панисламизм пыталось использовать в качестве государственной идеологии правительство Османской империи при султане Абдул-Хамиде (1876–1909). Эгалитаристские идеи панисламизма развил Джамал ад-Дин аль-Афгани (1839–1897), сторонник создания союза мусульманских народов, направленного против империалистов и угнетателей. Аль-Афгани называют и одним из родоначальников исламского социализма.

В конце XIX в. в русле попыток дать «исламский ответ» на вызовы времени, найти «исламский путь развития» нарастают тенденции политизации ислама. Почти все идеологи «исламского возрождения» придерживались принципа «врата иджтихада (независимого суждения) открыты», но этот богословский принцип применялся не к теологическим, а к социальным и политическим вопросам и трактовался порой диаметрально противоположным образом. Мусульманское реформаторство могло принимать технологические, административные и другие достижения Запада, выступать под знаменем просвещения или же отвергать любые «бида» (нововведения), пропагандируя альтернативу безбожному Западу на основе «чистого ислама».

В России исламское возрождение также принимало различные формы. На Северном Кавказе получил распространение мюридизм — основанное на идеях багдадских и бухарских суфиев XII–XIV вв. мистико-аскетическое учение, в центре которого находится идея соединения человека с Богом через абсолютное подчинение духовному наставнику (шейху, муршиду). Послушник-мюрид призван вести постоянный внутренний и внешний джихад — борьбу с грехом и невежеством в своем сердце, войну с неверием на земле. В 1830-1850-е годы мюридизм стал знаменем борьбы горцев Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля против имперской российской власти.

В регионах Поволжья и Средней Азии в конце XIX в. приобрел влияние джадидизм — либерально-прогрессистское движение, последователи которого выступали за модернизацию ислама на рационалистической основе (в противоположность традиционалистам-кадимистам), введение светского образования, освоение достижений западной науки и техники. В политическом плане джадиды блокировались с пантюристами и последователями зарождающихся националистических идеологий, они стремились дать исламское осмысление прогресса — не только технического, но и политико-социального.

В другой части исламского мира — шиитском Иране — возникло течение, которое позднее вышло за рамки мусульманства как такового. Начало ему положил Али Мухаммед Ширази (1819–1850), в 1844 г. провозгласивший себя «Бабом» — «вратами Мессии», а затем — мессией-махди, открывающим эпоху справедливости и равенства на земле и несущим учение, призванное заменить Коран и шариат. Баб был казнен как еретик. Один из его последователей — Хусейн Али Нури (1817–1892), эмигрировавший на территорию Османской империи, в 1863 г. объявил себя Баха-уллой — последним в череде пророков, призванным установить всеобщее братство людей и народов. Бахаизм провозглашает себя учением, пришедшим на смену всем прежним религиям. Ни мусульманские богословы, ни сами бахай не признают его частью ислама. С конца XIX в. Всемирный центр бахай располагается в Хайфе (современный Израиль), где находится и мавзолей Баба.

В *иудаизме* в рассматриваемую нами эпоху также шли разнонаправленные процессы, связанные с модернизационными изменениями в мире. С 1770-х годов в Центральной и Западной Европе развивается еврейское Просвещение — «таскала», у истоков которой стоял философ Мозес Мендельсон (1729–1786). Его участники — «маскилим» — выступали против культурно-религиозной обособленности еврейства и видели в усвоении светского европейского образования залог улучшения положения еврейского народа. Концепции таскалы стимулировали как реформизм в иудаизме, так и реакцию в виде неоортодоксии и галахического ригоризма (требование строго и неукоснительно соблюдать все обрядовые и бытовые предписания еврейского закона).

Французская революция и последовавшая за ней наполеоновская эпоха открывают в истории европейского еврейства эру эмансипации — постепенного освобождения от неравноправия (в пределах Российской империи многие ограничения для евреев продолжали действовать до 1917 г.). Многие маскилим, восторженно принявшие идеи эмансипации, заявляли, что именно в ней, а не в осуществлении мессианских чаяний заключено истинное избавление Израиля. Радикальный просветитель из Пруссии Давид Фридлендер (1750–1834) даже выступил с требованием изъять из молитвенников «вздорные плачи» о разрушении Иерусалима, равно как и молитвы о возвращении из изгнания, ведь «мы [пруссские евреи] не знаем другой родины, кроме Пруссии».

В этот же период возникает историко-критическое изучение иудаизма «изнутри». Основанное в 1819 г. «Общество культуры и науки евреев» поставило целью выявить специфические особенности иудаизма как

исторического явления, с тем чтобы познакомить как евреев, так и неевреев Германии с прошлым еврейского народа. Обогащенные знанием истории иудаизма, свободомыслящие деятели гаскалы часто становились на реформистские позиции, полагая, что их современникам-евреям необязательно исполнять все многочисленные религиозные обряды и законы, установленные талмудистами и раввинами прежних времен. Духовные вожди реформизма считали себя подлинными продолжателями традиций иудаизма, отличавшегося, по их мнению, гибкостью и открытостью.

Первые опыты догматического творчества в духе реформизма и преобразований в богослужении относятся к 1790-м годам, но по-настоящему развернул реформистскую деятельность богатый филантроп Израэль Якобсон (1768–1828). Он, в частности, способствовал включению в синагогальную службу гимнов и проповедей на немецком языке. В 1830-1840-е годы наиболее яркой фигурой реформистского лагеря был раввин Авраам Гейгер (1810–1874), умелый критик библейского текста, одно время поддерживавший идею сделать древнееврейский язык необязательным при богослужении.

Реакцией на реформистские тенденции было требование неукоснительного соблюдения традиции. На стороне консерваторов была и боязнь ассимиляции, ведь жизнь показала, что дети и внуки видных маскилим, например Мендельсона и Фридлиндера, в конечном итоге переходили из иудаизма в христианство, не видя нужды сохранять верность «ветхому», партикуляристскому учению.

Родоначальником ортодоксального иудаизма в его современном прочтении принято считать рабби Хатама Софера, раввина Пресбурга (Братиславы) в 1806–1839 гг. Известно его утверждение: «В соответствии с Торой нововведения запрещены». Лидер германских иудеев-неоортодоксов Шимшон Гирш (1808–1888) поддерживал принцип «Тора им дерех-эрец» (сочетание строгого исполнения религиозных предписаний с участием в жизни страны).

Борьба реформистов и ортодоксов продолжалась весь XIX век. В середине столетия в Германии, а затем в США возник так называемый консервативный иудаизм, представленный именами главного раввина в Дрездене и Лейпциге, а затем первого директора раввинской семинарии в Бреслау Захарии Франкеля (1801–1875), преподавателя Генриха Греца (1817–1891), филадельфийского кантора Айзека Лисера (1806–1868). Представители этого «центристского» учения были согласны с постепенными реформами, органически нечуждыми основам

традиционного иудейского права, которое регламентировало религиозную, общественную и повседневную жизнь. Так, они не отвергали новшеств, не затрагивавших сохранение иврита в литургии, соблюдение пищевых и бытовых предписаний о ритуально чистом и нечистом (кашрут) и почитания субботы.

В среде восточноевропейского еврейства в начале XIX в. сохранялась идейная конкуренция хасидов (последователей мистического постижения Бога) и «литваков»-миснагдим, не принявших их учения, которое возникло в середине XVIII в. С течением времени, впрочем, это противостояние сглаживалось. Наиболее самобытный характер хасидизм, всегда остававшийся в рамках ортодоксии, получил в Литве и Белоруссии, где его развитие связано с деятельностью Шнеура Залмана из Ляд, «Старого Ребе» (1745–1813) — основателя движения ХАБАД (аббревиатура из трех древнееврейских слов: мудрость, понимание, знание), родоначальника знаменитой династии хасидских цадиков (святых наставников) и раввинов Шнеерсонов, возглавлявших самое влиятельное, любавичское, направление хасидизма вплоть до конца XX в.

Хотя сионизм — возникшее к концу XIX в. движение за создание национального еврейского государства в Палестине — в своей основе принципиально светский, более того, основная часть раввинов полагали возрождение Земли Обетованной возможным только с приходом Мессии, в недрах иудаизма возникла и его религиозная трактовка. Один из создателей религиозного сионизма, раввин из Торна (Торуни) Цви Гирш Калишер (1795–1874), много путешествовал по Европе и учил, что приход Мессии можно приблизить, воссоздав еврейскую жизнь в Палестине.

Буддизм, несмотря на свою удаленность от мира авраамических религий, в XIX в. следовал схожими путями: в нем также возникали тенденции к упорядочению вероучения и культовой практики на основе нового догматического творчества, поиск в древней традиции ответов на жгучие вопросы современности, стремление использовать достижения западной мысли в собственной культурной работе, политическое и социальное прочтение положений веры.

Одним из важнейших событий как для последователей южного буддизма (тхеравады), так и для всего буддийского мира стала кодификация наиболее древних буддийских текстов на грандиозном съезде бирманской сангхи (монашеской общины) в 1868–1871 гг., известном — несмотря на, казалось бы, местное значение — как V Буддийский собор. Встреча проходила в незадолго до того появившемся г. Мандалае, основанном в ознаменование 2400-летия со дня рождения Будды. Значение данного

мероприятия для старейшей мировой религии можно оценить, если вспомнить, что предыдущий, IV Буддийский собор, состоялся восемнадцатью столетиями ранее, в I в. н. э.

Главной задачей собора была окончательная фиксация буддийского канона — Типитаки («Трех корзин [Закона]»). Для этого тексты были вновь внимательно прочтены старшими монахами, сверены с древними рукописями на пальмовых листьях из королевской библиотеки. По результатам этой работы вся Типитака была высечена золотом на 729 мраморных плитах «круглым» бирманским письмом (на завершающей 730-й плите было оставлено подробное описание выполненных работ). Каждая плита была помещена в изящную миниатюрную пагоду. Целый городок таких часовен-павильонов, содержащий «самую большую книгу мира», расположен на территории храмового комплекса Куто-до Пайя.

Среди событий в жизни буддистов тибетской традиции необходимо отметить начало правления XIII Далай-ламы Тхуптепа Гьятсо (1877–1933). Выдающийся реформатор и искусный дипломат, он сумел, лавируя между интересами великих держав и опираясь на поддержку России, добиться фактической независимости своей страны после падения Цинской империи в Китае (1911) и восстановить реальную светскую власть Далай-ламы в Тибете.

В буддизме, хотя и менее выражено, чем в христианских конфессиях, исламе или иудаизме, возникают реформистские тенденции. Катализатором их нередко становятся контакты с западной культурой, западными «друзьями буддизма». XIX в. ознаменовался рождением европейской научной буддологии, которая сама стала воздействовать на буддийский мир. Основатель сингальского буддийского национализма и первый буддист, проповедовавший свою религию на трех континентах (в Азии, Европе и Северной Америке), Анагарика Дхармапала (1864–1933) получил образование в христианских миссиях, а затем долгое время был связан с Теософским обществом.

Среди видных российских буддийских просветителей и реформаторов отметим Лубсан-Сандана Цыденова (1850–1922). Он делал акцент на внедацанских (внемонастырских) формах организации и практики духовной жизни и личным отшельническим опытом подал вдохновляющий пример «балагатскому движению», главная идея которого состояла в уходе из официальных монастырей, где изучают искаженное учение, и основании новых общин вдали от людей и монастырей ради возрождения чистых тантрических и созерцательных практик. Другой крупный деятель буддизма в России — Агван-Лобсан Доржиев (1853/54—1938). Он получил

в Тибете ученую степень лхарамбы, был одним из духовных наставников молодого Далай-ламы XIII (1895–1933), являлся инициатором сближения Тибета и России. Активно поддерживаемые Доржиевым связи в дипломатических кругах разных стран, в среде петербургской аристократии и мире востоковедов позволили ему решать многие важные вопросы, среди которых — возведение в Санкт-Петербурге в 1909–1915 гг. буддийского храма.

* * *

Таким образом, при всех различиях в конфессиональной сфере в XIX в. действовали и проявляли себя общие процессы, среди которых преобладали секуляризация, модернизация и рационализация религиозного дискурса. При этом религия не оставалась пассивным объектом воздействия со стороны светского мира; преобразовывая эти влияния, она, в свою очередь, продолжала активно влиять на все области жизни общества.

Политика и общество

Девятнадцатое столетие имеет кардинальное значение для понимания последующей эволюции человечества. Этот «долгий век» стал эпохой глубоких социальных, экономических, политических и духовных потрясений. Возрождение и Реформация, научно-мировоззренческая революция XVII в. и Просвещение очертили общую траекторию духовной модернизации, определили качественные рубежи этого процесса. Но в полной мере модернистское мировоззрение сформировалось лишь в XIX в. Это стало результатом многочисленных новаций в самых разных областях жизни.

Именно в это время произошел переход от сословно-абсолютистских порядков к государственным и общественным системам, предвосхитившим XX в. Переход от Старого порядка, т. е. системы традиционных общественных отношений, к обществу современному был сложным и противоречивым. Инструментом решения конфликтов, хотя и не универсальным, стали политические и социальные катаклизмы. Недаром эпоху, начавшуюся Великой французской революцией, нарекли «веком революций». Именно революцию 1789–1799 гг., заложившую основы современного политического сознания и содержащую в себе весь спектр революционных форм, апробированных в течение XIX и первой половины XX в., правомерно избрать точкой отсчета XIX столетия. Как отмечал известный английский ученый Э. Хобсбаум, и либерализм, и социальные революции XIX и XX столетий ведут свое происхождение от Французской революции, которую можно рассматривать как модель для последующих социальных потрясений. Вслед за революцией во Франции последовали революции 1820-х (испанская, португальская, итальянская, греческая), 1830-х (французская, испанская, португальская, бельгийская) и 1840-х годов (французская, германская, австрийская, итальянская) в Европе, Гражданская война в США и Реконструкция Юга 1861–1877 гг.; Парижская коммуна 1871 г. во Франции, революционные катаклизмы начала XX в. в Российской империи и странах Востока.

Уже в первой половине XIX в., еще до появления теории Маркса, сложились концепции двух революций: социальной и политической. Социальные революции приводят к смене одного социально-экономического строя другим; политические революции — к смене одного политического режима другим.

Начало XIX в. было ознаменовано реакцией европейских государств на перемены, спровоцированные революционной Францией и империей Наполеона Бонапарта. Эта реакция привела к попытке возврата «на круги своя» территорий и к реставрации свергнутых правительств, что нашло выражение в принципе легитимизма, зафиксированном Венским конгрессом 1814–1815 гг. С другой стороны, о возврате к политической системе Старого порядка не могло быть и речи. Конституционные монархии стали порождением процесса модернизации западного общества, развивавшегося под знаком парламентаризма и правового государства. В это время под правовым государством понималось государство, признававшее совокупность свобод, присущих парламентскому строю (свободы слова, печати, собраний, объединений) при ограниченном допуске низших слоев к участию в выборах законодателей. Многие европейские государи сумели приспособиться к новым реалиям, что нашло выражение в утверждении в ряде стран конституционной монархии (конституционная Хартия 1814 г. во Франции, либеральные конституции в южногерманских землях).

Выработка умеренных по своему характеру конституций опиралась на существовавшую практику либо идеи просветителей. Учредительные собрания руководствовались принципами британской политической модели либо накопленным во Франции и США конституционным опытом. Установление нового государственно-правового режима сопровождалось ликвидацией, кое-где частичной, ряда институтов Старого порядка. Уничтожалось сословное деление, подданные объявлялись гражданами с политическими правами, вводились либеральные свободы — свобода совести, слова, собраний, митингов. При этом политические права носили ограниченный характер, распространяясь, как правило, лишь на дворянство и верхушку среднего класса, т. е. людей, обладавших крупными доходами и недвижимостью. Слом институтов Старого порядка проходил неравномерно, что было обусловлено как особенностями развития каждого государства, так и конкретной ситуацией. Там, где учредительные собрания разрабатывали основные законы на волне общественного подъема, конституции, как в Норвегии и Испании, носили более радикальный характер. Конституции, разработанные в результате достигнутого компромисса общественных групп, как в Швеции, были умереннее.

Со всей очевидностью эта тенденция проявилась впоследствии, когда географическая сфера конституционализма стала расширяться. Конституции принимались в одном случае, как логическое завершение социальных революций. Они были призваны закрепить новое

общественно-политическое устройство. При этом особо подчеркивались наиболее важные для победителей положения. Нередко по мере спада социальной напряженности происходило наступление реакции на провозглашенные права граждан (примером могут служить Россия, империя Габсбургов, некоторые германские и итальянские государства). В другом случае конституции создавались с целью предотвратить революцию (Дания, Нидерланды) и носили характер умеренных уступок общественному мнению. Третья модель введения конституционализма связана с созданием нового государства. Перечисленные модели, как и всякая схема, достаточно условны. В одной и той же стране принятие конституции могло стать результатом социального взрыва либо создания нового государства, а в дальнейшем основной закон пересматривался в сторону либерализации или ужесточения.

Суть процесса состояла в трансформации монархий либо в конституционные, либо в парламентские. Аристократия, дворянство уступали часть своих властных полномочий под сильным давлением со стороны общества. Общество же, в свою очередь, на ранних этапах конституционализма искало пути и средства ограничения власти монарха, обеспечения прав и собственности личности. Характер уступок, их масштаб зависели от особенностей каждой страны, степени развитости общественной сферы, уровня политизации общества, его способности и возможности сформулировать и заявить свои требования.

Определяющей чертой политической жизни европейских стран в XIX в. стала партийность. Понимание своей гражданской позиции, своего места в социальной структуре, своих стремлений и предпочтений в политике, а также поддержки или недовольства правительственным курсом приводили к объединению граждан вокруг различных политических партий, уже имевших в XIX в. четкие программы и лозунги.

Избирательные кампании и деятельность парламентов способствовали становлению в основных странах Запада более или менее оформленных политических партий и выработке определенного механизма взаимоотношений между ними. Повсюду в Европе, где существовали консерваторы, они были по преимуществу партией крупных землевладельцев, так же как либералы — партией буржуазии, хотя и те и другие, разумеется, распространяли свое влияние на более широкие слои населения. Различные и достаточно пестрые политические силы ориентировались на городской плебс и крестьянство.

Важнейшую роль в политике и управлении государством в это время играло общественное мнение, представлявшее собой совокупность

взглядов (интересов, целей, программ) различных общественных групп, соединенных неким единым стержнем. Общественное мнение становится реальной политической силой, с которой вынуждены считаться государи. Наследие американской Войны за независимость, Французской революции глубоко проникало в сознание вместе с постулатами классического либерализма, в том числе с идеями ответственности власти перед обществом, необходимости диалога для совместного решения жизненно важных проблем. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. в Европе и Америке по инициативе снизу возникает масса общественных неправительственных ассоциаций по вопросам, оказывающим непосредственное влияние на жизнь людей. К их числу относились борьба с вредными привычками, например с алкоголизмом, образование для детей бедняков, отмена работорговли, установление всеобщего избирательного права, изменение статуса женщин. В этот же круг проблем входили борьба за обуздание милитаризма и выработку мирных способов решения международных конфликтов, а также за упразднение смертной казни, что было вполне естественным после кровопролитных революционных и наполеоновских войн, опустошавших европейский континент на протяжении почти четверти столетия. Именно после их окончания возникают общественные неправительственные пацифистские ассоциации. В 1816 г. различные протестантские группировки — диссентеры, квакеры, евангелические и даже несколько англиканских общин — объединились в Общество за установление прочного всеобщего мира (Лондонское общество мира). На территории континентальной Европы первой открыто признанной организацией такого рода стало Общество мира, созданное в Женеве в декабре 1830 г. графом Жан-Жаком де Селлоном (1782–1839).

На фоне великих научных открытий XIX в., ускоривших технический прогресс, реформ образования, позволявших получить знания более широким социальным кругам, общественное мнение становится неременным атрибутом жизни, заставляя считаться с собой как с реальной силой, способной влиять на официальную политику. И здесь на первый план выступает пресса. Периодичность печати, ежедневные газетные выпуски во много раз увеличивали оперативность прессы, вовлекали все больше граждан в участие в политическом процессе. Технические достижения — удешевление печати и бумаги, железные дороги, пароходы, почта, телеграф — ускорили обмен информацией, мнениями, сбор данных.

Возможность приобрести газету и сразу оказаться в курсе всех мировых событий стала для человека XIX в. жизненно необходимой привычкой. Низкие цены на издания, практика подписки на определенный

срок, гарантия своевременной доставки, огромный выбор существующих печатных изданий — все это укрепляло зависимость читателя от потребности читать прессу. Однако пресса, помимо своей первой обязанности информировать читателя о новостях, незаметно выполняла еще одну функцию — формировала у читателя взгляды на те или иные события.

Великобритания и Франция, раньше других избравшие либерально-конституционную модель государственности, обретшие конституцию, парламент и политическую печать, стали образцом для всех либеральных государств и распространяли по Европе свои политические принципы.

В Великобритании политические и правовые институты складывались постепенно и закреплялись традицией, а также законами разного времени, не сведенными в единый конституционный документ. К началу XIX в. оттачивался, совершенствовался механизм управления страной через кабинет министров. Современники, длительное время негативно оценивавшие статус первого министра, уже не подвергали сомнению его руководство органом исполнительной власти.

В политическом размежевании тори и вигов все большее значение приобретала идеология консерватизма и либерализма. Отстраненные от власти виги, стремившиеся добиться большинства в палате общин, начинают прибегать к внепарламентским методам формирования общественного мнения, общественному давлению на правительство. Это давление проявлялось в оппозиционной прессе, митингах в графствах, создании общественных организаций. В стенах парламента виги становятся постоянными критиками правительственного курса, выступают с законодательной инициативой.

Промышленная революция и сопровождавшие ее социальные сдвиги позволили существенно расширить политическую сферу, что выразилось в появлении на политической арене «третьей силы» — радикалов, массового радикального движения, деятельности различного рода демократических объединений. Радикалами называли всех тех, кто выступал за изменение системы представительства, расширение политических прав граждан, отказ от политики протекционизма и утверждение принципов свободы предпринимательской деятельности. Возраставшее недовольство вызывала система представительства, не соответствовавшая реальному положению в стране. В результате быстро растущие города оказывались лишенными возможности выбирать своих представителей. Нижняя палата состояла из депутатов от графств и некоторых городов. Такой порядок сложился в первые столетия существования парламента и оставался неизменным на

протяжении XVIII в. Избирательным правом пользовались примерно 5–7% всего населения страны. Сам способ избрания депутатов — система открытого голосования — давал широкие возможности контролировать ход и результаты голосования, оказывать давление на избирателей, что широко практиковалось, особенно в мелких избирательных округах (бургах), получивших название «карманных» или «гнилых» местечек. Из 204 мест от таких округов в 22 городах было более 1000 избирателей, в 33 — от 500 до 1000, 40 % округов не набирали и по 100 человек, имевших право голоса. Значительным числом мест в парламенте от них распоряжались крупные землевладельцы и правительство. Земельные магнаты использовали места в парламенте по своему усмотрению, открыто продавая и покупая их. Таким образом мелкие округа превращались в весьма ценную собственность. В большинстве городов избирательным правом пользовались лишь несколько десятков жителей — привилегированная корпоративная городская верхушка. Правительство и корона обычно имели про запас нужное число таких избирательных округов для обеспечения поддержки правительства или своей партии в парламенте, владельцы местечек продавали голоса избирателей за должность или покровительство важного чиновника. Сложившаяся система представительства ставила нижнюю палату в зависимость от лордов.

Реформаторское движение в постнаполеоновское время началось с неудачной кампании радикалов за демократизацию избирательного права (1816–1819). Вопрос о преобразованиях институтов Старого порядка имел ключевое значение в процессе трансформации парламентских партий в партии политические. Кроме того, борьба партий и внутрипартийных фракций, вышедшая за стены парламента и выплеснувшаяся на страницы прессы и литературы, все больше интересовала средние слои населения.

Во Франции восстановление на престоле династии Бурбонов в лице короля Людовика XVIII было связано с обязательным условием: принятием конституционной Хартии, которая была октроирована (дарована) королем подданным, т. е. отнюдь не являлась предметом договора между монархом и гражданами. В основу Хартии были положены принцип разделения властей, а также признание основных прав и свобод граждан. Либеральные преобразования периода Реставрации были связаны с деятельностью правительства герцога Армана-Эммануэля Ришелье (1815–1821), принявшего законы о парламентском контроле над государственным бюджетом (1818) и свободе печати (1819) и реорганизовавшего королевский двор в целях его консолидации вокруг правящей династии (1820). Однако убийство в 1820 г. одного из потенциальных наследников

короны герцога Беррийского ознаменовало отказ от умеренно-либеральной политики Ришелье и подтолкнуло к формированию ультрароялистского правительства.

Борьбой за независимость страны и легитимность власти была продиктована разработка конституции в Испании. Проект конституции 1807 г., одобренный Наполеоном и утвержденный некоторыми сотрудничавшими с французскими завоевателями аристократами, не стал началом конституционного процесса в стране. Начало ему положили повстанцы, основавшие Центральную хунту, которая установила регентство. Согласно совместному решению 24 сентября 1810 г. на о. Леон близ Кадиса состоялось открытие Генеральных и Чрезвычайных кортесов Испанской империи. В марте 1812 г. была принята Конституция, согласно которой впервые в истории страны узаконен статус конституционной монархии, причем король не мог более двух раз наложить вето на принятый кортесами закон. Правом голоса с 1830 г. наделяли всех грамотных мужчин, однако выборы в кортесы были четырехступенчатыми. Кадисская конституция предопределила траекторию пути, пройденного Испанией в XIX в. После реставрации Фердинанда VII в 1814 г. эта конституция была отменена, однако в эпоху «либерального трехлетия» 1820–1823 гг., с начала революции Рафаэля Риго (1784–1823) и до ее подавления Священным союзом, она вновь действовала.

Разгром второй антифранцузской коалиции усилил влияние Наполеона в Германии. Под его давлением в феврале 1803 г. особая депутация при рейхстаге приняла постановление о секуляризации духовных владений и план «медиатизации» княжеств. Все духовные княжества упразднились, резко сократилось число имперских и вольных городов. Исчезло множество мелких государств, а их территории были переданы более крупным — Баварии, Бадену, Вюртембергу, Нассау, что стало важным шагом на пути преодоления раздробленности немецких земель.

В 1806 г. под протекторатом Наполеона учрежден Рейнский союз, объединивший более 20 государств. В них и областях, включенных в состав французской империи, были упразднены привилегии дворянства и духовенства, ликвидированы церковные владения; финансы, администрация и суд реформированы по французскому образцу, кое-где введен наполеоновский гражданский кодекс. Французский император стремился обеспечить прочный тыл для дальнейшего продвижения на восток. Вместе с тем он попытался создать прочный противовес Пруссии и Австрии, которые участвовали в антифранцузских коалициях.

Окончательное господство Наполеона в Германии установилось после

разгрома четвертой и пятой коалиций (1806, 1809). В 1807 г. Наполеон образовал Вестфальское королевство под управлением своего брата Жерома, которое просуществовало до 1813 г. Оно стало первой германской территорией, получившей новый основной закон. Он копировал французскую конституцию 1799 г. В прерогативы монарха входило назначение правительства, созыв представительного органа, монопольное право законодательной инициативы. Народное собрание обладало скромными полномочиями обсуждения и утверждения предложенных законопроектов. Вместе с тем устанавливалось равенство всех перед законом, признавалась веротерпимость и отменялись крепостное право и дворянские привилегии.

После наполеоновских войн реформы продолжались в государствах созданного Венским конгрессом Германского союза, несмотря на восстановление сословных привилегий и сословных принципов при формировании представительных органов. В области социально-экономических преобразований лидировала Пруссия, где были проведены реформы социально-экономического содержания: отмена крепостного права в 1807–1810 гг.; закон о таможенных пошлинах 1818 г., на основе которого в 1834 г. был создан германский таможенный союз, ставший важным шагом на пути к политическому единству немецких земель под эгидой Пруссии; в 1814 г. произошло законодательное оформление военной реформы. Еще в 1808 г. в Пруссии были введены элементы местного самоуправления, важнейшие городские дела передавались в руки выборных органов. Правом голоса наделялись лица, обладавшие доходом от 150 до 200 талеров или недвижимой собственностью, т. е. наиболее обеспеченные слои городского населения. Впоследствии в сфере политической демократизации лидировали юго-западные государства, в которых были приняты конституции (в 1818 г. — в Баварии, в 1819 г. — в Вюртемберге, в 1820 г. — в Гессен-Дармштадте), имевшие в своей основе французскую Хартию 1814 г.

Габсбургская империя не только не дала своим подданным обещанной конституции, но и неодобрительно смотрела на другие конституционные государства. Опираясь на Священный союз, австрийский князь Клеменс фон Меттерних (1773–1859) разработал систему вмешательства в дела второстепенных европейских государств для подавления в них либеральных и революционных движений.

В отличие от Франции, где возвращение на трон династии Бурбонов сопровождалось дарованием конституции, в итальянских государствах, особенно в Пьемонте, Папской области и Неаполитанском королевстве,

сами понятия «конституция» и «реформы» оказались под запретом, так что вплоть до 1840-х годов легальная оппозиция была невозможна и потому носила конспиративный характер. Во время революций в Пьемонте и Неаполитанском королевстве 1820–1821 гг. (подавлены Габсбургами с санкции Священного союза) в последнем действовала конституция на основе Кадисской.

XIX в. в России прошел под знаком модернизации ее экономики, социальных отношений и политических структур. Эти преобразования в целом совпадали с основными направлениями мирового процесса перехода к индустриальному обществу с характерными для него либерализацией и демократизацией всех общественных отношений, бурным научно-техническим прогрессом и победой рыночной экономики. Однако в России элементы нового общества в гораздо большей степени насаждались «сверху» самой императорской властью, стремившейся сохранить свои позиции внутри страны и на международной арене, а не органично вырастали «снизу» в ходе ее естественного развития. При этом великодержавные интересы государства, правящей династии и ее главной опоры, дворянства, неизменно господствовали над интересами большинства населения. Реформам в России всегда мешали деспотические традиции царизма, социальный эгоизм и инертность дворянства, незрелость российской буржуазии, некомпетентность и коррумпированность бюрократии, хронические финансовые затруднения правительства и традиционализм народных масс. В итоге путь российских реформаторов был трудным, назревавшие преобразования запаздывали.

Российские реформы начала XIX в. пришлись не на постнаполеоновскую эпоху, как в Европе, а непосредственно на годы революционных и наполеоновских войн. Среди реформ 1801–1804 гг., связанных с деятельностью так называемого Негласного комитета, в который входили молодые друзья императора Александра I — князь В.П. Кочубей (1768–1834), граф П.А. Строганов (1774–1817), Н.Н. Новосильцев (1761–1836), польский князь Адам Чарторыйский (1770–1861), — наиболее важными были амнистия жертв произвола Павла I и уничтожение Тайной экспедиции. Затем реформаторский процесс был прерван участием России в войнах с Наполеоном (1805–1807), закончившихся унижительным для Александра I Тильзитским миром, который значительно поколебал престиж императора в глазах российского дворянства. В ответ на дворянскую фронду император решил провести целую серию широкомасштабных политических реформ, призванных навести порядок в управлении империей и придать ей более европейский вид, поручив разработку новых

законопроектов М.М. Сперанскому (1772–1839). Однако проект Сперанского по разработке «Введения к Уложению государственных законов», в основу которого был положен принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей на волостном, уездном, губернском и общегосударственном уровнях, был реализован лишь в своей малой части. В 1810 г. был создан Государственный совет, просуществовавший до 1917 г.

Утверждение конституции в 1809 г. в Швеции, воевавшей с Наполеоном, но не покоренной им, стало итогом успешного заговора оппозиции, который привел к значительному ограничению власти короля. Новая форма правления сохранила за монархом право назначать правительство и чиновников на основе их деловых качеств, а также главнокомандующего. Законодательную власть король делил с представительным органом (риксдагом): обе стороны имели право законодательной инициативы и право абсолютного вето. Риксдаг сохранил сословный характер и состоял из четырех палат, формировавшихся на основе сословного принципа. За ними закреплялось исключительное право налогообложения, управление центральным банком и ведомством государственного долга. Правительство (статсрод), назначаемое королем, отвечало перед риксдагом за действия монарха. Без подписи всех его членов королевские постановления были недействительны. Тем самым вводился институт ответственности правительства перед парламентом. Важной частью конституции стало провозглашение гражданских свобод, отмена цензуры, введение свободы слова. В 1810 г. регентом и наследником престола при престарелом бездетном монархе был избран французский маршал Жан-Батист Бернадот (1763–1844) под именем Карла XIV Юхана.

Зимой 1813/1814 гг. усилилась политическая борьба в Норвегии, входившей в состав Датского королевства. В 1814 г. в Эйдсволле учредительное собрание разработало и приняло конституцию. Ее отличало строгое разделение властей: законодательная и налоговая была сосредоточена в руках однопалатного парламента (стортинга); исполнительная — короля; судебная — независимых от стортинга и короля судей. Король имел лишь отлагательное, а не абсолютное, как в Швеции, право вето. Условия унии Норвегии со Швецией приняли стортинг и риксдаг в 1815 г. Формально обе стороны были равноправны: их связывал общий король из династии Бернадотов и военный союз, но на деле внешняя политика Норвегии была подчинена шведской.

Введенные после обретения независимости в 1820-е годы конституции латиноамериканских стран зачастую следовали образцу Конституции

США, но в отличие от нее оказались очень хрупкими и недолговечными. Из всех этих стран за первые полвека самостоятельного существования изначально принятая конституция сохранилась только в Уругвае (действовала в 1830–1919 гг.), в остальных же была частично или полностью пересмотрена, а где-то сменилась несколько раз. Типичными приметами политической жизни этого региона стали военные перевороты, чередование конституционных правительств с диктаторскими режимами, гражданские войны.

Очередная волна революционных потрясений накрыла Европу в 1830 г. Вслед за Июльской революцией во Франции, вызванной пересмотром королем Карлом X (1824–1830) конституционной Хартии, революционное движение охватило многие страны континента. В сентябре 1830 г. вспыхнули волнения в некоторых государствах Германского союза (Саксонии, Брауншвейге, Гессене, Ганновере и Баварии), в результате которых были введены либеральные конституции и возобновлены аграрные реформы. 29 ноября 1830 г. началось восстание в Польше, подавленное русскими войсками только в сентябре 1831 г. В феврале 1831 г. последовали восстания в итальянских герцогствах Парме и Модене и принадлежавшей Римскому Папе Романье. Под влиянием Июльской революции 1830 г. усилилось движение за парламентскую реформу в Великобритании, за демократизацию Швейцарской республики, стала набирать силу борьба против абсолютистской реакции в Испании и Габсбургской империи. Наибольшее влияние французская революция 1830 г. оказала на соседнюю Бельгию. Революция завершилась для Бельгии отделением от Голландии и созданием независимого государства.

После событий 1830–1831 гг. характер и итоги перемен в Европе в самом широком смысле определялись влиянием политических и социальных сил, по-разному видевших перспективы развития общества, спецификой социальных конфликтов, силой радикальных течений, действенностью политики, проводимой правительствами. Решающее значение для германских и итальянских государств, Габсбургской империи имел национальный фактор.

Возможности реформ — постепенного и эволюционного, осуществляемого «сверху» властью при поддержке общества или под его давлением преобразования страны, — в XIX в. наиболее ярко продемонстрировала Великобритания. С начала 1830-х по конец 1840-х годов в стране была проведена серия важнейших политических и социальных реформ. В 1832 г. стал законом Билль о парламентской реформе вигского кабинета Чарльза Грея (1830–1834), которую английские

историки называют «великой». Ее значение действительно огромно, ибо она положила начало созданию современного гражданского общества в Великобритании. Реформа 1832 г. была первой в ряду реформ избирательного права в Великобритании в XIX в., поколебавшей средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц и ознаменовавшей начало перехода к новым принципам представительства от количества населения. Помимо этого в 1830-1840-е годы парламент провел следующие реформы: отменил рабовладение в британских колониях, ограничил труд детей на фабриках и учредил фабричную инспекцию, ввел единую систему городского самоуправления. Отмена хлебных законов в 1846 г. и Навигационных актов в 1849 г. ознаменовала победу либеральных принципов свободы торговли (фритреда), невмешательства государства в предпринимательскую деятельность.

Для Франции годы Июльской монархии (1830–1848) были важным этапом становления и развития либеральной идеологии, парламентаризма и правового государства. Именно в это время здесь сформулированы политические правила и традиции, ставшие составной частью современных политических институтов Франции. Новый государственный строй был законодательно оформлен в конституционной Хартии 1830 г., которая представляла несколько измененный вариант Хартии 1814 г. Она свидетельствовала о дальнейшей либерализации режима и переходе от наследственного к выборному способу передачи государственной власти.

Хартия, создававшая законодательную базу для режима парламентского правления, рассматривалась в качестве договора между французским народом и свободно избранным им королем; в ней отсутствовало вступление, в котором говорилось, что королевская власть «дарует» французам основные свободы и права; они были признаны естественными и неотъемлемыми. Королю присваивался титул «короля французов», который заменил прежнюю формулировку — «король Франции». Королевскому знамени возвращались цвета революции. Король не мог приостанавливать действие законов и лишался права отменять их. Отменялся государственный статус католицизма. Положения о свободе печати были дополнены отменой цензуры. Значительные изменения претерпело пассивное и активное избирательное право. Был снижен возрастной ценз, имущественный ценз заменен требованием уплаты прямых налогов на сумму не менее 200 франков в год. Депутаты, занявшие оплачиваемые государственные должности, обязаны были сложить полномочия и вновь выдвинуть свою кандидатуру на выборах.

В первые годы Июльской монархии кабинетами короля Луи-Филиппа Орлеанского была проведена реформа избирательного права (1831); принят закон, восстанавливавший выборность муниципальных советников, которые со времен Наполеона назначались правительством (1831); в соответствии с законом от 22 марта 1831 г. вместо Королевской гвардии была образована Национальная гвардия, членами которой могли стать все граждане, платившие налоги и на свои средства приобретающие обмундирование; в 1833 г. был принят закон о начальном образовании, в соответствии с которым каждая коммуна должна была открывать у себя начальную школу, а каждый департамент — педагогический институт; был принят закон о выборах членов генеральных советов департаментов и окружных советов. Однако дальнейшее замедление темпа реформ привело к росту оппозиционных настроений в обществе.

В Испании в 1833 г. после смерти короля Фердинанда VII начинаются кровопролитные карлистские войны, конфликт между регентшей Марией-Кристиной, матерью несовершеннолетней королевы Изабеллы, и братом короля, доном Карлосом, которые можно считать реакцией на разрушение социально-экономической системы Старого порядка, популистским протестом против городского либерализма, бунтом распадающегося традиционного общества против любых форм модернизации. В течение долгих лет первой карлистской войны (1833–1840) дело либералов оказалось тесно связанным с утверждением на троне Изабеллы II (1833–1868), и между ними был достигнут своего рода компромисс, результатом которого явилось установление конституционной монархии, что было закреплено в королевском статуте 1834 г. Статут устанавливал представительный парламентский режим, наделив правом голоса 0,15 % населения, и не мог удовлетворить тех, кто стремился восстановить Кадисскую конституцию 1812 г. В августе 1836 г. сержанты, охранявшие королевскую резиденцию, подняли мятеж, вынудив Марию-Кристину согласиться на ее восстановление. Новая конституция была принята Чрезвычайными кортесами в июле 1837 г., в ней были более тщательно проработаны гарантии прав граждан, подтвержден принцип независимости судей. В отличие от Конституции 1812 г., кортесы стали двухпалатными. Высокий имущественный ценз сокращал избирательный корпус до 65 тыс. человек, т. е. до 0,35 % населения. В 1845 г. во время правления фактического диктатора, генерала Рамона Нарваэса (1800–1868), была принята самая консервативная конституция страны, отвергшая принцип народного суверенитета в пользу суверенитета короля и кортесов.

В Бельгии после установления окончательного мира с Нидерландами в

1839 г. либеральная партия, опиравшаяся на промышленную и торговую буржуазию, способствовала экономическому подъему страны принятием ряда законов, установивших свободу торговли, а также провела парламентскую и избирательную реформы (1846). В 1848 г. был издан закон, по которому ни один государственный чиновник не мог быть избран в парламент.

В Венгрии, являвшейся составной частью Габсбургской империи, в середине 1830-х годов под влиянием европейских революций и «национальных возрождений» начало оформляться радикальное политическое течение, требовавшее соединения гражданских свобод с национальным суверенитетом. Лидером этого течения стал Лайош Кошут (1802–1894). Государственным собранием 1843–1844 гг. были приняты, правда в форме декларации, решения об обязательном выкупе крестьянских повинностей, отмене майората, праве недворян поступать на государственную службу.

В Италии движение за реформы было тесно связано с борьбой за объединение страны — Рисорджименто. В 1830-1840-е годы формируются два направления Рисорджименто — демократическое в виде мадзинизма и близких ему по духу радикальных течений и организаций и «умеренное», которому выпало сыграть важную роль сначала в революции 1848–1849 гг., а затем в модифицированном виде на завершающем этапе Рисорджименто в 1850-1860-е годы. Во второй половине 1840-х годов развитие реформаторского движения в Италии было связано с избранием на пост римского папы Пия IX (1846–1878). Созданная им правительственная комиссия провела ряд реформ, прежде всего политическую амнистию. Однако начавшееся движение за реформы застало «умеренных» врасплох. Принятые конституции — в Неаполитанском королевстве, Тоскане, Пьемонте, Папской области — не внесли успокоения в умы и настроения пробудившихся общественных сил. Да и сам папа вскоре перешел на консервативные позиции, а Италия оказалась охвачена революционным огнем, перекинувшимся на всю Европу и прервавшим восемнадцатилетний период европейской стабильности.

Революции 1848–1849 гг. историки именуют «синхронными» или же рассматривают, вслед за Марксом, как единую «европейскую революцию», затронувшую Францию, Габсбургскую империю, германские и итальянские земли. Как отмечал Э. Хобсбаум, «в истории современного мира было множество больших революций и, конечно, множество более успешных. Но не было ни одной, которая распространялась бы быстрее, подобно лесному пожару, преодолевая границы и охватывая все новые страны». Во Франции

и Германии рабочий класс впервые выступил как самостоятельная политическая сила.

Можно выделить следующие общие черты, присущие европейским революциям. Во-первых, это национальный фактор для Габсбургской империи, германских и итальянских государств. Во-вторых, везде в той или иной мере звучали лозунги, требовавшие установления республики, ограничения абсолютизма, национальной независимости, национального объединения, улучшения положения рабочего класса, ликвидации сословных привилегий и сословного строя, расширения прав представительных законодательных учреждений, отмены сеньориальных повинностей.

Каковы же были итоги «весны народов» 1848–1849 гг.? С одной стороны, повсюду в Европе революция потерпела поражение. Демократические силы нигде не смогли добиться успеха и достичь своих целей. Нигде не были достигнуты национальные цели революции — обеспечение национально-государственного суверенитета и единства: Германия и Италия остались раздробленными; не изменилось положение Польши, Венгрии, чешских земель, находившихся под властью Габсбургов южных славян, румынского народа дунайских княжеств.

Несмотря на поражение, революции серьезно изменили политический ландшафт Европы. Во Франции возрастной ценз был снижен до 21 года, а ценз оседлости предполагал проживание в избирательном округе не менее 6 месяцев. Чрезвычайно демократичные прямые и всеобщие выборы в Учредительное собрание, которое должно было принять новую конституцию, продемонстрировали небольшую поддержку республиканцев, не пользовавшихся доверием значительной части французского крестьянства. Стремление к установлению сильной исполнительной власти определило выработку принципиального решения об учреждении президентской республики. Глава государства избирался народом на 4 года и получал права конституционного монарха. Он назначал и смещал министров, высших должностных лиц, распоряжался вооруженными силами. Президент наделялся правом законодательной инициативы, которую осуществлял через министров. Вместе с тем были заложены положения, направленные на усиление зависимости президента от Национального собрания, чтобы несколько ослабить исполнительную ветвь власти. В целом в новой конституции, утвержденной 4 ноября 1848 г., законодательная власть принадлежала Национальному собранию, которое избиралось каждые три года, и должно было заседать непрерывно. Депутаты провозглашались представителями не только своего округа, но и

всей Франции. Они получали вознаграждение, обладали иммунитетом и не могли занимать оплачиваемые должности.

В конституции было заложено противоречие между сильной исполнительной и более слабой законодательной ветвями власти. При этом Национальное собрание наделялось полномочиями по отстранению президента, в то же время глава государства мог устранить его только неконституционным путем. Первые же выборы принесли победу внучатому племяннику Наполеона — Луи-Наполеону, получившему поддержку крестьянства. Уже в декабре 1851 г. президент совершил переворот. За основу нового основного закона была принята конституция Первой империи. В ноябре 1852 г. сенат восстановил империю и провозгласил Луи-Наполеона императором французов. Тем не менее правовые и демократические завоевания революции 1848 г. вошли в политическую практику Второй империи.

Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне разработало конституцию союзного германского государства. При этом оно основывалось на трехразрядном избирательном праве: население делилось на три курии согласно величине уплачиваемых налогов. В середине XIX в. в первую курию входили 4,7 % населения, вторую — 12,7 %, третью — 82,6 %. Высшими органами власти по имперской конституции стали император, канцлер и двухпалатный парламент (бундестаг и рейхстаг). Император сохранял широкие полномочия: назначал имперского канцлера, созывал, открывал и закрывал заседания палат, распускал рейхстаг. Он также разрабатывал и публиковал имперские законы. Основными институтами власти по имперской конституции стали император, канцлер и двухпалатный парламент (бундестаг и рейхстаг). Император сохранял широкие полномочия: назначал имперского канцлера, созывал Германский союз. Обладая 17 голосами из 58, Пруссия имела возможность не допустить изменения конституции. Рейхстаг, главным образом, занимался обсуждением правительственных законопроектов. Таким образом, в Германии утвердилась конституционная монархия, причем правительство отвечало перед государем, а не парламентом.

Ф. Шрёдер. Карикатура «Панорама Европы в августе 1849 г.».
Дюссельдорфский ежемесячный альманах

Массовые манифестации в Копенгагене, проходившие после получения известий о революции во Франции, вынудили нового короля Фредерика VII (1848–1863) отказаться от абсолютной власти. Национальное собрание приняло в 1849 г. конституцию, которая вводила двухпалатный парламент, всеобщее избирательное право для мужчин. В Нидерландах оппозиция заставила Вильгельма II (1840–1849) объявить о пересмотре конституции. Новый основной закон разработала комиссия во главе с Йоханом Рудольфом Торбеке (1798–1872), а приняли на правах Учредительного собрания Генеральные штаты. Исполнительная власть вручалась правительству, ответственному перед парламентом. Законодательная власть закреплялась за двухпалатными Генеральными штатами: верхняя избиралась на 9 лет штатами провинций из числа самых крупных податных плательщиков, демократичнее был избирательный ценз нижней палаты, обновляемой наполовину каждые два года.

Великобритания избежала революционных потрясений в 1848–1849 гг., но оказалась охваченной мощным чартистским движением (от англ. charter — хартия), участники которого на протяжении полутора

десятилетий, с конца 1830 по конец 1840-х годов, настойчиво требовали от правительства введения всеобщего избирательного права и жалования депутатам за время их работы в парламенте.

Несмотря на поражение, чартистское движение во многом стало катализатором последующей трансформации избирательной системы в стране. В 1867 г. была проведена вторая парламентская реформа, вновь сократившая число «карманных местечек», снизившая имущественный ценз, а главное — распространившая избирательное право не только на домовладельцев и арендаторов целых строений, но и на тех, кто снимал квартиру не менее 12 месяцев. Низшие слои городского среднего класса и «рабочая аристократия» пополнили ряды избирателей. Характерно, что эта реформа была проведена торийским правительством графа Дерби (1866–1868), что свидетельствовало о переменах в консервативной партии, стремившейся привлечь избирателей. В 1872 г. был принят закон о тайном голосовании (так называемая австралийская баллотировка), в 1884 г. — новый выборный закон, вследствие которого число избирателей удвоилось, составив около 60 % мужского населения Соединенного королевства старше 21 года. Реформа 1885 г. сделала более справедливым распределение населения в избирательных округах.

Состав верхушки обеих партий, а следовательно и правительства, мало отличался от предшествовавших десятилетий, но вот социальное происхождение рядовых парламентариев, так называемых заднескамеечников, прежде всего либералов, претерпело значительные изменения. В либеральной партии к началу XX в. земельные собственники составляли 7 %, а предприниматели — 70 %. В палате общин появилась новая формация политиков. Парламентарии-либералы после второй и третьей избирательных реформ, как правило, были представителями среднего класса, чаще всего предпринимателями и юристами. Важнейшим отличием новых членов парламента стало обладание опытом работы на выборной должности в городском совете или совете графства, наблюдательном или попечительном совете школы, местных политических организациях. На смену ораторскому искусству, столь ценимому в XVIII столетии и еще в первой половине XIX в., приходил новый деловой язык. Хотя доля биллей, инициаторами которых выступали независимые депутаты, на протяжении века постепенно уменьшалась, личная инициатива парламентариев во время прений возросла. Заднескамеечники все шире втягивались в работу парламента. В 1881 г. ирландские депутаты в борьбе за самоуправление (гомруль) прибегли к обструкции, выступая друг за другом почти 42 часа. После этого спикер получил право ставить

вопрос о немедленном прекращении прений или об их завершении к определенному сроку.

Во второй трети XIX в. политика реформ стала характерной чертой как либеральных, так и консервативных кабинетов. В частности, либеральным правительством Уильяма Гладстона (1868–1874), вошедшим в политическую историю Великобритании как «реформаторское», были проведены следующие преобразования: принят закон об отделении государственной церкви в Ирландии, согласно которому ирландцы (почти исключительно католики) перестали платить церковный налог в пользу Англиканской церкви; принят ирландский земельный закон 1870 г.; проведена школьная реформа 1870 г., предоставившая детям из рабочей среды возможность получить начальное образование; принят закон о гражданской службе 1870 г.; в ответ на совершенствование прусской армии проведена военная реформа 1868–1874 гг.; принят закон о легализации тред-юнионов 1871 г. (в 1900 г. рабочие активисты создадут лейбористскую партию). В ходе своего четвертого министерства (1892–1894) «великий старец» (так называли современники Гладстона) пытался продолжить реформаторский курс, однако осуществить удалось лишь реформу местного самоуправления, предполагавшую создание выборных приходских советов, и ввести прогрессивный налог на наследство (1894).

Консервативное правительство Бенджамина Дизраэли на сессиях 1874–1876 гг. также приняло ряд социальных реформ, в частности разрешив рабочим пикетирование. В конце XIX в. консервативным кабинетом было учреждено министерство просвещения, которое ввело обязательное начальное обучение; ирландцы получили земельный билль, помогавший крестьянам приобретать участки, а также местное самоуправление, как в Англии, Уэльсе и Шотландии (1898).

Логическим итогом парламентских преобразований XIX в., знаменовавшим завершающий этап демократизации британской политической системы Нового времени, стал закон 1911 г., лишивший верхнюю палату права рассматривать финансовые билли, а в отношении других законопроектов сохранивший за ней право отсроченного вето. В 1912 г. в парламенте были рассмотрены законы об отделении Англиканской церкви от государства в Уэльсе и введении самоуправления в Ирландии. Оба закона были приняты, но их осуществление отложила Первая мировая война. Только в 1918 г. право голоса получили все мужчины старше 21 года и женщины старше 30 лет.

Во Франции путь модернизации оказался гораздо более сложным и зигзагообразным, вместившим в 1789-1870-е годы четыре революции,

смену трех династий, когда монархия приобретала то более или менее конституционные формы, как при реставрированных Бурбонах и Орлеанах, то цезаристский характер при империях двух Бонапартов. В 1860-е годы курс императора Наполеона III смягчился: в период «либеральной империи» была восстановлена свобода печати и собраний, установлен контроль палат над деятельностью министров, приняты декреты, расширявшие права законодательных палат, провозглашен принцип парламентской ответственности правительства (1869).

Крушение Второй империи в ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. привело к установлению в Париже 18 марта 1871 г. радикально-демократической власти Коммуны, городского самоуправления Парижа. В ответ часть монархистов пошли на компромисс с умеренными республиканцами, итогом которого стали три конституционных закона 1875 г., составившие конституцию Третьей республики. Президент избирался обеими палатами (палата депутатов и сенат) Национального собрания на 7 лет и мог быть переизбран. Президент обладал законодательной инициативой, правом назначения на все гражданские и военные должности, но со временем сохранил скорее представительские функции. Исполнительная власть передавалась в руки правительства, ответственного перед Национальным собранием. Важной чертой новой конституции стала относительно несложная процедура ее изменения в отличие от конституций 1793, 1795 и 1848 г. Последним стало решение о ликвидации пожизненного назначения сенаторов и установление выборности всех депутатов. Несмотря на всеобщее право голоса для мужчин, представительство было непропорциональным, преимущество оставалось за сельскими, а не городскими округами.

Нашумевшее «дело Дрейфуса», связанное с осуждением невинного капитана еврея Дрейфуса якобы за измену отечеству (1894), и его освобождение в 1899 г. доказали окончательное упрочение республиканской формы правления во Франции. В годы президентства Эмиля Лубе (1899–1906) был проведен ряд реформ: признаны права профсоюзов, муниципальные власти стали выборными, военная система изменена по образцу прусской, проведена реформа системы образования по немецкому образцу, а в 1905 г. церковь была отделена от государства.

В Габсбургской империи проблема политических реформ переплеталась с движением за национальную автономию. В 1860 г. конституционная форма правления была введена формально и пересмотрена в 1861 г. Для обсуждения общеимперских дел предполагалось создание рейхсрата (парламента), куда все земли посылали

своих представителей на основе двухстепенных выборов. Вторая палата рейхсрата должна была обсуждать дела Венгрии. Закон, вводивший представительные органы, не разграничивал полномочия судебной и исполнительной власти, не закреплял основные права граждан.

Поражение в войне с Пруссией в 1866 г. стимулировало преобразование империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, провозглашенную конституцией 1867 г. Эта конституция не была октроирована монархом, а вступила в силу после принятия ее рейхсратом, что сказалось на содержании конституционных законов, закреплявших гражданские права и свободы, разделение властей, ответственное министерство, суд присяжных. Австрийский избирательный закон 1873 г. установил прямые выборы по 4 куриям (помещики, торговые палаты, городская, деревенская). Право голоса сохраняло цензовую систему, в результате им было наделено 10,3 % населения. В 1896 г. города и деревни получили пятую, всеобщую курию, хотя неравенство оставалось огромным: в 1901 г. для избрания депутата в первую курию требовалось в среднем 64 голоса, вторую — 26, третью — 4193, четвертую — 12290, пятую — 69503. В 1907 г. под давлением социал-демократов курии были отменены, вводилось всеобщее избирательное право для всех мужчин старше 24 лет, проживавших в одном месте более года, однако распределение избирательных округов было не всегда справедливым. В Венгрии после победы либералов на выборах в 1899 г. были введены гражданский брак, свобода богослужения и равноправие евреев.

Не меньшее значение австро-прусская война имела и для судеб Германии. В сентябре-августе 1866 г. все германские земли к северу от р. Майн образовали новое государство — Северогерманский союз — в виде конституционной монархии под эгидой Пруссии. После победы над Францией в войне 1870–1871 гг. 18 января 1871 г. в Зеркальной галерее Версаля была провозглашена Германская империя, которая в том же году получила конституцию. В годы канцлерства преемника Отто фон Бисмарка Лео Каприви (1890–1894) был проведен ряд важных экономических реформ: введен прогрессивный подоходный налог, завершена земельная реформа, т. е. отменены почти все остатки юнкерских привилегий.

На 1850-1860-е годы приходится решающая стадия в создании единого итальянского государства. Она была связана с деятельностью умеренных либералов во главе с премьер-министром Пьемонта Камилло Бенсо Кавуром (1852–1859, 1860–1861), стремившимся утвердить либеральные конституционно-парламентские принципы и создать условия для укоренения принципов свободной торговли. 14 марта 1861 г. состоялось

торжественное провозглашение итальянского королевства и признание Виктора Эммануила II королем Италии «милостью Божьей и волей нации». В 1871 г. Рим был признан столицей итальянского государства.

Пьемонтский (Альбертинский) статут 1848 г. был основан на французской хартии 1830 г. и походу Рисорджименто распространялся на каждую присоединенную область. Монарх объявлялся главой исполнительной власти и делил законодательную власть совместно с парламентом (сенатом и палатой депутатов). И хотя все они располагали правом законодательной инициативы и право бессрочного отлагательного вето, король имел преимущество, так как мог издавать и декреты регламенты. Сложилась парламентская ответственность правительства, однако кабинеты были неустойчивы, срок их существования на протяжении последней трети века в среднем едва превышал 12 месяцев.

Несмотря на то что Испания не участвовала в европейских революциях 1848–1849 гг., заговоры военных, городские восстания и события 1854–1856 гг., названные современниками революцией, хотя и подавлялись твердой рукой фактического диктатора Нарваэса, расшатывали режим, а вместе с тем и подрывали доверие к королеве. После смерти Нарваэса в 1868 г. Изабелла II была свергнута и Испания вступила в период политической и социальной нестабильности. Это «демократическое семилетие» завершилось реставрацией монархии.

Конституция, принятая Учредительными кортесами в годы «демократического семилетия» в июне 1869 г., основывалась на всеобщем избирательном праве для мужчин старше 25 лет. Формой правления провозглашалась монархия, но при этом допускались выборы короля кортесами и даже импичмент главы государства. Конституция предусматривала широкие права граждан, включая свободу собраний, ассоциаций и вероисповедания. Устанавливалась двухпалатная система: палата депутатов избиралась прямым голосованием из расчета 1 депутат от 40 тыс. испанцев, сенатором (по четыре от каждой провинции) мог стать гражданин старше 40 лет, имевший опыт в общественной, административной или предпринимательской деятельности.

Согласно новой конституции, принятой кортесами в мае 1876 г. после завершения последней карлистской войны и реставрации монархии, персону короля объявлялась неприкосновенной. Основой власти и легитимности новой системы объявлялись монарх и кортесы, владевшие законодательной инициативой. Кортесы состояли из двух палат: конгресса и сената. Конгресс избирался на 5 лет из расчета 1 депутат от 50 тыс. человек. Сенат состоял из наследников короля, грандов Испании, высших

представителей армии, церкви, администрации, выборных от корпораций и лиц, плативших высокие налоги. Права граждан были столь же широки, как и по конституции 1869 г. Эта конституция обозначила завершение тяжелой перестройки Старого порядка в Испании и просуществовала до сентября 1923 г.

В 1815 г. Венский конгресс признал существование Швейцарской конфедерации из 22 кантонов. С 1843 г. католические кантоны (в итоге — пять немецко- и один франкоязычный) объединяются в Зондербунд («особый союз») с целью сохранить влияние церкви и противодействовать объединительной политике либералов. В ноябре 1847 г. вспыхнула короткая гражданская война, после которой иезуиты были изгнаны из Швейцарии. Принятая осенью 1848 г. по образцу североамериканской конституция учредила двухпалатный парламент (Федеральное собрание), состоявший из Национального совета и Совета государств. Центральным исполнительным органом стал Федеральный совет. Избирательным правом наделялись жители страны, достигшие 20 лет, была провозглашена свобода вероисповедания, печати и собраний. В отдельных, «лесных» кантонах сохранились элементы прямой демократии: население открытым голосованием решало вопросы, собираясь на ежегодные собрания. В 1874 г. конституция была дополнена, в частности провозглашался обязательный гражданский брак (антикатолическая мера) и обязательное бесплатное всеобщее светское образование. Федерализация Швейцарии, укрепление межкантональных связей способствовали ускорению развития капитализма.

Для стран Северной Европы, за исключением Дании, 1860-е годы стали временем нового, хотя и скромного сдвига в становлении демократического строя. В Швеции в 1865–1866 гг. под давлением снизу была проведена умеренная реформа, превратившая риксдаг, четыре палаты которого со средневековья формировались на основе сословного принципа, в двухпалатный парламент: верхняя палата формировалась местными провинциальными собраниями, нижняя — прямыми выборами. Сохранение высокого имущественного ценза лишало политических прав значительную часть населения. В Великом княжестве Финляндском в конце 1850 — начале 1860-х годов был проведен ряд реформ: введено делопроизводство не только на шведском, но и на финском языке, стали регулярно собираться четырехсословные ландтаги. Были устранены последние препятствия на пути капитализма, что привело к быстрому росту торговли с Россией.

Очередной этап модернизации российского общества вошел в историю

как эпоха «Великих реформ». Отмена крепостного права в 1861 г. открыла путь преобразованиям в области государственного и общественного устройства: были проведены отличавшиеся большим демократизмом земская и судебная реформы (1864), реформа городского самоуправления (1870), военная реформа (1874) и ряд других. Комплекс реформ, проведенных правительством Александра II, если и нельзя назвать «революцией сверху», поскольку они не затронули политического строя Российской империи, в любом случае следует признать значительным шагом вперед на пути к его обновлению. Однако этот процесс, медленный и мучительный, растянулся на многие годы, что вызвало в конечном счете революционные потрясения 1905–1907 гг.

Революция 1905–1907 гг. заставила власти пойти на реформы, способствовавшие преобразованию самодержавного строя в монархию конституционно-парламентского типа. О степени завершенности этого процесса много спорили как современники событий, так и историки и правоведы. Одни утверждали, что Россия получила в результате революции и конституцию, и парламентаризм, хотя и делали при этом множество оговорок, навеянных сравнениями с развитыми странами Запада. Другие считали, что установившееся в России «конституционное самодержавие» (1906–1917) было лишь ширмой, за которой скрывалась фактически неограниченная власть царя, высшей бюрократии и дворянства. В настоящее время чаша весов стала явно склоняться в сторону признания России в последнее десятилетие царствования Николая II конституционной монархией. Из наиболее важных реформ следует отметить манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов и подтвердивший манифест от 6 августа о создании парламента — Государственной думы. 23 апреля 1906 г. были утверждены Основные законы Российской империи, сохранявшие самодержавную власть монарха.

В государственно-правовой сфере главным историческим результатом эпохи революций явилось учреждение в странах Запада конституционно-парламентского строя и основных гражданских свобод. Еще в эпоху революций XIX в. были провозглашены и законодательно закреплены в качестве неотчуждаемых прав человека неприкосновенность личности, жилища, собственности, право на свободное выражение мыслей и мнений. В большинстве действовавших к концу XIX в. конституций признавалась веротерпимость. При отправлении правосудия повсеместно в Европе и Америке утвердились презумпция невиновности и право подсудимого на

защиту.

Из существовавших к концу XIX в. институтов гражданского общества активнее всего взаимодействовали с государством политические партии. К 1860-1880-м годам в большинстве стран Европы и Америки партии из непрочных объединений отдельных политиков или традиционных, практически клановых обществ превращались в массовые политические организации современного типа, боровшиеся за преобладание в представительных органах власти. Парламентская реформа 1867 г. в Великобритании побудила и тори, и вигов приступить в целях завоевания новых избирателей к созданию местных ассоциаций, клубов и других постоянно действующих форм объединения своих приверженцев.

В Британской империи и ее доминионах, в США на основе мажоритарного избирательного законодательства сложилась двухпартийная система. В США Гражданская война и Реконструкция закрепили смену системы «демократы — виги» системой «демократы — республиканцы», причем именно возникшая в 1854 г. Республиканская партия в целом сохраняла ведущее положение в последней трети XIX — начале XX в. В эпоху «позолоченного века» 1870-1890-х годов республиканцы и демократы оказались тесно связаны с крупным финансово-промышленным капиталом, высок был уровень внутрипартийной коррупции.

Континентально-европейская конституционная модель, в отличие от англо-саксонской, была основана на пропорциональной избирательной системе, а следовательно — на многопартийности. В Германской империи и во Франции Третьей республики ни одна из партий не могла получить абсолютное большинство депутатов, отчего рождались партийные коалиции. При этом немецкие партии выступали с ясными программами, собирали съезды, тогда как во Франции даже в начале XX в. партии в большинстве случаев существовали только как парламентские группы.

Во многих странах правительство стало формироваться победившей на выборах партией и отвечало перед парламентом (вплоть до вынесения вотума недоверия и отставки). К началу XX в. большинство парламентов формировалось из двух палат (исключение составляли Болгария, Сербия, Греция, Люксембург, Брауншвейг, Ольденбург, некоторые швейцарские кантоны). Повсюду, за исключением Дании, Швеции, Болгарии, некоторых швейцарских кантонов, депутаты обладали иммунитетом. В Соединенном королевстве депутат был подсуден только парламенту, в Бельгии и Франции для возбуждения дела требовалось разрешение парламента, в Бадене, Гессене, Ольденбурге, Португалии такое разрешение требовалось, чтобы осудить на лишение свободы.

Сроки полномочий верхних палат простирались от четырех до десяти лет, нижних — между одним (некоторые швейцарские кантоны) и семью годами (Соединенное королевство). Во Франции закон оговаривал, что заседания должны длиться не менее 5 месяцев в году. В конституционных государствах созыв происходил по формальному распоряжению монарха. В Бельгии был установлен определенный день начала заседаний — второй вторник ноября, в Норвегии — первый будний день после 10 октября. Председатель верхней палаты обычно назначался королем (Соединенное королевство, Венгрия, Италия, Нидерланды, Германия). Председатель нижней палаты избирался депутатами повсюду, за исключением Швеции.

Избирательное право для мужчин без имущественного ценза было впервые в мире введено в Швейцарии (1848). Затем его добились в Дании (1849), Колумбии (1853–1886), австралийских колониях (вторая половина 1850-х годов), Греции (1864), Испании (1869), Германии (1871), Португалии (1878), Новой Зеландии (1879), Болгарии (1879–1881, с 1883 г.), Бразилии (1891), Бельгии (1893), Австрии (1896, равное — с 1907 г.), Норвегии (1898), входившем в Российскую империю Великом княжестве Финляндском (1906), Австрии (1907), Швеции (1909), Италии (1912). Помимо Великобритании (1867, 1884), избирательный ценз сохранялся, но был существенно снижен в Италии (1882) и Нидерландах (1896). В Греции было установлено пассивное избирательное право для мужчин старше 21 года, активное — старше 30 лет. В Дании активное право распространялось на мужчин старше 30 лет, проживавших в данной местности не менее одного года, пассивное — на мужчин старше 25 лет. В Норвегии голосовало все мужское население старше 25 лет. В Испании также была установлена планка в 25 лет, но требовалось проживание не менее двух лет. В Болгарии требования были снижены — 21 год, проживание не менее полугода. Бельгийская конституция провозгласила всеобщее право голоса для мужчин старше 25 лет, проживавших в данной местности не менее года, и вдов. Вместе с тем мужчины старше 35 лет, имевшие детей и уплачивавшие не менее 5 франков прямых налогов, получали дополнительный голос на выборах, имевшие высшее образование — два дополнительных голоса. Неучастие в выборах стало административным правонарушением. С 1912 г. обязательным голосование стало в Аргентине. Так из привилегии право голоса превратилось в обязанность.

В последние десятилетия века усилилось движение суфражисток за женское избирательное право. В Великобритании женщины имели право голоса на местных выборах. К началу XX в. женщины получили избирательные права в Новой Зеландии (1893), Австралии (1902, Южной

Австралии — с 1894 г.), некоторых штатах США, Финляндии (1906). В 1907 г. на выборах в первый финляндский парламент, сменивший четырехсословный сейм (корпус избирателей увеличился тогда в 10 раз), женщины впервые в мире получили депутатские мандаты (их было 19 из 200 депутатов).

Таким образом, в XIX в. политические права носили ограниченный характер, действовал механизм отсеечения беднейших слоев населения, в ряде стран — военных, священнослужителей, слуг. Повсеместно избирательным правом наделялось наиболее консервативное большинство — крестьяне-собственники. Расширение избирательного права утоляло потребность граждан страны в политическом достоинстве и должно было служить защитой от социальных потрясений и революционного рабочего движения.

Ремесленники, городской пролетариат активно участвовали в революциях, но слитно с общедемократическим движением, не выделяясь внутри него ни организационно, ни политически. Однако накопление исторического опыта — особенно в ходе европейских революций 1848–1849 гг. — подготовило выделение рабочего движения в самостоятельную силу. Важную роль в этом процессе сыграла деятельность основанного в 1864 г. Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). С другой стороны, в 1871 г. во Франции произошла революция иного, чем предшествовавшие, социального содержания, которая передала — хотя и на короткий срок — политическую власть в Париже в руки рабочих (Парижская коммуна). Все это прокладывало путь идее организации пролетариата для самостоятельного политического действия, отличного и независимого от партий имущих классов. В последней трети столетия практически во всех странах с сильной промышленностью создаются и приобретают серьезный вес социал-демократические рабочие партии.

Профсоюзы к концу столетия представляли собой общенациональные организации, боровшиеся за улучшение условий труда рабочих, участвовавшие в политической борьбе и являвшиеся инициаторами социальных реформ. Используя различные формы давления на правительство (стачки, демонстрации, кампании протеста), профсоюзы сумели добиться принятия законов, устанавливавших определенную продолжительность рабочего дня и налагавших на государство некоторые обязательства по социальному страхованию рабочих, поддержке здравоохранения и начального образования.

XIX век заканчивался без исторических потрясений такого масштаба, какими в странах Запада ознаменовался его канун или начало. Многие на

его исходе питало у современников оптимистическую веру в устойчивое и все стороннее поступательное развитие общества, в будущий расцвет цивилизации, в безграничные возможности человеческого разума. И тем болезненнее оказалось осознание в скором времени иллюзорности этих надежд.

Летопись нескольких десятилетий на рубеже веков соединила в себе уникальные достижения индустриальной цивилизации и кризис мировоззренческих, социально-психологических, ценностных установок западных обществ, что окажется фатальным. «Прекрасная эпоха» (*belle époque*) стала для многих, как для Освальда Шпенглера, представляться «закатом Запада» (в России принят перевод «закат Европы»).

Реформы и революции в странах Востока

Вплоть до середины XIX в. Восток, несмотря на колонизацию, в сущности оставался прежним. Это не означало отсутствия изменений, просто они являлись во многом внешними и несущественными. Решительные перемены были связаны с началом века машинной индустрии, фабричного производства, конкурировать с которым восточное хозяйство, в частности ремесло, не могло. Колониальная политика способствовала модернизации, включавшей в себя совокупность процессов, охвативших почти все сферы общественной жизни, и адаптацию восточных обществ к условиям быстро формирующегося мирового капиталистического хозяйства.

Реформы XIX в., если взять их в целом, были отражением стремления Востока вырваться чуть ли не единым резким рывком из состояния отсталости и в чем-то главном сравняться с демонстрировавшими свое превосходство европейцами. В первую очередь встать на путь европеизации и реформ побуждало стремление преодолеть военную слабость. Европейский эталон был в то время если и не знаменем, то надежным ориентиром для власти имущих, которые были готовы активно сотрудничать с европейцами, жадно перенимали достижения науки и культуры, получали европейское образование. И хотя общество в целом обычно сопротивлялось реформам, это сопротивление сравнительно легко преодолевалось, особенно в колониях, где политическая власть находилась в руках колонизаторов. Как в колониях, так и в зависимых странах Востока осуществлялись конституционно-демократические преобразования по европейскому образцу, создавались законосовещательные советы или

парламенты, начинала реализовываться процедура демократических выборов.

В Османской империи еще в конце XVIII — начале XIX в. по инициативе и при поддержке султанов Селима III (1789–1807) и Махмуда II (1808–1839) были проведены реформы, ставшие прелюдией к переходу Османской империи к более радикальным новациям. 1839 год открыл новый этап в реформаторской политике верховной власти империи, получившей общее название «танзимат» (реформы). При этом характер и масштабы преобразований были обусловлены внешним фактором, поставившим на повестку дня вопрос о дальнейшем существовании самой Османской империи.

Военный и финансовый крах Порты в ходе Крымской войны 1853–1856 гг., ее зависимое положение на Парижской мирной конференции привели к появлению в стране «Общества новых османов» (1865), члены которого были воспитаны в духе реформ танзимата. В развернувшейся агитации и пропаганде «новые османы» отстаивали идею конституционного правления, что должно было символизировать единство османского общества перед внешними вызовами и способность страны самостоятельно перенимать отдельные институты представительной формы власти из Европы. Итогом стало принятие султаном Абдул-Хамидом II (1876–1909) 23 декабря 1876 г. первой конституции Османской империи, провозглашавшей страну конституционной монархией и предусматривавшей создание двухпалатного парламента.

Реформы в Египте были связаны сначала с деятельностью Мухаммеда Али (1805–1848), который создал мощную армию, централизовал торговлю и управление страной, уничтожил вакфы (имущество, отведенное на благотворительность и веру), отправлял молодежь учиться за границу. Наиболее ярко стремление вестернизировать Египет проявилось в деятельности хедива (так в 1867–1914 гг. назывался правитель Египта) Исмаила (1863–1879), впервые в истории страны созвавшего СовеЩательное собрание депутатов (1866). Хедив деятельно строил железные дороги, мосты, ирригационные системы, создавал новые кварталы Каира и Александрии по образцу парижских, используя на эти цели масштабные займы европейских держав. К открытию Суэцкого канала (1869) была построена Каирская опера, для которой хедив заказал у великого Верди «Аиду». В 1870 г. была открыта Национальная библиотека. Невозможность платить по внешним долгам привела к учреждению в 1876 г. Комиссии по египетскому долгу и признанию хедивом полного иностранного контроля над финансами страны. Ответом на такое унижение

стало восстание Ораби-паши (1879–1882), после разгрома которого Египет стал вплоть до 1952 г. *de facto* британской колонией.

В 1885 г. в Индии был основан Индийский национальный конгресс, бывший поначалу выразителем интересов местной европеизированной интеллектуальной элиты. Индийский национальный конгресс стал своего рода знаменем борьбы за демократическую трансформацию традиционной Индии, первой в истории страны нерелигиозной по существу парламентской общенациональной организацией. Параллельно с ним в те же годы активно действовали и религиозные лидеры индуизма, стремившиеся сблизить древний индуизм Веданты с христианскими течениями и выступавшие за движение навстречу друг другу всех мировых религий.

Центральным моментом новой истории Японии явились события 1867–1868 гг., известные в исторической литературе под названием «Мэйдзи исин» (буквально: обновление Мэйдзи). Они открыли перед Японией путь к широкомасштабной модернизации и предотвратили угрозу потери ее национальной независимости. Реставрация Мэйдзи изменила политический режим Японии, которая из сёгуната (традиционного полубюрократического государства), основанного на системе сословной иерархии, превратилась в современное централизованное государство (конституционную монархию) согласно конституции 1889 г.

Политика реформ в Китае во второй половине XIX в. явилась реакцией на тайпинское восстание (1850–1864), когда в правящих кругах Цинской империи росло осознание пагубности ее отставания от европейских держав. Итогом стало рождение концепции «самоусиления», заключавшейся в преобразованиях военно-технической сферы и создании условий для формирования китайского капитализма «сверху», усилиями государства. Неудача этого курса привела к формированию в китайском обществе реформаторского движения во главе с Кан Ювэем (1858–1927), доказывавшим необходимость радикальных преобразований Поднебесной империи.

Важной частью общественно-политического развития Востока стало движение религиозного реформаторства XIX — начала XX в., суть которого заключалась в переосмыслении традиционных представлений под лозунгом возврата к первоосновам религиозной доктрины или религиозно-философского учения с позиций рационализма через очищение от многовековых наслоений и искажений, через их «заземление» (социализацию, ориентацию на человека) и укрепление основ вероучения в современных условиях. Один из творцов исламского модернизма

Мухаммед Абдо (1849–1905) учил, что каждое поколение должно толковать Коран по-своему, исходя из своего жизненного опыта, и доказывал, что шариат признает халифат светским государством. Панисламист и панарабист, сириец Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849–1902) видел в исламе силы для обуздания деспотизма и проведения социальных реформ.

Во второй половине XIX в. многие европейцы надеялись, что с традиционной структурой Востока можно легко справиться и что в результате ряда реформ и умелого управления Восток впишется в европейские стандарты или, во всяком случае, легко смирится с той ролью, которую он занимал в структуре мирового рынка. Иллюзия такого рода во многом объясняется тем, что в XIX в. от имени восточных обществ выступали немногочисленные группы из числа социальных верхов, находившие общий язык с колониальными властями.

Ситуация стала изменяться к концу XIX в. и особенно в начале XX в. Меньше всего это было заметно в колониях, где шел непрерывный процесс преобразований, а административная власть была в руках колонизаторов. Зато в зависимых странах в результате их вовлечения в международное разделение труда наблюдалось усиление неоднородности экономических и социальных структур, сохранение и даже воспроизводство традиционных отношений. Правящие режимы, в отличие от властей колоний, оказались не готовы к проведению масштабной и последовательной модернизации. В итоге это вылилось в волну антимонархических, антидеспотических движений, получивших название «пробуждение Азии».

С начала XX в. страны Азии из объектов межимпериалистического соперничества и колониальной экспансии стали постепенно превращаться в субъекты международного права и политической борьбы, на Востоке началось становление современных форм политической жизни. Изменение привычного уклада общественно-политической жизни было связано с появлением «образованного класса», выдвинувшего совокупность воззрений, связанных с просвещением народа и проведением реформ. Центральным звеном этих воззрений была, конечно же, идея национального возрождения, широко распространившаяся к началу XX в. по всему Востоку и сплотившая самые разнородные в этническом, религиозном и социальном отношении слои восточного общества. В результате почти повсеместно наблюдалось слияние разных протестных потоков — стихийных выступлений крестьян и ремесленников, рабочих забастовок и демонстраций, активизации традиционных тайных обществ и сект, профессиональных ассоциаций и предпринимательских групп.

Политический процесс на Востоке испытывал огромное влияние

политической культуры метрополий. К началу XX в. почти все колониальные и зависимые страны уже много лет были знакомы с государственными учреждениями, нормами и традициями политической жизни метрополий. Идеи либерализма, парламентаризма, демократизма усваивались интеллигенцией, предпринимателями, служащими и студентами стран Востока тем быстрее, чем больше они противоречили политической практике метрополий в колониях. Поэтому даже самые умеренные и соглашательски настроенные представители социальных верхов не могли не возмущаться этим противоречием. В связи с этим их тактика от Алжира до Индии была примерно одна: подчеркивая свою лояльность метрополии, требовать осуществления колониальными властями принципов и законов метрополий, тем самым как бы распространяя на жителей Востока права граждан европейских стран. Разумеется, колониальные власти это отвергали, что способствовало росту напряженности и повсеместному усилению радикальных политических течений и сил.

Под «пробуждением Азии» имеется в виду революционный подъем 1905–1911 гг. в Иране, младотурецкая революция 1908–1909 гг. в Османской империи и Синьхайская революция 1911–1913 гг. в Китае. Это были антимонархические, антидеспотические революции, происходившие в условиях существования зрелой капиталистической системы в мире. Как известно, иранская революция потерпела поражение, а младотурецкая и синьхайская победили. Однако далеко идущих и различных по значению последствий эта разница не имела, ибо и победившие революции не привели к быстрому преобразованию «старых порядков», революционный цикл продолжился кемалистской революцией в Турции и гоминьдановской в Китае. Тем не менее всюду, где эти революции произошли, был сделан значительный шаг на пути перемен. В частности, в Иране была провозглашена первая в азиатских странах демократическая конституция со всеобщим избирательным правом для мужчин (1906) и создано представительное учреждение (меджлис); в Китае рухнула монархия; в Османской империи руководившие революцией политические силы добились доступа к государственной власти.

Политическая мысль XIX века

На протяжении XIX в. в странах Запада, а затем и Востока происходила заметная идеологизация общественной жизни. Этот процесс

был порожден обострением противоречий между «старыми» и «новыми» социальными группами, а также нарастанием классовых конфликтов уже в самой индустриальной системе. Усиление общественной роли социально-политической идеологии было тесно связано с демократизацией государственного управления, закреплением конституционной модели правоотношений, распространением республиканских институтов. Постепенное расширение открытости власти радикально меняло формы политической коммуникации — повышало значимость общественно-политической публицистики и прессы, способствовало консолидации политических группировок и формированию на их основе партий.

В XIX в. в странах Запада существенно изменились и ментальные основы социально-политической идеологии. Завершался распад религиозной и метафизической картины мира, нарастал кризис связанной с нею этической системы. Элитарные философские концепции не могли заполнить образовавшуюся мировоззренческую нишу. И по мере того, как человеческая жизнь все больше перестраивалась по производственному принципу, а «деловая проза» начинала определять общепринятые мотивы поведения, возрастала роль новых идеологических проектов. Их характерной чертой стало возведение политических принципов в ранг мировоззренческой позиции и одновременно сведение духовных, ценностных проблем к вопросам политического выбора и социального противоборства. Рождалась своего рода «политическая религия» — «метаполитическая» идеология, призванная закрепить новую систему ценностных и поведенческих ориентаций.

«Метаполитический» стиль мышления формировался в лоне позитивистской методологии и мировосприятия. Позитивизм привнес в политическую жизнь идеи строгой научности, объективизма, утилитарности. Под его влиянием сформировалось стойкое убеждение, что идеологические концепции можно разделить на прогрессивные и реакционные, «исторически верные» и ошибочные. С первой категорией соотносились теории, «научно обоснованные», опирающиеся на анализ закономерных, причинно-следственных в своей основе связей в развитии общества. Со второй — мировоззренческие системы, отрицающие саму идею прогресса и ориентирующиеся на традиционные, освященные религией принципы общественного устройства.

Важнейшим компонентом идеологических концепций позитивистского типа был исторический прогноз, основанный на представлениях о закономерном развитии общества. В рамках его обосновывалась идея всеобщего социального и мировоззренческого переворота,

детерминированного строгими законами прогресса. В трактовке грядущих перемен различные идеологические направления существенно разнились, но единым оставалось представление об универсальности принципов общественного развития, второстепенной значимости этнонациональной, конфессиональной, культурной специфики отдельных стран и регионов. Как следствие, идеологии позитивистского типа приобретали ярко выраженный мобилизационный и даже революционный характер. Они утверждали не столько важность той или иной модели политического управления, сколько необходимость торжества определенного образа жизни. Характерный для них пафос исторического оптимизма порождал крайнюю безапелляционность, бескомпромиссность и жестокость в решении вопроса о социальных издержках общественного прогресса.

В классическом варианте черты идеологии позитивистского типа оказались присущи концепциям либерализма и научного социализма. Они отличались механистическими представлениями о социальном порядке, идеями договорной природы власти и гражданского сообщества, правового формализма и классовой обусловленности государственной организации. Это придавало классическим концепциям либерализма и социализма черты своеобразной «социальной инженерии», учений о целесообразном преобразовании общества с помощью все более «правильного» его устройства.

Доктрины либерализма и социализма отразили мировоззренческие ориентиры ведущих социальных групп индустриального общества. Для них была характерна апелляция к принципу народного суверенитета и идее демократии как единственно легитимной модели политико-правового устройства. При этом торжество демократии рассматривалось как условие для решения еще более важной задачи — создания подлинно свободного общества. Категория «свободы» приобретала уже не только политический, но и социальный смысл. Свобода трактовалась как безусловное общее благо и залог социальной справедливости, а освобождение — как основной ориентир общественного прогресса. Но понимание природы и источников социальной справедливости, упование на индивидуалистическое или коллективистское начало общественной жизни, связанные с этим модели «освобождения» общества решительно размежевывали либеральную и социалистическую традицию общественной мысли.

Термин «либерализм» впервые был употреблен в 1810 г. в Испании — стране, которая не была ни оплотом, ни родиной, ни даже сколько-нибудь влиятельной или заметной выразительницей либеральных идей. «Либералами» в Испании называли группу делегатов в Кадисских

кортесах. Позднее этот термин вошел в английский, французский, а вслед за ними и почти во все европейские языки. Вместе с тем многие теоретические положения либеральной доктрины разрабатывались в европейской политической и правовой мысли еще в XVII–XVIII вв. Идеологическая система классического либерализма вобрала в себя широкий комплекс положений, интегрирующих экономические, социальные, политические, правовые, культурные аспекты модернизации в единую цивилизационную парадигму. Либерализм превратился в мировоззренческий символ индустриального общества и сформировал базовые ориентиры его развития. Ключевые принципы либеральной идеологии были сформулированы в период разработки американской конституции 1787 г., а также в годы Французской революции конца XVIII в.

Поправки к Конституции США 1787 года

Поправка XIV

Раздел 1. Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов. (Ратифицирована 9 июля 1868 г.)

Поправка XV

Раздел 1. Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи, либо по причине нахождения в прошлом в подневольном услужении. (Ратифицирована 2 февраля 1870 г.)

Основу либеральной социальной философии составило представление о самоценности автономной личности и, как следствие, о безусловном преобладании индивидуального начала в общественной жизни. Человек, являющийся полноценной личностью уже в силу своего рождения, обладает правом полностью распоряжаться собственной судьбой,

самостоятельно избирать ориентиры в жизни, пути реализации своих желаний и стремлений. Свобода личности как выражение естественных индивидуальных прав и равенство людей в естественном праве каждого на свободу стали ключевыми принципами либерально-демократической ценностной системы.

Категория свободы в классической либеральной традиции воспринималась сквозь призму проблемы освобождения личности в условиях крушения Старого порядка. Процесс модернизации включал в себя помимо созидания нового общественного порядка непримиримую борьбу против устоев предыдущего. Тем самым складывались основы особого негативного понимания свободы как «свободы от» — от диктата общества, искусственных, навязанных извне ценностей, внешних ограничений. Свобода воспринималась не как средство обеспечения определенного социального устройства, а как самоцель. Образовалась устойчивая психологическая установка на неограниченность преодоления состояния несвободы, абсолютизацию этой ценностной категории. Символом такой модели общественных отношений стал принцип *laissez-faire* (принцип невмешательства) — представление о том, что социальное творчество освобожденного человека и естественный, нерегламентированный ход общественного развития могут наилучшим образом решить практически все проблемы, стоящие перед человечеством.

Для политической программы классического либерализма были характерны отрицание деспотизма и произвола, борьба за утверждение конституционных норм, парламентского строя, ограничение функций государства в экономической жизни, постепенное расширение списка свобод и прав личности. При этом считалось, что эти изменения должны быть достигнуты эволюционным путем, без давления со стороны «толпы» и даже без ввода всеобщего избирательного права. Идеалом считался строй цензовой демократии, где принцип суверенитета народа являлся скорее общей декларацией, нежели реальным основанием для организации государственной жизни. Провозглашая народ источником власти, либералы рассматривали в качестве суверена скорее корпус избирателей — активных граждан, обладающих необходимым правовым статусом для участия в государственной жизни.

Социально-исторические и национально-культурные особенности ведущих стран Запада предопределили развитие классического либерализма в двух направлениях. Специалисты выделяют две исторически сложившиеся либеральные традиции: англо-саксонскую и континентально-европейскую. В воззрениях англо-американских политических мыслителей

(Томас Мальтус, Дэвид Рикардо, идеологи «манчестерского либерализма» Ричард Кобден и Джон Брайт, а затем Герберт Спенсер, Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль, Джон Остин) особую роль играли идеи договорной основы гражданских взаимоотношений, приоритетной роли частной собственности и принципа фритредерства (свободной торговли), конституционализма и либеральной демократии.

В США зарождение либеральной традиции было тесно связано с обретением независимости и процессом конституционного строительства. Как следствие — американский либерализм изначально приобрел черты не столько социальной философии, сколько прагматичной политической программы. Лидеры федералистов Александр Гамильтон, Джон Адамс, Джеймс Мэдисон разделяли идеи классического либерализма, с присущими ему элитарностью и утилитаризмом. В начале XIX в. на этой идеологической платформе произошла консолидация партии вигов. Политические воззрения ее лидера и блестящего оратора Генри Клея получили название «американской системы». Клей отстаивал сочетание фритредерской политики на внутреннем рынке с внешнеэкономическим протекционизмом.

Основу демократического направления американской либеральной мысли составили воззрения Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона, Томаса Пейна. В первой половине XIX в. их идеи получили развитие в программных установках Демократической партии, трудах историка Джона Банкрофта и сочинениях президента США в 1837–1841 гг. Мартина Ван-Бюрена. В самом конце XIX — начале XX в. возникает прогрессистское движение — ответ на вызов нового индустриального общества — с лозунгами борьбы с коррупцией, контроля над произволом крупного бизнеса. Началась завершенная уже в 1960-е годы эволюция классического североамериканского либерализма в сторону либерализма социального. Либерализм традиционный все в большей степени будет связываться с консерватизмом.

Континентально-европейская либеральная традиция формировалась в иных условиях, нежели англо-американская. Ключевое значение приобрел тот факт, что в этих странах столкновение Старого порядка и новых общественных сил носило в итоге антагонистический характер. Относительная прочность традиционных политико-правовых и социальных структур, укорененность патриархальной этики отсрочили и усложнили процесс модернизации общества. Поэтому последняя волна буржуазных революций происходила здесь уже в XIX в., на фоне завершения промышленного переворота и формирования нового комплекса классовых

противоречий. В условиях сложного переплетения политических и социальных конфликтов, на фоне радикальной ломки политического пространства и поляризации общественного сознания либеральная общественная мысль приобретала теоретизированный, доктринерский характер. На протяжении почти всего столетия европейский классический либерализм выполнял функцию не столько прагматичной политической программы, сколько мировоззренческого, духовного ориентира. Его объединяющим началом стал протест против любых форм экономического, политического, духовного авторитаризма. При этом если во Франции и Германии либерализм приобрел преимущественно умеренные и доктринерские формы, то в странах Южной Европы он оказался тесно связан с идеологией национальной консолидации и даже с революционным движением.

Главная особенность французского либерализма заключалась в том, что он развивался в условиях революций 1789–1799, 1830 и 1848 гг. и Парижской коммуны 1871 г. Опыт Великой французской революции показал, что многие либеральные принципы могут обернуться своей противоположностью и оказаться чрезвычайно опасными для свободы личности.

Исходя из этого либералы приняли революцию конца XVIII в., но не хотели повторения революционных потрясений в будущем. Либералы не отрицали позитивной роли государства по защите прав и свобод граждан. Крайне негативно они относились к демократии, считая ее опасной для свободы. Эти черты французского либерализма первых десятилетий XIX в. позволили историкам говорить о его консервативности и даже аристократичности. Однако по своему глубинному содержанию он не был таковым. Можно говорить лишь об умеренности его требований, стремлении к компромиссу во избежание конфронтации в обществе, только что пережившем испытание революцией.

Как оформившееся политическое течение французский либерализм появился в первые годы Реставрации Бурбонов, разделившись на два направления — «независимых» (Бенжамен Констан, генерал Лафайет, Жак-Антуан Манюэль, Жак Лаффит, Казимир Перье) и «доктринеров» (Пьер Руайе-Коллар, Франсуа Гизо, Проспер де Барант, Виктор де Бройль, Шарль Ремюза).

После Июльской революции 1830 г. в русле французской умеренно-либеральной традиции сложилась доктрина орлеанизма, которая объединяла сторонников короля Луи Филиппа Орлеанского, и стала французским вариантом умеренной либеральной идеологии (хотя не все

либералы были орлеанистами), а либералы-доктринеры времен Реставрации получили возможность для практической реализации своих идей.

Французский либерализм отличается верностью традициям и бескомпромиссностью, что дает основание говорить о некоем «консервативном либерализме». Такая верность изначально провозглашенным принципам и доктринам имела для французского либерализма двоякие последствия: она снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории. Умеренные либералы не подвергали сомнению общую целесообразность модернизации, однако ограничивали ее рядом оговорок. С их точки зрения, речь могла вестись только о реформах, призванных продолжить исторически избранный путь нации, т. е. либерально-консервативная модель предполагала сочетание реформизма с охранительными функциями. Политический либерализм и социальная консервация, порядок и свобода — два столпа программы орлеанизма.

«Хождение во власть» для французских либералов 1830-1840-х годов окончилось крахом. Народное движение повернуло страну в сторону радикализма и социализма. Однако политический конец либерального орлеанизма не означал поражения либеральной идеологии. Идеино-политические основы либерализма были рано признаны почти всеми политическими силами, и борьба за политическое преобладание разворачивалась вокруг иных проблем, прежде всего вокруг идеи республики и социальных преобразований.

В Германии возникновение социальной базы либерального мировоззрения было затруднено в связи с политической раздробленностью страны и неравномерной динамикой экономической модернизации. В то же время бурное развитие немецкой культуры в первой половине XIX в., взлет позднего немецкого Просвещения и мощного интеллектуального течения трансцендентально-критической философии создали уникальные условия для формирования самобытной прогрессистской идеологии и глубокого осмысления ключевых проблем либерализма. Первый шаг в этом направлении сделал Иммануил Кант, в трудах которого категория «свободы», автономии личности стала одной из центральных.

Если политический либерализм рассматривать как меру зрелости буржуазии, то консолидация либеральной системы приходится на последнюю треть XIX в. Исключение составили Россия, некоторые страны Восточной Европы, владения Османской империи на Балканах, хотя и там

были предприняты существенные шаги по пути модернизации государства и общества.

Победа либерализма в последней трети XIX в. в западных странах обернулась его кризисом. Упрочение всеобщего избирательного права для мужчин, установление республиканской формы правления в некоторых странах в условиях, когда развитие промышленного капитализма все более усугубляло социальный раскол между имущими и неимущими, усиливало антиномию либерализма и демократии — свободы и равенства. Если американские и отчасти английские либералы приняли демократические ценности, нейтрализовав тем самым социальные движения под демократическими лозунгами, что позволило им сохранить ведущее место в политической системе, то во Франции демократов и либералов развела еще революция конца XVIII в. Демократия в глазах либералов ассоциировалась с эксцессами якобинского террора и санкюлотскими требованиями равенства. Падение влияния либерализма во Франции определялось и сменой исторической парадигмы: переходом от правления нотаблей к парламентской демократии и всеобщим выборам, смещением акцентов политической борьбы с идеи свободы на идею равенства. К этим последствиям длительной общественной трансформации добавилась чрезвычайная острота политической ситуации: падение Второй империи, прусское вторжение и Парижская коммуна.

К концу XIX в. отношение либералов к демократии как способу легитимации власти большинства изменилось. Традиционное настороженное отношение либералов к идее всеобщего избирательного права и длительное сохранение цензовых ограничений диктовались их уверенностью в том, что эффективно участвовать в общественной жизни может лишь человек, способный принимать ответственные решения, обладающий в силу своей достаточной образованности необходимой политической грамотностью, в силу оседлости — встроенный в реальные социальные структуры, в силу устойчивого материального достатка — имеющий конкретные личные интересы и не склонный к опасному для общества радикализму. Однако по мере углубления процесса модернизации, роста уровня жизни и образованности, стабилизации индустриальной социальной структуры былая элитарность либеральной государственности теряла смысл. На протяжении второй половины XIX — первой половины XX в. разворачивался процесс политической эмансипации все новых и новых социальных слоев, непосредственного включения их в общественно-политическую жизнь. В результате серии реформ в странах либеральной конституционной модели было введено

всеобщее избирательное право для мужчин. Однако с точки зрения правовой доктрины и правовой психологии гражданская элитарность не утратила своего значения. Моральное право участвовать в решении государственных дел с либеральной точки зрения имели прежде всего люди, своими достижениями, достатком, образованностью доказывающие личную заинтересованность в защите свободы и независимости человека, его права на самостоятельный выбор.

В условиях трансформации социальной структуры общества изменилось и отношение либералов к социальным проблемам. В рамках классического либерализма помощь обездоленным расценивалась как частное дело и перепоручалась общественной благотворительности, однако ее эффективность зависела от уровня сознательности и демократического развития общества. Социальное законодательство последней трети XIX в., ограничение продолжительности рабочего дня и первые шаги по защите женского и детского труда означали нарушение фритреда и *laissez faire*, но это диктовалось необходимостью перевода стихийного протеста фабричного пролетариата в легальное русло в целях достижения стабильности в обществе. Этому же способствовала и легализация отраслевых и общенациональных профсоюзов — новая черта в индустриальных странах конца XIX — начала XX в.

Исторический опыт XIX в. и особенно второй его половины способствовал привлечению общественного внимания к национальным проблемам. Последовательные приверженцы либеральных принципов ставили право народа на свободное национальное развитие в один ряд с правами человека и гражданина. Сочувствие борьбе за независимость стран Латинской Америки, национальным движениям в революциях 1848–1849 гг., польскому восстанию 1863 г., походам Джузеппе Гарибальди под знаменем объединения Италии и т. д. было характерно для демократической общественности. В то же время на этом сочувствии нередко играли в собственных целях правительства, становясь в позу покровителей национальных движений «в чужом доме» при дипломатических или военных конфликтах. Так было, например, при режиме Второй империи во Франции, позднее — в борьбе великих европейских держав за влияние на Балканах, а также в США при борьбе за последние испанские колонии.

Развернувшейся в конце XIX в. бурной колониальной экспансии ведущих стран сопутствовало возникновение разнообразных концепций, так или иначе оправдывавших ее. Те, кто их исповедовал, превратили национальную идею, в прошлом трактовавшуюся преимущественно в духе

равенства прав народов, в идею превосходства собственного народа над другим. Пропаганда экспансии подкреплялась геополитическими, историческими, откровенно расистскими аргументами, рассуждениями о «цивилизаторской миссии» Запада (Европы) по отношению к отсталому, варварскому Востоку (Азии), о «бремени белого человека».

При всех различиях между названными выше идейными течениями общим для них было то, что они не ставили под сомнение основы утвердившегося в странах Запада капиталистического строя. Принципиально иным было отношение к этому строю общественной мысли социалистического направления.

В русле критики капитализма сложились различные социалистические школы первой половины XIX в., предлагавшие более или менее детально разработанные проекты нового общественного строя, который должен прийти ему на смену. Под влиянием позитивистского типа мышления они носили ярко выраженную «научную» форму, были соотнесены с анализом объективных закономерностей общественного развития.

Понятие «социалистический» (фр. *socialiste* от лат. *socialis* — общественный) впервые было использовано в 1834 г. в публикациях британского журнала «Cooperative Magazine». Но родоначальником нового типа идеологии считается классик позитивизма Анри Сен-Симон. В рамках его концепции трех стадий общественного развития доказывалась неизбежность формирования общества, основанного на «разумных основаниях». В 1834 г. увидела свет книга французского писателя Пьера Леру «Об индивидуализме и социализме». Тогда же воспользовался этим термином известный английский промышленник и филантроп Роберт Оуэн.

В лице Сен-Симона, Шарля Фурье и Оуэна социализм нашел страстных и искренних сторонников, романтически преданных идеалу равенства и справедливости. Менее всего они были склонны признавать разумность социальной действительности эпохи промышленной революции (термин «индустриальное общество» обрел право гражданства именно в работах Сен-Симона). Прямые наследники Просвещения, социалисты первой половины XIX в. искали способы обеспечить на деле социальное равенство людей.

Сен-Симон увидел их в развитии таких начал общественной жизни, как обязательность и всеобщность труда, внедрение принципа распределения «по способностям», введение государственного планирования и ликвидация национальных различий. Фурье будущее рисовалось в образе «фаланги», производственного и социального организма, в котором все — организация труда, распределение доходов,

образ жизни — будет подчинено идее гармонии. На началах общности труда и имущества были организованы образцовые предприятия Оуэна.

Некоторым влиянием пользовалась в середине XIX в. социалистическая теория Пьера-Жозефа Прудона. Отрицая принципы государственной централизации, он высказывал мысль о преобразовании общества в федерацию общин, критиковал денежную систему, стоял за формирование общественной нравственности в духе человечности, добра и справедливости.

К 1840-м годам относится и рождение марксизма. Карл Маркс и Фридрих Энгельс подчеркивали, что их учение подлинно научно, ибо опирается на открытые ими законы общественного развития. В отличие от своих предшественников, Маркс и Энгельс стремились не конструировать умозрительно план будущей общественной организации, а выявить в существующем обществе реальную силу, которая по своему положению в системе производства заинтересована в социалистическом переустройстве и может совершить его. Такую силу они увидели в пролетариате.

В последние десятилетия XIX в. марксизм стал наиболее влиятельным социалистическим течением и был положен социал-демократическими партиями в основу их программных принципов. Деятельность этих партий способствовала тому, что некоторые марксистские положения усваивались хотя бы в элементарной форме участвовавшими в социалистическом движении рабочими и становились частью их культурного багажа. Идеи марксизма (экономическая теория Маркса, материалистическое понимание истории) получили известность и в академической среде, где они находили не только активных критиков, но и сторонников. С Марксом спорили социалисты других течений (лассальянства, анархизма, народничества). В то же время марксизм обладал большой притягательной силой. Логичная, полная тонких наблюдений и обобщений, отмеченная блеском истинно научного дарования система воззрений Маркса имела много учеников и последователей.

После смерти Маркса начался пересмотр ряда важнейших положений его доктрины. Эдуард Бернштейн, известный теоретик социализма, отверг положение Маркса об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса как основном экономическом законе капитализма. В немецкой социал-демократии все больший интерес вызывал вопрос о способности капитализма к обновлению и преобразованию на путях не революции, а реформ.

Возникновение социалистических учений, формирование международных социалистических организаций (I Интернационала, 1864 и

II Интернационала, 1889), образование социалистических партий, особенно влиятельных в Германии и Франции, стали важными факторами дальнейшей эволюции индустриального общества. Обращая внимание на противоречия, выискивая болевые точки, критикуя существующие нормы, организуя социальный протест, выдвигая проекты реформ, социалистические партии и движения выступали своеобразной альтернативой правительству, заставляя его, подчас против воли, идти на более глубокие экономические, социальные и политические реформы.

Разнообразным революционным и реформаторским идеологическим концепциям, сложившимся в XIX в., противостоял консерватизм. Эта идейно-политическая доктрина отражала негативную реакцию элитарных социальных групп Старого порядка на политические, социальные, экономические аспекты процесса модернизации. В то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели антиреволюционную политическую программу. Он стал целостной мировоззренческой системой, особым стилем мышления и восприятия окружающего мира.

Если либерализм отвечал прежде всего устремлениям буржуазии, то консервативная идеология в большей мере питалась настроениями вовлеченных в капиталистическое развитие, но внутренне чуждых его духу землевладельческих кругов. В своей системе ценностей консерватизм выдвигал на первый план не гражданские свободы и политические права, а сильную правительственную власть, порядок, авторитет традиции, приверженность религии.

Первоосновой консервативной идеологии можно считать традиционализм — специфическую сторону общественного сознания, связанную с естественным стремлением человека стабилизировать, сохранить, укрепить существующий социальный порядок как привычную среду обитания. Ценности традиционализма являлись важнейшей мировоззренческой характеристикой доиндустриальных обществ, хотя и проявлялись скорее в качестве доминирующих умонастроений, стиля поведения, коммуникативной культуры. По своей природе традиционализм не требует какого-либо обоснования или доказательства, кроме самой веры в постоянство и конечное совершенство мироздания. Лишь с появлением прогрессистских мировоззренческих теорий, отражающих духовные ориентиры индустриального общества, возникли объективные предпосылки для формирования столь же целостной, рационально аргументируемой идейно-политической доктрины, связанной с идеалами традиционализма.

Родоначальником консервативной идеологии считается англо-ирландский мыслитель Эдмунд Бёрк, автор политического труда «Размышления о революции во Франции» (1790). В дальнейшем постулаты классического консерватизма были сформулированы английским поэтом и публицистом Сэмюэлем Кольриджем, французскими писателями и общественными деятелями Жозефом де Местром и Луи-Габриэлем де Бональдом. Лейтмотивом их воззрений стал протест против индивидуалистических и эгалитарных ценностей, морального релятивизма, материалистических и прагматичных трактовок общественного прогресса.

Подобные ультрароялистские идеи получили достаточно широкое распространение в странах Европы после завершения эпопеи революционных и наполеоновских войн. Духовной и психологической основой европейского консерватизма XIX в. было явление, которое иногда называют «крахом Просвещения», столь ярко выразившееся у многих романтиков. Однако уже с середины XIX в. консерватизм начал приобретать более умеренный и социально-ориентированный характер. Корректируя крайности либерального индивидуализма, консерваторы не столько противостояли реформам политической системы, сколько уточняли их цели и содержание.

* * *

Подведем итоги. К концу XIX в. в большинстве стран Запада утвердилась либерально-конституционная модель государственного устройства. Под ее воздействием элементы конституционализма (основной закон, всеобщее избирательное право, представительные органы, партийные организации, гражданские свободы) были внесены в политические структуры монархических европейских режимов — Австро-Венгрии, Италии, Германии, Испании, России.

Для Востока XIX в. прошел под эгидой колониализма, рухнувшего только в середине XX в. В это время на Востоке происходило вызревание комплекса социально-цивилизационной неполноценности, под знаком которого протекали основные реформы, усиливались различного рода вестернизаторские влияния, закладывались основы капитализма и рыночных отношений и, как итог всего этого, обретали силу умеренные и радикальные идеи, опиравшиеся прежде всего на заимствованные из Европы доктрины и политические понятия (парламент, партия, республика, демократия, революция, либерализм, социализм). Но толкование и

осмысление новых концептов, идей, понятий отталкивалось от традиций местных национальных культур. Движение по пути реформ обрамлялось отсылкой к традициям, к фундаментальным религиозно-культурным ценностям и традициям, лежавшим в основе великих цивилизаций Востока.

Опыт истории XIX в. показал, что революция и реформа — это не антиподы, а специфические проявления сложного процесса эволюции, охватывающего экономическую, политическую и духовную сферы жизни общества. Послужив импульсом в первоначальный период ломки Старого порядка, революции нашли свое продолжение в реформах. Но только в том случае, когда результаты этих реформ в той или иной стране складывались в систему, определяющую «новый порядок», разного рода контрреволюции и контрреформы, задерживая и даже приостанавливая темпы преобразований, оказались бессильны повернуть процесс модернизации вспять. Для народов, избравших преимущественно путь реформ, катализатором изменений зачастую служили революционные процессы в сопредельных странах и регионах. Что касается механизма выбора революции или реформы как преобладающего инструмента модернизации политического и социально-экономического устройства, то он зависел не только от соотношения традиционного и современного укладов, но и гибкости и эффективности властей, рационализма и способности к компромиссам «верхов», степени радикализации «низов».

Мир-система XIX века: империи и нации

Империя и нация в «долгом XIX веке»

В своем знаменитом докладе «Что такое нация?», прочитанном в Сорбонне в марте 1882 г., Эрнест Ренан говорил: «То, что не удалось Карлу V, Людовику XIV, Наполеону I, наверное, не удастся никому и в будущем. Учреждение новой Римской империи или империи Карла Великого стало невозможным. Разделение Европы зашло слишком далеко, чтобы попытка к универсальному господству не вызвала немедленно коалиции, которая скоро возвращает гордую нацию в ее естественные границы. Некоторое равновесие установилось на долгие времена. Франция, Англия, Германия, Россия, несмотря на возможные случайности, еще в течение многих сотен лет будут историческими индивидуальностями, главными частями шахматной доски, клетки которой постоянно изменяются в своем значении и величине, но никогда не смешиваются друг с другом. В этом смысле нации, отчасти, новое явление в истории». В этом рассуждении, как в капле воды, отразились и ключевая проблема истории «долгого XIX века», и наши современные проблемы в понимании исторического процесса, уходящие корнями в тот самый «долгий XIX век». Разве не удивительно, что Ренан называет четыре современные ему наиболее могущественные европейские империи, а точнее, их метрополии, в качестве примера наций? В его понимании они были недостаточно «имперские», поскольку не являлись пан-европейскими империями. Ренан, как и вся историография того времени, основанная на национальных нарративах, склонен думать об этих государствах как нациях-государствах. Историки очень долго смотрели и даже сегодня во многом продолжают смотреть на историю XIX в. прежде всего как на историю наций-государств и противопоставлять нацию-государство и империю как две совершенно разные, несовместимые формы политической организации.

Возникновение наций-государств — четыре сценария

Одним из первых поставил такой взгляд под вопрос немецкий историк Ю. Остерхаммель в своей выдающейся работе «Преобразование мира», которая является, пожалуй, самой интересной на сегодня попыткой

написать именно всемирную историю «долгого XIX века». Остерхаммель говорит о том, что XIX в. не был веком наций-государств, но веком империй и национализма. Он описывает четыре типа (или сценария) возникновения наций-государств в XIX в. Первый тип — «революционная автономизация». В Европе по этому сценарию возникли государства на Балканах — Греция, Сербия, Черногория, Румыния, Болгария. Греция получила независимость в 1827 г. в результате сочетания целого ряда факторов — кроме собственно греческого движения важную роль сыграло сочувствие ему по всей Европе и, конечно, морская интервенция Британии, России и Франции. Последовавшие примеру Греции другие балканские страны также смогли получить независимость прежде всего благодаря вмешательству великих держав. Россия в ходе войн с Османской империей постепенно вытесняла ее с Балкан, а другие великие державы старались не дать России установить здесь свою гегемонию. Интересно, что Черногория, получившая независимость в результате Берлинского конгресса 1870 г., стала всего лишь 27-м признанным независимым государством в мире. Вне Балкан, где в течение века постепенно разрушалась Османская империя, сценарий «революционной автономизации» был характерен для Бельгии. Отобранная в 1815 г. на Венском конгрессе у поверженной Франции, Бельгия была отдана Нидерландам, а в 1830 г. в результате восстания освободилась от их авторитарной власти, причем снова при поддержке великих держав — империй.

Второй тип возникновения наций-государств Остерхаммель называет «гегемоническая унификация». Классические примеры такого сценария — Германия и Италия, где одна из частей, Пруссия в Германии и Пьемонт-Сардиния в Италии, сыграла лидирующую роль в объединении нации. Остерхаммель односторонне интерпретирует примеры «гегемонической унификации», т. е. опыт Германии и Италии, что отчасти можно объяснить почти безраздельным доминированием «национального нарратива» при описании этих процессов. Сам процесс *объединения* во многих регионах Италии и Германии воспринимался как процесс *подчинения*. Вновь созданные государства не только обращались к имперским традициям для своей легитимации, но практически сразу же после объединения включились в соревнование за колонии, а Германия также предприняла попытку масштабной европейской экспансии. В немецком случае связь с традицией Священной Римской империи германской нации ясно проявилась в самом названии нового государства — Deutsches Reich, т. е. Германская империя. В Италии объединение, которое далеко не всегда встречало энтузиазм в различных регионах, легитимировалось через

обращение к доблестям Римской империи (*romanità*), а также к наследию Венецианской республики (*venecianità*). Элиты Германии и Италии видели в имперской экспансии способ консолидировать нацию и присоединиться к клубу великих держав Европы. Иными словами, имперские мотивы были важной составляющей процесса гегемонической унификации. К этому же типу формирования наций-государств Остерхаммель относит Нидерланды и Швейцарию, хотя и признает, что в этих случаях в процессе объединения был более выражен полицентризм и федералистский принцип.

Третий сценарий возникновения наций-государств Остерхаммель называет «эволюционной автономизацией». Единственный европейский пример — Норвегия, которая, в результате длительного процесса расширения автономии, мирно прекратила династический союз со Швецией в 1905 г.

Четвертый вариант связан с бывшими центрами империй, которые были «покинуты» имперской периферией. В качестве примеров этого сценария Остерхаммель приводит Испанию и Португалию. Отчасти к этой группе можно отнести и другие «сжимавшиеся» империи — Швецию, Данию, позднее — турецкое ядро Османской империи.

Эта типология в целом соответствует теоретическим представлениям о национализме, которые наиболее четко выражены в знаменитом определении Эрнеста Геллнера. Согласно ему, национализм — это прежде всего политический принцип, провозглашающий, что «политическое тело» и «национальное тело» должны совпадать. Однако это определение национализма, как и типология, предложенная Остерхаммелем, не учитывают один из наиболее важных сценариев строительства наций в XIX в., а именно строительство имперских наций в имперских метрополиях.

Формирование наций в ядре империй

Когда историки говорят об «имперских нациях», они, как правило, имеют в виду заведомо нереалистичные проекты включения в нацию всех подданных той или иной империи, т. е. превращение империи в нацию-государство. Мы же будем использовать это понятие для обозначения тех процессов формирования наций, которые происходили в так или иначе определенном ядре империи, переосмысленном как национальная территория. В этом случае концепция Геллнера перестает работать, поскольку при строительстве наций в имперских метрополиях мало кто

руководствовался идеей включить в нацию все население империи и всю ее территорию, равно как и стремлением «ужать» империю до размеров нации. Националистические элиты имперских метрополий видели в империи ресурс для строительства нации и в то же время усматривали в национализме не только «вызов с окраин» империи, но и ресурс для повышения ее конкурентоспособности, если речь шла о национализме имперских наций. Они искали институциональные и политические решения, которые позволили бы сочетать строительство нации в имперском ядре с сохранением жизнеспособности империи в мире, где межимперское соперничество все более обострялось.

В некоторых случаях (Испания, Португалия, Османская империя, Дания, Швеция) проекты строительства нации в ядре империи должны были приспособливаться к обстоятельствам, вызванным упадком и распадом империи, но и здесь имперская динамика была в большей степени причиной, чем следствием. Не случайно и Португалия, и Испания, теряя колонии в Америке, тут же стремились хотя бы отчасти компенсировать эти потери за счет приобретения новых владений в Африке. Применительно же к Британии, Франции, Германии и России процессы имперской экспансии и национального строительства были теснейшим образом взаимосвязаны. То же можно сказать и о Японии эпохи Мейдзи, которая, заимствуя образцы именно из этих европейских империй, строила новое государство и формировала культ императора как олицетворения и нации, и имперской миссии.

Империя и модерное государство

Жесткое противопоставление империи и нации-государства как двух принципиально различных и несовместимых типов политической организации общества и пространства доминировало в историографии в течение многих десятилетий. Если историки и говорили об империях в связи со строительством наций, то только как о препятствии в нациестроительстве, как о заведомо устаревшей политической форме. В действительности большинство процессов, которые подготовили создание современного государства, происходили в имперских метрополиях.

Индустриализация, урбанизация, формирование профессиональной бюрократии, введение обязательной военной службы, распространение грамотности и массового образования — все эти процессы, которые ассоциируются с формированием современного государства, были тесно

связаны с империями и межимперским соревнованием. Многие институты, игравшие важную роль в строительстве нации, от армии до научных обществ, были прежде всего имперскими институтами. Бурный рост коммуникаций (от систем связи, как телеграф, до транспортных систем, как железные дороги), развитие городов, особенно столиц, сочетавших роль имперских и национальных центров, а также крупных портов — все это обслуживало интересы империи и рождалось из имперских нужд.

Упрочение экономических связей между различными регионами, крайне важное для формирования наций, также может быть понято только при учете имперской динамики. Механизмы политического участия как на уровне элит, так и на уровне масс (с течением времени все более связывавшиеся с концепцией национального представительства, гражданства и социальных прав) обсуждались и эволюционировали в имперском контексте, где дискриминация была основана и на расовых, и на гендерных, и на социальных критериях.

Важные для национальной консолидации образы «другого», концепции цивилизаторской миссии функционировали одновременно в национальном и имперском контексте. Именно в имперском контексте и во многом в зависимости от имперских успехов и неудач формировались образы национальной территории, отличавшейся от территории империи, но зачастую расширявшейся и сжимавшейся вместе с империей.

Традиционные формы непрямого правления, характерные для империй в прежние века, когда они опирались на местные элиты в управлении периферийными регионами, теперь менялись в двух направлениях. По мере укрепления профессиональной бюрократии, что было важной составляющей строительства современного государства, имперский центр мог вводить все больше элементов прямого правления и обходиться без опоры на традиционные региональные элиты, нередко препятствовавшие правовой и экономической модернизации. Часто это происходило в связи с включением этих регионов в образ национальной территории имперской нации и сопровождалось более агрессивной политикой аккультурации и ассимиляции. В других случаях, если периферийные регионы не включались в имперскую нацию, они получали больше автономии, как, например, Финляндия в составе Российской империи или Хорватия в составе венгерской части габсбургской монархии.

Внимательный взгляд на европейскую историю XIX столетия показывает, что наиболее значительные проекты строительства наций осуществлялись именно в метрополиях империй и были тесно связаны с динамикой развития этих империй и их местом в мировой системе

межимперского соперничества. Нации создавались государствами, империи снабжали эти государства различными ресурсами. Британский историк Г. Камен справедливо заметил: мы привыкли думать, что нации создавали империи,

в то время как в действительности империи создавали имперские нации и нередко предоставляли ресурсы для национального строительства на имперской периферии. Американский исследователь Ф. Купер предложил использовать понятие «empire-state», т. е. империя-государство, чтобы преодолеть порочную традицию связывать модерную государственность только с нациями-государствами. В сценарии строительства имперских наций вместо нации-государства, консолидирующего нацию, мы имеем дело с империей-государством, которое строит нацию в своей метрополии, но совсем не обязательно нацию-государство, а стремится сочетать имперский и национальный проект. Одна из ключевых задач современной историографии проблем XIX в. состоит в том, чтобы уделить должное внимание взаимосвязи имперского и национального и окончательно избавиться от диктата национальных нарративов, безраздельно доминировавших в течение всего XIX — первой половины XX в.

Нация в имперском контексте

В имперском контексте XIX в. концепция нации могла приобретать в зависимости от обстоятельств различное содержание и далеко не всегда опиралась на этничность. Так, Наполеон Бонапарт никогда не считал ядром той империи, которую он строил, всю Францию, а видел его в северной Франции, Бельгии и некоторых областях западной Германии, т. е. там, где его реформы находили наиболее благодатную почву. Юг же Франции Наполеон рассматривал как одну из проблемных окраин. Так же смотрели на эти области и более поздние правители Франции. Знаменитый «шестиугольник» (географический контур) Франции, который усилиями национальных историков превратился в «естественную» национальную территорию французов, в действительности был, с одной стороны, плодом интенсивных ассимиляторских усилий французского государства в течение не только всего «долгого XIX века», но и первой половины XX в., а с другой, плодом неудачи Наполеона Бонапарта в его усилиях построить пан-европейскую империю.

В Австро-Венгрии после поражения от Пруссии и Конституционного

соглашения 1867 г., а точнее в Цислейтании, австрийской части монархии, интеграция опиралась на построение общего рынка, культурную автономию этнических групп и правовое равенство граждан, а не на языковую и культурную унификацию. Такая стратегия вовсе не была заранее обречена на неудачу, в сфере экономической и правовой интеграции австрийская часть монархии продвинулась заметно дальше, чем большинство наций-государств того времени. Успех такого сценария интеграции мог бы уже на рубеже XIX и XX вв. существенно изменить представления о том, как должна выглядеть нация. С позиций сегодняшнего дня эта стратегия, предполагавшая двуязычие как норму, в которой немецкий как общегосударственный язык и язык «межнационального общения» на локальном уровне дополнялся языками этнических групп, выглядит намного более современной, чем стратегии культурной и языковой унификации, так характерные во второй половине XIX в. для Франции, которая долгое время считалась образцом нациестроительства. В Транслейтании, которая стала после 1867 г. своеобразной венгерской субимперией, венгры следовали именно этому образцу и проводили агрессивную политику языковой и культурной унификации в отношении большинства подвластных групп, за исключением хорватов, имевших свою автономию. Вопрос о том, какая модель строительства нации в ядре империи будет восприниматься как «магистральная», во многом решался в зависимости от исхода межимперского соревнования.

Представления о нации и империи в «долгом XIX веке» интенсивно менялись вместе, поскольку были тесно связаны друг с другом. В России понятия *империя* и *нация* вошли в политический лексикон почти одновременно во второй декаде XVIII в. В течение почти всего XVIII в. напряжения между ними не было, они скорее дополняли друг друга, обозначая суверенную политик». Другое значение понятия *нация*, сохранявшее актуальность вплоть до начала XIX в., — это дворянская корпорация, что соответствовало польской концепции «шляхетской нации» и венгерской концепции «*natio hungarica*». К концу XVIII в. понятие *нация* под влиянием французского опыта оказалось тесно связано с концепциями национального представительства и конституции. В XIX в. понятия *народность*, а затем и *нация* вошли в широкий обиход, а при Александре III и Николае II монархия уже активно использовала национализм для легитимации своей власти. При этом представление о российской нации было заведомо шире понятия «великороссы» и включало все восточнославянское население империи, многие угрофинские группы и

было открыто для ассимилированных представителей многих других этнических групп империи.

В Великобритании понятие *нация* стало частью политического языка уже в средние века, а в XVII в. представление об английской нации было прочно укорененным. Однако идея британской нации появилась лишь в XVIII в. и во многом утвердилась в контексте межимперского соперничества протестантских Англии, Шотландии и Уэльса с католической Францией. В XIX в. англичане, доминировавшие в Великобритании, были в большинстве своем готовы растворить в британскости прежнюю английскую идентичность.

В Германии уже в конце XV в. к названию Священной римской империи стали добавлять «германской нации». Представления о нации были тесно связаны с представлениями об империи, что привело к широкому распространению в XVIII в. имперского патриотизма (Reichspatriotismus). Когда в 1871 г. прусский лагерь победил в борьбе за объединение Германии, возникшее государство получило имя Deutsches Reich, т. е. Германская империя. Прусский концепт нации («kleindeutsch») выиграл у общегерманского («großdeutsch») в результате победы Пруссии над Австрией в 1866 г., т. е. был результатом борьбы двух империй. В последующие десятилетия новое государство ясно продемонстрировало свои имперские амбиции не только в борьбе за заморские колонии, но и на европейском континенте. При этом европейская экспансия Германской империи во многом вдохновлялась концепциями Kulturboden (т. е. идеей культурной миссии немцев на востоке Европы), а позднее Lebensraum (имперско-национальной идеей жизненного пространства германской нации). Приведенные примеры России, Великобритании и Германии прекрасно иллюстрируют, что при всех различиях нация и империя были тесно связаны во всех трех случаях.

Принципы классификации и сравнения империй

Морские империи обычно противопоставляются империям континентальным, а традиционные — современным. При этом качества современности, как правило, приписываются морским империям, а континентальные империи описываются как традиционные. В последнее время историки обратили внимание, что в своих колониальных владениях британцы сохраняли намного дольше, чем в метрополии, многие черты Старого порядка. Другие империи, причисляемые к современным, также

сохраняли много традиционных черт в колониях. Вместе с тем все европейские континентальные империи с большим или меньшим успехом разными путями шли по пути модернизации. Поэтому представление об оппозиции современных морских и традиционных континентальных империй нуждается в корректировке.

Нетрудно заметить, что и разделение на морские и континентальные империи не слишком удобно. Вполне соответствуют модели морской империи только Португалия и, после суверенизации Бельгии, Голландия. Метрополии Британии или Испании, которые чаще всего вспоминают, говоря о трансокеанских империях, на самом деле представляли собой сложные имперские структуры. Англия выполняла роль имперского центра в отношении Шотландии и Уэльса, Кастилия — в отношении Страны Басков, Каталонии, Галисии и других периферийных королевств полуострова, в том числе, в течение некоторого времени и в отношении Португалии, когда та была частью Испании.

Определению континентальных империй вполне соответствуют Австрийская империя Габсбургов, Османская империя и, с небольшими отклонениями, Россия, у которой были заморские владения в Русской Америке. Франция имела значительные колониальные заморские владения, но также пыталась осуществить в наполеоновскую эпоху захватывающий дух проект континентального имперского доминирования в Европе. В этот период Франция была готова пожертвовать важными заморскими владениями ради экспансии в Старом Свете. Германия и Италия под флагом объединения нации в рамках единого государства (национальный ирредентизм) занимались строительством композитных политий в Европе. Оба государства активно ввязались в схватку за колонии, в том числе и потому, что с помощью колониальной экспансии рассчитывали решить проблему укрепления национального единства. А Германия, как мы слишком хорошо помним, в XX в. дважды пыталась осуществить имперскую экспансию в европейском пространстве. Иными словами, Германия, Франция, Италия сочетали черты континентальных и морских империй, с постоянно меняющимся во времени соотношением значимости этих компонентов.

Эlegantное решение проблемы классификации империй, которое помогает избежать традиционных для прежних классификаций бинарных оппозиций, было сформулировано Э. Диккинсоном. Он предложил размещать империи на воображаемой оси, на которой те или иные качества, выбранные как основа для классификации, убывают или возрастают по мере приближения к полюсам. То есть, если мы выберем критерием

соотношение континентальных и заморских владений в структуре империй, то один полюс займут Португалия и Голландия, другой Османская империя и Австро-Венгрия, а остальные империи будут располагаться между этими полюсами, совершая существенные подвижки по оси в зависимости от исторического времени.

Остается вопрос, какие иные критерии могут быть использованы для размещения империй на этих воображаемых осях классификаций. Важным элементом модернизации было постепенное утверждение демократического представительства в европейских метрополиях империй. Это создавало неизбежное напряжение. Ю. Остерхаммель в своем определении империи прямо указывает на этот фактор: «Империя — это большая иерархическая структура доминирования, имеющая полиэтнический и многорелигиозный характер. Устойчивость этой структуры обеспечивается угрозой насилия, имперской администрацией, коллаборацией подчиненных, а также универсалистскими программами и символами имперской элиты, но не социальной и политической однородностью и универсальностью гражданских прав». Однако была ли идея гражданских прав с самого начала универсальной даже в нациях-государствах? Она исключала не только колониальных подданных империй, но и большинство населения метрополии по критериям гендера, социального статуса и богатства. При этом в империи Габсбургов после 1867 г. и в империи Романовых после 1905 г. право на участие в выборах получило мужское население большинства периферийных регионов империи, хотя сами выборы были основаны на сословной, куриальной системе. Во Франции и Великобритании исключение различных групп населения метрополии из демократического процесса обсуждалось в прямой связи с имперской и расовой проблематикой. Один из аргументов Джона Стюарта Милля в пользу равноправия британских женщин состоял в том, что на шкале цивилизации они стоят намного выше, чем расово чуждые мужчины в колониях. Франция все время колебалась в вопросе о том, должны ли расовые отличия быть барьером для гражданства. Эта амбивалентность сохранялась и после Второй мировой войны при трактовке статуса населения Алжира, который был объявлен заморским департаментом Франции. Принципы включения и исключения в отношении политического участия, безусловно, могут служить важным критерием классификации империй для периода XIX и XX вв.

Другой важный критерий классификации империй — это их роль в мировой политике. Собственно, претензия на роль великой державы и способность оказывать существенное влияние на мировую политику —

ключевая черта империй, выделяющая их среди прочих композитных политий. Венский конгресс 1814–1815 гг. формально зафиксировал неравенство участников европейского концерта, разделив их на пятерку «великих держав» (Великобритания, Франция, Россия, Пруссия и Австрия), державы «второго порядка», которые участвовали не во всех комитетах Конгресса, и державы «третьего класса», которых приглашали лишь тогда, когда речь шла о них самих. Стремление защитить свои позиции в этой иерархии, повысить собственный статус или вообще войти в «клуб», как в случае с Османской империей, оказывало существенное влияние на все стороны жизни империй.

В целом же то, что мы привычно называем между народной системой, для рассматриваемого периода было прежде всего меж имперской системой. И эта система характеризовалась довольно высокой динамикой. Например, применительно к XVIII и XIX вв. мы можем различать империи слабеющие и усиливающиеся. Некоторые империи постоянно «сжимались» (Османская, Испанская), иногда вплоть до постепенной утери имперских характеристик в течение XIX в., как Дания и Швеция. Некоторые империи фактически утратили способность к экспансии, как Австро-Венгрия. Габсбургский министр иностранных дел граф Дьюла Андраши указал на это обстоятельство в своем знаменитом изречении о том, что «австрийская лодка полна, и неважно, добавим ли мы кусок золота или дерьма — она потонет». Другие империи, напротив, демонстрировали способность и стремление к дальнейшему расширению (Великобритания, Германия, Франция, Россия, США, Япония).

Эта динамика, безусловно, оказывала существенное влияние на многие стороны внутривнутриполитического развития империй, в том числе имперских метрополий. Успехи в экспансии давали важные ресурсы для легитимации проекта строительства имперской нации, открывали возможности для укрепления лояльности периферийных элит и их готовности аккультурироваться и, в некоторых случаях, ассимилироваться в имперскую нацию. В Британии возможность участвовать в управлении империей подталкивали к лояльности шотландские и валлийские элиты, в России — казачью верхушку Гетманщины и немецкое дворянство балтийских окраин.

Кризис империи, напротив, подрывал прежнюю лояльность периферийных элит. В 1810-1820-х годах региональные элиты в Испании испытали сильное влияние со стороны испанских элит в колониях Латинской Америки, которые взбунтовались против метрополии из-за неравноправия своего статуса в сравнении с европейскими элитами

империи. С еще более серьезными трудностями в процессе строительства нации на Иберийском полуострове и ростом каталонского и баскского регионализма/национализма Испания столкнулась сразу после потери Кубы и Филиппин в результате поражения от США в 1898 г. Элиты Каталонии, успешно осуществлявшие в это время экономическую модернизацию, пришли к выводу, что кастильцы плохо справляются с имперскими задачами, и стали требовать для Каталонии статуса Венгрии после конституционного соглашения 1867 г.

В случае Османской империи потеря периферийных владений и связанные с ней миграции мусульманского населения в центр империи дали, парадоксальным образом, важные демографические ресурсы для превращения Анатолии в турецкую «национальную территорию» и для переосмысления роли тюркского ядра в империи. (Не забудем, что практически все примеры «революционной автономизации» относятся именно к Османской империи, и все они сопровождались жесточайшими репрессиями против мусульманского населения отпадающих окраин.) Турецкая нация стала плодом усилий представителей главным образом военных элит на стадии глубокого кризиса империи. Первое поколение младотурок почти целиком состояло из уроженцев имперских окраин, которые наиболее остро чувствовали угрозу и взяли власть в тот момент, когда прежние экспансионистские проекты уже были отброшены и во главу угла была поставлена задача минимизации ущерба в ходе распада Османского государства.

Другая важная характеристика положения империй в мировом соревновании — это их периферийность или центральность в европейском масштабе. Иначе говоря, расположение имперской метрополии в центре мировой экономической системы, во многом совпадающем с пространством интенсивного урбанистического развития (большая часть немецких земель, север Франции, Нидерланды, Англия), или на периферии, или полупериферии по Иммануилу Валлерстайну (Испания, большая часть Австрийской империи, Россия, Османская империя), является важным критерием для понимания динамики практически всех имперских процессов и в особенности взаимоотношений империй и национализма.

Центральное или «фланговое» положение империй имело и военно-стратегическое измерение. Д. Ливен показал, что в течение всего XIX в. ключевое значение для баланса сил в Европе имел тот факт, что Британия и Россия, находившиеся на периферии континента и старавшиеся предотвратить возникновение пан-европейской империи, имели принципиально разную структуру военной силы. Россия обладала

крупнейшей сухопутной армией, а Британия — самым мощным флотом. Когда Франция в начале XIX в. и Германия в начале XX в. пытались подчинить себе материковую Европу, для успеха им необходимо было создать флот, способный конкурировать с британским, и сухопутную армию, способную противостоять российским силам на суше. Ни Франция, ни Германия не смогли решить эту двуединую задачу.

Попытка Наполеона установить имперскую гегемонию в Европе опиралась на «вооруженную нацию» и дала толчок новой, активной фазе строительства наций в ядре почти всех крупнейших европейских империй. Именно межимперское соперничество послужило главным императивом для имперских династий и элит, предпринявших, вслед за Францией, в Британии, в Германии под прусской гегемонией и в России попытку консолидации имперской нации.

Империя и «национальная территория»

Один из ключевых элементов строительства нации — это «присвоение» определенной территории как «национальной». Этот процесс осуществляется различными средствами — от демографического «завоевания» с помощью миграций до символического присвоения территории с помощью топонимики, искусства и архитектуры. В расширяющихся империях пространство национальной территории также имело тенденцию к расширению, хотя никогда не охватывало всю империю. Самый амбициозный с точки зрения экспансии национальной территории проект строительства имперской нации осуществлялся в России. Он включал в себя присвоение в качестве национальной территории, в первую очередь за счет сельскохозяйственных миграций, участники которых исчислялись миллионами, огромных пространств на окраинах империи, и охватывал последовательно Поволжье, Новороссию, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток. Проект русской нации включал в ее состав, наряду с великороссами, белорусов и малороссов, а также многие угро-финские этнические группы. В Германии проект также предполагал германизацию значительной части входивших в состав Пруссии территорий бывшей Речи Посполитой, а после 1870 г. и Эльзаса, и избирательную ассимиляцию населения этих регионов. И в русском, и в немецком случае национальный ирредентизм поддерживал имперские притязания на некоторые территории, находившиеся вне имперских границ. Так, претензии России на Червонную и Угорскую Русь, т. е. часть

владений Австро-Венгерской империи, идеологически обосновывались как «собираение русских земель». Таков же был механизм германских претензий на Эльзас, еще ранее на Шлезвиг, а позднее на ост-зейские провинции Российской империи. Трудный процесс превращения французского «шестиугольника» в национальную территорию Франции, а населения Лангедока, Прованса и Бретани во французов прекрасно описал американский историк Ю. Вебер. Постепенно французский проект «перешагнул» море и включил в себя Алжир. Строительство британской нации, где шотландцы и валлийцы объединялись с англичанами в совместной миссии по строительству гигантской империи и ее управлению, описано Л. Колли. В британском случае море также не стало непреодолимым рубежом — наряду с Шотландией и Уэльсом некоторые трактовки британской нации включали Ирландию. Часть британских элит даже выступала, подобно Дж. Сили, за то, чтобы включить в «большую» британскую нацию белые сообщества заморских колонистов, распространяя таким образом концепцию национальной территории далеко за пределы Британских островов.

Нетрудно заметить, что все четыре империи, осуществлявшие наиболее амбициозные проекты строительства имперских наций, принадлежали к «высшей лиге» европейских держав и к числу империй, сохранявших потенциал к дальнейшей экспансии.

Во всех империях детские книги по географии следовали образцу знаменитого французского издания Августина Фюле «Путешествие по Франции двух детей», которое рассказывало о путешествии по «нашей земле» двух друзей, восхищающихся ее разнообразием и богатством, но все время помнящих о ее единстве. Первое издание вышло в 1877 г., а к 1900 г. было продано 6 млн экземпляров. В то время, когда эта книга и подобные ей были написаны, они представляли собой не констатацию очевидного, но боевой клич ассимиляторской программы.

Новая, националистическая повестка дня проникала в имперские институты — школы, университеты, научные общества, армию, церковь. Именно в контексте имперского соперничества профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель написал после битвы при Садовой знаменитую фразу: «когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем». Школьные программы переписывались для национализации имперского пространства. В России, вслед за другими империями, в 1830-е годы был введен предмет «отечественная история». Национальный исторический нарратив, созданный в те годы Н.В. Устряловым в ответ на польский вызов на

западных окраинах, сохранился практически неизменным до конца империи. Он постулировал единство великороссов, малороссов и белорусов как ветвей единой русской нации. Тогда же, в 1830-1840-е годы под руководством С.С. Уварова единственным официальным языком в университетах стал русский.

В XIX в. все более важным элементом «управления пространством» становилось урбанистическое развитие. Имперские и национальные мотивы тесно переплетаются и в этой сфере. Имперские центры метрополии — Лондон, Париж, Берлин, Петербург — сочетали функции национальных и имперских столиц. Именно в XIX в. и именно для имперских и династических церемоний Лондон получил те публичные здания и пространства площадей, которые были необходимы для их проведения. Здесь мы можем видеть национальный центр, постепенно трансформированный в центр имперский. В Петербурге развитие шло в обратном порядке — имперский центр в конце века приобретал все больше черт национальной столицы. Архитектура знаменитого Собора Воскресения Христова (Храм Спаса-на-Крови) может служить иллюстрацией этой тенденции. Следует помнить, что в конце XIX в. в Петербурге было построено более 10 церквей в таком новорусском стиле, сочетавшем неовизантийские и неомосковские мотивы, которые были разрушены в советское время. Создание Токио как имперского центра, который должен был дополнить старую столицу Киото как национальный центр, было сознательным воспроизведением режимом Мейдзи пары Петербург-Москва. Современный облик Будапешта, сложившийся в последние десятилетия XIX в., когда Венгрия получила свою субимперию, также сочетал имперские и национальные функции и заимствовал образцы урбанистического развития у Вены, Парижа и Лондона. В Португалии и Испании мотив канатов в декоре важнейших столичных зданий прямо отсылает к имперской миссии мореплавателей.

Макросистема континентальных империй на окраине европы

Плотность и многоплановость взаимодействия в области национальной политики между соседствующими друг с другом континентальными (по преимуществу) империями носит качественно иной характер по сравнению с типичным для геополитического соревнования всех империй использованием против соперника сепаратистской карты. При изучении национальной политики и процессов формирования наций,

во всяком случае применительно к «долгому XIX веку», важно держать в поле зрения макросистему континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов. Первые две из них имели протяженные границы со всеми остальными тремя империями этой системы, а остальные — с двумя, причем эти границы не только неоднократно сдвигались, но и постоянно воспринимались правителями данных империй как имеющие потенциал к новым подвижкам. Это принципиально отличало восточную часть континента от западной, где границы в XIX в. были уже значительно менее подвижны. Целый ряд территорий на окраинах континентальных империй представляли собой «сложные пограничья», где сталкивались влияния не двух, а трех соседних держав.

Можно отметить несколько факторов, которые были важны для взаимодействия в рамках подобной макросистемы. Во-первых, это религия. Здесь мы можем наблюдать следующее распределение ролей. Романовы выступали покровителями православных как внутри, так и за границами своей империи. Блистательная Порта играла такую же роль в отношении мусульман. Гогенцоллерны выступали как покровители протестантов, а Габсбурги — католиков, и Вена часто сотрудничала с Ватиканом, в том числе и в своей политике в отношении греко-католиков или униатов. Репрессии в отношении католиков в бисмарковской Германии (*Kulturkampf*, особенно сильно ударивший по полякам, потому что совпал и с национальными антипольскими мерами), антипольская политика в отношении католиков и униатов в Российской империи — все это влияло на отношение Габсбургов к их православным, униатским и протестантским подданным. На более раннем этапе сравнительно терпимое отношение Габсбургов к протестантам во многом было связано с необходимостью бороться за их лояльность с Османской империей, которая протестантам покровительствовала. Только после разгрома османской армии, с множеством венгерских протестантов в ее рядах, под Веной Габсбурги могли себе позволить обрушиться на протестантов в своей собственной империи. Положение староверов в Российской империи не может быть понято без учета событий в Габсбургской монархии, потому что именно там, в Белой Кринице, была воссоздана иерархия для старообрядческой церкви.

Другим важным фактором взаимодействия в рамках макросистемы континентальных империй были панэтнические идеологии: панславизм, пангерманизм, пантюркизм, которые развивались во многом взаимосвязано. Все эти идеологии использовали религиозные мотивы, но даже в случае

пантюркизма и панисламизма, которые представляли собой особенно тесный симбиоз, следует отличать этнические и расовые идеологические элементы от религиозных.

Если Россия вела борьбу «за сердца и души» славян Османской империи, то Порты — за лояльность мусульманских подданных царя. Автор обширной монографии «Политизация ислама» К. Карпат не случайно дал главе «Формирование современной нации» подзаголовок «Тюркизм и панисламизм в России и Османской империи». Процессы, происходившие среди мусульман двух империй, были действительно тесно связаны. Среди основоположников пантюркизма и панисламизма выходцев из России по крайней мере не меньше, чем выходцев из османских владений. При этом из-за многочисленного арабского населения империи пантюркизм долго оставался для Стамбула скорее удобным экспортным товаром, чем продуктом для внутреннего употребления.

Российский панславизм был адресован габсбургским славянам не менее, чем османским. Чехи и словаки, не говоря уже о галицийских русинах, были весьма восприимчивы к этой пропаганде. Но нередко в среде австрийских славян панславизм претерпевал весьма существенные изменения, в том числе превращаясь в австрославизм, который предполагал лояльность Габсбургам. В своей неославистской версии панславизм получил в начале XX в. отклик даже в среде поляков, которые до этого выдвигали собственные версии панславизма, исключавшие «москалей» или во всяком случае отводившие лидирующую роль в славянском мире не Москве, а полякам.

Другим вызовом для Габсбургов, после того как они в 1848–1849 гг. (и окончательно после поражения от Пруссии в 1866 г.) проиграли борьбу за лидирующую роль в объединении Германии, стал пангерманизм. Пангерманизм ставил под вопрос лояльность австрийских немцев династии Габсбургов. В 1867 г. австрийский премьер Фридрих Фердинанд фон Бойст утверждал, что если дать славянам тот же статус, который должны были получить по конституционному соглашению венгры, австрийские немцы превратятся в слабое меньшинство и станут ориентироваться на Пруссию. Таким образом, австро-венгерский дуализм был отчасти следствием объединения Германии под властью Пруссии, а отчасти — следствием страха перед панславизмом.

Но пангерманизм был вызовом и для Романовых. Объединение Германии не только подтолкнуло русских националистов, а затем и власти к идее, что необходимо ускорить консолидацию восточных славян Российской империи в единую нацию. Пангерманизм, как ожидалось,

должен был в обозримом будущем заявить права на остзейские губернии как часть немецкой национальной территории. С этого времени под вопросом оказалась лояльность Романовым всех немецких подданных империи, будь то немецкие дворяне Прибалтики, которые с XVIII в. играли столь важную роль в управлении империей, или немецкие колонисты, сотни тысяч которых заселяли к тому времени стратегически важные районы империи, в том числе западные и южные ее окраины. Первые ограничения на приобретение земли в западных губерниях иностранными подданными были приняты в 1887 г., а в 1892 г. закон уже ограничил права российских граждан «немецкого происхождения» приобретать земли в Юго-Западном крае. Дж. Армстронг был прав, когда написал, что создание второго Рейха стало началом конца многомиллионной немецкой диаспоры во всей Восточной Европе и прежде всего в Российской империи.

Можно сказать, что Германия также «научила» Россию пользоваться институтом гражданства/подданства для регулирования трудовой миграции. В 1870 г. немецкие власти стали высылать в Российскую империю тех ее подданных, в основном поляков и евреев, которые пытались найти работу в Германии и пустить там корни. Впоследствии Германия, под давлением юнкеров, нуждавшихся в рабочей силе, модифицировала законы так, чтобы рабочие из России могли приезжать только на сезон полевых работ, а затем возвращались в Российскую империю. Уже вскоре Россия применяла схожие правила на своих восточных границах для регулирования трудовых миграций китайцев и корейцев.

Вне пределов обсуждаемой макросистемы континентальных империй существовал целый ряд других, менее известных панидеологий, сочетавших имперские и национальные мотивы. «Иберизм» был более популярен в Испании и утверждал взгляд на Португалию как на неотъемлемую часть Испании, а присоединение Португалии к Испании в 1580 г. трактовал как победу в многовековой борьбе за единство полуострова. «Иберизм» находил отклик и среди части португальцев, которым была близка идея об общем духе иберийских народов, об объединенной борьбе с мусульманами в ходе Реконкисты.

«Скандинавизм» опирался на идею общности нордической семьи народов, истории которых были связаны в течение многих веков. Имперская составляющая этой общей истории была очень важной. Датчане в течение веков правили Исландией и Норвегией, шведы — Финляндией и Норвегией. Скандинавизм подчеркивал близость языков, трактуя различия между северными народами в большей мере как региональные, а не

национальные, что открывало возможность представлять пространство Скандинавии как пространство для строительства имперской нации.

Но вернемся к обсуждению ансамбля четырех континентальных империй. Важно иметь в виду, что многие этнические или этнорелигиозные группы жили в двух, трех и даже, как евреи, во всех четырех империях. Исход процессов формирования лояльностей и идентичностей этих групп, складывания в их среде представлений о собственной нации и «национальной территории» во многих случаях зависел от взаимодействий различных сил в масштабе всей макросистемы континентальных империй.

О положении немцев в трех империях, об опасениях и ожиданиях более масштабных изменений в их лояльности со стороны Петербурга и Вены уже было сказано. Различные части польских элит в разные периоды были более лояльны некоторым правительствам империй, разделивших Речь Посполитую, по принципу «иерархии врагов». А одна из причин легендарной лояльности евреев Австро-Венгрии Францу-Иосифу, а отчасти и евреев Германии Гогенцоллернам, в том числе и во время Первой мировой войны, коренилась в их восприятии положения единоверцев в Российской империи как исключительно тяжелого.

У тех групп, национальная идентичность которых формировалась позднее, во второй половине XIX в. или даже в XX в., исход этих процессов тоже во многом определялся взаимодействиями в рамках макросистемы империй. Среди таких групп, проживавших в Российской империи, но имевших большие или малые анклав за ее границами, можно назвать румын, азербайджанцев, украинцев, литовцев, татар. Границы между империями, влияние имперских центров на периферийные группы во многом определяли различные сценарии формирования общей или отдельных национальных идентичностей у близких по культуре и языку групп, разделенных имперскими границами. В качестве примера можно привести азербайджанцев в России и Иране, хорватов и сербов, разделенных границей между Османской и Австрийской империями, русинов/малороссов/украинцев в Галиции и Буковине под властью Габсбургов и в Российской империи, румын и румын/молдаван, разделенных границей между Османской империей (позднее Румынским королевством) и Российской империей (позднее СССР).

Границы империй пересекали не только идеи и деньги на поддержку желательной ориентации тех или иных групп. Через границы империй происходили как организованные властями, так и спонтанные миграции населения. Эти границы часто были военными рубежами, которые фиксировались и менялись в результате завоеваний. Они не были основаны

на каких-то естественных рубежах или этнических принципах. Часто, в стремлении обезопасить границы, власти империй прибегали к переселениям, депортациям и колонизации. Военные действия между империями или восстания внутри них часто сгоняли население с насиженных мест, подталкивали к миграциям. Даже в мирное время происходили массовые перемещения населения. Русофильски настроенные русины переселялись из Галиции в Россию, а из Российской империи в Галицию эмигрировали украинские активисты; поляки и евреи переселялись из Российской империи в Пруссию, иногда, чтобы снова оказаться в России в результате новой подвижки границ после Венского конгресса. Позднее миграции поляков шли в обоих направлениях — как из России, так и в нее. Мусульмане из Российской империи уходили в Османскую (так называемое мухаджирское движение), а балканские славяне, главным образом болгары и сербы, отправлялись в противоположном направлении. Немцы и в меньшем, но все равно значительном числе чехи мигрировали из империи Габсбургов и малых немецких государств в Российскую империю. Эти движения создавали особые культурные анклавы на новом месте, а в некоторых случаях серьезно влияли и на процессы формирования идентичностей в местах исхода. Такая ситуация принципиально отличала восток и юго-восток Европы от западной части континента, где границы были намного стабильнее, а трансграничные миграции намного меньше.

Османская империя может служить примером того, как миграции из соседних империй и связанная с ними демографическая политика в самой империи Османов становились важнейшим фактором формирования нации в ядре империи. Возрастающая обеспокоенность правительства султана Абдулхамида II тем, что стратегически важные районы вокруг столицы империи были заселены немусульманами (главным образом греками и армянами), совпала с новыми волнами как добровольных, так и вынужденных переселений мусульман из России, новых независимых государств на Балканах и из Габсбургской Боснии. Во время Балканских войн и особенно в ходе Первой мировой войны к ним добавились беженцы из находящихся под угрозой территорий самой империи. Теперь таких людей стали сознательно селить в центральных районах империи сначала на свободных землях, а затем и на землях, с которых сгоняли христиан. Эта политика, первоначально проводившаяся под флагом имперского османизма, радикально изменила демографическую картину в Малой Азии, а ее результаты стали основой для националистического проекта младотурков. Исследователи считают, что миграции в Османскую империю

и депортации населения внутри империи, с рассеянным расселением депортированных так, чтобы численность определенной нетюркской этнической группы в каждой местности не превышала 5-10 %, были не просто связаны между собой, но стали со временем частью единого плана. Координацией этой политики, ключевым элементом которой была теперь этничность, а не конфессия, занимались Директорат общественной безопасности и Директорат по делам расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел Османской империи.

Все современные империи были так или иначе связаны между собой военным и экономическим соперничеством, заимствованием опыта в различных сферах, в том числе и в деле собственно управления империей. Но взаимосвязанность соседних континентальных империй в рамках особой макросистемы носит качественно иной характер. Американский историк Р. Суни однажды заметил, что в континентальных империях заметно труднее проводить различную политику, удерживать принципиально различные политические системы в центре и на периферии, чем в морских. Можно сформулировать два тезиса, которые развивают эту идею. Во-первых, континентальным империям было сложнее проводить ту или иную политику внутри своих границ, не оказывая при этом влияния на соседей. Во-вторых, им было сложнее проецировать влияние вовне без серьезных последствий для своей внутренней политики.

Первый тезис прекрасно иллюстрируется примером объединения Германии Пруссией, которое оказало немедленное и далеко идущее воздействие на империи Габсбургов и Романовых. Приведем несколько примеров для иллюстрации второго тезиса. Если Британия решала поддержать борьбу кавказских горцев с Россией, это решение не несло никаких последствий для ее политики в отношении «собственных» мусульман. Если Франция решала в какой-то момент поддержать поляков, это не оказывало влияния на ее политику внутри собственной империи. Но если Габсбурги хотели поддержать польское или украинское движение в империи Романовых, то это неизбежно предполагало соответствующую коррекцию политики в отношении поляков и русинов-украинцев в их собственной империи.

Макросистема континентальных империй в течение длительного времени была внутренне стабильна потому, что, несмотря на частые войны между соседними империями, все они придерживались определенных конвенциональных ограничений в своем соперничестве. В общем они не стремились разрушить друг друга, во многом потому, что Романовы,

Габсбурги и Гогенцоллерны нуждались друг в друге, чтобы справляться с наследием разделов Речи Посполитой. Следует согласиться с американским исследователем истории дипломатии П.В. Шредером, который считал, что начало довольно длительного процесса разрушения тех ограничений, которых европейские империи придерживались в отношениях друг с другом после катастрофических наполеоновских войн, было положено Крымской войной. Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился в ходе Первой мировой войны. Эта война уже велась массовыми армиями, построенными на основе всеобщей воинской обязанности. Но то были имперские армии, в которых вопросы религиозной, этнической, расовой разнородности играли важную, а иногда и центральную роль.

В ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали весьма активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые теперь боролись друг с другом «на уничтожение». Сражающиеся стороны проводили мобилизацию окраинных национализмов в стане врага через оккупационную политику, через финансовую и информационную поддержку сепаратистских тенденций, через систематическую пропагандистскую работу в лагерях военнопленных, которая охватила миллионы человек. В условиях, когда все взрослые мужчины рассматривались как потенциальные солдаты, воюющие стороны трактовали этничность и конфессиональную принадлежность как ключевые параметры лояльности, прибегая к массовым депортациям, репрессиям и заключению во впервые появившиеся тогда в Европе концентрационные лагеря по этническому признаку.

В этой связи можно заново осмыслить вопрос о том, в какой мере роль могильщика континентальных империй принадлежит национальным движениям, а в какой — самим империям, которые использовали и поддерживали эти движения друг против друга. Это заставляет по-новому подойти и к вопросу о том, насколько жизненный потенциал континентальных империй был исчерпан к началу Первой мировой войны. Иначе говоря, все ли эти империи находились к началу войны в фазе необратимого упадка? Возможно, некоторые из них переживали кризис, исход которого не был заранее предопределен? Была ли Первая мировая

война лишь последним гвоздем, забитым в гроб этих империй, или гигантским потрясением, которое разрушило их вне зависимости от того, были ли они на тот момент уже неизлечимо больны? Именно Первая мировая война, которая, среди прочего, заставила империи всюду орудовать обоюдоострым мечом национализма и окончательно разрушила выполнявшую определенную стабилизирующую роль макросистему континентальных империй, заставила их кануть в Лету. Ведь в результате войны рухнули не только ослабленная, сжимавшаяся, потерявшая экономический суверенитет Османская империя, не только экспериментировавшая с этнокультурной автономией, сравнительно менее централизованная империя Габсбургов, или экономически отстававшая от Запада, раздираемая внутренними политическими противоречиями, не успевшая консолидировать новые демократические институты и имперскую русскую нацию Российская империя. Рухнул и германский рейх, где имперская нация и демократические институты уже были в значительной степени консолидированы, где экономическое развитие вывело страну в мировые индустриальные лидеры. Получается, что вне зависимости от своих внутренних сильных сторон и слабостей все империи на востоке Европы не смогли пережить Первую мировую войну и крах взаимозависимой макросистемы континентальных империй.

Но даже Первая мировая война не стала рубежом, после которого можно говорить, что век империй и национализма сменился веком наций-государств. Конечно, антиколониальные идеологии Вильсона и Ленина стали важным вызовом империям. Однако лишь Вторая мировая война, в которой потерпели поражения «молодые» империи Германии и Японии, и способность США после войны диктовать условия своим ослабленным западным союзникам привели к демонтажу французской и британской империй и завершению того этапа, который можно назвать вслед за Остерхаммелем «веком империй и национализма».

Подводя итог, отметим следующее. Во-первых, империи не были построены нациями. Во-вторых, строительство наций протекало в контексте соревнования между империями. Это верно и для строительства наций на периферии империй, и для строительства наций в ядре империй. В-третьих, строительство наций и строительство империй были тесно связаны. Строительство наций в ядре империй было одним из ключевых инструментов повышения соревновательных возможностей империй, а строительство наций на периферии империй во многом происходило под влиянием других, конкурирующих империй.

Экспансионистские проекты строительства имперских наций, дополненные во второй половине XIX в. дарвинистскими теориями выживания сильнейших, создавали новое напряжение в отношениях центра и периферии империй. В исторической литературе внимание в основном фокусируется на центробежных тенденциях, порождавшихся такой политикой, а успехи имперских интеграционных и ассимиляционных проектов в последние десятилетия перед Первой мировой войной, как правило, недооцениваются.

Европа и мир: тернистый путь к глобальной системе государств

Pax Britannica: Великобритания

Задолго до начала XIX столетия Британия, в результате резкого роста промышленности и торговли и расширения колониальных владений, стала могущественным государством Европы. В начале XVIII в. завершился процесс политического объединения Англии и Шотландии: в 1707 г. Англия (в Средние века наиболее крупное королевство Англия, расположенное в центре острова, подчинило находившийся на его южных рубежах Уэльс) заключила Унию с Шотландией, и новое государственное образование получило название Соединенное королевство Великобритания. Государственный строй — конституционная монархия — был установлен в ходе Славной революции 1688–1689 гг. законом конституционного характера — Биллем о правах. Билль разграничил права парламента и прерогативы монарха, подтвердил права граждан. В королевстве установилась свобода вероисповедания при сохранении государственного статуса англиканской церкви и отменена цензура. С этого времени король не мог ни отменить, ни приостановить действие закона, принятого парламентом, хотя до начала XVIII в. за ним сохранялось право вето. В 1714 г. на трон вошел представитель Ганноверской династии Георг I. Широкие полномочия монарха постепенно сужались за счет усиления роли нового исполнительного органа власти — кабинета министров, выработки его функций и принципов ответственности перед парламентом.

Великобритания первая среди других стран вступила на путь модернизации экономики: с 1760-х годов она переживала начало промышленной революции. Внедрение машинного производства сопровождалось глубокими социальными сдвигами: небывалым ростом численности населения, миграцией и урбанизацией. Промышленная революция совпала по времени с завершающим этапом аграрной революции, что серьезно ухудшило положение сельских и городских слоев населения и привело к усилению социальной напряженности. Наряду с акциями протестного характера в последней трети XVIII в. зародилось радикальное движение, протекавшее под лозунгом коренного преобразования системы представительства в парламенте, сокращения

государственных расходов и снижения налогового бремени.

Несмотря на социальные проблемы, развитая экономика и финансовая система, мощный флот позволили Британии формировать коалиции союзников по борьбе с революционной, а затем наполеоновской Францией в Европе и успешно сражаться за моря в конце XVIII — начале XIX в.

В 1801 г. была заключена англо-ирландская уния, ликвидировавшая остатки самостоятельности Ирландии. На протяжении XIX в. (и до 1922 г.) официальное название британского государства — Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. По размерам территории и по численности населения королевство (в 1800 г. в стране проживали 8,6 млн человек) уступало Испании и Франции.

Великобритания вышла победительницей из долгого противостояния с Францией и после разгрома противника стала одной из могущественных стран Европы. Венский конгресс 1814–1815 гг. закрепил осуществленные Британией за эти годы территориальные завоевания: к заморским владениям, среди которых наиболее крупными была Канада в Северной Америке, Австралия в Южном полушарии, Бенгалия в Азии, добавились острова Мальта, Цейлон, Маврикий, Тобаго; британской стала и Капская колония. Победа над Францией ознаменовала окончательное установление господства британского флота на море и явилась важным фактором активизации дальнейшей деятельности британцев во всех частях света. Наличие владений и зависимых территорий в значительной мере обеспечило последующее расширение достигнутых позиций в Азии и Африке, проникновение английского капитала и товаров во владения Испанской и Португальской колониальных империй в Латинской Америке.

Великобритания в первой половине XIX века: основные вехи развития

Наступление долгожданного мира принесло с собой обострение внутренних социально-экономических проблем. Стагнация британской экономики, нуждавшейся в передышке для перевода производства на изготовление мирной продукции, сопровождалась ростом безработицы и понижением заработной платы. Поступление дешевого зерна из освобожденной Восточной Европы грозило разорением землевладельцев и арендаторов земли. Необходимость поддержания подавляющего большинства населения стала причиной принятия последнего в истории страны протекционистского закона. В 1815 г. парламент в экстренном порядке принял хлебные законы, направленные на сохранение взлетевших

в военное время цен на зерно. Однако законы существенно ухудшали положение горожан. И социально-экономический протест быстро приобрел политическую окраску. На протяжении 1816–1819 гг. в стране происходил подъем демократического радикального движения под лозунгом проведения парламентской реформы. Преобразования системы представительства, расширение политических прав населения рассматривались его участниками единственным путем решения всех проблем. В 1819 г. движение было жестко подавлено.

В 1820 г. завершилось правление Георга III, престол перешел к его сыну Георгу IV, который с 1812 г. являлся регентом при больном отце. На протяжении десятилетия, отчасти по состоянию здоровья, Георг IV фактически не участвовал в государственных делах, что значительно расширяло поле деятельности кабинета министров, находившегося в руках тори. С 1812 по 1827 г. его возглавлял лорд Ливерпуль. В 1820-е годы кабинет приступил к реформированию архаичного законодательства, а также экономической политики, носившей протекционистский характер, которые начинали сдерживать развитие страны.

В 1822 г. Ливерпуль ввел в правительство сторонников проведения умеренных реформ: Дж. Каннинга, Р. Пиля, В. Гескиссона. Начался пересмотр таможенного законодательства, который состоял в смягчении части запретов и отмене некоторых ввозных пошлин на сырье. Проведена реформа полицейской службы. Политика преобразований получила продолжение в середине двадцатых годов, когда разразился системный кризис, охвативший финансы, торговлю и производство. Он стал первым в истории капитализма циклическим кризисом. С этого времени примерно каждые десять лет в экономике страны начинался спад производства и застой в торговле. В частичном изменении денежного обращения, хлебных законов и смягчении политики протекционизма правительство видело выход из затруднений. Реформы коснулись и социального законодательства: в 1824 г. были отменены запреты на создание рабочих союзов и тем самым заложены основы деятельности легальных профсоюзных организаций (тред-юнионов). В уголовный кодекс вводилась статья, на основании которой сокращалось применение смертной казни за некоторые виды преступлений (в зависимости от степени тяжести нарушения прав собственности).

Деятельность правительства, в целом отвечавшая интересам развивавшейся торговли и промышленности, расширения связей с заморскими владениями, позитивно оценивалась предпринимательскими кругами и частью дворянства, вовлеченного в предпринимательство.

Однако так называемая «эмансипация» католиков привела к поляризации депутатского корпуса и общества. С начала 1820-х годов агитация против Актов XVII в., которые ограничивали гражданские и политические права диссентеров и католиков, приняла большой размах в Ирландии, где доля католического населения превышала 80 %. После заключения Унии с Великобританией в 1801 г. ирландцы оказались в бесправном положении. В 1823 г. создана общественная организация — Католическая лига, и к 1827 г. ее агитация за права католиков охватила весь остров. Одновременно и диссентеры боролись за отмену актов. Этот относительно небольшой слой населения играл немаловажную роль в экономике страны. Лишенные возможности поступить на государственную или военную службу нонконформисты, составлявшие до 40 % всех предпринимателей королевства, занялись экономической деятельностью. Но их возросшие благосостояние и социальный статус не соответствовали все еще сохранявшимся ограничениям.

Вопрос о диссентерах не вызвал возражений, а изменение законодательства в отношении католиков встретило серьезное сопротивление в обществе. Правым крылом тори допуск католиков в парламент рассматривался как нарушение протестантского характера неписанной британской конституции. Тем не менее осенью 1828 г. в связи с обострением ситуации в Ирландии новый глава кабинета тори, герой войны с Наполеоном герцог Веллингтон принял решение о проведении Акта об «эмансипации» католиков. В середине апреля 1829 г. король вопреки собственному желанию был вынужден утвердить закон о предоставлении католикам политических и гражданских прав. Кроме того, несмотря на противоположную точку зрения монарха по этому вопросу, кабинет признал де-юре молодые латиноамериканские государства. Этот шаг знаменовал дальнейшее сокращение прерогатив короля и в то же время способствовал значительному усилению британского влияния в этом регионе. Также Великобритания не поддержала планы Священного союза подавить освободительное движение в американских колониях Испании и солидаризовалась с Грецией, где в 1821–1829 гг. развернулась национально-освободительная борьба против турецкого владычества.

Либеральные реформы тори усилили политическое размежевание депутатского корпуса, что отразило формирование консервативной и либеральной идеологии. Вопрос о преобразованиях получил ключевое значение в процессе трансформации парламентских партий тори и вигов в партии политические. Вместе с тем борьба партий и внутрипартийных фракций вышла за стены парламента и все больше интересовала средние

слои населения, вовлекавшегося в обсуждение политических вопросов. Частичные реформы 1820-х годов способствовали и размежеванию в обществе. Консервативно настроенные круги были недовольны «решительностью» перемен, а большинство населения — нерешенностью наиболее важных для значительной части общества проблем. Нестабильность политической обстановки усиливало падение авторитета монарха и монархии, вызванные самоустранением и до того непопулярного Георга IV от управления страной.

Экономический кризис 1825–1827 гг. и депрессия 1829–1830 гг. вновь ухудшили положение значительной части населения. В обращениях в парламент и к королю содержались требования сокращения государственных расходов и снижения налогов. Новый подъем демократического движения подобно выступлениям 1816–1819 гг. отличался скорым переходом от экономических лозунгов к требованиям проведения парламентской реформы, с которой народ связывал надежду на улучшение социально-экономического положения. В 1829 г. в Бирмингеме был создан Политический союз, во главе которого встал банкир Томас Аттвуд. Он полагал, что единственным средством решения всех бед является реформа денежного обращения и умеренная парламентская реформа, отвечающая интересам торгово-промышленных кругов. Она включала тайное голосование, предоставление права голоса домовладельцам, трехгодичный срок полномочий парламента и др. Союз объединил работников, а также мелких и средних собственников Бирмингема. Все они стремились к социально-экономическим преобразованиям, проводимым парламентом. Подобные общества создавались и в других городах.

Если в период послевоенного движения правительство применило жесткие меры для его подавления, то новый подъем движения и слаженность действий союзов делали неизбежным проведение реформы средневековой системы представительства. Непримируемую позицию занимали лишь ультратори. Для них любые изменения были неприемлемы, поскольку они усматривали в них угрозу незыблемости монархии, палате лордов и колониальной империи. Противоположный фланг заняли радикалы, представлявшие на политической арене третью силу. Радикалы отстаивали проведение решительной, коренной реформы, прежде всего упразднения малочисленных мелких избирательных округов («карманных» местечек), введения всеобщего избирательного права для мужчин, ежегодных выборов в парламент, тайной подачи голоса, равных избирательных округов, оплату труда депутатов. Многие виги видели в

реформе меру, направленную лишь на устранение таких отдельных недостатков, как мелкие избирательные округа, служившие источником злоупотреблений. Вместе с тем в каждом лагере отсутствовало единство по вопросу о конкретном содержании реформы: ее противники находились и среди вигов, а сторонники — среди тори. Даже сами радикалы расходились в формулировке пунктов о тайном голосовании, избирательном цензе, сроках полномочий парламента и др.

26 июня 1830 г. скончался Георг IV, на престол взошел его брат Вильгельм IV. По традиции король распустил парламент и назначил новые выборы, а через несколько дней в Лондон пришли известия об Июльской революции во Франции. На фоне экономических трудностей эти новости, пугавшие аристократию и часть буржуазии, способствовали активизации начинавшегося движения за реформу. В результате выборов 1830 г. ряды вигов, осенью сменивших правительство герцога Веллингтона, усилились. Кабинет возглавил сторонник парламентской реформы лорд Грей. К этому времени движение за реформу и волнения в деревне приняли угрожающий характер, что делало скорейшее ее проведение неизбежным. Борьба за парламентскую реформу вызвала резкую политизацию общества и ускорила процесс политического размежевания находившейся у власти аристократии. Непродолжительный по времени период борьбы (1829–1832 гг.) за проведение первой избирательной реформы стал ключевым моментом и оказал сильное влияние на социально-политическое и экономическое развитие страны последующих десятилетий.

1 марта 1831 г. правительство внесло на обсуждение в парламент проект реформы. Умеренный законопроект, положения которого затрагивали существование менее половины «карманных» местечек и вводили единый избирательный ценз для мужчин в городах, восторженно встретила лишь небольшая группа радикалов. Тори высказались против основных положений билля. Эта позиция способствовала тому, что тори все чаще стали называть консерваторами, т. е. охранителями старых порядков, а вигов — либералами, сторонниками гражданских свобод и преобразований. Правительство Грея разработало второй, а затем и третий более умеренные варианты законопроекта, и на некоторое время даже вынуждено было уйти в отставку. Соппротивление нижней, а затем верхней палаты, в которой преобладали консерваторы, было сломлено с большим трудом. Главным мотивом уступки лордов стала боязнь разрастания конфликта в стране. Страх перед возможной революцией преобладал в настроениях знати и обывателя. В такой обстановке, когда большая часть общества выразила свое требование, насильственное подавление движения

становилось невозможным, и в столь критической ситуации правящая верхушка проявила способность идти на компромисс.

В период парламентского обсуждения законопроектов в Лондоне и в целом по стране царило необычайное оживление. Проходили митинги и шествия, в парламент направлялся поток петиций. Резко возрос интерес к политическим делам, которые широко освещались прессой. Выпуск консервативных газет быстро сокращался, а число изданий, высказавшихся за проведение реформы, возрастало, и это хорошо отражало настроения, царившие в обществе. Именно в этот напряженный период газета «Таймс» превратилась в национальный орган печати.

За короткий период в политической жизни британского общества произошли важные, кардинальные сдвиги. Характер выборов в парламент свидетельствовал об изменении отношения к ним в обществе, превращении выборов в средство выражения настроений как электората, так в целом и всего населения страны. В борьбе за реформу использовались легальные формы и методы давления на парламент, правительство и короля, что не исключало и угрозы применения физического насилия, проходили отдельные выступления в городах и волнения в деревне. Разрастание движения способствовало упрочению такой формы общественной организации, как политические союзы, и таких способов выражения требований, как митинги, шествия и петиции. Новым средством стал распространившийся отказ, или угроза отказа, уплачивать налоги. В конечном итоге осуществление реформы явилось победой общественного мнения, давления «извне» (т. е. за стенами парламента), которое в ходе борьбы с оппозицией правительство лорда Грея не только поддерживало, но и вынуждало действовать все более энергично.

7 июня 1832 г. закон о парламентской реформе был утвержден королем. Первая избирательная реформа затронула лишь нижнюю, выборную палату. Общее число ее членов — 658 сохранилось. Было ликвидировано 56 мелких избирательных округов и сокращено с двух до одного депутата представительство 32 городов с населением до 4 тыс. человек. Освободившиеся 143 места перераспределили между графствами и городами. Право иметь своего представителя в парламенте получили 42 города, в том числе такие крупные торгово-промышленные центры, как Манчестер, Бирмингем, Лидс, Шеффилд. В городах активным избирательным правом были наделены владельцы домов и нежилых строений, которые приносили доход не менее 10 ф. ст., либо те, кто арендовал помещение и уплачивал не менее 10 ф. ст. арендной платы в год. В деревне сохранялся избирательный ценз для фермеров-собственников

земли, получавших 40 шил. чистого дохода с недвижимой собственности. Помимо имущественного ценза имелись и другие ограничения: обязательная уплата налога на бедных, проживание в данной местности не менее 1 года. Одновременно вводилась обязательная ежегодная регистрация избирателей, которая предусматривала внесение ими каждый раз незначительной суммы. Сохранилась диспропорция избирательных округов за счет преобладания аграрный регионов, а 115 парламентариев представляли округа с населением менее 500 человек.

Несмотря на различные преграды, число избирателей за счет представителей среднего класса города и деревни существенно увеличилось. Из 24 млн населения страны в выборах 1834 г. участвовали 620 тыс. человек, тогда как до реформы в 1831 г. — 344 250 человек. В целом в палате общин по-прежнему преобладали сыновья пэров и баронов, не было введено всеобщее избирательное право для мужчин, сохранялся высокий имущественный ценз и неравномерность избирательных округов, по-прежнему отмечались такие злоупотребления, как взяточничество и подкуп избирателей. Однако значение реформы не ограничилось увеличением электората. Она стала первой в ряду реформ избирательного права в Великобритании в XIX в., поколебав средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц и ознаменовав начало перехода к представительству в зависимости от численности населения.

Реформа проводилась правящей аристократией в своих собственных интересах, что и обусловило незначительное расширение электората. Вместе с тем она явилась свидетельством понимания правящей элитой необходимости уступок общественному мнению, способности перехода к политике компромиссов. Сокращение «карманных» местечек и увеличение электората сказались на политической жизни общества и функционировании парламента, усиление роли нижней, выборной, палаты постепенно привело к изменению соотношения сил между палатами и короной. В связи с сокращением числа представителей мелких избирательных округов, контролировавшихся правительством и земельными магнатами, возросла роль партийного большинства нижней палаты при формировании кабинета министров и в ходе проведения его политики. Попытка Вильгельма IV вернуть к власти тори в 1834 г. (первый кабинет Р. Пиля) завершилась поражением консерваторов и короля. Объединившиеся виги, радикалы и ирландские депутаты парализовали деятельность кабинета, который вскоре вышел в отставку. Тем самым в политической жизни страны окончательно утвердился краеугольный принцип парламентаризма — формирование правительства из числа

депутатов той партии, которая на выборах получила большее число мест в палате общин.

В 1830-е годы виги продолжили политику преобразований. В пореформенный период их проводило правительство лорда Мельбурна, сменившего кабинет лорда Грея. Осуществление реформ диктовалось необходимостью дальнейшего изменения законодательства, которое не соответствовало уровню социально-экономического развития страны. В их направленности важную роль сыграло давление на власть со стороны общественных движений, но проводились преобразования правящей аристократической верхушкой в интересах торгово-промышленных и финансовых кругов. В то же время они отвечали и интересам дворянства, вовлеченного в предпринимательскую деятельность.

На рубеже 1820-1830-х годов движение за парламентскую реформу (демократическое движение) проходило одновременно, порой даже переплетаясь, с деятельностью аболиционистов, сторонников ограничения рабочего времени на фабриках, и тех, кто выступал за пересмотр системы оказания помощи беднякам. Позже в общественной жизни страны важную роль сыграли чартисты и фритредеры (сторонники введения свободы торговли).

Эти социальные движения имели сходный состав участников, общие принципы организации деятельности и методы ведения борьбы за осуществление своих требований. Их широкую социальную базу обусловили происходившие социально-экономические перемены, когда наряду с промышленным немаловажное значение сохраняло ремесленное и мануфактурное производство. Поэтому основной движущей силой движений стало городское население, связанное как со старыми, так и новыми способами производства: ремесленники и мастера, надомные рабочие, лавочники, фабричные рабочие, представители интеллектуальных профессий (журналисты, юристы, конторские служащие). Политический состав также был разнообразен. В движениях принимали участие тори, виги и радикалы. Но именно последние, как сторонники коренных перемен во всех сферах жизни общества, играли наиболее активную роль. Как правило, инициативная группа создавала организацию, которая формулировала требования, руководила агитацией, сбором подписей под петициями и направлением их в парламент. Однако в тактике движений наблюдались различия, так же как и в финансовой поддержке со стороны общества. Социальные движения сыграли весомую роль в становлении институтов гражданского общества. Этот процесс выражался не только в формировании идентичности (гражданского, политического, правового,

национального самосознания), но и в создании объединений для достижения конкретной цели. Важным компонентом такой деятельности становилось использование законных форм пропаганды и давления на правящие круги: собрания, митинги, лекции, обращения к королю и парламенту с петициями. С одной стороны, это закрепляло в повседневной жизни функционирование институтов гражданского общества, с другой — способствовало некоторому снятию социальной напряженности в обществе, позволяя в законных формах выплеснуться недовольству. В Великобритании формирование гражданского общества началось раньше, чем в других странах. В первой трети века его характеризовала резкая политизация общества, повышение его внимания к ходу государственных дел, выявлению наиболее устаревших положений архаического законодательства.

Первым шагом пореформенного парламента в 1833 г. стал закон о постепенной отмене рабства в британских колониях. Отказ от использования рабского труда был продиктован не экономическими причинами, а реакцией правящих кругов на мощное аболиционистское движение. Хотя закон затронул не столь значительное по численности население вест-индских колоний, он явился важным признанием прав человека. Одновременно парламент продлил хартию Ост-Индской компании. Правительство не было готово изменить сложившееся положение на Востоке, и акционерная торговая компания продолжила политику дальнейшего захвата индийских княжеств. Тем не менее существенно расширился доступ к восточному рынку купцам, не являвшимся пайщиками компании. Важным решением сессии парламента стал дальнейший пересмотр таможенного законодательства, начало которому было положено в двадцатые годы.

Обострение проблемы регулирования фабричного труда явилось следствием внедрения машинного производства, когда взрослых мужчин у станков заменили женщины и дети, возраст которых порой составлял 5–6 лет. К этому времени произошла и отменена ограничений ремесленного труда, но регламентация труда на фабриках отсутствовала, что приводило к безграничной эксплуатации: рабочий день нередко длился до 18 часов, за любые провинности налагались штрафы, детям и женщинам выплачивалась мизерная заработная плата. Движение за сокращение на фабриках и в горнодобывающем секторе экономики рабочего времени детей и женщин не имело той финансовой поддержки и размаха, которые были у аболиционистов. За свои права рабочие боролись сами, в их поддержку выступали лишь немногочисленные филантропы. Обследование

парламентского комитета выявило страшные подробности эксплуатации работников на предприятиях и вызвало возмущение в обществе. Несмотря на протесты хозяев, выступавших против вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, в 1833 г. парламент принял фабричный закон, правда, коснувшийся лишь текстильной промышленности. Закон ввел ограничение возраста детей, которых теперь можно было принимать на работу только с девятилетнего возраста, а рабочий день детей до 13 лет ограничивался 9 часами. Одновременно впервые в мире создавалась фабричная инспекция, на которую возлагались обязанности по контролю над исполнением закона.

В 1834 г. парламент принял новый Закон о бедных. К началу столетия в Британии сформировалась разветвленная система оказания помощи беднякам. Наряду с наказаниями за бродяжничество законы и патерналистская практика утвердили поддержку неимущих жителей королевства: стариков, больных, безработных, сирот. Официальный налог, который уплачивали имущие слои населения, собирался в церковных приходах и раздавался старостами. Помимо денег имела место выдача различных сумм по каким-либо поводам (свадьба, рождение, похороны), одежды, продуктов питания, предоставлялась работа. Четверть населения Соединенного королевства получала социальную помощь, но она позволяла беднякам лишь не умереть от голода.

Рост числа неимущих слоев вследствие аграрной и промышленной революций, безработицы, разорения мелкого и среднего предпринимателя в городе вел к тому, что официальная благотворительность тяжким бременем легла на плечи налогоплательщиков, став зачастую второй статьей расхода семей среднего достатка. Вместе с тем она не решала проблему бедности. В обществе нарастало недовольство. Нарекания вызывали злоупотребления, связанные с распределением помощи. В парламент поступали петиции с требованием пересмотреть сложившуюся практику. В вопросе формирования основ оказания помощи возобладала либеральная концепция. В ее фундамент был заложен принцип: безработный не должен жить лучше, чем работающий член общества; бедных надо не содержать, а научить работать. Закон 1834 г. сохранил уплату налога. Одновременно он возродил работные дома, которые в силу их неэффективности были упразднены еще в XVIII в. Отныне все те, кто нуждался в поддержке, могли получить ее, лишь поселившись в работном доме. Там бедняков ждали раздельное проживание семей, изнурительная, оупляющая работа, скудное питание и полная зависимость от местной администрации.

Осуществление закона на практике значительно ухудшило положение

неимущих слоев населения. Тем не менее его следствием стала активизация миграции населения, которое раньше не покидало приходы в надежде на получение помощи. Ее ликвидация и нежелание идти в работные дома побуждали людей покидать родные места в поисках лучшей доли. Таким образом, началось формирование рынка наемного труда, столь необходимого для развивавшейся промышленности.

В 1835 г. была проведена муниципальная реформа, которая явилась логическим продолжением парламентской реформы и отправной точкой создания современной британской системы городского самоуправления. Отныне городской совет избирался домохозяевами, которые платили налоги и проживали в городе не менее 3 лет. Благодаря реформе средний класс получил возможность реально влиять на ведение городских дел: соблюдение законов, сбор налогов, полицейскую службу, санитарное состояние. Позднее функции местных властей расширились: они занимались строительством и мощением дорог, уборкой и освещением улиц, снабжением домов газом, водой и канализацией.

В результате давления на парламент со стороны диссентеров была введена в 1836 г. гражданская регистрация брака, рождения и смерти. Этот шаг знаменовал дальнейшее расширение гражданских прав всего населения, но особо улучшил положение диссентеров. До 1836 г. все обряды они были обязаны совершать только в государственной англиканской церкви, а обряды, совершенные в их молельных домах законом не признавались. Муниципальная реформа и введение гражданской регистрации стали последними преобразованиями 1830-х годов, проведенные вигами.

Однако социальная активность не снижалась, постепенно набирало силу кооперативное движение сторонников и последователей социалиста Р. Оуэна. Оно сыграло немаловажную роль в жизни британского общества. Радикальное преобразование капиталистического общества с его несправедливостью и жестокой эксплуатацией и создание нового справедливого общества на началах общей собственности, равенства в правах и коллективного труда социалист Оуэн видел в мирном постепенном пути создания общин кооперативного типа и в дальнейшем переходе производства в руки рабочих. Его попытки организации такого рода общин в Америке и Великобритании потерпели крах, однако кооперативное движение начало развиваться. При участии Оуэна в 1821 г. учреждено Кооперативное экономическое общество, в 1824 г. — Лондонское кооперативное общество. Уже в 1820-1830-е годы рабочие, сами ставшие хозяевами мельниц, пекарен, предоставляли возможность

членам кооператива покупать товары по низким ценам. Учреждались потребительские общества, кредитные товарищества, сбытовые и производственные объединения, что явилось важным показателем стремления трудящихся к организации помощи самим себе своими собственными силами.

В 1844 г. ткачи Рочдейла учредили потребительский кооператив, принципы деятельности которого широко распространились в стране и за ее пределами. Такие объединения базировались на невысоких паевых взносах, равноправии членов, продаже им товаров по умеренно-рыночным ценам, которые были одинаковы для всех членов кооператива, что позволило несколько облегчить тяжелое экономическое положение рабочих, поддержать их в кризисные периоды.

Начало викторианской эпохи

В 1837 г. скончался Вильгельм IV и трон перешел к его восемнадцатилетней племяннице Виктории. Началось ее длительное правление, вошедшее в историю как викторианская эпоха, завершившаяся в 1901 г. со смертью королевы. В 1840 г. Виктория вышла замуж за своего кузена Альберта Саксен-Кобург-Готского, а в 1861 г. овдовела. К восшествию Виктории на престол в Британии утвердился государственно-политический режим — парламентская монархия. Политическая власть короны со времени Славной революции 1688–1689 гг. существенно сократилась, однако в государственном механизме за монархом сохранялись важные функции. Только с подписью королевы законопроект становился законом, она являлась главой англиканской церкви и колониальной империи, обладала правом помилования и жалования титулов и др. В периоды политических кризисов королева играла роль своего рода посредника между враждовавшими партиями и их лидерами. Это способствовало урегулированию конфликта, невзирая на личное расположение королевы к группировке, либо к ее лидеру. Важной новой чертой в истории британской монархии стало возрастание социальной роли института королевской власти. Этому в значительной мере способствовала семейная жизнь Виктории. После Георга IV и Вильгельма IV, похождения которых были хорошо известны в обществе, Виктория и ее супруг представляли идеальной любящей парой, а их семейная жизнь служила образцом для подражания. Ценности семейной жизни и добродетельность стали важными компонентами зарождавшейся викторианской морали.

Королева Виктория, принц Альберт, принц Уэльский и принцесса Виктория. Гравюра. Середина XIX в.

Восшествие на престол молодой королевы было с воодушевлением воспринято в обществе. Однако политическую обстановку в стране обострило зарождавшееся чартистское движение, начало деятельности Лиги борьбы против хлебных законов и восстание в Канаде 1837 г., которое выявило проблему реформирования системы управления переселенческими колониями.

Канада была самой крупной колонией Британии. Конституционный акт 1791 г. разделил владения в Северной Америке на две провинции — Нижнюю Канаду (с преобладающим франкоязычным населением) и Верхнюю Канаду (с преобладающим англоязычным населением). Политика метрополии заключалась в консервации крупного землевладения, что тормозило экономическое развитие. Нараставшее движение протеста и борьба за самоуправление вылилось в восстание. В мае 1838 г. в Канаду прибыла комиссия для изучения причин восстания, ее возглавил лорд Дарем. В январе 1839 г. он закончил подготовку «Доклада». Как в поездке, так и при выработке основных положений «Доклада» решающую роль сыграли радикалы, сторонники решительных изменений в политике метрополии в переселенческих владениях. Их взгляды отразились на анализе причин восстания и формулировке предложений по изменению управления колонией. В «Докладе» обосновывалась необходимость отказа от незыблемости административных институтов и законов; авторы настаивали на поощрении эмиграции и введении ответственного перед местным парламентом правительства при ограничении власти губернатора, присылаемого из Лондона. Неизменным оставалось сохранение ключевых позиций в руках правительства метрополии.

Обострение политической ситуации в метрополии было обусловлено нерешенностью острых проблем, связанных с завершающей стадией промышленной революции: разорением мелкого и среднего производителя, безработицей, ростом нищеты. Надежды на парламентскую реформу не оправдались, а внедрение нового Закона о бедных ухудшило положение беднейших слоев населения. Не были удовлетворены осторожными реформами торгово-предпринимательские круги, заинтересованные в скорейшей и полной отмене протекционистских ограничений. В середине 1830-х годов практически одновременно зарождаются два мощных общественных движения: чартистское и фритредерское.

Чартизм стал самым крупным народным движением не только в Британии, но и в мире. Его уникальность заключалась в том, что он отразил возмущение и протест трудящихся против тяжелого социально-экономического положения. Одновременно движение отражало веру в

избранный на основе всеобщего избирательного права законодательный орган, убежденность в том, что такой парламент будет проводить политику в интересах народа. Движение отличало отсутствие единства и однородности. Региональное и локальное разнообразие состояло в составе участников и степени активности разных категорий населения. Единым было лишь требование осуществления парламентской реформы. Центрами формирования стали Лондон, Бирмингем и Лидс, где возникли первые организации. Программа чартистов, получившая название «Народная хартия», содержала 6 пунктов: всеобщее избирательное право, равенство избирательных округов, тайное голосование, ежегодное переизбрание парламента, отмена имущественного ценза для депутатов, выплата им жалованья. Большинство лидеров отвергло возможность борьбы за осуществление «Хартии» вооруженным путем, и лишь часть чартистов признавала использование «физического насилия» в качестве самообороны. Вера в парламент обусловила направленность действий в традиционных рамках закона. Тактика чартистов заключалась в сборе максимального числа подписей под петицией с изложением их программы: они считали, что только так возможно продемонстрировать требование народа и заставить парламент и правительство выполнить его.

Иную тактику избрали сторонники свободы торговли и невмешательства государства в предпринимательскую деятельность. Они создали единую организацию и выбрали мишенью критики всего лишь одну позицию таможенного законодательства, а именно — хлебный закон, существование которого поддерживало высокие цены на хлеб в стране и тем самым затрагивало интересы как работника, так и хозяина. Хлеб являлся основным продуктом питания рабочих, это вынуждало владельцев фабрик и заводов платить им относительно высокую заработную плату, что вело к удорожанию продукции и снижению ее конкурентоспособности на мировых рынках. Фритредеры стремились оказывать давление на правящие круги путем подачи многочисленных петиций, регулярно проводили митинги и собрания, издавали собственную газету, распространяли листовки.

В июле 1839 г. была подана первая петиция чартистов с 1280 тыс. подписей, но парламент ее отверг, как и две последующие. Правящая группировка вигов не имела намерения проводить дальнейшую парламентскую реформу, ее реакцией на народные движения стали репрессии и запреты.

В 1841 г. политика вигов потерпела окончательный крах, выборы принесли им сокрушительное поражение. К власти пришли консерваторы.

Со времени принятия закона об «эмансипации» католиков в лагере тори шло размежевание. В тридцатые годы сформировались три группы: первая — непримиримых противников любых реформ, стремившихся к отмене принятых законов. Вторые также выступали против преобразований, но смирились с фактом их осуществления. Третью группировку возглавлял Р. Пиль. Он был сторонником осуществления назревших преобразований и полагал, что проводить их должны осторожные консерваторы, а не требовавшие коренных перемен радикалы. К 1840 г. Пиль сумел объединить своих сторонников, сформулировать политическую программу, заручиться поддержкой некоторых вигов и тори, разделявших его взгляды. Умеренная программа, активная агитация в прессе и на митингах привлекли избирателей, разочарованных в политике вигов.

Пиль находился у власти в 1841–1846 гг. В этот период он решительными мерами добился стабилизации ситуации в экономике путем введения подоходного налога для состоятельных слоев населения и одновременно упразднения многих косвенных налогов, что способствовало улучшению экономического положения населения. Банковская реформа ввела золотой стандарт фунта стерлингов, следствием чего стало укрепление национальной валюты на внутреннем и внешнем рынках. Пиль осуществил дальнейший пересмотр таможенного законодательства путем сокращения или отмены ввозных и вывозных тарифов на товары и сырье. Правительство Пили игнорировало в 1842 г. подачу второй петиции чартистов, но в 1846 г. во время небывалого голода в Ирландии, причиной которого стал неурожай картофеля, под давлением мощной агитации Лиги борьбы против хлебных законов отменило пошлины на импорт хлеба и зерна. Были значительно снижены и ввозные пошлины на многие виды продовольствия и сырья. Либеральная по своей сути политика консерваторов — отказ от протекционизма, либерализация экономической политики и попытка изменить политику Англии в Ирландии — углубила противоречия в лагере тори, а неизбежный раскол привел к потере большинства в парламенте и отставке кабинета.

К власти вернулись виги, продолжившие политику реформ. Правительство Дж. Рассела не решилось на запрет чартистского митинга, предшествовавшего подаче третьей петиции в 1848 г., но, опасаясь восстания, стянуло войска в столицу, охранявшуюся усиленными отрядами полиции и волонтеров. Митинг прошел мирно, петиция была представлена без эксцессов. После 1848 г. чартистское движение пошло на спад. Каждое отклонение петиций парламентом вызывало забастовки и стачки, отдельные волнения, которые жестко подавлялись полицией и войсками и

сопровождались арестами и наказанием активистов. Напуганная размахом движения аристократия, справедливо усматривавшая его истоки в бедственном положении народа, пошла на изменение социальной политики. В конце 1840-х годов парламент принял законы о санитарном состоянии городов, оказании врачебной помощи, ограничении до 8-ми часов рабочего дня на фабриках для женщин и детей. Жалобы заключенных в тюрьмах чартистов привлекли внимание к состоянию мест заключения и способствовали последующему изменению условий их содержания.

Важнейшим решением вигов стала отмена в 1849 г. Навигационных актов, принятых еще во второй половине XVII в. в целях регламентации ведения торговли с колониями и каботажного плавания вдоль британского побережья. Акты, имевшие целью отстранить иностранных купцов от торговли с британскими владениями и не допустить их в прибрежные воды метрополии, сыграли значительную роль в развитии британского торгового флота и формировании экономических связей с колониями. Однако в первой половине XIX столетия такие положения Актов, как ограничение тоннажа судов, регламентация маршрута и национального состава команды корабля, отстранение иностранных государств, и другие сильно сдерживали дальнейшее развитие британской морской торговли. Отмена Актов ознаменовала полное утверждение либеральной экономической политики, основные принципы которой базировались на свободной торговле, невмешательстве государства в предпринимательскую деятельность и в наибольшей мере отвечали интересам торгово-предпринимательских кругов.

В середине XIX в. в Великобритании завершалась промышленная революция: успешно осуществлялась модернизация тяжелой промышленности, наряду с развитием старых происходило становление новых отраслей, в том числе таких, как пароходо- и паровозостроение. Железнодорожное строительство дало мощный толчок развитию металлургии, машиностроения, горнорудной промышленности. К середине XIX в. машинное производство получило распространение во всех основных отраслях британской экономики. Добыча каменного угля в стране составляла более половины мировой, выплавка чугуна — половину мирового производства. К 1850 г., за 25 лет со времени пуска первого паровоза, сеть железных дорог составила уже 50 тыс. км, наряду с шоссейными дорогами и каналами они соединили важнейшие промышленные центры страны, тем самым способствуя созданию единого национального рынка. В свою очередь, развитое пароходное сообщение сокращало время в пути не только между британскими регионами, но и

различными частями Британской империи, укрепляя таким образом связь метрополии с заморскими владениями. Технический прогресс и технологические инновации сопровождались глубокими социальными изменениями. Численность городского населения сравнялась с численностью сельских жителей и продолжала увеличиваться, на рубеже XIX–XX вв. уже 80 % британцев проживали в городах. Реформы конца 1840-х годов, направленные на улучшение санитарного состояния городов и повышение уровня медицинского обслуживания, постепенно стали приносить свои плоды, что положительно сказывалось прежде всего на состоянии здоровья населения.

Внешняя политика Великобритании этого периода была направлена на дальнейшее расширение Британской империи: в 1839 г. британской колонией стал Аден, в 1840 г. — Новая Зеландия. В 1838–1842 гг. Великобритания вела войну с целью покорения Афганистана, в 1840–1842 гг. — против Китая, в результате которой овладела Сянганом (Гонконгом) и добилась открытия ряда китайских портов для британской торговли. В 1850-1860-х годах она вновь развязала войну против Китая, в 1852 г. присоединила к своим владениям часть Бирмы. К середине 1850-х годов было завершено завоевание Индии. В 1858 г. Ост-Индская компания была распущена, управление ее владениями перешло к правительству.

Британия в зените могущества

Эпоха правления королевы Виктории — это годы экономического развития и относительной социальной стабильности, период закрепления зародившейся викторианской морали и связанного с ней образа жизни. Она проявлялась в возраставшем культе семьи, семейном быту, культуре и архитектуре того времени, упрочившемся кодексе чести и поведения джентльмена, верности традициям, ощущении стабильности и гордости за свою страну и империю.

С середины столетия и вплоть до начала 1870-х годов Британия являлась неоспоримым мировым экономическим лидером, «мастерской мира». Ее товары и продукция поступали на все мировые рынки, на долю Великобритании приходилось 35–40 % всей международной торговли. Страна занимала первое место по уровню развития и темпам роста промышленного производства, лидировала в морском судоходстве и финансовых операциях, обладала самой большой в мире колониальной империей. Благодаря упразднению ограничений в банковском деле

Британия превратилась в мирового банкира, а фунт стерлингов — в главную расчетную единицу международных торговых операций. Лондонская биржа являлась барометром мирового рынка, а английские банкиры кредитовали торговые операции других стран, вкладывали средства на всех континентах, в том числе и в британских колониях. К 1880-м годам за рубежом было размещено около 2 млрд ф. ст. Мировое первенство способствовало ускорению темпов накопления капитала и росту национального богатства. Так, национальный доход увеличился почти на треть, что привело к реальному повышению заработной платы трудящихся, доходов населения в целом и, как следствие, снижению в стране социальной напряженности и сокращению преступности.

Хрустальный дворец. 1854 г.

Экономические успехи Британии продемонстрировала Первая всемирная промышленная выставка, открывшаяся в Лондоне 1 мая 1851 г. В специально выстроенном грандиозном павильоне разместились тысячи экспонатов, наглядно отражавших достижения промышленности и строительства, развитие техники и технологий. Выставка привлекла внимание европейцев и британцев. В отдельные дни до 100 тыс. жителей туманного Альбиона посещали выставку, и их поездки со всех концов страны заложили практику использования железных дорог не только для перевозки грузов, но и для организации экскурсий в разные уголки острова. Всего же за период работы выставки с мая по октябрь 1851 г. ее посетили

около 6 млн человек (в том числе и 854 человека, прибывших из России), что более чем в два раза превысило население тогдашнего Лондона (2,8 млн).

Первая всемирная промышленная выставка

Первая всемирная промышленная выставка в Лондоне была организована усилиями принца Альберта, супруга королевы Виктории. В качестве места проведения выставки выбрали территорию Гайд-парка, и специальная комиссия объявила конкурс на лучший проект помещения для демонстрации экспонатов. В ряду его условий было положение о том, что здание должно отражать современный уровень развития строительной техники в Великобритании. Предпочтение было отдано оригинальному проекту архитектора Джозефа Пакстона — павильону из металлических конструкций и стекла. Здание, названное позже Хрустальным дворцом, стало архитектурным шедевром эпохи. По объему оно в три раза превышало собор Св. Павла, металлический каркас павильона был облицован 84 тыс. кв. м листового стекла, которое совсем незадолго до этого научились производить в газовой регенеративной печи Ф. Сименса. Установленные внутри павильона фонтаны и вентиляторы обеспечивали комфортную атмосферу для посетителей. Освещенное множеством газовых фонарей стеклянное здание светилось изнутри, оправдывая свое название — Хрустальный дворец. Он явился прототипом многочисленных торговых пассажей и сводчатых галерей, которые стали возводиться в крупных городах Европы и Америки.

Выставка, проходившая под девизом «Пусть все народы работают совместно над великим делом — совершенствованием человечества!», торжественно открылась при огромном стечении гостей (ок. 25 тыс. человек), которые достаточно свободно разместились внутри павильона. В выставке приняли участие 28 стран, на ней было представлено около 14 тыс. экспонатов, половину которых составляла продукция, произведенная и выращенная Великобританией и ее колониями.

Наиболее впечатляющим ее разделом был машинотехнический, где особо выделялось оборудование для

железных дорог: локомотивы, вагоны, рельсы, паровые двигатели для океанских судов, паровые сельскохозяйственные машины, 4-цилиндровый пресс, создававший давление до 2,5 тыс. т, сельскохозяйственное оборудование из США, практически неизвестное европейцам.

В целом выставка, где впервые миру была представлена точная картина современного состояния техники в различных государствах, суммировала результаты промышленной революции и способствовала ускорению их распространения, а также стимулировала развитие внутренней и международной торговли. Но прежде всего Первая всемирная промышленная выставка стала рекламой британских товаров, продемонстрировав бурное развитие английской науки и промышленности и утвердив приоритет Британии в этих и многих других областях.

Важнейшим следствием преобразования экономики являлись существенные изменения социальной структуры и социальных связей. Формирование основных классов капиталистического общества — наемных рабочих и промышленной буржуазии — сопровождалось ростом их самосознания. Характерной особенностью перемен в социальной сфере стало постепенное ослабление позиций крупного землевладения. Обозначилось возрастание активности так называемого среднего класса: лиц интеллектуального труда, средних и мелких собственников, предпринимателей. В 1850-1860-е годы сложилась высокооплачиваемая прослойка рабочего класса, названная позднее «рабочей аристократией». Ее составляли мастера и высококвалифицированные рабочие. Их заработная плата превышала заработок неквалифицированных работников в три-четыре раза, а высокие доходы позволяли вести образ жизни среднего класса. В отличие от неквалифицированных рабочих они имели возможность лучше питаться, одеваться, снимать более благоустроенное жилье, дать образование детям. По мере развития экономики доля «рабочей аристократии» увеличивалась. В десятилетия процветания Британии квалифицированные рабочие создавали свои профсоюзные организации, которые отстаивали их интересы путем переговоров с владельцами предприятий, заключения договоров, отправки обращений к членам парламента. Высококвалифицированные рабочие имели возможность выплачивать высокие членские взносы и рассчитывать на поддержку профсоюза в случае заболевания или безработицы.

Перемены социально-экономического характера оказали значительное влияние на эволюцию политической элиты в сторону ее демократизации и на характер дальнейших реформ. Возрастание значения результатов выборов при формировании партийного состава нижней палаты вело к усилению соперничества в борьбе за власть консерваторов и либералов. Устанавливается викторианская партийная система, когда либералы и консерваторы сменяли друг друга у власти, а критика оппозиции вынуждала правящую группировку действовать более решительно. Раскол консерваторов в 1846 г. и дальнейшее размежевание политических сил, уход из жизни ведущих политических деятелей прошлых лет (герцога Веллингтона, лорда Мельбурна, Р. Пиля) явились своеобразным рубежом одного периода и в то же время отправной точкой следующего этапа становления партийной системы. Его характерными чертами стала дальнейшая выработка идейно-политических платформ при учете менявшейся ситуации, организационное строительство и укрепление связей с региональными политическими объединениями.

В середине века интенсивно происходило становление Либеральной партии. В основе ее формирования лежало сближение части вигов с группировками консерваторов (главным образом последователями Р. Пилы — пилитами) и радикалов, что обеспечило довольно широкую социальную базу партии. Опорой либералов было дворянство, вовлеченное в предпринимательскую деятельность, торгово-промышленные круги, заинтересованные в дальнейших преобразованиях, рабочие, люди интеллигентных профессий. Полного слияния вигов, пилитов и радикалов в единую политическую организацию к концу шестидесятых годов не произошло. Достаточно аморфное объединение различных партийных группировок, выдвигавших своих лидеров, соперничавших за руководство всей партии, отражалось на выработке и проведении курса политики не только на данном этапе, но и впоследствии. Несмотря на имевшиеся противоречия, фундаментом для сближения стало признание широко трактовавшейся идеи невмешательства государства в экономическую сферу (*lesser faire*), свободы торговли (*free trade*) и либеральных ценностей. Под ними подразумевались: конституционная монархия, разделение ветвей власти, эмпиризм, прагматизм, идея прогресса, свободы слова, совести и собраний. Основополагающими принципами были индивидуализм, права и свободы отдельного гражданина, которые рассматривались в качестве основы общественного благополучия и прогресса. Право на собственность рассматривалось как возможность права распоряжаться ею без любых ограничений.

В 1860 г. в Лондоне была основана Либеральная регистрационная ассоциация (ЛРА), главным направлением деятельности которой стали подготовка и проведение избирательных кампаний. Руководили Ассоциацией парламентские организаторы — випы (анг. слово Whip пришло в парламентскую терминологию из охотничьего словаря и означало «кнут», «загонщик»). Они играли важную роль в единении парламентских фракций в парламенте и наладили связь с региональными объединениями. Повсеместно создавались организации и клубы вигов и радикалов, которые поначалу не всегда сотрудничали с Ассоциацией. Тем не менее деятельность Ассоциации стала важным шагом в процессе трансформации парламентских партий в партии массовые. До 1885 г. либеральные кабинеты дольше находились у власти, чем консерваторы. Тори формировали кабинеты в 1852, 1858–1859, 1866–1868 гг., когда либеральные правительства большинства уходили в отставку.

В середине века в лагере вигов признанным лидером являлся лорд Пальмерстон. Его парламентская карьера началась в 1807 г., в 1855 и 1859 гг. он занимал пост премьер-министра. Пальмерстон имел репутацию противника реформ социального и политического характера. Круг его интересов находился во внешнеполитической области: на международной арене он отстаивал политику невмешательства в европейские дела и отказа от длительных союзнических отношений с другими государствами (политика «блестящей изоляции»). Вместе с тем он стремился к укреплению позиций Великобритании, расширению ее торговли: для достижения конкретных внешнеполитических целей Великобритания активно использовала в своих интересах противоречия между европейскими державами и заключала с ними лишь временные соглашения. Тем не менее линия премьер-министра на сохранение Османской империи и ослабление России стала одной из причин вступления Британии в Крымскую войну (1853–1856 гг.). Пальмерстон неверно оценивал ситуацию. И хотя Британия вышла из войны в числе победителей, ее потери убитыми и ранеными составили почти треть армии, а планы Пальмерстона расчленив Россию потерпели крах. Однако этот внешнеполитический курс не подвергался резкой критике и авторитет премьер-министра не пострадал.

Завершение эпохи Пальмерстона обозначило рубеж во внутренней политике либералов, обратившихся к проведению социально-политических реформ. Их осуществление связано с именем У.Ю. Гладстона. Тори в начале политической карьеры, член группировки пилитов, Гладстон стал крупнейшим политическим деятелем Британии и главой Либеральной

партии в последней трети XIX в. В 1865 г. после смерти Пальмерстона он возглавил фракцию либералов в палате общин и занял пост министра финансов. Либералы приступили к дальнейшим преобразованиям системы представительства. В 1858 г. был отменен имущественный ценз для депутатов парламента, что явилось основой для существенного расширения социального состава нижней палаты. Данью времени и требованиям общества стала отмена религиозного ценза. В 1866 г. был открыт доступ в палату общин людям, исповедовавшим нехристианскую веру. С этого времени сохранялись ограничения пассивного избирательного права. Депутатом мог стать лишь тот, кто имел свободное время для посещения заседаний и работы в комитетах и комиссиях, не запятнал чести, не был банкротом.

Курс на демократизацию государственно-политической системы коснулся и переселенческих колоний Британской империи. К шестидесятым годам колонии Австралии, за исключением Западной Австралии, получили самоуправление и конституции. В 1867 г. парламент принял Акт о Британской Северной Америке, который объединил все колонии региона. Он стал конституцией Канады, действовавшей на протяжении XIX–XX вв. Метрополия сохранила за собой верховенство в делах обороны, финансов, транспорта, связи, регулирования торговли, налогообложения, иммиграционной политики, внешнеполитическую деятельность. Для метрополии Акт ознаменовал утверждение новой политики в отношении «белых» колоний — деволюции, т. е. перераспределения властных полномочий. Но в других частях империи политика метрополии оставалась неизменной.

Разногласия либералов по вопросу о характере следующей парламентской реформы привели к отставке кабинета и приходу к власти находившихся в меньшинстве консерваторов. В 1850-1860-е годы объединение консерваторов проходило менее успешно, они не имели широкой социальной опоры и на выборах уступали либералам. Лидерами консерваторов в этот период были лорд Дерби и Б. Дизраэли. Лорд Дерби возглавлял Консервативную партию в 1846–1868 гг. Длительной политической карьере способствовало его богатство, позволявшее тратить собственные средства на нужды партии, а также особые личные качества. Дерби был лишен лицемерия и напыщенности, являлся поклонником скачек, охотником и спортсменом. Он олицетворял традиционный образ сельского землевладельца, что привлекало симпатии провинциальных дворян. Бенджамин Дизраэли, поначалу выступавший как талантливый литератор, после избрания в парламент сблизился с тори. Он быстро

выдвинулся в число наиболее активных политиков, противостоявших курсу Р. Пиля. После отставки Пиля молодой Дизраэли возглавил фракцию консерваторов в палате общин. Позднее, в 1870-е годы он сформулировал основные принципы мировоззрения и политики консерваторов: неприкосновенность конституции, поддержка собственности, социальные реформы, сохранение и расширение империи. Особое место в политической концепции Дизраэли занял «рабочий вопрос». Он высказывался за сокращение рабочего дня на фабриках и улучшение санитарного состояния мест проживания рабочих. Дизраэли был уверен, что при всех различиях высших и низших классов общества их интересы совпадали в главном — в приоритете общенациональных ценностей.

С начала 1860-х годов нарастало движение за избирательную реформу. Как и на рубеже 1820-1830-х годов создавались объединения сторонников реформы, а с наступлением экономического кризиса в 1866 г. прошли демонстрации и столкновения с полицией. Именно правительство Дерби — Дизраэли и провело вторую избирательную реформу, при этом она была более радикальной, чем предложенная либералами. Реформа 1867 г. продолжила начатое первой реформой 1832 г. сокращение «карманных» местечек и перераспределение мест в парламенте. 57 высвобожденных мест распределили между городами. Имущественный ценз в городах был снижен с 10 до 6 ф. ст. В результате электорат в графствах увеличился в 1,5 раза, а в городах — в 6 раз, в Шотландии — в 8 раз. Число мужчин, имевших право голоса, достигло почти 2,5 млн человек. Важным пунктом реформы стало включение в число избирателей тех, кто снимал квартиру, проживал в ней не менее 12 месяцев и уплачивал не менее 10 ф. ст. арендной платы в год за жилье. Благодаря реформе низшие слои среднего класса города и «рабочая аристократия» пополнили ряды избирателей.

Реформа явилась следующим этапом преобразования системы представительства и политического развития страны. Сокращение мест в парламенте от «карманных» местечек, с одной стороны, и столь значительное увеличение числа людей, обладавших правом голоса, — с другой, покончило с коррупцией на выборах и подкупом избирателей. Они получали возможность путем выборов опосредованно влиять на принимаемые парламентом решения. Отныне от их настроений, симпатий и антипатий зависел приход к власти той или иной партии. Либералы и консерваторы, в свою очередь, были вынуждены проводить политику, учитывая в большей мере, чем прежде, интересы и требования граждан страны. Таким образом, реформа способствовала дальнейшему вовлечению жителей Британии в обсуждение государственных дел, повышению уровня

правового и национального самосознания.

Однако консерваторы не добились желаемого расположения избирателей: одни из них были недовольны решительностью перемен, другие — их недостаточностью. Поражение на выборах 1868 г. поставило перед ними задачу создания организации с разветвленной сетью региональных ассоциаций, которая взяла бы на себя подготовку к выборам, что не сумел сделать Национальный союз консервативных и конституционных организаций (НСККА). Функциями руководящего органа была наделена сформированная Центральная канцелярия. В 1872 г. произошло их объединение. Политика Дизраэли была направлена на привлечение на сторону консерваторов избирателя-рабочего. Таким путем проходила трансформация парламентской группировки консерваторов в партию современного типа, в структуре которой складывался своеобразный треугольник: парламентская фракция — центральный орган (штаб-квартира) — массовые организации. Выборы 1874 г. принесли победу консерваторам. Современники напрямую связывали достижения консерваторов с реорганизацией партии, созданием многочисленных ассоциаций, их активной деятельностью в округах. Победа повлекла дальнейшие преобразования в структуре и перераспределение обязанностей. Руководство выборами было передано главному вилу консерваторов. Навязывая свое мнение, вилы нередко игнорировали настроения в округах, что негативно сказалось на активности рядовых членов ассоциаций и привело к некоторому ослаблению местных организаций.

Конец шестидесятых и семидесятые годы ознаменовались дальнейшими преобразованиями. Либеральное правительство Гладстона (1868–1874 гг.) приняло в 1869 г. закон об отмене государственного статуса Англиканской церкви в Ирландии. Тем самым было упразднено ненормальное привилегированное положение протестантской церкви в Ирландии, ущемлявшее религиозные чувства ирландских католиков, вынужденных выплачивать десятину протестантской церкви. Земельный закон 1870 г. несколько улучшил жизнь арендаторов в Ирландии тем, что сократил цепочку посредников между землевладельцем и арендатором. В 1870 г. было введено обязательное начальное образование, утвержден закон о гражданской службе, предусматривавший специальный экзамен для поступления на работу в государственные учреждения. В 1871 г. проведена военная реформа, которая сократила срок службы солдат и отменила продажу патентов на получение офицерского чина в гвардии. Происхождение и связи по-прежнему играли в обществе важную роль,

однако вводимые законы постепенно способствовали повышению профессионального уровня чиновников, улучшению работы государственных органов власти и изменили ситуацию в армии и флоте. В 1871 г. были «легализованы» тред-юнионы (профсоюзы), получившие возможность юридического оформления организации, в 1872 г. введено тайное голосование на выборах в парламент.

Основополагающие принципы либерализма — невмешательство государства в экономическую деятельность, опора личности на собственные силы и экономия государственных расходов — легли в основу политики в отношении переселенческих колоний. Гладстон полагал, что колонии должны взять на себя расходы по обороне собственных территорий, за метрополией сохранялось обеспечение морской обороны всей империи. Преобразования непосредственным образом являлись важным компонентом проводимой военной реформы в Англии. Ее настоятельную необходимость требовало осмысление итогов Крымской войны. Кроме того, успехи прусского оружия в Европе, результаты Гражданской войны в Америке свидетельствовали о складывании новой расстановки сил, которая делала необходимым создание сильной, мобильной армии и флота. Между тем разбросанным по всему миру владениям требовалось все больше средств на их охрану, что приводило к распылению финансовых ресурсов и вооруженных сил. Нововведение коснулось только переселенческих владений и было неоднозначно встречено колонистами. Остро проблема обороны проявилась в Новой Зеландии, где немногочисленные колонисты проживали в окружении местных племен, недружественно настроенных по отношению к переселенцам. Вывод британских войск ставил остро вопрос о выживании иммигрантов, финансовые возможности собственной охраны которых были ограничены. И только к началу 1870-х годов ситуация нормализовалась.

В ходе реформ Гладстона были осуществлены основные пункты либеральной программы по демократизации общественных и государственных институтов, социального устройства Британии. Однако радикальные круги расценивали их как слишком умеренные, а консервативные слои, напротив, как слишком решительные меры. Популярность правительства заметно упала, чему в немалой степени способствовала неудавшаяся попытка Гладстона сократить в стране потребление алкоголя. В то же время консерваторы, благодаря резкой критике либеральной политики, завоевывали сердца избирателей.

Тем не менее пришедшее к власти правительство Дизраэли продолжило курс в русле реформ Гладстона: были отменены наказания за

агитацию среди рабочих, тред-юнионы уравни в правах с союзами предпринимателей, за профсоюзами признано право на забастовку. Правда, проведение забастовок существенно ограничивала практика использования штрейкбрехеров и вероятность судебного преследования за препятствие развитию промышленности. Предусматривались и новые условия прекращения раньше оговоренного в контракте с нанимателем срока его действия. Консерваторы уделили внимание улучшению жилищ и санитарной службы в городах. Попытку решить вопрос ликвидации городских трущоб Дизраэли рассматривал в качестве «нашей главной меры». Правительство также разработало законопроекты в сфере здравоохранения, в том числе против фальсификации продуктов питания и медикаментов, а также загрязнения рек и водоемов. Был разработан закон об обществах взаимопомощи, которые к этому времени стали более многочисленными организациями, чем профсоюзы. Дополнен закон о начальном образовании: консерваторы ввели обязательное начальное образование для детей до 10 лет и механизм контроля над исполнением закона, которым наделялись специальные комитеты городских и попечительских советов. Некоторые законы консерваторов, учитывавшие в первую очередь интересы имущих слоев населения, критиковались либералами за вмешательство в предпринимательскую деятельность (например, закон против загрязнения рек), а радикалами — за половинчатость мер. Прохождение в парламенте этих законов сопровождалось длительным обсуждением.

Великобритания в последней трети XIX века

Дебаты в парламенте проходили на фоне постепенного ухудшения положения в стране. Начавшийся в 1873 г. кризис растянулся почти на два десятилетия, что ознаменовало завершение времени исключительного положения Британии в мировой экономике и на мировых рынках. За период 1870–1913 гг. объем ее промышленного производства увеличился в 2,2 раза, но по этим показателям она сильно уступала США, Франции и Германии. Доля Великобритании в мировом промышленном производстве сократилась с 32 до 13,6 %, хотя продолжался рост в абсолютных цифрах. Однако экономическое развитие носило скачкообразный характер. Годы бума чередовались с периодами глубоких и продолжительных кризисов, когда обострялась проблема рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. К началу XX в. Великобритания, уступив мировое

лидерство, оставалась в числе крупнейших капиталистических держав и богатейших стран мира. Она занимала первое место по экспорту капитала, размерам внешней торговли, мощи торгового флота и роли денежного рынка.

Ухудшение экономического положения привело к увеличению числа безработных, снижению заработной платы. С середины 1880-х годов усилилось рабочее и ирландское национальное движение, активизировалась борьба женщин за политические права. Социально-экономическая ситуация вызывала беспокойство правящих кругов. На первый план выдвигалась необходимость пересмотра существовавших политических теорий, поиск форм и методов политики, необходимых для упрочения положения страны и сохранения целостности империи.

Внешняя политика приобретала более агрессивный характер, укреплялись связи с колониями, более заметной становилась тенденция к расширению владений. В 1879 г. был фактически установлен британский протекторат над Афганистаном, в 1886 г. завершено покорение Бирмы. В обстановке возрастающего соперничества европейских государств за обладание территориями на африканском континенте в последней четверти века происходил захват Британией новых земель в Африке. Покупка акций Суэцкого канала, осуществленная Дизраэли в 1875 г., потребовала значительных денежных вложений Британии. Тем не менее за ней последовало установление контроля над Египтом в 1882 г., а позже завоеван ряд колоний в Тропической и Южной Африке.

Финансовые затраты привели к образованию дефицита в бюджете. На выборах 1880 г. консерваторы потерпели поражение, неудачи вызвали в стане консерваторов разочарование в политике Дизраэли, возникла угроза раскола, которая, однако, была преодолена выработкой новой концепции.

Поражение консерваторов предопределила и блестяще проведенная либералами (которым удалось укрепить партию, усилив связь с местными организациями) предвыборная кампания. В 1877 г. была создана национальная федерация либеральных ассоциаций — Национальная либеральная федерация (НЛФ), призванная координировать деятельность независимых ассоциаций в регионах. Первым ее президентом стал радикал Дж. Чемберлен. Хотя полноценной программы не было выработано, Гладстон обозначил направление дальнейших реформ. Они должны были коснуться избирательной системы, местного самоуправления, налогообложения и др. Он предлагал вернуться к основам либеральной политики: мир, дешевое государство, режим экономии, соблюдение принципов фритреда.

В 1884–1885 гг. либералами были проведены важные парламентские реформы, завершившие преобразование системы представительства и осуществлявшиеся без серьезного давления со стороны общества. Так, реформа 1884 г. ввела равные избирательные права для жителей города и деревни при сохранении невысокого имущественного ценза. В результате число избирателей удвоилось и возросло до 5 млн человек, что составило 16 % взрослого населения Британии. Отныне в выборах могли участвовать мужчины, достигшие совершеннолетия и являвшиеся британскими гражданами. Территория страны была разбита на одномандатные округа, 23 средних города и несколько элитарных университетов. Реформа 1885 г. перераспределила избирательные округа, сблизив сельские и городские округа по численности населения, принимавшего участие в выборах. Каждая реформа увеличением численности электората расширяла вовлечение в политическую жизнь средний и рабочий классы общества. Лидеры обеих партий и члены кабинетов в основном являлись представителями аристократических кланов, землевладельцев и крупной буржуазии, но в среде рядовых парламентариев все большую роль играли представители среднего класса, чаще всего это были предприниматели и юристы. Тем самым реформы вели к обновлению социального состава партий и формированию нового облика профессионального политика.

С осуществлением основных пунктов либеральной программы и завершением проведения комплекса преобразований Либеральная партия переживала идейный и организационный кризис. Теория и практика либерализма не соответствовала социально-экономической ситуации в стране. Объединение вигов, радикалов и пилитов, видевших различные пути решения важнейших проблем, не завершилось формированием партии единомышленников. При этом единство отсутствовало и в каждой из группировок. Молодые радикалы стремились к дальнейшей демократизации общества, что вызывало недовольство вигов и пилитов. Обострила ситуацию в среде либералов политика Гладстона в отношении Ирландии. В экономически отсталой аграрной части Соединенного королевства, где крупное землевладение сочеталось с краткосрочной мелкой арендой, нарастало движение за отмену Унии 1801 г.

Глава правительства намеревался пойти на частичное удовлетворение требований национального движения и предоставить Ирландии самоуправление. Билль отвергла нижняя палата, что привело к расколу и отходу умеренных либералов, сторонников сохранения Унии с Ирландией (либерал-юнионистов). Это вызвало обсуждение вопроса о роли либерализма в изменившихся условиях. Активное участие в дискуссиях

принимало правое крыло — так называемые либерал-империалисты во главе с бывшим премьер-министром лордом Розбери. Выражая интересы той части буржуазии и дворянства, которая была заинтересована в широкой колониальной экспансии, либерал-империалисты стремились приспособить программу партии к новым условиям, придать либерализму форму подвижного учения, способного адаптироваться к потребностям времени. Одновременно они высказывались за активное вмешательство государства в дела гражданского общества. Кризис проявился не только в идеологических дискуссиях, но и потере доверия избирателя, поражениях на выборах.

Консерваторы сумели лучше приспособиться к изменившейся ситуации. После смерти Дизраэли маркиз Солсбери, возглавивший консерваторов на рубеже 1870-1880-х годов, осознавал необходимость борьбы за голоса избирателей на публичной арене и диалога с руководителями региональных организаций. В парламенте он добился солидарного голосования консерваторов в палате общин, в дальнейшем парламентарии-тори практически прекратили голосовать против официальной линии партии. Тактика Солсбери способствовала сближению с либерал-юнионистами и последующему их объединению с консервативной партией. Тем не менее неудачная политика преемника Солсбери — А. Бальфура — вызвала недовольство в стране, а затем и раскол с юнионистами. Таким образом, на завершающем этапе XIX столетия Консервативная и Либеральная партии испытывали серьезные трудности как идеологического, так и организационного характера. Одновременно рубеж веков совпал с уходом из жизни королевы Виктории, Гладстона, Солсбери и некоторых других политиков. Между тем восшествие на престол в 1901 г. далеко не молодого сына Виктории Эдуарда VII не изменило внутривнутриполитический курс, который проводили консерваторы в союзе с либерал-юнионистами. Однако смена монарха изменила жизнь двора.

Эдвардианская эпоха. Великобритания накануне первой мировой войны

Альберт Эдуард, правивший под именем Эдуарда VII, родился в 1841 г. и был вторым ребенком в семье молодых супругов. Он обучался в Оксфорде и Кембридже под наблюдением строгих наставников. Красивый, живой и общительный юноша оказался в жестких тисках педагогов, и возможно по этой причине по завершении учебы он повел тот образ жизни,

который всегда осуждался его строгими родителями. Данное обстоятельство сильно осложнило их отношения. В 1863 г. Альберт Эдуард женился на датской принцессе Александре. Правление Эдуарда — так называемая Эдвардианская эпоха, охватившая 1901–1914 гг., — вернуло блеск монархии, который был утрачен в годы вдовства Виктории, тяжело пережившей смерть обожаемого супруга.

Эдвардианская эпоха не только внешне кардинально отличалась от последних десятилетий правления Виктории, но и всего того, что было связано с викторианской моралью. Это было время выставленной напоказ кричащей роскоши, несдержанности, скептицизма и сомнений. Вместе с тем конец XIX и первые годы XX столетия имели общие черты в экономической, политической, социальных сферах. Благодаря развитой промышленности (в городах проживало 80 % населения) и огромной империи Британия сохраняла позиции одной из ведущих стран в мире. В связи с мировым падением цен на зерно улучшилось положение трудящихся, чему также способствовал приостановившийся рост численности населения и увеличение национального дохода.

Однако довольно быстро обозначились новые тенденции внешнеполитического характера: возрастала напряженность на мировой арене, усилились противоречия с Германией. Помимо столкновений интересов они носили отчасти и личный характер. Эдуард не любил своего племянника германского кайзера, а будучи франкофилом свои симпатии отдавал Франции.

Внутриполитическое развитие Британии в этот период обусловило понижение роли правительства и возвышение роли политических лидеров. Важнейшими вехами стали падение авторитета консерваторов, новый приход к власти либералов, проводивших курс социальных реформ, и появление на политической арене Лейбористской партии. Ее рождение явилось важным этапом дальнейшего развития британской политической системы.

Еще с 1825 г., когда были легализованы профсоюзы, они представляли собой мощную силу, так как помимо объединений «рабочей аристократии» с 1870-х годов повсеместно создавались тред-юнионы неквалифицированных рабочих. К началу XX в. в Британии членами профсоюзов являлись 4 млн человек, в то время как социалистические идеи не получили в стране широкого распространения, и в конце 1880-х годов численность членов всех социалистических организаций не превышала 2 тыс. человек.

Исключение составило Фабианское общество, выдвинувшее идею

муниципального социализма.

Общество было названо в честь римского полководца Фабия Максима Кунктатора, который придерживался тактики медлительного ожидания. Именно такую тактику избрали фабианцы. Наиболее заметную роль в нем играли литератор Джордж Бернард Шоу, чиновник министерства колоний Сидней Вебб и его жена Беатриса, Герберт Уэллс и др.

Фабианцы не приняли принципиальных постулатов марксизма. В противоположность К. Марксу они полагали, что борьба в обществе происходит не между трудом и капиталом, а между подавляющим большинством и горсткой тех, кто присваивает ренту. Исходя из этого, они утверждали, что надо совместными силами отобрать ренту у владельцев и предоставить ее в распоряжение всего общества. Это и означало бы наступление социализма. Вебб и его последователи понимали социализм как коллективное присвоение обществом ренты, как постепенное развитие наметившихся тенденций установления государственного или муниципального контроля над отраслями хозяйства. Путь к социализму представлялся им длительным эволюционным процессом, который направляется демократически настроенным избирателем. Их пропаганда была обращена к предпринимателям, торговцам и рабочим, страдавшим в равной мере от земельной и капиталистической монополии. Фабианцы полагали, что никто в обществе не настроен против социализма, за исключением лендлордов и горстки буржуазии, занимающих привилегированное положение. Процесс концентрации капитала, создание акционерных обществ они расценивали как шаг на пути к социализму.

Особое место фабианцы отводили муниципалитетам. Городские органы власти должны были способствовать расцвету городских предприятий, расширению и упрочению сферы общественной собственности. Тем самым будет решаться вопрос о «социализации промышленности». Позднее Вебб скорректировал это положение: коллективная собственность будет установлена там, где это целесообразно.

Взгляды Вебба предопределили тактику фабианцев, которая состояла в «пропитывании» либералов и консерваторов социалистическими идеями и использовании традиционных для

Британии политических методов (выступления на митингах, чтение лекций, публикация памфлетов, листовок и т. д.). В конце 1880 — начале 1890-х годов фабианство переживало расцвет. Идеи муниципального социализма привлекали мелкую буржуазию, рабочую аристократию, неквалифицированных рабочих. В различных регионах страны было создано более 70 отделений общества.

С 1893 г. фабианцы отказались от тактики «пропитывания» и выступили с резкой критикой правительства Гладстона. Его поражение на парламентских выборах 1895 г. они восприняли как завершение истории Либеральной партии. С этого времени они приступили к проповеди «эволюционного социализма» среди трудящихся. Особое место в это время занимает проблема рабочих представителей в парламенте. Там, полагали фабианцы, они должны отстаивать интересы своего класса, прислушиваясь к мнению избирателей из «среднего класса».

И профсоюзы, и социалистические организации уделяли значительное внимание поиску путей улучшения социально-экономического положения трудящихся: повышению заработной платы, введению 8-часового рабочего дня, установлению социальных гарантий и др. Решение социальных проблем сами работники видели в избрании рабочих в парламент. Так, требование всеобщего права выбора представителей в парламент трансформировалось в идею их выдвижения из своей среды. Первые депутаты-рабочие появились в парламенте в 1874 г. В силу того, что парламентарии по-прежнему не получали заработной платы, они более других нуждались на выборах в материальной поддержке Либеральной, либо Консервативной партий, затем финансовая помощь требовалась им и на весь срок депутатского мандата. В то же время парламентская практика принятия решений лишала небольшие группы депутатов возможности оказания реального влияния на законотворческий процесс. В связи с этим вставал вопрос о серьезном увеличении числа представителей от рабочих.

27 февраля 1900 г. 129 представителей профсоюзов и ряда социалистических организаций учредили Комитет рабочего представительства (КРП). В первый состав Комитета были избраны 12 человек: 7 от профсоюзов, по 2 от социалистических партий и 1 от фабианцев. Секретарем стал Джеймс Рамсей Макдональд, который в 1920-е годы возглавил первое правительство Лейбористской партии. В КРП вошли 376 тыс. членов. На ближайших выборах от них было представлено 15

кандидатов, из которых прошли в парламент только 2. В 1906 г. Комитет был переименован в Лейбористскую партию, которая сохранила коллективное членство и федеративные начала, присущие КРП. Уже в 1906 г. партия насчитывала 921 тыс. человек, и из 50 кандидатов 29 прошли в палату общин. На выборах 1910 г. от Лейбористской партии участвовали 78 кандидатов, которые получили 40 мест, что превращало партию в важный фактор политической жизни страны.

Проникновение дешевых германских товаров на рынок Британии и ее колоний стало одной из причин рождения в 1903 г. идеи создания Имперского тарифного союза с целью защитить производителя от иностранной конкуренции. Единение Англии с колониями автору предложения Дж. Чемберлену виделось в установлении пониженных ставок на все ввозимые в метрополию продукты питания и промышленные товары, произведенные в Британской империи. Одновременно он предлагал ввести 10-процентные тарифы на иностранный импорт, что, помимо защиты британского рынка, могло бы существенно пополнить доходную часть бюджета. Введение протекционистских мер поддержала лишь часть консерваторов, возврат к протекционистской политике был выгоден только тем предпринимателям, которые страдали от конкуренции, но грозил существенным повышением цен на продукты питания для всего населения. План Чемберлена не поддержал парламент, более того, его обсуждение вызвало раскол в правительстве, в результате которого он и его сторонники вскоре вышли в отставку.

В начале XX в. Либеральная партия преодолела идейный и организационный кризис. Уход из политики Гладстона в 1894 г. выявил отсутствие авторитетного лидера в Либеральной партии. Война с бурами, начавшаяся в 1899 г., привела к дальнейшим разногласиям, формированию двух крайних фракций — либералов-империалистов и «про-буров» (радикалов).

Либералы-империалисты поддержали политику правительства в Южной Африке, а в 1902 г. учредили собственную организацию — Либеральную Лигу. Ее программа представляла собой менее жесткую альтернативу джингоизму либерал-юнионистов. Левое крыло либералов — «про-буры» были сторонниками прекращения войны в Южной Африке и заключения мирного договора. Основная часть партии занимала умеренные позиции. Однако все признавали, что в Южной Африке командование и войска применяли недозволенные методы по отношению к мирному населению. По завершении Англо-бурской войны (1899–1902 гг.) Великобритания взяла под контроль государства на юге Африки —

Трансвааль и Оранжевое свободное государство (аннексированное как колония Оранжевой Реки).

Завершение войны положило начало процессу консолидации либералов. В основе единения находились вопросы образования, протекционизма, выдачи лицензий на торговлю спиртными напитками, использование труда китайских рабочих в Южной Африке. Защита принципов свободы торговли стала основным лозунгом сплочения разрозненных группировок либералов. Этот курс встретил поддержку избирателей, опасавшихся вздорожания продуктов Питания, кроме того, в памяти народа с фритредом ассоциировались воспоминания о процветании, могуществе колониальной империи середины прошедшего столетия. И в 1905 г. после длительного перерыва было сформировано правительство из представителей всех либеральных групп, и выборы 1906 г. принесли им победу. Успех объяснялся не только удачно проведенной кампанией критики консервативного правительства, но и обещанием осуществления назревших социальных реформ.

В 1908 г. кабинет возглавил Герберт Генри Асквит. Асквит родился в 1852 г. в небогатой семье среднего класса, окончил Оксфорд и занялся адвокатской практикой. С 1886 г. он был депутатом парламента от Либеральной партии, в 1892–1895 гг. занимал посты министра внутренних дел, а затем министра финансов. После смерти Гладстона Асквит являлся одним из наиболее популярных лидеров либералов.

Важнейшими направлениями деятельности правительства Асквита стали подготовка к постепенно надвигавшейся войне и продолжение политики социальных реформ, которые дополнили преобразования политического характера. В 1908 г. были установлены пенсии для рабочих, достигших 70 лет, и введен 8-часовой рабочий день для горняков, в 1909 г. учреждены комиссии для установления норм оплаты труда в некоторых отраслях промышленности. Для дальнейшего продвижения по пути социальных преобразований правительство нуждалось в финансовых средствах. В 1909 г. министр финансов Ллойд Джордж представил бюджет, предусматривавший возрастание военных расходов и социальные преобразования. Бюджет предполагал введение государственного страхования рабочих от безработицы и болезни, дальнейшее увеличение подоходного налога и налога на наследство и, кроме того, установление налога на капиталистическую ценность земли в соединении с дополнительным налогом на незаработанный прирост этой ценности. Дворянство и аристократия расценили эти статьи бюджета, как покушение на основы существования землевладения. И верхняя палата отвергла

бюджет, что и привело к конституционному кризису.

Финансовые вопросы, в том числе и разработка бюджета, традиционно являлись правом палаты общин. С 1860 г. палата лордов не отклонила ни один финансовый билль. Вмешательство в сферу, которая вышла из пределов ее компетенции, спровоцировало обострение недовольства палатой. Парламент был распущен и объявлены выборы. Предвыборная кампания оказалась длительной и напряженной. Выборы в январе 1910 г. сблизили число либералов с количеством мест блока консерваторов и юнионистов, что увеличило роль ирландских и рабочих депутатов и позволило сохранить баланс сил в палате.

В разгар кризиса умер Эдуард VII, трон перешел к его старшему сыну Георгу V. Не имевший политического опыта монарх оказался в затруднительном положении. Разлад в верхах способствовал разобщенности в стране и усилению социальной напряженности. Позиция консерваторов привела к роспуску парламента. Новые выборы драматически осложнили соотношение политических сил в парламенте. Либералы настаивали на реформировании верхней палаты, консерваторы предложили провести народный референдум, юнионисты настаивали на введении протекционистских мер. В результате выборов число мест либералов и консерваторов сравнялось, голоса ирландцев и представителей Лейбористской партии (соответственно 84 и 42) приобретали решающее значение. Парламентские прения сопровождались усилением напряженности в обществе, которое было расколото вопросом о реформе. Пэры пошли на уступки лишь под угрозой учреждения новых пэрств. Как и во время проведения первой парламентской реформы, сама возможность осуществления такой угрозы, которая привела бы к изменению статуса верхней палаты, вновь сыграла важную роль в разрешении противостояния обеих палат.

Закон 1911 г. явился логическим итогом парламентских преобразований XIX столетия, знаменуя завершающий этап демократизации британской политической системы Нового времени. Закон лишил верхнюю палату права рассматривать финансовые билли, в отношении других законопроектов за ней сохранялось отсроченное вето. Отныне палата лордов могла лишь задержать принятие билля на некоторое время. Таким образом, постепенное сокращение влияния палаты лордов, которое происходило с каждой парламентской реформой, привело к оформлению изменившегося соотношения сил обеих палат. Выборная нижняя палата добилась законодательного закрепления за ней важнейших функций, связанных с утверждением финансовых биллей. Кроме того,

одновременно был сокращен срок полномочий парламента с 7 до 5 лет и введена выплата жалованья депутатам.

В 1912 г. парламент рассмотрел законы об отделении Англиканской церкви от государства в Уэльсе и введении самоуправления в Ирландии (гомруль). Там предполагалось создать двухпалатный парламент, который решал бы местные дела. За Вестминстером сохранялось решение имперских проблем. Реформа предусматривала изъятие графств Ольстера, где проживало в основном протестантское население. Оба закона были приняты, но их осуществление отложила начавшаяся Первая мировая война.

Таким образом, без революционных потрясений, без социальных взрывов осуществилось реформирование экономики, политической и социальной сферы метрополии.

Что касается внешнеполитического курса, то изменение соотношения сил на мировой арене на рубеже столетий в связи с быстрым экономическим развитием и усилением военной мощи других государств, резкое обострение германо-британского соперничества в колониальной, торгово-промышленной и военно-морской сферах заставили правительство Великобритании отказаться от политики «блестящей изоляции» и взять курс на заключение военно-политических союзов в целях подготовки к войне. В 1902 г. Великобритания заключила союз с Японией, а достигнутые ею в 1904 г. договоренности с Францией и в 1907 г. с Россией заложили основы военного блока — Антанты, противостоявшего германо-австрийско-итальянскому Тройственному союзу.

В истории Великобритании «долгий XIX век» стал временем кардинальных изменений. Их суть состояла в преобразовании институтов Старого порядка, не соответствовавших экономическому и социальному развитию. Политика постепенных реформ явилась результатом становления сегментов гражданского общества, с одной стороны, и осознанием необходимости преобразований правящей элитой, с другой. К 1914 г. Великобритания представляла собой парламентскую монархию, где возросла социальная роль монарха. Сформировались массовые Либеральная и Консервативная партии, началось возвышение Лейбористской партии, действовали мощные профсоюзы, укрепились демократические права граждан страны, добившихся социальных гарантий.

Важным фактором политической, экономической, социальной и интеллектуальной жизни британского общества являлось обладание империей — самой крупной в мировой истории.

Своеобразие Британской колониальной империи обусловили

особенности ее формирования и мотивы дальнейшего расширения. Оно было связано с геополитическими интересами метрополии или геополитическими интересами отдаленных территорий, значительную роль сыграла активная деятельность чиновников на местах. Британскую империю составляли так называемые «белые», переселенческие колонии (Канада, Австралия, Южная Африка, Новая Зеландия), куда направлялся поток выходцев из Британии. Это были земли с малочисленным местным населением и благоприятным климатом для проживания европейцев. Они стали важным ядром империи, связанным с метрополией экономикой, культурой, религией, единым языком и исторически сложившимися традициями. Территории с преимущественным местным населением и непригодные для поселения британцев в силу климатических условий составляли так называемые «туземные», либо непереселенческие владения.

Особую роль на начальном этапе покорения других земель сыграли путешественники, миссионеры и торговцы, как правило, объединенные в акционерные товарищества. Примером служит самое крупное владение на Востоке — Индия, где проникновение англичан осуществлялось акционерной торговой компанией. Вплоть до 1813 г. Ост-Индская компания обладала монопольными правами на ведение торговли с Востоком, сбора налогов и заключения договоров с местными князьями. Уже в начале XIX в. были сформулированы основные положения концепции о цивилизаторской миссии англичан. Так, народы Индии характеризовались как отсталая нация с неразвитой государственной системой, не знавшей христианской религии. Долг британцев заключался в том, чтобы довести их до уровня современной цивилизации. Подобные взгляды предопределили политику метрополии в непереселенческих владениях. Наконец, значимым сегментом империи были стратегически важные опорные пункты, в том числе и острова — Гибралтар и Цейлон.

Переезд за океан и основание поселений имели различные причины (уход от религиозных преследований на начальном этапе истории империи, попытка улучшить бедственное экономическое и социальное положение, надежда на быстрое обогащение и т. д.). Вместе с тем на завершающей стадии промышленной революции при быстром росте численности населения эмиграция являлась одним из средств снятия социальной напряженности в метрополии в связи с оттоком части жителей страны. Кроме того, в колонии Австралии ссылались политические оппоненты власти и уголовные преступники. Для торгово-промышленного капитала заморские территории служили не только источником дешевого сырья и рынком сбыта продукции предприятий метрополии, но и предоставляли

возможности для вложения капитала. Разраставшийся аппарат управления (в том числе и вооруженные силы) предоставлял возможность занятия различных должностей в метрополии и регионах, зачастую также служа средством обогащения.

По мере увеличения владений усиливалось значение имперской проблемы в общественно-политической жизни Англии. В 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. В 50-летнюю годовщину ее правления в 1887 г. состоялась первая имперская конференция, в которой принимали участие представители доминионов. С 1897 г. утвердилась практика проведения регулярных имперских конференций. В стране создавались общества по изучению различных аспектов колониальной проблематики: Лига имперской федерации (1884), Лига имперской торговли (1891), Британская имперская лига (1893) и др. В целях укрепления империи и ослабления противоречий между метрополией и переселенческими колониями последние получили самоуправление и ответственное перед местными выборными органами правительство. В отношении остальных владений все было по-другому.

Официальные круги, пресса и публицисты формировали общественное мнение в духе шовинизма, насаждали идеи превосходства английской нации, ее «гуманности» по отношению к народам колоний. В то же время превозносились успехи экспансии, создавался образ сильной личности колонизатора. Консервативная пресса прибегала к экономическим и военно-политическим доводам в пользу расширения владений. Политиками и учеными (Дж. Чемберлен, Дж. Фруд и др.) разрабатывалась идеология британского колониализма, одной из опор которой стал социал-дарвинизм, применивший биологическую теорию «борьбы за выживание» к социальным процессам. Либеральная публицистика акцентировала внимание на морально-религиозных аспектах «цивилизаторской миссии» британцев, постепенно закрепляя в обществе идею, что они призваны вести народы мира к прогрессу.

К началу XX в. население британских островов достигло 40 млн человек, а Британская империя располагалась на четырех континентах: к 1914 г. она занимала около четверти всей суши (33 млн кв. км) и в ней проживала четверть населения земного шара — 450 млн человек.

Pax Britannica: доминионы

Выработанное в британской политической культуре умение находить

компромисс между различными социальными и политическими интересами, подключение доминионов к общеимперскому хозяйству, переживавшему волны промышленного переворота, и грозящий перенаселением демографический рост Британских островов и континентальной Европы — все эти обстоятельства обусловили быстрое и устойчивое развитие доминионов. За исключением стоящего особняком Южноафриканского союза, в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, как и в независимых Соединенных Штатах Америки, складывалась экономическая модель переселенческого капитализма, причем иммиграция в доминионы зачастую финансировалась британским правительством. На смену традиционным культурам коренного населения за считанные десятилетия пришло современное общество. Во второй половине XIX — начале XX в. доминионы, особенно Австралия и Новая Зеландия, наряду с США и собственно Великобританией, по ВВП на душу населения (в том числе по паритету покупательной способности) составляли самые богатые страны в мире.

К концу XIX в. доминионы опережали метрополию по степени демократизма в политике и решению социального вопроса. Всеобщее избирательное право для мужчин приходит в Австралию в середине 1850-х годов, в Новую Зеландию — в 1879 г., в Канаду — в конце XIX в. В 1893 г. Новая Зеландия впервые в мире предоставляет право голоса женщинам. В Австралии женщины голосуют с 1902 г. (в Южной Австралии женское избирательное право существовало еще с 1861 г.). За исключением Новой Зеландии, демократия для переселенцев сопровождалась дискриминацией местных народов: в Канаде коренное население голосует только с 1960 г., в Австралии — с 1962 г.

В 1898 г. Новая Зеландия стала второй страной в мире после Германии, которая ввела пенсии по старости: под закон попадали люди старше 65 лет, включая коренное население — маори, но исключая китайцев и других выходцев из Азии, с доходом ниже установленного минимума. В Австралии федеральные пенсии по старости были введены законом 1908 г. (в Новом Южном Уэльсе пенсии платились уже с 1900 г.). В начале XX в. выросло влияние профсоюзов.

На рубеже XIX–XX вв. население доминионов равнялось почти трети населения Британских островов. Доминионы не соседствовали с государствами — политическими соперниками метрополии, так что в условиях прагматичной политики центра развитие внутренней самостоятельности не вело к пробуждению антибританского, антиимперского духа. С началом Первой мировой войны официальный

Лондон был потрясен энтузиазмом солдат-добровольцев из доминионов.

Канада

С конца XVIII в. приморские провинции богатели за счет рыболовства, лесной промышленности, судостроения и морской торговли с Вест-Индией и Англией, особенно выгодной в силу британских Навигационных актов. Это привело к тому, что к 1812 г. население этих территорий составляло около 100 тыс. человек с наличием устойчивого франкоязычного сообщества. Верхняя Канада расширялась на запад, на ее земли переселялись лоялисты из США. К 1812 г. ее население составило около 80 тыс. человек.

В столице Верхней Канады (Онтарио) Йорке (с 1834 г. — Торонто) в конечном итоге сформировалась привилегированная верхушка — «семейный союз» (Family Compact), контролировавшая политику колонии. Ее аналогом в Нижней Канаде (Квебеке) была так называемая «дворцовая клика» (Chateau Clique), встретившая, впрочем, серьезное противодействие со стороны франкоканадцев.

С 1779 г. развивала торговлю мехами монреальская Северо-западная компания — успешный конкурент Компании Гудзонова залива. В июле 1793 г. ее агент Александер Макензи (1764–1820) стал первым европейцем, нашедшим сухопутный путь к Тихому океану к северу от Мексики. Западное побережье континента было изучено военно-морской экспедицией Джорджа Ванкувера (1757–1798) в 1791–1795 гг. Географические исследования позволили Британии заявить свои претензии на земли вплоть до Тихого и Северного Ледовитого океанов и очертить тем самым современные границы Канады. Англо-американская война 1812–1815 гг. показала, что население Канады верно британской короне и — несмотря на надежды многих политиков США — не поддерживает лозунгов присоединения к Соединенным Штатам.

После окончания наполеоновских войн быстрый рост экономики (в том числе промышленности, например, судостроения), наличие свободных земель и развитие транспортной инфраструктуры (в частности, налаженное судоходство по р. Св. Лаврентия) привлекали в Канаду переселенцев: на смену лоялистам из США последовал иммиграционный поток из Великобритании. К 1851–1852 гг. население Объединенной провинции Канады (бывшие Верхняя и Нижняя Канады) составило более 1,84 млн человек, приморских провинций Нью-Брансуика и Новой Шотландии —

более 470 тыс., Ньюфаундленда — более 101 тыс. человек.

Быстрый рост населения и усложнение социальной и хозяйственной структуры колониальных обществ порождали противоречия между сложившимися местными олигархиями и рядовыми канадцами. В Нижней Канаде положение обострял также конфликт между франко- и англоканадцами. Важной проблемой были межконфессиональные отношения, причем не только между католиками и протестантами, но и между англиканской и другими протестантскими церквями. Первый мэр Торонто Уильям Лайон Макензи (1795–1861) в Верхней Канаде и член законодательного собрания Луи-Жозеф Папино (1786–1871) в Нижней Канаде в духе движения за реформы в самой метрополии выступили за максимально широкие демократические преобразования.

Экономическая депрессия 1837 г. стала спусковым механизмом, который позволил переступить грань, отделяющую мирные движения от восстаний, впрочем, быстро подавленных правительственными войсками: 32 мятежника были казнены, 151 сослан в Австралию. Папино и Макензи бежали в США в тщетной надежде получить помощь для «освобождения» Канады.

Лондон, осознав необходимость изменений, направил в Канаду миссию во главе с лордом Даремом (1792–1840). Итогом ее работы стал «Доклад о состоянии дел в Британской Северной Америке». В нем Дарем, видя ключевую причину восстания в противоречиях между франко- и англоканадцами, предлагал объединить провинции, предоставить им полное самоуправление (за исключением права принять собственную конституцию), сохранить контроль метрополии во внешней политике, полагая, в частности, достичь двух целей: сократить большой внешний долг Верхней Канады и ассимилировать франкоговорящее население. Так была разработана модель доминиона.

В Лондоне поддержали лишь первую часть предложений Дарема и согласно Акту о Союзе (принят 23 июля 1840 г., провозглашен 10 февраля 1841 г.), Верхняя (отныне — Западная) и Нижняя (отныне — Восточная) Канады были объединены в одну колонию. Французский язык потерял свой государственный статус, полученный согласно Квебекскому акту (1774).

Когда в 1846 г. были отменены британские Хлебные законы (Corn Laws), что означало переход от системы имперских таможенных тарифов к свободной торговле, у Лондона исчезла самая веская причина не предоставлять автономию Канаде. В 1849 г. были созданы ответственные перед парламентом правительства для всех провинций Британской Северной Америки.

Отказ от внутриимперских преференций привел к переориентации канадской экономики на рынок США. В 1854–1866 гг. между США и Канадой действовал торговый договор, по условиям которого отменялись пошлины на сырье и сельскохозяйственную продукцию (лес, рыбу, зерно, уголь), а американские рыбаки получали свободный доступ к рыбным промыслам у берегов приморских провинций.

Из-за интенсивного освоения Дальнего Запада поселенцами из США Британская империя пошла на заключение Орегонского договора (1846) о проведении границы между западом Британской Северной Америки и США по 49-й параллели до Тихого океана. В 1849 г. была основана колония на о. Ванкувер, в 1858 г. — Британская Колумбия, включившая первую в свой состав в 1866 г.

По условиям Акта о Союзе обе части Канады имели равное представительство в ассамблее провинции. Но к 1861 г. население Западной Канады было более многочисленным и росло быстрее, чем население Восточной. Союз либералов обеих частей Канады оказался невозможным. Это привело к тому, что пришедшее к власти в 1854 г. консервативное правительство Макдональда-Картье было вынуждено опираться в парламенте в основном на представителей Восточной Канады. В 1858–1864 гг. у власти стояли часто сменявшие друг друга правительства, не имевшие серьезной парламентской поддержки. Провинция оказалась в политическом тупике, выход из которого требовал компромиссов и нестандартных решений.

Весной 1864 г. Джордж Браун (1818–1880) из радикально-демократического крыла либералов «Клиар Гритс» (Clear Grits) в Западной Канаде предложил Джону Макдональду (1815–1891) и Жоржу-Этьену Картье (1814–1873) создать коалиционное правительство во имя создания федеративного союза всех британских колоний в Северной Америке.

После конференций в Шарлоттауне (о. Принца Эдуарда) и Квебеке в сентябре-октябре 1864 г. были приняты 72 резолюции, которые легли в основу Акта о Британской Северной Америке. Ассамблеи о. Принца Эдуарда и Ньюфаундленда не приняли квебекские резолюции. В итоге о. Принца Эдуарда вошел в состав Канады только в 1873 г., а Ньюфаундленд, ставший в 1907 г. доминионом, — в 1949 г.

Акт о Британской Северной Америке, принятый на Лондонской конференции и вступивший в силу 1 июля 1867 г., создавал доминион Канада со столицей в Оттаве, делившийся на четыре провинции: Онтарио, Квебек, Нью-Брансуик и Новая Шотландия. В 1871 г. к доминиону присоединилась Британская Колумбия. Целью такого административно-

территориального деления было стремление уравновесить многонаселенный франкоязычный Квебек группой более мелких англоязычных провинций с равными полномочиями. Власть британского монарха представлял генерал-губернатор, однако по сути во внутренних делах Канада стала независимой.

Первое правительство доминиона было сформировано Макдональдом в 1867 г. Сначала он стремился включать в кабинет представителей всех коалиционных партий, но вскоре, однако, большинство министерских постов заняли консерваторы. Радикальные либералы, квебекские «красные» — последователи Папино и реформисты из приморских провинций объединились, создав оппозицию, которую все чаще стали называть Либеральной партией. Таким образом, партийные системы провинций постепенно распространились на всю страну. В 1896–1911 гг. страну возглавлял Уилфрид Лорье (1841–1919), первый премьер-министр — франкоканадец.

Хотя иммиграционный поток в Канаду в последней трети XIX — начале XX в. не останавливался, страна служила также и источником эмигрантов. Практическое отсутствие промышленности и несовершенное сельское хозяйство франкоязычного Квебека, часто проигрывавшее соревнование с соседними провинциями, вели к аграрному перенаселению: квебекцы переезжали как в США, в основном в прилегающие к границе северо-восточные штаты Новой Англии (около 0,5 млн в 1851–1901 гг.), так и в другие районы страны (в 1880 г. около 100 тыс. франкоканадцев проживали в Онтарио).

В 1870 г. объединившаяся Канада получила от короны управлявшиеся ранее Компанией Гудзонова залива прерии между Британской Колумбией и Онтарио (Земля Руперта и Северо-Западные территории). Немногочисленные жители, в основном индейцы и метисы (потомки французов-мехоторговцев и местных женщин), под руководством Луи Риэля (1844–1885) восстали в защиту своих прав. Мятеж на Ред-Ривер был подавлен, однако в созданной в 1870 г. провинции Манитоба метисы сохранили свои земли. Объявлялось равноправие английского и французского языков и учреждались католические школы; впрочем, на рубеже XIX–XX вв. эти права у франкоязычных манитобцев были постепенно отобраны.

В 1898 г. была создана территория Юкон, в 1905 г. — провинции Саскачеван и Альберта — территория материковой Канады окончательно оформилась. К 1901 г. население страны составляло более 5,371 млн человек (из них 1,649 млн квебекцы), к 1911 г. — почти 7,206 млн, из

которых 2,006 млн были квебекцами, более 834 тыс. — уроженцами других владений Британской империи (в основном выходцами из Англии) и почти 753 тыс. — уроженцами прочих стран. Среди переселенцев выделялся поток мечтавших о земле украинских крестьян из австро-венгерской Галиции (около 170 тыс. человек в 1891–1914 гг.). Судьбы коренного населения Канады и США не слишком отличались друг от друга: в Канаде также создавали резервации, а за 100 лет число индейцев сократилось примерно вдвое (в начале XX в. — около 100 тыс. человек). Успешно развивая зерновое сельское хозяйство, Канада стала к началу XX столетия одним из ведущих мировых экспортеров пшеницы, наряду с Россией, США, Аргентиной и Австралией.

Австралия

Освоение Австралии с конца XVIII в. было связано с решением использовать далекие земли как каторгу. Первая флотилия с заключенными прибыла в бухту Сидней в Новом Южном Уэльсе в январе 1788 г. Каторжников в Новый Южный Уэльс отправляли вплоть до 1840 г., на о. Тасмания (в то время называвшийся Землей Ван-Димена) — в 1803–1853 гг., в Западную Австралию — в 1850–1868 гг. (последние 9668 заключенных). В 1815 г. европейское население австралийских колоний составило 15 тыс. человек, а всего в 1788–1868 гг. в Австралию прибыли 162 тыс. каторжников (среди них — 25 тыс. женщин), осужденных на 7 (уже за малейшее воровство), 10, 14 лет или пожизненный срок. Среди заключенных было и несколько тысяч политических узников, в основном участников ирландских восстаний. Обычно каторжников передавали вольным колонистам в качестве рабочей силы, но некоторая часть заключенных-кандалников использовалась в строительстве дорог. За примерное поведение каторжников мог досрочно освободить губернатор, причем по освобождении они получали земельные наделы. Еще в 1820-е годы число заключенных превышало число свободных поселенцев втрое.

В 1806 г. губернатором стал Уильям Блай (1754–1817), бывший капитан мятежного корабля «Баунти». Блай пытался остановить раздачу земель богатым колонистам и запретил использование спиртного в качестве валюты. На стороне противников Блая оказался командир Новоюжноуэльсского корпуса майор Джордж Джонстон (1764–1823), который сместил Блая и арестовал его. Позднее Джонстон был осужден военным судом за участие в этой «ромовой революции», а в 1809 г.

губернатором был назначен полковник Лаклан Маккуори (1762–1824). Вместе с Маккуори в Австралию прибыл и его 73-й шотландский полк, а Новоюжноуэльсский корпус был отправлен в Англию.

В 1824 г. создается последнее каторжное поселение в районе современного Брисбена — так началось заселение Квинсленда. В 1835 и 1836 гг. были основаны некаторжные колонии Виктория и Южная Австралия, где наделяли землей вольных переселенцев.

Переход к самоуправлению в Новом Южном Уэльсе стал возможен, когда в колонию перестали направлять заключенных. В 1842 г. колония получила право избрать законодательный совет из 36 членов. Освобожденным каторжникам предоставлялось право голоса. Продажу земель контролировало британское правительство.

Обнаружение золота в Новом Южном Уэльсе в 1851 г. изменило ход истории Австралии. Наиболее богатые залежи золота были обнаружены в Виктории. В 1870-1880-е годы золото добывали в Квинсленде, в 1890-е — в Западной Австралии. Страну захлестнул поток переселенцев. Ее население выросло с 438 тыс. в 1851 г. до 1152 тыс. в 1861 г. Основная часть переселенцев родилась на Британских островах, но были и выходцы из других стран, в частности, Китая (около 40 тыс. человек в 1861 г.). Помимо золота в Австралии находят и начинают разрабатывать месторождения серебра, свинца, цинка, меди, железа.

От 20 до 40 % австралийского экспорта во второй половине XIX в. составляла шерсть, с 1860 г. стал расти вывоз пшеницы, с 1882 г., после внедрения в жизнь судов-рефрижераторов, страна становится важным экспортером мяса.

В 1850 г. британский парламент издал билль об австралийских колониях, согласно которому власти колонии при согласии официального Лондона могли разработать новую конституцию. К 1856 г. была завершена работа над конституциями Нового Южного Уэльса, Виктории, Тасмании и Южной Австралии. В колониях предполагалось сформировать двухпалатные парламенты, обладающие правами на королевские земли и формирующие правительства, как в Великобритании или Канаде. Конституция Квинсленда была принята в 1859 г., Западной Австралии — в 1870 г. (правительство появилось только в 1890 г.). Всего за несколько десятилетий страна превратилась из управляемых военными администрациями поселений для заключенных в пример демократии. В 1856 г. в австралийских колониях впервые в мире вводится современная система выборов: тайное голосование одинаковыми бюллетенями у запечатанных урн. В XIX столетии эту привычную нам систему называли

«австралийской баллотировкой».

Еще в 1847 г. британское правительство высказывало мысль об объединении всех австралийских колоний, но условия для этого сложились лишь в конце XIX в. благодаря строительству железных дорог. Стремление к свободной внутренней торговле и общим действиям по обороне, в вопросах иммиграции, промышленной и финансовой политике также способствовало созданию единой страны.

В ходе федеральных съездов в 1891 г. и 1897 г. был выработан проект конституции (по образцу США). По итогам второго референдума (1899) конституция была принята пятью восточными колониями: Виктория, Южная Австралия, Тасмания и Новый Южный Уэльс (Западная Австралия воздерживалась до 1900 г. и приняла проект после его одобрения британским парламентом). Союзный конституционный законопроект был принят британским парламентом весной 1900 г., а санкция королевы Виктории была получена 9 июля того же года. 1 января 1901 г. была основана федерация колоний — Австралийский Союз, получивший статус доминиона спустя шесть лет. В 1911 г. из северных территорий штата Южная Австралия была образована Северная территория. За столичный статус боролись крупнейшие города Сидней и Мельбурн, и парламент Австралии решил построить, как в

Соединенных Штатах, новую федеральную столицу, которая была бы выделена в отдельную территорию и не принадлежала бы той или иной провинции. В 1901–1927 гг., пока шел архитектурный конкурс и строилась Канберра (основана в 1913 г.), столицей Союза был Мельбурн. Впрочем, окончательно строительство столицы было завершено только в 1988 г.

В 1901–1914 гг. население Австралии выросло с 3,774 млн до 4,949 млн человек. Как и в США и Канаде, бурное развитие переселенческого капитализма стало трагедией для коренного населения, чья численность сократилась в первую очередь из-за оспы и других европейских болезней с 1861 по 1911 г. более чем вдвое до примерно 100 тыс. человек.

Новая Зеландия

Европейское открытие обоих новозеландских островов в 1769 г. связано с именем Джеймса Кука. С конца XVIII в. на островах обосновываются беглые матросы и авантюристы, торговавшие шкурами тюленей и котиков. Появились китобойные флотилии. Затем пришли

первые христианские миссии — англиканская (1814), методистская (1823), французская католическая (1838). Местное население — маори — на удивление быстро перенимало европейские навыки, включая письменность, и освоило огнестрельное оружие.

Официальный Лондон регулярно отказывался от управления островами, но ровно до момента, когда интерес к Новой Зеландии начали проявлять в Париже и Вашингтоне. Тогда на острова был направлен Джеймс Басби (1801–1871), подчинявшийся губернатору Нового Южного Уэльса. Несмотря на отсутствие реальных возможностей и рычагов влияния, Басби удалось склонить вождей маори Северного острова к созданию союза Объединенных племен Новой Зеландии. 28 октября 1835 г. 34 вождя вместе с Басби подписали Декларацию независимости Новой Зеландии, в которой признавалась наследственная власть вождей, а британский король объявлялся «родителем» и «защитником» нового государства.

14 января 1840 г. был назначен первый лейтенант-губернатор (с 3 мая 1841 г., после выделения в колонию, независимую от Нового Южного Уэльса, — губернатор) Новой Зеландии Уильям Гобсон (1792–1842). 6 февраля 1840 г. у р. Вайтанги по его настоянию был заключен одноименный договор, подписанный в итоге примерно 530–540 вождями маори. По договору Вайтанги Новая Зеландия переходила под юрисдикцию британской короны, но маори, которые становились британскими подданными, гарантировалось соблюдение всех их прав, в том числе имущественных. В то время европейских переселенцев в Новой Зеландии было около двух тысяч человек, тогда как коренное население составляло около 70–90 тыс. С тех пор и вплоть до конца XIX в. число маори будет сокращаться из-за незнакомых болезней и огнестрельного оружия — здесь они не избежали общей участи коренных народов, столкнувшихся с масштабной европейской колонизацией.

Исключительный по своему уважению к правам коренного населения, договор Вайтанги, конечно, не был соблюден в своей полноте. Уже в январе 1840 г. в Новую Зеландию прибыли первые иммигранты. Поселения были основаны Новозеландской компанией, созданной Эдвардом Гиббоном Уэйкфилдом (1796–1862) для так называемой «систематической колонизации» в районах Веллингтона и Нью-Плимута (1840), Уангануи и Нельсона (1841); позднее возникли поселения дочерних компаний — пресвитерианской Ассоциации Отаго в Данидине (1848) и англиканской Ассоциации Кентербери в Крайстчерче (1850).

Участились земельные споры с маори: были случаи, когда иммигранты

приезжали на земли, занятые Новозеландской компанией еще до подписания договора Вайтанги. Маори поддерживал назначенный в 1843 г. новый губернатор Роберт Фитцрой (1805–1865) — племянник знаменитого политика, виконта Каслри, который уже прославился как капитан совершившего кругосветное путешествие судна «Бигль», того самого, на котором плыл Чарльз Дарвин. Колонисты посчитали Фитцроя предателем, а маори — безвольным человеком, и в 1845 г. на смену ему прибыл новый губернатор (1845–1854, 1861–1868) Джордж Грей (1812–1895), мечтавший о включении маори в современное общество и хозяйство. В 1858 г. европейских переселенцев и маори было уже 59 тыс. и 56 тыс. человек соответственно.

В 1856 г. часть маори объединилась под эгидой единого правителя — «короля», стремясь гарантировать свои права по договору Вайтанги. В первой половине 1860-х годов столкновения с переселенцами вылились в войну. В 1865 г. был создан туземный земельный суд, поощрявший права рядовых маори, а не вождей, и тем самым склонявший коренных жителей к продаже земель.

Несмотря на планы Уэйкфилда развивать в Новой Зеландии орошаемое земледелие, основой хозяйства стало пастбищное скотоводство, главным экспортным товаром — шерсть, которую отправляли на британский рынок. На рубеже 1850 — 1860-х годов на Южном острове обнаружили золото, добыча которого успешно шла все десятилетие. Возникло опасение, что столица колонии Окленд, расположенная на севере Северного острова, находится слишком далеко от развивающихся земель, и чтобы сохранить единство британских владений, в ноябре 1863 г. премьер-министр колонии Альфред Дометт (1811–1887) выступил за перенос столицы в Веллингтон — поселение у разделяющего два острова пролива Кука, что и было сделано в 1865 г. В 1852 г. парламент принял Конституционный акт, согласно которому Новая Зеландия получила самоуправление. В 1876 г. маори были гарантированы четыре места в парламенте.

Упомянутая в начале главы демократизация избирательного права и экономическая депрессия 1880-х годов, вызванная падением мировых сельскохозяйственных цен, привели к власти Либеральную партию (1891–1912), опорой которой были фермерство и профсоюзы. Либеральные политики Джон Балланс (1839–1893) и Ричард Седдон (1845–1906) видели в Новой Зеландии своего рода социальную лабораторию империи, ее самую молодую и передовую часть. Помимо уже упомянутых женского избирательного права и пенсий по старости, в Новой Зеландии, в

частности, вводятся прогрессивное налогообложение, в том числе на земельную собственность (1891), доступные земельные ссуды (1894), обязательный арбитраж трудовых споров (1894). Государству принадлежали железные дороги, телефон и телеграф. Социальным мероприятиям правительства способствовала с 1896 г. благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Курс Либеральной партии вызвал интерес реформистов по всему миру.

Карикатура на новозеландского премьер-министра Дж. Уорда.

New Zealand Observer, 28 сентября 1907 г.

В 1901 г. Новая Зеландия отказывается от присоединения к

Австралийскому Союзу, а в 1907 г. становится доминионом. В 1896 г. европейское население Новой Зеландии составило 701 тыс. человек, маори оставалось всего 42 тыс., но с тех пор их число начало расти (почти 50 тыс. в 1916 г.). К 1892 г. маори сохранили менее 11 млн акров земли, в основном на Северном острове, почти четверть которой арендовали переселенцы. Во время правления Либеральной партии государство выкупило у маори еще 3,1 млн акров земли. В 1911 г. население Новой Зеландии составило 1,008 млн человек, 22,7 % которых родились в Соединенном Королевстве, 5,0 % — в Австралии и лишь 1,9 % — за пределами Британской империи.

Южноафриканский союз

Нидерландская Ост-Индская компания начала европейскую колонизацию Южной Африки в 1652 г., основав Капскую колонию у мыса Доброй Надежды. В 1795 г. Капскую колонию захватили британцы, в 1803–1806 гг. она вновь перешла Нидерландам (Батавской республике), но по итогам Венского конгресса официальный Лондон удержал свое приобретение. В 1795 г. население Капской колонии составляли около 20 тыс. буров — говоривших на капско-голландском языке (африкаанс) потомков голландских переселенцев и ассимилированных ими гугенотов и немцев, около 25 тыс. рабов — африканцев и малайцев, 15 тыс. свободных кой-кой (готтентотов) и несколько тысяч гриква — потомков буров и африканцев. Уже в 1811–1812 гг. британцы под предлогом возвращения земель кой-кой продолжили старый курс нидерландской Ост-Индской компании — вытеснение со своих земель народа коса («кафрские войны», завершившиеся к 1879 г.); кой-кой земли не получили. Первые пять тысяч английских колонистов прибыли в Капскую колонию в 1820 г., но вплоть до 1870-х годов переселенцы в основном оказывались в городах, где вели торговлю.

К 1834 г. британской администрации удалось заменить рабский труд вольнонаемным. Отмена рабства и рост правительственного контроля вызвали протест буров, стремившихся жить, чтобы «не видеть дым из трубы соседского дома». Начался так называемый «Великий трек» (1835–1840) — исход около 15 тыс. буров на север, где после победы над зулусами в 1839 г. были основаны республика Наталь со столицей в Питермарицбурге, а затем — Южноафриканская республика (Трансвааль, признана Великобританией в 1852 г.) со столицей в Претории и Свободное оранжевое государство (признано Великобританией в 1854 г.) со столицей в

Блумфонтейне. В итоге территория европейских поселений в Южной Африке более чем удвоилась. В отличие от буров британцы порой были готовы идти на уступки африканцам: так, в 1853 г. в Капской колонии был введен сравнительно низкий избирательный ценз, включивший и чернокожее население.

В 1843 г. британцам удалось присоединить Наталь, после чего многие буры покинули республику. К началу 1850-х годов англичане составили большинство среди белого населения колонии. В 1856 г. Наталь получил представительную власть (чернокожие не имели права голоса), а в 1893 г. — ответственное правительство. После войны 1879 г., в которой погиб мечтавший о славе единственный сын Наполеона III, к Наталю были присоединены земли зулусов.

Русские — избавитель народа коса?

В 1854 г. в Крыму под Инкерманом погиб недавний губернатор Капской колонии Джон Кэткарт, жестоко разгромивший коса в восьмой кафрской войне 1850–1853 гг. Весть о смерти ненавистного чиновника сразу дошла до народа коса. Жрецы и пророки коса говорили, что русские — не белые, как говорили англичане, а чернокожие, духи погибших воинов коса, которые скоро придут, чтобы навсегда изгнать британских завоевателей.

Тяжесть поражения совпала с пришедшей от белых смертельной эпидемией плевропневмонии в коровьих стадах коса и засухой лета 1855–1856 гг. В апреле или мае 1856 г. девочка-подросток Нонггавусе передала своему дяде, что ей явились духи предков, которые сказали убивать весь скот во имя очищения от ведовства и грехов. Движение, в котором смешались языческие представления о ведовстве и христианское учение об избавлении и воскресении, поддержал один из вождей коса Сархили (ок. 1810–1892). Было уничтожено около 400 тыс. голов скота, из примерно 100–105 тыс. коса от голода умерли около 40 тыс., еще около 40 тыс. покинули свои дома в поисках работы.

18 февраля 1857 г. коса напрасно ждали, как с моря (многие говорили — из России) явится пророк, «широкогрудый» Сифуба-Сибанзи. Оставленные земли коса заняли европейцы, в том числе около двух тысяч ветеранов воевавшего на стороне

Великобритании в Крымской войне Немецкого легиона.

Основой экономики Капской колонии служил вывоз шерсти. Буры продолжали вести скотоводческое хозяйство, часто сохранявшее традиционные натуральные черты. Ожидали, что после открытия в 1869 г. Суэцкого канала Кейптаун потеряет свое портовое значение, и Южная Африка навсегда останется глухой небогатой провинцией империи. Как и в Австралии, все переменялось неожиданно — с находкой в 1867 г. алмазов у слияния рек Вааль и Оранжевой. В 1869–1871 гг. началась бриллиантовая лихорадка. В 1871 г. арбитраж передал месторождение британцам, хотя его земли находились ближе к Свободному Оранжевому государству, чем Капской колонии.

Благодаря обретенному богатству, в 1872 г. Капская колония получила самоуправление. Тогда в ней проживали 237 тыс. белых (более чем вдвое больше, чем в остальных трех колониях Южной Африки) и полмиллиона негров. В 1873–1883 гг. на земли Капской колонии переехали почти 25 тыс. иммигрантов, в основном из Соединенного Королевства. Уже в 1872 г. открылось регулярное судоходное сообщение с Лондоном, затем началось железнодорожное строительство, а в 1880 г. был построен телеграф. Изменилась и структура сельского хозяйства, которое начало работать на рынок, снабжая переселенцев.

12 апреля 1877 г. Лондон объявил о присоединении Трансвааля. Британцы утверждали, что только империя может защитить 30 тыс. буров республики от воинственных зулусов. Эта угроза перестала существовать после их поражения в 1879 г. К этому времени у буров появился сильный лидер — Пауль Крюгер (1825–1904). 16 декабря 1880 г. началось бурское восстание, которое завершилось 23 марта 1881 г. подписанием Преторийской конвенции, пересмотренной 27 февраля 1884 г. Британский либеральный премьер-министр Уильям Гладстон не хотел продолжения войны и пошел на уступки: империя признала Трансвааль суверенной республикой, сохранив лишь контроль над ее внешней политикой.

В 1886 г. в центре Трансвааля, в Витватерсранде (Ранде) находят золото. К 1898 г. на Трансвааль приходилось 27 % мировой добычи золота, в 1914 г. — 40 %. В Трансвааль нахлынули десятки тысяч переселенцев из Европы («ойтландеров» — чужестранцы на языке африкаанс) и соседних африканских земель. В 1886 г. близ месторождения был основан город Йоханнесбург, чье население к 1904 г. составило 90 тыс. человек. Большинство буров — консервативных кальвинистов видели в золоте и пришедших ойтландерах угрозу своему традиционному обществу, но Пауль

Крюгер решил использовать открывшиеся возможности и обложил золотодобычу высоким налогом. Ойтландеров исключили из политической жизни Трансвааля — если по закону 1881 г. избирательный ценз оседлости в Трансваале составлял два года, то с 1890 г. — четырнадцать лет. Именно защита прав ойтландеров станет поводом для вмешательства Британской империи в дела Трансвааля.

К этому времени Британскую империю тревожили французское и германское продвижение в Африке. Предприниматель и политик Сесил Родс (1853–1902) мечтал об объединении южноафриканских колоний сперва через общие железнодорожные тарифы и таможенный союз. В новогоднюю неделю 1895–1896 гг. агент Родса Леандр Джеймсон (1853–1917) безуспешно пытается поднять мятеж ойтландеров — именно его судьба вдохновила Редьярда Киплинга на создание знаменитого стихотворения «Если...», образа стоицизма джентльмена.

С этого времени правительство Крюгера начинает готовиться к войне, покупая в основном в Германии на налоговые доходы самое современное вооружение. 9 октября 1899 г. Крюгер выдвинул Капской колонии заведомо невыполнимый ультиматум, и 11 октября началась война. В отличие от Гладстона в 1880–1881 гг. премьер-министр маркиз Солсбери был полон решимости воевать с бурами до конца. Однако война с ополчением двух маленьких республик стала серьезнейшим испытанием для огромной Британской империи.

К началу 1900 г. численность британских сил достигла 150 тыс. солдат, к августу — 250 тыс., которым противостояли не более 45 тыс. буров. За время войны британцы мобилизовали 448 тыс. солдат и офицеров (больше, чем в Крымскую войну), буры — 87 тыс. Хотя столкновение называли «войной белого человека», на британской стороне сражались по крайней мере 10 тыс. африканцев: многие тысячи из них служили разведчиками и проводниками по обе стороны линии фронта. В июне 1900 г. Претория была занята британскими частями, но буры уже с марта развернули успешную партизанскую войну. В ответ британцы, подобно испанцам на Кубе в 1895–1898 гг., стали интернировать мирное население (буров и африканцев) в концентрационных лагерях. Около 30 тыс. ферм были сожжены. С марта 1901 г. вокруг партизан постепенно сжималось кольцо колючей проволоки и блокгаузов.

По Феринихингскому договору 31 мая 1902 г. буры признавали присоединение к Британской империи, но получали амнистию, право использовать африкаанс в образовании и судах. Империя выплатила бурам большую компенсацию для восстановления полностью разоренного

хозяйства и предоставила Трансваалю и Оранжевой республике самоуправление в 1906 и 1907 гг.

В войне погибли, умерли от ран и тифа, пропали без вести 22 078 британских солдат и офицеров. Потери буров в войне составили немногим более 9 тыс. человек, еще почти 28 тыс. умерли в концентрационных лагерях. Англо-бурская война 1899–1902 гг. стала репетицией страшных кровопролитий первой половины XX столетия: в ходе ее впервые были применены магазинная винтовка, пулемет, скорострельная полевая артиллерия, шрапнель, бездымный порох, форма защитного цвета, тактика окопной войны.

В мире, недовольном могуществом и высокомерием Британской империи, идеализировали буров и сочувствовали им — как Давиду, борющемуся против Голиафа, как патриархальному мужику, отстаивающему свою свободу против наступающей корыстной цивилизации. Среди сражавшихся за буров русских добровольцев — братья А.И. и Н.И. Гучковы, будущий главный архитектор Москвы и создатель ее генерального плана 1935 г. В.Н. Семенов. Трансваальской назвали одну из улиц Харькова. Виктор Шкловский вспоминал: «Буров знали все... Понимали, что англичане в Африке обижают крестьян, но у тех есть ружья и они отстреливаются». В народе переделали стихотворение Глафиры Галиной «Бур и его сыновья» в песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...», которую знали в самых далеких деревнях.

31 мая 1910 г. после долгих обсуждений колонии были объединены в доминион Южноафриканский союз (ЮАС). Столичные функции были разделены: парламент был размещен в Кейптауне, кабинет министров — в Претории, а верховный судебный орган — в Блумфонтейне. Столица Наталя Питермарицбург получил финансовую компенсацию. Под давлением буров, которые по-прежнему численно превосходили англичан, право голоса повсюду получили только белые, за исключением Капской провинции, где небелое голосование резко ограничивалось цензом. Первое правительство ЮАС возглавил бывший командир трансваальских партизан Луис Бота (1862–1919). Был принят курс на ограничение прав небелого населения и их сегрегацию, получивший законченное выражение в политике апартхейда (апартеида) 1948–1994 гг. В 1911 г. население Южноафриканского союза составило более 5,973 млн человек, из которых 21,4 % составляли белые, 67,3 % — чернокожие, 8,8 % — «цветные» (т. е. потомки смешанных браков), 2,5 % — индусы.

Pax Britannica: Индия

Колониальный период в истории Индии распадается на две части: до 1858 г. и после этой даты. На первом этапе территориями, непосредственно подчиненными британцам, правила Ост-Индская компания (ОИК), она же становилась сюзереном княжеств, попадавших в зависимость от колонизаторов.

Компания постепенно подчинялась правительственному контролю. В XIX в. этот процесс продолжался. В 1813 г. была ликвидирована монополия ОИК на торговлю с Индией. По хартии 1833 г. Компания вообще лишилась торговых функций и стала чисто административным органом по управлению захваченными и подчиненными землями «по уполномочию» английского короля. В 1853 г. после ожесточенных дебатов хартию продлили, но без указания срока, — «до тех пор, пока парламент не решит иначе». Председатель Контрольного совета был официально приравнен к министру.

Генерал-губернатор становился главой всей власти в Индии. Ему подчинялись губернаторы провинций («президентств»). Провинции делились на области (*дивижн*), те — на округа (*дистрикты*). Районы назывались *тахсилами* в Северной Индии и *талуками* в Южной. Примерно половина территории субконтинента оставалась в руках вассальных княжеств, контроль над которыми осуществляли *резиденты*.

В первой половине XIX в. продолжалось расширение территории, подвластной ОИК. В 1824–1826 гг. прошла первая англо-бирманская война. В результате ее были присоединены районы нынешней Северо-Восточной Индии и некоторые области на юге Бирмы (Мьянмы). В результате второй англо-бирманской войны 1852–1853 гг. была захвачена вся южная часть Бирмы. В 1843 г. был аннексирован Синд — территория по нижнему течению Инда. Западный Панджаб в начале XIX в. представлял собой довольно сильное государство во главе с Ранджит Сингхом, который поддерживал «дружеские» отношения с Ост-Индской компанией. Но в 1839 г. он умер, в стране началась смута. В результате двух войн (1845–1846; 1849) Панджаб лишился независимости и был присоединен к английским владениям.

Еще до этого колонизаторы хотели поставить в зависимость от себя Афганистан. Но Первая англо-афганская война 1838–1842 гг. окончилась их поражением. Афганистан сохранил независимость.

Колонизаторы расширяли подвластную им территорию, постепенно

аннексируя под разными предлогами вассальные княжества.

Существовала двойная система права и судопроизводства. В отношении европейцев действовало английское право и суды европейского типа. С 1832 г. стали вводить суд присяжных для обвиняемых-европейцев. Дела туземцев слушались в судах во главе с брахманами (для индусов) и кадиями (для мусульман). Выстроилась двойная система судов, увенчанная двумя высшими судебными инстанциями — для европейцев и для туземцев. В 1835 г. судопроизводство было переведено с персидского на местные языки. В 1836 г. был принят закон, согласно которому европейцы стали наряду с туземцами подсудны местным судам, но только по гражданским искам. По уголовным делам европейцев судил Верховный суд в Калькутте.

В 1835 г. англичане определились со своей политикой в области образования. Было решено направлять бюджетные средства прежде всего на развитие высшего образования для воспитания воспринявших британский образ мыслей и образ жизни интеллектуалов, которые затем уже понесут знания в массы народа. Более конкретная задача подготовки кадров для управленческого аппарата также имела в виду. В 1857 г. открылись первые университеты — в Калькутте, Бомбее и Мадрасе.

Уверенные в прочности своей власти, англичане в первой половине XIX в. провели несколько социальных реформ: стали искоренять существовавшую у ряда высоких каст практику убийства новорожденных девочек, запретили в 1829 г. обряд самосожжения вдов на погребальном костре мужа (*сати*), отменили рабство (1843), разрешили вдовам вторично выходить замуж (1856). В 1813 г. была разрешена прозелитическая деятельность христианских миссионеров. Все это создавало атмосферу неуверенности и вызывало опасения утраты традиционного образа жизни.

Стали осуществляться различные модели земельно-налогового устройства. В Бенгалии в 1793 г. была введена система **«постоянного обложения»**, или система **постоянного заминдарства**. Земля объявлялась частной собственностью крупных землевладельцев (*заминдаров*), бывших откупщиков налогов. Налог устанавливался очень высокий (90 % ренты), но его абсолютная величина была закреплена «навечно». Предполагалось тем самым создать заинтересованность в развитии хозяйства, поскольку любое его расширение или улучшение обработки земли означало увеличение доходов землевладельцев. Их доходы действительно стали расти, но не вследствие развития хозяйства, а из-за падения стоимости серебра и соответствующего роста цен.

Система временного заминдарства (*махалвари, маузавар*) была

введена указами 1822 и 1833 гг. в Северной Индии (на территории современного штата Уттар-Прадеш), а позже, в несколько измененном виде, она была распространена на Панджаб и Центральную Индию. Колонизаторы учли некоторые ошибки постоянного обложения. Объявив собственниками бывших налогоплательщиков-заминдаров и установив твердые ставки налога, они сохранили за собой право повышать ставки налога через 30 лет. Заминдары в этих районах были более мелкими, часто владели не более чем крестьянским участком земли. Они были объединены в общины, которые несли коллективную ответственность за уплату налогов.

В Южной Индии (Мадрасское и Бомбейское президентства, современные штаты Махараштра, Карнатака, Андхра-Прадеш и Тамилнаду) англичане ввели систему налогообложения и землевладения **райятвари**, во многом прямо противоположную обеим северным. Здесь дали права на землю райятам, т. е., по индийским понятиям, слою, находившемуся под заминдарами. Налог исчислялся как доля валового продукта, и эта доля первоначально была очень велика (50 %). Но при таком уровне обложения никто не хотел покупать землю, если ее забрасывал прежний владелец. Англичанам пришлось снижать налог — в 1833 г. до 33 %, а позже — до 20 %.

На этом первом этапе аграрных преобразований британцы в основном устранили верхний слой земельных собственников — тех, кто раньше владел «властью-собственностью», кто присваивал в свою пользу налог с низовых землевладельцев. Этот процесс происходил неспешно и не был окончательно завершен, но все же в основном земля оказалась у тех, кто платит налоги.

Экономические отношения Великобритании и Индии в XIX веке

В первый период проникновения европейцев на Восток их главной целью были «колониальные» товары, которые можно было с огромной выгодой сбыть в Европе. С конца XVIII в. содержание европейско-азиатской торговли совершенно меняется. Промышленная революция в Англии, возникновение там механизированной текстильной промышленности привели к тому, что страны Востока и прежде всего Индия стали рассматриваться как необъятные рынки сбыта британских пряжи и тканей. Резко сократился европейский спрос на хлопчатобумажные и шелковые ткани, поскольку их производство было

освоено в Европе. Английским фабрикантам удалось захватить значительную долю индийского текстильного рынка. Индийские ткачи-кустари стали массово разоряться. Резко упала численность городского населения. Индия стала также до некоторой степени источником сырья для британских текстильных фабрик, но индийский хлопок на протяжении XIX в. занимал только 6-15 % в общем потреблении английскими фабриками. Британские фабриканты предпочитали более качественный хлопок из южных штатов Северной Америки, а затем также и из Египта.

Во второй половине XIX в. активный торговый баланс в пользу Великобритании сохранялся, благодаря чему из страны выкачивались значительные средства, так называемая «колониальная дань». Импортные пошлины удерживались на самом низком уровне. Однако начались также британские инвестиции в индийскую экономику. Большое внимание стало уделяться созданию инфраструктуры — портов и дорог, которые облегчали проникновение английских товаров во все уголки Индии. Развернулось широкое железнодорожное строительство. К 1905 г. было сооружено 6 тыс. миль железных дорог. К периоду независимости Индия была страной с наиболее густой сетью железных дорог за пределами Европы (53 тыс. км).

Британцы не стремились развивать индийскую промышленность. Но колониальная политика создавала возможности для ее появления, не предусмотренные властями. Так, открытие китайского рынка после Опиумных войн привело к резкому увеличению торговли индийских купцов с Китаем. Они составляли состояния на торговле опиумом, также на ввозе хлопчатобумажной пряжи, которая стала производиться на фабриках, возникших в Бомбее, Нагпуре, Ахмадабаде и других городах.

Сипайское восстание

К середине XIX в. в Индии накопился значительный антибританский «горючий материал». Разорение миллионов ремесленников в результате импорта английских товаров привело к упадку городов и росту пауперизма. Социальные преобразования воспринимались как злонамеренное разрушение исконных обычаев. Аннексии ряда княжеств вселяли в умы всех индийских вассальных князей чувство неуверенности в завтрашнем дне и восстанавливали их против англичан. Ликвидация княжеств приводила к росту «безработицы» бывших придворных и войск. Продажа земли с аукционов за недоимки по налогам особенно сильно возбуждали заминдаров Северо-Западных провинций, которые имели давние воинские

традиции, в частности, поставляли сипаев в англо-индийские войска. Развертывание христианской миссионерской деятельности после 1813 г. воспринималось как явное свидетельство того, что колонизаторы задумали окрестить всех индийцев.

В этой обстановке англичане приступили к перевооружению армии: введению новых, более скорострельных ружей (так называемых ружей Энфилда). Патроны к этим ружьям представляли собой бумажные пакетики, пропитанные неким жиром. Край этого пакетика надо было при зарядке ружья откусывать зубами. Индусы стали подозревать, что это говяжье сало, а мусульмане — что свиное. Как известно, религия запрещает индусам есть говядину, а мусульманам — свинину. Введение новых патронов воспринималось как провокация, которая приведет в утрате индийцами их религий.

Вооруженные силы Ост-Индской компании в 1857 г. составляли 280 тыс. человек, из них только 45,5 тыс. были англичанами. В каждом из президентств была своя армия. Наиболее крупной и боеспособной была Бенгальская армия (170 тыс. человек, из них 30 тыс. англичан).

Произошло несколько выступлений сипаев, отказывавшихся брать новые патроны и, таким образом, не подчинившихся офицерам. Англичане легко подавляли эти мелкие мятежи, и они не насторожили власти. Восстание вспыхнуло неожиданно.

10 мая 1857 г. взбунтовались сипайские полки гарнизона Мератха, к северу от Дели. Несколько английских офицеров были убиты, остальные забаррикадировались в казарме. На следующий день сипаи были уже в Дели, где жил могольский император Бахаду Шах, которому было 82 года и который уже давно не имел никакой власти и интересовался только поэзией. Восставшие провозгласили его своим падишахом и объявили о восстановлении Могольской империи.

Британцам удалось уже 8 июня начать осаду Дели. Однако за это время возникло еще несколько очагов восстания, его активно поддержало население, и колониальная власть фактически оказалась уничтоженной на всем пространстве Северной и части Центральной Индии.

Помимо Дели центрами восстания стали Ауд, где английский отряд был осажден в Лакхнау — столице бывшего княжества; Канпур, где во главе войск и населения встал Нана Сахиб, приемный сын последнего маратхского *пешвы*; Центральная Индия, где действовали отряды, подчинявшиеся бывшей княгине (*рани*) княжества Джханси по имени Лакшми-Бай.

Очаги восстания имели определенную связь и формально подчинялись

Бахадур Шаху. Однако подлинной координации вооруженных действий между разными вождями не было. Англичанам удалось, собрав все наличные силы, ликвидировать очаги восстания поодиночке.

Восстание отличалось необыкновенной жестокостью с обеих сторон. Англичане уничтожались на мятежной территории вне зависимости от пола и возраста. Английские войска, восстанавливая колониальную власть, вешали и расстреливали всех подряд без какого бы то ни было выяснения степени вины захваченных в плен, часто применяя при этом жестокие пытки.

Восстание 1857–1859 гг. не имело перспектив. Индия еще не представляла собой единого государства и общества. Политическое единство только что было создано колонизаторами, но оно еще не было осмыслено массами. Восстание охватило обширную территорию, но все же лишь один из районов. Панджаб в целом и сикхи, в частности, не поддерживали восстания сипаев. Бенгалия и Южная Индия тоже остались спокойными. Руководство восстанием находилось в руках традиционной индийской элиты, не готовой к руководству военными операциями. Пассивная тактика, отсутствие плана военных действий, разобщенность очагов восстания, отсутствие разведки и контрразведки; превосходство европейской военной организации — все это пагубно сказалось на ходе сражений.

Объективно говоря, восстание привело к укреплению английской власти над Индией.

1 ноября 1858 г. королева Виктория в специальной прокламации провозгласила ликвидацию Ост-Индской компании и Могольской империи и переход Индии под свое прямое управление. Объявлялось, что создается «Индийская империя» во главе с королевой-императрицей. Индийцам гарантировались равные права со всеми остальными подданными королевы, а также декларировались гарантии прав собственности и владельческих прав князей. Некоторые княжества были возвращены приемным сыновьям прежних князей. Начались административные, военные, судебные, арендные реформы.

Индия под властью Британской короны

Вопросами управления Индией стал ведасть статс-секретарь (министр) по делам Индии и Бирмы. В Индии императрицу представлял генерал-губернатор, он же вице-король. Несмотря на изменение формы правления,

политика англичан в Индии сохранила значительную преемственность.

Англичане продолжали политику расширения своих владений в Азии. В продвижении России в Средней Азии они увидели угрозу своим интересам в Индии и решили превратить Афганистан в буферное государство между своими и российскими владениями. Воспользовавшись предложением — пребыванием в Кабуле миссии генерала Н.Г. Столетова — они развязали Вторую англо-афганскую войну (1878–1880). Она, как и первая, оказалась весьма упорной, но все же Англии удалось обеспечить себе некоторые возможности контролировать афганскую политику. А в 1893 г. была достигнута договоренность о границе между Афганистаном и «полосой племен», отошедшей к Британской Индии. Была проведена так называемая «линия Дюранда», которая до сих пор служит (весьма зыбкой) границей между Афганистаном и Пакистаном.

В ноябре 1885 г. в результате третьей англо-бирманской войны вся территория Бирмы была включена в Британскую Индию на правах провинции.

Попытки проникнуть в Тибет и установить там влияние Великобритании окончились неудачно, так как против этого решительно выступили и Китай, и Россия. Англии пришлось признать Тибет частью Китая.

Соглашение о разделе сфер влияния на Среднем Востоке между Англией и Россией от 1907 г. окончательно разрешило геополитические противоречия между державами в этом районе земного шара.

После сипайского восстания был проведен ряд реформ, которые упрочили власть британцев. Прежде всего была **реформирована сипайская армия**. Доля англичан в войсках была увеличена по отношению к индусам и мусульманам. Вся артиллерия была поставлена под английский контроль. Стали более внимательно следить за соотношением в армии представителей разных каст и конфессий. Были расширены возможности продвижения по службе для индийских офицеров. Эти реформы оказались удачными: сипайская армия сохраняла верность англичанам вплоть до периода независимости.

С 1858 г. стала осуществляться **реформа системы управления**. Посты в Индийской гражданской службе предоставлялись только тем, кто сдавал довольно сложные экзамены. К экзаменам допускались все желающие, в том числе и индийцы. Но экзамены надо было сдавать в Лондоне, на английском языке и в возрасте до 23 лет. В 1876 г. предельный возраст для сдачи экзаменов был даже понижен до 19 лет. Несмотря на эти препоны, доля индийцев в аппарате управления стала увеличиваться. К моменту

достижения независимости в 1947 г. индийцы занимали более половины высших административных постов.

В 1861 г. появились **«Законодательные советы»** при вице-короле, губернаторах трех президентств и губернаторах Северо-Западных провинций и Панджаба. Вопреки названию они имели только совещательные функции. Половина членов советов должна была быть не чиновниками. В 1892 г. права советов были расширены. Теперь они уже могли выражать свое мнение о бюджете (без права голосования) и подавать запросы правительству. Число нечиновных членов советов увеличилось. Все они назначались, но если оказывались вакансии, их могли заполнять представители муниципалитетов и дистриктных «управлений». Так появились основы выборности членов советов, которые постепенно расширялись.

В 1861 г. была произведена **судебная реформа**, которая объединила суды двух типов в один. К этому времени появились уже судьи-индийцы, получившие юридическое образование в университетах. В каждом президентстве был учрежден один Верхний суд. На практике судьи-индийцы могли судить лишь местных жителей, а европейцы, если совершали преступления, подлежали суду во главе с европейцем. В 1882 г. было провозглашено равенство всех подсудимых вне зависимости от расы, но была сделана оговорка, что если британца судил индиец, первый мог требовать суда присяжных, т. е. белых.

После земельно-налоговых устроений англичан конца XVIII — начала XIX в. в Индии возникла юридически оформленная частная собственность на землю. Первоначально она была ограничена необходимостью уплачивать высокий поземельный налог и некоторыми другими правилами. Но после Сипайского восстания англичане отказались от попыток серьезных пересмотров ставок налога, и он стал реально уменьшаться благодаря некоторому развитию хозяйства и росту цен в результате падения стоимости серебра.

Но низкое обложение сельского хозяйства не повлекло за собой бурного развития этой отрасли. Индийские помещики использовали их растущие богатства не на развитие производства, а на разного рода непроизводительные траты. Тем не менее весь XIX в. наблюдается устойчивое развитие и рост аграрного сектора Индии.

Британцы стали разрабатывать **законы, которые защищали бы арендаторов** от всевластия крупных земельных собственников. Арендатор, если он обрабатывал один и тот же участок земли без перерыва в течение 12 лет, получал на него право «защищенной аренды» (occupancy right,

оссурансу tenancy). Это означало, что его нельзя было согнать с земли, пока он платит прежнюю ренту, а ренту нельзя было увеличить без решения суда, в котором нужно было доказать, что собственник стал платить больший налог или попал в тяжелые обстоятельства по иным причинам. С арендатора, снимавшего одну и ту же землю 20 и более лет, арендная плата вообще не могла быть повышена. К началу XX в. большая часть арендованной земли находилась в руках «защищенных» арендаторов.

К середине XIX в. англичане поняли, что для нормального развития сельского хозяйства надо развивать ирригацию. Развернулось широкое строительство каналов, особенно в Панджабе и Синде.

Британцы долгое время не предпринимали никаких мер по борьбе с голодом, который регулярно возникал в той или иной провинции в результате засух, наводнений или других стихийных бедствий. Только в 1900 г. лорд Керзон создал специальную комиссию по борьбе с голодом, и в XX в. колониальные власти начали уже следить за ситуацией и принимать некоторые меры.

Религиозные реформаторские движения

В Индии начались процессы в духовной жизни, напоминавшие по форме европейские Реформацию и Просвещение.

Первым религиозным и социальным реформатором и просветителем в Индии стал **Рам Мохан Рай** (1772–1833), происходивший из богатой брахманской заминдарской семьи. Он получил традиционное индусское и мусульманское образование. Писал на персидском, санскрите, бенгальском, хинди и английском. В 1828 г. основал общество «Брахмо сабха», которое потом стало называться «Брахмо самадж».

Он провозглашал необходимость возврата к «истинному индуизму», к Ведам (он понимал под ними Упанишады). Но его фундаментализм содержал значительный просветительский заряд. Рам Мохан Рай заявлял, что религиозному человеку не нужны жрецы, обряды, паломничества, жертвоприношения, магия, а аскетизм попросту аморален; высшим критерием истины является разум; основным методом постижения истины должен быть здравый смысл; главное — это самоусовершенствование, внутренняя религиозность, внутренняя духовность. Он также считал, что кастовая система не имеет религиозного обоснования, и отвергал кастовые запреты.

Позже прозвучали проповеди **Даянанды Сарасвати** (1824–1883). Он,

как и Рам Мохан Рай, призывал вернуться к Ведам, понимая под ними четыре *самхиты*, сборники гимнов и заклинаний. Он отвергал все европейское, но также и одиозные индусские обычаи — касты, особенно неприкасаемость, детские браки, приниженные положения вдов, запрещение уезжать за море и т. п. Он утверждал, что в Ведах Бог един, хоть и имеет много имен. В основанное им общество «Арья Самадж» («Общество ариев») принимали неприкасаемых целыми районами.

Его проповеди содержали просветительские и социально-реформаторские идеи и потому могли бы быть развиты в духе прогресса. Переводя древние тексты на современный язык, он утверждал, что в них содержится призыв к государственной независимости и самоуправлению. Но в начале XX в. деятельность арьясамаджистов приобрела в основном антимусульманскую направленность.

Существенно иным было направление в религиозной мысли, основанное **Рамакришной Парамахамсой** (1836–1886), жрецом в храме Кали вблизи Калькутты (Колкаты). Он пытался соединить реформаторские по существу идеи с традиционным индуизмом и считал все способы почитания Высшего существа приемлемыми и действенными. Его ученик **Свами Вивекананда** (1862–1902) был, безусловно, самостоятельным мыслителем, но постоянно утверждал, что лишь развивает идеи своего учителя.

Вивекананда получил всемирную известность, выступив с яркими речами на Всемирном Парламенте религий, созванном в Чикаго в 1893 г. После триумфальной поездки с лекциями по США и Европе, он в 1897 г. вернулся в Индию и основал религиозно-реформаторскую и благотворительную организацию «Миссия Рамакришны», которая существует по сей день.

Он развил мысль своего учителя, что все религиозные практики правомочны, они составляют три стадии. Низшая — поклонение идолам и следование обрядам. Средняя — любовь к богу, выражающаяся в обрядах, песнях и танцах. Высшая — абстрактное почитание Абсолюта.

Вивекананда не участвовал в политических движениях. Но все его речи и статьи проникнуты антиколониализмом и призывами к свободе. Самостоятельность, независимость личности, даже ее обоготворение также пронизывает его писания. Поэтому он был особенно популярен у радикально настроенной молодежи.

В результате деятельности религиозных реформаторов XIX в. возник так называемый «**неоиндуизм**», который отвечал духовным потребностям человека современного склада ума — предпринимателя, инженера,

рабочего. Причем этот индуизм не откололся от традиционного, средневекового по всем параметрам (подобно тому, как в Западной Европе протестантизм откололся от католицизма), а остался «в лоне» индусского религиозного конгломерата и явно влияет в той или иной мере на всех индусов (впрочем, влияние это обоюдное).

Попытки реформирования ислама в XIX в. тоже наблюдаются почти во всех мусульманских странах. В Индии эти попытки имели особенности, связанные с тем, что мусульмане составляли меньшинство населения, к тому же в результате английского завоевания были оттеснены не только от политической власти, но и от возможностей образования, служебной карьеры и т. п. В 1870-х годах, например, мусульмане составляли 22,4 % населения, но среди студентов их было 4 %, а среди служащих-индийцев — 12 %.

Основателем мусульманского возрожденческого движения стал **Сайид Ахмад-хан** (1817–1898). Он служил в колониальном аппарате судьей. Титул сэра получил за то, что спасал англичан во время Сипайского восстания. Его деятельность счастливо для него совпала с изменением британской политики в отношении мусульман, а именно со стремлением колонизаторов привлечь к себе мусульман в условиях усиления антианглийского брожения, в котором участвовали главным образом индусы.

Сайид Ахмад-хан видел пути возрождения своей общины в реформировании ислама, в принципе свободы толкования Писания, в отбрасывании отживших норм, следовании доводам разума и «духу времени». По его инициативе основывались современные школы для мусульман, на урду переводилась западноевропейская литература. Правоверные муллы впоследствии объявили Сайида Ахмада-хана еретиком.

Особую роль в формировании ментальности индийской интеллигенции сыграло **Теософское общество**, основанное Е. Блаватской в 1875 г. В 1879 г. центр деятельности этого общества был перенесен из США в Индию. Е. Блаватская и ее верный соратник полковник Генри Олкотт провозгласили презумпцию истинности всех религий и необходимость познания основ, истоков всех религий с научной точки зрения. Они увидели эти истоки именно в индийских религиях. На ежегодных съездах Теософского общества и на заседаниях местных организаций (а их к 1884 г. стало более сотни) встречались англичане, интересующиеся религией и индийской культурой, и образованные индийцы. Именно на заседаниях Теософского общества европейски образованные индийцы учились уважать свою религию и гордиться ею.

Именно среди индийцев-теософов возникла идея о создании политической организации, которая могла бы выражать интересы просвещенной части индийского общества.

Возникновение светского национализма

Социальная база светского национализма в Индии была довольно слаба. Зачатки буржуазии и интеллигенции появились в начале XIX в., но обе эти группы представляли очень узкий слой населения. Постепенно складывалась индийская интеллигенция, получившая образование европейского типа.

Но глобальная ситуация толкала индийские интеллектуальные круги к осознанию национальных интересов. Индийское национальное движение начиналось в период подъема национализма по всему миру. Возникали новые государства в результате распада Испанской, Португальской и Османской империй. Все эти события действовали на Индию и как пример для подражания, и как источник идейных поисков.

Начало формирования общеиндийского национализма можно датировать 1851–1852 гг., когда возникли «Ассоциация Британской Индии» в Калькутте, «Бомбейская ассоциация» и «Туземная ассоциация» в Мадрасе. Они установили между собой связь и иногда выступали с едиными инициативами: предлагали оказывать помощь развитию индийской национальной промышленности; ввести высокие импортные пошлины, чтобы защитить местное производство; способствовать созданию в Индии системы современного кредита; повсюду в Индии зафиксировать размер земельного налога; расширить состав Законодательных советов при губернаторах и увеличить в них число избираемых членов; разрешить сдачу экзаменов для поступления в Индийскую гражданскую службу не только в Англии, но и в Индии и увеличить предельный возраст для сдачи таких экзаменов. Эти просьбы обычно оставлялись без ответа.

В 1883 г. в Калькутте состоялась Индийская национальная конференция, впервые сформулировавшая эти просьбы-требования в виде единой программы.

В Бомбее также образовалась группа лиц, задавшаяся целью методами убеждения добиться большей роли индийцев в политической жизни. В ней участвовали как индусы, так и мусульмане и парсы. Среди них можно упомянуть религиозного реформатора, бизнесмена, политика и экономиста

Дадаб-хай Наороджи (1825–1917), судьё М.Г. Ранаде (1852–1904), юриста Г.К. Гокхале (1866–1915). Этих деятелей потом назовут «умеренными» (moderates), поскольку они ограничивали свою деятельность конституционными методами и не считали необходимым развертывание массового движения.

В 1885 г. по инициативе ряда членов Теософского общества в Бомбее был созван Индийский национальный конгресс, который задумывался как прообраз будущего индийского парламента. Приехать на Конгресс мог любой желающий. Единственным условием было хорошее знание английского языка.

Основной формой функционирования Конгресса в первые 20 лет его существования были именно конгрессы, т. е. ежегодные (обычно в период Рождественских каникул) съезды, делегаты на которые посылались местными общественными организациями (постепенно вводились некие правила выдвижения делегатов). Основным способом выражения мнения оставались резолюции-петиции, направлявшиеся затем в правительство Индии или в Парламент Великобритании. Поскольку власти не обращали на эти обращения большого внимания, петиции раз за разом повторяли друг друга, накапливая лишь раздражение с обеих сторон.

Содержание петиций сводилось к тем же идеям, которые ранее выражали «Индийские ассоциации». Серьезным недостатком деятельности Конгресса на всем протяжении колониального периода было невнимание к проблеме многоконфессиональности и многокастовости Индии. Будучи почти исключительно индусами, в большинстве своем брахманами (с небольшой прослойкой парсов), лидеры ИНК были уверены, что представляют весь индийский народ. Между тем мусульмане вовсе не считали их своими представителями. Не видели в брахманах-юристах своих вождей и низшие касты.

Более радикальное направление возглавлял журналист Бал Гангадхар Тилак (1856–1920). Став радикалом в политике, он остался консерватором в социальных вопросах: отстаивал кастовую систему, высокое положение брахманов, стоял за сохранение индусских обычаев, в частности, за ранние браки девочек. Основной формой борьбы в тот период он считал бойкот английских товаров. Тилака и его сторонников стали называть «экстремистами».

Тилак проводил массовые квазирелигиозные праздники в честь бога Ганеши (с 1893 г.), придавая им политическую окраску. Частью его пропаганды стали и празднества в честь Шиваджи (с 1895 г.) — героя маратхского народа, который боролся за независимость против Моголов.

Эти праздники имели явную антиколониальную направленность. Однако религиозные методы мобилизации масс отталкивали представителей других конфессий, прежде всего мусульман. В 1893 г. в Бомбее произошла страшная индуско-мусульманская резня, спровоцированная сторонниками Тилака.

Пробуждение Индии

Колониальные власти проявили близорукость, не увидев в лице индийцев, составлявших умеренное крыло Конгресса и воспитанных на идеалах европейской демократии, своих союзников и партнеров по управлению Индией (последние в то время на большее не претендовали). Со временем деятельность Конгресса вызывала все большее раздражение властей.

В 1899 г. вице-королем Индии был назначен лорд Дж. Н. Керзон (1859–1905), энергичный защитник имперских интересов, довольно широко понимавший свои задачи как правителя Индии. Он считал, что именно английская власть наилучшим образом выражает интересы индийского народа. Керзон назначил комиссию по борьбе с голодом, основал первые кредитные кооперативные общества, активизировал археологическую работу, создав специальный Департамент археологии при своем правительстве; снизил налог на соль и подоходный налог. Он, кажется, был единственным вице-королем, который пытался наказывать англичан за жестокое обращение с индийцами. Он прекратил непосредственное вмешательство Британской Индии в дела Афганистана; требовал и иногда добивался того, чтобы индийские войска, используемые вне Индии, оплачивались не из индийского бюджета, а за счет имперской казны; резко возражал против увеличения жалованья английским офицерам за счет индийского бюджета; требовал защиты прав индийцев в Южной Африке.

Но он же не скрывал презрения к индийской интеллигенции; ввел некоторые цензурные ограничения для газет; ограничил автономию университетов; сократил представительство индийцев в муниципалитете Калькутты.

Уже уезжая из Индии, лорд Керзон, невзирая на протесты общественности, в 1905 г. произвел административную реформу, разделив провинцию Бенгалию на Западную и Восточную. Произведенный раздел не только разрезал территорию единого народа бенгальцев, но и приводил к

образованию провинции, большинство населения которой составляли мусульмане. Он был воспринят как проявление политики «разделяй и властвуй».

На сессии в декабре 1905 г. Конгресс призвал к борьбе против раздела Бенгалии. В качестве метода борьбы был избран бойкот английских товаров, выраженный лозунгом *свадеш* («отечественный», имелась в виду пропаганда покупки исключительно отечественных товаров). Одновременно появился лозунг *сварадж* («самоуправление»), который расшифровывался как «стремление к получению статуса доминиона».

Конгресс стал превращаться в политическую партию. В провинциях были созданы постоянно действующие комитеты Конгресса, начали возникать также комитеты в ряде дистриктов.

Бойкотирование лавок с английскими товарами и демонстрации протеста на территории Бенгалии прошли достаточно массово. Однако в 1907 г. движение стало выдыхаться, и умеренное крыло Конгресса, вновь провозгласив целью достижение *свараджа*, решило, тем не менее, движение прекратить. Это вызвало раскол Конгресса. Тилак увел своих сторонников с заседания и в своих газетах еще более ужесточил призывы бороться с англичанами. Он был арестован и приговорен к шести годам тюрьмы. Англичанам удалось справиться с этим первым подъемом массовой национально-освободительной борьбы.

Борьба против раздела Бенгалии имела противоречивые последствия. С одной стороны, она ознаменовала принципиальный разрыв даже умеренных национальных лидеров с колониальной властью. Лоялистские настроения в отношении англичан практически исчезли. В движение впервые включились довольно массовые слои индийского городского населения. Произошло «пробуждение Индии», каким бы ни было оно тогда ограниченным.

С другой стороны, та же борьба проложила грань, которая оказалась впоследствии непреодолимой, между основными религиозными общинами Индии. Национальный конгресс, отстаивая единство Бенгалии, вольно или невольно встал на сторону индусских заминдаров, владевших землями в Восточной Бенгалии, не считаясь с интересами мусульманских крестьян. Наиболее негативную роль в расколе национального движения по конфессиональным линиям сыграл не раздел сам по себе, а борьба против него.

В 1906 г. в Дакке, столице Восточной Бенгалии, была создана Мусульманская лига — партия, поставившая своей целью защиту политических прав мусульман. В ответ активизировалась деятельность

индусских коммуналистских (т. е. религиозно-общинных) организаций «Шри Бхарат Дхарма мандал» («Круг дхармы благородной Индии»), «Хинду махасабха» («Великое собрание индусов») и др.

В среде индусских коммуналистов в начале XX в. возникло радикальное крыло. В Махараштре руководителями радикальных организаций были братья Саваркары. Один из них, Винаяк Дамодар Саваркар (1883–1966), позднее сыграл крупную роль в идеологическом оформлении индусского коммуналистского движения. В 1910 г. его арестовали и приговорили к пожизненной каторге.

В Бенгалии в начале XX в. действовали две подпольные организации, призывавшие к террористическим методам борьбы: «Джугантар» в Калькутте и «Анушилон Самити» в Дакке. С ними был связан Ауробиндо Гхош (1872–1950), ставший впоследствии известным религиозным проповедником. Несколько раз его привлекали к суду в связи с террористическими актами, но не могли доказать его непосредственное в них участие. Неожиданно в феврале 1910 г. он оставил политическую деятельность, укрылся во французском владении Шандернагоре и провел последние почти 40 лет жизни в Пондишери, занимаясь проблемами религии и морали.

В 1908–1910 гг. большинство революционеров-террористов были арестованы, другие вынуждены были уехать из страны.

Стабилизация колониального режима накануне Первой мировой войны

Наряду с репрессиями колонизаторы использовали также метод уступок. В августе 1907 г. два индийца, индус и мусульманин, были введены в состав Совета при министре по делам Индии в Лондоне. В 1909 г. был принят новый «Закон об управлении Индии», который в литературе получил название реформы Морли-Минто по фамилиям статс-секретаря по делам Индии и вице-короля. По этому закону при генерал-губернаторе создавался Имперский законодательный совет из 68 членов, из них лишь 25 попадали туда в результате процедуры, напоминавшей выборы. Среди избираемых депутатов не менее 6 должны были быть мусульманами. Совет получал право обсуждать бюджет и принимать резолюции по нему и другим вопросам, за исключением касающихся армии, внешних сношений и отношений с княжествами. Эти резолюции не были обязательными для исполнения правительством, а носили характер рекомендаций.

Законодательные советы в провинциях также были расширены, и в них вводилось большинство избираемых членов. Все выборы были не прямыми, а двух- и трехступенчатыми. Высокие имущественные и образовательные цензы ограничивали число избирателей пятью-шестью тысячами.

Наиболее серьезным и противоречивым по последствиям новшеством стало введение куриальной системы, обеспечивавшей некоторые преимущества для мусульманской верхушки.

Все же реформа, как и репрессивные меры, привели к установлению определенного спокойствия. Годы между 1908 и началом Первой мировой войны можно рассматривать как период консолидации колониального режима. Казалось, что англичане справились с основными проблемами, и их власть незыблема как никогда.

Демонстрацией незыблемости стал визит в Индию (впервые в истории) английского короля (одновременно — императора Индии) Георга V в 1911 г. В этом последнем качестве он был коронован в Дели на пышном съезде всех вассальных князей (*дарбаре*). На приеме он объявил, что столица Британской Индии переносится из Калькутты в Дели и что раздел Бенгалии отменяется. Вскоре индийским офицерам было облегчено продвижение по службе, им разрешили получать английские военные награды и ордена.

Однако подспудно происходила такая перегруппировка сил, которая вскоре после войны поставила колонизаторов перед практически неразрешимыми проблемами. Прежде всего англичане стали терять свои позиции среди мусульман. Отмена раздела Бенгалии рассматривалась ими как «предательство» со стороны колониальных властей и значительно подорвала лояльность Мусульманской лиги. Лига стала дрейфовать в лагерь национально-освободительного движения. К руководству Лиги пришли новые люди, некоторые из них были одновременно членами Конгресса. В 1913 г. Лига выдвинула требование предоставления Индии статуса доминиона. Таким образом, программные установки Конгресса и Лиги стали по существу идентичными.

Консолидировался и Конгресс. Начали восстанавливаться связи между «умеренными» и «крайними». «Крайние» стали отказываться от насильственных методов борьбы, а «умеренные» усвоили значение массовых движений. В 1912 г. был принят новый устав Конгресса. Впервые были разработаны правила избрания делегатов на ежегодные сессии. Целью было провозглашено «достижение самоуправления в составе Британской империи конституционными средствами». Национально-

освободительное движение находилось на пороге нового подъема.

Начало XX в. ознаменовалось дальнейшим развитием индийской экономики. Страна все увереннее становилась частью мировых экономических и хозяйственных связей, процесс модернизации и капиталистической трансформации Индии вышел на качественно иной уровень.

Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии

Консульство и империя

Вскоре после государственного переворота 18–19 брюмера, вознесшего генерала Наполеона Бонапарта на вершину власти, был обнародован проект новой конституции. Вынесенный на всенародное одобрение (плебисцит), он получил поддержку большинства избирателей, во многом благодаря многочисленным подтасовкам и злоупотреблениям угодливых чиновников.

Формально в основе Конституции 1799 г. (VIII года республики) лежал принцип разделения властей. Но фактически законодательная власть была поставлена в зависимость от исполнительной, которая вручалась трем консулам, назначаемым на 10 лет одной из законодательных палат — Сенатом. При этом в руках первого консула были сосредоточены самые широкие полномочия: назначение министров и других должностных лиц (гражданских и военных), командование армией, заключение международных договоров и пр. Первому консулу также принадлежало право законодательной инициативы. Законодательным палатам оставалось только готовить проекты законов (Государственный совет), обсуждать их (Трибунат) и голосовать без обсуждения (Законодательный корпус). Вводил закон в действие также первый консул. Конституция восстанавливала всеобщее избирательное право. Но на практике его применяли в редких случаях, когда какой-нибудь вопрос выносился на всенародное одобрение. Фактически основные институты власти формировались минуя выборы: консулы назначали членов Сената, сенаторы — членов Трибуната и Законодательного корпуса и т. д. Таким образом, все звенья государственной власти находились под контролем исполнительной власти и лично первого консула.

Элита республиканских политиков в целом сочувствовала стремлению Бонапарта к единоличной власти, нашедшему выражение в конституции. Ее члены опасались крайностей как гражданской войны и революционного террора, так и роялистской контрреволюции. Они уже давно мечтали о «твердой руке», диктаторе, который обеспечил бы порядок и спокойствие внутри Франции, а также ее защиту от внешних угроз. Бонапарт вполне оправдал их ожидания. 24 декабря 1800 г. он едва избежал гибели от взрыва «адской машины» на улице Сен-Никез. После этого на всех заведомых врагов существующего порядка обрушились суровые репрессии. 130 видных якобинцев без суда и следствия сослали в Гвиану. Затем по подозрению в заговоре с целью восстановления монархии схватили и отдали под суд роялистов. Многие из них были казнены, в том числе легендарный предводитель вандейских повстанцев Жорж Кадудаль.

Первый консул резко усилил централизацию государственного управления. Он отменил выборность глав местной администрации и резко ограничил их самостоятельность. Он лично назначал префектов департаментов и мэров городов с населением свыше 5 тыс. человек. Представительные учреждения — департаментские, окружные, муниципальные советы — обладали лишь совещательными функциями. Их членов назначали первый консул или префекты. Особенно сильно ущемлялись права Парижа. Должность мэра французской столицы и общегородской муниципалитет были вовсе упразднены. Париж в административном отношении подчинялся теперь префекту столичного департамента Сена, причем охрана общественного порядка вверялась особому должностному лицу — префекту полиции. Отменил Бонапарт и выборность судей. Он сам назначал членов всех судебных коллегий, которые получали государственное жалованье. Административную централизацию дополняли меры по усилению полицейского контроля над всеми сторонами общественной жизни. Одной из первых жертв этого наступления на права и свободы граждан стала пресса. Хотя формально цензура печати отсутствовала, фактически ее осуществлял министр полиции Жозеф Фуше.

Одновременно под руководством Бонапарта шла кропотливая работа по упорядочению законодательства с учетом новых принципов и норм права, которые утвердились во Франции со времени революции. В 1800 г. была образована комиссия по созданию свода гражданских законов, а в марте 1804 г. — опубликован Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона). Он закрепил в качестве основы законодательства знаменитые «принципы 1789 г.» — свободу личности, равенство граждан перед законом, свободу

совести, труда и светский характер государства. Под предлогом защиты свободы труда был оставлен в силе закон Ле Шапелье 1791 г., запрещавший «коалиции» рабочих и работодателей. Наряду с Гражданским кодексом велась работа по составлению ряда других сводов законов, среди которых наиболее важными были Коммерческий (1807) и Уголовный (1810) кодексы.

Стремление к наследственной власти возникло у Бонапарта под влиянием конституционных монархистов из его окружения, таких, как министр иностранных дел Шарль Морис Талейран. Первый консул постарался использовать в своих интересах авторитетные институты старой монархии, католическую церковь и дворянство. В июне 1801 г. с папой римским был подписан Конкордат (договор), согласно которому католицизм признавался «религией огромного большинства французских граждан», а церковь отказывалась от претензий на утраченное в годы революции имущество. После заключения 27 марта 1802 г. Амьенского («всеобщего») мира с Великобританией Бонапарт сделал следующий шаг. По случаю «всеобщего и церковного мира» во Франции была объявлена амнистия эмигрантам. Они получали право на возврат имущества, конфискованного во время революции, правда, при условии, что оно не перешло в руки новых владельцев. Позаботился Бонапарт и о создании нового, преданного только ему дворянства. В мае 1802 г. был учрежден Почетный легион. Его члены, наделенные некоторыми имущественными привилегиями, должны были составить аристократию будущей монархии.

Тогда же, в мае 1802 г., Бонапарт принял титул пожизненного консула. Эта мера вплотную подвела его к черте, отделяющей консульскую республику от монархии. Чтобы перейти эту черту, недоставало только серьезного повода. Возобновление в 1803 г. войны с Великобританией, так и не примилившейся с территориальными завоеваниями Франции, облегчило Бонапарту осуществление его замыслов. В начале 1804 г., в разгар подготовки к вторжению на Британские острова, французская полиция раскрыла роялистский заговор, во главе которого якобы стоял некий французский принц.

Герцог Энгиенский, младший в роду Конде, мирно проживавший в Бадене, близ французской границы, был похищен, предан суду военного трибунала и расстрелян, несмотря на то что отрицал свое участие в заговоре.

Как по команде, в адрес Бонапарта посыпались обращения граждан, призывавших установить наследственность высшей власти и основать новую династию в целях защиты «их существования, собственности и

родины». Делая вид, что уступает общественному мнению, 18 мая 1804 г. Бонапарт принял императорский титул. 2 декабря 1804 г. в соборе Парижской Богоматери состоялась церемония коронации, для участия в которой приехал папа римский Пий VII. По этому случаю в очередной раз была переписана конституция. Вынесенная на плебисцит, она была одобрена подавляющим числом голосов. Согласно Конституции 1804 г. (XII года республики), ресубликанский образ правления во Франции сохранялся: «Управление республикой поручается императору, который получает титул императора французов». Но этот титул передавался по наследству, подобно королевскому, — в «законном» мужском потомстве в порядке первородства. При этом государственное устройство почти не изменилась. Лишь в 1808 г. Франция официально стала именоваться империей.

Император Наполеон быстро восстановил, наряду с титулом, и другие атрибуты монархического правления. Его окружал пышный двор, королевские дворцы и замки — Тюильри, Фонтенбло, Сен-Клу и др. — были превращены в императорские резиденции. Завершилось формирование дворянства империи. Дореволюционные дворянские титулы, упраздненные еще в 1790 г., так и не были восстановлены. Зато учреждались новые титулы, которыми император вознаграждал своих подданных за верность, причем особенно щедро — за военную службу. Постепенно сложилась иерархия титулов дворян империи: князья, герцоги, графы, бароны. В 1808 г. к дворянству империи был окончательно приравнен Почетный легион: его члены получили наследственный титул шевалье (кавалера). Создание дворянства империи не привело к восстановлению сеньориальных отношений и повинностей крестьянства.

Начиная с 1803 г. наполеоновская Франция непрерывно вела войны с европейскими государствами. С ее стороны эти войны носили ярко выраженный захватнический характер. В них Наполеон проявил себя выдающимся полководцем, — но, скорее, замечательным тактиком, превосходящим противника на поле боя, чем дальновидным стратегом, способным просчитать последствия своих действий. На его счету ряд блестящих побед — под Аустерлицем (1805), Йеной и Ауэрштедтом (1806), Фридландом (1807), Ваграмом (1808). Но он допустил и немало стратегических просчетов, начиная с вторжения в Португалию (1807) и Испанию (1808) и, конечно же, в Россию (1812). Его стратегические ошибки в конечном счете обесценили плоды тактических побед. К тому же в долгосрочной перспективе гораздо большее значение, чем любая из них, имел разгром объединенного франко-испанского флота в морском сражении

при мысе Трафальгар (1805).

К началу второго десятилетия Наполеон достиг пика своего могущества. Многочисленные «дочерние республики», созданные еще Директорией в Центральной и Южной Европе, были им частично упразднены и присоединены к Франции. Возникла «великая империя», население которой в 1811 г. насчитывало 44 млн человек. Но чем дальше, тем больше Наполеона тревожила мысль о наследнике. С 1796 г. он был женат на Жозефине Богарне, которая одновременно с Наполеоном была коронована императрицей. В 1809 г. Наполеон с ней развелся, поскольку у них не было общих детей. Его новая супруга Мария-Луиза, дочь австрийского императора Франца I, родила сына-наследника — Наполеона-Франсуа, известного также как Наполеон II или герцог Рейхштадтский.

Брак с Марией-Луизой позволил Наполеону занять достойное место среди легитимных монархов Европы. Но он стремился первенствовать среди них. С этой целью Наполеон без колебаний упразднял и создавал государства, низвергал и воздвигал троны, чтобы возвести на них своих братьев и сестер, а также других близких родственников. Старшего брата Жозефа он назначил королем сначала Неаполя (где его скоро сменил маршал Мюрат, зять Наполеона, женатый на его младшей сестре Каролине), потом Испании. Младшие братья Луи (женатый на Гортензии Богарне, падчерице Наполеона) и Жером получили титулы королей соответственно Голландии и Вестфалии. Старшая сестра Элиза стала герцогиней Тосканской, средняя Полина — герцогиней Гуасталльской. Своего пасынка Евгения Богарне император возвел в ранг вице-короля Италии (корону Итальянского короля он оставил себе), а малолетнему сыну даровал титул Римского короля. Только средний брат Люсьен, принципиальный противник наполеоновской тирании, не был им обласкован.

Государства «семейной» системы были полностью подвластны Наполеону. Он контролировал также протектораты — Рейнский союз, образованный в 1806 г., Великое герцогство Варшавское, созданное Наполеоном в 1807 г. и управлявшееся саксонским королем Фридрихом-Августом, а также Швейцарскую конфедерацию, восстановленную еще в 1803 г. Крупным и удаленным от Франции государствам Европы — Австрии, Пруссии, России, Дании, Швеции, Саксонии и др., — Наполеон навязан союзные договоры. В подвластных странах Наполеон покровительствовал реформам, проводимым в духе «принципов 1789 г.». Французское законодательство и административная система применялись в полном объеме на аннексированных территориях — в Нидерландах, на

левом берегу Рейна. Всюду, где он мог повелевать, упразднялись крестьянские повинности, церковная десятина, ремесленные корпорации. Однако за пределами «великой империи» — в государствах, формально сохранявших независимость, — завоеватели действовали осторожно, сообразуясь с настроениями местных элит — аристократии, крупных землевладельцев, городского патрициата.

Большое значение Наполеон придавал культурной экспансии Франции. Она выражалась прежде всего в расширении сферы применения французского языка, который еще в XVIII в. заслужил признание как средство общения европейских дипломатов. Наполеон попытался придать французскому языку статус официального в подвластных Франции странах. Он добился того, что даже в Германии и Италии на французском отправляли правосудие, издавали книги, газеты и журналы, в театрах ставили спектакли, преподавали в учебных заведениях.

Благодаря победам Наполеона возникло новое устройство Европы. На некоторое время было восстановлено политическое единство Запада, утраченное в Средние века. Более того, возникло даже некое подобие объединенного европейского рынка. 21 ноября 1806 г. Наполеон подписал в Берлине декрет о Континентальной блокаде, который запрещал торговлю и любые другие сношения с Великобританией. Подчиниться ему были обязаны все подвластные Франции и союзные с ней государства. Им не оставалось ничего другого, как искать новых торговых партнеров на континенте. Развитию хозяйственных связей между ними способствовали и реформы, в результате которых было упрочено право собственности, расширена свобода предпринимательской деятельности, обеспечено большее единообразие законов. Но все эти достижения были результатом не свободного выбора европейских правительств или народов, а грубого принуждения. На рынке Европы господствовали французские промышленники и негоцианты, пользовавшиеся широкими привилегиями. Континентальная блокада оказала противоречивое влияние на экономическое развитие самой Франции. С одной стороны, она способствовала началу технического переворота в хлопчатобумажной промышленности, обеспечив ей защиту от иностранной, прежде всего британской конкуренции. С другой стороны, она создала трудности с подвозом импортного сырья (хлопка, пряжи), равно как и многих потребительских товаров. Многочисленные жалобы промышленников и негоциантов на упадок торговли заставили Наполеона фактически узаконить контрабанду. Он разрешил выдавать купцам специальные «лицензии» на ввоз запрещенных товаров.

В начале XIX в. французская экономика быстро пошла в рост во многом потому, что начали приносить плоды меры, принятые с целью ее оздоровления еще Директорией. Но и Наполеон отчасти заслужил славу творца «экономического чуда» Первой империи. Прежде всего он изменил налоговую систему, подняв косвенные налоги (на табак, алкогольные напитки и т. д.), благодаря чему увеличилась доходная часть бюджета. Он также завершил реформу государственных финансов. В 1800 г. был образован Французский банк, который в 1803 г. получил монополию на эмиссию бумажных денег. Тогда же в обращение был введен серебряный франк, свободно обменивавшийся на бумажные деньги. В 1802 г. едва ли не впервые на памяти живущих поколений удалось сбалансировать расходную и доходную части государственного бюджета. Возобновилась выплата процентов по государственной ренте. Все эти перемены повысили доверие вкладчиков к национальной валюте и ценным бумагам. Оздоровление финансов способствовало росту инвестиций в хлопчатобумажную промышленность, что и позволило на самом деле приступить к ее технической реконструкции. Промышленная революция сделала свои первые шаги во Франции именно в годы Первой империи.

Французское общество при Наполеоне сохраняло во многом традиционный облик. Но по сравнению со «старым порядком» и революционной эпохой изменились правила, регулировавшие общественные отношения. Наполеоновская империя отвергла как аристократический принцип сословного неравенства, так и плебейский идеал равенства без бедных и богатых. В итоге возникло общество, сочетающее два конституирующих начала — равенство граждан в правах и их имущественное неравенство. Богатство, а не родовитость и знатность, стало главным индикатором общественного положения и личного преуспевания гражданина. А предпочтительными способами приобретения богатства — экономическая деятельность и государственная служба.

Поход в Россию, предпринятый Наполеонов в 1812 г., закончился гибелью его «великой армии». Разгромом в «Битве народов» 16–19 октября под Лейпцигом завершилась кампания 1813 г. Двадцать лет почти непрерывных войн (начиная с 1792 г.) обескровили Францию. Ее прямые безвозвратные потери составили около 1 млн человек. Страна устала от войны. Под любым предлогом, включая и членовредительство, молодежь уклонялась от военной службы. Против 350-тысячной армии союзников, которая в декабре 1813 г. ступила на французскую землю, Наполеон смог выставить не более 70 тыс. солдат. 30 марта 1814 г. войска союзников подошли к Парижу. Его защитники решили не испытывать судьбу и

сложили оружие. На следующий день император Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III во главе своих армий торжественно въехали во французскую столицу.

Наполеон, которого эти события застали в замке Фонтенбло, после долгих раздумий 6 апреля подписал отречение в пользу сына — римского короля. Но было уже поздно. Сенат по инициативе Талейрана еще 1 апреля сформировал временное правительство, а 3 апреля объявил о низложении Наполеона, виновного в «нарушении присяги и покушении на права народа, поскольку набирал в армию и взимал налоги в обход положений конституции». 6 апреля Сенат предложил корону брату казненного во время революции короля — Людовику XVIII. 11 апреля союзники заключили в Фонтенбло договор, отдававший в пожизненное владение Наполеону о. Эльбу в Средиземном море.

Реставрация

30 мая 1814 г. союзники подписали мир с правительством Людовика XVIII. Они проявили великодушие и не выставили ему счет за тот ущерб, который им причинили войны с Французской республикой и наполеоновской империей. По условиям договора Людовик XVIII отказался от притязаний на территории, захваченные французами во время этих войн, но сохранил в составе королевства Авиньон и графство Венессен, присоединенные к Франции до 1792 г.

Еще раньше в замке Сент-Уан состоялись переговоры Людовика XVIII с делегацией Сената. В результате между Бурбонами и представителями новой Франции был достигнут «исторический» компромисс относительно основополагающих принципов монархии: король царствует в силу Божественного права, но дарует своим подданным конституцию, ограничивающую его власть.

Уже 4 июня Людовик XVIII обнародовал конституционную хартию, которая в обоснование легитимности короля была датирована 19-м годом его правления. Хартия провозглашала принцип разделения властей, а также основные права и свободы граждан: гарантировала им равенство в уплате налогов и перед законом, свободу вероисповедания, мнений и печати, а также неприкосновенность собственности, включая национальные имущества, приобретенные во время революции. Личность короля объявлялась в хартии «священной и неприкосновенной». Как «высшему главе государства», королю вручалась вся полнота исполнительной власти,

а также значительные законодательные полномочия — возможность издавать ордонансы, имеющие силу законов. Законодательную власть король делил с двумя представительными палатами — Палатой пэров, членов которой назначал он сам, и Палатой депутатов, избираемой гражданами на основе высокого возрастного и имущественного цензов. В списки избирателей включались только мужчины, достигшие 30 лет и платящие налоги в размере не менее 300 франков. Требования к депутатам были выше — они не могли быть моложе 40 лет и должны были платить не менее 1000 франков. На практике избирательными правами могли воспользоваться около 120 тыс. человек.

Людовик XVIII воздержался от репрессий по отношению к участникам революции и деятелям империи, но постарался как можно быстрее удалить их с государственной службы. Офицерам и унтер-офицерам доставшейся ему от Наполеона армии сократили содержание. Должности командиров стали замещаться дворянами-эмигрантами, ранее служившими в войсках государств — участников антифранцузских коалиций. Аналогичным образом выдавливались неблагонадежные лица из гражданской администрации. Порицались символы революционного и наполеоновского времени. Триколор в качестве государственного флага уступил место белому стягу Бурбонов. В храмах проводились «искупительные» богослужения в знак покаяния за грехи революции.

Французы холодно отнеслись к Реставрации. Это обнаружилось, когда Наполеон тайно покинул о. Эльбу и 1 марта 1815 г. высадился на южном побережье Франции, в заливе Жуан. Отсюда он с горсткой преданных солдат двинулся в Париж. Его дерзкий поход с приближением к столице превратился в триумфальное шествие. Королевские войска, которые получили приказ преградить Наполеону путь, тысячами переходили на его сторону. 20 марта во главе многочисленной армии он вошел в Париж, из которого в панике бежал Людовик XVIII вместе с двором и министрами. Второе издание наполеоновской империи тоже разочаровало французов. Многие из них встречали Наполеона с надеждой на демократические перемены. Но в дополнительном акте к имперской конституции, опубликованном 22 апреля, они не заметили принципиальных отличий от Конституционной хартии. Когда его вынесли на всенародное одобрение, более половины избирателей не приняли участие в голосовании.

Между тем иностранные державы начали подготовку к новой войне с Францией. В спешке собрав наличные войска, Наполеон выступил навстречу противнику. 18 июня 1815 г. близ деревушки Ватерлоо в Южных Нидерландах произошло сражение, завершившееся поражением

французов. Наполеон повторно отрекся от трона, сдался в плен союзникам и был немедленно отправлен ими на о. Св. Елены, затерянный в южной части Атлантического океана.

«Сто дней» Наполеона, как называют его попытку восстановить империю, дорого обошлись Франции. Летом 1815 г. ее оккупировали иностранные армии численностью 1 млн 200 тыс. человек. По второму мирному договору, заключенному в Париже 20 ноября 1815 г., Франция утратила контроль над пограничными крепостями на северо-восточной границе, а также лишилась Савойи и Ниццы. На нее была возложена контрибуция в размере 700 млн франков, и в течение пяти лет часть ее территории подлежала оккупации войсками союзников численностью 150 тыс. человек. Вместе с тем Францию захлестнула волна «белого террора» — людей, перешедших на сторону Наполеона, изгоняли с государственной службы, лишали чинов и пенсий, подвергали аресту (всего были арестованы около 70 тыс. человек), отдавали под суд по обвинению в измене. Маршал Ней был приговорен судом к смертной казни и расстрелян как изменник. Особенно жестокие формы террор принял на юге страны, где роялисты прибегали к внесудебным расправам над своими политическими противниками. В Авиньоне их жертвой пал маршал Брюн, в Тулузе — генерал Рамель. Лишь в середине 1816 г. преследования пошли на убыль, и жизнь снова вошла в спокойное русло.

В обстановке «белого террора» состоялись выборы в Палату депутатов, которые дали большинство «ультрароялистам», т. е. крайним, непримиримым противникам конституционного строя. Результатами выборов был поражен даже Людовик XVIII, назвавший палату «бесподобной». Опасаясь дальнейшего нагнетания политических страстей, король в сентябре 1815 г. назначил умеренное министерство, во главе которого по совету императора Александра I поставил герцога Ришелье — в прошлом эмигранта-роялиста, принятого на русскую службу и с 1803 г. являвшегося генерал-губернатором Одессы и Новороссийского края. Под руководством Ришелье правительство не только добилось умиротворения страны, но и приняло меры к упрочению конституционного строя. Осенью 1816 г. «бесподобная палата» была распущена и на новых выборах победили конституционалисты. Их вождь герцог Деказ вошел в состав министерства, а после отставки Ришелье возглавил его. Свою задачу конституционалисты видели в том, чтобы, по выражению Деказа, «национализировать короля и роялизировать нацию». Усилиями министерства были приняты законы 1818 г. о парламентском контроле над государственным бюджетом и 1819 г. о свободе печати. Кроме того, по

инициативе Ришелье была осуществлена реформа королевского двора — сокращено количество придворных должностей и, главное, разрешено замещать их, наряду с представителями старого дворянства, дворянам империи и даже лицам, не принадлежащим к дворянству. Эта мера должна была сплотить правящую элиту вокруг династии.

Бесспорного успеха конституционалисты добились в области внешней политики. Досрочно, всего за три года, правительство выплатило контрибуцию и обеспечило вывод оккупационных войск. Черту под эпохой войн и противостояния в Европе подвел Ахенский договор 1818 г. Подписав его, Франция присоединилась к союзу Австрии, Великобритании, Пруссии и России. Вместе с ними она приняла на себя заботу о поддержании Венского международного порядка.

Однако достижения конституционалистов в области внутренней политики перечеркнуло громкое политическое убийство, которое совершил 13 февраля 1820 г. бонапартист Лувель. Его жертвой пал племянник короля герцог Беррийский, являвшийся в то время единственной надеждой Бурбонов на продолжение династии. По причине бездетности короля его наследниками в порядке старшинства являлись младший брат граф д'Артуа, затем дети последнего — герцог Ангулемский (женатый на дочери Людовика XVI, но тоже бездетный) и герцог Беррийский. Правда, пока у того рождались только дочери. Но роялисты надеялись, что появление сына-наследника — всего лишь вопрос времени. Действительно, спустя 7 месяцев после гибели супруга герцогиня Беррийская родила сына, будущего графа Шамбора. Еще одна насильственная смерть в многострадальной семье французского монарха, к тому же грозившая династии исчезновением, взбудоражила Францию и привела в ярость роялистов. Они не преминули обвинить конституционалистов в попустительстве врагам трона. Людовик XVIII недолго противился их давлению. В 1821 г. он сменил правительство, назначив министрами крайних роялистов во главе с графом Виллелем.

На поворот к реакции в политике правительства граждане ответили восстаниями, которые прокатились по ряду городов, включая столицу. Они были подготовлены тайными обществами, объединявшими оппозиционно настроенную молодежь, в том числе студентов, офицеров армии, лиц свободных профессий. Среди заговорщиков можно было встретить бонапартистов, республиканцев, конституционалистов. Их всех воодушевляли стремление к политической свободе и ненависть к Бурбонам. Разрозненные выступления не представляли большой опасности для властей, поскольку простой люд их не поддержал. Тем не менее на

заговорщиков и участников восстаний обрушились суровые преследования. Манипулируя избирательным законодательством, ультрароялисты обеспечили себе полный контроль над палатой депутатов. Это позволило им провести новый закон о печати, который устанавливал разрешительный порядок регистрации периодических изданий и вводил цензуру.

Решительная борьба правительства Виллеля против крамолы не осталась незамеченной европейскими дворами. В конце 1822 г. Веронский конгресс Священного союза принял решение о вооруженной интервенции в Испанию, охваченную революцией. Восстановить абсолютную власть испанского короля было поручено Франции.

В борьбе с реакцией, усилившейся в начале 20-х годов, зародилось либеральное движение, быстро превратившееся в самую влиятельную оппозиционную силу. В нем возникло несколько течений, разделявших одни и те же базовые принципы либерализма (конституционное правление, политическая свобода, права человека и гражданина), но расходившихся между собой в способах их практического применения. Умеренные либералы были недовольны правительством ультрароялистов, но считали возможным компромисс с Бурбонами. Они выступали за развитие и укрепление либеральных учреждений на основе Конституционной хартии. Их взгляды выражала группировка «доктринеров», которую сначала возглавлял Пьер Ройе-Коллар, а затем Франсуа Гизо. Непримиримые противники правящей династии образовали передовое течение либерального движения. Они намеревались свергнуть Бурбонов силой, опираясь на армию или вооруженный народ. При их активном участии Франция в 20-е годы покрылась сетью тайных революционных обществ, среди которых самым крупным было общество карбонариев, состоявшее из множества местных отделений (вент) и насчитывавшее в общей сложности многие тысячи членов. Одним из его руководителей был «герой Старого и Нового Света», участник Войны за независимость США и Французской революции конца XVIII в. Лафайет.

16 сентября 1824 г. Людовик XVIII скончался и корону унаследовал его брат граф д'Артуа, назвавшийся Карлом X. Новый король во многих отношениях был противоположностью своему предшественнику. В полном согласии с ультрароялистами он осуждал конституционное правление и взирал на хартию как на одну из традиционных «вольностей», даруемых королем своим подданным. Фактически Карл X выбрал путь отказа от компромисса 1814 г. Поначалу французы благосклонно отнеслись к новому королю. Этому способствовала мода на Средневековье, которую ввели во Франции популярные писатели-романтики. Карл X с его рыцарской статью

и приверженностью архаичным ритуалам умел угождать вкусам публики. Неописуемый восторг вызвало редкое зрелище пышных коронационных торжеств 1825 г. в Реймсе, первых за полстолетия. Располагало граждан к королю и то, что эту церемонию возглавлял не кто иной, как маршал Журдан, победитель войск коалиции при Флерюсе.

Однако идиллия продолжалась недолго. В первые же годы нового правления власти Франции, не задумываясь о последствиях, приняли ряд важных решений, подрывающих гражданский мир. Они не нашли лучшего способа поддержать католицизм, чем провести через палаты в 1825 г. закон о святотатстве, который устанавливал суровые наказания за преступления в отношении церкви и веры. Например, кража церковного имущества каралась каторжными работами, а осквернение Святых Даров — смертной казнью. Многие французы усмотрели в этом законе проявление религиозной нетерпимости, казалось бы давно изжитой в современном обществе. Вскоре был принят и другой, не менее противоречивый закон — о так называемом миллиарде для эмигрантов. Предлагая его, правительство Виллеля рассчитывало возместить бывшим эмигрантам материальный ущерб, который они понесли от распродажи национальных имуществ во время республики и империи. Эта мера затрагивала приблизительно 50 тыс. человек, которым предоставлялась государственная рента, обеспеченная капиталом в размере 630 млн фр. Косвенно от нее выиграли и покупатели национальных имуществ, опасавшиеся судебных исков со стороны прежних владельцев. Теперь они могли быть спокойны за свою благоприобретенную собственность. Но возмутились рядовые налогоплательщики, поскольку все расходы на выполнение этого закона возлагались на государственный бюджет. Граждане находили несправедливым порядок, при котором государство щедро раздает деньги частным лицам, все заслуги которых перед отечеством заключаются в неприятии революции и верности правящей династии.

Правительство задело чувства французов и тем, что распустило столичную Национальную гвардию — наглядное воплощение суверенных прав французского народа (правда, не позаботившись о том, чтобы ее разоружить) — и уволило из армии 250 наполеоновских генералов, олицетворявших воинскую славу империи. Кроме того, предпринимались попытки восстановить право первородства (старшинства) при разделе наследства, противоречившее принципу гражданского равенства, и провести «вандалские законы» против свободы печати. Но в данном случае здравый смысл возобладал: палата пэров отвергла эти законопроекты.

Действия правительства ультрароялистов, свидетельствовавшие о непонимании им политических и социальных реалий, привели к расколу правящей элиты. В поддержке ему отказали даже умеренные избиратели, являвшиеся главной опорой монархии Бурбонов. На выборах 1827 г. либеральная оппозиция, несмотря на все уловки правительства, одержала убедительную победу. Правительство Виллеля, утратив большинство в Палате депутатов, в январе 1828 г. ушло в отставку.

В обстановке надвигающегося политического кризиса Карл X призвал к власти умеренного роялиста Мартиньяка. Но убедившись, что тот не может найти общий язык ни с ультрароялистами, ни с либералами, ревновавшими его друг к другу, король резко повернул штурвал государственной политики вправо. В августе 1829 г. он назначил главой правительства герцога Жюля де Полиньяка, яркого реакционера, в прошлом одного из видных деятелей роялистской эмиграции. По тем же критериям были подобраны и министры — все крайние ультрароялисты, включая такие одиозные личности, как один из организаторов «белого террора» в 1815 г., а также бывший предводитель шуанов.

Как и следовало ожидать, либеральное большинство Палаты депутатов выразило недоверие правительству Полиньяка. Но король отказался пожертвовать своим ставленником. Наоборот, 16 мая 1830 г. он объявил о роспуске несговорчивой Палаты. На состоявшихся вскоре выборах оппозиция добилась еще более впечатляющей победы. Этому предупреждению Карл X также не внял. По сути он решил осуществить государственный переворот, который при сохранении видимости конституционного правления фактически восстановил бы королевский абсолютизм. Воспользовавшись своими законодательными полномочиями, 25 июля 1830 г. он издал четыре ордонанса, противоречившие букве и духу Конституционной хартии. Один из них упразднял свободу печати и вводил для нее цензуру; другой — распускал новоизбранную Палату; третий — менял порядок выборов депутатов, лишая избирательных прав значительную часть владельцев движимого богатства, т. е. хозяев коммерческих предприятий; четвертый — назначал выборы в Палату депутатов на сентябрь.

Против ордонансов сразу же выступили журналисты и печатники, потерявшие работу. Их поддержали промышленники и торговцы, закрывшие в знак протеста свои предприятия. Рабочие и служащие, внезапно лишившиеся своих мест, тоже не остались в стороне от протестного движения. Улицы заполнили толпы возмущенных горожан, которые уже 27 июля начали вооружаться и строить баррикады. Движение

приобрело такой размах, что спустя два дня Париж полностью оказался во власти повстанцев.

Карл X, находившийся в эти дни вместе с семьей за городом — сначала в замке Сен-Клу, потом в Рамбуйе, — до последнего момента не придавал значения волнениям в столице. Лишь в ночь на 30 июля он наконец дал согласие на отставку правительства Полиньяка и отмену ордонансов. Но власть в Париже уже перешла к вождям либеральной оппозиции, опиравшимся на воссозданную в столице Национальную гвардию. Оставленный всеми, Карл X подписал 2 августа отречение от престола.

Июльская монархия

Хотя Карл X отрекся от трона в пользу своего малолетнего внука (будущего графа Шамбора), деятели либеральной оппозиции, руководившие революцией, не пожелали считаться с правами Бурбонов. 7 августа 1830 г. Палата депутатов, объявив трон вакантным, предложила его герцогу Луи-Филиппу Орлеанскому — главе младшей ветви низложенной династии.

9 августа 1830 г. герцог Орлеанский в знак признания суверенных прав нации принял титул «короля французов». Для него не стали сочинять новую конституцию, ограничившись внесением в Конституционную хартию 1814 г. отдельных поправок. Все они преследовали цель дальнейшей либерализации государственного строя. В частности, король лишился возможности по своему усмотрению отменять законы или приостанавливать их действие, тогда как законодательные палаты приобрели право законодательной инициативы. Упраздняялась наследственность пэров. Кроме того, расширились политические права и свободы граждан — всякая цензура печати запрещалась. Из хартии исчезло упоминание о том, что она была октроирована подданным королевской властью. Соответственно она приобретала значение договора, заключенного между монархом и народом. Триколор возвращался в качестве официального символа Франции.

Избрание Луи-Филиппа королем не успокоило страну. Значительная часть деятелей либерального движения согласилась поддержать его лишь при условии глубоких реформ, в особенности избирательной. Самые нетерпеливые считали, что он «похитил» у народа революцию, и призывали покончить с монархией вообще, чтобы учредить

демократическую республику. Передовые круги с сомнением относились к обещанию одного из видных деятелей нового режима Одилона Барро о том, что Июльская монархия будет «лучшей из республик».

На первых порах Луи-Филипп еще делал вид, что пытается оправдать надежды тех общественных сил, при поддержке которых получил трон. Главой правительства он назначил известного деятеля либерального движения банкира Жака Лаффита, убежденного сторонника реформ. Его усилиями в 1831 г. был принят закон, восстанавливающий выборность муниципальных советников, которые со времен консульства назначались правительством. К муниципальным выборам в зависимости от размера населенного пункта допускали от 3 до 10 % самых богатых граждан, которых по стране в общей сложности набиралось до 3 млн. Лаффит осуществил реорганизацию Национальной гвардии. В нее теперь могли записываться все граждане, платившие налоги и за свой счет приобретающие обмундирование. Национальные гвардейцы получили право выбирать себе офицеров. Только высшие командиры по-прежнему назначались королем. Благодаря этой реформе Национальная гвардия стала одним из наиболее представительных и влиятельных учреждений Франции. Однако Лаффит оказался бессилем осуществить глубокую реформу законодательной власти. Согласно новому закону о выборах, имущественный ценз для избирателей и кандидатов в Палату депутатов снижался соответственно с 300 до 200 и с 1 тыс. до 500 франков. Эта половинчатая мера менее чем вдвое расширила корпус избирателей.

Но уже в 1831 г. Луи-Филипп дал Лаффиту отставку и назначил новое правительство из умеренных либералов. О сколько-нибудь значительном расширении избирательных прав граждан они и слышать не хотели. В 1833 г. палаты приняли закон о генеральных советах департаментов и окружных советах, содержащий крохотную уступку общественному мнению. К выборам в эти советы, наряду с цензовыми избирателями, допускалась небольшая группа так называемых «талантов», т. е. небогатых дипломированных специалистов (врачей, нотариусов, адвокатов), отставных чиновников и пр.

Все указанные реформы, сами по себе позитивные, были недостаточно глубоки и последовательны, чтобы удовлетворить передовую общественность. Участникам недавней революции кружила голову легкая победа над Бурбонами. Уже в декабре 1830 г. национальная гвардия была вынуждена применить силу против парижан, вышедших на улицы, чтобы протестовать против слишком мягкого, по их мнению, приговора (пожизненного заключения) министрам последнего правительства Карла X.

Власти не смогли предотвратить беспорядки и в феврале 1831 г., когда толпа помешала провести поминальную службу по герцогу Беррийскому в одной из наиболее почитаемых роялистами церквей — Сен-Жермен-л'Осеруа, а заодно напала и на архиепископский дворец.

Окончательно разочаровавшись в правительстве, значительная часть либералов перешла к нему в непримиримую оппозицию. Как и в былые годы, они стали создавать тайные общества, плести заговоры, вооружаться. С той только разницей, что теперь борцы за свободу зареклись от повторения ошибок Июльской революции: они выдвинули лозунг демократической республики. Против Июльской монархии республиканцы применили весь арсенал конспиративных методов борьбы. В 1832 и 1834 гг. они поднимали восстания в Париже. Республиканские лозунги звучали также во время вооруженных выступлений лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., обусловленных во многом экономическими причинами. Потерпев неудачу в открытой борьбе, заговорщики приступили к организации покушений на жизнь короля. В 1835 г. Фиески привел в действие «адскую машину» на пути следования королевского кортежа. Луи-Филипп тогда чудом избежал гибели. В 1839 г. республиканцы подняли еще одно вооруженное восстание в Париже.

Известные неприятности Июльской монархии доставляли и приверженцы свергнутого режима. В 1832 г. легитимисты (сторонники низложенной династии) предприняли попытку поднять восстание в Вандее. Ими предводительствовала герцогиня Беррийская, мечтавшая о короне для своего малолетнего сына графа Шамбора. Ожилились и бонапартисты, которые в лице принца Луи-Наполеона (племянника «великого императора») обрели наконец энергичного вождя. В 1836 г. он призвал к мятежу солдат гарнизона в Страсбурге. Выдворенный после этого за границу, принц тайно вернулся во Францию в 1840 г., чтобы еще раз попытать счастье в Булони. На этот раз он поплатился свободой, но в 1846 г. бежал из мест заключения в Великобританию.

Вызов, брошенный противниками трона, Луи-Филипп принял. Правительство подвергло заговорщиков и участников восстаний суровым преследованиям. Их десятками заключали в тюрьмы, отправляли в изгнание. В сентябре 1835 г. палаты приняли серию репрессивных законов, которые ограничивали свободу печати и полномочия судов присяжных заседателей, а также передавали политические дела в ведение простых уголовных судов, получивших право рассматривать их даже в отсутствие обвиняемых. К концу 30-х годов правительство сумело отбить прямые атаки противников режима и стабилизировать положение.

Политическая система Июльской монархии несла отпечаток личности Луи-Филиппа. Он дорожил репутацией «короля-гражданина» и «солдата свободы». Не чужд он был желанию приобщиться к славе «великой империи», хотя и преследовал бонапартистов. Он превратил Версальский дворец в музей воинской доблести, восстановил в армии маршальские звания, назначил пенсии ветеранам наполеоновских войн. В беззастенчивую эксплуатацию памяти императора превратилась в 1840 г. церемония возвращения на родину его праха. Однако Луи-Филипп не стремился к восстановлению наполеоновского деспотизма, он предпочитал оставаться конституционным королем. Благодаря этому Июльская монархия сделала значительный шаг вперед в развитии парламентаризма. Законодательные палаты, в особенности Палата депутатов, приобрели большой вес в политической жизни страны. Им реально принадлежали законодательная власть, право вводить новые налоги, контрольные функции. Парламентарии осознавали свою силу и влияние. Поэтому законодательные выборы, несмотря на малочисленность избирательного корпуса, отнюдь не являлись формальностью. Они сопровождались, как правило, острой конкурентной борьбой кандидатов. Министерские кабинеты, назначаемые королем, действовали с оглядкой на настроения депутатов, хотя обычай формирования правительства на основе парламентского большинства так и не сложился.

Король Франции Луи-Филипп в 1841 г.

Формально Луи-Филипп не посягал на прерогативы законодательной власти, но, тем не менее, стремился подмять ее под себя, превратить в инструмент исполнительной власти. Добиться этого ему было тем легче, что его непримиримые, бескомпромиссные противники составляли в палатах ничтожное меньшинство. В назначаемой королем Палате пэров их заведомо не могло быть. В Палате депутатов антидинастическая оппозиция в 1840 г. была представлена 22 легитимистами, а также крохотной (в несколько человек) группой республиканцев, вынужденных со времени принятия репрессивных «сентябрьских законов» называться радикалами. Громадное большинство депутатов относилось к различным династическим группировкам. 253 голосами располагало консервативное орлеанистское большинство, или «правый центр», во главе с Ф. Гизо. Другие орлеанистские группировки — «третья партия» (Андре-Мари Дюпен), «левый центр» (Адольф Тьер), «левая династическая» (О. Барро), численностью соответственно 22, 43 и 104 депутата, — составляли династическую оппозицию. Кроме радикалов и легитимистов, сколько-нибудь определенную альтернативу политике правительства выдвигала еще

только «левая династическая» группировка. Остальные депутаты были готовы поддержать любой кабинет в обмен на министерские портфели, административные должности, удовлетворение пожеланий своих избирателей и т. д. Луи-Филипп цинично прибегал к прикармливанию и даже прямому подкупу депутатов, например, в форме предоставления хорошо оплачиваемых государственных должностей.

Правящая элита Июльской монархии сохраняла во многом традиционный облик. Ее основу составляли нотабли, как с давних пор называли наиболее влиятельных лиц той или иной местности или целого государства (нотабли местного и общенационального значения). Почти сплошь это были богатые или очень богатые люди, в том числе знать (старое и новое титулованное дворянство), крупные землевладельцы, состоятельные дельцы. При всех правительствах и при любой смене власти (разве что за исключением якобинской республики) они поставляли государству руководящие кадры — чиновников гражданской и военной службы, членов законодательных палат и пр. В результате Июльской революции произошло частичное обновление правящей элиты. Сторонники свергнутого режима, принадлежавшие большей частью к старому дворянству, отказались принести присягу новому королю и были вынуждены оставить государственную службу. Им на смену пришли люди иного склада — крупные предприниматели, лица свободных профессий. Но практически все они удовлетворяли избирательному цензу и, следовательно, являлись крупными владельцами городской или сельской недвижимости.

Система подкупа депутатов активно применялась министерским кабинетом, который управлял Францией в 1840–1848 гг. Формально его возглавлял маршал Сульт, но фактически им руководил министр иностранных дел Ф. Гизо. Он провалил все проекты избирательной реформы, которые предлагала оппозиция. Не поддержал он даже предложение левых орлеанистов о наделении избирательными правами «талантов», что привело бы к расширению избирательного корпуса всего лишь на 10 %. Сторонникам реформы Гизо заявлял: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!»

Вера в экономический прогресс и процветание, которую выражала эта фраза, возникла не на пустом месте. В годы Июльской монархии широко развернулась промышленная революция. Благодаря распространению паровых машин и индустриальных технологий, особенно в текстильной и металлургической промышленности, темп промышленного роста заметно ускорился (с 2–3 до 4–5% в среднем в год). Правительство во многом

способствовало подъему экономики, обеспечивая развитие транспортной (законы 1836 г. о проселочных дорогах, 1837 г. о строительстве шести больших железнодорожных линий, 1842 г. о государственной поддержке железнодорожного строительства) и институциональной (создание сберегательных касс в 1835 г., закон 1838 г. о банкротствах) инфраструктуры. За время Июльской монархии заметно увеличился объем движимого богатства, которым располагали граждане, — денежных сбережений, капитала, облигаций, акций и пр. Однако вопреки прогнозу Гизо корпус цензовых избирателей вырос незначительно. Немало торговцев и промышленников, ворочавших крупными капиталами, по-прежнему оставались за бортом цензовой системы.

В области внешней политики весьма прохладное отношение восточноевропейских держав к «королю баррикад» заставило Луи-Филиппа искать сближения с Великобританией. Этому способствовало совместное выступление обеих либеральных монархий в поддержку сначала независимости Бельгии, а затем наследственных прав принцесс Марии Португальской и Изабеллы Испанской, оспариваемых местными реакционерами. 22 апреля 1834 г. Франция и Великобритания подписали союзный договор с Португалией и Испанией. Но сложившееся таким образом франко-британское согласие оказалось непрочным. Колониальное соперничество и в особенности противоречия по Восточному вопросу вскоре привели к охлаждению в их отношениях. Во время Египетского кризиса 1839–1841 гг. Франция противопоставила себя всем основным европейским державам, заключившим в июле 1840 г. договор о коллективной гарантии территориальной целостности Османской империи. Лишь угроза войны с могущественной коалицией побудила Луи-Филиппа отказаться от поддержки египетского паши и его территориальных притязаний к турецкому султану. Подобную осторожность в международных делах республиканская оппозиция расценила как предательство национальных интересов Франции. Оппозиционеры требовали, чтобы правительство Июльской монархии проявляло больше самостоятельности по отношению к державам. В перспективе они выступали за пересмотр «трактатов 1815 г.», якобы нарушавших суверенные права Франции. Они вменяли правительству в обязанность поддержку революционных и освободительных движений за рубежом.

При Июльской монархии Франция после почти полувекового перерыва вернулась к активной колониальной политике. Еще правительство Реставрации, незадолго до своего падения, под благовидным предлогом борьбы с пиратством, направило в Северную Африку войска, которые 5

июля 1830 г. взяли г. Алжир. Луи-Филипп, придя к власти, не только не прекратил эту войну, но придал ей небывалый в истории колониализма размах — численность французских войск в Северной Африке была доведена до 100 тыс. В 1847 г. основные силы алжирцев, которыми командовал Абд аль-Кадер, капитулировали. Одновременно Франция прилагала усилия к тому, чтобы расширить свои колониальные владения в Западной Африке, намереваясь покорить Габон, Берег Слоновой Кости и внутренние районы Сенегала. Воспользовавшись победой Великобритании над Китаем в «опиумной войне» 1840–1842 гг., правительство Июльской монархии навязало этой стране неравноправный договор 1844 г., предоставлявший французским купцам разнообразные права и привилегии.

Убедившись в невозможности свергнуть Июльскую монархию силой, ее противники обратились к мирным формам протеста и законным способам борьбы за демократические перемены. Значительный размах приобрело движение за избирательную реформу. В 1840 г. в Париже был образован Комитет в поддержку избирательной реформы, который приступил к сбору подписей под соответствующей петицией. Однако петиционная кампания не приобрела такого массового характера, как, например, движение чартистов в Великобритании. В 40-е годы на первый план вышла дискуссия по социальному вопросу, связанному с негативными последствиями для населения промышленной революции. По отношению к нему республиканцы далеко разошлись во мнениях. Одни уповали на избирательную реформу как панацею и не усматривали необходимости в каких-то особых мерах борьбы с пауперизмом. Политические демократы (как их называли) группировались вокруг крупнейшей оппозиционной газеты «Насьональ». Другие же утверждали, что в дополнение к политическим требуются социальные реформы. Они образовали группу так называемых социальных демократов, которая в 1843 г. приступила к изданию газеты «Реформы». В свою очередь, от социальных демократов отделились публицисты и общественные деятели, которые выступали за более справедливое перераспределение собственности и даже ее полную передачу в общее владение всех людей. Первых называли социалистами (фурьеристы, Луи Блан, Жозеф Прудон), вторых — коммунистами (Этьен Кабе). И те, и другие обзавелись большим количеством последователей в крупных городах.

Озабоченность социальным вопросом выражали католические круги, принц Луи-Наполеон Бонапарт, либеральные экономисты, такие, как Фредерик Бастиа, Адольф Бланки, Мишель Шевалье. Последние доказывали, что переход от политики таможенного протекционизма,

которую проводила Франции за минувшие десятилетия, к свободной торговле с зарубежными странами даст огромный прирост национального богатства, который позволит изжить нищету. В середине 40-х годов они образовали Центральную ассоциацию за свободу обмена.

На социальный вопрос не обращало внимания только правительство, погрязшее в коррупции и «материальных интересах». Отчуждение граждан от власти достигло угрожающих размеров. Вдобавок Июльская монархия столкнулась с серьезными династическими трудностями. В 1842 г. погиб старший сын Луи-Филиппа — молодой герцог Орлеанский. Наследником пожилого короля был объявлен его внук граф Парижский, которому исполнилось всего 4 года. Такая разница в поколениях практически исключала безболезненное наследование трона.

В 1846–1847 гг. Францию поразила глубокий экономический кризис, который обнаружил беспомощность правительства перед лицом тяжелых испытаний. Новый импульс получило движение в поддержку избирательной реформы. Поскольку закон запрещал проводить политические собрания граждан, оно приняла форму банкетной кампании — митингов, замаскированных под дружеское застолье.

Революция 1848 года и Вторая республика

22 февраля 1848 г. власти попытались силой помешать проведению банкета, который сторонники избирательной реформы организовали в Париже. Однако Национальная гвардия отказалась им повиноваться. Уже на следующий день антиправительственные манифестации переросли в вооруженное восстание. 24 февраля Луи-Филипп отрекся от трона в пользу графа Парижского. Отряды повстанцев, ворвавшиеся в зал заседаний Палаты депутатов, пресекли попытку учредить регентство. Вожди республиканской оппозиции, собравшиеся в городской Ратуше, приняли решение о формировании Временного правительства.

По своему составу это правительство представляло собой компромисс между политическими и социальными демократами. Его членами являлись как бывшие депутаты, так и деятели внепарламентской оппозиции, в том числе социалист Луи Блан и руководитель одного из тайных обществ рабочих Александр Альбер. Политические демократы, образовавшие умеренное крыло Временного правительства, располагали в нем большинством. Ни статус Временного правительства, ни круг его полномочий не были четко определены. Оно являлось одновременно и

коллективным главой государства, и министерским кабинетом. Не все его члены возглавили министерства. Например, без определенных обязанностей остались Блан и Альбер. Вместе с тем министерские портфели получили лица, не являвшиеся членами Временного правительства. В результате социальные демократы были вынуждены довольствоваться вторыми ролями.

Жители Парижа с энтузиазмом приветствовали Временное правительство. Они связывали с ним надежду на улучшение своего политического и социального положения. Вместе с тем революция всколыхнула патриотические чувства французов, окрашенные революционным мессианством. Подобные настроения активно поощряла демократическая и социалистическая пресса, а также демократические клубы, во множестве возникшие в столице и провинции после февральской победы.

24 февраля 100-тысячная толпа, собравшаяся под окнами Ратуши, где заседало Временное правительство, предъявила ему ряд требований: немедленное провозглашение Франции республикой, замена триколора красным флагом в качестве государственного символа, признание права граждан на труд. Первое же из этих требований привело членов правительства в замешательство. Все они были убежденными республиканцами, но хотели учредить республику в строгом соответствии с законными процедурами. Поэтому объявив Францию республикой, правительство одновременно приняло решение вынести вопрос о форме правления на одобрение самих граждан. Первоначально выборы в Учредительное собрание были назначены на 9 апреля 1848 г.

Столь же неуместным показалось большинству членов Временного правительства и требование красного флага. Как символ социальной революции, он, по их мнению, только повредил бы республике, оттолкнув от нее собственнические слои населения. Поэтому правительство настояло на том, чтобы государственным флагом оставался трехцветный. В оправдание этого решения Ламартин заявил, что триколор является символом не какого-то конкретного политического режима, а всей французской нации. Вместе с тем правительство не возражало, чтобы к древку знамени прикреплялась красная розетка.

Зато с неожиданной легкостью оно уступило требованию о законодательном признании права граждан на труд. Большинство его членов были заведомыми сторонниками либерального принципа свободы труда. Тем не менее 25 февраля Временное правительство приняло соответствующий декрет, дополнив его решением о создании особых

национальных мастерских.

Фактически это была полицейская и отчасти благотворительная мера, направленная на то, чтобы увести безработных с улиц Парижа, а также обеспечить им средства существования. Но французы усмотрели в национальных мастерских некоторое сходство с социалистическими проектами «решения» социального вопроса. Некоторых это вдохновило на новые требования. 28 февраля они вышли на демонстрацию под лозунгом создания особого Министерства труда, в задачу которого входило бы «уничтожение эксплуатации». Призыв демонстрантов поддержал Л. Блан. В итоге Временное правительство приняло компромиссное решение о создании особой правительственной комиссии «по рабочему вопросу». Ее председателем был назначен Блан, заместителем — Альбер. По ее инициативе были изданы декреты о сокращении продолжительности рабочего дня на предприятиях до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции, а также о запрещении подрядных работ как «формы эксплуатации трудящихся».

Общение с революционным народом побудило членов Временного правительства не тянуть с формированием новых, республиканских сил обеспечения порядка. Уже 25 февраля был подписан декрет о создании особой мобильной гвардии, солдаты и офицеры которой, «моби́ли», несли постоянную службу и получали за это жалованье. Чуть позже были распущены элитные батальоны Национальной гвардии, набранные в богатых кварталах столицы.

Печатью двойственности, стремлением угодить «и вашим и нашим» была отмечена внешняя политика Временного правительства. Министр иностранных дел Альфонс Ламартин изложил ее принципы в циркуляре, разосланном 4 марта дипломатическим представителям Франции за рубежом. В нем утверждалось, что низложение монархии и «провозглашение Французской республики нельзя рассматривать как акт агрессии против любой другой формы правления». Но вместе с тем договоры 1815 г. объявлялись потерявшими юридическое значение, кроме тех положений, которые касались территориального устройства. Ламартин призывал другие государства «по доброй воле согласиться с освобождением республики от их бремени». Он также обещал всестороннюю поддержку, в том числе и военными средствами, «угнетенным национальностям в Европе и за ее пределами».

На этом Временное правительство практически исчерпало возможности для политических маневров. Оно было вынуждено все чаще прибегать к непопулярным мерам. С началом революции пришло в

расстройство финансовое хозяйство Франции. Чтобы поддержать государственный кредит, правительство досрочно выплатило проценты держателям ценных бумаг. Тем не менее их биржевая стоимость резко упала. Полностью провалилась и попытка сбалансировать бюджет за счет «национального займа». В итоге 17 марта Временное правительство приняло решение о 45-процентном повышении всех прямых налогов сроком на один год. Особенно обременительной эта мера оказалась для крестьян — собственников и арендаторов земельных участков.

Революционные власти заметно повысили тон в отношении участников уличных манифестаций. 16 марта на демонстрацию протеста вышли солдаты ранее распущенных элитных батальонов Национальной гвардии. На следующий день демократические клубы организовали контрманифестацию под лозунгом переноса выборов в Учредительное собрание. Символическая уступка не удовлетворила парижан. 16 апреля по призыву демократических клубов тысячи из них, в основном жители рабочих предместий, снова вышли на улицу под тем же лозунгом. Но возле Ратуши их впервые встретили ряды вооруженных национальных гвардейцев. И так же впервые правительство даже не захотело выслушать демонстрантов.

23 и 24 апреля во Франции состоялись выборы в Учредительное собрание. В них приняли участие все мужчины страны старше 21 года. Мандат получили 880 «народных представителей». Большинство из них (около 500) по своим взглядам были близки к умеренному крылу Временного правительства, т. е. политическим демократам. Около 300 членов Учредительного собрания называли себя консерваторами. Фактически это были все те же легитимисты и орлеанисты, которые лишь для видимости признали республику. Серьезное поражение потерпели социалисты и близкие к ним социальные демократы.

4 мая 1848 г. начало работу Учредительное собрание. На первом же его заседании «народные представители» повторно провозгласили Францию республикой, чтобы подчеркнуть ее легитимный характер. Затем Учредительное собрание, оставив себе законодательную власть, назначило Исполнительную комиссию в составе пяти человек. Они должны были руководить министрами, ответственными за отдельные отрасли управления. Почти все члены Исполнительной комиссии и министры были политическими демократами. Возмущению социальных демократов и социалистов таким распределением должностей не было предела — они расценили действия политических демократов как захват власти и измену революции. 15 мая они организовали в поддержку польских патриотов 150-

тысячную манифестацию, участники которой неожиданно ворвались в зал заседания Учредительного собрания и объявили его распущенным. Затем вожди демократической оппозиции занялись в Ратуше формированием нового правительства. Но их опередила Исполнительная комиссия, которая отдала приказ силам порядка арестовать «мятежников». Одновременно были закрыты демократические клубы.

Подавив демократическую оппозицию, умеренные республиканцы больше не видели смысла в сохранении национальных мастерских, содержание которых к тому же недешево обходилось казне. Поэтому 21 июня Исполнительная комиссия приняла декрет, который предусматривал их роспуск. Уже на следующий день начались волнения рабочих. 23 июня прозвучал призыв строить баррикады. Поскольку Июньское восстание было направлено против законно избранной демократической власти, все республиканцы, включая и демократов, единодушно его осудили. Учредительное собрание, объявив Париж на осадном положении, передало исполнительную власть военному министру генералу Кавеньяку. Утром 25 июня армия при поддержке Национальной гвардии и «мобилей» перешла в наступление на позиции повстанцев. Спустя сутки пали их последние баррикады.

Несмотря на атмосферу реакции, воцарившуюся после подавления Июньского восстания, в июле и августе 1848 г. состоялись выборы в генеральные советы департаментов, окружные и муниципальные советы. А в начале сентября завершила работу конституционная комиссия, образованная ранее Учредительным собранием. 4 ноября проект конституции был вынесен на голосование и одобрен подавляющим большинством депутатов.

Новая конституция восходила одновременно к двум источникам — конституционной традиции Франции и конституции США. Из первого источника ее авторы позаимствовали философские начала устройства государства, сформулированные в преамбуле. Из второго источника — строгое соблюдение принципа разделения властей, а главное — организацию исполнительной власти. Конституция учреждала во Франции «единую и неделимую» республику, принципами которой являлись свобода, равенство и братство, а основами — семья, труд, собственность и общественный порядок. Гражданам республики предоставлялись широкие демократические права и свободы. Высшей законодательной властью наделялось однопалатное Законодательное собрание, а высшей исполнительной — президент республики. Большинство депутатов придерживались мнения, что Франция нуждается в «собственном

Вашингтоне». Поэтому источником легитимности как Законодательного собрания, так и президента республики объявлялось волеизъявление граждан на основе всеобщего избирательного права.

Выборы президента республики прошли 10 декабря 1848 г. Наиболее перспективным кандидатом считался Кавеньяк, а его основным соперником — Ламартин. Но с огромным преимуществом победил принц Луи-Наполеон Бонапарт, за которого отдали свои голоса граждане, недовольные правлением республиканцев. Его кандидатуру поддержали даже легитимисты и орлеанисты, объединившиеся в так называемую партию порядка. В Бонапарте они усматривали меньшее зло по сравнению с демократической республикой.

20 декабря 1848 г. Луи-Наполеон Бонапарт вступил в должность президента республики. Главой правительства он назначил орлеаниста О. Барро, одного из руководителей «партии порядка». Тот стремился к скорейшему проведению выборов в Законодательное собрание, рассчитывая, что они приведут к победе монархистов. Предчувствуя их исход, республиканцы безуспешно настаивали на отсрочке.

Выборы в Законодательное собрание состоялись 13 мая 1849 г. Из 750 депутатов Законодательного собрания около 500 были ставленниками «партии порядка», с которыми блокировались немногочисленные бонапартисты. Умеренные республиканцы получили около 70 мест. Демократы и социалисты, создавшие незадолго до выборов объединение «Новая гора», добились избрания около 180 депутатов. «Новая гора» самоотверженно выступила в защиту демократии. На том основании, что французские войска были отправлены в Италию на помощь папе римскому, И июня 1849 г. Ледрю-Роллен обвинил президента в нарушении конституции и потребовал его предания суду. Поскольку большинство Законодательного собрания отклонило это требование, демократы призвали граждан выйти на демонстрацию протеста. 13 июня 1849 г. тысячные толпы снова заполнили улицы Парижа. В ответ Законодательное собрание объявило столицу на осадном положении. 33 депутата-демократа были лишены парламентской неприкосновенности и преданы суду, оппозиционные газеты закрыты, всякие политические собрания запрещены сроком на год.

Поражение «Новой горы», последнего оплота республики, открыло путь к монархической реставрации. Только теперь в полной мере проявились разногласия между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами. Легитимисты прочили на королевский трон Франции внука Карла X графа Шамбора, орлеанисты — внука Луи-Филиппа графа

Парижского. Но и Бонапарт не дремал — никому из них он не собирался уступать дорогу. В сентябре 1849 г. сторонники Бонапарта образовали «Общество 10 декабря», которое проводило шумные кампании в поддержку президента. 31 октября 1849 г. Бонапарт отправил в отставку Барро и других министров, назначив на их место лично преданных себе лиц. Концентрируя в своих руках власть, он умело играл на слабых струнах монархистов, в частности на их религиозных чувствах, а также на страхе перед угрозой республиканского реванша. 16 марта 1850 г. Законодательное собрание приняло закон о народном образовании, названный «законом Фаллу» (по имени разработчика — графа Фаллу), разрешавший создание частных школ, включая религиозные.

***Речь принца-президента Бонапарта при закладке
марсельского собора 26 сентября 1852 года***

«Господа, я счастлив, что этот исключительный случай предоставляет мне возможность оставить следы моего пребывания в вашем великом городе и что закладка первого камня собора будет одним из воспоминаний, связанных с моим пребыванием среди вас. В действительности повсюду, где только возможно, я напрягаю все усилия для того, чтобы поддержать и распространить религиозные идеи, наиболее возвышенные из всех идей: они руководят нами в счастье и утешают в несчастий. Мое правительство — я говорю об этом с гордостью — является может быть единственным, которое поддерживало религию ради нее самой; оно поддерживает религию не как орудие политики, не из-за желания угодить какой-либо партии, но исключительно по убеждению, из-за любви к благу, которую она внушает, и к истинам, которым она учит» (La politique imperial. R, 1865. P. 156–157).

Бонапарт также не препятствовал отмене всеобщего избирательного права. По новому избирательному закону, принятому консервативным большинством 31 мая 1850 г., вводился ценз оседлости и имущественный ценз.

С осени 1850 г. Бонапарт уже не скрывал, что стремится к восстановлению империи. Его сторонники инспирировали поток петиций в Законодательное собрание с требованием пересмотра тех статей

конституции, которые ограничивали продолжительность власти президента четырьмя годами. Однако в июле 1851 г. консервативное большинство Законодательного собрания отклонило соответствующее предложение. Это фактически не оставило Бонапарту выбора. Под предлогом защиты республики 2 декабря 1851 г., в годовщину коронации Наполеона I, Бонапарт распустил Законодательное собрание. 14 января 1852 г. была обнародована новая конституция, которая установила 10-летний срок исполнения президентских полномочий. Однако уже 2 декабря 1852 г. республика прекратила существование. Принц-президент Бонапарт объявил себя императором Наполеоном III.

Вторая империя

С учреждением Второй империи институты парламентской демократии на долгие годы превратились в ширму неограниченной власти Наполеона III. Авторитарная империя — так обычно определяют этот период истории Франции. Стержнем государства являлся подчиненный императору аппарат исполнительной власти, начиная с кабинета министров и кончая префектами департаментов и мэрами городов и коммун. Законодательные палаты — Законодательный корпус и Сенат — были лишены реальных полномочий, в стране царил полицейский произвол. Формально всеобщее избирательное право во Второй империи было восстановлено. Однако выборы происходили в условиях грубого давления на избирателей, которых власти подкупом или угрозами заставляли голосовать за так называемых официальных кандидатов. Впервые республиканцам удалось провести в Законодательный корпус 5 своих кандидатов в 1857 г., в том числе Эмиля Оливье и Жюля Фавра. Политические репрессии еще более усилились после неудачного покушения на жизнь императора, подготовленного группой заговорщиков во главе с Орсини. 19 февраля 1858 г. был принят закон об общественной безопасности, на основании которого противников власти во внесудебном порядке можно было бросать в тюрьмы и высылать за границу.

Наполеон III в большей мере, чем его предшественники на французском троне, понимал важность экономического прогресса. Он приблизил к себе видных экономистов и предпринимателей, таких, как М. Шевалье, братья Эмиль и Исаак Перейры, Фердинанд де Лессепс. Его правительство сняло ограничения на деятельность акционерного капитала (законы 1856 г. о коммандитных обществах, 1863 г. — обществах с

ограниченной ответственностью и 1867 г. — акционерных обществах), заключило договор о свободной торговле с Великобританией (1860), осуществило грандиозную реконструкцию Парижа, дало согласие на проведение в столице Франции всемирных выставок (1855, 1867). Коренные преобразования произошли и в средствах транспорта: страна покрылась густой сетью железных дорог. Эти и другие меры способствовали росту деловой активности и ускорению промышленного развития. В 50-60-е годы Франция достигла самых высоких темпов экономического роста за все столетие. Причем «локомотивом» французской экономики являлась современная крупная машинная индустрия, развивавшаяся значительно быстрее средних показателей. По существу в годы Второй империи Франция вступила в завершающую фазу промышленной революции.

Главной опорой бонапартистской диктатуры была верхушка французской армии. Наполеон III, активно используя военную силу для достижения внешнеполитических целей, вполне утолил ее жажду побед, чинов и наград. В основу своей внешней политики он положил так называемый принцип национальностей. Император дал понять, что не возражает против объединения Германии и Италии, но только в обмен на территориальные компенсации с их стороны. Целями Наполеона III была полная ревизия «трактатов 1815 г.» и значительное расширение французской территории.

В начале 50-х годов Наполеон III вмешался в спор католиков и православных о Святых местах. Оказывая услуги католической церкви, он и сам рассчитывал на ее поддержку, которая придала бы столь недостающую легитимность его власти. Он добился, что папа Пий IX одобрил государственный переворот 2 декабря и призвал французских католиков поддержать империю. Наполеон III высоко оценил этот жест — его правительство увеличило жалование, выплачиваемое священникам, и предоставило свободу деятельности так называемым конгрегациям (монашеским объединениям), занимавшимся благотворительностью.

Весьма ловко он воспользовался Крымской войной 1853–1856 гг., чтобы приобрести репутацию защитника «угнетенных национальностей» и укрепить международное положение Второй империи. На короткое время Наполеон III стал едва ли не центральной фигурой европейской политики: дружбы с ним искали многие европейские дворы. В 1858 г. Франция подписала союзный договор с Сардинским королевством, которому в обмен на возвращение Савойи и Ниццы обязалась помочь в борьбе за освобождение от австрийского господства Северной Италии. В

предстоящей войне Наполеон III заручился благожелательным нейтралитетом России, пообещав ей оказать содействие в пересмотре Парижского мира 1856 г.

Наполеон III добился поставленной цели — Франция получила обратно Савойю и Ниццу. Но политическая цена этого успеха оказалась несоразмерно высокой. Поддержкой сардинского короля он восстановил против себя папу римского, лишившегося части своих светских владений. Совершенно не желая того, император допустил возникновение близ южных границ Франции большого Итальянского королевства, способного составить конкуренцию в международных делах. Не сумел он в итоге сохранить и дружбу с Россией, не только не оправдав ее ожиданий, но еще и раздражив тем, что поднял свой голос в поддержку поляков во время восстания 1863–1864 гг.

Значительные усилия прилагал Наполеон III, чтобы активизировать колониальную экспансию Франции. Более чем вдвое он увеличил бюджет военно-морского ведомства. Это позволило создать флот, который насчитывал около 300 военных кораблей, большей частью ходивших под паром. И результаты не заставили себя ждать. В 1853 г. французы захватили о. Новая Каледония в Полинезии. А затем они приняли участие в новой «опиумной» войне, которую в 1856 г. развязали против Китая британские колонизаторы. В 1860 г. Франция и Великобритания заключили с ним мирный договор, предоставлявший иностранцам дополнительные торговые и иные преимущества. Вскоре после «открытия» Японии для иностранной торговли французы и этой стране навязали выгодный для себя договор. Преследования католических миссионеров правительством Аннама послужили предлогом для колониальной агрессии в Юго-Восточной Азии. В 1858 г. французские войска при поддержке испанцев попытались захватить города Дананг и Хюэ, но затем были переброшены в устье р. Меконг, где заняли г. Сайгон и прилегавшую к нему территорию. В 1862 г. император Аннама был вынужден признать господство французов. На следующий год Франция установила протекторат над Камбоджей, а в 1867 г. подчинила себе всю южную часть Вьетнама (Кохинхину). За годы Второй империи французы расширили свои владения в Алжире и Сенегале, а также захватили Дагомею. В районе Суэцкого перешейка они соединили судоходным каналом Красное и Средиземное моря. Разрешение на его строительство от египетского правителя Саида-паши получил Ф. де Лессепс, долгое время служивший в Египте французским консулом. В 1856 г. под его руководством была образована «Компания Суэцкого канала» в форме акционерного общества с капиталом 200 млн франков,

разделенным на 400 тыс. акций. Крупнейшим акционером являлся сам паша, подписавшийся на 150 тыс. акций. Строительные работы начались в 1859 г., а торжественное открытие канала состоялось 17 ноября 1869 г.

Неудивительно, что при таком масштабе колониальной экспансии Франция уже к началу 60-х годов столкнулась с острейшим дефицитом государственного бюджета. Перед лицом грозящего империи кризиса Наполеон III решился на проведение реформ. Начался период истории, обычно называемый либеральной империей. В ноябре 1860 г. были приняты декреты, расширявшие полномочия законодательных палат. Они могли теперь выступать с оценкой политики правительства, а также публиковать отчеты о прениях. В ноябре 1861 г. Законодательный корпус получил право вотировать государственный бюджет не только в целом, но и отдельными частями. Сложилась легальная оппозиция правительству, представленная республиканцами и традиционными монархическими группировками — легитимистами и орлеанистами. На законодательных выборах 1863 г. за них в совокупности проголосовали втрое больше избирателей, чем в 1857 г. Депутатские мандаты получили 17 республиканцев и 15 монархистов, вместе они образовали оппозиционный Либеральный союз. На открытии парламентской сессии 1864 г. от имени оппозиции Тьер потребовал законодательного закрепления «необходимых свобод» — личности, печати, выборов, а также подотчетности министров и ответственности правительства перед парламентом. В январе 1867 г. депутаты добились подотчетности министров. В мае следующего года был принят новый закон о печати, а спустя месяц — о расширении права граждан на собрания.

Наполеона III тревожило, что своими успехами на выборах республиканцы во многом были обязаны поддержке заводских рабочих. Между правительством и республиканской оппозицией развернулось острое соперничество за симпатии рабочих избирателей. Чтобы привлечь их на свою сторону, власти посягнули даже на один из основополагающих принципов либеральной политики — свободу труда, — отменив старый закон Ле-Шапелье и предоставив в 1864 г. наемным работникам право на забастовку. Однако республиканская оппозиция сумела выдвинуть более привлекательную программу реформ. В 1869 г. республиканец Леон Гамбетта, выступая на предвыборном митинге в рабочем предместье столицы Бельвиле, потребовал глубоких демократических преобразований в политическом и социальном строе государства, включая полную свободу печати, собраний и объединений граждан, отделение церкви от государства, обязательное бесплатное светское начальное образование, замену

постоянной армии вооружением народа.

Выборы в Законодательный корпус, состоявшиеся в 1869 г., резко изменили расстановку политических сил. Сторонники сохранения авторитарных методов правления оказались в меньшинстве. Возросла численность депутатов-бонапартистов, поддерживавших политику либеральных реформ. Значительно увеличилось парламентское представительство республиканцев. Однако среди них наметился раскол: часть из них намеревались и впредь оставаться в непримиримой оппозиции правительству империи, зато другие не исключали сотрудничества с ним на почве реформ. На последних и решил опереться Наполеон III, стремясь упрочить свою власть. В сентябре 1869 г. он издал декрет, возвращавший Законодательному корпусу полномочия подлинно законодательной власти: право избирать своего председателя, предлагать законы и т. д. Вскоре был провозглашен и принцип коллективной ответственности министров не только перед императором, но и перед палатами. Если не юридически, то фактически Вторая империя превратилась в парламентскую монархию с либерально-демократическими учреждениями. В январе 1870 г. император предложил умеренному республиканцу Оливье возглавить правительство и даже выбрать министров по своему усмотрению (кроме военного и морского). Плебисцит, организованный в мае 1870 г. показал, что большинство избирателей (7,3 млн голосов против 1,5 млн) поддерживают политику реформ.

Между тем в международных делах Наполеона III преследовали неудачи. Унизительным провалом обернулась затеянная им экспедиция в Мексику. Он намеревался учредить там монархию во главе со своим ставленником эрцгерцогом Максимилианом (братом австрийского императора Франца-Иосифа). Но не достигнув намеченных целей, Наполеон III был вынужден отозвать войска. Максимилиан был схвачен патриотами и расстрелян по приговору суда.

В европейской политике Наполеон III вел себя столь же нерасчетливо. Он не только рассорился с государями, которые в недавнем прошлом были его союзниками, но и легко дал себя провести Пруссии, предложившей некие территориальные компенсации на Рейне в обмен на дружественный нейтралитет в случае ее войны с Австрией. О своих обещаниях Пруссия тотчас же забыла после образования Северогерманского союза. Однако Наполеон III продолжал настаивать на компенсациях, все туже затягивая узел франкопрусских противоречий. И он повторно дал заманить себя в сети, которые ему расставил прусский министр-президент Бисмарк. Поводом для войны послужил спор, возникший между обеими странами

из-за кандидатуры немецкого принца на замещение королевского трона Испании. Франция подняла такую бурю, что прусский король счел за благо отказаться от поддержки своего ставленника. Но требование французского посла о письменных гарантиях Вильгельм I отклонил, о чем и сообщил Бисмарку телеграммой из Эмса, где находился на отдыхе. Тот вычеркнув кое-что из нее, но не добавив от себя ни слова, позаботился о том, чтобы она произвела «впечатление красной тряпки на галльского быка». В таком виде «эмсская депеша» и была передана в печать.

Как того и добивался Бисмарк, Франция взяла на себя ответственность за развязывание конфликта. 15 июля 1870 г. Законодательный корпус по просьбе правительства проголосовал за военные кредиты. В ответ 16 июля Вильгельм I подписал приказ о мобилизации прусской армии. 19 июля Франция объявила Пруссии войну, оказавшуюся последней в истории Второй империи. Уже в середине августа крупные силы французов были блокированы в крепости Мец. 2 сентября другая группировка капитулировала близ г. Седан. Вместе с ней в плен сдался и Наполеон III.

Когда в Париже получили известие о катастрофе под Седаном, улицы заполнились толпами горожан, требовавшими провозглашения республики. 4 сентября в Ратуше собрались вожди республиканской оппозиции, которые сформировали правительство «национальной обороны». Вечером того же дня оно объявило о роспуске Законодательного корпуса и о предстоящих выборах в Учредительное собрание. В тронном зале Тюильрийского дворца Франция была провозглашена республикой.

Рождение Третьей республики

Правительство «национальной обороны» рассчитывало на почетный мир с Пруссией. Однако условия, которые 18 сентября предложил Бисмарк, оказались суровыми: отказ Франции от Эльзаса, сдача крепостей Страсбург и Туль, оккупация немецкими войсками одного из парижских фортов — Мон-Валерьян. Правительство, состоявшее из республиканцев, не посмело их принять, потому что опасалось таким образом дискредитировать республику. Вместе с тем его члены понимали, что у них нет возможности заставить Бисмарка пойти на смягчение условий мира. 16 сентября немецкие войска вышли в окрестности французской столицы и затем полностью ее окружили. Немцы не собирались брать город штурмом, но, подтянув тяжелую артиллерию, подвергли его обстрелу. Положение стало безнадежным после того, как 27 октября капитулировал Мец, а 4 декабря

пал Орлеан.

28 января 1871 г. Фавр заключил с немецкими представителями соглашение о перемирии. Его условия оказались гораздо тяжелее прежних: форты Парижа со всем вооружением и боеприпасами подлежали сдаче немцам, а гарнизон хотя и оставался в городе, но на положении военнопленных. Лишь национальные гвардейцы, оборонявшие Париж во время осады, сохраняли оружие. Для ведения переговоров о мире Франция должна была провести выборы в Национальное собрание и сформировать «законное» правительство.

Революционные и левореспубликанские группировки осудили перемирие. Но на выборах, которые состоялись 8 февраля 1871 г., победили сторонники мира с объединенной Германией. Большей частью это были монархисты (около 400 из 630 депутатов) и умеренные республиканцы. Ввиду важности вопроса о мире они отложили на время свои разногласия относительно формы правления и заключили компромисс, поделив поровну высшие государственные должности. Председателем Национального собрания, которое открылось в Бордо 12 февраля, был избран республиканец Жюль Греви, а главой исполнительной власти Французской Республики, как официально именовалось государство, — орлеанист Тьер. В целях сохранения национального единства он обязался не предпринимать каких-либо действий, предreshающих политическое устройство Франции (так называемый «пакт Бордо»).

26 февраля Тьер подписал в Версале прелиминарный мирный договор, согласно которому Франция теряла Эльзас и Лотарингию, а также выплачивала Германии контрибуцию в размере 5 млрд франков. Лишь по завершении платежей немецкие войска должны были покинуть французскую территорию. 1 марта Национальное собрание после коротких, но бурных дебатов одобрило его значительным большинством голосов. 10 мая во Франкфурте-на-Майне состоялось подписание окончательного мира.

Парижане, выдержавшие многомесячную осаду, были недовольны условиями мира. Их гордость задело и решение Национального собрания назначить местом своего пребывания Версаль. В этом они усмотрели недоверие к столице, проголосовавшей на выборах 8 февраля за республиканцев. Окончательно подорвало их доверие к властям решение, внезапно принятое Национальным собранием, об отмене моратория на взыскание просроченных долгов, введенного во время осады. Необыкновенную популярность среди парижан приобрел лозунг децентрализации, самостоятельности отдельных регионов страны, включая и столицу.

Большую роль в жизни парижан играла Национальная гвардия. Во время осады она насчитывала сотни тысяч бойцов, которые за свою службу получали скромное вознаграждение. На вооружении у нее имелись 227 артиллерийских орудий, большей частью отлитых на пожертвования самих парижан. Как военная и политическая сила Национальная гвардия внушала правительству большую тревогу. Тьер был твердо намерен взять ее под контроль, прежде всего изъять у нее тяжелое оружие. С этой целью на рассвете 18 марта в Париж были введены правительственные войска. Но поднятые по тревоге национальные гвардейцы помешали им вывезти артиллерию. При этом генералы Леконт и Тома, командовавшие войсками, были задержаны и в тот же день без суда и следствия казнены.

Эти трагические события послужили сигналом к эвакуации правительственных учреждений в Версаль. Вслед за ними столицу начали покидать богатые горожане. Столица полностью оказалась в руках Национальной гвардии, руководство которой занялось подготовкой выборов в Коммуну, как по традиции называлось городское самоуправление Парижа. Выборы состоялись 26 марта. В них участвовала почти половина зарегистрированных избирателей — 229 тыс. из 485 тыс. Членами Коммуны были избраны 86 человек. Среди них встречались известные люди, например ветераны революционного движения Шарль Делеклюз и Феликс Пиа, художник Гюстав Курбе. Имена же большинства — обычных служащих, врачей, журналистов, адвокатов, рабочих — ничего не говорили широкой публике.

Коммуна обнародовала программу реформ, которая была общим достоянием французских демократов середины XIX в., — замена постоянной армии вооружением народа, выборность и сменяемость чиновников, справедливая организация труда, отделение церкви от государства, введение бесплатного обязательного и светского обучения детей и др. Но о выполнении этой программы не могло быть и речи из-за вооруженного противоборства с правительством. В начале апреля произошли первые стычки между федератами (так называли себя бойцы вооруженных отрядов Коммуны) и версальскими (правительственными) войсками. Этот гражданский конфликт характеризовался бесчинствами с обеих сторон. Узнав, что версальцы расстреливают пленных, Коммуна приняла декрет о заложниках. Когда бои велись уже на улицах Парижа, коммунары подожгли ряд общественных зданий в центре столицы — Тюильрийский дворец, Ратушу, Дворец правосудия, префектуру полиции. 28 мая Париж был полностью взят под контроль правительственными войсками.

С возвращением страны к внешнему и гражданскому миру монархисты, располагавшие большинством в Национальном собрании, получили легальную возможность восстановить во Франции монархию. Они рассчитывали на активное содействие исполнительной власти в лице Тьера. Но тот на их обращения не отвечал, поглощенный текущими делами. Оставаясь депутатом и главой правительства, 31 августа 1871 г. он был избран еще и главой государства — президентом республики (с оговоркой, что название его новой должности не предвещает вопроса о будущей форме правления). Благодаря двум внутренним займам его правительству удалось в кратчайшие сроки выплатить контрибуцию. В марте 1873 г. Франция подписала с Германией конвенцию о выводе оккупационных войск. По этому случаю Тьеру был присвоен почетный титул «освободителя территории».

На баррикадах Парижа. 1871 г.

В ноябре 1872 г. Тьер прервал молчание и заявил: «Республика существует, она является законной формой правления в этой стране». Монархисты были потрясены его словами. Некоторые из них поддерживали Тьера, положив начало длительному процессу «присоединения» монархистов к республике. В Национальном собрании «присоединившиеся» стали блокироваться с республиканцами. Но большинство не простило Тьеру его «измены». 24 мая 1873 г. они

отправили его в отставку и избрали президентом республики маршала Мак-Магона, убежденного легитимиста.

Однако реставраторским планам мешала старая династическая распря между обоими претендентами на королевскую корону. Политики из монархического лагеря пытались примирить их между собой. Им удалось заручиться согласием графа Парижского о признании старшинства графа Шамбора при условии наследования трона после его смерти. Однако камнем преткновения оказались политико-идеологические притязания графа Шамбора. Он верил в свое Божественное право, и ему представлялась неприемлемой процедура избрания короля депутатами. Он также категорически отказался признать триколор, настаивая на белом стяге Бурбонов.

Ввиду срыва переговоров монархисты решили потянуть время. С этой целью в ноябре 1873 г. они провели закон о семилетнем сроке полномочий президента и, не мешкая, принялись готовить почву для монархии. Целью своего президентства Мак-Магон провозгласил восстановление в стране «морального порядка». Главой правительства он назначил орлеаниста герцога де Брольи, который подверг «чистке» государственный аппарат от республиканцев. Одновременно власти стремились поднять авторитет католической церкви. Для желающих совершить паломничество в Лурд и другие места явления Богоматери выделялись специальные поезда. В искупление «грехов» Коммуны было принято решение о строительстве на Монмартрском холме базилики Сакре-Кёр.

И легитимисты, и орлеанисты своими ближайшими политическими конкурентами считали бонапартистов, которые сумели добиться заметного успеха на дополнительных выборах в Национальное собрание, состоявшихся в 1874 г. Это заставило обе монархические группировки искать соглашения с умеренными республиканцами в целях поддержания существующего порядка. Плодом политического компромисса между ними явились три конституционных закона, принятые в течение 1875 г. Вместе взятые, они составили конституцию, учреждавшую Третью республику.

В ней отсутствовала традиционная Декларация прав человека и гражданина. Первоначально депутаты не собирались определять даже форму правления. Но благодаря поправке депутата Анри Валлона, одобренной большинством всего лишь в один голос, должность главы государства по-прежнему должна была именоваться «президент республики». Как глава исполнительной власти, он назначал и смещал министров, председательствовал на их заседаниях, но был лишен права принимать без их ведома и согласия какие-либо иные важные решения.

Президент республики представлял Францию в международных отношениях, подписывал декреты и обнародовал законы, мог вернуть закон на повторное обсуждение в палаты, обладал правом помилования. Министры, в руках которых находилась реальная исполнительная власть, составляли правительство, несшее солидарную ответственность перед палатами.

Конституция закрепила такие принципы либерально-демократического устройства государства, как представительное правление, разделение властей, ответственность правительства перед парламентом. Двухпалатному Национальному собранию принадлежала законодательная власть. Палата депутатов выбиралась всеми гражданами на четыре года на основе всеобщего избирательного права, Сенат — специальными коллегиями выборщиков на девять лет с переизбранием трети его состава каждые три года (не считая несколько десятков пожизненных сенаторов). Закон признавал за палатами одинаковые права с той лишь разницей, что Сенат наделялся еще и высшей судебной властью (в особых случаях он мог принимать решения в качестве верховного суда страны). На совместных заседаниях палат, которые назывались конгрессом, избирался президент республики и принимались поправки к конституции.

31 декабря 1875 г. депутаты Национального собрания сложили свои полномочия. В соответствии с конституцией состоялись выборы в обе палаты парламента. Места в Сенате монархисты и республиканцы разделили почти поровну, зато в Палате депутатов республиканцы добились убедительного большинства (360 мандатов против 170). Президент Мак-Магон сделал вид, что склоняется перед волей избирателей, и назначил правительство из умеренных республиканцев. Но 16 мая 1877 г. он под надуманным предлогом отправил министров в отставку. Был сформирован кабинет во главе с Брольо. Затем с согласия Сената президент распустил Палату депутатов и назначил новые выборы. Подготовка к ним сопровождалась беспрецедентным со времен Второй империи давлением правительства и государственных чиновников на избирателей. Республиканцы образовали предвыборный блок, выдвинувший единых кандидатов во всех избирательных округах. Эта тактика блестяще себя оправдала. На выборах 14 октября республиканцы получили 335 депутатских мест против 208 у монархистов.

Мак-Магон снова пренебрег результатами выборов. Он назначил кабинет меньшинства из монархистов. В знак протеста республиканцы прибегли к обструкции, провалив в Палате депутатов законопроект о бюджете на 1878 г. Лишь угроза полномасштабного политического кризиса

заставила Мак-Магона одуматься. Он отправил в отставку правительство и 29 января 1879 г. досрочно оставил свой пост. На следующий день президентом республики был избран республиканец Гриви.

Правление умеренных республиканцев

Годы «битв за республику» характеризовались значительной поляризацией политических сил. Они разделились на два больших лагеря, которые по традиции, восходившей к революции конца XVIII в., называли правым и левым. Французские правые выступали за восстановление монархии во главе с Бурбонами или Орлеанами, а левые — в защиту республиканских учреждений.

Между тем Третья республика, возникшая в обстановке поражения Франции во внешней войне, разгрома Коммуны и компромисса 1875 г., не исключала возможности сотрудничества монархистов и значительной части республиканцев на почве защиты национальных интересов, социального консерватизма и борьбы с «анархией». Что касается монархистов, то у них практически не осталось альтернативы. На всеобщих выборах 1881 г. их парламентское представительство резко сократилось. В Палате депутатов они получили всего лишь 90 мест. Боевой дух самых последовательных противников республики — легитимистов — подорвала смерть графа Шамбора в 1883 г. В их рядах произошел раскол: одни из принципа сохранили верность белому знамени Бурбонов и остались на позициях неприятия республиканского строя; другие проявили гибкость и вступили в ряды орлеанистов, признав графа Парижского законным претендентом на трон. Многие монархисты были вынуждены если не формально, то фактически признать существующую форму правления, сосредоточив усилия на борьбе в защиту традиционных консервативных ценностей — религии, церкви, собственности, армии, сильной исполнительной власти. Они постепенно превратились в конституционную оппозицию республиканским правительствам справа. Таким образом сложились предпосылки для возникновения в парламенте либерально-консервативного «центра» на основе сближения умеренной части республиканского большинства и признавших республику монархистов.

Сами республиканцы, завоевавшие на выборах 1881 г. в Палату депутатов 467 мест, проводили политику, проникнутую социальным консерватизмом. За это их прозвали умеренными республиканцами. «Отцы-основатели» Третьей республики — президент Гриви, министры Жюль

Ферри, Шарль де Фрейсине и др. — стремились успокоить деловые круги, которых тревожила возможность общественных потрясений. Обществу настроению поддался даже Гамбетта. Он призывал своих сторонников не торопиться с проведением социальных реформ, предлагая отложить их «до благоприятного времени» (*au temps opportun*), за что прослыл «оппортунистом». В 80-е годы этот ярлык прочно прилип к умеренным республиканцам.

Придя к власти, республиканцы ограничились тем, что провели ряд мер, направленных главным образом на легитимацию Третьей республики, устранение явных пробелов в конституции и перекосов в гражданских отношениях. Правительство и Национальное собрание переехали из Версаля в Париж, день 14 июля был объявлен национальным праздником, а коммунарам предоставили амнистию. В 1881 г. были приняты законы о свободе собраний и печати, в 1883 г. разрешен развод, в 1884 г. на основании закона, подготовленного Рене Вальдеком-Руссо, легальный статус получили профессиональные объединения предпринимателей и рабочих. Благодаря усилиям Ферри, занимавшего посты министра народного образования и председателя Совета министров в разных кабинетах, была принята серия законов об обязательном, бесплатном и светском начальном обучении. Некоторые меры умеренных республиканцев носили половинчатый характер. Так, конституционная реформа свелась к упразднению института пожизненных сенаторов. После долгих дебатов парламентское большинство отвергло предложение о выкупе государством частных железных дорог. Та же судьба постигла идею подоходного налога.

Социальный консерватизм лидеров республиканского большинства вызвал разочарование значительной части избирателей. Их взоры обратились к небольшой группе политиков, называвших себя радикалами и заявлявших о верности старой программе демократических и социальных реформ, от которой отказались оппортунисты. После выборов 1881 г. радикалы впервые отделились от республиканского большинства, образовав в Палате депутатов собственную фракцию в составе 46 человек. Их лидерами были молодые журналисты Камиль Пельтан и Жорж Клемансо. После выборов 1885 г. радикалы располагали в Палате депутатов 180 местами, оппортунисты — 200.

Республиканцы, которые и раньше не отличались монолитным единством, теперь окончательно раскололись на две соперничающие группировки — оппортунистов (умеренных республиканцев) и радикалов. Их называли партиями, но по существу это были аморфные политические

течения, идейными и организационными штабами которых служили соответствующие парламентские группировки. Они легко распадались на мелкие автономные образования, именовавшие себя «левыми», «республиканскими», «демократическими» и даже «социалистическими», и так же легко вновь объединялись впоследствии. Слабая сплоченность республиканцев неблагоприятно отражалась на устойчивости министерских кабинетов. Частая смена правительства была отличительной чертой Третьей республики. В среднем кабинеты находились у власти менее одного года. Этот недостаток лишь отчасти восполнялся относительным постоянством персонального состава правительства. Иначе говоря, значительная часть, а то и большинство министров кабинета, ушедшего в отставку, как правило, оказывались в новом.

С приходом к власти республиканцев вопрос о форме правления потерял остроту. В общественно-политических дискуссиях его потеснили споры о роли церкви в современном обществе. Консерваторы традиционно поддерживали церковь как одну из опор общественного порядка. Но именно поэтому республиканцы относились к ней с подозрением. В частности, они выражали недовольство деятельностью многочисленных религиозных конгрегаций. Еще находясь в оппозиции, республиканцы выдвинули лозунг борьбы с клерикализмом. В 1880 г. кабинет Ферри добился закрытия учебных заведений ордена иезуитов и обязал все другие конгрегации получить разрешение на свою деятельность. Эти меры вызвали недовольство духовенства и верующих. В стране возникло мощное католическое движение, которое нашло союзника в лице консервативной оппозиции и укрепило ее избирательную базу. На законодательных выборах 1885 г. клерикально-монархический блок выдвинул единых кандидатов и сумел потеснить республиканцев, получив свыше 200 депутатских мест.

Поглощенные борьбой с клерикально-монархической опасностью республиканцы не сразу заметили, как выросла и окрепла новая политическая сила — националистическое движение. Отчасти его подъем был связан с разочарованием широких слоев населения в результатах правления «умеренных республиканцев». Но главное — общественное мнение Франции не смирилось с утратой Эльзаса и Лотарингии. Начав с критики отдельных действий правительства, националисты постепенно перешли к отрицанию конституционных основ Третьей республики. В особенности они нападали на парламентаризм, усматривая в нем причину ослабления государственной власти и национального единства. Они выдвинули требование пересмотра конституции в целях усиления

исполнительной власти по образцу президентской республики 1848 г.

На роль «сильной личности» националисты прочили генерала Буланже. В 1886 г. он получил в правительстве портфель военного министра и на этом посту осуществил ряд реформ, снискавших ему популярность: сокращение срока военной службы с 5 до 3 лет, улучшение бытовых условий рядовых и унтер-офицеров и др. А твердость, которую он проявил перед лицом угроз Германии в 1887 г., окончательно сделала его кумиром толпы — «генералом реванша». Амбиции популярного генерала стремились использовать в своих целях различные политические силы. Но главным ресурсом буланжизма было националистическое движение, ведущую роль в котором играла Лига патриотов. Основанная в 1882 г. писателем Полем Деруледом и историком Анри Мартэном, она ставила целью «развитие физических и моральных сил нации» прежде всего в интересах победоносной войны против Германии. В середине 80-х годов Лига патриотов насчитывала свыше 180 тыс. членов.

Уволенный из армии Буланже в 1888 г. был выбран в Палату депутатов, где сразу же потребовал пересмотра конституции. Поскольку парламентарии его не поддерживали, генерал вынес это требование на своеобразный плебисцит. На дополнительных выборах в нескольких избирательных округах он возглавил списки кандидатов, выступавших за роспуск парламента, отмену конституционных законов и созыв Учредительного собрания. И почти везде ему сопутствовала удача. Это заставило республиканское большинство внести изменения в закон о выборах, отменив голосование по партийным спискам и запретив кандидатам выдвигаться более чем в одном избирательном округе. Буланжизм резко пошел на спад, когда генерал уехал за границу, опасаясь преследований. На законодательных выборах в сентябре 1889 г. его сторонники смогли завоевать в Палате депутатов всего лишь 38 мест.

Постепенно восстанавливало силы рабочее движение, пришедшее в упадок после подавления Коммуны. В 1880 г. была образована Рабочая партия, заявившая о своей приверженности социалистическим идеям. Вскоре она разделилась на две самостоятельные организации, одна из которых сохранила старое название, а другая взяла новое — Федерация социалистических трудящихся. Первая из них приняла марксистскую программу, которая предусматривала «возвращение к коллективной собственности на все средства производства». Поэтому ее членов чаще всего называли «коллективистами». Вторая стояла на реформистских позициях, ее члены принципиально не требовали ничего, что выходило бы за пределы «возможного» (possible). Отсюда другое, более

распространенное название этой партии — «поссибилисты». Кроме того, немало популярных политиков, не желавших принадлежать ни к какой организации, объявили себя «независимыми социалистами».

Своеобразными путями развивалось профсоюзное, или, как его называли во Франции, синдикалистское движение. Ему также не удалось избежать идейных разногласий и организационного разброда. Одно из основных его течений сложилось вокруг бирж труда, которые первоначально занимались учетом спроса и предложения рабочей силы. Но со временем они стали еще и местом, где регулярно собирались руководители местных профсоюзов. Большой популярностью в синдикалистском движении пользовалась идея всеобщей стачки, понимаемой как пролог социальной революции. Эту идею пропагандировал Фернан Пеллутье, который придерживался анархистских воззрений и объявлял себя «непримиримым врагом любой диктатуры, включая и диктатуру пролетариата». В 1894 г. он возглавил Федерацию бирж труда.

На фоне подъема социальных движений серьезный ущерб репутации умеренных республиканцев нанес крупнейший коррупционный скандал в истории Франции. В нем оказался замешан знаменитый Лессепс, который в 1879 г. предложил соединить судоходным каналом, по примеру Суэцкого, Тихий и Атлантический океаны. Созданная и возглавленная Лессепсом Компания Панамского канала нуждалась в инвестициях. Но крупные банки, считая проект непомерно рискованным, отказали ему в финансировании. Правда, мелкие и средние вкладчики, которым внушало доверие имя успешного предпринимателя, откликнулись на его призыв. Но средств все равно не хватало, и Лессепс стал хлопотать о выпуске облигаций выигрышного займа под гарантию государства. В июне 1888 г. соответствующий закон был принят. Но не прошло и нескольких месяцев, как Компания Панамского канала объявила о банкротстве. 85 тыс. акционеров потеряли свои сбережения. Лишь спустя несколько лет следствие установило, что значительная часть капиталов Компании ушла на подкуп парламентариев и чиновников, от которых зависело принятие упомянутого закона, а также на оплату рекламных кампаний в прессе. Разразился Панамский скандал, который дискредитировал значительную часть правящей элиты.

На выборах 1893 г. Палата депутатов обновилась наполовину. Впервые крупную победу одержали социалисты, завоевавшие около 50 мандатов. Резкий крен влево парламентского корабля подтолкнул к консолидации те политические силы, которые усмотрели в этом угрозу общественному

строю и порядку. Формированию нового правительственного большинства способствовала очередная волна «присоединения» монархистов к республике, связанная с поворотом в политике Ватикана. Святой Престол призвал французских католиков отказаться от бесплодной борьбы с республиканскими учреждениями и попытаться использовать их в интересах церкви. В феврале 1892 г. папа Лев XIII опубликовал энциклику, разъясняющую позицию церкви: «Признать конституцию, чтобы изменить законодательство». «Присоединившиеся» образовали в Палате депутатов группу «конституционная правая», которую возглавил граф де Мэн. Она выступала за примирение между трудом и капиталом, критиковала крайности как либерализма, так и социализма и призывала к переустройству общества на корпоративных началах. С именем графа де Мэна связано возникновение во Франции христианско-социального движения.

В результате консолидации либерально-консервативных группировок в парламенте впервые за годы существования Третьей республики сложилось прочное правительственное большинство, управлявшее страной под лозунгом: «Успокоение, терпимость, практические реформы!». Правительство прекратило борьбу с клерикализмом, а также провело ряд социальных реформ: закон об ограничении продолжительности рабочего дня 10 часами для подростков и 11 часами для женщин (1892), о возмещении рабочим ущерба, причиненного их здоровью производственными травмами (1898). Новое поколение умеренных республиканцев, пришедших к власти на волне Панамского скандала, заслужило репутацию сторонников умеренного прогресса, или прогрессистов.

В интересах предпринимательских кругов прогрессисты были вынуждены скорректировать экономическую политику. В последней четверти столетия французскую экономику поразил глубокий кризис. Он повлиял на поведение инвесторов: усилилось перетекание капиталов из реального сектора экономики в банковский, в сферу государственных и международных финансов. Увеличился спрос на считавшиеся надежными облигации государственных займов, в том числе иностранных. Французские власти, с одной стороны, вывозу капиталов за границу не препятствовали. Даже наоборот, положительно относились к этому явлению как инструменту политического влияния. В 1888 г. впервые была заключена сделка консорциума французских банков с Россией, гарантированная правительством. К 1914 г. государственный долг России французским вкладчикам достиг 10 млрд франков. Но, с другой стороны,

власти стремились повысить привлекательность инвестиций в самой Франции. С этой целью правительство пересмотрело внешнеторговую стратегию и вернулось к политике протекционизма. В 1892 г. был принят закон об общем повышении таможенных тарифов. Поставив заслон на пути иностранных товаров, он способствовал ускорению экономического роста, заметному уже начиная с середины 90-х годов. Вывести экономику из кризиса помогли также различные программы общественных работ, профинансированные государством. Но главное — политику правительства поддерживали частные инвесторы. Результаты не заставили себя ждать: в период с 1905 по 1914 г. темп экономического роста составил в среднем почти 5 % в год.

Крупного прорыва прогрессисты добились в области внешней политики. Они вывели Францию из относительной международной изоляции, на которую ее обрекала система европейских союзов, заключенных Германией. Отбросив предубеждения, они установили тесные отношения с Россией, с которой в 1891 г. подписали соглашение о взаимных консультациях, а в 1892 г. — и военную конвенцию. Прогрессисты также закрепили достижения своих предшественников в области колониальной политики. В 1881 г. Франция установила протекторат над Тунисом. В 1895 г. из захваченных ранее территорий в течении рек Сенегал и Нигер была образована колония Французская Западная Африка. В 1885 г. Франция приобрела в свое владение часть бассейна р. Конго. В дальнейшем она захватила в Центральной Африке еще ряд территорий, включая Чад и Габон, из которых в 1910 г. была образована колония Французская Экваториальная Африка. В 1895 г. французский протекторат был установлен над Мадагаскаром. В 1883 г. французы приступили к покорению Северного Вьетнама, а в 1887 г. объединили Аннам, Тонкин, Камбоджу и Кохинхину в Индокитайский союз под управлением общей администрации. В 1893 г. к нему была присоединена и территория современного Лаоса. В конце столетия французы предприняли попытку создания сплошной полосы своих владений в Африке с запада на восток. С этой целью они попытались захватить Судан, расположенный в среднем течении р. Нил. Но здесь им решительное противодействие оказала Великобритания. В 1899 г. обе державы подписали договор о разграничении своих владений в Судане.

Несмотря на очевидные заслуги прогрессистов, их попытка приглушить социальные и политические противоречия успеха не имела. В самом начале своего правления они столкнулись с небывалым всплеском политического терроризма. В марте 1892 г. в нескольких зданиях Парижа

взорвались бомбы, которые подложил анархист Равашоль. В декабре 1893 г. Огюст Вайян бросил бомбу в зал заседаний Палаты депутатов. В июне 1894 г. итальянский анархист Казерио убил президента республики Сади Карно, отклонившего прошение Вайяна о помиловании. Чтобы покончить с терроризмом, Палата депутатов приняла в 1893–1894 гг. законы о тюремном заключении за подстрекательство к грабежу и убийству, а также об изъятии дел о правонарушениях печати из ведения судов присяжных заседателей и передаче их в ведение обычных уголовных судов. Представители левой оппозиции — социалисты и радикалы — окрестили их «злодейскими законами», поскольку усмотрели в них посягательство на демократические права и свободы граждан. В конечном счете прогрессистам удалось сбить волну террористических выступлений, но не без потерь для своей репутации.

Камнем преткновения для прогрессистов явилось дело Дрейфуса, которое началось как обычный судебный процесс, но в своем развитии привело к полномасштабному политическому кризису. В декабре 1894 г. военный трибунал по обвинению в шпионаже приговорил капитана генерального штаба Альфреда Дрейфуса к пожизненному заключению. Несмотря на доводы защиты, в 1897 г. новый суд не нашел оснований для отмены приговора. Но выступили наружу подлинные мотивы осуждения Дрейфуса — как еврей, сын эльзасского промышленника, он считался недостойным элиты офицерского корпуса. Грубое попрание законности возмутило демократическую общественность. Она потребовала не только оправдания Дрейфуса, но и наказания лиц, прежде всего военных чиновников, причастных к неправомерному приговору. Возникло движение дрейфусаров — сторонников пересмотра приговора, — которое поддержали в основном радикалы и социалисты. Противники пересмотра приговора немедленно образовали движение антидрейфусаров, которое опиралось на консерваторов, выступавших в защиту ложно понимаемой «чести армии», а также на националистов, проповедовавших ксенофобию и антисемитизм. По отношению к делу Дрейфуса сами прогрессисты разошлись во мнениях: одни (Жюль Мелин, Шарль Дюпюи, Феликс Фор) приняли сторону антидрейфусаров, другие (Александр Рибо, Луи Барту, Раймон Пуанкаре, Жозеф Кайо) — их противников дрейфусаров.

В июне 1899 г. президент республики Эмиль Лубе назначил главой правительства Вальдека-Руссо. В состав его кабинета вошли представители политических сил, выступавших в защиту республиканских учреждений, в поддержку законности и порядка, в том числе «независимый социалист» Александр Мильеран. Правительство приняло решительные меры против националистов, добившись ареста и препровождения в суд их вождей. Однако летом 1899 г. военный трибунал в ходе нового слушания в очередной раз вынес капитану Дрейфусу обвинительный приговор. Властям не оставалось другого выхода, как прибегнуть к процедуре помилования. Лишь в 1906 г. кассационный суд полностью реабилитировал Дрейфуса.

На рубеже столетий едва ли не все взрослое население Франции разделилось на дрейфусаров и антидрейфусаров. Традиционное противостояние левых и правых вновь приобрело классически ясные очертания. Однако характер этого противостояния существенно изменился. Дело Дрейфуса добило роялизм старого толка. Легитимисты и орлеанисты практически сошли со сцены, уступив место правому радикализму, окрашенному в монархические цвета, который олицетворяли писатель Шарль Моррас и возглавляемое им движение «Французское действие» («Аксьон франсэз»). Теперь левые и правые расходились во взглядах не столько на форму правления, сколько на политические цели и ценности самой республики: левые отдавали приоритет правам человека и гражданина, правые — государственной дисциплине и целесообразности. Хотя между теми и другими сложился своего рода консенсус относительно признания фактически существующей формы правления, левые упорно продолжали именовать себя республиканцами. Таким способом они стремились обосновать легитимность своих притязаний на власть в Третьей республике.

Дело Дрейфуса стимулировало создание массовых политических партий. 1 июля 1901 г. по предложению кабинета Вальдек-Руссо был принят закон об ассоциациях, который предоставлял широкую свободу деятельности различным объединениям граждан, включая политические. Социалисты еще в 1899 г. предприняли попытку провести объединительный съезд своих многочисленных организаций, но не смогли преодолеть разногласий относительно участия социалистов в «буржуазных» правительствах («казус Мильерана»). Поэтому в 1901 г. возникли сразу две социалистические партии — сторонников и противников «министерализма». Раскол социалистического движения был преодолен лишь в 1905 г., когда возникла Объединенная социалистическая

партия (Французская секция рабочего Интернационала — СФИО). В 1901 г. появилась общенациональная организация радикалов — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Такое название отражало стремление организаторов новой партии объединить все левые силы, приверженные идеалу демократической республики. В том же году бывшие прогрессисты, примкнувшие к лагерю дрейфусаров, образовали партию Демократический альянс.

«Радикальная республика»

Решающей пробой сил между французскими левыми и правыми явились законодательные выборы 1902 г. На них победили левые — не в последнюю очередь потому, что сумели лучше к ним подготовиться в организационном отношении. Они добились избрания 350 депутатов, из которых 210 были радикалами и радикал-социалистами, 95 — левыми республиканцами (членами Демократического альянса), 45 — социалистами. Правые получили 230 мандатов, из которых 115 принадлежали правым республиканцам, 60 — националистам, 55 — консерваторам. Правые постарались извлечь урок из своего поражения. В 1903 г. бывшие прогрессисты, поддержавшие антидрейфусаров, а также «присоединившиеся» к республике монархисты образовали консервативную Республиканскую федерацию.

После выборов 1902 г. левые партии образовали в парламенте координирующий центр — «делегацию левых». Оформленная таким образом коалиция получила название «левый блок». Кабинет министров, который возглавил Эмиль Комб, объявил своей приоритетной задачей борьбу с клерикализмом. И не без оснований: в годы правления прогрессистов возникло множество незарегистрированных конгрегаций, которые в разгар дела Дрейфуса поддерживали националистическую агитацию. Новое парламентское большинство отвергло их просьбы о регистрации. А в 1904 г. Палата депутатов приняла закон, распускавший ранее зарегистрированные конгрегации. В ответ на протесты Ватикана Франция разорвала с ним дипломатические отношения. Уже после отставки Комба особая парламентская комиссия во главе с «независимым социалистом» Аристидом Брианом подготовила законопроект об отделении церкви от государства, отменявший Конкордат 1801 г. Новый закон, принятый в декабре 1905 г., гарантировал свободу совести и свободное отправление всех культов, но запрещал государственное субсидирование

религиозных организаций. Кабинет Комба подготовил также законопроект о сокращении срока военной службы с трех до двух лет, принятый в 1905 г.

На выборах в Палату депутатов, состоявшихся в мае 1906 г., радикалы завоевали 247 мандатов. Они привели к власти кабинет во главе с Клемансо, который выражал намерение ускорить принятие закона о рабочих пенсиях, сократить продолжительность рабочего дня до 10 часов, провести закон о коллективных договорах, осуществить реформу налоговой системы и многое другое. Однако выполнить ему удалось лишь малую толику из обещанного. Законопроект о пенсиях, одобренный Палатой депутатов еще в феврале 1906 г., после многочисленных уточнений и согласований был утвержден Сенатом только в марте 1910 г. Еще меньше повезло законопроекту о прогрессивно-подоходном налоге. Принятый к рассмотрению в феврале 1907 г., он 10 лет кочевал из одной парламентской комиссии в другую, прежде чем получил силу закона.

По иронии судьбы сопротивление политике Клемансо оказали не только консервативные силы, но и синдикалистское движение, которое в начале XX в. далеко уклонилось от своих непосредственных целей и задач. В 1895 г. возникла Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), к которой в 1902 г. присоединилась Федерация бирж труда. Единый профсоюзный центр встал на позиции анархо-синдикализма. В октябре 1906 г. Амьенский съезд ВКТ принял манифест («Амьенская хартия»), в котором говорилось о приверженности профсоюзов классовой борьбе вплоть до «полного освобождения, которое может быть достигнуто лишь путем экспроприации капитала». Всеобщая стачка объявлялась главным средством этой борьбы, а профсоюзы — орудием не только сопротивления эксплуататорам, но и организации производства и распределения в будущем. Эти идеи ВКТ и попыталась применить на практике.

По отношению к анархо-синдикалистам Клемансо занял твердую позицию. Для поддержки общественного порядка он использовал войска. Иногда забастовки и демонстрации рабочих сопровождались столкновениями с силами порядка, приводившими к жертвам. Социалисты обвиняли кабинет в стремлении ограничить права трудящихся и править полицейскими методами. С яркими обличительными речами выступал в Палате депутатов один из вождей СФИО Жан Жорес, которому нередко отвечал сам Клемансо. Их словесная дуэль ознаменовала крушение «левого блока» и начало новой перегруппировки политических сил. Сам Клемансо шокировал своих соратников-радикалов заявлением, что не считает себя вправе исключать кого-либо из «республиканской партии». И действительно, в парламенте его не раз поддерживали своими голосами

левые республиканцы (члены Демократического альянса). Им импонировала не только твердость, с которой он противостоял анархо-синдикалистам и социалистам, но и гибкость, которую он проявлял при проведении в жизнь антиклерикального законодательства. В частности, его кабинет немедленно прекратил столь возмущавшую католиков процедуру составления инвентарных описей церковного имущества.

В последние годы перед Первой мировой войной от выборов к выборам парламент все больше «левел», а правящие кабинеты «правели». В 1906–1914 гг. СФИО вдвое увеличила свое представительство в Палате депутатов — с 54 до 102 мандатов. Однако оппозиция социалистов «буржуазным» правительствам вынуждала радикалов искать союзников справа. Постепенно левые республиканцы заняли ключевые должности во властных структурах государства. Их представителям четырежды накануне войны поручалось формирование правительства — Жозефу Кайо в 1911 г., Пуанкаре и Барту в 1912–1913 гг., а также Рибо в 1914 г. В парламенте они охотно пользовались поддержкой правых республиканцев. В 1913 г. это позволило Пуанкаре победить на выборах президента республики. В итоге противостояние левых и правых уже не выглядело таким непримиримым и абсолютным, как в разгар дела Дрейфуса. Напротив, снова наметилась тенденция к образованию либерально-консервативного «центра».

С началом Первой мировой войны завершился противоречивый, но в целом благополучный период в истории Франции. Стране удалось вырваться из порочного круга революций и контрреволюций, в котором она блуждала почти три четверти столетия. Возник устойчивый режим, закреплявший индивидуальные и коллективные права и свободы граждан, основанный на общепризнанных учреждениях либеральной демократии — свободных выборах, представительном правлении и парламентаризме. В начале XX в. Франция подтвердила свой статус одной из основных европейских, а теперь и мировых держав. Третья республика обеспечила заметный подъем народного благосостояния. В 1,5 раза и более выросло потребление мяса, сахара и других ценных продуктов питания, в 2,5 раза — шерсти, в 3 раза — хлопка. Накануне войны 10-часовой рабочий день был установлен на трех из каждых четырех промышленных предприятий. Профсоюзы требовали распространить закон о 8-часовом рабочем дне, принятый в 1905 г. для шахтеров, на работников других профессий.

Париж являлся вторым по значению (после Лондона) финансовым рынком мира. Франция накануне мировой войны заняла лидирующее положение в развитии наукоемких отраслей промышленности — автомобильной, авиационной, велосипедной, электроэнергетической,

алюминиевой. По динамическим показателям развития она не уступала другим странам, однако из-за снижения темпа роста в последней трети XIX в. откатилась со второго на четвертое место в мире по объемам производства. Доля Франции в мировом экспорте промышленной продукции сократилась с 16 % в 1876 г. до 12 % накануне Первой мировой войны. Из-за высокой себестоимости продукции французская индустрия часто не могла конкурировать на мировых рынках с иностранными производителями. Структура французского экспорта оставалась во многом традиционной: изделия «изысканного вкуса» преобладали над продукцией современного машиностроения.

Франция, несмотря на перемены, являлась по преимуществу крестьянской страной, 60 % населения которой были сельскими жителями, а почти половина — занималась сельским хозяйством. Французское общество оставалось иерархичным: между высшими и низшими слоями населения сохранялись глубокие различия в уровне доходов и образе жизни. Однако монополию на власть, образование и культуру высшие слои (аристократия, крупная буржуазия) окончательно утратили. В общественной жизни ведущие позиции заняли так называемые новые средние слои — те, кто жил на доходы не столько от прибыли, сколько от своего труда, причем труда интеллектуального, требующего специальных знаний и широкой культуры. К плодам цивилизации и прогресса впервые в истории смогли приобщиться и низшие слои. В обществе воцарилась атмосфера жизнерадостности, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. После мировой войны, резко изменившей настроения, французы еще долго с ностальгией вспоминали это время, представлявшееся им теперь счастливым и безмятежным, которому дали название «Belle époque» — Прекрасная эпоха.

Закат испанской империи

Кризис испанской империи начала XIX века и потеря заморских владений

В XIX в. Испания вступала в качестве огромной колониальной державы, владения которой располагались по всему миру: Балеарские острова в Средиземном море, Канарские острова в Атлантическом океане, анклавы Сеута и Мелилья на североафриканском побережье, огромные

территории в Новом Свете (вся Латинская Америка, за исключением португальской Бразилии, Антильские острова, Луизиана и Флорида в Северной Америке, Филиппины, Каролинские и Марианские острова в Тихом океане). И хотя в течение XVII–XVIII вв. испанская корона утратила свои европейские владения, ее все еще можно было назвать «империей, в которой не заходило солнце». Правда, влияние Испании в Европе и мире постепенно ослабевало, а в Новом Свете росло соперничество испанцев с французами и англичанами.

Французская революция конца XVIII в. оказала огромное влияние на историю Испанской империи. Под ее влиянием и в силу нараставшего вокруг нее международного напряжения Испания оказалась втянутой в серию войн с Великобританией и Францией. В итоге Испания передала в 1795 г. Франции восточную часть о. Санто-Доминго (западная часть уже принадлежала французам с 1697 г.), уступила о. Тринидад Великобритании, даже на время потеряла Менорку (1798–1802 гг.), а в 1801 г. вернула Франции Луизиану — в то время огромную территорию к западу от 13-ти Североамериканских Штатов.

В силу серии договоров, подписанных в то время с Францией, Испания постепенно вступала в орбиту французского влияния на правах младшего партнера. Внутренний кризис и поражения испанского флота (самое значительное — в ходе Трафальгарской битвы 1805 г.) превратили ее в сателлита Франции. Потери флота негативно сказались на торговле метрополии с колониями, которая практически прекратилась. В 1797 г. Мадрид даже разрешил колониям торговать с нейтральными странами, что нарушало извечный принцип торговой монополии, существовавший в Испанской империи.

Большое влияние на развитие событий оказал династический кризис в семье испанских Бурбонов. Головокружительная карьера Мануэля Годоя (фаворита короля Карла IV и, по слухам, любовника его жены Марии-Луизы) вызвала охлаждение между венценосной четой и их сыном и наследником Фердинандом. И у принца, и у фаворита были свои сторонники, между которыми шла ожесточенная борьба за власть. Династический кризис перерастал в политический, ведь обе «партии» искали поддержки императора французов, и Наполеон Бонапарт постепенно становился своеобразным арбитром в семейной драме испанских Бурбонов.

Наполеон поначалу колебался в отношении Испании, но со временем решил лишить правящую династию власти. Осенью 1807 г. Франция заключила с Испанией союз против Португалии, которую император

французов хотел силой заставить выполнять условия континентальной блокады Англии.

Французская армия перешла Пиренеи и вместе с испанскими союзниками захватила Португалию. Однако французы не спешили покидать северные и северо-восточные территории Испании. Официальная пропаганда заявляла, что они являлись «друзьями» и «союзниками» испанцев.

К тому времени ненависть к Годою достигла апогея. В марте 1808 г. в Аранхуэсе, где находилась королевская семья и фаворит, вспыхнул мятеж. Годоя свергли, а Карл IV был вынужден передать корону сыну, однако вскоре аннулировал свое отречение от престола. Коротким междоусобицей сразу же воспользовался Наполеон. Он заманил испанских Бурбонов на юг Франции, в Байонну, где вынудил их отречься от короны в его пользу. Передавая все права на Испанию императору французов, Карл IV оговорил лишь два условия: признание католической религии единственной верой в государстве, а также сохранение целостности и независимости Испании и ее колоний. Последнее условие оказалось трудновыполнимым.

Пока в Байонне решались судьбы Испании, в Мадриде 2 мая 1808 г. вспыхнуло восстание против французов, которое было потоплено в крови. Известия о нем и о «байоннских отречениях» взбудоражили всю страну. Возмущение народа стремительно перерастало в вооруженные столкновения с французами. Восставший народ вооружался, захватывая арсеналы, и требовал объявления войны Франции во имя религии, Родины и Фердинанда «Желанного». По всей Испании стали возникать хунты, которые возглавили восстание, вскоре была создана Центральная хунта, действовавшая от имени «пленного» Фердинанда VII (после «байоннских отречений» Фердинанд остался во Франции).

Назначенный Наполеоном «королем Испании и Индий» его брат Жозеф (Хосе I) не смог умиротворить страну. Для большинства испанцев он так и остался королем-чужаком, узурпатором законной власти Бурбонов. В ноябре 1808 г. император французов лично возглавил поход в Испанию, в результате которого удалось покорить почти всю страну. Многие патриоты и члены Центральной хунты бежали на юг страны и укрылись в Кадисе, который выдержал французскую осаду. Именно в Кадисе были созваны кортесы, которые 19 марта 1812 г. приняли первую в истории страны конституцию.

Патриоты, мечтавшие сохранить целостность Испанской империи, уравнивали в правах свободное население колоний и метрополии. Первая

статья Кадисской конституции гласила: «Испанская нация есть объединение всех испанцев обоих полушарий». Исчезли «Индии», а более подходящее территориальное деление было отложено, согласно конституции, до тех пор, пока не «позволит политическая обстановка», т. е. пока не закончится война против французов. То были надежды, которым не суждено было сбыться, ведь «политическая обстановка» стремительно менялась и в самих колониях.

В конце XVIII в. Испанская Америка делилась на четыре вице-королевства: Новая Испания (современная Мексика, Центральная Америка и южная часть нынешних США), Перу (современные Перу и Чили), Новая Гранада (современные Венесуэла, Колумбия, Эквадор и Панама) и Рио-де-Плата (современные Аргентина, Парагвай, Боливия и Уругвай). Их отличало экономическое, социальное, культурное и этническое разнообразие. Колониальное общество состояло из «пиренейцев» (уроженцев метрополии), креолов (испанцев, родившихся в Америке), индейцев, негров, метисов, мулатов, самбо. Именно креолы стали движущей силой движения за независимость колоний от метрополии: они были недовольны реформами Бурбонов, направленными на централизацию управления империей, выступали за свободную торговлю с другими странами и были достаточно образованными, чтобы воспринять идеи Просвещения и Французской революции конца XVIII в. Однако не все креолы являлись сторонниками отделения от Испании, и до 1808 г. колониальное общество в целом сохраняло лояльность Мадриду.

Начало войны в Испании резко изменило ситуацию. Во многих городах Испанской Америки стали возникать хунты, наподобие тех, что образовались на Пиренейском полуострове. Как и в метрополии, хунты в колониях отказывались признать Жозефа Бонапарта королем и провозглашали свою верность Фердинанду VII. Таким образом, они фактически становились независимыми от метрополии. Ведь с их точки зрения власть над колониями Центральной хунты и Кадисских кортесов могла быть спорной, а политические и экономические связи с охваченной войной Испанией были номинальными и очень непрочными. Уже тогда креольские хунты начали вводить принцип свободной торговли и предпринимательства, а также отменять многие законы и налоги колониальной эпохи. После похода Наполеона и почти полной оккупации Испании французскими войсками начинается отделение колоний от Испании. Так внутриполитический кризис в охваченной войной метрополии стал прологом к глобальному кризису всей Испанской империи, а в конечном счете — к ее развалу.

В колониальном обществе и армии не было единства взглядов на будущее колоний и Испанской империи. Поэтому освободительное движение сопровождалось кровопролитной гражданской войной между патриотами, возглавившими движение за независимость, и местными роялистами. Наиболее ожесточенным этот конфликт стал в Венесуэле и Мексике, где и началось движение за независимость.

Тем временем в самой Испании война против французов подходила к концу. В декабре 1813 г. император французов, пытаясь сосредоточить все свои силы против Шестой антифранцузской коалиции, вернул испанскую корону Фердинанду VII. Жозеф Бонапарт и французские войска покидали Испанию. Война завершилась победой патриотов, но Испания была обессилена и опустошена кровопролитной войной, и в новом мире ей была уготована роль второстепенной державы.

В качестве единственного «вознаграждения» от держав-победительниц за вклад в победу над Наполеоном Испания получила часть о. Санто-Доминго (переданную Испанией Франции в 1795 г.), однако власть Мадрида там оставалась номинальной: еще в 1791 г. во французской части острова началось восстание негров-рабов, а в 1804 г. там было провозглашено независимое государство Гаити, в 1822 г. захватившее весь остров. В 1844 г. в бывшей испанской части острова была провозглашена независимая от Гаити Доминиканская республика.

Вернувшись весной 1814 г. в Испанию, Фердинанд VII сразу же отменил конституцию 1812 г. и все законодательство Кадисских кортесов. Реставрация абсолютизма в Испании предполагала возвращение к довоенным порядкам не только в метрополии, но и в колониях. Однако если в самой Испании ситуацию удалось стабилизировать при помощи репрессивного курса, то в далеких заокеанских владениях даже силой достичь восстановления власти испанской короны было нелегко — ослабленной войной против французов метрополии не хватало людских, материальных и военных ресурсов. Все свое правление Фердинанд VII безуспешно пытался справиться с развалом империи.

Хотя международная обстановка (принципы легитимизма и «равновесия», заложенные Венской системой, и «братства» монархов в Священном союзе), казалось, способствовала восстановлению власти Испании в ее колониях, среди великих держав не было единства по этому вопросу. Великобритания более других была не заинтересована в этом, хотя и проводила двойственную политику: Лондон предлагал Мадриду посредничество в разрешении конфликта с восставшими колониями взамен на торговые преимущества, одновременно негласно помогая повстанцам в

Америке.

Великобритания и США начали активнее помогать мятежникам, и в 1816 г. борьба в колониях разгорается с новой силой. Теперь «центр тяжести» конфликта сместился на юг, в вице-королевство Рио-де-ла-Плата, которое провозгласило независимость «Соединенных провинций Южной Америки» в июле 1816 г. Впоследствии от них отделились Парагвай и Уругвай. Последний был сразу же оккупирован Бразилией, а независимость обрел лишь в 1828 г. Созданная в «Соединенных провинциях Южной Америки» освободительная армия перешла Анды в 1817 г. и вошла в Сантьяго-де-Чили, где была провозглашена независимая от Испании республика.

В Новой Гранаде также шла ожесточенная борьба между патриотами и войсками, прибывшими из метрополии. В итоге сопротивление роялистов было сломлено — в 1819 г. Симон Боливар стал президентом так называемой «Великой Колумбии», объединявшей территории современных Колумбии, Венесуэлы и Эквадора. Ослаблением Испании в Новом Свете поспешили воспользоваться США. Они оккупировали Флориду и добились от Мадрида ее формальной передачи Вашингтону.

К 1820 г. положение в Испанской Америке было критическим: верность испанской короне сохраняли лишь Перу, Новая Испания и Антильские острова. Фердинанд VII безуспешно пытался заручиться поддержкой великих держав и получить от них военную помощь. В итоге остался единственный вариант — подготовить военную экспедицию, чтобы своими силами подавить восстания в колониях. Для отправки в Америку экспедиционная армия собиралась на юге Испании, в окрестностях Кадиса — колыбели и символа первой испанской революции.

Моральный настрой солдат и офицеров не был боевым, многие устали от войны и не верили в победу. К тому же масонские ложи уже давно распространяли либеральные идеи среди испанского офицерства, недовольного режимом Фердинанда VII. 1 января 1820 г. подполковник Рафаэль де Риго провозгласил конституцию 1812 г. в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан, недалеко от Кадиса. Солдаты поддержали восстание, а правительство упустило время для его подавления. Вскоре Кадисскую конституцию провозгласили и в других испанских городах. Королю не осталось иного выхода, как присягнуть конституции и созвать кортесы. В Испании начался период так называемого «конституционного трехлетия» (1820–1823).

Выступление Риго исключило последнюю возможность силой подавить восстания в колониях, а либеральные правительства «конституционного трехлетия» потеряли последнюю опору в Америке: их

реформы, подрывавшие влияние аристократии и церкви, заставили многих местных роялистов окончательно отвернуться от метрополии.

В 1821 г. в Мексике на волне недовольства либеральными реформами в Испании к власти пришел Агустин де Итурбиде — католик, военный и землевладелец. В недавнем прошлом убежденный роялист Итурбиде пытался подавить освободительное движение в Новой Испании, но в сентябре 1821 г. он провозгласил независимость Мексики от испанской короны, а в мае следующего года стал «конституционным императором Мексики» Агустином I. Не справившись с ростом республиканских настроений, через год он бежал из страны. Попытка вернуться на родину в 1824 г. окончилась для Итурбиде плачевно: его арестовали и расстреляли. В том же году были обнародованы конституции Мексиканских Соединенных Штатов и «Федеральной республики Центральной Америки» — двух новых государственных образований, возникших на территории бывшего вице-королевства Новой Испании.

В 1821 г. Сан-Мартин захватил Лиму и провозгласил независимость от испанской короны последнего оплота империи — Перу. Судьба Перу окончательно определилась в битве при Аякучо (9 декабря 1824 г.), которая завершилась разгромом роялистов. После нее патриоты освободили Верхнее Перу, где в 1825 г. была провозглашена «Республика Боливара» (впоследствии — Боливия). 22 января 1826 г. капитулировал последний испанский гарнизон в Америке — крепость короля Филиппа в перуанском порту Кальяо. Под властью Испании остались лишь Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины. Потеря большей части колоний означала, что Испания больше не является великой державой.

В самой Испании абсолютная власть Фердинанда VII была восстановлена в 1823 г. в результате французской военной интервенции, санкционированной Священным союзом, но восстановление власти Испании в Америке было уже невозможно. В середине 1820-х годов независимые республики в Новом Свете были признаны США и Великобританией, впоследствии — другими европейскими державами. Лишь испанский король до своей смерти в 1833 г. официально не признал ни одно государство, возникшее на территории Испанской Америки — он так и не смог смириться с потерей большей части империи.

Правление Изабеллы II

Согласно завещанию Фердинанда VII, королевой Испании стала его

малолетняя дочь Изабелла, а ее мать Мария-Кристина объявлялась регентшей до совершеннолетия дочери. Брат короля дон Карлос, недовольный изменением порядка наследования, заявил о своих правах на трон и призвал своих сторонников к оружию. Противостояние либералов, поддержавших Марию-Кристину, и консервативных сторонников дона Карлоса вылилось в Первую карлистскую войну (1833–1840).

Помимо внутренних проблем юная Изабелла II и ее мать Мария-Кристина унаследовали лишь «осколки» империи: Балеарские и Канарские острова, Сеуту и Мелилью в Северной Африке, Кубу и Пуэрто-Рико в Карибском море, Филиппины, Каролинские и Марианские острова в Тихом океане. В те годы Испания оказалась на периферии Европы, она превратилась в слабую державу с небольшими колониями, разбросанными по всему свету.

Потеря колоний отразилась и на титулатуре испанских монархов. Карл IV и Фердинанд VII носили титул «короля Испании и Индий», но уже по Конституции 1837 г. Изабелла осталась просто «королевой Испании». После смерти Фердинанда VII Мадрид начал официально признавать бывшие колонии независимыми государствами и устанавливать с ними дипломатические и торговые отношения. Этот процесс растянулся на долгие годы, так как испанцы пытались возместить убытки от конфискации «испанского имущества» и получить торговые привилегии, а бывшие колонии мало доверяли метрополии.

Потеря большей части колоний породила ностальгию по славному имперскому прошлому и оживила имперские амбиции, особенно заметные в среде военных, которые оказывали большое влияние на политическую жизнь страны в эпоху Изабеллы II. Наиболее ярко они проявились во время так называемого «долгого правления» генерала Леопольда О’Доннеля (1858–1863). Укрепление либерального режима и его победа во Второй карлистской войне (1846–1849), а также относительные успехи экономического развития позволили Мадриду проводить более активную внешнюю политику и вновь заявить о себе в мире, в том числе в Новом Свете. Настало время военных интервенций. Испания использовала свои небольшие колонии как плацдармы для военных акций, целью которых было скорее сохранение «осколков» империи, поддержание международного престижа испанской короны и укрепление торгового присутствия, а не приобретение новых владений.

Королева Испании Изабелла II

В августе 1858 г. Испания отправила из Манилы небольшой контингент, который вместе с французскими силами оккупировал Сайгон (современный Хошимин). В результате экспедиции в Индокитай, Сайгон перешел под французское управление, а Испания получила лишь свободу торговли в нескольких индокитайских портах и небольшую денежную компенсацию.

Более успешной для Мадрида стала так называемая Африканская война (1859–1860). Поводом к началу военных действий стал пограничный инцидент в Сеуте. В октябре 1859 г. Испания объявила войну Марокко, а глава правительства О'Доннель лично возглавил «крестовый поход» в Африку. После взятия испанцами Тетуана был подписан договор, согласно которому Марокко признало испанский суверенитет над анклавами Сеута и Мелилья. Кроме того, Испания получила небольшую территорию Ифни на африканском побережье напротив Канарских островов, а султан обязался выплатить контрибуцию и предоставил Испании торговые преимущества в Марокко.

В 1861 г. Испания приняла участие в совместной вооруженной

интервенции Франции и Великобритании в Мексику. Испанские войска были переброшены с Кубы на материк и вскоре заняли крупнейший мексиканский порт Веракрус, но уже в следующем году, когда стало известно о французском плане захвата всей Мексики, испанцы отказались от участия в экспедиции и вернулись на Кубу.

В 1861 г. Доминиканская республика, опасаясь угрозы соседней Гаити, неожиданно провозгласила о своем присоединении к Испании. Однако «возвращение» Доминиканской республики под власть испанской короны оказалось недолгим. Из-за вспыхнувшей на острове партизанской войны испанцы были вынуждены покинуть его в 1865 г.

В августе 1862 г. из Кадиса в сторону Латинской Америки отплыла испанская военная эскадра, чтобы продемонстрировать бывшим колониям «мощь» Испании и сопровождать научную экспедицию. После Рио-де-Жанейро, Монтевидео и Буэнос-Айреса эскадра прошла через Магелланов пролив и вышла в Тихий океан. В августе 1863 г. в Перу в результате драки с местными жителями погиб испанский эмигрант. Этот инцидент вызвал кризис в испано-перуанских отношениях. В апреле 1864 г. испанская эскадра захватила принадлежавшие Перу острова Чинча, богатые природным удобрением гуано — одним из основных источников доходов перуанского правительства. Начались долгие переговоры, но в Перу разразился правительственный кризис, а в Чили начались антииспанские выступления. Испанская эскадра объявила о блокаде чилийского побережья. В ответ Чили объявило войну Испании, а Лима разорвала дипломатические отношения с Мадридом. Так началась Первая Тихоокеанская война (1864–1866). К Чили и Перу вскоре присоединились Боливия и Эквадор. Однако военные действия развивались слабо, война шла в основном на море. Испанская эскадра атаковала несколько портовых городов. В итоге после нескольких вооруженных столкновений испанские корабли в 1866 г. покинули перуанские и чилийские воды.

Очевидно, что все эти внешнеполитические акции Мадрида носили во многом авантюрный характер, а достигнутые большой ценой успехи были незначительными. Тем не менее испанские военные интервенции вполне вписываются в общеевропейскую колониальную экспансию того времени, хотя роль Испании в ней была довольно скромной. Слабая в военном и экономическом отношении, Испания просто не могла активно участвовать в новом колониальном разделе мира и вернуть себе утраченные колонии. Мадрид лишь пытался сохранить оставшиеся владения и не потерять окончательно международный престиж испанской короны.

«Демократическое шестилетие» и реставрация монархии

Сохранение колоний напрямую зависело от внутривластного положения в самой Испании. В сентябре 1868 г. в ней вновь вспыхнула революция, открывшая период «демократического шестилетия» (1868–1874). Изабелла II вместе с сыном инфантом Альфонсом бежала из страны, в Мадриде было сформировано Временное правительство. События в Испании сразу же отозвались за океаном. В Пуэрто-Рико была провозглашена республика, но вскоре остров вернулся под власть Мадрида. На Кубе в октябре 1868 г. вспыхнуло восстание, которое вылилось в кровопролитную Десятилетнюю войну за независимость (1868–1878).

Колониальную проблему Мадрид попытался разрешить путем реформ: по Конституции 1869 г. восставшая Куба и Пуэрто-Рико получали представительство в кортесах. Однако внутренние проблемы в самой Испании отвлекали мадридское правительство от решения колониальных вопросов. Во время короткого правления приглашенного на испанский престол Амадея Савойского в стране началась Третья карлистская война (1872–1876). После отречения монарха в феврале 1873 г. кортесы провозгласили Испанию республикой. Новый режим был крайне нестабильным. На юге и юго-востоке страны началась так называемая «кантональная революция»: отдельные города объявляли себя независимыми от центрального правительства кантонами, идеалом которых была федерация. Карлисты контролировали северные провинции Испании.

В этих условиях Мадрид не мог обеспечить защиту и сохранность своих колоний. Но помимо внутривластной нестабильности в метрополии колониальная проблема зависела и от международных факторов. Неспособность Испании покончить с войной на Кубе, осложнявшей торговлю острова с США; раздражала Вашингтон. Американцы начали оказывать кубинским повстанцам помощь оружием и снаряжением. 30 октября 1873 г. испанцы захватили американский пароход «Вирджиниус», перевозивший оружие кубинским инсургентам. Корабль был доставлен на Кубу, а после быстрого суда капитана, часть экипажа и пассажиров казнили по обвинению в пиратстве. Среди погибших были американские граждане и английские подданные, их казнь вызвала негодование Вашингтона и Лондона. Лишь к концу года кризис удалось уладить дипломатическим путем.

В самой Испании к управлению государством вновь вернулись военные. Они подавили «кантональную революцию», одержали ряд побед

над карлистами. Республика все больше опиралась на армию, а среди военных было много сторонников Альфонса, сына Изабеллы II. 1 декабря 1874 г. находившийся в Англии Альфонс опубликовал манифест, в котором высказался за установление в Испании конституционной монархии и заявил, что считает себя испанцем, католиком и истинным либералом. Ответом на этот манифест стало очередное восстание военных, провозгласивших инфанта королем Испании Альфонсом XII.

Реставрация монархии вернула Испании внутривластическую стабильность и сопровождалась военными победами. В феврале 1876 г. полным разгромом карлистов закончилась Третья карлистская война, а в феврале 1878 г. завершилась Десятилетняя война на Кубе. Правда, отношения метрополии с Кубой оставались достаточно сложными: в 1879 г. в колонии вновь вспыхнуло восстание, которое было подавлено в следующем году (так называемая Малая война за независимость Кубы).

Несмотря на достигнутый социальный мир, положение Испании и ее колоний оставалось неустойчивым в сложных международных условиях последней трети XIX в. Обострившаяся борьба великих держав за новые колонии изолировала Испанию на международной арене. С одной стороны, Мадрид не мог самостоятельно защитить свои заокеанские владения — «лакомый кусок» для более развитых и сильных держав. С другой стороны, испанцы обоснованно опасались любого союза с более мощным государством ради сохранения «осколков» империи. Ведь за подобный союз, покровительство и защиту, возможно, пришлось бы расплачиваться теми же самыми колониями. Судьба старинной Испанской империи, наследницы Великих географических открытий, готовой отметить свой четырехсотлетний юбилей, в эпоху империализма и «Realpolitik» была предрешена.

Симптоматичным в этом отношении стал испано-германский кризис из-за Каролинских островов. В августе 1885 г. немцы высадились на о. Яп и объявили его германским владением. Отношения между странами оказались на грани разрыва, но в итоге кризис был улажен. Хотя острова и остались испанским владением, Германия получила там торговые преимущества.

Как бы то ни было, слабая в военном отношении Испания все же приняла скромное участие в колониальном разделе Африки. Летом 1880 г. в Мадриде состоялась международная конференция, посвященная Марокко, участники которой договорились о том, что обладают равными преимущественными правами в султанате. После Берлинской конференции 1884–1885 гг., на которой обсуждался «раздел Африки», Испания начала

колонизацию Западной Сахары (Рио-де-Оро) и территории современной Экваториальной Гвинеи (Рио-Муни).

25 ноября 1885 г. Альфонс XII скончался. Его супруга Мария-Кристина, ожидавшая ребенка, была провозглашена регентшей королевства. Именно в ее правление Испания потеряла свои последние заморские владения.

«Катастрофа 1898 года»

В 1895 г. на Кубе вновь вспыхнуло восстание, в следующем году началось восстание на Филиппинах. Премьер-министр Испании Антонио Кановас дель Кастильо попытался силой подавить восстание, но в августе 1897 г. был убит итальянским анархистом. Новый премьер-министр Пракседес Матео Сагаста выбрал путь переговоров: он предложил Кубе и Филиппинам широкую автономию, но было уже слишком поздно — в конфликт метрополии с колониями решил вмешаться Вашингтон.

США уже давно мечтали завладеть Кубой, «жемчужиной Антильских островов», которая была в свое время крупнейшим в мире производителем сахара и одним из главных заморских источников пополнения испанской казны. Аннексионистские устремления США были обоснованы еще в 1820-е годы в так называемой «теории зрелого плода», сформулированной госсекретарем Джоном Куинси Адамсом: когда Куба «созреет», она отделится от Испании и «упадет» в руки США. Впоследствии Вашингтон неоднократно предлагал Мадриду выкупить остров, а во время Десятилетней войны за независимость Кубы американцы начали помогать кубинским повстанцам.

Когда в 1895 г. на Кубе вновь началось восстание, Вашингтон сначала занял нейтральную позицию, но стал готовиться к войне, одновременно пытаясь предстать «защитником» свободы кубинского народа в глазах мирового общественного мнения, кубинцев и самих американцев, среди которых было немало противников аннексии Кубы. В конце 1897 г. США уже были готовы вмешаться в войну между Кубой и Испанией. Нужен был лишь подходящий предлог. Им стал взрыв американского крейсера «Мэн».

Тайна «Мэна»

Вечером 15 февраля 1898 г. в порту Гаваны прогремел

страшный взрыв. На воздух взлетел американский броненосный крейсер «Мэн», посланный на Кубу «с дружественным визитом» для защиты интересов американских граждан на острове. После разрушительного взрыва корабль мгновенно пошел ко дну. Погибли 266 человек, выжили всего 89. Сразу же после взрыва «Мэна» в США была создана специальная комиссия, которая была направлена на Кубу для расследования причин трагедии. Испанцев не допустили к ее расследованию. Комиссия установила, что взрыв произошел из-за подводной мины. Таким образом, ответственность за трагедию косвенно возлагалась на Испанию, которая не смогла гарантировать безопасность американского судна в гаванском порту. В американской прессе поднялась антииспанская волна; газеты утверждали, что корабль был взорван «тайной адской машиной врага», и призывали правительство к отмщению за смерть граждан. Работавшая параллельно испанская следственная комиссия утверждала, что гибель корабля произошла из-за взрыва боеприпасов в его носовой части, но отказ США от сотрудничества в расследовании не позволил установить точную причину взрыва. Обе комиссии в основном опирались на свидетельства очевидцев. Лишь в 1911 г. американцы смогли тщательно осмотреть остов корабля и пришли к выводу, что от внешнего взрыва мины детонировали боеприпасы внутри судна. В марте 1912 г. остатки корабля были отбуксированы на несколько миль от гаванского порта и затоплены в открытом море, где они и находятся по сей день. В последующих исследованиях, в которых применялось в том числе компьютерное моделирование, высказывались противоречивые точки зрения: внешний взрыв мины, внутренний взрыв боеприпасов, возможно, спровоцированный пожаром, разгоревшимся у топки, двойной взрыв (мина и от ее взрыва — взрыв боеприпасов) и т. д. Существовали также спекуляции на тему того, что сами американцы взорвали свой корабль, чтобы получить повод для вступления в войну против Испании. Как бы то ни было, до сих пор истинная причина взрыва «Мэна» остается неизвестной.

Мадрид попытался достичь мирного урегулирования конфликта, но позиция Вашингтона была непреклонной. Президент Уильям Мак-Кинли отдал приказ о морской блокаде Кубы. Вскоре начались военные действия

между Испанией и США, которые велись в основном на море, поблизости от Кубы и Филиппин. Испания с самого начала терпела сокрушительные поражения. 1 мая 1898 г. американцы уничтожили почти всю испанскую тихоокеанскую эскадру в Манильском заливе. 3 июля в морском сражении при Сантьяш-де-Куба испанцы также потерпели поражение. Американцы высадились на Кубу.

Вскоре Испания, опасаясь, что США захватят и Канарские острова, запросила о мире. При посредничестве Франции 12 августа в Вашингтоне было подписано перемирие, а 10 декабря в Париже был подписан мирный договор между Испанией и США. Согласно Парижскому мирному договору, Испания отказывалась от Кубы и передавала США Филиппины, Пуэрто-Рико и о. Гуам (Марианские острова). Американцы оккупировали Кубу.

Учитывая тот факт, что во время войны Испания потеряла две эскадры (в том числе тихоокеанскую), ей пришлось отказаться от своих последних островных владений в Микронезии, ведь она уже не могла ни управлять ими, ни обеспечить их безопасность. 30 июня 1899 г. был подписан испано-германский договор, согласно которому Мадрид за 25 млн песет продавал Берлину Каролинские и Марианские острова (без Гуама, доставшегося США).

В результате войны с США Испания потеряла свои последние заокеанские владения и окончательно превратилась во второразрядную державу. Испанская империя прекратила свое существование. Под властью испанской короны остались лишь Балеарские и Канарские острова, а также небольшие территории в Африке (Сеута, Мелилья, Западная Сахара и территория современной Экваториальной Гвинеи). При этом катастрофическое поражение и потеря флота продемонстрировали всему миру слабость Испании и ее неспособность защитить свои владения.

«Катастрофа 1898 года» вызвала глубокий кризис национального самосознания в испанском обществе. Представители так называемого «поколения 1898 года» размышляли об историческом значении Испании, ее миссии в прошлом, настоящем и будущем, искали пути выхода из того плачевного положения, в котором оказалась Испания после Парижского мира, мечтали о возрождении, обновлении и восстановлении страны.

«Возрождение»: Испания и Марокко

Идея возрождения Испании пронизывает все правление Альфонса

XIII, сына Альфонса XII и Марии-Кристины. Достигнув совершеннолетия, он взошел на испанский престол в 1902 г. Молодой король активно вмешивался во внешнюю политику, стремясь возродить международный престиж Испании. При этом в начале XX в. особую актуальность для испанской дипломатии приобрел «марокканский вопрос».

Марокканский султанат в то время — одно из немногих африканских государств, сохранивших свою независимость. Испанские интересы в регионе сводились к сохранению анклавов — Сеуты и Мелильи. Однако в начале века Франция, стремившаяся расширить свое влияние в Северной Африке, решила заполучить Марокко. При этом в Париже обоснованно опасались негативной реакции Великобритании, которой вряд ли понравилось бы, если другая великая держава получит под свой контроль южный берег Гибралтарского пролива. Поэтому возник план раздела Марокко, северная часть которого передавалась бы Испании.

Первый проект раздела был подготовлен французами и испанцами в 1902 г., однако секретный договор так и не был подписан: испанцы испугались непредсказуемой реакции Великобритании. Тем не менее испанцы не могли позволить Франции захватить султанат целиком. Так Марокко постепенно становилось «яблоком раздора» между Мадридом и Парижем.

Между тем напряженность между Великобританией и Францией постепенно угасала. 8 апреля 1904 г. были подписаны три англо-французские соглашения, которые стали основой «Сердечного согласия». Секретная часть одного из этих соглашений закрепляла британские притязания на Египет и французские — на Марокко, при этом в секретных статьях признавались и испанские интересы на северном побережье султаната. Теперь Мадрид должен был просто принять то, что ему «оставит» Париж.

3 октября 1904 г. Испания и Франция подписали декларацию и секретное соглашение о Марокко. В опубликованной декларации Мадрид заявил, что присоединяется к англо-французской декларации о Египте и Марокко. Официально оба правительства подтвердили свое желание сохранять целостность султаната, однако в секретном соглашении Марокко делилось на две сферы влияния. Территория, предназначенная Испании, оказалась меньше, чем предусматривал проект договора 1902 г.

Усиление французского влияния в Марокко не устраивало Германию. В марте 1905 г. она спровоцировала Первый Марокканский кризис, который удалось разрешить в ходе международной конференции, состоявшейся в испанском городе Альхесирас. Участники конференции

провозгласили независимость и целостность Марокко под суверенитетом султана, а также экономическое равенство и свободу торговли в Марокко для всех стран-участниц конференции.

В апреле 1911 г. в Марокко вспыхнуло восстание против султана Абд аль-Хафида, который сразу попросил Францию о помощи. Пока французы подавляли восстание, испанцы захватили Лараш, Эль-Ксар-эль-Кебир и Асилу на западе Марокко. Германия выразила протест против действий французов и испанцев и направила в марокканский порт Агадир канонерку «Пантера». Второй Марокканский кризис завершился двусторонним франко-германским соглашением, подписанным 4 ноября 1911 г. Германия признала преимущественные права Франции в Марокко в обмен на часть французского Конго, которая присоединялась к германской колонии Камерун. Этим соглашением Франция развязала себе руки и вскоре, 30 марта 1912 г. заключила с султаном Фесский договор, согласно которому Марокко признавалось французским протекторатом. При этом Париж потребовал у Мадрида часть испанской зоны, чтобы компенсировать французские потери в Центральной Африке.

27 ноября 1912 г. в Мадриде было подписано франко-испанское соглашение о Марокко, согласно которому испанская зона в очередной раз сокращалась. Ключевой порт на атлантическом побережье Марокко — Танжер — так и не стал испанским. С тех пор испанцы мечтали присоединить его к своей зоне. Главное же значение соглашения заключалось в создании французского и испанского протекторатов в Марокко. Испания вновь почувствовала себя колониальной державой.

Благодаря Марокко Испания все больше втягивалась в орбиту Тройственного согласия. Однако, несмотря на сближение с Францией и Великобританией, Испания не вступила в Антанту. В 1914 г., как только началась Первая мировая война, Мадрид объявил нейтралитет.

Крушение Испанской империи в первые десятилетия XIX в. стало событием поистине мирового масштаба. Огромные владения испанской короны в Америке стали независимыми республиками, но и сама метрополия, лишившись колоний, переживала глубокие трансформации в государственной, экономической, социальной и культурной сферах. По сути Испания начала XIX в. и Испания начала XX в. являлись различными государственными образованиями. Центр колониальной империи, абсолютная монархия Старого порядка, превратилась в государство нового типа — парламентскую монархию, основанную на принципе разделения властей. В течение XIX в. в результате революционных преобразований и либеральных реформ были ликвидированы институты Старого порядка,

разрушена сословная структура общества, утвердились принципы равенства граждан, конституционализма и политических свобод, сложились политические партии, введено и расширено избирательное право и т. д.

* * *

Потеря заокеанских ресурсов и разрушение традиционных торговых связей (монопольной торговли метрополии с колониями) привели Испанию в состояние глубокого финансового кризиса, но в перспективе стали стимулом для ее дальнейшего экономического развития. При этом выход из финансового кризиса оказался невозможен при сохранении основ Старого порядка и сословного общества.

Испания XIX в. — преимущественно аграрная страна (основные культуры: зерновые, виноград, олива, цитрусовые) с достаточно развитым животноводством и рыболовством. Благодаря отмене майората и масштабной деаmortизации (аукционной продаже изъятой государством ранее неотчуждаемой церковной, королевской и общинной собственности) земля превратилась в объект рыночной собственности, что отчасти способствовало росту производительности и рентабельности сельского хозяйства.

Отмена цеховой организации и внутренних таможенных пошлин, протекционистская политика государства благотворно сказались на развитии промышленности и торговли, особенно заметном во второй половине XIX в. Важным стимулом индустриализации стало развитие железнодорожного сообщения (первая железная дорога соединила Барселону с каталонским городом Матаро в 1848 г. К 1900 г. страна была покрыта железнодорожной сетью протяженностью в 13 тыс. км). В авангарде промышленного развития оказалась Каталония — текстильная «фабрика» Испании. Развитие других важных отраслей — горнорудное дело (добыча угля, железа, меди, ртути, свинца и т. д.) и металлургическое производство, как и строительство железных дорог, стимулировались привлечением иностранных капиталов и созданием концессий, использованием зарубежной техники. Постепенно развивалось судостроение, зарождались новые отрасли промышленности (химическая и машиностроение). Основные центры промышленного производства развивались на периферии страны: Астурии, Стране Басков и Каталонии, где на рубеже XIX–XX вв. формируются первые регионалистские

политические силы. Здесь же заметным становится рабочее движение, расколотое на социалистов и анархистов.

В 1900 г. уже 30 % активного населения Испании было занято в промышленном производстве и сфере услуг (остальные 70 % — в сельском хозяйстве). При этом численность населения за столетие почти удвоилась (около 10,5 млн человек в 1800 г., 18,6 млн — в 1900 г.) за счет достаточно стабильного прироста населения (несмотря на эпидемии, голод из-за неурожаев и эмиграцию). Характерными чертами стала миграция населения из деревни в город и рост темпов урбанизации: за вторую половину XIX в. городское население Испании увеличилось вдвое.

Таким образом, развитие Испании в XIX в. вполне соответствовало основным европейским тенденциям, хотя темпы этого развития и некоторые его показатели были ниже, чем в наиболее развитых европейских государствах, активно использовавших огромные колониальные ресурсы, которых Испания лишилась на заре индустриальной эпохи.

Португалия: угасание великой империи

К началу XIX в. Португалия представляла собой сословную европейскую монархию с бедным аграрным населением и слабо развитой предумышленностью, с разбросанными по всем континентам колониальными владениями, требовавшими для управления и защиты ресурсов метрополии. К этому времени внешние источники доходов (бразильское золото и алмазы), на которых основывалось экономическое благополучие Португалии, стали иссякать. Одновременно начало расти недовольство либерально настроенной части дворянства и буржуазии, экономические проблемы стали приобретать политический характер. В португальское общество активно проникали идеи французской просветительской философии, сказывалось влияние Французской революции.

«Апельсиновую войну» 1801 г. с Испанией Португалия проиграла, и 6 декабря 1801 г. на тяжелых для Португалии условиях был заключен Бадахосский мирный договор с Испанией и Францией. Португалия обязывалась возобновить оборонительный союз с Испанией и отказаться от притязаний на г. Бадахос. Испания возвращала занятые ею португальские провинции Алентежу и Алгарви, за исключением крепости Оливенса и земель по левому берегу р. Гвадиана. Наполеон планировал расчлени-

Португалию на три микрокоролевства, в 1807 г. он подписал с Испанией секретное соглашение о разделе Португалии и уже в ноябре 1807 г., в ответ на отказ Португалии присоединиться к Континентальной блокаде, в страну вторглись наполеоновские войска под командованием генерала А. Жюно. 30 ноября они вступили в Лиссабон, а за три дня до этого флот из 35 кораблей отплыл из Лиссабона, увозя в Бразилию португальскую королевскую семью и двор.

В Лиссабоне осталась правящая Жунта (совет), признавшая власть Франции. В декабре ее распустили и учредили новую, во главе которой стал сам А. Жюно. Оккупационные войска революционной Франции, разоряя Португалию, одновременно привнесли дух революционных доктрин. Умножилось число масонских лож, возрос поток политической литературы. Но одновременно росло и недовольство оккупацией, разорением, безвластием. Антифранцузское восстание в Брагансе быстро распространилось по всему северу страны. 6 июня 1808 г. оно перекинулось на Порту, где было поддержано испанскими полками, первоначально вошедшими в Португалию как союзники французов. 19 июня в Порту была создана Временная жунта верховного правления Португалии, призвавшая на помощь Великобританию. Высадка 1 августа английских войск под командованием А. Уэлсли (впоследствии герцога Веллингтона) позволила после побед при Ролисе и Вимейру вытеснить французскую армию. Управление перешло к командующему англо-португальской армией англичанину У. Бересфорду.

В 1809 г. наполеоновский маршал Н. Сульт, наступая из Галисии, взял Порту, но был вскоре изгнан англо-португальской армией; другая французская армия, продвигавшаяся по долине р. Тежу, потерпела поражение у Талаверы. В 1810 г. маршал А. Массена во главе большой французской армии был разбит при Бусаку, и в марте 1811 г. французы окончательно покинули Португалию.

Начались преследования тех, кто сотрудничал с французами; в политическом сознании значительной части португальцев либерализм и антипатриотизм стали синонимами. Число португальцев, погибших в боях и во время расправ, превысило 100 тыс. человек. Экономические трудности, вызванные отчуждением бразильской экономики, исключительно важной для существования метрополии, и усугубленные войной, дали себя знать к началу 1820-х годов. Открытие португальских портов для англичан особенно сильно сказалось на живших торговлей Лиссабоне и Порту. В 1817 г. в Лиссабоне состоялся заговор военных и масонов с целью избавиться от английского военного контроля.

Заговорщики были арестованы, обвинены в антимонархическом заговоре против находившегося в Бразилии Жуана VI и казнены (19 октября 1817 г.). В 1818 г. судья Мануэл Томаш (1771–1822) и его однокашник по Коимбрскому университету Жозе Феррейра Боржеш (1786–1838) создали в Порту тайное революционно-либеральное общество Синедрион, состоявшее из масонов и кооптированных в его состав военных, с целью содействовать введению либерализма в Португалии. Синедрион и его основатели считаются идейными и организационными вдохновителями восстания в Порту.

В то время как командующий португальскими войсками, фактически регент, лорд Бересфорд находился в Бразилии, где просил у короля полномочий для борьбы с «якобинством». 24 августа 1820 г. восстал, требуя введения конституционного строя, артиллерийский полк в Порту, чем было положено начало либеральной Португальской революции 1820 г. После восстания в Порту общество Синедрион самораспустилось, его члены-основатели вошли в созданную в тот же день Временную Жунту Верховного Правления королевства (Junta Provisional do Governo Supremo do Reino), которая управляла Португалией до созыва кортесов. Основатель Синедриона М. Томаш — ключевая фигура португальского либерализма 1820-х годов: ему принадлежит авторство обращения Жунты к португальцам (24 августа 1820 г.), к жителям Лиссабона, к солдатам.

Начавшееся в Порту революционное движение достигло Лиссабона, где 15 апреля 1820 г. восставшие офицеры при поддержке горожан образовали революционное правительство. Правительства Порту и Лиссабона объединились в общую Временную Жунту. В январе 1821 г. Жунта созвала Чрезвычайные общепортугальские кортесы, которые приняли португальскую конституцию (Constituição Política da Monarquia Portuguesa). Конституция, составленная по образцу испанской Кадисской конституции 1812 г., вступила в силу 23 сентября 1822 г. Она объявила Португалию конституционной монархией, провозгласила свободу всех португальцев и их равенство перед законом. Одним из главных ее принципов полагалась идея суверенности нации, а не короля, что представляло собой воспроизведение старой идеи иезуитов. Избираемый всеобщим тайным голосованием однопалатный парламент наделялся законодательной властью, которой лишались король и министры. Власть парламента, по замыслу создателей, обладает приоритетом перед королевской, и король ограничивался в своих полномочиях даже как глава исполнительной власти. Конституция 1822 г. оказалась самым смелым проявлением конституционализма в Португалии.

Несмотря на планы короны создать новое португальское государство с центром в Бразилии, требования возвращения короля в метрополию все больше усиливались. Вернувшийся летом 1821 г. в Португалию Жуан VI (король в 1816–1826) еще до высадки принял представителей кортесов, которым поклялся соблюдать конституцию. Однако если Жуан VI не возражал против статуса конституционного монарха, то королева была против любого умаления прерогатив короны. В Лиссабоне состоялся антилиберальный заговор недовольных «иглом либерализма» абсолютистов, направляемый королевой Карлотой Жоакиной, желавшей вместо Жуана VI видеть на троне своего младшего сына Мигела (1802–1866). В 1823 г. Мигел поднял мятеж, открыв тем самым череду гражданских войн, известных как Мигелистские войны (1823–1834). В 1824 г. Мигел совершил переворот и захватил королевский дворец. Он выступал сторонником абсолютистской монархии и противодействовал утверждению либерализма в Португалии. Жуан VI бежал, на борту английского корабля подготовил указ об изгнании Мигела, и тому пришлось покориться: 13 мая 1824 г. он эмигрировал во Францию.

Смерть Жуана VI 10 марта 1826 г. привела к династической смуте 1826–1834 гг. Португальский трон Жуан VI оставил своему старшему сыну Педру, находившемуся в Бразилии, и таким образом тот стал португальским королем Педру IV (1826–1834). 29 апреля 1826 г. Педру IV обнародовал конституцию, известную под названием Конституционной хартии, или просто Хартии. Эта вторая конституция, хотя и содержала ограничение власти монарха, отошла от принципов Конституции 1822 г. Король получил право приостановки заседаний кортесов, назначения министров, отказа от подписания парламентских решений. Парламент стал двухпалатным, причем членов верхней палаты назначал король. Хартия не объединила общество, ее не признавали ни абсолютисты, ни сторонники либеральных идей. Педру IV надеялся примирить противоборствующие стороны отречением от престола в пользу своей семилетней дочери Марии и сочетанием ее браком (аннулирован в 1834 г.) с Мигелом при условии признания им Хартии.

Мигел не возражал против такого решения, но его сторонники настаивали на безусловном возврате к абсолютной власти короля. Мигел возвратился в Лиссабон, был встречен манифестациями и 3 мая 1828 г. кортесы провозгласили его королем Мигелом I (годы правления 1828–1834). Прибывшая из Бразилии Мария, узнав о захвате престола, бежала в Англию. Однако против Мигела восстал Порту, объединив почти все северопортугальские города. Подавление восстания сопровождалось

террором со стороны мигелистов. Политические пристрастия разделили Португалию на южную во главе с антилиберальным промигелистским Лиссабоном и северную во главе с Порту, выступавшую за Хартию и Педру IV. Бежавшие из страны либералы объединили силы в эмиграции, и после высадки их войск у Минделу (близ Порту) 8 июля 1832 г. и в Алгарви в Португалии вновь запылала гражданская война. Конец ей положило поражение мигелистов в сражении при Ассейсейре (16 мая 1834 г.). По подписанному в Эвора-Монте 26 мая 1834 г. соглашению Мигел приговаривался к изгнанию, и больше в страну он не возвращался (несмотря на это, Мигел является родоначальником герцогов Браганских — ветви современных претендентов на португальский престол). 20 сентября 1834 г. кортесы объявили Марию совершеннолетней, она присягнула на верность конституции, а спустя четыре дня ее отец, Педру IV, скончался во дворце Келуш.

Королева Мария II да Глория (1833–1853) унаследовала престол в возрасте 15 лет, ее супругом-консортом стал Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (ФернандуИ) (1816–1885). В 1834 г. правительство конституционалистов провело серьезные реформы: были ликвидированы феодальные налоги, отменены привилегии, десятины, многочисленные повинности, подорожные и транспортные налоги внутри Португалии, упразднены мелкие майораты и наследственная передача должностей, разделены судебная и административная функции в местном управлении. В стране установилась конституционная монархия, но Мигелистские войны, потеря провозгласившей свою независимость Бразилии, бесконечные внешние займы довели Португалию до нищеты, обременив большими долгами. Либералы предлагали преодолеть экономические трудности путем конфискации церковного имущества; в 1834 г. они провели секуляризацию и распродажу монастырских (в 1834 г. в Португалии насчитывалось 577 монастырей, некоторые из которых владели землями еще с вестготских времен) и орденских земель и имуществ. Предполагалось, что в результате этого бедные землевладельцы получат доступ к земельной собственности. Однако социальный результат не соответствовал ожиданиям реформаторов — на практике крупные поместья перешли к зажиточным либералам или компаниям. Переход монастырских владений с традиционным интенсивным хозяйствованием к новому собственнику, как правило, не заинтересованному в личном ведении хозяйства, привел к запустению большого числа земель.

Победа конституционалистов оказалась неполной, половинчатые реформы не удовлетворили португальское общество. Сельское население

осталось почти не затронутым реформами и практически не принимало участия в общественной жизни. Вместо Конституции 1822 г. была утверждена новая, ограничивавшая избирательные права высоким имущественным цензом. Внутри лагеря конституционалистов продолжалась борьба. В их рядах произошел раскол: либеральная знать, выступавшая за Конституционную хартию 1826 г., объединилась с феодально-клерикальными элементами в консервативную партию «хартистов». Левые конституционалисты, отражавшие главным образом интересы торгово-промышленных кругов, требовали восстановления Конституции 1822 г. и принятия протекционистских мер для защиты португальской промышленности. Возросла социальная активность мелких предпринимателей, ремесленников и некоторой части крестьянства.

9 сентября 1836 г. левые подняли восстание лиссабонского гарнизона. Восстание вылилось в Сентябрьскую революцию 1836 г., которая дала название «сентябристов» левым радикальным конституционалистам, приверженцам Конституции 1822 г. Они сформировали правительство во главе с М. Пасушем да Силва, которое признало Конституцию 1822 г. и попыталось сократить государственные расходы. Либеральная эра оказалась недолгой: в 1837 г. кабинет «сентябристов» пал, и в последующие годы партия утратила поддержку населения. В 1838 г. «сентябристы» заключили соглашение с «хартистами», на основе которого Конституцию 1822 г. заменила более консервативная: королю предоставлялось неограниченное право «вето», избирательное право было ограничено, верхняя палата парламента стала формироваться на основе выборов, а не назначений, с ограничением срока.

Компромиссная Конституция 1838 г. действовала недолго. После череды мятежей, бунтов и беспрестанной смены министров мятеж гарнизона Порту в 1842 г. и последовавшие за ним выборы привели к власти бывшего радикала крестьянского происхождения, а ныне правого конституционалиста, сторонника Хартии 1826 г. А. Кошту Кабрала, установившего жесткий режим правления. Правительство «хартистов» возобновило цензуру и взяло под контроль радикальные клубы. Было реформировано местное управление, утвержден административный кодекс (1842).

Недовольство диктатурой Кабрала открыто проявилось весной 1846 г. В апреле-мае 1846 г. в Португалии вспыхнуло народное восстание, так называемое восстание Марии да Фонте, в котором приняли участие наиболее бедные слои сельского населения. По сути оно явилось результатом противоречий, неразрешенных в ходе либеральных войн 1828–

1834 гг., но в известной мере было спровоцировано самим правительством. Его непосредственной причиной стало недовольство новым законом о призыве на военную службу и попыткой повышения налогов. Одновременно началось составление кадастра земельных участков, предусматривавшего их оценку, вызвавшее опасения крестьян; в деревнях циркулировали слухи о том, что после оценки их земля будет продана.

Поводом для выступления послужили запрет на похороны внутри церкви и требование погребения на общественных кладбищах (декрет от 28 сентября 1844 г.), что в сознании сельского населения приравнялось к захоронению домашнего скота. В удаленных ультрарелигиозных сельских районах Алту-Минью и Траз-уж-Монтеш антилиберальный клир в проповедях оценивал закон о погребениях как антирелигиозный, отмеченный «печатью дьявола и масонства». 22 марта 1846 г. местные власти попытались помешать погребению престарелой жительницы одного из местечек близ Повуа де Ланьозу. Возмущение женщин сыграло значительную роль в развитии восстания. В ответ на арест четырех из них 27 марта толпа во главе с некоей Марией Анжелиной попыталась разгромить тюрьму и освободить арестованных.

Восстание распространилось в провинциях Минью и Траз-уж-Монтеш, перекинулось на Бейру и Эштремадуру. Оно быстро приобрело политический характер: был выпущен ряд воззваний, организованы революционные жунты, которые отказывались подчиняться правительству. Около 3 тыс. восставших, вооруженных преимущественно крестьянскими орудиями труда, разрушали имения, жгли налоговые архивы. Восстание объединило наиболее радикальные силы Португалии; взялись за оружие и «сентябристы», и оставшиеся мигелисты. С восстанием стали ассоциировать всех противников Хартии, которые требовали ликвидации режима либералов. Правительству А. Кошты Кабрала пришлось отменить конституционные гарантии (закон от 20 апреля 1846 г.), передав рассмотрение дел о мятежниках в ведение военного трибунала, и прибегнуть к иностранной помощи, но дни его были сочтены.

Новое, сентябристское правительство пыталось спасти либеральный режим и успокоить народ некоторыми реформами. На 11 марта 1847 г. были назначены новые выборы; правительство пообещало пересмотреть нормы призыва рекрутов и зафиксировать налоги на собственность. Только после этого восстание, именуемое в португальской историографии «революцией Марии да Фонте» или «революцией в Минью», пошло на спад.

По мере приближения даты выборов сторонники режима Кошты Кабрала стали готовить свой возврат к власти. Санкционированный

королевой Марией II государственный дворцовый переворот 6 октября 1846 г. стал прологом новой гражданской войны. Переворот привел к формированию полностью хартистского правительства во главе с маршалом Салданьей. Выборы снова перенесли. В ответ на это в Порту была создана сентябристская Правящая Жунта, которая декларировала лояльность, но в действительности близкие Жунте политические силы требовали отречения королевы, введения республики или по меньшей мере регентства Педру V, которому в то время было 9 лет.

10 октября 1846 г. был арестован и выслан из Порту представитель королевы на севере. По всей стране стали появляться антиправительственные жунты, подчинявшиеся Жунте в Порту. При участии военных противостояние переросло в гражданскую войну — Патулейю (происхождение названия войны неоднозначно, оно происходит или от кастильского *patulea* — деревенщина, сброд или от португальского разговорного *patola* — неуч). Несмотря на значительные военные силы и народную поддержку, Жунта не сумела добиться военного перевеса. Патулейя быстро потеряла преимущество на севере, и он остался под контролем правительственных сил. Антиправительственные войска потерпели ряд поражений, и жертвы гражданской войны исчислялись тысячами. Правительство одержало окончательную, если таковая может быть в гражданской войне, победу в сражении при Алту де Визу близ Сетубала (16 апреля 1847 г.). Королева объявила общую амнистию. В местечке Грамиду 29 июня 1847 г. подписали соглашение, которое положило конец войне.

Все либеральные революции в Португалии оказались незавершенными. Несмотря на реформы, значительная часть населения не улучшила своего положения. Это ослабляло позиции конституционалистов, чем постоянно пользовались их противники-абсолютисты. Вся первая половина XIX в. в Португалии была охвачена войнами, освободительными и гражданскими, мятежами и восстаниями. Таким образом, Португалию в известном смысле обошло общеевропейское революционное движение середины XIX в., но в полной мере реализовался собственный потенциал социальных возмущений.

В 1849 г. Кошта Кабрал вторично ненадолго оказался у власти, но уже в 1851 г. его сменило правительство умеренных либералов во главе с Салданьей. Корона и правительство пошли на введение прямых выборов, муниципального самоуправления, расширение прав местных органов власти, понижение избирательного ценза. При поддержке финансистов и предпринимателей правительство взяло курс на возрождение обнищавшей

страны, объединив «сентябристов» и «хартистов». Реформационный курс дал имя партии «Возрождения» (Реженерасан), основанной в апреле 1851 г. «сентябристами» и частью хартистов во главе с Салданьей.

Салданья

Португальский военный и государственный деятель, один из руководителей конституционалистов в гражданских (Мигелистских) войнах в 1826–1834 гг. Жоан Карлуш Салданья, герцог де Оливейра-и-Даун (17.11.1790, Лиссабон — 20.11.1876, Лондон) происходил из старой португальской знати, по материнской линии приходился внуком крупному государственному деятелю XVIII в. маркизу Помбалу.

Военную службу Салданья начал в 14 лет, участвовал во всех военных действиях против наполеоновских войск и пользовался большой известностью в войсках. С 1816 г. он воевал в Бразилии, был генерал-капитаном провинции Риу-Гранде-ду-Сул. Вернувшись в Португалию после провозглашения независимости Бразилии, в 1825 г. Салданья занял пост министра иностранных дел. После смерти Жуана VI он был назначен военным министром (1826–1827) и подавлял восстание мигелистов в Алгарви. В 1827 г. Салданья получил титул графа (подтверждается документами с 1833 г.). После неудачного выступления в 1828 г. против Мигела Браганса Салданья эмигрировал в 1828 г. в Англию, стал лидером левых либералов, а по возвращении в Португалию и одной из самых ярких фигур гражданской войны — он снял осаду с Порту (18 августа 1833 г.) и с Лиссабона (10–11 октября 1833 г.). После победы над мигелистами и подписания Соглашения в Эвора-Монте в 1834 г. Салданья получил титул маркиза и был назначен маршалом, а также избран депутатом кортесов, в мае-ноябре 1835 г. он возглавлял кабинет министров правительства королевы Марии II

Сентябрьскую революцию 1836 г. Салданья поддержал, но в 1837 г. участвовал в неудачной попытке высших военных изменить политическую ситуацию (так называемое «восстание маршалов»). При хартистском правительстве в 1841–1846 гг. он находился с дипломатическими миссиями в Лондоне, Мадриде и Вене.

После падения правительства Кабрала Салданья вернулся в Лиссабон: он был назначен военным министром, принял участие в подавлении восстания сельского населения против правительства хартистов в ходе войны Марии да Фонте, а также Патулейи. В ноябре 1846 г. Салданья получил титул герцога и был возведен в пэры. В 1848–1849 гг. Салданья возглавлял правительство, затем перешел в оппозицию и 12 февраля 1850 г. написал прошение об освобождении его от всех должностей. В стремлении избежать народной революции, которая грозила трону, Салданья, опираясь на военных, организовал переворот, который вновь привел его к власти. В 1851 г. он основал умеренно-либеральную партию «Возрождение» («Реженерасан») и стал на 5 лет во главе правительства, в течение которых провел реформы (введение прямых выборов в палату депутатов, снижение избирательного ценза, введение муниципального самоуправления и др.).

В 1856 г. Салданья передал власть министерству прогрессистов и вернулся к дипломатической карьере (был послом в Ватикане и Великобритании). Но он не перестал соотносить себя с армией и политикой: на 80-м году жизни 19 мая 1870 г. Салданья возглавил мятеж военных и сформировал новое правительство, однако очередной переворот сверг и его самого. Салданья вновь удалился в почетное изгнание — полномочным послом в Лондоне, где и скончался в возрасте 86 лет.

Салданья за свою карьеру 24 раза был министром, 4 раза премьер-министром; он был награжден многочисленными португальскими и иностранными орденами, в том числе российским орденом Белого Орла. Имя маршала Салданьи носят многочисленные населенные пункты, в 1909 г. ему поставлен памятник в Лиссабоне на площади Герцога Салданьи.

Богатства прошлых веков в известной мере законсервировали развитие экономики Португалии: покупать в Европе как предметы роскоши, так и необходимое было выгоднее и проще, чем производить самим. Экономика Португалии оказалась не в состоянии освоить те огромные богатства, которые поступали вплоть до конца XVIII в., поэтому и во второй половине XIX в. она развивалась крайне медленно. Салданья отстаивал национальное консервативное возрождение и программу экономических реформ, которые продолжались и при его преемниках. Эти усилия

принесли плоды. В 1854 г. население Португалии составляло 3,5 млн человек; в 1864 г., когда была проведена первая перепись, оно достигло 4,1 млн человек, а к 1900 г. — 5 млн, увеличившись, таким образом, за полвека на 70 %.

В 1856 г. завершилось строительство первой в Португалии линии железной дороги. В 1863 г. она связала Португалию с Испанией, к концу века насчитывала 2371 км путей. В 1859 г. Португалия перешла на метрическую систему мер. В 1856 г. появился электрический телеграф, в 1882 г. — телефон. К 1878 г. относятся первые попытки ввода электрического освещения, В 1874 г. открыто движение общественного транспорта. Несмотря на то что внешние долги тормозили экономический рост, многие из начинаний того времени обеспечили бурное развитие португальской экономики в последней четверти XIX в. В 1881 г. в Португалии было 3776 фабрик и предприятий, 328 паровых машин. В стране модернизировались порты, были построены мощные дороги (общая их протяженность к 1900 г. составила 10 тыс. км) и новые металлические мосты (в 1887 г. — мост Марии Пиа в Порту по проекту инженера Эйфеля).

Однако и после четверти века (1851–1876) пребывания у власти представителей движения «Возрождения» Португалия по сравнению с другими европейскими странами оставалась бедной и сельскохозяйственной страной. В аграрном строе давало себя знать наследие исторического развития страны: мелкое крестьянское землевладение на севере и крупное экстенсивное сеньориальное хозяйство на юге с присущими тому и другому недостатками, продолжали существовать кабальные формы аренды, испольщина. 40 % пригодной к обработке земли не обрабатывалось. Бедность заключалась не в том, что пастухи Траз-уж-Монтеш продолжали носить длинные одеяния, сплетенные из соломы, похожие на бурку с пелериной (каросу), а в невыгодности занятия сельским хозяйством по сравнению с другими сферами экономики. Индустриализация разворачивалась медленно. Импорт оплачивался в основном за счет экспорта портвейна и коры пробкового дерева. Огромный государственный долг, накопившийся еще с начала XIX в., за вторую половину XIX в. вырос с 39 до 584 млн милрейш. Финансовое положение не позволяло надеяться на выплату долгов по внешним займам. Страну поражали финансовые кризисы (1846, 1876, 1891 гг.). Несмотря на некоторый рост предпринимательской активности в 1870-1880-х годах, в 1892 г. правительство все же вынуждено было объявить государственное банкротство. Недовольство населения росло.

Почти вдвое возросла трудовая эмиграция (если в 1881–1885 гг. страну покидали 17 тыс. человек в год, то в 1891–1895 гг. уже 31,6 тыс.). В сочетании с нараставшими проблемами в колониях все это содействовало усилению республиканских настроений, одним из проявлений которых стало восстание в Порту 31 января 1891 г.

Колониальный вопрос в течение XIX в. приобрел для Португалии особую остроту. Процесс, начавшийся с отделения Бразилии, набирал силу. Либерализация отразилась и на колониях: в 1836 г. был запрещен ввоз рабов в колонии, окончательно рабство в португальских владениях отменено в 1869 г., после чего колонии приносили Португалии главным образом убытки. Португальское общество по традиции, еще позднесредневековой, рассматривало заморские владения не как колонии в обычном смысле слова, за счет которых растет благосостояние метрополии, а как территории, находящиеся в единстве с континентальной Португалией. Освоение Португальской Африки казалось одним из путей развития Португальской империи, но для этого не хватало капитала, а доходность предприятий в африканских колониях оставалась низкой. Для поддержания в колониях необходимого порядка не хватало ни людей, ни денег. Удалось освоить в основном прибрежную полосу. Это сопровождалось притязаниями (преимущественно экономического характера) европейских государств на португальские заморские владения.

Вопрос о европейских колониях в Африке рассматривался на Берлинской конференции 1884–1885 гг. Историческому праву, которое защищала Португалия (ссылаясь на традицию открытий, на руины своих крепостей как обозначение территории), противопоставлялся действительный контроль над территориями. Португальцы пытались осваивать территории, расположенные между Анголой и Мозамбиком. В 1886 г. была опубликована карта, на которой все африканские земли между Анголой и Мозамбиком были обозначены как португальские. В 1890 г. в связи с расширением сферы интересов британской Южно-Африканской компании (во главе с С. Родсом) Великобритания предъявила ультиматум, который в нарушение всех договоров требовал от Португалии немедленно вывести свои войска с этих территорий и передать их под британский протекторат. Португалия была вынуждена подчиниться, но оскорбительный ультиматум вызвал возмущение в стране: с одной стороны, широкое распространение получили антианглийские настроения, а с другой — это сильно подорвало авторитет королевской власти, обвиняемой в сговоре с Англией. Тем временем началась активная эксплуатация колоний, в которой, ввиду экономической слабости Португалии, принял участие также

и капитал других государств, прежде всего Великобритании.

В последней четверти XIX в. в Португалии началось активное формирование политических партий. На португальский республиканизм, распространенный преимущественно в среде интеллигенции, повлияла Испанская революция 1868–1874 гг.; в 1876 г. была основана португальская Республиканская партия. В 1876 г. на основе левого крыла «Возрождения» (прежних хартистов) возникла партия прогрессистов. Установилась двухпартийная система; обе вполне традиционные партии, сменяя друг друга, поочередно возглавляли правительство. Во внутривнутриполитической жизни не смолкала полемика «прогрессистов» и «возрожденцев», озабоченных, как обычно, проблемами собственного места в политической жизни, а не благом отечества. Партийные раздоры сопровождались чехардой политиков на государственных постах. Набирали силу и радикальные политические течения. В 1872 г. Интернационал в Португалии насчитывал не менее 28 секций общей численностью 3 тыс. человек. В 1875 г. возникла Португальская социалистическая партия (просуществовала до 1933 г.). В 1887 г. в Лиссабоне была основана группа коммунистов-анархистов, но уже в 1896 г. они оказались вне закона.

Тем не менее во второй половине XIX в., которая в политическом отношении, по сравнению с первой, оказалась относительно спокойной, Португалия прошла значительный путь общественного развития: были отменены паспорта; в 1852 г. отменена смертная казнь за политические, в 1876 г. — и за прочие преступления. В 1867 г. ввели первый гражданский (действовал до 1967 г.) и административный кодексы. Однако гражданские свободы не принесли с собой социального мира. Карикатуристы изоощрялись в журнальных публикациях малоприличных карикатур на короля и наследника престола. Республиканская пропаганда приучала общество к мысли о возможности ниспровержения монархии. В португальской газете «Justifia» была опубликована серия статей под общим названием «Преступления монархии». Для стрел политической критики монархия стала основной мишенью.

В политическом отношении Португалия являла собой конституционную монархию на основании Хартии 1826 г. В конституцию вносились дополнения и исправления в 1852, 1885 и 1896 гг. Она гарантировала всем гражданам гражданские и политические права, равенство перед законом, значительную свободу печати и собраний. Король приносил присягу перед объединенными палатами кортесов и в качестве высшего лица в государстве был призван служить балансом в политической системе португальского общества. Кортесы, португальский парламент,

были двухпалатными и состояли из палаты пэров и нижней палаты депутатов, избираемых на 3 года. Король как глава исполнительной власти имел право назначать и смещать ответственных перед кортесами министров, командующих армией и флотом, объявлять войну. Наследовавший королеве Марии ее старший сын Педру V (1853–1861), придававший большое значение государственным делам, умер в возрасте 20 лет. Его брат Луиш I (1861–1889) мало интересовался политикой. В 1889 г. его сменил на престоле Карлуш I (1863–1908). Правительство Португалии вплоть до 1879 г., пока к власти не пришли прогрессисты, состояло из «возрожденцев» или возглавляемых ими коалиций.

Положением в стране недовольны были и коммерсанты, и другие представители буржуазии. Сторонники республики в Португалии не имели позитивной программы, но в деструктивной части, в критике монархии были сильны. Основные идеи монархистов мало чем отличались от образа мыслей представителей республиканской буржуазии: собственность, свобода, родина. Главными аргументами республиканцев были патриотизм и антиклерикализм. Антиклерикализм, в отличие от патриотизма, не привлекал к идее республики сторонников из народа, а наоборот, сокращал их число, в первую очередь в провинции. Тем не менее критика церкви была существенной частью *credo* республиканцев. Они небезосновательно видели в духовенстве опасного соперника и стремились ослабить его влияние.

Мощная волна республиканской патриотической пропаганды прошла в связи с празднованием 300-летия со дня смерти великого португальского поэта Л. Камозенса в 1880 г. Камозэнс олицетворял собой Родину, следовательно, по логике республиканцев, символизировал и республику. В парадном шествии колесниц с платформами, аллегорически представлявшими величие Родины, первыми шли пожарные, как представители «альтруистической» профессии, рискующие своей жизнью ради других, им вослед — платформа с макетом галеона эпохи открытий, затем аллегии торговли и промышленности. Далее двигалась платформа с олицетворением колоний, а вслед за нею — с макетом замка, олицетворявшего старинное рыцарство и, наконец, следовала колесница со статуей Гуттенберга, символизируя прессу. Галеоны, трофеи, негры, солдаты, визуализация прелестей сельской жизни представляли собой тот символический язык образов, который был понятен большинству. В марте 1894 г. Португалия праздновала еще одну патриотическую дату — 500-летие со дня рождения Энрике Мореплавателя. В общих торжествах принимала участие и королевская семья: король Карлуш I из Брагансской

династии, королева Мария Амелия (1865–1951) из Орлеанской династии и их дети — Луиш (21.03.1887-1.02.1908) и младший, Мануэл (15.11.1889-2.07.1932). В 1895 г. праздновали 400-летие открытия Вашку (Васко) да Гамой морского пути в Индию. Обращение к датам, связанным с началом возвышения Португалии в эпоху Великих географических открытий, состоялось в момент, когда Португальское королевство находилось на пороге сильнейших социальных потрясений.

Ответственность за все колониальные и международные поражения республиканцы возлагали на короля; политика монархии рассматривалась как акт национального предательства. При этом свобода печати сохранялась как нечто само собой разумеющееся, и в республиканских газетах постоянно звучала критика центральной власти. В начале 1900-х годов прокатилась волна недовольств военных: республиканские выступления в армии и на флоте (1902); взбунтовались адмиральский крейсер «Дон Карлуш» (1906) и военный корабль «Вашку да Гама».

17 мая 1906 г. премьер-министр потребовал от короля для управления страной дополнительных полномочий, но вопреки ожиданиям король сместил премьер-министра и назначил на его место Жоана Франку Каштелу Бранку. Через год действиями его правительства были обеспечены реформы, внушавшие очень большие надежды. Поклонники республиканской формы правления забеспокоились о возможном усилении португальской монархии и обратились к королю с просьбой об удалении премьер-министра, но вместо отставки король с мая 1907 г. предоставил верному министру возможность править без парламента. В критике премьер-министра и короны постоянно стал возникать вопрос об имуществе и средствах королевской семьи, хотя короне по закону полагалось содержание. Усилилась критика короны и по поводу роспуска кортесов. На апрель 1908 г. были назначены новые выборы, однако апрельских выборов можно было бы дожидаться лишь при политическом спокойствии.

В январе 1908 г. были распущены муниципальные советы, закрыты независимые газеты, но попытка авторитарного реформирования потерпела неудачу, и Жоану Франку не удалось подавить республиканское движение. Со своей стороны республиканцы вкупе с прогрессистами были решительны в намерении ниспровергнуть то, что они оценивали как диктатуру. Выступление республиканцев 28 января 1908 г. в Лиссабоне и других городах было подавлено и многие республиканские лидеры арестованы. Легкое подавление этого выступления создало у короны ложное впечатление, что таким же образом удастся и революцию

предотвратить прежде, чем она разразится.

Три дня спустя после попытки республиканского выступления, 1 февраля 1908 г. королевская семья возвращалась из Вила Висоза в Лиссабон. На площади Террейру ду Пасу королевскую карету атаковали террористы. Выстрелом из карабина один из них сразил наследника престола, инфанта Луиша. После этого второй убийца выстрелом из револьвера в упор убил короля. Младший инфант был ранен в руку.

Республиканская пропаганда долго порочила образ монархии, и даже в описании траурной церемонии похорон республиканская газета «Паиш», выходя за последние пределы приличий, писала о процессии так: «проносят тленные останки двух монархов — ненужный прах развалившейся монархии». Впоследствии португальские республиканцы гордились тем, что из их рядов вышли «мученики и герои 1 февраля». Полиции не удалось раскрыть ни обстоятельств этого преступления, ни лиц, за ним стоявших.

Далее события развивались следующим образом. По конституции король считался совершеннолетним по достижении им 18 лет. Через девять с половиной месяцев инфант Мануэл стал королем Португалии Мануэлом II (правил в 1908–1910 гг.), 14-м королем из Брагансской династии и 31-м с момента становления Португалии. Он объявил амнистию участникам восстания 1906 г. на флоте, однако серьезных мер для улучшения положения не было принято. На два с половиной года Португалия вернулась к невосприимчивой к реформам старой двухпартийной системе (партии прогрессистов и партии «Реженарасан»).

В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. началось республиканское восстание, поддержанное армейскими частями и флотом, в Лиссабоне — народными массами. Мануэл II на яхте «Амелия» покинул португальскую землю и эмигрировал в Англию. 5 октября 1910 г. Португалия была провозглашена парламентской республикой. Португальская революция 1910 г. стала первой в XX в. в открывшейся череде европейских революций и крушений старинных монархий.

Нигде установление нового режима не столкнулось с трудностями. Политической поляризации страны препятствовала ее сравнительно небольшая территория, почти полная этническая однородность и отсутствие связанных с этим региональных конфликтов. Временное правительство возглавил Тебфилу Брага. Созванное Учредительное собрание приняло республиканскую конституцию, которая вступила в силу 11 сентября 1911 г. В Первой республике (1910–1926) было провозглашено отделение церкви от государства, приняты законы о семье, о разводе,

распущены монашеские ордены, конфискована часть монастырского имущества, запрещено публичное ношение сутаны и любой церковной одежды; провозглашена автономия колоний, право на забастовки, 8-часовой рабочий день для промышленных рабочих.

Основным органом стал Конгресс Республики из сената и палаты депутатов, в его компетенцию вошло избрание и смещение президента. В местной администрации был осуществлен принцип децентрализации. Но сбор налогов остался централизованным, что облегчало действие сил, способствовавших политической нестабильности. В период Первой республики государственные перевороты стали повседневным явлением.

Провозглашение Первой португальской республики. Плакат 1911 г.

Поскольку основных проблем португальского общества смена режима не решила, нарастание экономических трудностей активизировало забастовочное движение, вызвало обострение социальных противоречий, оживление и подъем правых сил. До установления республики республиканское движение имело объединяющую цель — свержение монархии, но после прихода к власти обнаружилось отсутствие конкретной

программы. Одни республиканцы требовали быстрых действий, радикальных реформ радикальными методами, были агрессивно антиклерикальны. Другие были настроены действовать более осмотрительно, учитывая интересы различных слоев общества. На основе первых сформировалась Демократическая партия, на основе вторых — Эволюционистская и Юнионистская. Однако доминировавшая в политической жизни Демократическая партия не могла ни установить однопартийный режим, ни смириться с многопартийной системой. Много ее энергии тратилось на бесплодную борьбу с католической церковью. О преодолении нищеты масс не могло быть и речи; массовая эмиграция португальцев продолжалась.

Политически нестабильной, стремительно беднеющей, переживающей попытки разрушения традиционной общественной и семейной жизни и подошла Португалия к началу Первой мировой войны, с началом которой политические силы страны пережили новый раскол. Демократическая партия видела во вступлении страны в европейский конфликт единственный способ защиты португальских заморских территорий, в борьбе за которые столкнулись интересы Англии и Германии, а республиканцы, ратуя за вступление в войну, рассчитывали объединить страну в коллективном патриотическом воодушевлении и стабилизировать режим. Практически ни одной из этих целей достичь не удалось.

Португалия вступила в XIX в. традиционным королевством, экономика которого привыкла к постоянному поступлению доходов из заморских территорий и дефициту поглощаемого колониями активного населения метрополии. Идеология и практика революционной наполеоновской Франции нанесли непоправимый урон его существованию, а политическая поляризация общества и установление либеральной модели управления погрузили страну на полвека в разрушительные гражданские войны, которые истощили страну, но не смогли преодолеть нараставшего упадка. Успехи экономики, рост населения (от 3,4 млн человек в 1800 г. до 6 млн в 1914 г.) сопровождалась ростом порождаемой бедностью эмиграции. Попытки достижения социального мира торпедировались критикой короны со стороны революционеров всех мастей. В итоге Португалия оказалась первой из европейских стран, открывшей в 1910 г. череду падений старых монархий.

Нидерланды: маленькая европейская страна — большая колониальная держава

Французская революция XVIII в. оказала большое влияние на судьбу Республики Соединенных провинций Нидерландов. События во Франции нашли в республике немало сторонников, что способствовало быстрому распространению в стране идей французской революции и усилению профранцузских настроений. 1 февраля 1793 г. Конвент вступил в войну с Соединенными провинциями, присоединившимися к Первой антифранцузской коалиции. Однако участие армии республики в боевых действиях было крайне непопулярно среди широких слоев нидерландского населения, приветствовавших французские войска, в январе 1795 г. занявшие территорию Соединенных провинций. Статхаудер Вильгельм V покинул страну, где 26 января 1795 г. была провозглашена Батавская республика, 16 мая 1795 г. заключившая с Францией военно-политический союз. В составе оккупационной французской армии был и так называемый батавский батальон, состоявший из нидерландских «патриотов»-эмигрантов — участников Батавской революции 1784–1787 гг. Его возглавлял Херман Виллем Данделс, ставший одним из руководителей Батавской республики.

В 1806 г. под эгидой Франции на территории Северных Нидерландов было создано Голландское королевство (1806–1810 гг.) во главе с Луи (Людовиком) Бонапартом. 9 июля 1810 г. оно было упразднено, и северо-нидерландские земли уже как 7 департаментов вошли в состав Французской империи. На их территории были распространены нормы французского права: установлено равенство всех граждан перед законом, отменены привилегии торговых компаний, установлена единая налоговая система, приверженцы всех религиозных течений уравнивались в правах и т. д.

Территориальные изменения, ослабление экономики и нарушение торговых связей вследствие континентальной блокады, вовлечение нидерландской армии в военные кампании Франции, а затем потеря независимости и всех колоний (которые были захвачены Великобританией), увеличение государственного долга вызвали не только глубокое разочарование в идеях «патриотов», выступавших за тесный союз Нидерландов с Францией, и в целесообразности участия Нидерландов в активной европейской политике, но и сильный социальный протест обнищавшего за годы оккупации населения. В апреле 1813 г. в Северных Нидерландах вспыхнули восстания крестьян и городской бедноты, и вскоре освободительное движение охватило всю страну.

В ноябре-декабре 1813 г. российско-пруссские войска освободили Северные Нидерланды от французского господства. Временное

правительство во главе с Гейсбертом Карелом ван Хогендорпом 2 декабря 1813 г. признало сына Вильгельма V суверенным князем Нидерландов под именем Вильгельма I. Нидерланды превратились в унитарную монархию. Согласно англонидерландской конвенции от 13 августа 1814 г. Великобритания возвратила Нидерландам почти все захваченные ею колонии, и договор от 17 марта 1824 г. окончательно разграничил сферы влияния между двумя государствами в Юго-Восточной Азии.

16 марта 1815 г. Вильгельм I был провозглашен главой Королевства Объединенных Нидерландов (1815–1830 гг.), объединившего северные (территория бывших Соединенных провинций) и южные (до 1714 г. Испанские, в 1714–1794 гг. Австрийские) Нидерланды, а также Люксембург (на правах личной унии). Население Объединенного Королевства составляло 5,5 млн человек.

Однако уже с начала 1820-х годов в южных провинциях Нидерландов стало нарастать движение за отделение от Объединенного королевства (см. «Бельгия»). В результате победы Бельгийской революции 1830 г. на карте Европы появилось новое государство — Королевство Бельгия, признанное великими державами на Лондонской конференции 1830–1831 гг. Вильгельм I отверг решения конференции и попытался силой оружия вернуть южно-нидерландские земли. В ходе бельгийско-нидерландской войны 1831–1833 гг. он столкнулся как с яростным сопротивлением бельгийцев, так и с дипломатической оппозицией великих держав. В итоге в 1839 г. Вильгельм I все же был вынужден признать независимость Бельгии.

Королевство Нидерландов в 1840–1870 годах: внутренняя и внешняя политика малой державы

Королевство Нидерландов (так официально теперь называлась страна) вернулось фактически в прежние границы Соединенных провинций, сохранив, однако, за собой Люксембург и все колонии. Население государства, объединявшего теперь лишь одиннадцать северных нидерландских провинций, в 1840 г. составляло 2 860 559 человек. В столице королевства — Амстердаме — проживали чуть более 200 тыс. человек. В силу исторических традиций резиденция короля, парламент и правительство находились (и сейчас располагаются) в Гааге.

Важнейшей задачей этой малой европейской страны (41,5 тыс. кв. км, из которых 18 % — это площадь акваторий), обладавшей огромными колониальными владениями и значительным по объему финансовым

капиталом, но не имевшей ни развитой промышленности, ни богатых ресурсов, было удержать заморские территории. При этом метрополия посредством создания эффективной системы их эксплуатации стремилась получить и как можно больший доход. Уже к концу 1830-х годов приток капиталов из колоний существенно укрепил ее экономику и в то же время способствовал росту протестных настроений набиравшей силу в нижней палате Генеральных штатов либеральной оппозиции, которую возглавил известный государственный деятель Йохан Рудольф Торбеке (1798–1872).

Либералы выступали за пересмотр продолжавшей действовать в стране Конституции 1815 г., наделявшей монарха практически неограниченными полномочиями. Король являлся главой исполнительной власти, законодательная власть принадлежала королю и двухпалатному парламенту — Генеральным штатам. Вильгельм I управлял государством через министров, которых назначал и увольнял по своему усмотрению, и министры не могли быть заменены по решению парламента. В опубликованных в 1839 г. «Комментариях к Конституции» Й.Р. Торбеке утверждалось, что отделение бельгийских провинций предоставило Нидерландам уникальную возможность глубокого и всестороннего изменения институтов власти королевства, которые автор «Комментариев» предлагал кардинально реформировать.

В парламентских дебатах резкой критике подвергались и монопольные права государства в экономике, главным образом в пополнявших казну колониальном хозяйстве и торговле. Либералы настаивали на рассмотрении в Генеральных штатах всех без исключения вопросов по делам колоний, будь то решения короля или действия генерал-губернаторов.

Под давлением либералов в 1840 г. в конституцию были внесены небольшие поправки — о судебной ответственности министров и обязательной подписи министров на королевском указе. На требуемый либералами пересмотр Основного закона король Вильгельм I не пошел, в октябре 1840 г. он отрекся от престола, передав власть старшему сыну Вильгельму II (1840–1849). В 1844 г. либеральная оппозиция представила Генеральным штатам на рассмотрение новый проект конституции в виде подготовленных Торбеке «Замечаний об Основном законе». Но только в 1848 г., когда в Европе бушевали революции, а в марте 1848 г. народные выступления под лозунгами ограничения власти монарха и предоставления буржуазных свобод охватили Гаагу и Амстердам, Вильгельм II дал согласие на пересмотр Основного закона. Для этого была создана комиссия во главе с Торбеке. Генеральные штаты, созванные с двойным числом депутатов, на правах Учредительного собрания приняли новую конституцию,

обнародованную 3 ноября 1848 г.

Конституция 1848 г. существенно ограничила власть короля. Отныне органом исполнительной власти являлось правительство, состоявшее из короля и министров, ответственных перед парламентом. Полномочия Генеральных штатов были расширены: нижняя палата получила право проводить расследования и задавать вопросы министрам, вносить законодательные предложения и поправки. Голосования по бюджету должны были проводиться ежегодно. Заседания обеих палат становились публичными.

Для депутатов устанавливался возрастной ценз — 30 лет, имущественного ценза не требовалось. От 45 тыс. жителей избирался один депутат; таким образом, после каждой переписи населения число депутатов менялось. Верхняя палата Генеральных штатов насчитывала 39 депутатов, нижняя — 68–86. Члены нижней палаты избирались прямым голосованием лиц мужского пола, уплачивавших определенный минимум прямых налогов: от 20 гульденов в деревнях до 160 в крупнейших городах. Нижняя палата избиралась на четырехлетний срок. Каждые два года ее состав обновлялся наполовину. Король имел право ее роспуска. Члены верхней палаты избирались штатами провинций из числа крупнейших налогоплательщиков на девятилетний срок. Однако из-за высокого избирательного ценза новая конституция еще больше ограничила и без того узкий круг избирателей. С 1848 г. правом голоса обладало лишь 6 % мужского населения Нидерландов. В январе 1849 г. в Нидерландах прошли первые выборы депутатов нижней палаты на основе прямого голосования. Большинство получили либералы, и вступивший в марте на престол король Вильгельм III (1849–1890) поручил Торбеке сформировать первое нидерландское правительство (1849–1853) в соответствии с требованиями новой конституции.

Изменения, внесенные в конституцию в 1848 г., означали фундаментальное обновление государственной системы. Перестройка институтов нидерландского государства, начавшаяся после отделения Бельгии, была завершена и фактически установлен режим конституционной монархии, роль парламента в котором только возрастала. Отныне власть в стране почти всегда находилась в руках парламентского большинства. Политическая борьба в Генеральных штатах до середины 1860-х годов шла между двумя основными группами — либералами и консерваторами, поочередно возглавлявшими правительственные кабинеты.

В течение трех сроков кабинет возглавлял Торбеке, занимавший

различные министерские посты.

Й.П. Арендцен. Йохан Рудольф Торбеке. Гравюра. 1875 г. Свободный университет Амстердама

Наиболее обсуждаемыми в Генеральных штатах были вопросы налоговой политики, колониальных реформ, начальной системы обучения и прав католиков. Но самые острые дебаты разгорались тогда, когда речь заходила о колониальных делах. Прежде всего резкой критике подвергалась система управления колониями в Юго-Восточной Азии.

Особенностью внешнеполитической деятельности Нидерландов в 1840–1870 гг. являлся курс «добровольной изоляции» от большой европейской политики. В первое десятилетие после отделения Бельгии это было скорее выражением «обиды» по отношению к великим державам, поддержавшим создание бельгийского государства. Но с 1850-х годов обоснование выбранного Нидерландами нейтрального внешнеполитического курса существенно изменилось. Метрополия, доходы

от колониального хозяйства которой постоянно увеличивались, с целью сохранить свои огромные заморские территории и вести выгодную ей торговлю вынуждена была на европейском континенте придерживаться крайне осторожной политики. Эта малая страна не вступала в конфликты с великими державами (хотя и действовала чаще с учетом интересов Великобритании), а одними из эффективных способов сохранения ее нейтралитета по-прежнему оставались выгодные таможенные тарифы и торговые соглашения, зарубежные инвестиции и займы. Нидерланды строго придерживались нейтрального курса во время Крымской войны, им удалось сохранить свой нейтральный статус и нейтральный статус остававшегося с ними в личной унии Люксембурга во Франко-прусской войне. Нисколько не отразилось на внешнеполитическом курсе Нидерландов и изменение ситуации в Европе в 1871 г. в связи с образованием Германской империи.

Социально-политические процессы в последней трети XIX века

В последней трети XIX в. Нидерланды представляли собой государство с хорошо развитыми торговлей, транспортом и сельским хозяйством, но со средним уровнем развития промышленности. Практически до 1880-х годов владельцы капиталов предпочитали вкладывать средства во внешнюю торговлю и судоходство, получать хорошие проценты по внешним займам, и только в последние десятилетия века денежные потоки начали поступать и в промышленность, что заметно ускорило темпы ее развития. Модернизации подверглись прежде всего судостроение, текстильная и пищевая промышленность. К началу XX в. фабрично-заводское производство в Нидерландах одержало победу, а на первый план выступили отрасли хозяйства, которые так или иначе были тесно связаны с транспортировкой и переработкой колониального сырья или обеспечением потребностей колониального рынка. Важное значение начала приобретать нефтеперерабатывающая промышленность, получавшая сырье из Нидерландской Индии (Индонезии). Исключительное географическое расположение Нидерландов позволило им занять одно из первых мест в мире по транзитной торговле. Этому способствовало ускорение темпов строительства хорошо разветвленной сети железных дорог (в 1850 г. — 176 км, в 1870 г. — 1419 км, в 1900 г. — 3300 км), соединение каналами главных нидерландских портов Амстердама (1876) и Роттердама (1882) с Северным морем, а также многих внутренних водных

артерий, реконструкция портов, строительство хороших мощеных дорог в удаленные районы страны.

Явным было и улучшение демографической ситуации в стране. Уровень рождаемости в Нидерландах в XIX в. был высок и составлял в среднем 25 промилле. При этом уровень смертности с 1820-х годов постоянно снижался. Такое положение вещей было следствием улучшения продовольственного снабжения и качества пищи, увеличения доли лиц, состоявших в браке, при одновременном снижении возраста вступления в брак и отсутствии ограничения рождаемости. Снижение уровня рождаемости наблюдалось после 1880 г., но оно шло параллельно со снижением уровня смертности. В результате в XIX в. население Нидерландов росло быстрыми темпами. За столетие оно увеличилось почти на 140 %: с 2,2 млн человек в 1815 г. (через 3,1 млн в 1850 г.) до 5,1 млн в 1899 г.

В последней трети XIX в. эволюция нидерландской политической системы была связана главным образом с формированием политических партий. Парламентская борьба шла между консерваторами и либералами, но либеральных кабинетов было значительно больше, и фактически уже к концу 1880-х годов консерваторы, так и не оформившиеся в Нидерландах в партию классического типа, уступили ведущие позиции либералам. Этот процесс, наряду с поправками к конституции и предоставленным королем Вильгельмом III расширением полномочий парламентариев, свидетельствовал о постепенной либерализации нидерландского государства и общества и определенном кризисе монархии, переживавшей в стране с длительным республиканским прошлым и сильными традициями партикуляризма провинций начальный период своего развития. Уступив либералам во всех сферах жизни общества, корона тем самым существенно ослабила консервативное политическое течение, выполнившее к тому моменту поставленную перед ним задачу — формирование в Нидерландах монархической формы правления — и не имевшее четкой дальнейшей программы. Отчасти поэтому создание консервативной партии классического типа, как партии сторонников короля, в Нидерландах не произошло.

С конца 1870-х годов в парламентскую борьбу вступили клерикалы, политически организовавшиеся значительно раньше либералов. Первой политической партией в Нидерландах, партией с четко сформулированной программой действий, стала созданная в 1879 г. протестантами-кальвинистами Антиреволюционная партия (*Anti-Revolutionaire Partij*, ARP), просуществовавшая ровно сто лет. Ее основал Абрахам Кейпер

(1837–1920) — протестантский пастор (кальвинист), доктор теологии, журналист, депутат нижней палаты Генеральных штатов, а в 1901–1905 гг. и глава кабинета. Приверженец ортодоксального кальвинизма Кейпер стремился при этом модернизировать кальвинизм в соответствии с веяниями нового времени. Он внес значительный вклад в реформирование нидерландского государства и общества, толчком к социальной, религиозной и региональной диверсификации которого стали его идеи и деятельность. В конце XIX в. в Нидерландах только 5 % населения были атеистами, и базировавшиеся исключительно на Библии программные установки АРП, приверженность антиреволюционеров к традиционным ценностям и порядкам, постоянный акцент на протестантизме, как религии нидерландской нации, вхождение церковных старейшин в руководство АРП — все это быстро превратило партию в самую влиятельную и массовую в стране. АРП со своей достаточно четкой программой и демократической партийной организацией в рекордно короткий срок стала оппонентом либералов.

Одним из важнейших положений АРП — церковь не должна подчиняться государству, а представители различных конфессий имеют право и даже обязаны свободно создавать собственные объединения — сразу же воспользовались нидерландские католики, объединившиеся в политические союзы и впервые за три столетия наравне с протестантами вступившие в борьбу за свои права. На волне движения за расширение избирательного права и тесно связанной с ним борьбы за свободу религиозного образования (так называемый «школьный вопрос» — о праве общин учреждать, наряду с государственными общественными школами, конфессиональные школы, финансируемые государством) протестанты выступили вместе с католиками против либералов. В 1888 г. Кейпер, руководствуясь идеей о необходимости сотрудничества представителей различных конфессий, добился вступления АРП в политический альянс с католиками, что положило начало формированию коалиционных правительственных кабинетов в Нидерландах. Этой коалиции удалось провести закон о государственной поддержке начальных школ всех типов, но, не желая идти на радикальное изменение закона о выборах, в 1891 г. клерикалы на десять лет уступили власть либеральным кабинетам.

Только в ответ на растущую активность клерикальных партий начало организационно оформляться либеральное движение, с середины 1870-х годов разделенное на «умеренных» и «прогрессистов». В 1885 г. различные либеральные группы объединились в Либеральный союз, выражавший интересы крупной и средней буржуазии портовых городов, тесно связанной

с колониальной эксплуатацией Индонезии, а первая серьезная программа либералов появилась лишь в 1896 г., года либеральный кабинет провел избирательную реформу, в соответствии с которой избирательное право получили практически все нидерландские мужчины старше 25 лет.

В начале XX в. католики объединились во Всеобщий союз римско-католических объединений избирателей (в 1904 г.), а протестантское крыло партий было усилено образовавшимся в 1908 г. Христианско-историческим союзом (ХИС). ХИС как партия крупной протестантской буржуазии и землевладельцев опиралась на приверженцев традиционной Нидерландской реформатской церкви, но, за исключением вопросов, касавшихся церкви, программа ХИС мало чем отличалась от программы АРП.

Было бы неверно ставить нидерландские клерикальные партии в ряд крайне правых консервативных партий, что в большинстве случаев справедливо для других стран. В Нидерландах они создавались в рамках плюралистического, конституционного государственного организма в качестве движений за христианскую эмансипацию, так как они всегда выступали за вовлечение в политическую жизнь приверженцев разных конфессий, стоявших вне правового поля и представлявших внеклассовые движения. В результате в государстве с сильно сегментированным обществом отчетливо звучал голос представителей групп различного вероисповедания.

Отчасти поэтому, а также в силу традиционной в нидерландском обществе склонности к консенсусу (и это всегда следует учитывать) в стране отсутствовали социальные слои, которые могли бы стать основой массовых партий авторитарной или резко консервативной направленности. Все создававшиеся нидерландские политические партии постепенно приобретали межклассовый характер, вовлекая в свои ряды и представителей формировавшегося рабочего класса, вследствие чего его значительная часть не попадала под влияние социалистов.

В Нидерландах из-за запоздавшей индустриализации социальные проблемы начали проявляться позднее, чем в соседних странах. Объяснялось это особенностями исторического развития Нидерландов и несколько отличной от других стран социальной структурой нидерландского общества.

Традиционно слабым в Нидерландах было влияние дворянства, фактически отсутствовавшего в стране с долгим республиканским прошлым. Пусть и малочисленные, но выходцы из старинных нидерландских дворянских семей в XIX в., как правило, занимали

должности бургомистров, а также пополняли ряды дипломатов. Процентная доля различных групп населения во второй половине XIX в. была следующей: рабочие и пролетариат составляли 30 %, самостоятельные крестьяне — 24 %, мелкая буржуазия — 23 %, мастера — 20 %, крупная буржуазия — 3 %.

Так как в Нидерландах буржуазия обладала гораздо большей властью, чем в других европейских странах, а следовательно, имела и больше административного опыта, эти ее качества придавали нидерландскому обществу определенную стабильность. Как и везде политическая активность буржуазии в этот период возрастает, что было связано со стремлением оказывать влияние на развитие политической (парламентаризма) и экономической системы страны (главным образом в сфере обширного колониального хозяйства).

Что касается различных акций социального протеста, то в отличие, например, от Великобритании и Франции, где в XIX в. выступления ремесленников и квалифицированных рабочих были всегда массовыми, в Нидерландах они не так часто выходили на улицы. Однако именно их организации взаимопомощи первыми дали толчок к формированию нидерландских профсоюзов. В 1860-е годы в Нидерландах на базе рабочих организаций взаимопомощи появились первые профессиональные объединения: Союз огранщиков алмазов и ряд союзов типографских рабочих. Первая прошедшая в Нидерландах в 1868 г. забастовка была организована типографами Амстердама. Оформившийся в 1894 г. Всенидерландский союз огранщиков алмазов был первой организацией, сформированной по принципу современного профсоюза. Союз стремился занимать активную позицию перед лицом работодателей, а также гарантировать социальное обеспечение своих членов. (В 1893 г. в стране был создан Национальный секретариат труда, который представлял профсоюзное движение Нидерландов во II Интернационале. Основными его внутринациональными задачами были координация действий организаций рабочих и повышение уровня социальной борьбы. В 1906 г. профсоюзы объединились в Нидерландскую федерацию профсоюзов (НФП), ставшую наиболее действенной и организованной в стране.)

Ускорение процесса индустриализации вызвало ухудшение положения трудящегося населения, начавшего борьбу за свои права, как социально-экономические, так и политические. Основными требованиями являлись: улучшение условий труда в промышленности, расширение избирательного права, организация на равных правах с государственными частных профессиональных школ (протестантских и католических). Что касается

форм протеста, то забастовки, как социальное явление, начинаются здесь фактически в последней трети XIX в. Одновременно и нидерландское государство, принимая социальные законы, стало показывать, что оно осознает свою моральную ответственность за более слабые группы общества. Например, под руководством губернаторов провинций, или ведущих промышленников и инженеров проводились обследования и изучение тех или иных социальных вопросов. Их результаты оглашались в Генеральных штатах, и иногда по ним возбуждались парламентские расследования. Хотя в парламенте господствовал либеральный дух невмешательства (в дела работодателей), но даже самые ярые его сторонники понимали, что такие группы трудящихся, как женщины и дети, не могли отстаивать свои права, поэтому соглашались со вступлением в силу законов, позволявших государству регулировать отношения между этой группой населения и их работодателями. В 1874 г. был принят так называемый Закон о детях (Закон Ван Хаутена), запрещавший наемный труд детей моложе 12 лет, за исключением домашней прислуги и полевых работ в сельском хозяйстве, и считающийся началом трудового законодательства в Нидерландах. (Нидерландское законодательство о защите работников признается одним из старейших и детально разработанных в Европе.) В 1889 г. появился Закон о труде, препятствовавший чрезмерному использованию труда несовершеннолетних и женщин.

Индустриализация ускорила в Нидерландах процесс развития рабочего класса. К тому же степень урбанизации в Нидерландах была традиционно высокая: более 70 % населения проживали в городах. Самыми населенными городами были Амстердам и Роттердам. Население Амстердама за XIX в. возросло более чем в три раза: 140 тыс. человек — в 1815 г.; 250 тыс. — в 1850 г.; 510 тыс. — в 1900 г. Население Роттердама только за двадцать лет — с 1880 до 1900 г. увеличилось со 160 тыс. человек до 315 тыс. Естественно, что в последние десятилетия века концентрация рабочих в крупных промышленных центрах (прежде всего в Амстердаме и Роттердаме) также увеличилась, они превращаются в отдельную социальную группу, с требованиями которой приходилось считаться не только промышленникам и государству, но и всему обществу. Но в то же время, в отличие от других стран Западной Европы, в Нидерландах традиционно важное значение имела сфера услуг, поэтому рабочий класс был здесь не столь социально значимым, и, как следствие, достаточно слабым было рабочее движение.

Тем не менее начавшиеся в последней трети XIX в. изменения в

социальной структуре нидерландского общества способствовали развитию в нем новых идеологий (например, социалистической) и наряду с этим вели к выражению социального протеста, имевшего уже и идеологическую направленность. Определенное влияние на развитие рабочего движения в стране оказало создание в Амстердаме в 1868 г. нидерландской секции 1-го Интернационала, а первой национальной организацией рабочих, пропагандировавшей социалистические идеи, был созданный в 1871 г. и объединивший двадцать профессиональных союзов Всеобщий союз рабочих Нидерландов. В 1876 г. от него отделились рабочие-протестанты, организовавшие в 1877 г. свой союз «Патримониум». В 1878 г. их примеру последовали рабочие-социалисты. В 1881 г. они объединились под руководством Фердинанда Домелы Ньювегейса (1846–1919) в Социал-демократический союз Нидерландов, а в 1894 г. группа его членов во главе с Питером Йеллесом Трульстрой (1860–1930) образовала Социал-демократическую рабочую партию Нидерландов (СДРПН). В результате раскола СДРПН в 1909 г. на базе ее левого крыла («трибунистов») сформировалась Социал-демократическая партия (СДПН).

Появилась в Нидерландах и группа марксистов, объединившаяся в 1896 г. вокруг журнала «Новое время». Но нидерландское социал-демократическое движение, как и марксистская группа были малочисленными и не пользовались большим влиянием среди рабочих. Наличие в Нидерландах значительной прослойки мелких собственников, подкуп буржуазией верхушки рабочего класса, влияние протестантского и католического духовенства обусловили широкое распространение в рабочем движении анархистских идей, ревизионизма и реформизма.

Результатом сильного влияния церкви на рабочий класс стало формирование помимо социалистического еще и протестантского и католического рабочего движения. По такому же принципу пошло в стране и разделение профсоюзов. Этот процесс был частью гораздо более широкого общественного явления, имевшего место в Нидерландах — размежевания общества на множество групп неоднородного социального состава, внутренняя связь в которых обуславливалась общей идеологией (религиозной — протестантской или католической) или мировоззрением (социалистическим или либеральным). Отсюда берет начало и нидерландская многопартийность.

В политических устремлениях нидерландского рабочего движения торжествовала умеренность, что выражалось прежде всего в выдвижении основного требования — всеобщего избирательного права.

Борьбу за расширение избирательного права вели все нидерландские

политические партии. Принятие ряда законов в последние десятилетия XIX в. позволило уже 70 % мужского населения иметь право голоса (всеобщее избирательное право для мужчин было введено в 1917 г., а с 1919 г. оно распространялось и на женщин).

На волне за предоставление женщинам избирательного права зародилось в Нидерландах и феминистское движение, которое также было намного слабее, чем в других странах Европы. Доля работающих женщин в Нидерландах была очень низкой (к 1890 г. около 16 % от женского населения), что в определенной мере объяснялось мировоззрением, в соответствии с которым нидерландская женщина являлась прежде всего домашней хозяйкой. Нидерландское женское движение неразрывно связано с именами Алетты Якобс (1854–1929), первой нидерландской женщины-врача, посвятившей себя организации медицинских просветительских обществ для женщин, и Вильгельмины Дрюккер (1847–1925), по инициативе которой в 1894 г. было создано Объединение в пользу избирательного права для женщин.

Пик подъема рабочего движения в Нидерландах пришелся на апрель 1903 г. на момент всеобщей стачки портовых и железнодорожных рабочих ряда крупных городов страны, которая, однако, из-за расхождения во взглядах и требованиях участвовавших в ней социалистических, профсоюзных и конфессиональных организаций не дала ощутимых результатов. Надежда организовать позже общенидерландскую забастовку рабочих также не оправдалась.

<i>Колониальная политика и колониальные владения Нидерландов в XIX — начале XX века</i>

После освобождения Нидерландов от французского господства 3 августа 1814 г. было подписано англо-нидерландское соглашение, в соответствии с которым Великобритания возвращала им все колонии, кроме Эссекибо и Демерары (Британская Гвиана, ныне Гайана), Капской колонии и о. Цейлон. По Лондонскому договору от 17 марта 1824 г. Нидерланды уступили Великобритании свои владения на Малаккском полуострове в обмен на фактории на Суматре и право свободы действий на Малайском архипелаге.

Нидерландская колониальная империя, управление которой находилось в руках нидерландского правительства, включала Нидерландскую Индию (современную Индонезию), Нидерландскую Вест-

Индию (колонии в Центральной Америке — Суринам и острова в Карибском море: Кюрасао, Аруба, Бонайре, Синт-Эстатиус, Саба и южная часть о. Сен-Мартен) и несколько фортов на западном побережье Африки.

С 1830 г. в ряде областей Нидерландской Индии была введена так называемая «система принудительных культур», ставшая идеальным источником пополнения нидерландской казны. Реализация на европейском рынке экспортных культур с Явы приносила метрополии колоссальный доход. До конца 1860-х годов экономика в Нидерландской Индии основывалась на «системе принудительных культур», но критика «системы» либералами и последовавшая за этим череда правительственных кризисов привели к ее отмене.

«Система принудительных культур»

Проект вывода нидерландского колониального хозяйства из финансового тупика был разработан чиновником колониальной администрации и бывшим губернатором Нидерландской Гвианы Иоаном ван ден Босом и еще в 1829 г. передан на рассмотрение королю Вильгельму I. Суть предложенной Ван ден Босом так называемой «системы принудительных культур» сводилась к тому, что в принудительном порядке (главным образом на Яве) индонезийские крестьяне на определенной части своей земли вместо выплаты земельного налога регентам-индонезийцам должны были выращивать сельскохозяйственные культуры, пользовавшиеся спросом на мировом рынке. Метрополия рассчитывала добиться в колониальном бюджете превышения доходов над расходами, так называемого активного баланса или положительного сальдо.

Выгодными для метрополии экспортными культурами были кофе, чай, табак, индиго, сахарный тростник. Внедрение экспортных культур осуществлялось через регентов-индонезийцев, выполнявших, таким образом, функции нидерландских чиновников. После сбора урожая «принудительных культур» и обязательной его продажи по низким фиксированным ценам правительственным агентам Нидерландского торгового общества (НТО, созданного в 1824 г.) крестьянам выплачивалась небольшая сумма в виде заработной платы. Часть крестьян вместо принудительной работы на

плантациях должна была трудиться на построенных нидерландцами примитивных предприятиях по переработке урожая (60 дней в году на каждого главу семьи): сахарных заводах, индиговарнях, сушильных табака. Таким образом, «система культур» представляла собой принудительный труд в форме монопольной государственно-крепостнической эксплуатации, знакомой еще со времен Ост-Индской компании. Только теперь прежние функции ОИК выполняло нидерландское государство, являвшееся одновременно и плантатором, и купцом.

Сельхозпродукция отправлялась на правительственные склады. Все функции по ее экспорту с Явы и дальнейшей реализации были сосредоточены в руках НТО, которое по заключенному с нидерландским правительством договору вело всю торговлю с Индонезией.

Наибольшую выгоду от «системы культур» получала нидерландская казна. Введение «системы культур», препятствовавшей эксплуатации колонии частным капиталом, и совершенствование методов торговли колониальным товаром позволили Нидерландам достаточно быстро вновь воплотить в жизнь идеалы их «золотого XVII в.» — стать одним из важных в мире финансистов, продавцов и транспортировщиков товаров. Индонезийское положительное сальдо за 1831–1840 гг. составило 93 млн гульденов, а в 1851–1860 гг. — уже 267 млн (что равнялось 31 % от общих поступлений в нидерландскую казну). За 1849–1866 гг. нидерландская казна извлекла из «системы культур» чистую прибыль в размере 473 млн гульденов. К 1870 г. ее применение принесло нидерландской казне 900 млн гульденов чистой прибыли. Поэтапная ликвидация «системы культур» началась еще в середине 1860-х годов, но в 1870 г. колониальная администрация Нидерландской Индии, обвиненная либералами в жестокой эксплуатации индонезийцев, вынуждена была отказаться от прибыльного метода возделывания всех культур (кроме кофе и сахарного тростника) и перейти к традиционному налогообложению. Окончательно «система культур» была отменена в 1915 г.

На основании принятых в 1870 г. так называемых «аграрного» и «сахарного» законов часть земель Нидерландской Индии перешла в государственную собственность и по льготным ценам стала передаваться в

аренду частным предпринимателям или компаниям. Открытие правительством доступа в колониальные владения в Юго-Восточной Азии частному нидерландскому капиталу способствовало возникновению там колониальных монополий, началу активной разработки месторождений нефти, олова, бокситов. Политика «открытых дверей» и снижение таможенных пошлин привлекли туда и частный иностранный капитал, главным образом английский.

Сохраняя нейтралитет в европейской политике и оберегая таким образом от возможного вмешательства великих держав в свои заокеанские владения, Нидерланды, для того, чтобы установить над ними полный политический контроль, начали проводить в Юго-Восточной Азии активную завоевательную политику. После того как в ноябре 1871 г. был подписан англо-нидерландский Суматранский договор, по которому Нидерланды получили свободу действий на Суматре, нидерландская колониальная армия в течение сорока лет вела там кровопролитную войну, покоряя сохранившие независимость внутренние районы острова (так называемая Ачехская война 1873–1913 гг.). С той же целью были предприняты нидерландские военные экспедиции на о. Ломбок в 1894 г. и на острова Калимантан и Сулавеси в 1901–1908 гг.

Нидерландская Индия стала для метрополии источником аграрно-сырьевых ресурсов, главным образом нефти (в 1907 г. была создана крупнейшая англо-голландская нефтяная монополия «Ройял датч — Шелл»), рынком сбыта нидерландских промышленных товаров и источником дешевой рабочей силы.

Подъем антиколониального движения в Нидерландской Индии (Индонезии) с началом XX в. нидерландские власти пытались остановить посредством проведения там социально-политических реформ. После прихода к власти в Нидерландах в 1901 г. партийной коалиции во главе с лидером Антиреволюционной партии А. Кейпером правительственный кабинет начал осуществлять новый курс колониальной политики (он получил название «этический курс», «этическая политика»), целью которого было создание благоприятных условий для эксплуатации Нидерландской Индии экономическими методами.

Экономика нидерландских владений в Вест-Индии основывалась на плантационном хозяйстве (выращивание сахарного тростника, кофе, какао), в котором использовался сначала рабский труд, а с отменой там 1 июля 1863 г. рабства — труд батраков и законтрактованных индийских и китайских наемных рабочих (это право Нидерланды получили после ратификации в феврале 1872 г. англо-нидерландского соглашения о

передаче Великобритании нидерландских фортов на Золотом Берегу в Африке). В 1866 г. Нидерландская Гвиана (Суринам) официально получила статус колонии Нидерландов.

Островная часть Нидерландской Вест-Индии играла роль важного торгово-транспортного узла в бассейне Карибского моря, значение которого еще больше возросло с постройкой Панамского канала. В начале XX в. на Кюрасао началось строительство нефтеперерабатывающих предприятий (первый завод вступил в строй в 1916 г.), работавших на венесуэльской нефти.

К 1913 г. Нидерландская Индия охватила всю территорию (1,9 млн кв. км) современной Индонезии. Общая площадь нидерландских владений в Ост- и Вест-Индии составляла 2 045 647 кв. км и превышала размер метрополии в 50 раз. По числу подданных (ок. 40 млн чел.) Нидерланды уступали лишь Великобритании и Франции, а по площади своих колониальных владений занимали пятое место в мире (после Великобритании, Франции, Германии и Бельгии).

В начале XX в. Королевство Нидерландов занимало видное место в системе империалистических государств. Значение этой небольшой по территории и численности населения страны (6,251 млн в 1914 г., из которых 60 % были протестантами и 35 % католиками) определялось финансовым могуществом нидерландской буржуазии, ее традиционными торговыми связями со многими странами мира и контролем над обширной колониальной империей. Наличие огромной по размерам и человеческим ресурсам колониальной империи у малой европейской страны в период завершения передела мира великими державами являлось как основной причиной, по которой Нидерланды старались во всех вооруженных конфликтах континентальных держав придерживаться политики нейтралитета, так и самым надежным гарантом их нейтральной внешней политики. Финансовые возможности, которые имелись у метрополии благодаря колониям, и умелое направление этих финансовых потоков в сферу внешнего кредита практически исключали ситуацию, в которой великие державы могли бы посягнуть на нидерландский нейтралитет. Нидерланды стремились занять место государства-арбитра в вопросах международного права и сохранить за собой положение дипломатического центра Европы. Они активно участвовали в организации европейских конгрессов и конференций — Гаагских мирных конференций 1899 г. и 1907 г., целью которых была выработка механизмов решения международных споров мирными средствами, предотвращение военных столкновений и обсуждение проблемы разоружения.

С началом Первой мировой войны Нидерланды сразу же заявили о своем нейтралитете, и в течение всего военного периода им удалось сохранить статус нейтральной державы.

Бельгия: королевство и империя

Бельгийская революция 1830 года и образование Королевства Бельгия

В XIX в. Бельгия после долгих десятилетий борьбы с иноземным владычеством обрела, наконец, самостоятельность. Поражение Наполеона в европейских войнах привело к изменению политической карты Европы, в результате которого бельгийские провинции были соединены с северными нидерландскими областями. По воле дипломатов стран-победительниц и в соответствии с трактатами Венского конгресса 1814–1815 гг. в Европе было создано новое государство — Королевство Объединенных Нидерландов, призванное служить противовесом Франции. Новое государство возглавил Вильгельм I, провозглашенный 6 марта 1815 г. монархом Объединенных Нидерландов. В это государство вошли также епископство Льежское и Великое герцогство Люксембург, полученное Вильгельмом I в личную собственность как компенсация за утрату владений дома Нассау в Германии. В объединенном королевстве бельгийские провинции играли по сравнению с Северными Нидерландами подчиненную роль: экономические, политические и религиозные интересы всех слоев бельгийского населения ущемлялись нидерландцами. Притеснения в политической области проявились прежде всего в том, как была принята новая Конституция Королевства Объединенных Нидерландов. По настоянию представителей южных провинций были внесены некоторые существенные изменения в конституцию. Высший орган управления в королевстве — Генеральные штаты — состоял из двух палат. В верхнюю палату входили 40–60 членов, которые пожизненно назначались королем. В нижнюю палату избиралось 110 членов, по 55 от северных (голландских) и южных (бельгийских) провинций, хотя население южных провинций значительно превосходило численность голландского населения. Генеральные штаты собирались поочередно то в Брюсселе, то в Гааге, однако главные правительственные и административные учреждения находились в Северных Нидерландах. Король был главой исполнительной власти; министры ответственны только перед королем; гласность

судопроизводства сведена лишь к обнародованию приговоров; королю предоставлялась также и верховная власть над колониями. Голландцы занимали почти все важные государственные посты. Так, в первом кабинете министров Королевства Объединенных Нидерландов был всего один представитель бельгийских провинций, а накануне революции (в 1829 г.) из 15 министров и государственных секретарей их было только трое. Такое же неравенство при распределении должностей царило и в армии, и в дипломатических ведомствах. К тому же в 1822 г. нидерландский язык был введен в качестве обязательного для всех официальных и судебных документов. Важную роль среди причин, вызвавших буржуазную революцию в Бельгии, играло различие вероисповеданий между жителями северных и южных провинций королевства. Католическая церковь, укрепившаяся в бельгийских провинциях еще со времени испанского и австрийского владычества, имела глубокие корни в южной части королевства, в северной же части страны большинство жителей исповедовали протестантизм. Серьезное недовольство бельгийцев вызывала и экономическая политика голландского короля Вильгельма I.

В 1820-е годы в бельгийских провинциях происходили экономические, политические и социальные сдвиги, знаменовавшие переход от мануфактурной стадии к фабричной системе капиталистического производства. Это было начало промышленной революции. Внедрение в производство машин неизбежно влекло за собой обнищание трудящихся, разорение мелких собственников (крестьян, ремесленников и торговцев) и вместе с тем обогащение за счет высоких прибылей крупной буржуазии. Бельгийские промышленники нуждались в покровительственных тарифах, голландская же буржуазия, занимавшаяся преимущественно торговлей со своими обширными колониями, требовала от правительства (по большей части проводившего экономическую политику в интересах северных провинций и в ущерб бельгийцам) предоставить ей в этой области свободу действий. Введенная правительством налоговая система сказывалась и на положении бельгийских крестьян, которые вынуждены были постоянно бороться против налогов на домашний скот, пиво, можжевельник и особенно против ненавистных налогов на убой скота и на помол муки.

Две политические партии — католики и либералы, враждовавшие между собой в первые годы создания этого нового государства, в борьбе с голландским режимом объединили свои усилия и организовали в 1828–1829 гг. широкое петиционное движение. Под петициями подписались свыше 360 тыс. бельгийцев. Оппозиционное движение охватило в южных

областях все слои общества: промышленные и торговые круги, дворянство и буржуазию, рабочих, ремесленников и сельское население. В петициях выдвигались требования независимости судопроизводства, уничтожения ряда налогов, свободы прессы и образования. К концу 1829 г. общественное недовольство зашло так далеко, что проявилось даже в Генеральных штатах, которые 35 голосами против 32 отвергли бюджет на следующий, 1830-й год, и в результате правительству пришлось довольствоваться временным бюджетом.

Иностранные дипломаты, находившиеся в Брюсселе и Гааге, с каждым днем убеждались в серьезности нараставшего конфликта между бельгийцами и правительственными кругами. К 1830 г. в бельгийских провинциях складывалась революционная ситуация.

Революционные события 1830–1831 гг. в ряде стран Европы, не сравнимые, конечно, с потрясениями Великой французской революции и революционным кризисом 1848–1849 гг., привели к существенным переменам в международной обстановке на европейском континенте и внесли заметные изменения в территориально-политическую систему, покоившуюся на трактатах Венского конгресса 1814–1815 гг. 25 августа 1830 г. в Брюсселе начались революционные выступления, которые охватили почти все крупные города юга Королевства Объединенных Нидерландов.

Самостоятельность бельгийцы завоевали в упорной борьбе с ненавистным режимом, навязанным им трактатами Венского конгресса. 23–26 сентября на улицах Брюсселя происходили кровопролитные бои повстанцев с голландскими войсками под командованием сына Вильгельма I принца Фредерика.

Самым знаменательным днем было воскресенье 26 сентября. Восставшие бельгийцы одержали решительную победу над правительственными войсками, которые в ночь с 26 на 27 сентября вынуждены были отступить. Таким образом, победа революции стала очевидной. В боевых действиях погибли 520 бельгийцев и 600 человек со стороны голландцев.

Для восставших бельгийцев весть об отступлении королевских войск из Брюсселя послужила сигналом к новым выступлениям. В покидавших Брюссель голландских войсках принца Фредерика начали появляться первые признаки дезорганизации. Центром революционных выступлений широких народных масс по-прежнему оставался Брюссель. Здесь 26 сентября было создано очередное Временное правительство, которое в тот же день издало свою первую прокламацию, напечатанную в «Catholique des

Pays-Bas». В патриотических тонах в ней говорилось о призыве Временного правительства к бельгийскому народу победить врага не только в Брюсселе, но и в других городах, мобилизуя для этого все средства.

Король Вильгельм I, убедившись в том, что он не может подавить революцию собственными силами, вынужден был обратиться за военной помощью к четырем великим державам Европы — России, Великобритании, Австрии и Пруссии.

Бельгийские дела являлись важным направлением российской дипломатии, одной из главных задач которой считалась в те годы неустанная борьба с революцией в Европе, где бы и в чем бы она ни проявлялась. События во Франции и особенно в Бельгии в октябре-ноябре 1830 г. вызвали острейший внешнеполитический кризис: в результате революционных событий в Бельгии международные постановления 1814–1815 гг., касавшиеся образования Королевства Объединенных Нидерландов и являвшиеся составной частью Заключительного акта Венского конгресса, подписанного 9 июня 1815 г., были нарушены. Возникшую проблему необходимо было урегулировать. Гаагский кабинет выражал желание изменить условие объединения двух стран и провести в голландской столице переговоры по этому вопросу. Необходимость пересмотра «восьми статей» возникла вследствие намерения «его нидерландского величества» урегулировать бельгийский кризис посредством предоставления Бельгии автономии — разделения королевства на две самостоятельные в «административном и законодательном» отношении части.

Ради сохранения целостности Королевства Объединенных Нидерландов и пресечения «революционной угрозы» в столицах России, Австрии и Пруссии обсуждалась возможность вооруженного вмешательства в бельгийско-голландские дела. Инициатива обсуждения планов контрреволюционного похода отчасти исходила из Петербурга. Этим делом занимался русский полководец, генерал-фельдмаршал граф И.И. Дибич-Забалканский, который был направлен Николаем I с особой миссией в Берлин (формально для согласования позиций по «французскому вопросу»). Заступником Бельгии выступило французское «июльское правительство», заинтересованное в распаде нидерландского королевства и не желавшее мириться с возможностью появления на своих северных границах армий держав Священного союза.

Однако под влиянием серьезных внешних и внутренних причин (отказ австрийского и прусского монархов поддержать планы российского императора, восстание в Польше, неурожай хлеба в России и др.) интервенция русской армии в Бельгию не состоялась.

Временное правительство Бельгии учредило Центральный комитет, на который была возложена функция исполнительной власти. В него вошли Луи де Поттер, которому принадлежала инициатива учреждения Центрального комитета, Шарль Рожье, Феликс де Мерод, Сильвен ван де Вейер и несколько позднее Александр Жандебьен. Хотя все важные вопросы (об отделении Бельгии от Голландии, о независимости нового государства и форме правления) Временное правительство могло решить самостоятельно, окончательное рассмотрение этих вопросов было отложено до Национального конгресса, созыв которого был назначен на 4 октября. Но с целью успокоить общественное мнение Временное правительство все же объявило, что отделившиеся от Голландии бельгийские провинции составят независимое государство.

10 ноября началась работа Национального конгресса, на повестке дня которого было два принципиально важных вопроса: о будущем устройстве нового бельгийского государства и судьба низвергнутой в ходе революции в южных провинциях династии Оранских-Нассау. После продолжительных дебатов по поводу установления в стране монархического образа правления или республики, победили сторонники монархии: 18 ноября 1830 г. большинство членов Национального конгресса 174 голосами против 13 высказались за установление в стране режима конституционной наследственной монархии. Сторонники республики, лидером которых был Луи де Поттер, талантливый журналист, автор смелых статей и памфлетов, содержащих критику существовавшего режима, оказались в меньшинстве. По отношению к династии Оранских-Нассау основная масса бельгийцев была настроена резко враждебно, хотя среди богатых коммерсантов и промышленников Гента, Льежа и Антверпена было немало и ее сторонников. Большинство голосов Национальный конгресс выступил против кандидатуры принца Оранского на бельгийский престол, и 25 ноября конгрессом было принято специальное постановление, согласно которому представители дома Оранских-Нассау были навсегда исключены из числа претендентов на бельгийский престол. В конечном итоге наиболее приемлемой сочли кандидатуру немецкого принца Леопольда Саксен-Кобург-Гота, активно поддерживаемую Великобританией. 21 июля 1831 г. принц Леопольд торжественно въехал в Брюссель и принес присягу на верность бельгийскому народу.

Международно-правовому признанию образовавшегося в процессе революции самостоятельного бельгийского государства предшествовала сложная дипломатическая борьба, развернувшаяся на Лондонской конференции держав в 1830–1831 гг.

Судьбу Бельгии в течение года обсуждали дипломаты пяти великих держав — Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии. В результате переговоров Бельгия была признана самостоятельным постоянно нейтральным государством. Этот нейтралитет ей гарантировали пять держав, подписавших протокол.

Пока Национальный конгресс в Брюсселе обсуждал проект конституции и вопрос об избрании короля на бельгийский престол, Лондонская конференция добилась временного прекращения военных действий между Голландией и Бельгией и стала рассматривать меры, которые могли бы, при сохранении независимости Бельгии, обеспечить равновесие сил в Европе.

20 декабря 1830 г. пять великих держав окончательно признали независимость Бельгии и устранение Вильгельма I с бельгийского престола.

Решение Лондонской конференции об устранении Вильгельма с бельгийского престола вызвало протест голландского кабинета. В резких выражениях нидерландский король упрекал конференцию, которая вместо успокоения Нидерландов занялась разрушением королевства. Признав независимость Бельгии от Голландии, конференция определила границы обоих государств: за Голландией были признаны границы 1790 г. и, кроме того, за Оранским домом оставался Люксембург. По отношению к Бельгии этот принцип не был соблюден, и она должна была отказаться от права на Восточную Фландрию, часть Лимбурга, Маастрихт и Люксембург. Правда, взамен этого она получила Льеж, 10 французских кантонов и герцогство Бульонское, которым она не владела в 1790 г. и которое было присоединено к ней как к части Нидерландского королевства при образовании государства Вильгельма I.

Что касается государственного долга бывшего Нидерландского королевства, то на долю Бельгии пришлась почти его половина. Это решение Лондонской конференции не могло, естественно, удовлетворить Бельгию, которая должна была заплатить слишком дорого за согласие Европы признать факт совершившегося отделения Бельгии от Голландии.

Неудивительно, что Национальный конгресс 1 февраля 1831 г. выразил протест против решений Лондонской конференции. В этом протесте говорилось: «...Конгресс протестует против всякой попытки уменьшить территорию Бельгии и навязать ей без согласия народных представителей какие-либо границы; конгресс ни в коем случае не откажется от своих суверенных прав в пользу иностранных кабинетов, он никогда не подчинится решению, уничтожающему целостность территории и права

народного представительства, он будет постоянно требовать от иностранных правительств соблюдения принципа о невмешательстве в жизнь бельгийского народа».

В противовес Национальному конгрессу нидерландское правительство официально заявило, что оно признает для себя обязательными постановления Лондонской конференции. Тем самым Вильгельм I оказывался вынужденным пойти на признание независимости Бельгии и отказаться от своих претензий на нее.

Однако нидерландский король вопреки своему прежнему решению о признании постановлений Национального бельгийского конгресса 2 августа 1831 г., начал войну против Бельгии, продолжавшуюся до 1833 г. Бельгийцы обратились за помощью к странам-участникам Лондонской конференции. Самостоятельно им не удалось победить нидерландскую армию. С помощью французских войск территория Бельгии была освобождена от нидерландских войск (за исключением Антверпенской крепости, освобожденной лишь в 1832 г.). 21 мая 1833 г. Вильгельм I подписал англо-франко-нидерландское соглашение об окончании военных действий, и лишь в 1839 г. нидерландский король окончательно признал независимость Бельгии.

Конституция, принятая Национальным конгрессом и опубликованная 7 февраля 1831 г., стала самой либеральной на континенте и в дальнейшем послужила образцом для конституций Италии, Румынии, Греции, Испании и Португалии.

Согласно Конституции 1831 г. по форме правления Бельгия — парламентарная монархия. Глава государства — наследственный монарх. Право наследования имели лишь представители династии Саксен-Кобург Гота по мужской линии по праву первородства. При отсутствии мужского потомства у короля после его смерти или после отречения новый король избирается парламентом (большинством в две трети голосов членов обеих палат). В случае, если наследник не достиг совершеннолетнего возраста (18 лет), парламент назначает регента, который выполняет функции главы государства. Регент может назначаться также после отречения короля на время до избрания парламентом нового монарха. Он наделен как законодательной, так и исполнительной властью. Ему принадлежит так же, как и парламенту, право законодательной инициативы. Однако фактически, в силу установившихся традиций, король не пользуется своими законодательными правами, которые несколько ограничены парламентом. Что же касается осуществления королем своих прав в области исполнительной власти, то он практически во всех своих действиях

руководствуется мнением правительства. Согласно ст. 64 конституции никакой акт короля не может иметь силы, если он не скреплен подписью какого-либо министра, который тем самым делается ответственным за него.

Бельгийский парламент состоит из двух палат: нижней — Палаты представителей и верхней — Сената. Обе палаты выборные и полностью переизбираются каждые четыре года. Палата представителей насчитывает 150 членов, Сенат — 71. Выборы в Палату представителей и Сенат, которые избираются прямым, всеобщим голосованием происходят в один и тот же день каждые четыре года, обычно в последнее воскресенье мая или первое воскресенье июня.

Распределение парламентских мандатов по партиям происходит в Бельгии по системе пропорционального представительства, т. е. пропорционально количеству собранных каждой партией голосов избирателей. Бельгия явилась одной из первых буржуазных стран, введших эту пропорциональную избирательную систему. Можно в пределах одной провинции объединять списки кандидатов (это делается с целью распределения мандатов в парламенте).

Бельгийский парламент является высшим законодательным органом страны. Наряду с законодательными функциями парламент в Бельгии осуществляет также непосредственный контроль над деятельностью правительства.

В области законодательства обе палаты бельгийского парламента равноправны. В соответствии с Конституцией 1831 г. ни один законопроект не может быть принят, если он не получит одобрения Палаты представителей и Сената. Обеим палатам в равной мере принадлежит также право законодательной инициативы.

Правом контроля над деятельностью правительства наделены обе палаты парламента, которые обсуждают политику правительства и деятельность тех или иных министерств. Однако Палата представителей имеет в этой области, по сравнению с Сенатом, некоторые преимущества. Она утверждает путем голосования полномочия назначаемого королем премьер-министра и всех членов его правительства. В конечном итоге правительство несет политическую ответственность в равной степени и перед нижней, и перед верхней палатами парламента.

Борьба католиков и либералов

Образование самостоятельного государства способствовало бурному

развитию национальной промышленности и торговли. Заключенные с Германским таможенным союзом в 1844 г., а затем в 1845 г. с Францией выгодные торговые договоры открыли для бельгийской промышленности новые рынки сбыта. С 1830-х годов бельгийское правительство приступило к крупному строительству дорог, каналов, но, главное, государственных железных дорог. В 1835 г. торжественно была открыта первая железнодорожная линия из Брюсселя в Мехелен. Заказы на заводское оборудование, рельсы, паровозы и вагоны дали мощный толчок развитию угледобывающей промышленности, металлургии и машиностроению. Это способствовало развитию восточных и южных районов страны, в первую очередь Льежа, превратившегося в один из основных сталелитейных центров Европы, и Шарлеруа, процветавшего благодаря добыче угля. Менее чем через десять лет страна занимала ведущее место в мире по протяженности железных дорог, которая достигла 560 км. По ним курсировали 143 локомотива с 25 тыс. вагонов, было построено 80 вокзалов. Отмена протекционизма в 1849 г., создание национального банка в 1835 г., восстановление Антверпена как центра торговли также способствовали быстрому промышленному подъему в Бельгии. Чрезвычайно важной для экономического развития страны было достигнутое с Нидерландами в 1842 г. соглашение о бельгийском судоходстве по Шельде и Маасу и выкуп в 1863 г. у Нидерландов права торговли по Шельде. Уже в середине XIX в. Бельгия заняла одно из первых мест среди промышленно развитых стран мира.

Парламентская борьба в молодом бельгийском государстве после завоевания им независимости велась по нескольким вопросам: проведение избирательной реформы, реформа школьного образования, пересмотр налогового и рабочего законодательства.

В середине XIX в. одной из важных проблем во внутренней жизни Бельгии становится выдвигаемое демократическими силами требование всеобщего избирательного права. Согласно действовавшему тогда цензовому избирательному закону из 6 млн бельгийцев избирательным правом могли пользоваться лишь 137 тыс. человек.

Две основные политические партии Бельгии — католическая и либеральная на протяжении всего XIX в. сменяли друг друга у власти. Под влиянием идейного течения во Франции с 1845 г. в различных кругах бельгийского общества в либеральной партии возникает радикальное течение «молодые либералы», которые требовали прежде всего политических изменений, в частности избирательной реформы, а также проведения реформы налоговой системы и рабочего законодательства.

Выборы 8 июня 1847 г. привели к власти либералов. Король Леопольд I назначил чисто либеральный кабинет министров во главе с одним из активных участников бельгийской революции 1830 г. Шарлем Рожье. Успеху либералов на выборах в значительной мере способствовала программа, принятая собранием Либерального союза в 1846 г. В эту программу входили важные пункты об избирательной реформе в плане понижения имущественного ценза и введения дополнительного образовательно-профессионального ценза «в пределах, установленных конституцией»; о действительной независимости гражданской власти (по отношению к церкви); об организации всех ступеней народного образования только под руководством представителей государственной власти (которой должны быть предоставлены все конституционные возможности для успешной конкуренции с частными учебными заведениями, а у служителей культа отнималось право всякого вмешательства в народное образование, организованное светскими властями); об отмене реакционных законов; об увеличении числа депутатов и сенаторов до пропорции 1 депутат на каждые 40 тыс. населения и 1 сенатор на 80 тыс.; об улучшении положения рабочих и неимущих слоев населения.

Кабинет Шарля Рожье выполнил одно из главных обещаний 1846 г. — провел избирательную и парламентскую реформы, в результате которых ценз был понижен и, как следствие, число городских избирателей возросло с 16 360 до 33 600, тогда как число сельских избирателей увеличилось только на одну треть. Эта реформа была выгодна для либеральной партии, опиравшейся главным образом на города. Некоторые умеренные либералы находили ее даже чересчур демократичной. 26 марта был издан закон, в силу которого ни один государственный чиновник не мог быть избран в парламент. Другой закон сократил до 20 флоринов ценз для избрания в коммунальные и профессиональные советы и до шести лет продолжительность мандата депутатов от коммун. Все эти реформы были немедленно введены в действие; Сенат, Палата депутатов, профессиональные и коммунальные советы были распущены, а затем избраны на основании законов 1848 г. В новой палате насчитывалось 85 либералов и 23 католика. Либеральная партия, первая политическая партия страны, представляла интересы промышленной и торговой буржуазии, католическая (оформившаяся намного позже — в 1884 г.) — выражала интересы дворянства и духовенства и наибольшее число голосов получала в сельской местности. В Сенате число представителей от каждой из партий было практически одинаковым.

Во второй половине XIX в. борьба между либералами и католиками обострилась, по многим вопросам они уже не могли выступать единым фронтом.

Краеугольным камнем в споре между либералами и католиками стала система образования. Либералы, которые выступали за официальные светские школы, имели большинство в парламенте с 1857 по 1870 г. После июньских выборов 1870 г. либералов сменили у власти католики (пребывавшие у власти, за исключением 1878–1884 гг., до 1914 г.). Кабинету министров Жюля Малу, находившемуся у власти 8 лет, на смену пришел кабинет Вальтера Фрер-Орбана. Вновь созданное министерство общественного образования возглавил брюссельский адвокат Пьер ван Гумбек, который явился инициатором знаменитой «школьной войны».

Она началась из-за того, что закон 1842 г. о начальном образовании предусматривавший обязательное преподавание религии, был заменен законом 1879 г. Согласно этому закону, правительству разрешалось создавать официальные светские школы, в которых курс религии был заменен курсом морали. Борьба католиков против «школ без бога» приобрела серьезный размах. Повсюду возникали сотни так называемых свободных школ, и через два года они уже составляли 66 % от общего числа всех школ. Фрер-Орбан, глава правительства, не побоялся даже разорвать дипломатические отношения с папой римским Львом XII.

В течение пяти лет шла ожесточенная борьба между либералами и католиками за пересмотр закона о начальном образовании. Борьба закончилась убедительной победой католиков на выборах 1884 г. Новый кабинет министров Жюля Малу заменил закон Ван Гумбека третьим школьным законом, восстанавливавшим курс религии в начальной школе.

Быстрый рост бельгийской экономики в последней трети XIX в. сопровождался ростом численности рабочего класса, его активности и организованности. Первые рабочие организации возникли в стране еще в середине XIX в. В апреле 1885 г. образовалась Бельгийская рабочая партия (БРП), руководимая Эмилем Вандервельде. Находясь под сильным влиянием прудонизма и анархизма, БРП отказалась от революционной борьбы и избрала тактику достижения социалистических целей парламентским путем и путем сотрудничества с буржуазными партиями. Объединившись с прогрессивными католиками и либералами, БРП в конце XIX в. удалось провести через парламент ряд демократических реформ (законы, касавшиеся жилья, компенсационных выплат рабочим, фабричной инспекции, детского и женского труда).

Но проблемы бельгийских рабочих, как и в других европейских

индустриальных странах, были решены лишь отчасти, забастовки рабочих в промышленных районах в конце 1880-х стали массовым явлением и привели Бельгию на грань гражданской войны. Во многих городах между рабочими и войсками произошли столкновения, имелись убитые и раненые. Волнения охватили и воинские части.

Размах движения заставил клерикальное правительство пойти на очередные уступки. Были проведены некоторые изменения в рабочем законодательстве в пользу трудящихся: отменены законы о запрещении коалиций, отменены обязательные рабочие книжки (являвшиеся средством контроля, а иногда и давления предпринимателя на рабочего), установлен минимальный возраст детей при поступлении на работу в шахты — для мальчиков 12 лет, для девочек 14 лет.

Католики укрепили свою власть в 1893 г., приняв под давлением демократического движения за всеобщее избирательное право закон, предоставивший право голоса всем мужчинам старше 25 лет и после годичного проживания на одном месте. Один дополнительный голос давался следующим категориям граждан: отцам законных детей, владельцам недвижимой собственности стоимостью в 2000 франков, лицам, имеющим доход в 100 франков, получаемый от государственной ренты, или от вклада в сберегательную кассу, два дополнительных голоса имели также лица с высшим образованием и некоторые чиновники. Никто не мог иметь больше трех голосов. Подача голосов была обязательной.

Как и ранее, каждые два года должна была обновляться половина состава Палаты представителей. Сенат состоял из лиц, обладавших цензом (уплачивавших налог в сумме 1200 фр. или имевших 12 000 фр. дохода), избираемых непосредственно теми же избирателями, которые избирают и палату депутатов, но только начиная с 30-летнего возраста, а частью из лиц, назначавшихся провинциальными советами без всяких цензовых ограничений. Новый закон увеличил число избирателей в 10 раз.

В 1899 г. был изменен порядок распределения парламентских мандатов по партиям. Вместо мажоритарной системы была введена система пропорционального представительства. Вначале она применялась на парламентских выборах, а затем была распространена на провинциальные и коммунальные выборы.

С 70-х годов XIX в. к острым внутриполитическим проблемам добавилась еще одна — «фламандская проблема». В этот период все больше дают о себе знать противоречия между преимущественно аграрными фламандскими и индустриальными валлонскими провинциями. Во Фландрии возникло культурное движение, прославлявшее фламандское

прошлое и его славные исторические традиции. «Фламандская проблема» проявлялась в тот период в требовании признать на практике равноправие французского и фламандского языков как государственных. Это равноправие было декларировано Конституцией 7 февраля 1831 г., но долгое время оставалось лишь на бумаге. В 1898 г. был принят закон, подтверждавший принципы «двуязычности», и с этого момента тексты законов, надписи на почтовых и гербовых марках, денежных банкнотах и монетах появлялись на двух языках.

Колониальная политика Бельгии

Колониальная политика Леопольда II (1865–1909), вступившего на престол после смерти отца в 1865 г., соответствовала идеям того времени и мало чем отличалась от колониальной политики других стран. Главным аргументом в доктрине Леопольда II был тезис о том, что экспансия является необходимым условием существования страны, задыхающейся в слишком тесных рамках ее географического пространства. Основательно изучив карту мира, Леопольд II решил остановиться на Центральной Африке, как объекте будущей экспансии. Первоначально планировалось создание коммерческих компаний по образцу нидерландской и английской компаний XVII в. В 1876 г. Леопольд II созвал в Брюсселе международную конференцию географов и экспертов по ряду смежных проблем, задачей которой было рассмотрение целого комплекса проблем Центральной Африки. Для осуществления задуманной цели в Африку одна за другой отправлялись бельгийские экспедиции. Исследователи постепенно проникали в тайну, которая издавна окружала этот континент.

В следующем, 1877 г., под председательством Леопольда II была создана Международная ассоциация Африки. В сентябре того же года английский исследователь Генри Мортон Стэнли начал изучать р. Конго у ее истоков, что заинтересовало бельгийского короля, пригласившего англичанина к себе на службу. В сентябре 1878 г. король собрал Комитет по изучению Верхнего Конго, который должен был финансировать и организовывать новую экспедицию Стэнли. Ученому было поручено скупать все земли у туземцев и отныне считать их суверенными территориями Комитета, который вскоре был преобразован в Международную Ассоциацию Конго. В апреле 1884 г. Леопольд II добился признания Соединенными Штатами Америки Международной Ассоциации, как суверенного правительства Конго. Затем то же сделала и

Франция. Бисмарк также дал свое согласие, но при условии, что в государстве Конго будет гарантирована полная свобода торговли. Берлинская конференция 1884–1885 гг. признала создание независимого государства Конго, а Леопольд II предпринял все необходимые меры, которые позволили ему возглавить новообразованное государство. Леопольд II на Берлинской конференции был признан монархом нового государства. Таким образом, решение Берлинской конференции о так называемом «Свободном государстве Конго» способствовало осуществлению многолетних стремлений Леопольда II к приобретению колоний в Африке.

После подписания окончательных актов Ассоциации Леопольд II направил послание парламенту Бельгии, в котором сообщал о своем намерении стать главой «Свободного государства Конго». В апреле 1885 г. большинством голосов парламент принял решение, которое давало право Леопольду II стать главой созданного в Африке государства.

За вывеской «Свободного государства» скрывались абсолютная власть и самодержавное правление короля-суверена. Здесь не было ни конституции, ни представительных органов. Все законы этой «собственности Леопольда II» создавались им самим. Хотя «Свободное государство Конго» и Бельгия существовали формально независимо друг от друга, однако между этими двумя государствами, соединенными личной унией, сразу же установились отношения, характерные для метрополии и колонии. Народ Конго был лишен политических прав и полностью устранен от управления страной. Новое государство доставляло королю громадные денежные средства, добывавшиеся путем жестокой эксплуатации африканского населения. Это вызывало в самой Бельгии, особенно в ее радикальных и социалистических кругах недовольство политикой Леопольда II. В 1908 г. король уступил права на Конго бельгийскому государству, Конго стало официально колонией Бельгии.

«Король-строитель»

С 1901 по 1908 г. доходы Леопольда II, полученные в результате эксплуатации Конго, составили около 100 млн франков, но король считал, что эти значительные суммы должны быть использованы прежде всего на нужды Бельгии. Важнейшей своей задачей он видел строительство архитектурных сооружений в Брюсселе и других крупных городах страны.

В Брюсселе с 1905 г. на средства Леопольда начинается возводиться Триумфальная арка в Парке пятидесятилетия и ведутся грандиозные работы по расширению королевского дворца. По словам короля, этот дворец должен был стать «Дворцом Нации», где можно было бы принимать граждан и организовывать целые конгрессы. С этой целью Леопольд купил отель «Бель-Вю» и соединил его с королевским дворцом. Для того чтобы лучшее, чем могли похвастаться колонии, заняло свое место и под бельгийским солнцем, Леопольд построил Музей Конго в Тервюрене, а рядом — здание «Всемирной школы». В Остенде он планировал создать самый красивый курортный город Европы, построив крытую галерею вдоль берега, поле для игры в гольф и трибуну ипподрома. «Король-строитель» свободно выражал свои личные пристрастия и вкусы. Так, всегда любивший культуру Дальнего Востока, монарх построил Японскую башню и Китайский павильон в резиденции бельгийских королей Лакене.

Реализуя одни планы, король тут же начинал проработку новых. Например, в Брюсселе он хотел разрушить все здания, окружавшие Дворец Правосудия, чтобы сделать более заметным этот памятник бельгийской архитектуры (примерная стоимость такой работы оценивалась в 15 млн фр.). Леопольд II хотел изменить также облик Намюрских ворот и создать там обширную площадь (примерная стоимость — 30 млн фр.), построить между улицей Намюр и Тронной площадью большой роскошный отель класса «люкс», расположенный посреди сада. Рядом с бывшим зданием обсерватории, в начале Ботанического бульвара, предлагалось разбить огромный розарий, превративший бы эту часть города, по словам самого короля, в «Гору роз», а рядом с этой «Горой» должен был находиться Курзал (примерная стоимость — 12 млн фр.). Вокзал Л'Алле Верт должен был превратиться в пешеходную зону. Планировалось выделить средства на достройку брюссельской базилики Кёкельберга, а в Остенде построить музей, выставочный зал и городской парк площадью около 430 гектаров. По всей стране должны были быть посажены деревья для украшения дорог, соединяющих между собой города; «дороги-бульвары, пересекающие Бельгию, позволят совершать легкие, свободные и приятные путешествия по стране» — все это должно было носить название

«конголезских аллей».

Все эти проекты требовали крупных закупок недвижимости. Король приступил к их выполнению: он уже поручил купить некоторые жилые дома вокруг Дворца правосудия, у Намюрских ворот, в окрестностях будущей «Горы роз», и многие архитекторы уже приступили к работе.

Было очевидно, что для полной реализации всех проектов работа должна была быть продолжена и после смерти короля. На этот случай Леопольд II заблаговременно принял меры: он создал соответствующий фонд, Фонд Короны, снабжавшийся из Конго огромными средствами. Целью этого фонда было обеспечение финансирования ведущихся в Бельгии строительных работ. Но в 1908 г. Бельгия признала Конго своей колонией, и Фонд Короны был ликвидирован, хотя король изо всех сил старался его сохранить. В конце концов он был вынужден признать свое поражение. Это событие поставило точку в реализации всех его планов.

И все же часть из них к 1908 г. была воплощена в жизнь. Если оценить выполненные проекты и ту недвижимость, которую король в итоге приобрел, то получится солидная сумма: Триумфальная арка (более 6 млн фр.), строительные работы в Лакене (около 12, 5 млн), музей в Тервюрене со всеми пристройками (более 8 млн), а также скупленная недвижимость (около 22 млн). Все это перешло в собственность бельгийского государства.

В начале XX в. территория бельгийских колониальных владений с населением около 15 млн человек и площадью в 2 345 410 кв. км в 78 раз превышала метрополию (в которой на 30 тыс. кв. км проживали почти 7 млн человек), и богатства этих владений во многом способствовали процветанию Бельгии — экономически развитой капиталистической страны с преобладанием промышленного и финансового капитала. Основными секторами экономики Бельгии были добыча угля, металлургия, машиностроение, производство стекла. Наблюдался непрерывный процесс концентрации промышленности.

Густая железнодорожная сеть (к 1903 г. протяженность путей составила свыше 25 тыс. км.), существование каналов, открытие порта Зебрюгге в 1907 г., расширение международного порта Антверпена, занимавшего в этот период третье место после Лондона и Гамбурга,

позволили Бельгии к 1914 г. достичь устойчивого положения экономического партнера ведущих стран Европы: Франции, Германии, Великобритании и России. Бельгийский банк предоставлял значительные кредиты на развитие национальной промышленности. Положение бельгийских налогоплательщиков было лучше, чем в других странах, в связи с тем, что до 1913 г. в Бельгии отсутствовала всеобщая воинская повинность, расходы на содержание армии были незначительными, не было ни обязательного среднего образования, ни социального страхования. Развитию внешней торговли и экономических отношений с другими странами благоприятствовало проведение в Бельгии Всемирных выставок: в 1897 г. в Брюсселе, в 1905 г. в Льеже, в 1910 г. вновь в Брюсселе и в 1913 г. в Генте. Росту благосостояния бельгийцев способствовали активная торговля и успешные зарубежные инвестиции. В 1914 г. бельгийский капитал за границей составлял 7 млрд золотых франков.

Во внешней политике Бельгия придерживалась нейтралитета, хотя экономически тяготела к Великобритании и Франции. Накануне Первой мировой войны, на фоне борьбы двух империалистических блоков в Европе, в декабре 1909 г. и мае 1913 г. правительством Бельгии были приняты законы о всеобщей воинской повинности, а также осуществлены некоторые мероприятия по укреплению обороноспособности государства. Нов 1914 г. нейтральная Бельгия стала одной из первых жертв войны. 2 августа 1914 г. германское правительство предъявило ультиматум с требованием предоставить возможность немецким войскам пройти по территории Бельгии во Францию. Бельгийское правительство ответило отказом, и 4 августа 1914 г. германские войска, нарушив нейтралитет Бельгии, вторглись на ее территорию.

Юго-Восточная Азия: от традиционного к колониальному обществу

В XIX в. регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) вошел разделенным на две части: колониальные владения европейских держав и независимые государства и племенные территории. Географически эта дихотомия может быть обозначена как островная и материковая. В островной малайско-индонезийско-филиппинской части ЮВА колониальная система стала определяющим фактором, тогда как на материке продолжались социально-экономические и политические процессы, вызванные в основном внутренним развитием. С одной стороны, колониализм в тот период еще не

уничтожил полностью традиционную систему в островной части ЮВА, а с другой — традиционная система, господствовавшая в материковых государствах (Бирма, Сиам, Камбоджа, Вьетнам), подвергалась все более значительному воздействию извне.

Юго-Восточная Азия в конце XVIII — 50-60-е годы XIX века

Это время в ЮВА характеризовалось двумя процессами: 1) переходом к более широкому, чем в эпоху торгового колониализма, территориальным захватам, которые положили основу для возникновения в регионе британской и французской колониальных империй и 2) стремлением привести в соответствие с новой эпохой методы и формы эксплуатации и управления старыми и новыми колониями. В принципе с некоторыми отклонениями первый из этих процессов в основном разворачивался в материковой части ЮВА, а второй — в островной. На ЮВА гораздо сильнее стали сказываться международные отношения, соперничество европейских держав, ситуация в сопредельных регионах (Наполеоновские войны, английское завоевание Индии, отношения Запада с Китаем).

Решающая роль в колониальной экспансии в ЮВА в XIX в. принадлежала Великобритании. На первых порах регион интересовал ее не столько сам по себе, сколько как территория, где можно было создать базы на торговом пути в Китай, и господство в которой обеспечивало контроль над морскими путями в Индию. В эпоху Наполеоновских войн Великобритания захватила у Голландии — союзницы Франции (с 1810 г. части империи Наполеона) г. Малакку на Малаккском п-ове, форты на Западной Суматре, некоторые острова в Восточной Индонезии, а в 1811 г. — о. Яву. Хотя в 1816 г. она вернула Нидерландам их владения в ЮВА, в 1819 г. управлявший Явой в период английской оккупации Томас Стемфорд Раффлз основал факторию на о. Сингапур, который стал британским форпостом в ЮВА.

В 20-х годах XIX в. Великобритания и Нидерланды пошли на урегулирование своих давних противоречий и на раздел сфер влияния в ЮВА. По Лондонскому договору 17 марта 1824 г. Нидерланды уступали англичанам свои фактории в Индии, отказывались от возражений в отношении захвата Сингапура, отдавали Малакку и обязывались не заключать договоров с султанами Малайи. Англия, в свою очередь, передавала Нидерландам фактории на Западной Суматре, а также обязывалась впредь не создавать на Суматре своих владений и не заключать

договоры с тамошними правителями.

Великобритания создала на малайском побережье (1826) колонию Стрейтс-Сеттльментс («Поселения на Проливе» — Малаккском), объединившую захваченный еще в 1786 г. о. Пинанг, Малакку и Сингапур, ставший в 1832 г. административным центром колонии. Опираясь на Стрейтс-Сеттльментс, Великобритания стала решающей силой в **Малайе**, разделенной на несколько султанатов, часть которых (северные княжества) признавала верховенство Сиама.

Другим районом Малайского архипелага, где было установлено английское влияние, стал **Северный Калимантан (Борнео)**. С начала XIX в., султанат Бруней, которому принадлежало северное побережье о. Калимантан, находился в упадке. В западной части султаната — Сараваке — бушевало восстание даякских племен. Джеймс Брук, бывший военный на службе английской Ост-Индской компании, на свой страх и риск пустившийся на яхте в плавание по Южным морям, появившись в Сараваке в 1839 г., помог Брунею подавить восстание, за что получил от султана титул *раджи* и пост наместника Саравака. В 1843–1849 гг. Брук с помощью британского флота сокрушил местных феодалов, а в 1863 г. английское правительство признало Саравак независимым государством под властью Брука.

В этот же период Великобритания начала завоевание примыкавшей к границам ее индийских владений **Бирмы (Мьянмы)**. Династия Конбаунов, объединив страну в середине XVIII в., стала проводить широкую завоевательную политику. Правитель Бодопая (1782–1819) предпринял походы в Сиам, присоединил соседствующий с Бенгалией Аракан и укрепил контроль над пограничными с Китаем и Сиамом шанскими княжествами. В первые годы правления Баджидо (1819–1837) Бирма начала захват пограничных индийских княжеств — Ассама, Манипура и Качара. Закончив войны с маратхами и Непалом, английская Ост-Индская компания ужесточила отношение к Бирме и в марте 1824 г. объявила ей войну. Бирманский двор недооценил британскую угрозу, преувеличив свои силы и пренебрежительно относясь к европейцам, которые, по мнению бирманцев, напрасно назойливо посылали миссии, добиваясь установления торговых отношений. Последовала развязка. Война, в ходе которой хуже вооруженная и плохо организованная бирманская армия оказала англичанам упорное сопротивление, закончилась 24 февраля 1826 г. мирным договором. Бирма не только принуждена была отказаться от захваченных ею в начале XIX в. пограничных индийских княжеств, но и потеряла свои территории — Аракан и Тенассерим, а также уплатила

огромную контрибуцию.

В 1852–1853 гг. в результате откровенно спровоцированной Великобританией Второй англо-бирманской войны в британскую колонию была превращена провинция Пегу — приморская часть собственно Бирмы с ее портовыми городами, главным из которых был Рангун. В 1862 г. все захваченные бирманские области были объединены в провинцию Британская Бирма, включенную в состав английских колоний в Индии.

Еще одна колония на Индокитайском полуострове возникла в его восточной части — во **Вьетнаме**. Соперничая и сотрудничая с Великобританией в Китае, Франция после окончания «опиумных» войн развернула экспансию во Вьетнаме, считая, что здесь удобно будет создать плацдарм для организации кратчайшего торгового пути в юго-западные районы Китая. Война против Вьетнама закончилась образованием на юге страны в 1862 г. колонии Кохинхина, ставшей опорной базой французского колониализма в ЮВА.

В 1863 г. французская администрация Кохинхины заставила короля **Камбоджи** Нородома подписать договор о протекторате. Попытки Нородома использовать против Франции Сиам, который претендовал на роль сюзерена Камбоджи, оказались безрезультатными. В 1867 г. Сиам отказался от своих «прав», получив взамен от французов камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиамреап (Ангкор).

Особенностью «новых» колониальных районов (Стрейтс-Сеттльментс, Британская Бирма, Кохинхина) была ведущая роль портовых городов (Сингапур, Джорджтаун, Рангун, Сайгон), которые стали (наряду со «старыми» центрами — Батавия-Джакарта, Сурабая, Манила) главными центрами европейской торговли в ЮВА. Показательно, что экономические связи этих центров с непосредственно окружавшей их территорией имели второстепенную значимость. Они развивались как космополитические торговые эмпориумы, центры реэкспортной торговли: до последней четверти XIX в. продукция Малайи в торговле Сингапура, или Бирмы в торговле Рангуна, занимали незначительное место.

Крупные государства ЮВА испытали в этот период значительно более заметное, чем ранее, влияние экспансии западных держав. Но несмотря на то, что два из этих государств (Бирма и Вьетнам) лишились части (Бирма — значительной) своей территории, а третье (Сиам) было вынуждено заключить в 1855 г. с Великобританией, а затем и с другими европейскими державами и США неравноправные договоры, структура этих стран оставалась в принципе прежней. Усилившиеся контакты с капиталистическими странами требовали от них выработки форм

сосуществования с этими государствами. Это нашло отражение в реформах или попытках реформ, которые призваны были модернизировать их общественную и политическую структуру. До 50-х годов XIX в. эти страны не предпринимали решительных реформаторских действий, скорее они осмысливали происходившее. Приспособление к новым условиям совершалось на базе сохранения традиционных форм общественного и политического устройства, которые до 50-х годов XIX в. еще не претерпели каких-либо существенных изменений.

Конфуцианский Вьетнам еще менее, чем буддийские Сиа́м и Бирма, был склонен реагировать на перемены, связанные с усилившейся колониальной экспансией. В 1804 г. подавивший восстание *тайшонов* и объединивший Север и Юг страны основатель династии Нгуенов получил инвеституру от китайского императора, а в 1806 г. принял императорский титул и стал называться Нгуен Тхе То с девизом правления Зялаунг (1802–1820). При его преемнике Нгуен Тхань То (1820–1840) в жизни Вьетнама возросли традиционалистские тенденции и усилилась борьба с христианской религией и деятельностью французских миссионеров, обративших в католичество (начиная с XVII в.) значительное население на Юге страны. В правящем слое империи Нгуенов с самого начала боролись две фракции — «реалисты» и «традиционалисты». Первые считали необходимым учесть изменения, в частности, дать больший простор частновладельческим отношениям в ремесле, торговле и предпринимательстве, вторые же отстаивали возвращение к нормам XV в.: опора на деревенскую общину и служилые элементы, решающая роль государства в экономике. Преследование христиан (как и казни французских миссионеров) стало предлогом для вмешательства Франции. В правление императора Зык Тонга (1847–1883) преследования миссионеров вкупе с отказом принять предложение Франции об установлении дипломатических и торговых отношений (послание французского правительства демонстративно было брошено на морском берегу нераспечатанным) дали повод к началу агрессии Франции (1858), закончившейся аннексией трех провинций Южного Вьетнама, ставших в 1862 г. колонией Кокхинхина.

Поиски методов эксплуатации колоний в тот период были актуальны для старых колониальных районов — Явы и Филиппин.

Для Явы период от ликвидации в 1799 г. Нидерландской Ост-Индской компании до подавления в 1830 г. народного восстания Дипонегоро был временем постоянных колебаний между «системой торговли» (прежней, времен Компании) и «системой налогообложения» — либеральными

реформами при английской власти на острове (1811–1816). В конечном счете Нидерланды перешли от рыночных методов к государственно-крепостнической эксплуатации. В 1830 г. была введена «система культур». Она состояла в том, что часть земель общин отводилась под экспортные культуры (сахар, индиго, кофе, чай, табак, перец и т. д.); местное население обрабатывало эти земли под контролем деревенских старост и знати и сдавало продукцию голландским властям по твердым и низким ценам. Результатом действия этой системы был гигантский рост эксплуатации Явы, увеличение доходов метрополии, обнищание и массовое голодание населения, вынужденного сокращать посевы под продовольственными культурами.

Как и другие страны региона, **Филиппины** с начала XIX в. стали испытывать воздействие системы промышленного капитализма. В начале XIX в. в Маниле были учреждены консульства и торговые дома ряда европейских стран. В 1834 г. для свободной торговли был открыт Манильский порт, в 50-60-е годы — все основные порты колонии. К 70-м годам филиппинский рынок был окончательно подчинен интересам иностранного (в первую очередь английского) торгового капитала. Велика была роль и китайцев в посреднической, внешней и внутренней торговле. В шутку Филиппины тогда стали называть «англо-китайской колонией под испанским флагом». Сложилась структура филиппинской внешней торговли: Филиппины стали вывозить на рынки Европы и США местную сельскохозяйственную продукцию — сахар, абаку (манильскую пеньку), табак, индиго, кофе — и ввозить фабричные ткани и промышленные изделия.

Среди наиболее важных социальных изменений следует отметить консолидацию сил местных землевладельцев, ускоренную ростом товаризации земледелия. Класс местных земельных собственников рос в основном из среды *каси́ков* — бюрократической верхушки на местах, созданной испанскими властями в качестве социальной и политической опоры колониального режима. В XIX в. на Филиппинах формировалась местная буржуазия, в массе своей метисы — потомки от китайско-филиппинских браков.

Страны ЮВА, их слои и группы населения реагировали на ломку традиционных отношений в основном так же, как и другие страны Востока, а именно: массовые восстания под религиозными лозунгами; духовные искания элиты, модернизационные реформы.

Крупнейшим антиколониальным движением традиционного типа в ЮВА в тот период было народное восстание 1825–1830 гг. на Яве, или

Яванская война. Возглавил движение *пангеран* (принц) Дипонегоро. Знаменем движения стал ислам. Народ связывал борьбу против колониального гнета с установлением социальной справедливости. Восстание потребовало от метрополии огромного напряжения для его подавления. Причины поражения восставших были многообразны: неравенство сил и военное превосходство колонизаторов, отсутствие единства в руководстве, противоречия между светской и духовной элитами. В марте 1830 г. во время переговоров Дипонегоро был вероломно схвачен и закончил свои дни в ссылке на Сулавеси (Целебесе) в 1855 г.

Другим мощным движением на Архипелаге была борьба населения Западной Суматры под ваххабитскими лозунгами очищения ислама и торжества шариата над адатом (1821–1837).

Юго-Восточная Азия в 70-х годах XIX — начале XX века

Регион ЮВА к началу 70-х годов XIX в. выглядел следующим образом.

На Индокитайском полуострове существовали три местных политических центра — бирманский (Мандалай), сиамский (Бангкок) и вьетнамский (Хюэ), распространявшие свою власть и влияние на территории Верхней Бирмы, Сиама, Северного и Центрального Вьетнама, а также на конгломерат шанско-лаосских княжеств на границах с Китаем. Большую часть Малайского архипелага (включая Южные Филиппины) и Малаккского полуострова занимали мусульманские султанаты и племенные образования, находившиеся в той или иной степени зависимости от колониальных центров в Батавии, Сингапуре и Маниле, но кое-где практически независимые. Сравнительно недавними политическими образованиями были колонии Британская Бирма с центром в Рангуне, Стрейтс-Сеттльментс с центром в Сингапуре и Кохинхина с центром в Сайгоне. Несколько особняком стояли Камбоджа, над которой был установлен французский протекторат, и Саравак, где правил Джеймс Брук, как местный владетель-*раджа*. Также существовало небольшое колониальное владение Португалии на Восточном Тиморе, практического влияния на ситуацию в районе не оказывавшее.

Политические изменения последней четверти XIX — начала XX в. можно свести к следующим: 1) исчезновение двух из трех местных политических центров на Индокитайском полуострове — Мандалая и Хюэ; 2) сохранение (благодаря англо-французскому соперничеству)

независимости Таиланда; 3) включение шанско-лаосских территорий соответственно в Британскую Бирму, Французский Индокитай и Таиланд; 4) окончательный раздел малайско-индонезийско-филиппинского субрегиона между британскими владениями, Нидерландской Индией и Филиппинами; 5) захват Филиппин Соединенными Штатами.

Из всех стран Юго-Восточной Азии только Сиам сумел (используя англо-французское соперничество) сохранить независимость, хотя и стал зависимой строной, в экономике которой сильные позиции занял иностранный (преимущественно английский) капитал. Это обстоятельство позволило ему провести реформы и создать единственный в ЮВА вариант трансформации традиционной структуры при отсутствии колониального подчинения.

Вначале, при короле Монгкуте (1851–1868), в ходе реформ старая структура не уничтожалась, а в нее лишь вносились отдельные изменения, не менявшие ее сущности и механизма действия. При короле Чулалонгкорне (1868–1910) было отменено рабство и ликвидирована государственная барщина. Был создан новый аппарат управления: министерства и департаменты, единое провинциальное деление, оплачиваемые из государственной казны чиновники. Появились новые судебные учреждения и свод законов. Также начали закладываться основы европеизированной системы просвещения. Возросла роль китайского торгово-ростовщического и посреднического капитала, появилась новая элита — союзница вступившей на путь модернизации традиционной монархии.

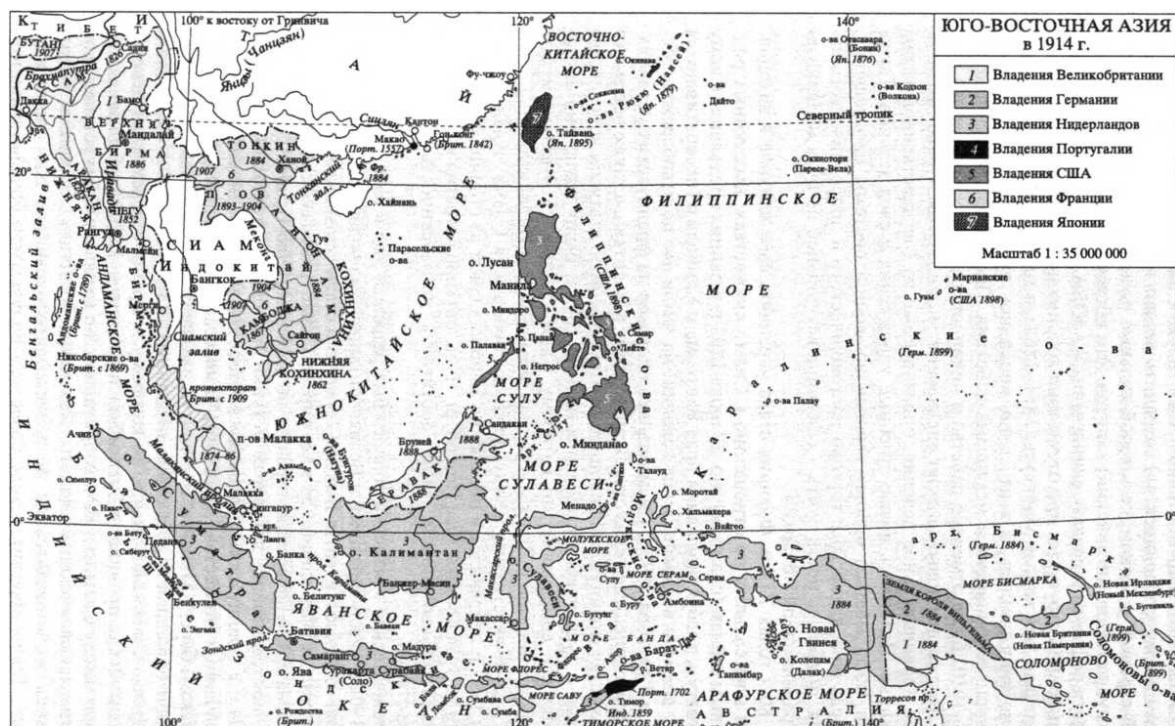
В 80-х годах XIX в. Франция стала укреплять свое влияние в находившихся в вассальных по отношению к Сиаму княжествах, населенных родственными тайцам (сиамцам) лао. 20 июля 1893 г. Франция предъявила Сиаму ультиматум, требуя признания прав Вьетнама и Камбоджи (превратившихся к тому времени во французские колонии) на земли лао по левобережью Меконга, а 3 октября 1893 г. Сиам подписал договор на французских условиях. **Лаос** (объединенные княжества Луангпхабанг и Вьентьян, а также несколько мелких) стал французской колонией-протекторатом со статусом королевства во главе с луангпхабангской династией. В 1896 г. было заключено англофранцузское соглашение, по которому Сиам становился буфером между Британской Бирмой и Лаосом — частью Французского Индокитая.

С целью укрепления международного положения Сиам Чудалонгкорн летом 1897 г. отправился в поездку по Европе. Одной из столиц, которые он посетил в этой поездке, был Петербург. Чудалонгкорн встретил в

Петербурге благожелательный прием. Была достигнута договоренность об обмене посольствами.

Окончательно «сиамский вопрос» был разрешен уже в начале XX в. 8 апреля 1904 г. между Францией и Великобританией был подписан договор, получивший название Антанты. Бывшие соперники стали союзниками и договорились о разделе сфер влияния во всем мире. В Сиаме граница сфер влияния была проведена прямо посередине страны — по р. Менаму (Чао-Прайе).

В последовавших договорах уступки носили двусторонний характер. В 1904 г. к французским владениям в Лаосе были присоединены части Луангпхабанга и княжества (лаосского) Чампассак, находившиеся на западном (сиамском) берегу Меконга. В обмен на это Франция отказывалась от права экстерриториальности для своих подданных. 23 марта 1907 г. был подписан франко-сиамский договор, по которому к Франции переходили некогда камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиамреап. В 1909 г. был заключен договор между Сиамом и Великобританией, по которому Сиам уступал свои вассальные малайские султанаты Келантан, Тренггану, Перлис и Кедах. Британия же отказалась от прав экстерриториальности для своих подданных. Таким образом, в ходе более чем полувековой борьбы, используя противоречия колониальных держав, Сиам не только сохранил независимость и целостность своей коренной национальной территории, но и частично восстановил свой суверенитет, серьезно ущемленный неравноправными договорами середины XIX в.

© «Большая Российская энциклопедия»

В **Бирме** также были проведены реформы. При правителе Миндоне (1853–1878) была уничтожена система «кормлений» (мьоза) и чиновники были переведены на денежное жалование. Был введен единый налог — *тата-меда*, унифицированы категории крестьянства, отменено рабство в столичном районе. Реформы Миндона и его преемника Тибо (1878–1885) не вышли за рамки упорядочения сложившихся ранее институтов и не успели изменить основы общественной структуры. Этому помешало новое вторжение колонизаторов. В ноябре-декабре 1885 г. английские войска оккупировали независимую Бирму, присоединив ее 1 января 1886 г. к Британской Бирме — провинции индийских владений Англии.

Падение Мандаля, или конец Бирманского царства

Правитель Бирмы реформатор Миндон умер в 1878 г. Наследника из своих многочисленных сыновей назначить он не успел. Правда, перед самой кончиной он распорядился вызвать во дворец принца Ньяунджана, которого считали сторонником европеизации страны. Но принц не решился появиться во дворце, где уже всем распоряжались сторонники Тибо, младшего сына Миндона, и укрылся в здании английской миссии. Когда же

главный министр У Каун потребовал от английского резидента выдачи Ньяунджана, ему ответили, что принц уже находится в Калькутте в качестве почетного гостя англо-индийского правительства. Противоборствующие партии при бирманском дворе сошлись на кандидатуре Тибо: реформаторы считали, что будут продолжены преобразования Миндона, противники реформ надеялись на их отмену. И те, и другие согласно полагали, что молодой монарх, изнеженный, сластолюбивый и некомпетентный, станет послушной игрушкой в их руках. Но случилось то, что в практике бирманской дворцовой жизни никогда ранее не случалось: решающую роль стала играть младшая жена Тибо по имени Супаяла. Подчинив Тибо своему влиянию, превратив королевский брак в моногамный (невиданное дело в бирманской истории), Супаяла, опираясь на родственников и министров Миндона, стала уничтожать вначале соперниц в гареме, а вслед за тем многочисленных принцев (вместе с их семьями) — претендентов на престол. Начались «мандалайские казни», широко комментируемые английской прессой и вызвавшие официальный протест британского резидента в Мандалае.

Казалось, был найден предлог для планировавшейся экспедиции в Бирму. Но события в Афганистане и Южной Африке заставили Лондон отложить вмешательство в бирманские дела.

Развязка наступила в 1885 г. Используя в качестве предлога появление французского консула в Мандалае и хозяйственный спор Бирмы с лесодобывающей британской компанией, не забыв при этом сослаться и на «мандалайские убийства», Англия 14 ноября 1885 г. вторглась в Бирму. Британская флотилия двинулась вверх по Иравади. Неподалеку от Мандалая на берегу выстроилась бирманская армия: первая ее линия растянулась на сотни метров, а на холмах поодаль от берега плотными каре стояли отряды второй линии, над которыми возвышались золотые зонты сидевших на боевых слонах генералов. Бирманская армия была готова к сражению. Но оно не состоялось: как только канонерки британской флотилии приблизились на расстояние пушечного выстрела, они дали залп картечью. Через несколько часов бирманская армия перестала существовать.

В 11 часов утра 28 ноября англичане высадились на набережной капитулировавшего Мандалая. Полковник Слейден во главе небольшого отряда двинулся по опустевшим улицам во дворец. Не снимая сапог (грубейшее нарушение бирманского этикета), громко печатая шаг, не кланяясь, Слейден остановился перед тронном, где, тесно прижавшись друг к другу, сидели испуганные Тибо и Супаяла. Слейден велел им готовиться к отъезду, обещав, что явится завтра. На следующий день во дворце появился командующий экспедицией генерал Прендергаст. Он распорядился вывести царя и царицу из дворца, посадить их в повозку, запряженную волами, и двигаться к реке. Кортж прошествовал семь километров между рядами английских солдат, за спинами которых стояли толпы бирманцев, молча провожавших своего последнего правителя. С берега по шатким мосткам Тибо и Супаяла прошли на английский пароход, который на следующий день увез их в Рангун, а затем — в Индию.

1 января 1886 г. царство Тибо официально вошло в состав Британской Индии. Тибо же и его злой гений — любимая жена закончили свои дни на Сейшельских островах в окружении нескольких придворных, разделивших изгнание своих повелителей.

После первых минут растерянности бирманцы ответили завоевателям взрывом народной войны. Восстание охватило не только Верхнюю, но и Нижнюю Бирму, захваченную англичанами еще в 1853 г. Лишь к концу 1889 г. англичанам удалось вытеснить партизан в горно-лесные районы, а последние очаги народного сопротивления были подавлены только в 1896 г. Партизанское движение, в котором приняла участие бóльшая часть мелких и средних землевладельцев-*мьотуджи*, привело к тому, что англичане ввели систему прямого управления, при которой местная знать сохраняла свои права и привилегии лишь в окраинных районах, населенных небирманскими народностями: шанами, качинами, каренами и др. В Нижней Бирме колониальная администрация активно способствовала появлению землевладельцев нового типа — главным образом индийских ростовщиков-*четтьяров*. Там же стали возникать плантации, на которых трудились рабочие, которых начали вывозить из Индии.

Вьетнам не знал реформ, подобных тем, что проводились в Бирме и Сиаме, но реформаторские идеи появились и в этой стране. Побывавший в Европе сановник Нгуен Чыонг То предлагал разделить административные

и судебные функции чиновничества, ввести гибкую налоговую систему, учитывавшую интересы торговой прослойки общества. Он выступал за коренную реформу системы экзаменов для чиновников, настаивал на отправке молодых людей за границу для обучения, на реформировании армии по европейским образцам, на проведении политики протекционизма. Но предложения Нгун Чыонг То и других реформаторов были отклонены.

С приходом к власти во Франции в 1879 г. сторонников колониальных захватов наступил новый этап в агрессии против Вьетнама. В апреле 1882 г. французы захватили Ханой, а в августе 1883 г. навязали Вьетнаму договор о протекторате. В ответ в стране развернулось широкое антиколониальное движение, в котором приняли участие отряды Черных флагов — остатки тайпинских войск, перешедших во Вьетнам из Южного Китая. После войны 1884–1885 гг. с Китаем, который как формальный сюзерен Вьетнама пытался помешать установлению в стране французской власти, Франция окончательно подчинила Вьетнам и превратила его в свою колонию.

Консолидация французского колониального режима в Восточном Индокитае началась в 1887 г., когда из разорванного на три части (Тонкин, Аннам и Кохинхина) Вьетнама и Камбоджи был создан Индокитайский союз. Формально колонией являлась лишь Кохинхина (южная часть Вьетнама), остальные части Индокитайского Союза были протекторатами Франции. В Хюэ по-прежнему находился вьетнамский император (*вуа*), а в Пномпене и Луангпхабанге соответственно камбоджийский и лаосский короли. Во главе Индокитайского союза стоял французский генерал-губернатор с очень широкими полномочиями. При императоре Вьетнама и королях Камбоджи и Лаоса находились французские резиденты. Местная бюрократия на губернаторских и других значительных административных постах постепенно замещалась французскими чиновниками и военными. Стал образовываться слой новых землевладельцев из числа торговых посредников и местных чиновников низшего звена колониального аппарата. Поощрялось развитие плантационного хозяйства (французского и местного) в Южном Вьетнаме, для чего было организовано массовое переселение обедневших крестьян из северной части страны. Наряду с расширением производства риса на экспорт французские власти поощряли создание плантаций каучука и сахарного тростника.

Хотя вывоз французского капитала в страны Индокитая был менее значителен, чем английские и голландские инвестиции в свои колонии, в городах, прежде всего крупных (Сайгон, Ханой), начали возникать первые промышленные предприятия. Так, Сайгон и его пригороды превратились в центры по обработке риса. На севере Вьетнама развивалась

угледобывающая промышленность. В начале XX в. во Вьетнаме появилась местная промышленная буржуазия. Заметную роль в обществе стала играть новая интеллигенция. Если в Индонезии власти препятствовали изучению голландского языка «туземцами», стремясь отсечь их от европейской культуры, то французская колониальная администрация, традиционно проводящая политику «ассимиляции», стремилась внедрить через государственные и миссионерские школы знание французского языка и знакомство с французской культурой.

Вехами в истории **Нусантары** (Индонезия, Малайзия, Филиппины) стали 1867, 1871 и 1896 гг.

В 1867 г. колония Стрейтс-Сеттльментс, до того входившая в британские владения в Индии, стала отдельной колонией короны. В сентябре 1873 г. губернатор Стрейтс-Сеттльментс Э. Кларк получил инструкцию поставить малайские княжества под контроль английских властей. В январе 1874 г. губернатор вмешался в междоусобную борьбу в западномалайском султанате Перак и назначил туда английского резидента. Это положило начало подчинению других малайских султанатов. В 1896 г. четыре из них — Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг — были объединены в федерацию, верховным комиссаром которой стал английский губернатор Стрейтс-Сеттльментс. В 1909 г. Англия вынудила Сиам отказаться от верховной власти над северными малайскими княжествами и назначила туда своих советников, а в 1914 г. английский советник появился и в южномалайском Джохоре.

Система «разделяй и властвуй» была осуществлена английскими колонизаторами в Малайе с особым мастерством. Колония Британская Малайя состояла из нескольких частей. Пинанг, Малакка, Сингапур составляли колонию британской короны Стрейтс-Сеттльментс. Во главе девяти княжеств (султанатов), имевших статус английских протекторатов, стояли султаны, но вся реальная власть находилась в руках состоявших при них английских резидентов. Княжества делились на две группы — федерированные и ^федерированные султанаты. Во главе четырех княжеств, объединенных в федерацию, стоял английский генеральный резидент, подчинявшийся верховному комиссару федерации, которым был губернатор Стрейтс-Сеттльментс. Четыре северных княжества и одно южное (Джохор), оставшиеся за пределами федерации, подчинялись непосредственно английскому губернатору.

С конца XIX в. приняла массовый характер эмиграция в Малайю из Китая и Индии, и к концу Первой мировой войны численность китайцев и индийцев в Малайе лишь немного уступала численности коренного

населения. В стране постепенно стали складываться буржуазия и рабочий класс (в основном из числа иммигрантов), а крупными землевладельцами и крестьянами оставались малайцы. Основной сферой приложения английского капитала, приток которого в Британскую Малайю в конце XIX — начале XX в. резко усилился, было плантационное хозяйство. Главной плантационной культурой стал каучук. Промышленное развитие страны англичане ориентировали также на производство лишь одного вида сырья — олова. Особенностью Малайи было медленное изменение традиционной структуры и раздельное (в экономической и культурной сферах) существование трех основных этнических групп.

Одновременно происходила консолидация другого английского владения в субрегионе — будущей Восточной Малайзии. В 1881 г. на территории Сабаха, находившейся в формальной зависимости от султанов Сулу (Южные Филиппины), утвердилась английская Компания Северного Борнео. В 70-80-х годах XIX в. раджа Саравака — Чарльз Джонсон Брук, племянник Джеймса Брука, непрерывно расширял свои владения за счет Брунея. В 1888 г. все три территории Северного Калимантана — Саравак, Сабах, Бруней — стали английскими протекторатами.

В истории **Индонезии** вехой стал договор 1871 г. между Великобританией и Нидерландами, по которому Великобритания отказалась от вмешательства в суматранские дела. Весь этот период прошел под знаком Ачехской войны (1873–1913) — самой длительной, кровавой и упорной войны за всю историю нидерландского колониального владычества в Индонезии.

Первая нидерландская экспедиция была разгромлена ачехцами в 1873 г. В январе 1874 г. вторая экспедиция захватила столицу султаната. Но война продолжалась, и местная власть сопротивлялась до 1879 г. Затем руководство движением перешло к мусульманскому духовенству и деревенской верхушке. В начале 80-х годов XIX в. в центральной части Аче было создано военно-теократическое государство во главе с богословом (улама) Мохаммадом Саманом, или Теунгку Чик ди Тиро. В других районах Аче действовали партизанские вожди, из которых наибольшую известность приобрел Теуку Умар. Лишь в самом конце XIX — начале XX в. нидерландцам, используя советы известного исламоведа К. Снаука Хюргронье (беспощадная борьба с партизанскими вожаками и улама, привлечение знати, прекращение террора в «замиренных» деревнях, создание подразделений контргерильи и т. д.), удалось сломить сопротивление *саманистов* (сам Саман скончался в 1891 г.) и Теуку Умара, погибшего в 1899 г. Но партизанское движение в ряде районов Аче

продолжалось до 1913 г.

В конце XIX в. нидерландское правительство официально приняло курс на включение всего Архипелага в состав колониальных владений. Началом перехода к политике экспансии стали курс на решительные меры в Аче и Ломбокская экспедиция 1894 г. Остров Ломбок, находившийся под властью балийских раджей, был включен в нидерландские владения, а в 1906 г. та же участь постигла о. Бали. На протяжении 1901–1912 гг. нидерландцы подавили очаги сопротивления на Сулавеси, Калимантане и Суматре, установили контроль над внутренними районами островов Архипелага, присоединили западную часть о. Новая Гвинея (Ириан). В результате к 1913 г. под властью Нидерландов оказалась вся территория современной Индонезии.

Кардинальные изменения в социально-экономической структуре Индонезии были связаны с отменой «системы культур» и созданием условий для деятельности частного иностранного капитала (законы 1870 г. — «сахарный» и «аграрный»). Резко выросло производство экспортных культур, возросла добыча угля, в 1900 г. была добыта первая нефть. К концу века укрепился капиталистический уклад, появились промышленный пролетариат и национальная буржуазия.

В отличие от прочих держав, ревниво охранявших свои колонии от проникновения «чужого» капитала, Нидерланды следовали в Индонезии политике «открытых дверей». Все таможенные барьеры против ввоза иностранных товаров и капиталов были сняты, вывоз товаров и капиталов, предпринимательскую деятельность на территории Индонезии иностранцы осуществляли на равных правах с нидерландцами.

В конце XIX — начале XX в. стали обнаруживаться результаты деятельности частного иностранного капитала. Резкое падение жизненного уровня местного населения, особенно крестьянства, потребность иностранных предприятий и администрации в грамотных «туземных» служащих, необходимость создать систему хотя бы элементарного медицинского обслуживания — все это толкало правящие круги Нидерландов на перемены в колонии. Впервые о переменах заговорили в либеральном правительстве 1891–1894 гг. Основной же эффект произвела статья «Долг чести» журналиста К.Т. ван Девентера, опубликованная в 1899 г. В ней он показал, как Голландия в течение двух веков эксплуатировала Индонезию, и призывал к уплате Голландией своего долга — 187 млн гульденов, переведенных на бюджет метрополии из колонии с 1867 по 1898 г. Вслед за Ван Девентером целый ряд нидерландских деятелей выступили в качестве сторонников нового, так называемого

«этического курса». Их требования отвечали интересам широких кругов нидерландской предпринимательской элиты. Падение покупательной способности индонезийского населения и стихийные крестьянские движения тревожили нидерландскую промышленную и торговую буржуазию, а интересы капитала, господствовавшего в колониальной экономике, требовали реорганизации управления и подготовки образованных на европейский лад служащих и лиц свободных профессий из коренного населения.

Испанский колониальный режим на **Филиппинах** был архаичным и негибким. К тому же он был жесток. Волна либерализации 1860-х годов (появление демократической прессы, реформа образования, ослабление церковной цензуры), пробудившая надежды филиппинцев (на родине и в Мадриде, где ими была создана первая общественная организация «Хунта сторонников реформ»), сменилась жесткой реакцией 1870-х годов.

Особенностью Филиппин была относительно высокая численность местной интеллигенции. Это объяснялось в первую очередь почти поголовной христианизацией филиппинцев еще в XVI–XVII вв. Колонизаторы и местное население были разделены социальным барьером, но барьера религиозного не существовало, а у верхушки филиппинского общества не было также и языкового и культурного барьеров.

В 1892 г. в стране была создана первая национальная организация — тайное общество Лига Филипина. Ее основателем был выдающийся писатель, ученый, просветитель Хосе Рисаль (1861–1896). От Лиги в том же 1892 г. откололось более радикальное крыло, создавшее Катипунан («Верховный и досточтимый союз сынов народа») во главе с Андреасом Бонифасио. В августе 1896 г. Катипунан начал восстание, которое стало стремительно охватывать одну за другой провинции главного острова Лусона. Первой реакцией колониальных властей на восстание была организация массового террора. Был расстрелян Хосе Рисаль. По мере расширения восстания к нему все в больших масштабах примыкала верхушка филиппинского общества. Ее представителем стал Эмилио Агинальдо, показавший себя способным военачальником и непревзойденным мастером политической интриги. 22 марта 1897 г. восставшие провозгласили независимую Филиппинскую республику. Агинальдо был избран ее президентом, а Бонифасио — убит. Но в ноябре повстанцы потерпели поражение, и Агинальдо уехал в Гонконг, призвав народ сложить оружие. Но партизанская война продолжалась, так как испанские колониальные власти не шли на обещанные ими реформы.

В апреле 1898 г. в борьбу вмешались США, объявившие войну

Испании и выступившие с лозунгом освобождения Филиппин от испанского гнета. 1 мая 1898 г. к Манильской бухте подошла американская эскадра и расстреляла стоявшие там устаревшие испанские военные корабли. Американский военный корабль высадил на Филиппинах Агинальдо с его приближенными. 12 июня 1898 г. в г. Кавите была вновь торжественно провозглашена независимость Филиппин. К августу 1898 г. почти весь архипелаг усилиями филиппинских вооруженных отрядов был очищен от испанцев.

10 декабря 1898 г. по Парижскому мирному договору Испания уступила США Филиппины за компенсацию в 20 млн долл. 4 февраля 1899 г. началась война США против Филиппин. В марте 1901 г. Агинальдо был захвачен в плен и стал сотрудничать с американцами. Партизанское же движение продолжалось до 1907 г.

Летом 1900 г. в Манилу прибыла из США Гражданская комиссия. В ее задачу входило привлечь на сторону США местную верхушку. В 1907 г. американцы разрешили создать Партию националистов, которая ставила своей целью независимость Филиппин. В 1903 г. был создан местный парламент из двух палат. Филиппинцы были широко допущены к службе в колониальном аппарате. Вообще по сравнению с другими колониями Юго-Восточной Азии режим, установленный США на Филиппинах, был гораздо либеральнее.

Начало XX в. отмечено в ЮВА большими переменами. В регионе окончательно утвердился колониальный (и полуколониальный в Сиаме) режим, определилась структура экономики, были проведены реформы («этический курс» в Индонезии, политика «морального завоевания» генерал-губернатора Поля Бо во Французском Индокитае в 1902–1908 гг., образовательная политика англичан в Бирме, либерализация управления на Филиппинах), имевшие целью создать опору в местном населении путем европеизации его верхушки и упорядочить эксплуатацию колоний. Эта политика способствовала появлению национальной интеллигенции и, соответственно, пробуждению национального самосознания.

В **Индонезии** предшественницей организованного национального движения стала Раден Адженг Картини (1879–1904). Ее взгляды отличали горячий патриотизм, возмущение расовой дискриминацией, критика (хотя и умеренная) колониального режима. Выступая с просветительно-демократических позиций, она осуждала феодальные порядки и нравы, привилегии знати (сама Картини принадлежала к яванской аристократии), призывала соотечественников, получая западное образование, не забывать о своей культуре.

В мае 1908 г. ученики медицинской школы в Батавии (Джакарте) создали первую индонезийскую национальную организацию Буди Утомо (Высокое стремление), носившую культурно-просветительский характер. Массовой же организацией, созданной в 1912 г., стал Сарекат Ислам (Мусульманский союз), апеллировавший к наиболее доступным и способным объединить население в условиях тогдашней Индонезии лозунгам — религиозным. Организатором Сарекат Ислама стал журналист Умар Саид Чокроаминото (1882–1934).

В общественной жизни **Вьетнама** в начале XX в. присутствовали два течения: традиционалистско-антиколониальное, представляемое Фан Бой Тяу (1867–1940), и вестернизированное либерально-демократическое, выразителем которого стал Фан Тю Чинь (1872–1926). Фан Бой Тяу, стоявший за вооруженную борьбу, создал в 1904 г. первую во Вьетнаме политическую организацию — Общество обновления Вьетнама (Вьетнам Зюй Тан хой).

В **Бирме** национальное пробуждение выражалось в стремлении с помощью политических и общественных средств и институтов, пришедших с Запада, утвердить самобытность, символом которой был буддизм. Еще в 1897 г. в Мандалае — последней столице независимой Бирмы — была создана светская организация Будда сасана ноггаха атин (Буддийская миссионерская ассоциация). В 1906 г. студенты Рангунского колледжа во главе с У Ба Пе (1883–1971) основали Буддийскую ассоциацию молодых людей (БАМЛ). Поначалу организация не требовала, а лишь надеялась на реформы сверху, ее конференции открывались пением британского гимна «Боже, храни короля», но позже появилась поправка — «Будда, храни короля».

В **Сиаме** политическое положение, как и прежде, существенно отличалось от других стран ЮВА, но общая тенденция к национальному пробуждению и подъему политической активности не обошла и эту страну. Под влиянием Синьхайской революции в Китае и общения с политическими эмигрантами из Китая и Вьетнама в сиамской вестернизированной элите сложилась радикальная группа (главным образом из числа офицеров). Король Вачиравуд (1910–1925), продолжая реформы своего отца и деда, считал, что Сиам должен следовать «по пути Японии». При нем в стране широко развернулась националистическая пропаганда, венцом которой была идея «Великого Таи» — объединения под эгидой сиамской короны всех земель, населенных тайцами и родственными им народами, живущими на территории Лаоса, Вьетнама, Бирмы и Камбоджи. Была создана военизированная молодежная организация

«Дикие тигры», находившаяся под личным контролем короля. Идеологией этой организации стал националистический ультрамонархизм.

До Первой мировой войны национальное движение современного типа в Британской Малайе, Сараваке, Сабахе (Британское Северное Борнео), Лаосе и Камбодже практически отсутствовало.

Африка южнее Сахары: локальные цивилизации и колониальный раздел

Основные очаги цивилизации в Тропической и Южной Африке в XIX веке

Девятнадцатый век стал насыщенным на события и переломным во взаимоотношениях Тропической Африки с внешним миром. Это был век увеличения масштабов торговли с внешним миром и постепенной интеграции в мировую экономическую систему, борьбы с работорговлей и роста коммерческого интереса Европы к Африке, исследований и миссионерской активности, колонизации и сопротивления. Если в начале столетия африканцы, доминируя в пришедшей на смену работорговле «легитимной торговле» в Западной и Центральной Африке и обладая полнотой политического суверенитета практически на всем субконтиненте, прочно держали судьбу в своих руках, то завершился век «схваткой за Африку» и колониальным разделом, передавшим определение исторической судьбы африканского общества в значительной степени в руки европейских «цивилизаторов» и «опекунов».

В XIX в. многообразие социальных структур Африки можно свести к нескольким типам. По-прежнему основной ячейкой африканского общества почти повсеместно оставалась *община*, а все остальные структуры являлись разными формами объединения общин. В свою очередь, общины объединялись в основном в надобщинные структуры — *конический клан*, *вождество*, *раннее государство*.

Перечислим основные очаги цивилизации в Тропической и Южной Африке в XIX в.

В первой половине XIX в. одним из заметных центров группы родственных негроидных народов *йоруба* на юго-западе современной Нигерии остается г. Ойо, основой хозяйства которого было земледелие, а также различные ремесла. В 1836 г. Ойо пал под ударом халифата Сокото, о

котором речь пойдет ниже.

Соседом и военным соперником Ойо было государство Дагомея, этническую основу которого составил народ *аджо* группы *фон*. На протяжении XIX в. в Дагомею происходит укрепление власти верховного правителя. В этот период страна была разделена на шесть провинций, во главе которых стояли наместники. Была создана сильная армия, в которую входили и отряды воинов-женщин.

Восточным соседом Дагомеи было Бенинское царство (Эдо). Расцвет этого государства приходился на конец XVI-начало XVII в. Новое возвышение Бенина началось в XIX в., но было прервано французским завоеванием. Рядовые общинники собирали дань в пользу верховного правителя — *обы*, стоявшего на вершине власти в государстве. Власть *обы* ограничивал высший совет знати из семи человек. Столица Бенина представляла собой поселение городского типа, имевшее ремесленные кварталы, населенные мастерами различных специальностей.

Искусство этого региона широко прославили так называемые бронзы Бенина — рельефы и головы, выполненные (на самом деле, из латуни) с необыкновенным мастерством. Впервые Европа познакомилась с бенинскими бронзами в 1897 г, когда при разграблении дворца *обы* были вывезены не только его сокровища, но даже и барельефы с внешних стен. Ныне любой крупный художественный музей выставляет бенинские бронзы. Искусствоведы делят их на три периода: ранний — до середины XVI в.; средний — XVI–XVIII вв.; поздний — конец XVIII–XIX в.

В дельте р. Нигер продолжали развиваться государства-посредники Ардра (Аллада) и Вида, этническую основу которых составлял народ *аджа*, а также Бонни, этническим ядром которого был народ *иджо*.

Работорговля вызвала трансформацию социальной организации этих городов-государств. Традиционно поселения делились на кварталы (*поло*), а те, в свою очередь, на субкварталы (*вари*). Поселения управлялись собранием всего взрослого населения во главе со старейшиной — *амайонабо*. Он выполнял функции верховного жреца и командующего войском. С развитием работорговли в регионе к XIX в. власть *амайонабо* укрепилась, а *вари* трансформировалась в новый тип социальной организации — дом. В дом, в отличие от *вари*, входили не только кровные родственники, но и рабы. Рабы становились псевдородственниками, получали новое имя и даже номинальную мать. Глава дома покупал рабов и жен и оказывал покровительство бедным. Должность эта была выборной. Но претендовать на нее мог лишь тот, кто был в состоянии снарядить каноэ с тридцатью воинами. Глава дома входил в совет деревни и мог

претендовать на должность амайонабо.

Главным источником приобретения рабов служил не захват, а покупка, поэтому в городах дельты сложились рынки рабов. В XIX в. упадок работорговли постепенно компенсировала торговля пальмовым маслом, крупнейшим поставщиком которого стал Бонни.

Важным очагом цивилизации Западного Судана были хаусанские эмираты, являвшиеся центрами транссахарской торговли и мусульманского богословия. В начале XIX в. против хауса в эмиратах поднялась фульбская знать. Фульбе (фулани, пель) антропологически резко отличаются от своих соседей более тонкими чертами лица и более светлой кожей, но говорят на одном из местных языков. Некоторые ученые считают фульбе пришельцами из района Восточного Судана — Эфиопии. В Западном Судане фульбе расселены с XIII–XIV вв. на территории нескольких современных государств. Они создали государства на территории плато Фута-Торо (Сенегал) и плато Фута-Джалон (Гвинея).

В хаусанских эмиратах фульбская знать начала борьбу за свою гегемонию в форме джихада, закончившегося возникновением халифата Сокото под властью Османа дан Фодио (1754–1817). Он был сыном учителя коранической школы. Постигнув основы ислама под руководством отца, совершил хадж в Мекку, учился дальше и учил сам. В 1789 г. Осман дан Фодио получил право проповедовать, затем создал религиозную общину недовольных. В своих трудах он выступал против режима сарки — правителя хаусанского эмирата Гобир, критикуя раздачу титулов, непомерные налоги и взятки. В 1804 г. Осман дан Фодио объявил себя главой всех мусульман (*амир-эль-муминин*) и начал джихад против властителей Гобира. В июне 1804 г. произошло первое столкновение его сторонников с правительственными войсками. С начала 1805 г. движение фульбе против хаусанской знати и богатого купечества расширяется, и в 1808 г. восставшие захватили Алькалаву — столицу Гобира. Осман дан Фодио объявил о завершении джихада и провозгласил себя халифом новой империи Сокото.

Основа устройства халифата Сокото базировалась на идеях политического трактата Османа дан Фодио: сменяемости правителя, избрание его из членов религиозной общины, терпимости, в том числе и религиозной, справедливости и милосердия. Халифат был разделен в 1812 г. на две части — западную и восточную. Их возглавили соответственно брат и сын Османа дан Фодио. Во главе каждого эмирата стоял так называемый «царский эмир», т. е. один из местных представителей фульбской знати, активный участник джихада, уровнем

ниже власть осуществляла целая пирамида наместников из фульбской аристократии, включая судей — *алькали*.

После смерти в 1817 г. Османа дан Фодио во главе халифата стал его сын Мухаммед Бело. Он сохранил старые хаусанские эмираты в их границах под властью фульбской аристократии. Во второй половине XIX в. халифат Сокото был относительно стабильным крупным государством.

Еще одним очагом цивилизации Западного Судана была Конфедерация *ашанти* на севере современной Ганы. В Конфедерацию входили *оманы*-объединения семейно-родовых общин. Каждая община — *акура* — возглавлялась советом старейшин, во главе которого стоял *одекуро*. На базе акур создавались военные отряды — *асафо*. Они выполняли не только военные, но и полицейские функции. Армия каждого Омана представляла собой объединение таких отрядов. Четкая военная организация ашанти не знала себе равных в регионе.

К началу XIX в. власть *асантехене* (правителей ашанти) распространялась почти на всю территорию современной Ганы. Большую роль в жизни ашанти играла посредническая торговля между внутренними районами Африки и океанским побережьем, в том числе и работорговля. В течение XIX в. правители ашанти вели практически монопольную торговлю с европейцами и воевали с англичанами.

В первой четверти XIX в. в истории Западной Африки возник новый фактор: 7 января 1822 г. в районе нынешнего города Монровии высадилась первая группа переселенцев из США, положив начало существованию нового государства, получившего в 1824 г. название Либерия. Это было результатом деятельности возникшего в США Американского колониационного общества, целью которого было возвращение американских негров на Африканский континент, создание там базы для флота и плацдарма для проникновения американского капитала. 8 января 1839 г. была принята конституция Содружества Либерии, включившего в себя помимо собственно Либерии еще три поселения американских негров в Западной Африке. 26 июля 1847 г. была провозглашена Республика Либерия и принята новая конституция, написанная по образцу североамериканской. Все права и свободы в ней предоставлялись только переселенцам из Нового света, но не представителям коренных народов Африки, составлявшим значительную часть населения страны. Основу ее экономики составило производство товарно-экспортных культур — риса, кофе, хлопка, сахарного тростника. Большую роль играла торговля, в которой Либерия была посредником между внутренними районами Африки и Западом.

Мощным государством в западной части Восточного Судана в XIX в. был султанат Дарфур, этническую основу которого составлял народ *фор* (*конджара*). В 1870 г. султанат Дарфур признал свою зависимость от Египта.

В восточной части Восточного Судана в XIX в. существовал султанат Сеннар, его этническим ядром был народ *фунг*. В 1821 г. султанат Сеннар был захвачен хедивским Египтом.

Эфиопия в истории Африки стоит несколько особняком. Это область древней государственности, наследница Аксума, где христианство было принято в качестве государственной религии еще в IV в. при правителе Эзане. По природным условиям эта страна отличается высокогорным рельефом и ограниченным количеством пригодных к обработке земель.

Если категории феодализма и применимы в Тропической Африке, то именно в Эфиопии. Там были частные земли двух категорий: *рыст* (наследственные) и *гульт* (пожалованные за службу). Были три сословия — знать, духовенство и крестьянство. Церковь также являлась крупным землевладельцем. У знати существовала сложная иерархия титулов: *ныгус* (царь), *рас* (наместник провинции), *дэджазмач* и др. Крестьянство также делилось на несколько категорий: общинники — *рыстення*, безземельные арендаторы, а также *гэббары* — жители захваченных территорий, где устраивались военные поселения.

Эфиопия — единственная область Тропической Африки, где земли обрабатывались с помощью плуга. Страна вела внешнюю торговлю, вывозя золото, кофе, мускус, а также рабов. Ввозилось в Эфиопию в основном оружие.

Начало становления централизованного эфиопского государства связано с именем Теодроса II (1818–1868), настоящее имя которого Касса. Он сумел стать во главе войска и подчинить области Амхара и Тигре, в 1855 г. был коронован под именем Теодроса II. Основными идеями Теодроса были объединение страны и укрепление власти монарха. С этой целью он покорил область Шоа и взял в плен сына тамошнего правителя, Менелика. Длительный период политической раздробленности в Эфиопии закончился.

Этому способствовали реформы Теодроса. Он реорганизовал армию, создав регулярные полки, централизовал сбор налогов, укрепил судебную систему и начал строительство дорог. Естественно, он вызвал на себя недовольство местной знати, поднимавшей мятежи во всей стране. Положение Теодроса осложнилось английской агрессией 1867–1868 гг. Когда положение стало критическим в результате осады англичанами под

командой лорда Нэпира г. Мекдэллы, Теодрос покончил с собой. Англичане же, разгромив Мекдэллу, прекратили военные действия.

После смерти Теодроса правителем Эфиопии становится выходец из Амхары Тэкле Гийоргис. В 1872 г. его пленил и ослепил правитель Тигре Касса, коронованный под именем Йоханныса IV. Основной идеей нового ныгуса было укрепление традиционных эфиопских институтов. Он был не новатором, как его предшественник, а, скорее, консерватором. Поддерживая церковь и укрепляя торговлю, Йоханныс боролся также за укрепление территориальной целостности Эфиопии. В 1872–1875 гг. он вел успешную борьбу с хедивским Египтом, в 1884 г. подписал договор с англичанами, по которому страна получила выход к морю в обмен на поддержку в борьбе против махдистов Судана. В 1889 г. в одном из боев с махдистами Йоханныс был убит.

Новый этап в объединении Эфиопии был связан с именем Менелика II (1844–1913). Юность Менелика прошла в почетном плену при дворе Теодроса II. С 1865 г. он унаследовал престол в родном Шоа и в качестве правителя Шоа вел борьбу с Тигре за политическую гегемонию. С этой целью в 1887 г. договорился с Италией о продаже ему огнестрельного оружия.

Сразу же после смерти Йоханныса Менелик провозгласил себя новым ныгусом Эфиопии. Первым его шагом на этом посту было покорение мятежного Тигре, откуда родом был его предшественник. Затем Менелик II принялся за внутренние реформы. Административная реформа Менелика состояла в замене местных правителей императорскими губернаторами, военная выразилась во введении налога на содержание армии вместо военного постоя, денежная — во введение в обращение нового «талера Менелика II», что укрепило финансовую систему государства. В результате реформ 1889–1895 гг. была значительно расширена территория Эфиопии (хотя по договору с Италией от 1889 г. Менелик признал переход прибрежных районов к итальянцам) и страна окрепла экономически и политически.

Восточноафриканские территории, лежащие между Великими Африканскими озерами, называются Восточноафриканским Межозерьем. Здесь еще на рубеже I и II тысячелетий нашей эры возникло государство Китара, расцвет которого пришелся на XII–XIV вв. Китара была прародительницей крупнейших государств региона в XIX в. — Буньоро, Торо и Буганды.

Как и в предыдущем столетии в регионе доминировала Буганда, унаследовавшая от Китара деление на провинции — саза, правда, здесь

они дробились на более мелкие округа — *гомболола* и *мирука*. Каждую провинцию или округ возглавлял наместник, назначавшийся непосредственно самим *кабакой* — наследственным верховным правителем. Наместники собирали подати для кабаки, созывали войско в случае войны, налаживали строительство дорог, а также поддерживали порядок и выносили судебные решения. Политическая организация других трех государств данного региона — Буньоро, Анколе и Торо — мало чем отличалась от бугандийской.

Кабака был абсолютным правителем Буганды, наибольший расцвет которой пришелся на правление кабаки Мутесе I (1856–1884). В этот период Буганда господствовала в Восточноафриканском Межозерье, оттеснив на второй план своего вечного соперника — Буньоро. Мутеса I заложил основы постоянной армии и создал флот боевых каноэ, ставший грозой региона. Начальник флота каноэ получил титул *габунга*. Он и его воины подчинили Буганде многие народы, жившие по берегам о. Виктория.

Еще в Средние века на океанском побережье Восточной Африки на стыке местных культур и исламской культуры, которую принесли с собой переселенцы из Аравии и Персии, возникла знаменитая *суахилийская* цивилизация. Наследником суахилийской цивилизации в XIX в. стал Занзибарский султанат, возникший по воле оманского султана Сейида Саида, решившего перенести свою столицу на о. Занзибар. К 1832 г. он переехал туда, включив в свои владения до трехсот крупных и мелких соседних островов. Управление султанатом осуществлялось через систему наместников *ливали* и судей *акида*.

При Сейиде Саиде и его преемниках на Занзибаре и соседних островах были заложены гвоздичные плантации, ставшие основой экономического процветания султаната. Другой важной статьей была работоторговля. После смерти Сейида Саида в 1856 г. его империя была поделена между наследниками на две части — Оманский и Занзибарский султанаты. Занзибарские султаны вели активную внешнюю политику, на острове были постепенно открыты консульства всех ведущих европейских держав и США. Занзибар стал воротами в Восточную Африку для европейских товаров, а невольничий рынок под давлением европейских держав был закрыт в 1871 г. султаном Сейдом Баргашем.

В глубине Экваториальной Африки, где проживали народы *бакуба*, *балуба* и *балунда*, процветали в начале XIX в. государство Луба, а всю первую половину века — государство Лунда (Балунда).

В XIX в. в Африке продолжались процессы миграций, причем одним из главных регионов миграций в это время был Юг континента. Самые

крупные миграции, переселения и войны, приведшие к заметным изменениям этнической карты Юга Африки, были связаны с возникновением и ростом зулусского вожества в юго-восточной части современной ЮАР. Это явление получило название *умфекане* (на языке зулусов — *перемалывание*).

Сам зулусский этнос возник в процессе объединения нескольких кланов, говоривших на языках северной группы *нгуни* (одна из групп народов банту), но вокруг одного из них, далеко не самого крупного — зулу. Процесс этот отнюдь не был добровольным: он проходил в войнах и жестокой борьбе. Расширение пределов зулусского этноса привело к многочисленным вторичным миграциям. Так, поссорившись с Чакой, создателем зулусского вожества, один из полководцев зулусского войска, Мзиликази, увел своих воинов на север нынешней ЮАР. Покоряя одних и смешиваясь с другими, полк Мзиликази разросся, стал самостоятельным этносом — *ндебеле* — и установил контроль над обширной территорией. Набеги *ндебеле* разорили все окружающее население и разбили проживавшие там группы народов — *тсвана*, *кои* и *гриква*. Однако в конце 1830-х годов *ндебеле* двинулись дальше на север и расселились на юго-востоке нынешнего Зимбабве.

Другая группа *нгуни*, *ндвандве*, ушла из страны зулусов в начале 1830-х годов. Часть из них осела в Мозамбике, а другие дошли до современной Танзании, покоряя местные народы и смешиваясь с ними. Одни отряды этого войска осели в центральной Танзании, другие повернули на юг, разными маршрутами достигли оз. Малави и осели к западу, востоку и югу от него. Еще один клан *нгуни*, отойдя к северу, образовал самостоятельный этнос, а затем и государство — *свази*.

Жители приграничных районов современных Анголы и Намибии — *овамбо* — к началу XIX в. создали ряд раннегосударственных образований — Ондонга, Укваньяма и др. Во главе раннегосударственных образований *овамбо* стоял верховный правитель, ставший центром постепенно сложившейся системы потестарно-политических институтов, в которую органично вливалась клановая организация общества.

Гереро, жители современной Намибии, были скотоводами, они постоянно передвигались в поисках пастбищ и воды, преодолевая огромные расстояния. К середине XIX в. у *гереро* появился институт *омухоны* — наследственного надобщинного лидера. К последней трети XIX в. у *гереро* сложилось несколько вожеств.

Нама — один из народов, издревле живших на Юге африканского континента вместе с народом *саан*. Одним из причин ухода *умфекане* из

Капской колонии было вторжение намайзычных групп *орлам* на территорию сегодняшней Намибии. Орлам научились от белых жителей Капской колонии — *буров* — скакать на лошадях, пользоваться огнестрельным оружием, а также говорить, читать и писать на языке буров — капско-голландском, или африкаанс. В первой трети XIX в. эти европеизированные нама откочевали на север, в Юго-Западную Африку. Они покорили жившие там другие группы нама и передали им свои знания и навыки. Их вторжение нарушило традиционный уклад жизни местного населения и хрупкий социально-политический баланс в здешних краях. Войны между гереро и нама продолжались с перерывами практически весь XIX в. В 1870 г. между ними был заключен мирный договор. Война, прекратившаяся ненадолго, вспыхнула вновь, и лишь в 1890 г., перед лицом общей для гереро и нама опасности — германского колониализма — между ними был окончательно заключен мир.

XIX век — это особый этап в истории о. Мадагаскар, век бурного развития Имерины как единого государства. В 1818 г. правитель Имерины (одного из раннеполитических образований) Радама I (1810–1828) принял титул короля Мадагаскара. Заключив договор с Великобританией, он получил военную помощь и создал регулярную армию по европейскому образцу, насчитывавшую около 10 тыс. человек. С этой армией Радаме I удалось подчинить практически все народы, жившие в низинных прибрежных районах острова.

При Радаме I на Мадагаскаре развернуло свою деятельность Лондонское миссионерское общество. Миссионеры открыли в 1820 г. первую школу, а к 1828 г. миссионерских школ в Имерине насчитывалось уже 23. Миссионеры перевели малагасийский язык с арабской графики на латиницу, что способствовало скорейшему распространению грамотности. В 1828 г. на острове была открыта первая типография, в которой печатались королевские указы. Именно тогда была заложена основа для небывалого для африканских доколониальных государств явления — введения в 1876 г. всеобщего бесплатного образования для всех детей от 8 до 16 лет. Другим результатом внедрения грамотности в Имерине было издание с 1866 г. газеты «Тени Суа» (Благородное слово), ставшей первой в череде появившихся к 1896 г. более десятка газет и журналов.

При Радаме было начато строительство первого канала в прибрежной зоне острова, а в 1825 г. был открыт сахарный завод, 10 % доходов которого принадлежали лично королю.

Трон Радамы в 1828 г. унаследовала его жена Ранавалуна I. Это было первое правление женщины в истории Имерины, и поначалу был даже

издан указ, предписывавший считать королеву лицом мужского пола. Она продолжила укрепление государства, при ней был издан первый юридический кодекс-Кодекс 46 статей. Этот документ закрепил законодательно иерархизацию малагасийского общества, административное деление, судебную систему и пр.

В то же время политика Ранавалуны I имела антиевропейский характер. Королева денонсировала договор с Англией 1817 г. и инициировала гонения против христиан. Так, в 1835 г. было запрещено крещение детей и солдат, а 1 марта 1835 г. объявлен полный запрет христианства.

После смерти Ранавалуны I (5 августа 1861 г.) трон унаследовал Радама II. Он процарствовал всего два года, до 11 мая 1863 г., став последним абсолютным монархом Имерины. Но именно Радама II открыл французам двери на остров, заключив с ними в 1862 г. договор. Французы, пытавшиеся закрепиться на Мадагаскаре с 1841 г., в этом договоре добились провозглашения там религиозной свободы, открытия своего консульства, отмены таможен и пр. При Радаме II была запрещена смертная казнь и ограничена работоторговля. Но в его правление в стране развернулись бесчинства его близких друзей, и в результате заговора Радама II был задушен.

В 1863–1896 гг. фактическим правителем Имерины был премьер-министр и муж трех королей Райнилайаривуни. Его называли «регент-христолобец», ведь уже в 1868 г. он объявил христианство в форме англиканства государственной религией Имерины.

При Райнилайаривуни Мадагаскар пережил период расцвета. Была укреплен законодательная система государства — последовательно приняты кодексы законов 1863, 1868 и 1881 г. Последний назывался «Кодекс 305 статей». Был укреплен государственный аппарат. В 1881 г. в стране было создано восемь министерств по образцу европейских, в том числе Министерство обороны и Министерство иностранных дел.

Деятельность европейских миссионеров в Африке

К середине XIX в. миссионерская деятельность в Африке получила новый импульс. На Черном континенте развернули работу французские Лионское миссионерское общество, ордена Белых Отцов и Белых Сестер, Орден Святого Духа, английское Церковное миссионерское общество, немецкие Берлинское, Лейпцигское, Рейнское миссионерские общества,

бельгийские Орден Непорочного Сердца Марии и Общество Иисуса (иезуиты) и многие другие.

В те годы миссионеры проникали все дальше в глубь континента, часто в совершенно неизвестные европейцам места. Как правило, миссионерские станции основывались в поселениях, которые были для местных народов торговыми или политическими центрами. В каждой миссии строились церковь и школа. Миссионеры старались привлечь как можно больше африканцев к церковной службе. Для этого им приходилось проделывать гигантский труд: они старались выучить как можно скорее языки африканских народов, среди которых жили, и проповедовали на этих языках.

Большую роль в обращении африканцев в христианство призваны были играть начальные школы при миссиях, поскольку для приобщения к церковным книгам надо было овладеть умением читать и писать. Миссионерская школа становилась местом, где маленькие африканцы впервые вплотную сталкивались с заморской культурой. В миссионерских школах африканские дети обучались не только и не столько Закону Божию — им давались те же знания, что их сверстникам в начальных школах Европы, правда, в меньшем объеме. Но зато их усиленно обучали различным ремеслам — столярному, плотницкому, швейному, печатному и прочим. В процессе обучения в миссионерских школах собственно религия занимала небольшое место, основное время отводилось практическим знаниям (овладению ремеслами) и обучению навыкам чтения и письма на родном и европейских языках, а также арифметике. Именно эти знания и навыки, а не христианские догматы, по всей видимости, в первую очередь делали миссионерские школы привлекательными для маленьких африканцев и их родителей. Крещение не было обязательным условием для посещения миссионерских школ.

Для выпускников миссионерских школ была характерна в целом новая поведенческая модель. И дело тут не только в следовании христианским обрядам, ведь, как уже указывалось, далеко не все ученики миссионерских школ принимали крещение.

Общеизвестен факт, что именно миссионеры стали родоначальниками письменной традиции многих африканских языков, сделав первые переводы основ Священного писания. Это касается не только языков, бывших к тому времени бесписьменными: миссионеры перевели на латинскую графику крупнейшие письменные языки Тропической Африки — суахили и хауса (соответственно с арабского алфавита и созданной на его основе письменности аджами). Однако менее известно, что миссионеры

разработали и первые буквари, и другие учебники для начальной школы. Таким образом, миссионеры заложили основы обучения африканцев на родных языках европейским знаниям.

Посещаемость миссионерских школ росла, о чем свидетельствует обширная миссионерская статистика. Следует иметь при этом в виду, что и после окончания колониального раздела Африки и ее передела в результате Первой мировой войны миссионеры действовали не только в «своих» колониях, но и во владениях других европейских держав.

Именно появление учителей-африканцев было одним из важнейших результатов деятельности миссионерских школ: это означало быстрое развитие образования вширь, да еще и через «своих», более понятных для детишек людей. Африканские учителя-миссионеры, ставшие живым олицетворением встречи культур, преподавали своим ученикам, конечно же, не только духовные, но и светские знания, а также практические навыки. Чисто педагогическая нагрузка у них была очень велика: например, в Того в миссионерских школах Северогерманского общества она составляла еще в 1870-х годах до 22 часов в неделю, не считая подготовки учебных пособий и демонстрационных материалов.

Европейские практические знания и навыки африканцы получали от миссионеров не только в школах. Основание миссионерской станции означало в то же время строительство дома для миссионера и обзаведение хозяйством.

Вокруг миссионерского дома и складывалась христианская община. «Внутренняя» община — это собственно миссионерская семья и многочисленные домашние слуги: горничные, кухарки, садовники, пастухи. Миссионеры охотно брали африканских девочек и мальчиков в свои семьи в качестве домашних слуг. Либо это были сироты, либо, наоборот, дети, отданные богатыми африканцами на воспитание миссионерам. Девочки, выросшие в домах миссионеров, учились вести хозяйство по-европейски. Потом их выдавали замуж за молодых людей-христиан, которые, пройдя соответствующий курс обучения, становились учителями и проповедниками. Такие супружеские пары становились соратниками миссионеров в их деятельности, помогали основывать новые миссионерские станции и пр.

«Внешняя» община — это жители африканских деревень, возникавших при миссиях. Иногда такая внешняя община была довольно многочисленной. Например, в Экваториальной Африке миссионеры перехватывали у работорговцев с помощью военных отрядов большие партии невольников и селили их компактными деревнями вокруг миссий. В

Багамойо, в современной Танзании, при католической миссии так была создана первая деревня из освобожденных рабов. В 1879 г. эта Деревня свободы, как ее называли, насчитывала более 60 домов, имела своего выборного главу, своих искусных ремесленников.

Миссионеры использовали главным образом труд своей паствы — дома на миссионерских станциях, поля и огороды при них были результатом многодневной работы многих и многих сотен пар рук африканцев. Африканцы работали также в различных ремесленных мастерских при миссиях. В католической миссии в Дар-эс-Саламе, например, к началу прошлого века была своя столярная мастерская, прачечная и даже типография, и это позволяло африканцам научиться у миссионеров множеству чисто практических знаний и навыков, которые меняли привычную жизнь, делали ее удобнее и разнообразнее.

Таким образом, миссионерские станции были не только и не столько распространителями христианского вероучения, сколько центрами, где африканцы учились жить оседло, строить дома и вести сельское хозяйство по-европейски. При этом они должны были отказаться от целого ряда традиционных привычек и установлений. Члены христианской общины, формировавшейся вокруг миссий, резко выбивались из привычного жизненного уклада и круга представлений народов Африки. Они носили европейскую одежду, во время трапезы пользовались вилок и ножом, перед едой не забывали вымыть руки. Но главное — руки эти умели делать много полезных вещей, да к тому же и писать буквы! Для многих народов Африки, у которых прежде не было письменности, это было настоящее чудо.

Новообращенные христиане уже не вписывались в традиционную африканскую социальную структуру. Это значит, что они больше не подчинялись собственным старейшинам, в ряде случаев роль таких старейшин для них стали играть миссионеры, которые руководили всей их повседневной жизнью. В результате внутренние конфликты в африканских обществах иногда стали принимать религиозную окраску. Так, например, борьба за власть между различными группировками знати в Буганде в 1890–1892 гг. получила в истории название *религиозных войн*, так как участники этой борьбы называли себя «католической», «протестантской» и «мусульманской» партиями.

Миссионеры сыграли огромную роль в истории отношений Европы с Африкой. Они разведывали Африку, проложили пути от побережья океана во внутренние районы. Они научились вести хозяйство в Африке — бурить колодцы, вырубать заросли, возделывать европейские овощи и разводить

европейские породы скота и научили всему этому африканцев. Миссионеры научились ладить с основными народами Африки, изучили их нравы, обычаи и, что самое важное, языки.

Своей деятельностью миссионеры в какой-то мере облегчили колониальный раздел Африки, в частности, они создали прослойку дружественно настроенных к европейцам образованных африканцев. Однако ни в коем случае нельзя считать миссионеров просто передовым отрядом европейских колонизаторов в Африке — многие из них не только не одобряли колониальных методов европейских держав на Черном континенте, но и активно выступали против них. Кроме того, очень часто та или иная африканская территория «доставалась» вовсе не той европейской стране, из которой родом были работавшие там годами миссионеры.

Историческая заслуга миссионеров в Африке состояла в другом. Они научили коренное население континента не только и не столько основам христианской религии, но приобщили африканцев к европейским ремесленным и сельскохозяйственным навыкам. Огромное значение имело то, что миссионеры создали письменность на многих африканских языках и научили несколько поколений африканцев читать и писать.

Очень важно понять, что африканцы, воспринимая от миссионеров самые различные знания и навыки, не теряли ничего из того, чему учило их традиционное общество. В результате в их сознании происходил своеобразный *синтез* старого и нового.

Однако полного разрушения или замены традиционных религиозных представлений не происходило — наблюдалась лишь частичная их модификация либо достраивание новыми христианскими или исламскими представлениями, новые идеи (мифология), ритуалы плавно проникали и ассимилировались в традиционную культуру, выдавая зачастую весьма причудливый синтез, шел процесс африканизации религиозных инноваций. Усвоение религиозных новшеств часто носило поверхностный характер. Христианство и ислам заняли как бы верхнюю часть в системе представлений и стали своеобразной идеологической сверхструктурой, под которой продолжали существовать культ предков, колдовство, магия, тотемизм, вера в различных духов. Победить полигамию христианской церкви не удалось. Традиционный духовный мир помимо внешних инноваций претерпевал самоизменение, рефлексируя на изменения

социокультурной среды. Происходило расширение («модернизация») мира духов за счет появления новых, отражавших изменившиеся реалии жизни африканца. Не удавалось победить и европейской медицине «лечение» африканских лекарей, знахарей и предсказателей. Местные жители часто делили болезни на «европейские» и «туземные», которые подлежали разным методам лечения. Считалось, что «туземные» болезни неорганические и вызваны вселением в тело злого духа или атакой колдовства конкурента. Поэтому, прежде чем обратиться к врачу, местный житель шел к своему предсказателю. К нему шли за магическим советом как повредить врагу, бездетная женщина шла узнать причину бесплодия, жена — узнать, как вернуть внимание мужа, а также по многим другим причинам.

Миссионеры в Тропической Африке в конце XIX — начале XX в. были важными участниками процесса встречи культур — европейской и африканских. Они немало способствовали преодолению возникавшего между европейцами и африканцами взаимного непонимания, формированию представлений об африканцах в Европе и созданию целой прослойки африканских учителей и проповедников. Внерелигиозная деятельность миссионеров в этом плане была значительно важнее собственно религиозной. Являясь в теории побочной, на практике она становилась основной.

Африканская работорговля в XIX веке

Работорговля в Африке существовала и до прихода европейцев, но с Великими географическими открытиями она приняла гигантские масштабы. На XIX в. пришелся третий, заключительный период трансатлантической работорговли, который датируется 1807/08-1890 гг.

ДокOLONиальный период был отмечен ростом на континенте войн, конфликтов и междоусобиц, что было вызвано в первую очередь внутренними причинами (внутренней динамикой африканских обществ — становлением и расширением новых государств, борьбой за гегемонию в регионе или за контроль над торговыми путями). Работорго́вцы же быстро реагировали на изменяющуюся ситуацию, и их агенты оказывались там, где было «жарко», и покупали пленников. Хотя, безусловно, история Африки

знает и множество примеров организации рейдов и войн специально с целью захвата рабов в период трансатлантической работорговли, впрочем, как и до ее начала. В этой ситуации реализовывалась логика цикла «ружья за рабов».

Следует отметить, что в целом подавляющая часть Черной Африки осталась совершенно не затронутой трансатлантической работорговлей, которая охватила лишь некоторые районы западного и восточного побережья Африки с углублением внутрь материка самое большее лишь на несколько сот миль. Равно как и подавляющее большинство населения не имело связи с работорговлей и не испытало на себе ее влияния.

Работорговлей в Африке занимались далеко не только одни лишь европейцы. Хотя даже и в прибрежных зонах она не оказывала значительного влияния на повседневный образ жизни масс, оставаясь торговлей «для богатых», но вырученные за рабов огнестрельное оружие, текстиль, алкоголь, предметы роскоши обогащали местную знать, торговцев и их свиты. Постепенно появлялось все больше африканцев, наживавшихся на невиданном прежде деле — торговле людьми. Свободных людей захватывали во внутренних районах Африки, отвозили к океанскому побережью и продавали там на работорговые суда. Возникли целые государства-паразиты, не занимавшиеся ни земледелием, ни скотоводством, а существовавшие за счет торговли живым товаром. Крупнейшими из таких государств-посредников в Западной Африке и в XIX в. оставались Ардра (Аллада), Вида и др.

Работорговля на африканском континенте не ограничивалась лишь Атлантическим побережьем. Другой важной ее областью было побережье Индийского океана: Восточноафриканское побережье играло важную роль в арабской работорговле. Крупным центром работорговли в XIX в. здесь являлся Занзибарский султанат. Занзибар стал новой столицей Оманского султаната к концу 1830-х годов. На траверсе острова к Восточноафриканскому океанскому побережью из глубинных районов материка стекались три торговых пути. Именно там в XIX в. располагались крупнейшие невольничьи рынки. Об ужасах работорговли напоминает название города, выросшего вокруг одного из этих рынков — «Багамойо» (букв. — «попрощайся со своим сердцем», что означает «оставь всякую надежду»).

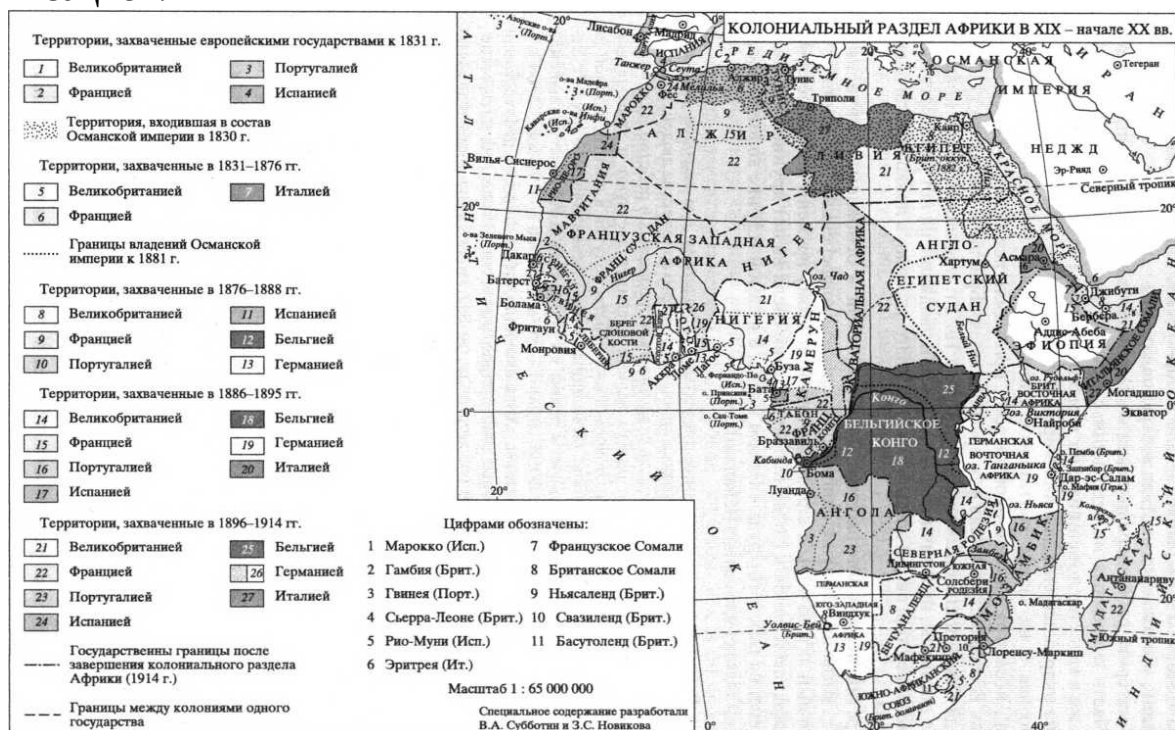
С материка рабов переправляли на Занзибар на небольших парусниках — доу. Часть купленных на невольничьем рынке Занзибара рабов оставалась здесь же в качестве домашних слуг и работников на гвоздичных плантациях. Другие отправлялись в дальний морской путь.

Но как и на западе континента, работорговля в Восточной Африке в XIX в., несмотря на свой бурный рост, проходила все более и более нелегально. Владычествовавшая в то время на морях Британия заставила султана Сейида Саида и его преемников начиная с 1822 г. подписывать все новые и новые договоры, ограничивающие, а затем и сводящие на нет работорговлю. Тем не менее торговцам живым товаром долго удавалось ловко обходить все запреты.

Третий период контрабандной работорговли в основном закончился к 1890 г., когда на международной Брюссельской конференции был принят Генеральный акт по борьбе с работорговлей. К этому времени победа северян в Гражданской войне в Соединенных Штатах свела на нет крупнейший очаг применения рабского труда в Новом Свете, а в самой Африке колониальные захваты осложняли вывоз невольников.

Работорговля имела самые пагубные последствия для народов Африки. Прежде всего Черный континент лишился огромного количества людей, которых вывезли за его пределы, и участь схваченных и проданных в рабство миллионов была печальна. Суммарные цифры велики и свидетельствуют о трагической странице в истории Африки: современные дебаты ведутся в спектре оценок от 9-12 млн до 15–16 млн рабов, вывезенных через Атлантический океан с середины XV в. по 1870 г. Однако в целом по Тропической Африке уменьшения численности населения не было: 1500 г. — 80 млн, 1600 г. — 90 млн, 1700 г. — 95 млн, 1800 г. — 95 млн человек. Хотя очевидно, что потери от работорговли полностью «съедали» естественный прирост населения. Если говорить о специфике трансатлантической работорговли, то она заключалась в преобладании среди продаваемых в рабство мужчин (порядка двух третей от общего числа), что отличало ее от внутриафриканской работорговли. Но как считают исследователи, для Африки это означало в первую очередь то, что по сравнению с предыдущими временами меньше мужчин стали убивать в момент захвата и войн. А во-вторых, уменьшение числа мужчин не сильно сказывалось на уровне рождаемости в силу полигинийного характера африканских обществ, позволявшего практически всем женщинам, в том числе и оставшимся в Африке женщинам-рабыням, стать матерями.

Окончательно же работорговля прекратилась только с колониальным разделом Африканского материка европейскими державами. Причем проводился раздел Африки именно под флагом борьбы с работорговлей. Завершение работорговли в XIX в. и рост заинтересованности Запада в организации нового типа торговли продуктами сельскохозяйственного производства (пальмовое масло, земляной орех, хлопок, каучук) были новым вызовом и новой же возможностью для африканцев, которые не преминули ей воспользоваться, так же как и несколько веков до этого воспользовались возможностью торговать людьми. Интеграция Тропической Африки в структуры мировой экономики ускорилась колонизацией.

© «Большая Российская энциклопедия»

Колониальный раздел Африки

Особым периодом в истории колониального раздела Африки является *колониальное проникновение* — период между появлением первого европейца и официальным провозглашением колонии. Именно в этот период первых контактов европейцев с местными лидерами закладывались основы будущих отношений с метрополией, от формы и интенсивности этих контактов зависело зачастую будущее колоний и даже форма

колониальной зависимости — протекторат или собственно колония.

Первые территориальные захваты европейцев в Африке произошли еще в XV в. В XIX в. этот процесс усилился, но к 1850 г. европейские владения занимали лишь 5 % территории Тропической и Южной Африки. Собственно колониальный раздел континента начался в последней трети века.

Важным этапом колониального раздела Африки стала так называемая Берлинская конференция по разделу бассейна р. Конго. Она проходила с 15 ноября 1884 по 23 марта 1885 г., в ней участвовала и Россия. Важнейшим из документов конференции был Заключительный акт, принятый 26 февраля 1885 г. В нем, в частности, была объявлена «свобода торговли в бассейне р. Конго, ее устьях и окрестных странах».

Также был установлен так называемый принцип «эффективной оккупации», т. е. колониальные державы обязывались не просто провозгласить свой суверенитет над той или иной территорией, но и установить там систему управления, ввести налоги, строить дороги и т. д. В документе подчеркивалась необходимость борьбы с работорговлей и поддержка миссионерской деятельности.

Важной составляющей колониального раздела Африки было антиколониальное сопротивление африканских народов, которое английский ученый Т. Рейнджер назвал «первоначальным сопротивлением».

Народы Африки были не в силах выдержать борьбу с европейскими армиями, оснащенными самым совершенным для своего времени оружием. Причиной их поражения была также разобщенность, отсутствие единства в борьбе против колонизаторов. Тем не менее сопротивление африканских народов было местами удивительным по силе и упорству. Достаточно сказать, что первые попытки утвердиться на Мадагаскаре Франция предприняла еще в середине XVII в., а захватить остров смогла лишь в конце 1897 г. Свыше 90 лет (1807–1900) потребовалось Великобритании, чтобы подавить сопротивление небольшого народа ашанти на Золотом Берегу (ныне республика Гана).

Особенным упорством отличалась освободительная борьба населения Судана. В ходе антиколониального сопротивления возникло независимое Суданское государство. Англичане не могли смириться с его существованием в центре Африки. В марте 1896 г. армия английского генерала Китченера начала медленно продвигаться к центру Судана. Два с половиной года шли ожесточенные бои, и только 1 сентября 1898 г. 28-тысячная армия англичан подошла к столице Суданского государства

Омдурману. Силы были слишком неравные, и Омдурман пал. Между Великобританией и Египтом было подписано соглашение о совместном управлении Суданом. В действительности Судан был превращен в английскую колонию.

Сомалийский полуостров в конце XIX в. силой оружия был разделен между тремя империалистическими странами: Англией, Францией и Италией. В 1899 г. в районах, захваченных Англией, вспыхнуло народное восстание, которое возглавил талантливый поэт и военачальник мулла Сейид Мухаммед бен Абдалла Хасан. В течение 20 лет с оружием в руках сомалийцы вели героическую борьбу за независимость своей родины и не один раз одерживали победы над английскими регулярными частями. Только в 1920 г. английские колонизаторы с помощью авиации, минометов и скорострельных пушек сломали сопротивление сомалийских войск.

Несколько десятилетий продолжалась борьба народов Западного Судана с французскими колонизаторами. Французские войска натолкнулись на упорное сопротивление *дагомейцев, фульбе, мандинго, тукулеров* и других народов. Самори, сын странствующего торговца, стал во главе государства мандинго. Используя противоречия между Англией и Францией, он приобрел для своей армии несколько сотен винтовок у английских купцов и развернул партизанскую войну против французских войск. Только в 1898 г., после семи лет войны, колонизаторам удалось захватить Самори в плен и разгромить его армию.

Попытка Италии превратить Эфиопию в свою колонию окончилась неудачей. 2 мая 1889 г. Менелик заключил печально знаменитый Уччиальский договор с Италией, пытавшейся укрепиться на Африканском Роге. Однако в Италии и Эфиопии по-разному трактовали этот договор, составленный на двух языках — итальянском и амхарском. В частности, статья 17 в амхарском тексте гласила: «Его Величество император Эфиопии может пользоваться услугами итальянского правительства для переговоров по всем делам, которые у него могут быть с другими европейскими державами или правительствами». В итальянском же тексте вместо «может» стояло «должен». Италия объявила в Европе об установлении протектората над Эфиопией и стала продвигать свои войска в глубь африканской страны. В конце концов Эфиопия заявила о денонсации Уччиальского договора. Вспыхнула война, продолжавшаяся с 1894 по 1896 г. В решающем сражении — битве при Адуа 1 марта 1896 г. — эфиопская армия наголову разбила итальянцев. 26 октября того же года был подписан мирный договор, закрепивший независимость Эфиопии. Так Эфиопия стала единственной страной в Африке, не превратившейся в

колонию западных держав.

Колониальный раздел Африки и антиколониальное сопротивление африканских народов породили несколько мифов, достаточно прочно укоренившихся в историографии разных направлений.

Один из них — о существовании двух групп африканцев и их лидеров: с одной стороны, были герои сопротивления, а с другой — предатели, подписывавшие договоры. При ближайшем рассмотрении оказывается, что, как правило, один и тот же африканский лидер выступал то в той, то в другой роли. Например, кабака Буганды Мванга (правил в 1884–1899 гг.) в начале 1890-х годов подписал множество договоров об установлении чужеземного господства над своей страной — сначала с агентом Британской Восточноафриканской компании Ф. Лугардом, а затем с представителем правительства Великобритании. Эти договоры передали Буганду под чужеземное управление, а самого Мвангу лишили практически всех полномочий правителя. Однако в 1897–1899 гг. он возглавил антибританское вооруженное восстание в Буганде.

Другим примером служит Хендрик Витбой, старейшина одной из групп нама в Юго-Западной Африке (современная Намибия). В 1880-х — начале 1890-х годов он вел ожесточеннейшую борьбу с немецкими колонизаторами. Для умиротворения Витбоя и его народа в 1893 г. губернатор Лейтвейн пошел на беспрецедентный шаг — оставил им огнестрельное оружие. Поэтому германский кайзер Вильгельм II целый год не утверждал договор с Витбоем, и Лейтвейну потребовалось немало усилий, чтобы убедить кайзера в необходимости этого договора. Согласно договору, Хенрик Витбой сам обязывался поддерживать порядок на своей территории, за что ему полагалось жалованье в 2 тыс. марок в год. Более того, по дополнительному протоколу к этому договору он обязывался «по первому зову... выставить безусловно и незамедлительно войско, состоящее из всех боеспособных мужчин, против всех внутренних и внешних врагов германских властей». В течение десяти лет Витбой исправно выполнял это условие, т. е. выступал союзником германских властей в подавлении антиколониальных выступлений африканцев.

Таким же мифом является и то, что европейцам удалось покорить Африку, так как они сталкивали между собой африканцев. Африканцы якобы даже поссориться не могли без подстрекательства со стороны белого человека. Однако весь XIX в. в Тропической и Южной Африке — это время войн и конфликтов и в тех районах, куда еще нога белого человека не ступала.

Куда более важно, что этим же приемом — разделяй и властвуй —

пытались пользоваться не только европейцы, но и сами африканцы. Так, кабака Буганды Мванга, подписав в 1890 г. с британским представителем Ф. Лугардом договор о протекторате Имперской британской восточноафриканской компании, тут же написал письмо германскому кайзеру Вильгельму, в котором говорилось: «Но, друг мой, я хочу, чтобы в мою страну приходили разные белые люди — немцы, французы, англичане, американцы, приходили и торговали и строили в моей стране. Я очень хочу, чтобы было именно так, я не хочу, чтобы мою страну получил один англичанин».

Еще один миф: африканцы подписывали договоры с европейцами бездумно, за связку бус. В большинстве случаев это далеко не так. Африканские лидеры, вступая в альянсы с европейцами, преследовали свои конкретные цели. К тому же, как правило, африканский правитель имел династического соперника в своей стране или соседа-соперника по гегемонии в регионе. Он не мог победить этого соперника самостоятельно и надеялся сделать это в союзе с европейцами. Осознание того, что ценой такой победы является утрата независимости, приходило позднее. Например, для кабаки Буганды Мванги таким соперником в регионе Великих Африканских озер был омукама (правитель) соседнего государства Буньоро Кабарега. Мванга сознательно натравливал британцев на Кабарегу, и в конце концов Буньоро было подчинено с помощью британцев, но уже не Буганде, а Великобритании.

Наконец, еще один миф: «хорошие» африканские лидеры поднимали народы на сопротивление во имя благородных целей. Надо отдавать себе отчет в том, что первым, кто ощущал на себе бремя иноземного господства, был именно верховный правитель — он терял свою власть. Именно поэтому правители поднимали свои народы на антиколониальные восстания и возглавляли их.

«Первоначальное сопротивление» продолжалось в ряде районов Африки и по окончании колониального раздела. Самыми его яркими проявлениями в начале XX в. были восстания в германских колониях, проходившие практически одновременно — с 1904/1905 по 1907 г. на востоке и юго-западе континента. Это были восстание Маджи-Маджи в Германской Восточной Африке (Танганьике) и Великие восстания гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке (Намибии).

Итоги восстаний были неутешительными. Для африканцев это была гибель многих тысяч гереро и нама, пленение оставшихся в живых, смерть около половины пленных, концлагеря, холодный Акулий остров, создание резерваций.

«Раздел Африки» был осуществлен достаточно быстро — всего за последние два десятилетия XIX в.

Завершение промышленной революции и политика протекционизма в ряде стран Европы обострили борьбу за обладание мировыми ресурсами и перспективными колониальными территориями, а быстрое экономическое развитие Европы позволило аккумулировать значительные материальные и финансовые ресурсы, которые можно было бросить на захват и освоение новых земель. Вызванная появлением пароходов «транспортная революция» в океанских перевозках и ввод в эксплуатацию Суэцкого канала «приблизили» Европу к самым удаленным уголкам планеты и сделали выгодными торговые связи с ними, а железные дороги и телеграф решили проблему коммуникации внутри Африки и между Европой и Африкой. Оказал влияние и очередной технологический рывок в Европе и взятие на вооружение заряжающихся с казенной части ружей, магазинных винтовок и пулеметов Максим и Гатлинг, что впервые привело к резкому диспаритету в военной мощи между иноземцами и африканцами и стало главным фактором в обеспечении быстрого колониального захвата Африки. Важны были и успехи тропической медицины, в первую очередь открытие профилактического использования хинина против малярии, заметно снизившее уровень смертности среди европейцев и позволившее им проникать в глубь Африки.

Еще одним важным фактором, предшествовавшим и облегчавшим захват и оккупацию, были наблюдавшиеся в XIX в. в ряде регионов Африки процессы политической дестабилизации. Но военное и технологическое превосходство европейских стран позволяло им оперативно реагировать на возникающие ситуации, быстро перебрасывать войска и снаряжение, обеспечивать скоординированные действия. Гибкий подход к местным правителям, повсеместное применение метода подписания соглашений, активное использование местных конфликтов и противоречий в своих целях («разделяй и властвуй»), наличие в ряде местных государств вестернизированных элит и соперничавших группировок, найм африканцев в колониальные армии помогли европейцам снизить издержки по освоению континента. Если же приходилось сталкиваться с вооруженным сопротивлением, то прекрасно обученные и оснащенные самым современным оружием европейские войска были «обречены» на победу над плохо вооруженными африканскими отрядами.

В результате колониального раздела к началу Первой мировой войны вся Африка, за исключением Либерии и Эфиопии, была поделена между

Великобританией, Францией, Германией, Португалией, Испанией,

Бельгией и Италией. По площади колониальные владения держав (Великобритании и Франции) были примерно равными — около 9 млн кв. км, но французские владения были значительно меньше заселены — свыше 40 и свыше 25 млн человек соответственно. Зато французские владения были более компактными и объединены в два генерал-губернаторства — Французскую Западную Африку (ФЗА) и Французскую Экваториальную Африку (ФЭА). Колониальные владения остальных держав были значительно меньше: у Германии 2,7 млн кв. км с населением около 15 млн человек, у Бельгии 2,3 млн кв. км и 20 млн человек, у Португалии 2,4 млн кв. км и свыше 8 млн человек, у Италии 1,5 млн кв. км и около 1,3 млн человек, у Испании 400 тыс. кв. км и до 1 млн человек.

Переходный век монархий Запада и Востока: от старого порядка к модерну

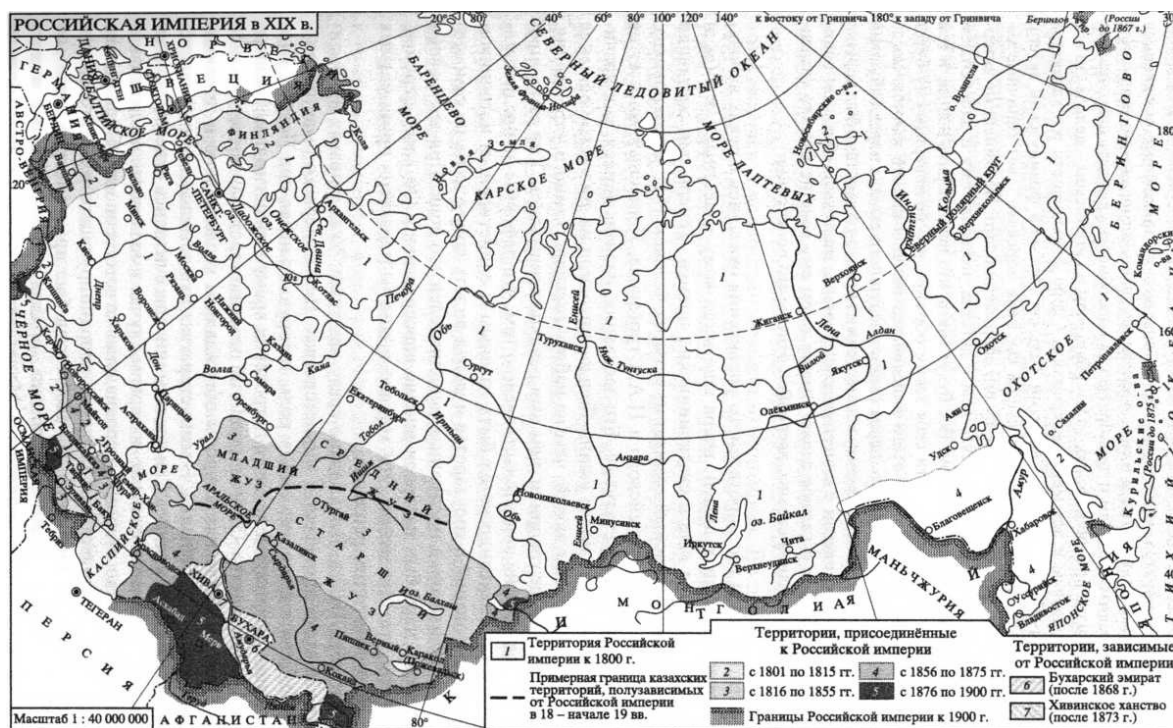
Русский XIX век

К началу XIX в. Российская империя сложилась как одна из крупнейших мировых держав. Ее территория охватывала 17 млн кв. км, раскинувшись от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного ледовитого океана до Каспийского моря. Население к началу века составляло 40 млн человек. По своему составу это было многонациональное и поликонфессиональное государство. К концу века территория значительно увеличилась за счет включения в состав империи Финляндии, центральных районов Польши, Бессарабии, Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока. Население возросло более чем в три раза и составило, согласно переписи 1897 г., 129,2 млн человек. В политическом отношении Россия все столетие оставалась абсолютистской державой во главе с императором. Его власть опиралась на дворянское сословие, насчитывавшее меньше одного процента населения. Подавляющее большинство (до 98 %) составляло крестьянство, находившееся до 1861 г. в различных видах зависимости (крепостные, государственные, дворцовые). Средние сословия — духовенство, мещане, купцы, разночинцы были немногочисленны и в начале столетия существенной роли в жизни государства не играли. Однако на протяжении века, особенно в связи с Великими реформами 1860-х годов роль этих сословий постепенно возрастала, роль дворянства снижалась. Изменения в социальной структуре опережали изменения политической системы, практически не менявшейся все это время, что привело к мощным социальным потрясениям начала XX в. и гибели империи в 1917 г.

Начало XIX в. в России ознаменовалось дворцовым переворотом 11 марта 1801 г., в результате которого к власти пришел Александр I.

Александр I родился 12 декабря 1777 г. Все заботы о его воспитании взяла на себя Екатерина II. Перенеся на внука всю свою нерастрченную материнскую любовь, императрица самым тщательным образом подбирала учителей. Среди воспитателей великого князя особенно выделялся швейцарец Фредерик Цезарь Лагарп (1754–1838), приглашенный в Петербург по рекомендации

старого знакомого и постоянного корреспондента императрицы М. Гримма. Лагарп был одним из представителей позднего европейского Просвещения. Он воспитывал юного Александра в духе широко распространенных просветительских теорий естественного права и общественного договора, внушал ему мысль о том, что республика, опирающаяся на добродетели граждан, — наиболее совершенная форма правления. Лагарп оказался выдающимся педагогом. Он быстро нашел общий язык со своим учеником, и очень скоро их отношения превратились в дружбу, продлившуюся многие годы. Уроки Лагарпа проходили на фоне семейных раздоров между бабкой и отцом воспитанника. Юный Александр меньше всего хотел быть предметом распрей между ними. Однако намерение Екатерины передать ему престол через голову Павла внесло дополнительные осложнения во взаимоотношения отца и сына. Александру очень помогали его природное качество нравиться людям и приобретенная способность скрывать свои чувства и мысли. Жизнь при двух дворах — Петербургском и Гатчинском — делала его все более осторожным и все менее искренним. Скоро фальшивость его характера станет притчей во языцех. «Северный Тальма» (великий французский актер), «в лице и в жизни Арлекин», «фальшив как пена морская» — вот типичные характеристики, даваемые Александру его современниками. Несомненные актерские способности, развившиеся в нем с детства, позволяют ему в дальнейшем стать выдающимся дипломатом. Все будут знать, что царю верить нельзя, и тем не менее он будет уметь вести себя таким образом, что не поверить ему будет просто невозможно. Истоки этого лицедейства лежат в ранней юности, когда ему приходилось разыгрывать перед отцом послушного сына, а перед бабушкой любящего внука. Итак, к моменту восшествия на престол Александр был хорошо образованным человеком с манерами джентльмена, тщательно обдумывающим каждый свой жест и каждое слово. Вместе с тем ему явно не хватало уверенности в себе и знания страны, вверенной отныне его попечению.

© «Большая Российская энциклопедия»

Почти все нити государственного управления оказались в руках небольшого кружка молодых людей, вчера еще мало кому известных. Это были личные друзья царя еще с екатерининских времен. Теперь они составили так называемый Негласный комитет из четырех человек: Н.Н. Новосильцева, В.П. Кочубея, А. Чарторыйского и П.А. Строганова. Негласный комитет не обладал официальным статусом. Его заседания, назначавшиеся, как правило, на вечернее время после ужина, больше походили на дружеское общение близких по интересам людей, чем на работу государственного учреждения. О реформах больше говорили, чем ими реально занимались. Уже само определение «негласный» свидетельствовало о том, что реформы не предполагали гласность. Александр хотел быть главным и единственным источником всех преобразований в государстве и желал видеть вокруг себя не самостоятельных политиков, а послушных исполнителей его воли. При всем своем либерализме царь был настроен вполне консервативно. Он хотел перемен, ничего при этом не меняя. Это хорошо видно из характера принимаемых Негласным комитетом решений.

8 сентября 1802 г. было издано сразу два указа: Указ о правах и обязанностях Сената и Манифест о министерствах. Целью первого было поднять значение Сената и вернуть ему ту роль, которую он играл при Петре I. Вторым указом существующие еще с петровских времен коллегии

преобразовывались в министерства. Отличие коллегий от министерств заключается в типе руководства. В коллегиях вопросы обсуждались коллегиально и принимались коллективные решения. В министерствах существовало единоначалие. Если коллегии подчинялись Сенату, то министры считались ответственными перед Сенатом; иными словами, в первом случае имела место коллективная подчиненность, а во втором — персональная ответственность. Образование министерств предполагало и создание координирующего их деятельность органа — комитета министров. И такой орган был предусмотрен указом от 8 сентября. Однако ни его функции, ни порядок взаимодействия с министерствами так и не были определены. Министры должны были периодически докладывать о своей деятельности на общем собрании министерств в присутствии императора — это и называлось комитетом министров. Поскольку министры напрямую подчинялись царю, никакой реальной их ответственности перед Сенатом не существовало.

Таким образом, реформа Сената и образование министерств не внесли существенных изменений в работу государственного аппарата. Сенат так и не стал «верховным местом в империи», а продолжал оставаться послушным исполнителем монаршей воли. Министерства, сменившие коллегии, также мало что изменили. В основных коллегиях уже фактически существовало единоначалие, да и само образование министерств было намечено еще в павловское царствование.

Не более успешными оказались и попытки Александра решить крестьянский вопрос. 20 февраля 1803 г. был издан Указ о вольных хлебопашцах, разрешающий помещикам отпускать на волю своих крепостных с землей. Этот указ имел исключительно разрешительный характер и ни в коей мере не обязывал помещиков ему следовать. Условия отпуска крестьян, за исключением того, что они должны были при этом наделяться землей, также не оговаривались и полностью зависели от помещика. Но даже в таком виде указ показался царю слишком смелым, и уже на следующий год, 19 декабря 1804 г., были внесены ограничения в действие указа о вольных хлебопашцах. Теперь запрещалось предоставлять крестьянам свободу на основе духовных завещаний, т. е. помещик, если хотел освободить крестьян, должен был делать это обязательно при жизни.

Либерализация александровской политики ярче всего проявилась в сфере просвещения. Одним из первых мероприятий в этой области стала отмена цензурных запретов, введенных Павлом 1. В 1804 г. был принят самый либеральный за всю историю России цензурный устав. С 1802 по 1804 г. было открыто четыре университета: в Дерпте (Тарту), Вильно

(Вильнюс), Казани и Харькове. В 1804 г. был открыт Педагогический институт в Петербурге, преобразованный в 1819 г. в университет. Для университетов был разработан специальный устав по образцу немецких университетских корпораций, предоставлявший им довольно широкую автономию.

Внешнеполитический курс Александра I определился не сразу. В Европе в то время наметилась некоторая разрядка международной напряженности. Пришедший к власти в 1799 г. в результате государственного переворота Наполеон Бонапарт своими победами в Италии нанес существенный удар по австрийским претензиям на европейскую гегемонию, и заключенный между Францией и Австрией 9 февраля 1801 г. Люневильский мир положил конец боевым действиям на континенте. А 27 марта 1802 г. Францией и Англией был подписан Амьенский мирный договор, прекративший войну в Европе. Однако мир оказался непрочным и недолгим. Уже в 1803 г. Англия объявила войну Франции и приступила к созданию третьей европейской коалиции. Логика внешнеполитического курса России склоняла ее к вступлению в эту коалицию. Россия вступила в войну практически без подготовки. Это сказалось уже в первом крупном столкновении. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. под Аустерлицем произошло сражение, закончившееся полным поражением коалиционных войск. Началась кампания 1806 г. В новой коалиции место вышедшей Австрии заняла Пруссия. Со времен Фридриха II в прусской армии не произошло никаких существенных перемен. Воинский дух был по-прежнему высок, а тактика и вооружение безнадежно устарели. Всего один день потребовался Наполеону, чтобы лишить Пруссию ее вооруженных сил. 14 октября 1806 г. сразу в двух генеральных сражениях при Йене и Ауэрштедте прусская армия была полностью разгромлена, а 21 ноября в Берлине Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде. Это была попытка экономического воздействия на Англию. Всем европейским странам предписывалось закрыть свои гавани для английских судов. Английский рынок, по мнению Наполеона, должен был рухнуть, лишившись европейских потребителей, что в свою очередь привело бы к ослаблению британского могущества.

Почти весь 1806 г. в России ушел на комплектование новой армии, которая должна была выступить на помощь Пруссии. Но даже когда стало ясно, что помощь уже оказывать некому, Александр не отказался от еще одной попытки разгромить Наполеона. В декабре 1806 г. и в феврале 1807 г. произошло два крупных сражения: при Пултуске 14 (26) декабря 1806 г. и при Прейсиш-Эйлау 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г., которые не

принесли желаемых результатов ни одной из сторон, но при этом обе стороны выдали их за свои победы. Точку в кампании поставило генеральное сражение при Фридланде 2 (14) июня 1807 г. Полная победа Наполеона и почти полный разгром русской армии поставил Александра перед тяжелым выбором: перенесение войны в пределы России или же заключение мирного договора. Наполеон в свою очередь по-прежнему был заинтересован не просто в мире с Россией, но и в тесном союзе с ней.

Два императора договорились встретиться в Тильзите для подписания мирного договора. 27 июня (7 июля) 1807 г. состоялась их встреча, положившая начало русско-французскому союзу. В историю отечественной дипломатии Тильзитский мир вошел как один из самых унижительных для России договоров. Наиболее тяжелым условием было присоединение России к континентальной блокаде. Англия была не только союзником, но и основным торговым партнером России, и отказ от торговли с ней для России грозил обернуться экономическим крахом. Кроме того, Россия признавала за Наполеоном титул императора и все его завоевания.

Тильзитский мир дал возможность Александру I вновь сосредоточиться на внутренних преобразованиях. Во главе реформ встал М.М. Сперанский. Сын бедного сельского дьячка, с детства знающий, что такое нужда и унижение, он обладал феноменальными способностями, позволившими ему блестяще окончить духовную академию и в дальнейшем сделать головокружительную карьеру. Суть реформ Сперанского будет понятна, если учесть то состояние, в котором находилось государственное управление в начале XIX в. Государственный аппарат был раздроблен на отдельные части. Между ними отсутствовало взаимодействие, не было согласованности в работе различных ведомств, единой системы управления и т. д. При этом все формально подчинялось императору как носителю абсолютной власти. А поскольку количество и разнообразие дел было таково, что один человек не имел никакой возможности во все это вникать, то можно представить, какой хаос царил в административной системе. Бесконечные войны плюс континентальная блокада тяжело сказывались на народном хозяйстве. Французские товары практически безраздельно господствовали на русском рынке. Финансовая система пришла в упадок, бюджетный дефицит перевалил за 100 млн руб. Стремительная инфляция разрушила систему ценообразования. Цены в основном выражались во франках, а не в рублях.

Первоочередной задачей было упорядочить государственный аппарат. Впервые в истории российской государственно-правовой мысли Сперанский предложил принцип разделения властей. В его проекте

законодательная власть отводилась Государственной думе. Сенат разделялся на две части: Правительствующий сенат, осуществлявший высшую исполнительную власть, и Судебный сенат, осуществлявший судебную власть. Для согласования в действиях ветвей власти создавался Государственный совет при особе императора. Государственный совет, учрежденный 1 января 1810 г., стал единственным крупномасштабным мероприятием, осуществленным Сперанским.

В социальной сфере основное внимание Сперанского было направлено на формирование среднего сословия. По его проекту, подданные Российской империи подразделялись на три состояния: дворянство, «среднее состояние», к которому относились купцы, мещане и государственные крестьяне, и «народ рабочий», т. е. крепостное население. Считая, что крепостное право должно отменяться постепенно, Сперанский предусматривал возможности перехода из одного состояния в другое. Не только представители «среднего состояния» путем выслуги могли переходить в дворянство, но и дворяне могли «вступать в купечество и другие звания, не теряя своего состояния». Крепостные, приобретая недвижимость, также могли переходить в «среднее состояние». При этом переход из «среднего состояния» в «рабочее» не предусматривался.

При всей масштабности деятельности Сперанского необходимо заметить, что его реформы отнюдь не предполагали радикального изменения существующего строя. Два «столпа» российской государственности: абсолютизм и крепостное право оставались неприкосновенными. Однако из этого не следует делать вывод о непоследовательности и половинчатости реформ Сперанского. Скорее, наоборот, за этим стояло глубокое представление о невозможности совершить скачок из прошлого в будущее без тяжелых последствий для государственного организма. Новый порядок должен был не отменить старый в одночасье, а встроиться в него и постепенно, естественным образом прийти ему на смену. Легко предложить проект разделения властей, но как сделать так, чтобы на практике эти ветви власти сразу же заработали в стране, не знавшей иного управления, кроме абсолютизма? Поэтому на первых порах разделение провозглашается, ветви создаются, но вся полнота власти остается в руках монарха. До каких пор? — сказать трудно и, видимо, сам Сперанский не мог ответить на этот вопрос. Точно так же и крепостное право. Оно должно исчезнуть не вследствие декрета, разрушающего традиционные социально-экономические отношения, а путем медленного совершенствования социальной системы, направленного на опять же постепенное стирание различий, в первую очередь правовых,

между сословиями.

Сперанскому не удалось завершить начатые им реформы. Внешняя политика снова отвлекла царя от внутренних преобразований. Навязанный России Тильзитский мир не только не снял, но, напротив того, усилил противоречия между Россией и Францией. В 1810 г. Александр I начал готовиться к войне против Наполеона, и уже весной 1812 г. Россия могла начать боевые действия. Однако Наполеон опередил соперника. 10 (22) июня 1812 г. французский посол в России Лористон вручил русскому правительству ноту об объявлении войны, а 12 (24) июня началась переправа французской армии через Неман. Война 1812 г. была логическим продолжением и наивысшей точкой в бесконечной серии войн, ведущихся в Европе, начиная с 1792 г. На разных этапах эти войны имели разный характер. Начало им было положено в период Французской революции, когда революционное правительство объявило войну европейским монархиям. Тогда эти войны велись не для захвата чужих территорий, а во имя преобразования мира на основе идей равенства и братства угнетенной части населения. «Мир хижинам, война дворцам», — было написано на знаменах революционной армии. Однако на практике эти войны быстро превратились в захватнические и даже грабительские. После 1804 г., когда Наполеон стал императором, революционная фразеология постепенно исчезает из военной пропаганды. Теперь войны ведутся исключительно ради установления в мире французской гегемонии и укрепления династии Бонапарта в Европе.

В этом смысле война 1812 г. не была ни революционной, ни династической. Наполеон отнюдь не претендовал на российский престол. Не была она и захватнической, так как никаких территориальных претензий ни одной из сторон к другой не предъявлялось. Сам Наполеон определял характер войны как «политический», подчеркивая тем самым, что это война правительств, ведущаяся для разрешения неразрешимых иными способами международных противоречий. Между тем истинный характер этой войны проявился не сразу и определялся он не целями и задачами, которые ставили перед собой каждая из воюющих сторон, а самим фактом присутствия неприятеля на российской территории. Российская военная пропаганда немало сделала для того, чтобы придать войне 1812 г. народный характер и показать, как все сословия в едином патриотическом порыве объединились вокруг престола для изгнания неприятеля с русской земли. Когда враг был изгнан, война продолжилась на территории сначала Германии, а потом и Франции. Захватнической политике Наполеона царь противопоставлял бескорыстную политику

России, не заинтересованной ни в каких территориальных приобретениях. Особое внимание русской пропагандой уделялось тому, что Россия воюет не против европейских стран, включая и Францию, а борется с революцией, прямым порождением которой является Наполеон. Таким образом, освободительные идеи сливались с идеями контрреволюционными.

Между тем речь не шла о реставрации старого режима. Александр прекрасно понимал, что это невозможно. В его сознании все отчетливее складывалась мысль о глобальном религиозном возрождении Европы. В начале войны он настолько мало верил в возможность победы над Наполеоном, что когда она случилась, не мог приписать ее исключительно человеческим деяниям. Отныне все его размышления на эту тему сопряжены с верой в прямое вмешательство Божественного провидения в человеческие дела. И если на его долю выпало стать победителем Наполеона, то значит это его Провидение избрало своим орудием. Это придавало царю уверенность в собственных силах и заставляло его несмотря ни на что идти до конца в своих намерениях изгнать Наполеона из европейской политики. В 1813 г. была создана антифранцузская коалиция, основу которой составили Россия, Пруссия и Австрия. В конце марта 1814 г. союзники вошли в Париж. Наполеон подписал отречение от престола, и во Франции была восстановлена династия Бурбонов.

14 (26) сентября 1815 г. в Париже был подписан так называемый Акт о Священном союзе. Три монарха — русский царь Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III «во имя пресвятой и нераздельной Троицы» договорились «образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога спасителя». Согласно христианским заповедям, правители соединяются «узами действительного и неразрывного братства (...). В отношении к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым одушевлены, для охранения веры, мира и правды». Осенью 1818 г. в Ахене собрался конгресс Священного союза. Главным вопросом было отношение союзных держав к Франции. По настоянию царя Франция была очищена от оккупационных войск и присоединилась к союзу четырех великих держав. В решении этих вопросов Александру пришлось преодолеть сильное сопротивление Австрии и Англии. До 1820 г. в Европе было относительно спокойно. Ситуация стала меняться в начале 1820-х годов, когда на Южную Европу обрушилась волна революций. Первыми восстали испанцы, за ними Неаполь, потом Португалия, Пьемонт. По поводу этих событий собрался

второй конгресс Священного союза. Сначала он заседал в Троппау, а затем перебрался в Лайбах. Руководствуясь его решением, австрийские войска подавили революцию в Неаполе и в Пьемонте. Осенью 1822 г. собрался третий конгресс в Вероне. На нем было принято решение о подавлении революции в Испании. В 1823 г. французские войска вторглись в Испанию и восстановили там режим Фердинанда VII.

В послевоенный период Александр I во внутренней политике, как и во внешней, старался придерживаться принципов Священного союза. Борьба с неверием и стремление положить христианские заповеди в основу государственных преобразований характеризуют последнее десятилетие александровского правления. Христианство, о котором в то время много писалось и говорилось в официальных кругах, понималось царем в духе модного тогда в Европе и распространенного, особенно в Германии, мистического учения.

В 1817 г. было создано так называемое «сугубое» Министерство духовных дел и народного просвещения, объединившее в себе два различных ведомства, для того «чтобы христианское благочестие состояло всегда основанием истинного просвещения, а просвещение способствовало сему благочестию». Министерство подразделялось на два департамента: Департамент духовных дел и Департамент народного просвещения. В компетенцию министерства входили также и дела Священного синода. Департамент духовных дел ведал делами различных вероисповеданий: православием, католицизмом, протестантством, магометанством, иудаизмом и т. д. Во главе этого министерства встал А.Н. Голицын, в руках которого теперь было сосредоточено основное направление внутренней политики.

В вопиющем противоречии с идеологией Священного союза находилось крепостное право. Александр прекрасно понимал несовместимость братской христианской любви с рабством, в котором пребывает большая часть его подданных. В послевоенное время мысль царя снова работает в направлении крестьянской реформы. Этот вопрос обсуждается и в обществе. На имя царя подаются проекты уничтожения крепостничества в России. Сам он поручает разработать такой проект А.А. Аракчееву. Но все безрезультатно. За многочисленными, но все же единичными в масштабах страны проектами отмены крепостного права чувствовалось глухое недовольство дворянства.

Александр не отказывался и от конституционных намерений первых лет своего правления. В 1815 г. на Венском конгрессе он не только настоял на сохранении герцогства Варшавского, переименовав его в царство

Польское, но и дал этому государству конституционное правление. Выступая в Варшаве на сейме 15 марта 1818 г., царь произнес речь на французском языке, в которой высказал намерение распространить «законосвободные» учреждения на «все страны Провидением попечению моему вверенные», т. е. речь шла о введении конституционного правления и в России. Почти сразу там же в Варшаве царь поручил Н.Н. Новосильцеву подготовить проект конституции для России, и уже в 1819 г. была готова «Государственная уставная грамота Российской империи». Работа над ней была строго засекреченной, и даже по ее окончании мало кто знал о существовании этого проекта. Александр так и не решился на введение конституции, несмотря на то что она еще в меньшей степени, чем проекты Сперанского, затрагивала прерогативы царской власти.

В чем же причины неудач реформаторской деятельности Александра I? Первая и, пожалуй, главная причина заключается в том, что все попытки преобразований осуществлялись без опоры на общественное мнение. Царь как будто сознательно стремился провести реформы таким образом, чтобы никто ничего не заметил. Он постоянно оставлял пути для отступления и возвращался, как только чувствовал малейшую угрозу для собственной власти. Реформы готовились узким кругом высокопоставленных бюрократов, полностью подконтрольных царю. Вторая причина заключалась в том, что Александр не видел в обществе сил, заинтересованных в широком реформировании государства. Когда однажды ряд видных государственных деятелей предложили на его рассмотрение очередной план реформ, Александр ответил: «Некем взять», т. е. не на кого опереться. А между тем среди дворянства в то время уже имелись люди, заинтересованные в реформах. В послевоенные годы появилось новое поколение, состоящее в основном из военной молодежи. Его представители вдали от правительственных учреждений, а иногда и в непосредственной близости от них думали о реформировании государства, и их замыслы в этом отношении мало чем отличались от замыслов царя. Они были готовы всячески способствовать государственным преобразованиям, но у Александра не было установки на привлечение общества к решению государственных вопросов. В дворянстве он видел лишь эгоистические стремления к закреплению собственных корпоративных привилегий. Царь просмотрел это поколение, а оно, не дождавшись обещанных реформ, решило действовать самостоятельно.

На протяжении 1815–1825 гг. в России действовали тайные общества, ставящие цель сначала содействовать правительству в проведении реформ, а начиная с 1821 г. — свергнуть правительство и установить

конституционный строй. Так как большинство участников этих тайных обществ были офицеры, то в их планы входила военная революция.

В ноябре 1825 г. умер Александр I. Начавшееся междоусобице, вызванное неясностью вопроса о наследнике престола, спровоцировало членов тайных обществ на преждевременное военное выступление. 14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади произошло восстание, которое было быстро подавлено верными правительству войсками. А через две недели на Украине восстал Черниговский полк, его выступление было подавлено через несколько дней.

Все члены тайных обществ, даже те, кто не принимал участия в восстаниях (всего 121 человек), предстали перед Верховным уголовным судом. Пятеро были приговорены к смертной казни, а остальные к различным срокам каторги и ссылки.

Почти тридцатилетнее правление Николая I при всей его внутренней неоднородности отличается единством идейных установок. Основные идеологические параметры николаевского царствования были намечены уже в Манифесте, составленном М. М. Сперанским по случаю казни декабристов 13 июля 1826 г. Отмечая, что восстание было «не в свойствах и не в нравах российских», манифест внушал подданным мысль о том, что заговор стал результатом западного влияния, принесшего вред, но не оставившего глубокого следа в русской жизни: «сердце России для него было и будет неприступно». В этом же манифесте говорилось о любви и преданности народа к монарху и престолу. Спустя несколько лет товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров, развивая основные положения этого манифеста, сформулировал свою пресловутую триаду: самодержавие, православие, народность, — ставшую основой официальной идеологии николаевской России. Сам Уваров, как впрочем и Сперанский, был из либералов александровской эпохи. Еще вчера убежденный западник, сторонник европейского просвещения, он быстро почувствовал после восстания декабристов, куда дует ветер, и, не дожидаясь команды сверху, не только «перестроился» сам, но и помог царю сформулировать главную идеологическую доктрину. Уваровская триада проводила грань между Россией и Европой, противопоставляя чистоте отечественных нравов, замешанных на преданности царю и православной вере, губительный мир Запада, погрязший в многочисленных пороках, охваченный революционными потрясениями и стоящий на краю пропасти.

Порядок и самодержавие — вот те принципы, от которых царь никогда не отступал и в которых он никогда не сомневался. Проводил ли он

реформаторскую или же реакционную политику, он всегда руководствовался этими простыми понятиями. Вера в их незыблемость зародилась у Николая задолго до того, как он вступил на престол, и потом уже никакие события как внутри страны, так и в международной политике не могли ее поколебать. Свое правление Николай, как и Александр, начал с реформ. Однако суть проводимых ими преобразований различна. Реформы Александра в своей основе восходили к просветительским идеям о правовом государственном устройстве и широком просвещении. В их перспективе была не только отмена крепостного права, но и ограничение самодержавия. И хотя из этого ничего не получилось, намерения царя от этого не теряют своей гуманности. Николаю же сама идея гуманности изначально была глубоко чужда. Он вступил на престол в глубоком убеждении, что Александр I своим либерализмом «разболтал» страну и главная задача реформ заключается в наведении порядка, и действовать в этом направлении он с самого начала стремился административно-полицейскими мерами.

Он верил во всеисилие бюрократического аппарата, но при этом не доверял — и с основанием — честности чиновников, поэтому стремился все держать под своим личным контролем. На практике это приводило к созданию всевозможных комитетов, комиссий, департаментов и т. д. Бюрократический аппарат рос как на дрожжах, но злоупотреблений от этого не становилось меньше. Они увеличивались прямо пропорционально количеству чиновников, на содержание которых у государства не хватало средств. Чиновники получали мизерное жалованье, и их взяточничество, давно переставшее быть частным злоупотреблением, превратилось в своего рода систему самофинансирования. Николай знал это, пытался с этим бороться, но в конце вынужден был признать, что Россией правит не он, а столоначальники.

Реформу бюрократического аппарата царь начал с расширения собственной канцелярии, которая была поделена на несколько отделений. 1-е отделение взяло на себя прежние функции канцелярии. 2-е отделение, созданное 31 января 1826 г., стало заниматься кодификацией законов. Во главе отделения был поставлен М. А. Балугьянский — известный правовед, преподававший в свое время право юному Николаю. Однако реально делами заправлял М.М. Сперанский. Он планировал провести всю работу в три этапа: сначала собрать и расположить в хронологической последовательности все законы, появившиеся после Соборного уложения 1649 г., после этого отобрать действующие законы и расположить по сферам применения и, наконец, главное, в чем видел свою задачу

Сперанский, — составить единый кодекс законов. Однако Николай велел ограничиться лишь изданием полного собрания законов. Эта работа была завершена к 1830 г. появлением 45-томного издания, куда вошло более 30 тыс. правовых и нормативных актов, появившихся в России с 1649 по 1825 г. Вскоре последовало еще 6 томов, включающих в себя законодательные акты уже николаевского царствования.

3 июля 1826 г. было создано 3-е отделение, первоначально подразделявшееся на четыре экспедиции. Его штат был сравнительно небольшим: 16 человек, по 4 человека на экспедицию. 1-я экспедиция занималась полицейским сыском и наблюдением за неблагонадежными подданными. 2-я — раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, убийствами, местами заключения и крестьянским вопросом. 3-я — следила за иностранцами, приезжающими в Россию. 4-я — вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом, пожалованиями и т. д.

В 1827 г. в подчинение 3-му отделению были переданы жандармы, сначала в составе Корпуса внутренней стражи, а с 1836 г. — в виде Отдельного корпуса. Вся страна была поделена на жандармские округа. Во главе округов стояли генералы, подчиняющиеся, в обход местных властей, лично шефу жандармов. Одна из их функций заключалась в пресечении злоупотреблений местной администрации. Постепенно круг деятельности 3-го отделения расширялся, и в 1828 г. в него вошла театральная цензура, выделенная в 1848 г. в отдельную, пятую, экспедицию. Число служащих в 3-м отделении хоть и росло, но не стремительно. К концу николаевского царствования в нем насчитывалось всего 40 человек.

В конце 1826 г. Николай создал так называемый «Комитет 6 декабря», в который вошли крупнейшие сановники России, в том числе и часть политической элиты александровского царствования, сохранившая свое положение при новом царе. Главная задача, возложенная Николаем на Комитет, заключалась в разборе бумаг из кабинета Александра I. Николай в свое время не был посвящен в замыслы государственных преобразований своего старшего брата и теперь решил познакомиться с ними, а заодно посмотреть, что может быть использовано в современной ему обстановке.

«Комитет 6 декабря» интенсивно работал на протяжении трех лет и обсуждал довольно широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки александровских проектов. Одним из важнейших направлений его деятельности стали права и обязанности сословий. Были намечены меры против размывания потомственного дворянства путем ограничения доступа в него выходцам из других сословий. Предлагалось ввести порядок, по которому дворянином можно было стать либо по рождению, либо по

царскому пожалованию. Для укрепления дворянского землевладения предлагалось запретить дробление имений. Для поощрения чиновников-недворян были введены новые сословия: «чиновные граждане», «именитые граждане», «почетные граждане». Все они освобождались от подушной подати, рекрутского набора и телесных наказаний.

В Комитете был поставлен и крестьянский вопрос — самая болезненная проблема России на протяжении уже многих десятилетий. И хотя речь об отмене крепостного права еще не шла, планировался целый ряд мероприятий по его смягчению: запрет переводить крестьян в дворовые и продавать их без земли.

Сперанский занимался в Комитете подготовкой административной реформы. Он надеялся осуществить свой давний замысел разделения властей. Государственный совет должен был получить законодательную власть, а Сенат планировалось разделить на правительствующий (с функциями исполнительной власти) и судебный. Несмотря на то что все эти проекты получили предварительное одобрение Николая, они так и не были воплощены в жизнь, за исключением введения «почетных» граждан. Помешали события 1830–1831 гг., ставшие новым испытанием для Николая. По его империи было одновременно нанесено два мощных удара: страшная эпидемия холеры и польское восстание.

Острейшим социальным вопросом России, аккумулирующим в себе множество других насущных проблем, по-прежнему оставалось крепостное право. Желание Николая провести крестьянскую реформу диктовалось отнюдь не альтруистическими намерениями. Количество крестьянских бунтов постоянно росло. Экономическая неэффективность крепостного права для Николая так же была очевидна, как и его политический вред. Все это толкало царя к действиям, необходимость которых он понимал, но осуществить которые не решался. Решение крестьянского вопроса готовилось в атмосфере строжайшей секретности и, как всегда бывает в подобных случаях, порождало в обществе массу слухов и кривотолков, заставлявших Николая быть еще более осторожным, вместо того чтобы попытаться привлечь на свою сторону общественное мнение путем открытого обсуждения данной проблемы. За время своего правления Николай создал 9 секретных комитетов по крестьянскому вопросу.

С середины 1830-х годов во главе крестьянской реформы был поставлен П.Д. Киселев. В 1835 г. он представил на рассмотрение царю проект двуединой реформы. На первом этапе планировалось провести реформу государственной деревни с целью упорядочить и по возможности улучшить жизнь казенных крестьян. На втором этапе следовало приступить

к выравниванию юридического положения помещичьих и государственных крестьян, что фактически означало освобождение первых из-под власти помещиков.

Реформа началась с создания нового бюрократического аппарата, значительно увеличившего количество чиновников и соответственно требующего дополнительных затрат на его содержание. Было создано специальное 5-е отделение собственной его императорского величества канцелярии во главе с Киселевым. 26 декабря 1837 г. было учреждено Министерство государственных имуществ тоже во главе с Киселевым. Это министерство было лишь вершиной огромного чиновничьего аппарата и располагало на местах губернскими палатами государственных имуществ, в подчинении которых находились окружные начальники с их помощниками. Им в свою очередь подчинялось волостное начальство, формируемое на выборной основе. Ниже стояли сельские общества во главе с избранными сельскими старшинами, старостами, сотскими, десятскими и членами сельских судебных расправ.

Вся эта громада «кормилась» крестьянской реформой и уже в силу этого обстоятельства не была заинтересована в ее завершении. Правда, сам Николай считал, что реформа государственной деревни удалась. На самом же деле, несмотря на некоторую упорядоченность в правовом и социальном положении государственных крестьян — увеличение земельных наделов, оказание помощи при переселении на свободные земли, строительство школ, больниц и так далее, — государственная деревня практически была отдана на разграбление чиновников. Чиновничий гнет по сути мало чем отличался от помещичьего, и крепостнические принципы хозяйствования оставались неприкосновенными.

Но как бы то ни было почин был сделан, царь остался доволен и учредил очередной секретный комитет для реформы помещичьей деревни. Формально во главе комитета встал председатель Государственного совета И. В. Васильчиков, а фактически главную роль играл Киселев. Перед комитетом царем была поставлена задача пересмотреть указ о вольных хлебопашцах 1803 г. таким образом, чтобы стимулировать помещиков отпускать на волю крестьян, но при условии неприкосновенности помещичьей собственности. Из всех членов комитета только один Киселев действительно был заинтересован в отмене крепостного права. Понимая, что все его кардинальные предложения будут отклонены большинством голосов, он втайне от комитета разработал проект, который 18 марта 1840 г. представил на рассмотрение царю. Проект Киселева предусматривал передачу части помещичьих земель в собственность крестьян, которые при

этом обязываются либо выкупить эту землю, либо компенсировать ее приобретение своим трудом. Крестьяне признаются лично свободными, получают право после того, как рассчитаются с помещиком за землю, переселяться в другие места или переходить в другое состояние. В отличие от указа о вольных хлебопашцах помещики не имели право, а были обязаны предоставить крестьянам земельные наделы, и при этом государство брало на себя посреднические функции при определении размеров выделяемых земель и объема повинностей.

Николай в частной беседе одобрил проект Киселева, но поддержать его при обсуждении в секретном комитете он так и не решился, опасаясь глухой дворянской оппозиции. Понимая, что без прямой поддержки царя его проект не получит одобрения комитета, Киселев вынужден был пойти на значительное «смягчение». В новом варианте ограничивалось право крестьян покидать помещиков даже после выполнения своих обязанностей перед ними. Вместо «вольных хлебопашцев» вводился термин «обязанные крестьяне». Однако ничего не говорилось о перспективе освобождения всех крепостных крестьян.

Но и в таком виде проект Киселева вызвал неудовольствие у членов комитета. Началось долгое и нудное обсуждение каждого из его положений. Было ясно, что чиновники лишь тянут время и ждут реакции царя. Николай не поддержал Киселева. Официально свою позицию по крестьянскому вопросу царь сформулировал 30 марта 1842 г. на заседании Государственного совета, заявив, что крепостное право есть очевидное зло, но «прикасаться к нему теперь было бы делом еще более губительным». Этими словами он признавал бессилие самодержавия решить основной вопрос страны — освобождение миллионов людей, пребывающих в рабстве.

И тем не менее в 1842 г. Николай еще только отступал, но не сдавался. Комитеты по крестьянскому вопросу продолжали создаваться. Появлялись все новые указы: 1841 г. — запрет продавать крестьян в розницу, 1843 г. — запрет покупать крестьян безземельным дворянам, 1847 г. — предоставление права министру имуществ выкупать помещичьих крестьян за счет казны, 1848 г. — предоставление крестьянам права покупать недвижимость и т. д. Однако все это были лишь запоздалые меры, направленные на то, чтобы хоть в какой-то степени приостановить нарастание крестьянских волнений.

Европейские революции 1848–1849 гг. подвели черту под всеми реформами Николая I. Теперь он уже думал не об улучшениях, а о сохранении в неприкосновенности того, что есть. Усмирив революционное

движение на Западе, Николай почувствовал себя, что называется, на коне. Мания величия, давно подогреваемая придворными льстецами, теперь достигла в нем гипертрофированных размеров. Ему казалось, что он может все, а между тем такая простая мысль, что он не в состоянии освободить крестьян, ему даже в голову не приходила. Возомнив себя оплотом общеевропейского спокойствия и порядка, он перестал видеть в крепостничестве угрозу для своего режима и, видимо, вполне искренне заявил, принимая дворянство одной из губерний: «Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием».

Единственным врагом, в котором Николай все еще продолжал видеть реальную угрозу для своего режима, было свободомыслие, а точнее — человеческая способность мыслить как таковая. Между тем было сильным упрощением считать, что русское общество при Николае I перестало мыслить.

Разгром декабристского движения обозначил глубокий кризис в развитии общественной мысли. Кризис — понятие двойственное. С одной стороны, он означает остановку для переосмысления пройденного пути, а с другой — намечает новые перспективы развития. Внешне кризисные ситуации производят впечатление застоя, в действительности же происходит накопление сил для дальнейшего движения. Потеря, которую понесла Россия с расправой над декабристами, вместе с тем расчистила почву для нового поколения мыслителей и общественных деятелей. На первый план вышли вопросы общеполитического и социального характера. Бурную полемику вызвали «Философические письма» П.Я. Чаадаева. В них была поставлена проблема «Россия — Запад» и утверждалось, что православная Россия стоит вне общечеловеческой цивилизации, суть и единство которой выражаются в католической церкви. Споры вокруг чаадаевских писем раскололи русское мыслящее общество на два направления: западников и славянофилов. Во главе славянофилов стояли А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. По их мнению, в основе древнерусских социальных отношений лежало общинное начало. В своем понимании общины они не были чужды современным им социалистическим учениям Запада. В русской общине они видели гармоническое соединение индивидуального и коллективного начал, примиряющее интересы всех сословий, от холопов до великих князей. Все люди, будь то богатый боярин или последний крестьянин, имели, якобы, равные возможности для раскрытия своих способностей и продвижения по служебной лестнице. Россия, в отличие от западноевропейских государств, возникших в ходе

завоеваний, была образована мирным путем. Подтверждение этому славянофилы видели в летописной легенде о добровольном призвании варягов. Поэтому русские люди не знали вражды, жили по совести и по традициям, передаваемым из поколения в поколение. И над всем этим благостным обществом возвышалась величественная православная церковь, абсолютно независимая от земных правителей и отвечающая величию характера русского человека.

Все беды России начались с петровских преобразований. Ошибка, и даже преступление, Петра заключалась в том, что он уничтожил животворные начала русской жизни и стал искать на Западе непригодные для русского народа формы государственного быта. У большинства славянофилов не было отрицательного отношения к Западной Европе как таковой, и тем более не было высокомерного отношения к европейским народам. Да и сами они были людьми европейской культуры. Но они умели замечать на Западе то, чего не видели в идеализируемой ими древней Руси: социальные противоречия, кризисные явления и прочие реальные негативные стороны. Но главное, они считали, что у России свой путь, отличный от европейского, и сближение России с Европой может дать и уже дало лишь негативные результаты. Весь период русской истории от Петра до современной им России славянофилы считали чудовищной ошибкой, исторической случайностью, произошедшей по воле одного человека. Петр выбил Россию из предназначенной ей колеи исторического развития, а следовательно принцип историзма, признающий необходимость и закономерность каждого этапа исторического развития, в данном случае не работает. Поэтому все еще можно изменить и вернуться на круги своя.

Шумное выступление славянофилов сплотило против них людей, по-иному смотрящих на проблему России и Запада, так называемых западников. В отличие от славянофилов, у западников не было единства взглядов и, можно сказать, если бы не выступления Хомякова и Киреевского, западничество как направление вообще бы не сложилось. Западников объединило неприятие славянофильской доктрины и сплестили нападки славянофилов. К западникам принадлежали В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, С.П. Боткин, И.С. Тургенев и др. Западническая мысль вращалась в том же кругу проблем, что и славянофильская. Они так же ненавидели крепостное право, трезво и пессимистично оценивали современное положение России. В своих теоретических построениях они так же, как и славянофилы, апеллировали к историческому опыту, при этом западнический историзм носил более последовательный характер и в большей степени опирался на гегелевскую

философию истории. Вслед за Гегелем западники делили народы на *исторические*, которые участвуют в мировом развитии и являются носителями цивилизационного прогресса, и *неисторические*, находящиеся вне всемирного движения и погруженные в темное существование. Если первые наделены разумом, то вторые обречены на духовное рабство. Наивысшего развития, по Гегелю, мировой дух достиг у германского народа. Славяне же находятся за пределами истории. Следуя этой схеме, западники относили допетровскую Русь к неисторическим народам. «Государственная жизнь допетровской Руси, — по их мнению, — была уродлива, бедна, дика», а русский народ не был способен самостоятельно выйти из состояния нравственного оцепенения. И только Петр I своей гигантской энергией и ценой невероятных усилий смог пробудить Россию ото сна и ввести ее в семью европейских народов. Но при этом он не смог полностью ни сам избавиться, ни избавить свою страну от следов варварства и деспотизма. При понимании всей исторической необходимости и закономерности петровских преобразований западники довольно сдержанно, а порой и резко негативно оценивали фигуру Петра, в то время как у славянофилов можно встретить высокие оценки личности царя-преобразователя.

Западники в отличие от славянофилов были склонны к некоторой идеализации европейских общественных отношений и государственных учреждений. В сравнении с николаевской Россией Запад представлялся им миром свободы и прогресса. Если славянофилы в своем большинстве имели хорошее европейское образование и довольно хорошо представляли себе жизнь Западной Европы, то среди западников встречались люди, практически не знающие реального Запада. Наиболее характерным примером в этом отношении может служить один из лидеров западничества Белинский, не знающий европейских языков и мало интересующийся западным миром.

Таким образом, если славянофилы противопоставляли реальному Западу идеализированную Русь, то западники, наоборот, идеализированному Западу противопоставляли реальную Россию. Когда же западники вырывались на Запад и сталкивались лицом к лицу с его реалиями, в их взглядах происходили существенные изменения и они во многом сближались со славянофилами, как это можно было видеть на примере Герцена. А вот у славянофилов посетить древнюю Русь возможности не было. Поэтому их концепции отличались большей последовательностью и неподвижностью.

Пока в московских гостиных шли ожесточенные споры славянофилов

и западников, в Петербурге возник кружок петрашевцев. Свое название он получил от имени организатора — чиновника Министерства иностранных дел М.В. Буташевича-Петрашевского. Его любимыми идеями были идеи французских социалистов-утопистов, особенно Ш. Фурье. В середине 1840-х годов Петрашевский начинает формировать вокруг себя кружок единомышленников, и в 1845 г. в его доме по пятницам стали собираться молодые люди, в той или иной степени разделяющие его взгляды. Основную группу петрашевцев составляли писатели, оставившие яркий след в отечественной и даже мировой культуре. Среди них мы встречаем Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также менее значительных литераторов — А.Н. Плещеева, А.И. Пальма, С.Ф. Дурова, А.П. Баласогло, Ф.-Э. Г. Толля. Были и ученые: политэконом и социолог И.Л. Ястржембский и философ Н.Я. Данилевский — в будущем известный консерватор, автор книги «Россия и Европа». В политическом отношении взгляды петрашевцев не отличались единством. Их спектр был весьма широк и простирался от революционно-радикальных идей (как, например, у Н.А. Спешнева, предлагавшего перейти к нелегальной деятельности, готовить революцию и т. д.) до весьма умеренных и расплывчатых. Петрашевцы не были тайным обществом, их «пятницы» имели, с точки зрения самого Петрашевского, вполне легальный характер частных собраний. Правда, в условиях сороковых годов, особенно начиная с 1848 г., сами собрания такого рода в глазах правительства были нелегальны и определенный вызов со стороны гостеприимного хозяина, привыкшего дразнить власти, здесь, безусловно, присутствовал.

В целом для петрашевцев решение социальных проблем было важнее сугубо политических вопросов. Однако в отличие от европейских социалистов-утопистов, противопоставлявших социальные преобразования политической борьбе, они в условиях российской действительности не могли остаться в стороне от политики. На протяжении четырех лет собрания в доме Петрашевского оставались незаметными для правительства. Когда об этом, благодаря действиям специальных агентов, внедренных в кружок, стало известно Николаю I, царь приказал срочно арестовать всех подозреваемых. Приговор был несоразмерно жесток: 15 человек, включая самого Петрашевского, а также Достоевского, Дурова и других, приговорили к расстрелу, а пятерых к разным срокам каторги. В последний момент, когда приговор уже был произнесен, было объявлено о замене смертной казни каторжными работами и солдатчиной.

С разгромом петрашевцев общественная жизнь в России замирает на целых шесть лет. Белинский незадолго до этого умер, Герцен отправился в

эмиграцию, споры западников и славянофилов постепенно затухают. Но вместе с тем в деятельности петрашевцев уже обнаружились некоторые черты новой эпохи. Они во многом предвосхитили шестидесятников с их материалистическими взглядами, установкой на практицизм, стремлением к воплощению идей социальной справедливости на основе широких демократических преобразований общества.

К непрекращающимся гонениям на литературу теперь добавились подозрения против недостаточной строгости цензуры, и для контроля над ней был образован Бутурлинский комитет. Если цензура была подведомственна Министерству просвещения, то Бутурлинский комитет действовал независимо ни от каких государственных учреждений и его власть в сфере культуры была практически безграничной. В журналах и других печатных изданиях запрещалось любое обсуждение общественных и политических проблем, об иностранных книгах нельзя было даже упоминать, чтобы не привлекать к ним внимания. Николай не понимал, что остановка мысли грозит обернуться и оборачивается остановкой всех сфер деятельности государства. Каждая дипломатическая или военная победа порождала в нем ложное и опасное представление о превосходстве русского государственного строя перед европейскими режимами. Он либо действительно не замечал, либо не придавал значения тому, что пока под его бдительным оком Россия пребывает в состоянии покоя и стагнации, Европа быстро движется по пути технического и социального прогресса. Он не понимал, что дорогие его сердцу режимы Габсбургов и Гогенцоллернов представляют собой вчерашний день европейской политики, что охватившую их революционную агонию можно лишь на время ослабить, но уже невозможно вернуть их к полноценному политическому бытию.

Идея развития Николаю была глубоко чужда. Уверенный в божественном происхождении самодержавной власти, он считал ее незыблемой и вечной, а в падении монархических режимов усматривал лишь субъективную слабость монархов и неблагонамеренность их подданных. Какие бы изменения ни происходили вокруг него, он считал все поправимым и обратимым. Такое несовместимое с реформаторской деятельностью сознание и стало главным тормозом задуманных реформ. Другая причина их неудач заключалась в том, что реформирование поручалось людям, которые меньше всего в нем были заинтересованы. Вряд ли это было сознательно, здесь срабатывал скорее инстинкт консерватора. Даже в тех случаях, когда за реформы брались настоящие реформаторы, как, например, Сперанский или Киселев, Николай опять же

бессознательно окружал их людьми, которые не мытьем так катаньем сводили их реформаторскую деятельность на нет.

Чувство ответственности и долга Николаю было присуще в высшей степени, но окружающие его чиновники по большей части отличались полнейшей безответственностью и не думали ни о чем, кроме того, как укрепить собственное положение. Николай не был доверчивым и легковерным человеком, и обмануть его было не всегда легко, но на протяжении десятилетий придворными прихлебателями вокруг него ткалась тончайшая паутина лжи и лести. Царь много работал и многое понимал, но и на многое научился закрывать глаза. Воров и лгунов он явно предпочитал «умникам», позволяющим себе иметь свое мнение. Считая, что истина одна, царь полагал, что и мнение должно быть тоже одно и при этом только его. Это в конечном итоге и предопределило не только провал реформ, но и крах всей его системы.

При Николае I центр внешней политики России передвигается на Восток. Чем слабее становилась Османская империя и чем реальнее казалась возможность захвата русскими войсками ее столицы, тем сложнее запутывался клубок интересов европейских держав в этом регионе. Интересы Австрии и Англии в отношении Турции заключались в ее сохранении как слабого государства. Поэтому попытки России под предлогом защиты греков уничтожить Турцию встречали со стороны австрийской и английской дипломатии упорное сопротивление. В 1826 г. британское правительство сумело спровоцировать русско-персидскую войну. Война закончилась победой России и подписанием 10 (22) февраля 1828 г. Туркманчайского мирного договора, по которому Россия получала Эриванское и Нахичеванское ханства. Сразу же после этого началась русско-турецкая война 1828–1829 гг. В августе 1829 г. русские войска подошли вплотную к Стамбулу, и турецкий султан запросил мира. 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор. Россия получила ряд городов на Черноморском побережье Кавказа. Русские суда могли свободно плавать через Босфор и Дарданеллы. Греция получила автономию, а через полгода стала независимым государством. Адрианопольский мир был встречен европейскими странами с нескрываемой враждебностью. Однако июльская революция во Франции 1830 г. и последовавшее за ней польское восстание на время отвлекли западные страны от восточного вопроса.

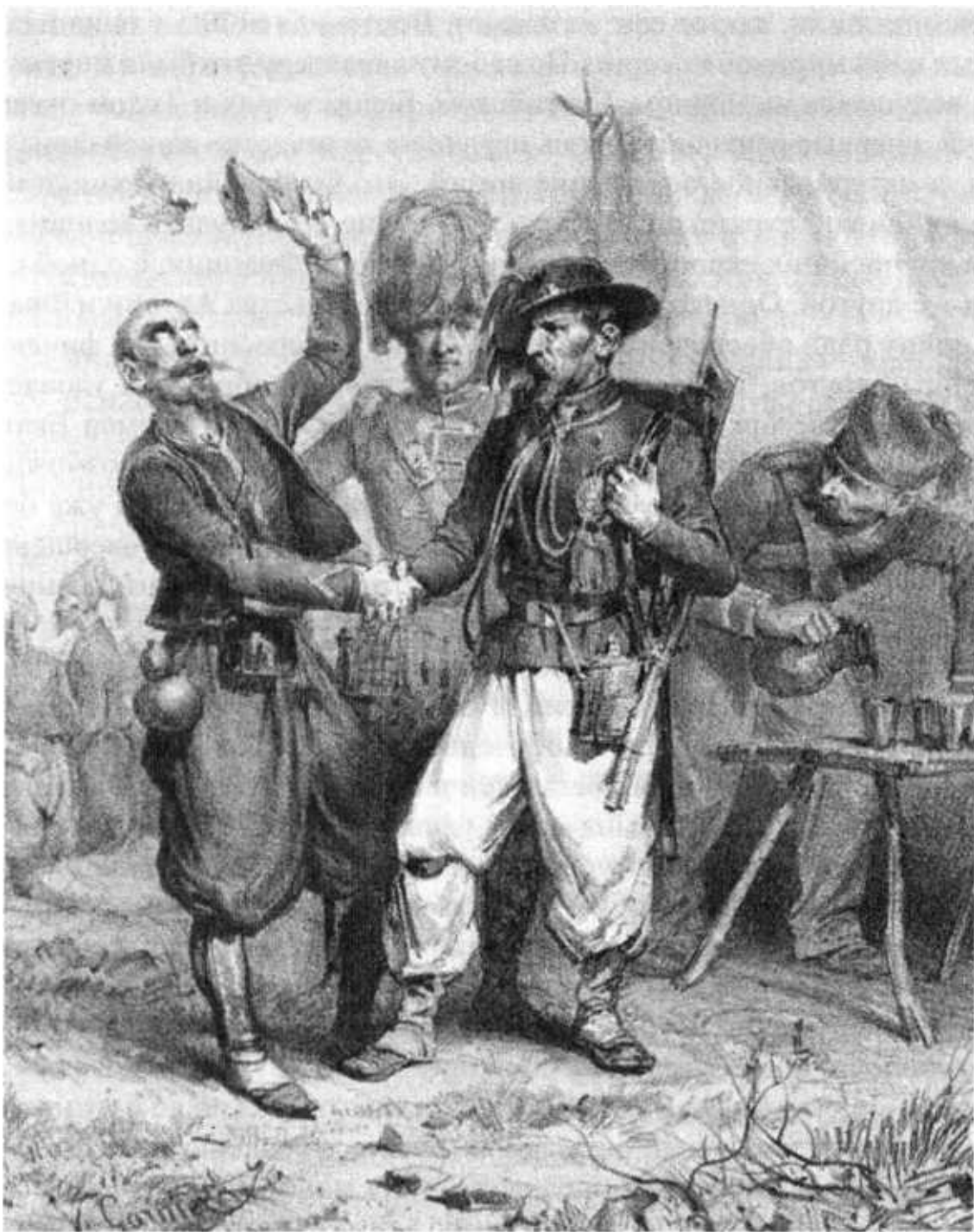
Главный свой международный долг Николай теперь видел в реанимации контрреволюционных идей Священного союза. В этом направлении он готов был сотрудничать не только со своим тестем

прусским королем, но и с противниками России на востоке — Англией и Австрией. В августе 1832 г. он отправил К. А. Поццо ди Борго в Берлин и Вену для восстановления сотрудничества с Австрией и Пруссией в международных вопросах. Примерно в это же время египетский паша Мухаммед Али восстал против турецкого султана Махмуда II. Это событие Николай поставил в один ряд с европейскими революциями и с готовностью оказал вооруженную помощь султану против его мятежного вассала, отправив в проливы русскую эскадру и высадив 14-тысячный десант на азиатском берегу. В благодарность за помощь царь потребовал от султана закрыть Дарданеллы для прохода военных судов нечерноморских держав (имелись в виду в первую очередь Англия и Франция). Таким образом, Россия становилась единственной господствующей в черноморском бассейне державой. Это пожелание царя было оформлено в специальном договоре, подписанном 26 июня (8 июля) 1833 г. в местечке Ункяр-Искелессе неподалеку от Стамбула.

Однако Николай стремился не столько к господству на Востоке, сколько к политической изоляции Июльской монархии во Франции. С этой целью он привлек к соглашению России, Австрии и Пруссии еще и Англию, и в 1839 г. после нового турецко-египетского конфликта согласился заменить Ункяр-Искелесийский договор четырехсторонним соглашением России, Австрии, Пруссии и Англии. Такое соглашение было подписано в Лондоне в 1840 г., а на следующий 1841 г. была подписана новая лондонская конвенция, провозгласившая принцип нейтрализации проливов.

В 1848 г. в Европе началась новая серия революций. Первой восстала Франция, за ней Пруссия и Австрия. Но уже во второй половине 1848 г. революционная волна пошла на спад. Во Франции и в Германии был восстановлен порядок. Лишь австрийское правительство все еще никак не могло подавить венгерское восстание. Молодой император Франц Иосиф обратился к Николаю за помощью, и тот с полным пониманием откликнулся на его просьбу. Международная обстановка, сложившаяся весной 1849 г., благоприятствовала интервенции. Николай тщательно готовился. Он намеревался провести крупномасштабную карательную акцию, рассчитанную не только на подавление венгерского восстания, но и на устрашение революционных сил во всей Европе. В итоге объединенными усилиями русско-австрийских войск последний очаг европейских революций был погашен. То, что именно Николаю удалось поставить последнюю точку, на первый взгляд усиливало позиции России в международных отношениях. Русского царя славословили все сторонники

старых режимов. Его называли «господином Европы», сравнивали с Наполеоном, но все это было лишь призрачное торжество. Никаких реальных дивидендов царь не получил. Двусмысленная репутация «жандарма Европы» внушала большинству европейцев скорее страх, чем уважение. Революционная волна изменила облик Европы, и даже там, где, казалось бы, реакция восторжествовала, старые правительства не могли уже не считаться с новой политической реальностью. Оказавшись перед выбором между верностью союзническому долгу по отношению к России и узко национальными интересами, они в ближайшем будущем предпочтут последние, что и приведет к неожиданной для Николая дипломатической изоляции России накануне Крымской войны.

Крымская война. Аллегория альянса Пьемонта, Франции и Великобритании против России © Photo Scala Florence

Крымская или, как ее еще называют, Восточная война — одна из самых необычных войн мировой истории. По своему характеру это была морская мировая война, ведущаяся на Черном, Балтийском, Белом морях и Тихом океане. В ней,

пожалуй, впервые решающую роль играло не количество живой силы воюющих сторон, а материальное оснащение армий. Это была война техники и основанной на ней новой стратегии. В Крымской войне столкнулись колониальные интересы крупнейших европейских стран: Англии и Франции, с одной стороны, и России — с другой. Однако при этом если правительства Англии и Франции шли на эту войну ради обеспечения экономических интересов своих финансово-промышленных кругов, то Россия стремилась главным образом к удовлетворению амбиций царизма, бредящего Константинополем еще со времен Екатерины II.

Начиная войну, Николай не только не допускал мысли о возможном столкновении с Европой, но и не задумывался о том, что его страна уже безнадежно отстала от Запада по уровню экономического развития. Его совершенно не беспокоило, и вряд ли вообще было ему известно, что по промышленному производству Россия в 7 раз уступает Франции и в 18 — Англии. Он по-прежнему видел силу армии в количестве солдат и воинской дисциплине. Почти миллионная армия, которой располагала Россия, в новых условиях была для страны скорее обузой, чем защитницей. Плохо обученная, замученная бессмысленной муштрой и палочной дисциплиной, беззастенчиво разграбляемая интендантами и командирами, николаевская армия могла успешно воевать разве что с повстанческими отрядами венгров да с турками, находящимися в еще худшем положении. Противостоять же хорошо обученным и вооруженным компактным европейским армиям она была явно не в состоянии. Примерно такая же ситуация была и на флоте. В техническом отношении он был таким же отсталым, как и все остальное вооружение. Против 454 боевых кораблей союзников, включающих 258 пароходов, Россия могла выставить только 115 судов, включая 24 парохода. Единственное, что могла здесь противопоставить Россия ее противникам — это высокую выучку и сплоченность черноморских моряков.

Началу боевых действий предшествовала мощная дипломатическая подготовка. Очень важно было, какую позицию займут Австрия и Пруссия. Николай, как известно, был в них уверен чуть ли не как в самом себе, и до тех пор, пока их недружественное отношение не обнаружилось в полной мере,

рассчитывал на их помощь. Австрия воевать не желала, но собиралась дипломатическими маневрами извлечь из этой войны максимальную для себя пользу. Австрийская дипломатия оказалась перед трудным выбором. С одной стороны, правительство Франца Иосифа было искренне признательно Николаю за разгром венгерского восстания и, не застрахованное от подобных катаклизмов в будущем, хотело бы и дальше рассчитывать на его помощь. С другой стороны, оно еще меньше хотело поспорить с Наполеоном III, угрожавшим ей отторжением Венеции и Ломбардии.

Пруссия меньше всего была заинтересована в войне против России, но, решив подстраховаться, чтобы в случае поражения русских не остаться без добычи, заключила с Австрией оборонительный союз против России. А для того чтобы хоть как-то ослабить антирусскую направленность этого договора, в него было внесено условие не пускать союзников дальше Дуная. При всем том, что договор Австрии и Пруссии не представлял для России дополнительной военной угрозы, он явно обозначил полный провал российской дипломатии. Страны, в дружественном расположении которых Николай был абсолютно уверен, заняли по отношению к нему нейтрально враждебную позицию.

Николаевская Россия оказалась одна перед лицом объединенной против нее Европы. Ее поражение стало вполне предсказуемым. Оно подвело итог той системы управления государством, которой Николай придерживался на протяжении всего своего царствования. Страна расплачивалась за любовь царя к палочной дисциплине и бессмысленной муштре, за страх монарха перед отменой крепостного права, за его неумение понять и оценить роль научного и технического прогресса в жизни государства, за его пренебрежение общественным мнением, дипломатические просчеты.

Но вместе с тем Крымская война, подорвавшая крепостническую экономику, ослабившая международное положение страны, открыла перед новым правительством путь реформ, позволила ему сосредоточиться на наиболее болезненных внутренних проблемах. Смерть Николая I дала возможность русскому обществу вздохнуть полной грудью. На смену почти всеобщему молчанию мрачного семилетия шла новая эпоха с ее относительной гласностью, оживлением общественной мысли,

преобразованиями и надеждами.

19 февраля 1855 г. на престол вступил Александр II. Осенью начались отставки, свидетельствующие о смене политического курса, был упразднен Высший цензурный комитет, и цензура стала намного либеральнее, чем была в предшествующие тридцать лет. В стране начало формироваться общественное мнение. В обществе быстро стала распространяться рукописная литература, в основном публицистического жанра, откликающаяся на наиболее злободневные вопросы современной жизни. Ведущую роль в создании и распространении такой литературы сыграли историк-правовед К.Д. Кавелин и его ученик по Московскому университету, тоже историк права, Б.Н. Чичерин. В 1856 г. в первом выпуске заграничного сборника А.И. Герцена «Голоса из России» Кавелин и Чичерин опубликовали письмо к издателю за подписью «Русский либерал». Эта небольшая по объему статья стала манифестом русского либерализма. Свою политическую программу авторы письма противопоставили герценовской теории русского социализма. Они выражали уверенность в том, что в России нет и не будет почвы для распространения социалистических идей. За год до публикации этого письма Кавелин написал большую записку «Об освобождении крестьян в России». Излагаемые в ней идеи — освобождение крестьян с землей за выкуп (причем выкупу подлежала не только земля, но и сама личность крестьянина) при содействии государства — были весьма умеренны даже для того времени и неоригинальны. Но значение этой записки в том, что именно она стала теоретическим руководством для будущих реформаторов. Через братьев Д.А. и Н.А. Милютиных — лучших представителей так называемой просвещенной бюрократии — Кавелин имел возможность непосредственно влиять на подготовку реформ. Во многом благодаря ему либеральная идеология легла в основу правительственного курса второй половины 1850-х годов.

Одной из эпохальных примет нового времени стало появление разночинцев в общественной жизни. Реформы, повысившие спрос на грамотных людей и одновременно обозначившие кризис дворянской культуры, открыли перед разночинцами массу новых возможностей. Появление толстых журналов с обзорами современной литературы и политической жизни, переводными материалами повысило спрос на интеллектуальный труд и стало для многих разночинцев источником неплохого, хотя и не всегда регулярного заработка.

Неслучайно разночинцы как новая общественная сила заявили о себе прежде всего в журналистике. Сами они не любили называть себя

разночинцами и в качестве самоназвания предпочитали «новые люди», «молодое поколение», «реалисты». Противники называли их презрительно «семинаристами» (многие из них действительно вышли из духовной среды и закончили семинарии) и «нигилистами». После появления романа Тургенева «Отцы и дети» этот термин получил широкое распространение и сделался даже самоназванием. Признанными вождями этого поколения были Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. Ни тот ни другой не были революционерами в точном значении этого слова. Они не состояли в подпольных организациях, не готовили вооруженное восстание, но их статьи электризовали радикальную молодежь и, несомненно, способствовали формированию революционного движения в России. Эту опасность одним из первых увидел Герцен.

Как и Чернышевский, Герцен был социалистом. Однако его социализм был более либеральным, более повернутым к личности, чем радикально-демократический социализм Чернышевского и его последователей. В статье «Very dangerous!!!» с присущим ему политическим чутьем Герцен показал глубокую связь, существующую между правительственным деспотизмом и революционным радикализмом. Его поворот в сторону «молодого поколения» произошел после отмены крепостного права и начавшихся в 1862 г. правительственных репрессий против радикальной молодежи. Манифест 19 февраля 1861 г. вызвал у него такое же разочарование, как и у Чернышевского. Его отношение полностью совпадало со словами Н. П. Огарева, помещенными в «Колоколе»: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут».

Гласность, выраженная в бурных общественных спорах вокруг реформ и перспектив развития страны, стала гарантом того, что правительство не свернет с реформаторского курса. Сам царь решил представить отмену крепостного права как ответ на пожелание помещиков. Отправной точкой стало обращение Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, заявившего о готовности помещиков северо-западных губерний освободить своих крестьян.

20 ноября 1856 г. Александр отправил на имя Назимова рескрипт, выражающий высочайшую поддержку дворянской освободительной инициативе. В рескрипте говорилось, что крестьяне освобождаются с землей за выкуп, сохраняется община, а на помещиков возлагаются функции сельской полиции. Но главным было не содержание рескрипта, а сам факт его публикации. С этого момента крестьянская реформа становится гласной. Произошло то, чего так тщательно избегали все

предшествующие монархи: реформа перестала быть тайной от общества и стала предметом широкого обсуждения. Быстро распространившаяся в народе весть о намерении царя дать крестьянам волю превратила помещиков в своего рода заложников ситуации. Они теперь не только не могли скрывать от народа намерение правительства, но и сами должны были, по крайней мере, имитировать свою солидарность с царем.

С образованием дворянских комитетов инициатива крестьянской реформы передавалась в руки дворянства. Гласность при этом служила гарантией того, что реформа не будет похоронена. Дворяне, хотели они этого или нет, вынуждены были, демонстрируя перед правительством свою лояльность, разрабатывать проекты крестьянской реформы. В политическом плане вопрос крестьянской эмансипации был решен окончательно. Для этого достаточно было воли одного царя, против которой не смели идти даже самые закоренелые крепостники. Но политическое решение еще не означало того, что правительство имеет готовую программу крестьянской реформы.

Сложность ситуации заключалась не в том, как освободить личность крестьянина из-под власти помещика, а в том, как из одного крепостнического хозяйства сделать два независимых друг от друга вида земельной собственности: крупной помещичьей и мелкой крестьянской. Для этого необходимо было освободить крестьян с землей, которая юридически им не принадлежала, но которая *по справедливости* должна была им принадлежать. Правительство Александра II, прекрасно понимая возникшую коллизию между законностью и справедливостью, пыталось максимально учесть как права помещиков на землю, так и потребность крестьян в земле. Все это осложнялось природно-климатическими условиями и различным качеством земли в разных регионах.

В густонаселенных черноземных губерниях земли было мало, и стоила она дорого, а рабочая сила напротив была дешевой. Поэтому в интересах помещиков было максимально ограничить земельные наделы освобождающихся крестьян. По мнению помещиков этих губерний, крестьяне могли претендовать лишь на приусадебные участки, прожить с которых было практически невозможно. Фактически безземельное освобождение крестьян должно было превратить их в батраков, находящихся в экономической и административно-полицейской зависимости от помещиков. Дворянство нечерноземных промышленных районов, где земля была дешевой, а крепостные крестьяне в основном платили помещику оброк, было заинтересовано в освобождении крестьян со значительными земельными наделами, но при условии, что выкуп за

землю сполна компенсирует доходы, получаемые от оброков. И, наконец, в степной полосе, где существовал дефицит рабочих рук, дворянство было согласно освободить крестьян с тем количеством земли, которое они обрабатывали до реформы, но при этом предлагалось установить переходный (срочнообязанный) период в 12 лет. Мотивировалось это, во-первых, невозможностью сразу найти средства для выкупа земли, а во-вторых, тем, что помещику необходимо время для перевода хозяйства на вольнонаемный труд.

В губернских комитетах, создававшихся во всех губерниях на протяжении 1858 г., развернулась борьба вокруг сроков и условий освобождения крестьян. Страна менялась буквально на глазах. Общественная жизнь кипела. Заседания губернских комитетов проходили в условиях гласности. Местная пресса сообщала об острой и не всегда корректной полемике, ведущейся в них. Очень скоро комитеты поделились на реформаторское меньшинство, готовое учитывать имущественные интересы крестьянства, и реакционное большинство, получившее название «партии плантаторов». Последние смотрели на грядущую реформу как на великую жертву, приносимую дворянством престолу, и требовали политических компенсаций за экономический ущерб. Они не прочь были получить от правительства конституцию, расширяющую права дворянского сословия. Обе партии не были чужды своеобразного либерализма. Либерализм реформаторов проявлялся в отстаивании за крестьянами права на частную собственность. Либерализм «плантаторов» выразился в защите частной собственности дворянства.

Борьба между сторонниками и противниками освобождения крестьян с землей в конечном счете была борьбой за дальнейшее развитие страны. Образование мелких крестьянских хозяйств должно было предотвратить пролетаризацию крестьянства и, как следствие этого, социальные потрясения. Вместе с тем это консервировало бы экономическое положение России как аграрной по преимуществу страны, лишив ее перспектив промышленного развития. Безземельное освобождение крестьян должно было, по мнению его идеологов, привести к образованию крупных фермерских хозяйств на основе помещичьих владений и вместе с тем создать предпосылки оттока рабочей силы в промышленный сектор. Россия, если бы ей, конечно, удалось избежать крестьянской войны, превратилась бы в индустриальную державу парламентского типа.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Положение о крестьянах» и Манифест об отмене крепостного права. Согласно «Положению», крепостной порядок должен был сохраняться еще в течение двух лет. Это

необходимо было для того, чтобы согласовать на местах имущественные интересы и правовые отношения помещиков и крестьян. Крестьяне получали личную свободу, но при этом считались временнообязанными до тех пор, пока не перейдут на выкуп. В течение двух лет должны были составляться уставные грамоты, определявшие отношения помещиков и временнообязанных крестьян. По отношению к временнообязанным крестьянам помещики сохраняли широкие полномочия и считались их «попечителями». Уставные грамоты определяли величину земельных наделов, переходящих в пользование крестьян, и должны были составляться для каждого села в отдельности. В роли третейских судей при этом выступали мировые посредники, назначаемые губернатором из местного дворянства и утверждаемые Сенатом. Индивидуальная свобода крестьян ограничивалась не только их временнообязанным состоянием, но и сохранением крестьянской общины. Уставные грамоты заключались не с отдельными крестьянами, а с сельской общиной и тем самым связывали крестьян круговой порукой.

Нормы земельных наделов для крестьян не были одинаковыми по всем губерниям: существовали верхние и нижние пределы. Помещики не имели права выделять крестьянам земли меньше положенного, а крестьяне не имели права требовать для себя больше положенного. Если дореформенный размер обрабатываемой крестьянином земли превышал верхний предел, то от него отрезался участок в пользу помещика. В случаях же когда дореформенный надел оказывался ниже нижней нормы, помещик должен был добавить крестьянину земли. Однако установленные размеры земельных наделов были таковы, что почти повсеместно крестьянские участки урезались. В целом по России крестьянство в ходе реформы потеряло до 20 % земли. В подавляющем большинстве случаев земельные участки крестьян были значительно ниже прожиточного минимума. По подсчетам земских статистиков, минимальный душевой надел в черноземной полосе составлял 5–6 десятин, для Нечерноземья он был значительно выше. При этом только 5 % крестьян получили количество земли, превышающее эту норму. В среднем же на душу пришлось по 3,4 десятины.

Прямым следствием этого стала пореформенная пауперизация русской деревни с ее малоземельем, недоимками и нищетой. Но даже для того чтобы стать собственником нищенского надела, крестьянин должен был выплатить за него помещику сумму, в 1,5 раза превышающую его рыночную стоимость. Фактически речь шла не только о выкупе земли, но и о выкупе личности крепостного. Правда, при этом сам крестьянин платил

сразу только 20 %, остальные 80 % выплачивало помещикам государство, но не деньгами, а ценными бумагами. Крестьяне должны были в течение 49 лет вернуть государству эту ссуду с шестью процентами годовых. В результате помещики потеряли значительную часть своих прежних доходов, а крестьяне выкупили землю по цене, в три раза превышающей ее рыночную стоимость.

Крестьяне почувствовали себя обманутыми. Вместо ожидаемой воли они должны были еще два года оставаться в рабстве с неясными для них перспективами относительно земельных владений. Многие крестьяне отказывались отрабатывать барщину, подписывать уставные грамоты, некоторые из них поднимали восстания. Правительство в целом оказалось готовым предотвратить крупномасштабные мятежи. Во все губернии царем были направлены высокопоставленные военные чины с широкими полномочиями, включая право в случае необходимости применять военную силу. Локальные крестьянские восстания, как правило, быстро подавлялись, и далеко не всегда дело доходило до применения силы. Только 2–3% от общего количества помещичьих крестьян подверглись усмирению с помощью армейских частей. В целом же ситуация в стране, несмотря на заметный рост крестьянских волнений, была вполне контролируемой. С началом работы в деревнях мировых посредников количество крестьянских волнений пошло на убыль.

Либеральное дворянство в целом восторженно встретило сам факт отмены крепостного права, но при этом некоторые либералы призывали правительство не ограничиваться лишь социальной сферой и требовали реформы политической системы. Радикально настроенная часть общества, смотрящая на преобразования только с одной, крестьянской, точки зрения, объявила реформу грабительской и стала рассматривать вариант отмены крепостного права снизу. Если либералы действовали путем открытого обсуждения общественных вопросов и прямого обращения к императору, то начинающие революционеры взялись за нелегальное распространение брошюр и прокламаций. В столицах и крупных провинциальных городах стали образовываться нелегальные кружки с ярко выраженной антиправительственной направленностью. Не имея, как правило, четких политических программ, молодые люди объединялись на почве неприятия существующего строя. Все они читали герценовский «Колокол», журнал «Современник» и были стихийными социалистами. Чаще всего дальше чтения, обсуждения и распространения запрещенной литературы дело не шло. Состав таких кружков был непостоянен, сами кружки недолговечны. Они так же быстро распадались, как и возникали. Однако всплеск

крестьянских волнений, сопровождавших отмену крепостного права, наводил революционную интеллигенцию на мысли о близкой революции. Желая не упустить этого момента, русские социалисты начали объединять мелкие кружки в большую организацию. Летом 1862 г. было создано общество под названием «Земля и воля». Его программа заключалась в том, чтобы добиться путем революции, желательно не очень кровавой, созыва Земского собора, передачи земли крестьянам без выкупа, замены чиновников «людьми, народом выбранными», уничтожения сословий, рекрутчины, телесных наказаний и т. д.

Александр II, подготовив и осуществив крестьянскую реформу в обстановке относительной гласности, оказался неготовым к дальнейшему диалогу с обществом и в силу присущего ему инстинкта самодержца решил заткнуть рот всем недовольным. Начались массовые аресты, преимущественно журналистов, сопровождавшиеся закрытием журналов.

В январе 1863 г. началось восстание в Польше. Оно сразу же настроило большинство русского общества против поляков, а развернувшаяся в европейской прессе антирусская кампания с требованием немедленного прекращения кровопролития в Польше и угрозами военного вмешательства, лишь усилила рост антипольских настроений в России. Тем не менее польское восстание не было использовано правительством Александра II как повод для сворачивания реформ. Более того, оно стало катализатором процесса реформирования в самой Польше. Подавление восстания в первую очередь было направлено против польского шляхетства и духовенства, т. е. тех социальных слоев, которые не были заинтересованы в реформах. Это дало возможность русскому правительству в польских областях действовать более решительно, чем в Центральной России. Польские крестьяне получили без выкупа всю землю, находящуюся в их пользовании, и стали собственниками сразу же, без переходного периода.

Крестьянская реформа не могла проводиться изолированно. Изменение правового положения многомиллионного крестьянства требовало серьезного реформирования всех сторон государственной жизни. Необходимо было существенным образом реформировать местное управление. В 1864 г. в губерниях и уездах стали вводиться выборные и бессословные органы местного самоуправления — земства. Они состояли из распорядительных (земские собрания) и исполнительных (земские управы) ветвей власти. Избиратели земских собраний делились на три разряда (курии): землевладельческую, городскую и сельскую. Для двух первых предусматривались имущественные цензы — 200 десятин земли для землевладельцев и недвижимость на сумму от 500 до 2000 рублей для

горожан, но зато выборы были прямые. Для крестьян ценза не было, однако выборы были трехступенчатыми. Сначала на сельском сходе выбирались представители на волостной сход. Там избирались выборщики, и только затем на уездном съезде выборщики избирали гласных — так назывались земские депутаты. Исполнительные органы земства — земские управы — избирались на земских собраниях сроком на три года, как и сами собрания. Председатель уездной управы утверждался губернатором, а губернской — министром внутренних дел. Земские органы фактически не имели никаких властных полномочий и полностью зависели от местной чиновничьей администрации. На них были возложены хозяйственные функции: забота о продовольствии, местные промыслы, страхование имущества, почта, больницы, школы — иными словами все то, что ближе всего касается жизни каждого отдельного человека и чем традиционно пренебрегает российское правительство. Фактически земства стали альтернативой бюрократическому принципу управления.

Земская реформа была тесно связана с судебной. 20 ноября 1864 г. царь утвердил Судебные уставы, положившие начало новой правовой системы.

Отныне все граждане объявлялись равными перед законом, суды независимыми от администрации, судьи несменяемыми, судебный процесс гласным. Суды делились на мировые и коронные. Мировые суды рассматривали незначительные правонарушения, не предполагавшие серьезного наказания. Коронные суды состояли из низшей инстанции, окружного суда, и судебной палаты, охватывающей несколько губерний.

Ярче всего суть новой судебной системы проявилась в создании двух правовых институтов: присяжных заседателей и присяжных поверенных (адвокатов). Суд присяжных решал вопрос по совести, исходя из здравого смысла, и должен был дать однозначный ответ: виновен подсудимый или нет? И если виновен, то заслуживает ли он снисхождения? Если подсудимый признавался присяжными невиновным, то окружной суд принимал решение о его немедленном освобождении. В случае утверждения присяжными вины подсудимого суд выносил приговор на основании соответствующей статьи уголовного кодекса.

Для того чтобы крестьянам легче было расплачиваться с помещиками за свое освобождение, правительство провело финансовую реформу. Суть ее заключалась в централизации финансовой системы и укреплении национальной валюты. Важным достижением финансовой централизации стала прозрачность государственного бюджета. Начиная с 1862 г. утвержденная Государственным советом роспись доходов и расходов стала

публиковаться и обсуждаться в прессе. И хотя общество еще не могло влиять на формирование бюджета, уже сам факт рассекречивания сумм собираемых налогов и того, на что тратятся государственные деньги, стал значительным шагом вперед в плане общественного контроля над властью.

Вслед за финансами правительство Александра II приступило к университетской реформе, а за ней последовала реформа всей системы образования. Ее неотложность диктовалась несоответствием общего либерального духа, царящего в стране, и той притеснительной системы, которая была установлена в николаевское царствование. 18 июня 1863 г. Государственный совет утвердил новый университетский устав, восстановивший университетскую автономию 1804 г. Была создана профессорская корпорация, решавшая через ученый совет все вопросы внутренней организации университета: замещение вакантных должностей на конкурсной основе, выборы ректора, деканов, присуждение ученых степеней и званий, открытие и закрытие кафедр.

Реформа образования затронула и среднюю школу. Дети купцов, мещан и крестьян снова, как и при Александре I, получили право учиться в гимназиях. Гимназии были разделены на классические и реальные. В первых упор делался на древние языки: латынь и греческий, во вторых — на точные и естественные науки. Классические гимназии служили главным образом для подготовки к университету, реальные — к высшим техническим школам. Что касается начальных школ, то инициативу их открытия правительство передавало в компетенцию местных органов самоуправления при сохранении государственного контроля над ними. В уездных и губернских городах были образованы училищные советы во главе с архиереями. В совет входили как местные чиновники, так и земские деятели.

Принципиально новым явлением в системе образования стало женское обучение. Раньше девушки обучались либо дома, либо в закрытых частных пансионах, либо в закрытых институтах для благородных девиц, находящихся под патронажем императриц. Начиная с 1860 г. было разрешено во всех губернских городах при наличии финансов открывать женские училища, находящиеся в ведомстве Министерства просвещения. Эти училища делились на два разряда, различающиеся по срокам обучения. Училища первого разряда были трехгодичными, второго — шестигодичными.

Серия реформ шестидесятых годов завершается законодательством о печати. Реформа цензурного ведомства шла особенно трудно и в результате так и не была завершена. Причина этого в столкновении двух различных

систем. С одной стороны, гласность и либерализация общественного мнения — явления несовместимые с цензурой, с другой — свобода слова несовместима с самодержавием. В 1863 г. цензура была передана в ведомство Министерства внутренних дел, где были выработаны Временные правила о цензуре от 6 апреля 1865 г. Эти правила касались только петербургской и московской печати. По всей остальной стране все было по-прежнему. Суть Временных правил заключалась в возможности выбора между предварительной и карательной («последовательной») цензурой. В первом случае автор предъявлял свое произведение цензору и после его выхода в свет судебная ответственность ложилась на цензора, автор освобождался от нее. Если автор выбирал карательную цензуру, то он мог печатать свое произведение без предварительного разрешения, но зато мог подвергнуться судебному преследованию, если в его сочинении обнаруживалась крамола. Поскольку суд для вынесения приговора нуждался в веских доказательствах, а власти их не всегда могли предоставить, то было предусмотрено еще административное преследование со стороны Главного управления по делам печати, входящего в Министерство внутренних дел. Министр имел право делать три предупреждения неугоднему автору или издателю, после чего издание закрывалось.

4 апреля 1866 г. на Александра II было совершено покушение. Неудачно стрелявший бывший студент Пензенского дворянского института Д.В. Каракозов был схвачен на месте преступления. Он хоть и принадлежал к одной из тайных организаций, но действовал без ее санкции. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы представить покушение Каракозова как результат нравственного разложения молодого поколения. Ответственность за это была возложена на Министерство просвещения, и были сделаны соответствующие выводы. Либеральный министр А.В. Головнин был отправлен в отставку, а его место занял колоритный реакционер Д.А. Толстой, отличавшийся своей нескрываемой ненавистью к реформам. Тут же были закрыты леворадикальные журналы «Современник» и «Русское слово», и сам царь призвал правительство «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений». Свою главную задачу Д.А. Толстой видел в борьбе с нигилизмом, истоки которого он усматривал в первую очередь в естественных науках и современной философии. Он потребовал сокращения часов на их преподавание в гимназиях, и для того, чтобы дисциплинировать ум учащихся и заодно отвлечь их от насущных вопросов современной жизни, ввел так называемую систему классицизма. В новых классических гимназиях упор

стал делаться на изучение латинского и древнегреческого языков, а также математику. При этом сильно были сокращены часы на русскую словесность и полностью исключено естествознание. Реальные гимназии были закрыты, и вместо них были введены реальные училища. Роль древних языков в них стало играть черчение, значительно увеличились часы на математику, а естествознание было оставлено в сильно урезанном виде. Деятельность Толстого, по счастью, не затронула высшую школу. Университетский устав 1863 г. ему пересмотреть не удалось. Его вмешательство в эту сферу ограничилось введением строгого надзора за студентами и сужением сферы компетенции университетских советов.

Между тем выстрел Каракозова и последовавшие за ним кадровые перестановки вовсе не означали отказа от продолжения реформ. В правительстве противоборствовали две линии. Охранительному началу, возглавляемому П.А. Шуваловым, противостояли сторонники продолжения реформ во главе с председателем Государственного совета великим князем Константином Николаевичем. И хотя в Государственном совете великий князь естественно имел большинство голосов, однако в условиях самодержавного правления это большинство ничего не значило, когда монаршая воля оказывалась на стороне меньшинства.

Реформы продолжались. В 1870 г. было утверждено «Городовое положение», подготовленное уже давно, но отложенное после выстрела Каракозова. Согласно «Городовому положению», во всех городах вводились всесословные органы самоуправления, аналогичные земским и избираемые по тем же самым принципам. Все городские налогоплательщики делились на три избирательных собрания в соответствии с уровнем дохода: крупные, средние и мелкие. Каждая из курий избирала одинаковое число гласных, и таким образом получалось, что полнота представительства находилась в прямой зависимости от материального положения избирателей.

Органы городского управления, как и земские учреждения, получили широкие хозяйственные функции. От них зависело благоустройство городов, развитие социальных сфер городской жизни, открытие больниц, создание благотворительных организаций и т. д. Как и земства, городские собрания и городские думы контролировались местной администрацией, получившей право отменять любые постановления и распоряжения городских гласных (депутатов).

1 января 1874 г. был утвержден Манифест о всеобщей воинской повинности, завершивший длительный период подготовки военной реформы. Максимальный срок службы был сокращен до шести лет. В армию теперь призывались все сословия на равных условиях, и для всех

сословий устанавливались одинаковые льготы. Призыву не подлежали или подлежали в последнюю очередь единственные кормильцы в семье. Для лиц, получивших образование, сроки службы сокращались. Призывники с высшим образованием должны были служить полгода, со средним — 2 года, выпускники городских или сельских училищ призывались на 3 года, а окончившие начальное училище должны были служить 4 года. Кадетские корпуса были заменены военными гимназиями с широкой общеобразовательной программой и запретом телесных наказаний. Это должно было поднять профессиональный и общекультурный уровень офицерского корпуса, выветрить дух солдафонства, пропитавший российскую армию в николаевскую эпоху.

Во всей совокупности великих реформ с самого начала было заложено противоречие между ожидаемыми обществом результатами и нежеланием царя идти даже на малейшее ограничение своей власти. Дух реформ, созданные общественные институты открывали перед Россией перспективу правового государства. Но при этом самодержавие по-прежнему оставалось единственной силой, от которой зависело любое решение и в конечном счете сама судьба преобразований. Либерализация правительственной политики создала благоприятные условия для формирования общественного мнения, но тут же обнаружилось, что царское правительство не готово к полноценному диалогу с обществом. Признавая мнения других людей или общественных групп только тогда, когда они ему благоприятствовали, Александр II исходил из глубоко архаичных представлений о богоданности монарха. Суть их заключалась в том, что монарх по отношению к своим подданным обладает той властью, что и Бог по отношению ко всем людям. Как помазанник Божий, он не подвластен никаким земным ограничениям, и его воля есть единственный и абсолютный закон для всех подданных.

Между тем в общественном сознании пореформенной поры эти представления стремительно рушились, и на смену им шли идеи ответственности верховной власти перед народными представителями. Чем больше монарх упорствовал в собственном праве решать любые вопросы, тем больше укоренялась в обществе идея его подотчетности, очень скоро обернувшаяся правом подданных судить и даже казнить монарха.

Основным вопросом, интересующим в этой связи как революционеров старшего поколения, так и идущую им на смену молодежь, являлся вопрос о революционности самого народа и о его участии в революции. Речь шла главным образом о социальной революции, предполагающей полное изменение социально-экономического уклада, преобразование всех сфер

народной жизни на основе социалистических учений, очень популярных в то время в Европе и России. Поэтому вопросы о том, как поведет себя народ в ходе этих преобразований и как должны строиться отношения революционера-интеллигента с народной массой, являлись первоочередными. Людей, размышляющих над этими вопросами, стали называть народниками, а их движение народничеством.

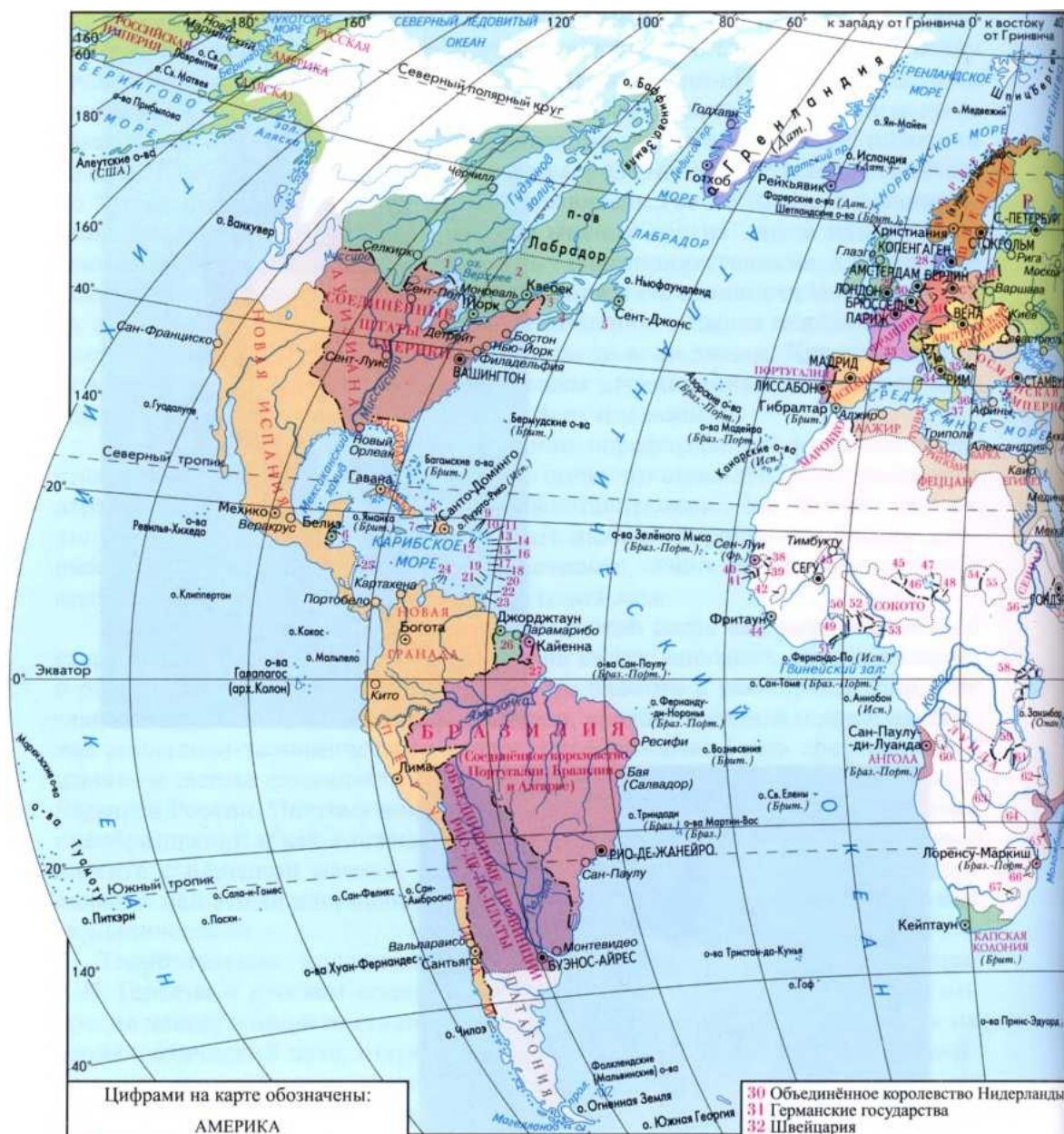
Теоретические положения народничества были заложены учением А.И. Герцена о русском социализме, суть которого заключалась в том, что Россия может миновать стадию буржуазного развития и вступить прямо на социалистический путь, открывающийся перед ней крестьянской общиной. Среди психологических причин, породивших народническое движение, на первое место следует поставить чувство долга интеллигента перед своим народом. Об этом много писали такие видные идеологи народничества, как П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Видя в народе главного творца всех благ цивилизации, они указывали на то, что этими благами пользуются незначительные по сравнению с народными массами группы людей. Своим культурным превосходством над народом образованные люди обязаны его трудам и страданиям. Поэтому на них ложится историческая вина за убожество народной жизни. Интеллигент находится в неоплатном долгу перед народом, и на его совести тяжким грузом лежат народные страдания. Обычной филантропией здесь не поможешь. Необходимо слиться с народом, стать с ним вровень, но сделать это следует не путем собственной деградации, отказа от благ цивилизации, а путем развития народа до собственного уровня, его образования и освобождения. Этим снималось трагическое противоречие между неотъемлемым правом отдельно взятой личности на свободу и саморазвитие и отсталостью народа. Теперь дело представлялось таким образом: чем свободнее и просвещеннее интеллигент, тем проще ему будет вернуть свой долг народу, так как он яснее представляет народные нужды. «Ясно понятые интересы личности, — писал Лавров, — требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов». Таким образом, освобождение самого себя от государственного гнета, социальных, религиозных и прочих предрассудков среды и освобождение от всего этого народа являются всего лишь двумя этапами единого процесса.

Б. Кустодиев. Александр I. 1906 г. Государственный русский музей, Санкт-Петербург

Ж.-Л. Давид. Император Наполеон I. Библиотека Тьер, Париж ©
Photo Scala Florence

Цифрами на карте обозначены:

АМЕРИКА

- 1 Верхняя Канада (Брит.)
- 2 Нижняя Канада (Брит.)
- 3 Нью-Брансуик (Брит.)
- 4 Новая Шотландия (Брит.)
- 5 Сен-Пьер и Микелон (Фр.)
- 6 Британский Гондурас (Брит.)
- 7 Гаити
- 8 Санто-Доминго (Исп.)
- 9 Британские Виргинские острова (Брит.)
- 10 о. Ангилья (Брит.)
- 11 о. Сен-Мартен (Фр. и Нид.)
- 12 Датская Вест-Индия (Дат.)
- 13 о. Барбуда (Брит.)
- 14 о. Антигуа (Брит.)
- 15 о. Гваделупа (Фр.)
- 16 о. Доминика (Брит.)

- 17 о. Мартиника (Брит.)
- 18 о. Сент-Люсия (Брит.)
- 19 о. Сент-Винсент (Брит.)
- 20 о. Барбадос (Брит.)
- 21 о. Гренада (Брит.)
- 22 о. Тобаго (Брит.)
- 23 о. Тринидад (Брит.)
- 24 острова Аруба, Кюрасао и Бонайре (Нид.)
- 25 о. Французская Полинезия (Фр.)
- 26 Британская Гвиана (Брит.)
- 27 Французская Гвиана (Фр.)

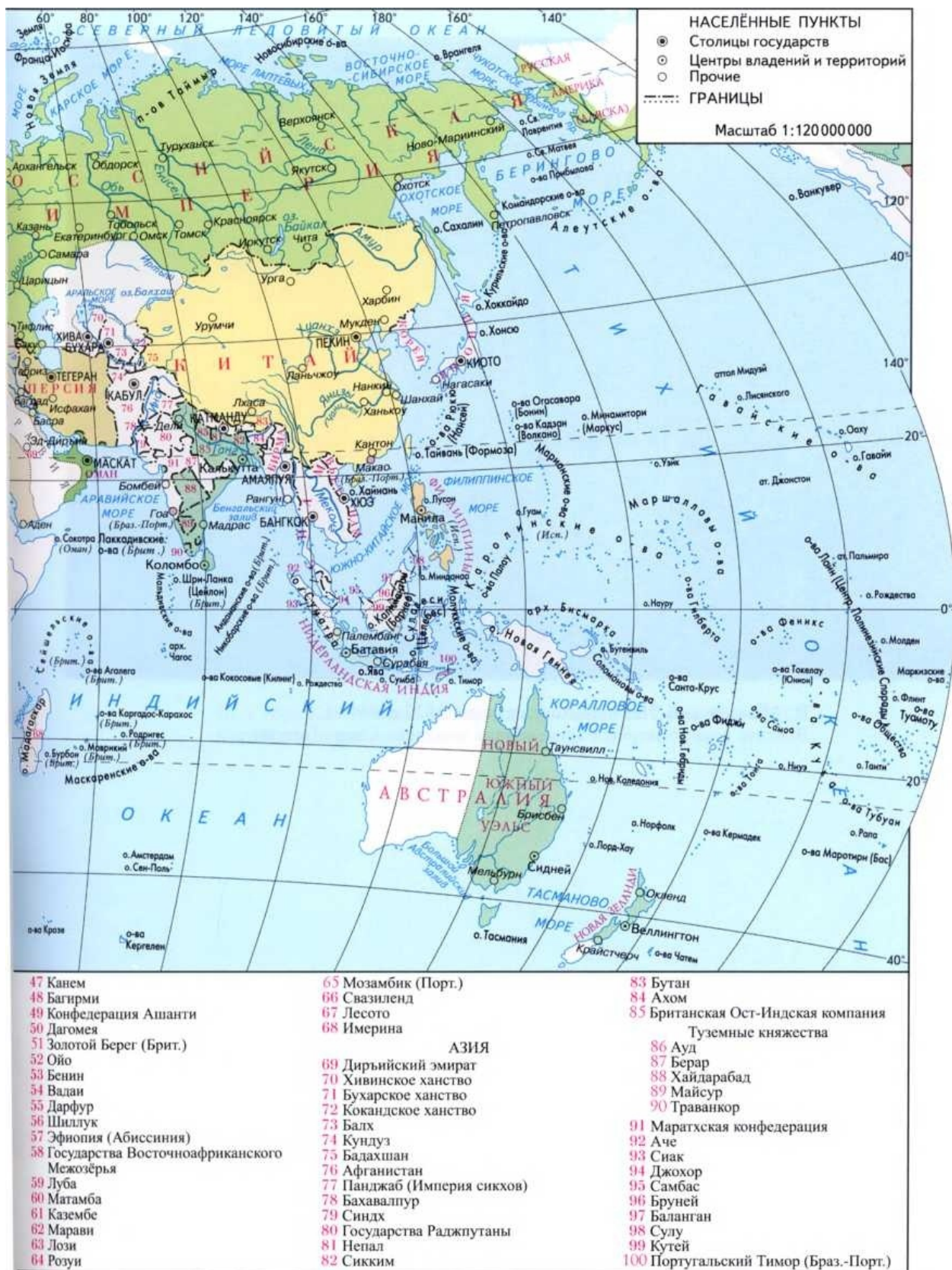
ЕВРОПА

- 28 Дания
- 29 Соединённое королевство Великобритании и Ирландии

- 30 Объединённое королевство Нидерланды
- 31 Германские государства
- 32 Швейцария
- 33 Андорра
- 34 Итальянские государства
- 35 Черногория
- 36 Ионические Острова (Британский протекторат)
- 37 о. Мальта (Брит.)

АФРИКА

- 38 Фута-Торо
- 39 Волоф
- 40 Кайор
- 41 Син
- 42 Фута-Джалон
- 43 Бамбара
- 44 Сьерра-Леоне (Брит.)
- 45 Дамагарам
- 46 Борну

Мир после Венского конгресса (1815 г.) © «Большая Российская

энциклопедия»

*И. Айвазовский. Наваринское сражение 1827 г. 1846 г.
Высшее военно-морское инженерное училище, Санкт-Петербург*

*Ш. Субр. Выступление волонтеров из Льежа на Брюссель. 1878 г.
Музей изящных искусств, г. Льеж*

Революция 1848 г.: парижане на баррикаде Шато д'О 24 февраля 1848 г. Гравюра. Национальные Архивы, Париж © Photo Scala Florence

В. Верещагин. Подавление индийского восстания англичанами. 1884 г. Местонахождение неизвестно

Воин в окружении оруженосцев. Бенинская бронза. Музей королевы Виктории и принца Альберта. Лондон

Ф. Жерар. Король Карл XIV Юхан (Жан-Батист Жюль Бернадот).
1811 г. Шведская Королевская коллекция, Стокгольм © Photo Scala Florence

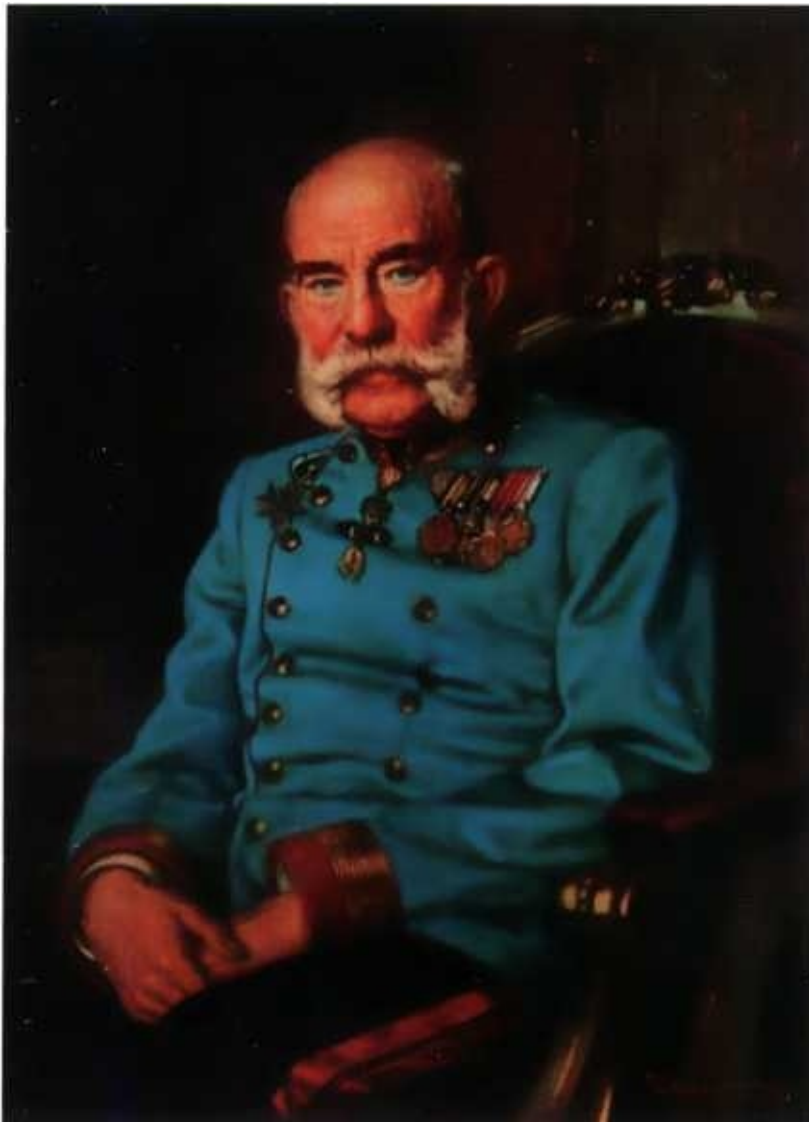
Встреча С. Боливара и Х. Сан-Мартина в Гуаякиле 26 июля 1826 г.

Л.-Ш.-О. Кудер. Портрет Мухаммеда Али. 1841 г. Версаль

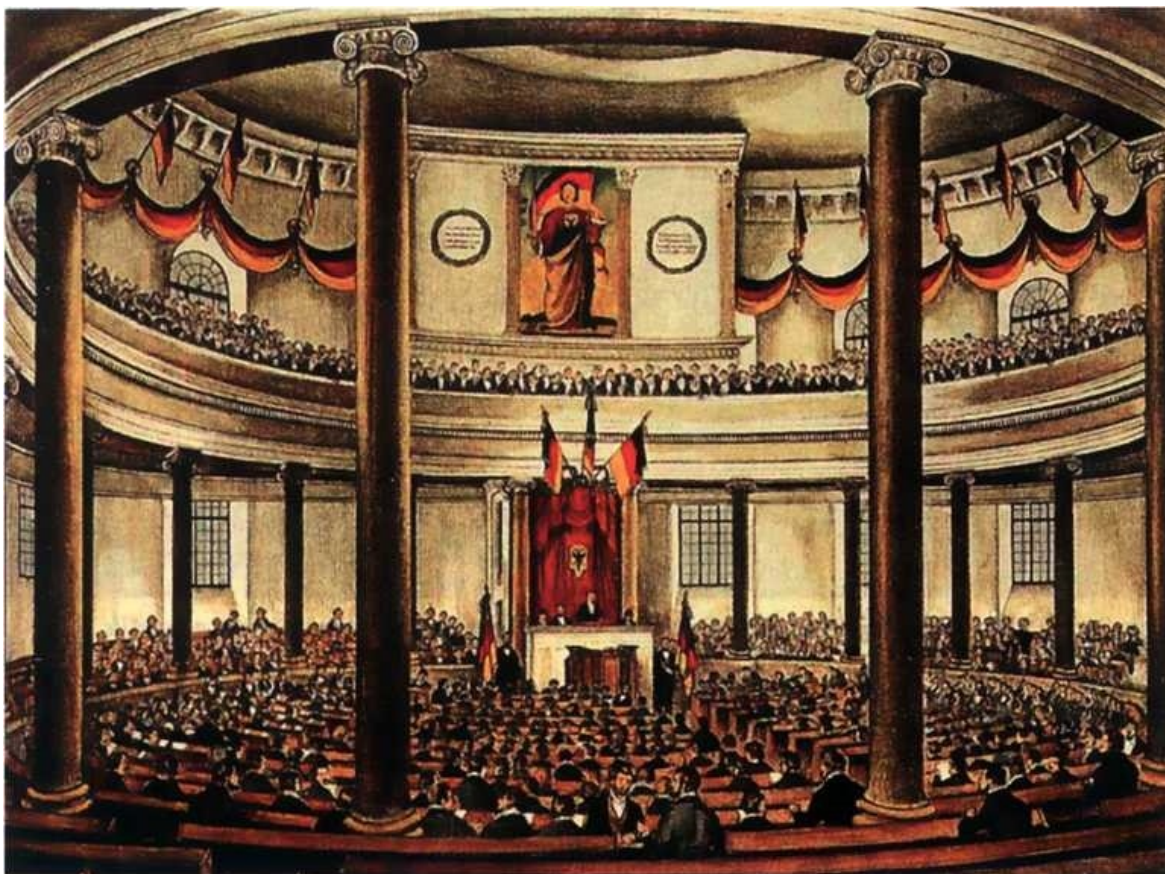
М.И. Нагашбаши. Портрет Амира Кабира. 1849 г.

Г. Вассмут. Франц Иосиф. 1915 г.

Александр III на подписании торгового соглашения с Францией
(Кронштадт, 1891 г., Тулон, 1893 г.) © Photo Scala Florence

Малогерманский путь объединения Германии

Сацумские самураи в годы гражданской войны. Раскрашенная фотография

Портрет султана Абдул-Хамида II. Хромофотография. Конец XIX в.
Частная коллекция © Photo Scala Florence

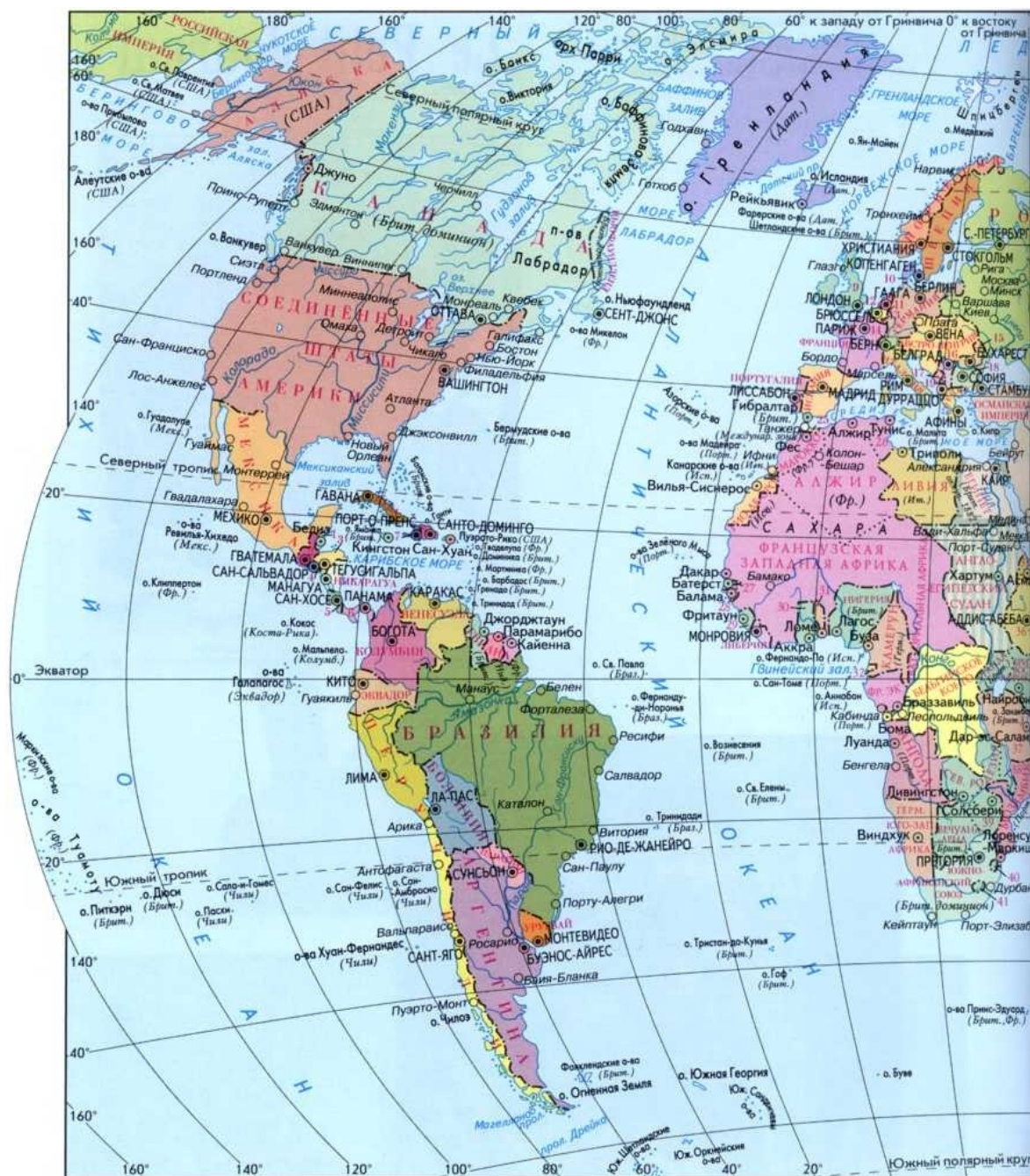
А. фон Вернер. Берлинский конгресс 1878 г. 1881 г. Ратуша, Берлин

Разжигание восточного вопроса. Карикатура. Le Petit Journal. 18 октября 1908 г.

Раздел Китая империалистическими державами, Карикатура

Цифрами обозначены государства и территории:

АМЕРИКА

- 1 Британский Гондурас
- 2 Гватемала
- 3 Гондурас
- 4 Сальвадор
- 5 Коста-Рика
- 6 Панама

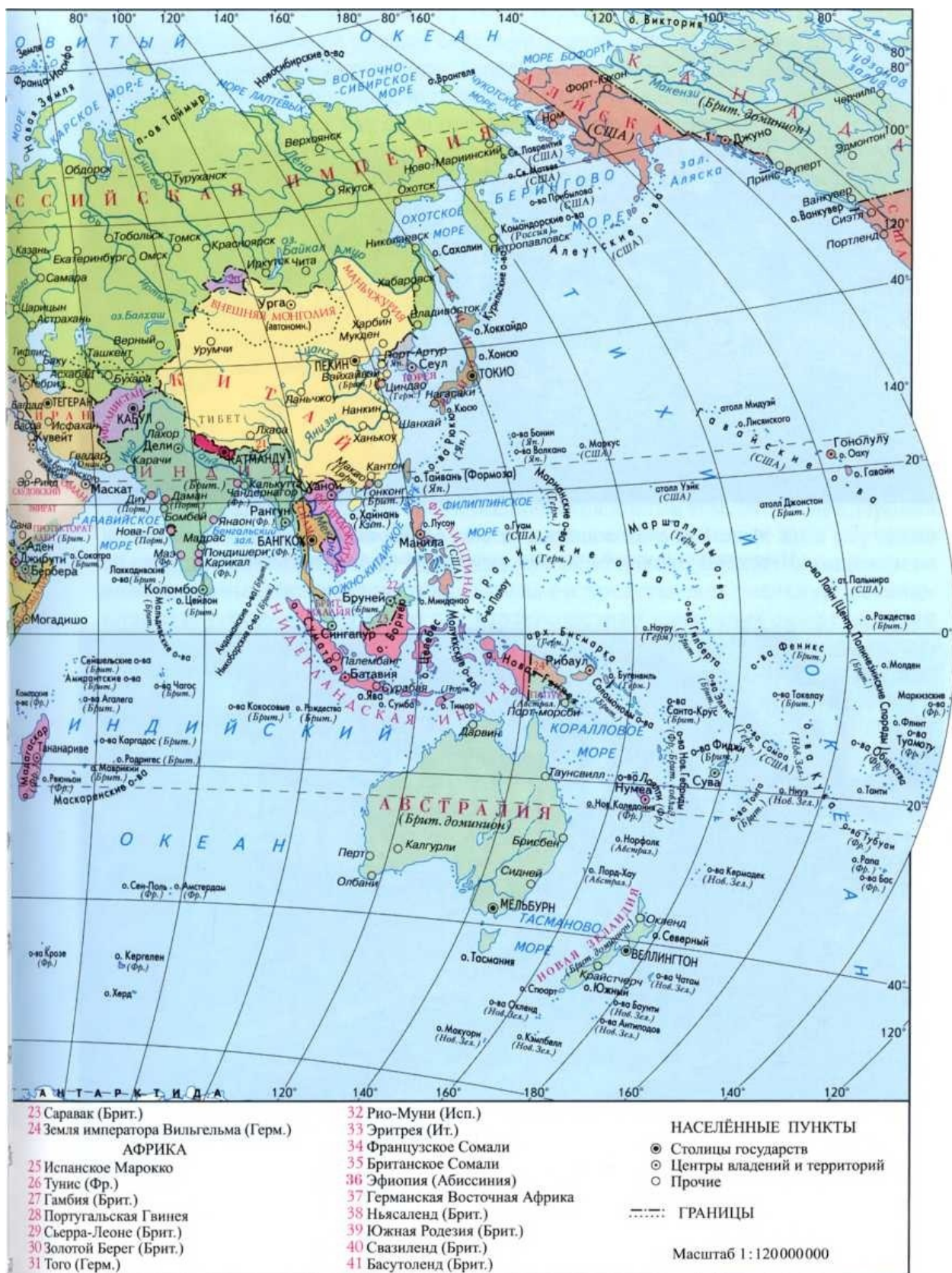
ЕВРОПА

- 7 Ганги
- 8 Доминиканская Республика
- 9 Великобритания
- 10 Дания
- 11 Нидерланды
- 12 Бельгия
- 13 Люксембург
- 14 Швейцария
- 15 Румыния

- 16 Сербия
- 17 Черногория
- 18 Болгария
- 19 Албания

АЗИЯ

- 20 Урянхайский край (Российский протекторат с 1914 г.)
- 21 Бутан
- 22 Британское Северное Борнео

Мир накануне Первой мировой войны (1914 г.) © «Большая Российская

энциклопедия»

Э. Мане. Вид на Всемирную выставку в Париже 1867 г. Национальный музей искусств, архитектуры и дизайна, Осло

Вид на комплекс металлургических предприятий М. Вивиана. Гравюра. XIX в. Суонси, Уэльс. Частная коллекция © Photo Scala Florence

В 1870-е годы народничество имело в основном революционный

характер и его течения определялись главным образом различием в революционной тактике. М.А. Бакунин был крупным теоретиком анархизма. Руководствуясь принципом «чем хуже, тем лучше», Бакунин призывал к полному уничтожению государства в «результате кровавой, ужасной борьбы». Это, несомненно, должна быть народная революция, потому что русский народ в силу крайней нищеты и отчаяния уже является готовым революционером. Бакунин искренне верил в то, что в России «ничего не стоит поднять любую деревню». Задача революционера заключается лишь в том, чтобы все деревни поднялись одновременно. Народ не нуждается ни в помощи, ни в обучении со стороны интеллигенции. Напротив, его необходимо держать в нищете и во власти темных инстинктов, только тогда он представляет реальную революционную угрозу. Не случайно для характеристики движущих сил революции Бакунин использует такие понятия, как «дикий зверь», «грубая дикая сила», «дикий и голодный пролетариат». Но главной опорой революции в России, по мнению Бакунина, должен стать уголовный мир: «Разбойник в России — настоящий и единственный революционер».

Другое направление в народнической тактике было представлено П.Л. Лавровым. На революцию Лавров смотрел как на итог длительной и планомерной подготовки. Готовить революцию должна интеллигенция или, как он, «критически мыслящие личности». Именно они являются творцами истории, так как история предполагает изменения, а изменения являются результатом сначала критического осмысления действительности, а затем ее творческой переработки в целях достижения желаемого идеала. Но революция невозможна без участия в ней народа, а народ не готов еще к революции. Лишенные благ цивилизации народные массы остаются вне исторического процесса. «Пасынки истории» — так называл их Лавров и призывал интеллигенцию идти в народ для пропаганды в нем социалистических идей. Лавров очень приблизительно представлял себе механизм внедрения в народное сознание идей социальной революции. Как народник он был убежден в изначально социалистической природе народного менталитета, и, видимо, процесс сближения интеллигента-социалиста и русского крестьянина ему представлялся совершенно естественным и уж во всяком случае он не видел здесь возможных коллизий. Суть лавровской революционной теории заключалась в формуле: «Революция для народа и посредством народа».

Третьим крупным революционным теоретиком в народничестве был П.Н. Ткачев. Как и Бакунин, он считал, что «русский народ можно назвать инстинктивным революционером», но революционность русского народа

он понимал своеобразно. Ткачев, в отличие от других народников, видел, как разлагается крестьянская община, и считал этот процесс необратимым. Недовольство русского народа, его постоянную готовность к бунту он связывал с его консервативной приверженностью к общинному укладу. Поэтому народ, «сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию». Это может сделать лишь тайная организация профессиональных заговорщиков. Они должны захватить власть и, опираясь на существующий государственный аппарат, произвести социалистические преобразования. Сами эти преобразования, непонятные темному народу, будут осуществляться путем революционной диктатуры, действующей как бы в народных интересах, но реально направленной против народа. Лавровский тезис об освобождении народа посредством самого народа вызывал у Ткачева резкое неприятие: «Всякий, кто признает и пропагандирует этот миф, — враг народа».

Теоретические работы Бакунина, Лаврова и Ткачева были хорошо известны и популярны в среде радикальной молодежи. Наибольшее распространение получили анархистские идеи Бакунина, несколько меньше было сторонников у пропагандиста Лаврова, и лишь одиночки готовы были идти за Ткачевым. Однако подавляющее большинство молодых народников стремились не автоматически воплощать в жизнь идеи своих учителей, а вырабатывать свою тактику революционной борьбы, в большей степени, как им казалось, соответствующую реальным российским условиям.

В начале 1870-х годов в различных городах России стали возникать кружки молодежи, занимающиеся самообразованием и распространением социалистических идей. Причем их самообразование чаще всего носило поверхностный характер, направленный не столько на собственное всестороннее развитие, сколько на овладение верхами социалистических учений, а главное риторикой для их пропаганды в массах. Помощь народу, в их понимании, исключала филантропическую жалость и уж тем более снисходительное отношение. Вместо этого интеллигент должен был сблизиться с крестьянином, стать таким же, как он, и вместе с ним произвести социальную революцию.

Молодежи тех лет казалось, что революция не за горами. Пройдет два-три года, народ поднимется и все произойдет чуть ли не само собой. Главное — не отстать от народа и быть вместе с ним в это судьбоносное для страны время. Нетерпение, неумение ждать, нежелание сосредоточиться на будничной кропотливой учебе или работе стали приметой этого нового поколения. Массовое хождение в народ, начавшееся в 1874 г., было не просто пропагандистской кампанией. Это было своего

рода мистическое стремление соединиться с обожествляемой святыней. Чем горячее было желание соединиться с народом в социалистическом порыве и чем сильнее была вера в светлую социальную революцию, тем горше стало разочарование, когда молодежь убедилась в том, что ее в деревнях не ждали.

Пропагандисты, отправившиеся в народ с фальшивыми паспортами под видом фельдшеров, учителей, оспопрививателей и сельских работников, произвели там, по меньшей мере, странное впечатление. Народ встретил их со сдержанно-враждебным чувством, не лишенным, впрочем, и обывательского любопытства, возникающего обычно при виде ряженных. Пропаганда носила летучий характер, т. е. пропагандисты на ходу в переносном, а иногда и в буквальном смысле пытались внушать крестьянам революционные идеи. Вся событийная история хождения в народ может быть представлена как цепь анекдотов о взаимном непонимании «ходов» и крестьян, и, видимо, все это не имело бы никаких серьезных последствий, если бы русское правительство, со свойственным ему неумением адекватно реагировать на происходящее, не превратило бы комедию в трагедию. Мирных пропагандистов начали хватать и бросать в тюрьмы. По всей стране начались массовые аресты. В 26 губерниях были арестованы 4 тыс. человек. Из них к дознанию привлечены 770, после чего под следствием оказались 265. Три с половиной года эти люди без всякого доказательства их вины сидели в тюрьме в ожидании суда. За это время 47 человек умерли, 12 — покончили с собой, 38 — сошли с ума. В итоге под суд попали 193 человека, но даже такое количество обвиняемых было беспрецедентным в истории политических процессов в России. Ввиду отсутствия состава преступления судили не действия, а идеи и намерения. Адвокатам не составило труда полностью разбить обвинение. По закону осудить всех не удалось. 90 человек были оправданы, но тут же 80 из них отправились в административную ссылку, остальные получили различные сроки ссылки, тюрьмы и каторги.

Но не в этом для народников заключалась настоящая трагедия. Намного тяжелее переживалось ими обнаруженное непонимание со стороны народа. Незыблемая, казалось бы, идея о народе-социалисте если не рухнула, то во всяком случае серьезно пошатнулась. «Крайне низкий, почти первобытный уровень потребностей», «несокрушимый фатализм», «торгашеский дух», «отсутствие солидарности» — таковы были итоги первых впечатлений народников о народе.

И тем не менее глобального разочарования в народе не произошло.

Причины неудач народники видели, во-первых, в слабости своей пропаганды, а во-вторых, в препятствии со стороны правительства. Поэтому было решено усилить пропаганду и начать политическую борьбу с правительством. Раньше политическую борьбу народники считали не только ненужной, но и вредной, так как она, по их мнению, отвлекает общество от более важных социальных проблем и, даруя конституционные права и свободы, тем самым лишь закрепляет социальное неравенство и нищету. Они надеялись совершить сразу социалистическую революцию, минуя стадию буржуазной борьбы за конституционные права. Начавшиеся же над ними судебные процессы, лишённые правовой основы, показали, что отсутствие элементарных свобод: слова, печати, собраний и других — делает пропаганду в народе практически невозможной. Поэтому теперь наряду с социальными задачами народническое движение поставило задачи политические.

Ещё до начала процесса 193-х была создана новая народническая организация «Земля и воля», получившая свое название в память о «Земле и воле» 1860-х годов. В отличие от ранних народнических кружков, «Земля и воля» представляла собой сплоченную централизованную организацию, состоящую из конспиративного центра — Основного кружка — и местных групп, находящихся в провинциальных городах. Кроме того, имелись еще и «члены-сепаратисты» — лица, не пожелавшие по каким-то причинам формально состоять в организации, но готовые оказывать ей всяческое содействие.

Программа партии исходила из старого представления о народо-социалисте и провозглашала своим «конечным политическим и экономическим идеалом анархию и социализм». Что касается средств достижения этого идеала, то они допускались любые, по принципу «цель оправдывает средства». Правда, к этому параграфу следовало примечание: «Исключая тех случаев, когда употребленные средства могут подрывать авторитет организации».

В партии образовались две фракции: «политиков» и «деревенщиков». В соответствии с этим партия раскололась на «Народную волю» и «Черный передел». Первые развернули террористическую деятельность, вторые продолжали заниматься пропагандой. Осуществляя террористические акты, народовольцы преследовали двоякую цель: дезорганизовать правительство и вызвать народное восстание. Было организовано несколько покушений на царя, в том числе со взрывом в Зимнем дворце. Это заставило правительство задуматься не только о репрессивных мерах. 9 февраля 1880 г. царь объявил о создании Верховной распорядительной

комиссии, во главе которой поставил М.Т. Лорис-Меликова, наделив его диктаторскими полномочиями. В то время в окружении царя многие рассуждали о причинах распространения революционных идей в России и только немногие понимали, что истинные причины кроются не в западных лжеучениях и их распространении в стране, а в свертывании реформаторского процесса, которое положило начало отчуждению общества от власти. Выход из кризиса Лорис-Меликов видел не в форсированных мероприятиях, а в постепенном оживлении реформ. Поэтому, как только в стране наступило относительное затишье, он сразу же перед царем поставил вопрос о ликвидации Верховной распорядительной комиссии и сосредоточении в Министерстве внутренних дел жандармских и полицейских функций. Добровольно отказываясь от роли диктатора-временщика, хитрый царедворец и тонкий политик Лорис-Меликов лишь усилил царское доверие и общественные симпатии к своей персоне.

Его перемещение на должность министра внутренних дел 6 августа 1880 г., сопровождавшееся упразднением III отделения, вызвало бурю восторга в обществе. Министр внутренних дел позиционировал себя как политика с общественным лицом. Он поддерживал связи с видными общественными деятелями. При нем значительно снизился цензурный гнет, появились новые газеты. При помощи прессы министр надеялся решить свою главную задачу — создание благоприятных условий для деятельности местных органов самоуправления. В тяжелых экономических условиях второй половины 1880 г. (неурожай и голод в Поволжье) Лорис-Меликов сумел принять ряд мер, направленных на облегчение положения народа. Он потребовал от хлеботорговцев снижения цен и отменил соляной налог, что вызвало особое одобрение прессы. 28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил на рассмотрение царя доклад, в котором предлагал созвать две комиссии (административно-хозяйственную и финансовую) для продолжения реформ и включить в их состав, кроме чиновников, компетентных в данных областях представителей земств. Аналогичным образом предлагалось включить в состав Государственного совета несколько выборных представителей от земств и городов, с совещательным голосом.

Эти совершенно элементарные, никоим образом не посягающие на власть монарха идеи с трудом удалось внушить Александру II. Абсолютистский инстинкт, выработанный в нем с детства, нередко заглушал в неглупом и незлом царе здравый смысл. И только личное доверие к Лорис-Меликову и его очевидные заслуги перед государством

смогли убедить царя согласиться на данный проект. Правда, из окончательной редакции после обсуждения на Особом совещании был убран пункт о включении выборных в Государственный совет. В воскресенье 1 марта 1881 г. царь распорядился назначить на 4 марта совещание Совета министров для обсуждения проекта Лорис-Меликова, но бомба, брошенная террористами, унесла жизнь царя-реформатора.

Главными задачами внешней политики России с воцарением Александра II стали выход из международной изоляции (следствие поражения в Крымской войне) и обеспечение мирных условий для проведения внутренних преобразований. Во главе внешней политики России на протяжении всего периода царствования Александра II находился министр иностранных дел канцлер А.М. Горчаков. 19 (31) октября 1870 г. он разослал циркуляр русским послам в странах-участницах Парижского договора. В нем, перечислив все случаи нарушения европейскими странами условий договора, он заявил, что Россия отныне считает себя вправе также не придерживаться наложенных на нее обязательств. Европейским странам ничего не оставалось, как принять к сведению ноту российского канцлера.

В 1873 г. в Шенбрунне, под Веной, был заключен договор между Россией, Австро-Венгрией и Германской империей. В историю он вошел под названием «Союз трех императоров». В его основе лежало соглашение из трех пунктов: 1) сохранять территориальную целостность европейских государств, 2) совместными усилиями разрешать восточный вопрос, 3) противостоять развитию революционного движения в Европе.

Возвращение России в большую европейскую политику вновь поставило в повестку дня «восточный вопрос». Поводом в данном случае послужило развернувшееся на Балканах в середине 1870-х годов национально-освободительное движение, жестоко подавляемое турецкими властями.

Александр II первоначально воевать не собирался. Понимая, что Россия еще к войне не готова, царь надеялся на разрешение балканского кризиса в рамках сотрудничества европейских держав. Однако русская общественность недвусмысленно толкала правительство к войне. Повсюду в стране создавались Славянские комитеты, осуществлявшие сбор средств в пользу «жертв восстания». В церквях священники проповедовали помощь единоверным братьям. Многие офицеры, врачи, сестры милосердия отправлялись добровольцами на Балканы помогать восставшим. Пожалуй, впервые в истории России общественное мнение оказало реальное давление на правительство. Было решено готовиться к войне.

Международное положение России в целом благоприятствовало началу боевых действий. Турция сумела перессориться со всей Европой и оказалась почти в такой же дипломатической изоляции, в какой была Россия накануне Крымской войны. Германия подталкивала Россию к войне в надежде столкнуть ее на Балканах с Австро-Венгрией. Однако российская дипломатия сумела договориться с австрийцами о нейтралитете в обмен на право последних оккупировать Боснию и Герцеговину. Против России выступала одна Англия, но было ясно, что при отсутствии сухопутных союзников она никогда не решится начать боевые действия. Союзником России в этой войне стала Румыния, над которой висела угроза турецкого вторжения.

Стратегический план войны был разработан генералом Н.Н. Обручевым. Цель войны определялась им как «безусловное уничтожение владычества турок на Балканском полуострове». Исходя из этого, предполагалось действовать двумя армиями. Одна должна была двигаться прямо на Стамбул и быстро занять его, а другая в это время должна была заняться очищением Болгарии от турецких войск и прикрывать тылы первой армии. Разгромить Турцию в молниеносной войне с минимальными потерями, как это планировалось, не получилось. Война продлилась почти два года. С большими потерями России удалось все-таки одержать победу. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор. Условия его, хоть и не решали важнейшей для России проблемы проливов, значительно укрепляли ее позиции на Балканах. Сербия, Румыния и Черногория получали независимость. Болгария получала статус княжества, формально зависимого от Турции, но фактически имеющего свое правительство и свою армию. Россия в счет контрибуции, наложенной на Турцию, получала Бессарабию, отрезанную от Румынии, а также на Кавказе крепости Карс, Ардаган, город Баязет, порт Батум и Алашкертскую долину.

Европейские державы, позволившие России одержать победу над Турцией, решили не позволить ей одержать еще и дипломатическую победу. Назревала новая война, теперь уже в Европе.

Сан-Стефанский мир в первую очередь не устраивал Англию и Австро-Венгрию. Назвав его «неслыханным по своей чрезмерности», обе страны начали готовиться к войне против России. Германия, склонявшаяся к все более тесному союзу с Австро-Венгрией, отказала России в своей поддержке и формально заняла позицию незаинтересованной стороны. Заявив, что он всего лишь «честный маклер», Бисмарк предложил созвать в Берлине в июне 1878 г. международный конгресс для решения восточного

вопроса. Противников России больше всего не устраивало образование независимого Болгарского государства, а также длительное пребывание там российских войск. В результате Великая Болгария, рожденная в Сан-Стефано, была разделена на три части. Одна из них — Македония — возвращалась под турецкое ярмо, Южная Болгария под названием Восточной Румелии получала полуавтономное существование: во главе ее стоял генерал-губернатор из христианского населения, но назначаемый султаном на пять лет. И только Северная Болгария получала относительную независимость. Ее жители имели право избрать князя из своей среды, но при этом они должны были выплачивать дань султану. Босния и Герцеговина формально оставались под властью Турции, но фактически управлялись оккупировавшей их Австро-Венгрией. Черногория, Сербия и Румыния были признаны независимыми государствами при условии соблюдения ими религиозного, гражданского и политического равноправия. От Румынии к России возвращалась Бессарабия с нерусским коренным населением, тяготеющим к Румынии.

С ослаблением турецкого присутствия на Балканах ситуация на полуострове не разрядилась. Напротив, там стал затягиваться новый узел противоречий. Восточная (болгарская) часть полуострова оказалась в сфере российского влияния, а западная часть с выходом в Средиземное море все больше втягивалась в сферу австро-венгерской политики. Австро-Венгрия же в свою очередь все теснее сближалась с усиливающейся Германией. Их совместное стремление на восток неизбежно вело к конфронтации с Россией. Вчерашние союзники становились врагами. Таким образом, сама жизнь подсказывала России необходимость искать союзника по ту сторону германо-австрийского блока. Пока еще очень туманно намечалась перспектива нового европейского противостояния: Германия и Австро-Венгрия против России и Франции.

Александр III вступил на престол в момент острейшего политического кризиса, вызванного убийством его отца. Правительство было в панике, а из революционного лагеря раздавались прямые угрозы в адрес нового царя. Его ответом на эти угрозы стал Манифест 29 апреля 1881 г. В нем ясно давалось понять, что новый царь вступил на престол «с верою в силу и истину Самодержавной Власти», которую он будет «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». Обновленное Министерство внутренних дел разработало «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», которое значительно расширяло сферу деятельности административно-полицейских органов. Министр внутренних дел и генерал-губернаторы

получали право объявлять по собственному усмотрению любую местность в положении усиленной охраны. В таком случае им предоставлялись чрезвычайные права действовать в обход существующих законов. Любые дела могли быть переданы на рассмотрение военных судов, действовавших по условиям военного времени. Обычные суды вместе с земскими и городскими органами самоуправления попадали под строгий контроль местной администрации. Генерал-губернаторы могли по собственному усмотрению высылать с вверенной им территории любых лиц, показавшихся им подозрительными, запрещать проведение собраний, приостанавливать выпуск газет и журналов, закрывать (правда, не больше, чем на месяц) учебные заведения. Полиция и жандармы получали право производить обыски и аресты людей, подозреваемых в политических преступлениях. И хотя Комитет министров утвердил это «Положение» в качестве временной меры, оно благополучно просуществовало до февраля 1917 г., сломав немало человеческих судеб, но так и не остановив развитие революционного движения. 27 августа 1882 г. царь утвердил «Временные правила о печати». Теперь редакторы газет, получившие три предупреждения со стороны властей, обязаны были не позднее 11 часов вечера представлять свои издания в Цензурный комитет. Это ставило их в неравные отношения с другими газетами, имеющими возможность включать в утренние номера новости, получаемые в ночное время. Любая газета могла быть приостановлена в административном порядке, без судебного разбирательства. И наконец, создавался новый контролирующий орган — Верховная комиссия по печати, состоящий из четырех министров: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода. Они получали право как временно приостанавливать любое издание, так и закрывать его вовсе. При этом редакторы запрещенных изданий лишались права издавать другие газеты или журналы. 15 августа 1884 г. был утвержден новый университетский устав, лишавший университеты автономии, дарованной им уставом 1863 г. Если раньше ректор, деканы и профессорско-преподавательский состав избирались Ученым советом университета, то теперь на все эти должности претенденты назначались министром просвещения или попечителем учебного округа, руководствующимися отнюдь не научно-педагогическими качествами кандидата, а политической благонадежностью. Умерщвлением университетской автономии с ее демократическими традициями, вызывающими у ретроградов ассоциации с конституциями, включением университетских преподавателей в административно-бюрократическую вертикаль был сделан значительный шаг в продвижении реакции. 18 июня

1887 г. Министерство народного просвещения издало циркуляр, запрещавший принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Либеральная печать обращала внимание на его полное несоответствие действующему законодательству, в частности § 23 Устава 30 июля 1871 г., гарантировавшего право «обучаться в гимназиях детям всех сословий без различия звания и вероисповедания». Впрочем, царское правительство мало заботилось о приведении собственных указов в соответствие с законодательством. Сама мысль о том, что монарх должен с чем-то считаться, кроме собственной воли, Александру III была абсолютно чужда.

3 декабря 1882 г. было подписано положение «Об устройстве секретной полиции в Империи». Это учреждение, прозванное в народе охранкой, занималось параллельно с жандармскими органами и общей полицией политическим сыском. Однако если последние проводили главным образом официальные расследования, то охранка вела тайную агентурную работу. Ее агенты делились на филеров, осуществлявших наружное наблюдение, и провокаторов — особо секретных сотрудников, внедряемых в подпольные организации. Во главе охраны стоял инспектор секретной полиции.

12 июля 1889 г. Александр III утвердил закон о земских участковых начальниках. Закон этот настолько противоречил букве и духу земской реформы, что при его обсуждении в Государственном совете «против» было подано 39 голосов, а «за» — только 13. Царь же утвердил мнение меньшинства. Земскими начальниками могли быть только дворяне, назначаемые министром внутренних дел. Круг их деятельности был довольно широк и фактически совпадал с правами помещика в дореформенной деревне. За ненадобностью упразднялся институт мировых посредников, а также мировых судей. Теперь земский начальник, не скованный никакими формальными ограничениями, мог по собственному усмотрению творить суд и расправу. От него полностью зависели сельские и волостные учреждения и должностные лица. Он мог отменять любые решения сельских сходов, он мог отстранять от должности, штрафовать и арестовывать неугодных ему лиц из податных сословий. Им назначались члены волостных судов, а так как эти суды могли приговаривать к телесным наказаниям, то земские начальники фактически получили право пороть крестьян. Введение института земских начальников мотивировалось в первую очередь отеческой заботой правительства о народе. Наибольшие затруднения вызвала судебная контрреформа. Здесь правительство не решилось действовать путем прямого законодательства, предпочитая

косвенные, но подчас весьма существенные меры. Так, закон о земских начальниках, соединивших в своих руках административную и судебную власть, фактически нарушал принцип независимости суда, а указ от 12 февраля 1887 г., предоставляющий право министру юстиции по собственному усмотрению закрывать для публики судебные заседания, фактически нарушал принцип гласности судопроизводства.

Контрреформы, хотя и тормозили развитие страны, но не в состоянии были его остановить. Необратимый характер Великих реформ был очевиден даже для самых убежденных консерваторов. Необходимо было решать практические задачи, диктуемые не идеологией, а самой жизнью. И если в политической сфере реакция еще могла существовать, то социальная сфера и экономика требовали более гибких подходов. Социально-экономическая политика Александра III формировалась под влиянием ряда факторов. Во-первых, тяжелый экономический кризис, вызванный как общими затратами на проведение Великих реформ, так и русско-турецкой войной, предвещал мощный социальный взрыв. Это настоятельно требовало активного вмешательства государства в экономическую сферу, быстрого подъема промышленности, завершения крестьянской реформы и т. д. Во-вторых, общая продворянская политика Александра III предопределила ряд малоэффективных мер, направленных на социальную консервацию дворянства, вступившего в стадию разложения. И, наконец, в-третьих, революционный террор оказывал несомненное давление на власть и заставлял ее идти по пути экономических и социальных уступок не только дворянству, но и другим сословиям.

Экономическая политика в отношении дворянства носила главным образом благотворительный характер и не могла существенно повлиять на необратимый процесс экономического и социального падения дворянского сословия. 15 мая 1883 г. Александр III объявил о повышении выкупной суммы помещикам, не переведшим еще крестьян в разряд собственников, с 80 % капитализированного оброка до 88,5 %. В 1885 г. был учрежден Дворянский банк для выдачи льготного кредита потомственным дворянам, пожелавшим заложить свои имения. В 1889 г. было объявлено о понижении вносимых процентов и предоставлении дополнительных льгот.

Главное беспокойство правительства вызывал крестьянский вопрос. Уже в первый год своего правления Александр III упразднил временнообязанное состояние крестьян и примерно на 16 % понизил выкупные платежи. С этого момента можно говорить о завершении крестьянской реформы. Последний штрих — прекращение выкупных платежей — будет нанесен 1 января 1907 г. Все эти меры были

подготовлены еще в предшествующее царствование, и Александр III, сознательно выступив в роли преемника, пошел несколько дальше, инициировав в 1882 г. создание Крестьянского поземельного банка, выдававшего крестьянам ссуду на покупку земли. За период с 1883 г. по 1900 г. через банк было продано 5 млн десятин земли. Следующим значительным шагом в этой сфере стала проведенная министром финансов Н.Х. Бунге реформа налогообложения. Вместо введенной еще при Петре I подушной подати был установлен налог с имущества. Налоговое бремя, распределившись более равномерно, несколько облегчило положение малоимущих крестьян.

Но главной проблемой российской деревни было малоземелье. Огромная территория Российской империи в действительности имела мало земель, пригодных для эффективного сельского хозяйства. Значительную часть ее покрывали таежные леса и песчаные почвы, ограничивающие возможности экстенсивного хозяйства. Сельское производство могло успешно развиваться только путем интенсивного внедрения новых технологий, что в условиях общей экономической отсталости России было практически невозможным. В поисках свободной земли крестьяне начали стихийный процесс переселения, вызвавший противоречивую реакцию правительства. С одной стороны, власти прекрасно понимали, что добровольное переселение крестьян может стать если не полным, то хотя бы частичным решением проблемы, с другой — правительство очень боялось любых массовых движений. В результате был принят закон, предусматривавший предоставление льгот и ссуд переселенцам, но при этом для переселения требовалось разрешение двух министров: внутренних дел и государственных имуществ. При царившей бюрократической волоките простому крестьянину получить персональное разрешение даже одного министра было крайне затруднительно. Таким образом, закон не столько поощрял, сколько препятствовал переселению крестьян.

Новой социальной проблемой, с которой столкнулось правительство Александра III, стал рабочий вопрос. Отмена крепостного права и рост промышленного производства привлекали в города все большее количество крестьян, превращавшихся в пролетариев, т. е. в лишенных собственности наемных рабочих. Тяжелые условия фабричного труда и быта (рабочий день по 14–15 часов, низкая заработная плата, к тому же нерегулярно выдаваемая, скученное существование в фабричных казармах и т. д.) явно не способствовали взаимопониманию между хозяевами предприятий и пролетариями. Противостояние труда и капитала все чаще стало

приобретать немирный характер и выливаться в забастовки и стачки, напоминающие крестьянские бунты. Первые попытки правительственного решения рабочего вопроса связаны с деятельностью министра финансов Н.Х. Бунге, отличавшегося не только хорошим образованием, но и умением широко видеть экономические проблемы. Он считал, что для успешного развития промышленности недостаточно лишь материальной поддержки со стороны государства. Более важным являлось законодательное признание правового статуса рабочих. Дело в том, что власти довольно долго продолжали видеть в рабочих крестьян, отправившихся в город на заработки, и не считали нужным проводить в отношении их особую политику с учетом их нового социального статуса. Бунге впервые поставил вопрос о рабочих как отдельном сословии и разработал программу фабрично-заводского законодательства. В 1882 г. был принят закон, ограничивающий рабочий день подростков от 12 до 15 лет восемью часами, и одновременно была введена фабричная инспекция для наблюдения за его выполнением. В 1885 г. появился закон, запрещающий ночной труд женщин и детей. В 1886 г. законодательно были установлены договорные отношения рабочих и нанимателей. Запрещалась натуральная оплата труда, устанавливались сроки выплаты заработной платы, контроль над штрафами и т. д. Вместе с тем закон предусматривал ответственность рабочих за участие в стачках и отказ от работы.

Экономическая программа правительства Александра III исходила из принципа протекционизма. Понимая, что отсталая российская индустрия не сможет выдержать конкуренцию с западноевропейскими товарами, была сделана ставка на устранение иностранной продукции с внутреннего рынка. Почти вдвое были повышены пошлины на ввозимые товары, а в 1891 г. был утвержден новый таможенный тариф, обеспечивший значительные доходы казне. Политика протекционизма позволяла государству играть ведущую роль в экономике, осуществлять контроль над промышленностью и отчасти планировать производство.

При новом министре финансов И.А. Вышнеградском, сменившем в 1887 г. Бунге, особое внимание уделялось железнодорожному строительству. Был образован Департамент железнодорожных дел как структурное подразделение Министерства финансов. Началось активное строительство новых государственных железных дорог и выкуп в казну мало доходных частных железнодорожных линий. Всего за пять лет пребывания Вышнеградского на посту министра доходность железных дорог возросла вдвое, а их общая длина увеличилась почти в полтора раза.

В целом тринадцать лет правления Александра III благотворно

сказались на состоянии российской экономики. Удалось добиться финансовой стабилизации, роста промышленных предприятий. В сельском хозяйстве в 3,5 раза увеличилось использование техники и урожайность повысилась на 30–40 %. Однако следует учитывать, что столь стремительное экономическое развитие свидетельствовало не только о продуманной политике выдающихся министров финансов (Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и под конец царствования — С.Ю. Витте), но и об отсталости России. Передовые в промышленном отношении страны со стабильной экономикой развиваются более последовательно и менее стремительно. Россия, хоть и сделала при Александре III значительный шаг вперед, тем не менее еще сильно отставала от развитых европейских стран.

Международные дела России к моменту вступления Александра III на престол были столь же сложны и запутаны, как и внутренние. Дело было не только в том, что дипломатическое поражение России на Берлинском конгрессе существенно понизило ее международный престиж, поднявшийся накануне и в ходе последней русско-турецкой войны. В течение последних полутора десятилетий, отмеченных австро-прусской (1866), франко-прусской (1870–1871) и русско-турецкой (1877–1878) войнами, коренным образом изменилась геополитическая ситуация в Европе. Образование мощной Германской империи нарушило зыбкое равновесие сил на европейском континенте. Ослабление Османской империи привело к усилению позиций Англии в Средиземном море и Австро-Венгрии на Балканах. В Средней Азии интересы Англии и России столкнулись настолько, что чуть не привели к войне. В этих условиях правительство Александра III приоритетное внимание уделяло балканскому региону, так как там находился ключ к главному для России вопросу о проливах. Здесь основным противником России являлась Австро-Венгрия.

Среди крупных держав, чьи внешнеполитические интересы напрямую не сталкивались с российскими, были Германия и Франция, находившиеся между собой в состоянии, готовом в любой момент перейти в войну. Германия, постоянно наращивающая военную мощь, ждала только удобного повода для нового нападения на еще не оправившуюся от поражения 1871 г. Францию. Низведение Франции на роль второстепенной европейской державы обеспечило бы Германской империи прочную гегемонию на европейском континенте, и тогда уже ничто не могло бы остановить ее продвижения на восток. Единственным противовесом, способным сдержать немецкую агрессию против Французской республики, была Россия. Поэтому германский канцлер О. Бисмарк проводил сложную политику, целью которой было добиться российского нейтралитета на

случай франко-германской войны.

6 (18) июня 1881 г. в Берлине был возобновлен Союз трех императоров. Три договаривающиеся стороны брали на себя обязательство соблюдать нейтралитет, если кто-то из них окажется в состоянии войны с четвертой стороной. В этом пункте Россия явно проигрывала, так как брала на себя обязательство не препятствовать Германии в возможной войне с Францией. Зато другой пункт — «сообща следить» за соблюдением принципа закрытости проливов Босфор и Дарданеллы, направленный главным образом против английских судов, — был явно выгоден России.

Параллельно с Союзом трех императоров существовал австро-германский договор (1879), направленный против России. В мае 1882 г. к нему присоединилась Италия, и договор получил название Тройственного союза. Бисмарку удалось, играя на франко-итальянской ссоре из-за Туниса, усилить международную изоляцию Франции, а Австро-Венгрия в лице нового союзника обеспечила себе надежный тыл в случае войны с Россией.

В сложившейся к концу 1880-х годов международной обстановке единственным естественным союзником России могла быть только Франция. В первую очередь эти страны объединяла угроза, исходившая от Тройственного союза, направленного австро-венгерским острием против России, а германским и итальянским — против Франции. Кроме того, Россию и Францию сближали и давние культурные связи, и финансовая помощь, оказываемая французскими банками российской промышленности, и начавшееся военное сотрудничество, и т. д. На этом фоне общественно-политические различия между абсолютной монархией и республикой отступали на второй план. Французское правительство вопреки собственным убеждениям пошло на арест ряда российских политэмигрантов, а Александр III вынужден был, принимая в Кронштадте французскую эскадру, с непокрытой головой прослушать Марсельезу и поднять тост за президента Французской республики М.Ф.С. Карно.

Согласованный начальниками генеральных штабов России и Франции окончательный текст военного союза был подготовлен министрами иностранных дел двух стран и ратифицирован царем и президентом. Официально он вступил в силу 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.). Русско-французский договор восстановил на какое-то время общеевропейский баланс сил, нарушенный образованием Германской империи. Но вместе с тем он явился начальной точкой в противостоянии двух мощных военных блоков, приведшем в итоге к Первой мировой войне.

20 октября 1894 г. умер Александр III, и на престол вступил последний российский император Николай II. На первый взгляд могло показаться, что

новый царь получил страну в хорошем состоянии. Экономика была на подъеме, финансовая система получила устойчивую тенденцию к стабилизации, революционное движение находилось в стадии ремиссии — одним словом, ничто не предвещало близких катаклизмов. Но это было поверхностное и по сути ложное впечатление. За внешним благополучием скрывалось глубокое расхождение власти и общества во взглядах по всем коренным вопросам российской жизни. Общественные силы, лишенные на протяжении тринадцати лет предшествующего царствования возможности открыто выражать свои требования, накапливали внутри себя недовольство, грозящее будущим взрывом.

Бюрократическая коррозия, разрушающая абсолютизм, все сильнее бросалась в глаза. Начиная с эпохи Великих реформ, личная роль монарха в управлении государством постоянно падала. Дело было не только в субъективных факторах, хотя современники уже в начале XX в. все чаще обращали внимание на общую деградацию рода Романовых. Освобождение миллионов людей из-под опеки помещиков потребовало более разветвленной и сложной системы управления страной. При этом традиционно бюрократическое сознание русских царей с присущим ему патологическим недоверием к любым формам проявления общественной самостоятельности привело не только к количественному увеличению армии чиновников, но и к качественным сдвигам в самой бюрократической структуре. Внутренняя политика самодержавия все больше связывалась с именами высокопоставленных чиновников, чем с самим царем.

Чем больше монарх ощущал собственную зависимость от чиновников, тем меньше ему хотелось найти противовес бюрократизму в народном представительстве. Полагая, что выборные от народа явятся дополнительным ограничением его власти, царь упорно отказывался допустить общество к управлению страной и тем самым попадал в еще большую зависимость от бюрократического аппарата. Если простой народ в какой-то степени еще сохранял иллюзии о добром царе и злых чиновниках, то образованное общество свою неприязнь к чиновничьему миру автоматически переносило на царя. Ответственность за все должностные ошибки и преступления министров обществом возлагалась на самодержца. Формально абсолютный властитель фактически должен был отвечать абсолютно за все.

Противостояние монархии и общества на рубеже веков развивается по восходящей линии. В этой борьбе каждая из сторон отстаивает свои узкокорпоративные интересы. Многомиллионное крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения, фактически оказалось

выключенным из этого противостояния, превратившись в разменную монету политических игр. Если монарх зависел от бюрократии, то отдельные бюрократы зависели от капризов монарха и в любой момент могли потерять свои должности. Эта непрочность собственного положения порождала в них наряду с желанием угодить царю чувство безответственности. Общественные деятели, отстраненные от управления государством, напротив, стремились всячески дискредитировать царское правительство, но при этом были столь же безответственны в своих публичных выступлениях. В мутном пространстве столкновения чиновничьих и общественных интересов сложилась благоприятная почва для созревания революционных сил, одинаково враждебных и правительству, и обществу, и народу.

В предвестии мировой войны и революции люди переосмыслили пройденный путь, отказывались от многих ставших в XIX в. привычными представлений. В том, что старый мир в ближайшее время погибнет, мало кто сомневался. Вопрос заключался в том, что ждет Россию и вообще человечество за апокалиптической чертой? Будет ли оно уничтожено в ходе мировой войны, или же произойдет революция, и обновленный мир вступит в полосу всеобщего счастья. То, что абсолютизм в России изжит и что никакие серьезные социальные перемены невозможны при его искусственном сохранении, теперь понимали многие. Социальные теории народников, пренебрегавших политической борьбой, оказались утопичными, и их главные оппоненты марксисты заговорили о необходимости покончить с абсолютизмом в союзе с либеральной буржуазией, а потом уже совершить социалистическую революцию. Однако народничество вовсе не собиралось складывать оружие и признавать победу марксизма над собой. На рубеже веков формируются неонароднические организации, продолжающие революционные традиции Народной воли. Революционный лагерь перестает быть единым и разделяется на социал-демократов (марксистов) и социалистов-революционеров (неонародников). Либеральное движение по-прежнему ограничивается политической борьбой, отдавая предпочтение легальным формам и стараясь действовать через земства, печать, культурно-просветительские и научные общества и т. д. Русский либерализм рубежа веков тоже не был единым. Его политический спектр простирался от умеренно-революционного лагеря до просвещенной бюрократии. Если борьба с абсолютизмом объединяла до какой-то степени либералов и революционеров, то им обоим противостоял консервативный лагерь с характерной для него густой националистической окраской. При этом

консерваторы тоже отчасти находились в оппозиции, но это была оппозиция не абсолютизму как таковому, а правительственным реформам, стремящимся сделать самодержавную власть в России более гибкой. В своей борьбе они, с одной стороны, использовали авторитет царя и православной церкви, а с другой — опирались на темные инстинкты толпы.

Вступив на престол, Николай II не собирался ничего менять в управлении государством. Ключевой фигурой в Комитете министров продолжал оставаться министр финансов С.Ю. Витте, назначенный на эту должность еще при Александре III. Главную задачу Витте видел в ускорении промышленного производства. Для этого необходимо было всячески увеличивать приток капиталов в страну, что в свою очередь требовало увеличения доходов казны и стабилизации рубля. В 1894 г. была введена винная монополия. Это не только значительно увеличило доходы казны (до 30 %), но и позволило государству следить за качеством алкогольной продукции и регулировать ее продажу. Значительное увеличение золотого запаса казны, достигшего к середине 1890-х годов 686 млн руб., а также два крупных займа 1894 г. и 1896 г. у парижского Ротшильда позволили вплотную приступить к денежной реформе, объявленной 29 августа 1897 г. Кредитный рубль составил $66 \frac{2}{3}$ коп. золотом. Государственный банк стал эмиссионным учреждением, т. е. ему было предоставлено право выпуска денежных банкнот, обеспеченных золотом рубль за рубль. Стабилизация рубля открыла дорогу иностранным капиталам в Россию.

Развитие промышленности ставило вопрос о рынках сбыта. В этом отношении у Витте сложилась программа экономического освоения восточных окраин. Витте был уверен, что очень скоро продукция отечественной промышленности окажется конкурентоспособной на рынках Среднего и Дальнего Востока и тогда выручка от продажи товаров в Азии позволит выплачивать проценты по европейским займам. Виттевская программа освоения Дальнего Востока предполагала экономическое проникновение в Китай и Корею при условии сохранения мирных отношений с Японией. Он понимал, что война с Японией может вызвать столкновение с другими странами, не желавшими усиления позиций России на Дальнем Востоке. Далеко не все при дворе были согласны с мирными планами Витте. Все большую популярность получала идея военного закрепления в Корее и Маньчжурии, предусматривавшая войну с Японией. Сторонникам этой идеи удалось заразить ею царя и фактически лишить Витте его ключевого поста в министерстве. Япония, в свою очередь желая во что бы то ни стало закрепиться на материке, готовилась к войне.

Русско-японская война дестабилизировала ситуацию внутри страны. Когда стали поступать сведения о поражении под Ляояном, сдаче Порт-Артура, все это воспринималось не как предвестие глобальной катастрофы, а как прекрасная возможность ударить по непопулярному правительству. Правительство оказывалось виновато во всем: и в том, что за восемь месяцев не снарядили второй эскадры, и в том, что за этот же срок не проложили второй колеи транссибирской магистрали. Революционеры, приунывшие было в начале войны, обещавшей быть победоносной, теперь оживились и развернули антивоенную и антиправительственную пропаганду среди частей, отправляющихся в Маньчжурию.

Революция, начавшаяся с расстрела мирной демонстрации 9 января 1905 г., толкнула царя в сторону политических реформ. 17 октября 1905 г. Россия многотысячными демонстрациями и возгласами «ура» приветствовала царский манифест, дарующий народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Однако в почти всеобщем ликовании не было единства. Одни прославляли царскую милость, другие праздновали победу над самодержавием. Многим тогда казалось, что русская история, перелистнув страницу деспотизма, вступила в новую эру политических свобод и гражданских прав.

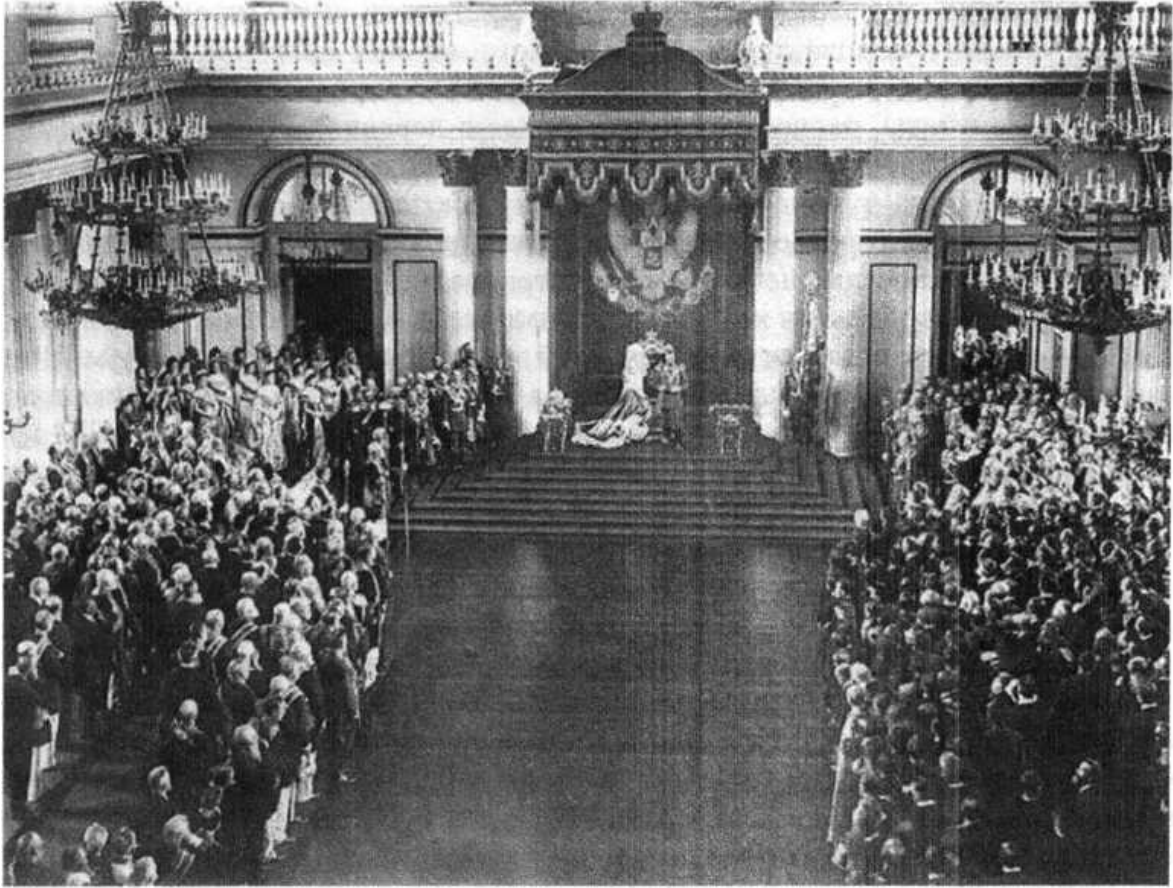
Октябрьский манифест, провозгласивший в числе прочих свободу собраний и союзов, изменил политическую ситуацию в стране. Как грибы после дождя, стали появляться большие и маленькие партии со своими программами, уставами, лидерами и политическими амбициями. Отражаемое ими политическое поле располагалось между крайними полюсами: революцией и реакцией. О революционных партиях, созданных до 1905 г., речь уже шла. Полярную по отношению к ним позицию занимал Союз русского народа. Его идеология опиралась на старую теорию официальной народности, дополненную славянофильскими идеями о мессианской роли русского народа и гниющем Западе. Центральную часть политического пространства занимали либеральные партии, отражающие интересы интеллигенции, промышленников, предпринимателей, — всех тех, кто в наибольшей степени был заинтересован в поступательном развитии страны, и чья идеология в наименьшей степени связана с поисками внутренних врагов. Иными словами, это были либеральные круги, равно не приемлющие крайности революционного насилия и правительственной реакции. Центр не был един, и если одна его сторона была повернута в сторону революции, то другая ориентировалась больше на монархию. Самой крупной партией либерального центра,

склоняющегося в сторону революции, стала партия народной свободы, известная больше под названием «кадеты» (конституционные демократы). В эту партию вошла интеллектуальная элита страны. Конституционные демократы были сторонниками эволюционного развития, выступали против социальной революции и считали, что Россия, подобно европейским странам, должна последовательно двигаться по капиталистическому пути развития. Их политическим идеалом был буржуазно-демократический строй с соблюдением основных прав и свобод, всеобщим избирательным правом, последовательно проведенным принципом разделения властей. Другой фланг политического центра, тяготеющий к самодержавию, представляла собой партия Союз 17 октября. Октябристы, как следует из их названия, создали свою партию как партию обновленной власти. Как и кадеты, они придерживались либеральной идеологии и выступали за общий для всех либералов набор свобод: слова, печати, совести, собраний. Однако если кадеты видели в Манифесте лишь начало дальнейшей либерализации государственного строя, то октябристы готовы были им вполне удовлетвориться. Они выступали за сохранение монархии и даже, отдавая дань историческим традициям, согласны были оставить за царем титул «самодержавный», но при условии, что монарх все-таки будет «ограничен постановлениями Основных законов».

Итак, Россия превратилась в думскую монархию. Это был третий за все правление династии Романовых государственный строй после сословно-представительной монархии XVII в. и абсолютизма XVIII–XIX вв. В отличие от абсолютизма, власть царя в думской монархии была ограничена Государственной думой, правда, характер этого ограничения был неясен и вызывал постоянные споры между монархом и депутатами. Первому хотелось ограничить компетенцию народных представителей совещательными правами, вторые требовали полноправных законодательных функций. От земских соборов XVII в. Государственную думу отличал ее обязательный характер. Соборы созывались исключительно по воле монарха, когда у него возникала необходимость посоветоваться с «землей». Простые люди рассматривали свое участие в них скорее как повинность, чем как право, и не совсем понимали, зачем их советы вдруг понадобились царю. На то он и царь, чтобы самому все решать. В начале XX в. все обстояло прямо противоположным образом. Царь, имея в своем распоряжении огромный бюрократический аппарат, может быть, и рад был бы обойтись без посторонних советов, да вот общество уже не могло ему это позволить. Если потребность царя в созыве Земских соборов определялась дефицитом чиновников, то потребность

общества в Государственной думе явилась реакцией на бюрократизацию всех сфер государственной жизни.

Исполнительная власть полностью принадлежала царю, а законодательная лишь частично распределилась между Государственным советом (верхней палатой) и Государственной думой (нижней палатой). Государственный совет наполовину состоял из назначаемых лиц, наполовину из выборных от дворянства, духовенства, земских собраний, академии и университетов, торговли и промышленности, Царства Польского, а также неземских губерний. Выборы в Государственную думу должны были проходить раз в пять лет (в действительности только одна Дума из четырех проработала весь положенный срок) на основе сложной избирательной системы. В столицах и крупных городах выборы были прямые, в остальных регионах — двух- и трехступенчатые. Избиратели делились на курии (разряды) землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Выборы по первым двум куриям предполагали высокий имущественный ценз. Избирательных прав были лишены люди моложе 24 лет, женщины, военнослужащие, батраки, лица, находящиеся под следствием или имеющие судимость, бродячие инородцы и некоторые другие категории.

Торжественное открытие Государственной думы и Государственного совета. 1906 г.

Выборы в I Государственную думу прошли в марте 1906 г. при бойкотировании их революционными партиями. Почти весь оппозиционный электорат достался кадетам, одержавшим убедительную победу и получившим 179 мест из 478. И хотя это давало им всего 37,4 % мандатов и абсолютного большинства не получалось, I Дума по своей политической окраске стала кадетской. Председателем был избран один из лидеров кадетской партии С.А. Муромцев, кадеты заняли все ключевые места в руководстве Думой и превратили ее в арену борьбы с правительством. Отчасти в этом было виновато само правительство, не подготовившее для Думы пакета законопроектов, нуждающихся в обсуждении. Единственно, что было предложено на рассмотрение депутатов, — это выделение «40 029 руб. 49 коп. на постройку пальмовой оранжереи и сооружение клинической прачечной при Юрьевском университете».

Кадеты, пользуясь своим весом в Думе, пытались навязать правительству программу выхода из кризиса. Они требовали амнистии для политических заключенных, отчуждения помещичьих земель и создания

министерства, ответственного перед Думой. Правительство отказалось даже обсуждать эти вопросы. В ответ Дума из законодательного органа превратилась в обличающий. Надежды правительства на лояльное крестьянское большинство также не оправдались. Власти рассчитывали встретить в Думе представителей патриархального народа, пусть неграмотного, но зато сохраняющего веру в царя и служащего опорой престолу. А вместо этого приехали «полуинтеллигентные» депутаты, распропагандированные в деревнях революционерами, к тому же отличающиеся дурными нравами и производящие отталкивающее впечатление. Пока думская интеллигенция дебатировала с правительством, оттачивая свое ораторское мастерство, крестьянские депутаты пьянствовали по столичным кабакам, дебоширили, устраивали уличные беспорядки, наводняли Думу народными ходами, такими же, как и они сами. Одним словом, Дума представляла сколок с русской жизни революционной поры. Вот как характеризовал ее товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский: «Достаточно было пообгладеться среди пестрой толпы “депутатов”, (...) чтобы проникнуться ужасом при виде того, что представляло собою первое Русское представительное собрание. Это было собрание дикарей. Казалось, что Русская Земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его “сокровенные чаяния”, то надо было признать, что Россия, еще по крайней мере сто лет, могла держаться только силою внешнего принуждения, а не внутреннего сцепления, и единственный спасительный для нее режим был бы просвещенный абсолютизм. Попытка опереть государственный порядок на “волю народа” была явно обречена на провал, ибо сознание государственности, а тем более единой государственности, совершенно стусевывалось в этой массе под социальной враждой и классовыми вожделениями, а вернее и совершенно отсутствовало. Надежда на интеллигенцию и ее культурное влияние тоже теряла почву. Интеллигенция в Думе была сравнительно малочисленна и явно пасовала пред кипучей энергией черной массы. Она верила в силу хороших слов, отстаивала идеалы, массам совершенно чуждые и ненужные, и была способной служить лишь трамплином для революции, но не созидательной силой».

I Дума проработала всего 72 дня (с 27 апреля по 8 июля). Она оказалась под обстрелом сразу с двух сторон. С одной стороны, черносотенцы, не попавшие в Думу, требовали от царя поскорее ее разогнать, с другой — социал-демократы на рабочих митингах клеймили

кадетскую Думу за трусость и соглашательство с правительством. Самым опасным врагом Думы стал Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — бывший Саратовский губернатор, назначенный в день открытия Думы на пост министра внутренних дел. Свою главную задачу новый министр видел в борьбе с революцией и под этим предлогом решил расправиться с Думой. «Главная позиция, захваченная революцией, — писал Столыпин в газете “Новое время” от 1 июля 1906 г., — это Гос. Дума. С ее неприкосновенных стен, как с высокой крепости, раздаются воистину бесстыжие призывы к разгрому собственности, к разгрому государства и день ото дня наглее, день ото дня разнузданнее, чаще и чаще поднимаются голоса, угрожающие самой Верховной власти». Столыпин, безусловно, знал, как царю приятно читать и слышать подобные высказывания. Ко всему, что склонялось в сторону разгона Думы, Николай II был предельно внимателен. Поэтому министру не стоило большого труда убедить его подписать манифест о ее роспуске. Поводом послужила упомянутая выше программа отчуждения помещичьих земель, не одобренная правительством.

Поскольку кадетская часть Думы и сочувствующие ей депутаты смотрели на себя не как на связанных законом представителей законодательной ветви власти, а как на политических борцов с самодержавием, то, отказавшись подчиняться законному с формальной точки зрения решению царя, они отправились в Выборг и обратились к нации с призывом к гражданскому неповиновению. Однако призыв «выборжцев» не был услышан народом и был проигнорирован полицией. Единственное, чего они добились, — это лишение прав избираться в следующую Думу.

В 1906 г. революция пошла на спад. Широкие народные выступления с массовыми беспорядками сменились индивидуальным террором, принявшим невиданный до той поры размах. За 1906–1907 гг. террористами было убито около 4500 должностных и примерно столько же частных лиц. Террор явно утрачивал политический облик и становился все менее разборчивым. В обществе нарастали усталость и апатия и тем не менее все еще продолжали звучать голоса, одобряющие террористов как выразителей народного сопротивления правительственному деспотизму.

Успокоить страну было поручено П.А. Столыпину, занимавшему одновременно посты председателя Совета министров и министра внутренних дел. Разработанная им программа широко декларировала права и свободы граждан: свободу вероисповедания, гражданское равноправие, неприкосновенность личности, улучшение крестьянского землевладения. Однако все эти блага гражданского общества отодвигались на

неопределенный срок, а в качестве самой ближайшей перспективы Россия получала военно-полевые суды. В губерниях, объявленных на военном положении или на положении «чрезвычайной охраны», создавались особые офицерские суды для скорой расправы над лицами, чья преступная деятельность, как казалось, была налицо и не требовала доказательств. Военно-полевые суды должны были рассматривать дела в течение 48 часов и приводить приговор в исполнение в течение 24 часов. Смертные приговоры выносились без каких бы то ни было юридических процедур и не подлежали обжалованию. За 8 месяцев существования военно-полевых судов, по неполным данным, было казнено не менее 1102 человек.

Не дожидаясь пока успокоится деревня, Столыпин приступил к аграрной реформе. В основе ее лежала мысль об упразднении крестьянской общины. Из крестьянской массы предстояло создать гражданское общество, выделить из ее среды класс собственников-землевладельцев, стремящихся не к захвату чужих имений, а к улучшению собственного хозяйства. Задача была не из легких, но Столыпин со свойственным реформаторам оптимизмом считал, что ему хватит двадцати лет. Формирование гражданского самосознания крестьян премьер начал с уравнивания их в правах с другими сословиями. Указом 5 октября 1906 г. крестьяне освобождались от телесных наказаний, получали право свободного передвижения и выбора места жительства. Вскоре, 9 ноября, последовал новый указ, предоставивший крестьянам право свободного выхода из общины с земельным наделом. Теперь крестьянин мог по собственному усмотрению либо остаться полноправным хозяином на принадлежащей ему земле, либо продать ее и уехать в город. По замыслу Столыпина, делавшего ставку, по его собственным словам, «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», деревня подвергалась естественному отбору. Слабые крестьянские хозяйства, не выдержав конкуренцию, должны были расчистить дорогу крепким хозяйственникам, применяющим передовые способы земледелия. В результате вместо множества мелких и неэффективных крестьянских хозяйств должны были образоваться крупные земельные владения западного типа. Аграрная реформа влекла за собой целый спектр различных преобразований. Для повышения грамотности и общекультурного уровня крестьян вводилось всеобщее начальное образование. Для включения новых хозяев в местное самоуправление предлагалось проводить местные выборы по имущественному, а не сословному принципу, и основной единицей земского самоуправления сделать волость, а не уезд, как это было принято с эпохи Великих реформ.

Аграрные идеи Столыпина во многом базировались на объективном

процессе разрушения общины. Но сам этот процесс значительно опережал изменения в психологии крестьян, предпочитавших фактическое владение землей ее юридическому закреплению за собой. Решение своих проблем они видели в увеличении земельного надела, а не в реструктуризации собственности на землю. Поэтому требования отчуждения помещичьих земель, выдвигаемые левыми партиями, были большинству крестьян понятнее, чем форсированное разрушение общины. Статистика утверждает, что за период 1906–1916 гг. только 22 % (2,5 млн) крестьян покинули общины и что этим крестьянам принадлежало всего 14,5 % пахотной земли (в среднем по три десятины на человека). Иными словами, только беднейшее крестьянство воспользовалось столыпинской реформой, в то время как рассчитана она была в первую очередь на состоятельных землевладельцев. Многомиллионное крестьянство встретило аграрную реформу Столыпина внешне спокойно, но недоброжелательно. На новоиспеченных хозяев-единоличников деревня смотрела как на врагов, и нередко их хозяйства становились жертвой огня или разрушений со стороны соседей-общинников. Бывали случаи, когда крестьяне, подавшие прошения о выходе из общины, забирали их обратно под давлением своих братьев. Столыпинская аграрная реформа не принесла желаемых результатов. Класс крепких фермеров, о котором мечтал премьер, так и не появился. Россия продолжала оставаться страной беднейшего крестьянства, общинных земель и рутинного способа сельхозпроизводства.

Понимая, что данный закон не сможет пройти II Думу, которая по-прежнему будет крестьянской и по-прежнему будет требовать отчуждения земли, Столыпин решил несколько подкорректировать народную волю на новых выборах. Правительство пока еще не решилось на изменение избирательного закона, но выступило с «разъяснением» избирательных прав граждан. В ходе таких «разъяснений» было сокращено количество левых выборщиков, партиям левее Союза 17 октября было отказано в легализации, т. е. они лишились права печатать свои избирательные бюллетени, что, впрочем, не помешало им написать нужное количество бюллетеней от руки.

В выборах во II Думу приняли участие социал-демократы и эсеры. В результате ее состав стал еще более левым, чем состав I Думы. Кадеты, представлявшие левый фланг в I Думе, теперь оказались в центре и уже не в большинстве. Слева от них были социал-демократы с 65 мандатами, партии народнической ориентации (эсеры, трудовики, народные социалисты) с 157 мандатами. Справа находились октябристы (44 места) и черносотенцы (10 мест). По своему интеллектуальному уровню новая Дума

значительно уступала предыдущей. «Думой народного невежества» назвал ее депутат В.А. Бобринский. И хотя думцы уже по опыту знали, чем грозит им конфронтация с правительством, тем не менее они оказались столь же неготовыми к конструктивному сотрудничеству, как их предшественники.

6 марта 1907 г. Столыпин представил Думе проект реформ, встреченный, как и ожидалось, в штыки левым большинством. Его доводы против решения земельного вопроса по принципу «взять и разделить» не были услышаны депутатами, продолжавшими настаивать на отчуждении помещичьих земель. Еще большей атаке подверглись столыпинские военно-полевые суды, несмотря на то что премьер не собирался вносить их в Думу на обсуждение, а следовательно через два месяца после открытия Думы (20 апреля) они автоматически упразднились.

Законодательная деятельность Думы снова зашла в тупик. Роспуск сам по себе в данной ситуации был бесполезен, так как новые выборы привели бы к старому результату. Выхода было два: либо распустить Думу совсем и вернуться к абсолютизму, либо создать ответственное министерство, т. е. правительство, подчиняющееся Думе. Первый путь был чреват новыми революционными потрясениями, второй неприемлем для царя, все еще считавшего себя самодержавным правителем.

В этих условиях Столыпин нашел поистине «соломоново» решение, — не изменяя государственного строя, изменить закон о выборах и вместо реального народного представительства создать его иллюзию.

Пока во II Думе шли дебаты, заместитель Столыпина Крыжановский по его поручению работал над изменением закона о выборах. Новый закон должен был обеспечить представительство «более состоятельных» и «более культурных» слоев. На рассмотрение царя было представлено несколько вариантов, один из которых сам автор проекта назвал «бесстыжим». Со словами: «Я за бесстыжий», Николай подписал именно его. Поводом к роспуску II Думы послужило обвинение, выдвинутое Столыпиным против депутатов социал-демократической фракции в подготовке вооруженного восстания в Петербурге. Была ли это провокация, хитро сплетенная премьером, или депутаты действительно участвовали в заговоре, вряд ли когда-либо удастся установить. И то и другое равновероятно. Но бесспорно, что левые в Думе занимали антигосударственную позицию и использовали думскую трибуну исключительно в целях политической борьбы. В результате сами думцы возложили на них ответственность за роспуск II Думы. Даже кадеты наконец-таки прозрели относительно своих левых «друзей». «Мы приобрели право сказать теперь, — публично заявил П.Н. Милюков, — что, к великому сожалению, у нас и у всей России есть

враги слева. Те люди, которые разнуздали низкие инстинкты человеческой природы и дело политической борьбы превратили в дело общего разрушения, суть наши враги».

3 июня 1907 г. II Дума была распущена. В Высочайшем манифесте о ее роспуске уже вырисовывались контуры нового избирательного закона: «Созданная для укрепления Государства Российского Государственная дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены».

В соответствии с этим положением представительство поляков и народностей Кавказа сокращалось в новой Думе на две трети, а среднеазиатские народности вообще лишались избирательных прав. Что касается «вершителей чисто русских вопросов», то и здесь были внесены существенные изменения. Наименее «русскими» были признаны крестьяне и рабочие. Их представительство в новой Думе сокращалось в 2 и 2,5 раза соответственно. Зато значительно увеличилось количество депутатских мандатов для крупной буржуазии и дворянства. Составляя менее 1 % населения страны, они получали 2/3 мест в новой Думе.

Наибольшее количество голосов в III Думе получили октябристы (154 места). Сенсацией стало образование мощного правого центра из черносотенцев и прочих националистов (147 мест). Затем шли кадеты (53 места), социал-демократы (19 мест) и трудовики (13 мест). Таким образом, Дума имела мощный правый центр в лице октябристов, готовых для получения большинства голосов заключать сделки «налево» и «направо». Это было несомненной победой Столыпина. У него были лично хорошие отношения с лидером октябристов, а с 1910 г. и председателем Думы А. И. Гучковым. С его помощью он мог проводить через законодательное собрание практически любые законы. Если речь шла о либеральных мерах, то октябристы голосовали вместе с кадетами, если же нужно было принять решение консервативного или националистического толка, то большинство достигалось слиянием голосов октябристов и черносотенцев. Для большей надежности Столыпин не брезговал и прямым подкупом депутатов за счет так называемых «секретных фондов».

За время пребывания Столыпина у власти Россия смогла преодолеть революционный кризис. В стране наметился экономический подъем и

социальная стабилизация. Высокие урожаи 1912 и 1913 г. сняли напряженность в деревне. Укрепленный еще при Витте золотой рубль продолжал оставаться одной из самых твердых мировых валют. Каждый рубль был обеспечен золотом на 98 %. Это сделало российскую экономику привлекательной для иностранных инвестиций. Начался новый промышленный подъем. За полтора десятилетия XX в. добыча каменного угля выросла более чем вдвое. Продолжались нефтяные разработки, хотя темпы роста здесь из-за пожаров 1905 г. в Бакинском районе были значительно меньше. Открытие новых залежей железной и марганцевой руд на юге России и в Закавказье обеспечило быстрый рост металлургической промышленности с многократным увеличением выплавки стали, чугуна и меди.

Потребности железнодорожного строительства (рельсы, вагоны, паровозы) обслуживались преимущественно российскими производителями. Фабрично-заводское оборудование все еще ввозилось из-за границы. Но и здесь наметилась тенденция к развитию отечественного производства: за три года (1911–1914 гг.) почти вдвое увеличился основной капитал машиностроительных заводов. Быстро развивающаяся текстильная промышленность едва удовлетворяла растущий спрос, поэтому вместе с увеличением выпуска отечественной продукции увеличивался и импорт тканей.

Бюджетный профицит за предвоенное десятилетие составил свыше 2 млрд руб. Поступления в казну осуществлялись не за счет роста прямых и косвенных налогов, а за счет роста потребительских возможностей населения. Львиную долю бюджетных поступлений составляла винная монополия. Продажа водки, увеличившаяся за два предвоенных года на 16 млн ведер (17 %) давала казне 1 млрд руб. при 3,5 млрд общего годового бюджета.

Экономический подъем не только смог выдержать естественный прирост населения на 50 млн человек за период с 1894 г. по 1914 г., что составило более 40 %, но и обеспечить рост жизненного уровня. Значительно возросло потребление на душу населения сахара и чая (дорогих по тем временам продуктов), вклады населения в государственные сберкассы увеличились с 300 млн руб. в 1894 г. до 2 млрд руб. в 1914 г. Среднегодовой заработок рабочего вырос с 201 руб. в 1901 г. до 255 руб. в 1912 г. При этом количество самих рабочих за четыре предвоенных года возросло на треть. Косвенным образом этому способствовала столыпинская аграрная реформа. Сельские бедняки, те, которых Столыпин называл «убогими и пьяными», продавали свои

полученные от общины земельные участки и отправлялись в город, где пополняли люмпенизированные слои пролетариата, становясь легкой добычей большевиков.

При всем стремительном росте экономического развития Россия по-прежнему оставалась одной из беднейших стран Европы. Если в Англии накануне войны национальный доход на душу населения составлял 243 доллара, во Франции — 185 долларов, в Германии — 146 долларов, то в России всего — 44 доллара. Но при этом темпы развития позволяли строить оптимистические прогнозы. Традиционная революционность русской интеллигенции шла на убыль по мере спада революционной волны. В обществе заметно нарастали консервативные тенденции.

Тем не менее катастрофа приближалась. В 1914 г. Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну. Для европейцев Первая мировая война не стала неожиданностью. Ее ждали, о ней много говорили и писали. Все понимали, что стремительное развитие европейского континента за последние десятилетия XIX в., тесное переплетение политических и особенно экономических интересов, образование крупных военных блоков, борьба за мировые рынки сбыта, сферы влияния и многое другое исключают возможность локальных военных конфликтов и неизбежно влекут за собой глобальную войну не только европейских, но и мировых держав. Но какой будет эта война, станет ли она эпилогом человеческой истории, или же завершится всеобщим примирением после первого же генерального сражения — этого никто не знал. Военные эксперты склонялись ко второй точке зрения, считая, что национальные экономики европейских стран настолько связаны между собой, что длительной войны они просто не выдержат. Это было одним из заблуждений. Именно высокий индустриальный уровень Англии, Франции и Германии позволил этим странам вести многолетнюю разрушительную войну. Труднее всех пришлось отсталой России. Но ее почти неиссякаемые человеческие силы, помноженные на быстрый экономический рост предвоенных лет, дали возможность и ей на протяжении длительного времени с переменным успехом вести боевые действия, и только большевистский переворот помешал России оказаться в числе стран-победительниц.

Габсбургская монархия в XIX веке: от абсолютистской империи к конституционному государству

Начало XIX в. стало важным рубежом в истории Австрии. К этому

времени государственно-правовой статус владений Дома Габсбургов (или Австрийского дома) продолжал оставаться неопределенным. На протяжении многих веков Габсбурги носили корону Священной Римской империи германской нации. В состав этой империи входила часть владений династии — немецкие и чешские земли. Габсбург являлся курфюрстом, т. е. выборщиком императора Священной Римской империи в качестве короля Богемии (Чехии). Земли же Венгерского королевства, перешедшие к Габсбургам, как и земли Чешского королевства, по династическому договору в 1526 г., не входили в состав империи. Внутри своих владений Габсбурги носили титулы эрцгерцогов Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, королей Богемии и Венгрии, маркграфов Моравии и т. д. Причем, каждая из составных частей владений династии сохраняла свою историко-этническую идентичность; свои законы и сословные представительства. Только принятый в 1713 г. первый общий для всех владений австрийских Габсбургов закон (Прагматическая санкция), зафиксировавший принцип их единства и неделимости, законодательно закрепил государственно-правовую связь разнородных королевств и земель. Реформы, проведенные во второй половине XVIII в. Марией Терезией и Иосифом II, способствовали консолидации немецко-чешского ядра империи. Монархия Габсбургов, не имевшая даже официального названия, была прежде всего династическим государством. Габсбурги воплощали наднациональную имперскую идею. Под их скипетром объединялось много народов: немцы, чехи, венгры (мадьяры), хорваты, словаки, словенцы, сербы, поляки, русины, румыны, итальянцы и еще ряд национальных меньшинств. Важным обстоятельством было то, что австрийские немцы никогда не составляли большинства населения: по переписи 1851 г. их насчитывалось 21,6 % (7,9 млн из 36,5 млн всех жителей), итальянцев было 15,3 %, венгров — 13,4 %, чехов — 11 %. Не слишком изменилась картина и к 1910 г., когда немцы составляли 23,9 % из 51 млн жителей, венгры — 20,2 %, чехи — 12,6 %. Таким образом, империя была многонациональным государством, народы которого исповедовали к тому же разную религию. В 1910 г. в стране насчитывалось 77,2 % католиков, 8,9 % протестантов, 8,7 % православных, почти 4 % иудеев и 1 % мусульман. Все это определяло специфику развития монархии Габсбургов в XIX в.

Бурные перемены, происходившие на европейском континенте в связи с Французской революцией и Наполеоновскими войнами, оказали серьезное влияние и на судьбу Австрии. Завоевания Франции в Германии, реформы, проводимые в германских государствах, и, прежде всего, создание 12 июля 1806 г. под протекторатом Наполеона Рейнского союза из

16 южных и юго-западных государств, вышедших из состава империи, превратили ее по сути в фикцию. 6 августа 1806 г. Франц II Габсбург сложил с себя корону Священной Римской империи и объявил о ее роспуске. Еще раньше произошли коренные изменения в правовом характере власти Габсбургов над династическими землями. В ответ на провозглашение Наполеона французским императором Франц принял 11 августа 1804 г. титул императора Австрии — Франц I. Таким образом, его владения преобразовывались в наследственную империю, хотя в патенте говорилось лишь о комплексе отдельных королевств и земель, которые сохраняют свои титулы, конституции и привилегии. Тем не менее в историографии принято говорить об Австрийской империи или Габсбургской монархии.

Границы этого государственного образования в период наполеоновских войн, активным участником которых являлась Австрия, неоднократно менялись. Дважды империя потерпела сокрушительное поражение, дважды Наполеон вступал в Вену, в 1805 г. и в 1809 г., и диктовал условия мира, по которым монархия потеряла значительную часть своих земель, в том числе Венецию, Истрию, Далмацию, Триест, Тироль, Форарльберг, часть Каринтии и Хорватии, Западную Галицию. Последнее поражение было настолько тяжелым, что речь шла о самом существовании государства. Наполеон требовал даже отречения Франца. Австрия была на грани банкротства.

В этих сложнейших условиях министром иностранных дел был назначен К.В.Л. Меттерних, занимавший до этого пост австрийского посла в Париже и хорошо знавший Наполеона. В истории Австрии началась так называемая «эра Меттерниха», продлившаяся до революции 1848 г.

Граф (с 1813 г. князь) Клеменс Венцель Лотар Меттерних-Виннебург-Байльштайн (15.5.1773-11.6.1859), представитель древнего рейнского рода, родился 15 мая 1773 г. в Кобленце. Его отец находился на императорской дипломатической службе. Потеряв в ходе французской революции свои рейнские владения, семья Меттерниха переехала в Вену. Женитьба в 1795 г. на внучке бывшего австрийского канцлера В. Кауница ввела молодого человека в круги политической элиты империи и открыла перед ним возможности успешной дипломатической карьеры. Его влекло дипломатическое поприще, он рано понял, что судьбы мира часто вершатся в тиши кабинетов, а не на полях сражений. В 1801 г. он был назначен посланником в Дрезден, в 1803 г. — в

Берлин, а в 1806 г., по желанию Наполеона, в Париж. В октябре 1809 г., после поражения Австрии в войне с Францией, он стал министром иностранных дел. Ясность ума, выдающаяся способность верно оценить ситуацию и принять соответствующее моменту решение позволили Меттерниху завоевать доверие императора в период тяжелых испытаний, выпавших на долю Австрии во время наполеоновских войн.

Вершиной дипломатической деятельности Меттерниха стал Венский конгресс 1814–1815 гг. Мастер изощренной дипломатической игры, он сумел обеспечить Австрии положение державы первого ранга в «европейском концерте», закрепив ее ведущие позиции в Германии и Италии. Эпоха конгрессов Священного союза 1818–1822 гг. стала торжеством системы Меттерниха, суть которой заключалась в обеспечении равновесия сил в Европе и сохранении стабильности и порядка внутри государства. Он стремился поставить заслон либеральным и национальным движениям, которые угрожали самому существованию многонациональной империи. Современники часто называли его «кучером Европы» и «лекарем революций». Почти сорок лет Меттерних определял политику Австрии. В 1821 г. он получил высший государственный пост канцлера. Про Меттерниха говорили, что он служил трем поколениям дома Габсбургов, хотя никогда не был слугой: императором Францем он руководил, за Фердинанда управлял, а Францу Иосифу давал советы.

Революция 1848 г. привела к отставке Меттерниха, он был вынужден эмигрировать. Вернувшись в 1851 г. в Австрию, бывший канцлер до последних дней пытался оказывать влияние на политику, высказывая политические предложения, свои оценки, но они уже мало на что влияли. Наступила другая эпоха, которая требовала иных государственных деятелей.

Стержнем послевоенной политики Меттерниха было примирение с Францией. Он писал императору Францу, что Вена должна научиться искусству лавирования. Сам же Меттерних владел этим искусством в совершенстве. Он стремился проводить Realpolitik, его первой задачей было обеспечить истощенной стране спокойствие и порядок, оздоровить финансы, оживить экономику. Для активной внешней политики больше не было ресурсов.

Прагматичный подход нового министра иностранных дел к политике сказался и в активной роли, которую Меттерних сыграл при заключении брака Наполеона с дочерью Франца I эрцгерцогиней Марией Луизой, что укрепило связи с Францией. Стабилизация внешнеполитического положения империи позволила обратиться к осуществлению реформ внутри страны. Брат императора эрцгерцог Карл (победитель Наполеона при Асперне в 1809 г.) руководил военной реформой. Главным достижением этого периода стала модернизация правовой системы. В 1811 г. было принято «Всеобщее гражданское законодательство», было реформировано и уголовное законодательство. В немецко-чешских землях (Венгрия отказалась признать новые законы) вводилась единая правовая система, провозглашалась свобода и неприкосновенность личности и собственности. Это был важный шаг на пути создания правового государства.

Большое значение для будущего страны имели и реформы в области образования. В наследственных землях была создана государственная школьная система, доступная всем социальным классам, что позволило школе стать важным инструментом социальной мобильности. Средняя степень образования также реформировалась. Потребности развивавшейся экономики привели к необходимости открытия новых реальных училищ и высших технических школ в разных землях империи.

Однако несмотря на некоторое оживление экономики стабилизировать финансы все же не удалось. Расходы на войны покрывались за счет большой эмиссии бумажных денег, и в 1811 г. государство вынуждено было объявить себя банкротом. В определенной степени это было связано с тем, что центр никогда не являлся собственником богатств земель и был вынужден договариваться с ландтагами (сословными представительствами земель) о размере налогов, особые сложности всегда вызывали переговоры с Венгрией.

Когда разразилась новая европейская война — Великая армия Наполеона вторглась в Россию — Австрия находилась в союзе с Францией. Однако поражение Наполеона и начало освободительной войны в Германии заставили монархию сменить курс. Меттерних стремился обеспечить Австрии роль посредника в восстановлении мира и равновесия в Европе. Во многом благодаря его искусной дипломатии Австрийская империя смогла сохранить статус великой державы и сыграть одну из главных ролей на Венском конгрессе, где решалась судьба послевоенной Европы.

Меттерних был убежден, что сохранение целостности многонационального габсбургского государства возможно лишь при

устойчивом равновесии сил в Европе, которое обеспечивает «концерт европейских держав». Его усилия были направлены на то, чтобы укрепить позиции Австрии в Европе, добиться для нее преобладающего влияния в Италии и Германии. По решениям конгресса восстанавливались границы Австрии на 1797 г., за исключением Австрийских Нидерландов. Были возвращены Тироль и Форарльберг, а также приобретен Зальцбург. В состав империи вошли Ломбардо-Венецианское королевство, в Модене, Парме и Тоскане правили боковые ветви Габсбургского дома. Таким образом, значительная часть Италии, причем экономически наиболее развитые провинции, находилась в сфере влияния Австрии. Она обеспечила себе также доминирующие позиции в созданном на конгрессе Германском союзе, включившем в себя немецко-чешские земли империи.

Меттерних, во многом определявший политику империи после 1809 г., ставший канцлером в 1821 г., вопреки распространенному мнению никогда не стремился к реставрации старых порядков. Он понимал необратимость происшедших в Европе изменений. Австрийский канцлер был не ретроградом, а консерватором. «Консервативный принцип, — писал он, — вот что формирует основу внутренней и внешней политики Австрии. Наше существование и мир в Европе теснейшим образом связаны с поддержанием этого принципа». Свою задачу Меттерних видел в том, чтобы обеспечить порядок и стабильность в империи, оградить ее от возможности революционного взрыва. В рамках всей Европы эту охранительную роль был призван выполнять Священный союз, в рамках Германии — руководство Германского союза.

В Вене считали, что необходимо твердо противодействовать всякому стремлению к переменам, так как любая попытка что-либо изменить повлечет за собой лавину революции, ввергнет страну в хаос, будет угрожать самому существованию монархии. В этом противостоянии анархии, в сохранении единства и стабильности в империи монарх может опираться на бюрократию, армию и католическую церковь. Эти институты носили наднациональный характер и, наряду с фигурой императора, являлись теми скрепами, которые обеспечивали целостность государства.

Меттерних, во многом определяя внешнюю политику империи, в области внутренней политики не имел решающего голоса. Здесь важную роль играл его противник граф Ф.А.Коловрат, отвечавший в Государственном совете за внутреннюю и экономическую политику. В придворных кругах, в среде высшей бюрократии у Меттерниха было много врагов. Именно поддержка монарха обеспечивала его особое положение в системе власти. После смерти в 1835 г. Франца I Меттерних утратил свою

главную опору. На престол в соответствии с принципом легитимности вступил не способный к управлению старший сын Франца эпилептик Фердинанд I. При нем был создан Государственный совет под руководством его дяди эрцгерцога Людвига. В совет входили Меттерних и Коловрат, взаимная вражда которых нередко блокировала работу этого органа управления.

Важнейшей проблемой, которая сдерживала экономическое развитие страны, являлась нехватка финансовых средств. Благодаря основанию в 1817 г. Национального банка, реформированию налоговой системы и ряду других мер правительства, финансовое положение страны постепенно стабилизировалось, что открыло возможности для довольно длительного благоприятного экономического развития вплоть до кризиса 1847 г. В этот период (так называемый предмартовский, т. е. до мартовской революции 1848 г.) в стране развернулась промышленная революция и началось становление индустриального общества. Это было время активного железнодорожного строительства, роста текстильного производства. Промышленность развивалась прежде всего в немецких и чешских землях, восточные и юго-восточные области (Венгерское королевство, Галиция) оставались аграрными, что еще более усугубляло различия в уровне развития земель империи.

Хотя в Австрии к середине XIX в. и не сложилось еще достаточно развитого, экономически и политически активного «третьего сословия», а крупная буржуазия была тесно связана с правящими кругами и аристократией, тем не менее и здесь в буржуазную среду начинают проникать либеральные идеи. Главными носителями их стали образованные городские слои. В связи с ускорением индустриализации обострялись и социальные проблемы. Под влиянием европейских революций 1830 г. в стране оживилось оппозиционное движение. Ответом властей на это стало усиление полицейского надзора. Однако несмотря на полицейский гнет и жесткую цензуру, все более широкие слои населения в 40-е годы вовлекаются в политику, выступают против политической системы в целом. В это время оформляются различные политические течения, которые во весь голос заявят о себе в 1848 г.

Помимо либеральных и демократических движений все большую силу набирали и национальные движения различных народов империи. Национализм, одно из важнейших идейных течений XIX в., представлял реальную угрозу существованию многонационального государства. Националистические доктрины, разработанные немецкими романтиками, рассматривали этническую принадлежность и язык как основные

составляющие, определяющие идентичность сообщества. С конца XVIII в. начинается становление национального самосознания народов империи, обращается особое внимание на развитие национальной культуры, языка, пишутся национальные истории. В связи с развитием капитализма и формированием национальной буржуазии в 30-40-е годы XIX в. эти процессы ускорились, что привело к политическому оформлению национальных движений. Наиболее активным национальное движение было в тех землях, которые имели исторический опыт существования в качестве самостоятельных государств — у венгров, чехов, поляков, у стремившихся к созданию единого государства итальянцев.

Венгры сохранили традиции своей государственности даже в составе монархии Габсбургов. В Венгерском королевстве продолжало действовать Государственное собрание (сословное представительство) и сословная конституция. Само королевство являлось многонациональным образованием, здесь жили словаки, хорваты, сербы, румыны, причем мадьяры не составляли большинства населения. Тем не менее мадьярский национализм выдвигал программу создания национального государства во всех землях короны св. Стефана. Это вызывало противодействие невенгерских народов, в среде которых также развивались национальные движения, особенно у хорватов.

У южных славян накануне революции определенное распространение получили идеи иллиризма. Его идеологи предлагали создать под властью Габсбургов Иллирийское королевство в составе Хорватии, Славонии и Далмации. Они подчеркивали этническое родство хорватов и сербов, не считали существенными конфессиональные различия между ними и стремились к объединению южных славян в рамках единого государственного образования. Иллиризм стал идеологическим противовесом мадьярскому национализму.

В землях Чешского королевства (Чехии, Моравии, Силезии) этнический состав также был пестрым. Со времен средневековья здесь рядом со славянами жили немцы, составлявшие большинство населения городов и занимавшие ведущие позиции в экономике и муниципальном управлении. Эти земли, наряду с собственно австрийскими, представляли собой ядро габсбургского государства, которое подверглось реформированию еще в период правления Марии Терезии и ее сына и где была создана централизованная система управления. Они были самыми развитыми в промышленном отношении, здесь жило наиболее образованное население. В период экономического подъема в Чехии начинает формироваться национальная буржуазия, появилась чешская

интеллигенция, активно выступавшая за национальное возрождение. Ее лидеры во главе с Ф.Палацким выдвинули программу австрославизма, т. е. обеспечения равноправия славян в рамках Австрийской империи.

В результате разделов Польши Габсбурги получили обширную провинцию — Галицию. Польская шляхта, хотя и не оставляла надежд на восстановление независимой Польши, все-таки в составе Австрийской империи чувствовала себя лучше, чем поляки в Пруссии и России. Галиция даже рассматривалась частью польской элиты как плацдарм, откуда начнется возрождение исторической Польши. Важным было и то, что центральная власть помогала обеспечить господство шляхты над крестьянством — православными русинами. Тем не менее революционные события затронули и поляков, которые выступили со своими национальными требованиями.

Ситуация в Ломбардо-Венецианском королевстве осложнялась тем, что за его пределами, в других итальянских государствах, набирали силу движения, целью которых было создание единой Италии. Естественно, они оказывали сильное воздействие на итальянцев, против своей воли оказавшихся в составе монархии Габсбургов. Национальное движение здесь стремилось к освобождению из-под власти Вены.

Недовольство закостеневшей системой Меттерниха с ее всевластием полицейского аппарата охватывало все более широкие слои населения. Экономически окрепшая буржуазия требовала политических прав. Народы империи заявляли о стремлении обеспечить свою идентичность и равноправие. Эти тенденции нарастали в стране, державшейся в жесткой узде меттерниховской системы. Два десятилетия правящим кругам Австрии еще удавалось держать ситуацию под контролем. Однако политика сдерживания не могла быть эффективной в долгосрочной перспективе.

Все эти настроения вырвались наружу в период революционных потрясений 1848–1849 гг., поставивших под вопрос само существование многонациональной монархии Габсбургов.

Революция в Австрийской империи стала частью общеевропейской революционной волны 1848 г. Австрийская революция была теснейшим образом связана с германской. Их объединил важнейший вопрос — создание единого немецкого национального государства. Однако в центре австрийской революции находилась национальная проблема, которая во многом определила развитие и исход революции. Империи пришлось столкнуться с революционными выступлениями в своих итальянских владениях, в австрийских и чешских землях, в Венгрии.

Не только национальные движения, но и движения социального

протеста сыграли большую роль в революционных событиях. Неурожаи 1846–1847 гг., экономический кризис 1847 г., поставивший страну на грань финансового коллапса, серьезно ухудшили положение населения и способствовали радикализации его настроений. В крупных городах рабочие приняли участие в революции. Угроза крестьянских выступлений заставила правительство провести аграрную реформу. Однако основную массу участников революционных процессов составляло образованное бюргерство: интеллигенция, студенчество, мелкобуржуазные слои. Их лозунгом была конституция, новая организация государства и общества на либеральных началах. Лидеры либеральной партии сознавали возможность социальной радикализации революции и боялись ее. Эти опасения во многом определили политику либерального центра, который стремился ограничить революцию.

Первыми на известия о революционных событиях во Франции откликнулись венгры. На заседании Государственного собрания Венгрии лидер оппозиции Л. Кошут выступил 3 марта 1848 г. с эмоциональной речью, в которой потребовал ответственного перед парламентом правительства и введения конституции для всей империи. На следующий день его речь была переведена на немецкий язык и распространена в Австрии, что вызвало широкое петиционное движение по всей стране.

Протестные выступления переросли 13 марта 1848 г. в Вене в восстание против имперских властей. Недовольство всех этих сил было направлено против Меттерниха, который стал в империи и в Германском союзе символом реакции, воплощением деспотизма. Двор и правительство капитулировали, отправив в отставку Меттерниха, который был вынужден покинуть страну.

Наиболее сильную угрозу династии представляло венгерское революционное движение, возглавляемое Кошутом. Начавшись восстанием 15 марта в Пеште, революция, носившая антиабсолютистский характер, вскоре победила во всей Венгрии. Страна получила первое ответственное перед Государственным собранием правительство. Парламент принял ряд законов, упразднявших феодальную зависимость, вводивших свободу слова, печати, собраний, вероисповеданий, равенство всех перед законом. Фактически сохранялась лишь персональная уния с Австрией. Под давлением революционных выступлений венгров австрийский император Фердинанд I в конце марта был вынужден официально утвердить эти законы.

Вскоре двор объявил о предстоящем созыве представительного собрания для выработки конституции и о создании нового высшего

коллегиального и ответственного перед будущим парламентом органа исполнительной власти — Совета министров. 25 апреля был опубликован текст конституции, где провозглашались демократические свободы и предусматривалось создание двухпалатного парламента, а 11 мая — издан избирательный закон, устанавливавший высокий имущественный ценз. Вся полнота исполнительной власти закреплялась за императором, которому принадлежало также право абсолютного вето в отношении законов, принятых парламентом.

Оба закона вызвали возмущение широких слоев общества и привели 15–16 мая к антиправительственному выступлению жителей Вены. Результатом этого давления стали указы о создании однопалатного законодательного собрания и некоторой демократизации избирательной системы: предусматривались двухстепенные выборы, в которых должны были участвовать все мужчины.

Хотя основные требования оппозиционных сил были довольно быстро удовлетворены, вскоре стало ясно, что этим дело не ограничится. Речь шла о самой возможности дальнейшего существования многонационального государства. Выступления ненемецких народов империи со своими национально-политическими требованиями выдвинули этот вопрос на первый план. Революция 1848 г. ознаменовала переход от идеологического к политическому национализму. Произошедшие в стране события поставили и австрийских немцев перед трудным выбором: или сохранение целостности монархии Габсбургов, трансформированной в конституционное государство, или объединение всех германских государств и создание единой немецкой нации. Этот дуализм наложил отпечаток на самосознание австрийских немцев на многие годы.

Проблема создания единого немецкого государства, подразумевавшая включение в его состав полностью или частично территории Австрийской империи, затрагивала судьбы многих народов Центральной Европы. В ответ на подготовку к выборам в общегерманское Франкфуртское собрание, в кругах славянских либеральных политиков родилась идея созыва съезда представителей национальных движений славянских народов для выработки общей платформы. 2 июня 1848 г. в Праге под председательством Ф. Палацкого открылся славянский съезд. Угроза включения славянских земель в состав Великой Германии заставляла славян сплотиться вокруг Австрии, способной, по их мнению, защитить славянские народы от исчезновения в немецком государстве. В центре обсуждения на съезде был вопрос о преобразовании Австрийской империи в конституционную федеративную монархию, где все народы пользовались

бы равными правами. Подавляющее большинство делегатов высказались за идеи австрославизма и против включения чешских земель в общегерманское государство.

В то время, когда делегаты съезда обсуждали «Манифест к европейским народам», на улицах Праги развернулась вооруженная борьба между правительственными войсками и восставшими жителями города. Июньское пражское восстание стало кульминацией революции в чешских землях, оно было жестоко подавлено, а Славянский съезд распущен властями. Несмотря на то что потенциал революции еще не был исчерпан, в ходе ее наметился перелом. Громкие победы армии Й. Радецкого в Италии над пьемонтскими войсками вызвали взрыв патриотических настроений австрийских немцев.

В этой обстановке состоялись выборы в имперское собрание (рейхстаг), начавшее работу в Вене 22 июля 1848 г. В центре его деятельности находились обсуждение аграрного вопроса и разработка новой конституции. После долгих дебатов рейхстаг принял закон об отмене повинностей крестьян на основе умеренного выкупа, который частично погашался государством. Это стало одним из важнейших социальных завоеваний революции. После решения аграрного вопроса крестьяне потеряли интерес к революции.

В Венгрии была проведена более радикальная, чем в Австрии, аграрная реформа, крестьяне были освобождены без выкупа. Личные свободы и землю здесь получило все население, но вопрос о национальных правах невенгерских народов даже не был поставлен. Стремление сохранить гегемонию мадьярской нации как государствообразующего этноса Венгерского королевства, идея единой политической мадьярской нации исключали всякую возможность уступок национальным требованиям других народов Венгрии. Поэтому венгерская революция стала быстро терять своих потенциальных союзников, а австрийские правящие круги сделали все, чтобы раздуть пламя межнациональной розни. Самым опасным для Венгрии был хорвато-венгерский конфликт. Руководство национальных движений сербов, хорватов и трансильванских румын стало союзником Вены. В сентябре 1848 г. с вторжения на венгерскую территорию войск хорватского бана (наместника императора) Й. Елачича началась война против Венгрии.

В начале октября 1848 г. в Вене вспыхнуло восстание студентов, ремесленников и рабочих, выступивших в защиту венгерской революции. Город перешел в руки восставших, которые протестовали против отправки имперских войск для подавления революционной Венгрии. Эта «красная

революция» явилась тревожным сигналом для контрреволюционных сил. 30 октября фельдмаршал А. Виндишгрец неподалеку от Вены нанес поражение двигавшимся на помощь восставшим венгерским войскам. После длительной осады столица была взята штурмом.

Главной задачей Габсбургов стало подавление революции в Венгрии. Правящие круги империи, в первый период революции пребывавшие в состоянии некоторой растерянности, консолидировались и перешли в наступление. Это предполагало не только вооруженную борьбу. В ноябре 1848 г. во главе Совета министров встал умный и решительный политик князь Ф. Шварценберг. Он понимал необходимость серьезных изменений в империи. Его ответом на социальные беспорядки была революция сверху — политика консервативной модернизации. Практически недееспособного императора Фердинанда I заставили 2 декабря 1848 г. отречься от престола в пользу 18-летнего племянника Франца Иосифа, находившегося под сильным влиянием Шварценберга.

Австрийский император Франц Иосиф I (18.08.1830-21.11.1916), вступивший на трон 18-летним юношей в разгар революционных событий 1848 г., закончил свое царствование во время Первой мировой войны. 68 лет занимал он один из старейших и самых значительных европейских престолов — престол династии Габсбургов. Его правление — это целая эпоха в истории многонациональной Австрийской империи.

Франц Иосиф не отличался выдающимися способностями. Он скорее был первым чиновником своего государства, педантично вникавшим во все мелочи управления. Главную свою задачу Франц Иосиф видел в сохранении наследия Дома Габсбургов. Династическая идея составляла основу его мировоззрения. В его системе ценностей центральное место занимала преданность династии и католической церкви. Укреплению единства и мощи Австрийской империи Франц Иосиф и посвятил свою жизнь.

Управляя многонациональной империей в эпоху подъема национализма, сам Франц Иосиф всегда оставался воплощением национальной и религиозной терпимости. Он враждебно относился к национализму, и прежде всего, к его немецкому варианту. На протяжении долгого правления ему неоднократно приходилось идти на компромиссы. Важнейшим из них стало австро-венгерское соглашение 1867 г., по которому единая

абсолютистская империя преобразовывалась в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, где вводилось конституционное правление.

Францу Иосифу пришлось пережить много личных трагедий. В 1889 г. покончил с собой его единственный сын, наследник престола эрцгерцог Рудольф. Эта смерть до сих пор окутана легендами. Через девять лет его жена, императрица Елизавета, погибла от рук итальянского анархиста. Франц Иосиф мужественно переносил эти удары судьбы. Человек долга, он продолжал неустанно трудиться на благо своего государства.

На рубеже веков Франц Иосиф являлся для многих своих подданных олицетворением империи. 80-летний император говорил экс-президенту США Теодору Рузвельту: «Вы видите во мне последнего европейского монарха старой школы». Франц Иосиф пользовался глубоким уважением среди широких масс населения и был очень популярен в стране. Император умер в разгар Первой мировой войны. Вместе с ним ушла целая эпоха — эпоха империи.

4 марта 1849 г. имперское собрание, практически закончившее разработку либеральной конституции, которая предусматривала федерализм исторических земель, было разогнано правительством. В тот же день была октроирована (дарована императором) новая конституция. Она закрепляла централизацию монархии и предоставляла императору право издавать законы и накладывать вето на решения парламента, выборы в который обуславливались высоким имущественным и возрастным цензом. Но и эта конституция никогда не была введена в действие. Она оставалась лишь фасадом, скрывавшим стремление восстановить неограниченную власть монарха.

Вооруженная борьба в Венгрии продолжалась и в 1849 г. 14 апреля 1849 г. венгерский парламент объявил о низложении династии Габсбургов и Кошут провозгласил Венгрию республикой. Серия побед венгров над австрийскими войсками весной 1849 г. серьезно осложнила положение империи и заставила Вену обратиться за помощью к России. Судьбу революционной Венгрии решила 200-тысячная русская армия. 13 августа 1849 г. венгры были вынуждены сложить оружие.

Революция в Австрийской империи потерпела поражение в значительной мере потому, что революционные силы были расколоты как в социальном отношении, так и по национальному признаку. Политические и

социальные конфликты переkreщивались с национальными. Это была революция наций, каждая из которых поставила вопрос о структуре всего государства, о самом его существовании. И решался этот вопрос по-разному, здесь не было единства. Проблема осложнялась еще и тем, что речь шла о положении немцев в империи, об их ведущей роли в Австрии и их принадлежности к Германии, что сталкивало их с национализмом славянских народов. Народы империи преследовали в этой революции различные цели. Это открывало перед контрреволюционными силами возможности для маневра, которыми они успешно воспользовались для подавления революции.

Вступивший на престол в разгар революционных событий Франц Иосиф был вынужден дать обещание править как конституционный монарх. Однако он был непреклонен в своем стремлении освободиться от этих обязательств и сразу же после консолидации положения в монархии осуществил это намерение. В декабре 1851 г. императорский патент отменил действие конституции 1849 г. и восстановил абсолютизм. Но это не означало возвращения к домартовским реалиям. Революционный шок не прошел бесследно для правящей элиты, стала очевидной необходимость социально-экономической модернизации империи.

Система управления, осуществлявшаяся в 1851–1859 гг., получила название неоабсолютизма, а по имени министра внутренних дел, проводившего ее в жизнь, А. Баха, ее нередко называли «баховской системой». Политика неоабсолютизма была направлена на создание сильного централизованного государства с общими финансами, единой таможенной системой и единой военной организацией, монархии, где были бы стерты всякие границы между австрийскими и неавстрийскими землями. Таким образом, это была своего рода «революция сверху», попытка сформировать из разнородных земель «современное государство» и обеспечить его единство. При проведении этой политики правительство опиралось на армию и чиновничество, как на носителей наднациональных интересов, и на союз с католической церковью. Конкордат, заключенный в 1855 г. с Римом, вернул церкви ряд прав и привилегий, которых она была лишена еще в правление Иосифа II.

Происходили изменения и в социальной структуре общества. Освобождение крестьянства от феодальных повинностей было проведено на довольно выгодных для него условиях, что способствовало развитию капиталистических отношений в деревне. Правительство проводило активную экономическую политику, которая привела к укреплению позиций австро-немецкой промышленной буржуазии. Эта политика

способствовала складыванию единого общеимперского рынка.

Первым шагом на этом пути стало введение в 1850 г. единой для всей империи системы налогов. С 1 июня 1851 г. были отменены таможенные перегородки между Австрией и Венгрией, что облегчило австрийским товарам и капиталам путь на восток империи. В 1853 г. был заключен таможенный договор с Пруссией и другими германскими государствами о взаимном снижении пошлин.

Ускорению промышленного развития способствовало создание крупнейших акционерных банков, которые решали проблему кредитования капиталистических предприятий. Большое значение имело и строительство железных дорог, которое ускорилось после принятия закона 1854 г. о железнодорожных концессиях, предоставлявшего предпринимателям значительные льготы. Расширение железнодорожного строительства дало новый импульс развитию таких отраслей промышленности, как горнодобывающая, металлургическая и машиностроительная. Росла и техническая оснащенность промышленности.

Темпы промышленного развития были неодинаковыми в различных землях империи. Большинство областей оставались аграрными, три четверти населения были заняты в сельском хозяйстве. Наиболее интенсивно промышленное производство развивалось в Нижней Австрии, Чехии, Моравии и Силезии, где создавалась фабрично-заводская промышленность.

Однако несмотря на успехи, достигнутые в 50-е годы, в целом Австрийская империя в промышленном отношении отставала от передовых европейских стран. В середине XIX в. объем промышленной продукции на душу населения в наиболее развитой западной части монархии составлял лишь 25 % от английского показателя и 75 % от германского.

От экономической политики неоабсолютизма выиграла прежде всего австро-немецкая буржуазия. Ее исключительное положение явилось важным фактором обострения национальных противоречий в стране.

Росту оппозиции немало способствовала и централизаторская внутренняя политика правительства. «Баховская система» была попыткой централизовать монархию полицейско-бюрократическими методами. В стране было введено новое административное деление. Вся власть на местах передавалась имперской бюрократии. Наместничествами управляли штатгальтеры, которые подчинялись министру внутренних дел. Хорватия-Славония, Трансильвания, Воеводина и Банат, которые составляли земли венгерской короны, были отделены от Венгрии. Во главе Венгрии, разделенной на пять округов, был поставлен генерал-губернатор. В ней до

1854 г. сохранялось чрезвычайное положение.

Реформировались и центральные органы управления. В качестве совещательного органа при монархе с 1851 г. начал функционировать имперский совет, состоявший из 9 назначаемых императором советников. Для обсуждения вопросов управления периодически проводились также конференции министров. Однако большой роли эти органы не играли. После смерти в 1852 г. министра-президента Ф. Шварценберга Франц Иосиф сосредоточил в своих руках всю власть.

Помимо административных реформ, австрийское правительство уделяло большое внимание реорганизации правовой системы. В общих чертах она просуществовала до 1918 г. Были созданы суды трех инстанций: областные, земельные и высший судебный орган империи. По всей стране вводился единый уголовный кодекс, предусматривавший особо строгие наказания за политические преступления.

Большое значение для последующего развития страны имела реформа образования. Модернизация системы образования была вызвана потребностями капиталистического развития. Кроме того, она должна была служить важным инструментом обеспечения единства государства, чему способствовало также преподавание в университетах на немецком языке. Система образования делилась на несколько ступеней: народные школы, реальные школы и гимназии, университеты. Был провозглашен принцип всеобщего начального образования. На низшей ступени разрешалось преподавание на языке большинства населения общины. Это открыло перед представителями всех национальностей более широкие возможности для получения начального образования. В 1864 г. школу посещали 77,7 % детей школьного возраста, в немецких и чешских землях этот процент был еще выше — 97 %, в Венгрии — 82,7 %.

Таким образом, в результате проведения ряда реформ в области управления, юстиции, финансов, образования и в различных отраслях экономики был заложен базис дальнейшего развития по пути модернизации. Однако полностью реализовать свою программу правительству А. Баха не удалось. Его политика была противоречивой: буржуазные по своей сути преобразования проводились абсолютистскими методами. Стремление к централизации и германизации обширной империи наталкивалось на сопротивление национальной оппозиции. Усиление клерикализма во внутренней политике вызывало неприятие и в среде австро-немецкой либеральной буржуазии. Но важнейшую роль в крахе системы сыграл финансовый вопрос. Подобная политика, требовавшая больших затрат, не имела достаточной финансовой базы, а

экономический кризис 1857 г. полностью расстроил финансы страны.

Назревавшие в течение десятилетия экономические, социальные и национальные проблемы встали во весь рост после поражения империи в австро-итало-французской войне 1859 г. Одной из причин поражения стала изоляция Австрии на международной арене, в которую она попала после Крымской войны. Позиция, занятая ею во время этой войны, стремление не допустить роста российского влияния на Балканах сделали Россию оппонентом Австрии. С другой стороны, отказ от участия в активных военных действиях не принес дивидендов и от союза с западными державами. В результате в 1859 г. Австрия оказалась в одиночестве перед лицом Сардинии, ведшей войну за объединение Италии, которую поддержал Наполеон III. Смена внешнеполитической ориентации (отказ от ставки на союз «консервативных держав» — Австрии, России, Пруссии) стала роковой для империи с точки зрения удержания ее позиций в Италии и Германии.

Катастрофический исход войны 1859 г., в результате которой монархия Габсбургов потеряла часть своих итальянских владений (Ломбардию), стал поводом для открытого проявления недовольства политикой правительства. Потеря престижа императора, лично возглавлявшего австрийскую армию, в сочетании с тяжелым финансовым кризисом стали причинами постепенного отхода от автократической системы управления страной.

В рамках неоабсолютистской системы, которая вызывала неприятие большей части общественности и национальных движений, невозможно было достичь стабилизации внутреннего положения в стране. Правящие круги империи в поисках выхода из кризиса были вынуждены изменить политический курс и вступить на путь реформ.

При разработке проекта реформ в имперском совете развернулась борьба между федералистами и централистами, отстаивавшими интересы, с одной стороны — дворянства земель, с другой — буржуазии. Первоначально Франц Иосиф, стремившийся избежать любого ограничения своей власти, решил принять план, предложенный венгерскими староконсерваторами. Императорский диплом от 20 октября 1860 г. об урегулировании внутренних государственно-правовых отношений в монархии провозглашал, что отныне император осуществляет свои законодательные права при содействии ландтагов (сословно-представительных органов земель) и рейхсрата, куда ландтаги посылают своих депутатов. Землям империи предоставлялось самоуправление в отношении вопросов, не входивших в сферу общеимперских. Такое решение стало победой федералистов, консервативных сил, однако она

оказалась пирровой.

Стабилизировать положение в империи, пойдя лишь на такие формальные уступки, не удалось. Октябрьский диплом не только не успокоил страсти, но и явился новым стимулом для выдвижения национальных требований. Кризисная ситуация обострилась до предела. В этих условиях произошел поворот правительственного курса, законодательно закрепленный изданием Февральского патента 1861 г., который явился компромиссом между либеральным конституционализмом и стремлением аристократии земель к сохранению их автономии.

Изменение позиции Франца Иосифа объясняется тем, что после поражения в Италии он решил активизировать германскую политику. Для этого ему была нужна поддержка немецких либералов в Австрии и великогерманской общественности в Германии. Добиться же этого можно было лишь предоставив буржуазии определенные политические права. Поэтому февральская конституция вводила в стране парламентское представительство, что явилось важным этапом в развитии конституционности и становлении гражданского общества в Австрии.

Проект новой конституции правительство разрабатывало под руководством А. Шмерлинга. Центральной политической идеей главы кабинета стала идея укрепления единства империи. Консолидации он стремился достичь, обеспечив за немцами лидирующие позиции в политической системе. Основной задачей Шмерлинг считал создание имперского представительного органа как противовеса венгерскому Государственному собранию. Февральская конституция предусматривала создание парламента (рейхсрата) в двух видах. Общеимперские дела должны были обсуждаться в «широком» рейхсрате, куда все земли империи посылали своих депутатов, в «узком» — дела, касающиеся невенгерских провинций, так называемой Цислейтании (р. Лейта делила империю на австрийскую и венгерскую части).

Однако централистская конституция вызвала широкую оппозицию в землях империи, многие из которых не послали своих представителей в начавший 1 мая 1861 г. работу парламент. Особенно ожесточенным было сопротивление Венгрии. Государственное собрание здесь выступило за полное восстановление законов 1848 г., настаивая на том, что отношения между Австрией и Венгрией должны строиться на базе персональной унии. В ответ на эти требования Франц Иосиф 22 августа 1861 г. распустил венгерский парламент и ввел в Венгрии чрезвычайное положение.

Первый австрийский парламент продолжал свою деятельность до 1865 г. Хотя император отказался закрепить в конституции основные

гражданские права и отверг закон об ответственности министров, тем не менее парламентом были приняты некоторые либеральные законы: закон об иммунитете депутатов, о прессе, о личной свободе. С помощью так называемой «избирательной геометрии» Шмерлинг обеспечил в палате депутатов немецко-либеральное большинство («конституционная партия»), которое поддерживало действия правительства. Однако привлечь другие национальности к сотрудничеству в рамках парламентской системы правительству Шмерлинга не удалось.

Соппротивление народов империи централизаторской политике правительства делало невозможным эффективное управление страной. Это осложняло финансовое положение империи, что было весьма опасно ввиду возможной войны с Пруссией и Италией. Кроме того, все более широкие круги общественности понимали, что без урегулирования конфликта с Венгрией невозможны подлинно либеральные реформы и в Цислейтании.

Важнейшую роль в изменении внутривнутриполитического курса сыграла международная ситуация 60-х годов XIX в. Борьба за господство в Германии, ведшаяся на протяжении десятилетий между Австрией и Пруссией, была проиграна империей Габсбургов. Поражение в войне 1866 г. не только лишило ее последних итальянских владений (Венеции), но и заставило навсегда оставить претензии на ведущую роль в Германии. Бисмарк переиграл Франца Иосифа.

После победы движений за национальное объединение в Италии и Германии национальный вопрос должен был встать во всей своей остроте и перед монархией Габсбургов. Центральной проблемой для империи оставалось урегулирование отношений с Венгрией. Еще до австро-пруссской войны начались тайные переговоры императора с представителями венгерской элиты. Они завершились принятием программы реорганизации системы управления страной, выдвинутой партией венгерского либерального дворянства под руководством Ф. Деака.

Было избрано весьма своеобразное решение государственно-правового тупика, в который зашла империя. В основу государственного устройства был положен не централизм и не федерализм, а дуализм. Империя преобразовывалась в двухцентровую конституционную монархию Австро-Венгрию, где обе части имели равные права, свои парламенты и правительства. Объединялись они на основе личной унии — император Австрии являлся королем Венгрии. Внешняя политика и оборона, остававшиеся прерогативой императора, были отнесены к категории «общих дел». Ведать ими должны были «общие министерства» — иностранных дел и военное. Для обеспечения их деятельности создавалось

министерство финансов. Парламент каждой страны формировал делегации из 60 депутатов, которые должны были обсуждать отчеты общих министерств и утверждать их бюджеты. Три министра образовывали «общий совет министров» под председательством министра иностранных дел, к участию в котором привлекались также министры-президенты Цис- и Транслейтании. Такая форма существования империи — явление уникальное в истории.

17 февраля 1867 г. императорский рескрипт провозгласил восстановление венгерской конституции и образование ответственного перед парламентом правительства Венгрии. 21 июня того же года Франц Иосиф был коронован в качестве короля Венгрии и принес клятву верности конституции королевства. Таким образом, австро-венгерское соглашение стало свершившимся фактом без обсуждения в представительном органе Цислейтании.

Австрийский рейхсрат 21 декабря 1867 г. одобрил соглашение, формально заключенное между королем и венгерской нацией, и принял новую конституцию для Цислейтании, которая с небольшими изменениями сохранила свою силу до 1918 г. В декабрьской конституции законодательно были закреплены гражданские права и свободы, принцип разделения властей, ответственное министерство. Провозглашалось равенство всех народов монархии и равноправие языков в школе, администрации и общественной жизни. Компетенция двухпалатного парламента была достаточно широкой, ее ограничивали лишь prerogatives короны и выделение общеимперских дел. Название вновь сконструированного государства оставалось проблемой. Официально австрийская часть называлась «представленные в рейхсрате королевства и земли». Неофициально употреблялись названия Цислейтания (для Венгрии — Транслейтания) и Австрия. Когда в 1868 г. Франц Иосиф впервые назвал все государство «австро-венгерской монархией», разразился спор о том, можно ли считать это государство империей. Венгры решительно отказались от этого. Тем не менее принято называть дуалистическое государство Австро-Венгрией или Австро-Венгерской монархией.

Дуалистическое переустройство государства и принятие либеральной конституции открыло дорогу для ускоренной модернизации Австрии. Были созданы условия для перехода к современному индустриальному обществу.

Благоприятная конъюнктура, продолжавшаяся до 1873 г., способствовала быстрому экономическому подъему. 1867 г. стал пиком «грюндерства», когда создавались многочисленные акционерные общества. Начались так называемые «семь жирных годов». Это было время

господства австро-немецких либералов в политике. Они сформировали и первое конституционное правительство. Либеральные кабинеты находились у власти до 1879 г. За этот период либералы добились серьезных успехов в борьбе с клерикализмом, отменив конкордат 1855 г., приняв ограничивавшие влияние церкви «майские законы» 1868 г. о браке и межконфессиональных отношениях. Важнейшее значение в этом отношении имел школьный закон 1869 г., выводивший школы из-под влияния церкви.

Одну из своих главных задач либералы видели в борьбе за расширение избирательных прав, за изменение избирательного закона 1867 г., по которому депутаты рейхсрата избирались ландтагами земель. Новый закон 1873 г. вводил прямые выборы по четырем куриям: от землевладельцев, от городов, от торговых палат и от сельских округов, число депутатов было увеличено с 203 до 353. Однако сохранявшийся высокий избирательный ценз приводил к тому, что право голоса имели всего 6 % населения Австрии.

К концу 70-х годов либералы стали терять свои позиции. Им не удалось выдвинуть программу, которая составила бы конкуренцию набиравшим силу течениям — немецкому националистическому движению и христианско-социальной партии. В своей политике либералы уделяли явно недостаточное внимание социальным и национальным проблемам. Не было у них и сильного лидера. В связи с серьезным экономическим кризисом 1873 г., вызванным биржевым крахом, что привело к росту недовольства средних слоев и активизации рабочего движения, ряды приверженцев либеральных идей стали редеть. По сути катастрофа 1873 г. означала идеологический крах австронемецкого либерализма. Внешнеполитические события — провозглашение 18 января 1871 г. Германской империи, поставившее крест на великогерманской политике австрийского либерализма, — также подрывали его влияние.

Серьезной проблемой для австро-немецких либералов стала недооценка ими национального вопроса. А между тем заключение австро-венгерского соглашения 1867 г. вызвало у народов Цислейтании очень неоднозначную реакцию. Чехи восприняли его как провокацию. Еще в августе 1866 г. на славянском конгрессе в Вене их лидеры выступили с идеей пентархии — проектом федеративного переустройства империи на основе обеспечения равных прав всем так называемым «историческим» народам, т. е. имевшим ранее свою государственность. После заключения соглашения чехи отказались послать своих представителей в рейхсрат и организовали широкое протестное движение. Чешское национальное

движение стремительно радикализировалось.

Тем, что рейхсрат смог функционировать как парламент Цислейтании, санкционировать дуализм и принять декабрьскую конституцию, правительство было обязано поддержке поляков и словенцев, которые не присоединились к обструкции чехов. В свою очередь, центральная власть пошла на серьезные уступки полякам в Галиции. Провинция получила закон об образовании, гарантировавший полонизацию начальной и средней школы. В 1869 г. польский был введен как административный язык в органах управления и в судах, а в 1870 г. как язык преподавания в высшей школе. В правительство Цислейтании входил министр, представлявший интересы Галиции.

В то же время правительство предприняло попытку найти компромисс с «недовольными народами», прежде всего с чехами. В рескрипте ландтагу Богемии от 12 сентября 1871 г. Франц Иосиф признал «государственно-правовое положение земель чешской короны» и обещал короноваться в качестве чешского короля. В ответ чешский ландтаг принял 18 «фундаментальных статей», которыми гарантировалось полное равноправие чехов и немцев в Богемии. Принятие этих статей означало бы получение Чехией такого же статуса в монархии, каким обладала Венгрия.

Однако, как только появились первые сведения о ведущихся с чехами переговорах, австрийские немцы и венгры выступили с бурными протестами. Была организована античешская кампания в прессе. Канцлер Ф.Ф. Бойст указал императору на тяжелые внешнеполитические последствия такого решения. Свою роль сыграло и заявление германского императора Вильгельма I и Бисмарка о том, что они не желают иметь у своих границ автономную Чехию.

Отказ чехов пойти на уступки и послать депутатов в рейхсрат дал императору повод отозвать свои предложения. Чешский вопрос не был решен, а противостояние чехов и немцев в Богемии продолжало оставаться самой серьезной национальной проблемой монархии. Дуализм, обеспечивший ведущие позиции немцев в Цислейтании и мадьяр в Венгрии, при том, что ни та ни другая нация не составляла большинства населения своих стран, блокировал попытки федерального переустройства монархии. Немцы Цислейтании стремились удержать свои ведущие экономические и политические позиции, не допустив роста влияния численно превосходящих их славянских народов. Попытка решить судьбу полиэтнических чешских земель, в которых треть населения составляли немцы, без учета их интересов, была обречена на провал.

Несмотря на существование и других межэтнических конфликтов,

например польско-русинские противоречия в Галиции, немецко-итальянские в Южном Тироле, немецко-словенские в Штирии, Каринтии и Крайне, все же национальная политика австрийского правительства была направлена на то, чтобы находить взаимоприемлемые решения, достигать компромиссов. Так, важным успехом в этом отношении можно считать подписание моравского соглашения, обеспечившего пропорциональное представительство чехов и немцев в ландтаге Моравии, и принятие такого же соглашения в многоязычной Буковине. Отношение к национальным движениям, если они не выходили за рамки 19-й статьи конституции, провозглашавшей равноправие народов, их языков и культур, было толерантным. Да и сами национальные движения не были направлены на развал империи, а стремились, прежде всего, обеспечить права своего народа в рамках общего государства.

Иной была национальная политика в Венгрии. Программой первого парламентского правительства Д. Андраши стало создание либерального национального государства. «Закон о равноправии национальностей» 1868 г., хотя и допускал использование родного языка в школе и местной администрации, но в первой же статье провозглашал наличие в Венгрии единой политической венгерской нации, объединяющей всех граждан страны, к какой бы национальности они ни принадлежали. Попытка создать мононациональное государство, принудительная мадьяризация народов Венгрии, все усиливавшаяся к концу века, вызывали сопротивление политических элит невенгерских народов. Единственное исключение было сделано для Хорватии-Славонии, которой по соглашению 1868 г. была предоставлена некоторая автономия.

Особую проблему представляло существование у границ Австро-Венгрии самостоятельных государств, населенных родственными этносами — Италии, Румынии, Сербии. Правящие круги Австро-Венгрии опасались сепаратистских тенденций у народов монархии. Их пугали идеи югославизма, т. е. объединения всех южных славян в едином государстве, идеи создания Великой Сербии, претензии Румынии на присоединение Трансильвании, в которой жило много румын. Панический страх, особенно у мадьярской элиты, вызывали идеи панславизма, за которыми Будапешту мерещилась рука Петербурга. Д. Андраши, ставший в 1871 г. министром иностранных дел монархии, прямо заявлял, что задача Австро-Венгрии создать оплот против России и пока она выполняет эту задачу, ее существование оправдано.

В отличие от либералов, большое внимание национальной проблематике уделяло пришедшее к власти в 1879 г. и ставшее

политическим долгожителем (оставалось у власти 14 лет) правительство консерваторов под руководством личного друга императора Э. Тааффе. Он заявлял в рейхсрате, что Австрия не может быть ни немецкой, ни славянской страной, она должна быть австрийской. Правительство опиралось в парламенте на коалицию центра и правых, ядро которой составляли католики-консерваторы, поляки и старочехи. Проводя политику компромиссов и частичных уступок требованиям национальных движений, правительство пыталось разрешать возникавшие противоречия.

Биржевой крах 1873 г., приведший к росту политического радикализма и социальной активности трудящихся масс, поставил на повестку дня необходимость сильной социальной политики. Правительство Тааффе осуществило ряд реформ в области трудового законодательства. Эта социальная политика была настолько прогрессивна для того времени, что лидер австрийских социал-демократов В. Адлер на международном социалистическом конгрессе 1891 г. в Брюсселе заявил, что «Австрия наряду с Англией и Швейцарией имеет лучшие в мире законы по защите рабочих».

Под давлением общественных движений происходило и расширение политических прав. Снижение в 1882 г. имущественного ценза для имеющих право голоса с 10 до 5 гульденов ежегодного налога существенно увеличило число избирателей, в основном за счет рабочих, мелких торговцев и крестьян. Выход этих социальных слоев на политическую арену серьезно изменил расстановку сил в стране. На смену сдававшему свои позиции либерализму приходили новые движения. Одним из них стало немецко-национальное. В 1882 г. в Линце состоялся съезд Всегерманского союза под руководством Г. Шёнерера. Так возникло пангерманское движение в Австрии, выступавшее за объединение австро-чешских земель монархии с Германией. Однако эти идеи не получили широкого распространения в обществе, австрийские немцы в большинстве своем не собирались отказываться от своего многонационального отечества.

Наибольшей поддержкой в стране пользовались другие политические движения — социал-демократическое и христианско-социальное, которым удалось создать массовые партии современного типа. Лидером христианско-социального движения стал харизматичный политик К. Люгер. Из пестрой смеси антилиберальных группировок ему удалось создать Христианско-социальную партию (ХСП), которая выступала за социальные реформы в интересах трудящихся и создание сословно-корпоративного государства. В основу программы партии были положены

идеи основоположника австрийского «социального католицизма» К. Фогельзанга, впервые сформулировавшего тезис о «социальном партнерстве». В национальном вопросе партия занимала откровенно антивенгерские и антисемитские позиции. Она использовала лозунг «католической социальной реформы» как средство мобилизации масс против либеральной элиты. Эти идеи Люгер стремился проводить в жизнь и в качестве депутата рейхсрата, и в качестве венского бургомистра, которым избирался несколько раз. На этом посту он много сделал для решения социальных вопросов в Вене. ХСП являлась организацией по преимуществу ремесленников и мелкой буржуазии, которые составляли основной корпус избирателей и обеспечивали партии победы на парламентских и муниципальных выборах.

На другом полюсе политического спектра находилась вторая влиятельная партия Австрии — социал-демократическая. Организованное рабочее социалистическое движение возникло здесь в начале либеральной эры, когда появились рабочие просветительные общества. Процесс создания рабочих организаций шел довольно быстро. Наряду с количественным ростом рабочего движения внутри него происходили сложные процессы дифференциации, сопровождавшиеся серьезным кризисом. Поиски компромисса между радикальным и умеренным крылом завершились объединением партии на съезде в Хайнфельде 30 декабря 1888 г. — 1 января 1889 г. Лидером социал-демократической партии стал В. Адлер. Достичь этого объединения партии Адлеру и его сторонникам удалось путем компромисса между ортодоксально-марксистской теорией и умеренной, ориентированной на специфически австрийские условия практикой.

Серьезнейшую проблему для австрийской социал-демократии представлял национальный вопрос. Избежать раскола в «малом Интернационале» рабочих движений многонационального государства путем примирения национальных противоречий и введения федерализации, за что ратовал Адлер, не удалось. Вторая по численности и влиянию на рабочее движение в стране чешская социал-демократия приняла в декабре 1893 г. решение о создании собственной партии. На VI съезде Социал-демократической рабочей партии Цислейтании в 1897 г. в устав было включено положение о том, что она является союзом отдельных национальных партий. С этого времени собственно австрийская партия стала называться Немецкой социал-демократической рабочей партией, она осталась объединением немецких рабочих Цислейтании.

Социал-демократы впервые вошли в рейхсрат в результате выборов

1897 г. благодаря проведенной новым правительством К. Бадени избирательной реформе. Согласно ей была создана пятая «всеобщая курия», куда вошли все мужчины старше 24 лет, при сохранении ценза оседлости. К выборам было допущено больше 5 млн избирателей. Демократизация избирательного права привела к тому, что новый парламент стал очень пестрым по составу, что серьезно осложнило деятельность правительства. Немцы утратили свои доминирующие позиции. Если в 1873 г. они составляли почти две трети депутатов, то теперь получили лишь 47 % мандатов. Большинство мест от Чехии завоевали более радикальные, чем старочехи, младочехи. Эти выборы показали, что не только буржуазные элиты, но и широкие массы населения земель настроены националистически.

Вскоре, во время кризиса, вызванного правительственными распоряжениями 1897 г. о языках для Чехии и Моравии, это проявилось со всей очевидностью. Правительство ввело двуязычие в судебных и административных учреждениях чешских земель. Все чиновники должны были знать немецкий и чешский языки. Эти распоряжения вызвали взрыв недовольства немцев. Начались массовые волнения, которые доходили до кровавых столкновений. Немецкие депутаты своей обструкцией парализовали деятельность рейхсрата. В результате бескомпромиссной позиции обеих сторон правительство было отправлено императором в отставку, а рейхсрат распущен.

Внутриполитический кризис, вызванный обострением немецко-чешского противостояния, продолжался, сменяющие друг друга кабинеты не могли стабилизировать ситуацию. Отмена в октябре 1899 г. распоряжений о языке привела к тому, что обструкцию в парламенте устроили теперь уже чешские депутаты. Вопрос о языках и административных преобразованиях стал для противоборствующих сторон вопросом престижа.

На рубеже веков процесс индустриализации в Австро-Венгрии ускорился. Годы с 1896 по 1914 считаются самыми успешными в развитии экономики страны. Промышленность обеих стран характеризовалась высоким уровнем концентрации производства и капиталов, особенно в новейших отраслях, таких как электротехника, энергетика, химия и др. Резко возросла роль финансового капитала. Несколько крупнейших венских, пражских и будапештских банков контролировали всю экономику империи.

В предвоенные годы экономическое развитие было стабильным, среднегодовые показатели прироста производства составляли 3,8 % для

Австрии и 4 % для Венгрии. В то же время доля аграрного сектора еще была велика, в нем были заняты 53 % населения Австрии и 62,5 % населения Венгрии.

Что касается развития культуры и уровня образованности населения, то надо отметить, что в чешских и австро-немецких землях безграмотность практически была ликвидирована к концу XIX в. В Венгрии накануне войны 70 % населения было грамотным. Рубеж веков в Австро-Венгрии характеризовался невиданным доселе расцветом культуры и науки. Империя на закате своего существования дала миру плеяду выдающихся деятелей науки и искусства, таких как представители австрийской школы политэкономии К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. фон Хайек, философы Б. Больцано, Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн, социолог К. Мангейм, основоположник психоанализа З. Фрейд, композиторы Г. Малер, А. Брукнер, А. Шёнберг, художники Г. Климт, Э. Шиле, О. Кокошка, писатели Г. фон Гофмансталь, С. Цвейг, Р. Музиль и многие другие.

Строительство метро в Будапеште. 1896 г.

Однако успешное индустриально-техническое и культурное развитие не сопровождалось ростом политической консолидации разнородных составных элементов империи. И в XX в. самой сложной проблемой двуединого государства оставалось урегулирование национального вопроса. Он усугублялся активными процессами урбанизации, миграцией

сельского населения в индустриальные центры страны. Все земли монархии были смешанными в этническом отношении, провести границы между компактно проживающими этносами часто было невозможно.

В 1905–1906 гг. национальные противоречия несколько оттеснила на второй план борьба за всеобщее избирательное право, развернувшаяся с новой силой под влиянием русской революции. Наконец, в 1907 г. курриальная система была отменена. Выборы состоялись на основе всеобщего (для мужчин), равного, прямого и тайного голосования. Они принесли массовым партиям ожидаемый успех. Христианско-социальная партия получила в парламенте 96 мандатов, социал-демократы — 87, Немецкий национальный союз — 90 мандатов. Те социальные слои, которые до сих пор играли руководящую роль в государстве и занимали высшие правительственные посты — консервативная аристократия и либеральная крупная буржуазия, — проиграли эти выборы.

В рейхсрате австро-немецкие депутаты находились в меньшинстве (43 % мандатов), большинство мест принадлежало славянам. Такое соотношение сил заставляло правящие круги Австрии искать компромиссы, лавировать, чтобы сбить остроту межнациональных конфликтов.

Сильнейшую тревогу в Вене и Будапеште вызывало растущее брожение в югославянских областях империи, принявшее особенно угрожающий характер после аннексии в 1908 г. двух населенных сербами, хорватами и мусульманами османских провинций Боснии и Герцеговины, оккупированных монархией еще в 1878 г. В результате возник острый международно-политический кризис, наряду с несколькими другими приблизивший военную развязку 1914 г. В 1908 г. Австро-Венгрия оказалась на грани войны с Россией и Сербией.

В этих условиях вопросы балканской политики, югославянский вопрос и проблема дуализма становятся особенно актуальными. Свое решение этих проблем предлагал наследник престола, племянник императора Франц Фердинанд и близкий к нему круг молодых амбициозных политиков разных национальностей. Они видели выход из кризисной ситуации в ликвидации особого положения Венгрии. Венская резиденция наследника, дворец Бельведер, стала центром антидуалистических политических сил. Здесь разрабатывались планы переустройства империи на основе федерализма или триализма, т. е. предоставления южным славянам таких же прав, какими обладала Венгрия.

В то же время венгерская оппозиция развернула в стране широкую агитацию под «национальными лозунгами», добиваясь сведения экономических и политических связей с Австрией до минимума, т. е. до

персональной унии. Этот кризис дуализма в 1907 г. удалось преодолеть. Были успешно завершены переговоры с Венгрией о квотах в общеимперских расходах: венгерская часть была увеличена до 36,4 % (в 1867 г. она составляла 30 %). Общеимперский рынок был сохранен. Противоречия на время были сглажены. Однако стала очевидной неустойчивость всего механизма, обеспечивавшего жизнедеятельность империи. Выявилась невозможность при сохранении дуализма проведения каких-либо радикальных структурных реформ ни в одной из половин империи.

Внутриполитический кризис в Австрии, вызванный обострением немецко-чешских противоречий, продолжался. Обструкции в парламенте устраивали то чехи, то немцы. Это противостояние приводило к росту националистических настроений, которые проникали и в среду бюрократии, всегда считавшейся одним из столпов сохранения единого государства. После парламентских выборов 1911 г. большинство мест в рейхсрате получил Немецкий национальный союз — 104, Христианско-социальная партия имела 74 мандата, а социал-демократы — 44. Правительство продолжало вести переговоры с чехами, предлагая различные варианты решения вопроса о языках, однако договориться не удавалось. Борьба в рейхсрате разгорелась с новой силой. В связи с растущим противостоянием в июле 1913 г. был распущен чешский ландтаг, а в марте 1914 г. рейхсрат. Деятельность парламентских учреждений в Цислейтании была приостановлена. Это свидетельствовало не только о накале национальных противоречий, но и о недостаточной зрелости гражданского общества, неспособного находить компромиссы при решении важнейших вопросов, от которых зависело само существование единого государства.

Однако несмотря на всю остроту национальных, социальных и политических конфликтов в последние годы существования Австро-Венгерской монархии, большинство ее населения не желало распада государства. Борьба наций в это время, по выражению одного из лидеров социал-демократии К. Реннера, была «борьбой за государство», которое каждая нация стремилась преобразовать согласно своим интересам и в рамках которого хотела достичь наибольшего влияния в экономической и политической сферах. Тем не менее объективно эта борьба ослабляла государство.

Правящие круги империи видели выход из тупика на пути внешних авантюр, полагая, что удачная война позволит им одним ударом разрубить узел внутренних проблем, покончить с центробежными устремлениями

национальностей, что это единственная возможность сохранить мощную державу. Эта политика приводила к усилению политической и экономической зависимости от главного союзника — Германии. В результате две страны решили использовать убийство в Сараево 28 июня 1914 г. наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда как повод для развязывания военных действий, которые вскоре переросли в мировую войну. Поражение в этой войне привело к исчезновению с карты мира многовековой империи Габсбургов.

Османская империя в XIX веке: долгие поиски обновления

Рубеж XVIII–XIX вв. ознаменовался для Османской империи вынужденным изменением ее внешнеполитической ориентации. Французские войска Наполеона Бонапарта в 1798 г. высадились в Египте. Началась война с Францией, ранее традиционным союзником Порты. Союзные отношения у нее установились с Англией и Россией. В Средиземное море была введена русская эскадра под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова. Впервые Россия получила право проводить свои военные суда через Черноморские проливы и, более того, совместно с османскими военными силами не допускать в Черное море корабли нечерноморских государств. Это право было подтверждено и русско-турецким договором 1805 г. Статус проливов стал объектом международно-правового соглашения, подписанного двумя черноморскими державами.

После Аустерлица международная ситуация снова изменилась. По Пресбургскому миру у Франции появилась общая граница с Османской империей, у которой Наполеон разместил свои войска. Под французским нажимом Селим III вынужден был признать императорский титул Наполеона и отказаться от выполнения условий договора 1805 г. Осенью 1806 г. черноморские проливы были закрыты для российских военных кораблей, без ведома России вопреки прежним договоренностям были смещены госпoдари Валахии и Молдавии. Все эти действия османских властей привели к тому, что империя была вовлечена в войну с Россией, а затем и с Англией (конец 1806 — начало 1807 г.).

Война сорвала планы преобразований, которые Селим III начал претворять в жизнь. К 1804 г. подразделения его нового войска, так называемые *низам-и джедид* (обновленный порядок), обученные и вооруженные по-европейски, насчитывали уже 12 тыс. человек. Большие успехи были достигнуты в реформировании артиллерии и строительстве

нового флота. Некоторые достижения наблюдались в финансово-экономической и административной сферах. Был издан указ, призванный усилить контроль за провинциальной администрацией, устанавливавший срок пребывания на посту губернатора (*вали*) в три года. Усиливался султанский контроль за местными самовластными правителями (*аянами*). Новшества вводились в систему налогообложения и практику тимарных пожалований. В стране, однако, продолжались аянские усобицы и разбойничий произвол отдельных янычарских подразделений. Большую тревогу внушало положение в Сербии, где в 1804 г. началось открытое восстание под руководством Карагеоргия, направленное против действий местных янычар. В 1806 г. восставшими был освобожден весь Белградский пашалык, где, получив поддержку от воюющей с османами России, сербы установили собственное правление.

Янычары продолжали бесчинствовать и в других областях государства, особенно в европейских. Селим III, напуганный янычарским мятежом 1806 г. в Эдирне, а также начавшимися столкновениями между янычарами и его новыми войсками, вынужден был заявить об отказе от проведения новых реформ. Однако это не спасло султана-реформатора. Военные неудачи подготовили почву для очередного янычарского бунта, и в мае 1807 г. Селим III был низложен. На османский престол вступил Мустафа IV, известный своим консерватизмом и ненавистью ко всяким новшествам. Приверженцы свергнутого султана, находившиеся на Дунайском фронте, объединились вокруг видного румелийского аяна Мустафы Байрактара. В июле 1808 г. он, воспользовавшись перемирием с Россией, двинул свои войска на Стамбул с целью восстановить власть Селима III и продолжить его реформы. Однако по приказу Мустафы IV Селим уже был убит. Свергнув султана-узурпатора, сторонники Байрактара возвели на престол его младшего брата Махмуда.

Заняв пост великого везира, Мустафа-паша Байрактар попытался продолжить дело Селима III. Было воссоздано войско нового строя. Возобновились воинские учения, были уменьшены размеры жалования янычар, которое стало много меньше, чем у нового войска. Изменилось и отношение к аянам. Будучи сам выходцем из их среды, Байрактар, в отличие от султана Селима, стремился не подавлять аянскую независимость, а договариваться с ними. С этой целью наиболее влиятельные аяны Анатолии и Румелии были приглашены в столицу, где они вместе с представителями Порты должны были обсудить планы дальнейших реформ и заключить Союзный пакт, призванный положить конец междоусобицам. Документ, который, кроме аянов, подписали султан

и шейх-уль-ислам, официально узаконивал власть аянов, ранее не признаваемых центральной властью. В какой-то мере это соглашение означало и ограничение власти Махмуда II (1808–1839), вынужденного пойти на компромисс с реальными хозяевами провинций.

Однако попытка преодолеть раздробленность путем союза с аянами оказалась несостоятельной. Через три месяца в ходе нового выступления янычар сам Байрактар погиб, новые войска были распущены, сторонники реформ убиты или бежали за пределы империи. Первая попытка реформ окончилась неудачей. В государстве оказалось слишком мало людей, понимавших их необходимость, да и среди них не было единомышленников. Заботившиеся о своих интересах аяны не могли стать надежными союзниками реформаторов. Улемы (богословы), стамбульская знать, дворцовое окружение открыто противились нововведениям.

Весной 1809 г. активизировались военные действия с Россией. Тяжелые поражения турецких войск заставили Порту в октябре 1811 г. просить мира. Османским властям пришлось согласиться на значительные уступки. По заключенному в мае 1812 г. Бухарестскому мирному договору граница между Россией и Османской империей устанавливалась по р. Прут, подтверждалось право Петербурга покровительствовать Дунайским княжествам, Сербии была обещана внутренняя автономия, за Россией было признано право на добровольно вошедшие в ее состав области Закавказья. Заключенный в мае 1812 г. Бухарестский мирный договор был необходим и для России, находившейся в преддверии войны с Наполеоном.

Воспользовавшись начавшейся войной России с наполеоновской Францией, Порта нарушила условия только что заключенного договора, лишила Сербию всех прав автономии, введя войска и жестоко расправившись с местным населением. Ответом на репрессии было новое восстание сербов в 1815 г., которое поддержала Россия, одержавшая к этому времени победу над Наполеоном. Султанскому правительству пришлось вернуть Сербии внутреннее самоуправление, но утвердившаяся там княжеская династия Обреновичей обязалась быть лояльной султану.

К 20-м годам назрел кризис и в отношениях других балканских народов с османскими властями. В 1821 г. почти одновременно началось повстанческое движение в Валахии, Молдавии и в Южной Греции (Морее). Махмуд II, введя свои войска в княжества, сумел подавить недовольство местного населения, но патриотическое выступление греков продолжалось. В ответ султанские власти развязали кровавую расправу с греческим населением империи. Водном Стамбуле были убиты свыше 10 тыс. греков, в том числе патриарх Григорий V, некоторые митрополиты, многие

представители греческой фанариотской элиты. У султана, вынужденного одновременно бороться с аянскими мятежами и вести войну с Ираном (1821–1823), не хватало сил для подавления греческого восстания. В этих условиях ему пришлось обратиться за помощью к своему вассалу — наместнику Египта Мухаммеду Али, пообещав ему за подавление освободительного движения греков отдать в управление Сирию и Крит.

К этому времени Мухаммед Али сумел провести в Египте преобразования, подобные тем, что пытался претворить в жизнь Селим III. Он создал регулярную армию, обученную по европейскому образцу, упорядочил финансовое положение своей провинции, введя монополию внешней торговли на сельскохозяйственную продукцию. В январе 1824 г. им было заключено соглашение с султаном Махмудом II о направлении карательной экспедиции под предводительством его сына Ибрагим-паши. К осени 1825 г. войска Ибрагим-паши подавили выступление повстанцев не только на Крите, но и на большей части Морей.

Жестокость, с которой каратели расправлялись с греческими патриотами, не могла не вызвать горячее сочувствие просвещенных людей не только в России, но и во всей Европе. Однако правительства европейских держав в течение долгого времени не хотели устанавливать контакты с «мятежниками». Доктрина «Священного союза», созданного в 1815 г. Австрией, Пруссией и Россией для охраны «законных прав» монархов, распространялась и на владения османского султана. Положение изменилось лишь в 1826 г., когда по инициативе Николая I был подписан англо-русский протокол, на основании которого обе державы, а также Франция потребовали от султана прекращения военных действий против греков и предоставления им автономии. Махмуд II отклонил предъявленный ему ультиматум, полагая, что разногласия помешают державам выступить сообща. Даже после Наваринского сражения 20 октября 1827 г., когда соединенная англо-франко-русская эскадра разгромила турецко-египетский флот, он продолжал отказываться от предоставления Греции автономии. Порта обвинила Россию в подстрекательстве к восстанию, поощрении недовольства православных подданных империи. В декабре того же года Махмуд II призвал к «священной войне» с Россией, как главной виновницей наваринского разгрома. В апреле 1828 г., завершив Туркманчайским миром конфликт с Ираном, Россия ответила объявлением войны.

В 1828–1829 гг. Османской империи пришлось воевать сразу на трех фронтах — на Дунае и в Закавказье, где русские войска сковали основные военные контингенты противника, а также в Греции, где повстанцы

продолжали сопротивление, в то время как морские экипажи Англии, Франции и России блокировали побережье и острова в Эгейском и Средиземном морях. Судьбу Греции решили военные действия, развернувшиеся в 1829 г., когда русские дивизии успешно продвинулись вглубь Восточной Анатолии, заняв Эрзерум, а Дунайская армия вышла через Балканский хребет к Эдирне (Адрианополю) и тем открыла себе прямую дорогу на османскую столицу. В Стамбуле началась паника, и Порте пришлось срочно просить мира.

Условия Адрианопольского мира, подписанного 14 сентября 1829 г., предусматривали передачу России северо-восточного побережья Черного моря, предоставление Портой автономии Греции и Сербии, а также особого статуса Молдавии и Валахии, который позволял княжествам самим назначать господарей и иметь собственные воинские части. Было подтверждено право свободного торгового мореплавания по Черному морю и проливам. Следствием договора явились признание в 1830 г. Греции независимым государством и, косвенно, потеря империей Алжира, захваченного в том же году Францией.

Военные поражения, территориальные потери, неспособность Порты противостоять европейскому давлению заставляли верхушку османского общества осознать, что необходимо продолжить преобразования, без которых держава уже не могла существовать. Непригодность старых военных структур явственно ощущалась при сравнении с египетскими войсками, реформированными Мухаммедом Али. В мае 1826 г. Махмуд II, заручившись поддержкой улемов, издал указ о формировании «корпусов эшкенджи», которые должны были насчитывать 8 тыс. солдат, обученных по европейской системе. Указ спровоцировал еще одно янычарское восстание в Стамбуле, решительно подавленное султаном. Вскоре он издал еще один рескрипт о ликвидации янычарского корпуса. Были упразднены и другие части традиционных военных сил. Тогда же началось строительство новой армии, на что было выделено до 70 % всех налоговых поступлений. На нужды военной реформы стали использоваться и доходы от религиозного имущества — *вакфов*. Были приглашены европейские инструкторы для обучения новобранцев.

Обращение к европейскому опыту потребовало начать подготовку мусульман, владеющих европейскими языками. С этой целью Махмуд II учредил *Терджюман Одасы* (канцелярию переводчиков), одной из задач которого стал перевод европейской литературы, прежде всего по военному и инженерному делу. К организации подобного заведения были привлечены преподаватели и выпускники Морского и Сухопутного инженерных

училищ, созданных еще при Селиме III. К 20-м годам XIX в. сотни турецких юношей прошли соответствующую подготовку в подобных учебных заведениях. Из них складывался слой по-европейски образованной бюрократии, способной стать опорой новых реформ.

В 30-е годы были проведены преобразования в сфере государственного и административного устройства. Была окончательно ликвидирована система условных земельных пожалований — *тимаров*. Большая их часть была изъята у владельцев и перешла в руки государства, то же произошло и с теми владениями, что находились в руках откупщиков. Впрочем, изменения не коснулись крестьянского землепользования, существовавших в деревне арендных отношений и налоговой практики.

В империи было введено новое административное деление. Всю страну разделили по территориальному признаку на 36 *вилайетов* (губерний) и 125 *санджаков* (уездов). Во главе новых провинциальных единиц были поставлены чиновники, назначаемые центральной властью. Реорганизация государственного аппарата нашла свое выражение в организации ряда министерств по европейскому образцу. Великий везир стал называться премьер-министром, создавались особые совещательные органы (Совет законодательных установлений, Военный совет и т. п.), инициировавшие проведение тех или иных реформ. Была предпринята попытка борьбы со взяточничеством и коррупцией, распространенными повсеместно.

Возобновилась неудавшаяся при Селиме III практика учреждения постоянных посольств за границей. Они были открыты в Вене, Лондоне и Берлине. Группа молодежи была отправлена на учебу в разные страны Европы. Принимались меры по развитию светского образования, поскольку новым государственным учреждениям нужны были по-новому подготовленные чиновники, а армии — офицеры. С этой целью были открыты военно-медицинское училище, училище военных наук, школа юридического образования, султанское музыкальное училище и школа литературных знаний. С 1831 г. в Стамбуле издается первая газета на турецком языке «Таквим-и векаи» (Календарь событий) — официальный правительственный вестник. С 1832 г. он стал выходить также на армянском и греческом языках.

Успешной оказалась борьба Махмуда II с сепаратизмом румелийских и анатолийских аянов. Этому способствовали как карательные экспедиции, так и административная реформа. За исключением Египта, где укрепился Мухаммед Али, все регионы империи были подчинены центральной власти. Отношения же с наместником Египта, который быстро

превращался из вассала в фактически независимого правителя, существенно осложнились. Испытывая финансовые трудности после войны с Россией, Порта потребовала выплаты традиционной египетской дани. Мухаммед Али, в свою очередь, предъявил претензии на Сирию, управление которой было обещано ему за помощь в подавлении греческого восстания. Конфликт вскоре перерос в открытые военные действия. Осенью 1831 г. египетские войска вторглись в Сирию, а уже в декабре, разгромив султанскую армию под Кютахьей, двинулись к Стамбулу. Не располагая достаточными силами, чтобы остановить их, Махмуд II запросил помощи у правительств европейских держав. На призывы султана откликнулся лишь Петербург, направивший в Босфор свой флот и 10-тысячный экспедиционный корпус. Решительные действия России вынудили Мухаммеда Али остановить наступление и вступить в переговоры с султаном. В мае 1833 г. стороны заключили в Кютахье соглашение, по которому египетский наместник признавал сюзеренитет султана, выводил свои войска из Анатолии, но сохранял под своей властью Египет, Сирию с Палестиной, Киликию, Крит.

После подписания Кютахийского соглашения и эвакуации египетских войск царские власти отозвали войска и военные корабли из пределов Османской империи, предварительно заключив с Портой Ункяр-Искелесийский договор, сроком на 10 лет. Он гарантировал султану помощь российских вооруженных сил при любой грозившей ему внешней или внутренней опасности. Султанское же правительство обязалось вновь открыть проливы для прохода российских судов, но закрывать их по требованию России для военных кораблей других государств. Несмотря на протесты ряда европейских стран, опасавшихся чрезмерного усиления России, договор сохранял свою силу, ибо был выгоден султану, получившему передышку для осуществления внутренних преобразований.

Заключение Ункяр-Искелесийского договора вызвало ответную реакцию западных держав. Так, Англия добилась провозглашения свободы торговли на всей территории империи, отмены всех внутренних таможенных сборов и введения единой экспортной пошлины в размере 9 % и импортной в 2 %, а также отмены всех монополий. Англо-турецкая торговая конвенция 1838 г. открывала Англии широкие возможности для завоевания османского рынка. Она стала образцом для аналогичных соглашений с другими европейскими странами, в том числе и с Россией. Так как османский регион и европейские страны обладали тогда совершенно разными экономическими потенциалами, условия подобных конвенций со временем влекли за собой разрушительные последствия для

османской экономики, способствовали закабалению Османской империи европейским капиталом.

Отказ Мухаммеда Али распространить действие конвенции на его владения привел к возобновлению войны с султаном. В июне 1839 г. султанские войска опять были разбиты, турецкий флот перешел на сторону противника. Однако Мухаммеду Али не удалось реализовать свои успехи. Этому воспрепятствовали Англия, Австрия, Пруссия и Россия. На созванной ими Лондонской конференции в июле 1840 г. союзники заявили о необходимости сохранения целостности Османской империи и направили ультиматум строптивому паше, потребовав вывода войск из Сирии. Поскольку тот отказался принять эти требования, в сентябре 1840 г. державы начали военные действия. После бомбардировки Бейрута союзным флотом и высадки там английских, турецких и австрийских войск Мухаммед Али был вынужден капитулировать. Он был оставлен наследственным правителем Египта, при условии сокращения армии с 200 тыс. до 18 тыс. человек, выплаты дани султану и признания торговой конвенции 1838 г.

Вступление на османский престол 16-летнего Абдул-Меджида I (1839–1861) ознаменовалось провозглашением 3 ноября 1839 г. декрета (*хатт-и шерифа*) о планах и намерениях нового султана. Начинался период *Танзимата* (упорядочения, реорганизации), сыгравший значительную роль в развернувшемся процессе модернизации империи по европейским образцам.

Хатт-и шериф декларировал необходимость обеспечения неприкосновенности жизни, собственности и человеческого достоинства всех подданных султана независимо от вероисповедания. Было обещано упорядочить налогообложение, отменить откупа, не допускать наказаний без суда, навести порядок при наборе в армию. Эта программа реформ должна была вызвать симпатию европейских держав, что в условиях борьбы с Мухаммедом Али было важно для империи.

Декрет, подготовленный инициатором реформ Мустафой Решид-пашой (1800–1856), провозглашал меры, трудно реализуемые, а то и нереальные для османского общества того времени. Новые функции были приданы Высшему совету юстиции, где обсуждались законопроекты. Султан обязался принимать предложения, которые одобрялись большинством Совета. Хотя членов этого органа назначал сам султан, его функционирование было явным отходом от средневекового самовластия султана и знаменовало начало новых взаимоотношений монарха и бюрократической элиты.

Были разработаны торговый и уголовный кодексы, учреждены коммерческие суды для рассмотрения торговых тяжб, образован Государственный совет и провинциальные консультативные советы-меджлисы из представителей мусульманской и немусульманских общин. Все эти меры способствовали известному ограничению произвола и беззаконий в действиях властей в центре и на местах.

Много внимания уделялось реформированию армии. Был введен набор рекрутов на основе всеобщей (для мусульман) воинской повинности. Войска были разделены на две части — низам и редиф. Первая — части регулярной службы, срок которой был уменьшен с 15 до 5 лет, вторая — резерв. Подготовка, вооружение, снабжение армии организовывались по европейским стандартам. Воинская повинность не распространялась на немусульман, которые предпочитали платить специальный выкуп за освобождение от воинской службы.

Мустафа Решид-паша предпринял ряд мер для развития системы светского образования. Появившаяся сеть начальных и средних школ, педагогических и иных училищ выводила сферу образования из-под безраздельного контроля мусульманских духовных наставников. Хотя из-за нехватки средств и преподавательских кадров светских школ было создано немного, однако монополия улемов на просвещение была серьезно ослаблена.

Реформы шли трудно. Не только на местах, но и в султанском окружении нововведения встречали активное противодействие. На протяжении первых 20 лет Танзимата Решид-паша шесть раз терял пост великого везира. Труднее всего османским обществом воспринималась идея юридического равенства всех султанских подданных независимо от исповедуемой религии. Она рассматривалась как посягательство на один из основополагающих принципов ислама, провозглашавшего превосходство этой религии над всеми остальными. Немусульманские общины (*миллеты*) могли жить по своим обычаям, но как равных себе мусульмане их не воспринимали. Крайне осторожными в этом отношении были и немусульмане. Их не привлекало право быть военнообязанными, пугали перспективы потерять ту общинную защищенность, которая издавна существовала в империи. В своей хозяйственной деятельности они чаще рассчитывали на покровительство представителей европейских держав, которые, воспользовавшись провозглашением свободы торговли, неприкосновенности личности и имущества, начали все активнее влиять на экономическую жизнь Османской империи.

Ведущие капиталистические страны Запада были заинтересованы в

сырьевых ресурсах и сельскохозяйственной продукции империи, но прежде всего она рассматривалась ими как рынок сбыта продукции своей промышленности. Ввоз дешевых европейских товаров приводил к сокращению местного текстильного производства, ремесел, связанных с обработкой металлов, дерева, кож. Этому способствовала и нехватка сырья, уходившего за границу.

Экономические и финансовые трудности, связанные с включением в мировой капиталистический рынок, вызывали весьма критическое отношение османского общества к переменам, происходившим в период Танзимата и к тому новому поколению имперской бюрократии, которое их осуществляло. Многие из этой среды прошли выучку в дипломатических миссиях за рубежом, поддерживали тесные личные контакты с иностранными посольствами в Стамбуле, что облегчало вмешательство иностранцев во внутренние дела державы Османов. Будучи западниками, деятели Танзимата не всегда считались с нормами ислама, хотя и пользовались исламской фразеологией для обоснования нововведений. Они стремились, прежде всего, ввести новое законодательство, что же касается претворения его в жизнь, то в этом они преуспели меньше, особенно если дело касалось таких принципиальных проблем, как, например, откупная система при сборе налогов. Уже сама постановка этого вопроса стоила Решид-паше везирского поста, после чего, вернувшись к власти, он больше не касался этой проблемы.

Преобразования, осуществлявшиеся Решид-пашой и его сторонниками, в 1853 г. были прерваны так называемой Крымской или Восточной войной. В Петербурге, начиная военные действия, рассчитывали на быструю и победоносную войну против слабой в военном отношении Османской империи. Однако ситуация резко изменилась, когда Англия, Франция, а потом и Сардиния заключили союзный договор с Портой и объявили войну России, которая завершилась для нее тяжелыми и унижительными условиями мира, выработанными на Парижском конгрессе 1856 г.

На этом конгрессе Османская империя, оказавшаяся в числе государств-победителей, была признана как член «концерта» европейских держав, однако война для нее имела тяжелые последствия. Огромные расходы подорвали экономику и истощили казну. Уже в 1854 г. Порта была вынуждена обратиться за займом к английским и французским банкирам. Начался процесс финансового закабаления османского государства. Оно оказалось под «коллективным протекторатом» европейских держав, настаивавших на продолжении реформ. Следование этому пути было

подтверждено новым султанским указом — *хатт-и хумаюном* 1856 г. Этот документ еще раз провозглашал равенство подданных Османской империи вне зависимости от национальности и исповедуемой религии. Он по существу стал неким международным обязательством Порты, по которому европейские государства получили право вмешиваться во внутренние дела империи под предлогом защиты прав немусульманских подданных.

Реформы внешне выглядели как продолжение курса, который был заложен Решид-пашой, но они обрели новое звучание. Льготы, которые подтверждались или вновь предоставлялись, были адресованы прежде всего немусульманским подданным султана. Это касалось смешанных судов, допуска представителей религиозных общин в Высший совет юстиции, допуска немусульман к государственной и военной службе, провозглашения общего равенства налогообложения, признания права иностранцев на владение землей и недвижимостью. Еще заставший этот новый виток преобразований Решид-паша (он умер в 1858 г.) говорил о нем как о разрушительном для империи.

Преобразования, осуществлявшиеся после 1856 г., облегчали действие на территории османского государства иностранного капитала и многочисленных посредников между ним и местным населением, происходивших, как правило, из нетурецкой среды. Подобная компрадорская прослойка составила особый слой населения, получивший название «левантийцев». Она быстрее приспосабливалась к новым условиям, умело воспользовавшись правовыми гарантиями и выгодами капитуляционного режима, который был подтвержден торговыми договорами, заключенными в 1861–1862 гг. Благодаря им на территорию империи можно было провозить любые товары, кроме тех, что были объявлены государственной монополией (соль, табак, оружие, предметы военного снаряжения), были установлены льготные (в 8 %) импортные пошлины, отменены все внутренние таможенные сборы. В результате процесс экономической модернизации обрел для населения империи очень болезненный характер: в упадок стали приходить основные центры производства шелковых и шерстяных тканей и некоторых других отраслей традиционного производства. Упадок ремесла сопровождался разложением цеховой организации, усилилось подчинение непосредственных производителей инонациональному торговому капиталу. Деятельность левантийцев вызывала растущую враждебность особенно в среде провинциальных горожан.

Потребности мирового рынка были стимулирующим фактором для развития сельскохозяйственного производства. В аграрной сфере

османской экономики чаще стал применяться наемный труд, использоваться различные новшества, ориентированные на товарное производство аграрной продукции. Этому должен был способствовать новый земельный закон, принятый в 1858 г. Однако он распространялся лишь на государственные земли. В отношении земель с иной формой собственности продолжали действовать шариатские правила. Эти земли нельзя было продавать, отдавать под залог, менять без разрешения чиновников характер использования земли. Поэтому закон не создавал у сельского населения уверенности в завтрашнем дне, в прочности их владельческих прав.

Наиболее заметны были перемены в сфере административного управления, вызывавшие острую реакцию в обществе. Так, борьба реформаторов и их противников развернулась вокруг принятия нового гражданского кодекса, который в итоге сохранил многие нормы мусульманского права. Соответственно и закон о вилайетах пришлось вводить постепенно. Испытательным полем для него послужил Дунайский вилайет, в который входила большая часть болгарских земель. Управлял им известный впоследствии реформатор Мидхат-паша. Он был одним из разработчиков этого закона, по которому во всех административных единицах должны были действовать совещательные советы. В них, кроме чиновников, входили выборные представители как мусульманского, так и немусульманского населения. Местной администрации предписывалось не вмешиваться в работу судебных органов. Подобная перестройка административных порядков, по замыслу Мидхат-паши, должна была предотвратить распространение идей национального освобождения в среде болгарского населения.

Тот же замысел лежал в основе усилий танзиматских реформаторов по регулированию межнациональных и межрелигиозных отношений. Был разработан новый статус немусульманских миллетов. Руководство всеми светскими делами в миллете возлагалось на гражданские советы. Допускалось выделение из среды трех старых миллетов новых образований, в которые могли объединяться представители иных религиозных течений (католиков, лютеран, протестантов).

Наиболее заметное влияние танзиматские реформы оказали на сферу просвещения и культуры. В 1869 г. был принят «Органический закон о всеобщем образовании», который подвел итоги успехам правительства в деле народного просвещения и вводил новую структуру образовательных учреждений в империи. Создавались начальные и средние школы, где обучались бесплатно не только мальчики, но и девочки. С 1867 г. в них

стали принимать и немусульман. Увеличивалось число специальных учебных заведений: школ гражданских чиновников, канцеляристов, переводчиков, женских и мужских педагогических и ремесленных училищ. В 1868 г. по инициативе нового султана Абдул-Азиза (1861–1876) был учрежден Галатасарайский лицей, созданный по французскому образцу. В него принимались люди разных вероисповеданий, что должно было способствовать «слиянию мусульман и немусульман в единый народ, верноподданный султану». В столице начали функционировать различные научные и литературные сообщества. С особым интересом в обществе было встречено появление газеты «Терджуман-и ахваль» (Толкователь событий), свидетельствовавшее о рождении частной периодической печати. Росло число изданий художественной литературы, а также туркоязычных и переводных книг по османской и всеобщей истории, шло становление профессионального театра.

Во второй половине XIX в. увеличилась европейски образованная прослойка османского общества. Возросло число врачей, юристов, служащих разных компаний, писателей и переводчиков, чиновников и офицеров. Многие офицеры, чиновники и лица свободных профессий были выходцами из бюрократической среды и, получив образование во вновь созданных военных и специальных гражданских учебных заведениях, глубоко прониклись просветительскими и западными идеями.

В 1865 г. авторитетный писатель Намык Кемаль, публицисты Зия-бей, Али Суави и некоторые другие выступили инициаторами создания тайного союза, получившего название «Общество новых османов». Оно быстро обрело многих сторонников среди молодых офицеров, чиновников, журналистов. В своих статьях в газете «Тасфир-и эфкяр» (Выразитель идей) они пропагандировали идею «османизма» — единства всех подданных, имеющих общую родину — Османскую империю. Введенное ими понятие ватан (родина) фактически ставило верность ей выше прежнего представления о безоговорочной преданности султану-халифу. Тем самым оправдывалась и цель их деятельности — борьба за введение в Османской империи конституционного строя. «Новые османы» признавали, что танзиматские реформы способствовали ограничению произвола властей и сохранению целостности Османской империи. Однако деспотический режим, который стремился вновь утвердить Абдул-Азиз, по их мнению, не позволял обществу в полной мере усвоить плоды просвещения и устоять перед западным закабалением. По султанскому приказу Кемаль и его соратники были отправлены в ссылку, но конституционные идеи продолжали волновать османское общество.

Все эти новые процессы разворачивались в 60-70-е годы на фоне усиливавшегося финансового кризиса, в который втягивалась империя. За двадцать лет Порты заключила уже 15 внешних займов на общую сумму в 5 млрд франков. По подсчетам турецких ученых, лишь шестая часть займов была использована производительно — на строительство первых железных дорог, промышленных предприятий. Все остальное пошло на покрытие бюджетного дефицита и дворцовые траты. Расплачиваясь с долгами, правительство было вынуждено отдать в руки кредиторов такие статьи доходов, как ежегодная дань с Египта, поступления с сирийской, измирской и стамбульской таможен, налоговые сборы с ряда провинций. В 1873 г. сильная засуха, а потом очень суровая зима повлекли за собой страшный голод и эпидемии, вызвав запустение в ряде районов империи и падение налоговых поступлений в казну. Поэтому в 1876 г. Порты официально объявила о своем банкротстве.

С 1856 г. в Османской империи действовал первый банк — Оттоманский банк с английским и французским капиталом. В обязанности банка входило обслуживание всех операций, связанных с поступлениями в государственную казну. Хотя банк получил право осуществлять контроль за государственными и финансовыми ресурсами, он не сумел предотвратить банкротство.

Неурожай и вымогательства откупщиков государственных налогов вызвали в 1875 г. массовые восстания в Герцеговине, а затем в Боснии, Сербии и Черногории. В апреле 1876 г. восстала Болгария. Османская армия, иррегулярные части (*башибузуки*) и недавние переселенцы с Кавказа — черкесы, поселенные османскими властями в балканском регионе и выполнявшие там полицейские функции, устроили жестокую расправу над местным населением.

События на Балканах стали толчком для нового обострения Восточного вопроса. С начала 1876 г. западные державы предъявили Порте ряд меморандумов, требуя прекратить карательные экспедиции и провести необходимые в этих районах реформы. Эти требования были восприняты в османском обществе как попытки отторгнуть балканские провинции. По Стамбулу прошли бурные демонстрации учащихся религиозных училищ, поддержанные городской беднотой. «Новые османы» в своем воззвании обвиняли султана как в восстаниях на Балканах, так и в финансовом банкротстве державы. В этих условиях 30 мая 1876 г. произошел государственный переворот: Абдул-Азиз был низложен, а затем вскоре и отравлен.

Мидхат-паша, ставший лидером конституционалистов, рассчитывал,

что на престол взойдет старший сын Абдул-Азиза Мурад V. Однако вскоре выяснилось, что новый султан из-за нервного расстройства не может выполнять свои обязанности. 31 августа он был низложен, а султаном был объявлен его младший брат — Абдул-Хамид II (1876–1909). Перед коронацией он обещал Мидхат-паше провозгласить конституцию, но, вступив на престол, не спешил с выполнением своего обещания. В конечном итоге его окружение все же решило поторопиться с введением в стране конституции, поскольку в Стамбуле должна была начаться конференция шести европейских держав (Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Италии, России и Франции) по урегулированию балканского конфликта. Предлагавшийся для обсуждения проект предусматривал автономию Боснии, Герцеговины и Болгарии, на что не хотело соглашаться османское правительство. В момент открытия конференции был провозглашен указ султана, вводивший в стране конституционное правление, а представители Порты заявили, что в новых «демократических» условиях вмешательство держав в дела османского государства неуместно. Однако попытка султана решить проблемы с Европой введением конституции не увенчалась успехом. Впрочем, и конференция не пришла к общему решению. Ее закрытие Абдул-Хамид ознаменовал высылкой из страны одного из авторов текста конституции Мидхат-паши.

Церемония открытия первого парламента Османской империи в Долмабахче. 1876 г.

Конституция 1876 г., ставшая кульминацией периода Танзимата, объявляла Османскую империю единым, неделимым государством, подданные которого равны перед законом. Им гарантировались безопасность личности, собственности и имущества. Предусматривалась независимость судов, обязательность начального образования. Учреждался

двухпалатный парламент, верхняя палата которого назначалась султаном, а нижняя — выбиралась мужским населением государства. За султаном сохранялось право назначать министров, а также распускать парламент, вводить чрезвычайное положение. Даже в условиях начавшейся в апреле 1877 г. войны с Россией конституция продолжала некоторое время действовать. Однако в феврале 1878 г. султан распустил парламент, объявив его главным виновником поражения в войне. Действие конституции было надолго приостановлено. Борьба за ее восстановление стала главным лозунгом оппозиционного движения в период правления Абдул-Хамида II.

Русско-турецкая война завершилась сокрушительным поражением Османской империи. По условиям мира, выработанным на Берлинском конгрессе 1878 г., она теряла ряд своих важнейших территорий на Балканах. Сербия и Черногория, а также Валахия и Молдавия, объединившиеся в единое государство — Румынию, были объявлены полностью независимыми. К северу от Балканского хребта создавалось Болгарское княжество, остававшееся под формальным сюзеренитетом султана, а Южная Болгария (Восточная Румелия), получившая автономный статус, и Македония возвращались Османской империи. На востоке Анатолии за Россией остались Карс и Ардаган. Батум был объявлен порто-франко. На Порту были наложены тяжелая контрибуция и обязательство провести реформы в армянских районах. Англия получила право занять Кипр, а Австро-Венгрия — оккупировать Боснию и Герцеговину.

В последующие годы, используя разные предлоги, европейские державы захватили и некоторые другие части Османской империи. В 1881 г. Франция установила протекторат над Тунисом, в 1882 г. Англия оккупировала Египет. Греция при поддержке великих держав присоединила Фессалию и Эпир. В 1885 г. воссоединились Болгария и Восточная Румелия, а в 1897 г. империя потеряла Крит.

Война и обязательство уплатить России огромную контрибуцию нанесли османским финансам новый удар. Западные державы пришли к выводу о необходимости установить прямой контроль за финансами обанкротившейся империи. 20 декабря 1881 г. султан был вынужден подписать Мухарремский декрет, по которому для обслуживания государственного долга в распоряжение кредиторов передавались многие ранее поступавшие в бюджет статьи доходов. Право на их взимание получило созданное из представителей кредиторов «Управление османского публичного долга». По форме это была частная организация, по сути же таким образом устанавливался коллективный европейский контроль не только за финансами, но и вообще за экономическим

развитием страны.

Режим самодержавного правления Абдул-Хаида II казался полной противоположностью танзиматской «вольнице», однако общим для этих двух периодов османской истории было стремление властей во что бы то ни стало сохранить империю. В период Танзимата предпринимались усилия обновить державу, приблизив ее к европейским образцам. Абдул-Хамид хотел продолжать курс на модернизацию империи, но использовать при этом иные методы для обеспечения ее стабильности как во внутренних делах, так и на международной арене.

Поскольку деятельность Управления постепенно обеспечила некоторое упорядочение финансового положения, основное внимание султана во внутренней политике было обращено на состояние армии, полиции и жандармерии. На их нужды в бюджете ежегодно выделялось до 1 млрд курушей. Армия вооружалась новым артиллерийским и стрелковым оружием западного производства. Военный флот пополнялся броненосцами, корветами, подводными лодками. Из Германии была приглашена военная миссия во главе с генералом фон дер Гольцем для обучения османской армии по немецким стандартам. Успех в подобных начинаниях позволил восстановить сильную султанскую власть, часть прерогатив которой в эпоху Танзимата была фактически отдана правящей бюрократической элите.

Территориальные потери привели к тому, что к концу XIX в. Османская империя стала страной с преимущественно мусульманским населением. Это обстоятельство вынуждало султана и его окружение искать поддержку своей политики в мусульманской среде анатолийских и арабских территорий, в том числе среди мусульман, перебравшихся из России в пределы империи после Кавказской войны. Абдул-Хамид II постарался вернуть былой престиж институту халифата, который стал рассматриваться им как инструмент, обеспечивающий легитимацию его начинаний и помогающий единению его мусульманских подданных. Первостепенное значение, которое стало придаваться исламу в имперской идеологии, означало также отказ от опоры на вестернизированную элиту Стамбула и усиление влияния при султанском дворе крупных анатолийских землевладельцев и авторитетных арабских шейхов.

Изменилась и ориентация внешней политики. Последствия войны 1877–1878 гг. заставили султана отойти от конфронтационной политики в отношениях с Россией, а в качестве основного союзника и кредитора Порты выбрать Германию, как некий противовес другим европейским державам, пытавшимся контролировать и направлять политику Стамбула. В

ходе визита в Османскую империю осенью 1898 г. кайзер Вильгельм II объявил себя другом и союзником «трехсот миллионов мусульман и султана-халифа». На следующий год был подписан османо-германский торговый договор. Немецкому Дойче банку была предоставлена концессия на сооружение первой очереди Багдадской железной дороги.

Уже в первые десятилетия правления Абдул-Хамида II обозначился конфликт между целями и методами его политики, которая представляла собой противоречивое сочетание элементов старой османской политической культуры, основанной на патернализме, с новыми понятиями, утверждавшими приоритет современных знаний и представлений. Реформы в сфере образования, обеспечившие создание довольно целостной системы светского школьного образования, и открытие в 1900 г. первого университета в Стамбуле способствовали зарождению османского среднего класса. Его представители были заинтересованы в социальном и культурном обновлении империи, они не принимали возврата к фаворитизму, nepотизму и коррупции, связанных с возрождением самодержавных принципов управления. Довольно быстро выявилась несостоятельность попыток заменить панисламизмом идеологию османизма. Пробуждение арабского и албанского национализма в 80-е годы подорвало изнутри влияние панисламистских идей, которые уже не работали на имперское единство. В 1887 г. султанскими властями была создана «Верховная мусульманская иммиграционная комиссия», которая стала вести пропаганду за переселение мусульман как из пределов России, так и из вновь создававшихся балканских государств.

Многих мусульманских переселенцев начали размещать в Восточной Анатолии, в частности в районах с армянским населением. Это привело к обострению отношений властей с армянами, в среде которых бурно развивался процесс национального самосознания. Об этом свидетельствовала, в частности, оппозиционная деятельность ряда армянских общественно-политических организаций. С начала 90-х годов они приступили к организации кампаний протеста против отказа властей осуществить проекты реформ. Чтобы не допустить дальнейшей активизации их деятельности, султан пошел на организацию армянских погромов в Сасуне и других центрах Восточной Анатолии. В ходе столкновений погибло около 300 тыс. человек.

Многими жертвами сопровождались преследования македонских и болгарских националистов в 1902–1903 гг. Однако репрессии не дали ожидаемых результатов. Они лишь привели к обострению этнорелигиозной ситуации в империи и падению престижа Абдул-Хамида II в Европе, где

его стали называть «красным» (т. е. «кровавым») султаном.

Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, Абдул-Хамид фактически установил в стране режим террора. Практикой стали многочисленные аресты, ссылки, тайные расправы, которые сеяли в людях страх и взаимную подозрительность. Поэтому современники воспринимали время правления Абдул-Хаида II как эпоху зулюма (тирании).

Действия властей по подавлению инакомыслия вызывали широкое недовольство и пробудили оппозиционное движение. Молодая интеллигенция, военные и часть чиновничества выступали за восстановление конституционного строя в стране. Действуя в подполье и за границей, сотрудничая с партиями национальных меньшинств, они начали борьбу за свержение ненавистного режима Абдул-Хаида. Участников этих оппозиционных обществ, которые объединились в 1892 г. в организацию «Единение и прогресс» (Иттихад ве теракки), стали называть иттихадистами, а в Европе младотурками.

Своими главными целями младотурки считали восстановление конституционного режима и более активное осуществление реформ. Попытка объединить усилия всех политических партий, групп и кружков, выступавших за борьбу против абдул-хамидовского режима, была предпринята на первом конгрессе младотурок в Париже в 1902 г. Однако разногласия по вопросу о путях и методах изменения существующего строя привели к расколу участников конгресса и созданию двух самостоятельных объединений. Основу одного из них составила группа Ахмеда Риза-бея, выступавшая за доктрину «османизма» и сильную центральную власть, которая не допускала бы вмешательства держав в дела империи. Группа принца Сабахаддина оформилась в «Общество частной инициативы и децентрализации», выступавшее за федеративную структуру османского общества, в рамках которой все народности в империи пользовались бы автономией. Оно также высказывалось за активное сотрудничество с иностранными державами. Взаимное соперничество двух младотурецких центров привело к снижению активности их деятельности. Это обстоятельство было особенно заметно на фоне большого размаха выступлений общественно-политических организаций нетурецких народов.

Хотя в 1903 г. Илинденское восстание в Македонии было подавлено, но во многих районах этой провинции развернулась борьба партизанских отрядов (*чет*). Одновременно возросла активность армянских радикалов в империи, усилилась деятельность арабских националистов, начались антиправительственные акции, организованные Комитетом за свободу

Албании.

Широкий отклик получили в Османской империи известия о революционных событиях 1905–1907 гг. в России и в Иране в конце 1905 г. Волна антиправительственных акций оказала сильное воздействие на младотурецкое движение. В 1907 г. в Париже состоялся новый объединительный съезд, который принял программу действий, направленных на свержение деспотического режима и восстановление конституционного правления.

Нарастание недовольства в османском обществе шло быстрее, чем предполагали оппозиционеры, и уже в июле 1908 г. оно реализовалось в виде выступлений ряда воинских частей, расквартированных в Македонии, где влияние младотурок было наиболее сильным. В течение короткого времени младотурки установили контроль над значительной частью европейских владений султана. 23 июля они в ультимативной форме потребовали от султана немедленно восстановить конституцию 1876 г., угрожая в противном случае походом революционных сил на Стамбул. Абдул-Хамиду пришлось издать указ о возобновлении конституционного порядка и созыве парламента. Вскоре была объявлена амнистия 40 тыс. политических заключенных и эмигрантов, отменена цензура, ликвидирована тайная полиция и распущена 30-тысячная армия доносчиков.

Добившись быстрой и бескровной победы, младотурки после короткой «конституционной весны» должны были обратиться к проблемам, стоявшим перед государством. Однако они не обладали достаточным опытом управления, не располагали широкой сетью своих ячеек в Анатолии и не имели прочного влияния в Стамбуле. Поэтому в империи сложилось своеобразное двоевластие. Во главе правительства остались представители консервативной бюрократической элиты. Вопреки решениям съезда руководители младотурецкого движения оставили на престоле Абдул-Хамида II и не вошли в состав кабинета министров. Они считали, что, установив контроль над армией и парламентом, смогут поддерживать и укреплять свое влияние во властных структурах.

Первые шаги младотурок свидетельствовали об их умеренности. В новой программе 1908 г. они не ставили задач радикальных изменений в политической и социально-экономической жизни общества. Более того, они решительно пресекали всякие попытки внести изменения в сложившиеся аграрные порядки или добиться улучшения условий труда наемных рабочих в городах. Их мероприятия практически не затронули существующую структуру государственного управления, что позволило

султанскому окружению довольно быстро оправиться от удара, нанесенного в июле 1908 г.

Малая активность младотурок определялась также усилившимися идейными и политическими разногласиями в их рядах. Общая цель, объединявшая различные течения внутри движения, — восстановление конституционного порядка — была достигнута. Когда же встал вопрос о будущем государства, старые противоречия обрели решающее значение. Младотурецкие парламентарии раскололись на две группы. Одна из них, возглавляемая принцем Сабахаддином, выступала за децентрализацию и религиозно-национальную автономию, другая — поддерживала курс руководящего комитета «Единение и прогресс» на строгую централизацию и ведущую роль тюрко-исламских элементов в османском обществе. В результате раскола младотурки не смогли провести через парламент ни одного существенного решения, что явно понизило их авторитет в обществе.

Серьезный удар по позициям младотурок был нанесен действиями европейских государств. 5 октября 1908 г. Болгария объявила о своей полной независимости от султанской власти, а на следующий день Австро-Венгрия осуществила окончательную аннексию Боснии и Герцеговины. Попытки младотурок апеллировать к великим державам и организовать экономический бойкот Австро-Венгрии не имели успеха. Внешнеполитические неудачи были использованы противниками иттихадистов для того, чтобы обвинить их в «оскорблении нации и ее религии».

13 апреля 1909 г. сторонники Абдул-Хамида II организовали выступление частей стамбульского гарнизона, потребовавших упразднения палаты депутатов, восстановления шариата и власти султана. В столице начались преследования младотурок. На короткое время Абдул-Хамиду удалось возродить самодержавный строй. Однако младотурки сумели быстро подавить контрреволюционный мятеж. Опираясь на верные воинские части, они к 26 апреля восстановили контроль над столицей. На следующий день парламент принял решение о низложении султана. На престол был возведен безвольный Мехмед V Решид (1909–1918). В новое правительство вошел ряд младотурецких деятелей. Комитет «Единение и прогресс», реорганизованный в политическую партию под тем же названием (сокращенно КЕП), стал играть решающую роль в управлении государством.

Апрельские события 1909 г. означали окончательное завершение младотурецкой революции. Начатая как выступление военных частей во

имя восстановления конституционного строя она обрела затем свое историческое значение, открыв возможности для тех новых социальных сил, чья энергия долго сдерживалась запретами и репрессиями султанских властей. За короткое время Стамбул стал центром политической активности в регионе. Важным показателем перемен стала деятельность обществ и объединений нетурецкого населения империи, таких как Арабо-османское братство, конституционные клубы болгар, албанцев, курдов. Как правило, они выступали за развитие национальной культуры, создание национальных школ, библиотек, за допуск всех османских подданных к государственной службе.

Основное внимание представители КЕП, как ярые государственники, сосредоточили на реформах административного аппарата, армии, права и просвещения. Они полагали, что обновление управленческих кадров, утверждение светских норм в судопроизводстве и школьном образовании позволят ускорить модернизацию государства и общества. Однако подобные нововведения не могли дать тех положительных результатов, на которые рассчитывали их инициаторы, из-за ограниченности социальной опоры иттихадистов и их неготовности осуществлять необходимые социально-экономические преобразования.

Во имя сохранения целостности имперской структуры они быстро отказались от прежних обещаний «свободы, равенства и братства» для всех народностей османского государства, чем способствовали росту оппозиционных настроений, особенно в среде нетурецких меньшинств. Дальнейшему падению авторитета младотурок способствовала их неготовность к войне против Италии, решившей захватить последние североафриканские провинции империи — Триполитанию и Киренаику. Военными неудачами воспользовались политические противники КЕП, которые объединились вокруг созданной в 1911 г. партии «Свобода и согласие» (Хюрриет ве итиляф). В 1912 г. итиляфисты сумели добиться роспуска парламента, где преобладали иттихадисты, и привести к власти правительство, составленное из оппозиционных политиков. Однако военные неудачи в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. позволили младотуркам вернуться к власти, осуществив военный переворот. Но и им не удалось изменить ситуацию на Балканах. Из прежних владений Порты сохранила лишь Восточную Фракию с Эдирне.

Крушение османского господства на Балканах оказало большое воздействие на активизацию выступлений арабских националистов. В этих условиях младотурки признали значимость религиозных уз, связывавших мусульман империи, и стали активнее использовать идеи панисламизма.

Однако основой национальной политики в эти годы стала концепция пантюркизма. Наиболее ярким выразителем идей турецкого национализма выступал философ Зия Гёкалп (1876–1924). В противовес приверженцам панисламизма он обосновывал необходимость разделения светской и духовной власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации. Одним из условий успеха на этом пути он считал объединение тюркоязычных народов. Подобные идеи получили широкую популярность в среде младотурок. Наиболее шовинистически настроенные их представители развили мысли Гёкалпа в пантюркистскую доктрину, требовавшую объединить под властью турецкого султана все тюркоязычные народы, призывавшую к насильственному отуречиванию всех национальных меньшинств в империи.

Кайзеровская Германия активно поддерживала пантюркистские и панисламистские планы младотурок, надеясь использовать Османскую империю в борьбе с Англией и Россией. В правящей верхушке КЕП постепенно усиливалась прогерманская группировка. Ее роль особенно возросла после того, как летом 1913 г. власть в государстве перешла в руки младотурецкого «триумvirата» — военного министра Энвер-паши, министра внутренних дел и председателя центрального комитета партии Талаат-паши и морского министра и губернатора Стамбула Джемаль-паши. Они рассчитывали при поддержке Германии добиться освобождения империи от капитуляционного режима.

Новая программа партии, утвержденная в 1913 г. провозгласила, что государство должно сыграть активную роль в развитии промышленности и сельского хозяйства. Переговоры, которые велись в 1911–1913 гг. с представителями европейских правительств, показали, что Англия, Франция и другие державы не соглашались пересмотреть условия «капитуляций».

Сразу после начала Первой мировой войны младотурецкое правительство пыталось в одностороннем порядке отменить режим «капитуляций». Оно в течение некоторого времени воздерживалось от прямой поддержки Германии, надеясь, что страны Антанты, заинтересованные в нейтралитете Порты, согласятся с этим решением. После того как эти надежды не оправдались, был подписан германо-турецкий военный союз. 14 ноября султан объявил *джихад* (священную войну) державам Антанты. Так младотурки вовлекли свою империю в мировую войну, в результате которой Османская империя исчезла с политической карты мира.

Арабский мир

К началу XIX в. большая часть арабских стран, за исключением Марокко и практически всего Аравийского полуострова, входила в состав Османской империи, однако этот союз носил номинальный характер. Фактически во главе различных арабских провинций давно утвердились династии и кланы, отличавшиеся разной степенью независимости от Стамбула. Демографическая ситуация в начале века в арабском мире была неблагоприятной вследствие частых эпидемий, природных катаклизмов и социальной и политической нестабильности. Но с проведением реформ и модернизацией в большинстве арабских стран начинается демографический рост. Изменения в социально-политической жизни привели к сдвигам и в духовной сфере, которые выразились в таком явлении, как Нахда, — культурном и общественном подъеме в арабском мире XIX — начала XX в., зародившемся в Египте и Сирии.

XIX столетие стало для большей части арабского мира не только эпохой модернизации, но и эрой активного колониального проникновения европейцев. На рубеже XVIII–XIX вв. с вторжения войск Наполеона Бонапарта в Египет арабские страны стали объектом завоевания со стороны ведущих бурно развивавшихся европейских держав. К началу Первой мировой войны почти вся территория Магриба была подчинена Франции, Египет и Аравийский полуостров стали сферой влияния Великобритании. Италия в начале XX в. получила Ливию. Германия, не имея колониальных приобретений в арабском мире, тем не менее активно влияла на политику османского султана, в том числе в оставшихся у него арабских провинциях. Хотя османы пытались соперничать с Англией в Аравии и на какое-то время им удалось восстановить свой авторитет на отдельных территориях полуострова, к началу Первой мировой войны реальная власть султана распространялась только на сирийские провинции, Ирак и Хиджаз.

Рубеж XIX–XX вв. также ознаменовался для арабского мира ростом национального движения, развитием местного патриотизма и арабского национализма, причем эти движения не были однородны и носили различную политическую направленность.

Египет и Судан

После ухода французских войск, в условиях хаоса и

непрекращающейся борьбы за власть между мамлюками, османскими воинскими подразделениями и английскими войсками, в Египте добился признания талантливый и амбициозный военачальник османской армии Мухаммед Али. Заручившись поддержкой самой авторитетной прослойки общества того времени — *улемов*, он добился в 1805 г. провозглашения себя наместником (*вали*) Египта. Правление Мухаммеда Али (1805–1848) стало настолько важным этапом в истории страны, что его нередко, вслед за английским историком Г. Додвеллом, называют «основателем современного Египта». Придя к власти, Мухаммед Али устранил авторитетных и политически активных улемов путем лишения их высоких постов, а также расправился со своими давними соперниками — мамлюками, отдав приказ об их истреблении в 1811 г. Покончив со своими противниками, новый вали Египта приступил к широким преобразованиям во всех сферах жизни страны прежде всего в целях удержания собственной власти.

Проведенная им земельная реформа способствовала увеличению объема обрабатываемых земель и развитию культур, ориентированных на экспорт. Благодаря реформе в области образования появились светские школы и многочисленные профессиональные училища. Итогом военной реформы стала сильная армия, в основе которой лежали рекрутские наборы. Мухаммедом Али была усовершенствована система центрального и местного управления, реформирована промышленность. Государство контролировало производство, ремесло и сельское хозяйство, а также торговлю через систему государственных монополий. Все эти преобразования способствовали модернизации Египта и укреплению власти Мухаммеда Али и его династии.

Внешняя политика Мухаммеда Али также отличалась активностью. Именно его войска, по поручению султана Махмуда II, подавили движение ваххабитов на Аравийском полуострове в 1811–1818 гг., что упрочило авторитет египетского правителя во всем мусульманском мире. После успешного покорения Судана (1820–1822) Мухаммед Али направил, опять же по просьбе султана, свой недавно отстроенный флот и новую армию на подавление восстания в Греции, начавшегося в 1821 г. Захватив Крит и Кипр, египетский вали, однако, потерпел серьезное поражение, стоившее ему всего флота, от объединенных сил России, Франции и Великобритании в Наваринском сражении (8 октября 1827 г.). После этой неудачи Мухаммед Али потребовал от Махмуда II передать под свое управление сирийские провинции Османской империи, которые султан обещал ему за помощь в подавлении греческого восстания. Получив отказ, Мухаммед Али пошел на открытый конфликт со Стамбулом. Египетские войска вторглись в 1831 г. в

Сирию и за два года покорили ее.

Однако военные победы Мухаммеда Али над османами вызвали вмешательство европейских держав, которые видели в усилении Египта и превращении его в самостоятельный региональный центр силы угрозу своим интересам. В ходе совместных действий Англии, Австрии, Пруссии, России и Османской империи против египетской армии Мухаммед Али в 1840 г. был вынужден капитулировать. В результате Сирия, Палестина, Крит и аравийские земли вернулись под юрисдикцию султана и имперским планам Мухаммеда Али был положен конец. Султанским указом он признавался наследным правителем лишь Египта и Судана. Египетская армия сокращалась до 18 тыс. человек, и вали должен был снова регулярно выплачивать дань Порте. Египет также присоединялся ко всем международным договорам Османской империи, в частности к англо-турецкому договору 1838 г., что имело тяжелые последствия для Египта, открывая доступ в страну иностранным товарам и капиталу.

В последние годы жизни Мухаммед Али отошел от государственных дел, фактически передав управление страной своему сыну Ибрагиму, после смерти которого престол занял Аббас-паша (1848–1854). Пришедшие к власти вслед за ним племянник Мухаммеда Али Саид-паша (1854–1863) и внук Исмаил (1863–1879), принявший титул хедива, продолжали политику реформ, направленную на дальнейшую модернизацию Египта. Изменения коснулись и высшей власти в провинции. В 1866 г. был создан первый в истории Египта представительный орган — Консультативное собрание депутатов, а в 1873 г. Египет получил статус «государства». Однако на масштабные преобразования нужны были денежные средства, которые Исмаил-паша брал под высокие проценты у европейских держав, поэтому Египет все более попадал в финансовую зависимость от кредиторов, в первую очередь Англии и Франции. Огромных расходов потребовало строительство в 1859–1869 гг. Суэцкого канала. В 1875 г. Исмаил-паша, не будучи в состоянии расплатиться с долгами, продал все принадлежавшие Египту акции Суэцкого канала, а в 1876 г. вынужден был создать Кассу публичного долга, куда поступали доходы для оплаты по займам и через которую кредиторы фактически контролировали финансовую систему Египта. Более того, под давлением европейских держав функции управления страной были переданы «европейскому кабинету», в который на одни из ключевых постов были поставлены представители Англии и Франции. Новое правительство, стремясь изыскать средства для оплаты займов, увеличило налоги и сократило число офицеров в армии, в два раза уменьшив жалованье оставшимся. Эти меры, наряду с фактической

потерей Египтом экономической и политической независимости, вызвали массовые протесты в обществе и армии. Хедив Исмаил, сочувственно относившийся к этим движениям и поддерживавший требования создания национального правительства, был под давлением европейских держав низложен султаном Абдул-Хамидом II в июне 1879 г. Его место занял Тауфик (1879–1892), во всем послушный иностранцам. В результате его политики, направленной на соблюдение интересов Англии и Франции в Египте, в стране укрепилось мощное оппозиционное движение, состоявшее из множества тайных организаций и политических обществ.

В сентябре 1881 г. патриотически настроенные офицеры во главе с полковником Ахмедом Ораби вышли к Абдинскому дворцу в Каире с политическими требованиями под лозунгом «Египет для египтян». В итоге был сформирован новый кабинет министров, разработана программа реформ, а 7 февраля 1882 г. утверждена и первая конституция Египта. В то же время в стране нарастало национальное движение, принявшее антиевропейскую окраску. Воспользовавшись антиевропейскими и антихристианскими выступлениями в Александрии, английские войска в июле 1882 г. вошли в город. Хедив Тауфик поддержал действия иностранцев, и сторонники борьбы за независимость объединились вокруг Ораби-паши. Однако его армия потерпела поражение от английских войск, которые в 1882 г. оккупировали Египет.

Власть в стране, продолжавшей номинально входить в состав Османской империи и возглавлявшейся хедивом, фактически перешла к английскому генеральному консулу, которым с 1883 г. по 1907 г. являлся Ивлин Бэринг (лорд Кромер). Ключевые посты в государственном аппарате и экономике занимали англичане, большая часть египетских предприятий, транспорта, внутренней и внешней торговли находилась в их руках. Такой режим получил название «скрытого протектората».

На рубеже веков оппозиционное и национальное движение в Египте, затихшее в первое десятилетие оккупации, активизировалось и к началу Первой мировой войны находилось в стадии подъема. Наиболее яркими его представителями стали Мустафа Кямиль, Ахмед Лютфи ас-Сайид, Саад Заглуль. Если в 1890-е годы создавались клубы и салоны, в которых велись политические дискуссии, возрождались тайные общества, то накануне войны в Египте существовало уже несколько партий и множество националистических организаций. Часть из них стояла на резких антибританских позициях и ориентировалась на Османскую империю. В то же время существовало и другое крыло оппозиции, выступавшее за временное сотрудничество с англичанами и за проведение реформ по

европейскому образцу. Новый хедив Египта Аббас II Хильми (1892–1914) разделял националистические настроения и покровительствовал развитию антибританского движения. На парламентских выборах 1913 г. националисты набрали значительное количество мест.

Что же касается Судана, то после усиления позиций Великобритании в Египте губернаторами многих суданских провинций становились иностранцы, а с 1877 г. генерал-губернатором всего Судана был назначен англичанин Гордон. Данные факторы провоцировали многочисленные восстания суданцев, наиболее значительным из которых стало движение махдистов, начавшееся в 1881 г. Лидером восставших стал дервиш-проповедник Мухаммед Ахмед (1843–1885), объявивший себя Махди, т. е. мессией. Он провозглашал борьбу за «чистоту ислама», равенство и братство всех мусульман, выступал против засилья европейцев. Пользуясь массовой поддержкой суданцев и переходивших на его сторону египетских солдат и офицеров, возмущенных английской оккупацией Египта, Махди сумел сформировать боеспособную армию. В нескольких сражениях армия махдистов разгромила англо-египетские войска и в 1885 г. взяла штурмом суданскую столицу Хартум. Сторонники Махди создали в Судане свое теократическое государство, которое возглавил после смерти Махди его сподвижник Абдалла. Англо-египетские войска, вновь предпринявшие вторжение в Судан, в 1898 г. разгромили армию халифа Абдаллы. Утвердившись в Судане, англичане закрепили свое господство в виде соглашения с Египтом о кондоминиуме, т. е. совместном управлении Суданом. На деле участие Египта в управлении страной свелось к размещению здесь наряду с английским небольшого контингента египетских войск и назначению на второстепенные места в местную администрацию ряда египетских чиновников. Вся полнота власти в стране принадлежала Англии, которая назначала в Судане своего генерал-губернатора, формально утверждавшегося хедивом Египта, хотя сопротивление английскому господству в Судане еще долго не утихало.

Сирийско-ливанский регион

В первой трети XIX в. сирийские провинции Османской империи (Дамаск, Алеппо, Триполи и Сайда) продолжали жить в русле традиций предыдущего века. Консолидация этих земель в силу географических особенностей и политических традиций различных территорий региона, разобщенности городского и сельского населения, этноконфессиональных

различий шла очень медленно. Султанский указ о роспуске янычарского корпуса 1826 г. здесь фактически не был выполнен. Однако вторжение египтян под руководством сына Мухаммеда Али Ибрагим-паши в 1831 г. изменило ситуацию в этом регионе.

Египетские власти приступили к общественно-политическому переустройству и модернизации Сирии. Была создана единая провинция с центром в Дамаске и централизованная система управления, упорядочено налогообложение. На местах создавались *меджлисы* (советы) — совещательные административные органы, в ведении которых находились хозяйственные вопросы и ряд судебных функций. Принимались меры для перехода бедуинов к оседлости, расширялись посевные площади. Все это способствовало заметному росту экономики, увеличению сельскохозяйственного производства и экспорта. Однако введение обязательных для мусульман рекрутских наборов, налоговое бремя, отмена социальных ограничений для немусульман и жесткая централизация вызывали неприятие у многих жителей Сирии. В результате в 1834 г., затем в 1837–1838 гг. и в 1840 г. в разных районах Сирии вспыхнули антиегипетские восстания.

В 1840 г. египетская армия была вынуждена отступить из Сирии, которая возвратилась под сюзеренитет османов. Танзиматские реформы были распространены и на эту территорию. Хотя сирийские земли были вновь разделены на несколько провинций, тем не менее тенденции к централизации сохранились — большинство должностных лиц назначались из Стамбула. Однако реформы в разных районах Сирии проходили не всегда гладко.

Так, в Горном Ливане, который всегда обладал широкой автономией, в 1840-1860-е годы произошел ряд конфликтов между этноконфессиональными общностями друзов и маронитов, в основе которых лежали давние социальные противоречия, обостренные политикой османских властей и англо-французским противостоянием в регионе. Европейские державы не только тайно оказывали поддержку противоборствующим сторонам (англичане — друзам, французы — маронитам), но и открыто вмешивались в конфликт: в августе 1860 г. Наполеон III, заручившись одобрением Великобритании, Австрии, Пруссии и России, отправил французские войска в Горный Ливан для урегулирования ситуации, тем более что обстановка в Сирии была накалена после христианского погрома в Дамаске (июнь 1860 г.). Французские контингенты должны были оставаться в Сирии не более шести месяцев, но французы под разными предлогами продлили свое пребывание в регионе

до июня 1861 г.

Европейская демонстрация силы и угроза оккупации способствовали проведению преобразований на территории Ливана и дальнейших реформ в других сирийских провинциях. В 1861 г. был принят, а 1864 г. получил окончательную редакцию Органический статут Ливана, согласно которому Горный Ливан становился автономной областью во главе с губернатором-христианином неливанского происхождения, подчиненным непосредственно султану. При губернаторе создавался совет из 12 членов, куда входили представители всех конфессий Ливана. В таком виде административная система Ливана просуществовала до Первой мировой войны. Все эти преобразования способствовали развитию экономики и духовному подъему в обществе. Основным центром этого подъема стал Бейрут — бурно развивавшийся город, где проживали богатые христианские торговые семьи. Именно в их среде зародилось явление *Нахды*.

Середина XIX в. ознаменовалась для Египта и Сирии появлением культурно-просветительского движения. В 1821 г. Мухаммедом Али была создана «типография паши», где издавалась, прежде всего, учебная литература. В 1828 г. в Египте появляется первая официальная газета «Египетские ведомости», в 1841 г. при Школе языков в Каире был основан Отдел переводов, в котором до закрытия Школы англичанами в 1882 г. было переведено более двух тысяч книг. Многие годы там проработал знаменитый египетский просветитель и создатель концепции египетского патриотизма Рифаа ат-Тахтави (1801–1873), выступавший за применение европейского опыта в области науки и техники для модернизации Египта.

Если в Египте феномен просветительства получил государственную поддержку, то в Сирии он зародился в частной среде, прежде всего христианских меценатов. В 1847 г. было основано Сирийское научное общество, заседания которого вызывали большой общественный резонанс. Одним из самых видных деятелей сирийской Нахды стал Бутрус аль-Бустани (1819–1883), выступивший за реформу арабского языка, очищение его от архаизмов. Аль-Бустани учредил несколько периодических изданий, открыл «национальную» школу. Во второй половине XIX в. в Сирии и Египте активно развивалась драматургия, литература, пресса и публицистика.

Важным проявлением Нахды стало движение реформации ислама, связанное с именами Джамала ад-Дина аль-Афгани (1839–1897) и Мухаммеда Абдо (1849–1905). Они стремились приспособить ислам к условиям существования в модернизированном мире. Реформаторы ислама, выступая за очищение религии от средневековых наслоений, за пересмотр традиционных подходов к толкованию религиозных установлений и против слепой веры, по-новому поставили вопросы о свободе воли индивидуума, о месте человека в мире и возможностях человеческого разума, оказав огромное влияние на все последующее развитие мусульманской мысли и арабской культуры.

В то же время европейские державы усиливали свое экономическое и политико-культурное влияние в сирийско-ливанском регионе, действуя не только через консулов, которые всячески покровительствовали христианским торговцам, но в том числе и посредством духовных миссий. Была создана широкая сеть католических школ и семинарий, выпускники которых выезжали на учебу в Рим, Париж, Брюссель. В 1846 г. Папа Римский восстановил Латинский иерусалимский патриархат, действовавший в Палестине в период господства крестоносцев. Американские миссионеры-протестанты в 1866 г. основали в Бейруте Сирийский протестантский колледж, впоследствии переименованный в Американский университет, существующий до настоящего времени. Россия усилиями Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) создавала в периоды 1847–1853 гг. и 1857–1917 гг. больницы, школы, библиотеки в Ливане, Сирии и Палестине.

На рубеже XIX–XX вв. сирийские провинции империи демонстрировали стабильное экономическое развитие, постепенное повышение благосостояния населения и рост доли городского населения. В 1878–1880 гг. известный государственный деятель Мидхат-паша провел ряд реформ в системе местного самоуправления Дамасского *вилаята*, а десятилетием позже было усовершенствовано административно-территориальное деление всей Сирии: создавались три больших вилайета (Дамасский, Бейрутский и Хalebский) и три особые области — *мутасаррифии* Горный Ливан, Иерусалим и Дейр-эз-Зор, подчинявшиеся напрямую министерству внутренних дел.

В Палестине с конца XIX в. началось возрождение еврейской общины (*ишув*). В 1880-х годах в Палестину стали массово приезжать евреи из

России и стран Европы вследствие усиления там антисемитских настроений. К этому периоду относится оформление политического сионизма — движения за создание в Палестине еврейского национального государства. В 1897 г. была создана Всемирная сионистская организация (ВСО), в 1903 г. в г. Хайфа при поддержке английских властей открылся филиал Еврейского колониального треста, созданного ВСО, чтобы покупать земли и финансировать еврейские поселения в Палестине. В результате первых двух волн иммиграции («алия») 1882–1903 гг. и 1903–1914 гг. еврейское население Палестины достигло 85 тыс. человек, однако оно составляло незначительное меньшинство населения. Еврейская иммиграция, сопровождавшаяся ростом капиталовложений и развитием экономики, приносила социально-экономические выгоды этой территории, но вместе с тем началось обезземеливание арабского крестьянства, и часть арабской элиты, среди которой стали распространяться идеи арабского национального возрождения, выступала за ограничение еврейской иммиграции.

В период своего правления султан Абдул-Хамид II уделял особое внимание сирийским провинциям, укрепляя связи с наиболее влиятельными родами, представлявшими традиционную политическую элиту Сирии. Впоследствии наиболее активными идеологами доктрины панисламизма на общеимперском уровне стали выходцы из Сирии — шейх суфийского братства Рифайя Абу-ль-Худа ас-Сайяди и представитель дамасской аянской семьи Ахмед Иззет-паша. Политика панисламизма в сирийских провинциях проводилась посредством прессы, жесткой цензуры и школьного образования в рамках этой идеологии. И хотя существовали кружки интеллектуалов, находящихся в оппозиции к Абдул-Хамиду, тем не менее подавляющее большинство населения было лояльно по отношению к султану и его режиму.

В период «революционной весны» (1908–1909 гг.) в сирийских провинциях империи возросла общественно-политическая активность, было открыто несколько десятков новых газет и журналов и созданы арабские патриотические организации. Формирование новой политической культуры было наиболее ощутимо в первую очередь среди молодой сирийской интеллигенции, часть которой получила образование в Европе. Выходцы из Сирии активно участвовали в деятельности созданного в 1909 г. в Стамбуле Литературного клуба — первой легальной арабской общественно-политической организации, национального общества «Молодая Аравия» и «Османской партии административной децентрализации», провозглашавшей идею широкой автономии арабских

областей Османской империи. На первом арабском конгрессе 1913 г. большинство делегатов также были представителями Сирии. Однако младотурецкие власти не приняли предлагаемых арабскими националистами программ преобразования империи. В то же время в Ливане представителями христианских общин в 1909 г. было образовано «Общество ливанского возрождения», ставившее своей целью вообще территориальное отделение от империи и создание ориентированного на Францию независимого «Великого Ливана».

Какими бы ни были политические взгляды арабских националистов сирийских провинций империи накануне Первой мировой войны, большинство населения Сирии эти идеи не воспринимало и сохраняло лояльность режиму младотурок.

Ирак

Ирак к началу XIX в. оставался одной из наименее развитых в социально-экономическом отношении территорий Османской империи, власть над большей частью которой была сосредоточена в руках мамлюкской династии Хасанидов. Более трети населения Ирака составляли кочевники. Постоянные междоусобицы племен, их выступления против османских властей, а также речное пиратство и набеги кочевников на оседлое население замедляли хозяйственное развитие страны. В первые две трети XIX в. Ирак регулярно страдал от эпидемий чумы и борьбы за власть различных мамлюкских и янычарских группировок.

Правитель Багдада Дауд-паша (1817–1831) попытался стабилизировать ситуацию в Ираке. В период его правления была восстановлена ирригационная система, благоустраивались города, развивалось сельское хозяйство. С помощью англичан и французов Дауд-паша создал регулярные воинские части с современным вооружением, установил монополию на скупку и экспорт продовольствия, пытался наладить выращивание хлопка и сахарного тростника, приобрел морские и речные суда. Дауд-паша предпринял попытку использовать поражение Османской империи в войне с Россией в 1828–1829 гг. для достижения большей независимости от власти султана. В ответ против Дауда была направлена османская армия, одержавшая победу над ним, в основном благодаря тому, что в армии Дауда началась эпидемия чумы, уничтожившая большую часть его войск. В 1831 г. Дауд был низложен, а в Ираке установлено прямое правление султанских наместников.

Восстановление султанской власти в Ираке сопровождалось мятежами курдов и сопротивлением арабских племен. С 1848 г. в стране стали осуществляться реформы Танзимата — были разделены военная и административная власть, вали был лишен финансовых и судебных полномочий, переданных специальным чиновникам и административному совету. Отмена в 1861 г. внутренних и повышение ввозных таможенных пошлин наряду с прокладкой англичанами телеграфной линии Стамбул-Басра, соединившей Ирак также с Европой и Индией, способствовали экономическому и политическому объединению Ирака, укреплению его связей со Стамбулом и со странами региона.

Дальнейшим проведением реформ во всех сферах жизни Ирака занимался генерал-губернатор Багдадского вилайета Мидхат-паша. Их результатом стало расширение обрабатываемых земель и приобщение к оседлому образу жизни кочевников и полукочевников. В результате сформировался слой мелких землевладельцев-крестьян, в среде которых осознание себя государственным подданным постепенно вытесняло племенную солидарность. К рубежу XIX–XX вв. Ирак был в достаточной степени вовлечен в мировую экономику, в которой он занял положение поставщика необработанных продовольственных культур, так как здесь, в отличие от Египта и Сирии, не успел сложиться сектор первичной обработки сырья.

До конца XIX в. Ирак считался сферой интересов Великобритании, однако с наступлением нового столетия в условиях политического сближения османского правительства с Германией между немецкими и английскими компаниями развернулась острая конкуренция за право на разведку и добычу нефти в Мосульском и Багдадском вилайетах.

После младотурецкой революции 1908–1909 гг. в Ираке наблюдался определенный подъем общественно-политической жизни. В стране издавалось множество газет и журналов, однако идеи арабского национализма еще не были близки жителям Ирака — в общественном сознании господствовали доктрины османизма и панисламизма. Тем не менее под влиянием арабских националистов Сирии и Египта накануне Первой мировой войны в Ираке появились филиалы арабского общества «Литературный клуб» и даже возникло антиосманское «Общество знамени».

К началу XIX в. почти вся территория Аравии была объединена под знаменами ваххабизма и подчинена государству Саудидов. На востоке и юге Аравийского полуострова существовало несколько государственных образований, которые платили дань Саудидам. Наиболее влиятельными правящими династиями востока Аравийского полуострова, сохранившимися до наших дней, были Сабахи в Кувейте, Халифа на Бахрейне, Бу Саид в Омане.

После разгрома ваххабитов в 1818 г., египтяне претендовали на распространение своего влияния на полуострове, однако в восточной и южной Аравии они столкнулись с интересами Великобритании. Основные силы египтяне сосредоточили на покорении Асира (юго-западная часть Аравийского полуострова) и Йемена, стратегически более важных для египтян из-за выхода к Красному морю. Англичане же в 1820 г. навязали племенам Пиратского берега (территории в восточной части Аравийского полуострова) и Бахрейну договор о мире, фактически утверждавший влияние британцев в этих местах. Затем подобный договор был подписан с правителями Маската и других эмиратов Персидского залива. В 1839 г. Англия захватила г. Аден, что позволяло контролировать пролив Баб эль-Мандеб, ведущий в Красное море.

После ухода египтян в 1840 г. с территории Аравии там началось противостояние между османским султаном, претендовавшим на эти земли, и англичанами. Тогда же произошло возрождение государства Саудидов — эмир Фейсал ибн Турки в 1843 г. утвердился в эр-Рияде и начал постепенное покорение аравийских земель, однако его государство не достигло таких размеров и влияния, как первое государство Саудидов. После смерти Фейсала в 1865 г. оно погрязло в междоусобицах и окончательно прекратило свое существование в 1887 г.

Стратегия Великобритании по установлению доминирования в регионе в этот период сочетала в себе силовые и политические методы. Англичане играли на противоречиях между шейхами государственных образований региона Персидского залива, а также поддерживали ваххабитов там, где надо было противодействовать османам.

Османская империя не оставляла попыток восстановить свой контроль над аравийскими землями. В 1871 г. была оккупирована эль-Хаса — область в восточной Аравии, что подвигло англичан объявить протекторат над Бахрейном в том же году. Османы поставили в вассальную зависимость Кувейт, захватили в 1872 г. Северный Йемен, а позже и эмират Джебель-Шаммар, находившийся в Центральной Аравии, признал сюзеренитет султана. Тем не менее позиции Великобритании были очень сильны в

восточной и юго-восточной Аравии.

Рубеж XIX–XX вв. был отмечен определенным социально-экономическим развитием османских регионов Аравии. Реформы Танзимата были распространены на Хиджаз, однако существенных сдвигов в общественно-политической жизни там не произошло. Наиболее крупным предприятием в сфере строительства стало прокладывание в 1900–1908 гг. под руководством немецких инженеров Хиджазской железной дороги, соединившей Медину с Дамаском. Однако поскольку на рубеже веков не только Великобритания, но и Германия, Франция и Россия также стали проявлять интерес к региону Персидского залива, англичане постарались укрепить здесь свое влияние. В 1891 г. были подписаны выгодные для Англии договоры с Оманом, в 1913 г. Катар и Кувейт официально были признаны младотурками зоной английского влияния. В то же время в 1913 г. правитель возродившегося в начале XX в. Риядского эмирата Ибн Сауд вытеснил османов из эль-Хасы.

Магриб

К началу XIX в. провинция Западное Триполи (современная Ливия) фактически являлась наследственным владением полунезависимых пашей из рода Караманли. В 1835 г. османам удалось восстановить здесь свою власть и провинция стала управляться губернатором, назначаемым султанским указом. Сюзеренитет османских султанов распространялся в основном на приморские районы; во внутренних областях, заселенных бедуинскими племенами, вся административная, экономическая, военная и судебная власть принадлежала шейхам племен.

Османские власти, пытаясь подчинить себе всю территорию Ливии, вели ожесточенную борьбу с местными племенами, отстаивавшими свою независимость. Со второй трети XIX в. начинается европейская, в частности английская, экспансия в страну, которая на первом этапе ограничивалась поддержкой политики османов по подавлению сепаратизма мятежных племен. Идеологами борьбы против иноземцев выступали религиозные братства, среди которых наибольшее влияние приобрело братство Сенусийя, основанное в 1837 г. марабутом — духовным лидером братства — Мухаммедом бен Али ас-Сенуси (1787–1859). Сенуситы призывали вернуться к следованию нормам Корана и сунны, резко критиковали европейские новшества, реформы Мухаммеда Али в Египте, а также османских правителей, которые, по их мнению, действовали в

интересах европейцев и являлись «отступниками» от подлинного ислама. Братство обладало огромным авторитетом среди племен и к концу XIX в. имело 94 *завии* (религиозно-административных центра) на территории страны. Фактически сенуситы создали теократическое государство с административным и судебным аппаратом, своей казной и широкими полномочиями на контролируемой ими территории востока страны. Османы предпочитали не вступать в конфликт с авторитетным братством, тем более что те платили им дань и в пятничной молитве упоминали имя султана.

С 1901 г. сенуситы и османы объединили свои силы для совместной борьбы против французской экспансии. Одновременно с этим в стране росло итальянское влияние, пока в 1911 г. не началась открытая интервенция Италии в Ливию. Обеспечив себе на дипломатических переговорах согласие Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и России, войска Италии высадились в Триполи и, имея подавляющее количественное и техническое превосходство, разгромили находившиеся там османские войска. В результате Османская империя в 1912 г. фактически передала под управление Италии Триполи и Киренаику. Италия объявила эти территории своей колонией Ливией, но фактически контролировала лишь прибрежную часть страны, и на протяжении еще 20 лет местные племена под руководством сенуситов продолжали борьбу с итальянцами. Франция же, воспользовавшись уходом османов, присоединила к своей африканской колонии Чад часть южных ливийских территорий.

Тунис к началу XIX в. был наиболее развитым государством арабского запада. В стране процветало ремесло и морская торговля, тунисские товары успешно конкурировали с европейскими в регионе Средиземноморья, а удельный вес городов и городского населения Туниса был самым высоким в Магрибе. Однако пришедшие к власти Махмуд-паша (1814–1824) и Сиди Хусейн-бей (1824–1835) из династии Хусейнидов опирались на консервативные круги элит, в результате чего был восстановлен корпус янычар и должность *мухтасиба* (религиозного цензора), упраздненные ранее. Повышение налогов и введение системы государственных монополий, неурожай, эпидемия чумы, отказ от пиратства под давлением европейских держав и, соответственно, падение доходов привели к экономическому и политическому кризису в стране.

Постепенно Тунис стал впадать в финансовую зависимость от Франции, бывшей его главным кредитором. В 1830 г. был подписан договор между двумя странами, который гарантировал права иностранцев и

свободу торговли. И хотя правители Туниса, особенно Ахмед-паша (1837–1855), пытались проводить реформы, направленные на модернизацию страны, тем не менее настоящими хозяевами в Тунисе постепенно становились европейские консулы. С помощью европейских советников был разработан текст конституции Туниса, которая вступила в силу в 1861 г. после ее одобрения императором Франции Наполеоном III. Поскольку влияние Франции в Тунисе было огромным, а Великобритания всячески старалась не допустить ее усиления еще и в Египте, то на Берлинском конгрессе 1878 г. англичане, а также немцы, желавшие отвлечь внимание французов от только что потерянных в войне с Пруссией территорий, поощряли тех захватить Тунис. В результате, введя свои войска в 1881 г. в Тунис и подавив сопротивление, французы в июне 1883 г. объявили протекторат над этой страной. Согласно договору между беом Мухаммедом ас-Садоком (1859–1882) и французской стороной, династия Хусейнидов сохраняла престол, однако фактически вся полнота власти передавалась французскому генеральному резиденту. В Тунисе начался процесс колонизации: колонисты, в основном французы и итальянцы, стали занимать ведущее положение в экономике и политической жизни, а коренные тунисцы, даже европейски образованные, не были допущены до ведущих постов в этой сфере, что вызывало рост национализма среди них.

На рубеже XIX–XX вв. стали создаваться первые тунисские культурно-просветительные общества — как либеральные, так и традиционалистские. В 1907 г. была сформирована политическая партия «Молодой Тунис», выступавшая за расширение прав коренного населения Туниса и его участие в управлении страной. Младотунисцы, не найдя отклик своим требованиям у колониальных властей, объединились с традиционалистами и наладили связи с младотурками. Они организовывали митинги, забастовки и демонстрации, зачастую сопровождавшиеся столкновениями с полицией. В результате в 1912 г. младотунисские лидеры были арестованы и высланы из страны. Часть из них накануне Первой мировой войны вошла в эмигрантский «Комитет за независимость Алжира и Туниса», поддерживавшийся Германией, Австро-Венгрией и Османской империей.

Алжир в первой трети XIX в. продолжал оставаться слабоцентрализованным государством. *Деи* — пожизненные правители страны, выбиравшиеся верхушкой местных янычар и корсаров, фактически полностью контролировали лишь небольшую территорию с центром в г. Алжире. Алжирское общество, где огромную роль играли вожди многочисленных племен и главы религиозных братств — марабуты, было очень разнородно в этническом и социальном плане.

В начале XIX в. государство деев находилось в упадке, что было обусловлено как социальной нестабильностью и разобщенностью, так и неурожаями, эпидемиями и сокращением доходов от пиратства. Вереница правителей Алжира, сменявших друг друга в первой трети века, вынуждена была бороться не только с европейцами, принуждавшими деев прекратить корсарство, но и со своеволием наместников провинций — беев, восстаниями племен, мятежами марабутов и янычарами, которые свергли и убили множество деев в этот период.

Ослабленная алжирская власть не была в состоянии противостоять возрастающей внешней экспансии, в частности Франции. В 1827 г., воспользовавшись инцидентом между консулом Девалем и деем Хусейном, французский флот установил блокаду Алжира с моря. В июле 1830 г. французские войска, высадившись в Алжире, разгромили армию дея и вступили в столицу страны. Хусейн капитулировал, однако борьба против завоевателей продолжалась. В 1832 г. ее возглавил эмир Абд аль-Кадир, сын руководителя суфийского братства Кадирийа. Абд аль-Кадир создал на севере и западе Алжира свое государство, которое вело борьбу с французами, вынужденными признать это государство и даже дважды заключить с ним мирные договоры. В свою очередь, на востоке страны во главе вооруженного сопротивления французам встал бей Хадж Ахмед, однако в 1847–1848 гг. французам удалось пленить обоих предводителей повстанцев.

Продвижение французов в глубь страны шло медленно и трудно из-за постоянных восстаний и резкого сопротивления многочисленных племен. Наиболее масштабным в истории французского завоевания Алжира стало восстание 250 арабских и кабилских племен во главе с Мухаммедом Мукрани в 1871 г. Последнее крупное восстание против захватчиков произошло в 1881–1883 гг., хотя отдельные стычки продолжались еще долго, однако французы жестоко подавляли все мятежи.

В ходе захвата алжирских земель французами местные племена лишились более половины своих владений, а образовавшийся земельный фонд оккупанты использовали для европейской колонизации. По конституции 1848 г. Алжир был провозглашен частью Франции и разделен на три «гражданских департамента», подчинявшихся министру внутренних дел, и четыре «военные территории» во главе с генерал-губернатором, где действовали «арабские бюро» — органы управления местным населением. С конца XIX в. колонисты составляли 10–12 % населения страны, а их верхушка — «сотня сеньоров» — довольно агрессивно отстаивала свои интересы, фактически подчинив себе французскую администрацию в

Алжире. Колонисты считали себя «алжирцами», местное население — «туземцами», а идеологи «алжиро-европейства» даже отстаивали идею о том, что Алжир есть и всегда был частью европейской, а не арабомусульманской цивилизации. Коренные алжирцы были ущемлены в правах и, согласно «Туземному кодексу» 1881 г., могли быть арестованы и сосланы просто по подозрению.

Колонизация страны сломила традиционную социальную структуру всего общества. Коренные алжирцы хлынули в города, где находили работу на фабриках, становились ремесленниками и торговцами. Из них постепенно формировалась интеллигенция, в их среде росло национальное самосознание. Первыми с петицией о защите и уважении мусульман и учреждений ислама выступили традиционалисты — «старые тюрбаны» — в 1887 г. В то же время коренные алжирцы, получившие светское образование, выступали за культурную ассимиляцию с французами и синтез двух культур. Эта прослойка получила название «младоалжирцы» и впервые заявила о себе в 1892 г., потребовав предоставления всем алжирцам, а не только колонистам, прав французов. Младоалжирцы создавали культурно-просветительские ассоциации, частные школы, библиотеки, издавали газеты. В 1912 г. они даже представили президенту Франции манифест с требованием отмены «Туземного кодекса», справедливого налогообложения, представительства мусульман в органах власти, в том числе в парламенте, однако их требования так и не были удовлетворены.

Дальний Магриб — Марокко, независимое государство во главе с династией Алауитов, возводящей свое происхождение к Пророку Мухаммеду, в начале XIX в. был почти полностью закрыт для иностранцев. Им разрешалось приезжать лишь в 5 портов для ведения торговли. В самой стране огромное влияние имели марабуты, племена также отличались высокой степенью независимости. Постепенная европейская экспансия в Марокко началась в 1830-е годы. После начала завоевания Алжира французами марокканский султан пытался оказать поддержку алжирскому эмиру Абд аль-Кадиру, но вступившая в 1844 г. в Марокко французская армия разгромила марокканские войска в сражении у р. Исли. Затем войска марокканского султана потерпели ряд поражений в испано-марокканской войне 1859–1860 гг. Благодаря дипломатической поддержке Англии, не заинтересованной в успехах Франции и Испании, Марокко, несмотря на военные поражения, сохранило формальную независимость, однако марокканский султан вынужден был подписать ряд торговых договоров, навязанных Марокко европейскими державами и США в 1836–1865 гг.

Иностранные граждане по условиям этих договоров получали ряд преимуществ, в соответствии с которыми смогли стать хозяевами марокканского рынка. Привилегии иностранных держав в Марокко были официально закреплены в 1880 г. на международной конференции в Мадриде. Пользуясь этими договорами, Франция оккупировала ряд районов Марокко и навязала султану «договор о помощи» в подавлении восстаний мятежных племен. Султаны Марокко Сиди Мухаммед ибн Адб ар-Рахман (1859–1873) и Мулай Хасан (1873–1894) развернули масштабную реформаторскую деятельность в целях модернизации страны и укрепления власти. Однако проведенные преобразования имели весьма ограниченный эффект.

В начале XX в. Германия начала активное соперничество с французским и испанским влиянием в Марокко. Германский кайзер Вильгельм II, в 1905 г. посетивший Марокко, объявил себя «защитником независимости» страны. В 1911 г. Германия направила в Марокко канонерку «Пантера» (данная демонстрация силы получила у историков название «прыжок пантеры») и предъявила свои претензии на участие в разделе сфер влияния в Марокко. После урегулирования германо-французского конфликта при посредничестве Англии, Франция и Испания навязали Марокко в 1912 г. договор о протекторате. Германия в качестве «компенсации» получала часть французской территории Конго. Большая часть территории Марокко попадала под управление Франции в лице французского генерального резидента, области на севере и часть территорий на юге страны управлялись испанским верховным комиссаром. Наряду с этим порт Танжер был выделен в международную зону, где главную роль играла Великобритания. При формальном нахождении исполнительной власти в руках правительства султана экономика и природные ресурсы страны использовались фактически в интересах иностранного, в основном французского капитала. Неравноправный для Марокко договор вызвал массовые антифранцузские выступления, а в г. Фес столкновения продолжались более месяца.

Позиции французской администрации протектората в какой-то мере укрепились благодаря активной деятельности генерального резидента Франции маршала Лиотэ, уделявшего большое внимание развитию марокканской инфраструктуры и поиску союзников среди местных жителей. Накануне Первой мировой войны маршалу Лиотэ удалось привлечь на сторону французской администрации часть марокканской интеллигенции, позиционировавшей себя «младомарокканцами», однако большинство племен продолжали борьбу против французов.

Иран под властью династии Каджаров

Иран вступил в XIX в. типичной позднесредневековой монархией, характерной для стран Ближнего и Среднего Востока этого времени. В конце XVIII в. после длительной и кровавой междоусобной борьбы в Иране укрепилась новая, каджарская, династия. Основателем ее стал Ага Мохаммад-хан, который в ходе борьбы за власть сумел взять верх над многочисленными претендентами на шахский престол. Его коронация в марте 1795 г. положила начало правлению династии Каджаров, продолжавшемуся в Иране вплоть до 20-х годов XX в. В 1796 г. своей столицей Ага Мохаммад-хан избрал небольшое поселение Тегеран, постепенно подчинив своей власти большую часть Ирана. Целью Ага Мохаммад-хана было воссоздание Ирана как великой империи, существовавшей в древности.

После убийства шаха в результате дворцового заговора в июне 1797 г. и ожесточенной борьбы за престол к власти пришел племянник Ага Мохаммада Фатх Али, который управлял Ираном более тридцати пяти лет. В его правление в борьбе с сепаратизмом местных правителей и в противоборстве с растущим влиянием России и Великобритании на внутренние иранские дела произошло становление новой династии.

Процесс определения государственных границ, формирования государственного аппарата, налаживания хозяйственной жизни при Каджарах растянулся на несколько десятилетий и проходил в условиях широкой экспансии европейских государств и соперничества между ними за подчинение Ирана.

В конце XVIII в. Ближний и Средний Восток приобретает особый вес в международной политике. Выгодное географическое положение Ирана на подступах к Индии, Средней Азии и Кавказу определило его место в острой политической борьбе европейских держав за влияние и господство на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии.

После неудачи египетской кампании в 1798 г. Наполеон начал разрабатывать планы сухопутного похода в Индию, рассчитывая использовать для этого территорию Ирана. В целях противодействия планам Наполеона англичане всячески старались склонить на свою сторону шаха.

В январе 1801 г. Англия подписала политический и торговый договоры с Ираном. Политический договор имел антифранцузскую, антиафганскую и антирусскую направленность. По торговому договору 1801 г. англичанам

предоставлялись большие привилегии.

В начале XIX в. произошло дальнейшее обострение отношений между Россией и Ираном. После успешных войн с Турцией и присоединения Крыма Россия активизировала свою политику на Кавказе и взяла курс на непосредственное включение Грузии, Армении и закавказских мусульманских ханств в состав Российской империи. 19 декабря 1800 г. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России. Александр I после вступления на престол издал «Манифест об утверждении нового правления в Грузии». Шахское правительство Ирана стремилось любыми способами вернуть под свою власть Грузию и мусульманские ханства Закавказья. Каджары рассматривали эти территории как неотъемлемую часть Ирана, и продвижение России в Закавказье неминуемо должно было привести ее к столкновению с Ираном.

В 1804 г. началась 1-я русско-иранская война, которая длилась 9 лет. Только 24 октября 1813 г. в местечке Гюлистан между Россией и Ираном был подписан мирный договор, согласно которому Иран признавал вхождение в состав Российской империи Дагестана, Грузии, Имеретин, Гурии, Мингрелии и Абхазии, а также ханств — Карабахского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышинского.

Договор подтверждал право российских и персидских купцов свободно плавать по Каспийскому морю. На ввозимые и вывозимые из Ирана товары для купцов обеих стран устанавливались пошлины в размере 5 %. В то же время в статье 5 Гюлистанского договора было зафиксировано исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море.

Война с Наполеоном на время ослабила англо-русское соперничество в Иране, но оно вскоре возобновилось с новой силой. Продвижение России и Англии навстречу друг другу в Азии явилось определяющим фактором политики двух держав по отношению к Ирану, который оказался между молотом и наковальней и был вынужден постоянно лавировать, чтобы выжить в условиях растущего политического, военного и экономического давления. Англичане постоянно поддерживали антирусские настроения среди правящей верхушки Ирана и стремились укрепить свои позиции, используя стремление шаха к реваншу в борьбе с Россией.

25 ноября 1814 г. в Тегеране был подписан англо-иранский договор, который обязывал персидское правительство объявить все враждебные Великобритании союзы, заключенные с европейскими государствами, потерявшими силу, а также не допускать в Иран войска европейских государств, находящихся во враждебных отношениях с Великобританией.

Опираясь на поддержку Англии, иранское правительство стало

требовать пересмотра Гюлистанского договора. Для урегулирования спорных вопросов в Иран было отправлено чрезвычайное посольство А.П. Ермолова. Результатом переговоров стало создание в 1817 г. постоянной российской дипломатической миссии в Иране. Шах назначил местопребыванием русской миссии г. Тебриз — резиденцию наследника иранского престола Аббас Мирзы, которому было поручено ведение внешних сношений Ирана. Улучшившиеся отношения с Ираном способствовали расширению ирано-русской торговли.

Признание Россией царствующего дома Каджаров имело для последних большое политическое значение. Аббас Мирза после получения гарантий Александра I (акт от 8 мая 1819 г.) о помощи в случае борьбы претендентов на шахский престол занял внешне дружественную позицию в отношении России. Однако в то же время Аббас Мирза послал своих агентов в отошедшие по Гюлистанскому договору к России Ширванское и Карабахское ханства, а также в Дагестан, где они повели агитацию за вооруженное выступление против русских властей.

После неудачной войны с Османской империей 1821–1823 гг. иранское правительство, подстрекаемое английской дипломатической миссией, пошло на обострение отношений с Россией. Весной 1826 г. англичане начали выплачивать Ирану военную субсидию, предусмотренную договором 1814 г. В Иране продолжалось формирование регулярной пехоты и кавалерии с помощью английских инструкторов, шла усиленная подготовка к войне с Россией.

23 июня 1826 г. иранское духовенство издало фетву о священной войне против России, а в июле 1826 г. иранская армия внезапно напала на русские войска. После ряда побед русской армии шах был вынужден согласиться на все условия, выдвинутые русской стороной.

10 февраля 1828 г. в с. Туркманчае близ Тебриза между Россией и Ираном был подписан мирный договор, завершивший 2-ю русско-иранскую войну. По этому договору Эриванское и Нахичеванское ханства вошли в состав России. Границей между Россией и Ираном стала р. Араке. На Иран возлагалась контрибуция в 20 млн рублей. Подтверждалось преимущественное право России иметь военный флот на Каспийском море и свобода плавания там для русских судов. Стороны обменялись миссиями на уровне посланников, установились консульские отношения, Аббас Мирза признавался наследником иранского престола.

По дополнительному соглашению к Туркманчайскому договору русским и иранским купцам предоставлялось право свободной торговли в Иране и в России. Договором устанавливалась экстерриториальность

российских подданных в Иране, за Россией закреплялось право консульской юрисдикции на территории Ирана.

Договор способствовал укреплению влияния России на Среднем Востоке, подрывал британские позиции в Иране. Особенно большое значение он имел для судеб армянского народа: после подписания договора до 140 тыс. армян переселились в Закавказье из Турции и Ирана.

Туркманчайский договор 1828 г. положил конец русско-иранским войнам и притязаниям иранского шаха на Грузию, Армению и закавказские ханства.

В то время как основные силы Каджаров на западных и северо-западных границах государства были направлены на борьбу с Россией и Османской империей, местные правители на юге и востоке страны практически вышли из подчинения центральной власти, не платили налогов и вели в основном самостоятельную политику, используя против Каджаров помощь англичан, среднеазиатских ханств и афганских эмиров.

После подписания Туркманчайского договора с Россией Аббас Мирза предпринял шаги по восстановлению власти Каджаров в Йезде, Кермане и провинции Хорасан. Дипломатическая и военная активность Аббас Мирзы принесла результаты, и в течение 1831–1832 гг. он овладел многими крепостями и городами Хорасана. Английская миссия в Иране крайне неодобрительно и настороженно относилась к походу Аббас Мирзы в Хорасан. После заключения Туркманчайского договора наметилось ирано-русское сближение и укрепление позиций Ирана в Хорасане, что англичане рассматривали как усиление влияния России в регионе и пытались представить его как потенциальную угрозу своим владениям в Индии.

Иранские власти готовились к походу на Герат, который со времен Сефевидов и Надир-шаха считали своей подвластной территорией. Однако 21 октября 1833 г. Аббас Мирза скончался, а вскоре, в 1834 г., умер и Фатх Али-шах. Между наследниками престола началась борьба за власть, в которой верх одержал сын Аббас Мирзы Мохаммад Мирза. Он продолжил попытки укрепить власть Каджаров в Хорасане, а в 1837 г. предпринял поход на Герат. Это резко обострило отношения Ирана с Англией, которая стремилась не допустить перехода Герата под власть иранского шаха. Иран отказывался также выполнить требования англичан о предоставлении им права экстерриториальности. В связи с этим Англия в ноябре 1838 г. объявила о разрыве дипломатических отношений с Ираном.

Некоторое время спустя после разрыва дипломатических связей шах Мохаммад Мирза послал в Лондон своего представителя для ведения переговоров о восстановлении отношений. В сентябре 1839 г. министр

иностранных дел лорд Пальмерстон выдвинул ряд условий, на которых Великобритания соглашалась восстановить дипломатические отношения с Ираном. Самыми важными из этих требований были: отзыв иранских войск из крепости Гориан и других афганских пунктов; заключение торгового договора, который распространил бы на английских подданных режим капитуляций. В марте 1841 г. Иран вывел свои войска из Гератского ханства. Вскоре дипломатические отношения между Ираном и Англией были восстановлены. 28 октября 1841 г. в Тегеране был подписан торговый договор между английским правительством и шахским двором.

Внимание к Герату было вновь привлечено в середине 50-х годов XIX в., когда Англия не только подошла вплотную к завоеванию рынков Ирана, Афганистана и Средней Азии, но и предприняла попытку установить свое прямое политическое господство в регионе.

Процесс территориального объединения государства завершился в основном в 30-40-е годы XIX в., хотя неопределенность государственных границ Ирана на некоторых участках сохранялась вплоть до XX в., вызывая конфликты с Османской империей, Россией, центральноазиатскими ханствами и Афганистаном. Определяющими факторами при формировании государственной территории стали уже не только военные силы Ирана и соседних ханств или племен, а вооруженные силы европейских государств — России и Англии, усилившиеся тенденции к созданию национальных государств, сила международных и двусторонних договоров и соглашений.

К середине XIX в. в стране стала складываться новая система административного деления. Иран делился на 30 областей (*вилайеты*) и четыре провинции (*эялаты*): Азербайджан, Хорасан, Фарс и Керман. Провинции, в свою очередь, делились на уезды (*болук*) и округа (*махалле*). Наименьшей административной единицей была деревня (*дех*).

Первым лицом в государстве после шаха был *садразам*, глава государственного аппарата, который имел большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Ирана. Часто эту должность занимали талантливые чиновники, не принадлежавшие к каджарской знати. Садразам назначал себе трех помощников: управляющего финансами (*мостоуфи оль-мамалек*), управляющего внешней и внутренней политикой (*монши оль-мамалек*) и главнокомандующего (*салар лашкар*). После реорганизации армии, осуществленной Аббас Мирзой, появились новые военачальники — командующий регулярным войском и командующий иррегулярными войсками. Налоговым инспектором в провинции был *мостоуфи*, в каждом городе — *тахвилдар*, который собирал налоги через деревенских и цеховых

старост.

Уже в первой половине XIX в. стала намечаться «европеизация» государственного аппарата: садразам стал называться иногда премьер-министром, монши оль-мамалек — министром иностранных дел и т. д.

Большим влиянием пользовались *каем-макамы*, первые чиновники при дворе наследника в Тебризе, становившиеся премьерами после вступления наследника на престол.

Во главе пограничных областей стоял военный наместник или губернатор (*беглербек* или *бейлербей*, *амир оль-омара*). В администрацию областей входили: губернатор, глава шиитского духовенства (*шейх оль-ислам*, назначался из Тегерана), шариатские судьи (*кази* и *муллы*), *садр* (ведал вакфным имуществом области), *визирь* (отвечал за поступление налогов и подчинялся великому визирю или садразаму).

Судебные функции находились в руках шиитского духовенства. На основе законов шариата рассматривались некоторые уголовные дела. Но поскольку шах обладал неограниченной властью, то он и являлся верховным судьей по всем вопросам, и часть его власти передавалась по инстанциям различным административным лицам — губернаторам и др. Представители светского суда — *даруга* и *кедхода* выносили решения, учитывая мнение религиозных судей — *казиев*, *улемов*, *мулл*. На основе обычного права {адата} решались многие мелкие споры, особенно в племенах.

Армия была нерегулярной и в обычное время немногочисленной. В случае необходимости собирались племенные или городские ополчения, которые распускались после окончания военного похода. Когда же иранская армия столкнулась с русскими войсками в Закавказье и потерпела первые поражения, шах и его ближайшее окружение, прежде всего наследник престола Аббас Мирза, пришли к мысли о необходимости перестройки военной системы Ирана по европейскому образцу.

Регулярные войска вначале обучали французские, а затем английские, австрийские и итальянские офицеры. Во главе регулярной армии стоял амир — *низам*, хотя главой всех вооруженных сил считался шах. Однако боеспособность иранской армии даже после реорганизации была невысока, о чем свидетельствуют многочисленные поражения в войнах против России и Англии.

Неудачные для Ирана Гератский поход и войны с Османской империей, а также неспособность иранской армии быстро подавить восстание бабидов заставили молодого шаха Насер ад-Дина и его первого министра Таги-хана еще раз реорганизовать армию. Несомненно, что

проведенная в Османской империи военная реформа стимулировала проведение реорганизации и иранской армии.

Таги-хан ввел новую систему набора в армию, по которой каждая облагаемая налогом единица (деревня, землевладелец, город и т. д.) должна была поставить определенное количество солдат, оплатить доставку солдата к месту сбора и содержать его семью. Накануне англо-иранской войны 1856–1857 гг. иранская армия была все еще слабо обучена и вооружена, в ней отсутствовала дисциплина; не было генерального штаба, инженерных войск. Лучше всего была обучена регулярная кавалерия. Подготовка военных инженеров только началась.

Такая «регулярная» армия была совершенно небоеспособной. Даже иррегулярные конные ополчения племен во главе со своими ханами были более надежной и боеспособной военной силой.

В первой половине XIX в. в Иране начинается процесс разложения патриархальных отношений и формирование капиталистического уклада: проявляются признаки политического и экономического кризиса, прокатываются волны народного недовольства, делаются попытки проведения некоторых реформ, зарождается просветительство.

Иран, сохранивший представления о своем былом величии и могуществе, сталкивается с более развитыми в социально-экономическом, военном, политическом и культурном отношении государствами и терпит поражения. Он вынужден идти на унизительные уступки, тяжело переживает неудачи, мучительно приспосабливается к новым условиям, ищет причины бедственного положения и пути преодоления средневековой отсталости. В Иране еще не исчезли некоторые иллюзии, были живы надежды отстоять свою политическую и экономическую независимость, сохранить неизменной шиитскую идеологию, шариатское традиционное общественное устройство, культуру, быт. События середины XIX в. заставили многих иранцев более реалистически оценивать сложившуюся на Ближнем и Среднем Востоке обстановку и возможности самого Ирана. С этого времени начинается качественно новый период в истории иранского государства.

Во второй четверти XIX в. отмечаются новые тенденции в социально-экономическом развитии Ирана в связи с ввозом западноевропейских товаров, проникновением гораздо более производительного и сильного западноевропейского промышленного капитала и начавшимся превращением Ирана в рынок сбыта и источник сырья для европейских стран.

В начале XIX в. около трети пригодной к обработке земли

принадлежало государству. Каджары стремились создать большой фонд государственных земель, считая государственную собственность на землю и право шаха распоряжаться земельным фондом важнейшей экономической основой политической централизации Ирана.

Тем не менее большая часть земель оставалась частной собственностью. Относительно независимыми от шахской власти были вакфные земли, которыми распоряжалось шиитское и отчасти суннитское духовенство.

С 30-40-х годов отмечался рост частного землевладения. Соотношение между государственной и частной собственностью начало меняться: стало сильно сказываться влияние капиталистической Европы, а рост потребностей в сельскохозяйственном сырье и цен на него на мировом рынке заставили активизироваться крупных землевладельцев, установить более жесткий контроль над крестьянами. В сельское хозяйство устремились купцы, офицеры, высшее духовенство, богатые горожане. Принцип частной собственности на землю официально был признан законом 1843 г.

До середины XIX в. в Иране сохранялась устойчивая социальная структура, характерная для средневекового общества. С 40-х годов можно говорить о начавшемся расшатывании этой структуры, появлении новых общественно-экономических связей.

Можно выделить четыре основные группы населения Ирана, сильно отличавшиеся друг от друга по экономическому и правовому положению: правящее сословие — лица, связанные с двором, столичная и провинциальная (гражданская и военная) администрация, имеющая наследственную и пожалованную Каджарами земельную собственность; городские сословные группировки — купцы, торговцы, ремесленники, а также духовенство; крестьянство; кочевники.

Основную массу крупных землевладельцев составляли ханы племен, владельцы наследственных и титульных земель, чиновники провинциальной администрации. В целом эта социальная группа была достаточно стабильна.

Крепостного права в Иране не было, но это не мешало жесточайшей эксплуатации крестьян и пренебрежительному отношению к податному населению: ремесленникам и горожанам.

Положение шиитского духовенства в Иране на протяжении XIX в. изменилось. При Фатх Али-шахе стало заметно стремление шиитского духовенства более активно участвовать в политической жизни страны. При Мохаммад Мирза-шахе происходило дальнейшее укрепление позиций

духовенства. А позже Амир Кабир неоднократно открыто заявлял, что во всем Иране духовенство жаждет политической власти и вмешательства в государственные дела.

Отношения духовенства с властями имели сложный характер и наряду с тем, что духовенство нередко выступало против всевозможных «европейских» новшеств, угрожавших традиционным устоям общества, оно зачастую было единственной силой, способной оградить народ от произвола властей и поэтому пользовалось уважением и доверием народа. Духовенство оказывало решающее влияние на всю систему взглядов, традиций и устоев иранского общества.

Со второй половины XIX в. в Иране начинается развитие капиталистических отношений и, как следствие этого, рост иранских городов. Роль города в жизни страны начинает возрастать: город становится центром новой культуры; создает новые политические, торгово-экономические и интеллектуальные сообщества; способствует созданию новых форм власти.

Политическая власть в городе принадлежала бюрократическим слоям. Они же по существу господствовали в экономической жизни, собирая налоги с горожан, принимая участие в городской, оптовой, караванной и транзитной торговле, осуществляя регламентацию производства и торговли, влияя на ценообразование и т. п.

Значительной по численности и влиятельной социальной группой в иранском городе в первой половине XIX в. было купечество. В основном в его руках сосредоточивалась внешняя и внутренняя торговля. Особенностью иранского купечества являлась тесная связь с крупными землевладельцами и духовенством. Шахская казна и отдельные сановники также были активными участниками торговли.

Внешняя торговля Ирана контролировалась тегеранским правительством не полностью. Местные власти провинций имели право определять условия торговли. Иран торговал преимущественно со своими соседями: Османской империей, Россией, Бухарским ханством, Афганистаном, Индией и арабскими княжествами. Европейские товары ввозились в Иран не только иранскими и европейскими купцами, но и турецкими, индийскими и арабскими.

Во многих отраслях ремесленного производства функции производителя и продавца объединялись в одном лице. Ремесленник-торговец оставался чуть ли не самой заметной фигурой на иранских базарах, особенно в небольших городах. Наемный труд применялся довольно широко и в городе и в деревне. В городах выделялась еще одна

часть населения, так называемые деклассированные элементы (*луты*). Они играли видную роль почти во всех городских восстаниях. В 1815 г. тегеранские луты, подстрекаемые шейх оль-исламом, разгромили армянский квартал. Городские низы были использованы шиитским духовенством при разгроме российской миссии в 1829 г.

В конце XVIII — начале XIX в. в Иране было относительно много рабов, преимущественно из христиан и негров. Захваченные в плен обычно превращались в рабов. Несмотря на подписание договоров о запрещении работорговли в Персидском заливе (1845, 1847 г.), она продолжалась в Систане и Белуджистане.

Немусульманское население Ирана — христиане (главным образом армяне и ассирийцы), парсы (гебры, зороастрийцы), иудеи — занимали униженное положение. Национально-религиозные меньшинства старались держаться компактно, прибегая в случае необходимости к защите своей религиозной общины. Армяне, евреи, ассирийцы и парсы составляли незначительный процент в общей массе населения и не оказывали заметного влияния на политическую и культурную жизнь Ирана.

В 50-е годы XIX в. в Иране проживали 9 млн человек. Налогом облагались 3 млн оседлых жителей и 3 млн кочевников. Традиционными и законными в соответствии с шариатом считались 10 % отчисления в казну с любого вида доходов, а в военное время — 25–30 %. Однако в действительности этих правил никто не придерживался, и налоги определялись губернатором провинции, а затем раскладывались по более мелким административным единицам. Сохранялась круговая порука при выплате налогов с деревни и *сенфа* (цеха), хотя и намечалась тенденция к более индивидуальному обложению.

Некоторые губернаторы провинций систематически отказывались вносить налоги в казну, а правители ряда областей, например Бендер-Аббаса, вообще не хотели платить налог иранскому правительству, считая себя независимыми от Ирана. Несвоевременное поступление налогов было обычным явлением.

При Каджарах все шире стала практиковаться выдача баратов (распоряжений) на получение налога с какого-либо района или его части в качестве жалования чиновников. Сбор налогов отдавался на откуп, что свидетельствовало о неразвитости налоговой системы, а также о неспособности государства обеспечить сбор налога силами чиновников (бюрократический аппарат в это время был невелик).

К середине XIX в. в Иране происходят существенные сдвиги в социально-экономической жизни, связанные с проникновением

западноевропейского, прежде всего английского, капитала.

Ввоз дешевых иностранных товаров оказывал разрушительное действие на иранское ремесло и промышленность, которые не могли противостоять иностранной конкуренции. Правительство ничего не делало для защиты местных производителей, особенно страдала текстильная промышленность. Широкомасштабный торговый кризис 1836–1837 гг. в Иране привел к разорению многих иранских купцов, они были вытеснены из внешней торговли иностранными торговыми домами.

Проникновение иностранного капитала в страну также ухудшило положение крестьян. Росла экономическая кабала. Если в Европе ссуды давались под 3–6% годовых, то в Иране — под 30-100 %. Многие крестьяне уходили на заработки в города и пополняли ряды городской бедноты.

Протесты и недовольство крестьян часто сливались с возмущением разорившихся торговцев и ремесленников. В целом ухудшение материального положения народных масс создавало широкую социальную базу для антиправительственных выступлений, которые принимали в Иране форму религиозных движений.

Особую опасность для властей представляли бабидские выступления середины XIX в. (названные по имени идейного руководителя движения Баба). Движения бабидов проходили под уравнительными лозунгами. Большую часть участников движения составляли мелкие ремесленники, торговцы, крестьяне и исламское духовенство. Они выступали за отмену налогов, частной собственности, равенство женщин, введение общности имущества. Стихийные и разрозненные бабидские протесты были жестоко подавлены властями.

Бабидское движение стало следствием обострения социальных противоречий в Иране, которые усиливались в результате проникновения иностранного капитала в страну. Наиболее дальновидная часть правящего класса понимала необходимость изменения существующего положения.

Северный Иран — Азербайджан, Гилян, Мазендеран, более тесно связанные с европейским рынком, раньше других ощутили необходимость реорганизации хозяйства и управления.

Впервые при Каджарах к середине XIX в. начинает складываться оппозиция шахскому самодержавию на базе просветительства и реформаторства, получивших свое развитие во второй половине XIX в. Важно отметить также проявление политического самосознания у части представителей имущих классов, которые выдвигали требования улучшения государственного управления, соблюдения законности, «справедливости», а также развития экономики и культуры. Идеи

модернизации общества проникли в Иран в результате расширявшихся контактов с европейцами, ознакомления с достижениями жизни и культуры Европы, а также под влиянием реформ (так называемый «танзимат») в соседней Османской империи.

Наиболее активным сторонником проведения реформ в Иране был Мирза Таги-хан.

Амир Кабир

Мирза Мохаммад Таги-хан Фарахани (1808-09.01.1852). Мохаммад Таги был сыном Махмуда Курбана Кербелаи, повара в семействе правителя Персидского Ирака — Иса Фарахани. После назначения Иса Фарахани на должность каем-макама при наследнике престола Аббас-Мирзе, семья М.К.Кербелаи переезжает в Тебриз, где он становится управляющим в доме Фарахани. Мохаммад Таги воспитывался вместе с детьми и внуками каем-макама, с детства был знаком с наследником престола и будущим шахом Насер ад-Дином.

Личные качества Таги-хана — природный ум, образованность, работоспособность, умение вести канцелярскую работу, организаторские способности, поддержка каем-макама и наследника способствовали его выдвижению. Таги-хан стал чиновником в канцелярии наследника Аббас Мирзы в Тебризе. В составе «извинительного» посольства Хосров Мирзы в 1829 г. он посетил Петербург.

Таги-хан в 1831 г. стал заместителем командующего армией наследника в Азербайджане, получил титул хана. В 1843 г. он был назначен на пост амир-незама (командующего) армией наследника.

Семейные связи также обеспечивали Таги-хану необходимую поддержку; он был женат на одной из дочерей Фатх Али-шаха, сестре Насер ад-Дина. Мирза Таги-хан в 1843–1847 гг. возглавлял иранскую миссию в Эрзеруме при определении границ с Турцией. Общаясь с европейцами, работавшими в комиссии по разграничению, проживая длительное время в Турции и посещая Россию, а также занимая высшие административные и военные посты при наследнике престола в Азербайджане, мирза Таги-хан приобрел необходимый опыт и

знания в управлении страной.

Вступив на престол в 1848 г., Насер ад-Дин-шах назначил Таги-хана садр-азамом (премьер-министром) и присвоил ему титул «Амир Кабир» («Великий эмир»). Таги-хан получил неограниченные права по управлению страной.

За время короткого пребывания на посту первого визиря (1848–1851) Мирза Таги-хан пытался провести реформы в целях укрепления власти центрального правительства и ограничения влияния иностранных держав, главным образом Англии. В первую очередь он занялся реорганизацией армии, повел борьбу с недисциплинированностью воинских частей и их командиров, с кражей казенных денег, предназначенных для уплаты жалованья солдатам.

Вместе с тем стремясь несколько разрядить недовольство крестьян, Мирза Таги-хан сделал попытку ограничить эксплуатацию крестьян ханами. Разработанный им проект устанавливал размеры повинностей крестьян в пользу ханов. Эта мера, так же как и другие проекты реформ Мирзы Таги-хана, должна была укрепить власть центрального правительства, что было необходимо для подавления народных восстаний, мятежей непокорных ханов, а также для отпора давлению на Иран со стороны иностранных держав.

Среди других государственных деятелей Ирана Мирза Таги-хан был наиболее решительным противником усиления английского влияния в стране. Он пытался не допустить закабаления Ирана иностранными державами и стремился вернуть Ирану фактическую самостоятельность во внешних и внутренних делах.

В течение трех лет Мирза Таги-хан был фактическим правителем Ирана и заложил основу всеобъемлющих, обновляющих страну реформ. В 1849 г. он основал школу-лицей Дар оль-фонун (Дом науки) и пригласил группу европейских специалистов, которые преподавали медицину, фармакологию, естественные науки, инженерное дело, геологию, военное дело. Из среды выпускников Дар оль-фонуна впоследствии вышли видные иранские политические деятели, дипломаты, просветители.

В стране начали действовать разного рода кружки и общества, служившие целям просвещения, развитию частных школ. В феврале 1851 г. в Тегеране под руководством и при активном участии Таги-хана была основана газета «Рузнаме-йе вакайе-йе эттефаки-йе», которая была официальным изданием и служила руководством для государственных служащих. Значительное место в газете занимали материалы зарубежной

прессы, освещавшие проблемы политики, экономики и культуры.

Амир Кабир был убежден в необходимости создания в Иране промышленности европейского типа. По его инициативе были выстроены два сахарных завода, заводы по изготовлению оружия и пушек, прядильная фабрика, фабрики по производству хрусталя, бязи и сукна. Одной из основ его экономической политики было поощрение и развитие частной промышленности.

Для успешного осуществления реформ Мирза Таги-хан сильно ограничил власть духовенства, не допуская его вмешательства в государственные дела. Он считал, что при наличии сильных позиций духовенства никакие реформы невозможны.

Амир Кабир внес изменения в судебную систему. Он ограничил компетенцию шариатских судов. Судебные дела представителей религиозных меньшинств не должны были подпадать под юрисдикцию судов шариата и сразу передаваться в светские суды. Всем губернаторам провинций была направлена инструкция, согласно которой религиозные меньшинства должны пользоваться полной свободой религиозных отправления и их права должны охраняться на основе абсолютной справедливости.

За короткий период правления Мирза Таги-хан, несмотря на ограничения, существовавшие на протяжении столетий, и противодействие, оказываемое ему со всех сторон, провел разнообразные реформы. Однако его деятельность, попытки ограничить власть и финансовые возможности правящей верхушки вызывали недовольство двора и духовенства.

Против Амира Кабира сложился заговор, активную роль в котором сыграло английское посольство. В результате дворцовых интриг в ноябре 1851 г. Таги-хан был лишен всех титулов и званий, отстранен от всех должностей, а вскоре по приказу шаха был убит.

Со второй половины XIX в. обостряется борьба великих держав за Иран. Наиболее остро эта борьба развернулась между Англией и Россией, сначала в Центральной Азии, а затем и в самом Иране.

Составной частью колониальной политики, которую проводила в середине XIX в. Великобритания, стала англо-иранская война 1856–1857 гг. Однако в результате этой войны Англия практически не получила уступок от Ирана, ее влияние было ослаблено, в стране резко возросли антианглийские настроения. В то же время в Иране усилились позиции России, Франции и отчасти США. Война показала слабость Каджарского государства и облегчила дальнейшее проникновение в Иран иностранного капитала. Воспользовавшись военно-политическим ослаблением страны,

западные державы навязали Ирану ряд неравноправных договоров и создали благоприятную почву для получения концессий, монополий и всякого рода привилегий, превративших Иран в конце XIX в. в зависимую страну.

Одной из первых сфер деятельности иностранного капитала в Иране стали телеграфные концессии. Соглашения о них были подписаны в 1862, 1865, и в 1872 г. Телеграф полностью находился в ведении «Индо-европейской компании». Персидскому правительству предоставлялась треть доходов от эксплуатации линии, проходящей по иранской территории, и льготный тариф при подаче телеграмм. Из девяти основных телеграфных линий лишь две контролировались иранским правительством, еще две эксплуатировались русскими, а остальные — англичанами. Телеграф, обслуживаемый английскими чиновниками и охраняемый персидской стражей, состоящей на жаловании английского правительства, был инструментом усиления британского влияния в Иране.

С начала 70-х годов обострилась борьба между Россией и Англией за концессии на строительство шоссейных и железных дорог в Иране. Это строительство имело экономическое и стратегическое значение.

25 июля 1872 г. с английским финансистом Ю.Рейтером было подписано соглашение о концессии на строительство трансиранской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива сроком на 70 лет. Рейтер получил такие привилегии, что, по признанию лорда Керзона, эта концессия представляла собой небывалый и самый экстраординарный факт полной продажи всех богатств государства иностранцам.

Соглашение о концессии вызвало резкий протест царского правительства. Во время пребывания Насер ад-Дин-шаха в Петербурге осенью. 1873 г. был фактически решен вопрос об отмене концессии. 5 декабря 1873 г. шах расторг договор о концессии с Рейтером. Царское правительство решило взять инициативу железнодорожного строительства в свои руки с целью подорвать влияние англичан.

В 1887 г., вопреки интересам экономического развития страны, шахское правительство под давлением российской дипломатии дало письменное обязательство не разрешать строительство железных дорог и использование водных путей без предварительных консультаций с российским правительством. В 1890 г. официально было подписано русско-иранское соглашение о том, что железные дороги в Иране не будут строиться в течение 10 лет. Строительство фактически было заморожено почти на 30 лет. Отсутствие железных дорог надолго задержало экономическое развитие страны.

В конце XIX в. англичане добились разрешения на строительство ряда шоссейных дорог. В январе 1889 г. с сыном Ю. Рейтера было подписано соглашение об открытии банка в Иране и предоставлении концессии сроком на 60 лет. 23 октября 1889 г. Шахиншахский банк начал операции в Тегеране. Вскоре отделения банка были открыты во многих городах и районах Ирана. Выпуская бумажные деньги, этот банк сосредоточил в своих руках большое количество серебра, которое вывозил из страны, что способствовало обесцениванию иранской валюты и росту инфляции.

Для регулирования искусственно созданной инфляции банк предоставил шахскому правительству займы и тем самым увеличил долговые обязательства Ирана перед Англией. Англичане применяли методы денежно-кредитного регулирования для ограничения национального суверенитета Ирана через инфляционные механизмы в сочетании с системой государственных международных заимствований.

Экономическое проникновение в Иран русского капитала шло прежде всего по линии расширения торговли и создания русских предприятий в стране. Наиболее крупным торгово-промышленным предприятием являлось рыболовное хозяйство Лионозовых. Другими видными российскими концессионерами в Иране были известные предприниматели братья Поляковы. В ноябре 1890 г. Л.С. Поляков добился у шаха получения концессии на организацию страхового и транспортного дела по всей территории Ирана сроком на 75 лет. Эта концессия давала России большие привилегии в области строительства шоссейных и колесных дорог не только на севере страны, но и по всей территории Ирана.

Одной из наиболее важных концессий России в Иране являлась организация Учетно-ссудного банка. Банк взял на себя финансирование транспортного дела. За сравнительно короткий срок — 15 лет (1895–1910), Россия вложила в дорожное строительство Ирана около 21 млн рублей. Открытие русского банка в Тегеране свидетельствовало об активизации экономической политики царского правительства, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Ирана английского соперника.

Важнейшим фактором, с помощью которого Англия и Россия пытались укрепить свои позиции в Иране в конце XIX — начале XX в., явились займы, предоставляемые правительству Ирана. В 1898 г. английский банк потребовал у шахского правительства немедленной уплаты выданных ранее ссуд. Иран был вынужден обратиться за денежной помощью к России. В этом же году Ирану была выдана ссуда 150 тыс. рублей. В 1900 г. Россия предоставила Ирану заем в размере 22,5 млн

рублей сроком на 75 лет. Приобретение внешних займов вызывало протесты у населения страны.

В 1908 г. в районе Мейдане-Нафтун были обнаружены огромные запасы нефти, а уже в апреле 1909 г. в Лондоне была образована Англо-иранская нефтяная компания. Эта компания стала играть определяющую роль в закабалении и ограблении Ирана английским капиталом в первой половине XX в.

Кроме английских и русских концессий, шахское правительство предоставило ряд концессий представителям других европейских государств: Бельгии, Франции, Греции.

Одновременно с усилением экономической зависимости Ирана происходил процесс его политического подчинения иностранными державами, прежде всего Великобританией и Россией.

Усиление английского влияния вызвало серьезное беспокойство царского правительства, которое не обладало достаточными материальными средствами, чтобы эффективно экономически противостоять Англии в Иране. Поэтому, наряду с экономическими мерами, царское правительство прибегало и к военно-политическим.

Важную роль в упрочении и распространении русского влияния в Иране сыграла казачья бригада. Во время второго путешествия Насер ад-Дин-шаха в Европу в 1878 г. царскому правительству удалось склонить шаха к созданию персидской казачьей бригады по образцу русских казачьих полков для личной охраны шаха и его семьи. Согласно уставу бригады, ее возглавлял шах, что значительно поднимало ее престиж и ставило в привилегированное положение в иранской армии.

Правительство России имело сильные позиции в Тегеране. Свое политическое влияние в Иране оно проводило через центральное шахское правительство и поэтому было заинтересовано в укреплении власти шаха. Царские власти для осуществления своих целей использовали консульские миссии, Учетно-ссудный банк, концессионные предприятия и другие возможности.

Английские правящие круги, соперничавшие в Иране с Россией, были заинтересованы в ослаблении власти иранского правительства, следуя своему принципу «разделяй и властвуй». Они поддерживали раздробленность страны и сепаратизм племенных ханов.

В конце XIX в. Англия неоднократно вводила свои войска на территорию Ирана и отторгла значительные районы на восточной границе, захватив Восточный Белуджистан и часть Систана. Эти захваты проводились под видом деятельности так называемых разграничительных

комиссий. Белуджские сардары, вожди племен, получали от англичан регулярные субсидии и оружие. Они не платили иранским властям налоги и открыто отказывались подчиняться им.

Англичане установили свое господство и в Персидском заливе. Под предлогом борьбы с пиратами и с работорговлей Персидский залив был оккупирован английскими военно-морскими силами.

В целях утверждения политического влияния в Иране англичане использовали не только своих политических представителей, консулов, но и отделения Шахиншахского банка, нефтяную компанию, судоходную компанию, английских миссионеров, которые находились во многих городах Центрального и Южного Ирана.

К началу XX в. Иран уже в значительной степени утратил свою национальную независимость и накануне революции 1905–1911 гг. стал по сути зависимой страной от Англии и царской России. В то же время контакты с европейцами способствовали проникновению в иранское общество идей модернизации и заимствованию некоторых формальных институтов европейской культуры.

Насер ад-Дин-шах совершил три поездки за границу — в Россию и Европу (в 1873, 1878 и 1889 г.). После этих поездок он ввел в государственном аппарате страны некоторые новшества, которые сводились к внешней европеизации правительства и шахского двора. Были учреждены новые министерства — внутренних дел, юстиции, просвещения, почт и телеграфов; основано несколько светских школ по европейскому образцу для сыновей местной знати; проведена некоторая европеизация одежды придворных. Была сделана попытка ограничить судебную власть высшего духовенства.

Проводимые шахом реформы не дали значительных результатов, однако они способствовали изменению общественно-политической обстановки в стране в последней трети XIX в.

К этому времени на политическую сцену Ирана выходит иранская интеллигенция. В ее среде получили распространение идеи национализма и просвещения. Иранские просветители, видными представителями которых были Мальком-хан, Зайн аль-Абедин Марагеи и другие, выступали за политические реформы, введение конституционного правления, модернизацию страны. Их деятельность сыграла важную роль в формировании национального самосознания иранского народа и развитии оппозиционного движения в стране. Усиление давления оппозиции на власть, радикализация ее политической программы, слабость и неэффективность монархического режима привели к иранской революции

1905–1911 гг. Ее стремительное развитие, масштаб событий были непредсказуемы. Правительство и меджлис оказались практически недееспособными, центральная власть ослабла, заметно окрепли сепаратистские настроения. В 1907 г. Англия и Россия заключили соглашение о разделе Ирана на «сферы влияния». Войска союзников начали оккупацию страны и оказали помощь в подавлении революции. Они так и не были полностью выведены из Ирана до начала Первой мировой войны, их присутствие стало впоследствии одной из причин превращения нейтрального Ирана в арену вооруженных столкновений сил Антанты и Тройственного союза.

Китай и мир: противоречивые процессы модернизации

Цинская империя в XIX в., помимо собственно Китая и Маньчжурии, включала в себя Монголию, Джунгарию, Кашгарию и Тибет. В ее сословной системе высшим являлось сословие «знаменных» (*цзжэнь*) — маньчжуров, завоевателей Китая. Ниже располагались «четыре сословия» собственно китайцев — «ученые» (*ши*, *шэньши*), «земледельцы» (*нун*), «ремесленники» (*гун*) и «торговцы» (*шан*). Цинская империя являлась типичной восточной деспотией во главе с императором — *богдоханом*. Господствующим социальным слоем была бюрократия, крупные и средние землевладельцы были лишены политической власти. Примерно половина крестьян владели землей и платили налоги в казну, остальные были арендаторами. Все население находилось под жестким контролем бюрократии, который дополнялся идеологическим господством конфуцианства.

Конец XVIII — начало XIX в. были для Цинской империи периодом резкого обострения экономической, социальной и политической напряженности. Главным фактором этого стала все увеличивающаяся разница между ростом населения и отстающим расширением пахотных площадей. За сто лет (с конца XVII по конец XVIII в.) обрабатываемая площадь на душу населения сократилась на 30 %. Резко обострилась продовольственная проблема, снизился жизненный уровень населения, более тяжелым стало реальное налоговое бремя при формально неизменных ставках обложения. Общая ситуация развивалась в сторону перерастания очередного экономико-демографического кризиса в социально-политический и династийный. Кризис набирал силу в различных регионах Китая неодинаковыми темпами, в начале XIX в.

наиболее остро он проявился в отсталых и бедных районах к северу от Янцзы. Главным выразителем массового недовольства населения, а также организатором борьбы в Северном Китае была религиозная секта «Белый Лотос».

В феврале 1796 г. император Хунли отрекся от престола в пользу своего пятнадцатого сына Юнъяня (1796–1820). Смена власти совпала с началом восстания крестьян двух северных уездов Хубэя, с которого началась крестьянская война под знаменем «Белого Лотоса», длившаяся восемь лет (1796–1804).

В начале XIX в. кризис стал быстро нарастать: продолжала сокращаться площадь обрабатываемой земли на душу населения, происходили резкое измельчание крестьянских участков и разорение земледельческих дворов, что вело к сокращению поступления налогов в центральную казну.

Восстания крестьян, выступления тайных обществ, увеличение деклассированного элемента, а также усиление бандитизма при бессилии местных властей вынуждали землевладельцев и шэньши самим налаживать оборону. В связи с этим их затраты на свои частные вооруженные дружины и сельское ополчение резко возросли. Это побуждало шэньши и «большие дома» не платить налоги, которые «перекладывались» на крестьян и усиливали их недовольство.

В то время как ситуация в деревне ухудшалась, экономика городов переживала расцвет. Происходил подъем в сфере ремесла, торговли, добывающей промышленности, транспорта, кредитного рынка. Росли объемы внутренней торговли, развивалась система оптовых и посреднических фирм и их филиалов, увеличивалась роль специализированных рынков. Большое значение приобрели кредитные учреждения — переводные конторы, меняльные лавки и ломбарды.

Постепенно развивалась внешняя торговля Цинской империи. С Россией она велась через Кяхту. В русском экспорте в Китай промышленные товары, особенно ткани, сильно потеснили господствовавшую прежде пушнину. Главным предметом китайского экспорта в Россию стал чай. Русские купцы, в отличие от англичан и американцев, не занимались торговлей опиумом, строго запрещенной правительством Николая I.

Торговля Китая со странами Европы и США велась через Гуанчжоу, общий товарооборот здесь с 1795 по 1833 г. увеличился на 63 %. Специфика англо-китайской торговли, на которую приходилось три четверти экспорта в Китай и импорта из него, состояла в том, что она с

обеих сторон была монополизирована казенно-частными компаниями — английской Ост-Индской компанией (до 1834 г.) и китайской корпорацией «Гунхан». Англичане ввозили сюда из метрополии шерстяные ткани и металлы, а из Индии — хлопок. Главным предметом вывоза из Китая для Ост-Индской компании оставался чай, быстро рос и вывоз китайского шелка-сырца.

До конца 1830-х годов основным средством «открытия» Китая для мировой и, в первую очередь, британской торговли служил контрабандный ввоз опиума из Индии. Опиум пробивал «китайскую стену» изоляции там, где оказывалась бессильной легальная торговля. С 1820 по 1838 г. импорт опиума увеличился в 5–6 раз.

Если до начала XIX в. серебро в виде монет регулярно поступало в Китай, то массовый контрабандный ввоз опиума изменил ситуацию — серебро стало все в больших масштабах уходить из страны. Явные признаки расстройства денежной системы и рост опиумокурения заставили императора Юньяня в 1796 г. особым указом запретить не только внутреннюю торговлю этим наркотиком, но и его ввоз в пределы империи.

После смерти императора Юньяня в 1820 г. на трон вступил его второй сын — официальный наследник Мяньнин (1821–1850). В эти годы политику Мяньнина в значительной мере определял его фаворит маньчжур Мучжана, выдвинувшийся еще при Юньяне.

В стране продолжалось массовое обнищание, все больше обездоленных и недовольных вступали в ряды тайных обществ, особенно «Триады». Нарастали локальные выступления крестьян и городской бедноты против маньчжурского господства. Дальнейшее наступление китайских переселенцев, налоговый гнет и чиновничий произвол повлекли с 1814 по 1839 г. более 30 вооруженных выступлений неханьских народностей в Юго-Западном Китае. Усиление национального и классового гнета в начале XIX в. резко обострило социально-политическую обстановку в Кашгарии.

Все это происходило на фоне сложных взаимоотношений Цинской империи с соседним Кокандским ханством, бывшим ее соперником в борьбе за Кашгарию. В начале XIX в. наследники белогорских правителей Кашгарии ходжа Джахангир и Юсуф-ходжа, стремясь вернуть себе ханский престол, возглавили движение за восстановление независимости Кашгарии.

Подавление уйгурского восстания 1826–1827 гг. и последующая борьба с Джахангиром обошлись пинскому правительству в 10 млн лян. Восстание потрясло саму основу цинского господства в Кашгарии, а ответные зверства карателей создали почву для нового мусульманского

выступления в 1830 г. Борьба уйгуров усугубила кризис Цинской империи.

Чем слабее становился цинский режим, тем острее и для Китая, и для Индии вставал опиумный вопрос. С 1822 по 1834 г. было издано пять законов, которыми Мяньнин и Мучжана безуспешно пытались остановить рост импорта наркотика и опиумокурения, чему сопротивлялась бюрократия, получавшая от контрабандистов обильную мзду. К концу 1830-х годов наркотик распространился практически по всей стране. По оценке современников, наркоманами стали от 10 до 30 % чиновников (в отдельных учреждениях до 60 %). Наиболее опасным для династии Цин и обороноспособности страны стало массовое опиумокурение среди солдат и офицеров «восьмизнаменных» и «зеленознаменных войск».

Усиливавшийся отток серебра из страны неуклонно повышал медноденежную котировку серебряного лян. Это вело к росту налогообложения, в ряде районов налоговое бремя с 1821 по 1839 г. увеличилось более, чем на 30 %. Все это обостряло социальную напряженность в стране.

Британские торгово-промышленные круги настойчиво требовали от своего правительства устранения помех на пути к китайскому рынку, в том числе ликвидации монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем. Парламентский акт 1833 г. ликвидировал эту монополию, но английские предприниматели стали настойчиво добиваться от правительства еще более решительных мер, которые должны были покончить с изоляцией Китая.

К концу 30-х годов XIX в. положение в Цинской империи резко обострилось. Политическими проявлениями кризиса стали нарастание антиманьчжурских настроений и новый подъем повстанческого движения крестьянства, сельских и городских низов под руководством тайных обществ и религиозных сект. Наряду с этим ширились вооруженные выступления национальных меньшинств. Извне устоям империи угрожал наплыв контрабандного опиума. Он обескровливал денежную систему, усиливал внутреннее брожение, разлагал цинский государственный аппарат, «знаменное» войско и «войска зеленого знамени». В Пекине боялись, что торговый натиск «заморских варваров» (прежде всего англичан и американцев) обернется их политическим вмешательством в нараставший внутренний кризис на стороне антиправительственных сил.

Император решил поставить «варваров» на колени, объявив Китай с декабря 1839 г. «закрытым» для всех коммерсантов из Великобритании и Индии. В Лондоне «закрытие» китайского рынка сочли поводом для войны. В марте 1840 г. Лондон направил в Китай эскадру и десантные войска,

которые в июне блокировали устье р. Чжуцзян. Так началась англо-китайская «опиумная» война 1840–1842 гг. Англичане в начале августа 1842 г. подошли к Нанкину, угрожая штурмом. Здесь под стенами южной столицы Китая они фактически продиктовали запуганным эмиссарам императора условия мира. 29 августа был подписан Нанкинский договор, согласно которому порты Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай объявлялись открытыми для торговли и поселения британских подданных. Корпорация «Гунхан» упразднялась. Остров Гонконг переходил в «вечное владение» Великобритании, Пекин должен был уплатить ей контрибуцию — 21 млн долларов. Китай лишался таможенной автономии, а пошлины не должны были превышать 5 % стоимости товара. Договор стал первым неравноправным договором в новой истории Китая.

Развивая достигнутый успех, Великобритания в октябре 1843 г. навязала Пекину «Дополнительное соглашение о торговле в пяти портах». Последнее устанавливало для английских подданных право экстерриториальности и вводило консульскую юрисдикцию, т. е. подсудность английским консулам, а не китайскому суду. Англичане получали возможность создавать в «открытых» портах свои селтльменты. Великобритании предоставлялось также право «наибольшего благоприятствования», т. е. все привилегии, которые в будущем могла получить другая держава в Китае, автоматически распространялись на Британию. Вслед за ней в Китай устремились другие западные державы, поспешившие воспользоваться поражением Пекина. Китай был вынужден подписать в июле 1844 г. договор с США. Этим документом на американцев распространялись права, полученные британцами. В октябре 1844 г. был подписан франко-китайский договор. Он предусматривал также право католической церкви вести в Китае миссионерскую пропаганду. Основными оплотами иностранцев стали Гонконг и Шанхай.

С 1842 г. император Мяньнин и Мучжана проводили по отношению к западным державам политику уступок, или «умиротворения варваров». В 1851 г. в Пекине произошла смена власти: трон умершего Мяньнина занял новый Император Ичжу (1851–1861). Будучи приверженцем жесткой политики в отношении иностранцев, он отстранил от руководства страной группировку сторонников «умиротворения варваров». На смену им пришли ярые ксенофобы — изоляционисты, воинственно настроенные против Запада.

Вторжение иностранного капитала после войны 1840–1842 гг. обострило кризис Цинской империи. Намного увеличился ввоз опиума, резко вырос приток в Китай английских хлопчатобумажных и шерстяных

тканей, приведший к разорению сотен тысяч кустарей и крестьян, занимавшихся надомным ткачеством. Растущий дефицит внешней торговли ускорил отток серебра из Китая, что вело к падению курса медной монеты. В результате тяжесть налогов с 1842 по 1849 г. увеличилась в 1,5 раза. Военные расходы и выплата контрибуции нанесли огромный урон казне. Для восполнения этих потерь государство пошло на резкое увеличение «дополнительных налогов».

С начала XIX в. одной из основных проблем Китая стала демографическая. С 1790 по 1850 г. число жителей Цинской империи увеличилось с 301 до 430 млн человек, т. е. почти на 43 %. С 1661 по 1851 г. население возросло более чем в 4 раза, а пахотная площадь — всего на 40 %. Стремительно росло количество людей, не занятых в сфере производства и оставшихся без постоянных средств к существованию. Еще больше осложнили ситуацию стихийные бедствия — наводнения, засухи и ураганы, обрушившиеся на области Хунань, Цзянси, Гуанси в 1847–1850 гг. В 1849 г. произошло наводнение в бассейне р. Янцзы, голод охватил десятки миллионов человек, его жертвами стали до 1,4 млн человек. В 1841–1849 гг. в Цинской империи произошло 110 восстаний и волнений, поднятых как китайцами, так и неханьскими народностями.

Возмущение народных масс сильнее всего проявлялось в южных провинциях Гуандун и Гуанси, особенно пострадавших от экономической экспансии Запада и стихийных бедствий. Эти провинции стали очагом зарождения великой Крестьянской войны 1850–1868 гг. Здесь набирала силу христианская секта «Общество поклонения Небесному Владыке», созданная в 1843 г. Хун Сюцюанем (1814–1864). Сектанты пропагандировали идеи духовного равенства, призывали бороться с конфуцианством, уничтожать буддийских и даосских «идолов». «Богопоклонники», выступая против маньчжурского господства, втайне готовили восстание против Цинской династии. Летом 1850 г. началось Цзиньтяньское восстание. Крестьяне были основной силой 20 тыс. повстанцев, к ним примкнули горнорабочие, углежог, а в дальнейшем кули, ремесленники, мелкие торговцы и деклассированные элементы, которых поддерживали члены тайных обществ. В среде «богопоклонников» было немало представителей национальных меньшинств.

В отрядах повстанцев была установлена строгая дисциплина и создана военная армейская организация. Силы повстанцев быстро росли, и в конце 1850 г. они нанесли несколько поражений цинским войскам. 11 января 1851 г., в день рождения Хун Сюцюаня в Цзиньтяне было объявлено о выступлении против маньчжурской династии для создания «Небесного

Государства Великого Благоденствия» («Тайпин Тяньго»). Хун Сюцюань стал именовать себя Небесный князь (Тяньван).

Целями повстанцев в первый период борьбы были освобождение Китая от маньчжурского ига и смягчение налогового гнета. Повстанцы выступали также за изгнание из Китая «маньчжурских татар» и «северных варваров» и установление в Поднебесной власти китайской династии. Став христианами, тайпины шли в бой под знаменем Бога Отца и Иисуса Христа. Выступление тайпинов сочетало элементы крестьянской, антиманьчжурской и религиозной войн.

Идеология тайпинов была синтезом китайского и западного начал. Первое представляло собой сочетание конфуцианской морали с древними социальными утопиями. Вторым компонентом тайпинского синтеза стала христианская религия протестантского толка. В тайпинском варианте христианство сочеталось с традиционным китаецентризмом и великоханьской доктриной Срединной империи как центра Вселенной, согласно которой остальные страны представляют собой лишь «варварскую» периферию Китая.

В сентябре 1851 г. тайпины заняли г. Юнъань, где создали свое правительство. Номинально главой государства и абсолютным монархом являлся Хун Сюцюань. Но через некоторое время он удалился от мирских дел, занимался только религиозными вопросами и передал все военное и административное руководство Ян Сюцину (Дун-ван, т. е. Восточный князь). Слияние верховной власти и церкви делало тайпинскую монархию теократическим государством.

Тайпины создали сильную армию с железной дисциплиной. На своем пути повстанцы громили правительственные учреждения, убивали всех маньчжуров и крупных чиновников-китайцев, а также тех землевладельцев, которые активно выступали против повстанцев, конфисковывали их имущество и обкладывали контрибуцией богачей. Обещание освободить население на три года от налоговых тягот привлекло на сторону «богопоклонников» часть крестьянства и городской бедноты.

19-20 марта 1853 г. тайпины захватили Нанкин, где вырезали около 20 тыс. маньчжуров и членов их семей. К моменту взятия Нанкина повстанцев насчитывалось около 1 млн человек. Нанкин был переименован в Небесную столицу (Тяньцзинь) и превращен в главный город «Небесного государства» (Тайпин Тяньго).

Политика «богопоклонников» была направлена на сохранение существующего строя при устранении наиболее нетерпимых для крестьян крайностей налоговой и арендной эксплуатации. Даже в период массовых

восстаний крестьяне не выдвигали требований перераспределения земли. Порядки, установленные на территории Тайпин Тяньго, лишь немногим отличались от тех, что существовали в остальной части Цинской империи. В 1851 г. повстанцы воссоздали монархию и средневековый статус наследственных титулованных семей, создали свою бюрократию, признали «ученое сословие».

Военные успехи «богопоклонников» и создание ими своего государства нанесли тяжелый удар по маньчжурскому режиму, который в 1853–1860 гг. находился на грани военно-политического краха. Тайпины наносили цинским войскам одно поражение за другим. На помощь гибнущей маньчжурской династии пришли китайские шэньпи и крупные землевладельцы Центрального Китая, взявшие в свои руки борьбу с тайпинами и сделавшие ставку на частные дружины. На их основе цинский сановник Цзэн Гофань в 1852 г. в Хунани Создал хорошо вооруженную и профессионально обученную армию, которая быстро набирала силу.

Весной 1853 г. Ян Сюцин организовал так называемый Северный поход на Пекин для ликвидации маньчжурского «логова дьяволов», который в итоге закончился поражением тайпинских войск. Ослабленные тайпины перешли к тактике активной обороны, в войне наступил стратегический перелом. Отныне «богопоклонники» фактически боролись не за ликвидацию династии Цин, а за сохранение и расширение Тайпинского государства.

Более удачным оказался Западный поход тайпинов, начатый одновременно с Северным. В ходе этой операции им удалось значительно продвинуться вверх по р. Янцзы и существенно расширить территорию Тайпин Тяньго. Победоносный поход «богопоклонников» в долину р. Янцзы вызвал своего рода цепную реакцию восстаний против маньчжурского режима. В ряде провинций полыхало множество восстаний, создававших огромную повстанческую периферию Тайпин Тяньго, что мешало династии Цин покончить с государством «богопоклонников». Международная ситуация в 1856–1860 гг. также способствовала сохранению Тайпин Тяньго.

Западные державы поначалу стремились использовать борьбу между тайпинами и цинским правительством в своих интересах. Ставка на победу тайпинов побуждала державы торопиться с нанесением очередного удара по династии Цин. В октябре 1856 г. англичане, захватив форты в устье р. Чжуцзян, подвергли Гуанчжоу бомбардировке. Так началась вторая торговая война с Китаем, часто именуемая второй «опиумной». Франция усилила свой флот в китайских водах и с апреля 1857 г. официально

вступила в войну, предлогом для чего послужило убийство в Гуанси француза-миссионера.

20 мая союзники с боем заняли форты Дагу, а затем и Тяньцзинь. Богдохан Ичжу был вынужден принять требования держав. В июне 1858 г. состоялось подписание Тяньцзиньских англо-китайского и франко-китайского договоров, согласно которым державы получали право иметь в Пекине свои постоянные миссии, их подданные могли свободно передвигаться по Китаю и вести миссионерскую деятельность. Для иностранной торговли были открыты шесть новых портов. Пекин обязывался после разгрома тайпинов открыть для иностранной торговли р. Янцзы и города на ней. Китай должен был уплатить Англии и Франции контрибуцию — в общей сумме 6 млн лян. Особым тарифным соглашением 1858 г. официально легализовалась опиумная торговля. Тогда же в Тяньцзине были подписаны договоры с Россией и США, распространявшие на эти страны все права и привилегии, которые уже имели, либо могли получить в Китае другие державы.

Согласно договорам с Англией и Францией, через год в Пекине должен был состояться обмен ратификационными грамотами. Однако пришедшие в себя после поражения правители Китая, не желая выполнять договоренности, приказали уничтожить «заморских дьяволов», когда они поедут в Пекин. Когда же западные союзники 25 июня 1859 г. попытались пробиться силой, по англо-французской эскадре был открыт огонь. Англичане потеряли три корабля, что стало началом третьей торговой войны с Китаем.

18 сентября 1860 г. англо-французская армия нанесла решительное поражение цинским войскам. В столице началась паника. Император Ичжу со всем двором бежал в Жэхэ, поручив своему брату Гуну заключить мир на любых условиях. В октябре 1860 г. князь Гун подписал с представителями Великобритании и Франции так называемые Пекинские конвенции, подтверждавшие условия Тяньцзиньских договоров 1858 г. Цинская империя обязывалась выплатить более 16 млн лян контрибуции. Тяньцзинь превращался в открытый порт. К Британии переходила южная часть п-ва Цзюлун, напротив Гонконга. Миссионеры получили право покупать и арендовать землю для своих зданий. После одобрения императором этих соглашений войска союзников покинули Северный Китай, в столице открылись иностранные миссии.

Россия в 1858–1860 гг. не участвовала в военных действиях, и Петербург сохранил добрососедские отношения с Пекином. Кульджинский договор 1851 г. нормализовал русско-китайскую пограничную торговлю.

Айгуньский договор, заключенный в мае 1858 г., содействовал дальнейшему территориальному размежеванию между Российской и Цинской империями, а также установлению границы по Амуру. Пекинским договором 1860 г. пограничное размежевание было завершено, и династия Цин признала земли к востоку от р. Уссури русским владением. Дальнейшее уточнение западных границ Китая и восточного кордона России Петербург и Пекин произвели при подписании Чугучакского протокола 1864 г.

Еще до заключения Пекинских конвенций в правящих кругах появились сторонники перемен. Они добивались скорейшего окончания войны с «варварами». Понимая, что политика внешней изоляции Китая далее просто невозможна, эти поборники «усвоения заморских дел» (янъу) предлагали установить со странами Запада общепринятые нормы внешнеполитических отношений. Осознав преимущества «варварского» вооружения и паровых судов, они настаивали на техническом перевооружении китайских армий и флота по европейскому образцу. Концепция «усвоения заморских дел» стала основой постепенно формировавшейся с 1860 г. политики «самоусиления» (*цзыцян*) Цинской империи. Лидером этого политического течения при дворе был князь Гун. По инициативе сторонников янъу, в январе 1861 г. в Пекине было создано новое ведомство — Цзунли ямэнь. Оно ведало сношениями Китая со странами Запада, внешней торговлей и обороной страны от внешней угрозы. Цзунли ямэнь стал фактически главным штабом политики «самоусиления».

В августе 1861 г. в Жэхэ умер император Ичжу, на престол вступил его шестилетний сын Цзайчунь (1856–1875). До его совершеннолетия все дела в стране должен был вершить Совет князей — приверженцев ультраконсервативного направления. В ноябре 1861 г. в Пекине произошел государственный переворот, к власти пришли вдовствующая императрица Цыси и князь Гун.

Императрица Цыси

Цыси родилась 29 ноября 1834 г. в семье маньчжурского мандарина. Она была наложницей императора Сяньфыня. После рождения сына стала второй женой императора и приобрела исключительное влияние при дворе. Волевая, властолюбивая Цыси стремилась к единоличному правлению, жестоко устранив

своих соперников. С 1861 по 1873 г. она была регентшей при несовершеннолетнем сыне, после смерти которого настояла на избрании императором своего четырехлетнего племянника. В 1886 г. император Цзайтянь достиг совершеннолетия, однако Цыси продлила свое регентство еще на три года. Лишь весной 1889 г. она была вынуждена уступить власть племяннику и формально отошла от дел. Тем не менее все главные нити управления остались в руках Цыси. В 1898 г. в результате государственного переворота она вновь сосредоточила всю власть в своих руках, которую сохранила вплоть до своей смерти в 1908 г.

Императрица Цыси. 1903 г.

Переворот 1861 г. в Пекине открыл дорогу политике крайне ограниченных реформ под лозунгом «самоусиления» и «усвоения заморских дел». Все это облегчило временное сотрудничество династии Цин с державами для борьбы с тайпинами, а также экономическую экспансию европейского и американского капитала в Китай.

С начала 1860-х годов в антитайпинской борьбе наступил перелом. Западные державы для достижения своей цели — «открытия» Китая — решили сделать ставку на династию Цин. Положение Тайпинского государства резко ухудшилось, ему пришлось воевать на два фронта — против маньчжуров и против западных держав, ставших временными союзниками династии Цин.

Одновременно все более укреплялся союз между маньчжурской аристократией и китайскими шэньни и землевладельцами. Постепенно руководство борьбой против тайпинов было передано императорским двором в руки сильной личности — Цзэн Гофаня. Политика и практика «самоусиления» укрепили положение династии Цин и позволили существенно перевооружить армию, что стало причиной коренного перелома в ходе крестьянской войны.

19 июля 1864 г. Нанкин был взят, после чего тайпинское государство рухнуло, последние отряды повстанцев 16 августа 1868 г. погибли в районе Чипина. Это стало концом крестьянской войны 1850–1868 гг., до основания потрясшей Цинскую империю.

К началу 1870-х годов послевоенный кризис был в основном преодолен, цинский режим значительно укрепил свое положение. В ходе борьбы с повстанцами укрепился союз «знаменных» и китайских чиновников, шэньши и землевладельцев. Маньчжуры допустили к власти лидеров китайских региональных военных и шэньшйских группировок. Главными из них стали Хунаньская во главе с Цзэн Гофанем и Аньхуэйская, руководимая Ли Хун-чжаном.

В 1865 г. вдовствующая императрица Цыси отстранила от власти князя Гуна и вплоть до конца 1908 г. имела в Китае неограниченную власть. До начала 1870-х годов главной опорой Цыси была Хунаньская группировка. Цзэн Гофань стал наместником столичной провинции Чжили и оказывал большое влияние на политику Пекина. На этом посту его в 1872 г. сменил Ли Хун-чжан, взявший под свой контроль сношения с иностранными державами.

В конце 60 — середине 70-х годов династии пришлось столкнуться с повстанческим движением в ханьских провинциях и рядом национальных восстаний на периферии империи. Цинскому режиму удалось подавить

сопротивление южных имперских окраин. В 1875 г. было покорено Джунгарское ханство, в декабре 1877 г. разгромлена Кашгария. Однако цена внутренней стабильности оказалась очень высока: основы государства были расшатаны, Цинская империя находилась в состоянии тяжелейшей послевоенной разрухи.

В середине 1870-х годов Цинская империя вступила в период восстановления экономики. Для этой фазы была характерна краткая полоса гражданского мира и внутреннего спокойствия (вся последняя четверть XIX в. практически прошла без крупных восстаний), но в то же время и глубокая хозяйственная разруха, превратившая Китай в «больного человека Азии». В период военных действий 1850-1870-х годов была заброшена значительная часть ранее возделываемых земель. Резко упали налоговые сборы. В зоне военных действий особенно пострадали города, многие из них были частично или полностью разрушены. Прекратили свое существование тысячи мастерских и мануфактур. В ходе военных действий, грабежей и реквизиций огромный урон понесли торговцы и ростовщики. Разруха царила и на транспорте. В целом же за период 1851–1865 гг. в зоне Тайпинского государства от карательных операций цинских войск и иных бедствий погибли около 20 млн человек. Крайне пострадали регионы расселения национальных и религиозных меньшинств. Массовый голод 1876–1879 гг., возникший из-за засухи, стал причиной гибели от 9 до 13 млн человек на севере Китая.

В итоге полоса крестьянских войн и национальных восстаний 1850-1870-х годов, а также стихийные бедствия сократили население Цинской империи в 1851–1882 гг. примерно на 50 млн человек (с 431 млн до 381 млн). Городская и сельская экономика лишь к 1880-1890-м годам залечила наиболее страшные раны военных лет, но общие итоги были неутешительными. За 1873–1893 гг. обрабатываемые площади в целом по стране, не считая Маньчжурии, почти не увеличились, но тяжелый демографический прессинг на пахотную площадь страны был снят. Даже в 1897 г. население 18 собственно китайских провинций оставалось почти на 30 млн человек меньше, чем в 1850 г.

Во главе Китая по-прежнему находилась не только старая чиновничье-шэньшуйская элита, но и прежняя династия Цин. При этом она вынуждена была функционировать в новых, непривычных для традиционной власти условиях: при нараставшем воздействии мирового капиталистического рынка и агрессии западных держав. Эти изменения вызвали необходимость проведения реформ, первый этап которых, известный как политика «самоусиления», заключался в «усвоении заморских дел» китайскими

западниками, по мнению которых, путь к могуществу Китая лежал через заимствование у Запада военной и иной техники, т. е. утилитарное усвоение некоторых современных достижений. Большое внимание уделялось собственному производству новейших образцов орудий, винтовок, боеприпасов и пароходов, а также закупке машинного оборудования из западных стран.

Экономической стороной политики «самоусиления» являлся курс на «достижение богатства». Он предполагал резкое расширение роли казенного сектора в промышленности, торговле и на транспорте. Это должно было, с одной стороны, уменьшить влияние иностранцев, а с другой — поставить развитие китайского капитала под контроль государства. Продолжалась подготовка специальных кадров для нужд политики «самоусиления». Всего в 1862–1898 гг. было основано 17 учебных заведений нового типа. В них стала формироваться по-западному образованная интеллигенция. Для «усвоения заморских дел» с помощью миссионеров осуществлялся перевод на китайский язык иностранных книг по естественным и общественным наукам. С 1870-х годов в «открытых» портах Шанхае и Гуанчжоу стали издаваться первые иностранные, а затем и китайские частные газеты. Политика «самоусиления» явилась самой ранней стадией реформ в Китае и проводилась консервативными кругами, далекими от идей полномасштабной модернизации. Тем не менее в рамках курса на «усвоение заморских дел» были созданы первые очаги крупного промышленного производства, началась модернизация вооруженных сил.

Цинская империя все еще претендовала на роль лидера традиционной международной системы «Поднебесная-данники», тогда как стране уже была навязана новая функция эксплуатируемого компонента мировой системы «метрополии-колонии-зависимые страны».

В 1870-е годы наступил новый этап колониальной экспансии — подчинение соседей Китая, в первую очередь Кореи и Вьетнама. Постепенная аннексия Кореи Японией и Вьетнама Францией создали для Пекина два параллельно развивавшихся внешнеполитических кризиса. В 1882–1884 гг. разразился первый Корейский кризис, который показал неизбежность войны Китая с Японией из-за Кореи.

Итогом начавшейся в 1884 г. войны с Францией из-за Вьетнама стал подписанный 9 июня 1885 г. в Тяньцзине мирный договор. Он предусматривал отказ Китая от роли «гегемона» в отношении Вьетнама и открытие южной границы Цинской империи для французской торговли. Пекин признавал протекторат Парижа над Северным Вьетнамом и Аннамом, а также выводил свои войска с вьетнамской территории.

Фактически это означало превращение Вьетнама во французскую колонию.

Вторжение иностранного капитала и постепенное включение в систему мирового хозяйства породили кризис общественно-политического строя Китая. К концу XIX в. все экономически важные регионы Цинской империи оказались связаны с мировой экономикой. В 1879 и 1881 гг. заработали первые в Китае телеграфные линии, что облегчило доступ иностранным коммерсантам на китайский рынок. К 1894 г. для иностранной торговли было открыто 34 морских и речных порта, а также города во внутренних районах Цинской империи. В каждом «открытом» порту находился иностранный инспектор морских таможен. В основном это были англичане, контролировавшие не только доходы от таможен, но и некоторые другие важные статьи бюджета Китая. В 1860-1890-е годы объем внешней торговли, главную роль в которой играла Британская империя, и иностранный импорт увеличились в три раза. До конца 1880-х годов главная роль в импорте принадлежала опиуму. Его ввозом из Индии оплачивались две трети экспорта китайского шелка и чая, Китай все больше превращался в источник сырья и рынок фабричной продукции. Распространился вывоз за границу чернорабочих, к концу XIX в. число китайцев-эмигрантов достигло 3 млн человек.

Еще в середине XIX в. в Китае возникли первые британские судоремонтные доки, верфи, типографии, предприятия пищевой и коммунальной промышленности, затем появились фабрики по переработке местного сырья. Росло влияние английских банков, к 1890 г. число их отделений достигло почти 30, начали действовать французские, германские и японские финансовые учреждения. К 1895 г. в Шанхае и Гонконге было основано около 20 иностранных пароходств. До 1895 г. вся иностранная промышленность и недвижимость были расположены только на территории договорных селтльментов и концессий.

В этот период возникло и национальное грюндерство, продолжился рост военной промышленности. В гражданских отраслях создавались механизированные фабрики, заводы и шахты. Появились первые китайские пароходные компании, железные дороги малой протяженности и телеграфные линии. Большинство этих компаний и предприятий были казенно-частными. С середины 1880-х годов начался заметный рост частных механизированных предприятий. В стране насчитывалось около 100 тыс. фабричных рабочих. К концу XIX в. в Китае появились новые социальные слои и классы — национальная буржуазия с очень влиятельной компрадорской фракцией, фабричный пролетариат и новая интеллигенция. В результате к началу 1890-х годов в Китае стал складываться

национальный сектор капиталистического производства.

Начатый Францией процесс отторжения от Китая государств, пусть формально, но признававших его сюзеренитет, был продолжен Японией. Второй корейский кризис стал причиной японо-китайской войны, начавшейся 25 июля 1894 г., когда у входа в Асанский залив японская эскадра внезапно атаковала китайский морской конвой. 1 августа Япония объявила войну Китаю.

17 апреля 1895 г. Ли Хунчжан был вынужден подписать Симоносекский договор, по которому Китай признал полную независимость Кореи, т. е. переход ее под верховенство Токио. К Японии отошли Тайвань и Пэнху. Конtribusiция составила 200 млн лянгов. Япония должна была получить все права и привилегии, включая право наибольшего благоприятствования, которыми пользовались в Китае другие державы. После этого началось японское завоевание Тайваня, которое продолжалось 7 лет вплоть до 1902 г., когда он вошел в состав Японской империи.

События 1894–1895 гг. привели к патриотическому подъему и всплеску политической активности шэньши, интеллигенции и части землевладельцев. Унизительные для Китая условия Симоносекского договора вызвали взрыв негодования в Пекине, где весной 1895 г. прошли бурные собрания молодых соискателей ученых званий. Лидером оппозиции стал талантливый ученый и политик Кан Ювэй, изучивший опыт модернизации зарубежных государств. В конце апреля Кан Ювэй и его ученики составили одобренный собраниями меморандум императору, в котором содержался целый ряд требований и предложений по комплексному обновлению Китая. Цинское правительство его проигнорировало, но он положил начало общественному движению за реформы 1895–1898 гг. В 1895 г. Кан Ювэй стал издавать в Пекине ежедневную газету «Усиление государства» и создал клуб сторонников реформ «Ассоциация усиления государства». Их главная цель состояла в возрождении могучей конфуцианской империи. По мнению Кан Ювэя, за 10 лет реформ Китай смог бы завоевать гегемонию над остальными странами. Последователи Кан Ювэя отражали настроения широких патриотических кругов, однако в декабре 1895 г. богдохан Цзайтянь запретил деятельность Ассоциации и закрыл газету реформаторов.

Разъехавшиеся из Пекина по родным местам сторонники Кан Ювэя стали создавать там различные общества, клубы, научные ассоциации и школы реформаторского толка. В условиях патриотического подъема началось издание многочисленных либеральных газет, журналов и

публицистической литературы.

Параллельно шло формирование революционно-демократического лагеря, во главе которого стоял представитель новой интеллигенции Сунь Ятсен, получивший европейское медицинское образование. В ноябре 1894 г. на Гавайях им был создан «Союз возрождения Китая». В январе 1895 г. в Гонконге возникло его главное отделение, а затем и филиал в Гуанчжоу. Они объединяли несколько сотен человек, поклявшихся «изгнать маньчжуров и возродить Китай». Революционерами двигали общенациональная идея спасения родины и ханьский национализм.

Реформаторов и сторонников Сунь Ятсена разделяло многое. Последователи Кан Ювэя предлагали возрождать великий и процветающий Китай легальными и мирными методами. Используя опыт Европы, США и Японии, они стремились к постепенной модернизации общества с опорой на старый строй при улучшении форм правления и оздоровления династии Цин. Революционеры тот же иностранный опыт хотели использовать для свержения маньчжурского режима и провозглашения республики. Социальной средой реформаторов являлись шэньпи, старая интеллигенция и бюрократия, а последователи Сунь Ятсена рекрутировались из мелкобуржуазных слоев и новой интеллигенции. Революционеры вели подпольную деятельность и готовили восстания, опираясь на тайные общества. Они планировали упразднить монархию, учредить республику и создать демократическое правительство, а затем провести модернизацию Китая.

После заключения Симонсекского мира продолжилось финансовое закабаление Китая империалистическими державами. Быстро рос внешний долг Пекина. К концу века он в четыре раза превышал ежегодный доход казны. Основным средством экономического натиска в 1895–1901 гг. стали внешние займы и железнодорожные концессии. «Битва за концессии» стала на время одним из основных узлов межимпериалистических противоречий в Китае, острота которых побудила державы прийти к соглашению за счет Пекина. В итоге возникла серия двусторонних соглашений, деливших территорию Цинской империи на «сферы железнодорожных интересов». Эта система соглашений практически оформила в 1897–1898 гг. раздел Цинской империи на «сферы влияния». К Великобритании отошел почти весь бассейн Янцзы и значительная часть юго-западных провинций с населением 180 млн человек. Зоной «особых интересов» Франции стали Юньнань, Гуанси, западная часть Гуандуна и о-в Хайнань. Россия закрепила за собой Маньчжурию, в «зону» ее влияния вошли также Монголия и Синьцзян. Германия закрепилась в Шаньдуне, а Япония — в

Фуцзяни. США в 1899 г. провозгласили принцип «открытых дверей», обосновывая свое право действовать в Китае без учета «сфер влияния».

В «сферах влияния» создавались военно-морские базы держав. Бухты и прилегающие районы выводились из-под китайской юрисдикции и превращались в иностранные анклав. Такие захваты оформлялись договорами об «аренде». В 1887 г., воспользовавшись убийством двух немцев-миссионеров, германский император послал военную эскадру для захвата бухты и порта Цзяочжоу на юге Шаньдунского полуострова. В марте следующего года по договору с Пекином Германия получила территорию вокруг бухты в «аренду» на 99 лет, с правом строительства в Шаньдуне двух железнодорожных линий и разработки рудников в полосе этого строительства. Воспользовавшись захватом Цзяочжоу Германией, Николай II в 1897 г. послал военную эскадру для занятия Люйшуня (Порт-Артур) и Даляня (Дальний). В марте 1898 г. Россия по договору получила в аренду сроком на 25 лет Порт-Артур в качестве закрытой военной базы, Дальний как торговый порт и южную оконечность п-ова Ляодун, а также право соединить Порт-Артур и Дальний железнодорожной веткой с Китайской восточной железной дорогой.

В создавшейся ситуации Лондон и Париж сочли, что имеют право на аналогичные действия. В мае 1898 г. Франция потребовала от Китая и получила в аренду на 99 лет бухту Гуанчжоувань и часть п-ова Лэйчжоу на юге Гуандуна для создания военной базы. В мае того же года Британия получила в аренду Вэйхайвэй в качестве военной базы сроком на 25 лет как противовес русским Порт-Артуру и Дальнему. При этом Лондон признал Шаньдун сферой влияния Германии. Кроме того, в противовес французскому Гуанчжоуваню британцы добились в июне 1898 г. аренды части п-ова Цзюлун к северу от Гонконга сроком на 99 лет. В эти британские колонии вошли также ближайшие бухты и острова.

С 1896 по 1899 г. для внешней торговли были открыты 11 новых городов и портов, расширился доступ «варварских» товаров на китайский рынок. Летом 1898 г. под давлением держав Цинская империя на всех своих реках и озерах предоставила свободу иностранному судоходству. В итоге с 1895 по 1901 г. объем внешней торговли Китая увеличился почти на 40 %. В 1897 г. в Китае насчитывалось около 600 иностранных фирм и компаний.

В этот период императрица Цыси вновь передала официальное руководство страной богдохану Цзайтяню. Правительство в очередной раз принялось за модернизацию вооруженных сил. Династия Цин снова, как и после поражения в войне 1884–1885 гг., возвращалась к практике «усвоения заморских дел» и готовила «второе издание» политики

«самоусиления».

Видя это, передовая часть шэньпи и старой интеллигенции все настойчивее требовала реформ, создавая различные «научные ассоциации» для изучения западного опыта. В апреле 1898 г. Кан Ювэйем было основано всекитайское общество патриотов и сторонников реформ — «Союз защиты государства» (Баогохуэй). Умеренные реформаторы возлагали надежды на 28-летнего императора Цзайтяня. Кан Ювэй продолжал направлять во дворец все новые меморандумы с призывами приступить к реформам. Он предлагал обратиться к протекционистской политике, поощрять национальный капитал и просвещение, соединить традиционную бюрократическую основу общества с «обновленным» конфуцианством.

Тем не менее даже это крайне умеренное движение натолкнулось на сильное противодействие «партии императрицы». В начале июня 1898 г. умер великий князь Гун, что открыло сторонникам реформ доступ во дворец. Богдохан прислушался к советам Кан Ювэя, связывая с проведением реформ свои честолюбивые замыслы, прежде всего отстранение императрицы Цыси от реальной власти.

11 июня 1898 г. был издан императорский указ, возвещавший о новом курсе государственной политики. Начался краткий период преобразований, или «сто дней реформ». Цзайтянь по инициативе реформаторов издал несколько десятков указов, касавшихся изменений в сферах управления и образования, а также в военной системе. В сфере экономики прокламировалось развитие и усовершенствование земледелия и промышленности, в том числе горнодобывающей, а также транспорта, ремесла и торговли. Торговцам была обещана защита от незаконных поборов со стороны чиновников.

Планировавшиеся «партией реформ» в 1898 г. политические изменения не были кардинальными, они были направлены не на разрушение традиционного строя, а на его оздоровление. Движение за реформы 1895–1898 гг. не имело прочной социальной базы. Китайская буржуазия только начала формироваться, была крайне малочисленна и слаба, поэтому не могла стать опорой Кан Ювэя. Реформы в целом вызвали сопротивление массы бюрократии, интеллигенции и военных. Победить это сопротивление Кан Ювэй и Цзайтянь не смогли. Ситуация в Пекине предельно обострилась. Цыси и лидеры «партии императрицы» начали готовить государственный переворот в целях свержения императора и «кабинета» реформаторов. 21 сентября Цзайтянь был арестован, его приближенные — казнены. Цыси от имени императора издала указ о

передаче ей всей верховной власти в стране. Спасаясь от ареста, многие реформаторы тайно покинули Пекин. Были распущены «Союз защиты государства» и другие ассоциации сторонников нововведений. Большинство указов Цзайтяня, изданных в течение «ста дней реформ», было отменено.

После разгрома реформаторов Цыси оставила без изменений их программу военной реформы. В октябре 1898 г. началось формирование четырех модернизированных армейских корпусов. Кроме того, в декабре 1898 г. Цыси открыла задуманный реформаторами Пекинский университет.

После сентябрьского переворота реформаторское движение в Китае фактически прекратилось. Летом 1899 г. Кан Ювэй с рядом последователей создал в Японии реформаторский эмигрантский «Союз защиты императора» (Баохуанхуэй). Новая организация ставила своей целью вернуть реальную власть Цзайтяню и развернуть новую программу умеренных реформ.

Переворот 1898 г. был реакцией на попытку «европеизации» Китая. В то же время в стране активизировалась борьба против «варваров» и «заморских» машин, прежде всего в северных провинциях — Чжили, Шаньдуне и Маньчжурии. К концу XIX в. в экономике этого региона произошли особенно резкие изменения. В результате импорта фабричных товаров, появления новых средств транспорта и связи несколько миллионов человек лишились работы.

Организаторами борьбы против иностранного влияния в Шаньдуне и Чжили стали несколько тайных обществ, практиковавших даосские физические упражнения (*цюань*), напоминавшие кулачный бой. Это движение получило название «Ихэтуань» (Отряды справедливости и мира), а его участники чаще всего именовались *туань* (отряды) и *цюань* (кулаки), иностранцы называли их «боксерами».

Движение «Ихэтуань» возникло как реакция низов китайского общества на иностранную экспансию, как крайне консервативное и обскурантистское движение средневекового типа. Его идеологическими знаменами были конфуцианство, национализм и ярая ксенофобия. Идеология ихэтуаней была близка к взглядам и психологии «партии императрицы», что впоследствии содействовало их союзу. Движение ихэтуаней под лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!» началось весной 1898 г. на границе Шаньдуна и Чжили, затем распространилось на юго-восток Чжили.

Присоединение шаньдунских «священных отрядов» к чжилийским увеличило размах движения. Двумя колоннами туани начали поход на

север. После ряда побед в стычках с правительственными войсками численность «священных воинов» в мае-июне 1900 г. возросла до 100 тыс. бойцов. Однако лидеры туаней продолжали действовать разобщенно и не создали единого командования.

В конце мая 1900 г. «справедливые люди» начали разбирать рельсы, сжигать железнодорожные станции, уничтожать трофейное оружие западного образца. Они громили не только иностранные, но и отечественные торговые и финансовые предприятия и учреждения.

С весны 1900 г. представители западных держав в Пекине требовали от правительства скорейших мер по подавлению восстания «боксеров». В начале июня державы сосредоточили на рейде в Дагу более 20 военных кораблей и усилили охрану посольского квартала в Пекине, а также иностранных селтльментов в Тяньцзине.

Скопление иностранных кораблей, готовых высадить десанты, побудило Цыси сделать выбор: на секретном совещании в начале июня было решено прекратить карательные операции против ихэтуаней. Маньчжурские князья открыли им ворота Пекина, и 11 июня «священные отряды» вступили в столицу, где осадили посольский квартал, начались так называемые «56 дней пекинского сидения» иностранцев.

Правительственные войска в Пекине не только не мешали «справедливым людям» убивать, грабить и устраивать пожары, но и сами карали «заморских дьяволов». Наместник Чжили заключил союз с цюанями, и в середине июня они вошли в Тяньцзинь и блокировали территорию иностранных концессий.

Западные державы приступили к подготовке большого похода в Китай. 17 июня после ожесточенного штурма иностранные десанты овладели укреплениями Дагу. 21 июня Цыси официально объявила войну державам и пошла на открытый союз с обществом «Ихэтуань», которое правительство попыталось поставить под свой контроль.

Союзная армия восьми государств 4 августа 1900 г. двинулась вдоль Великого канала к столице империи. В походе участвовали 15 тыс. иностранных солдат и офицеров. 14 августа японские и русские части ворвались в Пекин, который вскоре капитулировал. Цинские войска прекратили боевые действия. Одновременно с походом на Пекин началось наступление в Маньчжурии. В течение двух месяцев вся Маньчжурия была оккупирована Россией.

В конце октября 1900 г. началась работа Пекинской конференции представителей Китая и западных держав, которая через год выработала свой «Заключительный протокол» (подписан 7 сентября 1901 г.). Согласно

ему, Китай должен был выплатить в качестве контрибуции 450 млн лян. Форты Дагу и все укрепления между Тяньцзинем и Пекином подлежали уничтожению. Войска держав могли занимать 12 пунктов по железной дороге Пекин — Тяньцзинь «для поддержания свободного сообщения между столицей и морем». В Пекине создавался укрепленный посольский квартал, каждое посольство могло иметь свою вооруженную охрану. Цинское правительство обязывалось наказывать своих подданных смертной казнью за антииностранные выступления.

Выплата Ихэтуаньской контрибуции растянулась вплоть до Второй мировой войны. Ихэтуани вызвали к жизни своего рода единый фронт держав против Китая, они не только не покончили с политическим и экономическим закабалением Китая, но даже невольно ускорили этот процесс, существенно ослабив способности страны сопротивляться усилившейся экспансии Запада. Раздел Китая на «зоны монопольных интересов» полностью сохранился, а провинция Чжили фактически превратилась в «коллективную сферу влияния» держав с правом последних иметь там свои войска.

Становление переходного общества стало главным фактором развития Китая в начале XX в., традиционные социальные силы — шэньши, бюрократия, землевладельцы, конфуцианская интеллигенция — имели явное преобладание в политике над новыми социальными группами, прежде всего над крайне слабой буржуазией.

К 1910 г. в стране в целом сложилась предкризисная ситуация, население страны достигло 430 млн человек, вернувшись на уровень 1850 г. К критической отметке приблизились и два других важнейших показателя, а именно — посевная площадь на душу населения и душевое производство зерна. Налицо имелись и другие слагаемые циклического кризиса: резкое ослабление центрального правительства, оскудение казны, разложение правящей верхушки и вырождение старой династии.

С развитием капитализма Китай превращался в зависимую страну. В 1900-е годы в стране возникло 386 фабрик, шахт и рудников с национальным капиталом. Расширился объем внешней торговли: стоимость экспорта возросла вдвое, а импорта — в полтора раза. Более чем вдвое увеличились иностранные инвестиции, но в той же мере возрос и внешний долг Китая. Количество иностранных фирм в ста портах, открытых для внешней торговли, утроилось, а Китай все больше превращался в поставщика дешевого сырья — хлопка, сои, шелка и чая.

В этот период китайские предприниматели и обуржуазившиеся помещики вложили значительные средства в промышленность, торговлю,

железнодорожный транспорт и банки. Владельцами и совладельцами наиболее значительных предприятий были чиновники, шэньши, крупные землевладельцы и компрадоры. Чрезмерная денежная эмиссия, безудержная инфляция и волна банкротств в торгово-финансовых кругах привели уже к 1910–1911 гг. к резкому падению деловой активности. Трансформация экономики и общества началась еще в середине XIX в., а обновление государственной системы отставало почти на полвека, что было чревато новым политическим кризисом.

Острейший кризис власти начала XX в. был вызван не столько внутренними, сколько внешними факторами. Утрата Китаем части суверенитета, серия проигранных войн, цепь унижений и выплата контрибуций завершились разделом страны на «сферы влияния» западных держав и ее превращением в зависимую страну. Ситуацию усугубляли контроль держав над налоговыми поступлениями цинской казны, ее задолженность по внешним займам, нахождение иностранных войск в Пекине и на других договорных территориях. Потеря части государственных прерогатив снизила престиж маньчжурского режима, ограничила власть династии Цин в стране. Все это беспокоило политическую элиту, возмущало китайских патриотов и великоханьских шовинистов, которые в бедах Китая винили маньчжуров.

Русская оккупация Маньчжурии (1900–1905) крайне ослабила престиж династии, и так уже подорванный в глазах ее подданных ихэтуаньской катастрофой. События и исход русско-японской войны оказали сильнейшее влияние на Китай. Здесь бурно приветствовали победу азиатского государства над одной из великих держав Европы. Триумф Японии вызвал в китайском обществе подъем не только националистических, но и оппозиционных настроений в отношении маньчжуров. Японская аннексия Кореи в 1910 г. вызвала шок в китайском обществе, увидевшем аналогичную перспективу и для Поднебесной.

Выплата ихэтуаньской контрибуции, «вознаграждений» пострадавшим от ихэтуаней европейским миссионерам и поиск средств для реформы госаппарата породили резкое увеличение налогов. «Фискальный взрыв» 1902–1910 гг. повлек за собой череду многочисленных локальных восстаний.

Наряду с повстанцами-крестьянами и членами тайных обществ у маньчжурского режима появился новый противник — революционеры, взявшие на вооружение лозунг «революционного изгнания маньчжуров». Летом 1905 г. три организации революционеров объединились в Токио в Китайский революционный объединенный союз с центральным печатным

органом журналом «Миньбао». Его лидером стал Сунь Ятсен, выработавший основной программный документ Объединенного союза. В основу программы легли «три народных принципа» — национализм, народовластие и народное благосостояние. Первый принцип подразумевал свержение власти маньчжуров, второй — ликвидацию монархии и учреждение республики, а третий — постепенную национализацию земли путем установления прогрессивного налога.

Революционеры в своей борьбе опирались на тайные общества, придерживались тактики узких заговоров и организации локальных восстаний. В 1906–1911 гг. Объединенный союз организовал ряд восстаний, закончившихся неудачами.

Цинский двор во главе с Цыси после ихэтуаньской катастрофы вернулся в Пекин в 1902 г. Императрица, заигрывая с «заморскими варварами», старалась восстановить свое богатство, разграбленное интервентами. Для этого она обложила наместников и губернаторов провинций тяжелой данью. Эти потери сановники возмещали за счет населения. Цыси не только способствовала усилению налогового бремени, но и озлобила периферийную бюрократию. В итоге династия начала терять поддержку провинций.

Цыси пришлось согласиться в 1902 г. на проведение отдельных реформ, получивших название «новой политики». Создание «новой армии» и военная реформа стали одним из главных компонентов «новой политики». К 1911 г. было сформировано 14 дивизий и 18 смешанных бригад общей численностью свыше 174 тыс. солдат и офицеров. В итоге возникла современная профессиональная армия по германскому образцу, с хорошей выучкой и дисциплиной. Все это повысило престиж офицерского корпуса, военные стали новой политической силой в китайском обществе.

Другим главным направлением реформ стала модернизация госаппарата, а именно усиление его центрального звена. Были созданы современные министерства, в том числе министерство иностранных дел, сокращена численность чиновников, создавалась городская полиция. Провинциальную бюрократию отстранили от решения многих военных и финансовых вопросов, а также от контроля над почтой и телеграфом. Резко обострились противоречия между династией и китайской элитой. Вытеснение китайцев с ключевых постов на местах не укрепило маньчжурский режим, а наоборот привело к изоляции цинской верхушки и ослаблению династии.

В 1905 г. началась реформа образования. Создавались школы трех ступеней с современной программой, студенты за казенный счет

посылались на учебу за границу. Отменялись традиционные экзамены на получение ученых степеней и на занятие штатских и военных должностей. Право на получение чиновной должности было обещано выпускникам новых школ. Отменялись наиболее варварские методы судебного следствия и особо жестокие пытки. Вводились лицензии на занятие бизнесом, создавались торгово-промышленные палаты и торговые союзы, утверждались уставы акционерных обществ, жаловались почетные звания и чины за успехи в предпринимательстве.

В ноябре 1908 г. умерла Цыси. Перед смертью она успела отравить императора Цзайтяня и передать трон своему внучатому племяннику — двухлетнему Пуи.

Единственной реальной силой, способной свергнуть династию, стала «новая армия». Потенциальным противником династии Цин была также китайская периферийная бюрократия. Она начала поддерживать оппозицию в борьбе за конституционные реформы.

Либеральные силы все громче требовали введения конституции, созыва парламента и создания органов местного самоуправления. Лидеры этого течения, прежде всего крупнейший предприниматель и шэньши Чжан Цзянь, пытались склонить маньчжуров к проведению конституционных реформ. Стараниями Чжан Цзяня в 1906 г. в Шанхае было создано «Объединенное общество по подготовке конституции», превратившееся в ведущий центр либеральной оппозиции. Такого же рода общества создавались в других провинциях при благожелательном отношении к ним местной бюрократии.

Аннексия Кореи Японией еще более активизировала действия оппозиции, которая осенью 1910 г. потребовала скорейшего созыва парламента и создания ответственного кабинета министров. В том же году в Пекине открылся «предпарламент» — Верховная совещательная палата. Династия пообещала созвать парламент в 1913 г., предполагая предельно ограничить его функции и не допустить создания ответственного перед ним кабинета министров. Для этого в мае 1911 г. была проведена реорганизация правительства, был создан «современный» кабинет министров, который состоял в основном из великих князей и других маньчжуров, что делало невозможным контроль над ним со стороны будущего парламента. Глава кабинета Икуан оказался над всеми наместниками и губернаторами провинций, что оттолкнуло от династии и либерально-конституционную оппозицию, и периферийную бюрократию, укрепив союз этих сил.

Создание маньчжурского кабинета и Хугуанский кризис, вызванный национализацией маньчжурами частной китайской акционерной компании

по строительству железных дорог, показали, что договориться с маньчжурами о мирном разделе власти невозможно. Оставался лишь силовой вариант развития событий. Встал вопрос о поддержке антиманьчжурского союза периферийной бюрократии и оппозиции «новыми войсками». Чжан Цзянь установил тайную связь с опальным генералом Юань Шикаем. Данной «триаде» — армия, бюрократия, оппозиция — династия Цин ничего противопоставить не могла.

С этого момента события развивались стремительно. В сентябре 1911 г. началось Сычуаньское восстание. 12 октября Учан, Ханькоу и Ханьян оказались в руках восставших «новых войск». Новая власть объявила Китай республикой, призвала все население страны поддержать борьбу за свержение «варварской» династии и попросила державы соблюдать нейтралитет, обещая за это уважать все ранее заключенные ими договоры. В ответ на это державы поспешили провозгласить нейтралитет.

В октябре восстания охватили всю страну. К декабрю 1911 г. власть маньчжуров была свергнута в 15 провинциях. Начались волнения на национальных окраинах Китая. Ввиду критической ситуации цинский двор сделал ставку на Юань Шикая. 2 ноября генерал получил посты премьер-министра и главнокомандующего всеми вооруженными силами. Державы поддержали Юань Шикая как «сильного человека», способного покончить с «беспорядками». Антицинские силы также приветствовали назначение Юань Шикая, рассчитывая его руками свергнуть династию.

Юань Шикай прибыл в Пекин и 16 ноября сформировал свое правительство, предложив сотрудничество республиканскому Югу. Балансируя между монархией и республикой, генерал укреплял свою личную власть в обстановке дальнейшего распада Цинской империи. 1 декабря Монголия провозгласила свою независимость, в то же время рухнуло маньчжурское господство в Тибете.

Юань Шикай собирался использовать республиканцев как средство давления на маньчжуров. 3 декабря в Учане было заключено перемирие, подтвердившее раздел Китая на два государства. Под властью династии Цин остались провинции Чжили, Шаньдун, Хэнань, Ганьсу и Синьцзян. В остальных 17 провинциях установилась республиканская власть.

Укрепив личную власть, став полновластным хозяином Севера, Юань Шикай начал в Шанхае переговоры с Югом, на которых речь шла об условиях их будущего объединения. Переговоры шли сложно. Республиканцы предлагали генералу пост президента в обмен на полную ликвидацию династии Цин, но он настаивал на конституционной монархии во главе с безвластным императором. В ходе переговоров проявились

единство Севера и разобщенность Юга.

Юань Шикай прервал переговоры с Югом, его армия высказалась против республики. В ответ на это Юг пригрозил походом своих войск на Пекин и объявлением гражданской войны, которая была не нужна обеим сторонам. Для республиканцев она была чревата военным поражением, а для Юань Шикая — утратой авторитета в армии и в стране. Обе стороны вернулись за стол переговоров и пришли к соглашению за счет ликвидации монархии. Таким образом, генерал проявил «твердость», «спас» страну от гражданской войны и тем самым получил «моральное право» устранить династию Цин. Юань Шикай согласился на установление республики, на вступление в должность президента и тем самым на объединение страны под своей эгидой.

12 февраля 1912 г. было объявлено об отречении Пуи. Так через 267 лет в Китае окончилось правление династии Цин, а вместе с ней прекратила существование более чем двухтысячелетняя Китайская империя. Поскольку это произошло в год «синьхай» по лунному календарю, переворот 1912 г. стали именовать Синьхайской революцией.

После отречения Пуи Юань Шикай сформировал Временное правительство и стал временным президентом страны. 10 марта Временный сенат принял выработанную под руководством Сунь Ятсена Временную конституцию, впервые в истории Китая провозгласившую основные политические свободы. Юань Шикаю пришлось согласиться и с этим документом, и с законом о двухпалатном парламенте, но противостояние между монархическим Севером и республиканским Югом продолжалось.

Идя на уступки президенту, левые республиканцы делали ставку на победу на предстоящих выборах в парламент и рассчитывали в этом случае поставить Юань Шикая и армию под свой контроль, перенести столицу из Пекина в Нанкин и закрепить парламентскую форму правления в постоянной конституции. Для реализации этих целей на базе Объединенного союза в августе 1912 г. была создана Национальная партия (Гоминьдан) во главе с Сун Цзяоженем, которая повела энергичную предвыборную кампанию, приведшую партию к победе на выборах в феврале 1913 г.

Планомерно ведя дело к развязыванию гражданской войны, Юань Шикай провоцировал левых выступить первыми. Для этого он снял трех гоминьдановцев с постов военных губернаторов провинций, что стало поводом к войне. Столкновение бэйянских и гоминьдановских войск в июле-сентябре 1913 г. получило название «второй революции». Военная

победа над Гоминьданом открыла для Юань Шикая дорогу к установлению военной диктатуры. Получив полную поддержку военных и бюрократии, Юань Шикай 4 ноября объявил о роспуске Гоминьдана, а затем лишил гоминьдановцев парламентских мандатов, парализовав тем самым работу парламента, что стало началом государственного переворота. 10 января 1914 г. Юань Шикай упразднил обе палаты парламента, а в конце января распустил все органы самоуправления — провинциальные и местные собрания депутатов. В феврале президент заменил кабинет министров послушным ему Государственным советом, в котором не нашлось места либералам и конституционалистам.

Разрушив наиболее опасные для себя республиканские институты, Юань Шикай приступил к построению военной диктатуры, которая стала причудливым синтезом азиатского деспотизма, милитаризма и современных политических форм. В марте 1914 г. вместо парламента был создан Законодательный совет, в который вошли крупные сановники, высшая номенклатура, ученые и юристы.

Вслед за этим по настоянию Юань Шикая была выработана новая Временная конституция 1914 г., по которой все три ветви власти оказались в его руках. В июне президент добился продления срока своих полномочий до десяти лет без новых выборов, а также права выбора преемника. Все это открывало дорогу к основанию новой династии — главной цели государственного переворота 1913–1914 гг. и развернувшейся затем широкой кампании «За возрождение старины», т. е. за восстановление монархии. В ходе этой кампании учреждениям и ведомствам возвращались названия периода Цин и восстанавливались прежние титулы. Старая бюрократия снова вышла на первый план, роль военных стала слабеть. Стремительно рос чиновничий аппарат, восстанавливались цинские чины и ранги. Была восстановлена прежняя экзаменационная система, открыто проповедовалась идея реставрации монархии. Был издан «драконовский» закон о печати, устанавливалась строжайшая цензура, были вновь введены телесные наказания. Накануне Первой мировой войны в стране воцарилась атмосфера страха и слепого повиновения.

Национальная идея, становление и развитие национальных государств

Япония на пути в «клуб великих держав»

В конце XVIII — начале XIX в. Япония переживала острый кризис разложения традиционных отношений. Особенно тяжелое положение было в земледелии, где они стали препятствовать развитию производительных сил, что проявилось прежде всего в замедлении, а затем и в прекращении роста производства основной сельскохозяйственной культуры — риса. И обрабатываемая площадь, и урожайность риса с начала XVIII в. и до реставрации Мэйдзи, т. е. в течение полутора столетий, оставались почти на одном и том же уровне. Косвенным, но ярким показателем упадка японского общества служило практически полное отсутствие прироста населения.

В то же время на фоне изолированного, жестко регламентированного уклада жизни постепенно развивались общественное разделение труда и товарно-денежные отношения в городе и деревне, происходило расслоение крестьянства, осуществлялась специализация производства, возникали мануфактуры, купеческие гильдии, торговые дома. Шел процесс урбанизации, началось формирование национального рынка. Созревали предпосылки появления капиталистического производства.

С начала XIX в. всеобъемлющий социально-экономический и политический кризис охватил сёгунат Токугава. Одним из важнейших его показателей было резкое снижение темпов роста валового дохода, получаемого в основном от сельского хозяйства, что свидетельствовало о неспособности правительства обеспечить развитие производства в необходимых масштабах ни за счет расширения посевных площадей, ни путем интенсификации их использования.

Такое положение отражалось на личных доходах крупных князей (*даймё*) и, соответственно, на содержании, которое они выплачивали своим вассалам — *самураям* низших рангов. В тяжелом положении находились и крестьяне — основная масса товаропроизводителей. Они занимались побочными промыслами и уходили в города на заработки. Основная часть крестьянства была представлена малоземельными собственниками с наделом не более 1 га. Недовольство крестьян выливалось в восстания,

всплеск которых пришелся на 1830-1840-е годы.

Постепенное разложение натурального хозяйства способствовало развитию товарно-денежных отношений, созреванию предпосылок для появления капиталистического производства. В 1853 г. в стране насчитывалось 309 мануфактур, треть из которых возникла в течение 30 лет. Значительно возросла роль торговцев и ростовщиков. Они предоставляли займы самураям, скупали крупные земельные участки в городах, реализовывали производимые крестьянами и ремесленниками товары, рос объем торговли между различными районами Японии. Усиление финансовой мощи торговцев и ростовщиков позволило им стать частью общественной элиты. Предпринимательская деятельность торговцев способствовала появлению нового класса, к которому можно отнести представителей домов Мицуи и Сумитомо. В обществе постепенно меняется соотношение между разными сословиями и размываются границы между ними.

Сёгунское правительство (*бакуфу*) неоднократно пыталось улучшить социально-экономическое положение, но его усилия не давали желаемого результата, а лишь «подмораживали» существующий режим, укрепляли положение самурайского сословия. Его официальной идеологией было конфуцианство. Однако в результате усвоения и переработки концепций и идей буддизма, синто и даосизма сформировалось особое мировоззрение, своего рода «национальная идея», ставшая продуктом оригинального философского творчества нации. Именно на базе этой идеи и оформилась духовная оппозиция сёгунату.

Япония, попавшая в начале XIX в. в поле зрения европейских стран и США, имела для них стратегическую привлекательность, особенно в условиях активного освоения Россией своих дальневосточных территорий. Еще в 1792 г. в Японию была послана русская экспедиция А. Лаксмана с целью добиться разрешения открыть один из японских портов для торговли с Россией. Экспедиции удалось получить лицензию на торговлю в г. Нагасаки, что было несомненным успехом российской дипломатии. Однако Россия воспользовалась ею лишь в 1803 г., когда в Японию было направлено неудавшееся посольство во главе с уполномоченным Российско-американской торговой компании камергером Н.П. Резановым.

В 50-е годы XIX в. на фоне трудностей, переживаемых сёгунатом, борьба за «открытие» Японии приняла жесткий характер. Международное соперничество шло главным образом между США и Россией, и в нем США постоянно опережали Россию. В середине февраля 1854 г. эскадра commodора Мэттью Перри прибыла в Японию и остановилась в местечке

Канагава, всего в 8 милях от Эдо. Под угрозой применения военной силы японцы были вынуждены в марте 1854 г. подписать японо-американский договор о мире и дружбе (так называемый Канагавский договор).

Этот договор был первым и базовым в серии неравноправных Ансэйских (годы Ансэй — 1854–1859) договоров. Подписанный в 1855 г. японо-русский договор (Симодский трактат) устанавливал дипломатические отношения между двумя странами; обеспечивал подданным одной стороны защиту и покровительство на территории другой; частично урегулировал проблему территориального размежевания (на Курильских островах граница прошла между островами Уруп и Итуруп, но Сахалин оставался неразделенным).

Заклученные договоры не содержали конкретных статей, касавшихся торговых отношений, и потому японцы продолжали препятствовать налаживанию торговли с иностранцами. США настаивали на заключении именно торгового договора и действовали жесткими силовыми методами. Заключение такого договора состоялось в июле 1858 г. Главным в нем были статьи, касающиеся экономики, которые значительно ущемляли интересы Японии.

Обсуждение и подписание японо-американского договора проходило в сложной внутривнутриполитической обстановке. Антисёгунский блок и окружение императора выступали против заключения любых соглашений с иностранцами. Усмирить оппозицию и заключить договор сумел регент при малолетнем сёгуне Ии Наосукэ. Одержав победу, Ии расправился со своими противниками, но в 1860 г. был убит одним из самураев княжества Мито.

Этот договор стал основным документом, определившим двусторонние отношения Японии и США на последующие 40 лет. Аналогичные соглашения были подписаны с Голландией, Россией, Англией, Францией, Португалией. Таким образом, Япония вышла из состояния изоляции, но не как полноценный партнер, а как зависимая, опутанная неравноправными соглашениями страна.

Последние годы существования сёгуната Токугава в японской исторической литературе получили название *бакумацу* (буквально «конец правления бакуфу»). Хронологические рамки этого периода определяют по-разному, но чаще всего его начало связывают с «открытием» Японии, после которого процесс разрушения политической и экономической системы сёгуната приобрел лавинообразный характер. Окончание периода *бакумацу* датируется с абсолютной точностью — в конце 1867 г. сёгунат прекратил свое существование.

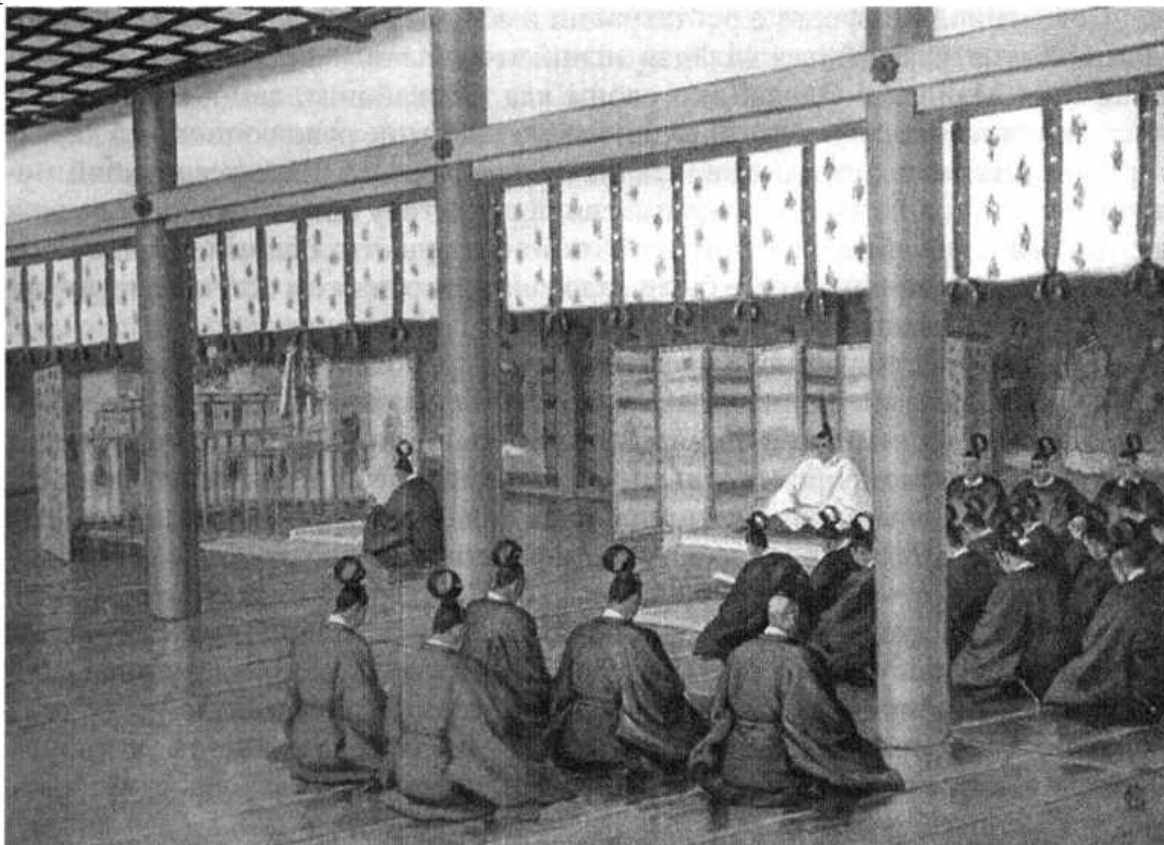
Открытие Японии способствовало, с одной стороны, ее активному вовлечению в мировые торгово-экономические связи, а с другой — усугубляло кризис традиционной экономики. После прекращения политики самоизоляции, когда в полной мере выявилась отсталость Японии во всех сферах жизни, вопрос об отношении к Западу встал достаточно остро. Именно в это время появилась концепция открытия страны и развития свободной торговли с иностранными государствами (*кайкоку*). Ее сторонники опасались, что Япония в любой момент может разделить судьбу Индии или Китая, поражение которого в опиумных войнах 1840-х годов произвело особенно сильное впечатление. Авторитет Китая рушился, и появлялась новая сила — западные державы.

Антисёгунская оппозиция состояла из двух слоев: склонной к политическим компромиссам самурайской верхушки и радикально настроенных рядовых участников. На политической арене на одной стороне выступало правительство, у которого не было сильных лидеров, а на другой — антисёгунская коалиция.

Постепенно требование «почитания императора» прочно соединилось с призывом к «изгнанию варваров», образовав сочетание *сонно дзёи* — ставшее главным девизом оппозиции. Сёгун подвергался атакам со всех сторон. На него оказывали давление как приверженцы *сонно дзёи*, так и западные державы, требовавшие шире открыть страну. Кроме того, ему приходилось иметь дело с императорским двором и периодически направлять войска против мятежных юго-западных княжеств, отношения с которыми особенно обострились в 1865–1866 гг. Положение осложнялось восстаниями крестьян и городской бедноты.

Смерть в конце 1866 г. императора Комэй, сторонника совместного правления двора и сёгуна и ярого противника контактов с иностранцами, и вступление на престол 15-летнего Муцухито (годы правления которого получили название *Мэйдзи* — «просвещенное правление») побудили оппозицию к решительным действиям. В первой половине ноября 1867 г. представители трех княжеств — Сацума, Тёсю и Аки — договорились о восстановлении императорской власти вооруженным путем, выработали конкретный план действий и обратились к императору с просьбой издать указ о свержении бакуфу. 9 ноября 1867 г. сёгун Токугава Ёсинобу отказался от власти, объяснив причины своего решения тем, что управлять государством должна единая центральная власть. В такой обстановке 3 января 1868 г. в Киото был создан императорский совет. Его важнейшим итогом стал манифест о реставрации императорской власти — один из основополагающих документов новой эпохи, обнародованный от имени

императора и известный как «Клятва из пяти статей». Эта программа действий на будущее была рассчитана на общественную поддержку. Политический вес молодого императора чрезвычайно возрос, хотя фактически он делил власть со своим окружением, состоявшим из представителей пяти основных княжеств. Несмотря на добровольное отречение сёгуна от власти, сторонники свержения сёгуната нанесли дому Токугава сокрушительный удар. В мае 1869 г. гражданская война завершилась.

Пятистатейная клятва императора Муцухито. Начало XX в. Автор неизвестен

Клятва пяти пунктов императора Мэйдзи

«1. Мы будем созывать совещания и управлять народом, считаясь с общественным мнением. 2. Люди высших и низших классов, без различия, будут единоклассны во всех предприятиях. 3. Обращение с гражданскими и военными чинами будет таково, что они смогут выполнять свои обязанности, не испытывая неудовольствия. 4. Отжившие методы и обычаи будут

уничтожены, и нация пойдет по великому пути Неба и Земли. 5. Познания будут заимствоваться у всех наций мира, и Империя достигнет высшей степени расцвета».

Появление манифеста о реставрации императорской власти и последующие события называются Мэйдзи исин, что обычно переводится как «реставрация Мэйдзи». Однако, по своим как ближайшим, так и отдаленным последствиям эти события в Японии имели поистине революционный характер. Они открыли путь для капиталистического развития и ускоренной модернизации страны, радикально изменили структуру общества и определили вектор его дальнейшего развития. Можно сказать, что основы процветания Японии в современном мире были заложены свержением сёгуната и реформами, осуществленными новой властью.

Понятия «реставрация» и «революция», выработанные на примере новой истории Европы, воспринимаются как противоположные. Ученые, подходящие с этими мерками к событиям Мэйдзи исин, становились в тупик перед внешним сходством происходивших в Японии преобразований с европейскими революциями при принципиальной разности их духовных и идейных основ, что в итоге породило внутренне противоречивую концепцию «незавершенной буржуазной революции». Гораздо вернее определить Мэйдзи исин как консервативную революцию, поскольку революционные по форме и методам осуществления преобразования опирались на традиционные ценности, восходившие к глубокой древности и успешно «реанимированные» «школой национальных наук» и «школой Мито» в качестве эффективной национальной идеи. По этой причине представляется уместным оставить термин «исин» без перевода.

Важнейшими из этих ценностей были традиционная религия синто с ее культом предков; понятие о «государственном организме» (*кокутай*) как специфической общности, объединяющей японского императора как первосвященника синто, японцев как потомков божеств (*ками*) и физический мир Японских островов как их творение; принцип единства царской и жреческой власти (*сайсэй итти*); концепция божественного происхождения и «непрерывности в веках» императорской власти. Если в Европе новая ступень развития достигалась отрицанием предыдущей, то в Японии — путем обновления традиций.

По этой причине в Японии даже радикальные преобразования не воспринимались как нечто принципиально чужеродное и происходили без значительных социальных взрывов. В событиях Мэйдзи исин и

последующих реформах присутствовал компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления, мотивированный тем, что реформы основывались на национальной идее и на защите национальных интересов. И те и другие стремились к сохранению независимости страны и в перспективе — к достижению равноправия с «великими державами». Даже гражданская война в Японии, в отличие от подобных войн в большинстве других стран, не имела тотального характера, не была столь длительной и кровопролитной, поскольку противоборствовавшие стороны не стремились к взаимному истреблению.

Элемент исторического компромисса в событиях Мэйдзи исин наряду с особенностями традиционной экономической и социальной структуры Японии предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении на длительный срок натуральной арендной платы в деревне, самурайской собственности на землю, хищнических условий труда на предприятиях. Тем не менее именно мэйдзийские преобразования открыли перед Японией путь к широкомасштабной модернизации и уберегли ее от потери национальной независимости.

Несмотря на длительную изоляцию и на жестко регламентированный уклад жизни и хозяйственной деятельности, в обществе существовали определенные предпосылки для кардинальных преобразований. По многим параметрам оно было подготовлено к интенсивной модернизации. По словам известного японского социолога Наканэ Тиэ, «колеса к повозке были приделаны задолго до начала модернизации; требовалось только сменить возницу и направление движения».

В соответствии с манифестом о реставрации императорской власти 17 января 1868 г. была учреждена новая система государственного управления. Во главе правительства стоял председатель (обязательно принц), который руководил двумя группами советников — старших и младших. Несмотря на формально более низкое положение, именно советники второй группы играли ведущую роль, поскольку они были политическими лидерами реставрации. Государственный аппарат фактически находился в руках низкоранговых самураев из юго-западных княжеств.

В структуре новой власти уже просматривалось стремление заимствовать некоторые формы государственного устройства западных стран. В частности, в завуалированном виде был провозглашен принцип разделения властей и ротации чиновников. Однако само название и функции нового государственного совета формально соответствовали системе государственного управления, установленной еще в VII в. по китайскому образцу, что должно было символизировать непрерывность

традиции императорской власти.

Император провозглашался «живым богом», равным по религиозному статусу богине Амата́расу. Для возвеличивания его роли как первосвященника синто создавались новые религиозные ритуалы. В них зримо закреплялась идея исключительности, божественности японской нации. Этому же способствовало введение новых государственных символов — гимна и флага. Слова императорского гимна «Ты — весь мир» (Кими-га ё) были взяты из поэтической антологии X в. Символика введенного после реставрации Мэйдзи флага «красный круг на белом фоне» (*хи-но мару*) связана с тем, что с древности Японию называли «страной восходящего солнца».

Указ о введении принципа единства ритуала и управления был только первым актом правительства, касавшимся религии. Синто отводилась главная роль, а буддизму — второстепенная. Возрождение синто подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Некоторым ритуалам синто был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию религиозной составляющей. Государственный синто стал только культом поклонения божественным предкам императора, что способствовало подъему национализма. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил эксклюзивные права на заглавную роль в национальных ритуалах. Синтоистским святилищам высшей категории вменялось в обязанность исполнение государственного ритуала, что превращало синто в государственную структуру, т. е. происходило его слияние с государственным аппаратом, священнослужители фактически становились чиновниками. Так создавался государственный синто, который, формально не являясь религией, занял главенствующее положение по отношению ко всем конфессиям. Со становлением Японской империи государственный синто превратился в главное идеологическое оружие правящей элиты.

После окончания гражданской войны правительство прежде всего занялось укреплением центральной власти, но действовало постепенно и осторожно. В мае 1868 г. во всех княжествах начали действовать органы мэйдзийского правительства, которые являлись посредниками между центральной и местной властью.

В марте 1869 г. лидеры княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн подали на имя императора петицию об отказе в его пользу от своих прав на управление княжествами. Затем аналогичные петиции поступили от большинства княжеств. Правительство сделало все, чтобы избежать

осложнений. 29 августа 1871 г. была проведена реорганизация административно-территориального деления — упразднены княжества и введены префектуры (46 в 1888 г.).

Среди новых политических лидеров не было единства взглядов относительно характера и структуры правительства, поэтому потребовалась дальнейшая реорганизация.

Была упорядочена новая сословная структура, состоящая из аристократии, дворянства и народа (*кадзоку*, *сидзоку* и *хэймин*), а также признано их равенство. Первые два сословия сохраняли определенные привилегий. В то же время, если представитель хэймин занимал должность государственного чиновника, он имел те же привилегии, что и представители других сословий. Таким образом, чиновничество стало новым привилегированным слоем. Вся система власти на местах после 1873 г. контролировалась ведомством внутренних дел, которое своей деятельностью цементировало весь государственный аппарат. Формировался слой местной бюрократии.

До 1871 г. правительство практически не имело собственных войск. Создание современной армии было частью программы строительства нового государства в соответствии с концепцией «богатое государство — сильная армия». У новой элиты не было единства взглядов на военную реформу. В качестве компромиссного варианта в феврале 1871 г. была создана 8-тысячная императорская гвардия, которая находилась в ведении военного ведомства. Она послужила ядром будущей регулярной армии на основе всеобщей воинской обязанности.

В армии и на флоте исключительное значение придавалось образованию. Правительство не жалело усилий и средств, чтобы заимствовать самый передовой зарубежный опыт, совмещая его с национальными военными традициями. При всех нововведениях и западных заимствованиях армия продолжала сохранять многие традиционные черты. Основу ее идеологии составили кодекс самурайской чести бусидо, синто, патернализм и другие традиционные принципы. Первоначально армия была построена в целом по французскому образцу. В 1878 г. был создан генеральный штаб как независимый орган, подчиненный непосредственно императору. С 1885 г. армия стала перестраиваться по германскому образцу с помощью немецких инструкторов. В 1893 г. Япония уже обладала современной профессиональной армией и флотом.

В начале 1870-х годов была создана централизованная полицейская система, которая в 1874 г. перешла под управление ведомства внутренних дел. Все полицейские считались государственными чиновниками. Чины

префектуральных полицейских управлений назначались центром. Финансирование осуществлялось, по большей части, за счет местных бюджетов. Мэйдзийское руководство рассматривало создание новой судебной-правовой системы как важную составную часть реформ и как предпосылку их успеха. В июле 1871 г. было создано министерство юстиции, которому поручили судопроизводство и розыск.

В 1880-е годы в Японии начали отходить от китайской модели права в пользу европейских юридических систем. Это было сделано во многом в интересах создания юридического фундамента для пересмотра неравноправных договоров с иностранными державами. Но реформа затянулась надолго. В разработке уголовного и уголовно-процессуального кодексов участвовали французские юристы. После ряда экспертиз, обсуждений и изменений оба кодекса были опубликованы 17 июля 1880 г. и вступили в силу с 1 января 1882 г. Работа над созданием гражданского кодекса затянулась на 20 лет — до 1890 г. Основные трудности заключались в том, что новая правовая система опиралась не только на общенациональные, но и на местные обычаи. В 1876 г. правительство даже признало неформальные методы разрешения житейских споров путем достижения соглашения (в продолжение домэйдзийской традиции). В то же время гражданское право в области сделок развивалось довольно быстро. Был также принят ряд законов, касающихся экономической сферы, в том числе о банках, компаниях, векселях и др. Судебная система окончательно оформилась после принятия конституции 1889 г. Гражданско-процессуальный кодекс вступил в силу в 1891 г. Почти одновременно с помощью немецких специалистов был разработан и торговый кодекс. В Японии утвердилась современная правовая система.

Основу экономики страны, вступившей в эпоху Мэйдзи, составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство. Транспорт и связь были развиты слабо, торговля и финансы несли отпечаток доиндустриальной эпохи, наперечет были предприятия, применявшие передовую по тем временам технику.

Огромное значение для экономического развития Японии имели проведенные в период 1871–1873 гг. аграрные преобразования. Среди наиболее важных из них следует назвать отмену зависимости крестьян, ликвидацию монополии самураев на землю, разрешение купли-продажи земли, свободу выбора возделываемых культур, введение земельного налога. Проведение этих мероприятий узаконило частную собственность на землю, что обеспечило развитие сельского хозяйства.

В центре аграрных преобразований стояло введение земельного

налога, который заменил традиционную земельную ренту. С 1873 г. землевладельцы начали выплачивать государственный поземельный налог (3 % цены земли в соответствии с земельным кадастром) и местный налог (1 % стоимости земли), арендаторы вносили не ограниченную законом натуральную арендную плату собственнику земли и платили местные налоги. Оба налога на земельных собственников взимались в денежной форме, в сумме это составляло немногим менее половины валового дохода крестьянина. В течение 1875–1892 гг. сумма земельного налога составляла до 85 % всех налоговых поступлений в бюджет страны. Это был зримый экономический результат проведенной аграрной реформы.

В 1873–1876 гг. была проведена капитализация пенсий бывших князей и самураев. Огромные расходы по выплате пенсий за утраченные самурайские привилегии легли тяжелым бременем на государственный бюджет, поглощая более трети его доходов. Поэтому в 1873 г. правительство взяло обязательство выплатить взамен пенсий единовременную денежную компенсацию (половину наличными, половину облигациями государственного займа), т. е. капитализировать пенсии. Это позволяло бывшим даймё и самураям заняться предпринимательской деятельностью. Они получили также право приобретать государственные земли по льготным ценам. В 1876 г. ввиду тяжелого финансового положения правительство пошло на принудительную капитализацию пенсий в течение 5-14 лет.

Выплата компенсаций была окончательно прекращена в 1882 г. Полученные денежные средства были отчасти вложены в промышленность и сельское хозяйство, но главным образом — в банковскую сферу. К началу 1880-х годов бывшим князьям и самураям принадлежало около 75 % капиталов частных банков. Кроме того, правительство погасило задолженность даймё и самураев торгово-ростовщической буржуазии, и эти средства также были направлены на развитие экономики.

В результате аграрной реформы и капитализации пенсий был дан толчок процессу концентрации капитала в частных руках, необходимой для быстрого развития капиталистических отношений.

Ввиду слабости национального частного капитала, сохранения многочисленных докапиталистических пережитков и общей социально-политической нестабильности в первые годы после реставрации государство взяло на себя решение задач модернизации экономики, параллельно стимулируя развитие частнопредпринимательского сектора. На плечи правительства легла еще одна не менее важная задача — обеспечить освоение и внедрение западных достижений в области науки и

техники.

Деятельность правительства в этом направлении была весьма впечатляющей. Уже не десятки, как прежде, а сотни молодых японцев отправлялись на обучение за границу. По всей стране открывались государственные школы и колледжи. Создавалась современная система коммуникаций. В 1871 г. началась организация почтовой службы, через год она связала почти все города страны, а в 1873 г. была установлена государственная почтовая монополия. С 1875 г. начались регулярные почтовые рейсы между Японией и Китаем, а в 1877 г. Япония присоединилась к всемирному почтовому союзу. Первая телеграфная линия между Токио и Иокогамой была введена в действие еще в 1869 г., а в 1879 г. страна присоединилась к всемирному телеграфному союзу.

Главные усилия государство направило на создание современных заводов и фабрик, оснащенных западной техникой. Переоборудовались старые предприятия и строились новые, которые должны были быть образцом для частных предпринимателей. Первостепенное внимание уделялось военному производству. Налаживался выпуск ряда важнейших товаров для постепенного ослабления зависимости от импорта. Предметом особого внимания стала горнодобывающая промышленность. К 1880 г. в собственности государства находились 3 судоверфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, около 120 км железных дорог. Одновременно государство оказывало помощь частному капиталу, обеспечивая его заказами и субсидиями, предоставляя различные льготы. Эта политика не изменилась и после того, как в 1880 г. был издан закон о передаче большинства государственных промышленных предприятий в частные руки, что было сделано на исключительно выгодных для новых владельцев условиях. Само государство сосредоточилось на развитии военных отраслей. Льготные возможности приобретения государственной собственности заложили основы для формирования японских финансово-промышленных групп — *дзайбацу*. Пароходная компания «Мицубиси», например, получила самый крупный в стране судостроительный завод, золотые рудники на о-ве Садо, серебряные рудники Икуно и прочее; торговый дом «Мицуи» — текстильные фабрики и угольные шахты Миикэ.

Проводимые преобразования значительно подтолкнули развитие экономики. Объем производства сельского и лесного хозяйства за 1878–1898 гг. вырос в 3,6 раза. Только за первое десятилетие после реставрации возникло больше промышленных предприятий, чем за два предшествовавших столетия. В машиностроении, в частности, за 1868–

1885 гг. было создано 92 предприятия, до 1902 г. — еще 286. Протяженность железных дорог за 1882–1890 гг. выросла почти в 10 раз, длина телеграфных линий — более чем в два раза.

С первых лет Мэйдзи быстрыми темпами начала развиваться внешняя торговля, ее объем за 1868–1881 гг. вырос с 26 до 62 млн иен. Но ее структура была типичной для страны, только лишь приступившей к модернизации экономики. Основу импорта, который постоянно превышал экспорт, составляла промышленная продукция, прежде всего дешевый текстиль и инвестиционные товары (станки и оборудование, суда, железнодорожное оборудование, металлоизделия), а также некоторые виды вооружений. Главным торговым партнером была Великобритания (на ее долю приходилась почти половина японского импорта). Основу экспорта составляли сырьевые товары, прежде всего шелк-сырец (за 1867–1877 гг. стоимость экспорта шелка-сырца выросла почти в 6 раз) и чай.

Проведение политики модернизации экономики требовало огромных затрат, и с самого начала правительство столкнулось с проблемой острой нехватки финансовых ресурсов. Старая финансовая система, обслуживавшая главным образом связи между торгово-ростовщическими домами и даймё, оказалась разрушенной. Для покрытия все возрастающих расходов правительство прибегало к размещению займов, в том числе за границей, и выпуску бумажных денег, что приводило к их обесценению, росту цен и инфляции. Правительство принимало немало усилий, чтобы преодолеть инфляцию, но сумело это сделать, лишь изменив финансовую политику в начале 1880-х годов. Была создана банковская система во главе с Центральным банком (по европейскому образцу). Он был наделен правом эмиссии бумажных денег под обеспечение золотыми и серебряными резервами государства. Одновременно в целях увеличения доходов бюджета были повышены ставки прямых и косвенных налогов и прекращено субсидирование частных предприятий. Финансовая система укрепилась. С 1886 г. правительство стало ежегодно составлять государственный бюджет, придерживаясь принципа сбалансированности доходов и расходов.

Стабилизацию денежного обращения и укрепление системы государственных финансов, безусловно, можно считать большим успехом финансовой политики правительства. Однако социально-экономические последствия этих мер оказались весьма противоречивыми. В частности снизились цены прежде всего на сельскохозяйственную продукцию, большая часть крестьянских хозяйств оказалась на грани разорения. Иными словами, в 1880-е годы значительно ускорилась концентрация

собственности в руках помещиков, сельской и городской буржуазии, с одной стороны, и пролетаризации прежде независимых мелких собственников — с другой. В результате были подготовлены благоприятные условия для промышленного подъема второй половины 80-х годов XIX в.

К началу 1890-х годов начал складываться двойственный характер японской промышленности: сосуществование передовых в техническом отношении заводов и фабрик с мелкими и мельчайшими предприятиями с примитивной техникой и старыми методами производства. В целом накануне японо-китайской войны Япония оставалась в основном крестьянской страной (свыше 70 % населения были заняты в сельском хозяйстве), а модернизация ее экономики только начиналась.

Полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения в целом. В конце 1868 г. была создана комиссия по подготовке реформы образования. За образец брались две системы — французская, которую поддерживал мыслитель и просветитель Фукудзава Юкити (глава комиссии), и американская, которую детально исследовал виднейший деятель мэйдзийского просвещения Мори Аринори.

Фукудзава Юкити (12.12.1834-03.02.1901) — мыслитель, идеолог японских либералов последней трети XIX в., просветитель. Родился в семье обедневшего самурая в г. Накацу на о-ве Кюсю. Изучал европейские науки в Нагасаки и Осаке. В 1858 г. переехал в Эдо и открыл школу «западных наук», преобразованную в 1890 г. в университет Кэйо. Поддерживал «движение за свободу и народные права». Придерживался умеренно конституционных взглядов, оказал большое влияние на общественную мысль своего времени, был одним из идеологов буржуазных преобразований в стране, к концу жизни стал ярким приверженцем монархии.

Только в Киото на следующий год было открыто 60 начальных школ, в 1870 г. началось строительство новых школьных зданий, было создано ведомство просвещения и принят либеральный закон об образовании. Представители всех страт, мужчины и женщины имели равные возможности для получения образования. Новая система включала начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты. Ведомство просвещения осуществляло строгий контроль, вводя стандарты

на все, что касалось учебного процесса и его организации. По форме это была французская централизованная система, но финансовая поддержка со стороны государства была минимальной. Платили, главным образом, учащиеся. В 1880 г. основное бремя по финансированию школьного образования (до 90 %) было возложено на местные органы власти. С 1886 г. было установлено обязательное 4-летнее образование. Мальчики и девочки в начальной школе обучались совместно. Наряду с государственными создавались и частные школы.

На первых порах школьные программы копировали учебные программы европейских стран, по их образцу производилось устройство классов и их оборудование. Число иностранных преподавателей и советников по вопросам образования достигало 5 тыс. человек. Технические школы были полностью укомплектованы английскими преподавателями. Однако реформа образования была нацелена не только на получение практических знаний, но и на укоренение среди населения новой идеологии. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (*кансай вакон*) пришла формула «японский дух — западная техника» (*вакон ёсай*). Под «японским духом» понималась традиционная культура. Это понятие отражало мировоззренческий аспект, связанный с духовными ценностями японцев. «Западная техника» олицетворяла универсальную европейскую цивилизацию.

Успехи Японии в области образования были столь велики, что на Парижской выставке 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. В конце XIX в. начальное образование получали до 90 % мальчиков и 80 % девочек, с 1900 г. оно стало бесплатным. На рубеже веков по обучению детей в начальной школе Япония сравнялась с Англией.

Вместе с тем с начала 1880-х годов в японской системе образования стали усиливаться националистические тенденции. В 1879 г. был издан императорский указ «Великие принципы образования», который нанес удар по либеральной системе просвещения. В соответствии с ним в 1881 г. были разработаны правила обучения в начальной школе, в которых преподавание морали стояло на первом месте, а от учителей требовалась прежде всего лояльность. Националистическая направленность образования окончательно оформилась в указе об образовании 1890 г. По существу это был моральный кодекс поведения, призывавший к беззаветному служению интересам Японии и строгому повиновению законам.

В первые два десятилетия после реставрации люди были опьянены западным образом мысли, европейской техникой и обычаями. Появился

даже девиз — «уйти с Востока, присоединиться к Западу». Однако даже во время безудержного увлечения Западом отношение к его духовным ценностям оставалось в Японии неоднозначным. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, отвергая западные либеральные принципы общественного устройства. В целом новое поколение японцев, вступившее на путь модернизации, не боялось потерять свою самобытность. Этот быстрый процесс не вызывал резкого чувства отторжения, поскольку его плоды часто преподносились «в японской упаковке». Тем не менее с 1880-х годов в Японии начался рост национализма, стал нарастать внутренний протест против вестернизации, прежде всего в духовной сфере. Все громче звучали голоса тех, кто выступал за возрождение традиций, в защиту национальных культурных ценностей.

Модернизация осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования. Усвоение чужеземного опыта определялось, прежде всего, политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. В конечном счете принималось то, что отвечало потребностям общества и не отрицало японскую традицию. Это помогло Японии успешно ответить на вызов Запада. Японцы, исторически находившиеся на периферии китайской цивилизации и на протяжении веков осуществлявшие культурные заимствования извне, сумели быстро переориентироваться на новый источник, сохранив при этом ядро своей национальной культуры.

Мэйдзийские реформы, положившие начало быстрым изменениям в обществе, привели к появлению новых очагов социальной напряженности и, соответственно, реакции в виде социального протеста различных слоев населения. Самураи были недовольны потерей привилегий, буржуазия и городские слои считали, что реформы не очень результативны. Значительное число выступлений крестьян было связано с проведением аграрной реформы, не оправдавшей их надежд. Оказавшись в условиях рыночной экономики, многие из них не смогли к ней адаптироваться и были вынуждены продавать или отдавать землю за долги. Правительство ничего не предприняло для облегчения их положения.

Самураи сыграли значительную роль на начальном этапе мэйдзийских преобразований. Как уже упоминалось, чиновничество состояло исключительно из самураев, из их состава вербовались полиция и армия. Именно им в большой степени обязано своим становлением японское предпринимательство. В то же время лишь меньшая часть их сумела найти себе достойное место в жизни в новых условиях, что способствовало

самурайским выступлениям, которые зачастую смыкались с крестьянскими.

Правительство считало, что лучшим выходом из создавшегося положения была бы военная экспедиция на континент. Она бы отвлекла основную массу самураев от внутриполитических проблем и укрепила престиж военных. Большинство членов правительства выступали за военный поход в Корею, но они разошлись во мнениях относительно сроков его проведения. Одни считали, что надо сначала разрешить внутриполитические проблемы, другие, что надо действовать немедленно.

Либеральное движение, которое вошло в историю страны под названием «движение за свободу и народные права» (дзию минкэн ундо), подвергало критике действия правительства. Главным требованием было учреждение представительной власти и расширение политических прав всех слоев населения. Это движение отражало недовольство различных групп населения — от высшего дворянства до крестьян, но ее главной силой были бывшие самураи высших рангов. Участвовали в движении также зажиточные крестьяне и помещики.

Проводниками зарождавшегося в Японии либерализма были по большей части представители сидзоку, поэтому либеральные идеи оказались тесно переплетены с традиционным мировоззрением. В них была довольно ярко выражена националистическая составляющая, особенно в вопросах внешней политики. Первая политическая организация — «Общество патриотов» (Айкокус), созданное под руководством Итагаки Тайсукэ в 1875 г. (в 1880 г. преобразована в Ассоциацию за создание парламента), стало оплотом «движения за свободу и народные права». Это движение действовало, главным образом, с помощью петиций за создание парламента. Правительство принимало все меры для ограничения активности его участников. В ответ на это резолюция второго съезда Ассоциации за создание парламента (ноябрь 1880 г.) отразила произошедшие изменения, а именно определенный отход от петиционной формы и смещение в сторону радикализма. Учтя такую тенденцию, правительственные круги поддержали идею создания конституционного правительства, но предложили действовать медленно и осторожно. 12 ноября 1881 г. все же был опубликован императорский указ об учреждении парламента в 1890 г. Миновав свой пик в середине 1880-х годов, «движение за свободу и народные права» пошло на спад.

Одновременно в стране происходили и первые выступления рабочих. Условия труда на доминировавших в промышленности мелких и мельчайших предприятиях полукустарного ремесленного типа были

чрезвычайно тяжелы, трудовое законодательство отсутствовало, рабочий день длился по 14–16 часов, не существовало никаких правил техники безопасности, царил произвол многочисленных надсмотрщиков, заработная плата была мизерной. Появившийся в 1882 г. закон мало что изменил в этой ситуации: рабочие получили один день отдыха в месяц, нерабочими стали новогодние 7 дней и день основания предприятия. Между работодателями и наемными рабочими сложились патерналистские отношения. Создание рабочих организаций было запрещено сразу же после реставрации, и в первые 20 лет развития капитализма протесты рабочих против невыносимых условий труда имели стихийный характер.

В октябре 1881 г. лидеры «движения за свободу и народные права» создали первую в Японии политическую партию — Конституционную либеральную партию (Риккэн дзюто). Ее возглавил Итагаки Тайсукэ. Партия опиралась на либерально настроенных землевладельцев, сельскую буржуазию, интеллигенцию и небольшую часть крупных предпринимателей. В финансовом отношении ее поддерживала фирма «Мицуи», занимавшая монопольное положение в текстильной промышленности, а потому связанная и с землевладельцами (получение сырья), и с буржуазией (его переработка). В марте 1882 г. во главе с Окума Сигэнобу была организована Конституционная партия реформ и прогресса (Риккэн кайсинто). Она отражала интересы крупного предпринимательства, средней городской буржуазии и части умеренных интеллектуалов. По сравнению с Дзюто, Кайсинто была более умеренной и консервативной.

Общим для обеих партий был их немногочисленный состав и неприятие политики властей, хотя их лидеры были видными членами правительства на протяжении ряда лет. В идеологическом плане принципиальных различий между ними не было. Тем не менее партии находились в конфронтации друг с другом. Их противостояние основывалось на отстаивании разных региональных и экономических интересов, а также на различиях в характерах их лидеров. Положение в самих партиях осложнялось фракционностью, в основе которой лежала система социальных связей, свойственных японскому обществу: строгое подчинение по вертикали в семье, в общине, а теперь и в партии. Каждый член партии занимал строго отведенное ему место и действовал в соответствии с групповыми ожиданиями. Такое положение сохранилось до настоящего времени.

Ито Хиробуми [02.09.1841 (деревня Тока, провинция Суо, ныне преф. Ямагути) — 26.10.1909 (Харбин)] —

государственный и политический деятель эпохи Мэйдзи. Выходец из крестьянской семьи. Его отец был усыновлен самураем низкого ранга княжества Тёсю (ныне преф. Ямагути) Ито. Учился в Эдо и Великобритании. Принимал участие в борьбе за свержение сёгуната Токугава, свершении реставрации Мэйдзи и становлении современного государства. В 1870 г. отправился в США. По возвращении в 1871 г. с дипломатической миссией Ивакура Томоми отбыл в Европу и США. В 1876 г. содействовал заключению первого неравноправного для Кореи японо-корейского договора. Гибкий, но достаточно откровенный и бескорыстный политик, Ито пользовался полным доверием императора. Был главным разработчиком первой конституции Японии 1889 г. В 1885–1888, 1892–1896, 1898 и 1900–1901 гг. занимал пост премьер-министра. Был фактическим создателем в 1882 г. партии власти Тэйсэйто. В 1900 г. в ходе межпартийной борьбы сформировал партию Риккэн сэйюкай. В 1888 г. стал членом Тайного совета, в 1892 г. — Совета старейшин. В 1905 г. возглавил миссию в Сеул для оформления японского протектората над Кореей. В 1906–1909 гг. — генеральный резидент Кореи. Убит корейским националистом Ан-Чунгыном на вокзале в г. Харбин в октябре 1909 г.

Почти одновременно с возникновением Кайсинто власти создали «карманную» проправительственную партию — Конституционную императорскую партию (Тэйсэйто), призванную противодействовать росту популярности независимых политических организаций. В нее вошли главным образом чиновники, а ее фактическими руководителями были Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и другие члены правительства. Одновременно предпринимались попытки создать в той или иной форме организации социалистической направленности, но они были малочисленны, а их существование — кратковременным.

Обе оппозиционные партии, особенно Дзюто, вели активную работу по вербовке сторонников на местах. Рост влияния партий в провинции вызвал обеспокоенность правительства, и в июне 1882 г. оно приняло закон, давший право губернаторам ограничивать партийную деятельность на вверенной им территории. Участие членов Дзюто в радикальных действиях «движения за свободу и народные права», активно поддержавшего крестьянские выступления, испугало руководство партии, и оно объявило о ее роспуске в октябре 1884 г. В декабре того же года

фактически прекратила свое существование и Кайсинто. Члены обеих партий в 1887 г. вошли в Ассоциацию всеобщего согласия, созданную Гото Сёдзиро.

В середине 1880-х годов правительство предприняло ряд мер по укреплению государства, основанного на монархическом строе и власти олигархии. Для усиления экономической базы монархии во владение императорской семье была передана огромная земельная собственность и лесные угодья. Одновременно император стал не только крупнейшим землевладельцем, но и крупнейшим держателем акций и облигаций.

Важной мерой по укреплению монархического строя было издание по инициативе Ито Хиробуми указа о введении аристократических титулов (июль 1884). Он считал необходимым создание аристократической прослойки для формирования в будущем палаты пэров как противовеса представительной нижней палате. По немецкому образцу вводилось 5 титулов: принц, маркиз, граф, виконт, барон. Их получили представители кадзоку, высших правительственных чиновников, офицеров армии и флота и выдающихся деятелей. Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо и Иноуэ Каору, например, были присвоены графские титулы.

В конце 1885 г. была проведена очередная реформа государственного аппарата по германскому образцу. Был создан кабинет из 10 министров, первым премьером которого стал Ито Хиробуми, по инициативе и предложениям которого и была проведена реорганизация. Однако властная система продолжала сохранять существенные традиционные черты. В составе кабинета министров по-прежнему соблюдался баланс сил между представителями бывших княжеств Сацума и Тёсю, которые занимали по четыре основные должности. Более того, все премьеры, начиная с первого кабинета (1885 г.) до 1918 г., за исключением двоих (Окума Сигэнобу и Сайондзи Киммоти), также были выходцами из этих княжеств. Была введена система экзаменов на занятие чиновничьих должностей (кроме самых высших рангов). Постепенно был сформирован слой правительственной бюрократии, которая стала важным компонентом государственной структуры. Преобразования политической системы затронули и местные власти. Губернаторы, как и прежде, назначались центральным правительством, но были учреждены выборные префектуральные и городские собрания.

Подготовка к составлению конституции началась буквально сразу же после реставрации. В 1870 г. Ито Хиробуми отправился в США для ознакомления с местным конституционным правом. В результате он пришел к выводу, что в основе нового политического строя должны лежать

национальные обычаи и придерживался идеи полной независимости государственной власти от волеизъявления народа. В 1882 г. миссия во главе с Ито Хиробуми, который императором был назначен главой группы по составлению конституции, отправилась за опытом в европейские страны. Группа в составе трех чиновников работала в обстановке секретности и подчинялась непосредственно императору. Советник кабинета министров немецкий профессор-юрист консультировал членов группы. В мае 1888 г. был создан Тайный совет, объявленный высшим совещательным органом при императоре, которому надлежало обсуждать проект конституции. На всех заседаниях Тайного совета, касавшихся конституции, присутствовал император. Подчас он поддерживал предложения меньшинства, если был уверен, что они более соответствуют японским реалиям. Одновременно с конституцией были разработаны и комментарии к ней, которые были необходимы для подготовки общества к ее восприятию.

Конституция была провозглашена на торжественной церемонии в императорском дворце в День основания империи 11 февраля 1889 г. Император Муцухито передал текст конституции в руки премьер-министра Курода Киётака. В обращении к присутствующим император подчеркнул, что введение конституции не ограничивает прежние прерогативы династии, что династия будет править в соответствии с конституцией и что конституция «дарована и жалована» народу императором.

Конституция 1889 г., написанная простым и четким языком, представляла собой небольшой документ из 76 статей, объединенных в 7 глав. Они посвящены правам и обязанностям императора и подданных, парламенту, кабинету министров и Тайному совету, судебной власти, вопросам финансов и дополнительным установлениям, касавшимся, например, пересмотра конституции. По свидетельству японских юристов, только 3 из 76 статей можно считать оригинальными, 46 заимствованы из немецкой конституции, остальные из основных законов других стран.

Конституция представляла собой лишь скелет конституционного права, поэтому одновременно с ней были приняты другие законы и императорские указы, которые конкретизировали и дополняли отдельные ее статьи — законы об императорском доме, о государственных финансах, о парламенте, о выборах в палату представителей, указ о палате пэров. Закон об императорском доме по значению не уступал самой конституции — парламент не имел права его изменять, это мог сделать только сам император по рекомендации Тайного совета и совета императорской семьи.

В соответствии с конституцией были введены представительные

органы власти, но избирательное право распространялось на очень ограниченное число лиц, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором, который был объявлен «священным и неприкосновенным» (т. е. законодательно было закреплено его «божественное» происхождение). Императору были предоставлены неограниченные права главы государства — объявлять войну, заключать мир, договоры, назначать высших должностных лиц, созывать и распускать парламент; император был главнокомандующим армией и флотом; престол наследовался по мужской линии, допускалось регентство. Одновременно несколько статей предусматривали ряд ограничений власти императора (например, ст. 5 гласила, что он осуществляет законодательную власть в согласии с императорским парламентом), но ограниченная де-юре власть японского императора оставалась неограниченной де-факто. Высшими консультативными органами при императоре стали Тайный совет и группа пожизненных советников (гэнро) — не конституционный орган, но чрезвычайно влиятельная структура в системе государственной власти. Она получила право влиять на решения важнейших вопросов внутренней и внешней политики — назначение премьер-министров, объявление войны и заключение мира, подписание международных договоров. Все ее члены (за все время их было 12 человек), за исключением Сайондзи Киммоти, принадлежащего к одному из древнейших родов, близких к императорскому дому, были выходцами из самурайских семей княжеств Сацума и Тёсю. Институт гэнро прекратил свое существование в 1940 г. со смертью последнего из советников (Сайондзи).

Согласно конституции, в стране учреждался двухпалатный императорский парламент, являвшийся абсолютно новым органом в системе японской государственности. Он состоял из палаты пэров и палаты представителей. В состав палаты пэров входили члены императорской фамилии, принцы и маркизы (пожизненно и по праву наследования), графы, виконты и бароны (избирались на 7 лет), лица, назначаемые императором за особые заслуги (пожизненно) и крупные налогоплательщики (избирались в префектурах на 7 лет). Палата представителей избиралась на основе закона о выборах. Избирательное право предоставлялось мужчинам старше 25 лет, платившим свыше 15 иен прямого налога и проживавшим в своем избирательном округе не менее полутора лет. Кандидат в депутаты должен был быть не моложе 30 лет и внести высокий денежный залог. Депутатский мандат действовал 4 года. Все решения в обеих палатах принимались большинством голосов. Верхняя палата обладала правом вето на решения нижней.

Первые годы после появления парламента ознаменовались серьезными столкновениями между правящими кругами и оппозицией. Основная борьба велась вокруг утверждения бюджета и внешней политики. Кроме того, оппозиция требовала, чтобы кабинет формировался из представителей политических партий. Парламент неоднократно распускался, но новые выборы вновь выигрывала оппозиция, что свидетельствовало о стойком недовольстве избирателей. Назревал политический кризис, но внешнеполитические проблемы сплотили общество.

Сразу же после реставрации Япония оказалась перед лицом целого ряда сложных международных проблем. При этом японская внешняя политика, используя сочетание дипломатических и военных методов, была ориентирована на оказание давления на соседей.

Для осуществления континентальной политики Японии к 1870-м годам сложилась достаточно благоприятная международная обстановка. Позиции Китая и его связи с окраинными и островными территориями были ослаблены. Обострились отношения между Великобританией и Россией — основными соперниками Японии на Дальнем Востоке, чем она не преминула воспользоваться. Во внешней политике страны обозначились два основных направления: курс на ликвидацию неравноправных договоров, заключенных с западными державами, и участие наравне с ними в ограблении Китая. Для решения второй задачи Япония нацелилась, прежде всего, на внешние владения Китая, на которые не особенно претендовали другие государства.

Первым шагом на пути реализации этих планов было заключение в конце 1871 г. японо-китайского договора о мире, торговле и навигации. Пренебрегая его положениями о взаимном уважении территориальной целостности, мэйдзийское правительство приступило к реализации своих планов относительно Кореи, о-вов Рюкю (Окинава) и Формозы (Тайваня), которые находились в вассальной зависимости от Китая. В 1872 г. Япония аннексировала о-ва Рюкю. Для придания законности этой акции необходимо было официальное согласие Китая. Ради этого Япония в начале 1874 г. пошла на провокацию, предприняв военную экспедицию на Формозу. Предлогом послужил инцидент с убийством здесь японских рыбаков с Рюкю. В связи с протестами со стороны Китая, США и Великобритании военные действия были прекращены. В конце того же года был подписан договор, по которому китайское правительство признало военную экспедицию Японии на Формозу правомерной и обещало выплатить компенсацию пострадавшим японским семьям, возместить

затраты на строительство дорог и зданий на острове. Эта компенсация составляла лишь малую часть понесенных Японией затрат на военную экспедицию, но зато Япония добилась официального присоединения о-вов Рюкю, которые в 1879 г. получили статус префектуры.

Подготовка к захвату Кореи заняла не один год прежде всего из-за серьезных разногласий в политическом руководстве страны. В 1876 г. Япония сумела силой навязать Корее неравноправный договор, аналогичный Ансэйским договорам. Он четко обозначил колониционный характер политики Японии в отношении Кореи. Договор открывал двери для японской торговли на корейском рынке и способствовал вытеснению оттуда китайских и корейских купцов. В условиях продолжавшейся ожесточенной борьбы за власть в Корее Япония все бесцеремоннее вмешивалась во внутривнутриполитические дела этой страны. Однако на пути к ее захвату следовало, прежде всего, урегулировать отношения с Китаем.

В июле 1882 г. в Корее произошли антияпонские выступления, которые вызвали бурную реакцию в политических кругах Японии, требовавших немедленных военных действий. В Корею для выяснения ситуации была направлена миссия в сопровождении военных кораблей. В конце августа 1882 г. в Чемульпо был подписан японо-корейский договор, согласно которому Япония получила контрибуцию в размере 500 тыс. иен, право держать свои войска в Сеуле для охраны миссии, а также другие привилегии.

Конфликт, казалось бы, разрешенный в пользу Японии, привел к обратному результату: усилению в Корее антияпонских настроений и расширению ее связей с Китаем. Китайские товары постепенно начали вытеснять японские с корейского рынка. В то же время западные страны по примеру Японии заключили торговые соглашения с Кореей. При этом США, как и Япония, заявили о непризнании Кореи вассалом Китая. Но решить корейский вопрос, не договорившись с Китаем, Япония не могла. Поэтому в начале 1885 г. туда была направлена миссия во главе с Ито Хиробуми. В результате переговоров в Тяньцзине была подписана «Конвенция Ли-Ито». В соответствии с ней обе стороны обязались отозвать свои войска с территории Кореи и в будущем посылать их туда только в случае возникновения беспорядков и после предварительного уведомления об этом друг друга. Конвенция не провозглашала независимости Кореи, но японцы добились там тех же привилегий, что имел Китай.

Претендовали японцы и на признание своих прав на Сахалин, который, как известно, по Симодскому трактату не был разделен. Японцы начали усиленно осваивать южную часть острова. То же стала делать и

Россия. В результате на острове постоянно возникали конфликты между японцами, русскими и айну. В 1867 г. было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином. Чтобы упредить действия русских, японское правительство уже с середины 1868 г. приказало поставить столбы с надписями о принадлежности Японии наиболее удобных участков для занятия сельским хозяйством и рыбной ловлей. Японцы захватывали некоторые угольные разработки, открытые русскими специалистами, в чем их активно поддерживали западные державы. Для решения сахалинской проблемы США уже в 1869 г. рекомендовали новому мэйдзийскому правительству купить у России южную часть острова, как они это сделали с Аляской двумя годами ранее.

Учитывая такое положение, царское правительство приняло решение возобновить переговоры с Японией по поводу установления прав России на весь Сахалин. Основные переговоры начались в середине 1874 г. в Петербурге. Россия стремилась ускорить решение этого вопроса из-за назревавшего конфликта на Балканах, и поэтому готова была пойти на серьезные уступки. 7 мая 1875 г. был подписан «Трактат между Россией и Японией», по которому Россия уступила Японии Курильские острова в обмен на отказ Японии от Южного Сахалина. Кроме того, Япония получила в портах Охотского моря и Камчатки те же права для судоходства, торговли и рыбной ловли, что и страны, обладавшие статусом наиболее благоприятствуемой нации, а японские суда, заходящие в порт Корсаков, освобождались от портовых сборов и таможенных пошлин сроком на 10 лет. В обеих странах это соглашение получило неоднозначные отклики, оно не стало окончательным актом территориального размежевания и не смогло предотвратить дальнейшие конфликты. Но для Японии оно имело историческое значение, ибо это было первое подписанное ею равноправное международное соглашение, что являлось ее несомненным дипломатическим успехом.

Однако самой главной задачей японской внешней политики на протяжении всех этих лет оставалась отмена неравноправных договоров. Япония шаг за шагом добивалась уступок. В мае 1886 г. открылась международная конференция по вопросам пересмотра договоров. 22 апреля 1887 г. был принят проект договора, согласно которому правительство обязывалось создать необходимый юридический механизм и принять соответствующие европейским стандартам законы, а гражданско-правовые и уголовные процессы в отношении иностранцев должны были проводиться в японских судах при большинстве участвующих иностранных судей. В Японии поднялось движение протеста против такого рода проекта.

Эти условия расценивались как наносящие ущерб национальному суверенитету, и переговоры были прерваны.

Окума Сигэнобу, ставший на посту главы МИД, решил вести переговоры на двусторонней основе. Результатом стало подписание в 1888 г. первого равноправного торгового договора с Мексикой. В 1889 г. аналогичные соглашения были заключены с Германией, Россией и США. Однако в них сохранялось положение о смешанных судах, которое особенно болезненно воспринималось японцами. С Великобританией такой договор был подписан только в 1894 г., но ликвидация экстерриториальности была отложена до 1899 г. Полное восстановление японского таможенного суверенитета было достигнуто только в 1911 г.

Подписание Англией равноправного договора с Японией, всего за две недели до начала японо-китайской войны, можно расценивать как карт-бланш на японскую агрессию. Причиной начала войны были продолжавшиеся столкновения японских и китайских интересов в Корее, а поводом — требование Японии официального объявления Кореей об аннулировании вассальной зависимости от Китая. В ответ Китай увеличил там численность своих войск. 19 июля 1894 г. японское правительство приняло решение начать военные действия без объявления войны. 23 июля 1894 г. японский батальон ворвался в королевский дворец и сверг корейское правительство. Через два дня сопротивление в городе и его окрестностях было сломлено. 25 июля японцы атаковали китайские корабли у о-ва Пхундо, а 29 июля в районе Сонхвана состоялось первое сражение на суше. В обоих случаях китайцы потерпели поражение. 1 августа Япония объявила войну Китаю. 16 августа правительство Кореи по требованию Японии было вынуждено расторгнуть все договоры с Китаем. И на море и на суше Китай терпел одно поражение за другим, даже когда у него был численный перевес. Японские войска заняли Далянь (Дальний), а затем и Люйшуньюкоу (Порт-Артур). Последним крупным актом японо-китайской войны стали бои за крепость Вэйхайвэй, где укрылся китайский флот. Но 12 февраля и она капитулировала.

Тяжелые поражения заставили Китай начать поиски мира. 17 апреля 1895 г. в Симоносеки Ито Хиробуми и Ли Хунчжан подписали японо-китайский мирный договор. Китай признал полную независимость Кореи, уступил Японии южную часть Маньчжурии (в том числе Ляодунский полуостров), о-в Тайвань и архипелаг Пэнхуледао (Пескадорские острова), обязался заключить торговый договор с Японией по образцу имеющихся договоров Китая с европейскими странами и США. Кроме того, речь шла об освобождении японских подданных на территории Китая от налогов и

пошлин, разрешении им заниматься в Китае промышленной деятельностью и других привилегиях, а также о выплате контрибуции.

Однако уже 23 апреля, опасаясь серьезного усиления японских позиций в Китае, три великие державы — Россия, Германия и Франция «посоветовали» Японии отказаться от Ляодунского полуострова. И этот «совет» был принят, поскольку его подкрепила концентрация значительных военно-морских сил этих стран в прибрежных водах Китая. 8 мая в Чифу был произведен обмен ратификационными грамотами между Японией и Китаем, и 10 мая японское правительство заявило о возвращении Ляодунского полуострова, правда, взамен был несколько увеличен размер наложенной на Китай контрибуции, всего Япония получила 364 млн иен. Эти денежные средства явились источником финансирования десятилетней (1896–1905 гг.) программы послевоенного хозяйственного развития (известной в западной литературе под названием «Post Bellum»). Она была направлена на создание и расширение ряда отраслей тяжелой промышленности, прежде всего связанных с производством вооружений и развитием вооруженных сил. В целом получение контрибуции значительно ускорило развитие всей экономики страны.

Таким образом, многие цели, поставленные мэйдзийским правительством, к концу века были выполнены. Ускоренная модернизация всей социально-экономической структуры позволила Японии по многим параметрам догнать страны Запада. Экономический и технологический рывок, совершенный Японией за последние тридцать лет XIX в., доказывал успех выбранной модели модернизации, но еще не позволял ей претендовать на статус мировой державы. В финансовом отношении страна оставалась должником, тяжелая промышленность была развита слабо, внешняя торговля имела пассивный баланс, уровень жизни значительной части населения был весьма низок. Поэтому попытаться встать рядом с Великобританией, Францией или Германией, служившими образцом для мэйдзийской Японии, можно было только за счет проведения экспансионистской внешней и колониальной политики, какую к тому времени активно вели все эти страны. Можно сказать, что к концу века Япония уже была готова к тому, чтобы войти в «клуб великих держав».

Многие цели, поставленные мэйдзийским правительством, к концу века были выполнены, была проведена ускоренная модернизация всех сфер жизнедеятельности общества и по ряду параметров Япония начала активно догонять Запад. Она успешно развивала экономику, практически ликвидировала неравноправные внешнеполитические договоры и продемонстрировала военные достижения. Можно сказать, что основы

процветания Японии в современном мире были заложены именно в этот период.

Германия: воплощение национальной мечты

В начале XIX в. Германия продолжала оставаться разрозненным конгломератом государств, распад Священной Римской империи в 1806 г. лишь оформил юридически реальное положение вещей. В 1815 г. на Венском конгрессе был создан Германский союз, объединивший 37 (позднее 34) самостоятельных монархий и 4 вольных города. Членами союза оказались монархи Англии, Дании и Нидерландов как государи некоторых германских государств, в то же время часть австрийских владений с преимущественно негерманским населением в союз не вошла. Союз был конфедерацией самостоятельных государств, не имеющих прочных внутренних связей, что не позволило ему реализовать объединительную тенденцию. Население Германского союза насчитывало чуть менее 30,5 млн человек, самой развитой в экономическом отношении была Пруссия, которая в наиболее полной мере воспользовалась плодами индустриализации, толчком к которой послужили прусские реформы 1807–1822 гг. Созданный Пруссией в 1834 г. Таможенный союз (420,3 тыс. кв. км, 23,4 млн человек), снятие таможенных границ, строительство многочисленных судоходных каналов, формирование Рурского и Верхнесилезского промышленных районов, строительство (с середины 1830-х годов) железных дорог стали экономической основой для дальнейшего объединения страны.

Всю историю Германии в XIX в. можно рассматривать как историю развития национальной идеи от ее зарождения в конце XVIII — начале XIX в. и до реализации национальных целей — создания единого германского государства в 1871 г. Причем следует помнить, что на этом процесс становления нации не закончился, а вступил в новый этап — создание властями единой нации в рамках уже существующей Германской империи.

Истории формирования нации в Германии посвящена огромная литература, исследователей эта проблема стала занимать уже во второй половине XIX в., и интерес к ней не утрачен вплоть до сегодняшнего дня. Сложность вопроса обусловлена самой историей страны. Существование с 962 г. и до начала XIX в. Священной Римской империи как конгломерата государств создало на германских землях уникальную ситуацию, которая

наложила свой отпечаток на все их дальнейшее развитие. Дело в том, что в конечном счете победившая идея общегерманского единства должна была пробивать себе путь в условиях существования десятков суверенных государств, немецкоговорящее население которых выступало по отношению к внешнему окружению как самостоятельные общности. В связи с этим следует сказать, что мы будем иметь в виду, говоря о «нации».

Современный немецкий исследователь О. Данн в своей работе «Нации и национализм в Германии 1770–1990» отмечает, что понятие нации прочно вошло в политический лексикон со времен Французской революции в качестве определения социальной основы государственности, носителя политического суверенитета. Одним из наиболее распространенных и общепризнанных определений нации применительно к Западной Европе на сегодняшний день является следующее: «нации — это сообщества, которые объединяют общие исторические корни и общие политические интересы. Они воспринимают себя как солидарную общность, так как она основывается на правовом равенстве своих членов. Нации всегда привязаны к конкретной территории. Важной их особенностью является то, что на своей территории они сами несут ответственность за регулирование взаимоотношений, т. е. устанавливают свое политическое самоуправление (суверенитет), иначе говоря, образуют собственное государство. Единство наций основано на консенсусе относительно политического устройства и культуры».

Данное определение нации совершенно ясно указывает на то, что ее наличие вовсе не является изначальной данностью, а может сформироваться (или не сформироваться) только на определенной ступени исторического развития, так как для того, чтобы считать ту или иную социальную общность нацией, необходимо присутствие у нее целого ряда основополагающих признаков, главными из которых, с нашей точки зрения, являются наличие национального самосознания и государства, которое она считает своим. Важно учитывать и то обстоятельство, что сознание национальной идентичности не может синхронно сформироваться у всех слоев общества. Лидирующую роль всегда берет на себя та или иная группа (класс, сословие), обеспечивая не только руководство национальным движением, но и теоретическое обоснование целей движения и своей главенствующей роли в нем. Далеко не всегда такой лидирующей силой становится актуальная политическая элита, это могут быть и слои, добившиеся ведущего положения в экономике и стремящиеся к политической эмансипации (буржуазия и средний класс в XIX в.), или широкие народные массы, пришедшие в политику в

благоприятных условиях, например на гребне Освободительной войны начала XIX в.

Процесс образования нации в Германии берет свое начало в истории Священной Римской империи, которая с XV в. получила официальное название Священной Римской империи *германской нации*. Представляется, что в данном контексте под германской (имперской) нацией понимается нация князей, т. е. политическая элита империи, объединенная под эгидой императора (избрание которого, а соответственно и вся деятельность в значительной степени зависели от тех же князей) и связанная сформировавшимся единым самосознанием. Князья, заинтересованные в сохранении существующей внутренней структуры империи, выступали гарантами ее консервации, не давая возможности для ее трансформации в единое унитарное государство. Именно в этот период сложилась дуалистическая система, в определенной степени характерная даже для современной Германии, — формирование земельного и одновременно общегерманского (имперского) самосознания, а затем и патриотизма. В разные периоды германской истории на первый план выходил то один, то другой фактор (наличие общего внешнего или внутриимперского врага, расцвет или упадок культуры, формирование немецкого языка и т. д.), при этом, с нашей точки зрения, внутриземельные связи были всегда сильнее, чем «общегерманские». Показательно в этом отношении постепенное «выделение», обособление австрийских земель из состава империи, несмотря на то что с середины XV в. Габсбурги почти без перерывов занимали имперский престол.

Ситуация в других германских княжествах была еще более острой, не последнюю роль в укреплении центробежных тенденций сыграла Реформация и последующий церковный раскол. Часть подданных империи воспринимала папскую власть как силу, враждебную Германии, что было абсолютно неприемлемо для другой ее части. Всерьез говорить о формировании нации в современном понимании этого слова при наличии такого количества факторов, разделяющих жителей страны (отсутствие единого государства и полной свободы передвижения, внутренние границы, а кроме этого еще и разница (и даже враждебность) конфессий, календарей и т. д.), не приходится. Надо отметить, что уже сложившейся к XVI в. «нации князей» Реформация Лютера нанесла серьезный удар, лишив их одного из основных объединяющих факторов — религиозного.

Что же собственно оставалось в качестве интегрирующего фактора, который мог поддерживать и укреплять чувство «надземельной», «германской» идентичности. В роли такого фактора выступили прежде

всего язык и связанная с ним культура (здесь как раз очень большую роль сыграл Лютер, переведя на немецкий язык Библию и создав тем самым литературный образец на основе верхненемецкого диалекта, а существующее к этому времени книгопечатание позволило достаточно быстрыми темпами распространять любое знание, в том числе и литературное). В период острого кризиса и окончательного распада империи (1789–1806) начинает утверждаться отличное от французского/западноевропейского понимание нации. Многие мыслители, в том числе Ф. Шиллер, И.Г. Фихте, стали определять немецкую нацию через понятие общей культуры, прежде всего литературного языка, а не общность истории и государства. Понятие «Kultumation», которое не совсем точно переводится на русский язык как «культурная нация», утвердилось только на рубеже XIX–XX вв., в частности в работах Ф. Мейнеке, который говорил о «немецкой культурной нации», противопоставляя ее «государственным нациям» (например, французской или английской). Этот подход был обусловлен стремлением обосновать нераздельную общность немецкого народа, вернее людей, пользующихся одним литературным языком. При этом почти всегда идея языковой общности дополнялась пропагандой этнического или расового единства^[20], что в дальнейшем стало одним из идеологических обоснований великогерманских политических притязаний^[21].

В XVIII в. под влиянием Просвещения в Германии сформировалась особая группа интеллектуалов, в которую входили в том числе Гёте, Шеллинг, Кант, Фихте, Гердер, Шиллер и др. Начало ей положили Ф.Г. Клопшток и Г.Э. Лессинг, затем писатели, входившие в кружок «Буря и натиск». Его программа национального развития строилась на стремлении к достижению национального суверенитета, основанного на культурно-языковом и социально-политическом саморазвитии народа.

Движение немецких интеллектуалов, впервые заявившее о себе в конце XVIII в., было в значительной степени «литературным движением», основной отличительной чертой которого стал национальный и даже народный германский пафос. Для представителей этого движения (Штольберга, Клопштока и др.) был характерен новый немецкий (германский) патриотизм, пришедший на смену земельному (локальному) патриотизму, что выразилось в том числе в создании различных германских патриотических и научных обществ (например, Гердер разработал проект создания Института духовного единства Германии). Движение интеллектуалов стало результатом и показателем эмансипации третьего

сословия, неаристократических слоев населения, до сего времени не бравших на себя решение общенациональных задач (в предыдущие периоды патриотизм был исключительно дворянским явлением, связанным с военной обязанностью по защите Отечества этой социальной группой).

Это движение на собственно немецкой почве подготовило следующий этап развития европейской национальной идеи, ставший следствием Великой Французской революции. Ее лозунги и идеи (в определенной степени впервые провозглашенные и примененные на практике на американском континенте в ходе Войны за независимость США) подтолкнули и немцев к тому, чтобы сформулировать новые принципы национального строительства, основанные на постулатах современной демократической наций. Эти принципы в своей основе имели отказ от старого сословного общества, превращение подданных в граждан, провозглашение равенства всех граждан, суверенитет народа как основы государственной жизни и право наций на самоопределение на «населенных ими территориях».

Французская революция, будучи также и национальным движением, способствовала внедрению в представления жителей других государств, в том числе немецких, образец централистского, унитарного государства всех его граждан, которые и стали собственно нацией. Однако вскоре стало очевидно, в том числе и на примере Германии, что такая модель является только одной из возможных.

Конец XVIII в. и первые полтора десятилетия XIX в. стали временем, когда французский фактор (вначале революция, а затем политика Наполеона Бонапарта) определяли всю историю Европы. Огромное влияние на состояние общества во всех германских государствах оказали войны вначале с революционной, а затем с наполеоновской Францией, которые велись с 1792 г. Поражения при Вальми и Жемаппе и установление французской гегемонии на большей части Германии привели к закреплению существовавших региональных различий. После 1795 г. вся Рейнская область была присоединена к Франции и разделена на 4 департамента, на ее территории был введен кодекс Наполеона. Германские князья, потерявшие свои земли, для решения проблемы компенсации обратились к внешней силе и выбрали в качестве арбитра первого консула Французской республики Наполеона. Под его влиянием было составлено «Итоговое заключение имперской комиссии» имперского сейма, согласно которому в 1803–1806 гг. была проведена так называемая медиатизация — уничтожены 112 из 299 мелких германских государств, а из оставшихся были сформированы около 40 государств средней величины. В качестве

компенсации за утерянные прирейнские земли Пруссия получила территории внутри империи, почти в 5 раз превосходившие по площади ее потери. Все эти меры, несмотря на их объективную прогрессивность, свидетельствовали о слабости собственной власти германских государей и фактической утере ими на этом этапе государственного суверенитета. Население западных областей, оказавшееся под прямым французским управлением, восприняло это как прогрессивный шаг. Создание под эгидой Наполеона в июле 1806 г. Рейнского союза стало концом Священной Римской империи *de jure*. Но исчезнув с политической карты, германская империя сразу же превратилась в символ единства немцев и цель политики.

В этот период получают новое развитие сосуществовавшие ранее тенденции «двух уровней» национализма и патриотизма — «земельного» и общегерманского (имперского), притом, казалось бы, распад империи должен был оставить только один — земельный уровень. Но общая антинаполеоновская борьба, объединившая все слои германского общества, и что особенно важно, представителей интеллектуальной элиты, которые на следующем этапе возьмут на себя реализацию национальных целей, отодвинули на второй план представителей старой имперской нации. Несомненный интерес для исследователей проблемы национального развития Германии в XIX в. представляет в этой связи позиция правящих домов и высшего чиновничества, так как их роль в национальном строительстве в начале века была далеко не однозначной.

После 1795 г. Пруссия, занятая польскими делами, 11 лет не участвовала в антифранцузских коалициях. По второму (1793) и третьему (1795) разделам Речи Посполитой к Пруссии отошли Данциг (Гданьск), Торн (Торунь), Позен (Познань), основная часть Подляшья и Мазовии с Варшавой. За эти годы прусскому государству, с одной стороны, удалось значительно расширить свои владения, но с другой — оно утратило прежний престиж и силу позиций в переговорном процессе. Эти соображения, а также усиление французского влияния на всей территории Германии заставили Пруссию вступить в 4-ю антинаполеоновскую коалицию и начать войну против Франции. Молниеносный разгром пруссаков под Йеной и Ауэрштедтом, а затем оккупация Берлина и значительной части Пруссии показали, что армия, созданная Фридрихом Великим, не конкурентоспособна в современной войне. Окончательно судьбу Пруссии решил мир в Тильзите (1807). Прусское королевство сохранилось на политической карте Европы исключительно благодаря настоянию русского императора Александра I, однако в его составе осталась только Восточная Пруссия, Померания, Бранденбург и Силезия

(менее Уг территории). Парижская конвенция 1808 г. определяла, что оккупация Пруссии (157 тыс. иностранных солдат) должна будет сохраняться до тех пор, пока ею не будет уплачена огромная контрибуция (140 млн франков), а численность прусской армии не должна превышать 42 тыс. человек. Тильзитский мир стал вершиной не только карьеры и могущества Наполеона, но и разгрома и унижения Пруссии, а также поворотным пунктом в ее истории.

Поражение армии убедило власти в Берлине в необходимости проведения широкомасштабных реформ, инициатива и определение общего направления которых принадлежали высшему прусскому чиновничеству под руководством в 1807 г. Г. фон Штейна, а затем вплоть до 1822 г. — К.А. Гарденберга. В результате аграрной реформы 1807–1811 гг. была отменена личная зависимость крестьян и установлены порядок и размеры выкупа земли и повинностей. Муниципальная реформа (1808) ввела ограниченное самоуправление в городах, в том же году были созданы 5 министерств современного типа и введена должность обер-президента в каждой провинции. В 1810–1811 гг. произошла ликвидация средневековой цеховой системы и введена свобода предпринимательской деятельности. В 1807–1814 гг. в ходе военной реформы, имевшей особенно ярко выраженную национальную окраску, произошла демократизация армии (отменена привилегия дворянства на занятие офицерских должностей), введена крюмперская система, вскоре переросшая во всеобщую воинскую повинность, и создан ландвер (своего рода народное ополчение). В 1812 г. образование стало всеобщим и государственным, а в ходе финансовой реформы проведена еще одна секуляризация и модернизирована система налогообложения.

В большинстве германских государств в этот период также были проведены реформы, в ходе которых была создана эффективная централизованная система управления и введено государственное регулирование. Уничтожены сословно-корпоративные привилегии, декларированы равенство граждан перед законом, гарантии безопасности и собственности, равное налогообложение и т. д. В рамках реформы судопроизводства разделены функции управления и юстиции, введена независимость суда, несменяемость судей. В ходе церковных реформ была подтверждена веротерпимость, равноправие конфессий, а также введен государственный контроль над церковью, уничтожены монастыри, священники стали государственными служащими с государственным же содержанием. В 1807 г. конституция была введена в Вестфалии, в 1808 г. — в Баварии; основой для участия в работе представительной власти теперь

являлся имущественный, а не сословный ценз.

Прусские реформы стали ответом на поражение, унижительные условия Тильзитского мира и оккупацию. Эти же причины легли в основу нового этапа национального движения, получившего в первую очередь национально-освободительную окраску. Его ядром стали тайные патриотические организации, в том числе «Тугендбунд» и гимнастические общества, целью которых была пропаганда патриотических идей. Важным моментом для развития этого движения была имевшаяся у него активная поддержка в прусском министерстве (Штейн, Гнейзенау, Клаузевиц и др.). Все они из-за гонений, спровоцированных Наполеоном, вынуждены были эмигрировать в Россию, откуда и началось, в рамках Заграничного похода русской армии, освобождение Германии от французского господства. Калишская декларация 1813 г., обещающая возврат Германии свободы и независимости, впервые обращалась не только к князьям, но и к «народам Германии», сделав их субъектом политики. Следует отметить, что развернувшееся в стране партизанское движение часто опережало инициативы властей. Воззвание прусского короля Фридриха Вильгельма III «К моему народу» появилось только через три с лишним месяца после выхода частей генерала Йорка из состава армии Наполеона и начала активных военных действий против него на всей территории Пруссии.

Весной-летом 1813 г. война была, прежде всего, национальным делом немецкого народа, однако с осени, по мере вступления в 6-ю коалицию все новых государств и интернационализации конфликта, инициатива перешла к властям, в первую очередь австрийским, а война все больше становилась традиционной кабинетной войной под руководством К. Меттерниха и А. Веллингтона. Следует отметить, что уже в 1813 г. Меттерних выступал активным противником национального движения, понимая, что его целью является не только освобождение от французского господства, но и политическая эмансипация широких общественных слоев, что в корне противоречило принципам его консервативной политики. Именно выжидательная, а иногда и враждебная позиция прусских и австрийских властей, не готовых возглавить в полной мере национальное движение, не позволила сделать следующий шаг — ввести в Пруссии и Австрии конституции, которые могли бы стать залогом поступательности процесса национального строительства. Именно такое, всячески демонстрируемое желание вернуться к старым сословным порядкам, реставрировать не только сметенные революцией и войной режимы, но и лишить широкие общественные слои их завоеваний, привело к тому, что, когда военные действия переместились на территорию государств Рейнского союза,

выяснилось, что его профранцузски настроенные жители вовсе не рады возвращению в орбиту австро-прусской политики. Общественное мнение в этих государствах посчитало поражение Наполеона откатом назад и возвращением к старым порядкам и заявило о своем нежелании возвращаться к прошлому.

Для патриотов в 1810–1814 гг. лояльность по отношению к собственным государям подчас оказывалась сильнее, чем общегерманское дело борьбы с Наполеоном, а под Отечеством они все-таки в большей степени понимали отдельные княжества и государства, чем достаточно эфемерную единую Германию. Следует заметить, что для национального движения периода антинаполеоновских войн вовсе не был характерен антимонархизм. Главным лозунгом освободительной борьбы был: «За короля и Отечество», причем требования введения конституции были обращены именно к монарху, т. е. эти две тенденции — монархическая и конституционная — благополучно уживались и даже дополняли друг друга. Следует еще раз подчеркнуть, что основным в этот период оставался именно земельный патриотизм, тесно связанный с верностью «своему» монарху. Саксонские части остались верны французскому императору, последовав за своим курфюрстом Фридрихом Августом I. И все же в ходе Освободительной войны национальное самосознание стало признаком уже не только образованной элиты, но и широких крестьянских и городских слоев.

Также вновь актуализировался вопрос о территориальных границах «немецкой нации». В 1813 г. Э.М. Арндт опубликовал текст песни «Was ist das Deutschen Vaterland?» Поэт ответил на этот вопрос вполне в духе теории «Kultumation», а именно — «Повсюду, где звучит немецкая речь». Однако в реальности решение проблемы оказалось не столь прямолинейным и простым.

Подводя некоторые итоги этого периода, стоит еще раз подчеркнуть, что освободительные войны дали мощнейший импульс развитию национального самосознания, расширили круг его носителей — национальное самосознание, до этих пор присущее только элите общества, стало признаком широких социальных слоев. Земельный национализм и патриотизм все еще превалировали над общенемецким, что было обусловлено всем предыдущим развитием этих территорий, но при этом проявились совершенно новые черты, ибо они впервые оказались тесно связанными с эмансипацией общества, требованиями конституционного развития и установления гражданских свобод и гражданского равенства. Появление на исторической арене именно в это время современных наций

оказалось тесно связано с национальной войной и в принципе с военным путем решения политических проблем (что позволяло создавать и образы национальных героев, и отграничивать «своих» от «чужих» и т. д.).

После 1814–1815 гг. политическая жизнь в Германии развивалась по законам, установленным на Венском конгрессе, а державы, бывшие главными силами в послевоенной Европе, вовсе не желали иметь в центре континента новое мощное государство, которое в скором времени сможет претендовать на установление своей гегемонии. Активная вовлеченность Пруссии в систему, созданную монархами-победителями и Меттернихом, на 33 года задала основную направленность ее развития.

Следует особо отметить, что хотя основным направлением дальнейшего развития на континенте, провозглашенным на конгрессе, была «Реставрация», полностью отказаться от новых политических принципов и идей было уже невозможно. XIX век после Венского конгресса стал веком конституционализма и либерализма, а любое оппозиционное движение, по крайней мере в германских государствах, становилось национальным движением.

Конституционные документы, принятые на Венском конгрессе, закрепили с правовой точки зрения монархический принцип как основу германской государственности. Статья 57 Заключительного акта гласила: «Поскольку Германский союз, за исключением свободных городов, состоит из независимых княжеств, то, согласно изложенным здесь основным положениям, вся государственная власть принадлежит главе государства и суверен посредством земельно-сословной конституции может содействовать реализации определенных прав при участии сословий». Эта статья предопределила один из основных постулатов дальнейшего развития прусского конституционализма вплоть до 1918 г. При этом нельзя сказать, что представительные органы не пытались получить в свои руки хоть какую-то часть законодательной инициативы. Чаще всего удавалось добиться права парламента на вотирование налогов и бюджета, так как эти права со времен Средневековья традиционно принадлежали ландтагам (например, § 88, 140 Конституции Ганновера 1833 г.).

Наступившая общеевропейская реакция, которая была закономерным ответом на потрясения, вызванные революцией, нашла свое наиболее полное воплощение в деятельности Священного союза. Созданный на Венском конгрессе Германский союз, просуществовавший вплоть до 1866 г., воспринял все слабые стороны Священной Римской империи. Отсутствие единых институтов, слабость демократических начал, гегемония Габсбургов, неясность общих целей и спорность границ делали

его слабой пародией на ожидаемое большей частью немцев германское объединение. Германский союз был основан на восстановлении старых имперских связей и вполне удовлетворял представителей «старой имперской нации», но никак не отвечал целям новых общественных сил — прежде всего формирующегося среднего класса. Туманная запись в меморандуме В. фон Гумбольдта 1816 г., гласившая, что «никто не мешает Германии так или иначе стать когда-нибудь единым государством и единой нацией», вряд ли могла удовлетворить сторонников объединения. Постоянное давление на их общественное движение не сломило, а лишь укрепило его. Национальные празднества в Вартбурге (1817) и Гамбахе (1832) были вершиной айсберга, а выполнение Карлсбадских постановлений 1819 г. дало властям лишь видимость спокойствия. В этот период в германских государствах продолжает развиваться конституционное движение, благодаря которому к 1824 г. 15 государств запада и юга Германии получили Основные законы. Члены студенческих корпораций и гимнастических обществ постоянно пропагандировали национальную идею, призывая общество объединиться ради ее воплощения. Главным для этого периода, однако, стала не абстрактная национальная идея, а становление и укрепление политических позиций тех социальных слоев и сил, которые могли быть ее активными носителями и реализовывать ее на практике. Такой силой могла стать только мощная буржуазия, появление которой было подготовлено проведенными в начале века реформами, прежде всего аграрной и цеховой. Разрешение свободной предпринимательской деятельности стало одной из основных предпосылок охватившей Германию в первой половине XIX в. промышленной революции, феномена, не имевшего аналогов в прошлом и сделавшего мир и человека такими, какими мы их видим сегодня, или, по крайней мере, видели несколько десятилетий назад.

Не останавливаясь подробно на ее хозяйственно-экономических аспектах, хотелось бы несколько слов сказать о социальных, культурных и демографических сторонах этого явления. Вот несколько цифр: за период с 1816 по 1865 г. население Германии выросло на 60 % (с 32,7 до 52 млн чел.), а население Берлина — на 226 % (с 198 до 646 тыс. чел.). Такие резкие демографические сдвиги стали следствием резкого снижения смертности, в том числе детской, связанного в первую очередь с развитием медицины и гигиены, резким ростом рождаемости, обусловленным в том числе и расширением экономических возможностей для создания семьи и рождения большего числа детей. Этот демографический скачок вызвал страх, что продовольствия просто не хватит на всех (теория Т.Р. Мальтуса),

который привел даже к введению ограничений на брак в отдельных германских государствах (Ганновер в 1827 г., Баден в 1831 и 1851 г. и т. д.), что, однако, не принесло ожидаемых результатов. В это время происходит и рождение современной семьи, которая состоит из родителей и детей, в отличие от прежней большой патриархальной семьи. К последней трети XIX в. брак все чаще основывается на любви, родители начинают уделять внимание воспитанию и образованию детей и т. д. Эти изменения подтолкнули и модернизацию облика городов (появляется городское освещение, улицы покрываются асфальтом, делятся на проезжую часть и тротуар, развивается общественный транспорт). Люди становятся все более мобильными, возникает интерес и возможность посетить другие страны и даже континенты. Этой эпохе как нельзя лучше соответствует буржуазный во всех смыслах стиль бидермайер, с его культом домашнего очага и частной жизни. Все эти изменения в повседневной жизни стали возможны только благодаря формированию новых экономических условий.

Бидермайер — стиль в культуре и искусстве, распространившийся в Германских государствах в период с 1815 по 1848 г. Свое название получил по герою-обывателю (филистеру) карикатур В. фон Шеффеля, которые публиковались в журнале «Münchner Fliegende Blätter». Стиль бидермайер, являющийся одной из форм ампира, сформировался в условиях политической реакции, наступившей после завершения наполеоновских войн, реставрации дореволюционных режимов, создания Германского союза и главенства Священного союза в Европе. Отягощение общеполитической ситуации и разочарование в надеждах на изменение общественных условий и климата привело людей к желанию спрятаться в частной жизни, стать «обывателями». Второй важнейшей причиной появления этого стиля стало изменение условий жизни, прежде всего городской. Распалась традиционная семья, на ее месте возник современный тип семьи, состоящей из родителей и детей. Промышленный переворот и индустриализация обеспечили большой приток нового населения в города. Формирование среднего класса из образованных людей, имеющих досуг, но не воспитанных в дворянской, аристократической культуре, стало основой для нового стиля в живописи, архитектуре, производстве мебели, моде и т. д.

Бидермайер был культурой людей, замыкающихся в

семейной, частной жизни. Они стремились к обустройству уютного дома (или городской квартиры в собственном или доходном доме), занимались воспитанием и образованием детей (учили их музыке — в домах появились пианино и переложенные для домашнего музицирования музыкальные произведения — клавиры; занимались с ними рисованием, читали вслух и т. д.). Никогда до этого занятиям с детьми родители не посвящали столько времени, как в первой половине XIX в.

Для живописи бидермайера характерен романтизм, пасторальные сюжеты, в прикладном искусстве наибольшее распространение получил в производстве фарфора и росписи по стеклу. В интерьерах и моде носил прикладной характер, должен был делать жизнь приятной, удобной, уютной и практичной.

К самым известным представителям стиля бидермайер относятся поэты Э. Мёрике и А. Штифтер, художники Ф.Г. Вальдмюллер и Ф. фон Амерлинг.

В 1818 г. в Пруссии были отменены внутренние таможенные границы, что способствовало созданию общепрусского рынка. В начале XIX в. стали складываться основные промышленные районы — Рейнско-Вестфальский (металлургия), Саксонский (текстильная промышленность), Силезский (горная), начинается железнодорожное строительство, развиваются новые отрасли промышленности (например, химическая), благодаря использованию минеральных удобрений резко повышается продуктивность сельского хозяйства. Для складывания единого внутреннего рынка большое значение имел Германский таможенный союз 1834 г., в который вошли вначале 10 государств во главе с Пруссией, а вскоре присоединились еще 8 (всего он объединил 23 млн чел.). Пруссия вела переговоры с каждым, даже с самым небольшим государством на равных. Эта стратегия способствовала созданию системы, которая постепенно привела к выравниванию положения Австрии и Пруссии в Германском союзе и заложила основы будущего «превалирования Пруссии» в германском объединительном процессе.

Феномен политического развития германских государств в 1830-1840-е годы включает в себя несколько основных аспектов. В основе процесса, с нашей точки зрения, лежат экономические предпосылки формирования нового мобильного классового (вместо ранее существовавшего сословного) общества. Для социальной классификации крупнейший германский экономист и историк Густав Шмоллер в 1897 г. выделил следующие

критерии — имущество, образование и функция.

Верхний слой общества состоял, исходя из этих критериев, из крупнейших помещиков и предпринимателей, высших чиновников и высших офицеров, врачей, людей искусства и рантье. Шмоллер посчитал, что к этой группе относятся примерно 2,08 % населения. «Высший средний слой», по Шмоллеру, состоял из помещиков средней руки и средних предпринимателей, высших (т. е. академически образованных) чиновников, представителей свободных профессий, получивших высшее образование, и офицеров. К «низшему среднему слою» он относил чиновников средней руки, мелких крестьян, мелких торговцев, ремесленников, служащих, фабричных мастеров, хорошо оплачиваемых профессиональных рабочих и унтер-офицеров. К «низшему классу» он относил наемных рабочих, низших чиновников, бедных ремесленников и крестьян.

Основным носителем новых идей, в том числе национальной, стал не только и не столько новый класс буржуа, сколько более широкая социальная группа, получившая в современной литературе наименование «среднего класса».

Средний класс стал формироваться, в первую очередь, на основе высших и средних слоев городского населения. Реформы в Пруссии и в других германских государствах в начале XIX в. дали толчок к увеличению мобильности общества, одним из основных признаков которой стал приток населения в города. Однако даже в последней трети XIX в. две трети населения Германии проживали в деревне и были заняты в аграрном секторе, горожане составляли 36,1 % населения. Только в 1910 г. городское население стало превалировать над сельским и достигло 60,1 %.

Вопрос о формировании среднего класса нельзя отделить от проблемы становления класса буржуазии, так как в значительной степени эти понятия пересекаются. Для Германии конца XVIII — начала XIX в. имели значение территориальные различия в положении и управлении городов, а также дифференциация внутри того слоя, который мы достаточно аморфно определяем как «буржуазию». Речь идет о городском слое, т. е. не дворянском и не крестьянском населении, а об особой, хоть и имеющей различные локально-региональные формы, части населения. К этому слою можно отнести следующие основные группы.

Во-первых, городское бюргерство (горожане). За исключением некоторых ярмарочных, портовых и промышленных городов, жизнь представителей этого слоя во всех остальных местах была весьма традиционной и даже ортодоксальной. Они совсем не были вовлечены в начинающуюся индустриализацию и зарождающееся крупное

промышленное производство. Совершенно неверным является представление о том, что городские бюргеры лучше всего подходят на роль носителей прогресса. Естественно, и среди них существовали отдельные активные люди, к ним можно отнести крупных торговцев, особенно связанных с внешней торговлей, банкиров, владельцев мануфактур, но основная их масса просто чуралась прогресса.

Во-вторых, так называемые «новые горожане», прежде всего буржуазия и высокообразованные слои населения. К этому новому слою, который заявил о себе только в конце XVIII в. и отсутствовал в прежней сословной структуре, следует отнести чиновников городского управления, теологов, профессоров, домашних учителей, ученых, юристов, нотариусов, врачей, аптекарей, писателей, журналистов, инженеров, офицеров, руководителей государственных предприятий, а также владельцев издательств, мануфактур, банков и фабрик. Основная масса представителей этого слоя, который появился благодаря эволюционным процессам в обществе нового времени, проживала в городах, однако некоторая часть и на селе, например священники в сельских приходах, инженеры на горных разработках, гувернеры в поместьях и т. д.

Значительная часть граждан, относящихся к этому социальному слою, принадлежала к функциональной элите «государственных служащих» и еще очень редким представителям «свободных профессий». Вначале очень немногочисленную часть граждан составляли капиталистические предприниматели (трактовавшиеся вначале очень широко). Данные по многим городам свидетельствуют о том, что те полноправные бюргеры, которые на протяжении веков занимались торговлей или мелким производством, стали инициаторами создания крупных промышленных, транспортных, полиграфических и других предприятий. Они проживали как в городах, так и в селах, и им долгое время не были присущи общие социальные черты. Часто они происходили из других частей страны и даже из-за границы (Нидерланды, Франция, Англия и т. д.) или принадлежали к этническим или религиозным меньшинствам (гугеноты, евреи, богемцы, валлоны и т. д.). Позиция этих чуждых групп во многих городах и целых местностях (Нижний Рейн, область Рейна-Майна) была очень сильна.

Из вначале разрозненных групп постепенно развивался новый гомогенный класс капиталистических предпринимателей, который впоследствии стал основой класса германской буржуазии. Термин «буржуазия» дает возможность обособить эту группу от представителей городского бюргерства и образованных слоев. Это разграничение вполне правомерно, несмотря на подвижность границ каждого слоя. Впоследствии

этот класс разделился на две основные части: крупную буржуазию и мелкую, которая отличается от традиционного городского слоя (мелкие ремесленники, торговцы). Ярким примером для иллюстрации появления такой буржуазии в конце XVIII — начале XIX в. служат владельцы мануфактур. Среди основателей мануфактур явный перевес был у бюргеров, чиновники были в меньшинстве. Во Франконии из 98 созданных в 1680–1830 гг. мануфактур 85 % было образовано старыми предпринимателями (причем торговцев среди них лишь немного больше, чем ремесленников), 4 — дворянами, 2 — чиновниками и 4 предприятия были королевскими фирмами). Мануфактуры стали трамплином для экономического и социального взлета буржуазных предпринимателей, бывших по происхождению в основном торговцами и ремесленниками. Прусская государственная политика не способствовала появлению класса таких предпринимателей (мешало сопротивление дворянства, бюрократические препоны и прямое государственное вмешательство). При этом почти все предприниматели пытались получить государственные привилегии или монополии.

В городах существовала достаточно многочисленная группа мелкой буржуазии, которая состояла из представителей и старого, и нового «среднего слоя». К ним впоследствии добавились и служащие, занятые на частных предприятиях, а также на государственной и муниципальной службе. Эту страту вначале отличали нечеткие рамки и особая социальная мобильность. Средние слои были готовы сохранять свои традиции и формировать новые. Главное, к чему они стремились, — это подняться максимально высоко из низов социальной лестницы.

Итак, «средний класс» можно определить как часть самостоятельного населения, проживавшего в основном в городах, обладавшего собственностью, вовлеченного в процесс производства или имевшего профессию, требовавшую получения высшего образования и приносившую достаточно высокий доход. К среднему классу мы относим, прежде всего, предпринимателей, занятых в сфере промышленного производства и торговле, представителей «свободных профессий», т. е. адвокатов, учителей, ученых, врачей и т. д., среднее звено чиновников, а также категорию служащих-менеджеров. Формирование этого класса было достаточно длительным процессом: с конца XVIII до конца XIX в. Этот слой складывался в русле общей тенденции перехода от сословного общества к социально-мобильному классовому обществу, который был характерен в этот период для всех основных европейских государств. Идеологией нарождавшихся в Германии буржуазии и среднего класса стал

либерализм.

Либеральное движение в 1830-1840-е годы было, прежде всего, конституционным движением. Начавшись на региональном уровне, оно постепенно (к середине 1840-х годов) вышло на общегерманскую арену. Перед революцией 1848 г. либералы играли заметную роль в юго-западных германских государствах, имевших к этому времени конституции и ландтаги, близкие по своему характеру к парламентам в современном понимании. Не углубляясь в проблему либерализма и подробности политической борьбы, следует отметить, что либеральное движение, так же, впрочем, как национальное и консервативное, не было однородным. В нем были как левые, так и правые, как «идеалисты», опирающиеся исключительно на ценности классического либерализма, так и «практики», пытающиеся объединить либеральные принципы с политическими реалиями Германии. Так же, как и в других странах, отчетливо выделялись два основных течения — либерализм и демократия. Это отсутствие единства проявилось впоследствии в деятельности Франкфуртского национального собрания. При этом следует отметить, что патриотизм либералов носил ярко выраженный земельный характер, представители этого течения стремились к завоеванию гражданских свобод и построению правового, парламентского государства в рамках отдельных государств. Создание единой германской нации в 1830-1840-е годы становится основной целью либералов, причем на данном этапе речь уже не идет о формировании национального самосознания (в основном у интеллектуальной и политической элиты оно уже сформировалось), а о ее социальном и экономическом оформлении. Создание единого германского национального государства рассматривалось как общая цель гражданского общества и монархов. При этом либералы считали своей задачей обеспечение гражданских свобод, политическое объединение отдавалось на откуп правящим домам.

Такая постановка вопроса сводила национальное единство только к государственному объединению. Демократы, в противовес либералам, декларировали претворение в жизнь принципа народного суверенитета, из которого, по их мнению, вытекало и решение национального вопроса силами самой нации.

Вплоть до 1848 г. прусские короли считали, что небольшие правовые уступки либералам являются не столько необходимым, сколько достаточным условием для сохранения государства в спокойно-равновесном состоянии в условиях общеевропейской послереволюционной реакции, а затем и при нарастании новых революционных тенденций к

западу от границ союза. Работа четырех конституционных комиссий закончилась изданием королевских указов и только в 1847 г. прусский король впервые созвал Объединенный ландтаг.

События 1848 г. являются одной из ключевых историографических проблем в истории Германии XIX в. Практически все современные исследователи едины в том, что революция 1848–1849 гг. в Германии имеет, прежде всего, социальные причины. При этом главной целью, содержанием и задачей был все же национальный вопрос.

Основными требованиями либеральной оппозиции с середины 1840-х годов были: отмена всех ограничений политических свобод, введение свободы слова, собраний и союзов, всеобщего (конечно, только для мужчин) избирательного права, расширение прав народного представительства, введение министерской ответственности и нового гражданского кодекса, полное равенство в гражданских и политических правах представителей разных конфессий, разработка социального законодательства, созыв общегерманского парламента и создание национального конституционного государства. При этом во всех германских государствах, где не были до этого приняты конституции (Австрия, Пруссия и т. д.), именно этот вопрос был самым главным. Все эти требования по сути были призывами не к революции, а к реформам. Дальнейшее развитие событий показало, что вооруженный мятеж, выплеснувшийся на улицу, был в Германии скорее исключением (особенно, если сравнивать эти события с революцией во Франции). 18 марта 1848 г. в Берлине вспыхнуло восстание, в ходе которого погибли более 200 человек. Трагедия стала главным образом следствием недооценки серьезности ситуации королем Фридрихом Вильгельмом IV и его министрами, так как королевские указы об отмене цензуры и созыве Соединенного ландтага в целях выработки конституции для Пруссии были уже готовы и вышли в тот же день. В них содержалось предложение членам Германского союза превратить Германию из «союза государств в союзное государство». 21 марта была обнародована королевская прокламация «К моему народу и германской нации», в которой король назвал себя конституционным монархом и выражал готовность взять в свои руки руководство немецкими князьями вследствие внешней и внутренней угрозы.

Народ, выйдя на улицы и заставив короля обнажить голову перед телами погибших берлинцев, победил в Берлине организованную военную силу. Король назначил новое правительство во главе с умеренными либералами Л. Кампгаузенем и Д. Ганземаном, которое 2 апреля созвало ландтаг, принявший закон о выборах в Прусское национальное собрание.

Выборы прошли в апреле-мае 1848. Уже в ходе работы предпарламента, заседавшего 31 марта — 3 апреля во Франкфурте-на-Майне в соборе Св. Павла, среди депутатов определились приверженцы двух основных политических позиций. «Либералы» видели цель в «свободе, суверенитете народа и монархии» и считали, что объединить Германию можно, убедив князей признать главенство Пруссии, а «демократы» выступали за свержение монархии, установление республики, уничтожение всех старых государственных институтов и превращение предпарламента в постоянно действующий революционный орган (Струве). Идея либералов о возможности мирного пути объединения страны не была такой уж утопической — некоторые государства готовы были объединяться под прусской эгидой (Баден, Вюртемберг), а Австрия, занятая в этот момент внутренними делами, вряд ли смогла бы помешать этому. Но Фридрих Вильгельм IV сам отказался от такого развития событий.

Все последующие основные события разворачивались в стенах созданного во Франкфурте-на-Майне Национального собрания. Среди депутатов доминировали чиновники, юристы, врачи, т. е. именно тот «средний класс», о котором говорилось выше и который взял на себя реализацию всех проблем, стоявших перед обществом.

Постепенно в Национальном собрании выявились два возможных пути решения национальной проблемы. Великогерманский, означавший объединение всех германских земель, включая Австрию, под властью императора из династии Габсбургов, и малогерманский, предполагавший объединение страны без участия Австрии во главе с прусскими Гогенцоллернами. О границах и будущем гегемоне разгорелся многомесячный спор. И это при том, что во время «горячей стадии» революции вопрос о власти не был решен, франкфуртскому парламенту она в полной мере не принадлежала, и чем дольше он заседал, тем более беспомощным становился. Кроме того, в процессе своей деятельности собрание оказалось втянуто в национальные конфликты. То что в теории казалось правильным и справедливым, например восстановление независимости Польши, пришло в противоречие с требованиями реальной политики, что понимали даже демократически настроенные депутаты.

В центре дискуссии оказался вопрос, что в принципе следует считать основой для будущего единого государства — Германский союз или область распространения немецкого языка? Главным камнем преткновения стали негерманские земли Австрии и Пруссии. В конце концов собрание пришло к единому мнению, что идти на раздел империи Габсбургов и перекраивать карту Центральной Европы никто не готов. Проблема

объявившего о своей независимости от Дании Шлезвиг-Гольштейна и попытки ее решения показали, что изменений в Центральной Европе и германского единства нельзя было достичь вопреки существовавшей тогда системе европейских держав.

Ратификация Национальным собранием перемирия с Данией в Мальмё от 26 августа 1848 г. вновь вывела людей на улицы с требованиями роспуска парламента. В этой ситуации депутаты пошли против «породившего» их народа. Правительство для защиты парламента вызвало прусские, гессенские и австрийские войска, которые и подавили восстание. После этого инициатива полностью перешла к королю и имперским князьям. В ноябре 1848 г. король добился самороспуска прусского Национального собрания, а 5 декабря Пруссии была дарована конституция, что нанесло сильнейший удар по по прежнему дебатующему Франкфуртскому национальному собранию, которое, впрочем, еще несколько месяцев обсуждало проекты имперской конституции. Либералы, боровшиеся за единое конституционное государство, были удовлетворены прусской конституцией и боялись того, что политический процесс выйдет из-под их контроля. Запоздавшая попытка собрания отказаться от активно обсуждаемого и желательного для большинства депутатов великогерманского решения и предложить германскую корону Гогенцоллернам не удалась. 27 марта 1849 г. парламент принял имперскую конституцию и избрал прусского короля императором Германии. Король согласился принять корону, но только легитимным путем, т. е. с согласия всех германских князей и вольных городов. Фридрих Вильгельм не без оснований боялся протеста остальных европейских держав и возможной интервенции Австрии. В апреле имперская конституция была отклонена правительствами Австрии, Баварии, Ганновера и Саксонии. Через несколько дней Австрия и Пруссия, а затем и другие государства отзывали своих представителей из Франкфуртского национального собрания, что фактически означало конец его деятельности. 18 июня 1849 г. вюртембергские войска разогнали собрание, переехавшее в Штутгарт, что не вызвало широких протестов и народного возмущения.

Несмотря на кажущуюся малозначительность результатов революции, она сыграла огромную роль в дальнейшей истории страны. Главными ее результатами было, во-первых, то, что на улице и в стенах Национального собрания были поставлены самые важные вопросы развития будущего государства и намечены основные пути их решения. Во-вторых, повсюду в Германии монархи были теперь связаны существовавшими не на словах, а на деле конституциями и делили законодательную власть с парламентами.

В-третьих, именно во Франкфуртском национальном собрании появились зародыши всех основных германских политических партий, а германские массы получили первый реальный опыт общественной жизни, стало зарождаться гражданское общество.

В период реакции, начавшийся в 1849 г., национальное движение испытывало вполне определенные трудности, однако «пришедшее в движение общество» (Вольфрам Зиман) уже не могло вернуться в состояние до 1848 г. Перед ним стояли три основные задачи — политическое объединение (создание национального государства), демократизация и решение социальных проблем (эмансипация рабочих, женщин, евреев и т. д.).

Первоочередной в этом списке проблем, конечно же, была первая: в рамках единого государства должны были решаться в будущем все остальные задачи. В этот период на первый план выходят экономические предпосылки, именно экономика становится тем «паровозом», который тащит за собой другие уровни национального объединения. И в этом процессе инициатива постепенно переходит к Пруссии, перехватившей, несмотря на восстановление в 1850 г. Германского союза, инициативу в объединительном процессе у Австрии и сделавшей ставку на укрепление своих позиций в созданном еще в 1834 г. Германском таможенном союзе. В международных экономических отношениях германские государства все чаще стали выступать как единое образование, что отчетливо проявилось на всемирных выставках 1860-х годов. Продолжают свою деятельность и гражданские общественные всегерманские объединения, самым значительным из которых было Германское национальное общество (1859 г.).

К. фон Сименрод. Император Вильгельм I и канцлер О. фон Бисмарк в комнате дворца Унтер ден Линден. Берлин, 1887 г. Частная коллекция

В этот момент ситуация во властной структуре Пруссии изменилась. В 1858 г. Фридрих Вильгельм IV заболел нервной болезнью и регентом при нем стал его брат Вильгельм. Хотя 61-летний Вильгельм исповедовал консервативно-монархические взгляды, именно при нем в Пруссии началась «новая эра». Постепенно снижалось давление на прессу и общество. Новый импульс получил проект объединения страны по малогерманскому пути после поражения Австрии в войне с Италией в 1859 г. Многие общественные мероприятия, такие, например, как праздник Шиллера в 1859 г. (который проходил при активнейшем участии Германского национального общества) сопровождались призывами к единству, пересмотру Союзной конституции и созыву германского парламента на основе выборов.

В 1861 г., после смерти Фридриха Вильгельма IV, его брат стал королем Пруссии под именем Вильгельма I. Именно с этого времени, с сентября 1862 г., когда Отто фон Бисмарк был назначен на должность прусского министра-президента, начинается эпоха истории Германии, которую по праву можно назвать «бисмарковской». Бисмарк был назначен на эту должность в сложный период нарастания конфликта трона и ландтага, когда в Пруссии возникла угроза новой революции. Он прежде всего усиливает антилиберальную направленность внутренней политики и ограничивает свободы, чтобы стабилизировать ситуацию. Но основной целью своей деятельности он сделал объединение страны под эгидой Пруссии.

Общественное мнение вовсе не было воодушевлено назначением малоизвестного политика на столь высокий пост. Газета «Кёльнише цайтунг» писала в сентябре 1862 г., что Бисмарк является «среди юнкеров наших восточных провинций редкой птицей, образованным и духовным человеком, которому присуща не только личная обходительность, но и красноречие и предприимчивость; его нельзя назвать ни беспомощным, ни тем более безопасным человеком». А известный историк и публицист Г. фон Трейчке, многолетний издатель «Пройссишер ярбюхер» в том же году скептически заметил: «Когда я слышу от такого юнкера, как этот Бисмарк, что он хвастает “железом и кровью”, с помощью которых он собирается покорить Германию, то эта пошлость достойна только смеха». Естественно, особенно критически в этот период отнеслись к новому министру-президенту либералы и социалисты. Они считали Бисмарка не конструктивным политиком, а авантюристом. Фердинанд Лассаль

отзывался о нем как о «реакционном юнкере, от которого можно ожидать только реакционных шагов».

После битвы при Кенингсретце (1866 г.) это уничижительное мнение о Бисмарке в корне изменилось, особенно в либеральной и консервативной среде. Тот же Г. фон Трейчке называл теперь его «популярнейшим человеком в Пруссии». В это время бисмарковская политика уже кажется ему не только «понятной, но и нравственной. Он хочет продвинуться вперед ради высокой цели германского единства, и тот, кто является личностью, должен ему в этом помогать». Выразителем национальных интересов к середине 1860-х годов стали его считать и либералы, полностью поддержав войну Пруссии против Австрии и видя в ней следование общегерманским целям против венских интриг.

Столь же восторженно оценивалась деятельность Бисмарка и за границей. В 1866 г. лондонская «Таймс» писала, что Бисмарк является «единственным человеком в Германии, который знает, чего он хочет. Без него стремление немецкого народа к единству не смогло бы осуществиться».

Все эти высказывания отдают должное целеустремленности и последовательности Бисмарка. Он показал себя человеком, готовым пойти на все для достижения своей цели. А такой целью для него в 1860-е годы стало усиление Пруссии и объединение германских государств в единую империю под ее руководством.

Твердость своей позиции в отношении любых сил, которые могли бы помешать реализации объединительной стратегии (в том числе и одной из ветвей прусской власти — ландтага), Бисмарк продемонстрировал в ходе так называемого Конституционного конфликта. Толчком к нему стал вынесенный на одобрение ландтага в 1860 г. проект военной реформы, который предполагал увеличение армии в два раза, продление срока службы с 2 до 3 лет и ослабление значения и самостоятельности ландвера, боеспособность которого оценивалась экспертами очень низко. Для осуществления этой программы предполагалось увеличить военные ассигнования, которые в последнее время из-за тяжелого финансового положения покрывали едва ли две трети военных нужд, и это при том, что в то время всеобщая воинская повинность существовала только на бумаге. Камнем преткновения для либеральной палаты стал проект реорганизации ландвера, который для многих с 1806 г. был символом демократического подъема и национального освобождения, а также демократическим, народным элементом в аристократической структуре прусской армии. Возражения вызвало также предполагаемое увеличение срока службы.

Либералы считали (и высказывали это вслух на заседаниях), что увеличение армии станет наступлением на буржуазные свободы. Отказ палаты от одобрения законопроекта привел к ее открытому противостоянию с министром-президентом. 30 сентября 1862 г. он выступил в бюджетном комитете ландтага с программной речью, в которой, в частности, заявил, что «Германия надеется не на либерализм Пруссии, а на ее силу, это Бавария, Вюртемберг или Баден могут рассчитывать на либерализм, потому что не претендуют на ту роль, которую играет Пруссия. Пруссия должна собрать все силы в кулак... так как границы, определенные ей Венским конгрессом, не достаточны для здоровой жизни государства; важнейшие вопросы времени решаются не речами и решениями большинства, — что было большой ошибкой 1848 и 1849 г., — а железом и кровью». Так впервые Бисмарком был произнесен лозунг, определивший затем путь создания Германской империи — «железом и кровью». Эта демонстрация силы должна была воздействовать как на границу, так и на непокорных депутатов. Бисмарк продолжал управлять страной, заткнул рот прессе, которая критиковала его действия, грозил либеральным депутатам санкциями, вплоть до арестов. Опираясь на 106 статью Конституции, которая предписывала правительству в случае непринятия бюджета палатой повысить налоги для обеспечения жизнедеятельности государства, Бисмарк продолжал управлять страной без утвержденного бюджета, не обращая внимания на общественные протесты.

С восшествием на престол Вильгельма I и назначением на должность прусского министра-президента Бисмарка национальная идея объединения стала государственным делом Пруссии, основной задачей ее властей. Произошел перевод проблемы единства Германии в плоскость государственной политики, что сделало ее реальной и в конечном счете выполненной задачей.

Не останавливаясь на подробностях «военного пути» объединения страны (оно многократно описано во всех учебниках), необходимо отметить лишь некоторые моменты. В результате двух войн — Датской (1864 г.), в которой Пруссия выступила совместно с Австрией, и Австро-Прусской (1866 г.), в которой Пруссия одержала быструю и сокрушительную победу над противником, Бисмарк создал новое территориальное образование, уже целиком находившееся под руководством Пруссии — Северогерманский союз. Пруссия просто заявила об аннексии Ганновера, Гессена, Нассау и свободного города Франкфурта, лишив тем самым местных князей их тронов. Остальные княжества, расположенные севернее Майна, включая и Саксонию, были объединены в

Северогерманский союз. При этом Пруссия продолжала признавать «независимый в международном отношении» союз южногерманских государств.

Этими действиями Бисмарк создал необходимые условия для осуществления своей главной задачи. Теперь, чтобы идти дальше, ему следовало закрепить достигнутый успех. Для этого во внутренней политике он должен был полностью адаптировать новые земли к государственной структуре Пруссии, оформить отношения Пруссии с Северогерманским союзом, сделав гегемонию Пруссии в нем абсолютной. Кроме того, перед Бисмарком стояла также задача обеспечить невмешательство европейских держав в реализацию его проекта объединения Германии, которые не могли не видеть связанных с этим перемен на европейской политической сцене.

Его мало беспокоила Россия, ослабленная поражением в Крымской войне и занятая внутренними проблемами. Иное дело Франция, хотя в тот момент ее внимание было сосредоточено главным образом на польских делах и мексиканской аванюре. Несмотря на то что Вторая империя катилась к закату и вряд ли, по расчетам Бисмарка, была способна силой противодействовать возможному объединению Северо- и Южногерманских союзов, он в то же время не мог, закончив одну войну, сразу же начать следующую. Мирный путь решения прусско-французских противоречий был бы для Бисмарка наиболее предпочтительным. В любом случае Бисмарк не мог позволить себе в этот период нерасчетливости и авантюризма, поэтому он согласился с предложенной Наполеоном III на австро-пруссских переговорах в Праге формулировкой о независимости Южной Германии.

Конституция Северогерманского союза была принята 17 апреля 1867 г., и тот же документ с минимальными изменениями стал в 1871 г. основным законом Германской империи. Статья 15 этого документа гласила, что вхождение в Северогерманский союз государств юга Германии не исключается. Бисмарк считал, что такое развитие событий не только возможно, но и вероятно, несмотря на ожидаемое противодействие со стороны Франции. 20 февраля 1867 г. в тронной речи на открытии рейхстага Северогерманского союза, который должен был утвердить его конституцию, прусский король заявил по поводу взятого курса на объединение страны буквально следующее: «Немецкое движение в последнее десятилетие не имеет никаких враждебных тенденций по отношению к соседям и никакого стремления к завоеваниям, но зато имеет потребность создать условия для государственного процветания огромного региона от Альп до моря, который в предыдущие столетия находился в

упадке. Германские народы объединяются не для нападения, а для защиты...» Еще более внятно по поводу «линии по Майну» выразился тогдашний бургомистр Оснабрюка, впоследствии министр финансов и вице-президент Государственного министерства И. фон Микель: «Мы боимся в Германии дуализма намного больше, чем существования большого количества государств, мы даже предпочтем федерализм, потому что он скорее приведет к единству страны, чем дуализм. (...) Сегодняшняя линия по Майну не является линией раздела между двумя большими государствами — Австрией и Пруссией... она скорее некая остановка, на которой мы должны пополнить запасы воды и угля, перевести дыхание и идти дальше».

Итак, Северогерманский союз ясно дал понять, что собирается стать основой германского государства от Альп до Северного и Балтийского морей, а Майн является рекой не раздела, а объединения, на которой, фигурально выражаясь, существует множество мостов в обе стороны. Кроме того, на основе наконец одобренной в полном объеме военной реформы продолжалась реорганизация и усиление германских вооруженных сил. Такое положение вещей не могло не тревожить Францию, интересы которой создание новой великой державы в центре Европы затрагивало в первую очередь. Можно с уверенностью сказать, что обе стороны не только осознанно шли на конфронтацию, но и обостряли ситуацию. Случай с Эмской депешей стал только толчком к войне.

Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г. Против Франции в этой войне выступила не только Пруссия, и не только войска Северогерманского союза, но и вооруженные силы южногерманских государств. Россия сконцентрировала свои войска на границе с Австро-Венгрией, не дав последней выступить на стороне Франции, таким образом «отблагодарив» Пруссию за поддержку во время подавления польского восстания 1863–1864 гг. Военные действия в полном объеме начались в конце августа 1870 г. Французские силы были разгромлены очень быстро — уже 1 сентября сам Наполеон III был взят в плен пруссаками после битвы под Седаном, 4 сентября 1870 г. во Франции была провозглашена III Республика, в октябре 1870 г. капитулировал Metz, 28 января 1871 г. сдался окруженный с сентября Париж, что положило конец военным действиям.

Но еще до этого, 18 января 1871 г., в зеркальном зале Версальского дворца король Пруссии получил титул императора Германской империи. Совместное выступление всех германских государств против Франции стало свидетельством того, что фактическое объединение страны уже произошло. Пока шла война, Бисмарк не прекращал переговоров с

южногерманскими государями и империя стала реальностью еще до падения Парижа. По сути новое государство появилось на основе Северогерманского союза и стало его продолжением и развитием. Формально южногерманские государства, самыми значительными из которых были Бавария и Вюртемберг, вошли в Северогерманский союз. Именно этот факт и явился моментом создания единого государства. Очень показательными были переживания Вильгельма I, на которые обращают внимание все историки, — он не был в восторге от того, что любимая им прусская корона отошла на второй план, уступив место, казалось бы, более почетной и значительной короне императора. Другими словами, даже новый император чувствовал себя, особенно сразу после 1871 г., больше пруссаком, чем немцем. Те же чувства владели и большинством простых жителей империи.

Процесс создания Германии не закончился ее официальным провозглашением, оно лишь положило начало следующему этапу формирования единой нации. Поэтому нельзя говорить, что к 1871 г. Бисмарк полностью решил стоявшую перед ним задачу — создал единое государство. Да, такое государство было провозглашено, но его внутренняя институционализация, а главное — складывание единой нации не только не были закончены, но в некоторых областях только начались. Вся последующая политика Бисмарка на посту имперского канцлера была направлена именно на формирование единых имперских институтов и унификацию различных сторон жизни. Только к началу Первой мировой войны можно с уверенностью утверждать, что все эти проблемы были разрешены и империя и ее общество стали едиными.

Говоря об объединении Германии, мы постоянно упоминаем Бисмарка. В истории Германии Нового и Новейшего времени слабость представительной власти с лихвой компенсировалась сильной исполнительной, что вначале нашло свое воплощение в князе Бисмарке, а затем в императоре Вильгельме II. Конституционный конфликт показал со всей очевидностью, что канцлер может действовать по своему усмотрению, заручившись лишь поддержкой короля. Противодействие парламента практически ничего не решало. Победив парламент, Бисмарк окончательно уверился в том, что структура это слабая и может быть использована исполнительной властью в своих интересах. Это отношение к прусскому ландтагу канцлер перенес и на рейхстаг, который в годы его правления играл второстепенную роль, что негативно сказалось на всем ходе германской истории. Поражение либералов, утративших ведущие позиции в процессе национального объединения, было вполне закономерным. Для

того чтобы осуществить программу национального объединения в германских условиях, была необходима целенаправленная государственная политика, твердая воля и возможность действовать без оглядки на оппонентов. Как показала история, именно Бисмарку оказалось под силу то, что не удалось либеральным деятелям в 1848–1849 гг. При этом нельзя сбрасывать со счетов, что за период с 1813 по 1871 г. немецкое общество прошло долгий путь осознания себя как единой нации и понимания необходимости жить в едином государстве. А невхождение в его состав немецкоязычного населения Австро-Венгрии породило у него ирредентистские настроения, открыто давшие о себе знать в XX в.

На этом этапе развития национального самосознания государство как таковое не воспринималось как антитеза обществу. Представители гражданского общества, средний класс и все политически активные слои видели в нем не врага, а институт, управляющий социально-политическими делами внутри страны, и инструмент проведения национальной политики на международной арене (О. Данн). При этом и государство старалось привлечь национальные движения на службу государственным интересам. В результате имел место феномен «национализации» самого государства. Возникновение Германской империи вслед за произошедшим ранее образованием Итальянского королевства показало, что национальные государства становятся политической реальностью Европы.

Вместе с тем необходимо отметить, что Германская империя многими воспринималась все же как незавершенное национальное государство ввиду двух факторов — во-первых, ее разграничения с Австрией, так как часть немецкого населения, бывшего ядром Священной Римской империи, осталось за ее пределами в рамках многонациональной двуединой Австро-Венгрии; во-вторых, в силу федерального, а не унитарного характера государства, которое по конституции являлось «союзом немецких князей», а вовсе не реализацией народного суверенитета.

В феврале 1881 г. Бисмарк выступил в рейхстаге с речью в ответ на обвинения одного из вождей либералов в парламенте О. Рихтера, который заявил, что не только вся внутренняя политика Бисмарка, но и вся правительственная система в империи находится под прессом «диктатуры канцлера». Бисмарк подчеркнул: «С самого начала я действовал, наверное, быстро и необдуманно, но когда у меня появилось время об этом подумать, я попытался ответить на вопрос: что для моей родины, для моей прусской династии, а сегодня, что для германской нации является необходимым, целесообразным и правильным? Я никогда не был доктринером; все системы, по отношению к которым партии ощущали себя обособленными

или наоборот объединенными, были для меня явлениями второго порядка, в первую очередь я думал о нации, ее позиции вовне, ее самостоятельности и нашей организации, которая позволила бы нашей нации свободно чувствовать себя в мире. Все, что может отсюда вытекать — т. е. либеральное, консервативное или реакционное содержание наших законов, — для меня вторично, как отделка уже построенного дома. Я поддерживаю те или иные партии только исходя из потребностей страны... Если мы сначала построим прочный, защищенный снаружи и национально укрепленный изнутри дом, а потом вы меня спрашиваете, с большей или меньшей степенью либерализма мне этот дом обставить мебелью, то этот вопрос не вызывает у меня никаких затруднений — давайте свои предложения, у меня нет никакого собственного предвзятого мнения, если мой монарх их одобрит. Существует множество дорог, которые ведут в мир. Существуют времена, когда надо править диктаторскими методами, но здесь нет ничего постоянного. С созданием Германской империи и единой нации... я по-прежнему считаю национальную цель наиглавнейшей...» Споря сам с собой в разговоре с Вильгельмом II, тот же Бисмарк однажды заявил: «Это все разговоры о Германской империи. Попробуйте сделать сильной Пруссию. Все равно, что будет с остальными».

Политика Бисмарка вплоть до 1890 г. была подчинена этим двум целям — с одной стороны, как канцлера единой Германской империи его главной задачей было преодоление центробежных тенденций, существующих в германском государстве и обществе. Наличие политических сил, которые сделали их своим кредо, являлось, по мысли политика, бомбой, которая могла разрушить построенное им здание. Второй, не менее важной для него задачей, была защита прусских интересов (экономических, политических и др.) внутри единого государства. Собственно именно этим целям должны были служить превентивные запретительно-карательные меры против католиков и польского национального меньшинства (Культуркампф), а также против укреплявшей свои позиции в немецком рабочем классе социал-демократии (введение Исключительного закона против социалистов). Обе эти силы в Германии были частями международных организаций (католической церкви и международного рабочего движения), поэтому для германских властей важен был и международный характер вопроса. Запретительные меры не привели к желательным результатам и даже стали одной из причин отставки первого имперского канцлера в 1890 г.

Иные же правительственные меры, на которые исследователи обращают меньше внимания, сделали для интеграции населения нового

государства значительно больше — в 1870-1890-е годы были созданы общеимперские институты (например, Имперский банк, единая сеть железных дорог и т. д.), разработаны и приняты единые кодексы законов, Берлин превратился в имперскую столицу и подлинный центр власти, а Германия стала одной из ведущих держав континента, причем не только в политике, но, что более важно, и в экономике.

Важную роль в становлении германской нации играло постепенное усиление позиций рейхстага и политических партий. Этот процесс начался еще при Бисмарке, но особенно активно стал развиваться после его отставки. К 1890 г. противостояние политических сил, пользовавшихся поддержкой имперского канцлера (прежде всего консерваторов и частично национал-либералов) и его противников — в первую очередь социал-демократов, достигло высшей точки, что позволяет историкам говорить даже о формировании двух наций в Германии — нации «эксплуататоров» и нации «эксплуатируемых». Если отойти от риторики А. Бебеля, сложившееся социальное противостояние не давало сформироваться внутреннему единству общества (во время франко-прусской войны социал-демократы говорили о приоритете классового братства с французскими рабочими над идеями национальной войны).

Только постепенная интеграция рабочего класса и социал-демократии в общественную структуру и политическую систему позволили превратить рабочих из дезинтегрирующей силы в часть германской нации. Начало этому процессу было заложено введением социального страхования рабочих (1883–1889). Тем же целям служил и объявленный канцлером Л. фон Каприви (1890–1894) «новый курс», в рамках которого были декларированы «примирение» со всеми бывшими «врагами империи» и отказ от методов превентивной борьбы с ними. Расширение участия рейхстага как наиболее демократического органа (прямые всеобщие выборы, бюджетные полномочия, все большее влияние общественного мнения, связанное с развитием средств массовой информации) в управлении страной стало признаком постепенной демократизации всей государственной системы и завершением процесса становления государственной нации. Общественное согласие и практическая единодушная поддержка действий властей, с которыми страна подошла к августу 1914 г., окончательно доказали, что вековая мечта о подлинном единстве Германии была достигнута, однако противоречия, заложенные в ее систему (несоразмерно большая роль Пруссии в едином государстве, его федеральный характер, значительное немецкоязычное население, оставшееся за его пределами, превалирование исполнительной власти над

всеми остальными ее ветвями, огромные полномочия, сосредоточенные по конституции в руках двух людей — императора и канцлера, и многое другое) стали причинами недолгого существования государства в том виде, как его создал О. фон Бисмарк.

В конце XIX — начале XX в. объединенная Германская империя являлась крупнейшим центральноевропейским государством во главе с императором, имперским канцлером и рейхстагом, депутаты которого избирались на основе прямых всеобщих выборов. Территория империи составляла 540 858 кв. км, население — 41 млн человек в 1871 г. и чуть менее — 65 млн в 1910 г. Столицей единой Германии был Берлин, что подчеркивало особую роль Пруссии в империи. Кардинально изменилось распределение населения между сельскими населенными пунктами и городами. В 1871 г. около 64 % жили в населенных пунктах с населением до 2000 человек, только 5 % в больших городах (свыше 100 тыс. чел.), в 1890 г. сельское и городское население сравнялось, в 1910 г. только 40 % проживало в небольших населенных пунктах, а 21,3 % — в больших городах. Эти демографические изменения стали следствием бурной индустриализации. В 1871 г. в сельском хозяйстве было занято 8,5 млн человек, а в промышленности, сфере обслуживания и транспорте — 5,3 млн, к 1910 г. пропорция изменилась: 10,5 млн в аграрном секторе; в промышленности, сфере обслуживания и транспорте — 13 млн. В конфессиональном отношении ситуация после объединения изменилась незначительно: 28 млн протестантов, 16 млн католиков, 561 тыс. иудеев. Германия была достаточно гомогенна в национальном отношении, однако на 42 млн немцев в 1880 г. приходилось примерно 3,25 млн национальных меньшинств (2,5 млн славян, 140 тыс. сорбов, 200 тыс. кашубов, 150 тыс. литовцев, 140 тыс. датчан и 280 тыс. французов), все они жили в приграничных районах. К Первой мировой войне Германия подошла единой, мощной в экономическом отношении державой, имеющей колонии в Африке и Азии и чрезвычайно высокие показатели экономического роста.

Италия в XIX веке: Рисорджименто

На рубеже XVIII–XIX вв. пестрый конгломерат итальянских государств переживал период чрезвычайно серьезных социальных, экономических и культурных потрясений. Близость к границам революционной Франции, а также слабое экономическое развитие итальянских государств предопределили судьбу полуострова на

длительный период. Население Италии, составлявшее в 1800 г. 18,1 млн человек, распределялось крайне неравномерно. Самым крупным государственным образованием являлось созданное Наполеоном Итальянское королевство с населением 6,5 млн человек. Население всей Италии — в границах будущего единого государства — к 1850 г. достигло 23,9 млн человек. Урбанизация на полуострове развивалась относительно медленными темпами: так в 1871 г. 64 % населения было занято в сельском хозяйстве, в 1914 г. — 54 %.

На исходе XVIII столетия началось национально-патриотическое движение за объединение Италии, получившее название Рисорджименто. Военнополитическая экспансия революционной Франции более остальных европейских государств затронула именно итальянские земли: Ломбардию, Пьемонт, Геную, Венецию, Папское государство, Тоскану, Парму и Неаполитанское королевство. Стремительные преобразования на территории, подвластной французам, были направлены на развитие ее экономики и политической системы. В этом отношении наполеоновская администрация в итальянских землях выступала преемницей «революционного трехлетия» 1796–1799 гг. Недолгий опыт существования Итальянского королевства был важен для всех общественных течений, выступавших за объединение итальянских государств.

К XIX в. итальянские государства подошли с большим комплексом сложных проблем — цивилизационных, социально-экономических, политических и международных. Эпоха гуманизма и Возрождения, ознаменовавшаяся расцветом экономики и культуры итальянских государств, в конце XVI — начале XVII в. уступила место глубокому политическому и экономическому упадку, продолжавшемуся до середины XVIII в. Налицо была политическая и экономическая раздробленность Италии, осложнявшаяся соперничеством правителей различных государств. На Апеннинском полуострове укрепились абсолютистские режимы, а в республиках (Генуя, Венеция, Лукка) власть принадлежала торгово-финансовой олигархии. Кризис Старого порядка принял в итальянских государствах затяжной характер.

Немалую роль в политическом и экономическом упадке итальянских государств в раннее Новое время сыграли международные факторы — упрочение роли Османской империи в Средиземноморье и перемещение торговых путей в Атлантику, превращение Апеннинского полуострова в XVII–XVIII вв. в арену междоусобных войн итальянских правителей, а также в объект борьбы между Францией, Испанией и монархией Габсбургов, усматривавших в упрочении влияния на полуострове важный

фактор в борьбе за гегемонию в Европе. В результате для этого периода характерно чередование французского, испанского и австрийского влияния, разобщенность различных частей Апеннинского полуострова и нестабильность его политической карты. К середине XVIII в. Неаполитанское королевство обрело автономию от Мадрида, но перешло под власть испанской ветви Бурбонов, оказавшей сильное воздействие на политический и экономический строй и уклад жизни в Южной Италии. Ломбардия в XVIII в. вошла в состав Австрии, а в ряде государств Центральной Италии воцарились родственные либо зависимые от Габсбургов династии — Лотарингская и д'Эсте. Из крупных итальянских государств только в Пьемонте, получившем название Сардинского королевства, правила автохтонная Савойская (позднее — Савойско-Кариньянская) династия, а Папская область управлялась понтификами, избираемыми конклавом из числа итальянцев. Итальянские государства фактически не участвовали в европейской политике, местные политические элиты отличались провинциализмом.

Тем не менее именно в XVIII в. стали складываться предпосылки для развития движения за объединение итальянских государств, развернувшегося в конце XVIII в. и продолжавшегося с перерывами и откатами вплоть до 1870-х годов. Немаловажную духовную и социальную роль сыграло распространение в ряде итальянских государств идей Просвещения. Итальянское Просвещение имело специфическую гуманистическую окраску и сочетало универсалистские идеи европейского Просвещения с повышенным вниманием к собственно итальянским проблемам.

Противоречивое воздействие на судьбы Италии оказала Французская революция конца XVIII в. и последовавшие за ней военные конфликты, ареной и участниками которых были и итальянские государства. Вся Италия, за исключением островов Сардиния и Сицилия, остававшихся, благодаря присутствию там английского флота, опорными базами Савойской и Бурбонской династий, оказалась под властью Франции. Пьемонт, Венецианская республика с ее владениями в Адриатике, ряд территорий Центральной Италии вошли в состав Французской империи. Значительная часть Северной и Центральной Италии была объединена сначала в Итальянскую республику (1802 г.) с центром в Милане, а в 1805 г. — преобразована в Итальянское королевство, королем которого стал Наполеон Бонапарт. Неаполитанское королевство в 1806 г. было передано учрежденной императором новой династии — брату Жозефу, а после 1808 г. — зятю маршалу И. Мюрату.

Французские власти отменили личную зависимость крестьян и ряд сеньориальных повинностей. Осуществлялась широкомасштабная секуляризация и экспроприация общинных земель, ускоренными темпами формировалась централизованная система управления по французскому образцу, рушились преграды между прежде изолированными государствами и регионами. Папское государство в конце XVIII — начале XIX в. дважды ликвидировалось, что также способствовало секуляризации сознания части общества. Законом 2 августа 1806 г. упразднялась сеньориальная юрисдикция и провозглашался государственный суверенитет во всем Неаполитанском королевстве. При этом синьоры, утратившие некоторые права и преимущества, сохранили за собой всю земельную собственность. В Италии получил распространение ряд норм французского Гражданского кодекса. Благодаря французскому господству на Апеннинском полуострове на полтора десятилетия было гарантировано стабильное и интенсивное развитие. Вместе с тем Италия, как все чаще стали называть совокупность территорий и населения Апеннинского полуострова, рассматривалась Францией как стратегически важный регион и источник людских и материальных ресурсов, и в то же время как разменная монета в дипломатической игре с европейскими державами и возможность для вознаграждения родных и приближенных.

Из Италии вывозились уникальные культурные ценности; контрибуции и военные реквизиции оккупантов стали тяжелым бременем для населения и экономики. Бесцеремонное вмешательство французских властей в дела на Апеннинском полуострове, массовые призывы итальянской молодежи в армию и ее участие в крупных военных кампаниях в Европе, воцарившийся дух обогащения и финансовых спекуляций, навязанное присоединение к Континентальной блокаде способствовали росту антифранцузского сопротивления со стороны как клерикальных и монархических кругов, так и социальных низов, которые были недовольны решением аграрного вопроса, а также своим социальным и правовым положением.

Противоречивый политический и социальный опыт, пережитый итальянским населением под влиянием чередования за короткий период абсолютистских и республиканских режимов, обусловил на рубеже XVIII–XIX вв. острую дискуссию о путях развития Италии. Сторонникам революционной борьбы и республиканского устройства противостояли поборники реформ и конституционной монархии, а тем и другим — приверженцы консервативного традиционализма. Специфическим проявлением этих противоречивых устремлений стал карбонаризм,

функционировавший в виде системы тайных обществ и ячеек с весьма неоднородными программными установками. Совокупность этих процессов на исходе XVIII — в начале XIX в. составила начальный этап почти векового периода борьбы за создание единого итальянского государства — Рисорджименто. Крушение наполеоновской империи и решения Венского конгресса в 1814–1815 гг. обусловили наступление Реставрации в Италии, которая продолжалась до 1850-х годов. На основе принципа легитимизма были восстановлены, с определенной корректировкой границ, прежние итальянские государства с абсолютистскими монархическими режимами. Даже на общем реакционном фоне консерватизмом отличалась политика королей Пьемонта — Виктора Эммануила I и Карла Феликса, а также династии Бурбонов в королевстве Обеих Сицилий (Неаполитанском королевстве). Средоточием реакции стала Папская область. Ратуя за возврат средневековых устоев и союза трона и алтаря, римские понтифики — Лев XII, Пий VIII и Григорий XVI — в 1820-1840-е годы стремились возродить прежнее влияние католицизма. Активизировалась деятельность религиозных конгрегаций, в особенности ордена иезуитов. Повсеместно усиливался полицейский надзор, деградировали системы просвещения и правосудия, преследовалось распространение европейских либеральных и научных изданий. Более умеренным был курс правителей Тосканы. В Пармском герцогстве вплоть до кончины в 1847 г. Марии-Луизы Австрийской сохранялись в основном порядки, введенные до 1814 г. В рамках Венской системы и Священного союза Австрийская империя вернула себе ведущие позиции в Италии. Ломбардия и Венецианская область (Венето) вошли в Австрийскую империю (Ломбардо-Венецианское королевство) и стали форпостом ее 100-тысячной армии под командованием фельдмаршала Й. Радецкого. Канцлер К. Меттерних поддерживал устаревшую систему управления и регулирования общественной жизни в итальянских государствах, между которыми были восстановлены в полном объеме таможенные и полицейские барьеры.

Эти проявления Реставрации не смогли предотвратить распространения в Италии либеральных и демократических настроений и новых социальных учений. Их приверженцами была просвещенная аристократия и высшая бюрократия, часть университетской профессуры и студенчества, лица свободных профессий, военные. Оппозиционные настроения проявлялись также среди предпринимателей, ремесленников, чиновников, отчасти и среди городских низов. Усилению этих тенденций способствовали общественно-политические процессы в Италии и в Европе

— революции 1820–1821 гг. в Неаполитанском королевстве и Пьемонте, революция 1830 г. во Франции, а также 1831 г. в Парме, Модене и на части территории Папской области. В ходе этих событий при участии карбонарских организаций и поддержке ряда воинских подразделений и горожан создавались либеральные правительства. Все они были беспощадно разгромлены действовавшими с благословения Священного союза австрийскими войсками и верными монархам армейскими частями. Столь же решительно подавлялись и другие формы протеста, преследовались организации карбонариев. Жесткие методы подавления движений протеста затрудняли сплочение оппозиционных сил и выработку ими программных установок. Чередование различных фаз и форм Рисорджименто с периодами анти-Рисорджименто, как это было в период Реставрации, придавало процессу объединения Италии затяжной и противоречивый характер.

Реставрация способствовала сохранению в итальянских государствах системы социальных отношений, характерных для Старого порядка, особенно это отразилось в замедленном развитии сельского хозяйства. Тем не менее в 1820-1850-е годы наряду с преобладанием ручного труда росло применение паровых двигателей, ткацких станков, шелкопрядильных машин, сельскохозяйственной техники. В Ломбардии, Пьемонте, частично в Средней и Южной Италии складывались ориентированные на рынок отрасли сельского хозяйства и предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции — виноградарство и виноделие, овощеводство, оливковые, цитрусовые и рисовые плантации, производство оливкового масла, сыроварение, разведение шелковичных червей и производство шелка-сырца. В эти процессы наряду с буржуазией вовлекалась часть крупных землевладельцев.

Вопреки правительственной цензуре и засилью официальной консервативной идеологии явно и подспудно шел процесс формирования либерально-конституционных и радикально-демократических течений политической и общественной мысли, а с ними и национального самосознания. Универсалистские и рационалистические воззрения, унаследованные от Просвещения, сочетались с влиянием романтизма — прогрессивного и реакционного, а также иных общеевропейских социальных теорий. Особый вклад в становление идеологии Рисорджименто и разработку его программы внес молодой юрист, талантливый публицист и организатор, уроженец Генуи Джузеппе Мадзини (1805–1872), создатель системы воззрений революционной демократии Италии и Европы, получившей название мадзинизма. Распространению

программных установок Дж. Мадзини и сплочению его соратников содействовала деятельность организации и одноименного журнала «Молодая Италия». Условием безотлагательного решения «итальянской проблемы» Мадзини считал борьбу за свободу и независимость Италии и создание единого итальянского государства наряду с реализацией демократических преобразований и утверждением в стране республиканского строя. Он был убежденным противником папства, института монархии, всех континентальных империй. Отстаивая принципы свободы и их распространение посредством «жертвенного примера» героического меньшинства и революционного насилия, Мадзини вместе с тем придавал большое значение вовлечению в борьбу за независимость Италии народных масс. Благодаря Мадзини, патриотические и демократические воззрения распространялись в буржуазных кругах, среди учащейся молодежи и городских низов. Неоднократно предпринимались попытки восстаний и военных экспедиций (савойская экспедиция 1834 г., восстание в Сицилии 1837 г., экспедиция братьев Бандьера в Калабрию в 1844 г., и других вплоть до 1872 г., уже в рамках единого итальянского королевства). Все они были сопряжены с тяжелыми жертвами и оборачивались новой волной репрессий. Для мадзинизма были свойственны черты мистицизма, социально-утопические представления о путях и целях прогресса, повышенное внимание к роли наций и национальному вопросу, пропаганда идеи об особой миссии Италии в борьбе за свободу и братство народов.

Из «Отрытого письма королю Карлу Альберту» Дж. Мадзини. Около 1831 года.

«Гений, Ваше Величество, — это искра Божья, независимая и плодотворная, как сам Бог. Он не продается, не подчиняется отдельным людям, но заботится о роде человеческом и толкует природу. Молодежь кипит согласно инстинкту, она беспокойна из-за избытка жизни, постоянна в своих намерениях из-за мощи чувств, презирает смерть из-за недостаточной расчетливости. Плебс бунтует из-за привычки, недоволен из-за нищеты, всемогущ из-за количества.

И вот гений, молодежь и плебс против Вас. Они не удовлетворятся немногими уступками, сделанными человеком, которому никакой закон не запретит на завтра их отменить. Они не удовольствуются реформами, направленными на богатство и могущество того, кто их проводит. Они хотят реформ, которые

несут нации все и ничего, кроме любви, — тому, кто их проводит...

Они хотят свободы, независимости и единства. Поскольку крик 1789 г. прервал сон народов, они стали искать титул, с которым могли бы предстать перед большой европейской семьей, и обнаружили лишь огрызки. Разделенные между собой, подавленные, расчлененные, они не имеют ни имени, ни родины. Они слышали, как иностранец звал их “илотами наций”. Как свободный человек воскликнул, проезжая через их селения: “это всего лишь пыль!” Они испили до дна горькую чашу рабства и поклялись больше не возвращаться в него.

Они хотят свободы, независимости и единства; и они получают это, поскольку твердо решили это получить. (...)

Ваше Величество! Оттолкните Австрию. — Оставьте позади Францию. — Заключите союз с Италией.

Встаньте во главе нации и начертайте на Вашем знамени “Единство, Свобода, Независимость!” Провозгласите святость мысли! Объявите себя защитником, толкователем прав народа, преобразователем всей Италии! Освободите родину от варваров! Создайте будущее! Дайте имя Ваше целому столетию! Начните с себя новую эпоху! Станьте лицом поколений! Станьте Наполеоном итальянской свободы!

Ваше величество! Я сказал Вам правду. Свободные люди Италии ждут от Вас ответа в делах. Каким бы он ни был, имейте в виду, что потомки провозгласят Вас ПЕРВЫМ ИЗ ЛЮДЕЙ ИЛИ ПОСЛЕДНИМ ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ТИРАНОВ! — Выбирайте!»

В противовес мадзинизму и другим республиканским и демократическим движениям и организациям, возникавшим в итальянских государствах, в частности на Юге, сторонники либеральных воззрений, особенно после подавления революционных выступлений 1820–1821 и 1831 гг., не рассматривали борьбу за единство и независимость Италии как насущную политическую задачу, считая ее делом отдаленного будущего. Они выступали против повстанческой и заговорщической тактики борьбы, присущей карбонаризму и мадзинизму, осуждали бунтарские формы протеста крестьянства и городских низов. Выражая интересы просвещенных кругов аристократии, предпринимателей, ученых, поборники итальянского либерализма выступали за реформы, в первую очередь — административную, налоговую и судебную. Многие из них

наряду с предпринимательской деятельностью занимались созданием благотворительных и учебных заведений, ратовали за железнодорожное строительство как важное условие экономического развития, способствовали, посредством проведения общеитальянских научных конгрессов, распространению сведений о европейских достижениях в области социальных, естественных и технических знаний. Несмотря на жесткую светскую и духовную цензуру развивалась публицистика и периодические издания. Заметную роль в 1820-1830-е годы сыграли журналы «Antologia» и «Conciliatorio». Множились проекты преодоления пагубных последствий политической раздробленности страны на принципах конфедерации или федерации итальянских монархий (проекты Ч. Бальбо, М. Д'Адзелио, Д. Дурандо и др.). Немалое распространение получили различные варианты «католического» либерализма — «неогвельфизма». Его поборники, в особенности В. Джоберти, в своих трудах предлагали совместить решение насущных итальянских проблем с реформированием церкви папством. Широкий общественный резонанс получила изданная за рубежом и несмотря на цензуру распространявшаяся в итальянских государствах работа Джоберти «О моральном и гражданском первенстве итальянцев» — страстный призыв к обновлению политической и религиозной жизни в итальянских государствах, осуждение духовной реакции, а также его работа с острой критикой ордена иезуитов и инквизиции. Именно Джоберти принадлежало применение термина Рисорджименто (Возрождение) в качестве определения возвышенной цели сплочения итальянского народа и опоры на славные традиции итальянской истории и культуры. В конце 1847 г. в Турине — столице Пьемонта — при активном участии графа Б.К. Кавура, убежденного сторонника либерализации и модернизации пьемонтского общества, стала выходить газета «Рисорджименто». С этого времени понятие Рисорджименто закрепилось в общественно-политическом лексиконе, а позднее дало имя всему процессу борьбы за единство, независимость и модернизацию Италии.

К середине XIX в. нараставший кризис Священного союза и Венской системы усугубился в итальянских государствах, как и во всей Европе, неурожайными годами, спадом деловой активности, растущей пауперизацией сельского населения, испытывавшего двойное бремя сеньориальных порядков и развития капиталистических отношений. Усилившаяся оппозиция династическим режимам вылилась в 1846–1847 гг. в итальянских государствах в широкое движение за реформы, принявшее в 1848–1849 гг. революционный характер, составив в совокупности важный

этап Рисорджименто. Начало ему в 1846 г. положили события в Папской области, где новый понтифик Пий IX начал свое правление с политической амнистии и выразил намерение провести административные реформы. Известие об этом стало толчком к повсеместным массовым выступлениям, участники которых от изъятия восторгов в адрес Пия IX быстро переходили к требованиям снятия цензурных запретов, свободы собраний, печати, создания гражданской гвардии, устранения с высоких постов реакционеров, запрета иезуитских конгрегаций и т. п. Всю Италию наводнили либеральные и демократические издания, происходили стычки горожан с карабинерами и армейскими подразделениями. В Ломбардии и Венецианской области выступления носили ярко выраженный антиавстрийский характер. Знаковым событием стало мощное народное восстание в Сицилии в январе 1848 г., в результате которого с острова была эвакуирована большая часть королевских войск, а администрация Бурбонов заменена Временным либеральным правительством. Оно поставило вопрос перед Неаполем о признании независимости Сицилии и обратилось к итальянским государствам с предложением о создании федеративного союза. Мощный импульс дальнейшим переменам в итальянских государствах дали падение июльской монархии во Франции, революционные события в германских государствах и Австрийской империи в феврале-марте 1848 г. В Неаполитанском королевстве и Тоскане монархи пошли на введение конституций и парламентов. В Сардинском королевстве Карл Альберт 5 марта 1848 г. издал Альбертианский статут — конституцию, узаконившую создание парламента и ряд гражданских свобод. В Папской области Пий IX 14 марта 1848 г. обнародовал «Основной статут светского управления церковного государства», предусматривавший создание правительства и парламента, важное новшество, шедшее в разрез с многовековой традицией совмещения в руках понтификов всей полноты духовной и светской власти. Серьезных успехов добились патриотические силы в Ломбардии, а также в Венеции и Венето. 17–22 марта 1848 г. («пять дней Милана») жители Милана, вступив в борьбу против австрийского гарнизона, вынудили австрийские части покинуть город. Под давлением аналогичных выступлений жителей других регионов Ломбардии армия Й. Радецкого отошла на север в район крепостей, прикрывавший жизненно важные центры империи. Власть в Милане и всей Ломбардии перешла к Временному правительству. В Венеции в результате антиавстрийского восстания 22–23 марта 1848 г. была провозглашена Венецианская республика и сформировано Временное правительство во главе с Д. Манином.

На фоне всеобщего воодушевления и политических перемен в итальянских государствах король Пьемонта Карл Альберт 24 марта 1848 г. объявил о начале войны против Австрии. Войска королевства вступили на территорию Ломбардии и Венецианской области под трехцветным знаменем, ставшим с тех пор символом национального единства Италии. Первая война за независимость (март 1848 — март 1849 г.) стала важной составной частью Рисорджименто. Помимо армии Пьемонта в ней на первых порах приняли участие военные силы Тосканы, Папской области, Неаполитанского королевства, а также волонтеры из всех итальянских государств, по преимуществу учащаяся молодежь и горожане. Во главе добровольческих соединений встал возвратившийся после многолетней эмиграции и участия в борьбе за свободу в Южной Америке уроженец Генуи Дж. Гарибальди, снискавший славу как талантливый полководец и мастер партизанской борьбы. С этого времени феномен гарибальдийства — массового волонтерства под руководством этого народного героя — стал важным компонентом битв Рисорджименто, придавая им народный характер. Благодаря войне за независимость вырос авторитет Пьемонта. В мае-июне 1848 г. при активном участии пьемонтских эмиссаров прошли плебисциты в Ломбардии, Венецианской области и государствах Центральной Италии — Модене, Тоскане, Парме, участники которых высказались за слияние (*la fusione*) с Сардинским королевством (Пьемонтом). Венеция, где возобладали партикуляристские настроения и недоверие к дипломатии Карла Альберта, в плебисците не участвовала.

Отсутствие у пьемонтской армии опытного руководства, разногласия итальянских монархов, усиливавшиеся повсеместно противоречия «умеренных», как стали называть сторонников либеральных воззрений, и радикалов («экзальтированных»), а также активизация мадзинистов и других демократических организаций и движений негативно сказались на ходе войны против Австрии. Получив подкрепления, Й. Радецкий перешел к активным действиям. 22 июля 1848 г. пьемонтские войска потерпели поражение при Кустоце, а затем поспешно, без боя, сдали Милан. 8 августа было подписано так называемое перемирие генерала Саласко, восстановлено австрийское господство в Ломбардии и на большей части Венецианской области, аннулированы итоги плебисцитов о присоединении ряда государств к Пьемонту. Положение осложнилось наступлением реакции в Неаполитанском королевстве. В мае 1848 г. в Неаполе был разогнан так и не успевший приступить к работе парламент. Королевские войска расправились с повстанческими движениями и оппозицией на материковой части королевства, а затем в апреле-мае 1849 г. и в Сицилии.

Тщетным оказалось посредничество Англии, пытавшейся склонить неаполитанского короля к отказу от репрессий. В ноябре 1848 г. Пий IX, осудив борьбу за независимость и демократические преобразования, бежал из Рима в мощную неаполитанскую крепость Гаэту, где нашли приют и правители других государств. Разочарование в понтифике и в Савойской монархии способствовало активизации в конце 1848 — начале 1849 г. радикально-демократических сил в Риме, Флоренции, Турине и ряде других городов. В Риме в феврале 1849 г. была провозглашена республика. В ее руководстве активную роль сыграли Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди и другие убежденные республиканцы, разделявшие мечту Мадзини о третьем, народном Риме. Была разработана демократическая конституция Римской республики и созвано Учредительное собрание, пытавшееся содействовать объединению Италии. Сходные процессы шли во Флоренции и Ливорно (Тоскана). В этих условиях, опасаясь за судьбу монархии, надеясь реализовать вожделенную цель Савойской династии — объединение вокруг Пьемонта всей Северной, а по возможности и Центральной Италии — Карл Альберт 20 марта 1849 г. решился на возобновление войны с Австрией. Новый этап войны продлился всего несколько дней и стал катастрофой для Пьемонта, его войска были разгромлены 23 марта при Новаре. Карл Альберт поспешно отрекся от престола в пользу сына и покинул страну. Новый король Виктор Эммануил II был вынужден принять крайне тяжелые условия нового перемирия, а позднее и мирного договора с Австрией — выплата контрибуции, сокращение армии, согласие на размещение в стратегически важной части Пьемонта австрийских гарнизонов и отказ от претензий на присоединение к королевству территорий Северной и Центральной Италии. С помощью австрийских вооруженных сил были восстановлены монархические режимы в Тоскане, Парме, Модене. Развернулись репрессии австрийских властей против патриотических кругов в Ломбардии и Венецианской области.

Все это предрешило исход борьбы в последних очагах сопротивления. Римская республика с трудом защищалась от блокировавших город неаполитанских и австрийских войск, а с апреля 1848 г. — и от направленного в Папскую область французского экспедиционного корпуса. В июле 1849 г. город был оккупирован французскими войсками. С их помощью было восстановлено Папское государство во главе с Пием IX. В августе 1849 г. пал последний оплот революции — Венеция, претерпевшая все тяготы блокады, голода, бесконечных артиллерийских обстрелов с суши и с моря. Наступила очередная полоса реакции с сопутствовавшими ей

репрессиями и новой волной эмиграции. Однако политические события 1846–1849 гг. ускорили кризис Венской системы и открыли новые перспективы для борьбы за независимость, единство и модернизацию Италии.

Решающие битвы Рисорджименто развернулись на исходе 1860-х годов — в 1870-е годы при активном участии либерального и демократического течений, сопротивлении консервативных и традиционалистских сил и растущем воздействии на положение дел в Италии европейской дипломатии. Заметную роль в восстановлении патриотических и либеральных сил сыграло Сардинское королевство (Пьемонт), где сохранялся конституционно-парламентский режим, была реорганизована армия и проводились экономические преобразования. Возросла роль правительства, которое в 1852–1861 гг. возглавлял граф Б.К. Кавур, блестящий политик и искусный дипломат, ставший лидером либеральных сил. В противодействии диктату Австрии он добивался поддержки Англией и Францией претенциозных планов Савойской династии. Военные силы Пьемонта участвовали в Крымской войне против России в 1853–1856 гг., а делегация королевства — в работе Парижского конгресса 1856 г. С этого времени вплоть до Франко-прусской войны Пьемонт был активным соучастником европейской политики Наполеона III. Секретным Пломбьерским соглашением (1858–1859) о политическом переустройстве на Апеннинском полуострове был оформлен антиавстрийский альянс Второй империи и Пьемонта. Его следствием стала Австро-итало-французская война 1859 г. (так называемая вторая война за независимость). В сражениях на территории Ломбардии и Венето французской и пьемонтской армиями и гарибальдийскими волонтерскими соединениями были выиграны битвы при Мадженте, Сольферино и Сан-Мартино. Освобождение всей Северной Италии не было реализовано из-за поспешного заключения Наполеоном III Виллафранкского мира с Францем Иосифом. Австрия отказалась в пользу Пьемонта от Ломбардии, но сохранила за собой Венецианскую область. С согласия Кавура Франции отошли владения Пьемонта — Савойя и Ницца.

Между тем в действие вступили патриотические силы, под напором которых были изгнаны австрийские гарнизоны и свергнуты правители Тосканы, Пармы, Модены. Восстала Романья — мятежная часть Папской области; вновь развернулись антибурбонские выступления в Неаполитанском королевстве, особенно в Сицилии. Плебисциты 1859–1860 гг. подтвердили, как и в 1848 г., согласие населения государств Центральной Италии на объединение с Пьемонтом на конституционных

началах. Под руководством Дж. Гарибальди была осуществлена экспедиция гарибальдийской «Тысячи» (около 1200 волонтеров) в Сицилию. При поддержке местного населения гарибальдийские силы разгромили королевские войска и установили на острове революционный режим, а летом 1860 г. переправились через Мессинский пролив и начали триумфальное движение к Неаполю, в который вошли 7 сентября. Опасаясь радикализации политической ситуации на юге Италии, регулярные части Пьемонта под командованием Виктора Эммануила II в свою очередь двинулись на юг, заняв по дороге части Папских владений — Анкону и Перуджу, а затем в феврале 1861 г. овладев крепостью Гаэта. 21 октября 1860 г. в королевстве был проведен плебисцит, на котором большинство жителей высказались за включение юга в состав Пьемонта, в чем немалую роль сыграл Гарибальди. При всех разногласиях с «умеренными» и Кавуром он понимал необходимость сотрудничества с монархией во имя независимости и объединения Италии.

17 марта 1861 г. избранный по инициативе Пьемонта общеитальянский (без Венето и Папской области) парламент конституировал создание по «воле нации» итальянского королевства. Виктор Эммануил II принял титул итальянского короля. Положения Альбертианского статута 1848 г. были распространены на все королевство. Декларировались гражданские права и свободы: неприкосновенность личности и жилища, частной собственности, свобода печати, собраний, ассоциаций, упразднялся ряд сословных привилегий. Был узаконен двухпалатный парламент как представительный и законодательный орган. Нижняя палата депутатов была выборной, хотя избирательными правами первоначально обладали лишь 2 % населения. Члены верхней палаты — Сената — назначались королем пожизненно из представителей знати, генералитета, высшей бюрократии, духовенства, видных деятелей культуры.

В 1861–1862 гг. новое государство было признано большинством стран Европы, в том числе Великобританией, Францией, Россией, Пруссией, Испанией и др. После тщетных попыток урегулировать отношения с Австрийской империей Итальянское королевство в 1866 г. заключило союз с Пруссией и приняло участие в Австро-прусской войне 1866 г. (в истории Италии так называемая третья война за независимость). После победы Пруссии по Венскому договору, заключенному между Италией и Австрией, Венето с Венецией при посредничестве Берлина перешло итальянскому государству. Триест, Трентино и Венеция-Джулия — территории со смешанным итальянским, славянским и отчасти немецким населением остались в рамках Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской) империи.

Они получили название «неосвобожденных», «неискупленных земель» (terre irredente), а ирредентизм — движение за их «освобождение», т. е. включение в состав итальянского государства — играл заметную роль в жизни Италии вплоть до 1920-х годов, подпитывая националистические настроения. В том же 1866 г. Австрийская империя признала итальянское государство.

С наибольшими трудностями было связано решение «римского вопроса». Пий IX в своем двойном качестве — главы государства и главы католической церкви — вплоть до своей кончины в 1878 г. сохранил враждебное отношение к образованию итальянского государства и политическим переменам в нем. Он сыграл решающую роль в определении консервативного курса папства, отвергнув чаяния реформаторски и либерально настроенной части духовенства и предопределив дальнейшие схватки своих преемников — понтификов Льва XIII (1878–1903), Пия X (1903–1914) и Бенедикта XV (1914–1922) — со сторонниками «модернизма» в католических рядах и конфликтные взаимоотношения папства с итальянским государством. В 1864 г. была обнародована папская энциклика «Quanta сига» с приложением «Силлабуса», перечня «важнейших заблуждений» человечества. В них доказывалась правомерность всех деяний церкви и подвергались суровой критике как род ереси рационализм, научные знания, политические идеи нового времени, в том числе либерализм, демократия, социализм и коммунизм, ценности Рисорджименто. В 1869–1870 гг. в Риме по инициативе Пия IX был созван первый Ватиканский (Вселенский) собор. Он узаконил принцип непогрешимости папы — неоспоримости интерпретации им доктрин, касающихся веры и морали, и санкционировал жесткие дисциплинарные меры против оппозиционных папскому абсолютизму кругов духовенства и папствы.

***Из энциклики Папы Льва XIII «Rerum Novarum» от 15 мая
1891 года***

«...Нет ничего удивительного в том, что дух революционных перемен, так долго возмущавший народы мира, вышел за пределы политики и влияние его уже ощущается в родственной области практической экономики. К нынешнему конфликту привели прогресс промышленности, развитие новых отраслей, изменившиеся отношения между рабочими и хозяевами,

огромные состояния немногих и бедность многих, наконец — заметный упадок нравственности. Положение очень серьезно, оно вызывает сильнейшие опасения, ученые толкуют о нем, деловые люди предлагают разные планы, народные собрания, парламенты и правительства им заняты, словом — общественное внимание в высшей степени захвачено им.

Прежде, досточтимые братья, мы обращались к вам ради Церкви и общего блага, чтобы опровергнуть ложные учения о политической власти, о человеческой свободе, о государственном устройстве и тому подобных предметах; так и теперь сочли полезным сделать предметом своего послания рабочий вопрос. Мы уже касались этого раза два; но сейчас, по долгу апостольского служения, открыто и всесторонне обсудим этот вопрос, чтобы не было никаких сомнений в том, на основе каких принципов должно решить его в согласии с истиной и справедливостью. Обсуждать его нелегко и в известной мере опасно. Нелегко определить относительные права и взаимные обязанности богатых и бедных, капиталистов и рабочих. Опасность же в том, что ловкие агитаторы непрестанно пользуются такими спорами, извращая суждения и побуждая народ к мятежу.

Нет и спора — в этом согласны все, — что надо найти какое-то средство против зол и несчастий, от которых теперь страдают почти все рабочие. Старинные цеха уничтожены в прошлом веке, и никакие сообщества не заменили их. Общественные учреждения и законы отвергли веру отцов. Разъединенные рабочие ничем не защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества. Бедствия эти усугубляло хищное ростовщичество; Церковь не раз осуждала его, но оно существует в иных видах, корыстолюбие же и алчность остаются теми, что и прежде. Кроме того, теперь нередко работают по договору, а в руках незначительного числа сосредоточено столько отраслей производства, что считанные богачи могут держать множество бедных под игом, которое немногим лучше рабства.

Чтобы преодолеть это зло, социалисты, рассчитывая на зависть бедных к богатым, предлагают уничтожить частную собственность и требуют, чтобы личное имущество стало общим и находилось в ведении государства или местных властей. Им кажется, что, передав собственность от частных лиц обществу,

они исправят нынешние беды, ибо каждый гражданин будет иметь долю во всем, что ему может понадобиться. Однако предложения эти настолько непригодны, что если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. К тому же они несправедливы — ведь, следуя им, пришлось бы ограбить законных владельцев, впустить государство туда, где ему не место, и совершенно расстроить общественную жизнь.

Профессиональные союзы.

Хозяева и рабочие могут немало сделать и сами при помощи учреждений и обществ, которые стремятся помогать нуждающимся и сводят ближе оба сословия. Тут можно упомянуть общества взаимной поддержки, общества, основанные частными лицами для страхования рабочих, их вдов и сирот на случай бедствия, болезни или смерти, и попечительства или учреждения, пекущиеся о детях, подростках и престарелых.

Важнее всего союзы рабочих, которые, в сущности, включают в себе все остальное. История свидетельствует, что ремесленные цехи прежних веков достигали многого. Они не только приносили немалую пользу рабочим, но и помогали совершенствовать мастерство, как видно из многочисленных памятников. Такие союзы должны быть сообразованы с требованиями времени, в котором мы живем, поскольку теперь можно получить лучшее образование, обычаи изменились, потребностей стало больше.

Отрадно отметить, что уже немало союзов, в которые входят одни рабочие или рабочие и хозяева вместе; тем не менее, их недостает, и весьма желательно, чтобы они умножились и усилили свою деятельность. Мы не раз говорили о них, но объясним здесь, как они нужны, покажем, что они имеют полное право на существование, и уточним кое-что относительно их организации и действий. Сознвая свою слабость, человек ищет поддержки вне самого себя.

Здесь Мы упомянем о тех братствах, обществах и

монашеских орденах, которые обязаны своим возникновением церковной власти и благочестию христиан. О том, как много сделали они для людей, свидетельствуют летописи веков до нашего времени включительно. Разум воспрещает оспаривать, что союзы эти, безупречные по своим целям, коренятся в естественном законе. В религиозном отношении они по праву ответственны лишь перед Церковью; мирские правители не имеют власти над ними и не вправе вмешиваться в их дела, напротив, должны покровительствовать им, уважать их, а если нужно — и защищать.

Но, как известно, правительства ведут себя иначе, особенно в наше время. Во многих странах они позволяли себе насильственные действия и различные обиды, подчиняли эти общества гражданскому закону, нарушали их права юридической личности и лишали их собственности, принадлежавшей Церкви, членам союзов, учредителям, жертвователям и тем, наконец, ради кого общества основаны. Мы сожалеем о таком ограблении, ибо оно несправедливо и может привести к тяжелым последствиям. Для сожаления тем больше оснований, что, провозглашая свободу союзов, закон всячески преследует мирные и полезные католические общества, предоставляя полную свободу тем, чья деятельность вредна для веры и опасна для государства.

Разных союзов, особенно рабочих, теперь гораздо больше, чем прежде. Не будем говорить обо всех, входя в подробности, касающиеся их происхождения, целей и средств. Однако немало свидетельств о том, что многие из них направляемы невидимыми вожаками, осуществляющими в них принципы, противные христианству и общественному благу. Они пытаются захватить все поле трудовой деятельности и вынуждают рабочих либо присоединиться к ним, либо голодать. При таких обстоятельствах рабочие-христиане вынуждены либо войти в союз, где может подвергаться опасности их религиозная жизнь, либо основать свои союзы — соединить силы и смело свергнуть иго несправедливого и невыносимого угнетения. Конечно, всякий, кто не желает подвергаться крайней опасности наивысшее наше благо, предпочтет второе решение.

Заслуживают всяческой похвалы те католики, — а их немало, — которые, понимая требование времени, изыскивают добрые способы и установления, чтобы улучшить положение

рабочих. Принимая к сердцу их дела, они стремятся улучшить жизнь их семейств, внести справедливость в отношения с хозяевами и напомнить обоим классам веление долга и заповеди Евангелия, которое, внушая самоограничение, удерживает людей в пределах умеренности и приводит в согласие расходящиеся интересы лиц и классов, составляющих государство.

Имея в виду такие цели, одни сходятся вместе, чтобы обсудить, как им действовать сообща и как приложить к делу свои благие намерения. Другие стремятся объединить рабочих в союзы, помочь им советом и средствами и отыскивать для них возможность честного и вознаграждаемого труда. Епископы, со своей стороны, всячески поддерживают все это, и многие пастыри, в том числе монахи, с их одобрения и при их помощи, прилежно трудятся над духовным и умственным развитием рабочих, входящих в католические союзы.

Нет недостатка и в состоятельных католиках, которые делят свое достояние с теми, кто живет работой своих рук, и тратят огромные деньги на устройство и распространение обществ, благодаря которым рабочий без особых усилий может достигнуть своим трудом не только преимуществ в настоящем, но и уверенности в будущем. Не будем говорить, как благотворна для общества вся эта многосторонняя и ревностная деятельность, это и так известно.

Мы видим в ней основание для самых радостных надежд, лишь бы такие союзы росли и распространялись, а во главе их стояли добрые и мудрые люди. Пусть государство оберегает сообщества своих граждан, по праву соединившихся вместе; но вмешиваться в их внутренние дела и препятствовать их организации оно не должно, ибо они живут и движутся душой, находящейся внутри, а посторонняя сила может ее убить.

...Итак, пусть наши союзы, прежде всего и по преимуществу, обращаются к Богу; пусть религиозное наставление занимает в них первое место, пусть каждый из членов союза заботливо обучается тому, что составляет его обязанности к Богу, чему он верит, на что надеется и что ведет его к вечному спасению. Пусть каждый рабочий с особенным вниманием остерегается ошибочных мнений и ложных учений и укрепляется в противодействии им. Пусть рабочие побуждаются и приучаются к богослужению, к ревностному отправлению

религиозных обязанностей и, между прочим, к чествованию воскресных и праздничных дней. Пусть они учатся почитать и любить святую Церковь, нашу общую Матерь, ибо повиноваться ее наставлениям и соблюдать ее таинства — средство, преподанное Богом для прощения грехов и освящения жизни».

Непримиримость папы и реальная угроза интернационализации «римского вопроса» создавали немалые сложности для конституционно-монархических сил итальянского государства, стремившихся предстать в Европе фактором стабильности и порядка. Нарастал их конфликт с поборниками мадзинизма и гарибальдизма, не мыслившими единой Италии без Рима. Неудачные попытки Гарибальди в 1862 и 1867 гг. решить с помощью волонтеров этот вопрос вызвала политический кризис в Италии. Осложнились итало-французские отношения. В этой ситуации международный кризис в Европе, вылившийся во Франко-прусскую войну и ускоривший падение Второй империи во Франции, дал беспрецедентную возможность правящим кругам итальянского государства решить «римский вопрос». 20 сентября 1870 г. итальянские войска заняли Папскую область и вступили в Рим, положив конец существованию Папского государства. Успешный плебисцит в Лацио и Риме санкционировал, как ранее в Венето, их вхождение в Итальянское королевство. В 1871 г. Рим стал столицей Италии. Был принят закон «О гарантиях прерогатив папы и Святого престола и о взаимоотношениях государства и церкви», действовавший вплоть до 1929 г. Католицизм был признан государственной религией. Особа папы объявлялась священной и неприкосновенной. Ему, как главе католической церкви, предоставлялась полная свобода в осуществлении духовных функций, но папа лишался прерогатив светской власти, а владения Святого престола ограничивались Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и загородной виллой. Закон оставил открытыми вопросы церковного имущества и религиозных конгрегаций, полномочий церкви в области гражданских отношений и образования, дав возможность государству решать их по своему усмотрению.

В ответ Пий IX объявил освобождение Рима узурпацией, не признал новых условий взаимоотношений церкви и государства, наложил запрет на участие католиков в парламентских выборах (*non expedit* — не подобает), объявил себя узником Ватикана, как позднее стал называться Святой престол. Затяжной конфликт государства и церкви объективно затруднил формирование гражданского и национального сознания, находившихся под влиянием религиозных догматов широких слоев населения — в первую

очередь, крестьянства. Непримиимость папства в свою очередь усиливала антиклерикальную направленность политики либеральных сил и левого спектра итальянского общества в лице республиканской, радикальной и социалистической партий, оформившихся в 1880-1890-е годы.

С завершением Рисорджименто ускорился процесс модернизации и капиталистического развития итальянского государства и общества, обусловив серьезные перемены во всех сферах жизни — политической, экономической, социальной и духовной. Они давались нелегко по многим причинам. Плодами Рисорджименто воспользовались Савойская династия и так называемая историческая Правая, продолжательница программных установок умеренного крыла либерально-монархического лагеря. В рамках сложившегося в 1860-1890-е годы конституционно-парламентского строя в итальянском государстве и обществе был реализован политический и социальный компромисс монархии, крупных землевладельцев (латифундистов и знатных дворянских родов) с буржуазией — аграрной, торгово-финансовой и промышленной. Король сохранил широкий круг полномочий — определял состав и курс правительства, осуществлял руководство вооруженными силами, внешней политикой, разделял с парламентом законодательные функции. Вокруг короля и королевской семьи группировалась «партия двора» из приближенных к королю представителей знатных дворянских родов, высшего офицерства и видных сановников, склонных к сохранению незыблемых монархических устоев. Первый король объединенной Италии — ее «отец-основатель» Виктор Эммануил II, декларируя приверженность либеральным и конституционным принципам, сохранял за собой роль высшего арбитра в конфликтных ситуациях, обусловленных сложными взаимоотношениями короны, правительства и парламента. По пути упрочения монархических устоев, а в 1890-е годы и авторитарных тенденций в политической жизни Италии пошел преемник Виктора Эммануила II — Умберто (1878–1900). Между двумя вариантами политического курса колебался в первые десятилетия своего долгого пребывания на троне (1900–1946) Виктор Эммануил III. Из приверженности монархистским устоям исходили в своей политике деятели различных течений весьма неоднородного либерального лагеря, находившегося бессменно у власти вплоть до 1922 г. Монархическая форма правления и воплощавшая ее Савойская династия рассматривались правящими кругами как условие поддержания общественного порядка, важный признак культурного единства страны, гарант международной легитимации и ее участия в европейской политике.

Становление и развитие молодого итальянского государства было

осложнено незавершенностью процесса первоначального накопления и дефицитом капиталов, важных видов сырья, средств коммуникаций, нехваткой современных управленческих и научно-технических кадров, массовой неграмотностью населения. Немаловажным препятствием модернизации страны было преобладание протоиндустриальных форм мануфактурного и ремесленного производства, сохранение, особенно на юге, крупного помещичьего землевладения и элементов сеньориальных отношений в деревне. В 1870-1880-е годы на долю сельского хозяйства приходилось 3/5 национального дохода. Наследие многовековой раздробленности страны усугублялось мощными анклавами традиционалистской культуры, а также историко-культурными, лингвистическими и этноантропологическими особенностями населения горных зон на севере и южных территорий, в первую очередь Сардинии, Сицилии, Калабрии. Отсюда вытекали трудности формирования национальной политической элиты и адаптации отдельных слоев населения и целых регионов к реалиям единого государства. В неутраченных дискуссиях об итогах Рисорджименто и проблемах единой Италии ее творцы и их оппоненты были вынуждены признать разрыв между Италией «легальной», т. е. оформленной законами, и Италией реальной, большая часть которой не ощутила благотворности либерально-конституционных положений Статута и преимуществ объединения страны. Оппонентами конституционно-монархической Италии выступали католическое духовенство и оформлявшееся социалистическое движение. Ценностям Рисорджименто, ставшим составной частью официальной идеологии, они противопоставляли универсалистские, космополитические воззрения католицизма, а также интернационалистские, классовые идеи и принципы в духе получившего распространение в Италии в последней трети XIX в. марксизма и программных установок Первого и Второго Интернационалов. Положение усугублялось большим влиянием, прежде всего среди многочисленных в Италии мелких собственников и пролетаризировавшихся масс городского и сельского населения, разновидностей анархизма, в особенности бакунизма, а позднее, в начале XX в. анархо-синдикализма. Последователи Мадзини и сторонники других демократических течений, а также первые поколения социалистов ратовали за республику, всеобщее избирательное право и социальные реформы. Наличие весьма неоднородной, но массовой оппозиции усиливало политическую и социальную нестабильность итальянского государства и общества.

На этом фоне находившаяся у власти в 1861–1876 гг. «Правая» в

ускоренном темпе занималась унификацией административной, финансово-кредитной, налоговой, судебной систем, кодификацией гражданских отношений и внедрением правовых начал в весьма неоднородных по уровню социально-экономического развития, с разными политическими традициями и историческим опытом регионах страны. Была введена единая денежная система, система мер и весов, создан Национальный банк (Banca d'Italia), упразднялись таможенные барьеры между территориями итальянского государства, были отменены либо снижены протекционистские тарифы на товары импорта и экспорта, с помощью государственных вложений и субсидий развернулось строительство железных и шоссейных дорог, шло обустройство портов, прокладывались телеграфные линии. В сочетании с крупными затратами на военные кампании и реорганизацию армии и флота, формирование нового государственного аппарата, выплату долгов бывших династий (2,4 млрд лир) это привело к стремительному росту государственных расходов и осложнило финансовое положение государства. Следствием этого стал перманентный дефицит государственного бюджета, практика внутренних и внешних заимствований, рост государственного долга, инфляции и дороговизна товаров первой необходимости. Главным источником бюджетных поступлений со времен правления «Правой» стали прямые и косвенные налоги, основное бремя которых легло на наименее обеспеченные слои населения. Ввиду нерешенности аграрного вопроса это было чревато обострением социальных противоречий, нищетой и низкой покупательной способностью основных масс населения, узостью внутреннего рынка.

Неизменным компонентом итальянского государства и общества со времени правления «Правой», наряду с конфликтом между церковью и государством, стал «южный вопрос», обусловивший в дальнейшем дуализм севера и юга в его множественных проявлениях. Постоянным фактором развития страны стал затяжной социально-экономический и моральный кризис общества на юге после крушения династии Бурбонов, спонтанная реакция на его последствия и мощная волна «бандитизма», захлестнувшая юг. Многочисленные вооруженные отряды-«банды» местных жителей и одиночки, действуя методами партизанской войны, не чураясь разбоя, убийств, поджогов, выражали в такой форме протест против государственных институтов, нужды и бесправия, полновластия помещиков-латифундистов. Центральные власти ответили чрезвычайными мерами: введением осадного положения, карательными акциями армейских частей и жандармерии, расстрелами без суда и следствия или по

приговорах военных трибуналов лиц, причастных либо заподозренных в бандитизме и содействии ему. Вооруженная борьба с бандитизмом, в основном завершившаяся в 80-е годы XIX в., надолго осложнила отношения центра и юга страны, где концентрировалась почти половина населения. В дальнейшем «южный вопрос» перерос в постоянный конфликт севера и юга. Он обусловил становление меридионализма (от итал. Meridione — юг) как особого общественно-политического течения, представители которого занимались изучением положения и проблем юга и поиском путей их решения.

Предметом не утихавших дискуссий была стратегия развития страны: оценка роли индустриализации и аграрного сектора, протекционизма и фритредерства, унитаризма и децентрализации. В 1874–1876 гг. «Правая» исчерпала потенциал общественного доверия. Оппозиция «Правой», сплотившаяся вокруг бывшего мадзиниста А. Депретиса под названием «Левая», выступила с программой реформ — избирательной, налоговой, административной, с призывом к оздоровлению финансов и улучшению состояния образования и здравоохранения. В 1874 г. «Левая» сумела завоевать большинство мест в парламенте, а в марте 1876 г., с согласия Виктора Эммануила II, пришла к власти. Это событие получило громкое название парламентской революции. Правящий блок пополнился выходцами из гарибальдийской и мадзинистской «исторической Левой», пошедшими на компромисс с монархией, и представителями различных регионов, в том числе юга страны. За годы правления «Левой» (1876–1887) из широкого перечня обещанных реформ были реализованы лишь некоторые. В 1877 г. было узаконено государственное светское образование и введено обязательное начальное обучение. Наряду с церковным вводился институт гражданского брака. Был сокращен поземельный налог и налог на соль; в 1880 г. был ликвидирован ненавистный крестьянам налог на помол зерна, но был введен налог на производство и потребление сахара. В 1882 г. была проведена избирательная реформа, расширившая втрое число лиц, имевших право голоса, за счет снижения возрастного ценза с 25 лет до 21 года, сокращения имущественного ценза и возможности его замены экзаменом в объеме программы начальной школы. Однако и после этого из-за крайне низкого уровня жизни городского и сельского населения и вопиющей неграмотности (до 50–90 % жителей юга) число избирателей росло крайне медленно, составив в начале XX в. лишь 9 % самостоятельного населения.

В годы правления «Левой» усилилось вмешательство правительства и местных властей в ход избирательных кампаний. Характерной чертой

итальянского парламентаризма со времен «Левой» стала политика трансформизма — перетягивания правящей либеральной фракцией на свою сторону независимых и оппозиционных депутатов как демократических, так и консервативных взглядов. Следствием трансформизма было возникновение в парламенте множества группировок и клиентел со своими лидерами, лоббировавших интересы различных идейных течений, социальных слоев и регионов. Широко практиковавшийся и в дальнейшем трансформизм затруднил образование консервативной и либеральной партий, делая все более аморфным и дифференцированным либеральный лагерь. Политические нравы Италии в последние десятилетия XIX в. характеризовались частыми правительственными кризисами и финансовыми злоупотреблениями, усиливая антипарламентские настроения в стране.

С правлением «Левой» связан рост деловой активности, а также вмешательства государства в экономику. В противовес фритредерской политике «Правой» был осуществлен переход к протекционистскому курсу (тарифы 1878 и 1887 гг.). Государство сохранило за собой контроль за управлением железными дорогами, содействовало развитию судоходства и паровых линий, металлургической, машиностроительной, текстильной и легкой промышленности. Продолжился строительный бум, особенно в городах, с сопутствовавшей ему спекуляцией земельными участками. Были заложены предпосылки индустриализации страны, сделавшей качественный скачок в 1897–1914 гг. Заметную роль в индустриализации стали играть акционерные общества. В них наряду с предпринимательскими кругами участвовали представители знатных дворянских родов, обладавшие громкими титулами, связями и состояниями. Увеличился удельный вес германского, французского, отчасти английского капитала в промышленности и банковской системе страны. Социально-экономические перемены усложняли социально-профессиональную структуру общества, способствовали развитию науки и культуры, становлению системы образования.

Все более заметное место в политической жизни Италии стали занимать вопросы внешней политики. Для страны, с опозданием включившейся при относительно скромных экономических ресурсах в большую европейскую политику и в развертывавшуюся борьбу за сферы влияния и колонии, было весьма непросто определить приоритеты внешнеполитического курса. Итальянская дипломатия под нажимом деловых кругов и общественности заявляла о притязаниях на пограничные земли Австро-Венгрии и зоны влияния на Балканах (балканское

направление), на Тунис и Триполитанию в Северной Африке, а также на территории Северо-Восточной Африки (африканское направление). Италия стремилась играть активную роль в решении средиземноморских и европейских проблем. Многовекторность, свойственная итальянской внешней политике, осложняла отношения Италии с Францией, Англией, Австро-Венгрией, затрудняла процесс сближения с Германией и Россией. Весьма болезненно в Риме ощущали фактическую изоляцию страны в условиях перегруппировки сил в Европе после Франко-прусской и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В этих условиях не без колебаний был взят курс на сближение с Германией. Встречным условием Берлина, заключившего в 1879 г. союз с Австро-Венгрией, стало требование урегулирования австро-итальянских отношений. После долгих переговоров 20 мая 1882 г. был заключен союзный договор трех держав, известный как Тройственный союз, в котором Германия являлась безусловным лидером и арбитром между Римом и Веной. Благодаря неоднократному продлению срока его действия он просуществовал вплоть до мая 1915 г., надолго определив основной вектор внешнеполитического курса Италии.

Активизация европейской политики Рима сочеталась с колониальной экспансией в Африке и с повышенным интересом к средиземноморским проблемам. Начиная с 1869 г. (год открытия Суэцкого канала) при поддержке паровой кампании Рубаттино Италия приступила к основанию колонии Асэб на побережье Красного моря. В 1885 г. с согласия Англии итальянские войска оккупировали Массая и стали присоединять территории между этими опорными пунктами. В 1887 г. Италия участвовала в формировании Средиземноморской Антанты, рассчитывая обеспечить этим международную поддержку своим дальнейшим колониальным планам. Однако расширение территорий в Северо-Восточной Африке, осложняя отношения с Францией и Великобританией, встречало протесты в самой Италии, в особенности в лагере социалистов, республиканцев и радикалов. Усиливалось и сопротивление властей Эфиопии, считавших эти территории подконтрольными себе. Колониальные приобретения отвечали интересам довольно узкого круга владельцев паровых компаний, судовладельцев, текстильных предприятий, представителей крупной торговой и промышленной буржуазии севера. Вместе с тем интерес к ним проявляло население юга и ряд политиков, усматривавших в экспансии в Африке средство избавления от аграрного перенаселения и земельного голода и решения проблем массовой эмиграции, ставшей с 80-х годов XIX в. симптомом социального неблагополучия страны.

Кончина А. Депретиса в 1887 г. ускорила кризис «Левой», а с ней и расхождение различных течений либерально-монархического лагеря в выборе путей дальнейшего развития страны. Сторонникам реформ, призванным оздоровить экономическую ситуацию, ослабить остроту социального вопроса и упрочить массовую базу политического режима, противостояли поборники авторитарного курса и великодержавной политики в духе традиций Римской империи — бывшие сторонники «Правой» и «Левой», а также «партия двора». Глашатаем этого курса стал весьма амбициозный политик Ф. Криспи, на протяжении 1880-1890-х годов игравший видную роль в политической жизни страны. В прошлом соратник Гарибальди, приверженец антиклерикализма, Криспи, по примеру своего кумира О. фон Бисмарка, был поборником сильного государства. В качестве главы правительства в 1887–1891 и 1893–1896 гг. он добивался расширения полномочий исполнительной власти и увеличения числа указов, которые не проходили бы обсуждения в парламенте. Наряду с полномочиями председателя совета министров он концентрировал в своих руках руководство министерствами иностранных и внутренних дел. Внутренняя политика Криспи наряду с административными реформами имела целью поставить весомые преграды рабочему, крестьянскому, социалистическому и католическому движениям в стране — «красной» и «черной» опасности согласно официальной правительственной риторике. По его инициативе был принят закон об общественной безопасности 1889 г., ограничивавший право собраний и расширявший административные санкции против политически неблагонадежных лиц. Весьма жесткие меры использовало правительство в противостоянии с мощным крестьянским и рабочим движением в Сицилии 1893–1894 гг., направленным против нужды, бесправия, непомерно тяжелых условий труда, злоупотреблений землевладельцев и властей. Вставшие во главе движения «Союзы трудящихся» (*fasci dei lavoratori*) стремились ввести его в организованные рамки, однако волнения часто принимали стихийные формы. В 1894 г. на острове было введено осадное положение. В том же году был принят новый закон об охране общественного порядка — итальянский вариант германского Исключительного закона против социалистов, преподнесенный общественности как мера борьбы с анархистской опасностью и террором. Был введен запрет на деятельность оформившейся в 1892 г. Итальянской партии трудящихся (с 1895 г. Итальянской социалистической партии — ИСП), профсоюзных организаций, касс взаимопомощи, просветительских обществ. Под запрет попадала социалистическая и католическая печать и различные

ассоциации. Однако эффект этих мер был весьма относительным. Выборы 1895 г. выявили рост числа голосов, поданных за партии «Крайней левой» (ИСП, радикалов и республиканцев), протестовавшие против полицейского произвола и ущемления гражданских свобод, выступавшие против финансовых злоупотреблений властей. Лидером радикалов Ф. Кавалотти был поставлен на повестку дня «моральный вопрос» — о борьбе с коррупцией и оздоровлении политических нравов, что получило широкий отклик в обществе.

Не менее уязвимой была и проводимая Криспи внешняя политика: нагнетание напряженности в отношениях с Францией, подписание в 1888 г. военной конвенции с Германией и Австро-Венгрией, предусматривавшей активные военные действия с Францией в случае франко-германской войны, возобновление военных действий на пограничных с Эфиопией территориях, несмотря на заключенный в 1889 г. итало-эфиопский договор о дружбе. Действия экспедиционных сил Италии шли с переменным успехом, вызывая все более упорное сопротивление местных племен и вооруженных сил Эфиопии. 1 марта 1896 г. в сражении при Адуа между многотысячным войском эфиопского императора (негуса) Менелика и 18-тысячным итальянским экспедиционным корпусом последний был разгромлен, потеряв до 11 тыс. убитыми и ранеными, 4 тысячи человек были взяты в плен.

Известие о разгроме вооруженных сил при Адуа («итальянское Ватерлоо», по определению современных исследователей) вызвало острейший политический кризис в Италии. Всю страну охватили мощные антиправительственные выступления с требованиями смены политического курса и прекращения войны в Африке, и 5 марта 1896 г. парламент принял отставку правительства Ф. Криспи.

Задача успокоения страны и корректировки внутренней и внешней политики выпала на долю правительств маркиза А. ди Рудини (1896–1898), генерала Л. Пеллу (1898–1900) и переходного правительства Саракко (1900–1901). Были отвергнуты опасные планы сторонников Криспи о реванше в Африке и заключен мирный договор с Менеликом на условиях фактического признания независимости Эфиопии и выплаты негусу денежной компенсации — цены возвращения пленных и возможности эвакуации остатков итальянских сил из страны. На смену масштабным планам колониальной экспансии в Африке был взят курс на реорганизацию завоеванных колоний Эритреи и Сомали, на «собрание сил» и «мирное экономическое проникновение» в зоне Средиземноморья. В условиях активизировавшейся колониальной экспансии великих держав на рубеже

XIX–XX вв. и отсутствия поддержки союзников в период итало-эфиопского конфликта, в Риме была признана опасной чрезмерная зависимость Италии от Тройственного союза. При активном участии видного дипломата Э. Висконти Веносты, главы МИДа в 1896–1901 гг., и его преемника Дж. Принетти был взят курс на совмещение союза с Германией и Австро-Венгрией с «дружественными связями» с Англией, Францией и Россией. Он реализовался посредством двусторонних соглашений по вопросам раздела сфер влияния в Африке, в Средиземноморье и на Балканах, что при сохранении союзных связей с Германией и Австро-Венгрией обрекало итальянскую дипломатию на лавирование между двумя блоками, оформлявшимися в Европе.

Дж. Джолитти. Гравюра. Конец XIX в. О Photo Scala Florence

Сложнее решался вопрос о корректировке внутреннего курса ввиду резко обострившегося в 1898–1900 гг. политического и социального кризиса. Он усугубился в 1898 г. мощной волной бурных социальных

волнений на почве дороговизны и общего недовольства положением в стране, возросшей активностью партий «Крайней левой», острыми разногласиями в правящих кругах. Широкий резонанс получила программная статья С. Соннино (1897) «Вернемся к статуту». В ней содержался призыв к защите государства посредством ограничения полномочий парламента и возвращения монарху прерогатив по контролю за действиями исполнительной власти. Речь шла об изменении условий компромисса 1861 г., на основе которого строились отношения монархии с парламентом и конституционно-либеральными кругами. Ратуя за сильное государство и формирование консервативной партии, С. Соннино высказывал сомнение в способности выстраивать эффективную внешнюю политику при колебаниях парламентского режима и частых правительственных кризисах. Программа была встречена благосклонно королем Умберто, «партией двора» и формировавшимися правыми течениями в либеральном лагере. Позднее в 1900-е годы С. Соннино выступил глашатаем патерналистского консервативно-либерального курса.

В этой ситуации правительства маркиза А. ди Рудини и генерала Л. Пеллу, подобно Криспи, попытались сочетать некоторые реформы с жесткими репрессиями против усилившихся в стране социальных волнений и антиправительственной оппозиции. В ряде провинций было введено осадное положение и использованы армейские подразделения. Прошла новая волна массовых арестов и судебных процессов против видных демократов, социалистов, деятелей католических организаций, созданных после папской энциклики «Рерум новарум» 1891 г. (манифеста социальной доктрины католицизма). С особой остротой встали задачи политической амнистии, упрочения парламентского режима и демократии — политической и социальной. С этими требованиями в парламенте выступали партии «Крайней левой» и сформировавшаяся под руководством Дж. Дзанарделли и Дж. Джолитти «Конституционная левая». Возраставшее напряжение в стране и кризис в правящем лагере усугубился убийством короля Умберто 29 июля 1900 г. анархистом-одиночкой, совершившим этот акт в знак протеста против репрессий 1893–1894 и 1898 гг. Новый король Виктор Эммануил III в обстановке неустойчивого соотношения сил в парламенте и назревавшей угрозы политической забастовки в Лигурии был вынужден в 1901 г. доверить формирование правительства лидерам «Конституционной левой» Дж. Дзанарделли (председатель совета министров) и Дж. Джолитти (министр внутренних дел). Тем самым исход борьбы в «кровавом десятилетии», как стали называть 1890-е годы, между поборниками сдвига вправо и сторонниками либеральных реформ был

выигран последними. Италия вступила в период «джолиттианской» либеральной эры 1901–1914 гг. и последовавшей за ней Первой мировой войны, вновь усугубившей все противоречия итальянского государства и общества.

В XX век Италия вступала единым государством, однако, так и не разрешив всех проблем эпохи Рисорджименто. Начав активно действовать на международной арене, она вошла в Тройственный союз, не оставляя надежд на возвращение территорий, населенных итальянцами, но находящихся в составе Австро-Венгрии, а также продолжая попытки завоевания колоний в Северной Африке. Существенные сдвиги в экономике и социальной структуре Италии поддерживали устойчивый промышленный рост. По переписи 1901 г. в промышленности были заняты 4 млн человек, при общей численности населения 32,47 млн человек. С 1896 по 1908 г. индекс годового прироста промышленной продукции достиг 6,7 %, а доля аграрного сектора в формировании общенационального валового внутреннего продукта постепенно снижалась. Изменения в социальной структуре, высокая степень самоорганизации представителей рабочих профессий, значительное падение влияния старой земельной аристократии — эти и другие факторы обусловили свертывание авторитарного политического курса и начало либеральных реформ в политической и социальной областях.

Северная Европа на пути к благоденствию

В начале XIX в. Дания со столицей в Копенгагене являлась абсолютной монархией, в которой правила династия Ольденбургов. Население Дании в 1801 г. составляло 2 млн 410 тыс. человек, из которых в самой Дании проживали 929 тыс. Во владения династии Ольденбургов входили также Норвегия (под властью датских королей с 1536 г.) с населением 883 тыс. человек, герцогства Шлезвиг и Гольштейн (в личной унии с королями Дании, население — 604 тыс. человек) и заморские территории: Исландия (население — 47 852), Фарерские острова и Гренландия (население 100 тыс. человек).

Швеция являлась конституционной полуабсолютистской монархией со столицей в Стокгольме. Под властью династии Гольштейн-Готторпов, кроме Швеции (население — 2 млн 425 тыс.), находились также Финляндия (великое герцогство в составе Швеции с XII в. с населением

895 тыс. человек), Шведская Померания и о-в Рюген (население 100 тыс. человек). Таким образом, общее число жителей в 1805 г. составляло 3 млн 465 тыс. человек, валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения (по подсчетам Мэдисона) в Швеции на 1800 г. составлял 857 долларов.

После 1815 г. Дания утратила Норвегию в пользу Швеции, эта уния получила название Соединенные королевства Швеция и Норвегия. Новое государственное образование стало конституционной монархией с правящей династией Гольштейн-Готторпов (с 1818 г. и по настоящее время — династия Бернадотов). ВВП на душу населения на 1815 г. составлял 885 долларов. В 1820 г. в Швеции проживало 2 584 700 человек, в Норвегии — 960 тыс.

Финляндия стала автономным Великим княжеством в составе Российской империи с населением 1 177 500 человек (1820 г.).

Таким образом, к началу XIX в. на севере Европы существовали два относительно крупных государства — королевства Швеция (в состав которой входили Финляндия и Передняя Померания с о-вом Рюген в Северной Германии) и Дания (включавшая также Норвегию с Исландией, Гренландией и Фарерскими островами и северогерманские герцогства Шлезвиг и Гольштейн, связанные с династией Ольденбургов личной унией). В обоих государствах в основном господствовало традиционное общество, размываемое с различной интенсивностью модернизационными процессами, сохранялись элементы сословного неравноправия лично свободных крестьян, выплачивавших государству подати и повинности. Удельный вес дворянства в регионе был одним из самых низких в Европе — менее 0,5 %, а в Норвегии оно почти исчезло. Экономически север Европы оставался бедной окраиной Европы, однако росли внешнеэкономические связи, прежде всего с Великобританией и Нидерландами, куда поставлялись традиционные товары (лес, смола, железо, продовольствие).

Страны Северной Европы принимали активное участие в наполеоновских войнах, в результате чего произошла серьезная перестройка политической карты региона. В 1805 г. шведский король Густав IV Адольф выступил на стороне антифранцузской коалиции, а Дания в 1807 г. объявила войну Англии и заключила союз с Наполеоном, присоединившись к континентальной блокаде. В начале 1808 г. началась русско-шведская война, в результате которой в марте 1808 г. Александр I объявил о присоединении Финляндии к России. Великое княжество Финляндское получило в составе Российской империи широкие автономные права (собственное правительство, отдельный бюджет,

сохранение шведских законов, официальным языком остался шведский, сохранялась и таможенная граница, а в 1812 г. была воссоздана финляндская армия). Поражение Швеции в войне привело к свержению Густава IV Адольфа (1809 г.), принятию риксдагом новой конституции, по которой был значительно расширен парламентский контроль над правительством, провозглашены гражданские свободы, четырехсословный риксдаг стал постоянно действующим органом. В 1810 г. риксдаг избрал престолонаследником наполеоновского маршала Жана Батиста Жюля Бернадота, волею Наполеона князя Понте-Корво, принявшего лютеранскую веру и новое имя Карл Юхан (с 1818 г. Карл XIV Юхан). Недворянское происхождение родоначальника новой династии подчеркивало буржуазный характер перемен.

После заключения между Швецией и Россией мира во Фридрихсгаме (Хамина) в сентябре 1809 г. в шведских правящих кругах возникла идея о присоединении с помощью России Норвегии. Карл Юхан пошел на сближение с Россией и 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге был заключен секретный русско-шведский союз против Наполеона. Россия согласилась на переход Норвегии к Швеции, навсегда отказавшейся от Финляндии. Швеция вступила в войну летом 1813 г., в конце 1813 г. выступила против Дании и вынудила ее по Кильскому мирному договору (1814) отказаться от Норвегии в пользу шведской короны. Издавна принадлежавшие Норвегии Гренландия, Исландия и Фарерские острова остались за Данией.

Норвежцы отказались подчиниться условиям Кильского трактата. В стране началось национально-освободительное движение, которое возглавил бывший датский наместник принц Кристиан Фредерик. В феврале 1814 г. была провозглашена независимость Норвегии, сформировано временное правительство, присягу на верность которому принесло все взрослое население. В марте прошли выборы в Государственное (Учредительное) собрание. 17 мая Государственное собрание приняло демократическую конституцию (45 % взрослого мужского населения получили право голоса). В Конституцию были заложены принципы разделения властей и суверенитета народа. В Норвегии вводилась конституционно-ограниченная монархия (Кристиан Фредерик был избран королем Норвегии) с несословным парламентом — стортингом.

Норвежская Конституция 17 мая 1814 года

14 января 1814 г. в г. Киль между Швецией и Данией был подписан мирный договор, по которому проигравший войну последний союзник Наполеона датский король Фредерик VI уступил королю Швеции Норвегию. Однако норвежцы отказались подчиниться навязанному извне диктату. 19 февраля была провозглашена независимость страны, создано временное правительство, а датский наместник принц Кристиан Фредерик был избран регентом страны. 10 апреля в расположенном примерно в 100 километрах от Кристиании местечке Эйдсволл открылось Государственное (Учредительное) собрание, избранное на довольно широкой электоральной основе. Оно разработало и 17 мая приняло конституцию Норвегии, устанавливавшую политический строй ограниченной монархии. Создавался избираемый на цензовой основе однопалатный парламент — стортинг. 19 мая Кристиан Фредерик был избран королем Норвегии. Однако сохранить независимость норвежцы не смогли, поскольку Швеция, поддержанная великими державами, настаивала на выполнении условий Кильского мира. После того как разрешить вопрос мирным путем не удалось, 26 июля Швеция объявила о начале военных действий против норвежцев, но уже 14 августа в г. Мосс были заключены несколько конвенций, признававших переход Норвегии под власть шведской короны на основе значительной внутренней самостоятельности. Шведы согласились сохранить конституцию 17 мая. 10 октября в Кристиании открылись заседания избранного по Эйдсволлской конституции стортинга, в руки которого сложил свои полномочия Кристиан Фредерик. После интенсивных дебатов, 4 ноября 1814 г. стортинг принял измененную редакцию конституции и избрал шведского короля королем Норвегии. Эйдсволлская конституция 17 мая 1814 г. является второй старейшей в мире (после США) и первой в Европе действующей конституцией.

Завершение войны в Европе весной 1814 г. ухудшило внешнеполитическое положение молодого государства. Непродолжительные военные действия между шведами и норвежцами в июле-августе 1814 г. стали последней в истории межскандинавской войной. Карл Юхан согласился на сохранение норвежской конституции и предоставление Норвегии широкой внутренней автономии. Норвегия

признала унию со Швецией, Кристиан Фредерик отрекся от престола и вернулся в Данию, а в ноябре стуртинг избрал Карла XIII королем Норвегии. В ведение Стокгольма отходила только внешняя политика. Новое двуединое государство стало именоваться «Соединенные королевства Швеция и Норвегия». К 1815 г. политическая карта Северной Европы значительно изменилась: возникли два новых государства — Финляндия и Норвегия, первая в составе Российской империи, вторая в унии со Швецией. Швеция утратила в пользу Пруссии последнее владение на континенте — Переднюю Померанию. Дания, потеряв Норвегию, сохранила за собой Исландию, Гренландию и Фарерские острова, а также герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Таким образом, на исходе наполеоновских войн в североевропейской системе государств произошел важный сдвиг на пути формирования национальных государств. Новая геополитическая система в регионе положила конец как внутрискандинавским войнам, так и войнам Швеции с Россией.

В первой половине XIX в. в Северной Европе продолжался быстрый рост населения: в Швеции с 2,3 млн в 1810 г. до 3,5 млн человек к середине столетия; в Норвегии с 880 тыс. в 1801 г. до 1,4 млн к 1850 г.; в Дании с 1 млн до полутора, а в Финляндии с 830 тыс. до 1,4 млн. Оживление экономики началось в 1830-е годы. Аграрные реформы практически были завершены, помещичьи хозяйства перешли на капиталистические рельсы, внутри крестьянства шел процесс расслоения, оформлялись классы буржуазии и пролетариата, быстро росли средние слои и интеллигенция. В Дании благодаря международной конъюнктуре начался резкий подъем аграрного сектора. В 1830-е годы началась промышленная революция — строились фабрики и заводы, прокладывались железные дороги. В Норвегии бурно развивались торговый флот, рыболовный и китобойный промыслы. Узость рынка труда стала причиной массовой эмиграции в Северную Америку (с 1840-х годов). Активно развивалась Финляндия, оказавшаяся в благоприятном положении благодаря доступности емкого российского рынка. Довольно рано промышленная революция началась в главной отрасли хозяйства страны — деревообработке.

Одной из важнейших предпосылок экономического подъема стала постепенная стабилизация финансовой системы в странах Северной Европы, в промышленном перевороте активную роль играло государство, бравшее займы за границей и финансирувавшее многие хозяйственные предприятия.

Реставрация не оказала глубокого воздействия на Скандинавию, которая опережала остальную Европу в процессах политической

либерализации. Хотя в Дании сохранялся «конституционный абсолютизм», становившийся помехой в развитии страны, и здесь во многих сферах утверждались нормы, свойственные для более демократического строя.

В 1830-е годы европейская революционная волна вызвала в Скандинавских странах широкое оппозиционное движение городских слоев и крестьянства — либеральное в Швеции и Дании и национально-демократическое в Норвегии. В Швеции и Дании речь шла о демократизации политического строя. В Норвегии демократическая оппозиция выступала как выразитель национальных устремлений, за отстаивание позиции Норвегии в составе унии и за преодоление датского культурного превосходства. В Финляндии проходил процесс роста национального самосознания, отражавший объективный процесс складывания финской нации. В первой половине XIX в. произошло становление финского языка как литературного, Э. Лёнрут записал и издал карело-финский народный эпос «Калевала». Зародилось движение фенноманов — сторонников преодоления шведского культурного засилья в пользу финского языка, идеологом которого был Ю.В. Снельман.

В Дании либеральное движение добилось в 30-е годы созыва совещательных провинциальных собраний, на которых все громче выдвигались требования гражданских свобод, ограничения абсолютизма и созыва парламента. В 40-е годы эти лозунги были подхвачены широким крестьянским движением. Во главе оппозиции шли национал-либералы, которые, помимо реформ политического строя, выступали за раздел Шлезвига по языковому признаку и присоединение к Дании его районов с датским населением. В Швеции либералы выступали за превращение риксдага в двухпалатный, внесословный парламент, расширение избирательного права. В Норвегии было введено местное самоуправление, окончательно упразднены монополии, стеснявшие развитие промышленности.

В 40-е годы в Скандинавских странах в кругах либеральной интеллигенции возникло движение так называемого скандинавизма, выступавшее за культурную и политическую общность всех северных стран.

В международных отношениях на севере Европы период после 1815 г. характеризуется становлением и закреплением нейтрального внешнеполитического курса Скандинавских стран. Революционные потрясения 1848–1849 гг. оказали большое влияние на регион.

В Дании под влиянием восстания в Париже начались массовые манифестации в Копенгагене, король Фредерик VII (1848–1863) призвал к

управлению страной национал-либералов, а созванное Национальное собрание приняло в июне 1849 г. конституцию. Абсолютизм пал, в Дании был введен двухпалатный парламент, всеобщее избирательное право для мужчин на выборах в первую палату, расширены демократические свободы.

В 1848 г. обострилась и шлезвиг-гольштейнская проблема. Немецкое население герцогств восстало против датского владычества. В конфликт вмешалась Пруссия и другие германские государства. Только в 1850 г. власть датского короля в герцогствах была восстановлена.

Новая война вспыхнула уже в 1863 г., когда со смертью Фредерика VII пресеклась старшая ветвь династии Ольденбургов. Дания попыталась включить в свой состав Шлезвиг, отделив его от Гольштейна, но потерпела поражение в войне с Германским союзом. Надежды датчан на скандинавскую солидарность не оправдались, правительство Швеции предпочло сохранять нейтралитет. Оба герцогства отошли к Пруссии и Австрии (затем к Пруссии), под власть которой попало и 200 тыс. датчан Северного Шлезвига. Либеральное правительство в Дании пало, была пересмотрена конституция 1849 г., prerogatives короля расширены, а всеобщее избирательное право отменено.

К началу 1870-х годов определяющей стала тенденция к формированию национальных государств. Хотя Швеция и Норвегия и находились в составе Соединенного королевства, сами по себе они были мононациональными государствами. Дания стала мононациональным государством после потери Шлезвига и Гольштейна. В последние десятилетия XIX — начале XX в. для северных стран был характерен быстрый рост населения (Швеция с 4 млн до 6 млн, Дания с 1 млн 750 тыс. до 2 млн 750 тыс., Норвегия с 1 млн 750 тыс. до 2 млн 500 тыс., Финляндия с 1 млн 750 тыс. до 2 млн 750 тыс., Исландия с 67 тыс. до 89 тыс.). Шли глубокие экономические преобразования — индустриализация и качественные изменения в сельском хозяйстве.

Менялась социально-классовая структура. Общество в Швеции и Дании перестало быть сословным, хотя аристократия и дворянство продолжали сохранять ведущие позиции в государственном аппарате, армии, дипломатии. Ведущие позиции заняли промышленно-финансовая буржуазия и бюрократия. Постепенно уменьшалась доля сельского населения. Довольно быстро росло городское население, средние слои и рабочий класс. В начале XX в. около трети населения Северной Европы жило в городах.

Основной тенденцией в сельском хозяйстве было формирование

довольно зажиточных индивидуальных крестьянских хозяйств, имевших землю в частной собственности и использовавших достижения науки и техники, при широком развитии крестьянской кооперации (кооперативные маслобойни и скотобойни, снабженческая кооперация).

Важнейшей особенностью развития стран Северной Европы была ориентация ее промышленности на экспорт. Конкурентоспособность скандинавских и финских товаров достигалась как за счет использования богатых запасов местного сырья и энергоресурсов, так и за счет производства особо сложной, высококачественной и наукоемкой продукции (высококачественные стали, целлюлоза, шарикоподшипники, электрооборудование, телефонная и телеграфная аппаратура, сельхозмашины, суда, средства транспорта). Быстро развивалась сеть железных дорог.

Модернизация затронула и политическую сферу — здесь шла борьба либерально-демократических сил за политическую демократизацию, парламентаризм, формирование правительств, ответственных перед парламентом. Власть короны, за исключением Финляндии, в последней трети XIX в. — начале XX в. значительно сократилась, произошло становление многопартийной системы, возникло организованное рабочее движение и профсоюзы, ставшие существенным фактором развития североευропейских стран. Появились массовые неполитические движения (религиозные, просветительские, спортивные, трезвеннические и др.), стали возникать организации «по интересам», что являлось составной частью гражданского общества.

В конце XIX — начале XX в. экономика вступила в новую стадию: началась концентрация капитала, стали создаваться монополистические объединения (шведские: СКФ — шарикоподшипники, Л.М. Эрикссон — телефоны, Электролюкс — электрооборудование, АГА — газовое оборудование; датские: «Бурмейстер и Вайн» — судостроение, и др.). Начался процесс сращивания банковского и промышленного капитала, вывоз капиталов за границу — в Россию, Китай, Латинскую Америку. В свою очередь капитал великих держав также проникал в страны Северной Европы: британский в Норвегию, германский — в Финляндию.

Социально-экономическое и политическое развитие отдельных стран

Дания. В последней трети XIX в. в Дании начался быстрый экономический подъем. Оставаясь ведущей отраслью экономики, датское

сельское хозяйство, переориентировавшись с производства зерна на мясомолочное животноводство, вышло на качественно новый технологический уровень. Дания стала одним из крупнейших в Европе экспортеров мясных и молочных продуктов. Наиболее динамично развивающимися сферами экономики в Дании были отрасли, связанные с сельским хозяйством, в частности всемирно известные пивоваренные заводы «Карлсберг» и «Туборг».

Во второй половине 60-х-70-е годы XIX в. в Дании активно разворачивался процесс формирования политических партий, крупнейшими из которых были: «Объединенные Венстре» (левые) — с 1870 г., социальная основа крестьянство и интеллигенция, в 1894 г. партия раскололась на умеренное и радикально-демократическое крыло, образовавшее новую партию «Реформ-венстре»; консервативная «Хёйре» (правые) — социальная база помещики-землевладельцы, крупная буржуазия, бюрократия, ее лидер Эструп возглавлял правительства с 1875 по 1894 г.; Социал-демократическая партия — с 1876 г., в 1884 г. первые депутаты от нее были избраны в фолькетинг. На выборах 1901 г. подавляющее большинство мандатов получила партия «Реформ-венстре», которая сформировала правительство и вернулась к прежнему названию «Венстре». Новое правительство приступило к проведению реформ — ликвидированы остатки феодализма в налоговой системе, проведена школьная реформа. Важным шагом на пути демократизации стали политические реформы 1908 г., ликвидировавшие неравенство на местных выборах и предоставившие право голоса женщинам и батракам. 5 июня 1915 г. в демократическом духе была пересмотрена конституция Дании. Было окончательно устранено неравенство на выборах в верхнюю палату — ландстинг, право голоса на выборах в обе палаты получили женщины, возрастной ценз на выборах в фолькетинг был снижен до 25 лет, хотя косвенный порядок выборов в верхнюю палату еще сохранялся.

Соединенные королевства Швеция и Норвегия. Каждая из составных частей государства обладала собственной политической системой, конституцией, столицей (Стокгольм и Кристиания), правительством, парламентом (риксдаг и стортинг), денежной системой, армией, полицией и атрибутами государственного суверенитета (флаг, герб). Кроме общего короля Швецию и Норвегию объединяла лишь единая внешняя политика и общие дипломатическая и консульская службы, управлявшиеся из Стокгольма.

Ведущими отраслями шведской экономики были

деревообрабатывающая и бумажная промышленность, металлургия (в 1870–1900 гг. производство стали в Швеции выросло в 42 раза, экспорт железной руды — в 126 раз), машиностроение, которое в 1900 г. достигло 13 % валовой промышленной продукции.

Основным содержанием политической жизни Швеции после парламентской реформы 1866 г. (введение двухпалатного, цензового парламента) стала борьба демократических и либеральных сил за дальнейшую демократизацию политического строя. Ведущей силой в нижней палате риксдага в 70-80-е годы стала Партия сельских хозяев, в основном представлявшая интересы обуржуазившихся помещиков и зажиточных крестьян. Она добивалась отмены многих пережитков, в частности архаичной военно-поселенческой системы формирования армии, сокращения государственных и военных расходов. В 80-е годы на первый план выступил конфликт вокруг введения протекционистских пошлин. Укреплялись позиции левых сил — либералов и социал-демократов (Социал-демократическая рабочая партия Швеции была образована в 1889 г.).

В начале XX в. борьба за демократические преобразования в Швеции усилилась. В 1900 г. была образована Объединенная либеральная партия, представлявшая широкие средние слои и интеллигенцию. При поддержке социал-демократов либералы стали добиваться введения новой парламентской реформы. Этот период характеризуется чередованием у власти консерваторов и либералов, которым удавалось проводить реформы, направленные на демократизацию политической системы. По парламентской реформе 1907 г. (закон вступил в силу в 1909 г.) активное избирательное право получили почти все мужчины с 24 лет, было значительно уменьшено неравенство при двухстепенных выборах в первую палату, но все же сохранились некоторые имущественные ограничения и ценз оседлости. В начале века в Швеции росло забастовочное движение, под влиянием которого рабочим удалось добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня до 9-10 часов.

Норвегия начала использовать свои гидроресурсы для производства электроэнергии, она лидировала среди стран региона по тоннажу и численности торгового флота (третье место в мире), продукции рыболовства и китобойного промысла. Особенностью Норвегии было то, что внутри формирующейся норвежской нации сложилось своеобразное двуязычие. В стране развивались две нормы норвежского языка — «риксмол» (государственный язык) или «букмол» (книжный язык), несколько измененный, норвегизированный датский язык высших слоев и

городского населения, и «лансмол» (сельский язык) или «нюношк» (новонорвежский), который вел свое происхождение от сельских диалектов и носителем которого были крестьянство и сельская интеллигенция.

По своему политическому строю Норвегия продолжала оставаться наиболее передовой из Скандинавских стран. Национально-демократическая оппозиция, которая завоевала большинство в стортинге уже в 1830-е годы, все громче требовала усиления роли парламента в назначении ответственного перед ним правительства. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. в стортинге начали складываться две противостоящие группировки — находившиеся в меньшинстве «Хёйре» (правые) и левое большинство «Венстре», которое возглавил Ю. Свердруп. Оппозиция добивалась расширения прав стортинга и полного равенства Норвегии и Швеции в рамках унии. В начале 70-х годов левым удалось добиться закона о ежегодном созыве стортинга (раньше — раз в три года). В 1874 г. стортинг принял решение об участии правительства в его дебатах и фактически о его ответственности перед парламентом. Отказ короля Оскара I одобрить законопроект привел к политическому кризису, поддержанному массовым движением, что заставило власти отступить. В 1884 г. «Венстре» и «Хёйре» оформились как общенациональные политические партии.

В последней трети XIX в. росло недовольство норвежцев недостаточным учетом Стокгольмом их внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. Попытки договориться об изменении условий унии оказались неудачными, в феврале 1905 г. в Кристиании было сформировано коалиционное правительство трех буржуазных партий, в мае стортинг принял закон о норвежской консульской службе, на который король Оскар II наложил вето. 7 июня 1905 г. стортинг принял решение о расторжении унии; состоявшийся в Норвегии референдум одобрил это решение. В сентябре 1905 г. между Швецией и Норвегией было достигнуто соглашение об условиях мирного расторжения унии. В ноябре того же года в Норвегии был проведен референдум о форме правления. Подавляющее большинство высказалось за сохранение монархии, и на норвежский престол был возведен датский принц под именем Хокон VII.

Исландия. Малонаселенная, бедная Исландия, где жили рыбаки и скотоводы, столетиями оставалась совершенно бесправной заморской провинцией сначала Норвежского, а с 1814 г. Датского королевства. Все большее включение Исландии в мировую торговлю способствовало в XIX в. ее экономическому росту. Память о героической древней исландской

истории, запечатленной в Сагах, способствовала усилению национальных чувств. В середине 40-х годов здесь стал созываться альтинг — представительное совещательное собрание. В 50-е годы на Исландию были распространены положения относительно демократической конституции Дании 1849 г. В 1874 г., в связи с празднованием тысячелетия заселения Исландии, датский король Кристиан IX даровал ей собственную конституцию, согласно которой альтинг стал органом законодательной власти. Исполнительная власть оставалась в руках назначаемого датским правительством губернатора, который подчинялся министерству юстиции Дании.

Полное самоуправление было введено в Исландии в 1904 г. В 1907 г. образовалась первая политическая партия страны — «Партия независимости», провозгласившая своей целью полную самостоятельность Исландии. Во время Первой мировой войны исландцы смогли добиться автономии.

Финляндия. Охватившие Российскую империю реформы второй половины XIX в. оказали глубокое воздействие на Финляндию. С 1860-х годов Финляндия обрела собственную финансовую систему, здесь регулярно стал созываться законосовещательный сейм (маапайвят, ланддаг).

В 1870-е годы — начале XX в. продолжился процесс формирования финской нации (90 % населения страны были финноязычными, а 10 % шведскоязычными, притом, что шведский язык оставался господствующим в сфере управления и культуры). Образовались две политические группировки: так называемые шведоманы (свекоманы) и фенноманы, выступавшие против шведского засилья, за внедрение и развитие финского языка и финской самобытной культуры.

В 1870-е годы экономика Финляндии приобретала все более индустриальный характер, создавались лесопромышленные предприятия, продукция финляндской промышленности выросла в 60-80-е годы в 10 раз. Значительную стимулирующую роль для развития промышленности играл российский рынок, на Россию приходилось от 30 до 50 % всей внешней торговли Финляндии.

Развитие капитализма подталкивалось рядом государственно-административных мер: государственными кредитами частным компаниям, государственным строительством железных дорог.

После того как в конце 80-х годов появились первые признаки наступления царизма на финляндскую автономию (стремление

ликвидировать особый статус Финляндии и полностью интегрировать ее в состав империи), фенноманы раскололись на две партии — так называемых «старофиннов», склонных к компромиссу с царизмом, и более либеральных «младофиннов», представлявших интересы ориентированных на Запад промышленных кругов. Шведскоязычная общественность оформилась в «шведскую партию».

На рубеже веков положение в Финляндии резко обострилось. Николай II в 1899 г. подписал манифест о предоставлении правительству России права издавать для Финляндии законы без согласия ее сейма. Это был прямой государственный переворот. Затем в Петербурге приняли еще ряд постановлений, целью которых была постепенная ликвидация особого статуса Финляндии, в том числе закон о воинской повинности 1901 г., ликвидировавший финляндские национальные войска и обязывавший финнов служить в русской армии.

В этих условиях младофинны и шведская партия создали «конституционный блок», выступавший за пассивное сопротивление (петиции, бойкот, идеологическая кампания против русификации). Настроенные наиболее радикально деятели всех направлений образовали в 1904 г. Партию активного сопротивления, которая избрала тактику индивидуального террора. Оппозиционное движение в Финляндии пользовалось поддержкой российских либералов и социалистов.

В 1899 г. была создана Рабочая партия Финляндии, переименованная в 1903 г. в Социал-демократическую. В 1905 г. под влиянием русской революции в Финляндии развернулось массовое движение за отмену антиконституционных законов, в котором ведущую роль играли социал-демократы. Встревоженный размахом движения, Николай II подписал манифест, в котором все основные требования финнов удовлетворялись: были отменены все антиконституционные акты, власть в Сенате была передана конституционалистам. В июне 1906 г. сейм принял новый устав, фактически конституцию страны. В Финляндии создавался однопалатный парламент, избираемый всеми гражданами страны, включая женщин (впервые в Европе) в возрасте старше 24 лет. Численность избирателей выросла со ста тысяч до одного миллиона. Выборы должны были теперь проводиться по системе пропорционального представительства, что послужило толчком к оформлению политических партий, которые из прежних довольно аморфных группировок превращались в организации с программными документами и индивидуальным членством, к формированию многопартийной структуры.

После подавления революции положение Финляндии стало снова

ухудшаться, со стороны Петербурга началось новое наступление на ее автономию. С 1909 г. в состав Сената начали вводить русских военных. Началось распространение на Финляндию российских законов. Усилились политические репрессии. Однако эти меры привели лишь к тому, что социальная опора царизма в Финляндии была подорвана, все большую поддержку стала завоевывать идея отделения от России и национального самоопределения.

Таким образом, на севере Европы шел активный процесс превращения традиционного общества в современное, с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством, со все время повышающимся культурным уровнем населения.

Активизация политической жизни, демократизация избирательных законов, участие граждан во внепарламентских акциях (демонстрации, митинги и т. д.) способствовали формированию гражданского общества.

Основными факторами, повлиявшими на создание основ будущего государства «всеобщего благосостояния» были, прежде всего, глубинные преобразования аграрного сектора, составляющими которых было формирование высокопродуктивного зажиточного и образованного класса крестьян-фермеров. Промышленный сектор стран Скандинавии и Финляндии сделал ставку на высококачественную технологичную и наукоемкую продукцию, что стимулировало быстрое развитие техники и науки, как прикладной, так и фундаментальной. В политическом отношении прогрессивному развитию стран Северной Европы способствовало постепенное становление либерально-демократического конституционного строя, повышение политической грамотности всех слоев населения.

* * *

К началу XX в. Дания была конституционной монархией, включавшей также заморские владения — Исландию (78 тыс. человек), Фарерские острова и Гренландию, колонии в Вест-Индии (о-ва Сен-Круа, Сен-Тома, Сен-Джон). Общее количество жителей составляло 2 млн 757 тыс. человек (1911 г.). Аграрно-индустриальная страна, основная отрасль сельского хозяйства — мясо-молочная — ориентирована на экспорт. ВВП на душу населения (по подсчетам Мэдисона) в 1914 г. равнялся 4110 долларов.

Население Швеции достигло 5 679 600 (1914 г.), ее площадь — 448 тыс. кв. км. К началу XX в. Швеция превратилась в индустриальную

державу с высокоразвитым сельским хозяйством. ВВП на душу населения в 1914 г. дошел до 2742 долларов.

Норвегия, ставшая независимой, являлась конституционной монархией (династия Глюксбургов) с населением 2 млн 392 тыс. человек (1910 г.). Аграрно-индустриальная страна, основу ее экономики составляли лесопромышленность, тяжелая промышленность; шведский флот был одним из ведущих торговых флотов мира. ВВП на душу населения в 1914 г. — 2935 долларов.

Финляндия продолжала оставаться автономным Великим княжеством в составе Российской империи с населением 2 943 400 человек (1910 г.).

Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе

В начале XIX в. большая часть Балканского полуострова, за исключением принадлежавшей Австрии Воеводины, входила в состав Османской империи. Особый статус имели дунайские княжества Молдавия и Валахия, находившиеся в вассальных отношениях к султану, и фактически независимая Черногория. Численность населения региона в целом приблизительно оценивается в 13 млн человек. Экономика Балкан имела исключительно аграрный характер. Большую роль в ней играло производство зерновых (пшеница, кукуруза), виноградарство, мясное и молочное животноводство. Промышленность отсутствовала даже в зачаточном состоянии, но процветали традиционные местные ремесла. Важную роль играла торговля: значительная часть торговых операций между Европой и Востоком концентрировалась в руках балканских купцов.

Структурный кризис, наметившийся в Османской империи уже в XVII в. и проявившийся в полной мере в XVIII столетии, привел к ослаблению центральной власти, появлению и росту сепаратистских настроений, создавая тем самым благоприятные условия для распада империи. Это обстоятельство стало одной из важнейших предпосылок начала процесса национально-государственного строительства на территориях клонившейся к упадку империи. Другой важной предпосылкой этого процесса стал рост национального самосознания у подвластных султану народов, тесно связанный с начавшимся у многих из них движением так называемого национального возрождения. У балканских народов оно проявилось в численном росте интеллигенции, особенно светской, росте числа создаваемых и издаваемых книг, развитии

школьного дела. На этом фоне и под влиянием идей Просвещения у балканских народов начал складываться этноцентрический дискурс — форма национального самосознания, выделившая отдельные народы из традиционной ромейско-православной общности, унаследованной османским государством от Византии. Превалирование этнонациональной самоидентификации над конфессиональной, складывание и активное употребление понятия нации, повышенное внимание к национальной традиции и культуре — таковы были характерные черты нового типа политического мышления, ставшего питательной почвой для создания различных форм национально-освободительной идеологии.

Особенности социально-экономической и демографической ситуации в разных районах Балкан, исторического и культурного развития отдельных народов и этнических групп обусловили неравномерность развития национального самосознания у народов региона: если православные жители Пелопоннеса называли себя греками уже в 1820-е годы, то население Македонии еще в начале XX в. идентифицировало себя по конфессиональному признаку и затруднялось определить свою национальную принадлежность. Национально-государственное строительство в регионе также развивалось неравномерно, но имело и общие черты: в большинстве случаев новые государства возникали на подъеме национально-освободительных движений; большую, а иногда решающую роль в их создании и развитии играли великие державы; молодые государственные образования часто не имели полной независимости (юридической и фактической), испытывали большие трудности финансово-экономического характера.

Первым крупномасштабным национально-освободительным восстанием XIX в. стало Первое сербское восстание (1804–1813). Оно началось в феврале 1804 г. как движение протеста против произвола дахийев, янычарских военачальников, захвативших власть в Белградском пашалыке вопреки воле султана. Эта территория, населенная по преимуществу компактно проживавшими сербами, наилучшим образом подходила для создания сербского национального государства. Неспособность центральной власти своевременно пресечь сепаратистские устремления дахийев обратила оружие повстанцев против нее самой. Уже летом 1804 г. лидеры повстанцев сформулировали требование широкой политической автономии и обратились за помощью к России. В августе 1806 г. победы сербских повстанцев над турецкими войсками вынудили Порту заключить с сербами Ичков мир, предоставлявший Белградскому пашалыку ограниченную автономию. С началом русско-турецкой войны

1806–1812 гг. восстание сербов вспыхнуло с новой силой, теперь уже под лозунгом создания независимого государства. Судьба восстания на этой этапе во многом зависела от дипломатического и военного сотрудничества сербов с поддержавшей их Россией. Несмотря на то что успехи на поле брани сменялись поражениями, в это время были созданы основные сербские органы государственной власти: в январе 1811 г. собравшаяся в Белграде скупщина старейшин образовала первое национальное правительство и провозгласила вождя повстанцев Карагеоргия наследственным правителем. Завершая войну с Османской империей, Россия добилась включения в текст подписанного в мае 1812 г. в Бухаресте мирного договора статьи об автономии Сербии.

Однако воспользовавшись тяжелой войной России с наполеоновской Францией, Порта нарушила это положение, отменила сербскую автономию и провела в Белградском пашалыке карательную экспедицию. Начавшееся весной 1815 г. Второе сербское восстание продемонстрировало достаточную зрелость политического сознания сербов, получивших за годы Первого восстания опыт не только ведения боевых действий, но и государственного строительства. Военные успехи лидера Второго восстания Милоша Обреновича вынудили Порту вновь сесть за стол переговоров с сербами. Обладавший несомненным дипломатическим талантом, Обренович сумел добиться от султанского правительства значительных уступок и фактического восстановления автономии, хотя первоначально и не подтвержденной соответствующими фирманами. Сербы получили право самостоятельно собирать налоги, размеры которых четко оговаривались, создать орган местного самоуправления — Народную канцелярию. Милош Обренович, занявший место убитого им в 1817 г. Карагеоргия, был провозглашен наследственным правителем, а Порта воспринимала его как губернатора (пашу).

Дальнейшую борьбу за расширение автономии вплоть до государственной независимости сербы вели не военным, а дипломатическим путем. Ее успехи во многом зависели от военно-политических достижений России.

Крупным дипломатическим успехом России стало заключение осенью 1826 г. Аккерманской конвенции, подтверждавшей положения Бухарестского мира 1812 г., в том числе и о сербской автономии. Аннулирование султаном этой конвенции в конце 1827 г. послужило одним из поводов к новой русско-турецкой войне 1828–1829 гг., завершившейся Адрианопольским миром, VI статья которого обязывала Порту исполнить принятые в Аккермане обязательства относительно Сербии. В соответствии

с этой договоренностью в 1830–1833 гг. султан издал ряд фирманов, где подтверждалась автономия Сербии, расширялась ее территория, Милош Обренович признавался наследственным князем.

Борьба сербов за создание национального государства на этом не завершилась: княжество Сербия не имело полного суверенитета, многие сербы проживали за его пределами. Важнейшей внутривластной задачей Сербии после 1833 г. было создание государственных институтов и устойчивого политического режима, внешняя же политика определялась задачами достижения независимости и расширения территории княжества. На фоне борьбы за власть двух династий, Карагеоргиевичей и Обреновичей, в 1844 г. была сформулирована программа создания Великой Сербии. В рамках этой программы велась дипломатическая борьба за расширение автономии, создавалась и укреплялась сербская армия. В 1866 г. Сербия стала инициатором создания антитурецкого союза балканских государств, но убийство в 1868 г. князя Михаила Обреновича сорвало план подготовки общевосточной антитурецкой войны. Однако в 1867 г. Сербии удалось добиться ухода со своей территории турецких воинских контингентов, что делало ее фактически независимой. В июне 1876 г. Сербия, вдохновленная начавшимся годом ранее повстанческим движением в Боснии и Герцеговине, в союзе с Черногорией начала войну против султана. Но силы были неравны, и уже в октябре разгромленная Сербия заключила перемирие с Османской империей. Последовавшая русско-турецкая война 1877–1878 гг. расширила территорию Сербии (она получила четыре новых округа на юге), а также официальное признание ее независимости. Результатами Берлинского трактата сербы не были удовлетворены: надежды на присоединение Боснии и Косова не оправдались.

Князь (а с 1882 г. король) Милан Обренович в это время в своей политике стал ориентироваться на Австро-Венгрию. В 1885 г., когда сербы, возмущившись присоединением Восточной Румелии к Болгарии, начали войну с ней и потерпели поражение, Австро-Венгрия спасла Сербию от катастрофы. Экономическая и внешнеполитическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии стала снижаться в начале XX в., а после австрийской оккупации Боснии и Герцеговины в 1908 г. отношения между ними совсем испортились. Создание в 1912 г. Балканского союза оживило надежды сербов на территориальное расширение. Они отчасти оправдались: в результате Балканских войн Сербия получила Косово, Вардарскую Македонию и часть Новопазарского санджака. Но задача объединения всех сербов в одном государстве до конца решена не была. К этому времени

Сербия была хотя и отсталой в экономическом отношении, но вполне европейской страной с конституционно-монархическим строем и практически всеобщим избирательным правом.

Еще одна югославянская область — Черногория — фактически никогда не признавала власти турок, хотя юридически входила в состав Османской империи. Горная местность в значительной степени способствовала сохранению независимости черногорцев. Карательные экспедиции и грабежи турок, пытавшихся подчинить эту область, не имели дальнейших последствий. В XIX столетии в Черногории сохранялся уникальный государственно-политический режим — православная теократия. Лишь в 1852 г. князь Данило Негош отказался от духовного сана. В 1866 г. Черногория заключила союзный договор с Сербией, направленный против Османской империи. В случае успешной войны черногорский князь Никола обещал отречься от престола в пользу сербской династии Обреновичей. Появлялась реальная возможность образования единого сербско-черногорского государства. Однако планируемую войну тогда организовать не удалось. В период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Черногория вела войну против султана сначала в союзе с Сербией, а потом с Россией. Победа в войне дала Черногории государственную независимость и важные территориальные приращения с выходом к Адриатическому морю. Как и другие балканские национальные государства, королевство (с 1910 г.) Черногория предприняло попытку расширить свою территорию в период Балканских войн. В результате ее территория выросла в полтора раза за счет приобретения части Новопазарского санджака, была установлена общая граница с Сербией.

К началу XIX в. относится первый опыт национально-государственного строительства у греков. В 1800 г. была образована Республика семи соединенных островов под верховным суверенитетом султана и протекторатом России. Это государственное образование возникло как следствие развития международных отношений в регионе. В 1797 г. Франция заключила Кампоформийский договор с Австрией, в соответствии с которым ликвидировалась Венецианская республика, а ее владения делились между договаривавшимися сторонами. Ионический архипелаг, несколько столетий находившийся под властью Венеции, отошел к Франции. Грабительская политика французских оккупационных властей настроила местное население против себя, что облегчило задачу взятия островов в 1798–1799 гг. русской эскадрой под командованием Ф.Ф. Ушакова, действовавшей в Средиземном море в рамках исполнения обязательств России во второй антифранцузской коалиции. С этого

момента и до 1807 г., когда Тильзитский мир вернул Ионические острова под власть Франции, политическая жизнь в архипелаге была бурной. На основе существовавших в венецианское время органов местного самоуправления создавались институты государственной власти. Характерной особенностью социальной структуры архипелага было наличие сословной организации общества, отсутствовавшей в европейских провинциях Османской империи. В связи с этим политическая борьба, результатом которой стали две конституции и ряд конституционных проектов, носила не столько национальный (население было достаточно однородным), сколько социальный характер: третье сословие и городские низы боролись за расширение своих прав и доступ к власти. Несмотря на небольшой срок существования Ионической республики, она способствовала росту греческого национального самосознания и дала грекам значимый опыт государственного строительства. В ее правительстве начинали свою карьеру видные политические деятели будущей независимой Греции, в том числе И. Каподистрия.

Следующая попытка создания греческого национального государства увенчалась успехом. Как и в Сербии, этот успех был достигнут в результате национально-освободительного восстания греков и вмешательства в их судьбу европейских держав. Но в отличие от сербов греки тщательно подготовили восстание, изначально имевшее политические цели. Подготовкой восстания занималось тайное общество «Филики этерия», основанное в 1814 г. на территории России. К 1820 г., когда общество возглавил российский генерал греческого происхождения А. Ипсиланти, оно имело широкую агентурную сеть и большое число сторонников среди греков Османской империи. В феврале 1821 г. А. Ипсиланти организовал повстанческое движение в Дунайских княжествах, надеясь на вмешательство России в случае введения в княжества турецких войск. Местное валахское население, недовольное правлением присылаемых из Константинополя господарей-греков, Ипсиланти не поддержало. Его малочисленный отряд был вскоре разгромлен.

Русско-турецкой войны не последовало, но занятые подавлением восстания в Молдавии и Валахии османские войска не могли быть брошены в Центральную Грецию и на Пелопоннес, где с конца марта 1821 г. разворачивались главные события повстанческого движения, успеху которых в этих областях способствовало наличие греческой социальной верхушки, значительное преобладание греческого населения над турецким и удаленность от мест дислокации османской армии и флота. Восстания греков в Фессалии, Македонии и на островах были локализованы и

подавлены турками. Сокрушительное поражение, нанесенное летом 1822 г. турецкой армии греками под командованием Ф. Колокотрониса, изменило первоначально негативное отношение европейских держав к греческому восстанию: с 1823 г. Россия и Англия стали обсуждать проекты греческой автономии. В июле 1827 г. Россия, Англия и Франция подписали Лондонскую конвенцию, предполагавшую предоставление грекам автономии. За дипломатическим вмешательством вскоре последовало военное: в октябре того же года соединенная русско-англо-французская эскадра в Наваринском сражении разгромила турецко-египетский флот, чем кардинально изменила расстановку сил в греко-турецком противостоянии. Начавшаяся вскоре русско-турецкая война 1828–1829 гг. позволила поставить вопрос о предоставлении грекам независимости. 3 февраля 1830 г. в Лондоне Россия, Англия и Франция подписали протокол, в соответствии с которым Греция становилась независимым государством с монархической формой правления.

Наваринское морское сражение 8(20) октября 1827 г., в ходе которого соединенная англо-франко-русская эскадра уничтожила большую часть турецко-египетского флота в Наваринской бухте у берегов Пелопоннеса, кардинально изменило расстановку сил в регионе. Оно стало предпосылкой создания Греческого королевства — первого полностью независимого национального государства на Балканах.

Таким образом, Греческое королевство стало первым полностью суверенным национальным государством на Балканах. Однако его территория ограничивалась Пелопоннесом, частью Центральной Греции и Кикладским архипелагом. Три четверти греков остались за его пределами. Важнейшей внешнеполитической задачей нового государства стала борьба за расширение территории, вести которую было чрезвычайно трудно в условиях хронического бюджетного дефицита, невысоких темпов развития экономики, финансовой и политической зависимости от держав-покровительниц. Тем не менее уже в 1844 г. в греческом парламенте была озвучена Великая идея — программа создания Великой Греции.

За годы национально-освободительной борьбы греками был накоплен богатый опыт государственного строительства. Еще в 1822 г., не дожидаясь международного признания, греческие повстанцы создали свое правительство и приняли первую конституцию, предполагавшую создание в стране парламентской республики. Последующее политическое развитие

охваченных восстанием областей с частым созывом представительных органов, гражданскими войнами, режимом президентской республики (1828–1831) увенчалось установлением абсолютной монархии. В отличие от Сербии, где монархи были местного происхождения, греки получили короля «в подарок» от держав-покровительниц: греческий престол достался принцу Оттону Баварскому. Иноземный и иноверный король (Оттон был католиком) прибыл в православную Грецию в сопровождении немецких советников, чиновников и военного гарнизона. Занятие ими ключевых постов в государственном аппарате и бурная реформаторская деятельность создали новому режиму репутацию антинационального. Недовольство баварским правлением и отсутствием представительных институтов объединило политическую элиту страны, осуществившую революцию 1843 г. Ее результатом стало установление конституционной монархии и чистка государственной службы от иностранцев.

Однако задача возвращения территорий оставалась нерешенной, что послужило одной из причин свержения Оттона в 1862 г. Сменивший его на престоле представитель датского королевского дома Георг I Глюксбург получил «в приданое» Ионические острова, после разгрома Наполеона находившиеся под британским протекторатом. Это было первое территориальное приращение за годы независимости. Царствование Георга I (1863–1913) было для Греции успешным во многих отношениях: многолетний застой в экономике сменился подъемом, появилась национальная промышленность, были построены первые железные дороги, прорыт канал через Истмийский перешеек. Греция превращалась в европейскую страну: в начале XX в. неоклассицистический облик ее крупных городов дополнялся европейским костюмом их жителей. В 1896 г. в Афинах прошли первые Олимпийские игры.

Главным достижением этого царствования стало существенное расширение территории страны. Слабость экономики и вооруженных сил не позволяла рассчитывать на успешную войну с Османской империей. Оставалось ждать удобного случая и надеяться на благосклонность держав. Попытка добиться присоединения Крита во время восстания на острове в 1866–1868 гг. окончилась неудачей. Но во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. успехи русской армии стали причиной такого мощного патриотического подъема в Греции, что король Георг I наконец решился ввести войска в по-прежнему принадлежавшую султану Фессалию. Это произошло в тот день, когда между Россией и Османской империей было подписано перемирие. Хотя греки фактически не воевали, Берлинский мирный конгресс принял решение передать им Фессалию и часть Эпира.

Сопротивление Германии и Турции затянуло переговоры о линии границы на три года. В итоге Греция получила почти всю Фессалию и малую часть Эпира только в 1881 г. Это было важное приобретение: принадлежавшие туркам богатые сельскохозяйственные угодья стали скупать греки диаспоры, прежде относившиеся с недоверием к греческому государству.

Неудачная война с турками 1897 г. не уменьшила у греков стремления к территориальному росту. Напротив, на волне экономического подъема начала XX в. стало возможным проведение реформ армии и флота, в результате которых Греция получила боеспособные вооруженные силы. Часть греческих офицеров приобретала боевой опыт в партизанских отрядах, действовавших в турецкой Македонии в начале столетия. В 1904–1908 гг. там развернулась настоящая партизанская война между болгарами, сербами, греками и турками, подготовившая открытый многосторонний вооруженный конфликт на Балканах. Его начало ускорили разочарование итогами младотурецкой революции в Османской империи и складывание направленного против Турции военного союза балканских государств в 1911–1912 гг. Балканские войны 1912–1913 гг. принесли грекам долгожданные территориальные приращения: присоединив часть Эпира, Македонию, Крит и другие острова, Греция практически удвоила свою территорию.

Болгарское национально-освободительное движение, проявившее себя несколько позже, имело свои особенности. В этот период на Балканах начинают выявляться межнациональные противоречия, обусловленные не только конфликтом угнетенных народов с османскими властями, но и их соперничеством между собой. Соперничество греков и славянских народов на Балканах было вызвано смешанным характером населения, неравномерным развитием национального самосознания у разных этнических групп. Противоречия между греками и болгарами приняли форму церковного конфликта. Его причина коренилась в государственно-политическом устройстве Османской империи, где постепенно формировалась система этноконфессиональных общин-миллетов. Ромейская община (Рум миллет) включала в себя все православные народы империи, а возглавлял ее Константинопольский патриарх. Поскольку Константинопольская патриархия целиком находилась в руках греков, то фактически славянские Церкви, прежде обладавшие независимостью (сербская Печская и болгарская Охридская архиепископии), оказались также под властью греков. Греческий язык стал языком богослужения и письменной культуры, а со временем — языком образованности вообще.

Рост национального самосознания у греков и болгар вылился в

желание первых сохранить свои позиции в Болгарской церкви и греческую культуру в качестве элитарной, а вторых — в желание приобрести независимую национальную церковь и сделать родной язык языком богослужения, образованности и культуры. В результате борьба болгар за национальную церковь стала формой освободительной борьбы, только не против турок, а против греков, которые недавно находились в Османской империи в подчиненном положении. Нараставший конфликт привел к разрыву болгарского духовенства с Константинопольской патриархией (1866 г.). В конфликт вмешалась Высокая Порта: желая ослабить греков, она приняла сторону болгар. В 1870 г. султан санкционировал образование Болгарского экзархата в рамках Константинопольской патриархии. Но греческий епископат с таким решением не согласился. Сторонники экзархата были объявлены схизматиками и преданы анафеме. Церковный конфликт был лишь началом греко-болгарского соперничества на Балканах. Его урегулирование затянулось до Второй мировой войны.

Набирало силу и антитурецкое движение болгар. С начала 1860-х годов на смену гайдуцким отрядам пришли политические организации, стремившиеся координировать действия этих отрядов и придать им политический характер, а в 1869 г. в Бухаресте был создан Болгарский центральный революционный комитет. Параллельно действовала и Внутренняя революционная организация на территории самой Болгарии. Программы этих организаций предлагали разные варианты возрождения болгарской государственности: рассматривалась возможность создания единого сербско-болгарского государства, дунайской федерации христианских народов по образцу Швейцарии, проект дуалистического турецко-болгарского переустройства Османской империи, аналогичный Австро-Венгрии, наконец, образование собственно болгарского государства. В начале 1870-х годов болгарские революционные организации объединились и поставили своей целью подготовку общеполитического освободительного восстания. Поднятые ими в 1875–1876 гг. восстания были жестоко подавлены турками, что послужило одной из причин русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Одним из важнейших ее результатов стало воссоздание болгарской государственности: северная часть Болгарии стала автономным княжеством, Восточная Румелия получила статус автономной провинции.

В 1879 г. в Болгарском княжестве была принята конституция, устанавливавшая наследственную конституционную монархию и гарантировавшая гражданам основные демократические свободы, в том числе всеобщее избирательное право для взрослых мужчин. На княжеский

престол был приглашен принц Александр Баттенберг, свойственник российского императора Александра II, участвовавший в войне 1877–1878 гг. Несмотря на дипломатическую и военную поддержку России, князь Александр не сумел взять под контроль противоборствующие политические группировки в княжестве. Его популярность падала, отношения с Россией ухудшались. В это время болгарское революционное движение готовило восстание в Восточной Румелии под лозунгом объединения с Болгарией. Поддержка этого движения, завершившегося объединением двух частей Болгарии в 1885 г., не спасла князя Александра. В результате военного заговора в 1886 г. он был свергнут, а на княжеский престол приглашен Фердинанд Саксен-Кобург-Готский.

Первоочередными задачами его правления были достижение полной независимости, расширение территории путем присоединения других османских областей, где проживали болгары, преодоление общей экономической отсталости. Правительства конца XIX — начала XX в. постепенно избавлялись от экономических ограничений, наложенных на Болгарию Берлинским конгрессом, проводили независимую от Порты внешнюю политику. Воспользовавшись событиями младотурецкой революции в Османской империи, осенью 1908 г. князь Фердинанд провозгласил полную независимость страны, а себя — царем (1908–1918). Так было создано Третье Болгарское царство, стремившееся к гегемонии на Балканах.

К началу Балканских войн Болгария имела вторую (после Турции) по численности и мощи армию на Балканах и репутацию Балканской Пруссии. Во время первой Балканской войны болгарские армии заняли значительные территории в Македонии и Фракии. Завершивший эту войну Лондонский мирный договор 1913 г. зафиксировал изъятие у Османской империи почти всех ее европейских провинций, но не разделил их между победителями. В результате началась вторая Балканская война, в которой бывшие союзники болгар, а также Румыния и Османская империя выступили против Болгарии, получившей наибольшие территории по результатам первой войны. Болгарии пришлось воевать на всех границах одновременно, и через месяц она капитулировала. По Бухарестскому и Константинопольскому договорам 1913 г. за Болгарией оставались Пиринская Македония и часть Западной Фракии с выходом к Эгейскому морю, но ей пришлось отказаться от Южной Добруджи в пользу Румынии. Болгарское общество было разочаровано: итоги Балканских войн не соответствовали экономическим затратам и военным потерям.

Царь Болгарии Фердинанд I. 1913 г.

Создание румынского национального государства шло несколько иным путем, поскольку у валахов сохранились свои государственные образования: княжества Молдавия и Валахия, находившиеся в вассальной зависимости от султана. Однако их суверенитет был сильно ограничен. Помимо того что княжества были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику, им приходилось выплачивать Порте большую дань, поставлять продовольствие по низким ценам. На протяжении почти всего XVIII — первой четверти XIX в. господа княжеств назначались в Константинополе из числа не местных, а греческих знатных семейств и вели себя в княжествах как откупщики, стремившиеся, главным образом, к личному обогащению. Правление греков в Молдавии и Валахии было прекращено после начала греческого освободительного движения в 1821 г.

После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. автономия княжеств была расширена. В связи с этим под контролем России в 1831–1832 гг. в княжествах были проведены реформы, закрепленные принятием конституций — Органических регламентов. Согласно регламентам, верховная власть принадлежала избираемым из местной знати господарям, которые назначали исполнительный орган — административный совет. Законодательными функциями обладали выборные законодательные собрания. Была реорганизована судебная система, введено местное самоуправление. Однако сфера экономики не претерпела изменений, в сельском хозяйстве по-прежнему господствовали феодальные отношения. В 1848 г. общеевропейская революция не обошла стороной оба княжества. Лидеры революционного движения требовали проведения демократических реформ, либерализации экономики. Тогда же был выдвинут лозунг объединения княжеств в единое государство. Революция в княжествах была подавлена: в Молдавию вошли русские войска, а в Валахию — османские. После поражения России в Крымской войне был подтвержден суверенитет Порты над княжествами. Но это уже не могло помешать широкому движению за объединение и независимость.

Унионистское движение в княжествах поддерживали Россия и Франция, каждая из которых стремилась превратить их в сферу своего влияния. Противником этого движения была Австрия. Многонациональная австрийская монархия на протяжении всего XIX в. последовательно выступала против расчленения Османской империи. Возможность лишения Порты ее территорий австрийцы допускали в единственном случае — если эти земли переходили под власть самой Австрии. Причина такой позиции проста: австрийский двор опасался, что успешные национально-освободительные движения в соседней Османской империи могут воздействовать на национальные меньшинства, входившие в состав империи Габсбургов. Что касается Дунайских княжеств, то их объединение нарушало планы австрийцев на территориальные приобретения в этом регионе. И все же при поддержке России, Франции, а также Пруссии и Сардинии, создававших в этот период собственные национальные государства, в 1859 г. господарем обоих княжеств был избран полковник А. Куза. Личная уния положила начало государственному объединению. Вопрос об объединении дискутировался европейской дипломатией еще два года, пока, наконец, в конце 1861 г. было санкционировано их окончательное объединение под названием Объединенного княжества Валахии и Молдавии, в 1868 г. переименованного в Румынию. Но полной независимости княжество не получило. В надежде на нее во время русско-

турецкой войны 1877–1878 гг. Румыния воевала на стороне России. Победа позволила Румынии получить не только государственный суверенитет, но и Северную Добруджу.

Одну из серьезнейших проблем для Румынии во второй половине XIX — начале XX в. представлял аграрный вопрос. А. Куза пытался решить его, конфисковав владения греческих монастырей, полученные в эпоху правления господарей-греков, а также провести аграрную реформу, наделив крестьян землей за счет крупных собственников-бояр. Последняя мера встретила сильное сопротивление со стороны боярской оппозиции, и в 1866 г. в результате государственного переворота А. Куза был свергнут, а на княжеский престол приглашен немецкий принц Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, ставший в 1881 г. первым румынским королем под именем Кароль I (1866–1914). В соответствии с конституцией 1866 г. в стране устанавливалась конституционная монархия с двухпалатным парламентом и цензовой избирательной системой, обеспечивавшей господствующее положение крупным земельным собственникам и предпринимателям.

При Кароле I положение внутри страны было достаточно стабильным, но нерешенность аграрного вопроса стала причиной нескольких масштабных крестьянских восстаний (1888, 1907). После восстания 1913 г. правительство наконец приступило к частичной конфискации земельных владений крупных собственников и их раздаче безземельным крестьянам. В этот период страна укрепила свои международные позиции, получив независимость и расширив свою территорию. В первой Балканской войне Румыния не участвовала, но во время второй (1913 г.) сложились благоприятные условия для присоединения Южной Добруджи. Участие Румынии в войне на стороне противников Болгарии позволило реализовать план получения этой территории в соответствии с Бухарестским мирным договором 1913 г.

Балканские войны, лишившие Османскую империю почти всех ее европейских провинций и расширившие границы национальных государств, образованных на ее развалинах, принесли независимость Албании. Албанское национальное движение, запоздалое развитие которого было связано с конфессиональной (мусульмане, католики, православные) и этнокультурной (наличие двух субэтнических групп) разобщенностью, вступило в фазу вооруженной борьбы после младотурецкой революции. В 1909–1912 гг. по областям, населенным албанцами, прокатилась серия восстаний, всякий раз подавляемых младотурецким правительством. Албанские организации внутри страны и в эмиграции выдвинули требование автономии. С началом первой

Балканской войны в Албанию вторглись претендовавшие на османское наследство Греция, Сербия и Черногория. В этих условиях во Влере (Авлоне) 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании. В течение нескольких последовавших месяцев албанский вопрос обсуждался в Лондоне, где подводились итоги первой Балканской войны. В мае 1913 г. Лондонский мирный договор изъяс Албанию из состава Османской империи и передал ее в ведение великих держав. В июле того же года ими было достигнуто соглашение о создании независимого княжества Албания и его границах.

Итоги XIX столетия на Балканах оказались весьма впечатляющими. Эпоха кризиса Османской империи сменилась эпохой ее распада. На развалинах империи образовалось несколько национальных государств. Молдавия и Валахия порвали вассальные узы с султаном и образовали единое государство Румынию. На территориях бывших османских провинций возникли независимые Греция и Албания, а также несколько славянских государств — Сербия, Черногория, Болгария. Однако территориальные противоречия между ними не были урегулированы. Смешанный характер населения Балкан и наличие спорных территорий закладывали основы последующих межэтнических и межгосударственных конфликтов в регионе.

В начале XX в. политическая карта Балкан приобрела совершенно новые очертания. Османская империя потеряла почти все свои европейские провинции. На их месте образовались независимые национальные государства: Сербия, Греция, Болгария, Румыния, Албания. В них сразу или со временем установилась конституционно-монархическая форма правления, причем в Сербии соперничали две местные династии, в остальных странах правили отпрыски немецких домов. Численность населения региона, несмотря на кровопролитные войны за национальное освобождение, выросла более чем в 1,5 раза и составила около 20 млн человек. Произошли существенные сдвиги в экономике. Хотя в хозяйстве балканских стран продолжал доминировать аграрный сектор, началось складывание национальной промышленности, особенно активно оно шло в Сербии, Греции и Болгарии. Всего к началу XX в. в регионе насчитывалось несколько сотен промышленных предприятий, на которых были заняты десятки тысяч рабочих. Наиболее развитыми отраслями были пищевая и текстильная промышленность, в Греции также торговое судоходство, быстрыми темпами росли добыча полезных ископаемых и металлургия.

Новые судьбы Нового Света

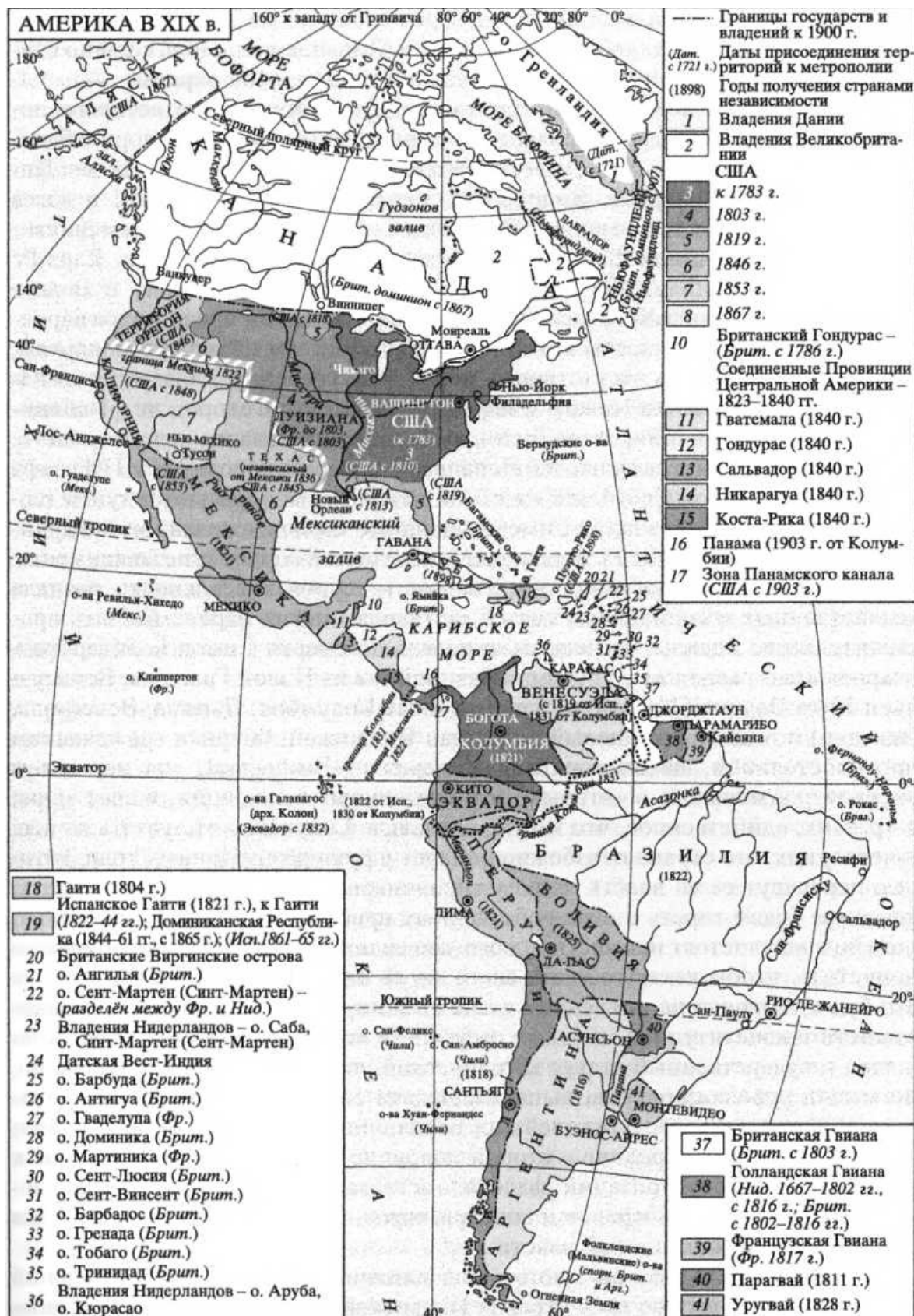
Западное полушарие: преемственность и перемены

Какими бы разными ни казались нам страны Нового Света, их объединяет общность исторической судьбы: это европейские владения, добившиеся независимости революционным (США, государства Испанской Америки) либо мирным путем (Канада, Бразилия). В конце XVIII — начале XX в. эти страны прошли трудный путь, во-первых, становления государственности, поиска наилучшего соотношения между полномочиями центра и провинций (все первые партийные системы строились вокруг противостояния унитариев и федералистов) и, во-вторых, встраивания в растущую систему мирового капиталистического рынка. С 1800 по 1900 г. примерно вчетверо, до 9,5-10 %, выросла доля Нового Света в населении мира.

Собранные из 13 британских колоний Соединенные Штаты Америки прошли через Гражданскую войну рабовладельческого Юга и свободного Севера (1861–1865). После неудачного республиканского восстания (Пернамбуку, 1817) в провинциях уже независимой монархической Бразилии разворачивались народные движения, подчас выливавшиеся в провозглашение независимых республик и столкновения с правительственными войсками (Пернамбуку, 1824; Пара, 1835–1840; Байя, 1837–1838; Мараньян, 1838–1840; Риу-Гранди-ду-Сул, 1835–1845 — в этой «революции оборванцев», «Фарроупилье», участвовал сам Джузеппе Гарибальди; Байя, 1893–1897). Тем не менее в целом Бразилии удалось миновать XIX столетие без заметных потрясений, а вот испаноамериканские владения, разделившиеся на независимые государства обычно по границам бывших вице-королевств и генерал-капитанств, испытали как внутренние гражданские войны, так и междоусобные столкновения с соседями, еще недавно составлявшими единую империю.

В 1763 г., во время шумных празднований победы Британской империи над Францией в Новом Свете, мало кто мог ожидать, что ликующие колонисты уже через 12 лет поднимутся на войну против метрополии. Ровно так же в начале XIX в. ничто, на первый взгляд, не предвещало грядущих революций в американских владениях Испании и Португалии. Не думал о них и великий географ Александр фон Гумбольдт (1769–1859), оставивший 30-томное описание своих путешествий по Испанской

Америке 1799–1804 гг., из которого поколения европейцев будут черпать знания о природных богатствах континента. В 1806 г. «предтеча» независимости Испанской Америки Франсиско де Миранда (1750–1816) с маленьким отрядом добровольцев и наемников высадился на венесуэльском побережье, стремясь поднять народ против Испании, но жители прибрежного городка Коро — того самого, где в 1859 г. Эсекиель Самора (1817–1860) поднимет восстание под лозунгами либерализма и федерализации, увидев революционные листовки, либо заперлись в своих домах, либо покинули их, и Миранде пришлось спешно спасаться от приближавшихся кораблей испанской береговой охраны.

Тем не менее понятно, что сложная система испанского «старого порядка» даже в ее реформированном Карлом III и графом Флоридабланкой виде не могла в XIX столетии сохраниться неизменной как на Пиренеях, так и в Америке. Вопрос состоит в том, каким образом и когда прошла бы его модернизация. Спусковым механизмом испаноамериканских революций стали Байоннские отречения мая 1808 г., когда Карл IV и его сын Фердинанд VII отказались от испанского престола в пользу Наполеона. В испанской богословско-правовой традиции признавался народный суверенитет и общественный договор (*pactum translationis*) с монархом; если законный монарх отсутствовал, народный суверенитет возвращался народу. Вице-королевства Нового Света были связаны договором не с Испанией, а с королем Испании, стало быть, после прихода к власти нелегитимного, по мнению большинства жителей Испанской империи, короля Хосе I (Жозефа Бонапарта), в Новом Свете, как и в самой метрополии, образуются хунты (советы), правившие поначалу от имени законного короля, «желанного» Фердинанда VII, а уже с мая 1810 г. перешедшие к открытой борьбе за независимость.

Вскоре после завоевания независимости суровая реальность распада хозяйственных и социальных связей заставила многих переосмыслить просветительские идеалы. За несколько недель до смерти Симон Боливар, разочарованный распадом с трудом собранной им из Новой Гранады, Венесуэлы и Кито Великой Колумбии (современные Колумбия, Панама, Венесуэла, Эквадор) и охватившим целый ряд стран Испанской Америки гражданским противостоянием, писал соратнику-генералу: «Во-первых, мы не можем управлять Америкой; во-вторых, тот, кто служит революции, пашет море; в-третьих, единственное, что можно сделать в Америке, — это уехать из нее; в-четвертых, эта страна неизбежно попадет в руки разнузданных толп, которые передадут ее во власть мелких тиранчиков всех цветов и рас; в-пятых, когда мы будем гореть в огне собственных преступлений и жестокости, европейцы не удостоят нас чести нового завоевания; в-шестых, если возможно допустить, чтобы какая-то часть света вновь впала в первобытный хаос, то это будет Америка на последнем этапе ее истории». В декларациях независимости и конституциях молодых государств почти повсеместно провозглашался государственный статус католической церкви, на которую, очевидно, по мысли революционеров, выпадала задача сохранить социально-политическое единство в пору тяжелейших революционных испытаний. В значительной степени в середине — второй половине XIX в. именно отношение к роли церкви и секуляризации разделяло в глазах широких масс взгляды

испаноамериканских либералов и консерваторов. Зачастую спасением казался каудильизм — режим личной власти.

В середине XIX в., во многом под влиянием европейских революций 1848–1849 гг., почти во всех странах Испанской Америки прошел ряд либеральных (а подчас едва ли не социалистических в своей риторике) и антиклерикальных реформ, проведенных с разной степенью последовательности. В своем стремлении преодолеть наследие Старого порядка близки мероприятия правительств Игнасио Комонфорта и Бенито Хуареса в Мексике (1855–1858, 1858–1864, 1867–1872), Рамона Кастильо в Перу (1845–1851, 1855–1862, 1863), «плебейской республики» в Колумбии (1849–1854), требования федералистов в венесуэльской «федеральной войне» (1859–1863), до определенной степени — политика каудильо-утописта Мануэля Бельсу в Боливии (1848–1855). В глухой далекой Аргентине после свержения популярного в среде гаучо жестокого каудильо и богатого латифундиста Мануэля Росаса (1829–1852) встал вопрос о превращении страны из скотоводческой республики в развитое многоукладное образованное общество — такое, о котором мечтал будущий президент в 1868–1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888) в своем романе «Цивилизация и варварство» (1845).

Тяжелейшая перестройка всех составных частей Испанской империи, причем не только бывших ее владений, но и самой метрополии, затянулась почти на весь XIX век. Войны за независимость нанесли огромный удар по хозяйству испаноамериканских государств. Прочитавшие Гумбольдта европейцы, в основном британцы, тщетно надеялись быстро обогатиться на открытых рынках и природных ресурсах молодых независимых государств, что стало важной причиной краха на Лондонской бирже в октябре 1825 г., за которым последовал мировой спад 1825–1826 гг., — некоторые исследователи считают его первым современным финансовым кризисом. Среди всех латиноамериканских государств только Бразилия не испытала во второй половине 1820-х годов дефолт по внешним долгам. Драматические перемены 1810-1820-х годов в бывших испанских владениях и самой Испании произошли тогда, когда в мире начинал разворачиваться маховик экономического роста, основанного на промышленном капитализме. Экономика Мексики достигла уровня 1800 г. лишь к концу 1870-х годов, правда с того времени при диктаторе Порфирио Диасе и вплоть до революции 1910–1917 гг. начался связанный с индустриализацией быстрый рост, который, впрочем, не привел к улучшению жизни подавляющей массы населения. Объемы добычи серебра в Перу и Боливии вернулись, причем в первом случае совсем

ненадолго, к дореволюционному уровню к середине XIX в., после трудного пути перестройки горного дела, традиционно основанного на индейской трудовой повинности — мите (даже после ее отмены в 1812 г. не редкостью была «крипто-мита» — вербовка индейцев на шахты в обмен на уплату подушной подати), на капиталистический лад. Бразилия не прошла через экономический спад, но и там совокупный рост в XIX в. оказался совсем незначительным.

И Соединенные Штаты, и Бразилия, и Испанская Америка унаследовали от колониального прошлого рабовладение. Хозяйственная эффективность рабства обычно была связана с монокультурностью. Так, если в 1791 г. на долю США приходилось 0,4 % мирового производства хлопка, то в 1831 г. — 49,6 %, 1840 — 62,6 %, 1850 — 67,8 %, 1860 — 66,0 %. В 1830 — 1850-е годы, за немногими исключениями, именно хлопок составлял более половины всего экспорта США. Парадоксальным образом, без возделанного рабами хлопка невозможно представить становление в первой половине XIX в. современного промышленного капитализма, первой отраслью которого была текстильная.

В Бразилии экспортной монокультурой стал кофе: так в экономической истории страны начался новый цикл (ему предшествовали «цикл красного дерева» (XVI в.), «цикл сахара» (XVI–XVII вв.), «цикл золота» (XVIII в.); в конце XIX столетия начнется «цикл каучука»). В 1821–1830 гг. на долю кофе приходилось 18 % стоимости бразильского экспорта, а в 1881–1890 гг. — 61 %. В 1860-е годы Куба производила 28 % сахара в мире (40 % всего тростникового сахара). Как и в США, рабский труд не исключал внедрение технических новшеств: в 1861 г. 70,8 % сахароперерабатывающих заводов на Кубе использовали паровой двигатель, первая железная дорога на острове была построена в 1833–1838 гг. (в самой Испании — только в 1848 г.), а к 1860 г. протяженность кубинских железных дорог составила 1281 км — третье место на континенте после США и Канады и седьмое в мире. Именно страх перед «революцией рабов» в 1820-е г. годы удержал Кубу в составе Испанской империи и способствовал сохранению единства Бразилии в 1830-е.

Хотя в 1776–1830 гг. доля афроамериканцев в населении США снизилась с 20 % до 15,5 % (в наши дни она составляет 12,6 %), в Южной Каролине и Миссисипи она превышала 50 %, а в целом среди южных штатов только в Теннесси и Арканзасе была ниже 30 %. В 1860 г. рабы составляли примерно треть населения южных штатов. С 1 января 1808 г. завоз рабов в США был запрещен, однако плантаторам впервые в истории удалось добиться естественного прироста рабского населения: за 50 лет с

1810 г. по 1860 г. число рабов выросло в 3,3 раза, с 1,2 млн человек до более 3,95 млн. Несмотря на это рабы стоили чрезвычайно дорого и уверенно росли в цене. Из 385 тыс. рабовладельцев 89 % владели менее чем 20 рабами, около 10 тыс. принадлежали к верхушке южного общества, имея более 50 рабов. Менее двух тысяч южных семей владели более чем 100 рабами — и по оценке собственности, и по годовому доходу эти семьи превосходили ведущих промышленников Севера.

В отличие от США, смертность среди бразильских рабов была очень высокой, и их численность росла за счет международной работорговли, которая была запрещена после десятилетий британского давления только в 1850 г. В 1819 г. рабов в Бразилии насчитывалось 1,081 млн человек — 30,0 % всего населения (3,598 млн человек). Согласно первой переписи (1872) негры составили 19,7 % (1,954 млн человек), арабы (1,511 млн человек) — 15,2 % населения страны (9,93 млн человек). В 1861 г. — время начала Гражданской войны в США — число рабов на Кубе составило 26,5 % всего населения острова (более 1,396 млн человек), свободных «цветных» — 19,2 %. К окончательной отмене рабства во второй половине 1880-х годов Бразилию и Кубу подтолкнула в том числе и растущая неэффективность хозяйств, которые были основаны на труде рабов, чья стоимость постоянно росла, в отличие от производительности, ограниченной возможностями человеческого организма.

Впрочем, монокультурность необязательно была связана с рабством. С конца XIX в. в Бразилии кофе как экспортную культуру дополняет каучук. С конца XIX в. в страны Центральной Америки и Колумбию приходит североамериканская компания «United Fruit», взявшая под контроль выращивание и вывоз бананов в США, а затем и в Европу на уже изобретенных к тому времени судах-рефрижераторах. Вскоре компания стала подчас определять политику многих государств — тогда историки, обществоведы и журналисты переняли у О. Генри словосочетание «банановая республика». Габриэль Гарсиа Маркес вспоминал о прошлом родной Аракатаки — того самого Макондо из «Ста лет одиночества»: «Кумбия танцует со свечой, и простые поденщики и рабочие с банановых плантаций зажигали вместо свеч купюры — это потому, что поденщик зарабатывал на плантациях двести песо в месяц, а алькальд и муниципальный судья — всего шестьдесят».

В XIX веке власти всех стран Нового Света стремились разрушить индейские общины, что вело к обезземеливанию коренного населения. В США Акт Дауэса (1887) уничтожал права индейской общины и оставлял почти повсюду за границами так называемой Индейской территории в

Оклахоме каждой семье равный гомстедерскому^[22] надел в 160 акров (64,8 га) — более чем достаточный для ведения орошаемого земледелия, но не дающий возможности продолжать традиционное хозяйство. За годы действия закона (до 1934 г.) индейцы потеряли почти две трети земель. 28–29 декабря 1890 г. американские войска подавили восстание сиу в Вундед-Ни (Южная Дакота). Это последнее вооруженное столкновение с коренным населением Америки совпало с концом эпохи «подвижной границы» (frontier) — завершением внутренней аграрной колонизации страны. Если в 1800 г. общая численность индейцев в США составляла около 600 тыс. человек, то к 1900 г. — менее 240 тыс.

В Мексике, Боливии, Колумбии с индейской общиной боролись либералы, стремившиеся создать единый земельный рынок и уничтожить «феодалные пережитки». Наиболее последовательно эти меры были проведены в Мексике. Закон Лердо (1856) запрещал корпоративное владение землей, что сразу лишило церковь ее обширных владений и нанесло мощный удар по индейцам, которые не успевали переоформить свои земельные права. При Порфирио Диасе был принят закон о колонизации «пустующих земель» (1883), который, в частности, привел к прямому захвату индейских земель в Соноре и на Юкатане. В итоге, если в 1821 г. общинное землевладение занимало 40 % сельскохозяйственных угодий, то к 1910 г. — не более 5 %. Основной формой землепользования оставались огромные асьенды-латифундии, на которых работали батраки, в том числе пеоны — по сути, крепостные, отработывавшие унаследованный долг.

Рабство и наследие сложной испанской колониальной кастовой системы, делившей американское население по происхождению, неизбежно порождало общественные противоречия, поэтому Симон Боливар боялся перерастания революции в «войну рас». Тем не менее даже в тех латиноамериканских государствах, где рабство не было отменено в ходе войн за независимость, межрасовые отношения складывались не столь трагически, как в США. Так, на Кубе в 1842 г. был введен Регламент для рабов, в частности вводивший десятичасовой (во время сбора урожая — шестнадцатичасовой) рабочий день. В Бразилии получила распространение сравнимая с позднеантичным колонатом практика «сельской брешы»: рабов переводили работать с плантаций на небольшие наделы, часть урожая с которых они могли оставлять у себя. По переписи 1872 г. мулаты и метисы составляли 42,2 % (4,189 млн человек) населения Бразилии — важный аргумент в пользу старого, пусть и преувеличенного тезиса о «расовой демократии», т. е. относительной межрасовой гармонии. Здесь явно

чувствуется наследие католического универсализма — не случайно, почитание первого «цветного» святого Нового Света, перуанца Мартина де Порреса, восходит еще к XVII в.

Герой войны за независимость Мексики и второй президент страны Висенте Герреро (1782–1831) родился в семье метиса и чернокожей рабыни. Чистокровным индейцем-сапотеком был мексиканский президент-реформатор (1858–1864, 1867–1872) Бенито Хуарес (1806–1872). Мать мексиканского диктатора в 1876–1910 гг. Порфирио Диаса (1830–1915) принадлежала к индейцам-миштекам. Мулаткой была мать одного из вождей кубинского революционного движения Антонио Масео (1845–1896). Сыном мулата был один из крупнейших бразильских писателей, основатель Бразильской академии словесности Жуакин Мария Машаду ди Асис (1839–1908). В 1925 г. мексиканский философ и политик Хосе Васконселос (1882–1959) создаст образ будущей ибероамериканской «космической расы» (*raza cósmica*) — равноправного смешения всех рас в «универсальной эре человечества». Напротив, в США и Канаде «цветные» не могли рассчитывать на участие в определении судеб своих стран вплоть до второй половины XX в.

В США «критический период» 1783–1789 гг. сменился быстрым и устойчивым ростом, связанным как со стабилизацией политической системы после принятия федеральной Конституции США, так и началом европейских войн, которые поставили нейтральные Соединенные Штаты в выгодное положение. Страна, подобно другим британским переселенческим колониям, включилась в растущий механизм капиталистического рынка, центром которого была Британская империя, а на рубеже XIX–XX вв. обошла бывшую метрополию сперва по валовому, а затем и по подушевому объему промышленного производства. Когда к концу XIX в. Соединенные Штаты заняли первое место в мире по объему экономики, о джефферсоновской «республике фермеров» вспоминали все реже, разве что на «подвижной границе» освоения гомстедерами новых земель. В 1895 г. Фридрих Энгельс точно описал Соединенные Штаты того времени: «Америка — самая молодая и в то же время самая старая страна в мире... [она], с одной стороны, занята еще первоначальной задачей, освоением огромной девственной целины, а с другой, вынуждена уже участвовать в борьбе за первое место в промышленном производстве».

В Испании и большинстве ее бывших владений лишь в последней трети XIX в. установились стабильные политические режимы, и эти страны стали нагонять упущенные для роста и развития ключевые десятилетия промышленного переворота. Нехватка рабочих рук отличала

большинство стран Нового Света. Хорошо известен опыт «страны иммигрантов» Соединенных Штатов, принявшей в 1870–1914 гг. более 25,3 млн переселенцев. Но ибероамериканские государства также охотно ждали иммигрантов, часто даже оплачивая переезд и размещение новых граждан. Как и в США, иммигранты ехали в основном из перенаселенной аграрной Европы, также из Японии, Китая, а с рубежа XIX–XX вв. — и с Ближнего Востока (среди потомков ливанских иммигрантов-маронитов самый богатый человек мира в 2010–2013 гг. мексиканец Карлос Слим Хелу). Нужно подчеркнуть, что в погоне за свободными землями и работой иммигранты заселяли и бедные страны континента — Парагвай, Боливию, Перу.

Действовавший в 1818–1842 гг. кубинский Совет по привлечению белой эмиграции сулил переселенцам надел в 1 кубинскую кабальерию (13,42 га), бесплатный проезд, ссуду на полгода и 15-летнее освобождение от церковной десятины, однако существование рабского труда не позволило развиваться свободному крестьянству. В 1853–1874 гг. на Кубу прибыли более 125 тыс. китайских рабочих-кули, а в 1901–1910 гг., уже после отмены рабства, — 243 тыс. европейцев, в основном испанцев.

В 1884–1913 гг. в Бразилию равномерным потоком переселились 2,747 млн человек, в основном итальянцев, португальцев, испанцев (население Бразилии составляло 14,33 млн человек в 1890 г., 17,4 млн человек в 1900 г. и 30,31 млн человек в 1920 г.). Население Сан-Паулу выросло в 1890–1900 гг. с 64 до 239 тыс. человек. В 1893 г. 70 % рабочих Сан-Паулу были иностранцами, в 1890 г. в Рио-де-Жанейро этот показатель составлял 39 %. В сельском хозяйстве развивался колонат — практически наемный труд, при котором, однако, до 70 % заработка выплачивалось натурой.

В 1870 г. население Аргентины составляло менее 2 млн человек, а Уругвая — около 350 тыс. В 1881–1930 гг. иммиграция в Аргентину достигла 3,8 млн человек, в Уругвай — около 600 тыс. В 1910–1914 гг. иностранцы составляли около 14,5 % населения США и около 30 % населения Аргентины. Экстенсивное развитие сельского хозяйства в Аргентине и Уругвае, в первом случае включавшее вытеснение коренного населения с его земель в Пампе, Патагонии и Чако, сближает опыт этих стран с моделью переселенческого капитализма Соединенных Штатов и британских доминионов, хотя в Южной Америке основные пахотные земли принадлежали латифундистам и попытки развить мелкое и среднее землевладение наталкивались на их сопротивление. Скотоводы-гаучо (гаушу, как их называли в бразильском Риу-Гранди-ду-Сул) пампасов

напоминают ковбоев прерий. Впрочем, капиталистическое зерновое хозяйство в Аргентине развивалось, если использовать ленинские определения, по «прусскому», а не по «американскому» пути: если в США главной силой стали фермеры-гомстедеры, то в Аргентине — батраки на латифундиях, чей труд, однако, в отличие от Мексики, неплохо оплачивался.

В начале XX в. Аргентина, Уругвай и Чили, опираясь на экспорт пшеницы и мяса, вошли в число обеспеченных стран мира по ВВП на душу населения, занимая места вслед за Германией и Францией. На рубеже веков средние заработки в Аргентине и Уругвае более чем на 200 % превышали усредненные показатели по Испании, Италии, Португалии, на Кубе — на 160 %, в Юго-Восточной Бразилии — почти на 50 %, Мексике — на 140–170 %, Колумбии — на 50–80 %. Впрочем, за исключением упомянутых Аргентины, Уругвая и Чили, а также Коста-Рики, латиноамериканские государства вошли в новое столетие с тяжелым багажом общественных отношений, плохо вписывавшихся в капиталистическую экономику, острой социальной поляризацией, во многом отсталым хозяйством. Северные соседи — США и Канада — смотрели в будущее радужно: их стабильные политические системы были способны отвечать на вызов времени, менее остро, по сравнению с большинством европейских государств, стоял социальный вопрос, экономики после 1870 г. показывали наивысший в мире абсолютный и подушевой рост.

США: на пути к могуществу

Соединенные Штаты Америки стали первым государством Западного полушария, где к началу XIX в. создались условия для быстрого развития капитализма: продолжал расти поток иммигрантов, увеличился объем продаж общественных земель в частные руки, быстро развивалась промышленность. Ко второй половине 1840-х — 1850-м годам страна окончательно раскололась на свободный Север и рабовладельческий Юг. Гражданская война 1861–1865 гг., в которой победил Север, стала серьезным испытанием на прочность американской государственной системы.

Законодательство о продаже земель менялось в пользу тех, кто их обрабатывал. Первоначальный размер продаваемых в одни руки участков составлял 640 акров (1 акр — 0,405 га) при цене в 2 доллара за акр. Такие участки были дорогими и слишком крупными для одной семьи. Далее их

размеры уменьшались, и в 1804 г. дошли до 80 акров в одни руки и минимальной цены в 1,64 доллара за акр. Земля продавалась в кредит с уплатой четверти суммы в течение 40 дней и погашения остатка на протяжении двух лет, но это устраивало не всех.

Создавались компании (наряду с предпринимателями в них входили члены законодательных ассамблей и чиновники штатов), скупавшие со скидками огромные площади земли для продажи мелкими долями фактическим поселенцам. Развивалось скваттерство — самовольный захват непроданных земель в целях расчистки под урожай и постройки бревенчатой хижины. Скваттеры шли дальше, продавая участки тем, кто хотел иметь свое хозяйство либо провести улучшения, чтобы передать по высокой цене в третьи руки. Задержать охотников за землями не представлялось возможным, намеченные государственными конторами к продаже участки зачастую оказывались занятыми. Подвижная граница (*frontier*) поселений стала символом покорения «Дикого Запада».

В конце концов правительство пошло навстречу скваттерам, легализовав этот бизнес. Закон о заимке 1841 г. предоставил занявшим земли лицам преимущественное право их выкупа по минимальной цене. Кульминацией аграрного законодательства стал Акт о гомстедах от 20 мая 1862 г. (*homestead* — участок поселенца), принятый в разгар Гражданской войны как экономическая мера, направленная против рабовладельцев. Смысл акта в том, чтобы осуществить бесплатную раздачу еще не занятых земель всем совершеннолетним жителям США, не участвовавшим в Гражданской войне на стороне Юга, кто изъявил желание иметь надел в 160 акров (64,8 га) для обустройства фермы.

Акт вступал в силу с 1 января 1863 г. От заявителя требовались лишь письменное согласие использовать гомстед только для проживания и обработки земли и уплата символической пошлины. По истечении пяти лет он получал участок без дополнительных взносов в полную собственность. Если владелец хотел сразу стать полным собственником и распоряжаться участком по своему усмотрению, он мог выкупить его за 200 долларов. В 1873 г. вышел закон о восстановлении лесов (право на дополнительные 160 акров земли, если на 40 из них будет посажен лес), в 1877 г. — закон о пустынных гомстедах (предоставлялось 640 акров земли, требовавшей орошения) и закон о лесных гомстедах (продажа 160 акров леса по 2,5 доллара за акр). Для сравнения, средний крестьянский надел на мужскую душу после отмены крепостного права в Российской империи составлял 3,4 десятины (3,71 га), в Семиреченской области (современный Казахстан) переселенцам в 1868–1883 гг. предоставляли по 30 десятин (32,7 га), в

Приморье с 1861 г. — по 15 десятин (16,4 га) на мужскую душу, столыпинские же хуторяне в Сибири получали 60 десятин (65,4 га). Акты о гомстедах, будучи самым демократическим в истории решением аграрного вопроса в интересах сельских тружеников, сделали ненужными скваттерство и компании земельных спекулянтов. В начале XIX в. 160 акров земли трудно было бы обрабатывать силами одной семьи, а с 1850-х годов появились изготовленные на чикагском заводе Сайруса Маккормика (1809–1884) плуги улучшенной конструкции, механические жатки, косилки, молотилки и другая техника. Они продавались в кредит по доступным ценам в 100–150 долларов.

Гомстедеры. 1866 г.

Первые американские хлопкопрядильные фабрики появились в 1790-е годы в штате Род-Айленд. На них была установлена система машин англичанина Ричарда Аркрайта (1732–1792), работавшая от водяного колеса. Эмигрировавший из Англии механик Сэмюэл Слейтер (1768–1835) нажил на организации фабрик крупное состояние. Работу там нашли не только иммигранты, но и фермеры, заинтересованные в дополнительном заработке. Вначале фабриканты раздавали пряжу, которую женщины ткали на домашних станках, а после 1820 г. появились улучшенные в США механические ткацкие станки английской конструкции, и работа полностью переместилась на фабрики.

Механизация ткачества открыла дорогу трудоустройству женщин, но не только из бедной части общества. Незамужние дочери фермеров стали зарабатывать на приданое и собирали нужную сумму за 1–3 года. Чтобы сделать труд в отрыве от дома привлекательным, их селили в благоустроенных пансионах-общежитиях. Работницы имели счета в банках. Этими порядками восхищался побывавший в 1842 г. в США английский писатель Чарльз Диккенс, ибо они совсем не походили на отталкивающие сцены наемного труда на его родине.

«У всех у них здоровый вид — иные прямо пышут здоровьем; держатся и ведут себя как молодые женщины, а не как отупевшие животные, впряженные в ярмо... Живут работницы в многочисленных общежитиях, расположенных поблизости [от фабрик]. Владельцы фабрик тщательно следят за тем, чтобы содержали эти общежития люди, прошедшие самую строгую и внимательную проверку. Всякая жалоба со стороны жильцов или кого-либо еще досконально проверяется, и, если она оказывается обоснованной, провинившегося отстраняют и на его место назначают более достойного. На фабриках здесь работают и дети, но их немного. По законам штата им разрешается работать не более девяти месяцев в году, а остальные три месяца они должны учиться. Для этой цели в Лоуэлле имеются школы, а кроме того там есть церкви и разные молитвенные дома, так что молодые женщины могут следовать той вере, в которой они воспитаны» (Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957–1963. Т. 9. 1958. С. 85–86).

К середине XIX в. местных девушек почти полностью заменили иммигрантки из Ирландии, согласные на низкую заработную плату и нетребовательные к условиям труда и быта.

Промышленный переворот в США завершился к 1860-м годам, когда суммарная продукция, изготовленная в северо-восточных штатах машиннофабричным способом, многократно превысила объем продукции ручного труда в национальном масштабе. Как и в других странах, в США имела место региональная специализация. Мелкая обрабатывающая промышленность западных территорий быстро механизировалась, минуя предварительную стадию ручного труда, но крупных предприятий еще не было и товары поступали с северо-востока. В слабо развитой промышленности Юга трудились не только свободные, но и рабы.

Индустриальным центром США в XIX в. оставался северо-восток и прилегающие штаты. В 1880-е годы началась вторая промышленная революция, которая вывела страну в мировые экономические лидеры.

Что поддерживало экономику Юга в период рабовладения? В 1794 г. был изобретен простой в обращении станок, названный «джином» (от англ. *engine* — машина, механизм), который примерно в пятьдесят раз ускорил очистку хлопкового волокна, что позволило наращивать его экспорт и расширять плантации. Сложилась уникальная для капитализма система плантационного рабства, превратившая большой регион в сырьевой придаток текстильной промышленности Европы и северо-восточных штатов. Хлопок истощал почву, минеральные удобрения еще не применялись, но плантаторы обладали достаточным политическим весом, чтобы продвигать рабовладение на новые земли. Другой существенной особенностью экономики Юга стало превращение рабов в «живой капитал» с самовозрастающей стоимостью.

С 1808 г. ввоз в страну рабов был запрещен Конституцией США, но плантационное хозяйство требовало их во все большем количестве. Рождаемость в черных семьях всячески поощрялась. Цены на них росли в такой прогрессии, что наличие одного-двух рабов у фермера-южанина делало его богаче владельца такой же фермы в свободных штатах. В 1853 г. стартовая аукционная цена молодого раба на невольничьем рынке в Новом Орлеане превышала 1100 долларов, а в 1860 г. достигла 4500 долларов, что равнялось средней стоимости фермы в 80 акров на Западе.

На Юге стало выгоднее вкладывать деньги в землю и рабов, чем иметь счета в банках, развивать промышленность или покупать ценные бумаги. То, что рабы были «капиталом» и стоили дорого, влияло и на обращение с ними. Плантаторы старались продлить их способность к труду и деторождению достаточно калорийным питанием, давали время на отдых, а за детьми, чьи матери работали в поле, присматривали пожилые чернокожие няни. От пойманных беглецов старались избавиться, продавая их, а не забивая насмерть плетью. Свирепые истязания, описанные в романе Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852) были не частым явлением. Писательница-северянка никогда не бывала на Юге, но выразительно передала атмосферу насилия над личностью раба и тяжелого подневольного труда. Переведенная на многие языки, книга имела успех в тогда еще крепостнической России.

Заселяя миллионы акров земли, белые пришельцы вытесняли коренных жителей — индейцев, не признавая их согражданами и истребляя

при сопротивлении (индейские резервации появились после Гражданской войны). При наличии в Северной Америке владений других государств, расширение США поддерживалось дипломатическими и военными мерами. В 60-е годы XIX в. страна имела уже 40 штатов и заселяемых территорий.

Американская дипломатия использовала в национальных интересах европейские войны. За 15 млн долларов Наполеон Бонапарт в 1803 г. уступил Соединенным Штатам североамериканские владения Франции, собирательно называвшиеся Луизианой. Громадная территория в бассейне р. Миссисипи, с городом и морским портом Новый Орлеан (теперешний штат Луизиана — лишь ее малая часть), расширила территорию США более чем вдвое.

Защищая в годы наполеоновских войн свою нейтральную морскую торговлю от посягательств Англии, Соединенные Штаты объявили ей войну (1812–1815) и вторглись в Британскую Канаду. Некоторые экспансионисты вынашивали планы ее присоединения к США, однако вторжение было отбито с помощью местных жителей, и война переместилась на американскую территорию. 24 августа 1814 г. десант с английских кораблей захватил федеральную столицу Вашингтон и разрушил правительственные здания, но развить наступление не удалось, и кампания шла с переменным успехом. Армия США, не зная о подписании 24 декабря 1814 г. мирного договора в Генте (современная Бельгия), 8 января 1815 г. разгромила англичан под Новым Орлеаном. Война закончилась «вничью» — восстановлением *status quo*, но США укрепили свое влияние в Северной Америке. В 1810–1813 гг. они оккупировали принадлежавшую Испании восточную часть Флориды, а в 1818 г. заняли ее основную, западную часть. 22 февраля 1819 г. ослабевшая Испания, терявшая свои владения в Америке, согласилась с потерей полуострова и демаркацией границы вдоль 42-й параллели вплоть до Тихого океана — США стали континентальной державой. Такая южная граница сразу обосновала притязания США на трансконтинентальную северную границу с Британской Канадой, которая будет в итоге утверждена Орегонским договором 15 июня 1846 г.

США впервые начали претендовать на место вершителя судеб всего Западного полушария. В ежегодном послании Конгрессу от 2 декабря 1823 г. президент Джеймс Монро заявил о разделении мира на европейскую (монархическую) и американскую (республиканскую) системы и высказался в пользу взаимного невмешательства государств Старого и Нового Света в дела друг друга и дальнейшей неколонизации

европейскими державами Американского континента. Реальной угрозы интервенции Священного Союза с целью восстановить власть Испании в ее американских владениях не существовало, и смысл доктрины Монро, в первую очередь, заключался в стремлении опередить Англию, которая также желала «защитить» Латинскую Америку от мнимых посягательств и предлагала еще слабым Соединенным Штатам союз, тем самым стремясь установить свою гегемонию в полушарии. Третьей частью доктрины Монро как «комбинированной системы политики», не вошедшей в текст послания, стал принцип «неперехода» — противодействие переходу колониальных владений в Новом Свете в руки другой державы.

Отношения с Россией носили в целом нейтральный и позитивный характер и сводились к торговле. Американские судовладельцы нуждались в парусном полотне, пеньковых канатах и высококачественном уральском железе. В Россию они везли «колониальные» товары — сахар, кофе, табак, пряности. В 1809–1810 гг. были установлены дипломатические отношения, а в 1832 г. подписан торговый договор, снижавший портовые пошлины до минимума и выгодный в первую очередь американцам, поскольку торговля велась в основном на их кораблях. С некоторыми поправками он действовал 80 лет. Строить железную дорогу между Петербургом и Москвой помогали американские инженеры.

Продажа Русской Америки и прекращение деятельности Российско-американской компании, учрежденной в 1799 г. указом Павла I для добычи ценных мехов, состоялись в 1867 г. Русские владения размещались на Алеутских островах и западном побережье Аляски. Небольшой участок в Калифорнии с фортом Росс купил в 1842 г. частный американский покупатель. После неудачной Крымской войны защищать владения на далеких берегах Америки, где находилось менее тысячи русских подданных, царское правительство не стало и продало их США за 7,2 млн долларов, причем часть жителей приняла американское гражданство.

Экспансия США в наибольшей степени затронула интересы их южного соседа — Мексики, ставшей независимой республикой и заинтересованной в освоении огромных земель на севере страны. В 1821 г. выходцы из США получали право заселять штат Коауила и Техас на условиях перехода в мексиканское гражданство и католицизм (священники-протестанты въезжали, так сказать, «контрабандно»). За считанные годы колонисты фактически оккупировали провинцию и в 1836 г. провозгласили ее независимость. В 1845 г. Техас был принят в состав Соединенных Штатов, а споры при демаркации границы были использованы как повод к войне. Мексикано-американская война (1846–1848) завершилась полной

победой американцев: Мексика лишилась не только Техаса, но и земель, которые полностью или частично составили территорию штатов Калифорния, Невада, Юта, Нью-Мексико, Аризона, Колорадо и других, почти вдвое, на 2,3 млн кв. км, увеличив владения США. За них Мексика получила 15 млн долларов компенсации — ничтожная сумма с учетом природных богатств, размеров и стратегического значения захваченных территорий. Война 1846–1848 гг. обострила отношения Севера и Юга США: многие политики Севера, в том числе творец испаноамериканского договора 1819 г. Джон Куинси Адамс (1767–1848), опасаясь расширения страны в южном, «рабовладельческом» направлении, выступали против войны и аннексий.

Внутренняя политика: от компромиссов к неоправданному конфликту

Томас Джефферсон (1743–1826) прославился не только как автор Декларации независимости, идеолог и дипломат Американской революции XVIII в., но и как третий президент США (1801–1809), боровшийся за то, чтобы американское общество успешно шло непроторенными путями демократии. В 1790-е годы Джефферсон и его политический соратник Джеймс Мэдисон (1751–1836) возглавили широкую коалицию, называвшую себя демократическими республиканцами. Они выражали интересы аграрного большинства, идеалом которого была республика земледельцев, которая получает промышленные товары из Европы, облагая их низкими пошлинами.

Третий президент предпочитал аграрный путь, но не возражал против создания национальной промышленности. Чтобы укрепить авторитет федеральной власти, администрация и Конгресс отменили налоги на недвижимость и рабов, а постоянную армию и флот к 1806 г. сократили до 4076 человек. Основой вооруженных сил являлось ополчение (милиция), которую в мирное время призывали на сборы и учения. На случай войны предусматривался набор добровольцев на контрактной основе. В годы правления Джефферсона был уменьшен размер продаваемых в одни руки земельных участков и снижены цены за акр, а в штатах все чаще отменяли или сокращали избирательные цензы.

К 1815 г. федералистская партия, многие представители которой выступали против войны с Великобританией, окончательно утратила свое влияние, и до конца 1820-х годов в США господствовала политическая коалиция, названная Национальной республиканской партией. «Эра

добротого соглашения», когда страной правили, следуя заветам Джефферсона, президенты Джеймс Мэдисон (1809–1817) и Джеймс Монро (1817–1825), отражала временно сложившееся в обществе равновесие. Но далее на повестку дня выступил вопрос о соотношении прав штатов и центральной власти, который проявился в экономической сфере. Это проблемы функционирования Банка США и регулирования внешней торговли посредством единого таможенного тарифа, «внутренних улучшений» — развития путей сообщения для ускорения экономического роста. Решение этих задач могло дать дополнительные полномочия либо федеральному центру, либо штатам.

Объединение национальных республиканцев дало трещину в период президентства Джона Куинси Адамса (1825–1829). Сын второго президента США, он стал видным дипломатом, первым посланником в России (1809–1814), государственным секретарем при президенте Монро и идеологом его знаменитой доктрины. Один из образованнейших людей своего времени, Адамс был по натуре кабинетным политиком. Он выступал, но не особенно энергично, за федеральное финансирование «внутренних улучшений», сохранение Банка США и протекционистского тарифа, добавив к этой программе создание Национального университета и лучшей в мире обсерватории. На посту президента его сменил выходец из бедной семьи, сумевший стать плантатором, генерал-майор и победитель англичан при Новом Орлеане Эндрю Джексон (1767–1845).

Джексон по сути создал популярный образ «политика из народа». Он возглавил новую, Демократическую партию. Коалиция национальных республиканцев распалась. Сторонникам Джексона удалось привлечь внимание широких слоев населения к общефедеральным проблемам, которые осмыслились по партийным линиям: наступил так называемый «партийный период» в американской политике (1830-1890-е годы). Явка на президентских выборах с 1840 г. часто вплотную приближалась, а то и превосходила 80 %. Джексонцы действительно применяли прямую агитацию, развивали партийную прессу, наконец, ввели систему «дележа добычи», при которой победитель на выборах распределяет должности среди своих партийных сторонников. За Демократическую партию голосовали в значительной степени фермеры Запада и Юга, южные плантаторы, большая часть городских низов северо-востока. Противники демократов получили название «вигов», поскольку их критика политики президента Джексона («короля Эндрю») напоминала британскую историю XVIII в. — действия либеральной вигской оппозиции против короля Георга III и близких ему консерваторов-тори. Виги были сильны в городах, в том

числе и на Юге, в Новой Англии, в целом их избиратели были образованнее и зажиточнее, теснее связаны с рынком.

Политическое кредо Демократической партии лучше всего выражено в вето Джексона на решение Конгресса о продлении в 1832 г. полномочий Банка США. Президент заявил о недопустимости в американском обществе чрезмерного неравенства, создаваемого унией капитала и государственной власти. Лично для себя Джексон хотел устранить соперничество со стороны руководства банка, однако закрепил негласное правило предоставлять ключевые должности команде президента из рядов возглавляемой им партии. В 1833 г. президент распорядился передать бюджетные средства из ведения закрытого Банка США нескольким банкам штатов.

Наиболее успешным из всех мероприятий Джексона оказалось прекращение конфликта Южной Каролины с федеральным центром. В 1832 г. ее законодательное собрание, где доминировали плантаторы, объявило недействительным принятый в 1829 г. протекционистский тариф на территории штата и отказалось от выплат в бюджет страны. Возникла угроза выхода Южной Каролины из союза. Джексон заявил, что против изменников будет применена военная сила, и направил к ее берегам эскадру. Решительность президента сразу охладила пыл южнокаролинцев, и первый открытый вызов федеральным властям, имевший место за 29 лет до начала Гражданской войны, обошелся без кровопролития. Несколько раньше, в 1830 г., возникли разногласия между двумя уроженцами Юга — Джексоном и вице-президентом Джоном Кэлхуном (1782–1850). «Наш федеральный союз должен быть сохранен, и он будет сохранен!» — заявил президент на банкете в честь годовщины рождения Томаса Джефферсона. Кэлхун ответил так: «Союз нам дорог, но наши свободы — дороже!»

Все больше обстановка в стране зависела от решения вопроса о статусе новых земель. Выборы в Палату представителей Конгресса осуществлялись пропорционально числу граждан, к которым на Юге добавлялось, согласно Конституции США, 3/5 количества рабов, не имевших гражданских прав. В 1820 г. было решено принимать в союз по равному числу свободных и рабовладельческих штатов. Это правило называлось «миссурийским компромиссом», поскольку в том году в союз предстояло ввести территорию Миссури, где развивалось рабовладение, и выделенную из Массачусетса свободную территорию Мэн на северо-востоке. По границе Миссури проводилась демаркационная линия — параллель в 36°30', выше которой начинались свободные земли.

Лидеры обеих партий считали, что союз штатов необходим, и ради его

сохранения поддерживали право рабовладельцев иметь рабов. Для многих белых освобождение рабов означало бы появление претендентов на землю и рабочие места. Смущало их и то, что рабы являлись собственностью своих хозяев. Лишь небольшая часть северян осуждала рабство с моральных позиций и называла себя аболиционистами — сторонниками его отмены. В свободных штатах существовали конспиративные организации, которые помогали бежавшим черным перебраться в Канаду.

Свободных переселенцев на Запад все меньше устраивали как виги, так и демократы, которые потворствовали рабовладельцам. В 1848 г. после масштабной аннексии мексиканских земель возникла третья партия «фрисойлеров» (*free soil* — свободная земля), выступавшая за нераспространение рабства на новые территории. Временным выходом из положения стал компромисс 1850 г. Свободным штатом Конгресс объявил Калифорнию, где было найдено золото — туда устремилась масса охотников за богатством, а статус Юты и Нью-Мексико предлагалось определить на референдумах переселенцев. В результате Нью-Мексико стал рабовладельческим штатом, а Юта — свободным. В округе Колумбия, где находилась столица США Вашингтон, запрещалась работорговля, но сохранялось право иметь рабов.

Это лишь ненадолго отсрочило конфликт. В 1854 г. началось заселение территорий Канзас и Небраска, где, согласно «миссурийскому компромиссу», не допускалось рабовладение, но плантаторы из Миссури стремились занять их первыми. Тогда заявил о себе демократ Стивен Дуглас (1813–1861) из Иллинойса, хотевший стать национальным политиком. Он добился в Конгрессе решения вопроса о статусе Канзаса и Небраски голосованием переселенцев. Миссурийцы прибывали туда с оружием, выходцы из свободных штатов не уступали им, и произошли вооруженные столкновения. Южане аплодировали Дугласу, а в свободных штатах ему не давали произносить речи, звоня в колокола и стреляя в воздух.

Масла в огонь подлило дело Дреда Скотта (1857) — грамотного чернокожего слуги, долго прожившего со своим господином на Севере. Считалось, что на свободной земле раб однозначно становился свободным. После возвращения в Миссури и смерти хозяина он потребовал через суд своего освобождения. В нижней инстанции Дред Скотт выиграл дело, но Верховный суд отменил решение, что давало южанам право иметь рабов на всем пространстве Соединенных Штатов и требовать возвращения беглецов по заявлению хозяев. Возможность проводить общенациональную политику и сохранять *status quo* была исчерпана, что показал «рейд» Джона

Брауна.

Глубоко верующий человек, ненавидевший рабство, он сражался против него в Канзасе и задумал разжечь войну на самом Юге. С горсткой смельчаков — всего 22 человека, включая взрослых сыновей, — Браун в октябре 1859 г. захватил арсенал в Харпере-Ферри (Виргиния), где хранились большие запасы вооружения. Но никто его не поддержал, и бунт был подавлен. Перед казнью 2 декабря 1859 г. Браун написал предсмертную записку, в которой сказал, что «только кровь смоет преступления этой греховной страны».

В середине 1850-х годов появилась новая, Республиканская партия, дожившая без переименования до наших дней. В нее вошли фрисойлеры и часть вигов и демократов Севера. Страна с нетерпением ожидала итога президентских выборов в ноябре 1860 г. Демократы выдвинули двух претендентов на этот пост, но победа досталась единому кандидату от республиканцев Аврааму Линкольну (1809–1865). Выходец из бедной семьи в Кентукки, окончивший только школу, Линкольн сумел путем самообразования овладеть юриспруденцией, сдать экзамен на адвоката и выдвинуться в ряды профессиональных политиков. Его карьера протекала в свободном штате Иллинойс, где он бросил вызов Дугласу. В публичных дебатах с ним Линкольн доказывал, что страна не может оставаться наполовину рабовладельческой, наполовину свободной, а вопрос о статусе заселяемых земель должно решить государство. Когда итоги президентских выборов стали известны, это побудило Юг к сепарации — выходу из союза, а Север — к борьбе с мятежниками.

Рабовладельцы зимой-весной 1861 г. создали Конфедерацию Штатов Америки с собственным флагом, конституцией и столицей в г. Ричмонде (Виргиния). В Конфедерацию вошло 11 штатов, и ее президентом стал плантатор из Миссисипи Джефферсон Дэвис (1808–1889).

Конфедераты потребовали, чтобы федеральное правительство вывело свой гарнизон из форта Самтер в Чарлстоне, Южная Каролина, и 12 апреля 1861 г. открыли по нему огонь. Малочисленные защитники форта сдались и спустили флаг США. Так началась самая кровопролитная в американской истории война: потери составили более 620 тыс. убитыми (среди них — 258 тыс. южан) и 1 млн ранеными. Государственно-объединительная задача и решение вопроса о рабстве вначале воспринимались как разобщенные, но ход событий выявил их неразрывную связь друг с другом. Важнейшим достижением Севера в первый месяц войны было сохранение в составе Союза «пограничных» рабовладельческих штатов Мэриленд, Делавэр, Кентукки и Миссури, в которых плантационное рабство было менее

развито, чем в штатах Конфедерации. За время войны около 170 тыс. жителей этих штатов воевали за Север и около 86 тыс. — за Юг. Расположенная между рабовладельческими Виргинией и Мэрилендом федеральная столица Вашингтон осталась в руках северян.

Гражданская война и реконструкция Юга

Соотношение сил было, безусловно, в пользу Севера. В Конфедерации проживало 29 % населения страны, а по числу белых мужчин в возрасте от 18 до 45 лет Север (4,6 млн человек) превосходил Юг (1,1 млн человек) более, чем вчетверо. За все время Гражданской войны в вооруженных силах Союза отслужили 2,898 млн человек, а Конфедерации — 1,928 млн. Эти цифры — наглядное свидетельство дефицита живой силы, который испытывал Юг. На Севере производились оружие, боеприпасы и топливо, были развиты сталелитейная и кораблестроительная отрасли. Однако южане полагались на своего рода блицкриг — скорую победоносную кампанию. Офицерский корпус США состоял в основном из южан, вернувшихся с началом войны в свои штаты. Главнокомандующим Юга стал генерал Роберт Ли (1807–1870), который в 1859 г. в звании полковника подавлял бунт Джона Брауна. Конфедерация превратилась в единый сплоченный военный лагерь. На Севере развивалась промышленность, не прекращалась иммиграция, а жизнь гораздо меньше регламентировалась законами военного времени, хотя там находилось немало колеблющихся и сторонников рабовладельцев.

В июне 1861 г. армия южан двинулась на Вашингтон, и сражение на подступах к городу — при Манассасе — чуть не закончилось потерей федеральной столицы. Оборонявшие ее войска и любопытствующая толпа горожан бежали под натиском конфедератов, которых остановил внезапно начавшийся ливень, превративший дороги в болото. Вашингтон стал прифронтовым городом, и вокруг него были срочно возведены укрепления. Далее военные действия приняли затяжной характер, более выгодный северянам, армия которых росла за счет добровольцев и вскоре превысила 600 тыс. человек. Но численное превосходство еще не могло ускорить победу. Согласно плану северян «Анаконда», нужно было разрезать Юг по р. Миссисипи, разрушив сообщение с плодородными юго-западными штатами Теннесси, Луизианой, Арканзасом, Техасом, и блокировать порты. Образовалось два фронта: Потомакский — в штатах, прилегавших к р. Потомак у атлантического побережья, где шли решающие бои, и Западный

— в бассейне р. Миссисипи. Контрудары южан не раз обращали в бегство полки главнокомандующего северян генерала Джорджа Макклелана (1826–1885). В октябре 1861 г. его силы потерпели новое поражение невдалеке от столицы США, при Болс-Блаффе.

Совместными действиями флота и сухопутных частей северян под командованием генерала Улисса Гранта (1822–1885) был захвачен Новый Орлеан, а в июле 1863 г. его войска взяли Вicksберг в среднем течении Миссисипи. Осада заняла полгода, но территория Конфедерации оказалась разрезанной надвое. Однако армия Макклелана терпела одно поражение за другим, и на помощь ей пришлось перебросить часть войск с Западного фронта.

В 1862 г. в стратегии Севера произошел принципиальный поворот. Авраам Линкольн, его администрация и Конгресс, в котором возобладали радикально настроенные республиканцы, готовые вести схватку любыми средствами до победного конца, понимали, что Гражданская война — это не борьба с иностранным агрессором, которая решается военной силой, и не такой конфликт, который можно урегулировать, ссылаясь на Конституцию. Потребовались эффективные политические решения. Упомянутый акт о гомстедах воодушевил солдат Севера перспективой получения бесплатной земли. Затем было принято решение освободить рабов, чтобы те перешли на сторону Севера.

Вначале правительство Линкольна издало предварительную Прокламацию об освобождении. Важно было убедиться, что армейское командование не станет возражать и что четыре «пограничных» штата не примкнут к Конфедерации. 30 декабря 1862 г. Линкольн подписал окончательную Прокламацию, вступавшую в силу 1 января 1863 г. В ответ южане начали казнить захваченных в плен северян. Но в ряды федеральных войск вливались чернокожие добровольцы, из которых командование формировало отдельные воинские части, чтобы исключить трения на расовой почве. До конца войны под ружье стали почти 200 тыс. бывших рабов. В армии США было создано 186 негритянских полков — 12 % личного состава. Они сражались на самых опасных участках, несли и тыловую службу, занимаясь возведением укреплений и подвозом боеприпасов.

Решающим испытанием стали бои лета 1863 г. на Потомакском фронте. Конфедераты разбили армию США под Чанселорвиллем, а затем вторглись в Пенсильванию. Это поражение мало что значило для Севера, который на место выбывших полков легко ставил новые. Юг, вдоль берегов которого курсировал флот северян, все больше нуждался в оружии,

боеприпасах, медикаментах. Но генерал Ли и его ветераны надеялись разгромить северян и склонить их к переговорам. Три дня — с 1 по 3 июля 1863 г. — под Геттисбергом шла самая кровопролитная битва Гражданской войны. Все атаки южан были отбиты, каждая из сторон потеряла более 23 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Конфедераты отступили и больше в свободные штаты не вторгались. Это сражение совпало с взятием Вicksberga войсками Гранта. Авраам Линкольн побывал на месте Геттисбергского сражения и почтил павших защитников союза краткой речью, которая вошла в историю.

«Восемьдесят семь лет назад наши отцы основали на этом континенте новую страну, рожденную в свободе и приверженную идее, что все люди созданы равными. Сегодня мы ведем великую гражданскую войну, исход которой покажет, способна ли выжить наша или любая подобная ей страна. Мы встретились на поле великого сражения этой войны. Мы собрались, чтобы превратить эту землю в святое место последнего упокоения тех, кто отдал здесь свои жизни за будущее нашей страны. Сделать это — наш долг и обязанность.

Но в высоком смысле — не нам освящать, посвящать или благословлять эту землю. Ее освятили сражавшиеся на ней отважные люди — живые и мертвые, и не в наших силах здесь ни прибавить, ни убавить. Мир не заметит и не запомнит всего, что мы сейчас говорим, но он никогда не забудет того, что они совершили на этой земле. Долг живых — посвятить себя продолжению дела, за которое отважно боролись все, кто сражался здесь. Наш долг — настойчиво идти к великой цели, чтобы доблестная смерть павших укрепила нашу приверженность делу, которому они были верны до последней капли крови, чтобы их жертвы были не напрасны, чтобы с Божьей помощью эта страна возродилась в свободе, чтобы правление народа, народом и для народа не погибло на Земле».

Великобритания и Франция, надеясь на раскол набирающего силу соперника, склонялись к поддержке Конфедерации, но Россия предпочла отношения с правительством Линкольна. Две русские эскадры, снаряженные для перехвата, в случае новой войны с Россией, британских и французских торговых кораблей на Атлантическом и Тихом океане, побывали в 1863 г. с дружескими визитами в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

В Нью-Йорке моряков ожидал торжественный прием, а два корабля конфедератов, подойдя к Сан-Франциско, не решились на враждебные действия, поскольку в гавани стояла русская эскадра, обещавшая защитить мирных жителей.

Весной 1864 г. генерал Уильям Шерман (1820–1891) при поддержке частей назначенного главнокомандующим Гранта начал наступление на штат Джорджию, и 2 сентября пал его крупнейший город — Атланта. Войска северян двинулись вдоль побережья Атлантического океана в Виргинию, к последнему оплоту Конфедерации — Ричмонду. В марте 1865 г. гибнущая Конфедерация даже выступает с планом призыва негров-рабов, обещая им свободу.

9 апреля 1865 г. генерал Ли согласился на капитуляцию и остатки его армии сложили оружие, после чего по приказу Гранта их распустили по домам. Пушки и ружья умолкли, но для победителей наступила пора ответственных решений. Основные вопросы были следующими — установить ли на Юге диктатуру, объявив его завоеванной территорией, или вернуть в союз на равноправной основе, и что делать с четырьмя миллионами бывших рабов — переселить в африканскую республику Либерия, где проживали ранее отпущенные рабы, либо создать условия для их жизни в США. Линкольн склонялся к милосердию в отношении побежденных, надеясь водворить мир и спокойствие, а что касается черных, он считал наиболее правильным дать им возможность уехать в Африку.

Рабство было отменено XIII поправкой к Конституции США (принята Конгрессом 31.1.1865, ратифицирована 6.12.1865). Лаконичный документ, который подвел черту под более чем двухсотлетней историей американского рабовладения, гласил:

«Раздел 1. В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должны существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено.

Раздел 2. Конгресс правомочен исполнять настоящую статью путем принятия соответствующего законодательства».

Фанатик-убийца, мстивший за поражение Юга, 14 апреля выстрелом в голову смертельно ранил Авраама Линкольна в театральной ложе, а президентская охрана упустила его. Через несколько дней убийцу нашли, застрелив под предлогом попытки к бегству. Потеряв своего президента, страна погрузилась в траур. Неизменно следовавший общечеловеческим

ценностям, чтивший гражданские законы и Священное Писание, Линкольн воплощал лучшие качества человека и политика. На его кончину с болью и скорбью отозвались простые граждане и иммигранты, политические оппоненты, иностранные монархи и деятели Первого Интернационала во главе с Марксом и Энгельсом. Критикуемый справа и слева, потерявший часть бывших сторонников на президентских выборах 1864 г., Линкольн посмертно снискал любовь и уважение.

Желание Линкольна восстановить мир и порядок обернулось после его гибели уступками бывшим мятежникам. Его преемником стал вице-президент, южанин Эндрю Джонсон (1808–1875) из Демократической партии. В мае Джонсон издал указ об амнистии, который восстанавливал все права плантаторов, кроме собственности на рабов. Радикально настроенные конгрессмены-республиканцы во главе с Тадеушем Стивенсом (1792–1868) и Чарльзом Самнером (1811–1874) настаивали на военной диктатуре, лишении активных участников мятежа гражданских прав и предоставлении их освобожденным рабам, которых требовали наделить землей и трудоустроить ради создания там такого же гражданского общества, как в свободных штатах. Послевоенная политика называлась Реконструкцией Юга, и она еще раз показала двуединую природу крупнейшего в истории США внутреннего конфликта.

Мягкий «президентский» этап Реконструкции (до середины 1866 г.) был на руку плантаторам. Уцелевшие владения обрабатывали вчерашние рабы, формально свободные, но не имевшие еще ни гражданских прав, ни средств к существованию, и арендовали хлопковые поля за половину урожая. Бывшие хозяева почувствовали себя безнаказанными и провели выборы в местные органы власти. Их постановления — «черные кодексы» — лишали черных права собственности на землю, на свободу передвижения, свободу слова, митингов и собраний, на заключение браков с белыми. Сформировалась, вначале в штате Теннесси, тайная террористическая организация Ку-клукс-клан, которая казнила по принципу самосуда неугодных лиц — как черных, так и белых. Чернокожее население пыталось обороняться. Запахло новой гражданской войной — уже между плантаторами и освобожденными рабами.

В результате наступил «радикальный» этап Реконструкции. 13 июня 1866 г. Конгресс принял XIV поправку, которая объявляла гражданами США всех, кто родился на ее территории (т. е. и бывших рабов), но лишала прав участников мятежа вплоть до особого решения Конгресса. Входившие ранее в Конфедерацию штаты, кроме Теннесси, отказались ратифицировать XIV поправку, и их предстояло принудить к этому.

Конфликт между президентом и Конгрессом продолжал разгораться. Отправив в отставку военного министра без его согласия и санкции Сената, Джонсон в 1868 г. навлек на себя импичмент — обвинение в несоответствии должности президента страны. Для обвинительного вердикта не хватило одного сенатского голоса. Южными штатами стала управлять военная администрация США, действие их конституций было приостановлено, а территория поделена на округа, в которых дислоцировались федеральные войска. Только тогда южные штаты внесли необходимые изменения в свои законы и утвердили XIV поправку. Она вступила в силу 9 июля 1868 г. На Юге создавались «правительства Реконструкции», в избрании которых впервые участвовали чернокожие американцы. 3 февраля 1870 г. была ратифицирована XV поправка, гласившая, что право голоса не ограничивается по признаку расы, цвета кожи, либо «по причине нахождения в прошлом в подневольном услужении».

Предоставление гражданских прав черным не подкреплялось экономическими мерами. Бывшие рабы требовали распространения на них Акта о гомстедах и выделения на семью хотя бы по 40 акров (16,2 га) земли и мула. Наделение земель черных поддерживали радикальные республиканцы, но их лидер в Палате представителей Стивенс умер в 1868 г., а появление чернокожих фермеров не устраивало белое население и «саквояжников», как прозвали выходцев с Севера, которые везли с собой наличные, чтобы скупать землю и имущество южан, нуждавшихся в деньгах. Хлопок оставался главной культурой Юга, однако мировые цены на него упали. Чтобы сохранить доходы, южане засевали хлопком все свободные участки земли и сокращали производство продуктов питания. Под будущий урожай можно было занять деньги и прокормиться, но это вело к закабалению хлопководов поставщиками пшеницы и кукурузы из других штатов.

Республиканская партия, лидеры которой после 1861 г. около 20 лет почти бессменно стояли у власти, трансформировалась в партию крупного капитала, создававшегося в банковском и железнодорожном деле, а затем в промышленности. За два срока президентства генерала Гранта (1869–1877) в стране вырос слой предпринимателей, заложивших фундамент своих состояний в годы Гражданской войны. Грант, выйдя в отставку, пытался разбогатеть на биржевых спекуляциях, но разорился и умер в бедности. Республиканцы стремились сохранить за собой власть на федеральном уровне, согласившись предоставить южным демократам полноту власти в регионе, а черным оставалось рассчитывать на самих себя.

В 1876 г. состоялись выборы президента США, на которых побеждал представитель Демократической партии, губернатор Нью-Йорка Сэмюэл Тилден (1814–1886), однако возник спор о подсчете голосов четырех штатов, в том числе трех — Флориды, Луизианы, Южной Каролины, где еще оставались военные правительства Реконструкции. Комиссия из членов Конгресса и Верховного суда отдала большинство во всех штатах кандидату-республиканцу, губернатору Огайо Резерфорду Хейсу (1822–1893), но при условии окончательного вывода войск с Юга и федерального субсидирования экономики обнищавшего региона.

Эта беспримерная сделка означала конец Реконструкции Юга. За 12 лет оказалось невозможно искоренить пережитки рабовладения, а наделение земель черных потребовало бы продолжения чрезвычайных мер, присутствия на Юге войск и ограничения демократии. Но отмена рабства вывела американское общество на чисто капиталистический путь развития.

Переход к индустриальному капитализму

Признаками перемен стали вторая промышленная революция, технический прогресс, урбанизация, появление «большого бизнеса», резкий рост социального неравенства. В 1890-е годы США вышли на первое место в мире по объему промышленного производства, опередив Англию. Начался подъем рабочего и антимонополистического движения. Не вступая в военные союзы, США на рубеже XIX–XX вв. заявили о своих интересах в Латинской Америке и на Дальнем Востоке, в 1898 г. провели победоносную войну против Испании, оккупировав Кубу и аннексировав Филиппины.

Если за весь XIX в. население Европы (без учета России) выросло примерно вдвое, то в США оно увеличилось в 14 раз. По численности населения впереди были только Китай, Индия и Россия. Всего в 1870–1900 гг. в страну переселились 12,1 млн человек, а в 1901–1914 гг. — еще 13,2 млн. В 1907 г. в США прибыли более 1,285 млн человек — рекорд, превзойденный только в 1991 г. Основной поток иммигрантов шел из перенаселенных аграрных областей европейских стран — практически всех, без исключения, хотя главными источниками были вначале Ирландия и Германия, а затем также Италия и Скандинавия. Из Австро-Венгрии уезжали евреи, поляки, русины, из Российской империи — евреи, поляки, литовцы, финны. Началась иммиграция из Китая и Японии, Латинской Америки и Канады.

Переход земель из государственного фонда в частные руки завершился к 1890 г. За 1870–1900 гг. площадь обрабатываемых земель увеличилась более чем вдвое — со 189 млн акров до 415 млн, число ферм — с 2 млн до 5,7 млн. Успехи сельского хозяйства объяснялись не только плодородием почв и приростом аграрного населения, но и использованием минеральных удобрений и механизацией труда. Сельскохозяйственная продукция вывозилась за рубеж. Перед Первой мировой войной США лидировали в мире по потреблению зерновых, включая кукурузу и рис, на душу населения и входили в группу стран с наиболее высокой урожайностью с акра земли и с высокоразвитым животноводством. По количеству голов крупного рогатого скота на 100 жителей они уступали только Аргентине, Канаде и Дании.

В 1860 г. американская железнодорожная сеть была самой протяженной в мире — около 30,6 тыс. миль. В 1869 г. она дотянулась от берегов Атлантики до Тихого океана. К 1914 г. насчитывалось уже 263,5 тыс. миль, к которым добавилось 257 тыс. миль шоссейных дорог различного качества. По автомобилестроению Соединенные Штаты обогнали весь мир: в 1914 г. там было зарегистрировано свыше 1 млн 763 тыс. легковых и грузовых автомобилей — в 3,6 раза больше, чем во всей Европе. Автомобиль и изобретенный в 1870-е годы телефон стали самыми впечатляющими символами технического прогресса. За 1880–1919 гг. число номеров абонентов в США выросло с 60 тыс. до 10 млн (70 % их общего количества в мире).

Появились компании невиданно крупных размеров. Их логотипы красовались на рекламных щитах, стенах фабрик и складов, вагонах и товарных упаковках. В США первыми такими компаниями стали частные железные дороги, гораздо более протяженные, чем в Европе. Для них требовался акционерный капитал. Пищевая, нефтеперерабатывающая, сталелитейная, химическая, электротехническая и машиностроительная промышленность заложили долговременную основу индустриального развития. В этих отраслях создавались предприятия-гиганты и промышленно-финансовые объединения. Они использовали экономический рычаг снижения себестоимости — эффект масштаба. Чем больший объем продукции выпускался при вложенном капитале, тем дешевле обходился выпуск единицы товара. Это достигалось повышением скорости процесса, внедрением передовых технологий, полной загрузкой оборудования, синхронизацией поставок, производства и сбыта. Такая фирма могла конкурировать на низких ценах и получать доход от увеличения объема продаж.

Пищевая промышленность перерабатывала сельскохозяйственное сырье в полуфабрикаты. Количество банок разнообразных консервов исчислялось миллионами в год. На поток было поставлено изготовление спиртных и прохладительных напитков и сигарет. В 1870-е годы в США освоили изобретенные в Англии и во Франции бессемеровский и мартеновский способы выпуска стали. Крупнейшими заказчиками стального проката были железные дороги. Добытая нефть перекачивалась по трубопроводам на перерабатывающие заводы; керосиновые лампы заменили свечи. Сборку из стандартных деталей применяли в массовом производстве огнестрельного оружия, сельхозтехники, швейных и пишущих машинок и др. В 1913 г. компания Форда начала осваивать конвейерную сборку автомобилей.

Отличительная черта большого бизнеса — соединение производства и сбыта товаров, а иногда и получения сырья в единую структуру (вертикальная интеграция), что устраняло издержки от выполнения этих операций разными компаниями, как раньше. Интегрированными компаниями необходимо было научиться управлять. Первая школа профессиональных менеджеров была создана в 1881 г. при Пенсильванском университете. В начале XX в. Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915), чей метод получит широкую известность в СССР в 1920-е годы, и другие основоположники менеджмента начали публиковать первые пособия по рациональной организации труда.

Предприятия прочих отраслей оставались малыми и средними, поскольку увеличение производства требовало дополнительных затрат и не создавало эффекта масштаба. Но они отличались гибкостью и маневренностью, легче приспосабливались к колебаниям спроса, требованиям покупателей и заказчиков. Компании, имевшие преимущества в ценовой конкуренции, разоряли мелких производителей и приобретали их активы, что означало поглощение, но последние нередко добровольно присоединялись к крупной фирме. Однако малым фирмам удавалось найти для себя определенный круг потребителей либо выполнять заказы крупных, продавая им свои услуги или продукцию. Добывать нефть мог владелец одной-двух скважин, но ее транспортировка и переработка были выгодны лишь в большом объеме.

Развивалась новая организация розничной торговли — с фиксированными ценами и кассовыми аппаратами. Это универмаги, отличавшиеся большими торговыми площадями, витринами и великолепиям интерьеров, что привлекало массу покупателей. Магазины самообслуживания — супермаркеты позволяли покупателям экономить

время, а владельцам — нанимать меньше персонала. Имелись и «пятицентовые» магазинчики, где можно было потратить мелочь; их создатель Фрэнк Уинфилд Вулворт (1852–1919) владел сотнями подобных заведений, приносящих в сумме немалый доход. Развивались продажи в кредит и по заказам, а каталоги торговых фирм рассылались по всей стране. Фермерские жены и дочери стали одеваться, «как в городе».

В 1870-е годы в США, как и в Европе, появились картели — соглашения однопрофильных предприятий о выравнивании цен и разделе рынков сбыта. Заинтересованность в этом американских предпринимателей объяснялась большими затратами на обновление основных фондов после Гражданской войны, но картели могли стать монополистами, поскольку между ними прекращалась конкуренция. В картель входили компании с любой формой собственности, но в США они имели возможность в любой момент выйти и не нести судебной ответственности, поскольку такие соглашения не утверждались в официальном порядке.

Нефтеперерабатывающий завод «Стандард Ойл» в Кливленде, штат Огайо. 1897 г.

Созданный в 1872 г. нефтяной картель из 40 небольших предприятий во главе с компанией Джона Дэвисона Рокфеллера (1839–1937) «Standard Oil» контролировал до 90 % добычи и переработки нефти из разведанных

месторождений, но не мог уничтожить конкуренцию путем привлечения новых членов, даже обещая им 30 % скидки на перевозку нефти в цистернах по железной дороге. Появление магистральных трубопроводов подтолкнуло к расширению бизнеса. Требовалось закрыть нерентабельные заводы, построить сотни миль трубопроводов, создать собственную сбытовую организацию с нефтехранилищами и морскими танкерами, но в картеле, где предприятия сохраняли самостоятельность, это было невозможно. Тогда участники картеля согласились передать в распоряжение Джона Дэвисона Рокфеллера, его брата и других «доверенных лиц» (всего их было девять) свои активы, сохранив право на получение причитающейся им доли прибылей. Так в 1882 г. появилось централизованное управление через доверенных лиц со штатом менеджеров — трест (trust). Реорганизация увенчалась успехом, и хотя верховный суд штата Огайо не утвердил ее, трест продолжал действовать негласно.

Рокфеллеровский бизнес действительно представлял собой нечто новое и необычное. Это, во-первых, бесперебойное превращение извлекаемой из скважин сырой нефти в готовую продукцию — в конце XIX в. ею был в основном керосин. Трубопроводы протянулись от мест нефтедобычи к приатлантическим портовым городам для переработки и экспорта части продукции. Во-вторых, это снижение отпускных цен из-за эффекта масштаба. Концентрация производства в 1880-е годы понизила издержки на выпуск галлона керосина с 1,5 цента до 0,45 цента. При огромном объеме продаж доходы были баснословными, но на личное потребление Рокфеллер тратил мало, и гораздо больше — на благотворительность. К концу его долгой жизни сумма пожертвований, в основном на развитие медицины в США и развивающихся странах, превысила полмиллиарда долларов. Это стало правилом деловой морали и служения бизнеса обществу — появились фонды Карнеги, Форда, Гуггенхайма и др.

Большинство компаний использовали выгоды от спроса на свой товар, реинвестирования прибылей и удачных предпринимательских решений. Так, Джордж Истмен (1854–1932) положил начало всемирно известной компании «Eastman Kodak», создав портативную фотокамеру для кассеты с пленкой. Кинг Жиллетт (1855–1932) придумал безопасный и удобный бритвенный станок со сменными лезвиями. Богачами стали изобретатели простых, но практичных вещей, распространившихся по всему миру: одноразовой посуды, освежающих напитков кока-кола и пепси-кола, упаковочной тары и многого другого.

Возможности быстрого превращения даже технически сложных вещей в ходовой товар привлекли в США будущего изобретателя телефона шотландца Александра Белла (1847–1922), выдающегося сербского электротехника Николу Теслу (1856–1943), а после русской революции — создателя современного телевидения В.К. Зворыкина (1888–1982) и авиаконструктора И.И. Сикорского (1889–1972). Американец Томас Алва Эдисон (1847–1931) прославился множеством нововведений в самых разных областях и получил свыше тысячи патентов. С его именем, в частности, связано появление в США электрического освещения, кинопроектора и звукозаписи.

Законодательство США традиционно ориентировалось на свободу предпринимательства и поддержание конкуренции. Еще в первой половине XIX в. в штатах началась упрощенная, без бюрократизма, регистрация компаний, заявивших о своем местонахождении, целях создания, составе правления и уставном капитале. После Гражданской войны они получили право действовать за пределами своих штатов, но не вступать в альянсы и объединения. Однако законодательство отставало от развития большого бизнеса. Картели и тресты создавали явочным порядком. В этом было свое преимущество: например, соединение железнодорожных линий, принадлежавших разным владельцам, в протяженные магистрали существенно повышало их пропускную способность, а конкурентная борьба затруднила бы создание единых для всей страны норм эксплуатации и безопасности движения. Однако под предлогом тех или иных улучшений часто творился произвол.

От стоимости перевозок зависели доходы крупных промышленных фирм, отправлявших и получавших большие партии грузов. Они добивались для себя льготных тарифов в обмен на гарантированный грузооборот, закрепляя такие сделки обменом акциями, что давало преимущества одним клиентам и ущемляло интересы других. Железнодорожные компании снижали плату за провоз грузов, если дальний маршрут делился на участки, принадлежавшие разным владельцам, но существенно повышали ее, когда груз следовал на короткое расстояние в пределах одного владения. Чтобы упрочить свое положение, они договаривались о создании страховых фондов (пулов), куда отчисляли часть прибылей.

Общественное возмущение такой практикой было настолько велико, что потребовалось вмешательство государства. В 1887 г. президент США Гровер Кливленд (1837–1908) подписал закон о междуштатной торговле, который запрещал пулы и манипуляции с тарифами и обязал

железнодорожные компании брать плату в зависимости от расстояния. Для наблюдения за исполнением закона при Конгрессе создавалась Междуштатная торговая комиссия, которая, впрочем, поначалу могла лишь собирать факты и передавать их на рассмотрение судов. Тем не менее это была первая попытка федеральных властей упорядочить деятельность крупного бизнеса.

В 1889 г. законодательное собрание Нью-Джерси разрешило, за небольшие взносы в бюджет штата, учреждать на своей территории холдинги — компании, приобретающие акции фирм, зарегистрированных в других штатах. Вскоре похожие законы приняли и другие штаты. В 1890 г. Конгресс проголосовал за закон Шермана, объявивший уголовным преступлением тресты и картели, которые препятствовали свободной торговле внутри страны или с иностранными государствами и создавались посредством «сговора». Применение этого закона Верховным судом США в 1890-е годы показало, что власть не против объединения компаний, имевших торговые и производственные звенья.

Холдинг отличался от треста тем, что приобретение акций головной компанией осуществлялось не путем «сговора», а с созданием юридического лица. Однако слово «трест» (trust) укрепилось в американском лексиконе и применялось к объединениям фирм. Отсюда впечатление, будто тресты оставались в XX столетии. В 1899 г. в Нью-Джерси узаконили в качестве холдинга «Standard Oil». Основная часть предприятий бывшего треста находилась в Огайо и Пенсильвании, но они появились и в других штатах, где была обнаружена нефть — например, в Калифорнии.

Хотя закон Шермана первоначально имел целью успокоить общественное мнение, а доказывать его нарушение требовалось в судах, он положил начало антитрестовскому законодательству. Оно не налагало запрета на научно-технические новации и творческие решения, но боролось со сговором промышленных и транспортных компаний ради взаимных льгот, с преференциями для одних клиентов при ограничении прав других, с манипуляцией ценами. Под запрет попадали и «ценовые войны» — искусственное занижение цен, чтобы разорить конкурента.

Помимо правовых, в индустриальную эпоху срабатывали экономические ограничители: эффект масштаба имел пределы, за которыми издержки начинали расти, а объединения компаний — пределы управляемости. Попытки выйти за них вели к резкому росту затрат и даже банкротству. Поэтому фирма не могла стать сколь угодно большой и в одиночку монополизировать какой-либо отраслевой рынок. При всем

могуществе гигантов бизнеса и возможности укрепляться на рынке с помощью менеджмента их слабым местом оставалась зависимость от внешних факторов — тарифной политики государства, поведения партнеров по бизнесу, различных перебоев в работе, включая забастовки.

Юридической ясности в понимании того, что считать монополией — захват 50 %, 70 % или большей доли рынка, не существовало. Компания Форда первой освоила сборку автомобилей на конвейере, но этот прием вскоре стали использовать во всем мире. В 1910-е годы она давала более 90 % дешевых одинаковых автомобилей (модель «Т»), что составляло почти половину автомобильного парка США, но более дорогие машины поставляли другие фирмы. В 1920-е годы корпорация «General Motors» показала наибольшую гибкость в удовлетворении запросов покупателей с различными доходами. В 1930-е годы в этой быстро развивавшейся отрасли установилась не монополия, а олигополия трех автомобильных гигантов — «General Motors», «Ford Motor» и «Chrysler», а через полвека их потеснили на американском и мировом рынке германские и японские производители.

Реакция общества на появление крупных корпораций была вначале резко отрицательной, но не потому, что американцы отвергали, например, железные дороги, телеграф или другие полезные новшества. Крупные состояния и раньше наживали торговцы, финансисты, земельные спекулянты, причины обогащения которых были понятны, а в новом бизнесе, который велся с невиданным размахом, все казалось загадочным и пугающим — и то, откуда он взялся, что стало причиной гигантских доходов, и чем это грозит американскому обществу, только пришедшему в себя после Гражданской войны.

Нуворишей прозвали «баронами-разбойниками», и журналисты бросились расследовать происхождение их капиталов и состояний. Действительно, некоторые нажились на сомнительных махинациях, связанных с военными поставками в годы Гражданской войны, другие сколотили состояние в торговле. В стране, где царил культ материального успеха, не у всех была безупречная репутация. Фирму Рокфеллера обвиняли в преступных акциях по отношению к конкурентам — таких, как угрозы и порча их имущества, но нефтепроводы разрушали и потерявшие заработок фермеры, которые ранее возили нефть в бочках на пристань или на железную дорогу.

В обществе зрело недовольство и многими другими переменами, которые нес индустриальный капитализм. Ностальгия по «добрым старым временам» перемежалась с разоблачениями социальных пороков, коррупции, с радикальными проектами национализации железных дорог, с

идеей «всемирного заговора» крупного капитала против трудящихся. У простых людей имелись и конкретные поводы для недовольства. Увеличивая за годы Гражданской войны производство, фермеры столкнулись после ее окончания с сокращением спроса, что сделало многие хозяйства убыточными. Возросла их задолженность банкам. Сбыт продукции по железным дорогам открывал новые рынки, но требовал участия скупщиков-комиссионеров и оптовых торговцев. Спрос на муку вместо зерна вынуждал фермеров обращаться к владельцам элеваторов, а ими часто оказывались те же железнодорожные компании. Отношения между ними и фермерами были накалены и по другим причинам.

Железнодорожные компании являлись крупнейшими землевладельцами. Получая бесплатно землю от государства, они использовали ее не только для прокладки полотна, но и для различных махинаций. Переселенцам далеко не всегда удавалось без проблем занять облюбованный участок — удобные земли могли оказаться владением железной дороги, и им приходилось либо уходить подальше, либо выкупать или арендовать надел у новых хозяев. Владельцы больших скотоводческих ферм (ранчо) также вторгались на территории раздачи гомстедов. Споры между претендентами на землю решались в судах.

Экономические тяготы побуждали фермеров сообща отстаивать свои права. С конца 1860-х годов во всей стране стали создаваться «грейнджи» — фермерские кооперативы, которые сами занимались сбытом, строили склады и мельницы. Среди них стала набирать популярность идея «дешевых» бумажных денег, которые на жаргоне тех лет назывались «гринбеками» — зелеными долларовыми купюрами. Фермеры хотели за счет инфляции выручать больше денег и погашать кредиты, взятые для расширения производства. Реальная же ситуация складывалась наоборот. Обесценивавшиеся «гринбеки» выпускались в период Гражданской войны, а после нее доллар укрепился и подорожал, ему был придан, как в Великобритании, золотой стандарт, так что отдавать долги становилось все тяжелее. Трудности усугублялись снижением мировых цен на хлеб, прежде всего из-за поставок из Аргентины, Канады и России. Часть фермеров запуталась в долгах и заложила имущество.

В 1875 г. была создана самостоятельная Гринбекерская партия, которая вступила в политическую борьбу, выставив своего кандидата в президенты США. Гринбекеры налаживали связи с демократическими политиками и рабочими организациями, однако рабочий элемент играл второстепенную роль. 1880-е годы стали временем нового подъема фермерского движения, которое привело к образованию массовой Народной, или Популистской,

партии. Ей предшествовало создание союзов (альянсов), которые сплачивали фермерские организации разных штатов и проводили своих ставленников в Конгресс и местные органы власти. Союзниками популистов стали мелкие предприниматели, торговцы и недовольные золотым стандартом владельцы серебряных рудников.

В начале 1890-х годов популистское движение оформилось в масштабе страны. Его важнейшие лозунги сводились к национализации железных дорог и средств связи, изъятию излишков земли у частных корпораций и иностранцев и передаче их поселенцам, введению прогрессивного подоходного налога, отмене золотого стандарта. Кроме того, популисты предлагали ряд мер по радикальной демократизации — прямые выборы сенаторов и президента США, прямое и тайное выдвижение кандидатов, право избирателей отзываться конгрессменов и судей, народный референдум как высшую законодательную власть. До принятия в 1913 г. XVII поправки к Конституции США верхняя палата Конгресса — Сенат избирался законодательными собраниями штатов, а президент США и сегодня избирается двухступенчато, через коллегию выборщиков.

В программу популистов вошли и требования профсоюзов о введении восьмичасового рабочего дня и запрете детского труда. Части популистов были присущи расизм, антисемитизм и враждебное отношение к иммигрантам, «отнимающим» землю и работу у американцев. Многие популисты-южане поддержали на президентских выборах 1892 г. Демократическую партию. Тем не менее кандидат от Популистской партии генерал Джеймс Уивер (1833–1912) собрал 1,041 млн голосов избирателей (8,5 %) и 22 голоса выборщиков (штаты Невада, Айдахо, Колорадо, Канзас).

К президентским выборам 1896 г. руководство популистов пришло под одним единственным лозунгом, который, как им казалось, решит проблему народного благосостояния. Это эмиссия серебряных денег для создания умеренной инфляции. Чтобы победить наверняка, лидеры популистов блокировались с Демократической партией, кандидатом от которой выступил юрист Уильям Дженнингс Брайан (1860–1925). Он охотно включил требование популистов в свою предвыборную программу, произнес эффектную речь о том, что крупный капитал хочет «распять человечество на золотом кресте», но проиграл выборы. Республиканец Уильям Мак-Кинли (1843–1901) победил с перевесом в 610 тыс. голосов (4,3 %), набрав 271 голос выборщиков (Брайан — 171 голос выборщиков).

Так завершилось организованное популистское движение, хотя ряд положений его программы — прямые выборы сенаторов, государственное

регулирование бизнеса, законодательство в пользу фермеров были затем в разное время претворены в жизнь. Краху популизма способствовали улучшение экономической конъюнктуры, привыкание к более сложному и динамичному укладу жизни, внешнеполитические успехи и переход правительства к курсу реформ на рубеже XIX–XX вв.

Положение наемных рабочих имело в США ряд особенностей. Это многонациональный, во многом иммигрантский состав, разобщавший рабочий люд, дискриминация в пользу белых граждан США, временный труд по найму тех, кто надеялся выбиться в мелкие собственники, высокая текучесть кадров, отсутствие федерального фабричного законодательства. Условия жизни жестко требовали от приезжего из любой страны личной ответственности за свой материальный успех, трудолюбия, трезвости, умения ладить с работодателями, копить сбережения в надежном банке и беречь здоровье. Тяжело приходилось многим переселенцам, особенно из Южной и Восточной Европы, вырванным из привычного сельского уклада жизни. Найти работу было нетрудно, но еще легче — лишиться ее из-за пустякового конфликта с работодателем. Квалифицированным работникам, особенно американцам, доставались лучше оплачиваемые рабочие места.

Иммигранты, не говорившие по-английски и не сумевшие стать «стопроцентными американцами», ютились в национальных кварталах. Чикаго, Нью-Йорк и другие большие американские города «прославились» ужасающими трущобами и нищетой их обитателей. Слух о «чикагских спальнях» — ночлежках, где люди по очереди пользовались одной постелью, разошелся по всему миру. Но возможность материального успеха, религиозная терпимость и политические свободы привлекали в Америку людей со всего света.

Движение за 8-часовой рабочий день, ставшее международным требованием рабочих, велось в США посредством грандиозных демонстраций и стачек. 1 мая 1886 г. в них приняли участие более 350 тыс. человек. В результате на многих предприятиях страны был введен 8-9-часовой рабочий день. В Чикаго массы рабочих собирались на митинги, один из которых завершился столкновением с полицией и жертвами с обеих сторон из-за взрыва брошенной кем-то бомбы. Рабочие лидеры были арестованы и после суда казнены через повешение, что вызвало протест трудящихся во многих странах мира. Некоторое время спустя работодатели восстановили прежний рабочий день и все пошло по-старому, а 1 мая был объявлен Вторым Интернационалом Днем международной солидарности трудящихся. Впрочем, с конца 1890-х годов профсоюзы постепенно

добиваются введения 8-часового рабочего дня в различных отраслях.

Крупнейшими выступлениями в период экономической депрессии начала 1890-х годов стали пятимесячная стачка на металлургическом заводе Эндрю Карнеги в 1892 г. и массовая забастовка на вагоностроительном заводе Джорджа Пульмана в 1894 г. Ее поддержали железнодорожники, что парализовало движение поездов. Против бастующих были брошены полиция и войска. В том же году многотысячная колонна безработных устроила мирный поход в Вашингтон с целью предъявить свои требования правительству. Власти цинично стали применять против бастующих закон Шермана, обвиняя их в сговоре в целях поддержания расценок на оплату труда, и объявляли коллективные действия незаконными.

В США создавались рабочие союзы. На первых порах это были тайные «братства», которые по мере развертывания борьбы переходили на легальное положение. Именно они с насущными экономическими требованиями, а не партии с политическими лозунгами пользовались наибольшим авторитетом у американских трудящихся. Противостояние «наемному рабству» стало смыслом деятельности «Ордена рыцарей труда» (Knights of Labor). После принятия Устава в 1878 г. его членами могли быть все трудящиеся, включая женщин и цветных. В 1880-е годы численность «Ордена» превысила 700 тыс. человек, но вскоре он распался. Появились отраслевые тред-юнионы, помогавшие бороться за свои права по месту работы.

Наиболее устойчивой, массовой и влиятельной рабочей организацией стала Американская федерация труда (АФТ). Она была создана в 1886 г. в основном по профессиональному (цеховому) принципу, объединяя квалифицированных рабочих — шахтеров, железнодорожников, строителей и др. Ее почти бессменный первый руководитель, английский иммигрант Сэмюэл Гомперс (1850–1924), по профессии рабочий-сигарочник, предпочитал диалог с предпринимателями, считая его медленным, но верным путем реализации экономических требований. Прагматизм и неучастие в политической борьбе отличали АФТ и в последующие годы. Она боролась за 8-часовой рабочий день, а ее члены участвовали в забастовочном движении.

Леворадикальные рабочие вожди, особенно социалист Юджин Дебс (1855–1926), выступали за объединение рабочих под социалистическими лозунгами. В 1905 г. в противовес АФТ был создан крупный левый профсоюз с участием малоквалифицированных и низкооплачиваемых работников «Индустриальные рабочие мира» (Industrial Workers of the

World, IWW, wobblies). Его отличали наступательная тактика и отрицание какой-либо общности интересов капиталистов и рабочих. Был организован ряд успешных стачек, что помогло, в частности, поднять зарплату текстильщикам северо-восточных штатов.

Переход к индустриальному обществу был сложным и болезненным. Вплоть до начала XX столетия американское государство оставалось скорее в роли наблюдателя, чем инициатора перемен, хотя развитие экономики обусловило появление регулирующих постановлений, таможенных и транспортных тарифов, легализации новых предприятий, выдачи лицензий и патентов.

Выработать понятную массам политику по отношению к новым явлениям жизни оказалось непростой задачей. Большой бизнес стал основой экономического могущества страны, и не считаться с его интересами было невозможно. Но и ослабить бразды правления, утратить связь с избирателями под градом сыпавшихся в адрес правительства обвинений в неэффективности, продажности, утрате демократического духа грозило непредсказуемыми последствиями. Требовалось поднять авторитет демократии и законности, сплотить общество, навести порядок в стране. Первыми шагами стали уже упоминавшиеся Междущтатная торговая комиссия, закон Шермана, а также закон Пендлтона (1883), введший конкурсную систему занятия гражданских должностей вместо назначений и увольнений в зависимости от смены президента и правящей партии. Закон нередко обходили, но он стал важной вехой на пути совершенствования государственной службы.

Более последовательный курс реформ начался с приходом в Белый дом Теодора Рузвельта (1858–1919), вице-президента США, сменившего избранного на второй срок Мак-Кинли, который в 1901 г. пал от руки анархиста. Выходец из состоятельной нью-йоркской семьи, выпускник Гарварда, он в молодые годы успел вкушать романтики ковбойской жизни (создавая свою биографию, Рузвельт культивировал образ сильной личности, «настоящего мужчины»), повоевал с испанцами на Кубе, командуя добровольческим полком из ковбоев, приобрел политический опыт в должности помощника военно-морского министра, а затем на посту губернатора штата Нью-Йорк. Именно Рузвельт перехватил политическую инициативу у Конгресса и «партийных машин», которые в значительной степени управляли страной в последней трети XIX в.

Рузвельт верно угадал проблему национального значения, обращение к которой поднимет престиж власти и создаст ей прочную опору в обществе. За ограничение большого бизнеса выступали все мало-мальски известные

люди, включая журналистов и писателей. Рузвельт развернул кампанию по «разрушению трестов», которая заключалась в расследовании деятельности крупных корпораций и проведении судебных процессов, закончившихся расчленением некоторых крупных холдингов на самостоятельные компании. Так, уже после ухода Рузвельта с поста президента в 1911 г. рокфеллеровская «Standard Oil» была поделена на И фирм. Серьезной угрозы для бизнеса и экономики эти действия не представляли, но имели несомненный пропагандистский эффект.

Сам Рузвельт прекрасно понимал значение крупных корпораций для экономики США, но подразделял их на «хорошие» и «плохие». В 1903 г. был принят закон, запрещающий железнодорожным компаниям менять существовавшие тарифы, а через три года Междоштатная торговая комиссия получила право отменять тарифы, «способствующие злоупотреблениям». В созданном в 1903 г. Департаменте торговли и труда имелось Бюро по делам корпораций, занимавшееся расследованиями незаконных сделок, сокрытия доходов и других экономических преступлений. Она выявила более 1400 нарушений закона, и сумма штрафов превысила 29 млн долларов.

Большое значение для всей страны имели законы 1906 г. о контроле качества продуктов питания и лекарственных препаратов. Администрация Рузвельта прославилась также природоохранными мероприятиями, взяв под защиту более 59 млн гектаров леса и создав государственные заповедники — национальные парки. Но и за их пределами вырубку лесов, мелиоративные работы, строительство плотин контролировала федеральная комиссия по консервации природных богатств.

После двух сроков президентства Рузвельта в 1908 г. его сменил республиканец Уильям Тафт (1857–1930). Он ослабил борьбу с крупными фирмами, сохранил политику протекционизма. Хотя при нем были узаконены федеральный прогрессивный подоходный налог и прямые выборы в сенат США (XVI и XVII поправки к Конституции), популярность Тафта оставалась невысокой. Общественное мнение шокировала деятельность министра внутренних дел, уличенного во взятках и хищениях, но оправданного судом. В Конгрессе сформировалась оппозиция правительству из левых республиканцев, что привело к расколу партии власти.

Одним из деятелей оппозиции, называвшей себя «прогрессистами», стал Роберт Лафоллет (1855–1925), прославившийся своими демократическими взглядами и репутацией честного политика, выступавшего в интересах простого народа. Но и экс-президент Рузвельт

захотел снова окунуться в волны большой политики. Когда съезд республиканцев в 1912 г. вторично назначил кандидатом в президенты Тафта, прогрессисты выдвинули Рузвельта. Его программа «нового национализма» включала ужесточение контроля над «трестами» и банками, более гибкие тарифные ставки, защиту интересов мелкого бизнеса, создание условий для развития конкуренции и некоторые шаги в области рабочего законодательства. Умерить свой консерватизм пришлось и Тафту, а тем временем в Конгрессе усиливалась фракция Демократической партии.

С программой «новой демократии» республиканцам и прогрессистам противостоял единый кандидат от демократов Вудро Вильсон (1856–1924) — профессор истории и права, президент Принстонского университета, затем губернатор штата Нью-Джерси. Он и победил на выборах 1912 г. во многом благодаря тому, что его платформа обладала чертами схождения с предвыборными лозунгами соперников, а голоса последних оказались расколотыми: в сумме Рузвельт и Тафт собрали больше голосов избирателей, но по отдельности уступали Вильсону. Лафоллет проголосовал за Вильсона, ибо терпеть не мог рвавшегося к власти «полковника» (Рузвельта) и полагался на склонное к реформам большинство Конгресса.

Осенью 1913 г. Вильсон утвердил закон о значительном снижении ставок на импорт сырья и пищевых продуктов, текстиля, чугуна и стали и разрешавший беспошлинный ввоз более сотни наименований товаров. Одновременно вводился подходящий налог с физических лиц и корпораций в размере от 1 % до 6 %. Так изменились источники пополнения федерального бюджета: отныне его основой стали не таможенные поступления, а налоги. Был принят закон о Федеральной резервной системе (ФРС), составленной из 12 окружных федеральных банков, капитал которых создавался из взносов входивших в округа частных банков. Ее деятельность направлялась совместно банкирами и министерством финансов. ФРС выполняла функции центрального банка: проводила казначейские операции, выпускала федеральные резервные банкноты. С ее помощью государственный кредит по низким процентным ставкам стал впоследствии доступным для фермеров и мелких предпринимателей.

Принятый в 1914 г. закон Клейтона содержал некоторые новые статьи против сговора крупных корпораций (запрет перекрещивающегося директората и вкладывания капитала в аналогичные предприятия других компаний), а главное, он положил конец применению против рабочих закона Шермана. Расширились и права Междущтатной торговой комиссии.

В целом реформы начала XX в. имели целью ввести элементы государственного регулирования и надзора за деятельностью крупных корпораций, но без усиления бюрократических и полицейских функций государства. Популярности курса реформ способствовали годы экономического подъема, и отрицательное отношение к большому бизнесу постепенно пошло на убыль. Но, разумеется, реформы не решили многих проблем: то тут, то там вспыхивала стачечная борьба, на Среднем Западе фермеры вели борьбу за повышение закупочных цен, не прекращались выступления горняков. Все столь же острыми оставались социальные проблемы крупных городов, положение иммигрантов и бедноты.

Стремительный экономический прогресс, развитие массового производства, высокие заработки в некоторых отраслях промышленности контрастировали с отсутствием социальной защищенности — прежде всего страхования по безработице и по старости. В этом отношении США отставали от ряда европейских стран. Экономической основой гражданского общества считался индивидуальный успех, т. е. способность граждан самим о себе позаботиться.

После приобретения у России Аляски новым шагом Америки за пределы ее границ стали Гавайские острова. Благодатный климат этого экзотического и беззащитного королевства привлекал дельцов, промышленявших разведением ананасов и сахарного тростника. Кроме того, в 1884 г. США добились аренды земли на устройство военно-морской базы в Пёрл-Харборе, которая стала их форпостом на Тихом океане. Когда законное правительство Гавайев в 1893 г. запротестовало, местная знать при поддержке американской морской пехоты установила марионеточное правительство, обратившееся к Конгрессу с просьбой о принятии в состав США. Через пять лет Конгресс санкционировал предоставление Гавайским островам статуса американской территории. Права штата они получили гораздо позже, в 1959 г. (тогда штатом стала и Аляска).

Присоединение Гавайев совпало по времени с испано-американской войной 1898 г. Когда кубинцы в 1895 г. восстали против испанского владычества, американцы, используя риторику времен Войны за независимость, выступили в поддержку антиколониальной борьбы, намереваясь окончательно утвердиться на Кубе. Обладая сильным военно-морским флотом, США были уверены в легкой победе над слабеющей на протяжении XIX столетия Испанией.

Предлогом для войны стал взрыв на американском броненосце «Мэн» (Maine), стоявшем на рейде Гаваны. Корабль затонул вместе с экипажем. Решив, что это диверсия местных властей, США предъявили Испании

ультиматум, на который она 22 апреля 1898 г. ответила объявлением войны. Война продолжалась три с половиной месяца. Главные силы испанского флота тихоокеанская эскадра США уничтожила в бухте Манилы, не потеряв ни одного человека. На Кубе и Филиппинах войска США совместно с повстанцами развивали наступление, а небольшой испанский флот у берегов Кубы был быстро разгромлен (только один американский матрос был убит, 10 ранены).

По условиям мира, подписанного в Париже 10 декабря 1898 г., Испания передала Соединенным Штатам острова Пуэрто-Рико и Гуам, а также Филиппины, за которые выплачивалась компенсация 20 млн долларов. Куба оставалась оккупированной США до установления на острове независимой республики. Куба получила независимость 20 мая 1902 г., однако вплоть до 1934 г. США сохраняли контроль над ее внешней политикой и финансами. Именно тогда была основана знаменитая военноморская база США в Гуантанамо. Филиппинцы продолжали борьбу за свободу, и в 1916 г. Соединенные Штаты предоставили островам автономию и право проведения выборов в местный парламент. Полностью независимыми Филиппины стали после Второй мировой войны.

Без больших трудностей, примерно по гавайскому сценарию, Соединенные Штаты утвердились и в стратегически важной зоне Панамского перешейка. Строительство канала между Атлантическим и Тихим океанами должно было стать не менее значимым достижением, чем устройство Суэцкого канала (1869). Когда в 1903 г. колумбийский сенат отверг договор с США о строительстве канала, в провинции Панама был спровоцирован мятеж с целью отделиться от Колумбии. Сепаратистов защищал флот США. Новая республика Панама предоставила США право на строительство канала и его последующую аренду. Работы завершились в 1914 г., но канал был введен в эксплуатацию уже после окончания Первой мировой войны. Только 31 декабря 1999 г. зона Панамского канала была передана панамцам.

Все более утверждаясь в качестве вершителя судеб Западного полушария, Соединенные Штаты учредили в 1890 г. Панамериканский союз (с 1948 г. — Организация американских государств), в основном с экономическими функциями. В отличие от европейских метрополий, которые несли большие расходы на прямое управление колониями и держали там войска, США, как правило, действовали более гибкими методами: экономическая экспансия, нередко под предлогом помощи («дипломатия доллара»), сочеталась с политической и иногда военной поддержкой выгодных им режимов. США использовали, в основном для

демонстрации могущества, мобильные силы — флот и морскую пехоту. Именно на рубеже XIX–XX вв. доктрина Монро в ее агрессивной трактовке (главенство США в Западном полушарии, включающее право вмешательства во внутренние дела государств) стала восприниматься как основа внешнеполитического курса США.

В 1899 г. дипломатия США добилась международного признания принципа «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. В 1900 г. войска США участвовали в подавлении китайского восстания ихэтуаней против иностранцев. Чтобы укрепить свое положение на Тихом океане, Соединенные Штаты попытались использовать в своих интересах русско-японскую войну 1904–1905 гг. Рузвельт выступил посредником в мирных переговорах, но был скорее заинтересован в усилении Японии, а не России, чей тихоокеанский флот был уничтожен, а крепость Порт-Артур пала. С Японией было достигнуто секретное соглашение о разделе сфер влияния: США признали ее «права» в Корее в обмен на признание своего господства на Филиппинах. Впрочем, окончательно закрепиться на Дальнем Востоке Соединенным Штатам не удалось именно из-за Японии, вскоре ставшей их соперницей в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Соединенные Штаты стали влиятельной мировой силой и, безусловно, самой могущественной державой Западного полушария. Экономика страны была на подъеме, население бурно росло, во многом за счет иммиграции, а правящие круги придерживались политики неучастия в военно-политических союзах. США не готовились к прямому участию в большой войне. Когда в августе 1914 г. разразилась Первая мировая война, за океаном ее называли «европейской». Миллионы мобилизованных, страшные цифры потерь, новое смертоносное оружие — военная авиация, крупнокалиберные снаряды и ядовитые газы, и все это — «не у нас»: американцы благословляли историческую судьбу своей страны и мудрость правительства. Но эта война, в которую США все-таки вступили на завершающем этапе, стала для них трамплином для активного участия в мировой политике.

Латинская Америка: век независимости

Непосредственным толчком к подъему освободительного движения в испанских колониях послужили революционные события 1808 г. в метрополии. Вторжение французских войск в Испанию и пассивность властей вызвали в стране взрыв возмущения. Карл IV вынужден был

отречься от престола, и королем был провозглашен его сын Фердинанд VII. Через несколько дней интервенты вступили в Мадрид, где в начале мая вспыхнуло восстание. Оно было подавлено оккупантами, а Фердинанду VII пришлось отказаться от своих прав и под давлением Наполеона выехать во Францию. Монархом Испании был объявлен брат французского императора Жозеф Бонапарт. Однако испанский народ поднялся на борьбу против чужеземных захватчиков. Образовались провинциальные хунты, действовавшие от имени Фердинанда VII, а 25 сентября была создана Центральная хунта, обосновавшаяся в дальнейшем в Севилье.

В связи с испанскими событиями политическая обстановка в американских колониях осложнилась. Вице-короли Перу и Новой Гранады сразу же признали власть Севильской хунты. Однако администрация Рио-де-ла-Платы и Новой Испании заняла выжидательную позицию, вследствие чего вскоре была смещена сторонниками Фердинанда VII. К середине 1809 г. вся Испанская Америка оказалась под контролем ставленников Центральной хунты. Это соответствовало и стремлениям креольской оппозиции, рассчитывавшей на то, что после неминуемого, по ее мнению, разгона хунты французскими войсками колонии обретут независимость. Но, убедившись, что колониальный режим не претерпел существенных изменений, патриоты стали активнее выступать в защиту своих интересов.

Иногда эти выступления выливались в вооруженные восстания (Ла-Пас, Чукисака и некоторые другие районы Верхнего Перу, Кито). Однако все они являлись стихийными, носили локальный характер, и к концу 1809 г. были подавлены испанскими войсками. Столь же безуспешным оказался антиколониальный заговор в Вальядолиде (Новая Испания).

Между тем в феврале 1810 г. самораспустившуюся Центральную хунту сменил в качестве верховного органа власти назначенный ею Регентский совет, формально также выступавший от имени Фердинанда VII. Но серьезные неудачи испанских войск в метрополии (начало 1810 г.) и оккупация большей части страны французскими интервентами свидетельствовали о его бессилии. Известия с Пиренейского полуострова явились сигналом к волнениям в различных районах Испанской Америки. В апреле-июле 1810 г. в крупнейших колониальных центрах Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито, а вслед за тем и в других городах было свергнуто испанское господство и к власти пришли патриотические хунты. В сентябре того же года революционным движением были охвачены Новая Испания и Чили. Так началась затяжная война за независимость испанских колоний.

В ходе ее обозначились четыре основных региона: 1) Новая Испания и

Центральная Америка, 2) северная часть южноамериканского континента, 3) вице-королевство Рио-де-ла-Платы, 4) тихоокеанское побережье Южной Америки. События, происходившие в каждом из этих районов, были мало связаны между собой, особенно на первом этапе войны (1810–1815).

Раньше всего революционное антииспанское движение охватило север Южной Америки, где главным очагом его стала Венесуэла. 19 апреля 1810 г. в ее столице Каракасе вспыхнуло восстание, и к власти пришла Верховная правительственная хунта. К концу года большая часть генерал-капитанства была освобождена от испанцев, но некоторые провинции еще оставались под контролем колониальных властей. В этих условиях каракасская хунта, где преобладали консервативные представители креольской верхушки, проявляла нерешительность, а отдельные члены ее готовы были даже к соглашению с метрополией. В противовес этой примиренческой позиции «Патриотическое общество», объединявшее широкие слои населения во главе с Франсиско де Мирандой (1750–1816) и молодым офицером Симоном Боливаром (1783–1830), добивалось полной независимости.

Симон Боливар родился в богатой креольской семье. На формирование его мировоззрения большое влияние оказали воспитатель Боливара — выдающийся просветитель Симон Родригес (1769–1854), а также пребывание в Европе, где он познакомился с идеями Французской революции. Широко образованный человек, блестящий оратор и публицист, он обладал к тому же незаурядным полководческим талантом.

Под давлением патриотов собравшийся в Каракасе национальный конгресс 5 июля 1811 г. провозгласил независимость Венесуэлы. 21 декабря была принята конституция, установившая республиканский строй, декларирующая демократические свободы и упразднение сословных привилегий, запретившая работорговлю и расовую дискриминацию. Однако она не предусматривала ни отмены рабства, ни аграрной реформы, что значительно сужало социальную базу республики.

В марте 1812 г. остававшиеся на северо-западе страны испанские войска перешли в наступление и добились существенных успехов. 26 марта на Страстной четверг землетрясение разрушило Каракас и другие города; погибли десятки тысяч жителей. В народе говорили о Божьем наказании за мятеж. Пользуясь паникой, испанцы продвигались на восток. В создавшейся критической обстановке конгресс назначил Миранду главнокомандующим вооруженными силами и предоставил ему чрезвычайные полномочия. Но он придерживался оборонительной тактики, что позволило испанским войскам продолжать наступление. В связи с

нависшей угрозой было введено военное положение, и Миранде удалось приостановить наступление противника. Однако испанцы сумели привлечь на свою сторону обитателей обширных равнин бассейна Ориноко — воинственных льянеро, чьи вольности пытались ограничить власти республики. В начале июля роялисты овладели портом и крепостью Пуэрто-Кабельо, где находился главный арсенал патриотов.

Миранда и большинство его соратников вследствие военных неудач были деморализованы. Несмотря на готовность многих патриотов продолжать сопротивление, руководители республиканцев заключили соглашение с испанским командованием о капитуляции. 30 июля 1812 г. испанские войска вступили в Каракас. Миранда и его ближайшие сподвижники были арестованы. В Венесуэле воцарился режим кровавого террора. Все активные участники освободительного движения были занесены в проскрипционные списки, а свыше полутора тысяч брошены в тюрьмы.

Революционное движение охватило и соседнюю с Венесуэлой Новую Гранаду. 20 июля 1810 г. в ее столице Боготе вспыхнуло восстание против испанского господства, в ходе которого был низложен вице-король Антонио Хосе Амар-и-Борбон (1742–1826) и создана Верховная хунта Новой Гранады. Вслед за тем революционные органы власти образовались в Картахене, Антьокии, Сокорро, Памплоне и других городах, а также в Кито. Между патриотическими хунтами не было единства. Верховная хунта в Боготе добивалась объединения всех провинций, провинциальные же хунты отстаивали федеративную систему и требовали широкой автономии. Открывшийся 22 декабря конгресс объявил, что не признает власти Регентского совета, управлявшего Испанией. Впрочем, заседавшие в Боготе депутаты представляли далеко не всю Новую Гранаду. Вскоре между большинством членов конгресса (от провинций) и Верховной хунтой возникли серьезные разногласия.

30 марта 1811 г. была провозглашена конституция Государства Кундинамарки (индейское название центральной части Новой Гранады), которое номинально считалось монархией, но в отсутствие монарха должно было управляться президентом. Этот пост занял Антонио Нариньо (1765–1823), выступавший за превращение Новой Гранады в единое централизованное государство и установление республики. К тому времени в Боготу уже прибыли представители ряда провинций. Большинство из них высказалось за федеративную систему. 27 ноября 1811 г. делегаты Антьокии, Картахены, Нейвы, Памплоны и Тунхи подписали акт о создании конфедерации Соединенных провинций Новой Гранады. В

ведении конгресса оставались лишь внешние сношения, вопросы войны и мира, определения границ и юрисдикции провинций. На вступление в конфедерацию не соглашались Нариньо и другие руководители Кундинамарки.

В боях правительства Картахены против роялистов на Карибском побережье деятельное участие приняли венесуэльцы во главе с Боливаром, настойчиво призывавшим к объединению патриотов Новой Гранады и Венесуэлы для совместной борьбы против общего врага. Убедив руководителей Соединенных провинций и Кундинамарки в том, что судьба новогранадской революции неразрывно связана с освобождением Венесуэлы от испанского господства, он сформировал отряд из венесуэльских эмигрантов и уроженцев Новой Гранады, который в середине мая 1813 г. перешел границу генерал-капитанства.

При деятельной поддержке населения за короткий срок была освобождена обширная территория ряда провинций. В начале августа войска Боливара вступили в Каракас. К тому времени патриотические силы изгнали испанцев из северо-восточной части страны и овладели островом Маргарита.

С освобождением столицы была создана вторая Венесуэльская республика во главе с Боливаром, которого муниципалитет Каракаса провозгласил главнокомандующим вооруженными силами и присвоил ему почетное звание «Освободитель Венесуэлы». В дальнейшем он был официально объявлен диктатором и облечен всей полнотой власти.

Главную угрозу представляли в ту пору конные отряды бывшего испанского офицера Хосе Томаса Бовеса (1782–1814), призвавшего «цветных» обитателей льяносов к «священной войне против белых». Обманутые демагогическими обещаниями роялистов, пастухи и охотники-льянеро, а также значительная часть негров-рабов выступили против республики. Чтобы противостоять натиску превосходящих сил врага, надо было объединить усилия всех республиканцев и заручиться содействием широких слоев населения. Однако этому препятствовала позиция богатых землевладельцев-«мантуанцев» (представителей знатных креольских семей, в которых женщины обладали исключительным правом носить испанскую кружевную накидку — мантилью). Сплочению сил патриотов мешали также разногласия среди революционеров. В результате республиканская армия была разгромлена и остаткам ее пришлось оставить Каракас. В декабре 1814 г. вторая Венесуэльская республика окончательно пала; Боливар еще 8 сентября вынужден был снова искать убежища в Новой Гранаде.

Однако и там положение оказалось весьма неустойчивым. Антииспанские силы были разобщены, продолжалось противостояние Соединенных провинций и Кундинамарки. Тем временем в Испанию еще в марте 1814 г., после изгнания французских оккупантов, вернулся Фердинанд VII, немедленно приступивший к реставрации старого порядка. В этих условиях конгресс Соединенных провинций силой оружия добился присоединения Кундинамарки к Новогранадской федерации, чьей столицей в январе 1815 г. стала Богота.

Правительство Фердинанда VII, восстановив власть в метрополии, направило свои усилия на подавление восстания в американских владениях. В апреле 1815 г. в Южную Америку был переброшен экспедиционный корпус в 10,5 тыс. солдат под командованием фельдмаршала Пабло Морильо (1775–1837), который за несколько месяцев подавил восстание в Новой Гранаде. Восстановление власти короля сопровождалось массовыми казнями и арестами.

На юге континента, в бассейне Рио-де-ла-Платы, центром революционных событий явился Буэнос-Айрес. 25 мая 1810 г. кабильдо этого города отстранил вице-короля и передал власть Временной правительственной хунте под председательством полковника Корнелио Сааведры (1759–1829). Хунта предприняла шаги, направленные на развитие внешней торговли, демократизацию государственного строя и общественной жизни. Для освобождения всей территории вице-королевства были сформированы отряды патриотов. Так называемая Северная армия в августе 1810 г. освободила провинцию Кордову, а в ноябре того же года — Верхнее Перу.

Реформаторские меры буэнос-айресской хунты осуществлялись по инициативе ее радикального крыла, возглавлявшегося Мариано Морено (1778–1811). Выражая интересы купцов, либерально настроенных землевладельцев, мелкой городской буржуазии, оно добивалось не только политической независимости, но и ликвидации социально-экономического Старого порядка. Они отстаивали идею превращения бывшего вице-королевства в единое централизованное государство. Латифундисты внутренних провинций и купцы-монополисты Буэнос-Айреса объединялись вокруг консервативного крыла хунты во главе с Сааведрой. В борьбе верх одержали приверженцы Сааведры — в декабре 1810 г. Морено ушел в отставку, а его сторонники подверглись репрессиям.

Обострение разногласий внутри правительства и захват власти консервативными силами ослабили позиции хунты Буэнос-Айреса. Ее попытки установить контроль над всей территорией Рио-де-ла-Платы

встретили сопротивление со стороны отдельных провинций.

Весьма решительно против действий буэнос-айресской хунты выступили патриоты Парагвая. Тогда буэнос-айресское правительство направило в Парагвай войска под командованием Бельграно. Парагвайское ополчение в начале 1811 г. нанесло им поражение. В ночь с 14 на 15 мая 1811 г. группа молодых офицеров подняла в Асунсьоне восстание, политическое руководство которым осуществлял известный своими либеральными взглядами доктор Хосе Гаспар Родригес де Франсия (1766–1840) — начитанный и разносторонне образованный человек, сторонник идей Просвещения. Колониальная администрация была упразднена, и власть временно перешла к триумвирату. 17 июня собравшаяся в Асунсьоне ассамблея вручила исполнительную власть правительственной хунте во главе с подполковником Фульхенсио Йегросом (1780–1821). Фактически же деятельностью как триумвирата, так затем и хунты руководил Франсия.

В руках испанцев продолжала оставаться часть провинции Банда Ориенталь (Восточный Берег, Уругвай), где и после Майской революции в Буэнос-Айресе правила хунта во главе с губернатором Франсиско Хавьером де Элио (1767–1822), занимавшая легитимистские позиции. Однако в конце февраля 1811 г. уругвайские патриоты подняли восстание, которое возглавил Хосе Хервасио Артигас (1764–1850). Оно вскоре охватило большую часть территории Восточного Берега. Заручившись поддержкой буэнос-айресской хунты, приверженцы Артигаса в мае 1811 г. одержали победу над испанскими войсками на подступах к Монтевидео, а затем осадили город. Но на помощь осажденным пришли португальские воинские подразделения из соседней Бразилии, в середине июля вторгшиеся в пределы Восточного Берега.

Военные неудачи и угроза захвата Монтевидео португальцами обострили разногласия между различными группировками в Буэнос-Айресе. В результате победы радикального крыла правительственная хунта была распущена, а исполнительная власть передана триумвирату (впоследствии он официально именовался Временным верховным правительством Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы), душой которого стал Бернардино Ривадавия (1780–1845).

Между тем вынужденный снять осаду Монтевидео, Артигас повел свои отряды на северо-запад. Вслед за ними отправились свыше 16 тыс. человек (около 2/5 всего населения Уругвая). Перейдя через р. Уругвай, они расположились лагерем в соседней провинции Энтре-Риос.

24 сентября 1812 г. Северная армия под Тукуманом наголову разбила

испанские войска, что позволило правительству Буэнос-Айреса, совместно с уругвайскими повстанцами, возобновить осаду Монтевидео. К тому времени обнаружились серьезные противоречия между буэнос-айресскими властями и сторонниками Артигаса. Последние выступали за превращение Рио-де-ла-Платы в федерацию автономных провинций, самостоятельных не только по отношению к Испании, но и к Буэнос-Айресу. Буэнос-айресские же руководители отвергали принцип федеративного устройства и противопоставляли ему идею подчинения провинций сильной центральной власти в рамках возглавляемого ими унитарного государства.

Противостояние приверженцев Артигаса и правительства Буэнос-Айреса резко обострилось и проявилось открыто в связи с созывом Генеральной конституционной ассамблеи (Учредительного собрания) Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Она открылась 31 января 1813 г. и фактически утвердила независимость лаплатских провинций от Испании. В частности, ассамблея учредила государственный герб и флаг, приняла национальный гимн, а также отменила подушную подать и личные повинности индейцев, упразднила энкомьенду и миту. Были запрещены телесные наказания и пытки, ликвидирован трибунал инквизиции, аннулированы дворянские титулы, декларированы другие преобразования. Впрочем, большинство намеченных реформ не удалось осуществить.

В октябре-ноябре 1813 г. испанские войска дважды нанесли поражение патриотам в Верхнем Перу и вновь оттеснили их на юг. В этот критический момент командующим Северной армией был назначен талантливый военачальник Хосе де Сан-Мартин (1778–1850), сумевший за короткий срок повысить боеспособность и укрепить дисциплину войск. Для судеб революции на Рио-де-ла-Плате решающее значение имел бы, по его мнению, освободительный поход в Чили и Перу, чтобы разгромить там главные силы колонизаторов на южноамериканском континенте.

30 сентября 1813 г. открылся национальный конгресс в Асунсьоне. Среди депутатов преобладали представители сельского населения и городских низов. Они единодушно приняли решение о введении республиканского строя. Верховная власть и командование вооруженными силами вручались двум консулам, назначаемым конгрессом. На этот пост были избраны Франсия и Йегрос. Хотя конгресс формально не принял никакой специальной декларации о независимости Парагвая, провозглашение республики было по существу равносильно такому акту. Оно практически означало полный и окончательный разрыв с метрополией и отказ даже от словесного признания суверенитета Фердинанда VII. Парагвай явился первой провинцией бывшего вице-королевства,

предпринявшей столь решительный шаг.

Между тем Верхнее Перу продолжало оставаться в руках испанцев. Что же касается отношений между Буэнос-Айресом и уругвайскими патриотами, то их разногласия не замедлили вылиться в открытый конфликт.

В связи с созывом конституционной ассамблеи в Буэнос-Айрес были направлены делегаты, избранные населением Восточного Берега. Они имели составленные Артигасом инструкции, содержавшие требования широкой автономии Восточного Берега и прочих провинций в рамках независимой конфедерации, учреждения республиканской формы правления, провозглашения гражданской и религиозной свобод. Поскольку подобная программа не устраивала консервативное большинство ассамблеи, оно отказалось признать полномочия уругвайских представителей и допустить их к участию в работе собрания.

В ответ на действия правящих кругов Буэнос-Айреса Артигас в январе 1814 г. отвел свои войска, участвовавшие в осаде Монтевидео, к р. Уругвай. Тогда буэнос-айресское правительство объявило его «изменником родины». Чтобы форсировать военные операции на северном берегу эстуария Рио-де-ла-Плата оно направило туда подкрепления. 23 июня испанский гарнизон Монтевидео капитулировал.

Хотя столица Восточного Берега оказалась в руках войск Буэнос-Айреса, почти всю остальную его территорию фактически контролировали уругвайские патриоты. Под их влиянием находились также провинции Энтре-Риос и Корриентес, выступавшие против нейтралистских устремлений Буэнос-Айреса. В январе 1815 г. отряды Артигаса перешли в наступление и одержали внушительную победу над буэнос-айресскими войсками, вынужденными вскоре оставить Монтевидео. Успехи уругвайцев способствовали дальнейшему росту федералистских настроений в соседних с Восточным Берегом провинциях.

В июле 1815 г. по инициативе Артигаса был созван федеральный конгресс, одоббивший «Временный регламент Восточной провинции». Это была радикальная программа, предусматривавшая конфискацию земель и иного имущества врагов революции и их распределение между неимущими патриотами. «Самые несчастные, — указывал Артигас, — должны пользоваться наибольшими привилегиями».

Если федералисты фактически контролировали во второй половине 1815 г. всю территорию между реками Уругвай и Парана, то сфера политического влияния Буэнос-Айреса была весьма ограничена. Помимо Восточного Берега и Парагвая из-под его контроля вышло и Верхнее Перу,

где роялистам удалось почти полностью подавить революционное движение. Угроза наступления испанских войск с севера вновь стала реальной.

В отличие от Рио-де-ла-Платы, Венесуэлы, Новой Гранады вице-королевство Перу первоначально было сравнительно мало охвачено освободительным движением. В самом Перу, несмотря на отдельные антииспанские выступления в 1811–1813 гг., позиции лоялистов были сильнее. Лишь в августе 1814 г. в Куско вспыхнуло мощное восстание под предводительством четырех братьев Ангуло. Повстанцы, к которым примкнули тысячи индейцев во главе с бывшим президентом местной аудиенсии Матео Гарсией Пумакауа (1740–1815), заняли обширную территорию. Однако к марту следующего года вице-королевские войска подавили восстание.

Гораздо больший размах борьба за независимость получила в генерал-капитанстве Чили. Правда, из-за отдаленности генерал-капитанства и его экономической зависимости от Перу революция развивалась медленно. Толчком для выступления чилийских патриотов послужили вести о революционных событиях в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито. 18 сентября 1810 г. было созвано открытое заседание кабиљдо Сантьяго, которое приняло решение о смещении губернатора и передаче его функций Временной правительственной хунте. Однако среди ее членов преобладали чиновники колониальной администрации и духовные лица. Они же получили большинство и в национальном конгрессе, открывшемся 4 июля 1811 г. Большая часть депутатов были настроены лояльно к метрополии и не стремилась к независимости.

В начале сентября в Консепсьоне образовалась радикально мыслящая провинциальная хунта. Почти одновременно в Сантьяго патриоты свергли пророялистское правительство и, удалив из конгресса наиболее консервативных депутатов, создали новое, в коем центральной фигурой оказался Хосе Мигель Каррера (1785–1821). Он распустил конгресс и фактически стал диктатором. Несмотря на требования патриотов, добивавшихся полного разрыва с Испанией и проведения демократических преобразований, правительство Карреры придерживалось умеренного политического курса. 27 октября 1812 г. оно обнародовало «Временный конституционный регламент», который объявлял принцип народного суверенитета, демократические свободы, но вновь признал верховную власть Фердинанда VII.

В марте 1813 г. на юге Чили высадился экспедиционный корпус, снаряженный по приказу вице-короля Перу. В ходе успешного наступления

в северном направлении роялисты продвинулись до р. Мауле. В связи с критическим положением хунта, временно правившая в Сантьяго в отсутствие Карреры, который руководил боевыми операциями, отстранила его от командования вооруженными силами и назначила на его место Бернардо О'Хиггинса (1778–1842), участвовавшего в революции с ее первых дней.

Между тем испанские войска, продолжая продвижение на север, в марте 1814 г. форсировали р. Мауле, установив контроль над южной половиной страны. В такой обстановке хунта решила передать власть «верховному правителю» (*director supremo*). Занявший этот пост полковник Франсиско де ла Ластра (1777–1852) принял предложение испанского командования о прекращении военных действий. В начале мая на берегу р. Лиркай было подписано соглашение: чилийцы обязались безоговорочно признать суверенитет короля Испании, т. е. отказывались по существу от требования национальной независимости, а испанцы должны были покинуть Чили. Поскольку Лиркайское соглашение фактически означало капитуляцию чилийского правительства, оно вызвало недовольство патриотов. Воспользовавшись этим, Каррера организовал в Сантьяго военный переворот и стал во главе новой правительственной хунты. Он изгнал своих политических противников, причем не только капитулянтов, но и многих из тех, кто был настроен радикально. Против Карреры выступили О'Хиггинс и его сторонники. Страна оказалась перед угрозой гражданской войны.

Обострением разногласий среди чилийских патриотов не преминула воспользоваться колониальная администрация. Вице-король Перу Хосе Фернандо Абаскаль-и-Соуса (1743–1821) дезавуировал Лиркайское соглашение и направил в Чили новые подкрепления. Тогда О'Хиггинс предложил Каррере прекратить междоусобную борьбу и объединить силы против общего врага, однако это не изменило положения. В начале октября 1814 г. патриоты были наголову разбиты в бою при Ранкагуа (южнее Сантьяго). Несколько дней спустя испанские войска вступили в чилийскую столицу, и вскоре в стране была полностью восстановлена власть метрополии.

Если в большей части Южной Америки на первом этапе Войны за независимость размах борьбы и степень участия в ней широких масс были в известной мере ограничены, то в Новой Испании освободительное движение сразу же стало всенародным и приобрело социальную окраску. Восстание возглавил приходский священник Мигель Идальго (1753–1811) — образованный человек, разделявший идеи Просвещения и

популярный среди населения. Вслед за событиями 1808 г. в метрополии Идальго и его единомышленники стали готовиться к вооруженному выступлению. Оно началось 16 сентября 1810 г., когда священник призвал прихожан подняться на борьбу за свободу и землю. Движение сразу же приняло массовый характер. За полтора месяца армия Идальго заняла большую территорию, в том числе крупные центры — Селайю, Гуанахуато, Вальядолид. Основной контингент повстанцев составляли крестьяне-индейцы, негры-рабы, горнорабочие, ремесленники, городская беднота. К ним присоединилась часть интеллигенции, офицеров, чиновников, низшего духовенства. Первоначально к восставшим примкнули также многие представители креольских верхов.

Однако цели участников движения были различны. Те из них, кто принадлежал к привилегированным слоям колониального общества, стремились главным образом к освобождению от власти Испании. Для большинства же повстанцев не меньшее значение имели социальные задачи — ликвидация докапиталистических форм эксплуатации, крупного землевладения. Видя в социальном характере народного восстания угрозу своим интересам, большинство креольских латифундистов и купцов, а с ними многие чиновники и офицеры перешли на сторону роялистов.

В конце октября 1810 г. армия Идальго нанесла серьезное поражение испанским войскам у горного перевала Монте-де-лас-Крусес и подошла к столице Новой Испании — Мехико. Но Идальго считал, что силы повстанцев недостаточны для штурма города, и, не попытавшись овладеть столицей, направился в Гвадалахару. Начались реформы с целью отменить повинности индейцев и вернуть им отнятые земли, ликвидировать рабство, расовую дискриминацию, торговые монополии. Но в середине января 1811 г. революционная армия была разгромлена, а Идальго и другие руководители восставших захвачены в плен и казнены.

Несмотря на это, во второй половине года освободительное движение вновь охватило большую часть страны. После гибели Идальго борьбу за независимость возглавил его ученик и соратник, также сельский священник, Хосе Мария Морелос (1765–1815). Одна из ярких страниц борьбы повстанцев во главе с Морелосом — героическая оборона Куаутлы, продолжавшаяся два с половиной месяца. Она пала лишь в начале мая 1812 г., после того, как была оставлена ее защитниками. Этот успех временно укрепил позиции испанцев, которые усилились и в других районах. Но уже во второй половине года появились условия для нового подъема освободительного движения. В конце сентября в Мехико был обнародован текст конституции, принятой Кадисскими кортесами.

Принятие конституции, закрепившей власть короны над заокеанскими владениями и подтвердившей неделимость Испанской империи, равно как и прочие акты кортесов, способствовало усилению революционных настроений в Новой Испании.

В середине сентября 1813 г. по инициативе Морелоса в Чильпансинго был созван Национальный конгресс, которому священник представил свою программу «Чувства нации», предусматривавшую независимость, народный суверенитет, разделение властей, отмену рабства и сословно-кастовой системы, неприкосновенность частной собственности. Ранее, впрочем, Морелос ставил вопрос о ликвидации латифундий и конфискации имущества богачей и церкви. 6 ноября конгресс принял декларацию независимости Мексики, а год спустя — республиканскую конституцию, первую в истории страны. Однако к концу 1815 г. испанцам удалось разгромить главные силы повстанцев, захватить в плен и казнить Морелоса. В большей части Новой Испании было восстановлено господство монархии Бурбонов.

В генерал-капитанстве Гватемале борьба за независимость шла менее интенсивно. Но с началом освободительной войны в Испанской Америке и особенно под влиянием революционных событий в Новой Испании движение постепенно распространилось и на центральноамериканские провинции. С конца 1811 г. вооруженные выступления начались в Сальвадоре и Никарагуа. В 1813 г. сторонники независимости организовали антииспанский заговор и в самой Гватемале. Однако эти первые попытки свергнуть колониальное иго оказались безуспешными.

Реставрация Бурбонов в Испании позволила правительству Фердинанда VII усилить борьбу против освободительного движения в американских владениях. Этому способствовала и благоприятная международная обстановка: разгром Наполеона, победа принципов легитимизма в Европе, создание Священного союза, а также война между Англией и США (1812–1815), отвлекавшая их внимание от революционных событий в испанских колониях. В большей части Испанской Америки, за исключением Рио-де-ла-Платы, к концу 1815 г. был реставрирован колониальный режим. В восточной половине о-ва Гаити (Санто-Доминго) он был восстановлен в 1808 г.

Новый, решающий подъем освободительного движения обозначился в Южной Америке с 1816 г. В северной части континента и на этот раз первыми выступили патриоты Венесуэлы во главе с Боливаром. Вынужденный в мае 1815 г. покинуть Новую Гранаду и искать убежища на Ямайке, «Освободитель» готовился к продолжению борьбы. В «Письме с

Ямайки» он выражал твердую уверенность в победе патриотов и скором освобождении Испанской Америки, подчеркивал необходимость единства и сплочения революционных сил. К тому времени Боливар и его соратники осознали необходимость решения ряда социальных проблем, прежде всего освобождения рабов. Это позволило им договориться с президентом республики Гаити Александром Петитоном (1770–1818) о предоставлении венесуэльским патриотам оружия, боеприпасов и снаряжения. Боливар же заверил Петитона в своей решимости покончить с рабством.

В марте 1816 г. флотилия из нескольких судов покинула Гаити. В течение июня-августа волонтеры неоднократно высаживались в различных пунктах венесуэльского побережья, но их попытки продвинуться в глубь страны успеха не имели. Правда, за это время Боливар предпринял шаг, имевший большое значение для дальнейшего хода событий: он объявил об отмене рабства в Венесуэле. В декабре 1816 г. его отряд высадился в районе Барселоны, и на сей раз ему сопутствовала удача: революционное движение быстро охватило северо-восточные районы страны.

В течение 1817–1818 гг. венесуэльские патриоты освободили обширную территорию в бассейнах Ориноко и ее притока Апуре. Их успехам способствовала поддержка широких слоев населения. Отмена рабства, издание декрета о конфискации имущества испанской короны и роялистов, а также о наделение солдат освободительной армии земель помогли Боливару заручиться поддержкой народных масс. В его отряды влились многие негры-рабы; льянеро под предводительством своего нового вожака Хосе Антонио Паэса (1790–1873) перешли на сторону патриотов и нанесли роялистам сокрушительное поражение. С начала 1819 г. стали прибывать иностранные добровольцы из Англии, Ирландии, Германии, Франции, Италии и других европейских государств.

Несмотря на успехи освободительного движения, его дальнейшему росту мешали отсутствие единства среди патриотов и разногласия между их руководителями. Необходимо было создать авторитетный политический орган, вокруг которого объединились бы все революционные силы. С этой целью в Ангостуре 15 февраля 1819 г. был созван второй Национальный конгресс. Он вновь провозгласил независимость Венесуэлы, назначил Боливара ее временным президентом и главнокомандующим освободительной армией, а также утвердил изданные им декреты.

Проведя успешные операции против испанских войск, Боливар решил предпринять поход в Новую Гранаду, которая оставалась под властью роялистов. В июне-июле 1819 г. его армия совершила труднейший переход через Анды и 7 августа одержала блестящую победу над испанцами на р.

Бояке. 10 августа повстанцы вступили в Боготу, где Боливар был объявлен «Освободителем» Новой Гранады.

Тем временем в Ангостуре продолжал работу Национальный конгресс, принявший 15 августа конституцию Венесуэлы. Она провозглашала страну «единой и неделимой» унитарной республикой, декларировала свободу слова, неприкосновенность личности, имущества и жилища, равенство граждан перед законом. Поскольку ко времени принятия этого документа большая часть Венесуэлы находилась еще под властью испанцев, он имел не столько практическое, сколько программное значение. В декабре 1819 г. в Ангостуру возвратился Боливар, предложивший конгрессу осуществить объединение Венесуэлы и Новой Гранады. 17 декабря конгресс утвердил «Основной закон республики Колумбии», согласно которому бывшие генерал-капитанство Венесуэла и вице-королевство Новая Гранада (включая аудиенсию Кито) объединялись в федеративную республику Колумбию (Великую Колумбию). Ее временным президентом был избран Боливар. Собравшаяся в Боготе ассамблея Новой Гранады одобрила решение Ангостурского конгресса.

Однако колумбийской федерации еще только предстояло стать реальностью. Если Новая Гранада была в основном освобождена, то Кито и значительная часть Венесуэлы оставались под властью пиренейской монархии. С начала 1820 г. патриоты активизировали свои действия и вскоре изгнали испанские войска из ряда районов северо-западной Венесуэлы.

На последующий ход борьбы за независимость большое влияние оказало вскоре переросшее в революцию восстание в январе 1820 г. среди экспедиционных войск, сосредоточенных в Кадисе для отправки в Америку. Открывшиеся 9 июля в Мадриде чрезвычайные кортесы восстановили большинство реформ 1810–1813 гг. Революционные события в метрополии поставили испанские власти Венесуэлы в затруднительное положение. Желая выиграть время, они предложили патриотам заключить перемирие. Это отвечало и планам «Освободителя», рассчитывавшего использовать паузу в военных действиях для подготовки решающего удара по врагу. 25 ноября 1820 г. представители Боливара и командующего испанскими войсками Морильо подписали соглашение о перемирии. Но продолжалось оно недолго. Уже в конце января 1821 г. вооруженная борьба возобновилась. В начале мая патриоты перешли в наступление. 24 июня армия Боливара, в тесном взаимодействии с отрядами Паэса, разбила роялистов в долине Карабобо и через пять дней вступила в Каракас. Разгром главных испанских сил на территории Венесуэлы был завершен.

6 мая 1821 г. в Кукуте, на границе Венесуэлы и Новой Гранады, открылось Учредительное собрание. В ходе дебатов относительно формы будущего государственного устройства Колумбии разгорелись споры между федералистами и централистами. В конечном счете победили последние: в отличие от «Основного закона» 1819 г., конституция, принятая 30 августа 1821 г., была унитарной. Учредительное собрание избрало президентом республики Боливара, а вице-президентом — его ближайшего сподвижника Франсиско де Паулу Сантандера (1792–1840).

1 октября 1821 г. армия патриотов овладела последним опорным пунктом испанцев на побережье Новой Гранады — крепостью Картахеной, а в конце ноября в результате победоносного восстания была освобождена Панама, которая, как часть бывшего вице-королевства Новой Гранады, вошла в состав Колумбии. В мае 1822 г. войска Боливара и генерала Антонио де Сукре (1795–1830) покончили с испанским господством в пределах аудиенсии Кито, которая незамедлительно присоединилась к колумбийской федерации.

На юге материка основным очагом революции стал регион Рио-де-ла-Платы, где, в отличие от остальной Испанской Америки, к 1815 г. не было восстановлено господство метрополии. Однако положение там продолжало оставаться весьма сложным. Политической стабильности удалось добиться лишь Парагваю, который упрочил свою независимость как от мадридских властей, так и от режима, утвердившегося в Буэнос-Айресе. Над Восточным Берегом с начала 1816 г. нависла угроза вторжения португальских войск, сосредоточенных на границе Бразилии. Агрессивные планы захвата этой провинции вынашивались португальцами, видимо, с молчаливого согласия консервативного буэнос-айресского правительства, которое рассчитывало, что таким образом удастся уничтожить оплот сил, поддерживавших Артигаса и его радикальную программу. В августе 1816 г. португальская армия вторглась на территорию Восточного Берега, но встретила ожесточенное сопротивление со стороны уругвайцев. Хотя интервентам удалось вскоре занять Монтевидео и некоторые другие города, значительная часть страны продолжала оставаться в руках патриотов.

Расположенные в междуречье Параны и Уругвая провинции Корриентес и Энтре-Риос, а также соседние с ними Санта-Фе и Кордова поддерживали Артигаса. Те же лаплатские провинции, которые номинально признавали власть Буэнос-Айреса, отнюдь не соглашались с его гегемонистскими притязаниями.

24 марта 1816 г. в Тукумане открылся конгресс Объединенных провинций, где не были представлены регионы, тяготевшие к Артигасу. 9

июля конгресс провозгласил независимость Объединенных провинций в Южной Америке. Большинство депутатов высказались за установление монархии, однако никакого конкретного решения принято не было. Конгресс вручил исполнительную власть «верховному правителю» Хуану Мартину де Пуэйрредону (1777–1850).

К концу 1816 г. Сан-Мартин закончил формирование так называемой Андской армии, предназначенной для похода к тихоокеанскому побережью. В середине января 1817 г. она начала трудный переход через горные хребты Анд и вскоре вступила в пределы Чили. 12 февраля ее главные силы разгромили испанские войска в сражении при Чакабуко и через день заняли чилийскую столицу Сантьяго. К тому времени лишь южная часть Чили оставалась под контролем испанцев.

В середине февраля столичный муниципалитет избрал «верховным правителем» Чили Бернардо О'Хиггинса. Его правительство конфисковало имущество роялистов и изгнало их наиболее ярких вождей. Чтобы завершить освобождение страны, на юг были направлены войсковые подразделения, которые заняли провинцию Консепсьон. 12 февраля 1818 г. в Сантьяго и других городах была провозглашена декларация о независимости Чили. Но после прибытия подкреплений из Перу королевские вооруженные силы перешли в наступление и, потеснив чилийскую армию, стали приближаться к Сантьяго. Однако в кровопролитном шестичасовом сражении на равнине Майпу (5 апреля) они потерпели сокрушительное поражение. С испанским владычеством в Чили было покончено. 28 октября того же года вступила в силу временная чилийская конституция, узаконившая установление республики, а 4 года спустя — принята новая конституция страны, объявлявшая ее суверенной республикой.

После разгрома при Майпу и утраты Чили испанское командование стало придерживаться преимущественно оборонительной тактики и решило сконцентрировать свои главные силы в Перу — оплоте испанской монархии в Новом Свете. По настоянию Сан-Мартина, правительство Объединенных провинций в феврале 1819 г. заключило союзный договор с Чили об организации совместной военной экспедиции в Перу. Но подготовка этой акции затянулась на длительный срок, что было обусловлено сложностью задачи и напряженностью политической обстановки в Объединенных провинциях.

Как и в других молодых латиноамериканских государствах, споры по поводу путей дальнейшего развития выразились в борьбе унитариев и федералистов. Одержав победу на Тукуманском конгрессе, унитарии

добились принятия 3 декабря 1817 г. Временного регламента, который должен был определять основы государственного устройства впредь до утверждения конституции. Этот документ предусматривал создание сильной центральной власти во главе с «верховным правителем», в чью компетенцию входило назначение губернаторов провинций. Ряд положений Временного регламента использовался в дальнейшем при разработке Конституции Объединенных провинций в Южной Америке, принятой конгрессом 22 апреля 1819 г. Конституция закрепляла унитарную форму правления и вручала законодательную власть двухпалатному конгрессу, а исполнительную — «верховному правителю», избираемому конгрессом на пятилетний срок.

Принятие конституции привело к резкому обострению политической борьбы. Правящие круги ряда провинций начали борьбу против Буэнос-Айреса. 1 февраля 1820 г. буэнос-айресские войска были разбиты объединенными силами провинций Корриентес, Энтре-Риос и Санта-Фе. Это поражение привело к падению «верховного правителя» Хосе Рондо (1773–1844) и роспуску конгресса. 23 февраля губернаторы Буэнос-Айреса, Санта-Фе и Энтре-Риос подписали соглашение о прекращении боевых операций. Участники соглашения решительно высказались за федеративный принцип государственного устройства.

К тому времени остатки отрядов Артигаса, разгромленных в начале 1820 г. португальцами на территории Восточного Берега, покинули родину и обосновались в пограничной провинции Корриентес. Получив деньги и оружие из Буэнос-Айреса, губернатор Энтре-Риос в июне 1820 г. начал военную кампанию против уругвайских патриотов. Его превосходящие силы в нескольких боях нанесли поражение сторонникам Артигаса и отбросили их к р. Паране. Вождь уругвайцев вынужден был искать убежища в соседнем Парагвае.

Между тем Сан-Мартин, пользуясь некоторой стабилизацией обстановки на Рио-де-ла-Плате, отправился в Чили, где находилась армия, подготовленная для похода в Перу. В августе 1820 г. экспедиционные войска направились морем на север. Поскольку роялисты располагали в Перу значительными силами, а освободительное движение там было довольно слабым, Сан-Мартин не решился сразу предпринять попытку овладеть перуанской столицей Лимой. В начале сентября его войска высадились намного южнее. Призвав население к восстанию против испанцев, они освободили южную часть Перу и стали продвигаться в северном направлении. Известия об успехах революционной армии вызвали панику среди роялистов. После безуспешных переговоров с Сан-

Мартином вице-король Хосе де ла Серна (1770–1832) вывел свои войска из Лимы, куда вступили части Армии освобождения Перу.

28 июля 1821 г. Сан-Мартин публично объявил о создании независимого перуанского государства. Он согласился временно возглавить его в качестве «протектора», облеченного высшей гражданской и военной властью. В августе победоносный военачальник издал декреты об освобождении детей рабов, родившихся после провозглашения независимости, и об отмене принудительной трудовой повинности индейцев. Перуанские порты были открыты для торговли с иностранными державами. Обнародованный 8 октября «Временный статут» декларировал неприкосновенность личности, имущества, жилища, свободу печати.

Однако роялисты продолжали контролировать большую часть страны, в том числе Верхнее Перу. Напротив, освободительная армия, бойцы которой страдали от непривычного климата и инфекций, быстро теряла боеспособность. Сан-Мартин понимал, что не в состоянии завершить освобождение Перу собственными силами, и стремился заручиться помощью Колумбии. Переговоры с глазу на глаз между Сан-Мartiном и Боливаром состоялись 26–27 июля 1822 г. в Гуаякиле. Видимо, главным вопросом стали совместные действия в Перу. По до конца не ясным причинам, Сан-Мартин решил отойти от политики.

20 сентября 1822 г. Сан-Мартин сложил свои полномочия перед учредительным конгрессом в Лиме. Спустя два дня конгресс передал власть Верховной правительственной хунте. 16 декабря были приняты «Основы политической конституции Перуанской республики», утверждавшие представительную форму правления и декларировавшие демократические свободы. Однако новое правительство не смогло обеспечить успешное ведение боевых операций против роялистов. Войска, направленные им в южные районы Перу, были разгромлены испанцами, которые в середине июня 1823 г. сумели также овладеть Лимой. Перуанский конгресс, временно перенесший свое местопребывание в порт Кальяо, обратился к Боливару с просьбой взять на себя руководство военными действиями. Тем временем роялисты под натиском патриотов вынуждены были оставить Лиму, куда в начале сентября прибыл Боливар. 10 сентября конгресс провозгласил его «Освободителем», возложил на него верховное командование перуанскими вооруженными силами и предоставил чрезвычайные полномочия. Таким образом, фактически в Перу была установлена диктатура Боливара, хотя формально главой исполнительной власти считался президент республики маркиз де Торре Тагле (1779–1825).

Однако «Освободитель» не располагал достаточными ресурсами для разгрома испанских войск в Перу. Кроме того, он столкнулся с противодействием влиятельных креолов — сторонников старого порядка. В связи с роялистским мятежом в Кальяо и захватом порта мятежниками (начало февраля 1824 г.) над Лимой нависла реальная угроза. В этой критической обстановке перуанский конгресс 10 февраля официально назначил Боливара диктатором, вручив ему неограниченную военную и гражданскую власть. Но удержать Лиму было уже невозможно. Войска и многие жители оставили город, вскоре занятый испанцами. Большая часть Перу вновь оказалась под контролем роялистов.

К тому времени испанское господство было ликвидировано почти на всем Американском континенте. В Новой Испании, где после разгрома главных сил инсургентов к концу 1815 г. была в основном восстановлена власть колониальной администрации, патриоты не прекращали вооруженную борьбу. В различных районах действовали партизанские отряды, а в апреле 1817 г. на побережье Новой Испании высадился разношерстный отряд добровольцев во главе с испанским революционером Франсиско Хавьером Миной (1789–1817). Однако в 1818–1819 гг. освободительное движение было почти повсеместно подавлено. Только на юге страны не сложил оружия достойный преемник Идальго и Морелоса Висенте Герреро (1782–1831).

Лишь под влиянием событий 1820 г. в метрополии и успехов борьбы за свободу южноамериканских колоний в Новой Испании стал нарастать новый революционный подъем. В этой ситуации землевладельческая знать, богатые купцы, высшее духовенство, военно-бюрократическая верхушка взяли курс на отделение от Испании, надеясь таким путем препятствовать дальнейшему развитию революции и сохранить свое господство и привилегии. Их политической платформой был «план Игуала», опубликованный в феврале 1821 г. полковником Агустином де Итурбиде (1783–1824). Провозглашая независимость Новой Испании, этот документ предусматривал установление конституционной монархии (причем монархом объявлялся Фердинанд VII), равенство всех мексиканцев, независимо от их расы и происхождения (а значит — и гарантии интересов уроженцев Испании), сохранение привилегий католической церкви. Хотя он означал явный шаг назад по сравнению с программами Идальго и Морелоса, содержащаяся в нем идея независимости обеспечила «плану Игуала» широкую поддержку. Поскольку демократические силы были к тому времени ослаблены, руководство движением оказалось в руках наиболее консервативных элементов.

Армия Итурбиде в течение нескольких месяцев заняла почти все крупные центры и вступила в Мехико, где 28 сентября 1821 г. был обнародован акт о независимости Мексиканской империи. В мае 1822 г. национальный конгресс объявил Итурбиде императором под именем Агустина I. Однако империя оказалась недолговечной. В стране нарастало вооруженное республиканское движение, завершившееся в марте 1823 г. крахом монархии.

4 октября 1824 г. была обнародована республиканская конституция Мексиканских Соединенных Штатов, которая провозглашала федеративное устройство государства (президент избирался законодательными собраниями штатов), равенство граждан перед законом, демократические свободы. Хотя католическая церковь объявлялась официальной, а иные конфессии запрещались, священники лишались монополии в области народного образования.

Достижение независимости рядом испанских колоний оживило революционное движение в Гватемале. 15 сентября 1821 г. собрание представителей населения столицы генерал-капитанства приняло декларацию независимости. Однако под давлением правительства Итурбиде власти Гватемалы

5 января 1822 г. объявили о присоединении к Мексиканской империи. С ее крушением Учредительное собрание провинций объявило в июне 1823 г. об образовании республики Соединенных провинций Центральной Америки.

В конце 1821 г. вспыхнуло восстание в Санто-Доминго. 1 декабря было провозглашено Независимое государство испанской части Гаити. Созданная патриотами Временная правительственная хунта объявила о своем стремлении объединиться с Колумбией, но, пользуясь ситуацией, правительство соседнего Гаити в январе 1822 г. аннексировало Санто-Доминго — вплоть до образования в 1844 г. независимой Доминиканской республики весь остров Гаити оставался единым государством.

Итак, к началу 1824 г. последним оплотом испанского владычества на американском континенте оставалось Перу. Для освобождения обширного пространства этого прибрежного вице-королевства Боливар и его соратники прилагали энергичные усилия к созданию боеспособной армии. С этой целью, чтобы привлечь на свою сторону перуанских индейцев, общинные земли были переданы в их личную собственность и отменена подушная подать. Большое внимание уделялось вооружению и снаряжению войск, их боевой подготовке и укреплению воинской дисциплины. Дабы обеспечить армию патриотов всем необходимым, были конфискованы

имущество роялистов и даже драгоценная церковная утварь. Тем не менее испанские войска, сосредоточенные преимущественно в высокогорных районах, обладали внушительным численным перевесом, вследствие чего патриоты не спешили переходить в наступление. Вскоре, однако, положение изменилось: в январе 1824 г. командующий роялистскими войсками в Верхнем Перу генерал Педро Антонио Оланьета (1770–1825) поднял мятеж против вице-короля. Испанская армия оказалась между двух огней, чем не преминул воспользоваться Боливар. Пройдя через горные хребты Анд, он 6 августа нанес противнику сокрушительный удар на равнине Хунин, а затем направился к тихоокеанскому побережью и в первых числах декабря занял Лиму.

Между тем главные силы патриотов, командование которыми Боливар на время своего отсутствия возложил на генерала Сукре, умелыми действиями избежав угрозы окружения, 9 декабря одержали блестящую победу на высокогорном плато Аякучо. Так была разгромлена последняя крупная группировка испанских войск в Новом Свете. В руках роялистов оставались лишь Верхнее Перу, крепость Кальяо, остров Чилоэ (близ южного побережья Чили), а также островная крепость Сан-Хуан-де-Улуа в Мексиканском заливе.

В конце декабря 1824 г. армия Сукре двинулась в Верхнее Перу и в начале февраля следующего года заняла его главный город Ла-Пас. 6 августа 1825 г. Учредительное собрание провинций Верхнего Перу провозгласило независимость, вручив верховную власть Боливару. В его честь новое государство получило название Боливии.

В конце года «Освободитель» выехал в Перу и в феврале 1826 г. возвратился в Лиму, где разработал проект боливийской конституции. Видя угрозу распада социальной и политической ткани Испанской Америки, Боливар дополнил три ветви власти четвертой, «избирательной» (по одному представителю от 10 граждан), по сути сделав выборы непрямыми, предусмотрел пожизненные полномочия избираемого парламентом президента (с правом предлагать преемника!) и три палаты парламента, причем третья — палата цензоров — также избиралась пожизненно. Одновременно отменялось рабство и провозглашались демократические права, в частности свобода вероисповедания.

Ко времени возвращения Боливара в перуанскую столицу были ликвидированы последние очаги сопротивления испанцев в Америке. Еще в ноябре 1825 г. сдался гарнизон Сан-Хуан-де-Улуа, а в январе 1826 г. капитулировали испанские силы в Кальяо и на острове Чилоэ. Испании удалось сохранить до 1898 г. лишь свои владения в Вест-Индии — Кубу и

Пуэрто-Рико.

Накануне и в период освободительной войны испанских колоний европейские державы и США проявляли большой интерес к Латинской Америке. Стремясь к захвату территорий и рынков сбыта, они хотели использовать обстановку, сложившуюся в ходе борьбы против гнета Испании, для того чтобы осуществить свои экспансионистские планы и установить контроль над испанскими владениями. После того как подписанный 22 февраля 1819 г. договор Адамса-Ониса, согласно которому Флорида переходила к США, был, наконец, через два года ратифицирован Испанией, Вашингтон в марте-мае 1822 г. смог легко пойти на дипломатическое признание независимости молодых испаноамериканских государств, тем более что к этому времени восстановление власти метрополии в Новом Свете казалось уже почти невероятным. 31 декабря 1824 г. британское министерство иностранных дел объявило о признании Мексики, Колумбии и Буэнос-Айреса.

В начале 1820-х годов в прессе стран Европы и США часто появлялись сообщения о подготовке вооруженной интервенции держав Священного союза в Латинскую Америку с целью восстановить власть Испании над ее бывшими владениями. Неслучайно 2 декабря 1823 г. президент Джеймс Монро выступил за взаимное невмешательство Старого и Нового Света в дела друг друга. Однако архивные исследования показали, что ни одно европейское правительство не имело в то время конкретных планов военного вмешательства в латиноамериканские дела.

Так, царская Россия, в первые годы освободительной войны в Латинской Америке придерживавшаяся благожелательного нейтралитета по отношению к восставшим колониям, а затем занявшая выжидательную позицию, с 1817 г. более или менее определенно проявляла сочувствие Испании, однако практически политика Александра I и тогда не выходила за рамки нейтралитета.

Что касается Франции, которая в апреле 1823 г. предприняла вторжение в революционную Испанию, то ее правительство фактически также не видело реальной возможности восстановления испанского владычества в Америке. После подавления революции в Испании французскими войсками к концу 1823 г., британские правящие круги, взявшие курс на признание независимости бывших испанских владений, дали понять, что не допустят военного вмешательства Франции в американские дела. Не верили в возможность успешной вооруженной интервенции Пруссия и Австрия.

В ходе освободительной войны на континенте образовались республики: Мексиканские Соединенные Штаты, Федерация Центральной Америки, Колумбия, Перу, Чили, Боливия, Парагвай. Сложнее консолидация проходила в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы, фактически переставших существовать как единое целое в начале 1820 г. Понимая, что разобщенность чревата серьезными осложнениями, лаплатские патриоты стали энергично выступать за созыв объединительного конгресса. Необходимость единства усугублялась резким обострением отношений с португальской Бразилией из-за захваченного Восточного Берега, который с июля 1821 г. был официально включен в ее состав под именем Сисплатинской провинции.

26 апреля 1821 г. король Португалии Жуан VI и его двор покинули Рио-де-Жанейро, чтобы после долгого отсутствия вернуться в Лиссабон. Сын Жуана VI Педру I остался принцем-регентом Бразилии, а 7 сентября 1822 г. объявил о создании независимой Бразильской империи. В декабре 1825 г. развернулась аргентино-бразильская война. Учредительный конгресс Объединенных провинций принял 6 февраля 1826 г. закон о создании общего правительства во главе с президентом (на этот пост был избран Бернардино Ривадавия). Война между Аргентиной и Бразилией продолжалась до августа 1828 г., когда был заключен мирный договор, согласно которому Восточный Берег был признан суверенным государством Восточная республика Уругвай.

Добиваясь сплочения молодых испаноамериканских республик, Боливар предложил созвать в Панаме континентальный конгресс. Но в нем приняли участие лишь представители Колумбии, Перу, Мексики и Федерации Центральной Америки. 15 июля 1826 г. они подписали договор о «вечном союзе и конфедерации». Он был частично ратифицирован только Великой Колумбией, и решения его остались на бумаге.

Некоторые молодые государства оказались недолговечными. Так, в Колумбии вскоре после окончания освободительной войны усилились центробежные тенденции и развернулось сепаратистское движение. В 1830 г. колумбийская федерация распалась. На ее территории возникли республики Венесуэла, Эквадор (бывший Кито) и Новая Гранада. Вслед за распадом Колумбии скончался ее основатель Боливар. Недолго просуществовала и Федерация Центральной Америки: в ходе гражданской войны 1838–1840 гг. образовались независимые республики Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор и Коста-Рика.

Освободительная война 1810–1826 гг. привела не только к политической независимости испаноамериканских государств, но и

покончила с многочисленными монополиями, запретами и регламентацией, что создало более благоприятные условия для роста производительных сил и вовлечения Испанской Америки в систему мирового хозяйства. Были упразднены подушная подать и трудовая повинность коренного населения в пользу частных лиц, государства и церкви, во многих странах отменено рабство. Во вновь возникших государствах был установлен республиканский парламентский строй и приняты конституции. Важное значение имели уничтожение инквизиции, упразднение дворянских титулов и иных атрибутов «старого порядка».

Социально-экономические требования, нашедшие наиболее яркое воплощение в массовых революционных движениях (как, например, восстание под руководством Идальго и Морелоса в Мексике), выдвигались иногда и видными креольскими лидерами. Достаточно напомнить о некоторых декретах, обнародованных Боливаром в Венесуэле, Перу и Боливии, Сан-Мартинем в Перу, О'Хиггинсом в Чили, о политике Франсии в Парагвае, об аграрной программе Артигаса.

В ходе войны заметно окрепло национальное самосознание испаноамериканцев, ускорилось складывание испаноамериканских наций. Все большее число их стало осознавать свою принадлежность к определенному народу, имеющему неотъемлемое право на независимое существование, суверенитет и собственную государственность.

В восприятии революционерами и создателями молодых государств составных частей испаноамериканских обществ сталкивались различные взгляды — от прославления испано-индейского синтеза до отрицания пиренейского и местного наследия и стремления копировать опыт европейских государств и США.

Выходец из образованной обеспеченной семьи, мексиканский монах-доминиканец и революционер Сервандо Тереса де Мьер (1765–1827) восхищался республиканским опытом Соединенных Штатов и ненавидел испанскую монархию, но не своих испанских предков:

«Все эти уступки [передача Флориды Соединенным Штатам по договору Адамса-Ониса 1819 г.] наносят нам урон, не только в силу прав наших матерей, кои все были индеанками, но также и договоров наших отцов-конкистадоров (которые завоевали страну на свой страх и риск) с королями Испании, которые, как утверждают “Законы Индий”, ни на каком основании никогда не

могут отчуждать самую малую часть Америки; и ежели они таковое совершат, то сей дар будет сочтен ничтожным. (...)

Америка наша, потому что ее завоевали наши отцы, таким образом получившие на нее право; потому что она принадлежала нашим матерям и потому что мы в ней родились. Это естественное право народов в своих краях. Бог отделил нас от Европы безграничным морем, и интересы наши различны. Испания никогда не имела здесь никакого права». — [Teresa de Mier J.S.] *Memoria politico-instructiva, enviada desde Filadelfia en agosto de 1821, a los gefes independientes del Anahuac, llamado por los espanoles Nueva-Espana*. Philadelphia, 1821. P. 13–14, 104–105.

Аргентинский писатель и политик Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1898) критически оценивал как испанское, так и индейское наследие:

«Южной Америке в целом, и Аргентинской Республике в особенности, недостает своего Токвиля, вооруженного, подобно путешественнику-естествоиспытателю, барометрами, октантами и компасами и оснащенного знанием социальных теорий. (...) Тогда, наконец, объяснилась бы тайна упорной борьбы, раздирающей на части Республику, тогда можно было бы обнаружить отдельные элементы, составляющие неодолимые противоречия, которые сталкиваются в этой борьбе; было бы отдано должное и характеру земли, и обычаям, которые она порождает, и испанским традициям и национальному сознанию, озлобленному, плебейскому, каким его сделала Инквизиция и испанский абсолютизм, а также влиянию противоборствующих идей, которые потрясли всю общественную жизнь: варварству индейцев, с одной стороны, европейской цивилизации, с другой, наконец, демократии, освященной революцией 1810 г., и равенству, идея которого проникла глубоко, вплоть до самых низших слоев общества. Такое исследование (...) открыло бы пораженной Европе неведомый мир, политическая жизнь которого определяется жестокой, не на жизнь, а на смерть, схваткой между последними достижениями человеческого духа и наследием дикости, между многолюдными городами и сумрачными лесами. Тогда приоткрылась бы немного суть метаний Испании, этой отсталой части Европы, раскинувшейся между Средиземным морем и Океаном, живущей между Средними веками и XIX веком, соединенной с просвещенной

Европой широким перешейком и отделенной от варварской Африки узким проливом; Испании, которая балансирует между двумя противоборствующими силами, то склоняясь в сторону свободных народов, то в сторону живущих под властью тирании, Испании то безбожной, то фанатичной, то конституционной, то тонущей в разврате деспотизма, то проклиная сброшенные оковы, то, воздев руки, взывающей о возвращении ига — таков, видимо, характер и способ ее бытия. Что ж! Разве нельзя разрешить вопросы европейской Испании путем тщательного изучения Американской Испании, подобно тому, как по воспитанию и привычкам детей изучаются идеи и мораль их отцов?» (Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический нрав, обычаи и нравы Аргентинской республики [1845] / Изд. подгот. В.Б. Земсков, Н.С. Попрыкина. М., 1988. С. 8–9).

Будучи по своим историческим задачам антифеодальной, борьба народов Испанской Америки за независимость, объективно отражая потребности капиталистического развития, коему препятствовал режим метрополии, носила по существу характер незавершенной социальной революции, протекавшей в специфических условиях вооруженной борьбы против европейского колониализма.

Следует отметить, что война за независимость все же не привела к коренным изменениям социально-экономической структуры стран Испанской Америки. Крупные землевладельцы — латифундисты и католическая церковь — сохранили свои позиции. Большая часть крестьянства продолжала подвергаться жестокой эксплуатации. Индейцы и негры, в первую очередь, при помощи имущественного и образовательного цензов фактически лишались политических прав.

Борьба за независимость была общенациональной. В ней принимали участие различные классы и слои колониального общества: индейское крестьянство, негры-рабы, мелкая городская буржуазия, зарождавшиеся буржуазные элементы, землевладельцы, чиновники местного происхождения. К патриотам примыкала и часть низшего духовенства. Во многих случаях руководство освободительным движением оказывалось в руках креольской элиты, интересы которой нередко выражали выходцы из разночинной среды и других слоев населения.

Главную роль в освободительной войне сыграли народные массы, но далеко не часто они выступали самостоятельно, им редко удавалось

накладывать на движение отпечаток своих социальных требований. Мексика, Уругвай, Парагвай, где в ходе революции ставился вопрос о конфискации латифундий, составляли в этом смысле исключение. Самые угнетенные слои подчас не видели разницы между уроженцами метрополии — «гачупинами» или «чапетонами» — и землевладельцами-креолами, эксплуатировавшими зависимых крестьян и рабов. В отдельных случаях они даже сражались на стороне испанцев.

Конечно, между различными классами в колониях существовали глубокие противоречия. Нельзя забывать о том, что наряду с гнетом испанской монархии, тяготевшим над всеми слоями общества, индейское крестьянство и негры-рабы подвергались угнетению со стороны латифундистов-креолов. Последние, а под их влиянием многие руководители освободительного движения, хотели сохранить крупное землевладение, прежние формы эксплуатации, бесправное положение трудового народа. Их крайне тревожила перспектива перерастания войны за независимость в социальную революцию или даже «войну рас», направленную как против испанцев, так и против местных элит. Поэтому они проявляли подчас известные колебания, нерешительность, старались сдерживать активность масс. Если, с одной стороны, радикальные движущие силы испаноамериканской революции типологически тяготели скорее к социальным идеалам Великой французской революции, то, с другой — присущие привилегированным кругам креольского населения более консервативные тенденции были несомненно ближе умеренным постулатам войны за независимость британских колоний в Северной Америке.

Революции и реформы в Латинской Америке [\[23\]](#)

Самостоятельное развитие молодых латиноамериканских государств тормозили вызванная войной хозяйственная разруха, сохранение различных форм докапиталистической эксплуатации, приток товаров и инвестиций из более развитых стран, что значительно затрудняло рост местных мануфактур, ремесленного производства и торговли. Социально-политическая эволюция недавних колоний пиренейских метрополий в Новом Свете происходила в условиях растущих центробежных и сепаратистских тенденций, порожденных борьбой за власть между враждующими военными и гражданскими группировками, обострением классовых, региональных и иных противоречий.

Отсутствие стабильности в регионе, распад колониальной экономики, территориальные и социальные конфликты, вмешательство иностранных держав способствовали появлению на политической арене «сильных личностей». Хотя многие из них придерживались консервативных взглядов, они нередко выступали и под либеральными или демократическими лозунгами, якобы руководствовались интересами нации, заботой о ее благополучии. Но при этом полагали, что народ еще не готов к демократии, и только «твердая рука» авторитарного правителя в состоянии обеспечить общественный порядок, экономический прогресс и национальный суверенитет, необходимые для утверждения гражданских свобод и государственных институтов.

В сложившейся обстановке широкое распространение получил феномен каудильизма, нашедший воплощение в выдвижении харизматических лидеров общенационального, провинциального или местного масштаба. В большинстве латиноамериканских стран на протяжении ряда лет существовали режимы неограниченной личной власти. Среди них по своей длительности (учитывается правление *de facto*) выделялись диктатуры доктора Хосе Гаспара Родригеса де Франсии (1814–1840), а также его преемников Карлоса Антонио (1844–1862) и Франсиско Солано (1862–1870) Лопесов в Парагвае, Хуана Мануэля де Росаса в Аргентине (1829–1852), Антонио Лопеса де Санта-Анны (1833–1855) и Порфирио Диаса (1876–1911) в Мексике, Рафаэля Карреры в Гватемале (1844–1865), Хосе Габриэля Гарсии Морено в Эквадоре (1861–1875), Антонио Гусмана Бланко (1870–1888), Сиприано Кастро (1899–1908) и Хуана Висенте Гомеса (1908–1935) в Венесуэле, Рафаэля Венсеслао Нуньеса Моledo (1880–1894) и Рафаэля Рейеса (1904–1909) в Колумбии.

В числе важнейших проблем, вокруг которых в странах Латинской Америки уже в первые десятилетия по окончании войны за независимость развернулась ожесточенная борьба, одно из первых мест занимал аграрный вопрос. В течение 1830-1840-х годов правительства Колумбии, Венесуэлы, Перу, Чили издали законы, имевшие целью изъятие земель, принадлежавших общинам аборигенов, и насаждение мелкой частной собственности. Однако поскольку при этом сохранялись креольские латифундии, реализация этих законов способствовала захвату конфискованных владений крупными собственниками и экспроприации индейского крестьянства.

В Аргентине, где общинное землепользование отсутствовало и существовали значительные массивы целинных земель, была предпринята попытка воспрепятствовать росту крупного землевладения. По инициативе

президента Бернардино Ривадавии (1826–1827) Национальный конгресс республики распространил на всю ее территорию систему «энфитеусиса», основанную на передаче свободных государственных земель в пожизненную аренду частным лицам из числа мелких и средних производителей.

Но эта весьма умеренная аграрная реформа, не затронувшая традиционные латифундии, вызвала решительное противодействие со стороны земельной олигархии и не была претворена в жизнь. Столь же безрезультатными оказались требования секуляризации недвижимости католической церкви, а также упразднения сословных привилегий (фуэрос) духовенства и военных, выдвигавшиеся в ряде латиноамериканских стран в 1830-1840-е годы.

Представители радикального крыла инсургентов (Боливар, Морелос) еще в ходе войны за независимость стремились к отмене рабства. Однако вплоть до середины 1820-х годов в пределах американского континента это требование удалось реализовать только в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы, Чили, Федерации Центральной Америки, Боливии. В остальных же государствах, возникших на месте бывших колоний, аболиционисты столкнулись с ожесточенным сопротивлением плантаторов-латифундистов, владельцев рудников, церковной иерархии. Так, в Мексике правительство президента Висенте Герреро, издавшего в 1829 г. указ о полной отмене рабства, было незамедлительно свергнуто консервативными силами. В Новой Гранаде, Венесуэле, Перу, Эквадоре. Уругвае, Парагвае с рабством было покончено только в 1840-1850-е годы, а на Кубе — и вовсе в 1886 г.

Последним оплотом рабовладения в Новом Свете оставалась Бразильская империя, где отмена рабства (13 мая 1888 г.) всего на полтора года опередила падение монархического строя — 15 ноября 1839 г. император Педру II отрекся от престола, была провозглашена республика. Сформированное временное правительство во главе с маршалом Деодору да Фонсека (1827–1892) созвало Учредительное собрание, которое 24 февраля 1891 г. приняло конституцию страны, получившей название «Соединенные Штаты Бразилии». Законодательная власть в новом государстве вручалась двухпалатному конгрессу, а исполнительная принадлежала президенту, облеченному широкими полномочиями. Конституция прокламировала равенство граждан перед законом, свободу совести, слова, печати, собраний, избирательное право для грамотных мужчин старше 21 года, за исключением нищих, монахов и членов религиозных братств, нижних армейских чинов. В то время грамотных в

Бразилии было менее 20 % населения — меньше, чем в соседних странах, но с того времени этот показатель стал расти опережающими темпами, достигнув 40 % к 1940 г.

Император Бразилии Педру II. 1865 г.

Этапы отмены рабства в Бразилии

Рабство просуществовало в Бразилии около трех веков; за это время в страну было ввезено более 4,5 млн африканских невольников.

Первые ограничения этому были поставлены под сильнейшим нажимом Британской империи. Англичане сами в прошлом активно участвовали в работорговле (вспомним Робинзона Крузо, который ожидал разбогатеть на перепродаже в Бразилии африканских рабов; именно по пути за «живым

товаром» буря и забросила его на необитаемый остров). Отменив после долгих дебатов в 1807 г. рабство у себя, Великобритания стала активно добиваться ограничения международной работорговли, чему Португалия (а затем и освободившаяся из-под ее власти Бразилия) не менее энергично сопротивлялась.

1810 г.: Принц-регент Жуан, переехавший ранее со всем двором из Португалии в Бразилию, чтобы спастись от наполеоновских войск, обещает сотрудничать с британской короной «в деле гуманности и справедливости» (в постепенной отмене работорговли).

1815 г.: Во время Венского конгресса Великобритания требует от Португалии отказаться от работорговли к северу от экватора. Соответствующий договор ратифицирован в 1817 г., однако вместо сокращения вывоза африканских рабов происходит его увеличение.

1826 г.: В обмен на признание независимости Бразилии Великобритания требует прекратить через три года перевозки рабов из Африки в Бразилию, иначе корабли работорговцев будут считаться пиратскими. Бразильские рабовладельцы заявляют о вмешательстве во внутренние дела.

1830 г.: Введен официальный запрет на ввоз рабов из Африки, но он повсеместно нарушается.

1831 г.: Принят декрет об освобождении всех ввезенных в Бразилию рабов. Следить за его исполнением предписано местным судьям, которые сами были рабовладельцами. Декрет остался на бумаге, а в Бразилии с той поры даже появилось (и сохраняется и поныне) выражение «para ingles ver» (сделать что-либо для отвода глаз, «чтобы англичане посмотрели и успокоились»). Впрочем, полвека спустя, в разгар кампании по отмене рабства, адвокаты-аболиционисты возбуждали (и выигрывали) судебные дела против рабовладельцев на основании именно этого декрета.

1845 г.: Поскольку все запреты на работорговлю неэффективны, Великобритания принимает в одностороннем порядке так называемый «Билль Абердина». По нему любое бразильское судно, заподозренное в перевозке рабов, может подвергнуться досмотру англичанами. Даже при этом за пять последующих лет в Бразилию было незаконно ввезено около 250 тыс. рабов.

1850 г.: Окончательный запрет на ввоз рабов из Африки (при сохранении рабства). В Бразилии находятся около 1,5 млн невольников; их теперь перепродают внутри самой страны.

1871 г.: Правительство виконта Риу-Бранку принимает «Закон о свободе рождающихся» (дословно «Закон свободного чрева»). При рождении дети рабов получают личную свободу, но до восьми лет остаются у хозяев. После этого они либо освобождаются за выкуп из общественного фонда, либо отрабатывают свою будущую свободу, которая им дается с 21 года. Эффект закона оказался ограниченным; в Бразилии ширится общественное движение за отмену рабства.

1885 г.: Принимается «Закон о шестидесятилетних». Признаются свободными рабы старше 65 лет; предлагаются меры по постепенному освобождению всех рабов за выкуп.

13 мая 1888 г.: «Золотой закон» провозглашает полную отмену рабства в Бразилии. Он состоял из двух статей: «1. Рабство в Бразилии отменяется. 2. Все прочие нормы, противоречащие этому, объявляются недействительными».

Хотя почти 800 тыс. рабов и получили свободу, земля, на которой они трудились, продолжала принадлежать их бывшим хозяевам. С освобождением рабы не получили никаких средств к существованию: они либо оставались батраками на плантациях, либо подавались в города в поисках лучшей доли. С конца XIX в. начинается массовый исход в города, особенно в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. На их окраинах возникают поселения — известные и сейчас фавелы.

Становление и консолидация национальных государств в Латинской Америке сопровождалось значительными изменениями их хозяйственной структуры. Они постепенно вовлекались в мировую систему капиталистического разделения труда в качестве перспективного рынка сбыта ввозимых из Европы и США готовых изделий и ценного источника получения различных видов дешевого сырья и продовольствия (меди, олова, селитры, гуано, табака, шерсти, кофе, сахара, хлопка, индиго). Однако вследствие экономической отсталости, слабого развития мануфактурного производства, социальной и политической нестабильности, неспособности осуществить необходимые буржуазно-демократические преобразования латиноамериканские страны не могли тогда претендовать на статус равноправных партнеров европейских держав

и своего северного соседа, находившихся на завершающей стадии промышленного переворота. В этих условиях быстро усиливалась их зависимость от иностранного капитала, который интенсивно внедрялся в экономику региона — преимущественно в банковское дело, горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство. Хищнически эксплуатируя природные богатства государств Латинской Америки, зарубежные инвесторы способствовали их монокультурной специализации, что делало невозможной нормальную диверсификацию и в конечном счете привело к деформации экономического развития.

На протяжении 1850-1860-х годов европейские и североамериканские банки открыли свои филиалы в Чили, Мексике, Аргентине, Бразилии, Боливии, Коста-Рике. Они охотно предоставляли займы латиноамериканским правительствам. Для погашения стремительно возрастающей внешней задолженности последним приходилось прибегать к новым займам. Уже к началу 1840-х годов выплата процентов заграничным кредиторам поглощала ощутимую долю доходов мексиканской, аргентинской, чилийской, новогранадской казны.

Вместе с тем регулярный импорт потребительских товаров препятствовал росту местной обрабатывающей промышленности и тормозил процесс накопления капитала в самой Латинской Америке. Негативную роль сыграла и узость внутреннего рынка. Как следствие — медленные темпы развития капитализма и запоздалое начало промышленного переворота.

Хотя первые фабрики появились в латиноамериканских странах еще в 1840-е годы, переход к машинному производству получил заметное ускорение лишь в следующем десятилетии, когда в большинстве стран региона, кроме Бразилии и Кубы, было ликвидировано рабовладение. В середине столетия началось широкомасштабное строительство железных дорог (как правило, при активном участии иностранного капитала), стало развиваться пароходное сообщение, убыстрились темпы освоения внутренних областей в Мексике, бассейне Рио-де-ла-Платы, андских республиках, укрепились хозяйственные связи между отдельными районами. Более широкое применение паровых машин и различного нового оборудования позволило повысить техническую оснащенность предприятий, число которых неуклонно увеличивалось.

Так, в Мексике в 1843 г. насчитывалось всего 17 текстильных фабрик, а в 1851 г. их было уже 70. Основными центрами этого производства стали города Мехико, Пуэбла, Веракрус. Существовали также стекольные и бумажные фабрики. В течение 1850-х годов появились текстильные,

кожевенные, пищевые фабрики в Аргентине и Уругвае. Наиболее крупные промышленные предприятия лаплатского региона были сосредоточены в Буэнос-Айресе.

Наряду с рабочим классом в 1840-1860-е годы складывалась национальная буржуазия, которая была, однако, очень неоднородной: она состояла из разрозненных и разобщенных группировок, чьи интересы зачастую не совпадали. Унаследованная от колониальной эпохи торговая буржуазия, связанная с внешней торговлей и банковскими операциями, взаимодействовала с иностранным капиталом, тогда как зарождавшаяся местная буржуазия ориентировалась в основном на внутренний рынок, насыщая его продуктами переработки сельскохозяйственного сырья, товарами, производимыми на предприятиях текстильной, обувной, пищевой промышленности.

Однако латиноамериканские предприниматели не располагали финансовыми возможностями для технического переоборудования производства, в силу чего последнее было представлено главным образом мануфактурами и ремесленными мастерскими. В железнодорожном же строительстве, во внедрении машин и в других «затратных» сферах доминировали преимущественно зарубежные капиталовложения. Появление фабрик и конкуренция импортных товаров привели к массовому обнищанию ремесленников и упадку местной мануфактурной промышленности.

В первые десятилетия после независимости в ходе ожесточенной борьбы возникли политические течения: федералисты и унитарии на Рио-де-ла-Плате, консерваторы и либералы в Мексике, Чили, Венесуэле, антиклерикалы и сторонники сохранения влияния католической церкви и т. д. Либералы добивались перераспределения земельной собственности и секуляризации церковных владений, упразднения сословных пережитков, недопущения вмешательства высшего духовенства в политическую жизнь, парламентаризма. Их социальную базу составляли мелкая и средняя буржуазия, ремесленники, городские низы, интеллигенция и даже часть землевладельцев, осознавших неизбежность буржуазных реформ. Поскольку либералы неизменно выступали за отмену рабства, их, как правило, поддерживали негры.

Консерваторы отвергали попытки оспаривать господство землевладельческой и торговой олигархии, решительно возражали против каких бы то ни было действий с целью ограничить деятельность церкви на политической арене, требовали установить авторитарную форму правления и свести к минимуму права широких слоев общества, противодействовали

ликвидации латифундий. Сами эти течения первоначально еще не являлись партиями в современном значении слова. Часто различия между консерваторами и либералами оставались скорее риторическими, течения выглядели как соперничавшие кланы, объединявшиеся вокруг того или иного популярного каудильо. Лишь впоследствии на их основе сложились подлинно партийные организации.

На протяжении 1850-1880-х годов многие страны континента были охвачены кровопролитными гражданскими войнами. Например, в Аргентине в процессе вооруженной борьбы 1851–1861 гг. удалось преодолеть сепаратистские тенденции, заложить фундамент национальной консолидации республики и в основном завершить объединение государства. Венесуэльская «война федерации» (1859–1863) увенчалась победой либералов, выражавших интересы национальной буржуазии, мелких и средних плантаторов. Новая Гранада (с 1863 г. — Соединенные Штаты Колумбии, с 1886 г. — Республика Колумбия) с 1839 по 1885 г. пережила целых шесть гражданских войн, в ходе которых власть попеременно переходила от консерваторов к либералам и обратно.

Непрерывные военные и политические конфликты, обострение социальных противоречий, усиление конфронтации, вызванной столкновением интересов стран региона, усугублялись внешней экспансией и постоянным вмешательством США и европейских держав во внутренние дела латиноамериканских государств. Наиболее показателен пример Мексики — крупнейшей из республик Латинской Америки, которая первоначально занимала огромное пространство (4,3 млн кв. км) между Тихим океаном и Мексиканским заливом, простираясь от Теуантепекского перешейка на юге до Большого Соленого озера и 42-й параллели на севере, но потеряла до 55 % своей территории в войне с США 1846–1848 гг.

Несмотря на эту катастрофу, в середине XIX в., главным образом вследствие повышения спроса на мексиканскую продукцию в Европе и США, в стране наметилось некоторое оживление хозяйственной жизни. Однако рост буржуазных отношений тормозило сохранение докапиталистических институтов и форм эксплуатации. Развитию капитализма препятствовало особое положение католической церкви — могущественной привилегированной корпорации, контролировавшей большую часть недвижимости и крупные капиталы. Обострились социальные противоречия в городе и деревне.

В поисках средств, которые позволили бы устранить преграды на пути развития страны, либералы стали настойчиво выдвигать требование реформы, подразумевая под ней прежде всего секуляризацию церковного

имущества, ликвидацию привилегий духовенства и армии. Однако при поддержке консерваторов в апреле 1853 г. к власти вновь пришел генерал Антонио Лопес де Санта-Анна (1794–1876). Установив диктаторский режим, он под давлением США уступил им за 10 млн долларов еще почти 77 тыс. кв. км (долина Месилья). Эта сделка, известная под названием «покупки Гадсдена» (по имени посланника США), вызвала сильное возмущение в стране.

1 марта 1854 г. в стране вспыхнуло восстание, вскоре переросшее в революцию. В ней приняли активное участие крестьяне, ремесленники, городская беднота, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция. В августе 1855 г. диктатура Санта-Анны пала и к власти пришло правительство Хуана Альвареса (1790–1867), составленное из представителей левого крыла либералов («пурос», т. е. крайних). По предложению одного из их лидеров, министра юстиции и культов Бенито Хуареса (1806–1872), оно издало закон, лишивший привилегий духовенство и армию («закон Хуареса»).

Однако уже в декабре того же года произошел государственный переворот, и при поддержке консерваторов власть захватили умеренные либералы — модерадос, выражавшие интересы крупных землевладельцев и примыкавшей к ним верхушки буржуазии. Тем не менее новое правительство Игнасио Комонфорта (1812–1863) провозгласило свободу печати, отменило регламентацию промышленности, упразднило цехи, внутренние таможи, ввело метрическую систему мер и весов. В 1856 г. конгресс принял ряд антиклерикальных законов, а в 1857 г. обнародовал новую федеральную конституцию, которая запрещала рабство, декларировала свободу совести, слова, печати, собраний, передвижения, тайну переписки, право создания политических и общественных организаций, отменяла наследственные титулы и привилегии знати, ликвидировала сословные суды и вводила суд присяжных. Конституция аннулировала торговые монополии и регламентацию, тормозившие рост промышленности, гарантировала неприкосновенность частной собственности.

Стремясь не допустить ее введения, консервативно-клерикальные силы подняли в конце 1857 г. мятеж и свергли правительство Комонфорта. Однако в защиту конституции выступили либералы во главе с председателем Верховного суда Хуаресом, занявшим пост временного президента республики.

Страна была охвачена гражданской войной. В ходе ее правительство Хуареса издало в июле 1859 г. «Законы о Реформе», предусматривавшие национализацию церковных имуществ, отделение церкви от государства,

свободу вероисповедания, введение гражданского брака. Издание этих законов еще больше усилило накал вооруженной борьбы.

К середине 1860 г. стало очевидным военное превосходство либералов, и в конце года трехлетняя гражданская война закончилась их полной победой. Но на рубеже 1861–1862 гг. на помощь противникам правительства Хуареса пришли Англия, Франция и Испания, предпринявшие вооруженную интервенцию в ответ на отсрочку мексиканских платежей по внешним займам. Вскоре испанские и британские войска были эвакуированы, французские же начали боевые операции против республиканской армии. К середине 1863 г. интервентам удалось занять столицу и несколько других важных центров страны. Марионеточная ассамблея нотаблей, состоявшая из французских ставленников, провозгласила Мексику империей и вручила корону австрийскому эрцгерцогу Максимилиану Габсбургу (1832–1867) — креатуре Наполеона III.

Располагая поддержкой лишь небольшой кучки предателей, оккупанты и их пособники пытались массовым террором сломить сопротивление патриотов. Но все их усилия были тщетны. Мексиканцы наносили им и приспешникам врага сокрушительные удары. В начале 1867 г. интервентам, понесшим огромные потери, пришлось покинуть Мексику, после чего республиканцы за считанные месяцы разгромили войска «империи» Максимилиана I. Сам император был захвачен в плен, предан военно-полевому суду и расстрелян.

В 1860-1880-е годы страны, еще не столь давно входившие в единую Испанскую империю, а также Бразилия втянули себя в ряд тяжелых войн. В итоге первой Тихоокеанской войны (1864–1866) между Испанией, стремившейся восстановить в Западном полушарии свои утраченные позиции, и оборонительным «Союзом четырех» (Перу, Чили, Эквадор, Боливия) союзники одержали верх. Согласно мирному договору 1879 г., мадридскому правительству пришлось задним числом спустя более полувека признать независимость Перу. В 1865 г. испанские войска, вновь оккупировавшие Санто-Доминго, под натиском доминиканцев окончательно покинули остров. В том же году кортесы официально признали суверенитет Доминиканской республики.

В период кровопролитной Парагвайской войны (1864–1870) диктаторскому режиму парагвайского президента Франсиско Солано Лопеса противостояла тройственная коалиция Бразилии, Аргентины и Уругвая, нанеся сокрушительное поражение противнику. Парагвай

потерял свыше четверти территории и был вынужден выплатить колоссальную контрибуцию. На полях сражений, вследствие террора оккупантов, от голода и болезней погибла почти половина жителей: в 1864 г. его население составляло 406 тыс. человек, а в 1872 г. — только 231 тыс., в основном стариков, женщин и детей. Парагвай, ставший в 1840-1850-е годы самым богатым и процветающим государством южноамериканского континента, был отброшен в своем развитии далеко назад и превратился в одну из наиболее отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки.

Вторая Тихоокеанская (или Селитряная) война 1879–1884 гг. была вызвана притязаниями Чили на крупные месторождения селитры, находившиеся в принадлежавших Перу и Боливии частях прибрежной пустыни Атакамы. Боевые операции на суше и на море шли на фоне активного вмешательства иностранных держав. Чилийцев поддерживала Англия, объединенные перуано-боливийские силы — США. Благодаря численному перевесу, более высокому экономическому потенциалу, очевидному превосходству в вооружении, оснащении, боевой подготовке войск, а также британской поддержке Чили удалось одержать убедительную победу. По Анконскому мирному договору (20 октября 1883 г.) к Чили переходила территория перуанского департамента Тарапака, а Такна и Арика временно передавались победителю. По истечении установленного 10-летнего срока их дальнейшую судьбу должен был решить плебисцит, который так и не состоялся: лишь в 1929 г. при посредничестве США был подписан договор, согласно которому Арика оставалась за Чили, а Такна возвращалась Перу. Полгода спустя боливийское правительство подписало соглашение о перемирии (4 апреля 1884 г.), предусматривавшее уступку Республике Чили прибрежной полосы между Тихим океаном и Андами. Таким образом Боливия лишалась выхода к морю. Наряду с изменением баланса сил противоборствующих сторон, в результате пятилетней войны значительно усилилась экспансия США и Англии на тихоокеанском побережье Южной Америки.

Кульминацией латиноамериканской истории позапрошлого столетия явился очередной тур революционных событий на Кубе. В годы войны за независимость Куба оставалась верной метрополии, получив в 1824 г. согласно указу короля Фердинанда VII название «неизменно верного острова». Плантационное хозяйство — становой хребет быстро растущей экономики Кубы — было преимущественно рабовладельческим. Местные землевладельцы-креолы, стремившиеся любой ценой сохранить в неприкосновенности институт рабства, были крайне напуганы гаитянской

революцией и видели в испанской монархии надежную гарантию сохранения status quo, тем более что мадридское правительство предоставило Кубе ряд торговых и налоговых льгот, чтобы удержать остров. Тесно связаны с креольскими землевладельцами были купцы, духовенство, офицеры. Отношения с метрополией обострились в середине 1860-х годов, когда из-за военных авантюр и экономических трудностей Испания увеличила налоговое бремя и рядом мер затруднила торговлю острова с другими государствами.

Восстание в кубинской провинции Орьенте (октябрь 1868 г.), руководимое адвокатом Карлосом Мануэлем де Сеспедесом (1819–1874), положило начало Десятилетней войне 1868–1878 гг. за независимость от Испании. Хотя это восстание и последовавшая за ней «малая война» (1879–1880) не увенчались успехом, они подготовили почву для мощного подъема освободительного движения. В феврале 1895 г. в Орьенте вновь вспыхнуло народное восстание, вдохновителем и организатором которого был философ, поэт, публицист Хосе Марти (1853–1895), а после его гибели повстанческую армию возглавили Максимо Гомес (1836–1905), мулат Антонио Масео (1845–1896), Калисто Гарсия (1839–1898). В 1898 г. вооруженная борьба против колониального господства завершилась победой патриотов. Однако свергнув иго метрополии, Куба фактически превратилась в полуколонию США, которые еще в 1848–1854 гг. предлагали мадридскому кабинету продать «Жемчужину Антилл». Североамериканские войска, высадившиеся на острове вслед за объявлением вашингтонским правительством войны Испании, подчинили своему контролю экономическую и политическую жизнь страны. Только в 1902 г. «Жемчужина Антилл» стала формально самостоятельной республикой.

Парижский мирный договор 1898 г., юридически закрепивший освобождение Кубы от владычества Испании, определил и судьбу Пуэрто-Рико, также оккупированного североамериканцами. Согласно договору, мадридское правительство уступило этот остров Соединенным Штатам. Ликвидация господства Испании на Кубе, Пуэрто-Рико и Гаити — «карибско-кубинский этап» латиноамериканской антиколониальной революции — завершила начавшийся во втором десятилетии XIX в. долгий процесс распада Испанской империи.

Межгосударственные и международные отношения в XIX — начале XX века

Наполеоновские войны и Венская система международных отношений

В последнее десятилетие XVIII в. политическая карта европейского континента начала подвергаться существенным изменениям. Экспансия революционной Франции началась еще в апреле 1792 г. с присоединения папского владения в пределах французских границ — Авиньона. В ходе революционных войн в состав Франции были включены Австрийские (Южные) Нидерланды (современная Бельгия), левый берег Рейна, что было зафиксировано сначала Базельским мирным договором с Пруссией 1795 г., а затем прелиминарным Леобенским и Кампо-Формийским мирными договорами с императором. Последние трактаты подтвердили контроль Франции над значительной частью итальянских государств в результате блестящей кампании генерала Бонапарта. В Италии, которая была тогда только географическим понятием, возникли подконтрольные Парижу «республики-сестры»: Лигурийская, Цизальпинская, Парthenопейская. Одним из важнейших результатов наполеоновской итальянской кампании стала ликвидация Венецианской республики, которая была отдана Австрии. Но при этом принадлежавшие Венеции Ионические острова были включены в состав Франции, став ее форпостом в восточном Средиземноморье. Еще раньше, в самом конце 1794-начале 1795 г. французская армия поддержала переворот в Республике Соединенных провинций Нидерландов, которые были преобразованы в унитарную Батавскую республику, фактически подчиненную Парижу.

В ходе новой войны с силами Второй антифранцузской коалиции в 1798–1799 гг. часть захваченных французами территорий, прежде всего в Италии, были отвоеваны русскими и австрийскими войсками с помощью британского и русского флотов. И на севере, и в центре, и на юге произошла реставрация прежних государств. Русский флот в союзе с турками занял Ионические острова, где под фактическим покровительством Российской империи была создана Республика семи соединенных островов — первое со времен падения Константинополя греческое государство. Тем временем военная египетская авантюра Бонапарта зашла в тупик, и сам главнокомандующий, без разрешения Директории, отправился во Францию. Над Французской республикой нависла опасность интервенции войск коалиции, но довольно быстро ситуация начала исправляться, французам удалось восстановить свое

господства на Рейне и в Швейцарии, а англо-русская экспедиция против Батавской республики потерпела поражение. Тем временем Бонапарт, располагая широкой поддержкой политической элиты и генералитета, сумел воспользоваться ситуацией, возглавив государственный переворот 18–19 брюмера VII года Республики (9–10 ноября 1799 г.). Вместо режима Директории создавалось Временное Консульство во главе с Первым консулом — Бонапартом. Принятая 24 декабря 1799 г. новая конституция (Конституция VIII года) устанавливала, что Первый консул предлагает и утверждает законы, назначает и снимает министров и чиновников, в его руках сосредотачивалась вся полнота власти во внутренних, внешнеполитических и военных делах. 7 февраля 1800 г. конституция была одобрена на плебисците.

Стремясь исправить военные поражения 1798–1799 г. в Италии и победоносно закончить войну, в мае 1800 г. Бонапарт начал новую итальянскую кампанию и уже 2 июня вступил в Милан. Однако все решилось 14 июня 1800 г. в сражении при Маренго, которое завершилось блистательной победой французов и укрепило власть Бонапарта в самой Франции. Однако сопротивление австрийцев еще не было сломлено. Решающий удар по коалиции был нанесен генералом Моро, который 3 декабря 1800 г. разгромил австробаварскую армию при Гогенлиндене. Именно эта французская победа открыла путь к новым переговорам и заключению 25 декабря 1800 г. Штейерского перемирия. Австрия была не в силах продолжать войну, и после переговоров в г. Люневиль 9 февраля 1801 г. был заключен новый мирный договор с Францией, который фактически положил конец второй антифранцузской коалиции и прекратил действие Венского союзного англо-австрийского трактата. Люневильский трактат с некоторыми, невыгодными для Австрии изменениями подтвердил Кампоформийский мир. Территория левого берега Рейна, владения Австрии в Нидерландах (Бельгия) и Люксембург переходили теперь окончательно к Франции. Австрия признала дочерние республики, созданные французами в Европе: Гельветическую (Швейцария), Батавскую (Нидерланды), Лигурийскую (Генуя) и Цизальпинскую (Ломбардия). Под французской оккупацией оставался Пьемонт, но не восстанавливались образованные после первого похода Бонапарта (1796–1797) Римская и Партенопейская республики. Эти земли без Романьи и Легаты, т. е. в объеме 1797 г., были возвращены римскому папе. Люневильский договор предполагал и заключение перемирия между Францией и неаполитанскими Бурбонами. Австрия сохраняла за собой Истрию, Далмацию и Венецию с территориями до р. Эч, земли на правом берегу этой реки австрийцы

уступали Цизальпинской республике. Великое герцогство Тосканское преобразовывалось в королевство Этрурию. В марте 1801 г. составной частью Франции были объявлены новые департаменты по рекам Рейн, Рур и Саар.

В 1800 г. в пользу Франции начала меняться и общая ситуация в Европе. Разрыв императора Павла I с антифранцузской коалицией Бонапарт поспешил использовать для сближения с Россией. На руку Наполеону было и то, что Россия, Швеция, Дания и Пруссия были недовольны политикой британцев, которые навязывали свои правила, захватывая торговые корабли нейтральных стран. В декабре 1800 г. была создана новая Лига вооруженного нейтралитета, главной задачей которой была совместная защита караванов торговых судов. Фактически на севере Европы начала складываться новая антибританская коалиция. Второй вооруженный нейтралитет был в тот момент существенной угрозой для владычицы морей. Лондон предпринял превентивные меры и отправил на Балтику мощную эскадру под командованием адмиралов Паркера и Нельсона. 2 апреля 1801 г. на Копенгагенском рейде произошло сражение между британским и датским флотами, которое вывело Данию из союза. Тем временем вступивший в результате дворцового переворота 11–12 (23–24) марта 1801 г. на престол Александр I занял более сдержанную позицию по отношению к Британии, нежели его отец.

Важнейшим шагом по дальнейшему укреплению режима было соглашение (конкордат), заключенное Бонапартом 15 июля 1801 г. с Папой, по которому Рим признавал новую французскую власть, а католицизм был объявлен религией большинства французов, при сохранении свободы вероисповедания. По результату конкордата Папа в ноябре 1801 г. упразднил полторы сотни католических церковных институций, существовавших во Франции еще во времена Старого порядка.

В течение 1801 г. последовало замирение на Пиренейском полуострове, где французские и испанские войска начали военные действия против Португалии, которой был предъявлен ультиматум разорвать отношения с Великобританией. Эта война продлилась всего три месяца, португальцы потерпели поражение. 6 июня 1801 г. в г. Бадахос (Испания) были заключены мирные договоры Португалии с Францией и Испанией. Португалия обязалась закрыть свои порты для британских военных и торговых судов, открыв их для судов Франции и ее союзников. По договору с Францией Португалия уступила ей часть Гвианы, предоставив те же торговые привилегии, что имела Великобритания еще с 1703 г., и обязавшись уплатить контрибуцию в 15 млн ливров. По договору

с Испанией португальцы вернули себе провинции Алентежу и Альгарвия, занятые испано-французскими войсками, за исключением крепости Оливенсы с окружающей территорией и земель по левому берегу р. Гвадианы. Испания гарантировала Португалии сохранность всех остальных территорий и владений.

Испания ратифицировала свой договор с Португалией сразу же после подписания, а французы затянули ратификацию, принудив португальцев заключить 29 сентября 1801 г. в Мадриде более выгодный для себя новый мирный договор, поскольку уже шли переговоры с англичанами, в ходе которых были согласованы прелиминарные условия англо-французского мира. В целом мадридский франко-португальский договор содержал те же условия, что и бадахосский, но граница между владениями Франции и Португалии в Гвиане была несколько изменена в пользу первой, а контрибуция, которую португальцы должны были уплатить французам, была увеличена с 15 до 20 млн ливров.

26 сентября (8 октября) 1801 г. между Россией и Францией в Париже был заключен мирный договор. Он провозглашал мир и дружбу между обоими государствами, которые обязались не помогать внешним и внутренним врагам другой стороны, восстановить в полном объеме дипломатические и торговые отношения. В секретной конвенции от 28 сентября (10 октября) Россия и Франция обязались действовать сообща в целях сохранения сложившегося в Германии политического устройства на основе поддержания равновесия между Веной и Берлином. Германским князьям, лишившимся своих владений по Люневильскому миру на левом берегу Рейна, должна была быть предоставлена компенсация. Обе стороны согласились совместно действовать при урегулировании вопроса о судьбе Италии и папского престола. Франция обязалась немедленно при посредничестве России начать переговоры с Турцией, а Россия должна была ходатайствовать об освобождении французских военнопленных. Обе стороны признавали независимость и конституцию Республики соединенных островов, причем Россия соглашалась вывести свои войска с Ионических островов. Франция брала обязательство хранить целостность Неаполитанского королевства, а после решения судьбы Египта — признать нейтралитет этого королевства и вывести с его территории свои войска. На Россию и Францию конвенция возлагала обязательство действовать совместно в целях «восстановления равновесия» в различных частях света и обеспечения свободы мореплавания. По существу это положение секретной конвенции было направлено против Великобритании.

27 марта 1802 г. в Амьене между Францией и ее союзниками Испанией

и Батавской республикой, с одной стороны, и Великобританией, с другой, был заключен мирный договор, который подводил черту под почти десятилетним периодом европейской войны. По Амьенскому договору Великобритания возвращала Франции и ее союзникам захваченные у них колонии (кроме о-вов Цейлон и Тринидад) и обязалась вывести войска с о. Мальты, который надлежало возвратить Ордену Св. Иоанна Иерусалимского. Нейтралитет Мальты был гарантирован Францией, Англией, Россией, Австрией, Испанией и Пруссией. Франция, со своей стороны, обязывалась вывести свои войска из Рима, Неаполя и с о. Эльба. Обе стороны гарантировали целостность владений Османской империи в ее довоенных границах, поэтому Франция должна была оставить свои претензии на Египет. В апреле 1802 г. Амьенский трактат был ратифицирован, а 13 мая к нему присоединилась Турция.

Важнейшим актом политики Консульства, имевшим международное значение, стало введение в марте 1804 г. Гражданского кодекса, который устанавливал новые формы и нормы многих сторон жизни, отменил все предшествовавшее гражданское законодательство, гарантировал гражданские свободы и закрепил равенство всех перед законом. Гражданский кодекс был введен в Итальянском королевстве, Вестфалии, Иллирийских провинциях, Великих герцогствах: Бергском, Франкфуртском и Варшавском, а с некоторыми изъятиями также в Неаполитанском королевстве и Великом герцогстве Баденском. Вместе с тем Наполеон придерживался в вопросе введения новых правовых норм на территории зависимых государств политики компромисса с местными элитами. С целью защитить интересы земельной аристократии в этих государствах Париж согласился с тем, что Кодекс там использовался не для ликвидации институтов Старого порядка, а для поддержания существовавших социальных структур.

Провозглашение в мае 1804 г. империи во Франции означало, что Наполеона больше не устраивают «естественные границы» Франции. Еще в сентябре 1802 г. французы оккупировали Пьемонт; подчинили Швейцарию, где была упразднена унитарная Гельветическая республика и восстановлено конфедеративное устройство, Наполеон Бонапарт стал при этом «медиатором» (посредником) в делах конфедерации. Первый консул продолжал активно вмешиваться и в дела Германии. В 1801 — начале 1803 г. здесь шли интенсивные переговоры о территориальном переустройстве. В феврале 1803 г. был подписан многосторонний акт о рецессии в Германии, где шла речь о признании перехода ряда западногерманских территорий под власть Парижа, об уничтожении

мелких княжеских и конфессиональных владений и об округлении владений южногерманских курфюрстов — Баварии, Вюртемберга, Бадена и ряда других, которые стали теперь союзниками Франции.

Политика Франции в колониях в период Консульства и Империи, несмотря на декларировавшиеся первоначально республиканские ценности и гуманизм, отличалась приверженностью принципам колониальной политики Старого порядка. Французская колония Сан-Доминго (занимавшая западную часть о. Эспаньола, другая его часть принадлежала до 1795 г. испанской короне) в конце XVIII в. являлась наиболее процветающей из всех заморских владений королевства, производила до сорока процентов сахарного тростника в мире. Под влиянием революционных событий во Франции в 1790–1791 гг. здесь произошли восстания мулатов и негров-рабов. Ситуация осложнилась тем, что в 1792 г. началась война Франции с Испанией, в Сан-Доминго вторглись англичане, лидеры чернокожих перешли на сторону Испании и французы де-факто утратили контроль над колонией. Тем временем численность армии чернокожих под командованием Ф.Д. Туссен-Лувертюра (1743–1803) все больше возрастала. Только отмена рабства декретом Национального Конвента Франции в феврале 1794 г. изменила положение. Туссен-Лувертюр перешел на сторону Франции, а его армия начала боевые действия против испанских и английских войск. По Базельскому миру 1795 г. Испания передавала Франции свои владения на острове. Британские войска покинули остров позднее, в 1798 г.

Туссен-Лувертюр был популярен среди чернокожих, своей политикой он устраивал белых и мулатов, поскольку прилагал усилия для восстановления экономики. Он разрешил многим эмигрировавшим плантаторам вернуться на остров, возвращал ранее отобранные земли и использовал армейскую дисциплину, чтобы заставить бывших рабов работать на восстановленных плантациях. Конфликт на расовой почве был ненадолго погашен. Находясь под властью Туссен-Лувертюра, французская колония не разрывала полностью отношений с метрополией, однако существовала в качестве государственного образования с элементами реальной независимости. Так, власть французских комиссаров и губернаторов носила исключительно номинальный характер. Сан-Доминго в последние годы XVIII в. самостоятельно осуществлял торговлю с Великобританией и США. В 1799 г. южная часть острова, остававшаяся под контролем мулатов, в результате кровопролитной военной операции была присоединена к владениям, подконтрольным Туссену и его сторонникам. В 1801 г. Туссеном была провозглашена новая конституция и подтверждена

отмена рабства, и хотя Сан-Доминго объявлялся колонией Франции, однако провозглашалась его самостоятельность под властью Туссен-Лувертюра в качестве пожизненного правителя.

Тем не менее Бонапарт полагал необходимым восстановить на острове прежние порядки. Экспедиция французского корпуса под командованием генерала Леклерка, высадившегося на острове в феврале 1802 г., в самом начале казалась успешной: большинство офицеров и генералов Туссен-Лувертюра (белых и мулатов) присоединились к французским силам, сам предводитель восстания был арестован и депортирован во Францию. Реставрация довоенных порядков, однако, обернулась военной катастрофой, не только в связи с эпидемией желтой лихорадки, быстро сокращавшей французские войска, но и по причине восстановления французами рабства и работорговли. Декрет Наполеона от 20 мая 1802 г., содержащий норму о восстановлении рабства, погрузил о-ва Гваделупу и Эспаньолу в пучину кровавых эксцессов. Применение жестоких мер по отношению к населению Гваделупы позволило восстановить контроль французов, однако, аналогичные действия генерала Рошамбо в Сан-Доминго не привели к желаемому результату. Напротив, остатки французских войск понесли сокрушительное поражение от сил восставших в ноябре 1803 г., а британская морская блокада лишала французов возможности доставить новые войска на остров. Негры и мулаты продолжили упорное сопротивление, и в январе 1804 г. соратник Туссена — Ж.-Ж. Дессалин (1758–1806) провозгласил независимость Гаити, как с этого момента начинают официально именовать государство (восток острова вернулся под контроль Испании). Это было не только первое военно-политическое поражение Бонапарта, но и уникальный в своем роде и для своей эпохи пример деколонизации, которой добились бывшие рабы африканского происхождения перед лицом противника, в роли которого выступали власти постреволюционной Франции.

В 1804 г. Дессалин, объявивший себя императором Гаити, обнародовал конституцию, подтвердившую отмену рабства и запрещающую белым иметь недвижимость на территории Гаити, конфисковал земли, принадлежавшие французам, и начал раздавать ее мелкими участками населению, включая и бывших рабов. Период правления Дессалина был отмечен массовым и беспощадным уничтожением всего белого местного населения (креолов) на подвластных ему территориях. После убийства Дессалина страна распалась на государство Гаити (север острова и долина р. Артибонит) и Республику Гаити (южные и западные части острова), которые воссоединились только к 1821 г. Признание независимости Гаити

Францией состоялось только в 1825 г.

По мнению современных исследователей, Бонапарт в своей колониальной политике демонстрировал упрямую приверженность французской дореволюционной модели. Так, восстановление института рабства в 1802 г., казавшееся в Париже оправданным, в Сан-Доминго воспринималось как противоречившее самой сути всех восстаний и войн на острове, обернулось для Франции в конечном итоге потерей Сан-Доминго и положило конец колониальным амбициям Наполеона в районе Антилл, а по самой идее французской колониальной империи был нанесен ощутимый удар.

Вместе с тем влияние метрополии удалось полностью восстановить в другой французской колонии — Гвиане, что стало возможным благодаря жесткой, но эффективной политике французского губернатора этой территории — Виктора Юга (1762–1826). Юг использовал те же методы, что и Туссен-Лувертюр в Сан-Доминго, законодательно установив практику принудительного труда, а с декабря 1802 г. восстанавливая рабство. Однако слабость французского колониализма проявилась и здесь: в 1809 г. в Гвиану, при поддержке Англии, вторглась военная экспедиция португальцев, и Париж на некоторое время утратил контроль над этой территорией.

В начале 1803 г. произошло еще одно важное событие в истории международных отношений. Полагая войну с Англией неизбежной, что существенно осложнило бы контакты с Луизианой, а также исходя из неудач в деле восстановления власти метрополии в Сан-Доминго, Бонапарт сумел договориться с США о продаже территории Луизианы за 15 млн долл.

Европа наслаждалась миром недолго. Отношения между двумя ведущими державами отнюдь не улучшались. Амьенский мир оказался перемирием: британцы не собирались оставлять Мальту, а французы освобождать от своего присутствия Италию и Нидерланды. 16 мая 1803 г. началась новая франко-английская война, которой суждено будет продлиться до 1814–1815 гг.

Первоначально Наполеон стал готовить высадку французской армии в Англии, для чего им в конце 1803 г. был создан военный лагерь в Булони. В 1803–1804 гг. у Великобритании еще не было союзников, и британская дипломатия стала активно склонять крупнейшие европейские государства к выступлению против Наполеона. В марте 1804 г. в приграничном немецком государстве был схвачен представитель дома Бурбонов, герцог Энгиенский, которого в Париже считали возможным участником антинаполеоновского

заговора. После спешного военного трибунала герцог был расстрелян во рву Венсеннского замка, что вызвало негативную реакцию всех дворов и ускорило создание новой антифранцузской коалиции.

В мае 1804 г. Сенат провозгласил Наполеона императором французов, в ноябре этого же года сенатус-консульт был ратифицирован решением плебисцита, и 2 декабря 1804 г. в Париже была проведена церемония коронации. Изменение государственных институтов неизбежно должно было отразиться на всех векторах внешней политики Парижа. 28 мая 1805 г. Наполеон был провозглашен в Милане итальянским королем.

Тем временем война охватывала новые страны. Расстрел герцога Энгиенского стал формальной причиной ухудшения и даже разрыва отношений с Францией ряда европейских государств. В конце 1804 г. Париж покинул российский посол. В 1805 г. сформировалась третья антифранцузская коалиция. Главной движущей силой как предшествующих, так и последующих коалиций была Великобритания, главным оружием которой помимо самого сильного в мире флота являлись деньги. В апреле 1805 г. был заключен союзный трактат Великобритании с Россией, а в августе к коалиции примкнул и император Священной Римской империи.

25 сентября 1805 г. началась военная кампания в Германии, которая на суше для Наполеона развивалась успешно. 16 октября 1805 г. австрийская армия генерала Мака капитулировала под Ульмом (в плену оказалось 50 тыс. человек). Однако 21 октября 1805 г. произошло драматическое морское Трафальгарское сражение. Французский флот был наголову разгромлен, у французов из 33 кораблей уцелели лишь 9, что окончательно положило конец планам Наполеона осуществить высадку в Англии. 14 ноября 1805 г. французы вступили в Вену, а 2 декабря 1805 г. на полях Моравии произошло знаменитое Аустерлицкое сражение, которое получило название битвы трех императоров, потому что со стороны союзников были австрийский император Франц I и российской император Александр I, а французами командовал сам Наполеон. Союзники потерпели сокрушительное поражение, которое имело значительные последствия для всей Европы. 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (ныне Братислава) был подписан мирный договор между Австрией и Францией. Австрия подтверждала свое прежнее признание французских захватов в Италии, уступала Наполеону как королю Италии принадлежавшее ей побережье Адриатического моря — Венецианскую область, Истрию (кроме Триеста) и Далмацию. Кроме того, австрийцы признавали осуществленную Наполеоном перекройку границ и государств в Германии — Франц I

признал Баварию и Вюртемберг в качестве королевств, Баден — великим герцогством. Австрия также соглашалась уступить Баварии Тироль с Бриксеном и Триентом, архиепископство Бамберг, епископства Аугсбург, Фрейзинген, Нассау, Эйхштедт и др., а Вюртембергу — пять городов по Верхнему Дунаю, графство Гогенберг и ландграфство Велленбург. Кроме того, австрийцы должны были уплатить Франции контрибуцию в размере 40 млн флоринов. Для изгнанного из Тосканы, наследственного владения Габсбургского дома в Северной Италии, эрцгерцога Фердинанда Австрия получила в возмещение Зальцбург и Вюрцбург. Явно под впечатлением этих событий 23 января 1806 г. скончался британский премьер-министр Уильям Питт-младший, *primus motor* всех коалиций против Франции.

Первая половина 1806 г. прошла под знаком попыток договориться с Францией, в Британии эту политику проводил новый премьер Ч.-Д. Фокс (1743–1806). Договориться с Наполеоном пытался и Александр I. В результате переговоров, которые проводил летом 1806 г. в Париже российский дипломат П.Я. Убри, 8 (20) июля во французской столице был подписан мирный договор. Россия обязывалась вывести свои войска с занятых ею в ходе военных действий территорий в Восточном Средиземноморье. Она также соглашалась признать Жозефа Бонапарта королем Обеих Сицилий при условии, что неаполитанские Бурбоны получают компенсацию в виде Балеарских о-вов, которые принадлежали Испании. Наполеон соглашался вывести через три месяца свои войска из германских княжеств и восстановить независимость Рагузской республики. Обе державы признавали независимость Республики семи соединенных островов от Турции. Кроме того, Франция пообещала «обязать» Пруссию помириться со Швецией, а Россия — «обязать» Швецию заключить мир с Францией и помириться с Пруссией при условии сохранения за шведским королем Шведской Померании.

Положение осложнялось тем, что с конца 1805 г. Наполеон начал политику возведения своих родственников на троны подконтрольных ему европейских государств. Королем Обеих Сицилий стал старший брат Наполеона Жозеф. В 1806 г. вместо Батавской республики было создано Голландское королевство, и его королем был поставлен младший брат императора — Луи. В июле 1806 г. из германских государств, находившихся под его контролем, Наполеон создал Рейнский союз, носивший конфедеративный характер. При подписании договора о его создании 12 июля 1806 г. 16 южно- и западно- германских княжеств официально объявили о своем выходе из состава Священной Римской империи германской нации. Спустя несколько дней после заключения

договора о Рейнском союзе Франц II, ставший в 1804 г. императором Австрийской империи, под давлением Наполеона отрекся от престола Священной Римской империи германской нации и объявил об ее упразднении, окончательно став именоваться Францем I. До 1808 г. к Рейнскому союзу присоединились еще 23 немецких государства. Уже вследствие поражения Пруссии в битве при Иене в его состав вошли многие центрально- и северонемецкие государства. Вне союза оставались Пруссия, Австрия, принадлежавший датскому королю Гольштейн и Шведская Померания.

Осенью 1806 г., после смерти миролюбивого британского премьера Фокса, военные действия в Европе возобновились. Теперь против Наполеона выступила Пруссия, сохранявшая прежде нейтралитет. Вместе с Великобританией и Россией она вступила в четвертую коалицию. Наполеон предпочел разгромить противников поодиночке. 14 октября 1806 г. произошли два параллельных сражения под Йеной и Ауэрштедтом, в которых наголову была разбита прусская армия. 27 октября 1806 г. французы вошли в Берлин, 7 ноября капитулировала армия Блюхера. Наполеоновские войска захватывали одну прусскую крепость за другой. Свободной от французов оставалась только часть Восточной Пруссии, сохраненная при помощи русских войск. Прусский король перебрался в Мемель. В кампаниях 1805–1806 гг. ярче всего проявились полководческие дарования Наполеона, высокие боевые качества его армии. Между тем по мере продолжения аннексий и поступления в ее состав рекрутов с новых территорий эта армия становилась все менее французской по составу.

21 ноября 1806 г. в Берлине Наполеон, понимавший, что в военных действиях на суше он не сможет нанести Британии поражение, подписал декрет об объявлении континентальной блокады Британских островов. «Всякая торговля и всякие сношения с британскими островами запрещены... Никакое судно, идущее прямо из Англии или из ее колоний... не будет принято ни в один порт». Цель этой экономической войны состояла в том, чтобы подорвать британскую экономику. В ответ Лондон принял так называемые «приказы в Совете», которые запрещали любую торговлю с Францией и ее союзниками: каждому судну предписывалось заходить в британский порт и там вносить соответствующую пошлину. В целом, хотя британская экономика испытывала трудности, но нанести ей смертельный удар не удалось. Для Франции и всей Европы континентальная система имела тяжкие последствия, так как европейские страны оказались отрезаны от передовых британских технологий, появившихся в ходе промышленной революции.

Тем временем в 1807 г. продолжились военные действия на территории теперь уже бывшей Польши и Восточной Пруссии, куда пришли российские войска. В феврале 1807 г. сражение при Прейсиш-Эйлау так и не выявило победителя, причем большие потери понесли французы. Это был первый заметный неуспех французской армии, который объясняли ее растянутыми коммуникациями. Наполеон лично руководил боем, но не добился однозначной победы, хотя русской армии пришлось отступить. Военные действия продолжались и в сражении при Фридланде 14 июня 1807 г., победа Наполеона была уже очевидной. Возникла патовая ситуация: ни Александр I, ни Наполеон не были склонны продолжать войну.

24 июня 1807 г. состоялась встреча Наполеона и Александра на плоту в Тильзите на р. Неман. Произошло примирение и даже заключение союза. 7 июля 1807 г. в Тильзите были подписаны два российско-французских договора, один открытый, мирный, и тайный, союзный. Наполеон хотел уничтожить Пруссию как самостоятельное государство, но уступил своему новому союзнику императору Александру. Пруссия должна была выплатить контрибуцию, причем до уплаты в прусских крепостях оставались французские войска. Пруссия также была лишена всех своих владений к западу от Эльбы. Из этих земель и Ганновера Наполеон создал Вестфальское королевство, королем которого был поставлен младший брат Наполеона Жером. Из бывших польских земель, отнятых у Пруссии, было создано Великое герцогство Варшавское во главе с союзником Наполеона, королем Саксонии. Условиями для России стал ее отказ от позиций на Средиземном море, эвакуация из Катарского порта и с Ионических островов, но в качестве компенсации она получала Белостокский округ. Главным же условием стала поддержка Наполеона в борьбе с Англией и присоединение к континентальной блокаде.

В августе — сентябре 1807 г. британский флот атаковал датский флот у Копенгагена, подвергнув его жестокой трехдневной бомбардировке. Британский десант высадился на Зеландии. Лишь 20 октября англичане оставили Зеландию, уведя с собой полностью оснащенный датский флот. 31 октября 1807 г. в Фонтенбло был подписан датско-французский союзный договор, по которому Наполеон гарантировал целостность владений датской короны. Дания присоединялась к континентальной блокаде и обязалась вместе с Францией и Россией объявить войну Швеции, если Густав IV Адольф (1792–1809) откажется присоединиться к Наполеону и Александру I. 31 октября 1807 г. Россия, протестуя против нападения на Данию, объявила войну Великобритании.

23 ноября 1807 г. декретом, подписанным в Милане, Наполеон ужесточил континентальную блокаду: каждое нейтральное судно, подчинившееся британским приказам, будет рассматриваться как английское со всеми вытекающими из этого последствиями — оно может быть захвачено в открытом море, а в случае захода во французские или союзные порты его груз подлежит конфискации. В 1810 г. был подписан Трианонский декрет, запрещающий ввоз колониальных товаров под видом товаров из нейтральных стран. Были введены очень высокие ввозные тарифы. Это была попытка закрыть европейский рынок не только для английских, но и для любых колониальных товаров вообще.

Континентальная система по сути была продолжением столетней экономической войны Англии и Франции, борьбой за экономическую гегемонию, за господство на европейском континенте, в Северной Америке и Индии. Континентальная блокада повлекла различные сложности для самой Франции: население лишилось многих продуктов, таких, как сахар, чай, кофе, исчез хлопок и красители. Открытие способа получения сахара из свеклы стало в Европе одним из полезных результатов континентальной системы.

Для эффективного функционирования континентальной системы нужно было обеспечить полный контроль на всех берегах Европы. Слабым звеньями оставались Испания, ее король уже давно являлся союзником Франции, но выполнять правила континентальной системы был не в состоянии, и Португалия. В 1807 г. по тайному соглашению с главой испанского правительства Годоем в Португалию вошли французские войска, однако и они не смогли гарантировать там строгий контроль. Тогда Наполеон решил радикально изменить положение в Испании, используя конфликт между королем Карлом IV и его сыном Фердинандом. Под давлением императора Фердинанд вернул корону отцу, Карл IV отрекся от нее в пользу Наполеона, после чего все члены семьи отрекшегося короля были принудительно удержаны во Франции. На испанский трон был возведен Жозеф Бонапарт, который для этого оставил трон Неаполя. В Испании начались реформы, однако испанский народ отказался подчиниться навязанным извне благодеяниям. Еще в мае 1808 г. началось восстание, подавить которое французам не удалось. 20–23 июля повстанцы окружили и принудили к капитуляции два французских корпуса под Байленом. Восстание охватило и Португалию, 6 августа там высадились британские войска под командованием А. Уэлсли, будущего герцога Веллингтона (1769–1852). 21 августа он разбил французов при Вимейро, 30 августа А. Жюно подписал в Синтре акт о почетной капитуляции, его

армия была эвакуирована во Францию.

Это были фактически первые серьезные поражения французов. Наполеон продолжал экспансию и в других районах Европы. В феврале 1808 г. французы снова заняли Рим, папское государство было присоединено к Франции, а сам папа Пий VII (1800–1823) оказался под домашним арестом.

27 сентября — 14 октября 1808 г. при участии десятков немецких государей состоялась встреча Наполеона с Александром в Эрфурте, итогом которой стала конвенция, возобновлявшая заключенный в Тильзите союз. Наполеон признал права России на завоеванную Финляндию, а также Дунайские княжества — Молдавию и Валахию. Конвенция предусматривала, что российский император начнет переговоры с Турцией, чтобы та добровольно согласилась на переход этих княжеств к России. Если из-за этого на Россию нападет Австрия или какое-либо другое государство, то Франция окажет России вооруженную поддержку. Александр дал уклончивое обещание, что поддержит Францию, если на нее нападет Австрия. Наполеон и Александр договорились обратиться к Великобритании с предложением переговоров на основе *uti possidetis* при условии признания ею присоединения к России Финляндии, Молдавии и Валахии и перехода испанского трона к династии Бонапартов. В случае же отказа Лондона начать переговоры, обе стороны договорились разработать совместные действия против Великобритании.

В ноябре 1808 г. Наполеон решил лично разрешить испанскую проблему. В декабре армия под его командованием вступила в Мадрид. Маршал Ланн осадил один из оплотов повстанцев — Сарагоссу. Если французы громили регулярные испанские войска, то справиться с гверильей, партизанским движением, они оказались не в состоянии. Столицей антинаполеоновского сопротивления стал город-порт Кадис на юге страны.

Тем временем Австрия решила воспользоваться затруднениями Наполеона в Испании и стала при финансовой поддержке Великобритании активно готовиться к новой войне. В январе 1809 г. Наполеону пришлось покинуть Испанию, оставив здесь почти 300-тысячную армию. Уже к марту 1809 г. Наполеон сформировал новую армию, которая большей частью состояла из итальянцев и немцев. Инициативу взяли на себя австрийцы. 9 апреля 1809 г. переходом австрийской армии через р. Инн и вступлением австрийцев в Мюнхен началась новая война. Наполеон узнал об этом 12 апреля 1809 г, быстро нанес контрудар и 12 мая снова занял Вену. Однако кампания затянулась, австрийцы оказывали жесткое сопротивление. 21 мая

1809 г. состоялось сражение под Эсслингом (при Лобау), которое закончилось для Наполеона неудачно. Это было первое серьезное поражение полководца. Положение французов осложнилось началом в ряде германских земель и Тироле антинаполеоновских выступлений. Исход этого витка войны решился генеральным сражением при Эсслинге 6 июля 1809 г., где Наполеон одержал решающую победу. Формально на стороне Наполеона был и Александр I, но фактически война между Россией и Австрией велась в основном на бумаге.

Война между Наполеоном и Австрией была завершена 14 октября 1809 г. подписанием в Шенбруннском дворце в Вене мирного договора. Австрия уступала Франции графство Герц (Горица), Триест и Крайну, часть Каринтии и Хорватии, Истрию, Фиуме (Риека). Кроме того, отобранные у Австрии Зальцбург и часть Верхней Австрии Наполеон передал Баварии, Западную Галицию — Варшавскому герцогству, а небольшой Тарнопольский округ — России. Франция обязывалась не препятствовать транзитной торговле Австрии через порт Фиуме, однако Австрия должна была присоединиться к континентальной блокаде, не вмешиваться в дела Испании, Португалии и итальянских государств, заранее признав все изменения, которые Наполеон проведет в этих странах. Наполеон со своей стороны дал обязательство амнистировать восставших жителей Тироля. Кроме того, Наполеон гарантировал Австрии целостность оставшихся у нее владений. Согласно приложенным к трактату отдельным статьям предусматривалось сокращение австрийской армии и уплата Австрией Франции значительной контрибуции.

После войны отношения между Наполеоном и Александром стали осложняться, и основным поводом стал польский вопрос. В польских легионах Наполеона насчитывалось около 80 тыс. поляков. Созданное Наполеоном Варшавское герцогство поддерживало надежды поляков на восстановление независимости Польши. Однако часть поляков рассчитывала на то, что инициативу в этом возьмет на себя российский император. Ухудшение отношений с Россией проявилось и в «австрийском браке» Наполеона: он развелся с Жозефиной и в апреле 1810 г. женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе. Этот брак был заключен после неудачных попыток сватовства к сестрам императора Александра I.

К началу 1811 г. становилось все яснее, что не за горами новая война с Россией. Главной причиной этого была продолжающаяся наполеоновская экспансия. Пытаясь укрепить и расширить континентальную систему и не полагаясь больше на своих родственников и союзников, Наполеон стал все больше включать новые территории в состав Французской империи. Летом

1810 г. он присоединил к Франции Голландское королевство, изгнав оттуда своего брата Людовика. В декабре 1810 г. в состав Франции были включены так называемые ганзейские города: Бремен, Любек, Гамбург. В январе 1811 г. французы заняли владения герцога Ольденбургского, близкого родственника императора Александра. Расширились непосредственные владения Наполеона на Адриатике и в Италии. Последним актом территориальной экспансии Франции стало включение декретом 26 января 1812 г. в состав империи части Каталонии. Одновременно французские войска оккупировали Шведскую Померанию, остававшуюся фактически вне контроля наполеоновских таможенных служб. Накануне вторжения в Россию почти вся Европа, за исключением Северной, была под прямым или косвенным контролем императора французов.

В конце января 1812 г. наполеоновские войска под предлогом пресечения британской контрабанды оккупировали Шведскую Померанию, небольшое владение на берегах Балтики. Это посягательство на суверенитет Швеции, которая формально была в союзе с Францией и в состоянии войны с Великобританией, нанесло сильный удар по профранцузским симпатиям шведского общества и развязало руки фактическому руководителю страны, наследному принцу Карлу Юхану. Он намекал, что Швеция хочет забыть Финляндию, отнятую Россией у Швеции в 1809 г., и получить возмещение в виде Норвегии, которая принадлежала датскому королю. Уже 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге был заключен тайный союзный договор между Швецией и Россией. Швеция подтверждала свой отказ от Финляндии взамен Норвегии. Обе стороны договорились организовать, когда начнется война, совместную экспедицию в тыл Наполеона, в Северную Германию. На предложения Наполеона присоединиться к походу на Россию Карл Юхан отвечал недвусмысленным отказом.

Однако в первые месяцы 1812 г. это не очень заботило императора французов. Франция навязала союзные договоры Пруссии и Австрии, подтвердила союз с Данией. При этом и пруссаки, и австрийцы дали знать в Санкт-Петербург, что постараются вести военные действия лишь для видимости. Датский король Фредерик VI вообще не собирался рвать дипломатические отношения с Александром.

В ночь с 11(23) на 12(24) июня 1812 г. Великая армия Наполеона перешла через Неман. Поначалу Наполеон не собирался углубляться в российскую территорию, предполагая разбить русские войска в одном-двух приграничных сражениях и навязать России мир. Однако отступление

русских армий затягивало Великую армию в глубь России. Ему не удалось разгромить русских ни у Смоленска, ни в Бородинском сражении, а взятие Москвы сделало для него войну бесперспективной, поскольку император Александр I не хотел и слышать о мирных переговорах. Он рассчитывал на поддержку со стороны Швеции, но русские войска, которые готовились для совместной со шведами диверсии в тылы Наполеона, были переброшены в Прибалтику, где перешли в контрнаступление. С юга подходила армия под командованием адмирала Чичагова, что создавало для сидевшего в Москве Наполеона реальную перспективу быть отрезанным от Франции. Восстановившая силы русская армия готовилась к контрнаступлению. Наполеон безуспешно попытался прорваться из Москвы в южном направлении и был вынужден отступать по разоренной Смоленской дороге, преследуемый регулярными частями русской армии, казаками и партизанскими отрядами. Ударили морозы, французская армия нуждалась в продовольствии, ситуацию ухудшали слабая интендантская служба, частые нападения на отстающие французские части казаков и крестьян. С большим трудом и огромными потерями остатки Великой армии смогли переправиться через Березину. Отступление закончилось катастрофой. 5 декабря Наполеон, оставив армию, которая насчитывала уже не более 18 тыс. человек, поспешил отбыть в Париж.

Переговоры о заключении русско-прусского союза начались в середине февраля 1813 г. Важнейшим условием этого проекта было возвращение Пруссии принадлежавших ей до 1806 г. земель в Германии и Польше, включая Данциг, т. е. почти всей территории Варшавского герцогства. Инструкции разрешали прусскому представителю Кнезебеку предложить России компенсацию в Восточной Пруссии. По возможности Пруссия желала бы получить также новые территории в Северной Германии. Предусматривалось, что Александр I не будет заключать мира, пока Пруссии не будет обеспечена гегемония на севере Германии. Российский император приказал ограничиться вручением прусскому представителю контрпроекта, впоследствии ставшего текстом договора и не предусматривавшего передачи Пруссии ранее принадлежавших ей земель великого герцогства Варшавского. Однако инструкции, данные прусскому представителю Кнезебеку для участия в переговорах, были настолько жесткими, а в Берлине настолько рассчитывали получить контроль над всем Варшавским герцогством, что переговорный процесс на несколько дней оказался в тупике, а прусские корпуса отказались переходить Вислу без повеления прусского короля. Подействовало только письмо русского царя к прусскому королю, после которого 26 февраля

1813 г. Фридрих-Вильгельм III (1797–1840) дал согласие заключить договор на основе российского проекта. Вместо признания принципа возвращения к границам 1806 г. в договор был включен принцип восстановления прежней степени могущества и территориальной протяженности Пруссии. Такая формулировка давала России возможность требовать присоединения Великого герцогства Варшавского к России, а Пруссию вознаградить за счет Саксонии или рейнских областей.

Переговоры о перемирии между командующим австрийским вспомогательным корпусом князем Шварценбергом и специальным уполномоченным Александра I Анстетом начались в городке Остров 6 января 1813 г. Шварценберг уже 18(30) января подписал секретную конвенцию о перемирии, содержащую план отступления австрийцев. Стороны условились, что российская армия будет продвигаться на Варшаву, дабы оправдать в глазах Наполеона отступление австрийского вспомогательного корпуса. Омрачало ситуацию только то, что австрийцы разрешили польскому корпусу отойти за российско-австрийскую демаркационную линию. Это беспокоило российскую ставку, опасавшуюся действий войск герцогства Варшавского в тылу российской армии. От гарантий «спокойного» поведения польского корпуса австрийская сторона уклонялась. В ходе тяжелых переговоров российские представители даже обвиняли австрийцев в нарушении перемирия.

В связи с провалом расчетов на возможность соглашения с Наполеоном за счет Англии и приближением театра военных действий к границам Австрийской монархии венский двор в середине апреля 1813 г. объявил о своем решении занять позицию «вооруженного посредничества». Правительство Австрии было заинтересовано в том, чтобы сконцентрировать войска на своей территории, не допуская и разрыва с Францией. Меттерних настаивал на быстрейшей денонсации перемирия российским командованием, так как задержка мешала намеченному сбору австрийских войск в Чехии. 18(30) апреля 1813 г. в польском городке Кжанув, как и было условлено, генерал Остен-Сакен и командующий австрийским вспомогательным корпусом генерал Фримон подписали секретную конвенцию о перемирии на неопределенный срок и о новой демаркационной линии по Висле от Кракова до Сандомира.

После дополнительных переговоров между австрийским и русским командованием, саксонским правительством, генералом Л.-Н. Нарбонном, краковским советом министров и маршалом Ю. Понятовским 7 мая 1813 г. польский корпус из 13 тыс. человек покинул район Кракова и, пройдя через австрийскую территорию, соединился с французской армией на Эльбе, что

вновь вызвало недовольство Александра I.

Активные военные действия возобновились весной 1813 г. в Германии, где началось настоящее антинаполеоновское восстание. В апреле-мае 1813 г. в Померании высадилась шведская армия, но она не спешила принимать участие в военных действиях, ссылаясь на то, что норвежский вопрос не разрешен в пользу Швеции. Весной 1813 г. Наполеон стремительно создает новую боеспособную армию, которая в мае наносит поражения русско-прусской армии при Лютцене и Бауцене, в самом конце мая Даву сумел вернуть занятый союзниками еще в марте Гамбург, 4 июня было заключено перемирие.

В середине июня завершилось оформление новой антинаполеоновской коалиции. В Рейхенбахе было подписано несколько конвенций, которые урегулировали ряд практических вопросов действий союзников. Первые две конвенции, о субсидиях, между Пруссией и Великобританией и между Россией и Великобританией о союзе в войне с Наполеоном и английских субсидиях были заключены 2(14) июня и 3(15) июня. По ним Великобритания предоставляла Пруссии субсидии на сумму 666 666 ф. ст. в обмен на обязательства Пруссии выставить 80-тысячную армию в продолжавшейся войне, а также на уступку прусским королем княжества Хильдесхайм Ганноверу. России Великобритания предоставляла субсидии на сумму 1 333 334 ф. ст. с тем, чтобы последняя содержала в войне 150-тысячную армию. Третья конвенция, между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Австрией — с другой, была заключена 15(27) июня. Она завершила переговоры о присоединении Австрии к шестой антифранцузской коалиции и намечала основы послевоенного устройства Европы. Согласно конвенции Австрия брала на себя посредничество при переговорах с Наполеоном. По ее настоянию требования союзников были ограничены следующими условиями: 1) уничтожение герцогства Варшавского и раздел его между тремя союзными державами; 2) присоединение к Пруссии Данцига и очищение французами всех крепостей в Пруссии и герцогстве Варшавском; 3) возвращение Австрии иллирийских провинций; 4) восстановление независимых ганзейских городов Гамбурга и Любека. В случае отказа Наполеона принять эти условия позднее 20 июля Австрия обязывалась вступить в войну против него, выставив 150-тысячную армию. Рейхенбахская конвенция предусматривала составление общего плана военных действий и заключение мира только по общему соглашению союзников.

Для дальнейшей координации усилий союзников и выработки плана дальнейших действий 10–12 июля 1813 г. в замке Трахенберг (Тшебница)

севернее Бреславля состоялось совещание монархов России, Пруссии и Швеции с участием представителей Великобритании и Австрии. В итоге был подписан составленный под руководством регента Швеции Карла Юхана протокол, определивший численность союзных армий и направление их операций по завершении перемирия.

Попыткой закончить войну миром стал Пражский конгресс — так в исторической литературе именуют мирные переговоры между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Францией — с другой, при посредничестве Австрии. Конгресс проходил в Праге 12 июля — 10 августа в период Плейсвицкого перемирия (4 июня — 10 августа). Конгресс, как и перемирие, обе стороны стремились использовать для перегруппировки своих армий и привлечения на свою сторону новых союзников. Наполеон дал указание своему представителю на конгрессе оттянуть начало его работы и не идти на уступки. Россия в ходе конгресса должна была убедить Австрию, что с Наполеоном невозможно оставаться в мире. Министр иностранных дел К.Л. Меттерних стремился убедить Наполеона пойти на уступки союзникам и вывести французские войска с территорий других государств, сохраняя целостность Франции в границах по Рейну. В этом случае Австрия надеялась занять господствующее положение в Центральной Европе и быть главным арбитром в европейской политике. Наполеон не соглашался и по-прежнему преследовал цель не только сохранить созданную им империю, но и расширить ее. В создавшейся обстановке Австрия предъявила Наполеону ультиматум, условия которого были заранее согласованы с Россией и Пруссией. Они сводились к следующим требованиям: раздел Великого герцогства Варшавского между Россией, Пруссией и Австрией, возвращение Австрии Иллирийских провинций, присоединение Данцига к Пруссии и очищение всех прусских крепостей от французских войск, признание независимости Гамбурга и Любека, восстановление независимости Нидерландов и Испании, отказ Наполеона от протектората Рейнского союза и взаимная гарантия неприкосновенности границ, установленных договором о мире. 10 августа, в момент окончания перемирия, еще до получения ответа от французской стороны (он поступил 11 августа, Наполеон согласился лишь на отказ от герцогства Варшавского, Иллирийских провинций и Испании), Меттерних объявил о закрытии конгресса и вступлении Австрии в войну на стороне антифранцузской коалиции, вооруженные силы которой к этому времени (свыше 1 млн человек) значительно превосходили силы Франции.

Окончательно шестая антинаполеоновская коалиция была оформлена подписанием 9 сентября 1813 г. в городке Теплиц, уже после возобновления

военных действий, трех союзных договоров между Австрией и Пруссией, между Россией и Австрией и между Россией и Пруссией, которые намечали координацию военных и политических усилий и контуры послевоенных преобразований. В Теплице же 3 октября был заключен прелиминарный трактат между Австрией и Великобританией о союзе, предусматривавший более активные действия против Наполеона и новые субсидии для Австрии. 16 августа 1813 г. срок перемирия истек и военные действия возобновились с переменным успехом. Если основные силы союзников не смогли добиться успеха в сражениях у Дрездена и Кульма, то Карл Юхан с Северной армией успешно отразил попытки французов прорваться к Берлину у Гроссбеерена и Денневица. План, составленный в Трахенберге, в конце концов был реализован.

В середине октября союзные и наполеоновская армии сошлись около Лейпцига. Перевес был на стороне союзников: 320 тыс. против 160 тыс. человек. Сражение, ставшее одним из самых кровопролитных в истории Наполеоновских войн, закончилось полным разгромом Наполеона. В разгар сражения на сторону союзников перешли саксонские войска. «Битва народов» стала поражением, предрешившим падение Наполеона и крушение его империи. Французы потеряли, по приблизительным подсчетам, до 80 тыс. убитыми, ранеными и пленными, союзники — всего 52 тыс., из них 10 тыс. пруссаков, 14,5 тыс. австрийцев, 22,9 тыс. русских.

Последствия поражения под Лейпцигом оказались решающими. Почти миллионная союзная армия двинулась к границам Франции. Небольшой отряд под командованием А.К. Бенкендорфа и прусский корпус Бюлова были направлены к Нидерландам, входившим в состав империи. После вступления русских войск в Голландию здесь началось восстание против французов, и в начале декабря 1813 г. Нидерланды восстановили независимость. Основные же силы Северной армии двинулись против Дании, последней союзницы Наполеона. В декабре 1813 г. датчане согласились на мир, уступив Швеции Норвегию (Кильский мир 14 января 1814 г.). При помощи союзных войск в декабре 1813 г. от многолетней французской опеки была избавлена Швейцария.

С 5 февраля по 19 марта 1814 г. в Шатийон-сюр-Сен состоялся конгресс, на котором союзники в последний раз попытались заключить мир с Наполеоном, но договор так и не был подписан. В самый разгар переговоров о мире и продолжавшихся военных действий в городке Шомон на совещании руководителей коалиции был заключен новый союзный трактат между Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией о совместных действиях против Франции (формально это был ряд

двусторонних договоров с идентичным содержанием), если та откажется принять мирные предложения. Фактически Шомонский договор стал первым общим четырехсторонним договором главных участников коалиции. Он был подписан в ночь с 9 на 10 марта, но датирован 1 марта. Подписавшие стороны договорились продолжать войну против Наполеона до окончательной победы и обязались не заключать с Францией ни мира, ни перемирия иначе, как с общего согласия. Каждая из четырех великих держав должна была выставить не менее чем 150-тысячную армию. Финансирование войны брала на себя Великобритания, которая обязалась выделить на ее ведение 5 млн ф. ст. в 1814 г. Договор также предусматривал, что территориально Франция будет существовать в границах на 1 января 1792 г. Все же земли, находившиеся за ее пределами к этой дате, будут у нее отобраны. Этот договор намечал план переустройства Европы после поражения Франции.

Когда на рубеже 1813–1814 гг. огромная армия союзников стала переходить границы Франции, актуальность приобрел вопрос о том, кто сменит Наполеона на троне. Этот вопрос поднимался неоднократно в 1812 г. и в 1813 г., но всерьез не обсуждался. Теперь рассматривались различные варианты: смещение императора, возведение на трон его сына с установлением регентства императрицы Марии-Луизы, дочери австрийского императора Франца I. Александр I не исключал и воссоздание республики. Но наиболее реальной кандидатурой на престол оставался граф Лилльский, или, как его именовали французские эмигранты, Людовик XVIII. К этому решению склонялась Великобритания.

После занятия Парижа союзными войсками в конце марта 1814 г. Франция оказалась в состоянии безвластия. 1 апреля в 1814 г. в Париже собрался Сенат, и с согласия союзников было сформировано Временное правительство во главе с Талейраном. 2 апреля Сенат принял решение об отрешении Наполеона от трона. 3 апреля это решение подтвердил и весь Законодательный корпус. 4 апреля маршалы Франции вынудили Наполеона отречься от престола в пользу своего сына. Однако 5 апреля маршал Мармон, чья армии стояла около Парижа, отвел ее, фактически перейдя на сторону коалиции, и 6 апреля Сенат принял новое решение о призвании Людовика XVIII. 12 апреля в Фонтенбло был подписан договор, по которому за Наполеоном сохранялся титул императора, а для его местожительства он получил о. Эльба в Средиземном море. 3 мая 1814 г. новый король Людовик XVIII прибыл в Париж. Реставрация Бурбонов на престоле не повлекла возвращения к дореволюционным порядкам, напротив, Франция обрела государственное устройство в форме

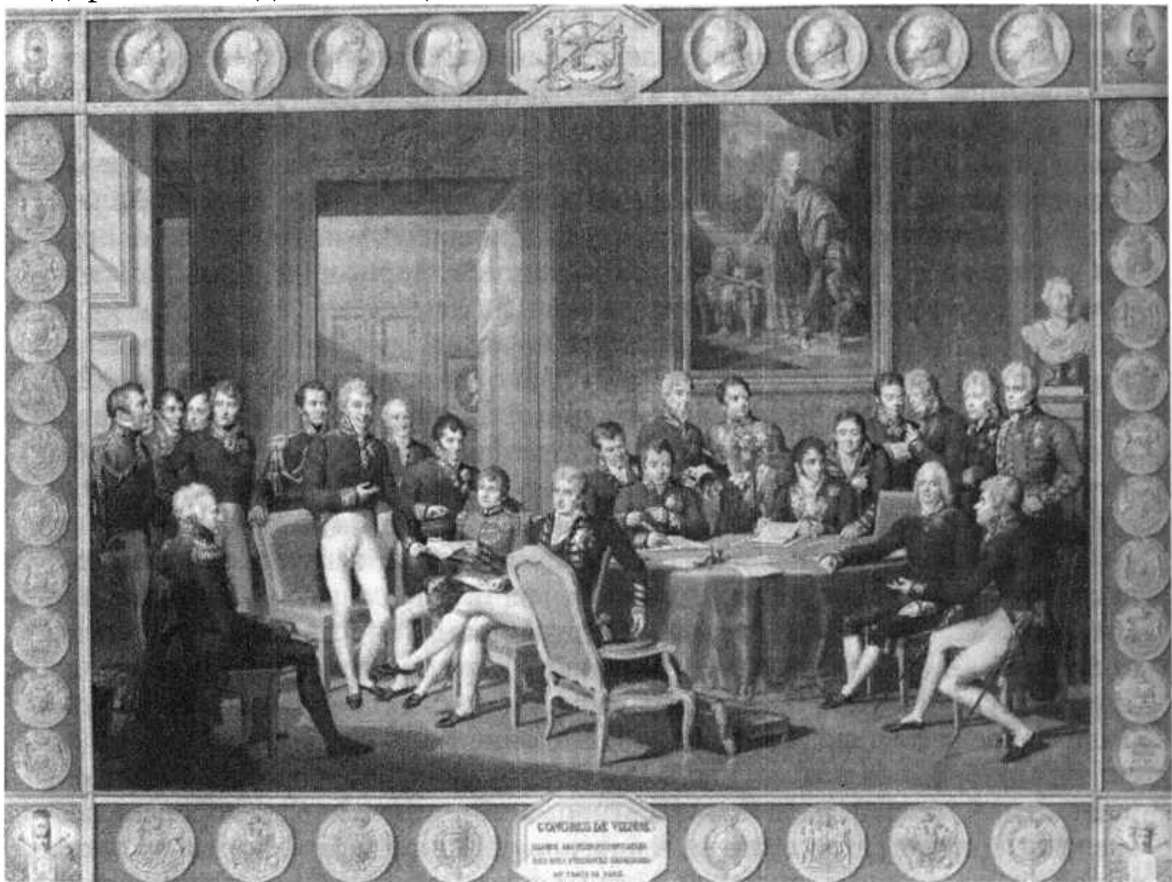
конституционной монархии. После победы над Наполеоном державы-победительницы (Россия, Австрия, Великобритания, Пруссия, Испания, Португалия, Швеция) подписали 30 мая 1814 г. мирный договор с Францией, состоявший из двух частей — открытой и секретной. Первая устанавливала новые границы Франции, сводя ее к тем пределам, в которых она находилась до 1792 г. Секретные же статьи предусматривали созыв конгресса в Вене для определения судеб оставляемых Францией территорий, причем без ее участия, на основах, выработанных союзными державами.

Сразу же после заключения Парижского договора австрийский и российский императоры вместе с королем Пруссии отправились в Лондон. Там был возобновлен четверной союз, направленный против побежденной Франции. К моменту открытия конгресса, который решили провести в Вене, казалось, что судьбы Европы всецело зависят от этих четырех держав, победивших Наполеона. Они полагали, что могут приступить к дележу 32 млн подданных и земель, недавно входивших в состав Французской империи или находившихся от нее в зависимости. Но чтобы решить эту задачу, союзникам требовалось сохранять единство, не без труда достигнутое в войне. Проблема заключалась в том, что интересы великих держав нередко противоречили друг другу, и к началу Венского конгресса у четырех союзных держав не было согласия по поводу переустройства Европы.

В сентябре 1814 г. в столице Австрии собралось блестящее и пестрое общество: два императора, две императрицы, пять королей, одна королева, два наследных принца, три великие герцогини, 215 глав германских княжеских домов, их придворные, писатели и авантюристы, шпионы и мошенники всех мастей. Но главными действующими лицами, наряду с монархами, были почти все министры иностранных дел европейских стран и сопровождавшие их многочисленные дипломаты. Принимал конгресс австрийский император Франц I. Одну из первых скрипок на заседаниях представлял его министр иностранных дел Меттерних. Но не меньшую роль играли здесь британцы — лорд Каслри (1769–1822), министр иностранных дел и герцог Веллингтон. Как заметил тогда соратник Меттерниха Ф. Генц (1767–1832), исполнявший на заседаниях обязанности секретаря, «истинной целью конгресса был дележ наследства побежденного между победителями».

Работа конгресса затягивалась. Опасаясь вмешательства Франции, союзники сделали поначалу все, чтобы отстранить ее от участия в основных заседаниях и оставить за собой исключительное право

распоряжаться на конгрессе. Однако все эти планы разбились о позицию Талейрана. Представляя разбитую, истощенную войнами Францию, Талейран проявил свои дипломатические способности в полном блеске. Для защиты интересов Франции он выдвинул принцип легитимизма, т. е. законности. Согласно этому принципу ни одной территорией нельзя распоряжаться до тех пор, пока ее «законный» обладатель официально не отрекся от нее, а владения, отнятые у «законного» государя, должны быть возвращены ему. Отстаивая этот принцип, Талейран стремился вывести Францию из международной изоляции и не допустить осуществления планов держав-победительниц.

Ж. Годфруа. Венский конгресс. Гравюра. 1819 г. © Photo Scala Florence

Со своей задачей Талейран справился и благодаря тому, что он использовал нараставшие между союзниками противоречия, прежде всего между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Великобританией и Австрией — с другой. Резкие расхождения между союзниками выявились по многим проблемам, но особенно по польско-саксонскому вопросу. Александр I рассчитывал присоединить к России почти все польские земли, предполагая компенсировать потерю Пруссией части Польши передачей ей Саксонии. Этот план встретил противодействие Великобритании,

опасавшейся дальнейшего роста могущества России, а также Австрии, стремившейся помешать укреплению позиций как России, так и своей соперницы Пруссии. Талейран воспользовался расколом между союзниками. Провозгласившему себя защитником принципов легитимизма и прав малых стран Талейрану удалось добиться допуска Франции на определявшие решения конгресса закрытые совещания России, Великобритании, Австрии и Пруссии. 3 января 1815 г. Великобритания, Австрия и Франция подписали тайный договор, направленный прежде всего против России, а также против Пруссии. Россия и Пруссия вынуждены были пойти на уступки в польско-саксонском вопросе. Король Саксонии сохранял свой трон и уступал Фридриху Вильгельму III лишь северную часть своих владений.

Общая опасность, возникшая после высадки бежавшего с Эльбы Наполеона 1 марта 1815 г., способствовала сближению участников конгресса, которые образовали новую (7-ю) коалицию против Наполеона. 9 июня 1815 г. был подписан Заключительный (Генеральный) акт Венского конгресса. Он предусматривал лишение Франции всех ее завоеваний, Бельгия и Голландия были объединены в Нидерландское королевство, которое вместе с Пруссией и Австрией должно было образовать «барьер» против возможных новых попыток Франции начать войну. Большая часть бывшего Варшавского герцогства, получившая название Королевства (Царства) Польского, отошла к России, Познань осталась в составе Пруссии, Галицию сохранила Австрия, Краков был провозглашен «вольным городом». Пруссия получила почти половину территории Саксонии, экономически высокоразвитые Рейнскую провинцию и Вестфалию; это резко усилило позиции милитаристской Пруссии в Германии. В Италии было восстановлено Сардинское королевство, которому были возвращены Савойя и Ницца. Ломбардия и Венеция отошли к Австрии, что вместе с фактическим контролем Австрии над всеми итальянскими государствами (кроме Сардинского королевства) обеспечивало австрийское господство в Италии. Из 19 швейцарских кантонов была образована Швейцарская конфедерация и гарантирован «вечный нейтралитет» Швейцарии. Германские государства и часть владений Австрии вошли в Германский союз, в котором было обеспечено преобладающее влияние Австрии. Еще раньше, в 1814 г., Норвегия была отделена от Дании, бывшей союзницы Наполеона, и передана Швеции. За Великобританией, закрепившей и расширившей свое морское, колониальное и торговое преобладание, сохранялась большая часть захваченных ею во время войны территорий, в том числе о. Мальта,

Ионические острова, Капская колония (в Южной Африке), о. Цейлон. Одно из приложений к Заключительному акту содержало запрещение работорговли. Венский конгресс впервые установил единообразие в номенклатуре и старшинстве рангов дипломатических представителей.

Фактически конгресс закрепил новое соотношение сил, сложившееся к концу наполеоновских войн, а также ведущую роль России и Великобритании в международных отношениях, которая сохранялась затем несколько десятилетий. Важно отметить, что конгресс почти полностью игнорировал национальный принцип и особенно права малых стран и народов. Система отношений, созданная Венским конгрессом, была дополнена провозглашением в сентябре 1815 г. Священного союза. Однако Венский конгресс оказался не в состоянии ликвидировать результаты Французской революции и наполеоновских войн. В его решениях относительно устойчивыми оказались те элементы, которые находились в открытом или скрытом противоречии с принципами легитимизма и объективно сохраняли возможности для их развития. После Венского конгресса в Европе наступил продолжительный период мира.

Акт Священного союза

После вторичного низвержения императора Наполеона летом 1815 г. союзники заняли Париж, и здесь 26 сентября 1815 г. по инициативе Александра I австрийским императором Францем I, королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III и российским императором Александром I был подписан так называемый Акт Священного союза. Это стало первой в истории попыткой создать международную организацию с целью поддержать мир в Европе. Впоследствии к Акту присоединились большинство европейских христианских государств, кроме Великобритании, которая, тем не менее, принимала участие в конгрессах Священного союза.

«Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы.

Их Величества, Император Австрийский, Король Прусский и Император Российский, вследствие великих происшествий, ознаменовавших в Европе течение трех последних лет, наипаче же вследствие благодетельных, которые Божию Провидению было угодно излиять на государства, коих правительства возложили свою надежду на единого Бога, восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо предлежащий державам

образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным Законом Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей святой веры, заповедями любви, правды и мира, которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, должны, напротив того, непосредственно управлять волею царей и водить всеми их деяниями, яко единое средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство. На сем основании их величества согласились в следующих статьях:

I. Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, три договаривающиеся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единосемцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды.

II. Посему единое преобладающее правило да будет, как между помянутыми властями, так и подданными их, приносить друг другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского, поелику три союзные государя почитают себя аки поставленными от Провидения для управления тремя единого семейства отраслями, а именно — Австриею, Пруссиею и Россиею, исповедуя таким образом, что Самодержец народа христианского, коего они и их подданные составляют часть, не иной подлинно есть, как Тот, Кому собственно принадлежит держава, поелику в Нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные, то есть Бог, наш Божественный Спаситель Иисус Христос, Глагол Всевышнего, Слово жизни. Соответственно с сим, их величества с нежнейшим попечением убеждают своих подданных со дня на день утверждаться в правилах и деятельном исполнении обязанностей,

в которых наставил человеков Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миром, который истекает от доброй совести и который есть прочен.

III. Все державы, желающие торжественно признать в сем акте священные правила, и кои почувствуют, сколь нужно для счастья колеблемых долгое время царств, дабы истины сии впредь содействовали благу судеб человеческих, могут всеохотно и с любовью быть приняты в сей Священный союз».

Относительная сплоченность союзников во второй период деятельности конгресса, преодоление ими серьезных разногласий были также и результатом действий Наполеона, который неожиданно для многих вернулся во Францию. Европейские дворы не согласилась с его возвращением, справедливо считая, что с Наполеоном континент будет обречен на постоянные войны. Забыв о взаимных разногласиях, уже 25 марта Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия заключили новый союзный договор, к которому спешили присоединиться и другие европейские государства.

На территории Бельгии стали сосредотачиваться силы седьмой антинаполеоновской коалиции: англичане, голландцы, пруссаки. На помощь к ним двинулись мощные российская и австрийская армии. Понимая, что выиграть он может, лишь разбив союзников поодиночке, Наполеон двинул свою восстановленную армию к Брюсселю. Недалеко от этого города около деревни Ватерлоо 18 июня произошло сражение, которому было суждено поставить точку в истории наполеоновских войн. Император потерпел новое, последнее сокрушительное поражение и 22 июня подписал акт об отречении от престола. 6–8 июля союзники вновь вступили в Париж, куда 8 июля вернулся Людовик XVIII. Наполеон сдался англичанам, отправившим его в ссылку на далекий о. Святой Елены в Атлантическом океане. 20 ноября 1815 г. в Париже был подписан новый мирный договор. По договору для Франции в целом устанавливались границы 1790 г., однако за ней оставались Авиньон и небольшие территории в Эльзасе и Лотарингии, прежде ей не принадлежавшие. Она должна была возвратить Пруссии Саарлуи и Саарбрюккен с принадлежащей к ним территорией, Нидерландам — герцогство Бульонское и крепости Филиппвиль и Мариенбург, Баварии — левый берег Лаутера с г. Ландау (в Пфальце), Сардинии — часть Савойи; Монако было восстановлено как самостоятельное княжество. Кроме того, на Францию налагалась контрибуция в 700 млн фр., которую ей надлежало уплатить в

пятилетний срок, а до уплаты часть ее территории оккупировалась армией союзников в 150 тыс. человек, содержание которой возлагалось на нее же. Все произведения искусств и литературы, которые французы во время войн похитили из разных музеев и хранилищ, должны были быть возвращены по принадлежности. В дополнительной статье державы обязались принять меры к совершенному уничтожению работорговли. Одним особым актом четыре союзные державы гарантировали нейтралитет и неприкосновенность территории Швейцарии, а другим — в случае нужды силой оружия поддерживать основы Парижского мира и не допускать членов семейства Бонапартов на трон Франции.

Пятнадцатилетняя наполеоновская эпоха оставила свой глубочайший след в истории европейского континента и всего мира. Войны, выпавшие на период Консульства и Империи, отчасти продолжили экспорт достижений Французской революции, в частности это выражалось во введении в разных странах Гражданского кодекса Наполеона, утверждавшего новые нормы жизни и во введении там собственных конституций. Все это касалось реформ в административной и правовой сферах. Во всех странах, где господствовали французы, начиналось мощное национальное освободительное движение, что способствовало как становлению этих государств в новых условиях, так и быстрому росту национального самосознания.

Созданная Венским конгрессом и заключенными осенью 1815 г. договорами международная система устанавливала гегемонию великих держав Европы, своеобразную пентархию, куда вошли как четыре победительницы — Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия, так и побежденная сторона — Франция. В основе Венской системы был ставший уже традиционным с XVII в. принцип «равновесия» сил. В то же время великие державы стремились законсервировать сложившийся в Европе порядок, не допуская никаких изменений. Через два месяца после сражения при Ватерлоо 26 сентября 1815 г. императоры России, Австрии и прусский король подписали в Париже так называемый Акт Священного союза, по которому его участники обязывались «во всяком случае и во всяком месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Основная их цель заключалась в сохранении границ государств, установленных Венским конгрессом в борьбе против всех проявлений «революционного духа».

Уже 19 ноября 1815 г., после подписания второго Парижского мира, к Священному союзу присоединился и французский король Людовик XVIII, а в дальнейшем и большинство других европейских государств. Формально

Великобритания не вошла в его состав, даже выступала против некоторых его положений, но вплоть до начала 30-х годов часто координировала свою внешнюю политику с политикой Священного союза. Представители Великобритании участвовали в конгрессах, которые созывались Священным союзом для решения возникших проблем, вызванных, в частности, и всплесками революционного движения. Не присоединился к Священному союзу, международной организации христианских государств, и турецкий султан.

Венская система при всех ее пороках способствовала тому, что почти столетие Европа оказалась избавленной от общеевропейских войн, масштаба наполеоновских, а вплоть до Крымской войны удавалось избежать войн между великими державами. Конечно, восстания, локальные конфликты и войны имели место в Европе, но вплоть до 1914 г. по своему масштабу и жертвам они не были столь ужасны, как мировые войны XX столетия.

В период после 1815 г. в международных отношениях в Европе оформился целый ряд болевых точек и проблем, которые осложняли эти отношения, приводя периодически к конфликтам. Это были социальные движения, направленные на преодоление пережитков Старого порядка, национальные движения, как в Германии и Италии, стремившихся к объединению, так и несвободных наций в Австрийской и Российской империях и прежде всего находящихся под властью слабеющей Османской империи. Крепнувшее национальное движение балканских и дунайских народов подтачивало Турцию, на владения которой продолжали претендовать как Россия, так и Австрия. Продвижения России на юг и усиления ее позиции в Средиземноморье опасались как Великобритания, так и Франция. Этот сложный клубок противоречий на юго-востоке Европы и на Ближнем Востоке получил в литературе название «Восточный вопрос», который возник еще в последние десятилетия XVIII в. и постепенно, с 1820-х годов, стал самым сложным и болезненным в Европе, приводя к конфликтам, в которые оказывались втянутыми многие европейские государства. Именно на Востоке находился основной узел противоречий между двумя ведущими государствами Европы — Россией и Великобританией, которые проявлялись и на других частях континента. Российско-британский антагонизм после 1815 г. проходил красной нитью через все XIX столетие, вплоть до начала XX в., приводя неоднократно к обострению отношений, что, правда, вылилось лишь в одну войну — Крымскую. Все остальные возникавшие конфликты удавалось решать мирным, дипломатическим путем. В конце же XIX — начале XX в., когда

доминирующим в Европе стал антагонизм между Великобританией и Германией, русско-британские противоречия в значительной степени отошли на задний план, что в конце концов привело к заключению договора о Сердечном Соглашении (Антанта) и участию Великобритании и России на одной стороне в Первой мировой войне.

В сентябре 1818 г. союзники решили созвать дипломатический конгресс для обсуждения возможности снятия с Франции союзнической опеки. Александр I предложил пригласить на него представителей всех европейских государств, в чем была заинтересована и Франция. Она рассчитывала, освободившись от оккупации, объединить вокруг себя малые государства и разобщить союзников. Каслри и немецкие дворы настояли на приглашении только четырех держав-победительниц и Франции. Конгресс проходил в Аахене с 30 сентября по 21 ноября 1818 г. В ходе его работы между Россией и Францией 9 октября была заключена конвенция, по которой оккупационные войска союзников должны были до 30 ноября 1818 г. покинуть Францию, которой после этого предстояло уплатить по репарации 265 млн фр. Герцог Ришелье настаивал на превращении Четверного союза в союз пяти держав, однако по требованию Каслри и немецких государств была подписана новая конвенция, которая подтверждала сохранение Четверного союза. Лишь 4 ноября союзники предложили Франции присоединиться к четырем державам в деле поддержания государственных границ и политической системы, установленной Венским конгрессом. 15 ноября 1818 г. была подписана общая декларация, провозглашавшая их солидарность в поддержании начал «международного права, спокойствия, веры и нравственности». Была внесена новинка и в дипломатический этикет. В дополнение к Венскому регламенту 1815 г. вводился дипломатический ранг министра-резидента, нечто среднее между посланниками и поверенными в делах, который аккредитовывался при главе государства.

Однако уже вскоре после Аахенского конгресса в Европе вновь стало неспокойно. В Германии, Италии, на Пиренейском полуострове с 1819 г. начались выступления против архаичной системы управления. Радикально-демократическое движение в Германии, вызванное крушением надежд на провозглашенные конституционные реформы «сверху», при всей его слабости и узости, очень беспокоило правящие круги Австрии и Пруссии, которые заключили 1 августа 1819 г. в Теплице секретную конвенцию о совместной борьбе против радикальных элементов. Однако революционные волнения гораздо более серьезного масштаба вспыхнули в Испании, Португалии и в Неаполитанском королевстве, что не могло не

встревожить лидеров Священного союза. Под давлением радикалов монархи здесь были вынуждены пойти на введение конституций.

В октябре-декабре 1820 г. в Троппау в Силезии (современная Опава, Чехия) в связи с революционными событиями в Неаполе, которые прямо угрожали австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции, по инициативе Меттерниха был созван второй конгресс государств Союза. В результате переговоров, в ходе которых Меттерних настаивал на использовании австрийских войск для подавления революции, 19 ноября Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол и дополнение к нему, в которых провозглашался принцип вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств, даже без приглашения со стороны их правительств, в случае революций. Два других участника отказались признать «принцип вмешательства» в такой неограниченной форме, но дали понять, что не будут препятствовать интервенции в Неаполь. По инициативе российского императора Александра I, который настаивал на принципе единогласия всех главных членов Союза, в протокол было включено положение о сохранении неприкосновенности Неаполитанского королевства и возможности для его короля даровать своему народу конституцию, чего, впрочем, не произошло. Он добился от Меттерниха письменных гарантий.

В январе 1821 г. участники конгресса переехали в Лайбах (ныне Любляна, Словения) для переговоров с итальянскими монархами. Здесь в январе-марте 1821 г. работал новый конгресс, фактически продолживший конгресс в Троппау. Александр I и Франц I, представители Пруссии, Франции, Великобритании, итальянских государств и Римского Папы обсуждали меры по подавлению революционных выступлений в Неаполитанском королевстве, Испании и Греции. На основании просьбы неаполитанского короля Фердинанда I, поддержанной Меттернихом, участники конгресса, несмотря на сопротивление Великобритании и Франции, приняли решение направить в Неаполь и Пьемонт австрийские войска, которые соответственно в марте и апреле 1821 г. восстановили там власть монархов в прежней форме и ликвидировали либерально-демократические правительства. 12 мая 1821 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали декларацию, которая подтверждала принципы Священного союза, прежде всего принцип вмешательства в дела других государств даже путем вооруженной интервенции.

После подавления неаполитанской революции пентархию более всего беспокоили революционные события в Испании. Последний, четвертый, конгресс Священного союза проходил в Вероне (Северная Италия) 20

октября-14 декабря 1822 г. На конгрессе, как всегда, присутствовали Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, ряд итальянских монархов и многочисленные дипломаты из многих европейских стран. Прежде всего обсуждались условия, при которых Австрия, Франция, Пруссия и Россия обязывались выступить против революционной Испании, а также проблемы, связанные с восстанием в Греции и русско-турецким конфликтом, торговлей рабами-неграми и судьбами испанских колоний в Южной Америке, где полыхало восстание. Работа конгресса проходила в условиях жесткой борьбы между европейскими державами. Страх перед революционными потрясениями побудил Россию, Австрию и Пруссию поручить Франции выступить от имени Священного союза против испанской революции. В обстановке слухов о возможной интервенции Священного союза в Испанскую Америку руководители молодого североамериканского государства, в ответ на сделанное британским министром иностранных дел предложение о совместных действиях, решились открыто заявить о своей позиции. Была сформирована внешнеполитическая концепция, провозглашенная 2 декабря 1823 г. в послании президента США Джеймса Монро конгрессу. основополагающим принципом политики США выдвигалась идея разделения мира на «американскую» и «европейскую» системы при взаимном невмешательстве в дела друг друга. Предусматривалось, что территории в Западном полушарии не должны рассматриваться «в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державы», хотя США не ставили под сомнение права европейских государств на колонии, которыми те фактически владели. США провозглашали право народов Америки выбирать форму правления самостоятельно, а также объявляли о своем собственном нейтралитете в конфликте между бывшими испанскими колониями и метрополией.

К середине 1820-х годов независимость провозгласили большинство колоний испанской короны. Независимые государства возникли в 1811 г. в Парагвае, в 1816 — в Аргентине, в 1818 — в Чили, в 1819 — в Колумбии и Венесуэле, в 1821 — в Мексике и Перу, в 1825 г. — в Боливии. Испания сумела сохранить только две колониальные территории — Кубу и Пуэрто-Рико. Один из основных предводителей Освободительной войны в Латинской Америке, с 1819 г. — президент федеративной республики Великая Колумбия Симон Боливар выступил главным инициатором объединения латиноамериканских государств. По его инициативе в 1826 г. в Панаме состоялась объединительная конференция латиноамериканских государств, однако в силу их экономической слабости, противоречий и

территориальных споров ее решения не были воплощены в жизнь.

На Веронском конгрессе также обсуждалось положение в Италии, где продолжалось революционное брожение. Вопреки желанию Франции было принято решение продлить интервенцию Австрии в Неаполитанском королевстве и Пьемонте. Участники конгресса отказались принять греческую делегацию, которая прибыла в Верону просить помощи в борьбе против османского владычества. Активнее поддержать греков была готова только Англия. Поставленный английской делегацией вопрос о работорговле не был решен. На конгрессе также обсуждалась жалоба Сардинии на Швейцарию, на территории которой укрывались сардинские революционеры. В день окончания конгресса Россия, Англия и Пруссия опубликовали циркуляр, который подтвердил право Священного союза вмешиваться во внутренние дела любого государства, где революционное движение могло грозить монархическим устоям других держав.

Весной 1823 г. французский экспедиционный корпус вторгся в Испанию, в мае был занят Мадрид. Революция была подавлена. Фактически интервенция в Испанию явилась последним успехом координированных усилий Священного союза, внутри которого все явственней стали проявляться различия в подходах к решению международных проблем.

Таким образом, уже в начале 1820-х выявились основные противоречия в Европе: разногласия между континентальными державами Священного союза и Великобританией в связи с различным отношением к революциям в Латинской Америке, Испании, Греции. Новый (с 1822 г.) министр иностранных дел Великобритании Джордж Каннинг (1770–1827), лидер умеренного крыла тори, опытный дипломат предпочел вернуться к традиционной политике «свободы рук».

Вступив на трон в декабре 1825 г. император Николай I отказался от мирной политики Александра I и стал склоняться к более активному вмешательству в греческие дела. В марте 1826 г. российский поверенный в делах в Константинополе вручил Порте ультиматум с требованиями вывести турецкие войска из Молдавии и Валахии; восстановить там порядок, определенный русско-турецкими соглашениями и нарушенный Османской империей после 1821 г.; освободить сербских депутатов, задержанных в Стамбуле; вернуть Сербии все права, которые она получила по Бухарестскому мирному договору 1812 г.; возобновить русско-турецкие переговоры, которые без всякого результата проходили с 1816 г. Ультиматум отводил шестинедельный срок на выполнение этих требований. Россия стала готовиться к войне, но чтобы успокоить

Великобританию и другие державы, 4 апреля 1826 г. был подписан Петербургский протокол о совместных с Англией действиях в урегулировании греческого вопроса.

Однако английская дипломатия, считая, что война Османской империи с Россией приведет к резкому ослаблению первой и ускорит освобождение народов Балканского полуострова, что явно усилит позиции России в этом регионе, настоятельно посоветовала Турции принять российский ультиматум. Аналогичный совет дала султану и Австрия. Оттоманская империя не была готова к войне, усиленно занимаясь реорганизацией армии. После некоторых колебаний Порты приняла ультиматум России. 13 июля в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский, Украина) начались русско-турецкие переговоры, которые привели к подписанию 7 октября 1826 г. конвенции, текст которой был предложен российскими дипломатами и был принят турками почти без изменений. Аккерманская конвенция подтверждала Бухарестский мирный договор 1812 г., за Россией закреплялись города Анакрия, Сухум и Редут-Кале. Была принята также предложенная Россией пограничная линия на Дунае. Россия получила права свободной торговли в Османской империи и свободного торгового мореплавания. Отдельно были оговорены права торговых судов нечерноморских государств, следующих в российские порты или из них, беспрепятственно проходить через Босфор и Дарданеллы.

16 апреля 1826 г. в Санкт-Петербурге было заключено соглашение между Россией и Великобританией о совместных действиях в урегулировании греческого вопроса. Россия и Великобритания обязались потребовать от Порты предоставления грекам права «самим заведовать своим внутренним управлением» при условии сохранения их зависимости от Турции в виде уплаты ежегодной дани и предоставления ей участия в назначении греческих властей. Грекам должны быть предоставлены права приобретать в собственность турецкие владения, находящиеся на материке и на греческих островах. Стороны договорились выработать впоследствии особое соглашение и определить границы территории, которая войдет в состав греческого государства. По настоянию России в протоколе было предусмотрено, что в случае отказа Турции от посредничества Великобритании в осуществлении указанных прав каждая из договаривающихся сторон будет действовать «сообща или единолично». Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к Лондонскому протоколу. Франция, которая стремилась укрепить свои позиции в Средиземноморье, приняла это приглашение 6 июля 1827 г. Однако Пруссия и Австрия расценили его как удар по принципам

Священного союза, а также как угрозу усиления позиций России на Балканах. Протокол был положен в основу Лондонской конвенции, подписанной 6 июля 1827 г. между Россией, Великобританией и Францией, по вопросу об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Османской империи свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки сохраняют формальную зависимость от султана и будут платить ему ежегодную подать; управление в Греции будет осуществляться местными властями, но в их назначении будут принимать участие и центральные турецкие власти; для так называемого «отделения греческой национальности от турецкой» и предотвращения столкновений грекам должно быть гарантировано право выкупа всей турецкой собственности, находившейся на территории Греции. К конвенции была приложена включенная по инициативе России секретная статья, которая предусматривала в случае отказа Турции от посредничества великих держав сближение договаривающихся сторон с греками, отправку в Грецию консулов и отзыв послов из Стамбула. Если эти меры не подействуют, то участники конвенции обязывались совместно применить все средства для достижения перемирия, которое было необходимо для дальнейшего проведения переговоров по греческому вопросу.

Однако условия Лондонской конвенции были отвергнуты Портой, и тогда под давлением России союзные державы отправили свои военноморские эскадры на помощь грекам к берегам Морей. 20 октября 1827 г. соединенные силы союзников в ожесточенном морском сражении при Наварине уничтожили турецко-египетский флот, посланный к берегам Греции для подавления восстания. В Лондоне же продолжались регулярные встречи уполномоченных России, Великобритании и Франции. В декабре 1827 г. по инициативе России здесь был подписан «Протокол о бескорыстии», провозглашавший, что в случае войны с Оттоманской империей три державы обещают при заключении мира придерживаться условий Лондонской конвенции 1827 г. Однако формировавшуюся антитурецкую коалицию раздирали противоречия. России удалось прекратить войну, которую она вела с Персией. В феврале 1828 г. заключен Туркманчайский мир, резко изменивший обстановку на Кавказе в пользу России, поскольку теперь у Николая I были развязаны руки для прямой войны против Турции. После того как Турция отказалась принять русский ультиматум, 14/26 апреля был подписан манифест о войне с ней. Русские войска перешли Прут и заняли Дунайские княжества. Это не могло не вызвать обеспокоенность Великобритании и Франции усилением влияния России на Балканах и, в частности, в Греции, где оно возросло после

избрания в 1827 г. ее президентом Иоанна Каподистрии. Как известно, с 1809 по 1827 г. Каподистрия был на русской дипломатической службе, занимая в 1816–1822 г. даже пост статс-секретаря по иностранным делам Российской империи.

Правительство Франции стало добиваться согласия союзников на отправку оккупационного корпуса в Морею. В подписанном 19 июля 1828 г. великими державами протоколе Лондонской конференции было признано, что захват ее Турцией и упорный отказ турок от примирения делают настоятельными более энергичные действия трех держав. В связи с этим было принято решение направить туда 15-тысячный французский корпус, который должен был блокировать турок и усилить британский флот на Средиземноморье. Французский король Карл X пошел на этот шаг, не вписывавшийся в легитимистские рамки, так как стремился ослабить нарастающее внутри Франции недовольство со стороны либеральных кругов. Чуть позже французы начали завоевание Алжира, находившегося под сюзеренитетом Оттоманской империи, но давно бывшего полусамостоятельным государством, чьи беи промышляли морским пиратством в Средиземном море.

Продвижение русских войск на Балканах шло медленнее, чем рассчитывали в Петербурге, поскольку оно натолкнулось на упорное сопротивление турок. Ценою серьезных потерь русским удалось взять крепости Браилов, Варну и занять узкую полосу Черноморского побережья, что придало новые силы греческим повстанцам. Ко времени прибытия французских войск в Морею в сентябре-октябре 1828 г. повстанческая армия греков с помощью русской армии, одержавшей ряд побед на Балканах, заняла основную часть Пелопонесского полуострова. Весной 1829 г. русские войска перешли в наступление на правом берегу Дуная, осадив крепость Силистрию. В военных действиях начали принимать участие и болгарские отряды. В то же время угроза восстания в Сербии не позволяла туркам перебросить подкрепления из Боснии. 22 марта 1829 г. Россия, Франция и Великобритания подписали протокол, по которому в состав греческого государства включались Морея, Кикладские о-ва, часть континентальной Греции. Греция оставалась в вассальной зависимости от Оттоманской империи, ей предоставлялась внутренняя автономия при конституционно-монархической форме правления. Первый монарх назначался тремя союзными державами при согласии Турции, кандидат должен был исповедовать христианство и не иметь родственных связей с домами, царствующими в Великобритании, России или Франции. Греции надлежало ежегодно выплачивать дань султану по 1,5 млн пиастров. Всем

лицам, желавшим сохранить турецкое подданство, предоставлялся годичный срок для продажи имущества и свободного выезда из страны. Предусматривалось также объявление полной амнистии всем участвовавшим в войне. По настоянию британцев до окончательного решения греческого вопроса греки должны были прекратить военные действия и вывести войска с территорий, не обозначенных в протоколе. Правительство Греции с решениями конвенции согласилось, отказавшись, однако, выполнить постановление о выводе войск с неуказанных в протоколе территорий. Оно даже приказало своим войскам продвинуться на север как можно дальше, чтобы иметь возможность в будущем увеличить территорию греческого государства.

Летом 1829 г. в военных действиях на балканском фронте произошел перелом. 11 июня русские войска одержали решающую победу над турками в сражении у деревни Кулевца около Шумлы. После 44-дневной осады была взята Силистрия, а затем русские войска приступили к форсированию горных перевалов Старой Планины, пал Бургас. 20 августа турки без боя сдали русским Адрианополь (Эдирне). Турция согласилась признать независимость Греции только после окончательного поражения в войне с Россией, которая закончилась 2/14 сентября 1829 г. в Адрианополе подписанием мирного договора, по которому устье Дуная с островами, все Кавказское побережье Черного моря от устья р. Кубани до северной границы Аджарии, крепости Ахалкалаки и Ахалцих с прилежащими районами перешли к России. Турция признала присоединение к России Грузии, Имеретин, Мингрелии и Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств, которые перешли к России от Ирана по Туркманчайскому договору. Кроме того, Адрианопольский договор обеспечивал автономию Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии). Подтверждались полученные прежде Россией права свободной торговли во всех областях Османской империи. Султан обязался также осуществить все предписания Аккерманской конвенции 1826 г. Кроме того, Турция открывала проход иностранным и русским торговым судам через Босфор и Дарданеллы. Греция получила широкую автономию.

Греки не хотели мириться с сохранением даже формальной вассальной зависимости от Турции и стали добиваться признания своей полной независимости. По Лондонскому протоколу, подписанному 15 февраля 1830 г., Греция объявлялась независимым государством, но ее территория была несколько уменьшена по сравнению с условиями мартовского протокола 1829 г.: в ее состав вошли Морея, Киклады и южная часть континентальной Греции между устьями рек Сперхия и Аспропотамос. На

престол нового государства тремя державами был выдвинут предложенный Великобританией германский принц Леопольд Саксен-Кобургский, который согласился принять корону на следующих условиях: три державы гарантируют независимость Греции; территория Греции увеличивается за счет присоединения ряда о-вов Архипелага и северных областей; державы должны оказать Греции финансовую помощь и сохранить временно свою военную помощь. Следующим Лондонским протоколом, подписанным 20 февраля 1830 г., участники конференции согласились на эти условия, кроме территориальных требований. Под давлением России, которая предложила также туркам снизить контрибуцию на 1 млн червонцев, Порты приняла эти условия. Однако греческий сенат, не решившись открыто отвергнуть условия протокола, выдвинул со своей стороны ряд условий, неприемлемых для Леопольда Саксен-Кобургского. Таким образом, окончательное решение греческого вопроса оказалось отложенным более чем на два года.

После гибели главы греческого правительства И. Каподистрии конференция в Лондоне приняла новый протокол 7 мая 1832 г., по которому греческий престол был предложен Оттону Баварскому, которому были обещаны гарантии, ранее предложенные Леопольду. Протокол содержал также обещание содействовать расширению границ Греции на севере до Артского залива. 16 сентября 1832 г. Турция согласилась уступить эти территории за 12 млн пиастров. Греческий вопрос в международно-политическом плане был решен.

События, начавшиеся в Европе с лета 1830 г., — революции во Франции и Бельгии в июле и августе, национальное восстание в Польше в ноябре, волнения в Италии — нанесли сильный удар Венской системе, подорвав серьезно принцип легитимизма, они фактически перечеркивали многие решения Венского конгресса и заключенных осенью 1815 г. трактатов, утверждая принципы национализма и либерализма. Этот успех новых веяний был упрочен тем, что их поддерживала Великобритания, где теперь к власти пришли виги, с неприязнью относившиеся и к политике Николая I, и курсу Меттерниха. Тем временем начавшееся восстание в Польше приковало к себе военную мощь Российской империи и существенно ограничило свободу действия для Австрии и Пруссии.

По Конституции 1815 г. в Польше декларировались неприкосновенность личности, свобода печати, независимость суда, официальный статус польского языка, конституировался Сейм, но, тем не менее, полнота исполнительной власти принадлежала русскому царю и назначаемому им наместнику. Хотя политические порядки здесь были

более либеральными, чем в остальной части Российской империи, однако конституционные права и свободы вскоре начали ограничиваться русской администрацией, вводилась цензура, в 1825 г. отменялась гласность заседаний сейма. Вместе с тем активнее стали действовать тайные оппозиционные организации. Революция началась с вооруженного восстания в Варшаве в ноябре 1830 г. и помимо польских земель охватила Литву, часть Украины и Белоруссии. Основной силой восставших были регулярные части польской армии, поддержанные рабочими и ремесленниками Варшавы. 5 декабря была провозглашена диктатура генерала И. Хлопицкого (1772–1854), который безуспешно попытался вступить в переговоры с Петербургом. Николай I требовал капитуляции восставших. Собравшийся в январе 1831 г. сейм принял акт о низложении Николая I и создании национального правительства. Нерешительная позиция польского командования, неудачная мобилизация польских крестьян, а также отказ правительства вооружить жителей Варшавы предопределили неудачный исход восстания. 8 сентября 1831 г. была сдана сама Варшава, а в октябре войсками И.Ф. Паскевича (1782–1856) подавлены последние пункты сопротивления.

Принятый в 1832 г. Органический статут изменил польскую конституцию, упразднился сейм, Государственный совет сохранил только консультативные функции, были закрыты Варшавский и Вильнюсский университеты, ужесточилась цензура. Желая усмирить польское дворянство, русское правительство уравнило его в правах и привилегиях с русским и объявило амнистию, но большинство активных участников восстания оказались в эмиграции. Наиболее влиятельными эмигрантскими организациями были «Польское демократическое общество» и «Люд польский». Не менее заметную роль в консервативном крыле эмиграции играл и А. Чарторыйский (1770–1861). Все эмигрантские организации выступали за восстановление независимости польского государства, но определяющее значение имела парижская польская диаспора, находившаяся в контакте с французской дипломатией. В то же время на польских территориях существовали такие объединения, как «Содружество польского народа», «Союз польской нации», «Конфедерация польской нации», и другие.

В связи с революцией в Бельгии в августе 1830 г. и ее фактическим отделением от Нидерландского королевства между великими державами возникли серьезные разногласия. В октябре 1830 г. в Лондоне началась конференция представителей России, Великобритании, Австрии и Пруссии, которая с перерывами проходила до ноября 1831 г. 15 ноября ее участники

подписали с уполномоченными Бельгии договор об образовании Бельгийского королевства. Они признали независимость Бельгии и взяли на себя обязательство добиться от Нидерландов согласия на условия этого договора. В состав Бельгийского королевства вошли следующие провинции: Южный Брабант, Льеж, Намюр, Геннегау, Западная и Восточная Фландрия, Антверпен и часть Лимбурга, а также часть территории Великого герцогства Люксембургского. Бельгия и Нидерланды взаимно отказывались навсегда от притязаний на территории, отходящие по договору во владение другой стороны. Провозглашался «вечный нейтралитет» Бельгийского королевства. Бельгии предоставлялась право пользоваться водными путями, пересекающими Бельгию и Нидерланды. Кроме того, в договоре определялись финансовые обязательства этих двух государств, связанные, в частности, с распределением государственного долга Нидерландского королевства. 14 декабря 1831 г. представителями Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Бельгии был подписан второй договор, по которому крепости, построенные на границе Бельгии и Франции Нидерландами после Венского конгресса, подлежали срытию (по отдельной секретной статье те крепости, которые не подлежали уничтожению, передавались Бельгии на определенных договором условиях). Нидерландское правительство после неудачных попыток удержать Антверпен вынуждено было признать независимость Бельгии и подписать с ней 21 мая 1833 г. соглашение на основе Лондонских договоров.

Не успел разрешиться греческий вопрос, как снова внимание европейской дипломатии привлекли события в Османской империи. Серьезное осложнение в европейскую политику внесли внутренние осложнения в Турции, прежде всего возникший в начале 1830-х годов конфликт между центральными властями и ориентировавшимся на Францию египетским пашой Мухаммедом Али, который выступил против своего сюзерена султана Махмуда II. Египетская армия двинулась на Стамбул. В этот конфликт не замедлили вмешаться Австрия, Великобритания, Россия и Пруссия. Они стремились не допустить образования нового сильного государства на территории Османской империи. Эти державы предложили султану и паше свое посредничество в урегулировании конфликта.

Во время египетского кризиса 1831–1833 гг. Николай I активно поддержал султана Махмуда II против египетского паши Мухаммеда Али, опасаясь, что победа последнего приведет к установлению господства Франции на Ближнем Востоке. При этом Николай I рассчитывал, что

благодаря покровительству султану он укрепит позиции Российской империи в Турции, прежде всего сможет добиться изменений режима Черноморских проливов в более благоприятном духе. Россия оказала прямую военную помощь султану. В апреле 1833 г. десантные части русской армии высадились на азиатском берегу Босфора и тем самым преградили путь войскам египетского паши на Стамбул. Европейские державы, Великобритания и Франция, были этим очень недовольны и, стремясь устранить повод для пребывания русских войск в Турции, потребовали от султана Махмуда II как можно скорее примириться с Мухамедом Али. 9 мая 1833 г. в западнотурецком городе Кютахье было достигнуто соглашение о передаче Палестины, Сирии и Киликии под управление Мухаммеда Али. За это паша признавал себя вассалом султана и отзывал свои войска из Анатолии. Египетские войска отошли за р. Тавр. России пришлось начать вывод своих войск из Турции. Еще до их вывода российский посол в Стамбуле А.Ф. Орлов добился согласия султана на заключение союзного договора, который и был подписан 8 июля 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси близ турецкой столицы. Этот трактат устанавливал, что «мир, дружба и союз будут навеки существовать» между Россией и Турцией и что обе стороны будут согласовывать свои действия в целях безопасности и оказывать в случае необходимости военную помощь друг другу. Договор подтвердил положения Адрианопольского мира 1829 г. и других русско-турецких договоров и соглашений. Россия дала обязательство предоставить в распоряжение Порты необходимое количество вооруженных сил «в случае, если бы представились обстоятельства, могущие снова побудить Блистательную Порту требовать от России воинской и морской помощи». Остальные несекретные статьи трактата определяли расходы на содержание войск, устанавливали восьмилетний срок его действия. Для России огромное значение имела секретная отдельная статья, которая освобождала Турцию от оказания помощи России, но взамен налагала на Порту обязательство закрывать по требованию России пролив Дарданеллы для прохода иностранных судов.

Подписание Ункяр-Искелесийского трактата вызвало кризис в международных отношениях, поставив Европу фактически на грань войны. За резкими протестами Великобритании и Франции последовала военноморская демонстрация у турецких берегов, состоялся обмен ультимативными нотами между Англией и Францией и Россией вокруг вопроса о недопустимости вооруженного вмешательства России в дела Турции.

В сентябре 1833 г. между Россией и Австрией в Мюнхенграце

(современное Мнихово, Чехия) во время свидания Николая I с Францем I и прусским наследным принцем Фридрихом Вильгельмом были подписаны две конвенции, координировавшие политику этих государств в отношении Турции и ее конфликта с Египтом. Конвенция от 18 сентября предусматривала в случае повторения кризиса совместные действия России и Австрии, направленные на сохранение Османской империи под властью существующей династии. В секретной части соглашения подчеркивалась необходимость совместных действий сторон в случае низвержения существующего в Турции порядка. Российская дипломатия рассматривала заключение этой конвенции как противодействие французской экспансии на Ближнем Востоке.

Вторая конвенция от 19 сентября не имела прямого отношения к ближневосточным делам и служила целью укрепления союза России и Австрии. Она предусматривала взаимную гарантию польских владений каждой из сторон и выдачу «политических преступников». Обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь в случае нового восстания. В том же году в Мюнхенгреце был согласован подписанный 15 октября в Берлине между Россией, Пруссией и Австрией договор, по которому каждый из монархов этих трех государств мог получить от других его участников помощь в случае «внутренних смут» или внешней опасности. Этот договор фактически был попыткой воскресить Священный союз. Благодаря Мюнхенгребским конвенциям Ункяр-Искелесийский договор потерял прежнее значение для Николая I.

Вскоре возник новый конфликт между султаном и египетским пашой, который вызвал вооруженные столкновения, поскольку обе стороны были недовольны Кютахийским соглашением. В июне 1839 г. турецкие войска, напавшие на египетскую армию, потерпели сокрушительное поражение в Сирии. Вслед за этим на сторону Мухаммеда Али перешел и турецкий флот. Порта была готова договориться с египетским пашой, но Великобритания, Франция, Россия, Австрия и Пруссия в коллективной ноте от 27 июля 1839 г. предложили Турции не принимать окончательного решения без вмешательства европейских держав и заявили, что берут общее урегулирование конфликта в свои руки. Николай I предпочел вовсе отказаться от Ункяр-Искелесийского договора, надеясь этим облегчить соглашение с Великобританией, направленное против Франции. В условиях политической изоляции Франции Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия 15 июля 1840 г. заключили с Турцией конвенцию об оказании поддержки. Европейские державы договорились оказать дипломатическую поддержку, а в случае необходимости осуществить

военный нажим на египетского пашу. Особо оговаривалось, что временное введение в проливы вооруженных сил держав не отменяет принципа закрытия Черноморских проливов для иностранных военных кораблей. Эта оговорка фактически отменила положения Ункяр-Искелесийского договора. Конвенция была подписана без Франции и тем самым направлена против нее, но в то же время сепаратные действия России исключались. 19 августа подписавшие Лондонскую конвенцию державы потребовали от египетского паши возвращения султану всех его владений, за исключением Египта и Палестины. Однако Мухаммед Али, за спиной которого стояла Франция, отклонил эти требования. Франция все же не решилась пойти на конфликт с остальной Европой.

10 сентября Великобритания и Австрия вместе с Турцией начали военные действия против Египта, что привело к капитуляции Мухаммеда Али. Коллективное вмешательство европейских держав в конфликт между султаном и египетским пашой решило исход дела. Лондонская конвенция 1841 г. предусматривала закрытие черноморских проливов для военных кораблей всех иностранных держав, включая Россию. 13 июля 1841 г. Россией, Великобританией, Францией, Пруссией и Турцией в Лондоне была подписана специальная конвенция: Босфор и Дарданеллы объявлялись в мирное время закрытыми для прохода военных кораблей всех держав, но султану было сохранено право выдавать разрешения на проход через эти проливы легким кораблям, находившимся в распоряжении посольств дружественных Турции держав. Это было серьезное дипломатическое поражение Петербурга, так как конвенция ликвидировала статус Черного моря как закрытого моря прибрежных держав, а таковыми в то время были лишь России и Турции. До конвенции проход судов регулировался двусторонними русско-турецкими соглашениями, а теперь создавался прецедент, который давал неприбрежным державам юридическое основание претендовать на установление своей опеки над проливами под предлогом «сохранения всеобщего мира».

Европейские революции 1848–1849 гг. привели к окончательному распаду Священного союза. Революционная волна захватила Францию, Австрию, Пруссию и многие другие германские государства, государства Италии. В эти годы помимо вспыхивавших то тут, то там небольших гражданских войн, вызванных прежде всего подавлением народных восстаний, в Европе произошло несколько межгосударственных конфликтов, тесно связанных с революциями: датско-германская война из-за северогерманских герцогств Шлезвига и Гольштейна, война между Пьемонтом и Австрией, интервенция Франции в Италии, интервенция

России в Венгрии с целью подавления национально-освободительной революции.

В 1848 г. на севере Европы разразился военный конфликт, причиной которого было национальное движение в Шлезвиге и Гольштейне, которые с XV в. находились под властью королей Дании. В 1846 г. король Кристиан VIII провозгласил новый, общий для Дании и Шлезвига порядок престолонаследия. Это был явный шаг к разделу герцогств и отрыв Шлезвига от Гольштейна. 28 января 1848 г. новый датский король Фредерик VII опубликовал заявление относительно новой конституции, где обещал созвать сословное собрание, в котором оба герцогства имели бы равное с королевством представительство. Гольштейн и Шлезвиг должны были также сохранить совещательные собрания для решения своих внутренних дел. И в Дании, и в герцогствах народ требовал радикальных решений. Шлезвиг-гольштейнцы выразили датскому правительству протест относительно проекта общей конституции и требование о вступлении Шлезвига в Германский союз. В Гольштейне началось восстание, которое также охватило почти весь Шлезвиг. Дания подготовила хорошо оснащенную армию и 9 апреля 1848 г. разгромила восставших у Фленсбурга, сумев занять территорию Шлезвига до Эйдера. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV (1840–1861) и другие монархи Германского союза послали в герцогства войска, более чем вдвое превосходившие всю датскую армию, что изменило ход кампании. После сражения 23 апреля 1848 г. датчане отступили, а немцы заняли Шлезвиг и часть Северной Ютландии. В этой ситуации Франция, Австрия и Англия отказались поддержать Данию, а присланный Швецией и Норвегией вспомогательный корпус не участвовал в боевых действиях. В защиту Дании выступил Николай I. Он требовал немедленного вывода германских войск с ее территории. Пруссия уступила, и переговоры в Мальме завершились в августе 1848 г. подписанием выгодного для датчан перемирия, а в Лондоне же тем временем начались переговоры о мире и о решении шлезвиг-гольштейнского вопроса, которые, однако, не принесли результатов.

После нескольких месяцев перемирия датское правительство в апреле 1849 г. решилось возобновить войну. Военные действия начались серьезными поражениями датской армии, и немцы снова проникли на Ютландию. Теряя веру в победу, датчане вступили в переговоры с Пруссией, которые привели к заключению в июле 1849 г. временного мира. Пруссия под давлением России прекратила помощь Шлезвиг-Гольштейну. В июле 1850 г. в Берлине был заключен окончательный мир с Пруссией, ставший компромиссом между первоначальными немецкими требованиями

унии Гольштейна и Шлезвига и датским требованием объединения Шлезвига с королевством. Оговаривалось, что Шлезвиг не будет объединен ни с Данией, ни с Гольштейном и будет иметь свою конституцию. Рассчитывая на поддержку немецкого народа, летом 1850 г. шлезвиг-гольштейнцы рискнули еще раз возобновить борьбу, но сражение у Истеда закончилось кровавым поражением немцев. Дания снова вышла на свои старые границы, а Гольштейн остался под оккупацией немецких и австрийских войск. Таким образом, вопрос о Шлезвиг-Гольштейне окончательно решен не был, но восстание было подавлено.

Нейтралитет стран Северной Европы

После завершения наполеоновских войн постепенно произошло становление нейтралитета стран Северной Европы — Соединенных королевств Швеции и Норвегии, и затем, после 1864 г. — королевства Дании. Швеция — Норвегия была связана союзническими отношениями с Российской империей, но в 1830-х годах начался отход Соединенных королевств в направлении нейтралитета. Впервые это отчетливо проявилось в 1834 г., когда возникла перспектива военного столкновения между Российской империей и Великобританией. Шведский и норвежский король Карл XIV Юхан выпустил декларацию, в которой отчетливо заявил о стремлении Швеции-Норвегии занять позицию нейтралитета. При этом судам конфликтующих стран, даже военным, разрешалось заходить в шведские и норвежские порты, что явно благоприятствовало возможным противникам России, у которой были свои порты на Балтике.

Почти аналогичное заявление о нейтралитете Швеция-Норвегия сделала в декабре 1853 г., уже после начала войны между Россией, с одной стороны, и Оттоманской империей, Великобританией и Францией — с другой. Однако в ноябре 1855 г. Швеция пошла на заключение союзного договора с Великобританией и Францией, формально направленного против России. Союзники обязались придти на помощь Швеции-Норвегии, если Россия захочет присоединить какие-либо территории Соединенных королевств. Однако этот договор не означал присоединение Швеции-Норвегии к антироссийской коалиции и заключен был, скорее, как уступка реваншистки

настроенному в отношении России шведскому общественному мнению. Нейтралитет как стратегическая линия внешней политики Швеции окончательно утвердился во второй половине XIX в.

Дания также стремилась, причем уже с XVIII в., проводить политику нейтралитета, но ее геополитическое положение втянуло ее в наполеоновские войны. С 1830-х годов сложный состав владений датских королей из династии Ольденбургов (они были герцогами Шлезвига-Гольштейна, населенных в основном немцами), привел к тому, что Дания оказалась дважды, в 1848–1850 гг. и в 1863–1864 гг., втянутой в войны с германскими государствами. Лишь после 1864 г., потеряв Шлезвиг и Гольштейн, Дания избрала нейтралитет как стратегическую линию своей внешней политики.

Уже в 1849–1850 гг. Пруссия пыталась создать под своим началом унию из 26 германских государств и общегерманский парламент, что вызвало сопротивление Австрии, недовольство России, Великобритании и Франции. Этим планам был положен конец по австро-прусскому соглашению, подписанному при посредничестве России 29 ноября 1850 г. в Ольмюце. Пруссия согласилась на восстановление раздробленного Германского союза, она также обязалась пропустить австрийские войска в Гессен-Кассель для подавления там революционного выступления и в Гольштейн. Австрия согласилась на предложение Пруссии созвать общегерманскую конференцию, но при условии, что создание общегерманского парламента не будет допущено. Фактически Ольмюцкое соглашение продлило существование Венской системы еще на полтора десятилетия, вплоть до разгрома Австрии в 1866 г.

На юге Европы, в Италии, с января по март 1848 г. по всем государствам прокатилась волна народных восстаний. В марте 1848 г. в Милане восставшим удалось вынудить австрийцев к отступлению, а в Венеции находившийся там гарнизон к капитуляции. Массовым народным подъемом поспешил воспользоваться сардинский король Карл Альберт, который начал войну против Австрии. Первоначально на помощь пьемонтцам войска послали король Неаполя, герцог Тосканский и папа Пий IX. Карл Альберт стремился путем присоединения к Пьемонту Ломбардии создать Северо-Итальянское королевство, но сформировать общий итальянский фронт против австрийцев удалось лишь на короткое время. Итальянские монархи вовсе не желали усиления Сардинского королевства.

После того как пьемонтцы лишились поддержки папских и неаполитанских войск, австрийцы перешли в наступление и 22 июля 1848 г. в сражении при Кустоце разгромили армию Пьемонта. Карл Альберт отвел свои войска из Ломбардии, заключив перемирие с императором. Тем не менее борьбу с австрийцами продолжила Венецианская республика. Новый всплеск революционной активности, начавшийся в октябре 1848 г. с Тосканы, продолжился провозглашением Римской республики в феврале 1849 г. Карл Альберт разорвал перемирие и возобновил военные действия. Однако 23 марта пьемонтская армия потерпела поражение от австрийцев при Новаре. Спасая династию, Карл Альберт отрекся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила. Австрия предложила Пьемонту мягкие условия перемирия, но оговорила свободу действий в других итальянских государствах. В апреле австрийцы оккупировали Тоскану, посадив на престол своего ставленника, в мае была восстановлена власть неаполитанских Бурбонов, в июле 1849 г. французская армия штурмом взяла Рим, а в августе 1849 г. капитулировала осажденная Венеция. По условиям мирного договора Австрийская империя вернула себе Ломбардию, Венецианскую область, восстановила свое влияние в Тоскане и на севере Папской области.

В подвластной Габсбургам Венгрии революционные события начались также в марте 1848 г. В сентябре 1848 г. в Венгрию вторглись императорские войска под командованием хорватского бана Й. Елачича. Началась освободительная война венгров, которая продолжалась с переменным успехом вплоть до лета 1849 г., когда судьбу венгерской революции решила 200-тысячная русская армия под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича, направленная сюда императором Николаем I. 13 августа 1849 г. основные силы венгерской армии капитулировали под местечком Вилагош.

Легитимный порядок в Европе после поражения революций 1848-1849 гг. был восстановлен, а попытки пересмотра Венской системы не достигли успеха. Европейские государства возвратились к границам, определенным в 1814–1815 гг. Вместе с тем концепция легитимизма не смогла защитить троны от революций, и поэтому теперь дипломаты активно использовали лозунги защиты национальных интересов. Отказ участниц «европейского концерта» от легитимизма во внешней политике и опора на реальные интересы способствовал тому, что европейские кабинеты придавали своим притязаниям форму набирающих популярность лозунгов о защите национальных прав тех или иных народов, что имело первостепенное значение для процессов объединения Италии и Германии.

Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века

Несмотря на крушение основ Венской системы уже к 1840-м годам, многие ее элементы все еще сохранялись, и только революции 1848–1849 гг. нанесли по ней окончательный удар. Место легитимизма как основы внешней политики начали занимать различные национальные устремления, что было теперь характерно для многих европейских стран. Именно под знаком национализма в 1850–1860 гг. разворачивались процессы объединения Германии и Италии. Вместе с тем и Восточный вопрос оставался центральной проблемой, вокруг которой вели сражения дипломаты великих европейских держав.

Серьезным показателем изменения расстановки сил на европейской арене стала Крымская война, когда претензии Николая I установить российскую гегемонию на Среднем Востоке и в Турции натолкнулись на сопротивление Великобритании и Франции и встретили неодобрение Австрии. Конфликт начался в 1850 г. со споров, какая из христианских церквей, православная или католическая, должна быть блюстителем особо почитаемых храмов в Палестине. Уже в 1852 г. Франции удалось нанести моральное поражение России тем, что ее президент Луи-Наполеон Бонапарт побудил султана признать в качестве таковых католических, а не православных священников. Николай I потребовал от султана смещения его министра иностранных дел. Однако, получив заверения в поддержке западных держав, Стамбул ответил царю отказом, что стало непосредственным предлогом для начала войны между Россией и Турцией. Российский император, веривший в военное превосходство своей империи, вознамерился воспользоваться случаем для укрепления стратегического положения России, устранив проблему Черноморских проливов и еще больше упрочив свое влияние на Балканах.

Попытки мирного разрешения конфликта не удались. Николай I, рассчитывая на неприязнь Великобритании к императору Наполеону III, решился нанести Турции смертельный удар, введя свои войска в княжества Молдавию и Валахию, находившиеся в вассальной зависимости от Османской империи. Одновременно царь потребовал от султана признать его покровителем всех живущих в Турции православных. В ответ британская и французская эскадры вошли в Мраморное море. Это был главный просчет Николая I. Обеспокоенный ростом российского влияния

Лондон пошел на сближение с Парижем. Вдохновленный поддержкой султан в октябре 1853 г. объявил войну России.

Первоначально турки намерялись нанести основной удар по России в Закавказье, воспользовавшись тем, что на Кавказе активные военные действия под руководством Шамиля вели горцы. Но планы эти оказались сорваны. 18/30 октября 1853 г. российский Черноморский флот под командованием адмирала П.С. Нахимова нанес сокрушительное поражение турецкому флоту в Синопе, сорвав десант в Грузии. Затем русские войска нанесли туркам ряд поражений в Закавказье, одновременно отбросив прорвавшихся к селению Цинандали горцев. Над Турцией нависла угроза поражения. Однако последствия этих побед оказались для России роковыми. Правительство Великобритании теперь всерьез стало опасаться, что крушение Османской империи и усиление позиций России в ближневосточном регионе нарушит сложившееся равновесие, поставив под угрозу британское владычество в Индии. Серьезную озабоченность высказывали и в Париже. В январе 1854 г. англо-французская эскадра двинулась в Черное море. России был направлен ультиматум с требованием очистить Дунайские княжества. В ответ Санкт-Петербург отозвал своих послов из Франции и Великобритании, а в марте русские войска перешли Дунай.

12 марта 1854 г. в Стамбуле был заключен союзный трактат между Великобританией, Францией и Турцией, направленный против России. Западные державы соглашались оказать помощь в войне Османской империи, признали необходимым сохранить «независимость» султанской власти престола и прежние границы Турции и обязались выслать в помощь последней флот и сухопутные войска, вывести которые они должны были в течение сорока дней после заключения мирного договора. Султан со своей стороны дал обязательство не заключать сепаратного мира с Россией. После подписания этого трактата королева Виктория 27 марта 1854 г. объявила России войну. Ее примеру последовал и Наполеон III. 10 апреля 1854 г. в Лондоне был подписан между Великобританией и Францией договор о помощи Турции в войне против России, дополнивший Константинопольский союзный трактат. Предусматривалось, что союзники будут сообща вести военные операции против России, не дадут согласия на предложения последней или посредников о прекращении военных действий и не вступят с ней в переговоры без предварительных консультаций друг с другом.

Константинопольский союзный договор Великобритании и Франции с Турцией и Лондонский англо-французский договор имели целью укрепить

решимость Турции продолжать войну против России, поскольку после вывода российских войск из Молдавии и Валахии в июне-июле 1854 г. за р. Прут турецкая элита стала склоняться к миру с Россией. Британский и французский флоты появились на Черном море и на Балтике, где блокировали русские крепости Кронштадт, Свеаборг и Бомарсунд. На Белом море англичане подвергли бомбардировке Соловецкий монастырь, на Мурманском побережье сожгли г. Колу, а на Дальнем Востоке англо-французская эскадра попыталась захватить Петропавловск-Камчатский. Тем не менее развитие военных действий за пределами черноморского региона не оказало существенного воздействия на ход войны в целом.

Основные военные действия развернулись теперь на Крымском полуострове, когда мощный десант англичан, французов и турок высадился у Феодосии. 60-тысячная союзная армия сразу же двинулась к основной военно-морской базе — Севастополю. 8 сентября 1854 г. у р. Альмы путь ей безуспешно попыталась преградить 35-тысячная русская армия. Отказавшись от идеи молниеносного штурма Севастополя, союзная армия обошла город, избрав своей основной базой Балаклаву.

Русскому командованию в ходе обороны Севастополя удалось организовать строительство укреплений и перекрыть вход в Севастопольскую бухту. 5 октября союзники предприняли первую бомбардировку Севастополя. В октябре 1854 г. русская армия попыталась деблокировать Севастополь, нанеся неожиданный удар по Балаклаве. Прикрывавшие союзную базу турки были отброшены, однако ее наступательный порыв был остановлен англичанами. Успех под Балаклавой не получил дальнейшего развития. Поражением закончилось новое сражение под Инкерманом, в котором особенно губительно проявилась техническая отсталость русской армии. Война стала принимать затяжной характер.

Надежды Николая I на помощь Австрии оказались напрасными. Более того, у Вены были свои причины не желать завоевания Россией Балкан и крушения Турции. Австрия мобилизовала свою армию и оккупировала Валахию и Молдавию, откуда русские войска были вынуждены эвакуироваться, чтобы избежать столкновения с новым врагом. Россия была вынуждена держать на юго-западе целую армию. Дипломатически Россия оказалась в состоянии изоляции, хотя союзникам и не удалось объединить против нее все европейские державы. 2 декабря 1854 г. между Австрией, Францией и Великобританией был заключен оборонительный и наступательный союз против России. Австрия подписала этот договор в надежде получить после поражения России в войне контроль над

Молдавией и Валахией. Договор обязывал стороны не вступать ни в какое сепаратное соглашение с Россией. Австрия брала на себя оборону Молдавии и Валахии от российских войск. Вскоре к договору присоединилась и Пруссия. Теперь австрийская дипломатия усилила давление на Россию. 16 марта 1855 г. к антироссийскому константинопольскому договору присоединилась и Сардиния, рассчитывавшая заручиться поддержкой Парижа в деле объединения Италии и направившая в Крым 18-тысячный корпус.

Основные силы русской полевой армии в Крыму бездействовали, пока героические защитники Севастополя истекали кровью, а союзники продолжали наращивать свои силы. К лету 1855 г. 75-тысячному гарнизону противостояла уже 170-тысячная армия союзников. 6 июня новый, особенно сильный штурм удалось отбить с большим трудом. 24 августа была начата новая бомбардировка, а 27-го союзники сумели захватить основной узел обороны — Малахов курган и русские вынуждены были отступать из города. Так закончилась 349-дневная героическая оборона Севастополя, падение которого предрешило исход войны. Воины уступали место дипломатам.

Еще 30 июля 1854 г. антироссийская коалиция выдвинула предварительные «четыре условия» мира: 1) Молдавия и Валахия должны были перейти под общий протекторат Франции, Великобритании, Австрии, Пруссии и России и временно остаться под австрийской оккупацией; 2) эти пять держав объявлялись покровительницами всех христианских подданных султана; 3) они получали право коллективного контроля над устьем Дуная; 4) Россия должна согласиться на пересмотр Лондонской конвенции о проливах 1841 г.

Весной 1855 г. в Вене состоялось совещание представителей России, нейтральной Австрии и членов коалиции — Великобритании, Франции и Турции с целью уточнения условий мира. Теперь союзники потребовали в дополнение к предъявленным условиям еще и разоружения Россией Севастополя, гарантии ею целостности Османской империи и согласия на ограничение российского военно-морского флота на Черном море. Посредничество австрийской дипломатии не принесло результата, договориться о мире не удалось, война продолжалась, и Венская конференция была объявлена закрытой.

С 25 февраля по 30 марта 1856 г. в Париже проходил завершивший Крымскую войну конгресс, в котором принимали участие Россия и находившиеся с ней в состоянии войны Великобритания, Франция, Турция и Сардиния, а также Австрия и Пруссия. Союзники, вопреки ожиданиям,

не выдвинули новых неприемлемых для России условий. В основу переговоров легли так называемые «четыре условия» мирного договора, выдвинутые антироссийской коалицией летом 1854 г., а также добавленное к ним после падения 8 сентября 1855 г. Севастополя требование союзников о нейтрализации Черного моря. В ходе работы конгресса российской дипломатии удалось несколько смягчить условия мира, используя англо-французские противоречия и несколько сблизившись с Францией. Договор провозглашал восстановление мира между участниками войны и предусматривал возвращение Россией Турции г. Карса с крепостью в Закавказье в обмен на Севастополь и другие города в Крыму, занятые союзниками. Черное море было объявлено нейтрализованным, России и Турции запрещалось иметь военно-морской флот и арсеналы, провозглашалась свобода судоходства по Дунаю под контролем двух международных комиссий. Россия должна была передать княжеству Молдавия устье Дуная и примыкающую к нему часть Южной Бессарабии. Отменялось право России «говорить в пользу» Молдавии и Валахии, установленное еще в 1774 г. Гарантировалась внутренняя автономия Сербии, Молдавии и Валахии под верховной властью Османской империи.

К Парижскому трактату были приложены три конвенции. Первая подтверждала Лондонскую конвенцию о проливах 1841 г., которая запретила проход военных судов европейских держав через Босфор и Дарданеллы. По второй устанавливались ограничения в отношении количества и водоизмещения легких военных судов России и Турции, предназначенных для несения сторожевой службы в Черном море. Третья — вводила демилитаризацию Аландских о-вов в Балтийском море, запретив России возводить на них укрепления и содержать войска.

В ходе Парижского конгресса России удалось использовать противоречия между победителями и на основе некоторого сближения с Францией добиться смягчения условий мира. Мирный договор был подписан 18(30) марта 1856 г. По статье XI Договора определялся статус Черного моря: оно «объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав». Отсюда следовало, по статье XIII, что «император всероссийский и... султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала», т. е. Россия не могла больше иметь военно-морского флота на

Черном море. Была также подписана отдельная конвенция, устанавливавшая демилитаризованный статус расположенных на Балтике Аландских о-вов, принадлежавших России. Это положение продолжает действовать до сих пор. В 1871 г., после поражения Франции во Франко-прусской войне, российский министр иностранных дел А.М. Горчаков объявил об отказе России от условий Парижского договора, ограничивавших военно-морское присутствие на Черном море.

Вопрос о передаче покровительства над христианскими подданными Османской империи европейским державам был разрешен фирманом султана 18 февраля 1856 г., в котором объявлялась свобода для всех христианских вероисповеданий. В соответствии с решениями Парижского конгресса 1856 г. с 22 мая по 19 августа 1858 г. во французской столице была проведена специальная конференция представителей России, Великобритании, Франции, Австрии, Турции, Пруссии и Сардинии с целью определения статуса княжеств Молдавии и Валахии, которые стремились объединиться в единое государство. В ходе этой конференции Российская империя, которую поддержала Сардиния, выступила за объединение княжеств, однако Австрия, Великобритания и Турция этому противились. 19 августа участниками конференции была подписана конвенция, предусматривавшая образование Соединенных княжеств Молдавии и Валахии под сюзеренитетом турецкого султана при сохранении в каждом из них власти своего князя, который должен был избираться пожизненно собраниями княжеств. В соответствии с конвенцией создавались общие для обоих княжеств орган для выработки законов и верховный суд. В случае войны милицейские корпуса княжеств должны были быть объединены в единую армию. Неприкосновенность княжеств гарантировались участниками конвенции. В начале 1859 г. избирательные собрания Молдавии и Валахии, несмотря на противодействие Турции, избрали общего господаря А. Кузу, завершив объединение обоих княжеств. Новое государство приняло название «Румыния». В условиях поддержки княжеств Россией и Францией Турция была вынуждена согласиться с избранием Кузы. В 1861 г. Румыния была признана европейскими державами — гарантами Парижской конвенции 1858 г.

Важным следствием новой международной ситуации, создавшейся в результате Крымской войны и Парижского мира, был распад англо-французской коалиции и переход Великобритании к политике «блестящей изоляции», состоявшей в отказе от длительных союзов с другими

государствами и сохранении полной свободы действий в международных делах.

Парижский мирный договор 1856 г. существенно изменил баланс сил на Ближнем Востоке и в Европе в целом. Борьба за восстановление своего авторитета и влияния, за выход из международной изоляции стала на длительный период одним из основных направлений внешней политики России. Тем не менее нейтрализация и демилитаризованный статус Черного моря гарантировали безопасную торговлю для России по морю и проливам. Коалиция противников России распалась почти сразу после завершения Парижской конференции, и абсолютной изоляции России не произошло.

В других регионах мира дипломатия европейских держав после революционных потрясений 1848–1849 гг. исходила из разных стратегических планов, тесно увязывалась с колониальными проектами, и нередко сотрудничество в зонах общих интересов перерастало в соперничество.

И европейцы, и США продолжали освоение северной части Тихого океана. В 1854 г. результатом военной экспедиции США в Японию стало подписание договора об открытии двух японских портов для внешней торговли. Вскоре после этого аналогичный договор был подписан японскими властями и с Великобританией. Широкие права и привилегии в торговле Япония предоставила в 1858 г. США, Нидерландам, Франции, России, Великобритании. Открытие японских островов для внешней торговли способствовало быстрой модернизации страны и началу глубоких реформ.

Наполеон III, стремившийся к созданию новой колониальной империи, подчинял свою дипломатию экспансионистским интересам, что влекло за собой ухудшение отношений Франции с рядом государств. Ярким примером франко-британского соперничества в Египте стало строительство, в основном на французские капиталы, судоходного Суэцкого канала в 1859–1869 гг. Благодаря каналу протяженность водного пути между Европой и Индией сократилась почти на 8000 км, и Великобритания, не желавшая отдавать контроль над стратегической артерией другим странам, выкупила у хедива пакет в 44 % акций канала.

Успешным было взаимодействие французских и английских сил в Китае. Англо-франко-китайская война 1856–1860 гг. вошла в историю международных отношений под названием второй «опиумной» войны. Воспользовавшись происходившим в Китае мощным Тайпинским восстанием, Англия в 1856 г. начала военные действия против Китая в

районе Гуанчжоу, а в начале 1857 г. к ней присоединилась Франция. В декабре 1857 г. англо-французские войска овладели Гуанчжоу. Весной 1858 г. военные действия продолжились уже на территории столичной провинции Чжили. В мае 1858 г. англо-французская армия, угрожая наступлением на Тяньзинь и Пекин, принудила китайское правительство подписать неравноправные Тяньцзиньские договоры с Англией и Францией. Торговля опиумом была полностью легализована. США, хотя и не принимали участия в военном конфликте, также заключили договор с Китаем, получив одинаковые с Францией и Англией торговые условия. Спустя год Англия и Франция, рассчитывая на новые уступки от Китая, возобновили военные действия. В августе 1860 г. их войска захватили Тяньцзинь, в октябре 1860 г. — Пекин. В результате китайскому правительству были навязаны пекинские англо-китайский и франко-китайский договоры (1860 г.).

Французские внешнеполитические амбиции периода Второй империи вели к резкому ухудшению отношений с США, только начавшаяся в 1861 г. Гражданская война временно ослабила влияние этого государства на международные отношения в Новом Свете. Фактический дефолт Мексики по долгам перед Великобританией, Испанией и Францией послужил поводом к подписанию англо-испано-французской конвенции в октябре 1861 г., которая предусматривала их совместную интервенцию в Мексику. Франция направила в Мексику сорокатысячную армию, а после вывода иностранных контингентов других держав военные действия в этой стране превратились во франко-мексиканский конфликт. Брат австрийского императора Максимилиан в июле 1863 г. был провозглашен французами императором Мексики, однако поставленные Наполеоном III военные цели в Мексике не были достигнуты, и французские войска покинули ее в феврале 1867 г., а лишенный военной поддержки император Максимилиан оказался в руках мексиканских патриотов и был расстрелян.

Фиаско французской мексиканской военной экспедиции и осложнение международных отношений в Европе, рост военно-политического значения Пруссии вынудили Францию оставить ее планы по укреплению влияния в Америке и отразились на ее колониальной политике в целом.

Расширение Российской империи в восточном направлении, происходившее поступательно на протяжении столетий, к середине XIX в. привело к необходимости дипломатического урегулирования и установления постоянных границ с Китаем, Японией и США. Общая граница с Китаем была установлена по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам, а спор с Японией о принадлежности островов в

Японском и Охотском морях был решен по обоюдному согласию сторон в 1875 г. По русско-японскому договору от 25 апреля (7 мая) 1875 г. страны обменялись территориями: Япония отказывалась от Сахалина, а взамен получила от России Курильские острова.

Еще одним регионом, судьбу которого необходимо было определить, оставалась Аляска. Крымская война показала, что русские колонии в Америке чрезвычайно уязвимы, поскольку они граничили с британской Канадой. Впервые мысль о продаже Аляски прозвучала в 1857 г. Не обладая необходимыми средствами для защиты своих интересов на Американском континенте, русский кабинет предпочел уступить все американские владения правительству США за 7,2 млн долл. Недовольство российско-американской сделкой проявила Великобритания, крайне заинтересованная в этих территориях. Однако на первый план в международных отношениях 1860-х годов все же выдвигался другой конфликт — соперничество за сферы влияния и территории в Азии между Великобританией и Россией. Масштабы экспансии Российской империи в этом регионе были вполне сопоставимы с масштабами английского продвижения. Если Россия и уступала Британии в уровне экономического развития и мощи своего военного флота, то на просторах Центральной Азии она обладала преимуществом благодаря своему географическому положению. Колонии России в Азии фактически представляли собой единое целое с метрополией. Уже в середине XIX в. стало очевидно, что основным направлением внешней экспансии России в Азии становится центральноазиатское. К 1846 г. Россия завершила присоединение казахских земель, а в середине 1860-х годов на покорение государств Центральной Азии были направлены значительные силы. Военные действия в регионе растянулись на два десятилетия. В 1868 г. под покровительство России перешел Бухарский эмират, в 1873 г. независимость была утрачена Хивинским ханством, а в 1876 г. к России присоединено Хивинское ханство. Таким образом, границы российской империи достигли пределов Афганистана.

Правительство Великобритании внимательно и с опасением следило за продвижением Российской империи в Азии. В конце 1870-х годов подданство России приняли племена Туркмении. В 1885 г. произошло вооруженное столкновение между отрядами афганских и русских войск у Кушки. Именно в это время в Британии стали говорить об угрозе ее колониальным интересам в Индии, исходящей со стороны России. В полную боевую готовность были приведены 50 тыс. солдат, размещенных в этом регионе, в Англии начали призывать на службу резервистов,

разрабатывались и планы перемещения британских войск в важнейшие точки Британской империи.

Десятилетия, прошедшие после подписания Парижского мира 1856 г., привели к результатам, прямо противоположным тем, что ожидали в столицах Западной Европы: вместо укрепления власти султана на Балканах в этом регионе происходило ее наиболее существенное ослабление. Мусульманское население не воспринимало поспешные реформы. Издание в Османской империи в 1856 г. хатт-и-хумаюна (августейшего начертания) способствовало разрушительным общественным процессам.

В августе 1856 г министр иностранных дел России А.М. Горчаков подписал циркуляр, определивший стратегическую линию внешней политики империи. Декларировался принцип невмешательства во внутренние дела других государств, в том числе отказ от военных усилий по укреплению легитимных династий. Основной задачей своего ведомства Горчаков считал поддержание длительного и прочного мира, но стратегической целью оставалась отмена нейтрализации Черного моря и укрепление российских позиций на Балканах, исключая методы силового давления. Горчаков придерживался осмотрительной и осторожной тактики на Балканах. Локальные выступления жестоко подавлялись, принося лишь страдания и кровь; в успех всеобщего восстания без вмешательства России он не верил, а последнее неизбежно повлекло бы за собой новое издание Крымской войны. Горчаков верно оценил и перспективы новых балканских государств, полагая, что они не останутся верными союзниками России, освободившись от османской зависимости, и «последуют дорогой своих материальных интересов».

Другой крупный дипломат, посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, напротив, верил в успех объединенных славян и был причастен к созданию балканского союза 1866–1869 гг. Этот замысел столкнулся с взаимоисключающими территориальными претензиями участников союза. Таким образом, осторожный курс Горчакова — поощрять проявление самостоятельности жителей Балкан и тем самым подрывать власть Высокой Порты — оставался генеральной линией российской дипломатии. «Послекрымское двадцатилетие» принесло на этом пути немалые плоды. Власть Порты слабела, княжества принимали свои законы, строили железные дороги, обзаводились промышленностью, заключали почтово-телеграфные конвенции и торговые соглашения.

В 50-60-х годах XIX в. близился к завершению процесс объединения Италии вокруг Пьемонта и правившей там Савойской династии. Пьемонт опирался первое время на поддержку Французской империи, а

противником объединения Италии выступала Австрия. 21 июля 1858 г. между Наполеоном III и премьер-министром Сардинского королевства Кавуром в Пломбьере было подписано секретное соглашение о войне против Австрии. Наполеон III пообещал Сардинскому королевству военную помощь для освобождения Ломбардии и Венеции от австрийского владычества и создания северо-итальянского государства во главе с Савойской династией. За это Кавур пообещал передать Франции Савойю и Ниццу. В ходе войны Сардинского королевства и Франции против Австрии в апреле 1859 г. французский император, напуганный ростом национально-освободительного и революционного движения в Италии, пошел на предательство своего союзника и 11 июля 1859 г. заключил Виллафранкское перемирие, по условиям которого Венеция оставалась под властью австрийцев, несмотря на их поражение в войне.

16 октября 1859 г. в Цюрихе открылась мирная конференция, по итогам которой 10 ноября были подписаны мирные договоры: австро-французский, франко-сардинский и общий австро-франко-сардинский. Согласно этим договорам к Сардинии от Австрии отошла Ломбардия (кроме крепостей Пескьера и Мантуя). Герцогам Моденскому, Пармскому и великому герцогу Тосканскому возвращались их владения. Из итальянских государств предполагалось создать конфедерацию под председательством римского папы. На деле это могло закрепить раздробленность Италии. За Австрией осталась Венеция, которая должна была войти в состав конфедеративного образования в качестве равноправного члена. Сардиния обязалась выплатить Франции 60 млн флоринов. Заключенные в Цюрихе договоры представляли собой попытку свести все изменения к передаче Сардинии одной только Ломбардии. Но 24 марта 1860 г. в Турине был подписан договор между Сардинским королевством и Францией, предусматривавший передачу Савойи и Ниццы Франции. В свою очередь, Франция признавала присоединение государств Центральной Италии к Сардинии, что противоречило Цюрихским договорам 1859 г.

В первой половине 1860-х годов международные отношения в Европе были омрачены напряженным положением в Польше, которое вызвало сочувствие общественного мнения Великобритании и Франции, тем более, что император Наполеон III стремился к восстановлению там французского влияния.

Восстание в российской части Польши началось раньше намеченного срока, в конце января 1863 г., как реакция на объявленный властями рекрутский набор. Провозглашенное восставшими Временное правительство начало свою деятельность с декрета о передаче крестьянам

обрабатываемых ими наделов с последующей компенсацией за счет государства.

Тем временем Франция заявила о своей готовности «защитить» угнетенную нацию. В этом ее поддержала Великобритания и менее решительно Австрия. Однако, когда в июне 1863 г. правительства Франции, Великобритании и Австрии потребовали от России определенных гарантий для Польши, то российский министр иностранных дел отказался обсуждать этот вопрос. Александр II полагал, что независимость Польши «дело практически невозможное». Россию поддержал лишь прусский канцлер и министр иностранных дел Бисмарк. 27 января 1863 г. прусский посол в России Альвенслебен подписал с Горчаковым соглашение, обеспечившее помощь действовавшим в Польше русским войскам. На практике оно не применялось, но закрепляло дружеские русско-прусские отношения, важные для Бисмарка, планировавшего начать объединение Германии. Важным фактором, который в начале 1860-х годов способствовал быстрому возвышению Пруссии, являлся тот, что Бисмарк был склонен пренебрегать общепринятыми нормами в международных отношениях и его выбор средств достижения целей всецело зависел только от степени их эффективности. Такие принципы прусского правительства на международной арене современники оценивали как «реальную политику».

К лету 1863 г. восстание охватило практически все Королевство (Царство) Польское, а также часть Литвы, Белоруссии и Украины. Однако консервативные польские круги, возглавив правительство, не приступили к реализации аграрного законодательства и созданию народного ополчения, полагаясь на военную поддержку европейских держав. Разногласия между консерваторами и радикальными демократами способствовали поражению восстания. К маю 1864 г. восстание было почти полностью подавлено российскими властями, Царство Польское было включено в состав России с полной ликвидацией национальных институтов, но, несмотря на расправу с участниками восстания, Петербург все же вынужден был удовлетворить некоторые их требования. В 1864 г. на польских землях началась аграрная реформа, крестьяне стали собственниками своих земель, выкупные платежи взимались налогами в размере 2/3 от прежней ренты, безземельные крестьяне также получили наделы.

Прусское королевство ликвидировало национальные особенности входивших в Пруссию, а затем в Германскую империю польских земель и их административных институций. В целях массового приобретения немцами польских земель была создана специальная Колонизационная комиссия. И в Пруссии, и в России ущемлялась и национально-культурная

автономия польских территорий. На бывших землях Речи Посполитой, отошедших Австро-Венгрии, положение заметно отличалось от порядков, вводившихся Пруссией и Россией. Так, Галиция обладала широкой автономией, а права местного сейма были расширены.

В 1863 г. вновь обострился шлезвиг-гольштинский вопрос. В январе 1852 г. датское правительство опубликовало указ об основных положениях общей конституции для всех трех частей государства. Согласившись с позицией Дании, Пруссия и Австрия вывели свои войска из Гольштейна. Однако в датском парламенте указ вызвал большое недовольство, так как создавал опасный прецедент вмешательства германских государств во внутренние дела монархии. Германские государства заявили Копенгагену, что общая конституция не соответствует принятым в 1851–1852 гг. решениям и несправедлива в отношении немецкого меньшинства. Общегерманское Союзное собрание потребовало от Дании отмены конституции под угрозой оккупации Гольштейна. Напуганное датское правительство пошло на уступки. Великобритания рекомендовала датскому правительству отменить языковые указы и дать Шлезвигу отдельную конституцию.

Постоянное вмешательство германских держав во внутреннюю политику триединого государства и угрозы оккупировать Гольштейн неоднократно создавали угрозу новой войны. Общественное мнение Дании также склонялось к военному решению проблемы создания государства до Эйдера, поскольку в стране еще не спала эйфория от победы.

В датском правительстве излишне оптимистично рассчитывали на поддержку в конфликте с Германией со стороны Наполеона III и на благожелательную позицию Великобритании. Однако политическое положение в Европе в это время изменялось не в пользу Дании. Поэтому, когда в ноябре 1863 г. датский парламент принял общую для Дании и Шлезвига конституцию, оппоненты этого решения в самой Дании говорили о нарушении юридических основ датской монархии, которые нейтральные державы считали необходимым соблюдать для поддержания европейского равновесия. Разрыв соглашений 1851–1852 гг. мог привести к войне, завоеванию Гольштейна и оккупации Пруссией датских портов. Согласно новой конституции вводился двухпалатный парламент — ригсрод, в котором за депутатами от Дании обеспечивалось большинство. Конституция должна была вступить в силу с 1864 г. после подписания ее королем. Этот документ был явным вызовом германским государствам.

Вступивший на датский престол Кристиан IX Глюксбург, несмотря на просьбы Франции и России отложить подписание новой конституции

Дании и Шлезвига, 18 ноября под давлением своего правительства и общественного мнения все же подписал новый текст основного закона. В ответ Бисмарк заявил, что эта конституция является нарушением соглашений 1851–1852 гг., но, предпочитая прямо присоединить герцогства к Пруссии, он нуждался в поддержке своих планов со стороны других ведущих держав. С целью получить такую поддержку Пруссия одобрила предложение Наполеона III от 5 ноября 1863 г. о созыве конгресса для урегулирования судьбы Польши и замены Венской системы новыми соглашениями. С той же целью Бисмарк поддержал и Россию в ходе польского восстания 1863–1864 гг.

Пруссия и Австрия выставили условием признания Кристиана IX отмену ноябрьской конституции, франкфуртское Союзное собрание 7 декабря 1863 г. постановило оккупировать Гольштейн. Франция, Англия и Россия также поддержали требование отмены новой конституции через совместный демарш своих чрезвычайных посланников в Копенгагене.

Во время правительственного кризиса в Дании произошла оккупация Гольштейна немецкими войсками, а 30 декабря герцог Августенбургский вступил в Киль. Эти события заставили Великобританию 31 декабря 1863 г. предложить собрать мирную конференцию. Бисмарк, зная об изоляции Англии и о том, что ее не поддерживают Франция и Россия, предварительно потребовал отмены конституции. 16 января 1864 г. Пруссия и Австрия направили датскому правительству ультиматум, который был им отклонен, а 1 февраля 1864 г. австрийские и прусские войска в 60 тыс. человек заняли Шлезвиг. Началась новая война между Данией и германскими государствами, к которой сама Дания была слабо подготовлена. В Копенгагене возлагали большие надежды на укрепленную линию Даневирке, но ее оборона силами малочисленного датского войска в зимних условиях оказалась невыполнимой задачей. К марту 1864 г. сорокатысячная датская армия отступила через Фленсбург на укрепленные позиции у г. Дюбель, тогда как другая часть датской армии отошла на север Ютландии в крепость Фредерисия. 18 апреля 1864 г. прусско-австрийские войска разгромили датчан у Дюбеля, где последние продержались около 10 недель, понеся значительные потери. 29 апреля датские войска вынуждены были оставить Фредерисию и эвакуироваться на острова Альс и Фюн.

Перспективы военной помощи Дании со стороны Англии и Франции были минимальными. В этих условиях России удалось добиться созыва в Лондоне весной 1864 г. конференции для разрешения конфликта. 25 апреля 1864 г. в Лондоне при участии Великобритании, Франции и России начались мирные переговоры между представительствами воюющих

государств. После ряда военных успехов цель Пруссии была сформулирована открыто — присоединение герцогств. Бисмарку удалось заставить конференцию принять решение разделить Шлезвиг. Датское правительство отказалось рассматривать всякую границу, исключаящую с ее территории г. Фленсбург и смешанную территорию, настаивая на линии Шлей-Даневирке. Посредничество Англии и Франции ни к чему не привело, идея плебисцита в смешанных районах после отвода австро-пруссских войск также не была принята датчанами. Неудачный исход лондонской конференции означал для Дании потерю Шлезвига. Конференция также выявила и губительный для Дании антагонизм между Англией и Францией, ставший прологом к неизбежной гегемонии Германии.

25 июня военные действия между Данией и германскими государствами возобновились. Немцам удалось взять о. Альс, австрийский флот подошел к датским водам, Ютландия уже была занята вплоть до Скагена. Расчет на помощь Великобритании или Франции оказался нереалистичным. В этих условиях новое датское правительство немедленно начало переговоры с Пруссией и Австрией, которые привели к Венскому договору 30 октября 1864 г. Король Дании оставлял прусскому королю и австрийскому императору Гольштейн, Лауэнбург и Шлезвиг.

14 августа 1865 г. в Гаштейне Австрия и Пруссия подписали конвенцию с целью урегулирования вопроса о герцогствах Шлезвиг и Гольштейн, по которой право собственности на всю территорию обоих герцогств принадлежало Австрии и Пруссии, но управление ими объявлялось раздельным. В Гольштейне создавалась австрийская администрация, а в Шлезвиге — прусская.

Разрешив шлезвиг-гольштейнскую проблему, Бисмарк пошел на следующий шаг по пути объединения Германии «железом и кровью» — вытеснение Австрии из Германии. Новый экспансионистский шаг был подготовлен дипломатически. Бисмарку удалось заручиться нейтралитетом Наполеона III, пообещав не препятствовать присоединению к Франции части Бельгии и даже левого берега Рейна. В апреле 1866 г. Бисмарк заключил тайное соглашение с Италией, пообещав ей не мешать присоединению Венеции. После этого прусский канцлер прямо перешел в наступление. Он предложил Вене обсудить вопросы реформирования Германского союза, созданного решениями Венского конгресса, и пересмотреть статус Гольштейна, куда в июне 1866 г. были введены прусские войска. Постановка этих провокационных для Австрии вопросов вызвало войну. Бундестаг Германского союза по предложению Австрии

решил начать мобилизацию. В ответ на это 16 июня прусские войска вступили в Саксонию, Ганновер, Гессен-Кассель и перешли австрийскую границу. На стороне Австрии выступили Бавария и некоторые другие южногерманские государства, но их военные силы были незначительны. Положение Австрии резко ухудшилось из-за того, что с юга на нее напала Италия, что заставило австрийцев вести войну на два фронта. В военных действиях против итальянских войск австрийцам сопутствовала удача, они разбили итальянцев в сражении под Кустоццей. Успешными были действия австрийского военно-морского флота на Адриатике. Однако на основном театре военных действий австрийские войска были вынуждены отступать. Неожиданно для всей Европы кампания здесь была решена почти за месяц. 3 июля 1866 г. под деревней Садова (в Чехии) пруссаки нанесли австрийской армии решающее поражение. Прусская армия вторглась на территорию собственно Австрии, неудача постигла и войска союзников. Был открыт путь на Вену. Однако трезвомыслящий Бисмарк, опасаясь, что продолжение войны приведет к вмешательству Франции, а это может сорвать планы объединения Германии под эгидой Пруссии, настоял на немедленном заключении мира.

26 июля между Австрией и Пруссией был подписан Никольсбургский прелиминарный мирный договор, территория Австрийской империи, за исключением Венеции, которая передавалась Италии, оставалась нетронутой. Более того, Пруссия обязалась после заключения окончательного мира вывести войска из австрийских владений. Австрия признала «новую организацию Германии без участия Австрийской империи» и согласилась на создание союза германских государств к северу от р. Майн. Территория Саксонского королевства оставалась неизменной, а его будущее положение в Северогерманском союзе подлежало определению в отдельном мирном договоре.

Окончательно результаты войны между Пруссией и Австрией были закреплены мирным договором от 23 августа 1866 г. Австрия передавала Пруссии все права на Шлезвиг и Гольштейн при условии, что Северный Шлезвиг будет воссоединен с Данией, если его население на референдуме пожелает этого. Со своей стороны Пруссия обязалась вывести войска с территории Австрии не позднее чем через три месяца после ратификации договора. Возобновлялось действие всех договоров, заключенных между Австрией и Пруссией до войны, Германский союз упразднялся. Австрия оказалась фактически вытесненной из Германии, объединение которой теперь окончательно пошло по «малогерманской» модели.

Военное поражение поставило Габсбургов перед серьезной

проблемой, тем более что отношения с подвластной Венгрией обострились. Уже через день после подписания Пражского мира, 25 августа 1866 г. начались переговоры Вены с венгерской оппозицией, в результате которых страна была преобразована в своеобразное конфедеративное государство на дуалистических началах, с двумя центрами, которое стало называться Австро-Венгрия.

Благодаря поражению Австрии ускорился процесс завершения объединения Италии. 3 октября 1866 г. в Вене был подписан мирный договор между Австрией и Италией, который подтвердил передачу Венецианской области Италии и установил новую границу. Процесс объединения Германии вокруг Пруссии пошел полным ходом. Вскоре к ней были присоединены Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау, Франкфурт-на-Майне, причем Бисмарку потребовалось немалое дипломатическое искусство, чтобы побудить Александра II отказаться от вмешательства под предлогом защиты «легитимных» прав германских монархов. В начале 1867 г. был образован Северогерманский союз, в котором под главенством Пруссии объединились все германские земли к северу от р. Майн. Германские государства к югу от Майна были вынуждены заключить с Северо-Германским союзом оборонительные и наступательные договоры. Теперь на пути завершения объединения оставалась лишь Франция.

Во второй половине 1860-х годов обострились взаимоотношения между Францией и Пруссией из-за Люксембурга. Обеспокоенный усилением Пруссии Наполеон III обратился к королю Нидерландов и великому герцогу Люксембургскому Вильгельму III с предложением купить герцогство, занимавшее важное стратегическое положение. Герцог согласился, однако Бисмарк выступил против. В прусской печати началась антифранцузская кампания. Возникла реальная угроза войны. Тогда российский канцлер А.М. Горчаков предложил созвать международную конференцию для решения вопроса о Люксембурге. В апреле 1867 г. посол России в Лондоне Ф.И. Бруннов попросил британского премьера лорда Дерби официально выступить с предложением созыва такой конференции и передал ему проект договора о статусе Люксембурга, который предусматривал гарантию нейтралитета герцогства. Поначалу британское правительство возражало против пункта о гарантии нейтралитета, но еще до начала конференции российскому послу удалось склонить на свою сторону представителей Австро-Венгрии, Франции и Пруссии. В работе конференции приняли участие представители России, Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Италии, Нидерландов, Пруссии, Франции, Люксембурга, и 29 апреля(11) мая ее участниками был подписан договор,

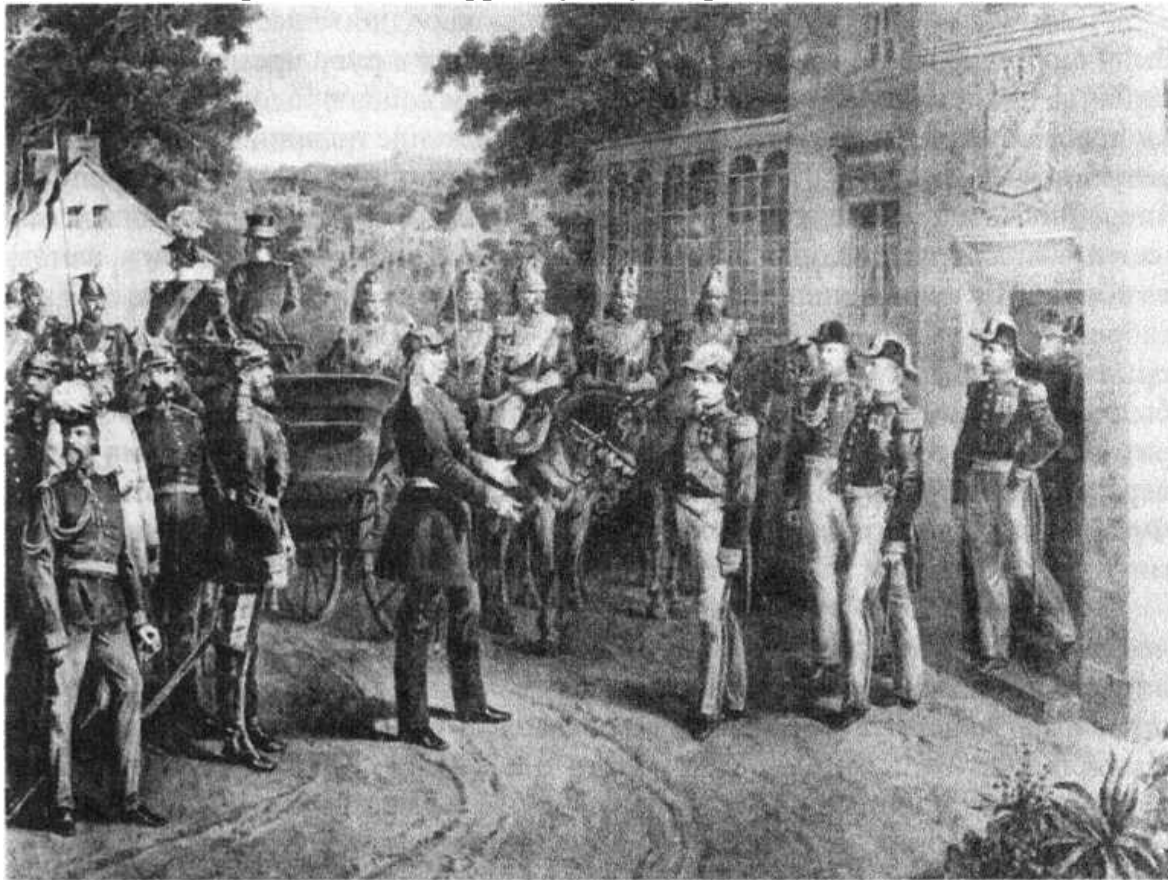
по которому корона Великого герцогства Люксембургского признавалась за домом Нассау. Герцогство в границах 1839 г. было объявлено «вечно нейтральным» государством. Гарантами нейтралитета, как и предусматривалось российским проектом, выступали все подписавшие его государства, кроме Бельгии, которая сама объявлялась нейтральной. Люксембург объявлялся открытым городом, все укрепления подлежали сносу, а Пруссия обязалась вывести с территории герцогства свои войска.

Предлогом для Бисмарка в сведении счетов с Наполеоном III послужила испанская проблема. В 1869 г. правительство Испании пригласило на вакантный престол принца Леопольда Гогенцоллерна, прусского офицера и близкого родственника короля Пруссии Вильгельма I. С согласия короля принц дал положительный ответ. Тогда правительство Наполеона III заявило протест, потребовав от Пруссии запретить принцу занимать престол Испании. 12 июля 1870 г. принц отклонил приглашение Испании, но этот инцидент послужил основой более глубокого конфликта. Ни Наполеон III, ни Бисмарк не были довольны урегулированием вопроса, и каждый из них стремился извлечь из него более значительные выгоды.

По предписаниям императора французский посланник в Берлине Бенедетти передал находившемуся в городке Эмсе Вильгельму I требование о гарантиях «на все будущие времена» не давать согласия на кандидатуру Леопольда Гогенцоллерна в качестве короля Испании. Вильгельм I на предложение французского дипломата ответил отказом. Изложение беседы Бенедетти с королем было послано 13 июля 1870 г. по телеграфу канцлеру Бисмарку в Берлин, который умышленно сократил текст этого сообщения так, что оно приняло резкий, даже оскорбительный для французского правительства смысл. Этот искаженный текст «Эмской депеши» был передан Бисмарком в печать и всем прусским миссиям за границей, и на следующий день он стал известен в Париже, вызвав скандал. 19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии. Началась война, получившая в историографии название франко-прусской, хотя Пруссию поддержали не только остальные государства Северогерманского союза, но даже ориентировавшиеся прежде на Францию четыре государства — Баден, Бавария, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт.

Наполеон III оказался в состоянии дипломатической изоляции: Великобритания теперь видела в нем соперника в колониальных захватах, Россия не могла забыть Крымскую войну, унижительные условия Парижского мира и моральную поддержку французами польского восстания 1863 г., а воссоединившаяся Италия простить императору того, что он сопротивлялся включению Папской области в ее состав.

Потерпевшие недавно поражения от Пруссии Дания и Австрия не желали рисковать. Франция оказалась плохо подготовлена к современной войне, тогда как войска германских государств были полностью отмобилизованы и численно вдвое превосходили французскую армию.

Ф.Р. Хартвич. Франко-Прусская война. Пленение Наполеона III. Литография. 1870 г.

В начале августа германские войска переправились через Рейн и стали вдоль границы с Эльзасом и Лотарингией; французская армия под общим командованием Наполеона III развернулась по северо-восточной границе от Бельфора до Саарбрюккена. Немцы перешли в наступление, война сразу перешла в активную стадию, причем французы терпели одно поражение за другим. Первое крупное сражение произошло у городка Вейсенбург, где четырехтысячному французскому соединению сутки пришлось сдерживать 45-тысячную армию немцев. Сосредоточенные у Страсбурга 46 тыс. французских солдат не смогли противостоять напору 120 тыс. немцев. Находившиеся под командованием маршала Мак-Магона войска были разгромлены. 12 августа Наполеон III, возложив обязанности главнокомандующего на маршала Базена, уехал из Меца в Шалон, где намеревался собрать отступавшие войска Мак-Магона для прикрытия

Парижа. Однако вскоре Мак-Магон с 90-тысячным корпусом был зажат двумя наступавшими немецкими армиями между бельгийской границей у городка Седан и р. Мез. 1 сентября эти французские войска были атакованы 140-тысячной армией немцев, которые использовали тяжелую артиллерию. Разгорелось кровопролитное 12-часовое сражение, в ходе которого французы понесли тяжелые потери. К тому же у них кончились боеприпасы. Видя безнадежность положения, прибывший в Седан Наполеон III приказал капитулировать.

4 сентября 1870 г. в Париже вспыхнуло народное восстание, монархия была ликвидирована, власть во Франции перешла в руки временного «правительства национальной обороны». Тем временем война продолжалась. Попытки нового правительства стабилизировать положение не приносили желанных результатов, хотя в короткий срок удалось сформировать 11 новых корпусов численность в 220 тыс. человек. В занятых немцами провинциях разгоралась партизанская война. Однако в конце сентября немцы окружили Париж, а ставка короля Пруссии Вильгельма I располагалась в Версальском дворце. 27 октября у Меца капитулировали войска Мак-Магона. В конце 1870 г. была предпринята попытка прорвать дипломатическую изоляцию страны. Адольф Тьер был направлен правительством «национальной обороны» в Россию, Великобританию, Австро-Венгрию и Италию с тем, чтобы договориться с ними о поддержке в войне с Пруссией, однако успеха не добился. Становилось ясно, что Франция потерпела сокрушительное поражение и спасение страны — в прямых мирных переговорах с Бисмарком, которые и начались в январе 1871 г.

18 января 1871 г. в Версальском дворце в присутствии германских королей, герцогов и курфюрстов, членов их правительств, генералов и офицеров после торжественного богослужения Вильгельм I объявил, что принимает предложенный ему германскими государями и немецким народом титул Императора.

26 января военные действия под Парижем были прекращены, а 28 января министр иностранных дел временного французского правительства Ж. Фавр направился в Версаль. Через пять дней соглашение об общем перемирии было готово. Проходившее в Бордо Национальное собрание Франции 12 февраля избрало Тьера премьер-министром и одобрило условия мирного договора, подготовленные Бисмарком и Тьером. 26 февраля 1871 г. в Версале Тьер и Бисмарк подписали прелиминарный договор, по которому к Германии отходили французские Эльзас и Восточная Лотарингия, на Францию накладывалась гигантская

контрибуция в размере 5 млрд фр. Дальнейшую разработку окончательных условий мирного договора прервало провозглашение в марте 1871 г. Парижской Коммуны, поскольку Тьер руководил подавлением этого очага гражданской войны в столице Франции. Лишь когда окончательный разгром коммунаров был близок, 6 мая, между Германией и Францией во Франкфурте-на-Майне вновь возобновились переговоры, и 10 мая окончательный мир был подписан. Согласно Франкфуртскому мирному трактату, Германия также аннексировала железорудный район к западу от Тионвиля, возвратив Франции крепость Бельфор, устанавливалась новая граница между государствами и определялся порядок выплаты контрибуции: Франция должна была сделать первый взнос в 500 млн фр. через 30 дней после восстановления власти правительства Тьера в Париже, до конца 1871 г. — 1 млрд, к 1 мая 1872 г. — еще 500 млн фр. Оставшиеся 3 млрд фр. французы обязались выплатить ко 2 марта 1874 г. Кроме того, Франция брала на себя расходы по содержанию оккупационных немецких войск до окончания выплаты контрибуции. Между Францией и Германией устанавливался режим наибольшего благоприятствования в торговле.

В то время как Германская империя обретала мощь и влияние в международных отношениях на европейском континенте, Османская империя с каждым десятилетием их утрачивала, и быстрее всего национально-освободительные процессы развивались на Балканах.

Одним из важнейших факторов в новом Восточном кризисе 1875–1878 гг. стал боснийский вопрос. Удаленное положение Боснии от столицы, наличие у нее собственных военных формирований, а также важное торговое значение этой провинции — все это повлияло на возникновение первого очага восстания именно здесь. Катализатором вооруженного сопротивления османским властям послужило резкое увеличение размера налогов и требование их выплат в денежной форме.

Летом 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине. В апреле 1876 г. — в Болгарии, возглавленное так называемыми «апостолами». Заранее подготовленные конные «летучие отряды» объезжали города и села юга страны под знамена с надписью «Свобода или смерть», им удалось призвать до 10 тыс. человек. На повстанцев обрушились страшные репрессии, мятеж подавляли «славившиеся» своей свирепостью башибузуки, не щадившие ни женщин, ни детей, ни стариков. Комиссия из англо-американских журналистов и российских представителей оценивала количество пострадавшего населения в 30–40 тыс. По Европе прокатилась волна протеста, активизировалась и западная дипломатия. Но подготовленные в Петербурге проекты реформ подвергались редакции в

Лондоне и Вене, становясь более умеренными.

Вместе с тем возраставшее в Османской империи народное недовольство власти традиционно направляли против христианского населения и европейских дипломатов, поддерживая воинствующий фанатизм и провоцируя погромы. Во время одного из таких погромов в Салониках были убиты консулы Германии и Франции. В июне 1876 г. Сербия и Черногория начали военные действия против Порты. На Балканы в помощь сербам отправились и российские добровольцы[^] снаряжались полевые госпитали, благотворительными обществами собирались миллионные суммы. Но эти усилия не смогли спасти сербов от разгрома, и лишь по ультимативному требованию Петербурга турки прекратили наступление на Белград.

В ноябре-декабре 1876 г. состоялась конференция послов в Константинополе. На предварительных заседаниях удалось достигнуть договоренности о предоставлении восставшим провинциям автономного статуса. На официальном открытии форума османский уполномоченный Сафет-паша торжественно объявил, что султан Абдул-Хамид II 23 декабря 1876 г. даровал конституцию, в которой все подданные империи объявлялись османами, всем, без различия конфессий, предоставлялись одинаковые права, и, стало быть, никто в особых гарантиях не нуждается. Великие державы продолжили конференцию, но попытки уладить разногласия между их представителями и представителями Турции успехом не увенчались. В январе 1877 г. послы великих держав покинули Константинополь, конференция завершилась безрезультатно. Вскоре была предпринята еще одна дипломатическая попытка воздействовать на султанское правительство. В Лондоне 19 (31) марта 1877 г. был подписан протокол, содержащий рекомендации Порте о проведении реформ, на что турки дали согласие. Данный факт был увязан с последующей демобилизацией турецкой и русской армий. Но 29 марта (10 апреля) 1877 г. Османская империя отказалась от реализации решений Лондонского протокола, что давало легитимные основания России для начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Вместе с тем стало очевидно, что восставшие без вмешательства России потерпят поражение. Российская общественность находилась во власти милитаристских настроений, а в правительстве, напротив, преобладал пессимизм. Канцлер и несколько министров не желали повторения крымской трагедии и считали опасным выходить за пределы дипломатических акций. Тем не менее кабинет министров был вынужден смириться с волей царя заняться дипломатической подготовкой

надвигавшейся войны. Основной целью на этом этапе было достижение нейтралитета Венского кабинета. По заключенной в 1877 г. в Будапеште конвенции Россия обязалась не способствовать образованию на Балканах большого славянского государства, а австро-венгерская монархия могла занять своими войсками Боснию и Герцеговину. Удалось заключить две конвенции с Румынией: военную, регулировавшую проход российских войск через эту страну, и политическую, признававшую де-факто независимость княжества, в которой великие державы ему отказывали.

2 (14) апреля 1877 г. последовало объявление войны Турции. 9 (21) мая 1877 г. Национальное собрание Румынии провозгласило независимость страны, и Румыния вступила в войну на стороне России. Освободительный характер начавшегося похода стал очевиден. В июне русские войска форсировали Дунай, освободили Велико Тырново, заняли всю северную часть Болгарии, выход к Балканскому хребту и овладели Шипкинским перевалом. План Горчакова — ограничиться малой войной, не переходя через Балканы, подписать умеренный договор с Турцией, не предусматривая в нем независимости для Сербии и Черногории, стал представляться не соответствующим достигнутым успехам и открывающимся перспективам. Самого Горчакова по сути отстранили от руководства внешними делами, на первый план выдвинулись чиновники, стремившиеся извлечь максимум из достигнутого военного успеха.

И тут в ходе военных операций произошла осечка. Кавказская казачья бригада миновала стратегический пункт Плевна, не обратив внимания на то, что из Софии к нему двигался 50-тысячный турецкий корпус. Оставлять такую силу в тылу наступающих войск представлялось безрассудным. Два поспешных и плохо подготовленных штурма обернулись тяжелыми потерями. Под Плевну прибыла румынская армия, но и третий штурм обернулся неудачей и страшными жертвами. Лишь 28 ноября (10 декабря) 1877 г. измученный артиллерийским обстрелом и голодом турецкий гарнизон предпринял попытку прорыва, но почти целиком (43 тыс. солдат и офицеров) попал в плен. Вслед за взятием Плевны русские войска прорвались через хребет и разгромили турецкую группировку у выхода с перевала. Начался стремительный рывок Дунайской армии к Адрианополю и Стамбулу. В войну вновь вступила Сербия.

К объявленной Россией освободительной войне на Балканах Западная Европа отнеслась скептически, обвиняя Петербург в желании контролировать Босфор и Дарданеллы. Горчаков прилагал все усилия, стремясь не допустить вмешательства в войну Великобритании. Он заверял Лондон, что захват турецкой столицы в планы командования не входит, а

вопрос о статусе проливов должен быть решен с общего согласия держав. Тщетным оказался расчет на нейтралитет Австро-Венгрии. Глава ее внешнеполитического ведомства граф Д. Андраши вел себя так, будто будапештской конвенции не существовало. Еще в ноябре 1876 г. на секретном заседании имперского совета под председательством кайзера Франца Иосифа рассматривался план похода против России, предусматривался прорыв британского флота в Черное море и как результат операции — выдворение России с низовьев Дуная и прочное утверждение там Австро-Венгрии.

В Англии сторонников войны возглавляли королева Виктория и премьер-министр Б. Дизраэли. 13 февраля 1878 г. эскадра адмирала Хорнби вошла в Дарданелльский пролив и бросила якорь. Помешать ее прорыву в Черное море не представлялось возможным, флот в Севастополе не был восстановлен, а тяжелая артиллерия у русской армии отсутствовала. Это опасное противостояние — российской армии на суше и британского флота у берега — продолжалось до подписания окончательного мира.

Австрийцы и англичане вели переговоры о военном сотрудничестве. Ни те, ни другие не собирались искать победы на российских просторах, но в качестве основного варианта действий рассматривали войну на истощение. Важным фактором, который Петербург вынужден был принимать в расчет, оставалось отсутствие у России мощного военного флота, тогда как британский флот способен был парализовать российскую морскую торговлю, заперев Босфор и Дарданеллы, перерезав все морские пути, подвергнув блокаде российские порты. Это грозило дефолтом и увеличением государственного долга, крахом преобразований и увековечением отсталости страны.

Австро-Венгрия находилась в зоне доступности для российского оружия. Но против создания какой либо угрозы для Габсбургской монархии и ее положения как великой державы выступал Бисмарк. В этих условиях и великий князь Николай Николаевич, и военный министр Д.А. Милютин пришли к выводу, что дальнейшая война бессмысленна, так как лучших результатов добиться невозможно. 19 февраля (3 марта) Н.П. Игнатьев подписал в местечке Сан-Стефано близ Стамбула предварительный мирный договор, по которому Болгария в пределах от Эгейского моря до Дуная и от Черного моря до Охридского озера получала статус автономного княжества с широкими правами, Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми государствами с солидным территориальным приращением, Босния и Герцеговина объявлялись автономной провинцией, в Закавказье к России отходили Батум, Ардаган, Карс и Баязид. Лондон и

Вена ответили на заключение трактата нотами протеста. Особое недовольство вызывало создание так называемой «Сан-Стефанской» Болгарии. Венский двор заявил о готовности воспрепятствовать ее образованию любыми средствами, вплоть до военных. Суть англо-австрийских требований к России сводилась к проведению конгресса державами — участницами Парижского договора 1856 г. и ревизии всего текста Сан-Стефанского прелиминария.

Берлинский конгресс (1(13) июня — 1(13) июля 1878 г.) признал независимый статус Румынии, Сербии и Черногории, против чего ранее возражали все державы, кроме России. Вместе с тем намеченная в Сан-Стефано территория Болгарии была значительно урезана, причем лишь земли к северу от Балканского хребта, София и порт Варна к югу вошли в княжество, а остальные южные земли, такие, как провинция Восточная Румелия, получили ограниченное самоуправление. Австро-Венгрия приобрела право на бессрочную оккупацию Боснии и Герцеговины, а Великобритания в награду за услуги, оказанные Порте, оккупировала о. Кипр. Таким образом, власть Порты обрушилась на большей части Балканского полуострова, в Закавказье Батум, Карс и Ардаган вошли в состав России. В Петербурге считали конгресс «черной страницей» в истории российской дипломатии.

Давление со стороны великих держав на Россию было не единственным фактором, способствовавшим пересмотру Сан-Стефанского договора. Против подписанного в Сан-Стефано акта выступили Румыния, Сербия, Черногория и Греция. Российская дипломатия не давала себе отчета в сложности территориального разграничения в регионе, где издавна сосуществовали разные этносы. Сосуществовавшим с Болгарией нациям разграничение «по Сан-Стефано» представлялось ущемляющим их интересы.

Особенно острый конфликт завязался вокруг возвращения России Южной Бессарабии (в обмен на Северную Добруджу). Румыния не возражала против компенсации, но и бессарабский плацдарм хотела сохранить. Парламент и общественность бушевали, страну на некоторое время охватила «военная тревога».

Сербии по итогам конгресса удалось значительно увеличить территориальные приобретения: по заключенному трактату они составили 11 тыс. кв. км (вместо 8 тыс. «по Сан-Стефано»), но с обязательством подчинить Вене сербскую внешнюю политику. Черногория увеличила свою территорию по решению конгресса в два раза (в Сан Стефано — втрое), но зато получила доступ к Адриатике с портом Бар.

Таким образом, Сан-Стефанский договор, против которого выступали сербы, греки, румыны, черногорцы и албанцы, не мог обеспечить Балканам длительный мир. И Берлинский трактат в тех условиях можно было рассматривать только как очередной этап мирного урегулирования. Заключение прелиминария в Сан-Стефано позволило осуществить операцию *fait accompli*, т. е. свершившегося факта, и в Берлине удалось отстоять основы достигнутого, а именно, признание независимости трех княжеств и восстановление болгарской государственности.

«Послеберлинский период» принес официальной России сплошные разочарования. Балканские государства отказались от ориентации в своей политике на Россию. Правители Румынии во главе с Карлом Гогенцоллерн-Зигмарингеном решили соединить свою судьбу с австро-германским альянсом, заключенным в 1879 г. Однако Бисмарк не желал соглашаться с широкими аннексионистскими планами Румынии, поэтому требовал исключить из договора с ней любую возможность использования австро-немецкой армии в интересах Бухареста. По требованию канцлера румыны заключили договор с Австро-Венгрией, Германия присоединилась к нему отдельным актом, а упоминание о России, как неприятеле, из текста было исключено.

Сербский князь Милан Обренович тайно от скупщины и правительства обязался согласовывать с Веной свою внешнюю политику в обмен на поддержку его притязаний на королевский титул. Всякая активность по сплочению сербов вокруг Белграда прекратилась. Всем представлялось, что Болгария находится в орбите российского влияния. Но уже в 1886 г. произошел разрыв ее дипломатических отношений с Петербургом. Единственной союзницей России на Балканах осталась Черногория.

Обретение независимости, а для Болгарии — государственности знаменовало наступление нового этапа в истории балканских стран. Создались условия для повышения их государственного статуса. Румыния стала королевством в 1881 г. Сербия — в 1882 г. Черногория — в 1910 г. Болгария — царством в 1908 г., после разрыва вассальных уз с Османской империей. Все эти страны пошли по пути конституционного развития при стремлении монархов к установлению личной власти. В регионе интенсивно велось железнодорожное строительство, появились и стали развиваться ростки промышленного производства, принимались законы о поощрении национальной индустрии, вводились протекционистские меры, Румыния и Сербия прошли стадию таможенной войны с Австро-Венгрией. Все же по степени индустриального развития Балканы далеко отставали не

только от Западной, но и от Центральной Европы. Регион стал ареной мощного напора немецкого и австрийского капитала, в первую очередь в прокладке железных дорог, добыче полезных ископаемых и развитии банковской сферы.

Общей чертой послевоенной истории Балкан являлось падение популярности и авторитета российского самодержавия, а вместе с тем и его влияния. По мере роста самостоятельности и обретения независимости нужда в его поддержке сокращалась. Товары, кредиты, капиталовложения притекали из Западной Европы. Элиты балканских обществ не собирались строить государство, копируя политическую систему российского самодержавия. Однако усвоенная Петербургом роль покровителя славян на Балканах раздражала элиты национальных государств и усиливала взаимную отчужденность.

Австрийская оккупация Боснии и Герцеговины оставалась наиболее болезненной проблемой для сербов. Войскам Габсбургов пришлось с боем прокладывать себе дорогу в провинции, а в 1882 г. подавлять новое восстание. В Вене не планировали ликвидировать существовавшие в Боснии и Герцеговине порядки, административное деление, этноконфессиональную специфику, земельные владения и налоги. Несколько лет ушло на то, чтобы сократить разгул бандитизма, коррупцию в административном и судебном аппарате и развить систему начального образования. Активно велось железнодорожное строительство, добыча полезных ископаемых, появились металлургические и деревообрабатывающие предприятия. В то же время оккупация принесла населению немало бед, и среди этнических сербов оставалась популярной надежда на объединение с Сербским королевством.

Накал страстей в отношениях противоборствующих великих держав снизился. Соперничество между ними не исчезло, но оно протекало в дипломатической форме. Австро-Венгрия постепенно занималась освоением новоприобретенных территорий. Не существовало угроз ее позициям со стороны России, самодержавие перенесло свою активность в Среднюю Азию, а потом и на Дальний Восток. Однако экспансионистским планам мешали процессы внутри Австро-Венгерской империи. Образование двуединой монархии в 1867 г. привело к выделению двух привилегированных наций, немцев и мадьяр, при ущемлении национальных прав славян и румын.

Рост экспансионистских настроений Германской империи в 1870-е годы продемонстрировал, что британский изоляционизм, использование Англией противоречий между европейскими державами и противодействие

планам российской внешней политики привело Лондонский кабинет к столкновению с грозным соперником на Ближнем Востоке и Балканах, поскольку в 1880-е годы начался мощный натиск на юго-восток германского капитала и влияния. Возник и стал быстро претворяться в жизнь проект железной дороги Берлин — Бизантум (Стамбул) — Багдад, Германия приближалась к Кавказу и к Индии. В 1882 г. в Константинополе появилась влиятельная германская военная миссия, прусские генералы возглавили войска, охранявшие проливы, а обучавшиеся в Берлинской военной академии османские офицеры превращались в убежденных сторонников прогерманского политического курса.

В провоцировании нового Восточного кризиса старые соперники не были заинтересованы, поскольку между ними появились точки дипломатического соприкосновения. Тем временем Балканы обретали репутацию «порохового погреба Европы». Желая избежать «взрыва», в российской дипломатии стала употребляться неведомая ранее формула о сохранении существующего положения на Балканах при осторожной поддержке там реформ. Урегулирование ряда проблем, связанных с Османской империей, показало, что «европейский концерт» при желании может достигнуть положительных результатов. Маневрируя в хитросплетениях балканских противоречий, великие державы исподволь подбирали себе клиентов и союзников в предстоящей большой схватке общемирового значения.

Провозглашение Германской империи означало качественное изменение всей системы международных отношений в Европе. Перед лицом этой новой и усиливающейся великой державы Франция утрачивала свою прежнюю, часто решающую роль в международных отношениях и все преимущества, которыми располагала в период Второй империи. Результаты франко-прусской войны подтолкнули и рост национализма в Европе, ставшего важнейшим фактором международной политики последующего периода. В свою очередь, Германская империя становится важнейшей участницей всех международных союзов, начинает проводить собственную колониальную политику, что определило на десятилетия линии англо-германского и франко-германского соперничества в Африке и Азии, а ее влияние на положение дел в Центральной и Южной Европе, а также в землях Османской империи постепенно приобретало решающий вес.

Мировая политика последней трети XIX — начала XX века

Европейское равновесие

Революции, национальные войны и освободительные восстания, чередой сотрясавшие Европу в течение почти четверти столетия — с 1848 по 1871 г., — заметно изменили ее облик. Столь значительной ревизии государственных границ не происходило со времени окончания Наполеоновских войн. Перемены больше всего затронули Центральную и Южную Европу и носили принципиальный, фундаментальный характер. Еще в середине столетия политическая карта этого обширного региона напоминала мозаичную картину: десятки мелких княжеств и королевств, подобно разноцветным кусочкам смальты, лепились друг к другу, составляя контраст с едиными государствами, расположенными от них к востоку и западу. Некоторые из них находились между собой в конфедеративных отношениях (члены Германского союза). Другие были связаны узами династической или иной зависимости с более могущественными соседями (герцогство Люксембург, Ломбардо-Венецианское королевство, герцогства Шлезвиг и Гольштейн и др.). Но в итоге почти все эти мелкие владения исчезли с политической карты Европы, уступив место Германской империи и Итальянскому королевству.

Единые Германия и Италия беспрепятственно вошли в число самых влиятельных государств Европы. Этого они добились во многом благодаря войнам, из которых вышли победителями. Но Берлин и раньше был одной из немногих столиц, где решались судьбы Европы. В системе международных отношений Германская империя заняла то место, которое фактически подготовили для нее несколько поколений Гогенцоллернов в качестве королей Пруссии. В высшей степени расчетливо поступила и Савойская династия, избрав Рим столицей единой Италии. Город, где столетиями размещался папский двор, всегда обладал высоким международным статусом. Но Савойская династия обладала кроме заемного и собственным политическим капиталом, накопленным благодаря успешной внешней политике. Это позволило Италии на равных поддерживать отношения с могущественнейшими державами.

Несмотря на перекройку политической карты, за четверть столетия

состав ведущих игроков на арене европейской политики практически не изменился. Это были все те же Великобритания, Россия, Франция, монархии Гогенцоллернов и Габсбургов (последняя успела превратиться в двуединую Австро-Венгрию). К ним добавилась Италия, единственная страна, которую можно признать «новичком» клуба великих держав, основанного на Венском конгрессе. Главное — изменились принципы, на которых строились между ними отношения. Раньше, несмотря на противоречия, их объединяли чувства монархической солидарности и ответственности за поддержание мира и порядка в Европе. Теперь их внешнеполитические приоритеты изменились. Наступила эпоха «реальной политики», или политики интересов, когда государства в своих действиях руководствовались в первую очередь соображениями прямой и ощутимой выгоды.

В отличие от Наполеоновских войн начала XIX в., заставивших страны Европы объединиться для борьбы с общим врагом, войны 1848–1871 гг. посеяли между ними глубокую рознь. Поэтому им было непросто договариваться между собой о принципах справедливого международного порядка. Восстановить доверие держав друг к другу, укрепить мир могла бы спокойная и рассудительная политика, направленная на поиски компромиссов и примирение со вчерашними противниками. Но ни победители не желали поступиться плодами завоеваний, ни побежденные — отказаться от мечты о реванше. Ни те, ни другие не спешили разоружаться, а наоборот, укрепляли свои вооруженные силы, добиваясь превосходства над «потенциальным противником».

Между тем большинство государств, истощенных войнами и внутренними неурядицами, остро нуждались в мире. Поэтому они, оставив в стороне вопросы справедливости, решили налаживать отношения на основе фактически сложившегося между ними соотношения в силах. Делать это приходилось ощупью, методом проб и ошибок. Перемены в Европе произошли столь стремительно, что по горячим следам событий трудно было оценить их значение. Открытым, в частности, оставался вопрос: смогут ли Германия и Италия, упоенные внешнеполитическими успехами, навязать другим странам свои «правила игры» на международной арене?

Определенными возможностями для этого они, несомненно, обладали. В результате объединения ресурсы Германии и Италии многократно возросли. По отношению к своим соседям они оказались в гораздо более сильной позиции, чем о том раньше могли мечтать Пруссия и Сардинское королевство. Наоборот, страны, которые могли составить им противовес на

континенте, переживали не лучшие времена. Могущество России было подорвано Крымской войной, а также ее общей экономической и технической слабостью. В 1866 г. окончательно померкла военная слава империи Габсбургов. Война 1870–1871 гг. причинила Франции не только огромный ущерб, но и ввергла ее в глубокий социальный и политический кризис.

Однако превосходство одной группы государств над другой не выглядело бесспорным. Несмотря на внутренние трудности и внешнеполитические неудачи, Россия, Австро-Венгрия и Франция по-прежнему сохраняли такие признаки могущества, как обширная территория и многочисленное население. Франция, кроме того, оставалась одной из крупнейших колониальных и морских держав мира. В относительном ослаблении этих государств современники не усматривали угрозы для политической стабильности Европы, наоборот, даже считали их унижение расплатой за непомерные внешнеполитические амбиции в прошлом. Да и сами Германия и Италия по многим признакам уступали другим крупным державам. Они не только не обладали колониями и сильным морским флотом, но даже в экономическом отношении поначалу не выделялись на общем фоне. Германия добилась заметного промышленного и торгового превосходства над ближайшими конкурентами лишь спустя два-три десятилетия после объединения, тогда как Италия даже к началу Первой мировой войны не смогла подняться выше уровня среднеразвитых стран.

Большое влияние на расстановку сил в Европе оказывала Великобритания, которая по-прежнему являлась самой могущественной колониальной, морской и промышленной державой мира. Но она прямо не вмешивалась в конфликты по другую сторону Ла-Манша. Еще по окончании Крымской войны Великобритания, вопреки давней традиции, самоустранилась от участия в войнах и военных союзах на континенте Европы (такую позицию со временем назовут «блестящей изоляцией» — *Splendid Isolation*). В соответствии со своими интересами она проводила политику, направленную на поддержание баланса сил между континентальными державами исключительно дипломатическими методами. Подозревая Францию и Россию в стремлении к гегемонии, а также рассматривая их как опасных соперников в колониях, Великобритания рассчитывала противопоставить им другие крупные державы. Поэтому она не препятствовала объединению Германии и Италии, что, конечно же, не означало поощрения их агрессивной политики.

В Европе возникло своеобразное положение: соотношение в силах

основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранялся. В остром соперничестве держав вчерашние аутсайдеры внезапно стали фаворитами. Тем не менее система международных отношений избежала разрушительной разбалансировки. Ни одна из держав по-прежнему не обладала ни достаточным авторитетом, ни могуществом, чтобы навязать другим странам свое лидерство или гегемонию.

Это и побудило европейских политиков и дипломатов перезапустить старый, проверенный временем механизм мирного урегулирования международных споров, известный как «европейский концерт». Поводом послужили знаменитые циркуляры А.М. Горчакова, извещавшие об отказе России от соблюдения статей Парижского трактата 1856 г., которые ограничивали ее суверенитет на Черном море. В 1871 г., когда еще грохотали пушки франкопрусской войны, в Лондоне собралась международная конференция, удовлетворившая требование России. Впоследствии подобные «антикризисные» конференции созывались неоднократно.

По окончании Франко-прусской войны наметилось определенное успокоение, умиротворение Европы. Началась относительно мирная полоса ее развития. Войны не нарушали покой Европы в течение почти половины столетия — вплоть до Первой мировой войны. Редкие вооруженные конфликты имели место в это время только на Балканском полуострове.

Но до тех пор, пока новый международный порядок не приобрел устойчивого характера, Европу продолжало время от времени лихорадить. Обиженных или ущемленных в своих правах стран хватало с избытком. Одним из основных источников международной напряженности являлась Германская империя. На дружбу своих соседей она не очень рассчитывала, поскольку успела доставить им неприятности, стремилась в духе «реальной политики» подчинить их своему влиянию. Канцлер О. Бисмарк, возглавлявший германское правительство, в особенности был озабочен отношениями с Францией. Он был уверен, что эта страна никогда не откажется от намерения вернуть утраченные в 1871 г. провинции Эльзас и Лотарингию. Но предполагая, что самостоятельно Франция никогда не нападет на более сильную Германию, Бисмарк добивался ее международной изоляции. Больше всего он хотел избежать войны одновременно на самых уязвимых западной и восточной границах Германии, т. е. «на два фронта». «Кошмар коалиций», иначе говоря, страх перед союзами враждебных государств, берущих Германию в тиски, был одной из его навязчивых идей.

Бисмарк постарался установить дружеские отношения с Австро-Венгрией и Россией. Ему тем легче было войти в доверие к австрийцам, что еще в 1866 г. он проявил предусмотрительность и пощадил их самолюбие — отказался от оккупации Вены прусскими войсками. Россия также охотно пошла на сближение с объединенной Германией, к которой относилась как к основному партнеру на Западе.

24 апреля (6 мая) 1873 г. Россия и Германия заключили оборонительный союзный договор, в соответствии с которым брали обязательство предоставить друг другу «помощь в виде армии из 200 тыс. человек боеспособного войска» в случае нападения какого-либо европейского государства. Спустя месяц, 25 мая (6 июня), стараниями Бисмарка конвенцию заключили Россия и Австро-Венгрия. Они договорились не придавать значения разногласиям между собой «по частным вопросам», а также «силою поддерживать, если нужно, европейский мир при всех потрясениях, откуда бы таковые не проистекали». 11 (23) октября 1873 г. к этой конвенции присоединилась Германия.

Так возник Союз трех императоров — группировка государств, связанных между собой обязательствами о взаимных консультациях по международным вопросам и о взаимопомощи в случае войны. Он воплощал план Германии, часто называемый также «системой Бисмарка», направленный на предотвращение сближения России и Австро-Венгрии с Францией. Но он принес пользу и другим его участникам. Россия и Австро-Венгрия не только обзавелись союзником, но и получили в свои руки рычаг влияния на Германию, могущество которой их беспокоило. Такая предусмотрительность оказалась совсем не лишней во время так называемой военной тревоги 1875 г., связанной с резкими высказываниями Бисмарка в адрес Франции. Отвести угрозу новой франко-германской войны удалось после заявления германского правительства об отсутствии у него агрессивных намерений, с которым его убедила выступить Россия. Кроме того, союз с Германией позволил России и Австро-Венгрии сосредоточить внимание на других актуальных для них вопросах своей политики, таких, как проведение внутренних реформ, положение на Балканах и (в случае России) усилении экспансии в Центральной Азии.

Хотя Союз трех императоров неоднократно возобновлялся и просуществовал до 1887 г., он оказался далеко не самым удачным творением Бисмарка. Его подрывали изнутри противоречия между Россией и Австро-Венгрией на Балканах.

Добившись в 1871 г. отмены «нейтрализации» Черного моря, Россия стремилась восстановить свое влияние и на Балканском полуострове. Она

хотела, во-первых, облегчить участь христианских подданных турецкого султана, в том числе славян — болгар, сербов и др., и, во-вторых, установить контроль над Черноморскими проливами, имевшими для России важное военное и экономическое значение. Австро-Венгрия преследовала прямо противоположные цели. Она боялась перемен на Балканах, в особенности же отделения от Османской империи балканских народов и образования ими независимых государств. Правительство Австро-Венгрии опасалось, что это побудило бы различные народы дуалистической монархии еще решительнее добиваться удовлетворения своих национальных требований.

Резкому обострению русско-австрийских противоречий способствовал небывалый в истории подъем освободительного движения народов Балканского полуострова против османского господства. В 1875 г. восстало население Боснии и Герцеговины, одной из провинций Османской империи, населенной католиками, православными и мусульманами. В апреле 1876 г. взяли за оружие болгары. Поддержку повстанцам оказали Сербия и Черногория, самостоятельные к тому времени государства, остававшиеся лишь в номинальной зависимости от султана. Они объявили войну Османской империи. Но османские войска подавили восстания в Боснии и Болгарии, причем с жестокостью, которая возмутила общественное мнение и правительства европейских государств. Армии Сербии и Черногории также потерпели поражение.

Россия высказалась за срочное вмешательство держав в конфликт на Балканах во избежание дальнейшего кровопролития и насилий османских властей над беззащитными людьми. В мае 1876 г. по инициативе Горчакова в Берлине состоялась его встреча с коллегами из Германии и Австро-Венгрии Бисмарком и Д. Андраши. 30 апреля (12 мая) 1876 г. три державы выступили с меморандумом, который предлагал властям Османской империи проведение реформ под контролем держав: «Консулы или делегаты держав осуществляют свое наблюдение за применением реформ». Однако совместного выступления держав с целью давления на турецкое правительство организовать не удалось. Франция и Италия поддержали Берлинский меморандум, но Великобритания выступила против предложенных в нем мер на том основании, что они якобы подрывают престиж султана.

Россия решила действовать по своему усмотрению. В сентябре 1876 г. Александр II принял решение о мобилизации армии. 19 (31) октября Россия потребовала от Османской империи, войска которой развернули наступление на Белград, в течение 48 часов заключить с Сербией

перемирие. Турки приняли это требование, но их тотчас же взяла под защиту Великобритания. 9 ноября британский премьер-министр Б. Дизраэли осудил действия России, в которых усмотрел покушение на территориальную целостность Турции, вплоть до угрозы объявления войны. В ответ Александр II заявил, что Россия не остановится перед войной, если не сможет дипломатическими методами обеспечить защиту южных славян и добиться признания властями Османской империи их национальных прав.

В декабре 1876 г. состоялась конференция представителей великих держав в Константинополе (Стамбуле). Россия выступила на ней за наделение христианских народов Османской империи широкой самостоятельностью. Напротив, Великобритания и Австро-Венгрия настаивали на сохранении территориальной целостности Османской империи, соглашаясь лишь на незначительные реформы. Однако османские власти отвергли и эти умеренные рекомендации держав. 23 декабря 1876 г. они обнародовали первую в историю Турции конституцию, которая предоставляла всем подданным султана без различия вероисповедания личную свободу и равенство перед законом. Это позволило турецким представителям утверждать, что необходимость в особых мерах по защите христиан отпала. В марте 1877 г. по инициативе России в Лондоне состоялась конференция шести великих держав, в очередной раз потребовавшая от правительства Османской империи реформ, направленных на улучшение положения христиан. Но Порта отклонила и эту дипломатическую инициативу.

Россия встала перед трудным выбором. Русское правительство учло уроки Крымской войны. Большинство держав ему удалось убедить в том, что Россия преследует на Балканах исключительно справедливые цели, не идущие вразрез с интересами других стран. С Австро-Венгрией 3 (15) января 1877 г. была заключена конвенция о ее доброжелательном нейтралитете и дипломатической поддержке действий России в случае русско-турецкой войны. Со своей стороны, Россия согласилась с правом Австро-Венгрии «занять своими войсками» Боснию и Герцеговину, а также обещала воздержаться от создания на Балканах «большого славянского государства». Великобритания, долгие все возражавшая против военного вмешательства России на Балканах, удовлетворилась ее обещанием не стремиться к захватам в Малой Азии и поддержать британские притязания на о. Кипр, которым владели турки.

С Румынией, самостоятельным государством под номинальной властью турецкого султана, возникшим после Крымской войны в

результате объединения княжеств Валахия и Молдавия, Россия подписала договор о пропуске ее войск к турецкой границе на Дунае. Формально это был не союзный договор, но на его основании 9 (21) мая 1877 г. Румыния провозгласила полную независимость от Османской империи, а впоследствии и объявила ей войну. В текст договора был включен пункт об уважении территориальной неприкосновенности Румынии. Это было сделано по настоянию румынской стороны ввиду стремления России вернуть себе Южную Бессарабию, утраченную по Парижскому трактату 1856 г. и с тех пор вошедшую в состав Румынского государства. Русское правительство понимало озабоченность румын и рассчитывало предоставить им достойную компенсацию в виде Северной Добруджи — области, расположенной между нижним течением Дуная и Черным морем.

После того как султан отверг очередной проект реформ для балканских славян, 12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. На стороне России кроме Румынии выступили Сербия и Черногория. Война оказалась тяжелой. Хотя турецкая армия была далеко не самой передовой в Европе, победа над ней досталась дорогой ценой. Турецкая крепость Плевна сдалась лишь после многомесячной осады. Тяжелые потери несли русские войска и болгарские ополченцы, обороняя в условиях суровой зимы Шипкинский перевал в Балканских горах.

Но масштабы победы превзошли все ожидания. На Балканском театре военных действий русские войска подошли к Стамбулу, в Закавказье — отбили у турок города Ардаган, Карс и Батум. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано близ турецкой столицы был подписан предварительный мир. Он закреплял независимость Румынии, Сербии и Черногории, а также предоставлял Боснии и Герцеговине автономию в составе Османской империи. Но главное — он предусматривал создание большого Болгарского княжества, которое охватывало обширную территорию между Дунаем, Охридским озером, Эгейским и Черным морями. По этому договору русские войска могли оставаться в Болгарии в течение двух лет. Ее граница с Османской империей проходила на небольшом удалении от Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы.

Условия Сан-Стефанского договора вызвали смятение в европейских столицах. Ни одна из заинтересованных держав не хотела допустить столь значительной перекройки границ, тем более связанной с усилением позиций России на Балканах. Мало кто сомневался, что Болгарскому княжеству уготована роль форпоста российского влияния на Ближнем Востоке. Особенно возражали против такой перспективы Великобритания и Австро-Венгрия, которые настояли на пересмотре условий Сан-

Стефанского договора. Россия согласилась с этим требованием, поскольку опасалась оказаться в международной изоляции.

В особенности большое значение русская дипломатия придавала позиции Великобритании, самому последовательному критику политики России. По всем вопросам, вызывавшим возражения британской стороны — границы Болгарии, новая русско-турецкая граница в Закавказье и пр., — с ней были проведены переговоры, которые позволили сторонам прийти к взаимоприемлемому компромиссу. В русско-британском соглашении, заключенном в Лондоне 18 (30) мая 1878 г., подчеркивался освободительный со стороны России характер завершившейся войны, главная цель которой состояла «в обеспечении процветания и безопасности христианского населения Балканского полуострова путем гарантирования этому населению прочных учреждений и хорошего правительства».

В июне-июле 1878 г. в Берлине состоялся международный конгресс с участием всех основных европейских держав, включая Османскую империю. Согласно его заключительному документу («Акту»), принятому 1 (13) июля 1878 г., Румыния, Сербия и Черногория получили полное международно-правовое признание в качестве независимых государств. Они даже расширили свою территорию за счет бывших османских владений на Балканах. Двойственный статус был предоставлен Боснии и Герцеговине: формально эти провинции оставались османским владением, но были оккупированы австрийскими войсками и перешли под управление Австро-Венгрии. Россия закрепила за собой Южную Бессарабию и ряд завоеванных территорий в Закавказье, включая города Ардаган, Карс и Батум.

Однако Берлинский конгресс отменил одно из основных положений Сан-Стефанского договора — об образовании «большого» Болгарского государства. Его территория была разделена приблизительно на три равные части. Западная часть (Македония и другие земли) полностью возвращалась под власть турецкого султана. Из южной части (между Балканскими горами и Фракией) была образована область Восточная Румелия, которая также оставалась в составе Османской империи «под непосредственною политическою и военною властью е. и. в. султана», но «на условиях административной автономии». Ею управляли чиновники, назначенные османским правительством. И лишь в северной части (между Дунаем и Балканскими горами) создавалось самостоятельное Болгарское княжество — «самоуправляющееся и платящее дань, под главенством его и. в. султана». В составе Османской империи оно пользовалось широкой политической автономией, т. е. правом выбирать собственное

правительство, принимать законы, создавать армию, устанавливать отношения с иностранными государствами и т. д.

Берлинский конгресс преследовал благую цель — установить приемлемый для большинства европейских держав баланс сил на Балканах. Но принятые им решения ущемляли интересы России и задевали патриотические чувства болгар, мечтавших о воссоздании сильного национального государства. Кроме того, участники конгресса не посчитались с чаяниями других балканских народов, многие из которых вопреки своей воле оставались под властью Османской империи, в том числе население Македонии, Фракии, Албании, Восточной Румелии. Это обусловило неизбежность очередного всплеска освободительной борьбы на Балканах в будущем, а следовательно, и международных осложнений.

В споре между Россией и Австро-Венгрией Бисмарк демонстративно принял на себя роль посредника, или, по его выражению, «честного маклера». Однако разногласия между обеими державами были настолько глубокими, что ему не удалось предотвратить похолодания в их отношениях. Его симпатии были, скорее, на стороне России. Но, по его мнению, более надежным и предсказуемым партнером Германии являлась Австро-Венгрия.

С этого времени Бисмарк начал выстраивать в Европе новую систему союзов с другими государствами, которая должна была прийти на смену обветшавшему Союзу трех императоров. В основу так называемой «второй системы Бисмарка» лег тайный союзный договор, который 7 октября 1879 г. заключили Германия и Австро-Венгрия. Этот договор носил оборонительный характер и был направлен не только против Франции, но и против России — с той только разницей, что Франция в тексте договора только подразумевалась, а Россия была названа как вероятный противник. В договоре прямо указывалось, что в случае нападения России на одну из договаривающихся сторон другая должна «выступить на помощь... со всею совокупностью военных сил». Явно опережая события, Германия и Австро-Венгрия приняли обязательство «не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию». В случае же нападения на одну из них какой-либо непоименованной державы другая сторона договора должна была соблюдать по отношению к союзнику благожелательный нейтралитет. Но если бы «нападающую державу» активно или хотя бы пассивно, «путем военных мероприятий», поддержала Россия, то немедленно в силу вступало обязательство о «полной военной взаимопомощи».

Хотя австро-германский союз противоречил Союзу трех императоров, Германия и Австро-Венгрия не спешили от него отказываться. Они

нуждались в нем как в инструменте, с помощью которого можно предотвратить сближение России с другими государствами, прежде всего с Францией. Во многом благодаря усилиям Бисмарка Союз трех императоров был возобновлен. 6 (18) июня 1881 г. Германия, Россия и Австро-Венгрия подписали договор о взаимных гарантиях, согласно которому обязались соблюдать доброжелательный нейтралитет в случае войны одной из них с «четвертой великой державой». Они также договорились не допускать «каких-либо изменений в территориальном status quo европейской Турции» иначе, как «по взаимному их соглашению». Впрочем, согласно протоколу, приложенному к этому тайному договору, Австро-Венгрия оставила за собой право аннексировать две оккупированные провинции Османской империи (Боснию и Герцеговину) «в момент, который найдет для этого подходящим». Признали они и право Болгарии на воссоединение с Восточной Румелией, «если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей». Но ее притязания на другие «соседние провинции, а именно Македонию», договаривающиеся стороны поддержать отказались, предложив болгарам взять все риски на себя. По истечении трехлетнего срока действия этого договора, в 1884 г., правительства Германии и Австро-Венгрии, руководствуясь теми же соображениями, договорились с Россией о его продлении еще на три года.

Дальнейшие события полностью подтвердили расчеты Бисмарка. Не успели высохнуть чернила под итоговым документом Берлинской конференции, как между Россией и Австро-Венгрией с новой силой разгорелось соперничество за влияние на молодые независимые государства Балканского полуострова. В 1879 г. Россия добилась избрания князем Болгарии своего ставленника Александра Баттенбергского, племянника супруги императора Александра II. Однако династические скрепы в отношениях между обоими государствами оказались недостаточно прочными. В мае 1881 г. князь Александр Баттенбергский, стремясь понравиться новому российскому императору Александру III, приостановил действие либеральной конституции, ограничивавшей его власть. Предполагалось, что переход к самодержавному правлению только укрепит связи Болгарии с Россией. Однако действия князя вызвали протест широких слоев болгарского общества. Разразился политический кризис, который привел к охлаждению русско-болгарских отношений.

Ослаблением позиций России на Балканах воспользовалась Австро-Венгрия. По отношению к балканским государствам она находилась в более выгодном географическом положении. Через ее территорию проходили основные транспортные пути, в том числе речные и

железнодорожные, связывавшие Болгарию, Сербию и Румынию с другими европейскими государствами. Преимущество Австро-Венгрии заключалось еще в том, что она была богаче капиталами, чем Россия, а стало быть, представляла для слабых балканских государств, заинтересованных в развитии промышленности и торговли, больший интерес как экономический партнер.

Первой в лагерь соперников России перешла Сербия. 16 (28) июня 1881 г. она заключила с Австро-Венгрией союзный договор, по которому отказалась от притязаний не только на Боснию и Герцеговину, но и на Нови-Пазарский санджак (небольшую область Османской империи, имевшую для Сербии стратегическое значение, поскольку отделяла ее от Черногории), а также обязалась «без предварительного соглашения с Австро-Венгрией... ни обсуждать, ни заключать политических договоров с каким-либо другим правительством» и не допускать на свою территорию иностранных войск, «даже в виде добровольцев». При поддержке Австро-Венгрии в 1882 г. сербский князь Милан Обренович провозгласил себя королем.

Тем временем Бисмарк продолжал выстраивать «вторую систему» внешних союзов, направленных на международную изоляцию Франции. Он мечтал привлечь к участию в них Великобританию и Италию. Если бы это произошло, то в обозримом будущем Германия могла бы не опасаться реваншистских устремлений французов. Но Великобритания продолжала упорно придерживаться изоляционистского курса своей политики по отношению к континентальным державам. А сближению с Италией мешали натянутые отношения, которые сложились у нее с Австро-Венгрией. Итальянцы претендовали на некоторые австрийские провинции в юго-восточных Альпах и в Далмации, считая их своей исконной территорией.

Внезапно Бисмарку улыбнулась удача: между Францией и Италией разгорелся спор из-за колониального раздела Северной Африки. Оба государства претендовали на владение Тунисом. Поскольку спорной территорией завладела Франция, итальянцы, затаив обиду, сами бросились в объятия ее записных врагов — немцев и австрийцев. 20 мая 1882 г. в Вене был подписан договор о Тройственном союзе Германии, Австро-Венгрии и Италии. Он носил оборонительный характер, но был явно направлен против Франции и России. По понятным причинам в отличие от австро-германского союзного договора 1879 г. в качестве вероятного противника в нем упоминалась только Франция. В нем четко было прописано обязательство Германии и Австро-Венгрии прийти на помощь Италии, если

бы она «без прямого вызова с ее стороны подверглась нападению Франции по какому бы то ни было поводу». Аналогичную помощь Италия должна была оказать Германии в случае нападения на нее Франции. Но если бы одна из договаривающихся сторон была бы вынуждена объявить войну «какой-либо великой державе, не участвующей в настоящем договоре», то другие стороны оставляли «за собой возможность вступить в войну в подходящий для себя момент для участия в общем деле со своей союзницей».

Союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией (Тройственный союз)

Вена, 20 мая 1882 г.

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу мир и дружбу, и они не вступят ни в какой союз или обязательство, направленные против одного из их государств.

Они обязуются приступить к обмену мнениями по политическим и экономическим вопросам общего характера, которые могли бы возникнуть, и они, кроме того, обещают взаимную поддержку друг другу в границах своих собственных интересов.

Ст. 2. В случае, если Италия, без прямого вызова с ее стороны, подверглась бы нападению Франции по какому бы то ни было поводу, обе другие договаривающиеся стороны обязаны подать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами.

Такая же обязанность ляжет на Италию в случае не вызванного прямо нападения Франции на Германию.

Ст. 3. Если бы одна или две из высоких договаривающихся сторон, без прямого с их стороны вызова, подверглись нападению и были бы вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то *casus foederis* одновременно представится для всех высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. В случае, если какая-либо великая держава, не участвующая в настоящем договоре, стала бы угрожать безопасности территории одной из высоких договаривающихся сторон, и сторона угрожаемая оказалась бы тем самым

вынужденной объявить ей войну, обе другие обязуются соблюдать в отношении их союзницы благожелательный нейтралитет. Каждая в таком случае оставляет за собой возможность вступить в войну в подходящий для себя момент для участия в общем деле со своей союзницей.

Ст. 5. Если для мира одной из высоких договаривающихся сторон создается угроза при обстоятельствах, предусмотренных в предшествующих статьях, то высокие договаривающиеся стороны условятся в нужный момент относительно военных мероприятий на случай совместного выступления.

Они теперь же обязуются во всех случаях общего участия в войне не заключать перемирия, мира или договора иначе, как с общего между собой согласия.

Ст. 6. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу держать втайне содержание и существование настоящего договора.

Ст. 7. Настоящий договор будет в силе в течение пяти лет со дня обмена ратификаций.

Создание Тройственного союза не осталось без глубоких последствий для международных отношений в Европе. Германия вплотную подошла к цели, которую преследовала внешняя политика Бисмарка, — международной изоляции Франции. Вместе с тем возникла угроза обрушения того хрупкого баланса сил, благодаря которому в начале 70-х годов в Европе воцарился мир. Прямо или косвенно — через Австро-Венгрию и Италию — Германии удалось подключить к системе возглавляемых ею союзов большое количество государств. Это обеспечило ей ведущую роль в европейской политике, особенно с учетом ее возрастающего промышленного, торгового и финансового могущества. Германия постепенно превращалась в доминирующую силу на континенте Европы.

Особенно впечатляющими выглядели успехи держав Тройственного союза на Балканах. В 1883 г. Австро-Венгрия и Румыния подписали союзный договор, по которому не только обещали друг другу помощь в случае нападения извне, но и обязались «не вести сепаратных переговоров о мире», если будут «вынуждены начать общую войну». К этому договору тотчас же присоединилась Германия, а через несколько лет и Италия.

Используя ошибки русской дипломатии во время так называемого Болгарского кризиса, державы Тройственного союза сумели переманить на

свою сторону и ключевого игрока региональной политики — Болгарию. В сентябре 1885 г. в Восточной Румелии вспыхнуло восстание под лозунгом воссоединения с Болгарским княжеством. Правительство князя Александра Баттенбергского встало на сторону повстанцев и направило им на помощь армию. Россия сочувствовала национальным чаяниям болгар, но не поддержала это требование. Столь нелогичное поведение во многом объяснялось личной неприязнью, которую к болгарскому князю питал император Александр III, возлагавший на него вину за ухудшение русско-болгарских отношений.

Чтобы добиться коллективного осуждения державами действий болгарского правительства, 25 сентября 1885 г. Россия предложила созвать в Константинополе совещание их представителей. Но к тому времени большинство держав сочли за благо признать свершившийся факт. Как на совещании представителей, состоявшемся в начале октября, так и на последовавшей через месяц конференции послов Россия осталась в меньшинстве вместе с Османской империей.

Исход Болгарского кризиса был предрешен. Это поняло и русское правительство, предложившее Османской империи урегулировать миром спор из-за Восточной Румелии. В декабре 1885 г. начались болгаро-турецкие переговоры, которые завершились подписанием двустороннего договора о передаче турками управления Восточной Румелией болгарскому князю. В апреле 1886 г. его с некоторыми изменениями одобрили послы шести великих держав.

Однако Болгарский кризис получил продолжение. В августе 1886 г. произошел государственный переворот, в результате которого Александр Баттенбергский был низложен. Князь обратился к российскому императору с просьбой о помощи, но ему было в этом отказано. Тем временем новое болгарское правительство во главе со С. Стамболовым подвергло преследованиям так называемых русофилов, т. е. гражданских и военных чиновников, политических деятелей, выступавших за тесные отношения Болгарии с Россией. 6(18) ноября 1886 г. его представитель в Болгарии генерал Н.В. Каульбарс заявил о разрыве отношений между обоими государствами.

Болгарский кризис завершился оглушительным поражением русской дипломатии. В июле 1887 г. Великое народное собрание Болгарии избрало князем Фердинанда Саксен-Кобургского, ставленника Австро-Венгрии. Это привело к резкому ухудшению отношений Австро-Венгрии и Германии с Россией. В установленные сроки она отказалась продлевать с ними договор о взаимных гарантиях 1881 г. Вместо него 6 (18) июня 1887 г. в Берлине

было подписано тайное гарантийное соглашение, получившее неофициальное название «перестраховочного договора». Россия и Германия предоставили друг другу дополнительные, в чем-то даже избыточные, а по сути фиктивные гарантии безопасности. Но Бисмарку было довольно и того, что Россия осталась, по крайней мере номинально, в зоне политического притяжения Германии.

Уже на излете своей политической карьеры «железный канцлер» нашел способ подключить к созданной им системе европейских союзов даже несговорчивую Великобританию. 12 декабря 1887 г. Великобритания заключила с Австро-Венгрией и Италией, двумя участниками Тройственного союза, соглашение о сохранении мира и status quo в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Стороны обязались поддерживать независимость Турции как «хранительницы важных европейских интересов от всякого преобладающего иностранного влияния». Они также подтвердили ее суверенные права на Болгарию и Черноморские проливы, категорически осудив возможность передачи этих прав другим державам или их ущемления в какой-либо форме, включая военную оккупацию и присылку добровольцев.

«Вторая система Бисмарка» страдала в основном теми же недостатками, что и «первая». Присоединяясь к ней, отдельные государства решали в основном текущие задачи своей политики. О согласовании их целей и интересов в более или менее отдаленной перспективе не было и речи. Отсюда пробелы и противоречия в договорах, которые за неполное десятилетие, истекшее со времени Берлинского конгресса, подписали между собой и с третьими странами Германия и ее союзники.

В условиях глубокого экономического кризиса, поразившего в основном страны Европы в последней трети XIX в., правительство Германии, добиваясь снижения Россией пошлин на немецкие товары, пыталось оказать на нее давление. В 1887 г. немецкие банки по прямому указанию Бисмарка отказали в кредите русскому правительству, систематически прибегавшему к иностранным займам для финансирования государственных расходов. Однако германское правительство не рассчитало силы противодействия. Россия не поддавалась давлению и со своей стороны преподнесла немцам урок, обратившись за помощью к Франции. В 1888 г. консорциум крупнейших парижских банков впервые в истории предоставил ей кредит под гарантии французского правительства.

Так начался исторический поворот в отношениях между обоими государствами. В прошлом на международной арене Россия и Франция чаще выступали соперниками и противниками, чем партнерами и

союзниками. Теперь глубокой пропастью между ними пролегли политические и идеологические разногласия. Одно государство было самодержавной монархией, другое — демократической республикой. Однако своим примером Россия и Франция доказали, что различия в политическом устройстве — не препятствие для тесного сотрудничества при наличии общих внешнеполитических интересов и целей. Что в решающей мере способствовало их сближению, так это ощущение угрозы, исходившей от держав, объединившихся в Тройственный союз.

Отказ Германии в 1890 г. от продления «перестраховочного» договора, а также слухи о присоединении Великобритании к Тройственному союзу ускорили процесс русско-французского сближения. В августе 1891 г. Россия и Франция путем обмена министерскими нотами заключили в Париже соглашение, которое отражало новое качество их отношений. Министр иностранных дел России Н.К. Гире определил его в своем послании как «сердечное согласие». Стороны договорились о взаимных консультациях «по каждому вопросу, способному угрожать сохранению общего мира», и приняли на себя обязательство в случае угрозы нападения на одну из них вступить «в соглашение относительно мер, которые в таком случае оба правительства должны были бы предпринять немедленно и одновременно».

Выгоды от подобного соглашения о взаимопомощи выглядели настолько значительными, что Россия и Франция решили не останавливаться на полпути. Спустя всего лишь год, 5 (17) августа 1892 г. представители русского и французского генеральных штабов подписали военную конвенцию. Она носила подчеркнуто оборонительный характер и мотивировалась угрозой со стороны Тройственного союза. Срок ее действия также находился в прямой зависимости от продолжительности существования последнего. Русско-французская конвенция предусматривала взаимные обязательства сторон только в случае нападения на одну из них Германии. Она не имела силы в случае изолированного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Францией и Италией, с другой. Конкретные оборонительные меры были предусмотрены только против Германии, даже если бы вместе с ней на Францию напала Италия, а на Россию — Австро-Венгрия. В конвенции определялась численность войск, которые Франция и Россия должны были выставить против Германии, — соответственно 1,3 млн и от 700 до 800 тыс. Эти силы следовало «полностью и со всей поспешностью» развернуть на самых опасных для вероятного противника театрах военных действий — «так, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на востоке и на западе». В

случае войны стороны обязались не заключать сепаратного мира.

Стороны уклонились от подписания полноформатного международного договора. Это позволило избежать нежелательной огласки их намерений, если бы договор пришлось представить во французский парламент для ратификации. Военная конвенция вступила в силу в результате обмена письмами между министром иностранных дел России и французским послом в Санкт-Петербурге 15 (27) декабря 1893 — 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.).

Возникший таким образом русско-французский союз предоставил каждому из его участников реальные гарантии безопасности. Но поскольку угроза со стороны Германии в то время представлялась для Франции более вероятной, чем для России, то и восприняли его в обеих странах по-разному — в одной с нескрываемым энтузиазмом, в другой — со сдержанным оптимизмом.

Русское правительство считало, что размолвка с Германией носит временный характер и что эта страна остается главным партнером России на международной арене. Гире расценивал соглашение с Францией не иначе как «брак по расчету», отвечавший не столько симпатиям правительства, сколько интересам государства. Новый глава МИД В.Н. Ламздорф утверждал, что русско-французский союз не только не направлен против Германии, но и позволит восстановить с ней добрые, партнерские отношения. Поэтому он противился попыткам французского правительства придать более обязательный, официальный характер сотрудничеству генеральных штабов армий обоих государств. Он призывал их «довольствоваться теми прекрасными, не компрометирующими нас документальными отношениями, которые ныне существуют между Францией и Россией».

Вместе с тем русско-французский союз явился важной вехой в развитии международных отношений. Его создание способствовало стабилизации европейского порядка. Равновесие в силах основных держав, хрупкое и колеблющееся по завершении эпохи революций и войн, приобрело устойчивый характер. Наличие двух противостоящих друг другу военных союзов, объединявших крупнейшие и самые могущественные государства Европы, делало любую попытку нарушить существующий баланс сил исключительно рискованной. Мир в Европе конца XIX в. казался как никогда надежным и незыблемым. Государства находили возможность решать путем компромисса даже застарелые и болезненные противоречия.

Но этот международный порядок не был лишен серьезных изъянов.

Грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право. Именно на нее европейские державы полагались как на главную гарантию собственной безопасности и защиты своих интересов. Миролюбие их руководителей объяснялось не искренним стремлением к миру, а неуверенностью в своих силах, подогреваемой убеждением в агрессивных намерениях соседей. Но стоило им поверить в свое военное превосходство, как они теряли осторожность. В свое время Бисмарк справедливо опасался «войны на два фронта». Но после его отставки в 1890 г. имперским канцлером был назначен генерал Лео фон Каприви, который был убежден, что столкновение Германии неизбежно не только с Францией, но и с Россией, и на этом основании призывал готовиться к войне на два фронта.

Создание русско-французского союза приободрило сторонников европейского равновесия, но не охладило пыл германских политиков и военных. Генеральный штаб армии подготовил план «молниеносного» разгрома Франции и России, якобы гарантировавший победу Германии даже в случае войны на два фронта. По имени начальника генерального штаба он получил название «план Шлиффена». В 1898 г. германский рейхстаг принял программу строительства военно-морского флота, осуществление которой должно было превратить Германию в крупнейшую морскую державу мира. Разумеется, эти действия Германии отнюдь не способствовали ни ее примирению с Францией, ни укреплению доверия к ней со стороны России и Великобритании.

Столь хрупкий мир долго спасало лишь то, что в конце XIX в. основные конфликты и кризисы происходили далеко за пределами Европы и были связаны с колониальным разделом мира.

Борьба за колониальный раздел мира

Бурные события европейской политики 60 — 70-х годов XIX в. поглощали внимание континентальных держав. После поражения во Франко-прусской войне Франция вообще на некоторое время отказалась от активной колониальной экспансии, не желая распылять силы и средства, которые могли бы понадобиться в случае нового конфликта с Германией. По той же причине не помышляла о заморских экспедициях и сама Германия.

Единственными государствами, взоры которых по-прежнему были устремлены за пределы Европы, оставались Великобритания и Россия. Затянувшаяся тяжба между Францией, Германией, Австро-Венгрией и

Италией из-за общих границ и смежных территорий прямо их не касалась и даже в некоторой степени была им выгодна. Поэтому обе державы не преминули воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы расширить свои владения в других частях мира.

Весьма разносторонними оставались колониальные интересы Великобритании. Она прилагала значительные усилия, чтобы упрочить свои позиции на юге Африки, где близ слияния рек Вааль и Оранжевая в 1867 г. были обнаружены богатые месторождения алмазов и золота. В результате кровопролитной войны 1879–1880 гг. британские колонизаторы сломали сопротивление зулусов. Они проявляли также исключительную заботу о безопасности своих владений в Южной Азии. Как вызов своему могуществу расценивали в Великобритании возросшую активность России в Центральной Азии. В 1885 г. произошло вооруженное столкновение между отрядами русских и афганских войск близ Кушки. В Лондоне прямо заговорили о «русской угрозе» Индии.

Другие державы отважились на новые колониальные захваты не раньше, чем в самой Европе была достигнута политическая стабильность. Лишь убедившись, что война больше не угрожает их границам, они сочли возможным отвлечь часть сил и средств на другие цели, прямо не связанные с безопасностью. К концу столетия колониальная экспансия достигла небывалого, беспрецедентного в истории размаха и превратилась в борьбу держав за полный раздел колониального мира.

Такой масштаб соперничества нельзя объяснить традиционными целями и задачами колониальной политики — контролем над мировой торговлей продуктами тропического земледелия и восточного ремесла, над морскими коммуникациями и пр. Активность держав подстегнули глубокие перемены в технических средствах промышленности и транспорта второй половины XIX в. С одной стороны, машинная индустрия передовых стран увеличила спрос на сырье и топливо, удовлетворить который представлялось возможным только из внешних источников. С другой стороны, крупнотоннажное паровое судоходство впервые в истории обеспечило рентабельность перевозки такого рода грузов на большие расстояния. К активной колониальной экспансии побуждало державы и заметное ухудшение условий международной торговли, связанное с «великой депрессией» и таможенными войнами. Когда почти все страны отгородились друг от друга высокими таможенными барьерами, возросло значение колоний как надежных источников дешевого сырья и топлива, а также защищенных от иностранной конкуренции рынков сбыта готовых изделий.

На рубеже столетий в борьбу за колонии включились страны, выделявшиеся высоким уровнем или высоким темпом (иногда и тем и другим) промышленного развития. При этом стартовые позиции у них были разные. Если некоторые из них — Великобритания и Франция — уже владели обширной колониальной империей, то другие — Бельгия, Германия, Италия и Япония — еще только к этому стремились. Причем Япония лишь в конце XIX в. добилась пересмотра неравноправных договоров, которые навязали ей ранее западные державы. Между всеми этими государствами развернулось острое соперничество за раздел еще неподделанных, «ничейных» территорий и стран в Африке, Азии, Океании. Они неприязненно относились к Испании, Португалии и Нидерландам, старинные колонии которых часто лежали на путях их собственной экспансии. Возникали у них конфликты также с Россией и США, которые формально не имели колоний, но фактически участвовали в борьбе за раздел мира. Обе страны в прошлом сумели значительно расширить свою территорию за счет колонизации соседних земель с последующим включением их в свой состав и по многим признакам не желали останавливаться на достигнутом. Самые активные участники борьбы за раздел мира добились почетного титула «мировых держав», доселе не встречавшегося в анналах истории.

Поводом к обострению борьбы за колониальный раздел мира послужили агрессивные действия Франции и Великобритании в Северной Африке. Французы давно присматривались к Тунису — самостоятельному государству, которым управлял бей под верховной властью турецкого султана. 12 мая 1881 г. они заключили с беем договор, означавший установление над Тунисом французского протектората. Эти действия, нарушавшие баланс сил в Средиземноморье, затрагивали интересы других держав. С протестом выступила Италия, которая и сама имела виды на Тунис. Однако другие державы ее не поддержали. Германия была даже рада направить внешнеполитическую активность французов в безопасное для себя русло. Испытывала удовлетворение и Великобритания, предполагавшая, что в порядке взаимности Франция согласится уступить ей свои права на Египет.

Британских колонизаторов в Северной Африке больше всего прельщал Суэцкий канал — важнейшая транспортная артерия, связывавшая Великобританию с ее владениями в Южной Азии. Первый шаг к господству в Египте британское правительство сделало в 1875 г., когда по низкой цене выкупило крупный пакет акций Компании Суэцкого канала, принадлежавший хедиву. В 1876 г. Великобритания и Франция,

воспользовавшись государственным банкротством Египта, фактически взяли в свои руки управление страной. Захват французами Туниса окончательно развязал руки британским колонизаторам. В сентябре 1882 г. под предлогом подавления массовых беспорядков Великобритания ввела в Египет свои войска.

Британская оккупация Египта не столько восстановила баланс сил, сколько еще больше дестабилизировала международную обстановку в Средиземноморье. Теперь уже Франция выражала возмущение действиями Великобритании, которые расценивала как нарушение своих законных прав и интересов. Тем не менее все участники этого спора проявили благоразумие и воздержались от эскалации напряженности. Они были твердо намерены компенсировать свои действительные или мнимые потери в Северной Африке приобретениями в других частях света.

Яблоком раздора стал бассейн р. Конго. Чтобы разрешить противоречия, в 1884–1885 гг. в Берлине состоялась Африканская конференция, в которой приняли участие 14 государств, в том числе Бельгия, Великобритания, Германия, Португалия, Россия, США, Франция. По решению этой конференции было образовано Свободное государство Конго, переданное под управление Бельгии (с 1908 г. — колония Бельгии), на территории которого все державы пользовались равными возможностями торговли, судоходства, освоения природных ресурсов.

<i>Соглашение между Бельгией и Независимым государством Конго 3 июля 1890 года</i>

В 1870-е годы в борьбу колониальных держав за обладание бассейном реки Конго в Центральной Африке включилась и Бельгия. Король Леопольд II в 1876 г. организовал и возглавил «Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Африки», которая пригласила на службу американского путешественника и исследователя Г. Стенли. В 1879–1884 гг. Стенли осуществил несколько экспедиций вверх по р. Конго и основал вдоль нее опорные пункты, заключив в ходе экспедиций с вождями племен около 400 договоров об «уступке» территорий их племен «Международной ассоциации».

Политика Леопольда II вызвала негодование Великобритании, усматривавшей в захвате земель бельгийцами препятствие на пути создания собственной колониальной

империи в Африке. Однако Леопольд II добился на берлинской международной конференции 1884–1885 гг. создания «Независимого государства Конго» с присвоением ему статуса личного королевского владения, которое в 1889 г. завещал своему собственному королевству, а уже в 1890 г. получил от него 25 млн фр. под видом займа «Независимому государству Конго».

Брюссель, 3 июля 1890 г.

Ст. 1. Бельгийское государство обязуется предоставить независимому государству Конго заем в сумме 25 млн фр., причем: 5 млн фр. тотчас же по получении одобрения парламента и по 2 млн фр. в год в течение 10 лет после первого взноса.

В течение этих 10 лет одолженные таким образом суммы не будут приносить процентов.

Ст. 2. Через 6 месяцев по истечении оговоренного выше 10-летнего срока Бельгийское государство будет иметь право, если пожелает того, присоединить к себе независимое государство Конго со всеми имуществами, правами и выгодами, связанными с суверенитетом этого государства... одновременно принимая на себя обязательства названного государства в отношении третьих лиц, причем король-суверен определенно отказывается от всякого возмещения за личные жертвы, которые он понесет.

Закон определит особый режим, который будет сообщен территориям Конго.

Ст. 3. Отныне Бельгийское государство будет получать от независимого государства Конго те сведения об экономическом, торговом и финансовом положении этого последнего, какие первое сочтет желательными.

Эти сведения не должны иметь иной цели, как давать бельгийскому правительству нужный материал, причем последнее не будет никаким образом вмешиваться в управление независимым государством Конго, которое и впредь будет связано с Бельгией лишь личной унией обеих корон.

Государство Конго обязуется не заключать отныне никаких новых займов без одобрения бельгийского правительства.

Ст. 4. Если в оговоренный срок Бельгия решила бы не принимать присоединения государства Конго, то сумма в 25 млн фр., данная в виде займа и записанная в главную книгу этого

долга, подлежала бы истребованию лишь по истечении нового 10-летнего срока, но за это время она приносила бы 3 1/2 % годовых, уплачиваемых по полугодиям; но и раньше этого срока независимое государство Конго должно было бы предназначить для частичного покрытия все суммы, имеющие поступить от уступки казенных земель и копей....

Бурские женщины и дети в английском концентрационном лагере. Ок. 1901 г.

Участники конференции предприняли попытку установить некие общие правила колониальной политики в Африке. Страны, претендующие на владение какой-либо ее частью, должны были принять на себя обязательство «неусыпно заботиться о сохранении туземного народонаселения и об улучшении его нравственного и материального положения», а также «покровительствовать и споспешествовать... всяким религиозным, научным и благотворительным учреждениям, основываемым и устраиваемым с этой целью или клонящимся к просвещению туземцев, дабы они могли понимать и оценивать выгоды цивилизации». На колониальные державы, желающие поживиться за счет Африки, налагалась также обязанность проследить за выполнением международных договоров, запрещавших работорговлю, и «употребить все имеющиеся в их власти

меры к тому, чтобы положить конец этой торговле и подвергнуть наказанию тех, которые ею занимаются». Договорились участники конференции и об условиях взаимного признания легитимности новых приобретений. В частности, всякое государство, пожелавшее объявить какую-либо часть Африки своим владением, должно было представить соответствующий акт всем заинтересованным державам, подписавшимся под решениями Африканской конференции, «чтобы дать им последним возможность заявить в случае надобности свои требования».

Во избежание прямых столкновений с соперниками колониальные державы охотно прибегали к услугам частных привилегированных компаний. Сначала такие компании на свой страх и риск заключали с вождями туземных племен договоры. Потом они передавали эти договоры на утверждение властям своей страны. И только получив поддержку правительства (оформленную особой хартией), они приступали к колониальному освоению территории, на которую распространялись их права. За действия частных компаний государство прямой ответственности не несло. Если же у них возникал конфликт с местными племенами или с колонизаторами из других стран, то власти всегда могли отделаться отговоркой о своей полной к тому непричастности. В случае же успеха колониационного проекта правительство было вольно принять решение об учреждении новой колонии и, ссылаясь на договоры с туземцами, настаивать на ее признании другими державами.

Большой опыт сотрудничества с частными компаниями приобрело правительство Великобритании. При его поддержке были основаны Нигерийская компания (1886), Британская восточноафриканская компания (1888), Британская южноафриканская компания (1889). Из них последняя — самая известная и крупная.

Инициатором создания Британской южноафриканской компании был С. Родс, крупный предприниматель и политический деятель. Ему принадлежала идея создания сплошной полосы британских колоний в Африке от Кейптауна до Каира. При его участии она и начала воплощаться в жизнь. В 1899 г. Великобритания развязала войну на юге Африки, завершившуюся в 1902 г. аннексией бурских республик Оранжевая и Трансвааль. Беда этих республик заключалась в том, что они лежали на пути экспансии британских колонизаторов в северном направлении и перекрывали им вход в узкий коридор «ничейной» земли между старинными португальскими колониями Ангола и Мозамбик на юго-западе и юго-востоке континента. 31 мая 1902 г. бурские республики подписали с Великобританией мирный договор, в соответствии с которым сложили

оружие и признали британского короля Эдуарда VII «своим законным сувереном». Они вошли в состав британской колонии Южная Африка (с 1910 г. доминион Южно-Африканский Союз).

Осуществление колониальных предначертаний Родса, однако, чуть было не привело к вооруженному конфликту между Великобританией и Францией. В конце XIX в. французы также предприняли попытку создания сплошной полосы своих колоний в Африке, но только с запада на восток. Их колониальные экспедиции имели два основных исходных пункта. Во-первых, старинные владения Франции в бассейнах рек Сенегал и Нигер, которые в 1895 г. вместе с соседними территориями вошли в состав колонии Французская Западная Африка. Во-вторых, колония Французское Конго. В 1880 г. ее по собственной инициативе основал морской офицер П. де Бразза. Он заключил с неким туземным вождем договор, дающий право на освоение земель в нижнем течении р. Конго. В 1882 г. французский парламент одобрил этот договор (в 1910 г. Французское Конго вошло в состав новой колонии — Французская Экваториальная Африка). Именно из Французского Конго в 1896 г. выступил в восточном направлении небольшой отряд французских войск. В 1898 г. он достиг местечка Фашода на р. Белый Нил. Здесь на него и наткнулся более многочисленный отряд англо-египетских войск, плывший на канонерках вверх по течению Нила. Несколько месяцев продолжалось военное и дипломатическое противостояние обеих держав. В 1899 г. они подписали соглашение о разграничении своих владений в Судане. Франция сохранила за собой право лишь на Западный Судан, отказавшись от притязаний на долину Нила, которая вместе с Восточным Суданом отошла в совместное владение Великобритании и Египта (так называемый кондоминиум).

Некоторое время Германия бесстрастно взирала на драматические события, происходившие в Африке. Бисмарк не сочувствовал идее колониальных захватов на том основании, что они якобы отвлекают внимание правительства от более важных задач. Сторонникам активной колониальной политики Германии он возражал: «Моя карта Африки — в Европе. Здесь расположена Россия, здесь — Франция, а мы находимся между ними». Поэтому первые немецкие колониальные экспедиции были предприняты частными лицами — купцами, судовладельцами, банкирами. И лишь убедившись в их успехе, правительство обеспечивало немецким колонистам покровительство. В 1884 г. таким способом бременский купец А. Людериц основал колонию Германская Юго-Западная Африка, а некий сомнительный делец К. Петерс — колонию Германская Восточная Африка. Бисмарк был удовлетворен результатами этих инициатив. В 1886 г. он сам

предложил, чтобы частные компании при поддержке государства образовали в Африке «германскую коммерческую империю». Еще через два года германское правительство дало согласие на создание Германского восточноафриканского общества, предоставив ему соответствующую хартию.

Появление немцев в Восточной Африке не обрадовало британских колонизаторов. Германские колонии вклинивались между британскими владениями на севере и юге континента, мешая созданию их непрерывной полосы от Каира до Кейптауна. Тем не менее отношения обоих государств некоторое время оставались дружественными. Об этом свидетельствовало соглашение 1 июля 1890 г., в соответствии с которым Германия передала Великобритании значительную часть своих владений в Восточной Африке (Кению, Уганду) в обмен на маленький, но стратегически важный остров Гельголанд, расположенный в Северном море близ устья р. Эльба.

Отношения между обеими державами ухудшились после выхода Бисмарка в отставку, когда правительство Германии стало отдавать предпочтение не европейской, а «мировой политике». Статс-секретарь иностранных дел Б. фон Бюлов в 1897 г. заявил о притязаниях Германии, якобы ущемленной в своих правах, на «место под солнцем». Прямую угрозу своим колониальным интересам Великобритания усмотрела в грандиозной программе строительства военно-морского флота, принятой Германией в 1898 г. Еще больше охладила отношения между обеими державами англо-бурская война, косвенно затрагивавшая интересы Германии. Колонию Германская Юго-Западная Африка, основанную в 1884 г. на атлантическом побережье африканского континента, с севера ограничивали португальские владения, а с юга — британские. Она могла прирастать новыми землями только в глубь континента. Но аннексия бурских республик британскими колонизаторами лишала Германию и этой возможности. Поэтому она резко осудила действия Великобритании, хотя от оказания какой-либо практической помощи бурам воздержалась.

Когда борьба держав за раздел Африки вступила в завершающую фазу, усилилось их соперничество в Восточной Азии, где главным предметом их колониальных вожделений был Китай. Этой обширной стране, хранительнице богатейшего культурного наследия, они готовили приблизительно ту же участь, какая постигла Африку. Первыми к активным действиям в этом обширном регионе приступили Япония и Франция. Начали они с дальних подступов к Китаю — с островов близ его побережья, а также с Кореи и Вьетнама, издавна находившихся в вассальной зависимости от китайских императоров. Япония в 1872 г.

аннексировала о. Лю Цю (Окинава), а в 1885 г. добилась подписания с Китаем соглашения, предоставлявшего ей право вмешательства во внутренние дела Кореи. Со своей стороны Франция в 1883 г. развязала войну с целью покорения Аннама и Тонкина. Уже через год эта франко-вьетнамская война превратилась во франко-китайскую. По мирному договору, подписанному в 1885 г. в Тяньцзине, Китай отказался от верховной власти над Вьетнамом, а также предоставил Франции широкие права и преимущества в своих южных провинциях. Над Аннамом и Тонкином был установлен французский протекторат. В 1893 г. Франция установила протекторат также над Лаосом.

К концу столетия борьба держав за раздел Китая вступила в решающую фазу. Воспользовавшись освободительным восстанием в Корее, Япония в 1894 г. развязала против него войну. Японские войска вторглись в Южную Манчжурию, на Ляодунский полуостров и в Шаньдун. Потерпев поражение, китайское правительство было вынуждено согласиться на переговоры. В японском городе Симоносеки 17 апреля 1895 г. был подписан мирный договор, по которому Китай признал независимость Кореи, фактически перешедшей под влияние Японии, а также уступил ей Ляодунский полуостров, Тайвань и Пескадорские острова. Ряд городов Китая был открыт для свободной торговой и иной экономической деятельности японцев.

Симоносекский договор, предоставивший Японии большие преимущества, раздразнил аппетит других держав. Уже в июне 1895 г. Франция заключила с Китаем конвенцию, в соответствии с которой добилась расширения прав своих граждан в области судоходства, добычи полезных ископаемых и строительства железных дорог на китайской территории. За Францией подобные требования Китаю предъявили и другие страны. В 1895–1899 гг. цинское правительство подписало около десятка аналогичных соглашений с иностранными государствами.

Победа Японии над Китаем в 1894 г. Карикатура

Россия при поддержке ряда держав настояла на пересмотре условий Симоносекского договора, ущемлявших, по ее мнению, русские интересы в Маньчжурии. Япония почла за благо на этот раз уступить. 8 ноября 1895 г. она заключила с Китаем конвенцию о возвращении ему «на вечные времена и в полный суверенитет» Ляодунского полуострова, правда, в обмен на денежное возмещение в размере 30 млн лан.

Остановиться державы уже не могли. В мае 1896 г. Россия подписала с Китаем договор о тайном военном союзе, направленном против Японии. Русским военным кораблям предоставлялось право захода в любой из китайских портов. В августе того же года обе страны заключили договор о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая через Маньчжурию должна была связать Владивосток с центральными губерниями России. Фактически в силу этого договора Маньчжурия становилась сферой преимущественно русского влияния.

Разразилась так называемая «битва за концессии», в ходе которой иностранные державы азартно делили Китай на сферы влияния. Они навязали цинскому правительству ряд двусторонних соглашений,

разграничивших «сферы железнодорожных интересов» иностранных государств. К области британских интересов отошли почти весь бассейн р. Янцзы и значительная часть юго-западных провинций с населением около 180 млн. Сферой влияния Франции объявлялись южные провинции и о. Хайнань. Россия добилась признания своих прав не только на Маньчжурию, но и на другие провинции, расположенные на севере и западе страны, — Монголию и Синьцзян. Германия сумела обеспечить себе преимущество в провинции Шаньдун. Япония заполучила провинцию Фуцзянь на берегу Тайваньского пролива. Италия заявила о притязаниях на провинцию Чжэцзян.

Колонизаторов особенно интересовали гавани и удобные стоянки для военных кораблей. В 1897 г. Германия под предлогом убийства двух немецких миссионеров направила военную эскадру для захвата порта Цзяочжоу на юге Шаньдунского полуострова. Через год она заключила с Китаем договор об аренде этого порта сроком на 99 лет. Воспользовавшись прецедентом, Россия в 1897 г. отправила свои военные корабли в порты Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) на Ляодунском полуострове. 15 (27) марта 1898 г. она подписала с Китаем договор об аренде южной части Ляодунского полуострова вместе с обоими портами сроком на 25 лет, а также получила согласие китайского правительства на строительство железнодорожной ветки (так называемой Южно-Маньчжурской железной дороги — ЮМЖД), соединяющей Порт-Артур с КВЖД.

Не отставали и другие державы. В мае 1898 г. Франция получила в аренду залив Гуанчжоувань и часть полуострова Лэйчжоу на юге Гуандуна. Одновременно Великобритания добилась согласия Китая на аренду порта Вэйхайвэй в провинции Шаньдун. Это задело самолюбие немцев, поскольку Шаньдун уже был объявлен сферой интересов Германии. Но Великобритания не приняла во внимание их возражений, поскольку для нее важнее была возможность контролировать передвижения русского флота, базировавшегося в Порт-Артуре. Чтобы уравновесить силы Франции в Южно-Китайском море, Великобритания, кроме того, в июле 1898 г. заключила с Китаем договор об аренде части полуострова Цзюлун севернее Гонконга.

Усиление колониальной экспансии иностранных держав явилось причиной восстания ихэтуаней (Боксерского восстания). Оно вспыхнуло весной 1898 г. Начав с поджогов церквей и домов христиан, восставшие перешли к поголовному уничтожению иностранцев и даже тех китайцев, кто носил европейскую одежду, пользовался предметами европейского производства. Их поддерживали правительственные войска, осадившие

посольский квартал в Пекине, где укрылись многие иностранцы и китайцы-христиане.

Под предлогом защиты жизни и собственности иностранцев 8 держав — Великобритания, США, Япония, Франция, Россия, Италия, Германия и Австро-Венгрия — организовали военную интервенцию. В 1900 г. в порте Дагу с военных кораблей был высажен десант. Китайское правительство, и раньше сочувствовавшее ихэтуаням, теперь официально объявило войну державам, принявшим участие в интервенции. Цинские войска вместе с отрядами повстанцев участвовали в захвате иностранных концессий и преследованиях иностранцев. 4 августа 1900 г. интервенты, овладев предварительно г. Тяньцзин, двинулись по направлению к китайской столице. Своими действиями их поддерживали русские войска, дислоцированные на границе с Маньчжурией и в Порт-Артуре. 14 августа интервенты ворвались в Пекин, откуда в панике бежали цинские власти. С этого времени восстание пошло на убыль.

25 августа (7 сентября) 1901 г. представители цинского правительства и иностранных держав подписали в Пекине Заключительный (Боксерский) протокол. Согласно этому документу, Китай был обязан сурово наказывать чиновников, сочувствовавших восстанию, заплатить иностранным государствам большую сумму (450 млн лян) в порядке возмещения ущерба, отказаться от закупок оружия за границей в течение двух лет, скрыть военные укрепления между Пекином и морем, признать право держав размещать свои военные гарнизоны в китайских городах, охранять посольский квартал в Пекине, облегчить условия для иностранной торговли и т. д.

США участвовали в подавлении Боксерского восстания, но не разделяли стремления других держав к колониальному разделу Китая. В 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй направил им ноту, в которой заявил о приверженности его страны политике «открытых дверей». Эта политика предполагала равенство возможностей всех иностранных государств в Китае, а также сохранение его территориальной целостности и суверенитета.

На протяжении своей истории США неизменно осуждали экспансию европейских государств на заморские территории. Однако приверженность принципам не помешала им в 1893 г. захватить Гавайские острова. Противоречие между антиколониальными пафосом внешней политики и желанием правящих кругов США получить доступ к ресурсам колониального мира наглядно проявилось во время испано-американской войны. Она возникла в связи с подъемом освободительного движения на

Кубе и Филиппинских островах — старейших колониальных владениях Испании. США предъявили испанскому правительству ультиматум с требованием о предоставлении колониям независимости. Не получив удовлетворительного ответа, 21 апреля 1898 г. они развязали войну. Военные действия ограничились территорией и акваторией испанских колоний. Потерпев поражение на суше и на море, Испания в короткое время капитулировала.

10 декабря 1898 г. в Париже был подписан мирный договор, согласно которому Испания предоставила Кубе независимость. Филиппины, острова Пуэрто-Рико в Вест-Индии и Гуам в Тихом океане она «уступила» США. Американцы приняли в свое владение эти территории, обязавшись в будущем «подготовить» их к независимости. Они не посчитались с тем, что в ходе освободительной войны Филиппины успели провозгласить независимость. Фактически страна была оккупирована американцами. Лишь к началу Первой мировой войны там были сформированы органы самоуправления с ограниченными полномочиями. Не получила подлинной свободы и Куба. 22 мая 1903 г. обе страны подписали договор, по которому кубинское правительство предоставило США право вмешиваться в свои дела фактически под любым предлогом — «в целях охранения независимости», «поддержания правительства», «защиты жизни, собственности, личной свободы» и т. д.

Противоречивый характер внешней политики США ярко проявился и в истории с Панамским каналом. В XIX в. идея связать Атлантический и Тихий океаны судоходным каналом витала в воздухе. В конце 80-х годов в самой узкой части Американского материка, на Панамском перешейке, который принадлежал тогда Колумбии, началось его строительство. Но вскоре его пришлось прервать в связи с банкротством Компании Панамского канала. Американцы выкупили компанию и попытались перезаключить с колумбийским правительством договор о концессии на строительство канала. Но колумбийское правительство проявило несговорчивость. Тогда при поддержке США Панамский перешеек отделился от Колумбии и в 1902 г. образовал независимое государство Панамская республика. С ней США и подписали 18 ноября 1903 г. искомый договор. В обмен на гарантии своей независимости Панама уступала США «на вечные времена право пользования, занятия и контроля в пределах 10-мильной зоны» канала, равно как и «все права, полномочия и всю власть». Строительные работы возобновились, и незадолго до начала Первой мировой войны канал был открыт.

Тем временем на Дальнем Востоке разгорался очаг новой войны.

Правящие круги России ревниво следили за тем, чтобы другие державы не покушались на Маньчжурию. Они задерживали вывод русских войск из этой провинции, а от Японии даже требовали официального отказа от всяких на нее притязаний. В 1903 г. при содействии властей была учреждена частная компания — Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке. Негласно перед ней ставилась задача противодействовать японскому влиянию в Маньчжурии и Корее.

Подозревая, что Россия намеревается аннексировать Маньчжурию, 30 января 1902 г. Великобритания и Япония заключили союзный договор, согласно которому обе державы обязались защищать независимость и территориальную целостность Китая, а также соблюдать по отношению к нему принцип «открытых дверей». В случае если бы одна из сторон была «вовлечена в войну» с некой державой, то другая брала обязательство соблюдать строгий нейтралитет. Если же к противнику присоединились бы одно или более государств, то другая сторона должна была прийти союзнику на помощь.

Приободренная союзом с Великобританией, Япония заняла на переговорах с Россией жесткую позицию, а затем разорвала с ней дипломатические отношения. В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японский флот внезапно атаковал русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Война приняла исключительно неблагоприятный для России оборот. Уже в декабре 1904 г. пришлось сдать Порт-Артур, а в марте и мае 1905 г. Япония выиграла крупные сражения на суше и на море — под Мукденом и близ островов Цусима.

Япония не стремилась к затягиванию войны и первой предложила начать переговоры о мире. К тому же призывали и западные державы, опасавшиеся дестабилизации обстановки на Дальнем Востоке. Да и Россия убедилась в невозможности продолжать войну на удаленном театре военных действий в условиях революции 1905–1907 гг. Поэтому она приняла «добрые услуги» президента США Т. Рузвельта, предложившего посредничество между воюющими сторонами.

23 августа (5 сентября) 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор, в соответствии с которым Россия отказалась от части своих приобретений и прав на Дальнем Востоке: передала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний, а также ЮМЖД; «уступила» ей южную часть о. Сахалин; признала Корею сферой «преобладающих интересов Японии». Согласно договору, оба государства обязались также полностью и одновременно эвакуировать свои войска из Манчжурии и «возвратить ее в

исключительное управление Китая».

Из телеграммы в Министерство иностранных дел Российской империи главы русской делегации на Портсмутской мирной конференции С.Ю. Витте

Нью-Кастль, 31 июля 1905 г.

О перспективах мирных переговоров с Японией

Думаю, что японцы желают выиграть время... Мы остаемся при мнении, что от главных своих требований они не отступят. Мое глубокое убеждение заключается в том, что мы должны вести дело так, чтобы привлечь на свою сторону не только всех русских людей, но и большую часть общественного мнения Европы и Америки. Только при этом условии, если нам суждено вступить в продолжительную войну, с помощью Божьей мы одолеем врага. Если Европа и Америка перестанут оказывать материальную помощь Японии, перестанут ей сочувствовать и станут морально на нашу сторону, — одолеем противника. Поэтому при ведении переговоров я считаю, безусловно, необходимыми три следующих условия: 1) Вести дело так, чтобы со спокойной совестью можно было, в случае если не состоится заключение мира, опубликовать все документы и передать все дело на суд всего человечества. 2) Представить Японии то, чего она достигла, благодаря тому, что военное счастье было на ее стороне, но то, что не может нанести раны достоинству России как Великой державы и российскому сердцу. 3) Быть справедливым в оценке вещей, насколько справедливость в подобных делах приемлема... Я уверен, что если я буду поддержан в таком способе ведения переговоров, то, как бы они ни кончились, я принесу посильную пользу моему государю и Отечеству...

Конфликты и компромиссы

Дипломатические столкновения и вооруженные конфликты, сопровождавшие борьбу держав за раздел колоний, внушали современникам тревогу за мир и порядок в Европе. На рубеже столетий в

мировой политике усилилась пацифистская тенденция, нашедшая яркое воплощение в решениях Гаагских международных «конференций мира», созданных по инициативе российского императора Николая II. 18 мая — 29 июля 1899 г. состоялась первая из них, в которой приняли участие 27 государств, в том числе Великобритания, Россия, США, Германия, Франция, Италия, Япония, Скандинавские страны. Хотя дискуссии на конференции по вопросу об ограничении вооружений оказались безрезультатными, по ее итогам были заключены конвенции о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных. Большое значение имело создание Постоянной палаты Третейского суда, правомочной рассматривать международные споры. 15 июня — 18 октября 1907 г. прошла Вторая Гаагская «конференция мира», в которой приняли участие уже 44 государства. Она разработала принципы деятельности Третейского суда.

На почве «европейского концерта» постепенно возродилась и своеобразная политическая культура компромиссов. Многочисленные соглашения по территориальным и колониальным вопросам конца XIX — начала XX в. преследовали цель поддержания или восстановления баланса сил в том или ином регионе.

Заметно дестабилизировали европейскую политику притязания Германии на «место под солнцем», подкрепленные ее промышленным, торговым, финансовым, военным и военно-морским могуществом. Угнаться за ней России и Франции становилось все труднее. Снижалась ценность русско-французского союза как противовеса Тройственному союзу. Превратившись в преобладающую силу Европы, Германия повысила уровень своих колониальных притязаний. Она не останавливалась перед прямым, грубым вмешательством в области традиционных интересов других европейских стран в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Сознание потенциальной угрозы со стороны Германии тревожило многих, в том числе и ее союзников. В частности, у итальянского правительства сложилось впечатление, будто Германия и Австро-Венгрия пренебрегают ее интересами и даже по некоторым направлениям колониальной политики пытаются ее обойти. Оставаясь членом Тройственного союза, Италия постаралась наладить связи и с противоположным лагерем. 14–16 декабря 1900 г. она заключила с Францией тайное соглашение о взаимном признании колониальных притязаний — французских на Марокко, итальянских — на Триполитанию и Киренаику. Другое тайное соглашение с Францией, оформленное

обменом письмами 1–2 ноября 1902 г., прямо противоречило ее союзным обязательствам: обе державы договорились соблюдать нейтралитет, если одна из них подвергнется нападению или будет вынуждена первой объявить войну в целях обороны.

О необходимости пересмотра внешнеполитического курса задумалась и Великобритания. При желании эта островная держава могла бы склонить чашу политических весов Европы в любую сторону. Но это не входило в ее планы. Свой далеко еще не растраченный авторитет Великобритания намеревалась использовать, чтобы поддержать пошатнувшийся баланс сил, по-прежнему не беря на себя каких-либо обязательств. Путь к этой цели пролегал через дозированное сближение с Францией и Россией, своими давними соперниками на международной арене. Действенной и одновременно необременительной формой такого сближения представлялось урегулирование с ними застарелых колониальных споров.

Великобритания сравнительно быстро нашла общий язык с Францией. Еще в 1896 г. обе страны заключили соглашение о разделе сфер влияния в Индокитае, гарантировавшее независимость Сиам, а в 1899 г. — упомянутый выше договор о Судане. Но главные события произошли 8 апреля 1904 г., когда в Лондоне британские и французские представители подписали сразу несколько документов: конвенцию о Ньюфаундленде и Западной Африке, а также две декларации — одну о Сиаме, другую о Египте и Марокко. В соответствии с этими документами Франция отказалась от монопольных прав на рыболовство у берегов Ньюфаундленда, за что Великобритания предоставила ей ряд преимуществ и льгот в Африке. Стороны также договорились разделить Сиам на сферы влияния — западную (британскую) и восточную (французскую), но при сохранении его территориальной целостности и независимости. И прежде всего они урегулировали давний спор о Египте: Великобритания «обменяла» его на другое североафриканское государство, представлявшее интерес для французов, — Марокко. В итоге они объявили, что не намерены менять статус Египта и Марокко, т. е. лишать их самостоятельности. На этом основании Франция обещала впредь не поднимать вопрос о выводе британских войск из Египта, а Великобритания признала ее преимущественное влияние в Марокко. Особым секретным соглашением стороны обязались воспрепятствовать попыткам третьих стран, за исключением Испании, приобрести влияние в Марокко.

Возникло франко-британское Сердечное согласие (*Entente cordiale*), или Антанта, как традиционно определяли тесный, доверительный характер отношений между обеими странами на почве общих ценностей и

интересов. Это название перейдет к группировке стран, которая со временем сложится вокруг Великобритании и Франции.

Не теряя времени Париж постарался воспользоваться преимуществами в отношении Марокко, которые предоставило ему соглашение с Великобританией. Италия не собиралась чинить французам препятствий, а с Испанией им по этому вопросу удалось договориться. 3 октября 1904 г. французские и испанские представители подписали два документа: декларацию о присоединении Испании к упомянутому франко-британскому соглашению и тайную конвенцию о разделе Марокко на сферы влияния между Францией и Испанией.

В начале 1905 г. Париж потребовал от султана Марокко создания полиции и государственного банка под руководством французских советников, а также предоставления концессий французским предприятиям. Однако с жесткой критикой его намерений выступил Берлин. Кайзер Вильгельм II, совершавший морскую прогулку вдоль побережья Северо-Западной Африки, 31 марта 1905 г. заявил в Танжере о необходимости соблюдения в Марокко принципов «открытых дверей» и «равенства возможностей». Германия предложила вынести спор на рассмотрение международной конференции. Разразился международный кризис — так называемый первый Марокканский кризис.

В январе-апреле 1906 г. в испанском городе Альхесирасе собралась международная конференция, в которой участвовали все крупнейшие государства Европы, а также США и Марокко. Попытка Германии отстоять свою позицию по Марокко успеха не имела. Ее последовательно поддержала одна Австро-Венгрия. Альхесирасская конференция приняла решение о сохранении государственной независимости и территориальной целостности Марокко. Она высказалась за свободу и полное равенство всех государств в хозяйственном освоении этой страны. Конференция приняла решение о создании Марокканского государственного банка под контролем Великобритании, Германии, Испании и Франции, но самую большую долю в капитале этого банка получили именно французы. Создание полиции и руководство ею были возложены на Францию и Испанию.

Россия внесла лепту в дипломатическую победу франко-британской Антанты на Альхесирасской конференции. Но перспективы сближения России и Великобритании по-прежнему выглядели туманно. Между тем обе страны умели договариваться друг с другом. В 1887 г. они достигли соглашения о северной границе Афганистана, а в 1895 г. обязались уважать независимость этой страны, которой отвели роль буфера между российскими и британскими владениями. Далеко назад отбросила

отношения между обеими державами русско-японская война. В России считали, что ее спровоцировала своими действиями Великобритания. Для взаимного недовольства хватало и других оснований. В Персии они оспаривали друг у друга телеграфные, дорожные и другие концессии, а также контроль над финансами, таможнями, армией этой страны. Резко осуждала Россия и попытки Великобритании подчинить своему влиянию Тибет.

Необходимость дополнить франко-британскую Антанту русско-британским сближением ясно понимали во Франции ввиду усилий Германии ослабить единство противостоящих ей держав. 11 (24) июля 1905 г. Николай II и Вильгельм II встретились на борту императорской яхты в бухте г. Бьёркё близ Выборга. Кайзер предложил заключить союз Германии с Россией, несмотря на существование русско-французского союза и как бы в дополнение к нему. Не поставив в известность Ламздорфа, Николай II подписал договор, который обязывал Россию и Германию оказывать друг другу помощь в случае нападения на одну из них какой-либо другой европейской державы. Бьёркский договор находился в противоречии с обязательствами России, вытекающими из русско-французского союза. Поэтому по совету Ламздорфа и председателя совета министров С.Ю. Витте Николай II предложил Вильгельму II внести в договор некоторые изменения, что фактически означало его расторжение.

Во многом стараниями французской дипломатии 18 (31) августа 1907 г. русско-британское соглашение было наконец заключено. Стороны признали территориальную неприкосновенность Тибета, обязались не вмешиваться в его внутреннее управление и сноситься с Тибетом только через китайское правительство. Персия была разделена на три зоны влияния — российскую, британскую и нейтральную. Стороны обязались не добиваться концессий в чужой сфере влияния и не мешать тем мерам, которые сочтет нужным предпринять в своей сфере другая сторона. В случае невыполнения Персией обязательств по задолженности перед Россией и Великобританией каждая из держав получала право финансового контроля над доходами персидского правительства в пределах своей зоны влияния. Нейтральная зона объявлялась открытой для конкуренции как русских, так и британских подданных. Что касается Афганистана, то Россия признала, что он находится вне сферы ее интересов. Со своей стороны Великобритания обязалась воздерживаться от аннексии афганской территории.

Благодаря русско-британскому сближению родилась Тройственная Антанта — группировка государств, призванная уравновесить растущее

влияние Германии в мире. Это вытекало из буквы соглашений, которые Великобритания заключила с Францией и Россией. Что касается европейской безопасности, то формальных обязательств перед своими партнерами Великобритания по-прежнему на себя не брала. Тройственная Антанта, в отличие от Тройственного союза, не являлась военной или политической организацией. Внутри этой группировки отношения легко представить в виде равнобедренного треугольника: в его основании лежал русско-французский союз, а двумя сторонами служили партнерские отношения Великобритании соответственно с Францией и с Россией.

Косвенным образом Тройственная Антанта укрепила и европейское равновесие. Во многом по этой причине мир в Европе начала нового столетия казался настолько прочным, что внушал современникам самые оптимистические настроения. Известный русский историк и политический деятель П.Н. Милюков писал: «Война наступательная, с целью территориальных приобретений, еще может сохранять привлекательность в области колоний. Но в самой Европе такая война решительно вышла из моды». Агрессивные и реваншистские лозунги, которые провозглашали в разных странах националистические организации, пропаганда ими национальной вражды и розни представлялись маргинальным явлением, не характерным для достигнутого уровня цивилизации.

Даже на Балканах долгое время сохранялась относительная стабильность. Еще в 1897 г. Россия и Австро-Венгрия заключили соглашение, которое осуждало «всякое завоевательное намерение на Балканском полуострове», от кого бы оно ни исходило. На этой почве наметилось сотрудничество обеих держав в целях урегулирования текущих споров. 3 октября 1903 г. они подписали соглашение о проекте реформ в трех вилайетах Европейской Турции. Взаимное доверие двух государств настолько окрепло, что 15 октября 1904 г. они выступили в Санкт-Петербурге с секретной декларацией «о взаимном нейтралитете» в случае, если Россия или Австро-Венгрия вдруг «оказались бы в состоянии войны с какой-нибудь третьей державой». В декларации выражалось удовлетворение «результатом, достигнутым до сих пор их тесным сотрудничеством», и подтверждалось их «твердое» намерение «оставаться впредь на этом пути».

Русско-австрийскому сотрудничеству положило конец обострение международных противоречий на Балканах. Зерна конфликтов, посеянные Берлинским конгрессом, спустя четверть столетия дали всходы. В мае 1903 г. в Сербии произошел государственный переворот, в результате которого династия Обреновичей была низложена. В августе того же года

королем стал Петр Карагеоргиевич. Новое правительство открыто высказалось за создание единого государства южных славян и вспомнило о давних притязаниях Сербии на Боснию и Герцеговину — османские провинции, оккупированные Австро-Венгрией в 1878 г.

Безнадежно испортились сербско-австрийские отношения. Исчерпав средства давления на Сербию, австрийцы решили воспользоваться младотурецкой революцией 1908 г. в Турции, чтобы закрыть боснийский вопрос — аннексировать Боснию и Герцеговину. Россия, не видя способа помешать этому, предложила сделку, которая позволила бы частично удовлетворить российские интересы и поддержать баланс сил в регионе. 16 сентября 1908 г. министр иностранных дел России А.П. Извольский и его австрийский коллега А. Эренталь встретились в чешском замке Бухлау, где достигли по этому вопросу тайной устной договоренности. Россия проявила готовность дать согласие на присоединение к Австро-Венгрии указанных провинций, но при условии, что та со своей стороны не будет возражать против изменений в режиме Черноморских проливов — имелось в виду предоставить России право проводить свои военные корабли через Босфор и Дарданеллы. Оба министра также высказались за полную независимость Болгарии от Османской империи. Окончательное решение этих вопросов Извольский предложил оставить на усмотрение международной конференции.

Однако 7 октября Австро-Венгрия в одностороннем порядке объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. В ответ Россия расторгла устное соглашение, заключенное в Бухлау. Энергичный протест заявили также правительства Османской империи и Сербии. Разразился международный кризис, который Россия не предвидела и к которому не подготовилась. Страны, непосредственно пострадавшие от действий Австро-Венгрии, преследовали противоположные цели. Сербия требовала не только автономии для Боснии и Герцеговины, но и раздела Нови-Пазарского санджака, узкой полосы османской территории, отделявшей ее от Черногории. Турцию удовлетворила денежная компенсация в размере 2,5 млн ф. ст. Россия предложила передать вопрос о Боснии и Герцеговине на рассмотрение специальной конференции государств-участников Берлинского конгресса 1878 г. Но ее не поддержали ни Австро-Венгрия и Германия, ни державы Антанты. Последние не несли перед Россией никаких обязательств относительно Балкан. Между тем Германия требовала признания другими странами аннексии, не исключая в противном случае войны Австро-Венгрии против Сербии. 25 марта 1909 г. Россия была вынуждена согласиться с ее требованием. Ее примеру

последовала Сербия, а затем и другие державы. Последствия Боснийского кризиса русское общественное мнение расценило как «дипломатическую Цусиму».

Формально Германия и Австро-Венгрия всего лишь «отыгрались» за свое поражение во время Первого Марокканского кризиса. Фактически же они изменили самые «правила игры», т. е. писанные и неписанные нормы соперничества, которых державы придерживались долгие годы. В частности, они пренебрегли обязательством воздерживаться от пересмотра или отмены международных договоров в одностороннем порядке. Для достижения своих внешнеполитических целей Германия и Австро-Венгрия впервые за долгое время использовали военный шантаж, угрозу применения силы. Еще опаснее было то, что такой шантаж возымел действие. Сорвав международную конференцию по боснийскому вопросу, Германия и Австро-Венгрия расстроили «европейский концерт», положив конец сотрудничеству государств в целях предотвращения вооруженных конфликтов.

Боснийский кризис вызвал цепную реакцию политических потрясений, способствовавших дальнейшему нагнетанию международной напряженности. На его фоне произошло важное событие в истории болгарского народа. 5 октября 1908 г. князь Фердинанд по договоренности с Австро-Венгрией провозгласил полную независимость Болгарии от османского господства, к тому времени уже номинального. По примеру Австро-Венгрии к силе для удовлетворения своих притязаний к Османской империи вознамерилась прибегнуть Италия. Она уже имела основания рассчитывать на поддержку Франции, сумела расположить к себе и Россию, поддержав одно из основных ее внешнеполитических требований. 24 октября 1909 г., во время визита российского самодержца на Апеннинский полуостров, оба государства заключили тайное соглашение, в соответствии с которым Италия обещала благожелательно отнестись к позиции России по вопросу о Черноморских проливах, а Россия — к притязаниям Италии на Киренаику и Триполитанию. Оставалось дожидаться благоприятного момента.

Боснийский кризис поставил народы и государства Европы перед выбором: вернуться к практике компромиссов для разрешения территориальных и колониальных споров или добиваться удовлетворения своих притязаний методом угроз и военного шантажа. Уверенная в своем превосходстве над любым потенциальным противником, Германия решила и дальше идти по пути повышения ставок в этой опасной дипломатической игре, связанной с риском войны.

Стоило французам под предлогом подавления беспорядков ввести войска в марокканский г. Фес, как Германия сразу же потребовала для себя компенсации в виде одной из африканских колоний. Чтобы никто не сомневался в серьезности ее намерений, 1 июля 1911 г. она направила в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера». Журналисты назвали этот инцидент «прыжком “Пантеры”». Разразился острейший международный кризис — Второй Марокканский, или Агадирский, во время которого возникла опасность прямого военного столкновения между Францией и Германией, чреватого общеевропейской войной.

Франция не испугалась шантажа. Ее права на Марокко поддерживали Великобритания и другие влиятельные государства, с которыми у нее имелись соответствующие соглашения. В случае агрессии Германии она могла рассчитывать на помощь союзной России. Но желая уладить спор мирным путем, Франция сама предложила Германии изрядную компенсацию. 4 ноября 1911 г. обе державы заключили компромиссное соглашение. Германия обещала, что не будет чинить препятствий «действиям Франции, имеющим целью... содействие марокканскому правительству по введению в действие административных, судебных, экономических, финансовых и военных реформ». Не возражала она и против оккупации французами территории Марокко. Со своей стороны Франция обязалась в течение 30 лет проводить в Марокко политику «открытых дверей» и предоставить немцам крупные концессии. Кроме того, она уступала Германии часть своих колоний в Экваториальной Африке. Для эксплуатации природных ресурсов колоний обеих стран в этом регионе создавалась совместная компания.

Не успели рассеяться тучи Агадирского кризиса, как свой вклад в усиление международной напряженности внесла Италия. 28 сентября 1911 г. она предъявила Османской империи ультиматум, а на следующий день объявила ей войну. Не дожидаясь окончания военных действий, 5 ноября, итальянское правительство издало декрет об аннексии Триполитании и Киренаики. Между тем военные действия затянулись. Лишь новые затруднения на Балканах заставили Османскую империю признать поражение. 15 октября 1912 г в Уши (Швейцария) был подписан предварительный, а 18 октября в Лозанне — окончательный мирный договор. Султан «даровал» Триполитании и Киренаике самоуправление, но фактически обе провинции превращались в итальянскую колонию.

Итало-турецкая война явилась своего рода ранним предупреждением о катастрофе, грозящей Европе. Но крупнейшие государства ему не вняли или сделали из него прямо противоположные выводы. Они не усмотрели

опасности в локальных, «малых» войнах, даже, наоборот, нашли их приемлемым и безопасным для себя способом решения насущных политических задач. Они не усмотрели угрозы европейскому миру в том, что Балканские государства решили воспользоваться бедственным положением Османской империи, намереваясь поделить между собой остатки ее европейских владений — Албанию, Македонию, Фракию. Борясь за влияние на Балканские государства, державы большей частью руководствовались сиюминутными интересами, преследовали краткосрочные цели.

Россия добивалась создания союза Балканских государств под своим покровительством. Она рассчитывала вернуть себе влияние на Балканах, в значительной мере подорванное ее прежними дипломатическими неудачами. Когда Россия убедилась, что Балканские государства преследуют цели, расходящиеся с ее собственными интересами, отступить было поздно. 13 марта 1912 г. Сербия и Болгария подписали союзный договор, согласно которому должны были приступить к военным действиям против Турции не иначе как с ведома российского императора. На его усмотрение они передавали решение всех спорных вопросов, которые могли бы возникнуть в будущем «при толковании и исполнении» взятых ими на себя обязательств. 29 мая 1912 г. заключением союзного договора завершились переговоры Болгарии и Греции. В сентябре 1912 г. устное соглашение о совместном выступлении против Турции было достигнуто между Болгарией и Черногорией. В итоге к Балканскому союзу примкнули четыре государства — Болгария, Сербия, Черногория и Греция.

Члены Балканского союза предъявили Османской империи ультиматум с требованием предоставить Македонии и Фракии самоуправление. Она его не приняла, что и послужило поводом к объявлению войны. 8 октября 1912 г. в бой против турок вступила черногорская армия, 17 октября войну Османской империи объявили другие члены Балканского союза. Османская империя скоро оказалась на грани поражения. В ноябре болгарские войска вышли на подступы к Стамбулу. Успехи союзных войск вызвали озабоченность великих держав. Австро-Венгрию тревожила возможность присоединения к Сербии части Албании с получением выхода к Адриатическому морю. Она демонстративно приступила к военным приготовлениям на границах Сербии. Со своей стороны Россия опасалась, что захват болгарами Стамбула неизбежно поставит вопрос о судьбе Проливов, решить который в соответствии с собственными пожеланиями у нее пока не было возможности. Однако болгарским войскам не удалось занять Стамбул. Война завершилась мирным договором, подписанным 30

мая 1913 г. в Лондоне странами Балканского союза, с одной стороны, и Османской империей, с другой. По его условиям, турки потеряли все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии.

Однако вопрос о разделе бывших османских владений вызвал непримиримые разногласия в лагере победителей. Сербия не получила выхода к Адриатическому морю в связи с тем, что Австро-Венгрия и Италия настаивали на создании независимого албанского государства. Поэтому она потребовала для себя компенсаций в Македонии. Греция также рассчитывала на более значительное расширение своей территории. Поскольку притязания Сербии и Греции могли быть удовлетворены только за счет завоеваний Болгарии, оба государства решили оказать на нее давление. 1 июня 1913 г. Сербия и Греция подписали тайный союзный договор, направленный против Болгарии. В дальнейшем к нему присоединилась Румыния, также претендовавшая на территориальные «компенсации».

Пока Россия пыталась посредничать между союзниками, их противоречиями в своих интересах воспользовалась Австро-Венгрия. Она энергично поддержала Болгарию и таким способом сумела расколоть Балканский союз, считавшийся детищем русской дипломатии. По совету из Вены правительство Болгарии решило действовать на опережение. В ночь на 30 июня болгарские войска внезапно напали на сербские и греческие позиции в Македонии. Но в завязавшихся сражениях болгары были разбиты. 10 июля в войну вступила Румыния, войска которой, не встречая сопротивления, двинулись на Софию. Тяжелым положением болгар воспользовалась Османская империя, чтобы вернуть утраченные ранее территории. 29 июля Болгария капитулировала.

Согласно Бухарестскому мирному договору с Грецией, Сербией, Румынией и Черногорией, заключенному 10 августа 1913 г., Болгария потеряла большинство своих приобретений. В итоге она сохранила лишь небольшой кусочек Македонии, доставшейся в основном Греции и Сербии, а также часть Западной Фракии без сколько-нибудь значительных портов на берегу Эгейского моря. 29 сентября 1913 г. был подписан Константинопольский мирный договор с Османской империей, которой Болгария была вынуждена вернуть Адрианополь (Эдирне). 14 ноября 1913 г. мирный договор в Афинах заключили Греция и Турция. Для решения албанского вопроса в Лондоне была созвана конференция послов великих держав. 29 ноября 1913 г. она приняла Органический статут Албанского государства, который лег в основу принятой весной

следующего года конституции независимой Албании.

Балканы избавились от тяжелого наследия минувших времен — остатков османского господства. Но достижение конечной цели освободительной борьбы, растянувшейся на несколько столетий, большинству народов полуострова не принесло удовлетворения. Балканы пришли к тому же итогу, что и Европа в результате череды национальных войн и освободительных революций: границы государств, проведенные не по справедливости, а по праву сильного; возбужденное, но далеко не утоленное национальное чувство народов; взаимные претензии государств, которым не видно конца.

Вместе с тем Балканские войны убедительно обозначили окончание мирной полосы развития Европы. Они не обязательно предвещали общеевропейскую, «большую» войну, но свидетельствовали о том, что основные державы и прежде всего Германия и Австро-Венгрия не откажутся и впредь от политики угроз и военного шантажа, если только не будут к этому принуждены силой. Насколько трагичными могли оказаться последствия такой игры на повышение ставок, в 1913 г. можно было только догадываться.

Заключение

Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее

В XIX в. человечество пережило эпохальные перемены: изменения в экономике и обществе были настолько сильны и столь значительно воздействовали друг на друга, что можно по праву говорить о «рождении современного мира».

По мере того как мировые процессы становились все более взаимосвязанными, формы действия людей по всему миру начали походить друг на друга, наметилась тенденция глобальной унификации. Возрастающее единообразие проявлялось не только на примере таких крупных институтов, как армия, церковь или суд, но и в том, как люди одеваются, разговаривают, едят, ведут себя в семье. При этом усложнилась внутренняя структура самих обществ и государств.

К началу «долгого XIX столетия» сравнительно малочисленная группа аристократов, священников, «людей пера» доминировала над огромным количеством крестьян и ремесленников. Накануне Французской революции аббат Сийес вопрошал: «Что такое третье сословие? Всё. Чем оно было до сих пор при существующем порядке? Ничем. Что оно требует? Стать чем-нибудь». К концу XIX в. подобные вопросы могли поставить новые классы. В мире появилось почти 100 млн промышленных рабочих. Аристократия не исчезла, но теперь не только она, но и буржуазия, средние слои, рабочий класс стали определять облик эпохи.

Менялся социальный и культурный ландшафт, место и роль культуры в обществе. Люди все еще читали Библию, труды Пророка, аналекты Конфуция, произведения классиков греческой и латинской литературы, но уже стремились получать и современные научные знания.

Исторические пейзажи начала и конца XIX в. радикально отличаются. В 1800 г. в Индии были религиозные нигилисты, а к 1900 г. там появились атеисты. Ранее, на рубеже XVIII–XIX вв., пожалуй, только узкий круг людей в Японии мог переживать по поводу вреда, наносимого природе. К 1900 г. в мире возникли экологические объединения и активные борцы за охрану природы. В конце XVIII в. американцы могли лишь задумываться над тем, что собой представляют религии Востока, в то время как в конце XIX в. появились даже белые американские общины Бахаев.

Наиболее ярко изменения эпохи представлены в искусстве: импрессионизм, кубизм, атональная музыка сменили академизм в живописи и доминирование гармонии в музыке. Творчество Поля Гогена, Густава Климта и Пабло Пикассо стало успешно конкурировать с наследием классического искусства.

«Долгий XIX век» возвестил приход нового времени для судеб мира и человека. Он стал временем невиданных ранее в истории перемен; временем утверждения ценностей, без которых немислим современный мир — свобода и демократия, рыночная экономика и капитализм.

Демографический взрыв

Историческая материя XIX в. многослойна. Один из таких слоев — глобальная история народонаселения, или демографическая история. С этой точки зрения мир XIX в. предстает миром новых популяционных реалий. Человеческий вид в масштабах целой планеты впервые вышел за пределы биологических границ, в которых он пребывал на протяжении многих веков. Рост численности людей начался уже во второй половине XVIII в., а к 1800 г. совокупное количество обитателей мира достигло 1 млрд человек. Произошел грандиозный рывок к новому демографическому порядку. При этом распределение людей на планете Земля продолжало оставаться неравномерным. Как две тысячи лет назад, основная их масса жила в Азии. К 1800 г. совокупное число китайцев, японцев, индусов и других азиатских народов составляло немногим более 650 млн человек. Второе место по численности занимала Европа — чуть более 200 млн человек. В Африке, обескровленной тремя веками работорговли, проживали немногим более 100 млн. На этом фоне Австралия с Океанией были почти пустынными — всего 2 млн человек. Население Америки, чей этнический состав после проникновения туда европейцев качественно изменился, было распределено неравномерно: если в северной ее части проживали 7 млн человек, то в центральной и южной — 24 млн.

Демографическое преимущество Азии над всем остальным миром было обусловлено наличием большого числа многотысячных городов, а также огромного количества сельских поселений, обитатели которых были способны прокормить и самих себя, и всех горожан. Более или менее благоприятный климат в сочетании с продовольственными возможностями были важными факторами, позволяющими обеспечивать поддержание

высокой плотности населения в таких странах, как Китай, Индия, Япония и Таиланд. На азиатском фоне демографические характеристики Европы выглядели достаточно хорошо, поскольку, уступая ей по площади более чем в четыре раза, население Европы было меньше азиатского всего лишь в три раза. Последнее обстоятельство в исторической перспективе стало одной из причин перенаселенности европейского континента и все возрастающей миграции европейцев за его пределы.

Весь XIX век европейская перенаселенность (к 1850 г. численность европейцев превысила 275 млн человек) подпитывала исход огромной массы «лишних людей» в Новый Свет. Особенно интенсивно заселялась Америка, ставшая для миллионов выходцев из Европы настоящей «землей обетованной». После того как в результате первых контактов европейцев с индейцами подавляющее большинство коренных американских народов либо было истреблено, либо вымерло от незнакомых для них болезней, американский суперконтинент почти опустел, и для огромных масс переселенцев открылся путь на запад. Темпы заселения обеих Америк были различными. Если в XVI, XVII и XVIII столетиях основной поток европейских мигрантов направлялся в страны Центральной и Южной Америки, то приблизительно с 1840 г. переселенцы стали активно заселять североамериканский континент, в том числе к западу от Аппалачских гор. Всего за одно-два десятилетия численность североамериканцев увеличилась почти в 4 раза, достигнув к 1850 г. около 26 млн человек. Темпы роста населения Центральной и Южной Америки тоже были высокими, но уже отставали от севера. К 1850 г. общее количество латиноамериканских народов составило 38 млн человек.

По сравнению с Азией (к 1850 г. — более 800 млн человек), Европой и обеими Америками демографическая ситуация в остальных частях мира почти не изменилась. В Африке к 1850 г. численность населения едва перевалила за 110 млн, а в Австралии и Океании она и вовсе осталась на уровне начала века. Африканский застой был обусловлен многовековой политической нестабильностью, которая и в XIX в. продолжала оставаться основным фактором, подрывающим возможность демографического роста. Свою роль играл и тяжелый тропический климат, который на большинстве территорий не располагал к развитию продуктивного сельского хозяйства. Что касается Австралии и островов Тихого океана, то там вплоть до середины столетия все еще сохранялись первобытные условия существования, и лишь прибытие европейцев было способно заложить новые основы хозяйственной жизни, а следовательно, и обеспечить последующий демографический рост.

К 1900 г. тенденции, наметившиеся к середине столетия, проявили себя еще в большей мере. Особенно это касалось Северной Америки, которая по демографическим характеристикам обогнала центральную и южноамериканскую часть суперконтинента. Теперь там проживали 82 млн человек, тогда как к югу от границы США и Мексики — 74 млн. Население Азии к этому моменту уже приблизилось к 950 млн, а в Европе перевалило за 400 млн. Тем самым только за одно столетие численность населения в Старом Свете удвоилась, в Южной Америке — утроилась, а в Северной Америке она выросла более чем в 10 раз. Поистине XIX век стал веком Европы и ее миграционных проектов по другую сторону Атлантического океана. Лидерство Азии по демографическим показателям все еще продолжало оставаться бесспорным, но почти непрекращающийся приток выходцев из Европы во все части света превратился в проблему и для азиатских стран. Тот незначительный демографический сдвиг, который к 1900 г. был отмечен в Австралии и Океании (6 млн человек), также следует приписать европейской экспансии. В свою очередь, сравнительно небольшой прирост населения в Африке (немногим более 130 млн человек к концу столетия) свидетельствовал о том, что Африка продолжала оставаться негостеприимной к выходцам из Европы, и в западной прессе ее с отчаянием называли «могилой для белого человека». Тем не менее быстрое развитие тропической медицины к концу столетия и особенно появление все более надежных средств против малярии впервые открывали шанс для расширяющегося европейского присутствия и в этой части света.

В целом XIX век стал первым столетием устойчивого демографического роста. Всего за 100–150 лет численность людей на Земле удвоилась, достигнув к 1900 г. 1,6 млрд (в 1750 г. она едва составляла 790 млн человек). Это открывало новые перспективы социального, экономического и культурного развития для всего человечества, но при этом ставило перед ним и новые проблемы глобального плана. Значимость этих проблем в полной мере была осмыслена лишь во второй половине XX в., но и в XIX в. такие умы, как Томас Мальтус, уже задавались вопросом о том, к чему приведет эта новая и устойчивая демографическая тенденция. В определенном смысле человечество вновь сталкивалось с тем, что было около 5000 лет назад, когда рост народонаселения вошел в противоречие с недостаточностью ресурсов. Тогда выход из этого противоречия был найден в развитии новых форм хозяйственной жизни. В XIX в. также был сделан шаг к построению совершенно новой экономической реальности.

Технологическая революция

В XIX в. человечество впервые перестало жить в условиях господства ручного труда, а экономическое развитие определялось не только потенциалом земледельческого хозяйства. В этом столетии произошли одна за другой несколько технологических революций, следствием которых стало появление новых видов промышленности, транспорта, энергетики, военного дела и даже искусства, а также высвобождение большого количества свободного времени и социальной энергии.

По сравнению с финальной частью столетия его начало выглядит почти неподвижным. Повсеместно основным источником энергии выступает мускульная сила человека и домашних животных — там, где они существуют. В Европе и Азии, кроме того, привычно пользуются силой ветра (парус, ветряная мельница) и проточной воды (водяная мельница). Подавляющее большинство применяемых технологий появилось много веков назад и почти не претерпело изменений. Однако инновации уже налицо. Изобретенная Джеймсом Уаттом паровая машина быстро находит себе применение в Англии и уже в первые десятилетия календарного XIX в. стимулировала развитие целого ряда отраслей экономики. Еще при жизни своего создателя сила пара начинает использоваться в работе мощных насосов, откачивающих воду из угольных шахт, что, в свою очередь, дает новый толчок росту каменноугольного производства и всей энергетики, как бытовой, так и промышленной. Почти тогда же сила пара начинает приводить в движение механизмы на фабриках (первоначально текстильных, но не только), и это высвобождает массу свободных рук для других полезных занятий. К 1820 г. британские инженеры придумывают способ использования парового котла в транспортной отрасли. Появляются пароход и паровоз, движущийся по железнодорожным рельсам. Начинается эра скоростного сообщения. Еще почти целых двадцать лет эта технологическая инновация остается монопольной собственностью Британской короны, но в 1840-е годы ей находит применение в Северной Америке, а затем и в других частях света. Вся вторая половина столетия становится временем бурного железнодорожного строительства и развития парокорства. В результате человечество достигает новых пределов скорости, расстояния между удаленными частями света неожиданно сокращаются, а мир по-настоящему становится глобальным.

В те годы, когда энергия пара уже начала изменять качество технических средств, появилась еще одна технологическая инновация,

которой было суждено кардинально преобразовать мир. Речь идет об использовании электричества. В той или иной мере об электричестве было известно давно, однако умение обращаться с ним было приобретено в XIX в. Первый электрический конденсатор («Лейденская банка») был изобретен в 1745 г., и лишь после этого эксперименты с электричеством стали по-настоящему возможны. В 1831 г. англичанин Майкл Фарадей открыл явление электромагнитной индукции, лежащее в основе работы электрического трансформатора, и вслед за этим началось развитие электротехники. Первые электрические устройства были несовершенны, но все же они сразу находили себе применение. В первой половине 1830-х годов появился электрический телеграф, который сначала был всего лишь техническим курьезом, пока через десять лет Сэмюэл Морзе не нашел ему достойное применение, догадавшись соединить его с печатающим устройством. В результате возникло первое средство дальней связи, которому нашлось применение и в диспетчерских пунктах железнодорожных станций, и в системе государственного управления. В середине столетия трансатлантический телеграфный кабель впервые связал Америку и Европу, позволив передавать информацию между континентами с невиданной ранее скоростью.

Исследование свойств электромагнитного поля дало начало техническим экспериментам по созданию первых электромоторов, и уже в 1834 г. Борис Семенович Якоби в Санкт-Петербурге сумел сконструировать первый действующий электродвигатель, который вскоре был применен на водном, а затем железнодорожном транспорте. Однако маломощность первых электромоторов еще долго была причиной того, что они оставались слабой альтернативой для паровых котлов. С конца 1830-х годов изобретатели разных стран включились в работу по созданию эффективной электрической лампочки. Предлагавшиеся варианты решений долгое время были неэффективны, пока в 1879 г. американец Томас Эдисон, наконец, сумел запатентовать первую лампочку с платиновой нитью, способную работать продолжительное время. К этому времени искусственное освещение уже стало частью городской культуры, но возможности применения электрической лампы оказались более разнообразны. Электрическое освещение стали активно использовать на предприятиях, на транспорте, а с 1895 г. и в работе кинопроекторного аппарата.

К началу 1880-х годов умами ведущих инженеров овладела идея поиска нового типа двигателя, который был бы более компактным, чем паровой котел, используемый на паровозах и пароходах, но более мощным и легко обслуживаемым, чем электромотор. Итогом бесконечной череды

проб и ошибок в 1885 г. стало изобретение немецкими инженерами Готтлибом Даймлером и Вильгельмом Майбахом бензинового карбюраторного двигателя, который вскоре был успешно опробован на всех видах наземного транспорта, а спустя несколько лет стал использоваться и в авиации. Появление двигателя внутреннего сгорания дало мощный импульс развитию нефтедобычи и нефтепереработки, что, в свою очередь, привело к глобальным изменениям в экологии; около 1890 г. «ископаемое топливо» начало доминировать во всемирном масштабе. Подобно тому, как паровой двигатель привел к быстрому развитию пароходства и железнодорожного транспорта, а самые простые электромоторы стали частью электротехнических инноваций, двигатели внутреннего сгорания запустили маховик развития автомобильного транспорта, авиации и военной техники. В последнем случае подавляющее большинство достижений относятся уже к XX в., но условия для их появления были заложены еще в XIX столетии.

Все упомянутые технологические инновации оказали глубокое влияние на все сферы экономической, социальной и культурной жизни XIX в. Паровая энергетика стимулировала развитие целого ряда отраслей промышленности, начиная с горнодобывающей и текстильной, напрямую способствуя появлению первых форм крупного производства. Электротехника, двигатели внутреннего сгорания, производство нефти в еще большей степени расширили эту тенденцию. Новая энергетика рождала новые формы промышленности и транспорта, а те, в свою очередь, влекли за собой изменения в способах организации труда и в экономическом укладе все большего числа стран. К середине XIX в. безоговорочным лидером в сфере технологических инноваций была Великобритания, но уже с середины столетия в соперничество с ней включились США, Германия, Франция, Россия, а к концу века — Италия, Япония, Швеция, Бельгия. Триумфальный технологический и экономический успех Великобритании был отмечен первыми международными выставками, такими, как выставка в Хрустальном дворце 1851 г. под Лондоном. На ней, как и других подобных мероприятиях, вниманию общественности представлялись самые разнообразные изобретения и технические новинки. XIX век оказался одним из самых счастливых столетий по части технологических инноваций, но подавляющее большинство их нет возможности даже упомянуть. Среди тех изобретений, что вошли в золотой фонд человеческой цивилизации, назовем только некоторые: фотоаппарат, телефон, радио, электроннолучевая трубка, рентгеновская установка, мотоцикл,

автомобиль, велосипед, швейная машинка, кинокамера.

Урбанизация

Индустриализация и механизация коренным образом изменили трудовую сферу, революция коммуникаций сделала возможной миграцию из деревень и урбанизацию. Мир XIX в. был миром растущих городов. До наступления этого столетия подавляющее большинство населения жило в сельской местности, а немногочисленные города играли роль центров локальной торговли и традиционного производства. Наиболее крупные из них были расположены в Азии, а в Европе к началу XIX в. только Париж и Лондон могли претендовать на звание мегаполисов. Технологическая революция в Англии и последующий за ней промышленный переворот вызвали развитие промышленности и потребность в свободной рабочей силе. В первой трети XIX в. благодаря неиссякаемым потребностям угольной и текстильной индустрии быстро выросли Манчестер, Ливерпуль, Лидс, Глазго и другие британские города.

По мере того как волны промышленного развития распространялись за пределы Великобритании, там тоже начинался бурный городской рост. С середины XIX в. быстро увеличивалось население Парижа, Берлина, Мюнхена, Гамбурга, Санкт-Петербурга, Одессы. В Новом Свете ситуация во многом была схожей. Становление мясной промышленности стало причиной стремительного роста Буэнос-Айреса и Чикаго, «золотая лихорадка» 1840-х годов дала стимул развитию Сан-Франциско, а производство и экспорт кофе — развитию Рио-де-Жанейро, который к концу столетия был обойден Сан-Паулу. Такая же ситуация в последней четверти века наблюдалась в Токио, Йокогаме, Осаке и Гонконге.

Быстрый рост городов происходил за счет притока в них пришлого сельского населения, пополняющего ряды рабочего класса. Вокруг заводов и фабрик повсюду возникали трущобы, поэтому санитарное состояние новых индустриальных центров было удручающим. Хозяева промышленных предприятий зачастую не обращали внимания на бедственное положение рабочих, имея возможность в любой момент заменить недовольных на новых работников, в том числе из подростков и женщин. Монотонная изматывающая работа на предприятиях, оснащенных машинами, часто не требовала высокой квалификации, и оплата труда была невысокой. Это регулярно вызывало недовольство и сопротивление рабочих. Они громили заводские цеха, ломали промышленное

оборудование, строили баррикады, брались за оружие. На протяжении XIX в. волна классового противостояния прокатилась по многим странам мира. В историю этот век вошел как время ожесточенной классовой борьбы и городских революций. Последствием этих драматических событий стало осознание рабочими своих классовых интересов. С середины XIX в. в Европе начинают возникать первые политические партии, выражающие интересы рабочих. Широкую популярность среди рабочих получили идеи марксизма, анархизма, тред-юнионизма и других идеологий.

В свою очередь, городские власти и хозяева предприятий все чаще осознавали, что необходимо улучшать условия труда и жизни рабочих и их семей. С середины XIX в. во многих западных странах стали осуществляться санитарные преобразования: улицы очищались от мусора, строились общественные туалеты, прокладывались водопровод и канализация. Наиболее просвещенные представители общественности рекомендовали создавать специальные школы для рабочих и их детей, чтобы повышать их грамотность и побуждать отказываться от вредных привычек, таких, как пьянство. Наряду с этим все большее значение приобретала борьба с мелкой преступностью как порождением бедности и нищеты. Стремление к улучшению нравов стало важной частью жизни огромного числа образованных представителей среднего класса, которые охотно посвящали свое свободное время работе в системе образования, санитарно-медицинских учреждениях, занимались благотворительностью и журналистикой. В целом XIX век был не только временем революций, но и веком разнообразных социальных реформ, которые благотворным образом сказались на общественной жизни.

К концу XIX в. уровень материального благополучия горожан в западных странах понемногу повышается. Во многом это было вызвано изменениями в характере организации производства. Первоначально «дикие» условия труда сменились более рациональным и эффективным управлением. Увеличивались производительность труда, зарплата рабочих. Из трущоб и подвалов семьи рабочих начали переселяться в отдельные квартиры. Эти позитивные сдвиги, ставшие итогом разнообразных социально-экономических реформ, произошли главным образом в Северной Америке и странах Европы. Однако в большинстве стран мира до подобного положения было ещё далеко. По этой причине протестные настроения там не успокаивались. С неистовой силой они дали о себе знать целой чередой революций, которые прокатились по миру в самом начале XX в.

Стандартизация

XIX век справедливо назван эпохой «ускорения», увеличения глобальной однородности и стандартизации жизни. Ярким свидетельством становления единых национальных и общемировых рынков была стандартизация — времени, валюты, техники, одежды. Не случайно именно в XIX в. появилась идея всемирного языка: в 1879–1880 г. немецкий католический священник Иоганн Мартин Шлейер (1831–1912) предложил не очень удачный проект искусственного языка под названием «воляпюк», а в 1887 г. врач из Варшавы Людвик (Лазарь) Заменгоф (1859–1917) выпустил на русском языке учебник эсперанто — языка, ставшего весьма популярным.

Стандартизация измерения времени — ответ на «транспортную революцию», в первую очередь на появление железных дорог. Логика развития железных дорог и планов движения форсировала координацию времени, но реализация этой программы затягивалась. Согласование времени являлось техническим вызовом, лишь изобретение передачи электронных импульсов через телеграф сделало проблему принципиально разрешимой. Унификация времени шла в двух плоскостях: внутри государств и между ними. Международная координация нередко предшествовала национальной.

Еще в XVIII в. английские моряки начали ориентироваться по Гринвичскому меридиану (в Гринвиче близ Лондона с 1675 г. располагалась Королевская обсерватория). К 1855 г. Гринвичский меридиан использовался повсеместно на территории Британской империи в качестве начала отсчета географических долгот и для определения нулевого часового пояса; с 1880 г. подобное использование стало обязательным. В 1884 г. на международной конференции в Вашингтоне делегаты рекомендовали опираться на Гринвичский меридиан. К 1893 г., следуя выступлению в рейхстаге военного стратега Гельмута Мольтке (1800–1891), Гринвичский меридиан в качестве нулевого принимают все составные части Германского рейха, а в 1911 г. — Франция, до этого двадцать лет не желавшая признавать приоритет северного соседа, жившая при Парижском меридиане. Российская империя продолжала пользоваться Пулковским меридианом.

Эксцентричный математик Кирико Филопанти (1812–1894) и канадский железнодорожный инженер Сэндфорд Флеминг (1827–1915) независимо друг от друга в 1858 г. и 1879 г. предложили разделить мир на

24 часовые зоны, по 5° каждая. В США железнодорожные компании договорились о разделе материковой части страны на 4 часовых пояса уже в 1883 г., но официально это деление было утверждено Конгрессом только в 1918 г.

Вслед за первой железной дорогой Манчестер — Ливерпуль (открыта в 1830 г.) во многих странах утверждается единая ширина колеи 1435 мм. (за исключением, в частности, Российской империи).

В 1801 г. американский изобретатель Эли Уитни (1765–1825), более известный как создатель хлопкоочистительной машины, предложил делать стрелковое оружие из взаимозаменяемых стандартных деталей. С 1880-х годов все более унифицируется и производство строительных материалов.

В 1875 г. в Париже представители семнадцати стран подписали Метрическую конвенцию, за которой последовало создание единой международной системы измерений. В ее основе лежала метрическая система, принятая в качестве обязательной во Франции в 1837 г. На протяжении XIX в. продолжают уточняться эталонные значения метра и килограмма.

В последней четверти XIX в. своего рода символом финансовой состоятельности государства стал золотой стандарт, обеспечивавший стабильность курса, отсутствие инфляции, легкость валютного обмена. Еще в 1821 г. к золоту был приравнен британский фунт стерлингов. В 1865 г. Франция, Бельгия, Италия и Швейцария создают Латинский валютный союз, провозгласивший с 1866 г. биметаллический стандарт, но из-за кризиса 1873 г. и резкого падения цен на серебро после начала добычи на месторождениях в Неваде его члены, а также Германия, Дания, Швеция переходят на золотой стандарт. В 1879 г. золотой стандарт вводят де-факто США (де-юре в 1900 г.), в 1897 г. — Россия, в 1902 г. — Австро-Венгрия, в 1901 г. — Япония (первая попытка была предпринята в 1871 г.).

Рационализация веры

Формализация и стандартизация касались не только производства и быта, но и мировоззрения, верований, отношений между людьми. Не религиозная традиция, а разум начинает рассматриваться «последним источником авторитета» (Г.-Г. Гадамер). Функциональное отношение к Богу, распространившийся атеизм, развитие естественных и точных наук подрывали основания веры. Церковь, приспособляясь к новой ситуации, старалась не вступать в конфликт с наукой и прогрессом. Эмоциональность

веры явно угасала, религиозность становилась трезвой.

«Долгий XIX век» стал эпохой утверждения свободы совести, а затем и отделения церкви от государства в христианских странах, ранее наиболее нетерпимых к иным конфессиям. В революционной Франции свобода совести вводится Конституцией 3 сентября 1791 г., но окончательно идеал французской «светскости» (*laïcité*) — отделения церкви от государства — восторжествовал в 1880-е годы. В США свобода совести, наряду со свободой печати, собраний и петиций, была утверждена Первой поправкой к Конституции (1791), однако это решение оставалось на уровне федерации, а не штатов. Так, в Массачусетсе налог в пользу конгрегационалистской церкви собирался вплоть до 1833 г., в Нью-Гемпшире только в 1876 г. было отменено требование, согласно которому все избранные должностные лица могли быть только протестантами, а мормонская территория Юта была принята в состав США в 1896 г., через полвека после первого ходатайства (1847), после согласия на запрет многоженства. Только в 1925 г. Верховный суд своим решением по делу «Гитлов против штата Нью-Йорк» распространил действие Первой поправки на власти штатов, и тем самым стало возможным говорить об окончательном отделении церкви от государства.

В Великобритании терпимость к антитринитариям (унитариям) была провозглашена в 1813 г., католики были в основном уравнены в правах с протестантами в 1829 г., но налоги в пользу англиканской церкви платили все жители Ирландии (в основном — католики) вплоть до 1871 г. Евреи были уравнены в правах с христианами в Британской империи актами 1846 и 1858 гг. Вплоть до сегодняшнего дня пресвитерианская церковь Шотландии и англиканская церковь Англии остаются государственными.

В Российской империи, в целом традиционно значительно более веротерпимой по сравнению с другими европейскими державами, православие было государственной религией, причем каждый подданный империи не мог не принадлежать к какому-либо вероисповеданию. Императорский указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» разрешил, в частности, переход из православия в другие христианские конфессии и уравнивал в правах старообрядцев. 14 декабря 1906 г. из Уголовного уложения была изъята статья, каравшая за переход из христианства в другие религии. Следствием стали невиданный, трагически краткий расцвет старой веры, ее «золотой век» (1905–1917) и масштабный переход в католицизм в когда-то униатских западнорусских (белорусских) землях. Окончательное уравнивание в правах всех жителей страны и де-факто отделение церкви от государства были утверждены постановлениями

Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.), «О свободе совести» (14 июля 1917 г.).

Из ключевого мировоззренческого института, часто единственной связи между народом и образованными верхами, религия постепенно становилась одной из общественных систем, подобных праву, хозяйству, политике. Впрочем, ослабление материальной власти христианской церкви после секуляризации подчас усиливало ее духовную силу, превращая епископов из светских политиков и собственников в искренних людей церкви и веры. Все мировые религии учились отвечать на новые вызовы времени.

Несмотря на, казалось бы, сокрушительные удары по традиционному авторитету религии, важнейшим из которых стала теория эволюции, подавляющее большинство населения Земли оставались верующими, более того, во второй половине столетия в большинстве европейских стран вольнодумство в вольтерьянском духе вышло из моды среди образованных верхов. К примеру, британский премьер-министр Уильям Гладстон (1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894), в отличие от своего предшественника лорда Пальмерстона (1855–1858, 1859–1865), был глубоко религиозен. В России к началу XX в. разрываются сословные границы духовного сословия: в монахи уходят и дворяне, среди которых, к примеру, — будущий неутомимый борец за чистоту церкви, архиеп. Уфимский Андрей (Ухтомский, 1872/1873–1937), будущий патриарх Алексий I (Симанский, 1877–1970). Подчас вера представлялась своего рода викторианской смесью романтических средневековых образов и необходимой обществу моральной дисциплины. В отличие от революционной эпохи рубежа XVIII–XIX вв., именно верхи порой оказывались набожнее низов.

Позитивистское, на первый взгляд, рациональное XIX столетие породило не только новые религии — мормонизм и бахаизм, но и христианских аскетов и мистиков «средневековой» силы и чистоты. В православии достаточно вспомнить св. Серафима Саровского и оптинских старцев. В 1858 г. по всему католическому миру прокатилась весть о явлениях Девы Марии 14-летней девушке в маленьком городе Лурд в Пиренеях на юге Франции; заговорили о чудотворных исцелениях. В 1867–1908 гг. только зарегистрированных паломников в Лурд насчитали более 4,9 млн.

В эпоху, пришедшую на смену политической стихии Просвещения, политика обретает новые измерения. Власть становится публичной, а люди из подданных превращаются в граждан. Развитие рыночных отношений, разграничение функций церкви и государства, рационализация мировоззрения приводят к окончательному оформлению сферы политики, политические отношения приобретают «прозрачность». Одновременно с укреплением и совершенствованием государственной машины возникают новые институты политики, связанные с притязанием человека на участие в осуществлении публичной власти (парламенты, конституции, партии и т. п.). Сфера политического все более приобретает характер соревнования многообразных групп за власть. «Механизмы» такой политики призваны обеспечить оптимальную интеграцию несовпадающих групповых интересов.

В XIX в. меняется представление о характере взаимоотношений политической власти и общества: народ провозглашается в качестве безусловного источника власти (суверена). Именно он наделяется правом изменять государственный строй в соответствии с его представлениями о безопасности и счастье. Соответственно, важной нормой эффективности государственной власти и одновременно способом контроля за ее деятельностью провозглашается разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Эта норма призвана была содействовать профессионализации политической деятельности и одновременно противодействовать концентрации власти в руках немногих.

В XIX в. в передовых индустриальных обществах распространяются либеральные политические принципы, на роль базовой нормы политической культуры начинает претендовать идеал правового государства. Его символическим отображением становится образ «государства — ночного сторожа», которое не вмешивается в частную жизнь человека и стоит на охране его прав: на жизнь, свободу и собственность. В соответствии с подобными ценностными установками видится вся государственная система, которая предполагает верховенство законодательных органов над исполнительными, независимость судебной власти, соревновательность избирательной системы. Право граждан на выбор форм власти, открытая дискуссия с ее представителями существенно видоизменили традиционные институты власти, создали новые, позволявшие предотвратить политическое насилие в его «абсолютных» проявлениях.

Оборотной стороной автономизации и рационализации политики стало нарастание формализма и обезличивание политических отношений.

Лицемерие, продажность, бюрократическая волокита довольно быстро стали естественными спутниками новых демократий и причиной их внутренней неустойчивости. Происходит резкая поляризация общества, сопровождающаяся масштабными социальными конфликтами, нашедшими свое отражение в росте социалистических и анархистских идеологий.

После периода революций, социальных потрясений и продолжительных волнений середины века в 1880-е годы во многих крупных странах мира произошла стабилизация власти и консолидация политического устройства. Суть и причины этой консолидации различались: завершение процесса объединения страны (Германия, Япония); отход от предыдущих попыток реформ (США после окончания периода Реконструкции в 1877 г.); возвращение к строгому авторитарному правлению (в Российской империи при Александре III, в Османской империи при султане Абдул-Хамиде II); переход к авторитарным реформаторским режимам (Мексика при Порфирио Диасе, Сиам при короле Чулалонгкорне, Китай в период «политики самоусиления»); новые попытки заложить фундамент парламентских демократий (Франция периода Третьей республики, Великобритания после избирательной реформы 1884 г.). Однако результаты этих процессов были поразительно похожи: до вспышки новых революционных волнений начала XX в. режимы власти во всем мире переживали период стабильности по сравнению с предшествовавшими десятилетиями. Это можно оценивать негативно — как усиление государственного аппарата, но и позитивно — как восстановление государственной дееспособности и сохранение внутренней стабильности (Ю. Остерхаммель). Также в это время осуществлялись первые попытки системного социального обеспечения под эгидой государства: в последней трети XIX в. были заложены основания социального государства в Германии, Великобритании и даже в США, где пытались преодолеть долгосрочные гуманитарные последствия Гражданской войны.

Русский XIX век

В XIX в. Россия вошла в качестве одной из великих держав. Тончайший европеизированный слой высшей бюрократии и дворянства возвышался над многомиллионной массой крестьянства и мещан. Социальной середины Россия была лишена, страна не имела развитых демократических и городских традиций. Вплоть до 1905 г. Россия не знала

ни конституции, ни парламента, ни политических партий, ни современной политической жизни в целом. Естественно, что политика преобразований, реформы, модернизация сталкивались в России с особыми трудностями.

В XIX в. продолжилось дальнейшее расширение территории империи, Россия становится поистине «миром миров» (М. Гефтер). Российская империя — бескрайняя, плохо структурированная, представлявшая собой относительно слабо упорядоченное объединение земель, юрисдикций, народов — казалась просвещенным современникам, как и многим сегодняшним историкам, архаичной и отсталой. Историографические дискуссии последнего времени, новые научные данные не подтверждают концепты «отсталости» России, некомпетентности царской власти, бесперспективности крестьянского («архаичного») общества. Историки попытались пересмотреть чересчур негативный баланс русского XIX в. и переосмыслили империю как «современное», жизнеспособное государство, способное реагировать на вызовы модернизации и вырабатывать эффективные практики управления различиями.

История Российской империи XIX в., особенно после «Великих реформ» показывает, что она принципиально не описывается каким-то одним доминантным нарративом: ни традиционалистским, ни модернизационным, ни полумодернизационным, ни национализирующим, ни революционным. Русский XIX век, сохраняя «пережитки» имперской архаики, постоянно вырабатывал новые формы политической, общественной и культурной жизни. Россия отвечала во многом на те же вызовы, на которые реагировали европейские общества.

Финал «долгого XIX века» принес с собой конец монархическому государству в России, за которым последовали долгие споры историков о телеологии неизбежности революции и падения монархии. В ходе этих дискуссий оценки «зрелости объективных условий» революции, исторической «закономерности» насильственного переворота были подвергнуты сомнению. В этом плане «1913 год» представляется иногда в качестве некоего магического узлового пункта, который мог расставить вехи и совсем по-иному.

Мировой порядок XIX века

Согласно одному из распространенных мнений, XIX в. был веком без войн. Это верно, но с очень серьезными оговорками. Глобальных вооруженных конфликтов после Наполеоновских войн в этот век

действительно не происходило. Однако локальные и региональные военные столкновения происходили постоянно и повсеместно. Во многом причиной этого являлась международная политическая система, которая сложилась в первой четверти столетия. Мир XIX в. был миром больших империй — континентальных и колониальных, которые избегали серьезных конфликтов между собой.

Великие державы соперничали друг с другом и не испытывали уважения к малым государствам, которые они рассматривали как потенциальных возмутителей спокойствия. Такие страны, как Испания, Бельгия или Швеция, мало занимали образованных британцев, французов или немцев и на самом деле не воспринимались ими всерьез. Ирландия, Норвегия, Польша и Чехия вообще не существовали еще как самостоятельные государства. Идею европейского плюрализма государств любой величины, лежавшую в основе различных проектов мира эпохи Просвещения, в позднем XIX в. невозможно было помыслить. В так называемую эпоху «национальных государств» наиболее крупными и важными действующими лицами международной политики были империи. Это придавало европоцентричную тенденцию международным отношениям и связанным с ними пространственным перспективам. Никогда еще такая большая часть мира не была зависима от «маленького мыса Азии», каковым является Европа, и никогда мир не был таким разнообразным, сочетая уклад, рожденный индустриальной революцией и традиционные культуры, еще не готовые к контактам. Европа добилась безусловного превосходства, гегемонии; однако такой мировой порядок не мог быть стабильным и устойчивым в масштабах долгого времени.

XIX век был эпохой Realpolitik и явил миру категории геополитики, ставшей наукой в конце столетия. В XIX в. изменилось понимание роли границ как маркеров территориальных пределов легитимности государств и регуляторов трансграничных потоков. Однозначно маркированная, усиленная символами власти и охраняемая полицейскими, солдатами и таможенниками граница как «периферийный орган» (Ф. Ратцель) суверенного государства возникла и распространилась в XIX в. Она была побочным продуктом и одновременно приметой процесса территориализации власти: контроль над пространством становится важнее контроля над людьми. Территории должны были быть взаимосвязанными и оформленными пространствами. Разбросанное владение, анклав, города-государства (Женева стала кантоном Швейцарии в 1813 г.) и политические «лоскутные ковры» расценивались как анахронизмы. Еще в 1780 г. то, что Нёвшатель в Швейцарии находился в подданстве у короля Пруссии, никому

не бросалось в глаза. Накануне его присоединения к конфедерации в 1857 г. это уже воспринималось как курьез.

Европа, Северная и Южная Америка были первыми континентами, где территориальный принцип стал базовым, а регулярные государственные границы — нормой. В пределах старых и новых империй отношение к границам и территориальности было менее ясным. Внутриимперские границы часто воспроизводили административное деление и не имели глубокой территориальной укорененности. В отдельных случаях, прежде всего в условиях «косвенного управления», они были свидетельствами доколониальных отношений власти. Границы между империями редко физически маркировались на местности сплошной линией и не могли быть столь же плотными, как европейская государственная граница. Каждая империя имела свои открытые фланги: Франция — в алжирской Сахаре, Великобритания — на северо-западной границе Индии, Российская империя — на Кавказе (Ю. Остерхаммель).

Характерное для XIX в. представление о границах в полной мере реализовалось только во второй половине XX в.

Fin du siècle

XIX век к своей середине обнаружил устойчивость мощного экономического и культурного развития целых регионов и стран. Но очень скоро начались потрясения, цивилизационный прогресс стал ускоряться рывками научных, технических, промышленных подвижек. Это ускорение, воспринятое оптимистами с энтузиазмом и обещающее человечеству благоденствие и грандиозный рост, привело к глобальному кризису.

Ибо не только в метаморфозах искусства «высокого модерна» все явственнее проступали черты грядущих перемен. Как всегда, несколько опережая время, отдельные художники и мыслители видели их приближение. В их сознании мир, все еще казавшийся обывателям устойчивым и надежным, предстал неравномерно, неровно и быстро движущимся, готовым катастрофически обрушиться, обнажающим в своем развитии бездны, провалы. В реальности все это начало подтверждаться лишь с начала Первой мировой войны, а в науке — с открытий ученых-физиков, проникавших в микро- и макромиры. То, о чем в 1907 г. в книге «Творческая эволюция» размышлял французский философ А. Бергсон — многовариантность и сложность мира и его движения, его фундаментальная неустойчивость, нестабильность, — чуть раньше по-

иному выразили Ф. Ницше и З. Фрейд. Они были услышаны широкой аудиторией, поначалу эпатированной, почти оскорбленной небывалой откровенностью и странностью их утверждений. Два мыслителя, каждый по-своему, опрокидывали представление о разумности существующей цивилизации и культуры, о разумности как главной ценности бытия. Ф. Ницше прямо обрушился на незыблемость идеалов святости, добра, красоты. Он увидел, что, несмотря на внешне вполне благополучное развитие европейской цивилизации, вся система ее ценностей умирает. В христианской Европе с ее наружной благопристойностью, кажущейся устойчивостью религиозных верований Ницше заявил: «Бог умер», вера не является больше действительной движущей силой и принципом поведения людей. И «смерть Бога» знаменовала собой не только умирание традиционной религии, а главное — гибель безусловных ценностей традиционной жизни и культуры. То, что при этом выдвигалось немецким мыслителем в качестве новых идеалов и ценностей (воля к власти, идея сверхчеловека, настоящее серьезное искусство), выглядело очень поэтичным, было слишком многозначным и не могло стать реализуемым.

Художественная форма, в которую облекал свои идеи Ницше, допускала разнообразие трактовок смыслов высказанного. Оценки Ницше поэтому колебались от признания его то бунтарем-революционером, то чуть ли не религиозным пророком, вплоть до третирования философа как идеолога фашизма. Ницше, конечно, не ответственен ни за революцию, ни за фашизм, который пытался использовать его наследие. Этот поэт-философ раньше других разглядел признаки грозящих человечеству духовных тупиков и катастроф и сумел привлечь внимание к болезненным проблемам индустриальной цивилизации.

В 1883 г. Ницше закончил книгу «Так говорил Заратустра». В том же году русский революционер Г.В. Плеханов создал марксистскую группу «Освобождение труда», начавшую пропаганду идей марксизма в России. Искусство конца XIX в., идеи Маркса, Ницше, Фрейда и ряда других мыслителей — вместе и порознь — свидетельствовали, что мир подходил к 1900 г. с явным ощущением своего предгрозового или предкризисного состояния.

В понятии *fin du siècle* отражаются апокалиптические настроения, рожденные из завороченности датой «1900» и страхом кризиса в промышленных государствах. При этом с пессимизмом «декадентских» литературных и художественных групп конкурировала эйфория «прогрессистских» движений (Н. Катцер). Из этой диалектики модерна родились представления о времени, характерные для начала XX в. Мотивы

апокалипсиса мы находим в картинах художников, они перемежаются с футуристическими предсказаниями, возвещавшими накануне 1914 и 1917 гг. золотой век техники и благосостояния или говорившими о последней решающей войне в истории человечества, которая принесет вечный мир.

Август 1914

1 августа Германия объявила войну России. Как и другие европейские страны, втянутые в конфликт, Россия «познала часы священного единения». 2 августа тысячи людей стеклись к Зимнему дворцу, чтобы на коленях получить благословение царской четы.

Волна германофобии захлестнула страну. Санкт-Петербург был переименован в Петроград, начались погромы магазинов, принадлежащих немцам. Собравшись на однодневную сессию, Государственная дума подавляющим большинством проголосовала за военные кредиты. Мобилизация миллионов мужчин не вызвала серьезных проблем. Количество дезертиров было минимальным. Забастовочное движение резко пошло на убыль: всего 35 тыс. бастующих за пять последних месяцев 1914 г.

Летом 1914 г., несмотря на выступления и протесты небольших групп пацифистов, война казалась большинству европейцев неизбежной и, более того, необходимой. Даже такие аристократы духа, как Т. Манн и М. Вебер, позволяли себе милитаристские высказывания. Начало войны было встречено с воодушевлением, современники не ощущали приближение «катастрофы». Все воюющие страны рассчитывали на быструю войну. Лишь когда ожидаемый краткий и управляемый военный конфликт обернулся тотальной войной, которая «разорвала в клочья» мир, потрясла все его основы, стало очевидным, что ничего больше не будет как раньше. Растянутая во времени катастрофа продолжалась по сути всю первую половину XX столетия.

Великая война сместила систему координат жизни на планете и обозначила новую точку начала XX в. Современники очень скоро осознали беспрецедентность происходящего, их ожидания от смены эпох довольно быстро обрели мрачные тона. Вспомним пронзительные строки А. Блока:

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,

И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит, нам раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.

XX век с самого начала стал опровергать общий оптимистический
настрой, присущий XIX столетию.

Приложения

Хронологическая таблица

1798–1801	Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта
1799–1804	Режим Консульства во Франции
1800, 2 июля	Акт об унии Ирландии с Великобританией (введен в действие 1 января 1801 г.)
1800–1801	Участие Швеции и Дании-Норвегии во Втором вооруженном нейтралитете
1801, 9 февраля	Люневильский мир между Францией и Австрией
1801–1809	Президентство Томаса Джефферсона
1801–1825	Царствование Александра I
1802, 27 марта	Амьенский мир между Великобританией и Францией
1802, 4 августа	«Конституция X года» и установление пожизненного консульства Наполеона
1804, 21 марта	Введение во Франции Гражданского кодекса (с 1807 г. — Кодекс Наполеона)
1804, 18 мая	Принятие Наполеоном Бонапартом титула императора Франции под именем Наполеона I
1804–1813	Первое сербское восстание против османского владычества
1804	Провозглашение независимости Гаити
1804–1814	
и март-июнь 1815	Первая империя во Франции
1804–1813	Русско-персидская война. Гюлистанский мирный договор (12(24) октября 1813 г.). Россия закрепляет территориальные завоевания на Кавказе и в Закавказье
1805, 18 марта	Превращение Итальянской республики в королевство
1805, 21 октября	Разгром адмиралом Нельсоном франко-испанского флота у Трафальгара
1805, 2 декабря	Битва при Аустерлице

1805, 26 декабря	Пресбургский мир между Францией и Австрией
1805–1848	Правление Мухаммеда Али в Египте
1806, июнь	Преобразование Наполеоном I Батавской республики в Голландское королевство во главе с братом Наполеона Луи Бонапартом
1806, 12 июля	Образование Рейнского союза
1806, 6 августа	Роспуск Священной Римской империи
1806, 21 ноября	Декрет Наполеона I о Континентальной блокаде Британских островов (продолжалась до апреля 1814 г.)
1806	Захват нидерландской Капской колонии Великобританией
1806–1812	Русско-турецкая война. Бухарестский мирный договор (16 (28) мая 1812 г.). Россия присоединяет Бессарабию
1807, июль	Тильзитские мирные договоры: 7 июля — между Францией и Россией; 9 июля — между Францией и Пруссией
1807	Создание Великого герцогства Варшавского (существовало до 1812 г.)
1807	Образование организаций карбонариев в Италии
1807–1814	Англо-датская война. Завершилась подписанием 14 января 1814 г. Кильских мирных договоров
1808, март	Революционные события в Испании (Первая революция)
1808, 2 мая	Антифранцузское восстание в Мадриде
1808–1809	Оборона Сарагосы
1808–1809	Русско-шведская война. Фридрихсгамский мирный договор (5 (17) сентября 1809 г.). Присоединение Финляндии к России в качестве автономного Великого княжества
1808–1809	Установление дипломатических отношений между США и Россией
1808–1839	Правление султана Махмуда II в Османской империи
1809, 14 октября	Шенбруннский мир Австрии с Россией
1809–1810	Революция в Швеции
	Включение Голландского королевства в состав Французской

1810, июль империи

1810–1826 Война за независимость испанских колоний в Америке

1811–1820 Движение луддитов

1811–1818 Война против аравийских ваххабитов, их разгром армиями Мухаммада Али

1812, 19 марта Принятие Кадисскими кортесами конституции — первой конституции Испании

1812, 12 (24) июня Вторжение наполеоновской армии в Россию

1812, 26 августа (7 сентября) Бородинское сражение

1812–1815 Англо-американская война. Завершилась подписанием Гентского мирного договора 24 декабря 1814 г.

1813, 16–19 октября Разгром армии Наполеона в «Битве народов» под Лейпцигом

1814, 11 февраля Провозглашение независимости Норвегии

1814, 31 марта Вступление войск антифранцузской коалиции в Париж

1814, 6 апреля Отречение Наполеона I от власти

1814, 30 мая Первый Парижский мир союзных держав (Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия) с Францией

1814, сентябрь — 1815, июнь Венский конгресс

1814–1830 Реставрация Бурбонов во Франции

1814, 4 ноября — 1905, 7 июня Шведско-норвежская уния

1815, 16 марта Провозглашение Вильгельма I королем Королевства Объединенных Нидерландов (1815–1830 гг.)

1815, 20 марта- 22 июня	«Сто дней» Наполеона I
1815, весна	Второе сербское восстание. Возрождение сербской государственности
1815, 8 июня	Создание Германского союза (ликвидирован в 1866 г.)
1815, 18 июня	Битва при Ватерлоо
1815, 26 сентября	Парижский акт о создании Священного союза (1815–1833) России, Австрии и Пруссии
1815, 20 ноября	Второй Парижский мир союзных держав с Францией
1815	Образование Королевства Польского и присоединение его к России
1815	Восстановление Швейцарии в прежних границах и установление ее нейтралитета
1815	Переход Ионических островов под протекторат Великобритании (Ионическая республика 1815–1864)
1815	Бразилия получила статус равноправной части Португальского королевства
1816	Провозглашение независимости Аргентины
1818	Провозглашение независимости Чили
1818	Первый конгресс Священного союза в Ахене
1818–1883	Карл Маркс, немецкий философ и экономист
1819–1830	Государство Великая Колумбия, объединявшая Венесуэлу, Новую Гранаду и Кито (Эквадор)
1820, январь	Восстание в Испании под руководством Рафаэля Риего
1820	Второй конгресс Священного союза в Троппау (Силезия)
1820–1821	Революции в Неаполе, Сицилии и Пьемонте
1820–1823	Революции в Португалии и Испании
1820–1895	Фридрих Энгельс, немецкий философ
1821, январь	Освободительное движение в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии)

- 1821 Конгресс Священного союза в Лайбахе (Любляна)
- 1821 Провозглашение независимости Гондураса от Испании
- 1821 Провозглашение независимости Мексики и Перу
- 1821 Организация тайного общества французских карбонариев
- 1821–1823 Ирано-турецкая война
- 1821–1829 Национально-освободительная революция в Греции
- 1822 Обнародование первой конституции независимой Греции
- 1822 Провозглашение независимости Бразилии
- 1822 Третий (последний) конгресс Священного союза в Вероне
- 1823, 28 июля Эрзерумский договор о мире между Ираном и Турцией
- 1823, 2 декабря Провозглашение доктрины Монро (внешнеполитической программы правительства США)
- 1823–1834 Гражданская война в Португалии (Мигелистские войны)
- Государственное объединение Соединенные провинции
- 1823–1838 Центральной Америки (входили республики: Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор)
- 1824 Провозглашение Мексики республикой
- 1825, 14 (26) декабря Восстание декабристов в Петербурге (восстание гвардейских частей на Сенатской площади, подготовленное Северным обществом)
- 1825 Открытие в Великобритании первой железной дороги (Стоктон-Дарлингтон)
- 1825 Провозглашение Боливии независимой республикой
- Восстание против нидерландских колонизаторов под
- 1825–1830 руководством Дипонегоро в султанатах Суракарта и Джокьякарта на о. Ява (Индонезия)
- 1825–1848 «Эпоха реформ» в Венгрии
- 1825–1855 Царствование Николая I
- 1826–1828 Русско-иранская война. Завершилась подписанием Туркманчайского мирного договора (22 февраля 1828 г.)
- 1826–1837 Восстания на Центральной Суматре (Индонезия) против нидерландских колонизаторов
- 1827, 8

(20) октября	Наваринское сражение
1828	Провозглашение независимой республики Уругвай
1828	Создание Демократической партии в США
1828–1829	Русско-турецкая война. Адрианопольский мирный договор (2 (14) сентября 1829 г.)
1830, 3 февраля	Провозглашение независимости Греции (образование Греческого королевства)
1830, 26 июля	Опубликование королевских ордонансов во Франции
1830, 27–29 июля	Июльская революция во Франции
1830–1848	Июльская монархия во Франции
1830, август–сентябрь	Революция в Бельгии
1830, 4 октября	Провозглашение временным бельгийским правительством независимости Бельгии
1830, ноябрь — 1831, октябрь	Национально-освободительное восстание в Варшаве
1830	Провозглашение независимого государства Республика Эквадор
1830	Провозглашение независимого государства Республика Венесуэла
1830	Начало оккупации французами Алжира
1830–1863	Независимая республика Новая Гранада (на территории современных Панамы и Колумбии)
1831, 7 февраля	Принятие Национальным конгрессом Бельгийской конституции
1831	Основание Джузеппе Мадзини тайного общества «Молодая Италия»
1831, 21 ноября —	Первое восстание рабочих Лиона

3 декабря	
1831	Крестьянское восстание в Словакии
1832, 5–6 июня	Восстание республиканцев в Париже
1832	Первая парламентская реформа в Великобритании
1832–1847	Борьба Абд аль-Кадира против французов в Алжире
1833	Отмена рабства в британских колониях
1833–1840	Первая карлистская война в Испании
1834, 9-15 апреля	Второе восстание рабочих Лиона
1834	Основание тайного революционного общества «Молодая Германия»
1834–1866	Германский таможенный союз
1835–1840	«Великий трек» (переселение потомков голландских колонистов (буров) в центральные районы Южной Африки)
1836	Образование «Союза справедливых» в Германии
1836, сентябрь	Революция в Португалии (Сентябрьская революция)
1836–1839	Первый подъем чартизма в Великобритании. Опубликование чартистской народной хартии (8 мая 1838 г.)
1837, 18 июня	Принятие в Испании новой либеральной конституции
1837–1838	Восстания в Канаде против английского господства
1837–1901	Правление в Великобритании королевы Виктории
1838	Республики Гондурас, Коста-Рика и Никарагуа становятся самостоятельными государствами
1838	Принятие англо-турецкой торговой конвенции
1838–1842	Первая англо-афганская война. Окончилась поражением Великобритании
1839, 3 ноября	Провозглашение Гюльханейского хатт-и шерифа
1839	Республика Гватемала становится самостоятельным государством
1839	Основание государства буров Республики Наталь

- 1839–1861 Правление султана Абдул-Меджида I в Османской империи
- 1839–1870-е годы Период Танзимата в Османской империи
- 1840–1842 Второй подъем чартизма в Великобритании
- 1840–1842 Первая «опиумная» война (война Великобритании против Китая). Закончилась подписанием 29 августа 1842 г. Нанкинского договора, по условиям которого Великобритания захватила Гонконг
- 1841, 13 июля Лондонская конвенция о проливах, заключенная между Россией, Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией
- 1841 Провозглашение Сальвадора независимой республикой
- 1843 Революционные события в Греции
- 1843 Аннексия Великобританией бурской республики Наталь
- 1843–1865 Второе государство Саудидов
- 1844, июнь Восстание ткачей в Силезии
- 1844 Отделение Доминиканской республики от Гаити
- 1845 Аннексия Соединенными Штатами Техаса
- 1845–1846 Первая англо-сикхская война
- 1846 Отмена «хлебных законов» в Великобритании
- 1846 Национально-освободительное восстание в Кракове и крестьянское движение в Галиции
- 1846, апрель-май Народное восстание под руководством Марии да Фонте в Португалии
- 1846, октябрь- Вторая гражданская война в Португалии (Патулейя)
- 1847, июнь
- 1846–1848 Американо-мексиканская война. Мирный договор Гвадалупе-Идальго 2 февраля 1848 г.
- 1847 Гражданская война швейцарских кантонов
- 1847, июнь- Союз коммунистов, первая международная коммунистическая организация
- 1852, ноябрь
- 1847–1848 Третий и последний подъем чартизма в Великобритании

1847–1851	Реформы Мирзы Таги-хана в Иране
1848, январь–	Революция в Италии
1849, август	
1848, 22– 24 февраля, 23–26 июня	Народные восстания в Париже
1848, 25 февраля	Провозглашение республики во Франции (Вторая республика. 1848, февраль — 1852, декабрь)
1848, 27 февраля — 1 марта	Революционное выступление в Бадене
1848, февраль	Опубликование «Манифеста Коммунистической партии», первого программного документа научного коммунизма
1848, февраль– март	Крестьянское восстание в Западной Галиции
1848, март	Начало революции в Австрийской империи
1848, 13– 14 марта, 6 октября — 1 ноября	Восстания в Вене против имперских властей
1848, 18 марта	Восстание в Берлине
1848, 18– 22 марта	Восстания в Милане («5 дней Милана») и Венеции
1848, 20 марта– 9 мая	Национально-освободительное восстание в Познани
1848, март	Начало революции в Венгрии, Чехии
1848, 18 мая	Открытие Франкфуртского национального собрания

1848, 12–17 июня	Народное восстание в Праге
1848, 23–26 июня	Вооруженное восстание парижских рабочих
1848, 26 августа	Перемирие в Мальмё между Пруссией и Данией
1848, октябрь	Принятие новой Конституции Нидерландов
1848	Принятие Конституции Швейцарии, провозгласившей единство страны со столицей в Берне
1848–1849	Вторая англо-сикхская война. Захват Пенджаба английскими колонизаторами
1848–1849	Австро-итальянская война (Первая война за объединение Италии)
1848–1850	Датско-прусская (Шлезвиг-Гольштейнская) война. Завершилась подписанием 2 июля 1850 г. Берлинского мирного договора
1849, февраль–июль	Римская республика. Образование (29 марта) революционного правительства во главе с Джузеппе Мадзини
1849, 27 марта	Принятие Имперской конституции Франкфуртским национальным собранием
1849, 14 апреля	Провозглашение независимости Венгрии — Венгерской республики (в августе 1849 г. революция в Венгрии потерпела поражение)
1849, 5 июня	Принятие конституции в Дании
1849, 18 июня	Разгон Национального собрания в Штутгарте
1849, 3 ноября	Контрреволюционный переворот в Пруссии
1850, 31 января	Принятие антидемократической конституции в Пруссии (действовала до 1918 г.)
1850–1864	Восстание тайпинов в Китае
1851, май	Открытие первой Всемирной выставки в Лондоне

1851, 2 декабря	Государственный переворот Луи Бонапарта
1852, 2 декабря — 1870, 4 сентября	Вторая империя во Франции
1853–1856	Крымская война. Завершилась подписанием Парижского мирного договора (30 марта 1856 г.)
1854, март	Японо-американский договор «О мире и дружбе», по которому американцам открывались два японских порта для торговли на наиболее благоприятных условиях
1854, 6 июля	Образование Республиканской партии в США
1854	Создание африканерами (бурами) Оранжевого Свободного Государства (Южная Африка)
1854–1856	Гражданская война в Канзасе
1854–1856	Четвертая революция в Испании
1854–1860	Революция и гражданская война в Мексике
1855	Русско-японский договор. Курильские острова севернее о. Итуруп признавались принадлежащими России
1855–1881	Царствование Александра II
1856	Создание африканерами (бурами) на территории Трансвааля Южно-Африканской Республики (Республики Трансвааль)
1856	Провозглашение Хатт-и хумаюна Абдул-Меджида I; создание «Общества новых османов»
1856–1857	Англо-иранская война. Завершилась подписанием 4 марта 1857 г. в Париже компромиссного англо-иранского договора
1856–1860	Вторая «опиумная» война (война Великобритании и Франции против Китая). Завершена подписанием 24–25 октября 1860 г. Пекинских мирных договоров
1857–1859	Великое Индийское восстание, восстание в Индии против английского колониального господства (Сипайское восстание)
1858	Основание «Ирландского революционного братства» (фениии)
1858, 1 ноября	Ликвидация британской Ост-Индской компании. Объявление Индии владением британской короны

1858	Начало колонизации Францией Индокитая
1858	Подписание договоров Японии с США и другими европейскими странами, которые означали насильственное «открытие» Японии иностранными колонизаторами
1859, 29 апреля — 11 июля	Австро-итало-французская война. Виллафранкский мир
1859, 4 июня	Битва при Мадженте
1859, 24 июня	Битва при Сольферино
1859, 16 сентября	Образование Немецкого национального союза
1859, октябрь	Восстание под руководством Джона Брауна в США
1859	Объединение Молдавии и Валахии в единое государство, получившее название Румынское княжество (1862)
1859–1860	Испано-марокканская война. Завершилась подписанием в Тетуане 26 апреля 1860 г. Вад-Расского мирного договора
1859–1869	Строительство Суэцкого канала
1860, май-сентябрь	Экспедиция «тысячи» Джузеппе Гарибальди в Сицилию
1860–1861	Французская военная экспедиция в Ливан
1861, февраль	Образование в США Конфедерации Южных штатов
1861, 19 февраля (3 марта)	Александр II подписывает «Положение о крестьянах» и Манифест об отмене крепостного права в России
1861, 17 марта	Образование Итальянского королевства
1861, июнь	Образование в Германии Партии прогрессистов
1861	Принятие Органического статута Ливана
1861–1865	Президентство Авраама Линкольна
1861–1865	Гражданская война в США
1862, 20	

мая	Принятие закона о гомстедах в США
1862, сентябрь	Приход Отто фон Бисмарка к власти в Пруссии
1862–1867	Французская интервенция в Мексике
1863, 1 января	Прокламация Авраама Линкольна об отмене рабства
1863, февраль	Прусско-русская конвенция о совместном подавлении восстания в Польше
1863, 23 мая	Основание Фердинандом Лассалем Общегерманского рабочего союза
1863	Созыв Финляндского сейма Александром II и начало реформ в Финляндии
1863	Установление французского протектората над Камбоджей (с 1884 г. — французская колония)
1863–1864	Национально-освободительное восстание в Польше
1864, 31 января- 30 октября	Датская война (Вторая Шлезвиг-Гольштейнская война Австрии и Пруссии против Дании). По заключенному в Вене 30 октября 1864 г. мирному договору Дания уступала Пруссии и Австрии Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург
1864, 28 сентября	Учредительное собрание Международного товарищества рабочих (I Интернационал; действовал до 1876 г.)
1864	Принятие новой конституции в Греции
1864	Подписание международной Женевской конвенции о создании Общества Красного Креста
1864	Крестьянская реформа в Королевстве Польском
1864–1866	Первая Тихоокеанская война (война Чили, Перу, Боливии и Эквадора против Испании). Мирный договор был подписан в Лиме только 12 июня 1883 г.
1865, 31 января	Отмена рабства в США
1865–1866	Первая парламентская реформа в Швеции
1865–1877	Реконструкция Юга (США)
1866, 16	Австро-прусская война. Завершилась подписанием 23 августа

июня- 26 июля	1866 г. Пражского мирного договора
1866, 3 июля	Победа прусской армии над австрийской при Садовой
1866	Возникновение расистской организации Ку-Клукс-Клан
1866	Основание Национального рабочего союза в США
1866	Проложен первый телеграфный кабель через Атлантический океан (между США и Англией)
1866–1868	Балканский союз (заключение военных союзов Сербии с Черногорией, Грецией, Румынией)
1867, 17 февраля	Преобразование Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию
1867, 2 марта	Договор между Россией и США о продаже Аляски и Алеутских островов
1867, март	Восстание фениев в Юго-Восточной Ирландии
1867, 1 июля	Образование самоуправляющейся Канадской конфедерации (первый английский доминион)
1867, 21 декабря	Принятие в Австрии Конституции 1867 г.
1867	Образование Северогерманского союза во главе с Пруссией
1867	Ликвидация турецких крепостей в Сербии
1867	Вторая парламентская реформа в Великобритании
1867–1868	Революционные события в Японии (Мэйдзи исин), восстановление власти императора
1867–1868	Англо-эфиопская война
1868	Создание Британского конгресса тред-юнионов (БКТ)
1868	Аннексия Великобританией Басутоленда (Южная Африка)
1868–1874	«Демократическое шестилетие» в Испании
1868–1878	Десятилетняя война за независимость от Испании и отмену рабства на Кубе
1869, 11 февраля	Японский император Муцухито «даровал» стране конституцию
1869, август	Образование Социал-демократической (Эйзенахской) рабочей партии Германии

1870, 19 июля	Начало франко-прусской войны
1870, 2 сентября	Победа прусской армии над французской у Седана
1870, 4 сентября	Падение Второй империи во Франции
1870	Создание Болгарского экзархата
1870	Образование Ирландской лиги гомруля
1871	Присоединение Рима к Итальянскому королевству. Завершение объединения Италии
1871, 18 января	Провозглашение в Версале Германской империи
1871, 26 февраля	Подписание прелиминарного мирного договора между Францией и Германией в Версале
1871, 18 марта- 28 мая	Парижская коммуна
1871, 16 апреля	Принятие Конституции Германской империи
1871, 10 мая	Франкфуртский мирный договор между Германией и Францией
1871, 2 июня	Издание закона о легализации тред-юнионов в Великобритании
1871–1872	Восстание Мухаммеда Мукрани в Алжире против французских колонизаторов
1871–1890	Канцлерство Отто фон Бисмарка
1872, 2 мая	
— 1876, 28 февраля	Третья карлистская война в Испании
1872, 2–7 сентября	Гаагский конгресс I Интернационала
1873, май- октябрь	Образование «Союза трех императоров»
1873–1874	Первая республика в Испании
	Ачехская война, война нидерландских колонизаторов с

1873–1913	султанатом Аче на Северной Суматре (Индонезия)
1874	Предоставление Данией ограниченной автономии Исландии
1875, февраль- июль	Принятие трех основных законов, составивших Конституцию 1875 г., учреждавшую Третью республику во Франции
1875	Покупка Великобританией 45 % акций Суэцкого канала у египетского хедива
1875	Образование Социалистической партии в Португалии
1876, 1 мая	Провозглашение английской королевы Виктории императрицей Индии
1876	Образование Республиканской партии в Португалии
1876	Образование в Дании Социал-демократической партии
1876, 18 апреля — 23 мая	Апрельское восстание в Болгарии
1876, 23 декабря	Принятие Конституции Османской империи
1876–1909	Правление султана Абдул-Хамида II в Османской империи
1876–1911	Диктатура Порфирио Диаса в Мексике
1877, апрель- 1878, март	Русско-турецкая война
1877, 21 мая	Провозглашение Румынией полной независимости от Османской империи
1877	Захват Великобританией Трансвааля
1878, 3 марта	Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Турцией. Восстановление болгарской государственности
1878, 13 июня- 13 июля	Берлинский конгресс. Признание независимости Сербии, Черногории и Румынии
1878	Основание Чехославянской социал-демократической рабочей партии
1878	Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией Вторая англо-афганская война. Гандамакский мирный договор

1878–1880	от 26 мая 1879 г. Фактическая капитуляция афганского правительства перед англичанами
1878–1890	Исключительный закон против социалистов в Германии
1879, январь- сентябрь	Война англичан с зулусами в Южной Африке. Присоединение Зулуленда к Великобритании
1879, 16 апреля	Принятие Тырновской конституции в Болгарии
1879, 2 мая	Создание Испанской социалистической рабочей партии
1879, 7 октября	Заключение в Вене союзного договора между Германией и Австро-Венгрией
1879–1880	Образование Рабочей партии во Франции
1879–1884	Вторая Тихоокеанская война (Селитряная война, война Чили при поддержке Великобритании против Перу и Боливии)
1880- е-1898	Выступления народов Западной Африки под руководством Самори Туре против европейских колонизаторов
1881, 12 мая	Подписание договора о французском протекторате над Тунисом
1881, 6 (18) июня	Возобновление «Союза трех императоров»
1881, 28 июня	Тайная политическая конвенция между Сербией и Австро-Венгрией
1881, октябрь	Создание Конституционной либеральной партии (Риккэн Дзюто) — первой политической партии Японии
1881–1894	Правление Александра III
1881–1898	Восстание махдистов в Судане
1882, 20 мая	Заключение Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии
1882	Восстание Ораби-паши в Египте, английская оккупация Египта
1882	Провозглашение Сербии королевством
1882	Японо-корейский договор
1883	Объявление французского протектората над Тунисом
1884, апрель	Провозглашение протектората Германии над Ангра-Пекеной в Юго-Западной Африке. Начало колониальной политики

	Германии
1884	Установление парламентаризма в Норвегии, образование политических партий «Венстре» (либеральная) и «Хёйре» (консервативная)
1884	Объявление Того и Камеруна колониями Германии
1884	Основание Фабианского общества в Великобритании
1884, 15 ноября — 1885, 23 марта	Берлинская конференция по разделу бассейна р. Конго
1884–1885	Франко-китайская война. Начало колонизации Индокитая
1884–1885	Антипортугальские выступления в Мозамбике
1884–1885	Английская военная экспедиция в Судан. Взятие Хартума повстанцами Махди
1885	Создание Свободного государства Конго, сувереном которого становится бельгийский король Леопольд II. Фактическая колонизация большей части бассейна р. Конго Бельгией
1885	Образование колонии Германская Восточная Африка
1885	Образование Бельгийской рабочей партии
1885	Воссоединение Восточной Румелии с Княжеством Болгария
1885	Афганский кризис
1885	Образование партии Индийский национальный конгресс
1885, декабрь	Договор о протекторате Франции над Мадагаскаром
1886, 1 января	Аннексия Великобританией Бирмы
1886, 1–4 мая	Всеобщая забастовка в США с требованием восьмичасового рабочего дня. Расстрел рабочей демонстрации в Чикаго
1886, декабрь	Реорганизация Федерации организованных тред-юнионов и рабочих союзов США и Канады в Американскую федерацию труда. Первый конгресс АФТ
1886	Отмена рабства на Кубе
1887, 18 июня	«Секретное соглашение» между Россией и Германией — договор «перестраховки»

1887	Образование Норвежской рабочей партии
1887	Образование французскими колонизаторами Индокитайского союза, в который вошли завоеванные французами Аннам, Тонкин, Намбо (Кохинхина), а в 1893 г. и Лаос
1888, 31 мая	Отмена рабства в Бразилии
1888, 12–14 августа	Образование Всеобщего союза трудящихся Испании
1888	Первый Восточный экспресс связывает Париж с Константинополем
1889, 14–21 июля	Образование II Интернационала и его первый (Парижский) конгресс
1889, 15 ноября	Провозглашение Бразилии республикой
1889, 11 февраля	Провозглашение Конституции Японии
1889	Образование Социал-демократической рабочей партии Швеции
1889	Образование Социал-демократической рабочей партии Австрии
1889	Завершение строительства Эйфелевой башни в Париже. Приурочено к столетию Французской революции и открытию Всемирной выставки
1889, октябрь–1890, апрель	Создание Панамериканского союза
1890, 1 июля	Англо-германское соглашение о Восточной Африке и об обмене Гельголланда на Занзибар
1890, 2 июля	Принятие Сенатом США закона Шермана против трестов
1890	Англо-французский договор о разграничении сфер влияния и интересов в Африке
1891, апрель	Образование Всеобщего немецкого союза (с 1894 г. — Пангерманский союз)

1891, октябрь	Принятие Социал-демократической партией Германии Эрфуртской программы
1891	Создание Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП)
1891–1917	Русско-французский военно-политический союз
1892	Создание организации «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») в Османской империи
1892	Образование Итальянской партии трудящихся (с 1895 г. — Итальянская социалистическая партия)
1893	Образование Независимой рабочей партии Великобритании
1893, декабрь	Образование чешской Социал-демократической партии
1893	Образование партии Социал-демократия Королевства Польского (СДКП)
1893–1898	Колонизация Гавайских островов и аннексия их Соединенными Штатами
1894	Образование Социал-демократической рабочей партии Нидерландов
1894	Установление английского протектората над Угандой
1894	Образование Социал-демократической партии Хорватии и Славонии (СДПХС)
1894–1895	Японо-китайская война. Симоносекский мирный договор (17 апреля 1895). Япония получила о. Тайвань (Формоза)
1894–1906	Дело Дрейфуса
1894–1917	Правление Николая II
1895	Образование Всеобщей конфедерации труда (ВКТ)
1895–1896	Итало-эфиопская война. Признание Италией независимости Эфиопии по договору 26 октября 1896 г.
1895–1898	Национально-освободительное восстание на Кубе против Испании
1896, 1 марта	Победа эфиопских войск над итальянскими экспедиционным корпусом при Адуа
1896, 6 августа	Объявление Мадагаскара колонией Франции
	Создание в Словении Югославянской социал-демократической

1896	партии (ЮСДП)
1896	Реформа избирательного права в Австро-Венгрии
1897	Первая греко-турецкая война (Тридцатидневная война)
1897	Окончательный захват Францией Мадагаскара
1897	Создание Всемирной сионистской организации
1897–1898	Раздел Циньской империи на сферы влияния между Великобританией, Францией, Германией и Россией
1898, апрель- декабрь 1898, июль- ноябрь	Испано-американская война. Парижский мирный договор (10 декабря 1898 г.) Фашодский конфликт между Великобританией и Францией
1898	Судан становится британской колонией
1899, 23 января	Установление английского протектората над Кувейтом
1899, 23 марта	Англо-французское соглашение о разделе сфер влияния в Восточной и Центральной Африке
1899, май- июль	Первая международная мирная конференция (так называемая Первая Гаагская мирная конференция)
1899, 23 декабря	Получение Германией концессии на постройку Багдадской железной дороги
1899	Провозглашение США политики «открытых дверей и равных возможностей» в Китае (доктрина Хэя)
1899	Создание Рабочей партии Финляндии (с 1903 г. — Социал-демократическая партия)
1899–1901	Движение ихэтуань («боксёрское») в Северном Китае
1899–1902	Англо-бурская война. Завершилась подписанием Феринихигского мирного договора (31 мая 1902 г.)
1900, 1 января	Установление английского протектората над Нигерией
1900, февраль	Образование Лейбористской партии Англии (до 1906 г. называлась Комитетом рабочего представительства)
1900	Образование партии Социал-демократия Королевства

	Польского и Литвы (СДКПиЛ)
1900	Образование в Швеции Объединенной либеральной партии
1900–1903	Восстание в Анголе против португальских колонизаторов
1901, 1 июля	Основание федерации колоний Австралийский Союз (в 1907 г. получил статус доминиона)
1902, 30 января	Заключение англо-японского союза
1902, 20 мая	Куба становится независимой республикой
1902	Первый конгресс младотурок
1904, 8 апреля	Англо-французское соглашение и секретные статьи, положившие начало оформлению Антанты
1904–1905	Русско-японская война Портсмутский мирный договор (23 августа (5 сентября) 1905 г.)
1905–1907	Революция в России (первая русская революция)
1905, апрель	Слияние Социалистической партии Франции и Французской социалистической партии в Объединенную социалистическую партию
1905, 14 (27) — 15 (28) мая	Цусимское сражение
1905, 6(19) августа	Манифест Николая II об учреждении парламента — Государственной думы
1905–1906	Первый марокканский кризис. Алхесирасская конференция
1905–1911	Иранская революция
1906, 23 апреля (6 мая)	Николай II утвердил текст редакции «Основных государственных законов Российской империи»
1906, 27 апреля (10 мая) — 9 (22) июля	Государственная дума Российской империи I созыва
1906, 9 (22) ноября	Начало аграрной реформы П.А. Столыпина в России

1907, июнь- октябрь	Вторая Гаагская мирная конференция
1907, 18 (31) августа	Англо-русское соглашение о разделе Ирана на сферы влияния
1907	Новая Зеландия становится британским доминионом
1907–1909	Вторая парламентская реформа в Швеции
1908, 5 октября	Провозглашение полной независимости Болгарии. Образование Третьего Болгарского царства
1908, октябрь	Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией
1908–1909	Младотурецкая революция
1910, 31 мая	Образование британского доминиона Южно-Африканский союз
1910, 5 октября	Образование Первой республики (1910–1926) в Португалии
1911, июнь	Принятие новой конституции в Греции
1911–1912	Итало-турецкая война (Лозаннский мирный договор от 18 октября 1912 г.). Захват Италией Триполитании и Киринаики
1912, февраль	Синьхайская революция в Китае. Китайская империя прекратила существование
1912, 29 февраля	Болгаро-сербский договор. Образование Балканского союза
1912, март	Установление Францией протектората над Марокко
1912, июль	Русско-французская морская конвенция
1912, август	Создание в Китае Национальной партии (Гоминьдан)
1912, 9 октября-	Первая Балканская война
1913, 30 мая	
1912, 28 ноября	Провозглашение независимости Албании
1913,	Принятие английской палатой общин закона о гомруле в

январь	Ирландии
1913, 18–23 июня	Созыв в Париже Первого арабского конгресса
1913, 29 июня — 10 августа	Вторая Балканская война
1913	Присоединение к Греции о. Крит
1914, 28 июня	Убийство в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда
1914, 28 июля	Объявление Австро-Венгрией войны Сербии
1914, 1 августа	Объявление Германией войны России
1914, 3 августа	Объявление Германией войны Франции
1914, 4 августа	Вторжение германских войск в Бельгию
1914, 4 августа	Объявление Великобританией войны Германии

Избранная литература

Введение: XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени и Заключение: мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2001 (ориг. изд. — 1983).

Большаков В.П., Завершинский К.Ф. Своеобразие культуры Нового времени в ее развитии от Ренессанса до наших дней. Великий Новгород, 2000.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; пер. с фр. Б.А. Ситникова. М., 2008 (ориг. изд. — 1963).

Де Бразза П.С. Экспедиции в Экваториальную Африку: 1875–1882. Документы и материалы / Пер. с фр., коммент., науч. ст. и сост. указ. И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной. М., 2012.

Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Ред. Е.А. Вишленкова, Д.А. Сдвижков. М., 2013.

Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1 — 2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М., 2012 (ориг. изд. — 2007).

Никитин МД. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005.

Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006 (ориг. изд. — 1978).

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М., 2003.

Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.

Bancel N., Blanchard P, Verges F. La Republique coloniale. Essai sur une utopie. P, 2003.

Bayly C.A. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global

Connections and Comparisons. Maiden, MA; Oxford, 2004.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. Munich, 2009 (англ. изд.: Osterhammel J. Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century / Transl. P. Camillier. Princeton (N.J.), 2014).

Промышленная революция в XIX веке

Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии. М., 1963.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. 8-е изд. М.; Л., 1931. Т. 2.

Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. М., 1971.

Шпотов Б.М. Промышленный переворот в США: в 2 ч. М., 1991.

Inkster I. Science and Technology in History: An Approach to Industrial Development. New Brunswick (N.J.), 1991.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М., 2003 (ориг. изд. — 1985).

McPherson N. Machines and Economic Growth: The Implications for Growth Theory of the History of the Industrial Revolution. Westport (CT), 1994.

Szostak R. The Role of Transportation in the Industrial Revolution: A Comparison of England and France. Montreal, 1991.

Musson A.E. Robinson E. Science and Technology in the Industrial Revolution. N.Y., 1989.

Benson L, Lloyd J. New Technology and Industrial Change: The Impact of the Scientific-Technical Revolution on Labour and Industry. L.; N.Y., 1983.

Hobsbawm E.J. Industry and Empire. N.Y., 1968.

Chambers J.D. The Workshop of the World. L., 1968.

Pike E.R. Hard Times: Human Documents of the Industrial Revolution. N.Y., 1966.

Overton M. Agricultural revolution in England: the transformation of the agrarian economy, 1500–1850. Cambridge, 1996.

Экономический рост, демографические сдвиги и массовые миграции

Богина Ш.А. Иммигрантское население США, 1865–1900. Л., 1976.

Кембриджская экономическая история нового и новейшего времени / Под ред. С. Бродберри и К. О’Рурка / Пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред.

Т. Дробышевская. Т. 1: 1700–1870/ Пер. с англ. Ю. Каптуревского; науч. ред. Т. Дробышевская. М., 2012; Т. 2: 1870 — наши дни / Пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. Т. Дробышевская. М., 2013 (ориг. изд. — 2010).

Ливи Баччи М. Демографическая история Европы / Пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб., 2010 (ориг. изд. — 1998).

Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1 — 2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. Ю. Каптуревского. М., 2012 (ориг. изд. — 2007).

Bairoch P Révolution industrielle et sous-développement. 4 ed. R, 1964.

Dyson T. Population and Development. The Demographic Transition. L., 2010. Eichengreen B. Globalizing Capital. A History of the International Monetary System. 2nd ed. Princeton (N.J.), 2008.

Eternad B. Possessing the World. Taking the Measurements of Colonization from the Eighteenth to the Twentieth Century. N.Y., 2007.

Livi Bacci M. A Short History of Migration. Cambridge, 2012.

North D.C., Thomas R.P The Rise of the Western World. A New Economic History. Cambridge, 1973.

Nugent W.T.K. Crossings: the Great Transatlantic Migrations, 1870–1914. Bloomington, 1995.

World Connecting, 1870–1945 / Ed. Emily Rosenberg. Cambridge (Mass.), 2012.

Социальные процессы

Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М., 2004.

Зидер Р. Социальная история семьи в Центральной и Западной Европе (конец XVIII–XX вв.) / Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой. М., 1997 (ориг. изд. — 1987).

Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914 / Пер. с англ, под ред. М.А. Шерешевской. М., 2000 (ориг. изд. — 1992).

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999 (испр. изд. — 2000, 2003).

Arbeiter und Bürger im 19. Jahrhundert. Varianten ihres Verhältnisses im

europäischen Vergleich / Hrsg, von Jürgen Kocka. München, 1986.

Bairoch P De Jéricho a México. Villes et économie dans l'histoire. 2e éd. R, 1985.

Blum J. The End of Old Order in Rural Europe. Princeton (N.J.), 1978.

Histoire générale du travail / Dir. par Louis-Henri Parias. 4 vols. R, 1959–1961. Volume 3: L'ère des révolutions (1765–1914).

Kocka J. Arbeitverhältnisse und Arbeitsexistenzen. Grundlagen der Klassenbildung im 19. Jahrhundert. Bonn, 1990.

Thompson E.P The Making of the English Working Class. L., 1963, 1968.

Языки культуры XIX века

Андреев ЛТ., Козлова Н.П., Косиков Г.К. История французской литературы. М., 1987.

Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994.

Браудо Е.М. История музыки (Сжатый очерк). 2-е изд. М., 1935.

Гомбрих Э.Г. История искусства. М., 2014.

История немецкой литературы: Новое и Новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М., 2014.

Ковалевская ТВ., Вагизова Ф.А., Семенюк Е.В. История, литература и культура Великобритании. М., 2012.

Михайлов А.В. Языки культуры: Учебное пособие по культурологии. М., 1997.

Раздольская В.И. Европейское искусство XIX века. СПб., 2005.

Реале Дж., Антисери Д., Мальцева С.А. Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 4: От романтизма до наших дней. СПб., 2010.

Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М., 1989.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М., 2004 (ориг. изд. — 1999).

Шпенглер О. Закат западного мира: очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М., 2009. Т. 1: Образ и действительность; Т. 2: Всемирно-исторические перспективы (ориг. изд. — 1918, 1922).

Образование и наука

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред. — сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003.

Романовская Т.Б. Наука XIX–XX веков в контексте культуры (субъективные очерки). М., 1995.

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М., 2008 (ориг. изд. — 1990).

Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / Ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012.

Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева. М., 2013.

A History of the University in Europe / Gen. Ed. W. Rüegg. Vol. 3: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / Ed. W. Rüegg. Cambridge, 2004.

From Natural Philosophy to the Sciences: Writing the History of Nineteenth-Century Science / Ed. David Cahan. Chicago, 2003.

The Cambridge History of Science. Vol. 5: The Modern Physical and Mathematical Sciences. 2002; Vol. 6: Modern Life and Earth sciences. 2003; Vol. 7: The Modern Social Sciences. Cambridge, 2009.

The Rise of the Modern Educational System: Structural Change and Social Reproduction, 1870–1920/ Ed. D.K. Müller, F.K. Ringer, B. Simon. Cambridge; P., 1987.

The Transformation of Higher Learning, 1860–1930: Expansion, Diversification, Social Opening, and Professionalization in England, Germany, Russia, and the United States / Ed. K.H. Jarausch. Stuttgart, 1982.

Медицина XIX века

Бляхер Л.Я., Быховский Б.Е., Микулинский С.Р. История биологии с древнейших времен до начала XX века. М., 1972.

Бородулин В.К. История клинической медицины. М., 2008.

Карасик В.М. Прошлое и настоящее фармакологии и лекарственной терапии. Л., 1965.

Саркисов Д.С. Очерки истории общей патологии. М., 1993.

Степин В.С. История и философия науки. М., 2011.

Сточик А.М., Затравкин С.Н. Формирование естественнонаучных основ медицины в процессе научных революций XVII–XIX веков. М., 2011.

Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций XVII–XIX веков. М., 2012.

Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр., науч. ред. и предисл. А.Ш. Тхостова. М., 1998 (ориг. изд. — 1963).

Шамин А.Н. История биологической химии. Формирование биохимии. М., 1993.

Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1976.

Религия и церковь

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917: в 2 ч. / Ред. пер. А.В. Назаренко. М., 1996, 1997. (История Русской Церкви, кн. VIII, ч. 1-11) (ориг. изд. — 1963).

Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / Пер. с англ. А.Н. Гордиенко, И.В. Матвеева, Н.В. Шевченко. М., 2013 (ориг. изд. — 1974).

Ле Шателье А. Ислам в XIX веке. 2-е изд. / Пер. с фр. А.А. Калмыковой. М., 2007 (ориг. изд. — 1900).

Гергей Ё. История папства / Пер. с венгер. О.В. Громова. М., 1996 (ориг. изд. — 1981).

Ревуненкова Н.В. Протестантизм. СПб., 2007.

Хегглунд Б. История теологии / Пер. со швед. В.Ю. Володина. СПб., 2001 (ориг. изд. — 1956).

Древо индуизма: Материалы и исследования / Отв. ред. И.П. Глушкова. М., 1999.

Дубнов С. История хасидизма. Москва; Иерусалим, 2014 (ориг. изд. — 1931).

Кычанов Е.И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.

Мельниченко Б.Н. Буддизм и королевская власть: Буддизм в истории Сиамского государства XIII — начало XX века. СПб., 1996.

Корнев В.И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987.

Политика и общество

Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII-XIX

вв. М., 1925.

Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995.

Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987.

Деборин А.М. Социально-политические учения нового и новейшего времени. М., 1958, 1967.

Европейский либерализм в новое время: Теория и практика / Отв. ред. С.П. Пожарская. М., 1995.

Классический французский либерализм / Вступ. ст. и пер. с фр. М.М. Федоровой. М., 2000.

Моцелков Е.Н. Современные дискуссии о коммунистической теории Маркса и Энгельса. М., 1991.

Революции и реформы в мировой истории: (Материалы XVII Междунар. конгр. по ист. наукам. Мадрид, авг. 1990 г.) [Перевод] / Ред. комис.: В. Кудрявцев и др. М., 1990.

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм / Пер. с фр. под ред. В.А. Поссе. Т.: 1–2. СПб., 1899, 1903 (ориг. изд. — 1897).

Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада ХУИ–ХХ веков. М., 1995.

Согрин В.В. Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.

Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; науч. ред. пер. Б.С. Ерасов. М., 1999 (ориг. изд. — 1978).

Империя и нация в «долгом XIX веке»

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010.

Berger S., Miller A. Nation-Building and Regional Integration, c. 1800–1914: the Role of Empires // European Review of History: Revue europeenne d'histoire. Vol. 15, № 3. Abingdon, 2008. P. 317–330.

Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of

Difference. Princeton (N.J.), 2010.

Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley, 2005. Imperial Rule / Eds. A. Miller, A. Rieber. Budapest, 2004.

Nationalizing Empires / Eds. S. Berger, A. Miller. Budapest, 2014.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. Munich, 2009.

Race, Nation and Empire: Making Histories, 1750 to the Present / Eds. C. Hall, K. McClelland. Manchester, 2010.

Pax Britannica: Великобритания

Айзенштат М.П. Британский парламент и общество 1750–1850 гг. М., 2009.

Александр Ф., де л'Онуа Б. Королева Виктория / Пер. с фр. И.А. Сосфеновой; науч ред. и предисл. М.П. Айзенштат. М., 2007 (ориг. изд. — 2000).

Викторианцы. Столпы британской политики XIX века / Под ред. И.М. Узнародова. Ростов-на-Дону, 1996.

Гелла Т.Н. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. Орел, 2008.

Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977.

История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана; пер. с англ. С.А. Машкова и др. М., 2008.

Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время. Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004.

Новиченко И.Ю. Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века. М., 2001.

Briggs A. (ed.) Chartist studies. L., 1959.

Gash N. Reaction and reconstruction in English politics 1832–1852. Oxford, 1965.

The Oxford History of the British Empire. In 5 vols. / Ed.-in-Chief Wm. Roger Louis. Oxford, 1998–1999. Vol. Ill: The Nineteenth Century / Ed. Andrew Porter, Wm. Roger Louis.

Pax Britannica: Доминионы

Вяткина Р.Р. Создание Южно-Африканского Союза (1902–1910). М.,

1976. Макинтайр С. Краткая история Австралии / Пер. с англ. Т.И. Есипова, Н.Л. Некрасова. М., 2011 (ориг. изд. — 1999, 2004, 2009).

Малаховский К.В. История Новой Зеландии. М., 1981.

Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.). М., 1970.

Тишков В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978.

Belich J. Making Peoples: A History of the New Zealanders: From Polynesian Settlement to the End of the Nineteenth Century. Auckland, 1996.

The Cambridge History of South Africa. In 2 vols / Ed. R. Ross, et al. Cambridge, 2009–2010.

Canada and the British Empire / Ed. Ph. Buckner. Oxford, 2010.

Fairburn M. The Ideal Society and its Enemies: The Foundations of Modern New Zealand Society, 1850–1900. Auckland, 1989.

Hamer D. The New Zealand Liberals: The Years of Power, 1891–1912. Auckland, 1988.

Schreuder D., Ward S. Australia's Empire. Oxford, 2010.

Pax Britannica: Индия

Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2010.

Алаев Л.Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX в.). М., 1976.

Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973.

Костюченко В.С. Вивеканда. М., 1977.

Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.

Хашимов И.М., Кутина М.М. Деятельность индийского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1988.

Фурсов К.А. Держава-купец: отношения Английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.

Фурсов К.А. Львы Пятиречья: сикхи — великие воины Азии. М., 2011.

Bayly C.A. Indian Society and the Making of British Empire. Cambridge, 1988.

The History and Culture of Indian People. 3rd ed. / Gen. ed. R.C. Majumdar. Vol. IX: British Paramountcy and Indian Renaissance. Pt. I. [1818–

1905]. Bombay, 1988.

The History and Culture of Indian People. 3rd ed. / Gen. ed. R.C. Majumdar. Vol. X: British Paramountcy and Indian Renaissance. Pt. II. [1818–1905] / Eds. R.C. Majumdar, D.K. Ghose. Bombay, 1991.

The Cambridge Economic History of India. Vol. 2: c. 1751 — c. 1970 / Eds. M. Kumar, M. Desai. Cambridge, 1983.

Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии

Гурвич С.Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX в. М., 1976.

Дементьев ЮЛ. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза. 1858–1907. М., 1975.

Евдокимова Н.П., Виватенко С.В. Раймон Пуанкаре — президент Франции. СПб., 2006.

Игнатченко И.В. Адольф Тьер в годы Июльской монархии во Франции // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 110–126.

Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983.

Ревякин А.В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М., 1999.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». 3-е изд. / Пер. с фр. А.П. Бондарева; вступ. ст. А.П. Левандовского. М., 2009 (ориг. изд. — 1978).

Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 57–68.

Duroselle J.-B. La France de la «Belle Epoque». R, 1992.

Dupâquier J., Kessler D. La société française au XIXe siècle: Tradition, transition, transformations. R, 1993.

Закат Испанской империи

Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М., 2013.

Война за независимость Латинской Америки / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2011. Майский И.М. Испания, 1808–1917: исторический очерк. М., 1957.

Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце

XVIII — начале XIX в. М., 1988.

Costeloe M.P La respuesta a la independencia: la Espana imperial y las revoluciones hispanoamericanas, 1810–1840. Mexico, 1989.

Historia de Espana / Dir. J. Fontana, R. Villares. En 12 vol. Barcelona, 2002–2009. Vol. 6: Fontana J. La epoca del liberalismo. Barcelona, 2007.

Lynch J. Las revoluciones hispanoamericanas, 1808–1826. Barcelona, 2001.

Martin M. El colonialismo espafiol en Marruecos (1860–1956). R, 1973.

Palacio Atard V La Espana del siglo XIX, 1808–1898. Madrid, 1978.

Португалия: угасание великой империи

Alexandre V Origens do colonialismo português modemo. Lisboa, 1979 (Portugal no século XIX, vol. 3).

Cabral M.V. O desenvolvimento do capitalismo em Portugal no século XIX. 1a ed. Lisboa, 1976; 2a ed. Lisboa, 1977.

Capela J. As burguesias portuguesas e a abolição do tráfico da escravatura. Porto, 1979.

Costa R. da. Elementos para a historia do movimento operário em Portugal, 1820–1975. Lisboa, 1978. 2 vols.

Herculano A. Historia de Portugal. Lisboa, 1846–1853. Vol. 1–4.

Fortunato de Almeida A. Historia de Portugal. Lisboa, 1922–1929. 6 vols.

Historia da expansão portuguesa no mundo / Sob a direção de A. Barão, H. Cidade e M. Murias. Lisboa, 1937–1940. 3 vols.

Oliveira Marques A.H. de. Historia da I República. As estruturas de base. Lisboa, 1972–1979.

Sa V. de. A revolução de setembro de 1836. 1a ed. Lisboa, 1962; 3a ed. Lisboa, 1980.

Serrão J. Verissimo. Historia de Portugal. Lisboa, 1977–2007. Vol. 1–17.

Valente VP. O poder e o povo. A revolução de 1910. Lisboa, 1976.

Tengarrinha J. M. A revolução de 1820. 2a ed. Lisboa, 1982.

Нидерланды: маленькая европейская страна — большая колониальная держава

Бауман Г.Г. Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861–1918). Ростов-на-Дону, 1975.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нидерланды в Новое и Новейшее время. М., 2002.

Мак Г. Нидерланды. Каприз истории / Пер. с нидерл. А.К. Игнатенко. М., 2013 (ориг. изд. — 2010).

Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001.

Кёйпер А. Антиреволюционная партия / Пер. с фр. и примеч. Г. А. Шатохиной // Европейский альманах, 2001. М., 2002. С. 159–163.

Мультиатули (Деккер Э.Д.). Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества / Пер. М.И. Тубянского. М., 1959 (ориг. изд. — 1860).

Doel H. W. van den. Het Rijk van Insulinde. Opkomst en ondergang van een Nederlandse kolonie. Amst., 1996.

Harinck G., Kuiper R., Bak P. De Anti-Revolutionaire Partij 1829–1980. Hilversum, 2001.

Jong J.J.P. De waaier van het fortuin. De Nederlanders in Asie en de Indonesische archipel 1595–1950. Den Haag, 1998.

Zanden J. L. van., Riel A. van. Nederland 1780–1914. Staat, instituten en economische ontwikkeling. Uitgeverij Balans, 2000.

Бельгия: королевство и империя

Веселовская М. Бельгийская революция 1830 г. 2-е изд. доп. М., [1917].

Намазова А. С. Бельгийская революция 1830 года. М., 1979.

Намазова А. С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках. М., 2008.

Нольде Б.Э. Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905.

Пантелеева С.В. Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового. СПб., 1905.

Шлепнер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии. М., 1959.

Реклю Э. Народы и страны Западной Европы / Пер. с фр. под ред. и с доп. Н.К. Лебедева М., 1915. Т. III: Бельгия.

Emerson B. Léopold II of the Belgians: King of colonialism. L., 1979.

Nouvelle histoire de la Belgique. Bruxelles, 2005–2009. 5 vols. Vol. 1: Witte E., Gubin E., Nandrin J.-P., Denecker D. 1830–1905. Bruxelles, 2005; Vol. 2: Dumoulin J., Gerrard E., Van den Wijngaert M., Dujardin V. 1905–1950. Bruxelles, 2006; Vol. 4: Vanthemesche G., Vellut J.-L. La Belgique et le Congo: Empreintes d'une colonie. 1885–1980. Bruxelles, 2007.

Stengers J. Congo, mythes et réalités. 100 ans d'histoire. Paris; Louvain-La-Neuve, 1989.

Witte E., Craeybeckx J. La Belgique politique de 1830 à nos jours. Les tensions d'une démocratie bourgeoise. Bruxelles, 1987.

Юго-Восточная Азия: от традиционного к колониальному обществу

Бандиленко Г.Г., Гневушева Е.И., Деопик Д.В., Цыганов В.А. История Индонезии. М., 1992. Ч. 1.

Берзин Э.О. История Таиланда. М., 1973.

Губер А.А. Избранные труды. М., 1972.

История Востока / Гл. ред. Р.Б. Рыбаков. М., 1995–2008. Т. IV: Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). Кн. 1–2 / Отв. ред. Л.Б. Алаев, М.Г. Козлова, Г.Г. Котовский, О.Е. Непомнин, И.М. Смилянская. М., 2004–2005.

История Кампучии: Краткий очерк / Отв. ред. Ю.Я. Михеев. М., 1981.

Козлова М.Г. Английское завоевание Бирмы. М., 1972.

Левтонова Ю.О. История Филиппин. М., 1979.

Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы. М., 1973.

Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.

Новая история Вьетнама / Отв. ред. С.А. Мхитарян. М., 1980.

Подберезский И.В. Сампагита, крест и доллар. М., 1984.

Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы / Отв. ред. А.А. Губер. М., 1962.

Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы / Сост. А.Г. Тартаковский и др. М., 1965–1967. Ч. I–II.

Ребрикова Н.В. Очерки новой истории Таиланда (1768–1917). М., 1966.

Тюрин В.А. Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.

Тюрин В.А. История Малайзии. М., 1980.

Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.

Холл Д.Дж. Е. История Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. Я.М. Света, И.П. Ястребовой и др. М., 1958 (ориг. изд. — 1955).

The Cambridge History of Southeast Asia. Volume Three. From c. 1800 to the 1930 s. Cambridge, 1999.

Andaya B. W. and Andaya L. Y. A History of Malaysia. Basingstoke, 2004.

- Cady J.F. A History of Modern Burma. Ithaca, 1958.
Chandler D. A History of Cambodia. Boulder, 1983.
Le Thanh Khoi. Le Vietnam. P., 1955.
Osborn M. The French Presence in Cochinchina and Cambodia: Rule and Response 1859–1905. Ithaca, 1969.
Ricklefs M.C. A History of Modern Indonesia: c. 1300 to the Present. L., 1981.
Rong Syamananda. A History of Thailand. Bangkok, 1981.
Stuart-Fox M. A History of Laos. Cambridge, 1999.
Turnbull C.M. A History of Singapore. 1819–1975. Kuala Lumpur, 1977.
Wyatt K. Thailand: A Short History. New Haven, 1984.

Африка южнее Сахары: локальные цивилизации и колониальный раздел

- Балезин А. С. Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время: люди, проблемы, события. Учебное пособие. М., 2008.
История Африки в XIX — начале XX вв. 2-е перераб. и доп. изд. / Под ред. А.Б. Летнева, В.А. Субботина, М.Ю. Френкеля. М., 1984.
История Африки в биографиях / Под общ. ред. А.Б. Давидсона. М., 2012. История Африки в документах. 1870–2000. Том 1: 1870–1918 / Ред. Г. Цыпкин. М., 2005.
Никитин МД. Чёрная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005.
Россия и Африка. Документы и материалы. Т. 1: ХУШ в. — 1917 г. / Под ред. А.Б. Давидсона. М., 1999.
M'Bokolo E. (dir.). Afrique Noire. Histoire et civilisations. Du XIXe siècle à nos jours / Elikia M'Bokolo; avec la collab. de Sophie Le Callennec, Thiemo Bah, Jean Copans et al. P., 2004.
General History of Africa. UNESCO, Berkeley, 1981–1993. Vol. 6: Africa in the Nineteenth Century until the 1880th/ Ed. J.F. Ade Ajayi. 1989; Vol.7: Africa under the Colonial Domination 1880–1935 / Ed. A.A. Boahen. 1985.

Русский XIX век

- Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг., 1923.
Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Общественная мысль в России XIX в. / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Л., 1986.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первую четверть XIX века. М.; Л., 1958.

Реформы или революция? Россия, 1861–1917: материалы междунар. colloquium историков (4–7 июня 1990 г.) / Отв. ред. В.С. Дякин. СПб., 1992.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955.

Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. 8–9.

Троицкий Н.А. 1812 год. Великий год России. М., 1988.

Чернов С.Н. У истоков освободительного движения. Саратов, 1960.

<i>Габсбургская монархия в XIX веке: от абсолютистской империи к конституционному государству</i>

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика/ Пер. с нем. В.А. Брун-Цеховой, О.И. Величко, В.Н. Ковалева. М., 2007 (ориг. изд. — 2002).

Джонстон УМ. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии. 1848–1938 гг. / Пер. с англ. В. Калиниченко. М., 2004 (ориг. изд. — 1983).

Рахишир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005.

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.

Bled J.-P. Franz Joseph. Der letzte Monarch der alten Schule. Graz; Wien; Köln. 1989.

Die Habsburgermonarchie 1848 bis 1918 / Hg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. I: Die wirtschaftliche Entwicklung. Wien. 1973; Bd. II: Verwaltung und Rechtswesen. W. 1975; Bd. III: Teil 1–2. Die Völker des Reiches. W. 1980; Bd. IV: Die Konfessionen. W. 1985; Bd. V: Die bewaffnete Macht. W. 1987; Bd. VI: Teil 1–2. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. W. 1989; Bd. VIII: Teil 1–2. Verfassung und Parlamentarismus. W. 2000.

Kann R.A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches in Jahre 1918. Graz; Köln. 1964.

Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Österreichische Geschichte 1804–1914. Wien, 1997.

Taylor A J.P The Habsburg Monarchy. 1809–1918. A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. N.Y., 1965.

Османская империя в XIX веке: долгие поиски обновления

Гасратян М.А. Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.

Дудина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-Паша. М., 1984.

Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2005.

Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 1990.

Тодорова М.Н. Англия, Россия и Танзимат (вторая четверть XIX в.). М., 1983.

Фадеева ИЛ. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм): XIX — начало XX века. М., 1985.

Шпилькова В.И. Младотурецкая революция (1908–1909). М., 1977.

Findley C. V Turkey, Islam, Nationalism, and Modernity. A History, 1789–2007. New Haven, 2010.

Haniuoğlu M. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton (N.J.), 2008.

The Cambridge History of Turkey. Vol. 3: The Later Ottoman Empire, 1603–1839 / Ed. Suraiya N. Faroqhi. Cambridge, 2006.

Арабский мир

Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.). М., 1996.

Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.).

М., 1999.

Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999.

Жантиев Д.Р. Традиции и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи (конец XVIII — начало XX века). М., 1998.

Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX — 1908 г.). М., 1975.

Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005.

Прошин Н.И. История Ливии в новое время. М., 1981.

Степанянц М. I Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.

Ageron Ch.-R. L'Algérie algérienne de Napoleon III a de Gaule. P., 1980.

Aziz al Azmeh. Wahhabite Polity. — Arabia and the Gulf: From Traditional Society to Modern State. L., 1986.

Fahmy K. All the Pasha's Man: Mehmed Ali, his Army and the Making of Modern Egypt. Cairo, 2002.

Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. Cambridge, 1983.

Ochsenwald W. Religion, Society and the State in Arabia: The Hijazan control, 1840–1908. Ohio, 1984.

Иран под властью династии Каджаров

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 гг. и 1978–1979 гг. М., 1998.

Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке. XIX — начало XX в. Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990.

Иванов М.С. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М., 1982.

Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX в.) / Отв. ред. Л.И. Кулагина. М., 1978.

Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М., 1982.

Abrahamian E. Iran. Between Two Revolutions. Princeton (N.J.), 1982.

Keddie N.R. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan, 1796–1925. Costa Mesa, CA, 1999.

The Cambridge History of Iran. Vol. 7: From Nadir Shah to the Islamic

Republic / Eds. P. Avery et al. Cambridge, 1991.

Китай и мир: противоречивые процессы модернизации

Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции. 1911–1913. М., 2001. Илющечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.

История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.

Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914 гг. М., 1980.,

Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999.

Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М., 1988.

Bergère M.-C. Capitalisme et capitalistes en Chine, XIXe-XXe siècle. P., 2007.

Cohen P.A. Between Tradition and Modernity. Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China. Cambridge (MA), 1974.

Osîerhammel J. China und die Weltgesellschaft. Vom 18. Jahrhudenrt bis unsere Zeit. Munich, 1989.

Spence J. The Search for Modem China. N.Y., 1990.

Wong R.B. China Transformed. Historical Change and the Limits of European Experience. Ithaca (N.Y.), 1997.

Япония на пути в «клуб великих держав»

История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. М., 1998. Т. 1: С древнейших времен до 1968 г.; Т. 2: 1868–1998.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1999.

НагатаХ. История философской мысли в Японии. М., 1981.

Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961.

Сакамото К. Кокка синто катэй-но кэнсю (исследование процесса формирования государственного синто). Токио, 1994.

Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990.

Синто. Путь японских богов: в 2 т. / Под ред. Е.М. Ермаковой, Г.Е. Комаровского, А.Н. Мещерякова. СПб., 2002. Т. 1: Очерки по истории

синто.

Сладковский М.И. Китай и Япония. М., 1971.

Табохаси К. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895), М., 1956.

Aleen G.C. A Short Economic History of Modern Japan. L., 1981.

Changing Japanese Attitudes towards Modernization. 2nd print / Ed. M.B. Jansen. Rutland (Vt); Tokyo, 1982.

Reishauer E.O. Tradition and Transformation, Tokyo, 1986.

The Japanese Trajectory: Modernization and Beyond / Ed. G. McCormack, Y. Sugimoto. Cambridge, 1988.

Германия: воплощение национальной мечты

Бонвеч Б., Галактионов Ю.В. История Германии. Т. 1–3. М., 2008.

Матвеева А.Г. История Германской империи. М., 2002.

Bleyer A. Auf gegen Napoleon!: Mythos Volkskriege. Darmstadt, 2013.

Busse A. Der Beginn der Industrialisierung in Deutschland bis zur Revolution 1848/49. München, 2013.

Krause A. Der Kampf um Freiheit: die Napoleonischen Befreiungskriege in Deutschland. Stuttgart, 2013.

Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. München, 1992.

Stürmer M. Die Reichsgründung: deutscher Nationalstaat und europäische Gleichgewicht im Zeitalter Bismarcks. München, 1986.

Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich: 1871–1918. Göttingen, 1994.

Италия в XIX веке: Рисорджименто

Андронов КБ. Джузеппе Мадзини. Молодые годы. Санкт-Петербург, 2009. Бондарчук В.С. Национальная идея и национальное сознание в Италии// Национальная идея в Западной Европе в новое время: очерки истории / Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005.

Любин В.Л. Италия накануне вступления в Первую мировую войну. М., 1982. Прокаччи Дж. История итальянцев. М., 2012.

Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто. Л., 1980.

Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860–1900). М., 1951.

Серова О.В. От тройственного союза к Антанте: итальянская внешняя

политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века. М., 1983.

Mack Smith D. Storia d'Italia dal 1861 al 1969. Bari, 1987.

Mack Smith D. The Making of Italy 1796–1866. L., 1988.

Piruta F. Deila. L'Italia del Risorgimento. Problemi, momenti e figure. Milano, 1997. Scirocco A. L'Italia del Risorgimento 1800–1871. Bologna, 1993.

Северная Европа на пути к благоденствию

История Дании / Под ред. С. Буска, Х. Поульсена; пер. с дат. Н.М. Антюшиной, С.Д. Комиссарова, О.В. Рождественского и А.Н. Чеканского; науч. ред. А.В. Карлсен, Н.С. Плевако. М., 2007 (ориг. изд. — 2002).

История Норвегии / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1980.

Даниельсен Р, Дюрвик С., Грентли I, Хелле К., Ховланн З. История Норвегии. От викингов до наших дней / Пер. с англ. М.Л. Коробочкиной / Науч. ред. В.В. Рогинский и Т.Н. Джаксон. М., 2003 (ориг. изд. — 1995).

Мелин Я, Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции / Пер. со швед. Н.С. Плевако. М., 2003 (ориг. изд. — 1997).

Хьяульмарссон Й.Р. История Исландии / Пер. с англ. А.А. Столярова. М., 2003. (ориг. изд. — 1988).

Клинг М. Имперская Финляндия. На чужбине и дома: в 2 кн. / Пер. Л.В. Суни. СПб., 2005 (ориг. изд. — 1997).

Меландер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Пер. со швед. З. Линден; науч. коне. А.А. Комаров; ред. Ю.Л. Михайлова. М., 2008 (ориг. изд. — 2006).

Расила В. История Финляндии / Пер. с фин. и науч. ред. Л.В. Суни. 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск, 2006.

Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012.

Barton H. Arnold Scandinavia in the Revolutionary Era, 1760–1815. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1986. (The Nordic series; v. 12).

Froese W. Geschichte der Ostsee. Völker und Staaten am Baltischen Meer. Gernsbach, 2002.

Kirby D. The Baltic World 1772–1993. Europe's Northern Periphery in an Age of Change. L., 1995.

Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе

Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. М., 2013.

Грачев В.П. Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. М., 2010.

Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М., 1991.

Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1992.

Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1987.

Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010.

Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994.

Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 гг. Ч. I–II. М., 1993.

Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.

Dakin D. The Unification of Greece. 1770–1923. L., 1972.

Iorga N. Războiul pentru independent României: Actiuni diplomatice și stări de spirit. București, 1998.

Löhr H. C. Die Gründung Albaniens: Wilhelm zu Wied und die Balkan-Diplomatie der Großmächte, 1912–1914. Frankfurt am Main, 2010.

Stan A. Protectoratul Rusiei asupra principatelor române, 1774–1856: între dominație absolută și anexiune. București, 1999.

США: на пути к могуществу

Американская цивилизация как исторический феномен / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 2001.

Белявская И.А. Буржуазный реформизм в США в начале XX в (1900–1914 гг.). М., 1968.

БурстинД. Американцы: Демократический опыт / Пер. с англ. М., 1993. История США / Гл. ред. Г.Н. Севостьянов: в 4 т. М., 1983–1987. Т. 1–2.

Кредер А.А. Предпринимательская корпорация в США: конец XVIII — начало XX вв. (на материалах штата Северная Каролина). Саратов, 2000.

Мак-Ферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861–

- 1865 гг. / Пер. с англ. Д. Голубцова. Екатеринбург, 2012 (ориг. изд. — 1988).
Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010.
Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. М., 2009.
Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003.
Howe D.W. What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848. N.Y., 2007.
Wood G.S. Empire of Liberty: A History of the Early Republic, 1789–1815. N.Y., 2009.

Латинская Америка: век независимости

- Альперович М.С., Слёзкин Л.Ю. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. 2-е изд. М., 1991.
Война за независимость Латинской Америки / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2011.
Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2012.
Adelman J. Sovereignty and Revolution in the Iberian Atlantic. Princeton (N.J.), 2006.
Anna T.E. Spain and the Loss of America. Lincoln (Neb.), 1983.
The Cambridge History of Latin America / Gen. ed. Leslie Bethell. In 11 vols. Cambridge, 1985–2008. Vols. 2–5.
Chiaramonte J.C. Nacion y Estado en Iberoamérica. El lenguaje politico en tiempos de las independencias. Buenos Aires, 2004.
Guerra F.-X. Modernidad independencias: ensayos sobre las revoluciones hispánicas. Madrid, 1992 (2009).
Rodriguez O., J. La independencia de la América española. México, 1996 (англ. Изд. — Cambridge, 1998).
Stoetzer O., C. El pensamiento politico en la América Española durante el periodo de la emancipación (1789–1825). Madrid, 1966.

Наполеоновские войны и Венская система международных отношений и Международный порядок, войны и дипломатические отношения середины XIX века

Виноградов КБ. Мировая политика 60-80-х годов XIX века: события и

люди. Л., 1991.

История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия / Сост. С.В. Лобачев, А.П. Павлов. СПб., 2003. Вып. 1: Конец XV в.-1918 г.

Международные отношения на Балканах, 1815–1830/ Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1983.

Международные отношения на Балканах, 1830–1856/ Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1990.

Международные отношения на Балканах, 1856–1878 / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1996.

Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (от Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 1998.

Чубарьян А.О. Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М., 1987.

Bartlett C.J. The Global Conflicts, 1880–1970: The International Rivalry of the Great Powers. L., 1984.

Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1815–1914. L., 1980.

Duroselle J.-B. Les relations internationales de 1968 à nos jours. P., 1978.

Kennedy P.M. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. London; Sydney; Wellington, 1989.

Histoire des relations internationales, 4 tomes / Red. P. Renouvin. Paris: Hachette, réed. 1994 (orig. éd. — 1954).

Woodruff W. Impact of Western Man. A Study of Europe's Role in the World Economy. 1759–1960. N.Y., 1967.

The Nineteenth Century. Europe 1789–1914/ Ed. T.C.W. Blanning. Oxford, 2000.

Мировая политика последней трети XIX — начала XX века

В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик, Г.Л. Арш и др. М., 2003.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России в конце XIX — начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи). Казань, 2011.

Ревякин А.В., Васильева Н.Ю. История международных отношений: в 3 т. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М., 2012.

Романова Е.В. Путь к войне: Развитие англо-германского конфликта,

1898–1914. М., 2008.

Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX века. М., 1991.

Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И.И. Кубатько. М., 2004 (ориг. изд. — 1990).

Girault R. Diplomatie européenne. Nations et impérialisme 1871–1914. P., 1997.

notes

Примечания

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М, 1996. С. 102. Сравнительно низкие индикаторы по Франции и США обусловлены последствиями революционных событий и военных действий.

League of Nations, Industrialization and Foreign Trade. Geneva, 1945. P. 13.

Мельянцеv B.A. Указ. соч. С. 110.

I — аграрный сектор, II — промышленность и строительство, III — сфера услуг.

Кембриджская экономическая история Нового и Новейшего времени / Под ред. С. Бродберри и К. О’Рурка / Пер. с англ. Н. Эдельмана. Т. 2: 1870 — наши дни. М, 2013. С. 19.

Кембриджская экономическая история Нового и Новейшего времени / Под ред. С. Бродбсрри и К. О'Рурка / Пер. с англ. Н. Эдсльмана; научн. ред. Т. Дробышсвская. Т. 2: 1870 — наши дни. М., 2013. С. 25.

В число колоний не включены Австралия, Канада и Новая Зеландия.

Ливи-Баччи М. Демографическая история Европы / Пер. с итал. А. Миролубовой. СПб., 2010. С. 196.

Данные по Российской империи даны без учета Царства Польского и Великого княжества Финляндского. Составлен по материалам: Nugent W.T.K. Crossings: the Great Transatlantic Migrations, 1870–1914. Bloomington, 1995. P. 20.

Osterhammel J. Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century / Transl. P. Camillicr. Princeton, 2014. P. 118.

Составлен по: Osterhammel J. *Op. cit.* Р. 119. Для Китая в графе «Население колоний» указано количество неханьских народностей, для России в графе «Население метрополии» указано число русских, украинцев и белорусов, население Османской империи указано по состоянию до Балканских войн 1912–1913 гг.

Kirk D. Europe's Population in the Interwar Years. Princeton, 1946. P. 279.

Livi-Bacci M. A Short History of Migration. Cambridge, 2012. P. 53.

Составлен по: Kirk D. Op. cit. P. 279.

Bairoch P Cities and Economic Development from the Dawn of History to the Present. Chicago, 1988. P. 495.

Подчинение князей Священной Римской империи правителям более крупных имперских княжеств, после чего земли первых входили в состав владений вторых.

Hobsbawm E. Age of Empire: 1875–1914. L., 1989. P. 345.

До этого времени гигиена являлась одним из разделов теоретической и практической медицины. Основным предметом ее изучения служили результаты влияния на организм человека общих факторов окружающей природной среды. В 40-х годах XIX в. предметом изучения гигиены становятся сами факторы окружающей среды, а главной целью — изыскание средств и методов устранения или ослабления влияния этих факторов. С этого времени, по словам известного российского гигиениста, профессора М.Я. Капустина, «гигиена имела прямое дело уже не с организмом человека, а главным образом с внешними предметами и явлениями, в целях сохранения здоровья и предупреждения заболеваний». Что же касается результатов влияний на организм человека внешних факторов окружающей среды, то их изучение становится предметом патологии. Первым общепризнанным руководством по гигиене считается работа французского врача М. Леви, изданная в Париже в 1844 г. (Lewy M. *Traité d'hygiène privée et publique*).

Перкуссия — метод определения физического состояния (размер, плотность, форма) внутренних органов на основе анализа звуковых явлений, возникающих при постукивании по поверхности тела над этими органами.

Такая трактовка нации получила широкое распространение у лишенных собственной государственности восточноевропейских народов.

Поэтому современные немецкие авторы активно отказываются от обозначения немецкой нации как «культурной», стараясь избегать любых аналогий с «великогерманской риторикой».

Гомстед — участок свободной земли, на который могли бесплатно рассчитывать фермеры по закону 1862 г.

При подготовке данного материала были использованы главы учебного пособия «История Латинской Америки», написанные соавтором этого издания д.и.н. Л.Ю. Слезкиным.